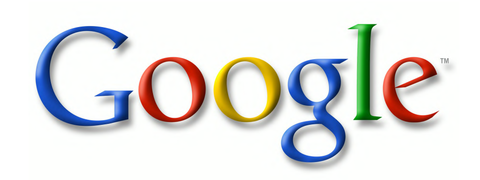


3 2044 022 460 679

VE RI
TAS

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

издаваемый подъ редакціей

Н. И. КАРѢЕВА.

(1892 г.).

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1892.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

издаваемый подъ редакціей

Н. И. КАРѢЕВА.

(1892 г.).

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1892.

2045

Печатается по постановленію Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель *Н. Карѣевъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

NB. Обзоръ русской исторической литературы за 1891 г., протоколы и отчеты Историческаго Общества за 1892 г. и списокъ книгъ, поступившихъ въ библіотеку Общесва, будутъ помѣщены въ VI томѣ „Ист. Обозрѣнія.“

ОТДѢЛЪ I.

Преподаваніе Исторіи въ Англіи въ связи съ судьбами Средняго образованія вообще [1]).

Е. Н. Щепкина.

Въ прошломъ 1891 году кружокъ Московскихъ учителей исторіи задался цѣлью познакомить Учебный Отдѣлъ съ постановкой преподаванія исторіи въ отдѣльныхъ государствахъ Западной Европы. Исходя отъ условій русской школы, жизнь которой повидимому ровно бѣжитъ въ руслѣ министерскихъ учебныхъ плановъ, члены этого кружка и для характеристики преподаванія исторіи на Западѣ самымъ надежнымъ матеріаломъ признали оффиціальныя программы Австріи, Пруссіи, Франціи и, въ лучшемъ случаѣ, объяснительныя къ нимъ записки [2]). Но по отношенію къ Англіи эта попытка потерпѣла неудачу: изъ Англіи не удалось достать ни оффиціальныхъ программъ, ни объяснительныхъ къ нимъ записокъ; ибо ни тѣхъ, ни другихъ нѣтъ тамъ, да и никогда не было. А между тѣмъ судьба исторіи, какъ учебнаго предмета въ русской гимназіи, должна была бы подготовить учителей къ такому открытію. Вѣдь и у насъ учебнымъ планамъ только потому удавалось подойти къ ученику вплотную, что они находили свое воплощеніе или свой первообразъ въ какомъ-нибудь спеціальномъ учебникѣ исторіи, ихъ двойникѣ и посредникѣ. Вслѣдствіе взаимодѣйствія при послѣдующихъ переизданіяхъ, про-

[1]) Это сообщеніе было сдѣлано въ 1892 г. отчасти въ годичномъ засѣданіи Московскаго Учебнаго Отдѣла при Общ. Распр. Техн. Знаній, отчасти въ Исторической Коммиссіи при томъ-же Отдѣлѣ. Источниками послужили— коллекція английскихъ учебниковъ, преимущественно по исторіи Англіи, и тьи въ „Educational Times“.

[2]) См. статью В. Н. Беркута въ „Истор. Обозрѣніи“ 1891 г.

грамма и учебникъ, форма и матерія, сростались до того, что новымъ поколѣніямъ учителей приходилось доискиваться, да гдѣ-же здѣсь primum movens, первое движущее начало, за кѣмъ изъ нихъ первенство по времени? И вотъ мы привыкали отождествлять руководство съ учебными планами. Программа, какъ всякая норма, всегда для однихъ minimum, для другихъ maximum; но учебникъ сталъ какой-то золотой серединой: мы и наши предшественники забывали, можетъ быть, иногда заглянуть въ программу, но всегда зато держались за Кайданова, Смарагдова, Иловайскаго. Не ясно-ли изъ этого примѣра, что и при полномъ изчезновеніи обязательныхъ нормъ, страна не всегда будетъ лишена единства преподаванія. Какъ разъ въ такомъ положеніи и находится Англія. Тамъ нѣтъ учебныхъ плановъ, но единство въ преподаваніи исторіи поддерживается единствомъ учебниковъ, освященныхъ привычкой или именемъ, славнымъ въ наукѣ. Тамъ нѣтъ объяснительныхъ записокъ, но извѣстные пріемы преподаванія путемъ традиціи и опыта вошли въ плоть и кровь учителей; ихъ достоинства и недостатки обсуждаются въ обществахъ наставниковъ. Изучить распространенные учебники и пренія въ педагогическихъ обществахъ—таково единственное средство познакомиться съ преподаваніемъ исторіи въ Англіи. Но раньше надо выяснить, почему нѣтъ системы въ Среднемъ образованіи Англіи, почему нѣтъ тамъ ни программъ, ни объяснительныхъ записокъ. На это можетъ отвѣтить исторія.

Типы англійскихъ школъ выростали исторически, и организація Средняго образованія, какъ она существуетъ тамъ нынѣ, никогда не была предварительно продумана ни государственными людьми, ни философами. Въ Шотландіи Ноксъ съ предусмотрительностью государственнаго человѣка основалъ систему приходскихъ школъ и сдѣлалъ возможной связь между первоначальнымъ обученіемъ и Университетами; въ Пруссіи министръ Фалькъ въ 1872 г. урегулировалъ законодательнымъ путемъ систему образованія элементарнаго, средняго и нормальнаго, т.-е. образцовыхъ школъ для упражненія учителей: англійскія школы созданы отчасти исторіей и преданьемъ, отчасти случаемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ достались современному поколѣнію по наслѣдству; другія были приноровлены къ особымъ мѣстнымъ условіямъ, къ потребностямъ спеціальныхъ профессій или желаніямъ религіозныхъ конгрегацій; многія возникли, благодаря частной предпріимчивости. Едва-ли дѣлалась когда-либо серьезная попытка свести всѣ англійскія школы къ одному образцу или установить, по крайней мѣрѣ, извѣстную послѣдовательность между ними. До Реформаціи, когда образованіе составляло привиллегію богатыхъ, было только два типа воспитанія—въ монастырѣ и въ замкѣ сеньора. Молодой сквайръ или

рыцарь считался достаточно образованнымъ, если онъ умѣлъ ѣздить верхомъ и охотиться, если онъ былъ искусенъ въ атлетическихъ упражненіяхъ и военномъ ремеслѣ. Знакомство съ книгами было доступно для провинціальнаго джентльмена только въ незначительной степени, да бо̀льшаго отъ него не требовало ни общество, ни онъ самъ. Напротивъ, самое слово „clerk" современными оттѣнками своего значенія (клеркъ и клерикъ) напоминаетъ, что умѣнье писать составляло нѣкогда въ Англіи прерогативу духовенства или вообще людей, воспитанныхъ въ монастыряхъ. Небольшая часть міряньъ въ XIV и XV вв. находила доступъ въ монастырскія школы, въ благотворительныя школы при аббатствахъ и соборахъ и тѣ немногія „школы грамматики" (grammar schools, т.-е. классическія гимназіи), которыя возникли еще до конца XV в. въ соборныхъ городахъ Карлилѣ, Винчестерѣ и Салисбери. (Итонъ своимъ основаніемъ обязанъ Генриху VI).

Но въ сущности обезпеченныя вкладами „Грамматическія школы" сдѣлались многочисленными только послѣ Реформаціи и Возрожденія наукъ: тогда онѣ стали оказывать сильное вліяніе на умственную жизнь Англіи. Къ концу XVII в. такихъ учрежденій насчитывалось въ Англіи не менѣе 620; только въ нихъ и выражалась забота общества о народномъ образованіи. Большинство этихъ Грамматическихъ школъ было обезпечено вкладами, образовавшимися изъ имуществъ, конфискованныхъ при уничтоженіи монастырей. Подъ вліяніемъ установившейся здѣсь системы, общее образованіе въ Англіи навсегда неразрывно связало свою судьбу съ классическими языками. Можетъ быть нигдѣ въ Европѣ цѣли и методы средневѣковыхъ учителей не пользовались такъ долго уваженіемъ, какъ въ Англіи; нигдѣ преданье и обычай не господствовали такъ всецѣло надъ обученіемъ; нигдѣ, однимъ словомъ, школы, обезпеченныя особыми фондами, не налагали въ такой степени своего отпечатка на всю умственную жизнь страны на протяженіи четырехъ или пяти столѣтій. Грамматическія школы въ силу своихъ статутовъ обязаны были сдѣлать греческихъ и латинскихъ классиковъ главнымъ предметомъ занятій по той простой причинѣ, что классическіе языки служили тогда ключемъ ко всѣмъ знаніямъ, доступнымъ человѣчеству; къ тому-же только эти гуманитарныя занятія и были облечены въ форму, достаточно систематичную для преподаванія въ школѣ. Большинство Грамматическихъ школъ было непосредственно связано съ Университетами самымъ кругомъ преподаваемыхъ предметовъ или даже черезъ посредство правившихъ ими корпорацій. Величайшей гордостью этихъ школъ было выпускать учениковъ, способныхъ перейти въ Оксфордъ и Кембриджъ и тамъ обратить на себя вниманіе. Въ своихъ дарственныхъ записяхъ и за-

вѣщаніяхъ благодѣтели школъ выражали обыкновенно великодушное желаніе, чтобы обезпеченныя ими учрежденія были доступны для учениковъ изъ всѣхъ слоевъ общества, чтобы даже способный и набожный сынъ крестьянина или лавочника могъ сдѣлаться классикомъ и „служить Богу въ церкви и государствѣ“. Благодаря вѣрности Англичанъ статутамъ и регламентамъ своихъ Грамматическихъ школъ, въ Англіи до сихъ поръ общее образованіе признается только за людьми, изучившими греческій и латинскій языки; въ этомъ отношеніи никакія пріобрѣтенія въ другихъ отрасляхъ человѣческаго знанія не могутъ для Англичанина восполнить недостатка въ классическомъ образованіи.

Періодъ появленія Грамматическихъ школъ оканчивается, впрочемъ, концомъ XVII в. Эпоха гражданскихъ смутъ и англійской республики была вообще неблагопріятна для народнаго просвѣщенія, потому что господствовавшая партія пуританъ равнодушно относилась къ свѣтской наукѣ. Новая эпоха въ исторіи англійской школы начинается съ Акта о терпимости Вильяма III и Маріи (Toleration Act of William and Mary), принудившаго англиканскую церковь окончательно признать сектантство (Dissent), какъ неизбѣжный факторъ общественной жизни. Тогда богатые благотворители стали опасаться за англиканскую церковь и всѣ связанныя съ нею учрежденія; отсюда выросла новая точка зрѣнія на задачи народнаго образованія. Явилось убѣжденіе, что школы новаго типа, предназначенныя для бѣдныхъ классовъ и щедро обезпеченныя въ матеріальномъ отношеніи, гдѣ главное вниманіе обращалось на изученіе катехизиса и богослуженія, могутъ навсегда привязать учениковъ къ господствующей англиканской церкви. Вотъ почему съ конца XVII в. и на протяженіи значительной части XVIII в. почти вся благотворительность въ дѣлѣ образованія была направлена на основаніе „Школъ Милосердія“ (Charity Schools). Ихъ воспитательныя цѣли были крайне скромны: научить читать, писать и преподать катехизисъ; ученики облекались въ особую „одежду милосердія“ (charity dress) и должны были усердно посѣщать церковь. Такія Школы Милосердія никогда не заботились о томъ, чтобы открыть для своихъ учениковъ доступъ въ университетъ или къ другимъ источникамъ высшаго образованія; ихъ основатели никогда не имѣли въ виду создавать тѣ лѣстницы изъ коттеджа въ университетъ, которыя были идеаломъ для Грамматическихъ школъ и возродились въ наше время. Напротивъ, Школы Милосердія старались удержать ученика въ той средѣ, гдѣ онъ родился, привить ему довольство установленнымъ порядкомъ въ церкви и государствѣ, а отнюдь не поощрять интеллектуальное честолюбіе. Итакъ, въ XVIII в.

въ эпоху процвѣтанія школъ этого типа, для средняго и высшаго образованія почти ничего не было сдѣлано.

Зато преобладаніе Школъ Милосердія надъ Грамматическими школами благопріятно отразилось на обученіи дѣвочекъ. Классическое образованіе въ Грамматическихъ школахъ было предназначено только для мальчиковъ, потому что сестры ихъ все равно не могли-бы попасть ни въ университетъ, ни на службу Богу въ церкви или государствѣ. Если родители хотѣли, они могли обучать дочерей развѣ что дома; отъ общества имъ нечего было ждать помощи. Напротивъ, Школы Милосердія съ самаго начала были открыты и для мальчиковъ, и для дѣвочекъ изъ бѣдныхъ классовъ. Такъ какъ изъ этихъ дѣвушекъ набиралась впослѣдствіи домашняя прислуга, такъ отчего-же не позволить имъ выучить букварь и катехизисъ, отчего не надѣть на нихъ живописной ливреи благотворителя и не заставить пѣть на хорахъ церкви? Полное отсутствіе средняго образованія для женщинъ долгое время не обращало на себя вниманія общества. Можно привести только уединенный протестъ Даніэля-де-Фо, автора Робинзона, въ памфлетѣ о воспитаніи женщинъ отъ 1697 г. „Ихъ молодость"—говоритъ онъ:—„уходитъ на то, чтобы выучиться шить, стегать и дѣлать бездѣлушки. Въ лучшемъ случаѣ онѣ умѣютъ читать или, можетъ быть, написать свое имя, или что либо подобное, и это уже высшее образованіе для женщины". А между тѣмъ Даніэль-де-Фо совѣтуетъ особенно учить ихъ исторіи и желалъ-бы, чтобы путемъ чтенія онѣ научились понимать міръ и судить о вещахъ, когда приходится слышать о нихъ.

Какъ-бы то ни было, все, что было сдѣлано для средняго образованія до конца XVIII в., исходило отъ частной инціативы, отъ богатыхъ благотворителей, правда при соучастіи университетовъ. Если законодательство и касалось иногда образованія, то только съ цѣлью устранить сектантовъ отъ преподаванія. Наприм. въ царствованіе королевы Анны Актъ о Схизмѣ (Schism Act) отъ 1713 г. запрещалъ профессію школьнаго учителя или преподавателя въ частныхъ домахъ каждому, кто не далъ завѣренія въ приверженности къ англиканской церкви (declaration of conformity) и не получилъ разрѣшенія отъ епископа. Правда, въ слѣдующее царствованіе этотъ статутъ былъ отмѣненъ, но другіе законы, налагавшіе ограниченія на диссентеровъ, оставались въ силѣ. Наконецъ, въ 1779 г. по настоянію сира Гогтона прошелъ актъ, давшій диссентерамъ право проповѣдовать и учить въ школахъ, не подписывая 39 статей англиканскаго исповѣданія.

Серьезный интересъ къ дѣлу средняго образованія въ Англіи законодательство обнаружило въ первый разъ только въ XIX в.: въ 1818 г. лордъ Брумъ провелъ постановленіе, учреждавшее коммиссію для изслѣдованія положенія благотворительныхъ учрежденій, обезпе-

ченныхъ пожертвованіями, въ особенности учрежденій, связанныхъ съ образованіемъ. Изслѣдованіе заняло нѣсколько лѣтъ и дало въ результатѣ нѣсколько огромныхъ томовъ съ подробностями о такихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Но точка зрѣнія коммиссіи была преимущественно юридическая: выяснялись условія пожертвованія; описывался характеръ и наличная стоимость собственности, обезпечивающей учрежденіе, перечислялись имена попечителей и завѣдующихъ и отмѣчалось, была ли выполнена воля основателя или нѣтъ. Коммиссія не считала своимъ долгомъ выяснять педагогическое достоинство школъ или степень, въ какой онѣ удовлетворяютъ потребностямъ общинъ. Во всякомъ случаѣ это разслѣдованіе вывело на свѣтъ много злоупотребленій и повело къ установленію постоянной коммиссіи по благотворительнымъ учрежденіямъ (Charity commission) съ широкими полномочіями; это былъ первый шагъ къ добросовѣстному распоряженію пожертвованіями, но отнюдь не къ педагогической реформѣ самыхъ школъ.

Вторымъ важнымъ шагомъ законодательства въ дѣлѣ средняго образованія была королевская коммиссія съ лордомъ Таунтономъ во главѣ, учрежденная въ 1864 г. для изученія школъ (Schools Inquiry Commission); главными дѣятельными членами ея были Форстеръ, лордъ Литтельтонъ, сиръ Норскотъ, епископы Лондона и Рочестера и друг. Коммиссія должна была дать отчетъ о всѣхъ учебныхъ учрежденіяхъ, начиная съ первоначальныхъ школъ и кончая тѣми девятью общественными школами, во главѣ которыхъ стояли Итонъ и Гарро. Изслѣдованія коммиссіи продолжались почти четыре года; кромѣ того еп. Фразеръ посѣтилъ Америку, а Матью Арнольдъ написалъ отчетъ о среднемъ образованіи во Франціи и Германіи. Изъ всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ такимъ путемъ, коммиссія выработала общій окончательный докладъ. Для Англіи и Уельса докладъ выяснилъ слѣдующее: потребности средняго и высшаго образованія удовлетворялись здѣсь 1) Грамматическими школами, обезпеченными вкладами. 2) Учрежденіями, принадлежащими въ собственность отдѣльнымъ собственникамъ или цѣлымъ союзамъ (proprietary schools). 3) Школами частныхъ предпринимателей. Въ Грамматическія школы члены коммиссіи имѣли свободный доступъ, даже съ правомъ экзаменовать; вторую группу школъ они осматривали только съ разрѣшенія собственника или завѣдующаго. 782 школы носили въ документахъ жертвователей названіе Грамматическихъ школъ, обезпеченныхъ вкладами; между тѣмъ это число нужно было-бы взять трижды, чтобы перечислить не классическія учрежденія въ духѣ школъ милосердія (Charity schools). Отчетъ коммиссіи 1864 г. гласилъ, что большая часть Грамматическихъ школъ находится въ упадкѣ, что онѣ не даютъ того

знанія древнихъ языковъ, которое имѣлось въ виду основателями, и не стараются съ другой стороны въ возмѣщеніе этого пробѣла приспособиться къ потребностямъ современной жизни; только немногія изъ нихъ процвѣтали на столько, чтобы выпускать учениковъ въ университетъ. Причины такого упадка коммиссія видѣла въ слѣдующемъ: 1) Составъ корпорацій, управляющихъ школами, часто обновляемый кооптаціей, не находится въ связи съ обществомъ, для котораго школа существуетъ. 2) Условія старинныхъ пожертвованій устарѣли или прямо неисполнимы. 3) Отсутствіе общественнаго контроля. 4) Ленный характеръ должности главнаго начальника школы (head-master'a). Такой начальникъ, хотя-бы онъ оказался вполнѣ непригоднымъ, не могъ быть смѣщенъ иначе, какъ путемъ дорого стоившаго процесса. 5) Распредѣленіе такихъ пожертвованій по странѣ носитъ случайный и капризный характеръ; нѣсколько наиболѣе одаренныхъ школъ лежатъ вдали отъ населенія, способнаго пользоваться ими и т. п. Что касается до школъ, которыя составляютъ чью либо собственность, то нѣкоторыя изъ нихъ предназначены только для дѣтей опредѣленной общины или профессіи, нѣкоторыя основаны религіозными конгрегаціями (наприм. Wesleyan proprietary schools, т. е. школы методистовъ, послѣдователей Веслея); эти школы вообще были найдены въ цвѣтущемъ состояніи, благодаря заботамъ лицъ, спеціально прикосновенныхъ къ нимъ. Впрочемъ и школы такого типа падали иногда отъ неопредѣленности своего финансоваго положенія. Наконецъ, школы третьяго типа, возникшія изъ частной предпріимчивости единичныхъ педагоговъ, чаще всего были вполнѣ неудовлетворительны: плохіе учителя, устарѣвшіе пріемы преподаванія и т. п. За то какъ разъ среди этихъ предпріятій частныхъ учителей попалось нѣсколько образцовыхъ опытовъ въ области новыхъ педагогическихъ идеаловъ. Опираясь на эти данныя, коммиссія сдѣлала рядъ предложеній, клонившихся къ улучшенію Грамматическихъ школъ: ихъ программы предлагалось приспособить къ новымъ требованіямъ времени и привести въ систему; правящія ими корпораціи преобразовать въ болѣе демократическомъ духѣ, несмѣняемость главныхъ начальниковъ уничтожить и т. п.; часть доходовъ съ вклада должна была идти на стипендіи, чтобы открыть выдающимся ученикамъ путь въ университеты или вообще къ высшему образованію. Отчетъ коммиссіи былъ обнародованъ въ концѣ 1867 г. и произвелъ большое впечатлѣніе. Какъ нарочно въ слѣдующемъ году достигло власти энергичное министерство Гладстона. Вице-президентомъ Совѣта былъ назначенъ Форстеръ, бывшій дѣятельнымъ членомъ въ школьной коммиссіи; съ этимъ титуломъ вице-президента связано обыкновенно общее руководство народнымъ образованіемъ. Въ началѣ 1869 г.

Форстеръ внесъ въ палату биль о школахъ, обезпеченныхъ вкладами (Endowed Schools Bill) въ двухъ частяхъ. Первая часть биля устанавливала коммиссію по школамъ, одареннымъ вкладами (Endowed Schools Commission) для выработки плана преобразованій въ учебныхъ учрежденіяхъ этого типа. Вторая часть биля предлагала затѣмъ еще совѣтъ изъ представителей трехъ университетовъ—Оксфордскаго, Кембриджскаго, Лондонскаго — съ правомъ подвергать желающихъ экзамену на учителя и выдавать имъ профессіональные дипломы, вести регистръ всѣмъ такимъ учителямъ и т. д. Правда, Форстеру удалось провести только первую половину биля; но все-таки учрежденіе коммиссіи повело къ важнымъ послѣдствіямъ. Благодаря Акту о школахъ, обезпеченныхъ вкладами (Endowed Schools Act), всѣ школы этого типа были преобразованы, строй завѣдующихъ корпорацій обновленъ, учебные планы приспособлены къ современной жизни, несмѣняемость главныхъ начальниковъ устранена, въ расходованіе вкладовъ внесена бережливость. Въ 1886 г. былъ избранъ комитетъ изъ Нижней Палаты для изученія дѣйствія акта о школахъ, обезпеченныхъ вкладами. Отчетъ комитета призналъ за актомъ серьезное вліяніе на школы, но отмѣтилъ, что недостаточно выработать хорошія инструкціи, что надо еще слѣдить за ихъ осуществленіемъ; комитетъ предлагалъ поручить министру народнаго просвѣщенія эту послѣднюю обязанность, а также приведеніе въ систему всѣхъ отдѣльныхъ частей педагогическаго механизма Англіи. Но пока актъ 1869 г. остается послѣднимъ опытомъ законодательной власти—воздѣйствовать на среднее образованіе. Въ этомъ отношеніи Англія отличается отъ другихъ цивилизованныхъ государствъ. Во Франціи, Германіи, Швейцаріи, Голландіи, Бельгіи и во многихъ штатахъ Америки правительство брало на себя заботы не только объ элементарномъ, но и о среднемъ образованіи. Иногда въ Англіи раздавались уединенные голоса противъ этого страннаго равнодушія правительства. Матью Арнольдъ, извѣстный англійскій эссеистъ, видѣвшій лицеи Франціи и гимназіи и реальныя школы Германіи, не разъ указывалъ на пробѣлъ въ англійской системѣ народнаго образованія. Конечно, онъ вполнѣ могъ оцѣнить значеніе Итона и Регби, какъ заведеній для богатыхъ; какъ инспекторъ школъ, онъ хорошо понималъ все, что сдѣлалъ для образованія бѣдныхъ Актъ 1870 г. о первоначальномъ обученіи (Elementary Education Act), который ввелъ контроль и испытанія со стороны общественной власти (school—boards), квалифицированныхъ, т.-е. снабженныхъ дипломами учителей и нормальныя коллегіи ради подготовки преподавателей. Но средній классъ Англіи былъ, по словамъ Арнольда, наименѣе обученнымъ среднимъ классомъ въ Западной Европѣ. Ему казалось, что все государство, вся

нація несетъ отвѣтственность за это, что законодательство должно согласовать число школъ различныхъ ступеней съ количествомъ населенія.

Все, что было сдѣлано для средняго образованія съ 1869 г., исходило отъ частныхъ лицъ или независимыхъ корпорацій безъ поддержки правительства. Учрежденіе мѣстныхъ испытаній отъ Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ содѣйствовало пробужденію энергіи и повышенію уровня цѣлей среди учителей. Къ тѣмъ же результатамъ ведетъ введеніе въ Кембриджѣ и Лондонѣ спеціальнаго испытанія по теоріи, практикѣ и исторіи воспитанія, или наприм. система школьныхъ экзаменовъ, широко распространяемая въ странѣ „Коллегіей Наставниковъ“ (College of Preceptors) и т. п. „Коллегія Наставниковъ“—это частное учрежденіе, которое поставило себѣ цѣлью повысить уровень учителей и преподаванія въ средней школѣ. Она установила рядъ добровольныхъ испытаній для учителей и лицъ другихъ разнообразныхъ профессій и выдаетъ имъ свидѣтельства, получившія почти оффиціальное значеніе въ Англіи. Наприм. свидѣтельства коллегіи принимаются судьями Ея Королевскаго Величества и Главнымъ Медицинскимъ Совѣтомъ, какъ ручальство за удовлетворительное общее образованіе; юридическая и медицинская карьера открывается для этихъ лицъ безъ дальнѣйшихъ предварительныхъ испытаній по словеснымъ предметамъ. Таже коллегія командируетъ экзаменаторовъ въ отъѣздъ въ общественныя и частныя школы. Любопытно, что опытъ контроля надъ учителями и учениками среднихъ школъ исходитъ въ Англіи опять таки отъ частнаго общества.

Впрочемъ, начиная съ 1879 г., нѣсколько попытокъ въ этомъ духѣ было сдѣлано и въ парламентѣ Джономъ Лёббокомъ и друг. Наконецъ, въ минувшемъ году были внесены въ палату два биля объ организаціи и регистраціи учителей. Цѣль билей—учредить педагогическій совѣтъ (Educational Council) съ правомъ производить испытанія, вести регистръ квалифицированныхъ учителей среднихъ школъ и отъ времени до времени давать отчетъ о ходѣ занятій и экзаменовъ въ тѣхъ различныхъ учрежденіяхъ, дипломы или свидѣтельства которыхъ подлежатъ признанію. Это будетъ первой попыткой внести законодательнымъ путемъ нѣкоторое единство образовательнаго уровня въ среду учителей среднихъ школъ.

Мы перейдемъ теперь ко второй части нашей задачи—къ характеристикѣ англійскихъ учебниковъ и учебныхъ пособій по англійской исторіи.

Англійскіе учебники для исторіи Англіи по количеству сообщаемыхъ фактовъ и по трудности изложенія можно раздѣлить на три группы, составляющія какъ бы три ступени той лѣстницы, которая

ведетъ ученика отъ перваго знакомства съ наукой до изученія классическихъ произведеній, въ родѣ трудовъ Маколея и Стангопа, или многотомныхъ сочиненій, охватывающихъ всю исторію Англіи и предназначенныхъ для большого круга читателей, напр. обширной „Исторіи Англійскаго Народа“ Грина, переведенной теперь на русскій языкъ. Первоначальные очерки исторіи называются обыкновенно „Outline“, затѣмъ идутъ собственно учебники (Textbook), наконецъ третью ступень составляютъ руководства, являющіяся подъ разнообразными названіями Short History, Student's History и т. п.

Типичнымъ учебникомъ для первой ступени можетъ служить книга извѣстнаго историка Гардинера—„Очеркъ Англійской Исторіи 55 д. Р. Х.—1886. п. Р. Х.“ (Outline of English History New edition 1891). Очерки распадаются на двѣ части. Первая—до смерти Елизаветы (194 стр., форматъ in 8°, шрифтъ довольно крупный) богата эпизодами, представляющими внѣшній драматическій интересъ; они разсказаны подробнѣе, чѣмъ обыкновенно. Вторая часть (съ Іакова I до третьяго министерства Гладстона въ 1886 г.—267 стр.) предназначена для дѣтей постарше. Здѣсь часто описываются политическія перемѣны, иногда очень сложныя, которыя трудно сдѣлать (по признанію автора) занимательными для учениковъ. Тоже самое нужно сказать и о религіозной борьбѣ XVI—XVII в., полной интереса для взрослыхъ читателей. Оригинальную часть учебника представляетъ приложеніе, гдѣ данъ анализъ (Analysis, 52 стр. мелкаго шрифта) отдѣльныхъ главъ. Этотъ анализъ состоитъ изъ конспекта главы и подробнаго истолкованія наиболѣе трудныхъ словъ; толкованіе дается не только для терминовъ географическихъ, политическихъ, церковныхъ и т. п. (мѣстами отмѣченъ выговоръ); нѣтъ, иногда объясняются отдѣльныя англійскія слова: посредствомъ подбора синонимовъ анализъ старается выяснить ученику оттѣнокъ слова. Такъ какъ эта часть не принята въ нашихъ учебникахъ, но въ той или другой формѣ крайне желательна, то на ней я остановлюсь подробнѣе.

Вотъ, напримѣръ, анализъ первой главы: *Древніе Бриты*. a. Жили маленькими племенами подъ властью главъ или королей. b. Не знали грамоты. c. Держали скотъ, охотились, ловили рыбу. d. Дѣлали плетеныя корзины и глиняную посуду. e. Сѣяли ячмень и т. п. на Ю. В. f. Разрабатывали оловянную руду въ Корнваллисѣ. g. Въ центрѣ и на Сѣверѣ бытъ болѣе дикій, и туземцы только наполовину прикрыты кожами. *Религія*. Язычество; зовется друидизмомъ. Жрецы назывались Друидами. Поклонялись солнцу, лунѣ и т. п. Священныя растенія—дубы и омелы. *Памятники Бритовъ*. a. Кромлеки. b. Глиняная посуда, монета и т. п., находимыя въ могилахъ. c. Храмы (какъ предполагаютъ), наприм. Стонгенджъ. За такимъ конспектомъ

главы слѣдуетъ объясненіе словъ, наприм.: *crom'lech* (—leck) могильникъ, который образуется, когда кладутъ каменную плиту поперекъ другихъ стоячихъ камней. *Med-i-ter-ra'ne-an* (средиземное) море между Европой и Африкой *con'quered*: завоеванный, превзойденный, побѣжденный (overcame, vanquished). Далѣе еще нѣсколько словъ, истолкованныхъ въ томъ же духѣ. Анализъ охватываетъ всѣ пятьдесятъ главъ учебника и въ общемъ даетъ объясненіе слишкомъ для 550 словъ, наприм. омажъ, соприсяжники, ассизы, вилланы, атторней, утопія, пуританинъ, диссентеръ, тоннеджъ и паундеджъ, ремонстрансъ, индепендентъ, оппозиція, гильотина, йоменри, памфлетъ, баллотъ и т. п. Изъ анализа второй части, назначенной для старшаго возраста, приведемъ конспектъ XXVIII главы „*Республика* (1649). Нѣтъ короля; нѣтъ палаты лордовъ; въ палатѣ общинъ только 80 членовъ: страна управляется Государственнымъ Совѣтомъ, избраннымъ общинами. Въ *Ирландіи* анархія; Кромвель посланъ возстановить порядокъ; его жестокость; онъ беретъ приступомъ Дрогеду. *Шотландія*. Принцъ Карлъ коронованъ Шотландцами; Кромвель бьетъ Шотландцевъ при Денбарѣ и Ворчестерѣ,—„пощада, вѣнчающая дѣло". *Изгнаніе Долгаго Парламента*. Кромвель разогналъ остатки Долгаго Парламента и созвалъ другой—парламентъ Бербоуна, который вручилъ ему всю власть и объявилъ его лордомъ Протекторомъ" и т. д.

Текстъ самаго первоначальнаго учебника во многихъ случаяхъ гораздо пространнѣе руководствъ, принятыхъ для старшихъ классовъ въ гимназіяхъ материка. Особенно подробно Гардинеръ останавливается на государственныхъ учрежденіяхъ Англіи, на характеристикѣ различныхъ исповѣданій въ эпоху реформаціи и на исторіи партіи, напр., на дѣятельности Симона Монфорскаго, лорда Страфорда, Петиціи о правахъ, Великомъ Ремонстрансѣ, Тестъ—Актѣ и т. п. Пуританина онъ опредѣляетъ, какъ протестанта, требующаго, чтобы держались „чистой" (pure) догмы, а пресвитеріанъ и индепендентовъ характеризуетъ слѣдующими словами: „Среди самихъ пуританъ образовалось теперь двѣ партіи. Бо́льшая часть членовъ Палаты Общинъ, рѣшившаяся на вооруженное сопротивленіе королю, были пресвитеріане. Они требовали, чтобы не было болѣе епископовъ въ церкви и не было болѣе Prayerbook'а, но они отнюдь не желали допускать, чтобы любая конгрегація собиралась и слушала проповѣди, несогласныя съ ученіемъ пресвитеріанскаго духовенства. Напротивъ небольшая группа членовъ, называвшаяся индепендентами, думала, что каждая конгрегація сама можетъ устанавливать для себя обязательный кругъ вѣрованій и что каждый человѣкъ, или по крайней мѣрѣ каждый пуританинъ, воленъ исповѣдовать Господа по своему разумѣнію. Главой этой партіи сталъ Оливеръ Кромвель. При началѣ войны онъ былъ

капитаномъ въ арміи и наполнялъ свой отрядъ пуританами, рѣшившимися сражаться за свою религію. Когда война затянулась, онъ сдѣлся генераломъ и всегда наполнялъ свои полки людьми того же рода. Онъ вскорѣ замѣтилъ, что всѣ эти люди были, правда, пуритане, но не во всемъ согласны относительно религіи. Среди солдатъ попадались анабаптисты, индепенденты, пресвитеріане. Кромвель думалъ, что, когда ему приходится назначать офицера, то онъ долженъ выбрать лучшаго изъ солдатъ, не спрашивая, каковы его религіозныя мнѣнія; довольно того, что онъ хорошій человѣкъ и пуританинъ. Онъ думалъ, что члены парламента и должностныя лица государства должны избираться тѣмъ же порядкомъ. Пресвитеріане поступали иначе и думали, что, кто не пресвитеріанинъ, тотъ и не долженъ допускаться на службу". Или вотъ напримѣръ разсказъ о происхожденіи названій Виги и Тори: „Эти двѣ партіи стали теперь называться Виги и Тори, имена, которыя остались за ними на $1^1/_2$ столѣтія. Первоначально это были прозвища, данныя въ шутку. Whig—шотландское слово, означающее сыворотку или кислое молоко; оно впервые было примѣнено къ части населенія въ Зап. Шотландіи, поднявшей незадолго передъ тѣмъ мятежъ противъ правительства. Когда друзья герцога Іоркскаго называли приверженцевъ Шафтсбери Вигами, они этимъ хотѣли поставить ихъ на одну доску съ Шотландскими мятежниками. Слово Тори вышло изъ Ирландіи. Ирландскіе разбойники назывались Tories, и противники герцога Іоркскаго звали его приверженцевъ Тори въ томъ смыслѣ, что они были для протестантовъ врагами не хуже ирландскихъ разбойниковъ. Немного спустя эти имена были приняты самими партіями, которымъ они первоначально были даны въ насмѣшку, и люди гордились тѣмъ, что они Виги и Тори, забывая первоначальное значеніе словъ". Исторія литературы не вошла въ учебникъ Гардинера, такъ какъ въ англійской школѣ она, разумѣется, составляетъ самостоятельный предметъ; но благодаря этому не нашли себѣ мѣста идейныя движенія, напр., скептицизмъ XVIII в.

Учебникомъ типичнымъ для второй ступени историческаго курса можно признать серію маленькихъ томиковъ, изданую подъ названіями: „Эпохи Древней Исторіи“ (Epochs of Ancient History 10 томовъ), „Эпохи Новой Исторіи", т.-е. средневѣковой и собственно новой исторіи (Epochs of Modern History, 19 томиковъ), „Эпохи Англійской Исторіи“ (Epochs of English History, 8 томиковъ). Форма изданія напоминаетъ скорѣе книги для историческаго чтенія внѣ класса, но по количеству фактовъ оно соотвѣтствуетъ обыкновеннымъ учебникамъ для старшихъ классовъ, напр. „Эпохи Англійской Исторіи" могутъ замѣнить учебникъ Collier'a (History of the British Empire by Collier, Advanced Class-Book) Но „Эпохи" Исторіи—учебникъ коллек-

тивный; надъ отдѣльными эпохами трудилось въ общей сложности около 26 человѣкъ, преимущественно членовъ и тьюторовъ коллегій Оксфордскаго, Кембриджскаго и друг. университетовъ, однако между ними есть и извѣстныя за предѣлами Англіи имена Стеббса, Сибома, Гардинера, Макъ Карти и друг. Цѣльность учебника въ извѣстныхъ предѣлахъ достигнута единствомъ редакціи („Эпохи Англійской Исторіи“ редактированы Крейтономъ, „Эпохи Древней Исторіи“ Коксомъ и Санке, „Эпохи Новой Исторіи“ Кольбекомъ) Серія новыхъ учебниковъ по исторіи, которой обогатилась за послѣдніе годы педагогическая литература Франціи (редакція Моно, фирма Альканъ) исходитъ изъ тѣхъ же началъ, какъ и „Эпохи“ исторіи, изданныя фирмой Лонгмана. При современномъ положеніи исторической науки такой пріемъ соотрудничества цѣлаго ряда специалистовъ, по нашему убѣжденію, есть единственное средство выработать учебникъ одинаково научный во всѣхъ своихъ частяхъ. Тѣмъ не менѣе изданіе Лонгмана нельзя назвать удачнымъ. Недостатки этого учебника объясняются впрочемъ единственно безцѣльностью всего типа руководствъ второй степени; для начинающихъ такой средній учебникъ мало доступенъ, сухъ, а учениковъ старшаго возраста онъ безъ взякой надобности задерживаетъ на уровнѣ элементарныхъ представленій объ исторической жизни.

Гораздо благодарнѣе третій типъ, удачно обработанный Гриномъ въ его „Краткой Исторіи“ и, наконецъ, Гардинеромъ въ „Student's History of England“, разсчитанной на 3 томика (большой in 8º, шрифтъ убористый въ двухъ первыхъ томикахъ 666 страницъ, 55 д. Р. X.—1689. п. Р. X.) Гардинеръ и въ большомъ руководствѣ слѣдуетъ въ общихъ чертахъ плану, положенному въ основаніе его Outline. Но необыкновенная сжатость слога дала ему возможность передать въ объемѣ учебника результаты своей обширной начитанности въ литературѣ по англійской исторіи, не нанося ущерба научной точности свѣдѣній и не впадая въ отрывочность конспекта. Впрочемъ ни драматичностью, ни эпической плавностью разсказа Гардинеръ вообще не владѣетъ. Не достаетъ ему и интереса къ умственной и нравственной исторіи англійскаго общества, который составляетъ одно изъ достоинствъ „Исторіи Англіи въ XVIII столѣтіи“ Лекки. Однако этотъ пробѣлъ особенно чувствителенъ только для учителей материка; въ самой Англіи онъ можетъ выполняться при изученіи литературы и исторіи церкви. Въ текстѣ учебника Гардинера разсѣяно множество изящныхъ рисунковъ.

Для сравнительной оцѣнки Outline (съ Analysis), „Epochs“ Крейтона и „Student's History“ Гардинера мы приводимъ изложеніе Великой Хартіи Вольностей по всѣмъ этимъ учебникамъ.

Analysis.

„Magna Carta.—Лангтонъ сдѣлался борцомъ за англійскія вольности; бароны поддерживали его; онъ составилъ хартію вольностей и принудилъ Джона подписать ее въ 1215 г. Ея главныя мѣры были: 1) Независимый и скорый судъ для всѣхъ. 2) Обезпеченіе личности и собственности отъ незаконнаго захвата. 3) Контроль надъ денежными поборами со стороны Великаго Совѣта изъ всѣхъ королевскихъ ленниковъ первой руки (за исключеніемъ трехъ случаевъ „помощи", а именно—при посвященіи въ рыцари старшаго сына короля, при выдачѣ замужъ старшей дочери, или при выкупѣ изъ плѣна короля)".

Outline of English History by Gardiner, 1891.

„Magna Carta. Требованія, которыя король Джонъ въ 1215 г. клятвенно обѣщался исполнять, извѣстны въ исторіи подъ именемъ Великой Хартіи, или по-латыни, какъ Magna Carta. Въ силу ихъ король обязался, за исключеніемъ особыхъ опредѣленныхъ случаевъ, не брать никакихъ поборовъ съ людей, державшихъ отъ него земли на ленныхъ условіяхъ иначе, какъ если тѣ сами добровольно дадутъ деньги. Точно также онъ не могъ по произволу распоряжаться жизнью и имуществомъ англичанъ. „Ни одинъ свободный человѣкъ", долженъ былъ онъ объявить: „не будетъ арестованъ, заключенъ въ тюрьму, лишенъ имущества или объявленъ внѣ закона и вообще никакимъ образомъ не будетъ доводится до гибели; мы не будемъ идти войной и не будемъ посылать противъ него иначе, какъ по законному суду перовъ или по законамъ страны". Великая Хартія заключала и другія статьи величайшей важности. Но корень всего дѣла лежитъ въ этихъ двухъ. Король Англіи не долженъ былъ настолько возвышаться надъ равными себѣ, чтобы брать съ нихъ столько денегъ, сколько захочетъ, или сажать ихъ въ тюрьму или наказывать ихъ, когда захочетъ. Онъ могъ брать съ нихъ деньги, когда они давали ихъ на общественныя нужды, и онъ могъ наказывать ихъ только, когда они были осуждены за совершенныя преступленія приговоромъ равныхъ имъ соотечественниковъ. Слѣдующія поколѣнія выстроили на этихъ двухъ началахъ цѣлую систему законовъ. Но въ сущности Великая Хартія—ея краеугольный камень. Первое начало, что король не могъ брать денегъ по произволу, принудило его совѣтоваться съ своими подданными, потому что они не стали бы давать ему денегъ, если-бы онъ не поступалъ согласно ихъ желанію. Такимъ образомъ управленіе страной постепенно стало идти не по произволу короля, а по желанію народа. Другое начало—что король не могъ наказывать кого захочетъ, повело къ тому, что мы управляемся по закону, а не по личной волѣ одного человѣка".

Epochs of English History by Creighton (вкратцѣ).

„Эта хартія, которая на столько важна въ исторіи англійской свободы, что всегда называлась Великой Хартіей, явилась на дѣлѣ договоромъ между королемъ и его народомъ. Въ ней интересы народа были приняты во вниманіе на-ряду съ интересами бароновъ. Это главная особенность, которую надо отмѣтить, что впервые вся нація, а не одинъ какой-либо классъ ея, поднялись противъ короля, чтобы бороться за свои вольности...

Великая Хартія сильно напоминала Хартію Генриха I. Бароны взяли эту хартію себѣ за образецъ. Но Великая Хартія пошла дальше ея, ибо съ тѣхъ поръ народилось много новыхъ правъ и новыхъ жалобъ, о которыхъ слѣдовало подумать. Прежде всего Великая Хартія обезпечила за церковью всѣ ея права и ясно сказала, что англійская церковь должна быть свободна. Затѣмъ она переходитъ къ обѣщанію, что король не будетъ идти далѣе своихъ законныхъ феодальныхъ правъ въ обращеніи со своими вассалами и не станетъ прибѣгать къ незаконнымъ средствамъ для вымогательства съ нихъ денегъ. Самыя важныя статьи хартіи тѣ, гдѣ король обѣщается не пытаться собирать денегъ съ народа подъ видомъ „щитовыхъ денегъ“ (scutage, поборъ взамѣнъ военной повинности) или другихъ вспомоществованій (aid) безъ согласія Большого Совѣта. Въ этотъ Совѣтъ должны были созываться поименно все высшее духовенство, эрли и крупные бароны. Младшіе бароны должны были созываться общимъ посланіемъ (writ), которое посылалось къ шерифу ихъ шейра (графство)...

Злоупотребленія въ судѣ были также устранены Великой Хартіей. Джонъ собралъ большія суммы денегъ, налагая очень тяжелые штрафы на нарушителей закона. Теперь это было запрещено и старый порядокъ возстановленъ въ казначействѣ и палатѣ короля. Конецъ былъ положенъ и нѣкоторымъ злоупотребленіямъ съ лѣсами. Запретные лѣса, установленные Джономъ, должны были упраздниться, а вмѣстѣ съ тѣмъ падали и всѣ вредные обычаи лѣсного законодательства. Очень ясно установлено было великое правило, что ни одинъ свободный человѣкъ не могъ быть арестованъ и не могъ подвергнуться какому-либо наказанію иначе, какъ по суду своихъ перовъ, или равныхъ себѣ, или по закону страны. Двадцать пять бароновъ должны были быть выбраны всей массой бароновъ, дабы слѣдить за тѣмъ, чтобы хартія соблюдалась. Если король не будетъ исправлять того, на что́ бароны укажутъ ему, то они могутъ начать противъ него войну, дабы силой принудить его исполнять хартію“.

A student's History of England by Gardiner.

Magna Carta. 1215. Magna Carta, или Великая Хартія, какъ

стали называться статьи, утвержденныя Джономъ, была исторгнута союзомъ всѣхъ классовъ свободныхъ людей и дала права всѣмъ имъ.

a) Ея пожалованія. Церковь должна была быть свободной, ея привиллегіи должны были соблюдаться, а ея право на свободные выборы, которое Джонъ даровалъ ей годомъ раньше, не должно было нарушаться. Что касается до міранъ, то ленники первой руки должны были платить опредѣленный рельефъ, когда они вступали во владѣніе своимъ наслѣдствомъ. Малолѣтніе наслѣдники должны были находиться подъ опекой короля, но король долженъ былъ обращаться съ ними честно и ничѣмъ не портить ихъ земель, пока онѣ въ его рукахъ. Король могъ по прежнему подыскивать мужей для наслѣдницъ и женъ для наслѣдниковъ, но только среди равнаго имъ класса. Ленники первой руки должны были платить „помощь" королю, когда онъ нуждался въ выкупѣ изъ плѣна, или платить ему деньги, дабы онъ могъ нести расходы при посвященіи старшаго сына въ рыцари или при выдачѣ замужъ старшей дочери. Во всѣхъ другихъ случаяхъ король могъ требовать взносовъ со своихъ ленниковъ только съ согласія Общаго Совѣта королевства. Такъ какъ здѣсь участвовали только ленники первой руки, то этотъ Общій Совѣтъ соотвѣтствовалъ Большому Совѣту непосредственныхъ ленниковъ, какъ онъ собирался при Норманскихъ короляхъ и при Пантагинетахъ. Впрочемъ, была впервые сдѣлана попытка ввести на засѣданія, кромѣ епископовъ, аббатовъ и бароновъ, еще и мелкихъ ленниковъ первой руки посредствомъ предписанія, чтобы кромѣ поименнаго созыва крупныхъ ленниковъ шерифы въ отдѣльныхъ графствахъ разсылали общіе призывы къ мелкимъ ленникамъ первой руки. Хотя ленники ленниковъ и не участвовали въ Общемъ Совѣтѣ королевства, положеніе ихъ было облегчено постановленіемъ, чтобы они платили своимъ лордамъ вспомоществованіе только въ тѣхъ же случаяхъ, когда лорды платятъ королю, и общимъ заявленіемъ, что всѣ вольности, данныя королемъ лордамъ, должны быть даны и лордами ихъ ленникамъ. Привиллегіи жителей Лондона и другихъ городовъ были подтверждены; а всѣ свободные были обезпечены отъ тяжелыхъ и неравномѣрныхъ налоговъ въ случаѣ, если они какъ-либо нарушали законъ.

b) Ея обезпеченье. Таковы были установленія этой поистинѣ національной хартіи, которую англичанамъ пришлось въ теченіе вѣковъ поддерживать и развивать. На очереди стоялъ вопросъ, какъ обезпечить то, что только что было пріобрѣтено. Для этой цѣли прежде всего было необходимо сдѣлать суды посредниками между королемъ и подданными. Въ цѣломъ рядѣ статей было объявлено, что свидѣтельства подъ присягой лицъ, равныхъ виновному, будутъ требоваться каждый разъ, когда будутъ налагаться штрафы или наказанія, и это

настаиванье на примѣненіи системы присяжныхъ, какъ она тогда существовала, было подчеркнуто сильными словами, къ которымъ Джонъ приложилъ свою печать. „Ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть"... Эта статья была бы хорошей порукой, если бы она соблюдалась, но она утрачивала всякую силу при королѣ, готовомъ и способномъ прибѣгнуть къ насилію, чтобы снова еще разъ утвердить прежнюю тираннію. Поэтому конечное обезпеченье должно было принять форму насилія, которымъ отвѣчаютъ на насиліе. Во-первыхъ, Джонъ долженъ былъ распустить всѣхъ своихъ чужестранныхъ наемниковъ. Во-вторыхъ, совѣтъ изъ 25 членовъ—двадцать четыре барона и мэръ Лондона—долженъ былъ слѣдить, чтобы король не нарушалъ своего слова. Если онъ нарушитъ хоть одну изъ статей Хартіи, то 25 имѣютъ право при поддержкѣ всего королевства захватывать земли короля, пока не возмѣщенъ будетъ убытокъ лица, потерпѣвшаго несправедливость. Другими словами, здѣсь должна была существовать постоянная организація для веденія войны противъ короля". Это изложеніе Великой Хартіи въ обширномъ учебникѣ Гардинера стоитъ только на одинъ шагъ отъ того научнаго анализа памятника, который данъ, напр., у Стеббса въ „Конституціонной исторіи Англіи".

Переходимъ къ характеристикѣ пособій для внѣкласснаго чтенія. Среди нихъ можно различить три главныхъ типа. Первый типъ напоминаетъ „Эпохи" исторіи, изданныя Лонгманомъ. Это спеціально для учениковъ составленный подробный разсказъ о той или другой эпохѣ. Такъ какъ церковная исторія слишкомъ коротко излагается въ учебникахъ, то Крейтонъ редактируетъ еще серію „Эпохи Церковной Исторіи" (Epochs of Church History). Наприм. томикъ по Реформаціи въ Англіи написанъ каноникомъ Перри; одна Реформація разсказана здѣсь на 200 страницахъ маленькаго in 8°. Но вся серія насчитываетъ до 15 томиковъ; есть отдѣлы по эпохѣ Отцевъ Церкви, Гоненій, Ересей, Папства, Виклефа, Контръ-Реформаціи и т. д. Такъ какъ книги для юношества сравнительно рѣдко пишутся первоклассными талантами, а между тѣмъ онѣ особенно нуждаются въ увлекательности изложенія, то намъ симпатичнѣе изданія классическихъ писателей по исторіи Англіи, спеціально сдѣланныя для юношества (главы изъ Маколея и т. п.).

Второй распространенный типъ книгъ для чтенія внѣ класса—это біографіи выдающихся дѣятелей. Нигдѣ быть можетъ не развитъ такъ интересъ къ личной исторіи сильныхъ характеровъ вообще, а государственныхъ людей въ особенности, какъ въ Англіи; нигдѣ нѣтъ и такой богатой біографической литературы. Спеціально для школъ Крейтонъ издаетъ серію біографій (Historical Biographies, Creighton), въ которую вошли уже отдѣльныя книжки съ жизнеописаніемъ Си-

мона Монфорскаго, Вальтера Ралея, Кромвеля, герцога Мальборо, герцога Веллингтона и т. д. Біографія Симона Монфорскаго разсказана, наприм., слишкомъ на 200 страницахъ маленькаго in 8°; въ связи съ жизнью этого дѣятеля Крейтонъ разсказалъ въ сущности исторію Англіи за вторую половину XIII в., охарактеризовалъ неумѣлое правленіе Генриха III, Оксфордскія провизіи, управленіе бароновъ, парламентъ 1265 г. и т. д. Чтобы возстановить чувства Англичанъ того времени, авторъ на-ряду съ хрониками пересказываетъ и народныя пѣсни. Для болѣе обширнаго круга читателей назначены двѣ другія серіи біографій — Statesmen series, издаваемая фирмой Allen'a и серія фирмы Macmillan'a—„Twelve English Statesmen". По авторитету участниковъ, по научности изложенія послѣдней серіи принадлежитъ первое мѣсто въ ряду подобныхъ изданій (наприм. біографія Вальполя, написанная Морлеемъ).

Третій типъ книгъ для чтенія внѣ класса представленъ пока только серіей томиковъ, издаваемыхъ подъ редакціей Іорка Повеля подъ общимъ названіемъ „Англійская исторія въ разсказѣ современниковъ" (English History by Contemporary writers). Это изданіе охватываетъ уже эпохи Альфреда В., Генриха III, Эдуарда III, а съ другой стороны Кромвеля, Карла II и т. д.; всѣ эти книжки состоятъ исключительно изъ текстовъ, взятыхъ въ переводѣ у хроникеровъ, изъ офиціальныхъ документовъ, народныхъ пѣсенъ. Наприм. томикъ, посвященный Симону Монфорскому, составленъ Гёттономъ (Hutton). Кромѣ выписокъ изъ Матвѣя Парижскаго, расположенныхъ по годамъ, здѣсь приведены въ переводѣ отрывки изъ переписки еп. Гроссетета, изъ Хартій (по изданію Стёббса), Политическихъ Пѣсенъ Райта (Wright, Political songs.) и т. п.

Намъ остается теперь указать нѣкоторыя особенности въ пріемахъ преподаванія исторіи въ Англіи и измѣненія, которыя англійскимъ педагогамъ хотѣлось бы внести въ это дѣло.

12 мая 1891 г. на вечернемъ собраніи въ коллегіи наставниковъ Элліотъ Мальденъ прочелъ рефератъ о преподаваніи исторіи; въ преніяхъ по поводу реферата приняли участіе другіе члены коллегіи, оспаривая нѣкоторыя изъ положеній референта. Пользуясь этимъ матеріаломъ, можно выяснить въ общихъ чертахъ воззрѣнія на преподаваніе исторіи, симпатичныя англійскимъ педагогамъ.

Первый и самый важный вопросъ — чего думаемъ мы достичь, преподавая исторію? Во всякомъ случаѣ мы отнюдь не думаемъ сдѣлать изъ всѣхъ учениковъ — историковъ по спеціальности. Конечно тѣмъ, кто чувствуетъ особое призваніе, кто обладаетъ критичностью, необходимой для историка, для кого вообще есть возможность перейти къ глубокому изученію исторической науки,

тѣмъ мы должны дать основной фундаментъ; но вѣдь это всегда, даже въ университетахъ, будетъ меньшинство учениковъ. Что касается до большинства, то мы хотимъ его просто обучить исторіи въ извѣстныхъ болѣе или менѣе скромныхъ размѣрахъ. Но знать исторію отнюдь не равносильно способности перечислить королей Англіи съ годами ихъ царствованія и главными событіями, перечислить главныя постановленія Великой Хартіи Вольностей и Петиціи о Правахъ, событія Греко-Персидскихъ и Пуническихъ войнъ или повторить наизусть краткія біографіи первыхъ Римскихъ императоровъ. Конечно, учитель доволенъ, если ученикъ способенъ точно припомнить рядъ этихъ фактовъ; но это отнюдь не главная наша цѣль.

Всѣ школьные предметы можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, они полезны въ смыслѣ умственнаго развитія, потому что самый процессъ изученія ихъ даетъ извѣстную школу уму. Во-вторыхъ, они полезны въ смыслѣ практическаго примѣненія, которое можно сдѣлать изъ нихъ въ жизни послѣ выхода изъ школы. Занятія классическими языками, англійской литературой, даже отчасти и высшей математикой—преслѣдуются ради школы для ума. Новые языки, нѣкоторыя отрасли математическихъ и естественныхъ наукъ изучаются въ школѣ, потому что иногда они необходимы въ той или другой коммерческой или профессіональной дѣятельности. Исторія, какъ и многіе другіе предметы, сразу достигаетъ двухъ цѣлей. Исторія не только упражняетъ память, будитъ мысль, даетъ возможность сообщаться съ человѣчествомъ различныхъ вѣковъ, имѣть общеніе съ великими умами и, что̀ особенно важно, разнообразными умами; не только дѣлаетъ человѣка опытнымъ, словно онъ прожилъ долгіе дни, и знающимъ свѣтъ, какъ будто бы онъ много путешествовалъ. Нѣтъ, этого мало: исторія приноситъ практическую пользу въ странѣ, обладающей самоуправленіемъ, управляющей другими народностями, въ странѣ, связанной съ такими же самоуправляющимися общинами, какъ она, но только съ различными видами на будущее. Но это практическое примѣненіе исторіи въ отдѣльныхъ случаяхъ жизни имѣетъ значеніе только тогда, если человѣкъ усвоилъ уже себѣ основные уроки прошлаго, общій смыслъ исторіи. Ссылка на примѣръ исторіи въ защиту какой-либо одной системы политики, того или другого государственнаго строя; даже цѣлый арсеналъ ссылокъ, подобранный въ интересахъ партіи, въ сущности все равно, что̀ ничего, даже хуже чѣмъ ничего—это вредная уловка. Но усвоить себѣ, какъ окончательный выводъ исторіи, терпѣніе, снисходительность, даже симпатію къ людямъ другихъ взглядовъ и чужихъ странъ, пріобрѣсти пониманіе человѣчества и—что̀ тогда явится само собою—сочувствіе къ нему, вотъ что безусловно полезно. Надо культивировать въ ученикахъ исто-

рическое чувство, поддерживать сознаніе, что государственный порядокъ и учрежденія, дабы обладать жизненной силой, должны развиваться въ соотвѣтствіи съ потребностями отдѣльныхъ эпохъ и измѣняются только по мѣрѣ того, какъ появляются новыя потребности. Уже самая мысль, что государство живой организмъ, а не искусственная машина, важное пріобрѣтеніе для ума ученика. Можно, не становясь партійнымъ, все-таки въ качествѣ историка чувствовать себя удовлетвореннымъ дѣятельностью извѣстной партіи, если ея вожди обладаютъ историческимъ чутьемъ, если они сознаютъ, что настоящее порождено прошедшимъ и не можетъ быть безнаказанно оторвано отъ него, какъ стволъ дерева не можетъ быть оторванъ отъ корней, и если вожди эти сознаютъ въ то же время, что настоящее не тождественно съ прошедшимъ, а будущее въ свою очередь станетъ отличаться отъ настоящаго.

Это культивированье историческаго чутья—самое важное въ изученіи исторіи. Чтобы развить его, нужно прежде всего дать почувствовать ученикамъ, что люди минувшихъ эпохъ такіе же люди, какъ они сами, съ тѣми же потребностями и страстями, какъ у людей, которыхъ они ежедневно видятъ на улицѣ. Для этой цѣли могутъ пригодиться даже преданія и просто анекдоты, которымъ нѣтъ мѣста въ серьезной исторіи. Не бѣда даже, если эти преданья не во всемъ вѣрны дѣствительности, только бы они были вѣрны общему духу извѣстнаго общества, характеру человѣка опредѣленной эпохи. Напримѣръ, преданья о рыцаряхъ круглаго стола врядъ ли годятся для этой цѣли: въ нихъ отразилась не среда короля Артура, не кельтическій бытъ, а поэтическая фантазія XII вѣка. Но зато Геродотомъ отнюдь нельзя пренебрегать: его исторія полна идей, господствовавшихъ среди Іонянъ въ V в. до Р. Х. Ливій разсказываетъ много вымысловъ о древнѣйшей исторіи Рима и даже о Пунической войнѣ; но всѣ они пропитаны истиннымъ духомъ Римской республики. Даже въ англійскомъ стихотворномъ пересказѣ у Маколея эти преданья способны пробуждать въ ученикахъ любознательность къ Римской исторіи и вѣрное ея пониманіе. Мальденъ приводитъ примѣръ изъ своей педагогической практики, какъ отъ „Пѣсенъ Древняго Рима" мальчикъ по собственному побужденію обратился къ тяжелому очерку Римской исторіи въ руководствѣ епископа Крейтона: отголоски Ливія и Энеиды, знакомые ему изъ Маколея, оживляли для него сухіе факты учебника. Старое поколѣніе Англичанъ знало свою родную исторію иногда только изъ Шекспира и конечно это знаніе было не точно, прямо ошибочно. Мы знаемъ, что авторитеты Шекспира не безупречны, что Голиншедъ сшивалъ свою хронику изъ пристрастныхъ писателей, а Голь (Halle) былъ прямо человѣкомъ партіи; что Шекспиръ ради

драматическихъ эфектовъ отступалъ произвольно даже отъ этихъ шаткихъ авторитетовъ. Но, безъ сомнѣнія, Шекспиръ въ каждомъ читателѣ пробуждаетъ живое сочувствіе къ прошлому и даетъ толчекъ къ историческому чтенію, которое восполнитъ въ свое время пробѣлы драматурга и исправитъ всѣ его неточности. Для учениковъ младшаго возраста, которымъ Шекспиръ еще не по плечу, Мальденъ рекомендуетъ „Разсказы изъ Шекспира" Ламба или устную передачу трагедій самимъ учителемъ. Не обременяя учениковъ лишними занятіями, учитель можетъ давать имъ книги, способныя пробудить историческій интересъ, въ часы отдыха, вмѣсто излюбленныхъ разсказовъ изъ жизни краснокожихъ дикарей и авантюристовъ — охотниковъ. Пока вкусъ ученика не испорченъ еще этими quasi-дѣтскими книгами, ему всегда можно подсунуть Вальтера Скота. Мальденъ читаетъ, напримѣръ, ученикамъ „Айвено". Конечно, учителя, испытавшіе уже вліяніе Стеббса и Фримана, могутъ смутиться, находя грубые промахи у писателя, пользовавшагося нѣкогда авторитетомъ. У Вальтера Скота можно дѣйствительно прочесть, „будто бы Вильямъ Рыжій былъ дѣдомъ короля Джона; что Вильямъ Маршаль эрль Пемброкъ и Робертъ де Росъ, одинъ изъ борцовъ за хартію, были оба рыцарями храмовниками и оба умерли въ царствованіе Ричарда Львиное Сердце; будто бы въ это царствованіе существовала еще рѣзкая граница между Норманнами и Англо-Саксами и будто уроженецъ Мерсіи, заселенной Англами, питалъ къ отдаленному потомку королей Западной Саксоніи тѣ же чувства вѣрноподданности, съ какими Якобиты прошлаго столѣтія относились къ Стюартамъ". Все это ошибки, какихъ мало въ драмахъ Шекспира изъ англійской исторіи. Но все-таки, говоритъ Мальденъ, если взять двухъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ хорошо знаетъ хронологію, а другой — только своего Вальтера Скота, у кого изъ нихъ, лѣтъ шесть спустя, скорѣе найдешь дѣйствительное знаніе исторіи? Вѣроятно, что у почитателя Вальтера Скота.

Но произведенія поэтическаго творчества на историческія темы не единственное орудіе для пробужденія живой любознательности къ исторіи. Какая-нибудь руина, церковь, замокъ или въ особенности поле знаменитой битвы въ окрестностяхъ школы всегда могутъ дать канву для ряда разсказовъ изъ исторіи. Для учителей и учениковъ Лондона Тоуеръ — неисчерпаемый источникъ живыхъ историческихъ воспоминаній: Норманское владычество, судьба маленькихъ принцевъ, заключеніе Джэнъ Грэ и сколько еще другихъ событій связано съ панцырями, гербами и плахой въ этой башнѣ.

Никакая система преподаванія исторіи не можетъ обойтись безъ сухого матеріала — именъ и чиселъ. Но нужно стараться, чтобы съ

каждымъ именемъ было связано какое-либо событіе и чтобы событія располагались въ порядкѣ времени. Конечно, точность въ годахъ желательна. Но если на экзаменѣ ученикъ знаетъ, что смерть Эдварда Исповѣдника предшествовала битвѣ при Стамфордъ-Бриджѣ, а Стамфордъ-Бриджъ былъ незадолго до Гастингса, то нельзя относиться строго къ тому, что для Гастингса онъ дастъ можетъ быть 1067 г. Но если другой ученикъ назоветъ день и годъ (30 января 1649 г.) смерти Карла I, но предположитъ, что битва при Дёнбарѣ произошла еще раньше, то это будетъ уже болѣе серьезный пробѣлъ въ пониманіи послѣдовательной связи событій. Конечный выводъ Мальдена таковъ: для учениковъ младшаго возраста старайтесь конечно выбрать учебникъ получше, пользуйтесь таблицами хронологическими и родословными, но самое главное: пробуждайте въ нихъ живую любознательность къ прошлому — истиной и поэтическимъ вымысломъ, старинными вещами, постройками и указаніями на историческія мѣстности.

У учениковъ высшихъ школъ и колледжей, а также у тѣхъ, кто въ свободное отъ уроковъ время пытается чтеніемъ восполнять пробѣлы, можно уже предположить натверженнымъ очеркъ событій и ихъ порядокъ. По мнѣнію Мальдена относительно этихъ учениковъ старшаго возраста чаще всего дѣлаютъ крупную ошибку, заставляя ихъ просто переходить къ болѣе подробнымъ и сложнымъ учебникамъ. Сначала проходится какой-нибудь маленькій учебникъ, затѣмъ побольше, наконецъ „Исторія“ доктора Брайта или „Юмъ для учащихся“. Но все это книги одного и того же рода. Это не авторитеты науки: онѣ покоятся не на изученіи первоисточниковъ, не прибѣгаютъ къ обобщеніямъ, не дѣлаютъ историческихъ сопоставленій. Существуетъ книга, написанная въ иномъ стилѣ, — это „Краткая Исторія Англійскаго Народа“ Грина; но для класса она трудна, возможна скорѣе для частнаго чтенія, въ особенности для учениковъ, которые достаточно подготовлены для того, чтобы правильно отнестись ко всему слишкомъ риторичному и недостаточно доказанному у Грина. Вообще для тѣхъ, кому можно дать въ руки Грина, легко подобрать историческое чтеніе. „Интеллигентному юношѣ лѣтъ 16“, говоритъ Мальденъ: „интересующемуся исторіей, я далъ бы Маколея, сказавъ: Вотъ исторія, написанная человѣкомъ партіи безусловно съ своей точки зрѣнія, но болѣе занимательная, чѣмъ всѣ повѣсти, за исключеніемъ развѣ лучшихъ образцовъ поэтическаго творчества“. Я далъ бы эту книгу въ особенности юношѣ, воспитанному въ идеяхъ Высокой церкви и торизма, точно такъ же, какъ я далъ бы либералу по воспитанію тѣ части исторіи лорда Стангопа, гдѣ онъ возвышается до

энтузіазма — его разсказъ о безплодномъ героизмѣ 1745 года, т.-е. возстаніи Якобитовъ.

Всѣ эти замѣчанія Мальдена относятся болѣе къ занятіямъ внѣ класса. Для преподаванія въ классѣ ученикамъ высшихъ школъ и университетскихъ коллегій въ Англіи знакома система лекцій; но Мальденъ желаетъ ей еще бо́льшаго распространенія. Учителя, одареннаго дикціей, онъ предпочитаетъ человѣку съ хорошей эрудиціей, но лишеннаго дара слова. Для того, чтобы избавить слушателей отъ подробнаго записыванія, отвлекающаго вниманіе, Мальденъ совѣтуетъ давать имъ въ руки печатный или литографированный конспектъ, содержащій въ себѣ краткое резюме лекцій, главные факты и года. Этотъ конспектъ ученики должны пробѣгать передъ лекціей. Такъ какъ содержаніе лекцій вполнѣ усваивается только тогда, когда параллельно съ ними идетъ приватное чтеніе, то эти конспекты должны содержать указанія на соотвѣтствующія мѣста въ обширныхъ руководствахъ и даже произведенія научной литературы. Такова именно система, которой рѣшено было держаться на общихъ курсахъ (Extension lectures) въ Лондонскомъ и Кембриджскомъ университетахъ.

Но Мальдену улыбается еще и другая система для преподаванія исторіи въ высшихъ школахъ и колледжахъ, система, особенно полезная для учениковъ, которые намѣрены перейти къ научному изученію предмета, а потому и не безъизвѣстная въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Часто высказываются жалобы на то, что ученики высшихъ школъ и университетскихъ коллегій древнюю исторію Греціи и Рима знаютъ лучше, нежели исторію Европы и даже Англіи. Одна изъ причинъ этого явленія заключается въ томъ, что, благодаря изученію классиковъ, ученики знакомы для древней исторіи въ большей или меньшей степени съ первоисточниками: они читаютъ Записки Цезаря, Рѣчи Цицерона, Тацита, „Анабазисъ“ и „Гелленика“ Ксенофонта, Ѳукидида о Пелопоннесской войнѣ, политическія рѣчи Демосѳена. И по древней, и по новой исторіи они одинаково могутъ читать и учебники, и научныя сочиненія — Грота и Моммсена, Маколея и Фримана; но только въ области древней исторіи доходятъ они до свидѣтельствъ самихъ современниковъ и участниковъ событій. Этотъ пробѣлъ нужно восполнить. Воспитанники подъ руководствомъ учителя могутъ читать въ классѣ какой-нибудь источникъ по средневѣковой или новой исторіи, подобно тому-какъ они, благодаря толкованіямъ, могутъ понимать Ѳукидида. Впрочемъ, комментарій на урокѣ исторіи долженъ касаться не языка, а исключительно исторіи, т.-е. учитель долженъ указывать, въ какихъ случаяхъ другіе авторитеты дополняютъ разбираемый источникъ или отступаютъ отъ него. Отрывки изъ Флоренса Ворчестерскаго, Матвѣя Парижскаго, Ѳомы

Вальсингамскаго и Фруассара идутъ, какъ нельзя лучше, для этой цѣли. Писатели эти писали по-латыни или по-французски, но для слушателей, которые имѣются въ виду, иностранный языкъ долженъ служить только залогомъ внимательнаго чтенія: всѣ затрудненія языка должны быть преодолѣваемы самимъ учителемъ; въ крайности можно пользоваться даже переводами. Впрочемъ по англійской исторіи можно подобрать матеріалъ и на англійскомъ языкѣ. Отчего англійскимъ мальчикамъ и юношамъ не читать хроники Голля (Halle), исторіи Кларендона, Уайтлока „Матеріалы по англійскимъ дѣламъ", Бёрнета „Исторія его собственнаго времени", сочиненій Борка, Нэпира „Война на полуостровѣ". Всѣ эти писатели, за исключеніемъ Голля, описывали большинство событій, какъ очевидцы; всѣ они, не исключая Голля, писали строго съ личной точки зрѣнія и съ предубѣжденіями партій; чтеніе ихъ часто даетъ поводъ приводить противоположные взгляды изъ другихъ источниковъ, взвѣшивать вопросъ объ очевидности и сравнивать различные разсказы. Противъ этой системы преподаванія исторіи можно сдѣлать только одно возраженіе—нѣтъ еще приспособленныхъ къ ней изданій. Но вѣдь эта система въ среднемъ образованіи пока вообще болѣе идеалъ, чѣмъ дѣйствительность. Однако начало изданію для школы подлинныхъ текстовъ по исторіи Англіи уже положено Іоркомъ Повелемъ (York Powell). Но какой бы системы въ преподаваніи не держался историкъ, онъ долженъ постоянно имѣть передъ глазами главную цѣль — излагать истину безъ предвзятыхъ взглядовъ партіи. Если учителя, у которыхъ была полная возможность исправлять узость и односторонность взглядовъ на основаніи опыта, отвлеченнаго отъ изученія прошлаго, если они сами будутъ впадать въ заблужденіе и втискивать всѣ явленія въ Прокустово ложе своихъ излюбленныхъ принциповъ, то чего же тогда ждать отъ ихъ менѣе зрѣлыхъ и менѣе начитанныхъ слушателей. „Если судить по нѣкоторымъ писателямъ—я боюсь даже, что и по нѣкоторымъ учителямъ", заканчиваетъ Мальденъ свой очеркъ: „то одни ученики вынесутъ убѣжденіе, что тори и всѣ, кого только можно причислить къ нимъ, всегда были плуты, если только они не были сумасшедшіе; между тѣмъ ученики другой группы будутъ убѣждены, что виги и ихъ предшественники неизмѣнно были предателями и обыкновенно эгоистичными авантюристами. Но это не значитъ учить исторіи; это значитъ сдѣлать учениковъ навсегда неспособными къ истинному изученію науки".

Итакъ, главная особенность въ организаціи англійскихъ школъ—это ихъ исключительно частный характеръ, отсутствіе правительственныхъ программъ. Нѣкоторое единство преподаванія поддерживается только единствомъ учебниковъ, программами университетскихъ курсовъ

и экзаменовъ при Коллегіи Наставниковъ. Англійскіе учебники по англійской исторіи, образуя нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней, стремятся подготовить ученика къ чтенію научныхъ сочиненій. Англійскіе учителя считаютъ теперь нужнымъ уменьшить число этихъ ступеней и поскорѣе переходить съ ученикомъ къ трудамъ Маколея, Стангопа, Грина и т. д. или даже и къ первоисточникамъ (Матвѣй Парижскій, Кларендонъ, Бернетъ и т. д.). Въ связи съ развитіемъ личности въ англійской жизни находится и интересъ къ біографіямъ выдающихся дѣятелей англійской исторіи. Благодаря этому, среди новыхъ учебныхъ пособій особенно выдаются серіи біографій и школьныя изданія подлинныхъ текстовъ изъ хроникъ и другихъ первоисточниковъ. И учителя, и ученики, и учебники, и ученыя сочиненія по исторіи находятся въ Англіи въ тѣсной зависимости отъ политической жизни, въ особенности отъ борьбы двухъ великихъ парламентскихъ партій— тори и виговъ, консерваторовъ и либераловъ. Еще не такъ давно эта двойственность въ историческихъ воззрѣніяхъ ярко выразилась въ трудахъ Фроуда и Лекки по исторіи Ирландіи въ XVIII в. Серьезные педагоги, излагая исторію родной страны, указывая учебники и книги для чтенія, постоянно должны считаться съ предубѣжденіями этихъ партій и ставятъ главной цѣлью преподаванія исторіи— воспитаніе уваженія къ органическому развитію учрежденій и безпристрастіе въ оцѣнкѣ лицъ и событій.

Царь В. И. Шуйскій и боярство.

С. В. Рождественскаго.

Къ числу многихъ эпизодовъ изъ исторіи Смуты, подвергавшихся самымъ различнымъ толкованіямъ въ исторической литературѣ и очень мало выясненныхъ, относится и кратковременное и несчастное царствованіе В. И. Шуйскаго, когда особенное значеніе пріобрѣли отношенія царя къ боярству, имѣвшія громадное вліяніе на ходъ событій.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Шуйскій сдѣлался царемъ не по избранію земскаго собора, а путемъ интриги, былъ посаженъ на престолъ „малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ". Этотъ фактъ въ связи съ крестоцѣловальной записью царя и нѣкоторыми темными намеками источниковъ расположили историковъ смотрѣть на Шуйскаго, какъ на государя, ограничившаго свою самодержавную власть въ пользу боярства, въ рукахъ котораго онъ былъ послушнымъ орудіемъ. Карамзинъ, хотя и не высказывается опредѣленно по этому вопросу, но изъ его разсказа о вступленіи на престолъ Василія видно, что онъ готовъ признать вольное или невольное ограниченіе Шуйскимъ его власти [1]). Точно также смотритъ на это и Бутурлинъ [2]). Впрочемъ оба историка не поняли значенія этого вопроса и не ставили его съ достаточной опредѣленностью. Вполнѣ уже опредѣленное воззрѣніе на Шуйскаго, какъ на царя „выкрикнутаго" партіей бояръ, уговарившагося съ ними „по общему совѣту управлять россійскимъ царствомъ", представилъ Соловьевъ; онъ признаетъ, что съ воцареніемъ Шуйскаго бояре стали имѣть гораздо больше власти, чѣмъ самъ царь [3]). Точно также относятся къ ограниченію Шуйскаго боярами

---

[1]) И. Г. Р., XII, 3—5.

[2]) Ист. смутн. вр., т. II, стр. 6—7.

[3]) Ист. Россіи, т. VIII, 4 изд., стр. 143, 146, 288.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, приписывающій имъ и сверженіе Василія [1]), и Костомаровъ, который въ живой характеристикѣ царя Василія изобразилъ его полнымъ ничтожествомъ, самымъ жалкимъ лицомъ, когда либо сидѣвшимъ на московскомъ престолѣ [2]).

Другую постановку и новое освѣщеніе данный вопросъ получаетъ съ тѣхъ поръ, какъ изслѣдователямъ пришлось ознакомиться съ нимъ въ подробностяхъ, что не могли сдѣлать вышеуказанные историки по общему характеру своихъ трудовъ. Проф. Ключевскій съ одной стороны развиваетъ мысль о политическомъ договорѣ думы съ Шуйскимъ, договорѣ, возникшемъ не въ силу традиціоннаго стремленія боярства къ политическому преобладанію, а въ силу исключительныхъ обстоятельствъ смутнаго времени; съ другой стороны онъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Соловьевъ, объясняетъ указы о холопствѣ, вышедшіе въ царствованіе Шуйскаго, на основаніи которыхъ Соловьевъ заключилъ, что бояре могли останавливать царскія распоряженія, невыгодныя для нихъ [3]). Гипотезу Ключевскаго о политическомъ договорѣ Думы съ царемъ принимаетъ всецѣло и Латкинъ въ книгѣ „Земскіе соборы“. Проф. Владимірскій-Будановъ при объясненіи этихъ же указовъ тоже замѣчаетъ, что вопреки распространенному мнѣнію о царѣ Шуйскомъ, какъ орудіи въ рукахъ бояръ, слѣдуетъ замѣтить, что законы, изданные имъ, отличаются признаками произвола [4]). Но во 2 изд. „Обзора исторіи русскаго права“ онъ находитъ, что при воцареніи Шуйскаго бояре сдѣлали сознательную попытку обезпечить свою власть на счетъ монархической (ст. 157—8). И въ законодательствѣ по его мнѣнію замѣтны слѣды дѣйствительныхъ противорѣчій между царемъ и Думой (стр. 162). Наконецъ проф. Маркевичъ въ недавней статьѣ объ избраніи на царство Михаила Романова въ ограниченіяхъ Шуйскаго видитъ не вынужденныя, а добровольныя обѣщанія, скрѣпленныя добровольной же клятвой [5]).

Но всѣ эти, вновь высказанныя предположенія объ отношеніяхъ царя Шуйскаго къ боярству, за исключеніемъ мнѣнія В. О. Ключевскаго, не были подробно развиты и мотивированы. Между тѣмъ то или другое рѣшеніе вопроса, вызвавшаго такую разноголосицу, представляетъ существенный интересъ для характеристики самого царя Василія и современнаго ему боярства, какъ политической силы. Поэтому мы и считаемъ неизлишнимъ пересмотрѣть этотъ вопросъ.

---

[1]) Обзоръ событій отъ смерти царя Іоанна до избранія Мих. Ѳед., Ж. М. Н. Пр. 1887 г., авг. 246—275.

[2]) Русск. Ист. въ жизнеоп., т. I, стр. 686—687, 689.

[3]) Боярская дума, 2 изд., гл. XVIII passim, стр. 471—472.

[4]) Хрестоматія, в. 3-й, ст. 102.

[5]) Ж. М. Н. Пр., 1891, сентябрь и октябрь.

Мы уже упомянули о томъ, что Шуйскій былъ возведенъ на престолъ путемъ партійной интриги, а не путемъ земскаго избранія, какъ въ этомъ старался увѣрить самъ Шуйскій въ своихъ грамотахъ и приверженный къ нему авторъ Инаго Сказанія о самозванцахъ [1]). Разсмотримъ теперь, что представляла изъ себя эта партія, каковъ былъ ея составъ, должно ли ее отождествлять съ цѣлой Думой или она была лишь частью боярства, и затѣмъ въ какія отношенія сталъ къ ней Шуйскій. Несомнѣнно, что въ заговорѣ противъ Лжедимитрія вмѣстѣ съ Шуйскимъ были далеко не всѣ бояре. Большинство источниковъ называетъ руководителями заговора князя В. И. Шуйскаго съ братьею. Другіе говорятъ о немногихъ боярахъ; третьи—о боярахъ вообще; точное перечисленіе заговорщиковъ даетъ одна только Латухинская степенная книга; то были: князь В. И. Шуйскій, его братья, кн. В. В. Голицынъ и кн. И. С. Куракинъ [2]). Итакъ, относительно всей остальной массы боярства мы вправѣ заключить, что оно не знало о договорѣ. Для его успѣха такая предосторожность была необходима, тѣмъ болѣе, что среди придворной знати было много приверженцевъ Лжедимитрія, которые, какъ увидимъ, черезъ нѣсколько времени попали въ ссылку. По свидѣтельству Жолкѣвскаго ничего не зналъ о заговорѣ князь Ѳ. И. Мстиславскій, которому не вѣрили (Записки, 2 изд., 12). Разумѣется такихъ лицъ, на кого заговорщики не могли положиться, было очень много. Для нашей цѣли это фактъ первостепенной важности, ибо мы знаемъ, что при составленіи заговора руководители его уговаривались и объ избраніи изъ своей среды царя. Такимъ образомъ, въ первоначальномъ уговорѣ объ избраніи новаго царя участвовали не всѣ бояре, не боярская Дума, а лишь немногіе ея члены. Ничѣмъ инымъ, а именно этимъ обстоятельствомъ, объясняются странныя на первый взглядъ извѣстія источниковъ о томъ, что бояре послѣ катастрофы 17 мая желали дѣйствовать при избраніи царя законнымъ путемъ; именно въ Новомъ Лѣтописцѣ и въ Рукописи Филарета разсказывается, что бояре думали о земскомъ соборѣ; но въ безгосударное время естественнымъ главой собора, руководителемъ въ дѣлѣ поставленія новаго царя, могъ быть только патріархъ, а его тоже не было; поэтому на собраніи 19 мая предложено было избрать сначала патріарха [1]). Отъ кого же шли эти предложенія объ избраніи патріарха и о созывѣ земскаго собора? Очевидно, что не отъ

---

[1]) Временникъ Моск. Общ. И. и Др., XVI, 34.

[2]) Л. 470. За сообщеніе копіи съ рукописи Латухинской степенной книги приносимъ живѣйшую благодарность проф. С. Ѳ. Платонову.

[1]) Ник. лѣт., VIII, 75—76; Лѣт. о мят., 102; Рукоп. Фил. Сбор. Мухан. 2 из., 264.

партіи Шуйскаго, а отъ того боярскаго большинства, которое не участвовало въ заговорѣ 17 мая и, стало быть, ничего не знало о томъ, что царское избраніе уже предрѣшено тѣми же заговорщиками. Поведеніе боярскаго большинства было такъ естественно, что партія Шуйскаго не могла его не предвидѣть, и потому предложенія о патріархѣ и земскомъ соборѣ не застали ее врасплохъ. Толпа москвичей на Красной площади была подготовлена клевретами Шуйскаго [1]), и онъ былъ „выкрикнутъ" царемъ, получилъ престолъ „по волчьему праву", какъ выразился Жолкѣвскій [2]). Итакъ о какихъ-либо согласныхъ дѣйствіяхъ со стороны боярства при избраніи Василія не можетъ быть и рѣчи. Изъ вышеизложеннаго ясно глубокое раздѣленіе въ его средѣ; съ одной стороны небольшая, дѣятельная партія съ опредѣленнымъ планомъ дѣйствія, идущая къ цѣли путемъ заговора и агитаціи въ толпѣ, уже привыкшей къ уличнымъ мятежамъ,—съ другой стороны пассивное большинство, не связанное единствомъ цѣлей и при незнакомствѣ съ заговоромъ, желающее оставаться на законной почвѣ; но и на этомъ раздѣленіе боярства не остановилось. Когда партія Шуйскаго добилась своего, то и среди помянутаго большинства нашлись энергичные люди, которые, негодуя на то, что онъ избранъ безъ ихъ вѣдома, чуть было не свели его съ престола; это свидѣтельство Маржерета [3]), хотя и не подтвержденное прямо другими источниками, тѣмъ не менѣе очень правдоподобно. Враги новоизбраннаго царя—это очевидно тѣ, которыхъ Василій тотчасъ по своемъ воцареніи разослалъ въ почетную ссылку, воеводами въ разные города: кн. Рубецъ-Масальскій, Аѳ. Власьевъ, Мих. Салтыковъ, кн. Григорій Шаховской и другіе. Къ нимъ, вѣроятно, надо отнести и свидѣтельство Жолкѣвскаго о лицахъ, стремившихся къ свободному избранію царя, подобно польскому, за что они потомъ и подверглись карѣ (Записки, 2 изд., 12). Соловьевъ и В. О. Ключев-

---

[1]) Катыревъ въ Изборникѣ Попова, 294, и въ Р. И. Б. XIII, 582. Дьякъ Тимоѳеевъ сообщаетъ любопытную и очень правдоподобную подробность, что главнымъ клевретомъ былъ Михаилъ Татищевъ. Р. И. Б. XIII, 389. Ср. Соловьевъ, VIII, 134—135.

[2]) Всѣ источники съ рѣдкимъ единодушіемъ свидѣтельствуютъ о незаконномъ избраніи Шуйскаго чинами одного только москов. госуд., т.-е. одной Москвы. Нов. Лѣт. (Ник. л. VIII, 75, Лѣт. о мят. 102); 1-я Пск. л. (П. С. Р. Л, IV, 321); Пов. о бѣд. и скорб. (П. С. Р. Л. V, 57); Палицынъ, 29; Рук. Филар. (Сбор. Муханова, 264); Лат. степен. книга лл. 470, 473; Катыревъ (Избор., 294, Р. И. Б. XIII, 389; Столяров. хроногр. (Изб. 330); Временникъ Тимоѳеева (Р. И. Б. XIII, 389, 392, 400); Хворостининъ (Р. И. Б. XIII, 541). Иностранцы: Беръ (Устряловъ-Сказанія, I, 74 и сл.) Жолкѣвскій—Записки 2 изд. 12.; Дневникъ Марины (Устрял. Ск. IV, 64); Маржеретъ (Устрял., III, 99).

[3]) Устряловъ Сказанія. III, 99.

скій, конечно, отмѣтили отсутствіе единодушія среди боярства, но не придали ему должнаго значенія, что и помѣшало имъ, по нашему мнѣнію, точнѣе выяснить отношенія новаго царя къ боярству. Говоря о приверженцахъ и врагахъ Шуйскаго, они совершенно опустили изъ виду ту вліятельную роль, какую играла значительная группа бояръ, стоявшая въ сторонѣ отъ интригъ тѣхъ и другихъ. Отличаясь пассивнымъ, не энергичнымъ характеромъ, не сплоченные въ партію, они тѣмъ не менѣе оказали, какъ увидимъ, большія услуги Шуйскому въ наиболѣе тяжкія минуты его царствованіи тѣмъ, что составляли опору порядка и законности. Послѣднее обстоятельство заставило ихъ примириться съ противозаконными дѣйствіями клевретовъ Шуйскаго и признать его царемъ.

Теперь на очереди вопросъ о пресловутыхъ ограниченіяхъ власти Василія боярской Думой. По этому вопросу приводятъ одно оффиціальное и нѣсколько частныхъ свидѣтельствъ. Первымъ оффиціальнымъ актомъ въ новое царствованіе была знаменитая крестоцѣловальная запись. Приведя мотивы, оправдывающіе законность его воцаренія, царь говоритъ: «и нынѣ мы, Вел. Гос., будучи на престолѣ Россійскаго царствія, хотимъ того, чтобъ православное христіанство было нашимъ царскимъ доброопаснымъ правительствомъ въ тишинѣ и въ покоѣ и благоденствѣ, и поволилъ есми язъ Царь и Вел. князь Василій Ивановичъ всея Руси цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ, Вел. Гос., всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати и вотчинъ, и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ, и у женъ, и у дѣтей не отъимати, будетъ которые съ ними въ мысли не были. Также у гостей, у торговыхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертной вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ, лавокъ и животовъ не отъимати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ мнѣ, Вел. Гос., не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити со очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибло, а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ, что былъ взвелъ неподѣльно, тѣмъ самъ осудится. На томъ на всемъ, что въ сей записи писано, язъ Царь и Вел. князь Василій Ивановичъ всея Руси цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, что мнѣ, ихъ жалуя, судити истиннымъ, праведнымъ судомъ и безъ вины ни на кого опалы своей не класти, и недругамъ никому никого въ неправдѣ не подавати и отъ всякаго насильства оберегати" [1]). По словамъ лѣтописца царь въ Успенскомъ соборѣ

[1]) С. Г. Г. и Д., II, 141.

лично повторилъ эти обязательства, хотя нѣсколько въ другой формѣ [1]). Это показаніе мы разсмотримъ подробно ниже. По свидѣтельству Латухинской степен. книги Шуйскій съ своими сообщниками еще при устройствѣ заговора противъ перваго самозванца порѣшили: „разстригу того беззаконнаго убити, а по немъ на царство изъ нихъ кому царемъ быти, и никому за прежнія досады не мстити, но общимъ совѣтомъ Россійское царство управляти [2]). Остается еще показаніе XVIII в. Страленберга, неимѣющее самостоятельнаго значенія [3]). Очень стройное объясненіе этихъ довольно запутанныхъ извѣстій далъ проф. Ключевскій. Отвергая мысль о политической подкладкѣ борьбы Грознаго съ боярствомъ, находя, что опричнина была направлена противъ лицъ, а не противъ существующаго государственнаго порядка, онъ отмѣчаетъ перемѣну въ настроеніи боярства къ концу XVI в. Эта перемѣна произошла отчасти подъ вліяніемъ казней и опричнины, сдѣлавшихъ боярство менѣе терпѣливымъ и болѣе разбитымъ, отчасти подъ вліяніемъ идей о политической свободѣ, заходившихъ съ запада, въ частности изъ Польши. Но пока цѣла была старая династія, эти перемѣны не могли произвести дѣйствія на государственный порядокъ. „Старая династія, говоритъ проф. Ключевскій, собравшая это боярство, была крѣпкимъ узломъ всѣхъ его отношеній. Боярство привыкло къ ней, съ ней строило государственный порядокъ и заводило правительственный обычай. Обѣ стороны, несмотря на политическое разстояніе, все болѣе ихъ раздѣлявшее, знали цѣну другъ другу и многое прощали одна другой, какъ старые знакомые и товарищи. Московскій государь считалъ своихъ правительственныхъ сотрудниковъ наслѣдственными, извѣчными боярами своего дома. Бояре съ своей стороны видѣли въ немъ своего государя прирожденнаго, своего хозяина, и этотъ взглядъ, унаслѣдованный еще отъ удѣльнаго времени, болѣе всего, можетъ быть даже больше Ивановыхъ жестокостей, сдерживалъ боярскія притязанія и замыслы“ [4]). Прекращеніе старой династіи, появленіе на престолѣ людей изъ среды самихъ же бояръ, Годунова и Шуйскаго, заставило боярство подумать объ обезпеченіи своего политическаго существованія. Такими соображеніями объясняетъ проф. Ключевскій, почему съ царствованія Шуйскаго начался тотъ періодъ въ исторіи боярской Думы, за который ея политическое значеніе держалось не на правительственномъ только обычаѣ, но и на формальномъ договорѣ съ государемъ. Но такому

---

[1]) Никон. Лѣт., VIII, 76.
[2]) Л. 470.
[3]) Цитата у Ключевскаго, Бояр. Дума, стр. 361.
[4]) Бояр. Дума, 355—356.

пониманію дѣла противорѣчитъ вышеуказанный фактъ раздѣленія боярства при избраніи Шуйскаго; избираетъ его съ помощью заговора одна часть бояръ, другая хочетъ вести дѣло съ помощью земскаго собора, третья сразу становится въ оппозицію новоизбранному царю. Поэтому, если ц. Василію были предъявлены какія-либо обязательства, и онъ клятвенно обѣщался соблюдать ихъ, то эти обязательства шли не отъ цѣлаго сословія, не отъ боярской Думы, а отъ извѣстной группы бояръ, которымъ царь обязанъ былъ престоломъ. Въ приведенной крестоцѣловальной записи онъ даетъ обѣщаніе не казнить и не подвергать опаламъ никого, „не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими", и установить строгій порядокъ дознанія при доносахъ. „Вотъ всѣ политическія обезпеченія, говоритъ проф. Ключевскій, выговоренныя первостепеннымъ боярствомъ и обнародованныя въ манифестѣ. Они не шли далѣе личной и имущественной безопасности отъ произвола сверху" [1]), т.-е., говоря проще, никакихъ политическихъ обезпеченій здѣсь и не было. Если отказаться отъ мысли видѣть въ крестоцѣловальной записи политическія гарантіи боярской Думы и взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія личныхъ и имущественныхъ интересовъ бояръ, избравшихъ Шуйскаго, то дѣло объясняется просто. Ясно, какія времена вспоминаетъ запись, говоря объ истинномъ судѣ и устраненіи системы доносовъ. При Грозномъ и Годуновѣ боярство пережило тяжелый кризисъ болѣе въ личныхъ и имущественныхъ, чѣмъ въ политическихъ интересахъ. Казни, конфискаціи, ложные доносы, вообще отсутствіе истиннаго суда было главнымъ зломъ, отъ котораго такъ пострадало боярство, да и не оно одно, въ XVI в. Именно это зло, процвѣтавшее при Грозномъ и Годуновѣ, и имѣетъ въ виду запись ц. Василія, обѣщающая замѣнить всѣ эти аномаліи истиннымъ судомъ. Въ чемъ же долженъ былъ заключаться этотъ истинный судъ? Въ отличіе отъ деспотизма Грознаго и Годунова, Шуйскій обѣщаетъ возстановить уже давно извѣстную форму высшаго суда боярской Думы. Никакой новой политической формы не было создано, и поэтому фраза В. О. Ключевскаго, что по манифесту Шуйскаго Дума становилась высшимъ судилищемъ по самымъ важнымъ преступленіямъ и преимущественно „политическимъ", звучитъ преувеличеннымъ тономъ. Далѣе, что особенно важно, гарантіи, объявленныя въ записи, не относятся исключительно къ боярству; онѣ распространяются и на гостей и на торговыхъ людей и на все православное христіанство. Наконецъ въ утвержденіе своихъ обѣщаній Василій цѣлуетъ крестъ не боярской Думѣ, а всѣмъ „православнымъ христіанамъ". Отсюда прямой выводъ, что манифестъ не имѣетъ исключительной цѣлью

[1]) Бояр. Дума, 361.

интересы одного боярства. Вслѣдствіе этого, какъ увидимъ ниже, предположенія проф. Ключевскаго, что цѣлованіе Шуйскимъ креста въ Успенскомъ соборѣ сдѣлано въ противовѣсъ заявленному ограниченію его власти боярской Думой, представляются сомнительными.

Такъ какъ въ манифестѣ говорится о стѣсненіи личнаго произвола царя только въ судебныхъ дѣлахъ, то В. О. Ключевскій думаетъ, „что было выговорено и болѣе общее условіе, опущенное въ манифестѣ: можно думать, что, исполняя обѣщаніе, данное товарищамъ по заговору, ц. Василій обязался дѣлить власть съ боярами во всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ, а не въ однихъ судебныхъ" [1]); послѣднее обязательство тоже было оформлено въ видѣ записи, представлявшей подлинный договоръ Шуйскаго съ боярами и не сохранившейся [2]). Существованіе этого договора должно подтверждаться свидѣтельствами Латух. степен. книги и Страленберга. Но послѣдній, какъ источникъ поздній и мутный, можетъ имѣть значеніе только въ ряду другихъ. Отвергать цитированное уже свидѣтельство Латух. степен. книги объ управленіи государствомъ „общимъ совѣтомъ" нѣтъ достаточныхъ основаній; надо обратить вниманіе только на правильное его толкованіе. По прямому смыслу этого извѣстія совѣщаніе, на которомъ было рѣшено управлять царствомъ „общимъ совѣтомъ", просходило еще до убіенія Лжедимитрія, что признаютъ и всѣ изслѣдователи; а зная время этого рѣшенія, можно точно объяснить и выраженіе „общимъ совѣтомъ"; очевидно, что оно относится лишь къ тѣмъ боярамъ, которые были въ заговорѣ съ В. И. Шуйскимъ, т.-е. къ его братьямъ, кн. В. Голицину и кн. И. Куракину. Вполнѣ естественно, что эта партія чувствовала себя вправѣ предъявить новому царю, столько ей обязанному нѣсколько большія требованія, чѣмъ обезпеченіе личной и имущественной безопасности, и сдѣлала попытку къ олигархіи. Таковъ прямой смыслъ извѣстія Лат. степен. книги и нѣтъ основаній вмѣстѣ съ проф. Ключевскимъ думать, что „общимъ совѣтомъ" значитъ по совѣту *всѣхъ* бояръ. Соловьевъ въ объясненіи даннаго выраженія колебался между совѣтомъ бояръ и земскимъ соборомъ: „такъ какъ бояре уговаривались, то общимъ совѣтомъ прежде всего можетъ относиться къ нимъ, что и вѣроятнѣе, но можетъ также означать и соборъ" [3]).

Итакъ нельзя отвергать того, что Василій далъ своимъ това-

---

[1]) Бояр. Дума, ст. 361.

[2]) Ibidem, ст. 472: „При отсутствіи подлиннаго договора царя съ боярами нельзя сказать, былъ ли тамъ установленъ какой-либо порядокъ законодательства".

[3]) Ист. Россіи, т. VIII, 147.

рищамъ по заговору, а не всему боярству, не боярской Думѣ, обѣщаніе общаго характера возвысить ихъ участіе въ управленіи государствомъ болѣе, чѣмъ то имъ принадлежало по праву. Этимъ олигархическимъ характеромъ попытки нѣкоторой части боярства возвысить свое личное политическое положеніе выше опредѣленныхъ обычаемъ нормъ многое объясняется въ послѣдующихъ событіяхъ; прежде всего становится яснымъ, почему это обѣщаніе царя Василія не вошло ни въ одинъ оффиціальный актъ; объясняется странное повидимому поведеніе бояръ въ Успенскомъ соборѣ при присягѣ царя; наконецъ здѣсь надо искать ключа къ пониманію отношеній царя Василія къ боярству во все его царствованіе, когда и слѣда не остается отъ какихъ-либо ограниченій, когда Шуйскій дѣйствуетъ также самостоятельно, какъ и его деспотичные предшественники, Грозный и Годуновъ.

Понятна причина, почему бояре-олигархи не настаивали на внесеніи своихъ притязаній въ какой-либо оффиціальный актъ, существованіе котораго предполагаетъ, какъ мы видѣли, проф. Ключевскій. Это должно было встрѣтить отпоръ со стороны остального боярства, не участвовавшаго въ заговорѣ, а также и со стороны тѣхъ, кого лѣтописцы называютъ „всякими людьми", т.-е. той толпы разнообразнаго соціальнаго состава, которая играла большую роль въ смуту вообще и при Шуйскомъ въ частности. Получивъ личныя политическія прерогативы, приверженцы царя Василія справедливо не имѣли желанія связывать свое дѣло съ дѣломъ всего боярства, такъ какъ это умаляло бы ихъ личную роль. Но иначе должны были они смотрѣть на гарантіи личной и имущественной безопасности; здѣсь ихъ интересы не только не сталкивались, но, наоборотъ, самымъ тѣснымъ образомъ связывались съ интересами гостей, торговыхъ людей и всего православнаго христіанства; поэтому въ своей крестоцѣловальной записи царь распространяетъ упомянутыя гарантіи не только на преданную ему партію бояръ, но и на прочіе классы, скрѣпляя ихъ присягой всему православному христіанству.

Когда Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ, то, по разсказу лѣтописи, онъ пошелъ въ Успенскій соборъ и сталъ тамъ говорить, чего искони вѣковъ въ московскомъ государствѣ не повелось: „цѣлую де крестъ всей землѣ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ не дѣлать безъ собору никакого дурна; отецъ виноватъ и надъ сыномъ ничего не дѣлать, а будетъ сынъ виноватъ, то отцу никакого дурна не дѣлать, а которая де была мнѣ грубость при царѣ Борисѣ, никакъ никому не мстить". Бояре и всякіе люди протестовали и требовали, чтобы онъ на томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось; но царь не послушалъ ихъ и поцѣло-

валъ крестъ; а со всею землею и съ городами о томъ не ссылались [1]). В. О. Ключевскій видитъ въ этомъ поступкѣ Василія чрезвычайно тонкую уловку; принужденный боярами ограничить свою власть Думой, онъ въ Успенскомъ соборѣ сдѣлалъ будто бы попытку освободиться отъ обязательствъ передъ боярами, присягнувъ всей землѣ, т.-е. ограничивъ свою власть не боярской Думой, а земскимъ соборомъ, и руководясь при этомъ понятнымъ соображеніемъ: ограниченія власти требовало высшее боярство, а не вся земля, и потому земскій соборъ былъ бы гораздо болѣе удобнымъ товарищемъ по власти, чѣмъ боярская Дума. Но бояре, понявъ въ чемъ дѣло, протестовали противъ присяги царя всей землѣ. „Слѣдовательно бояре возражали не противъ ограниченія царской власти вообще. Они могли возражать только противъ присяги царя всей землѣ, противъ ограниченія его власти земскимъ соборомъ, а не боярской Думой“ [2]). Эти, сами по себѣ очень остроумныя, соображенія проф. Ключевскаго г. Маркевичъ вполнѣ справедливо однако называетъ слишкомъ искусственными. Дѣйствительно, если В. О. Ключевскій въ поступкѣ царя въ Успенскомъ соборѣ видитъ реакцію противъ обѣщаній, данныхъ боярству въ манифестѣ, то это несправедливо уже потому, что, какъ мы старались показать выше, манифестъ вовсе не содержитъ гарантій исключительно въ пользу боярства, и рѣшительно ничѣмъ нельзя доказать, что власть Василія была ограничена боярской Думой. Соловьевъ находитъ, что устная клятва предшествовала записи, въ которой слова царя были нѣсколько измѣнены: „любопытно, если лѣтописецъ не ошибся, и Шуйскій сначала обязывался не произносить смертныхъ приговоровъ безъ соборнаго рѣшенія, какъ сдѣлалъ Лжедимитрій въ дѣлѣ самого Шуйскаго, а потомъ уже въ грамотѣ вмѣсто собора поставлено: „не осудя съ бояры своими“, что сообразнѣе было съ прежнимъ обѣщаніемъ при составленіи заговора—общимъ совѣтомъ россійское царство управлять“ [3]). А. И. Маркевичъ, отрицая вообще ограниченіе власти Шуйскаго, думаетъ, что Василій цѣловалъ крестъ по собственной инціативѣ для большаго увѣренія бояръ, его избравшихъ; занесеніе же этой клятвы въ запись и сообщеніе ея воеводамъ было уже дѣломъ канцелярскимъ; лѣтописный разсказъ о томъ, что происходило въ Успенскомъ соборѣ, г. Маркевичъ считаетъ собственнымъ домысломъ разскащика, вслѣдствіе чего нельзя придавать значеніе выраженію „безъ собора“; наконецъ протестъ бояръ относился не къ дарованію царемъ обѣщаній, а къ публичной

---

1) Ник. Л., VIII, 76; Лѣт. мят., 103; Соловьевъ, VIII, 146.
2) Бояр. Дума, 363—364.
3) Ист. Россіи, VIII, 146.

присягѣ [1]). И съ мнѣніями Соловьева и Маркевича мы также не можемъ вполнѣ согласиться. Прежде всего, что касается соотношенія между крестоцѣловальной записью и устной клятвой, то оно вполнѣ ясно представлено въ извѣстительныхъ грамотахъ о восшествіи на престолъ царя Василія, разосланныхъ по городамъ. Къ каждой такой грамотѣ были приложены царская крестоцѣловальная запись и образецъ присяги для бояръ и всякихъ чиновъ людей; объ этихъ двухъ записяхъ царь говоритъ въ извѣстительной грамотѣ: „а по которой записи цѣловалъ изъ Царь и Вел. князь, и по которой записи цѣловали бояре и вся земля, и мы тѣ записи послали къ Вамъ" [2]) Отсюда слѣдуетъ, что запись предшествовала устной клятвѣ, а не наоборотъ, т.-е., что царь клялся въ Успенскомъ соборѣ уже по заготовленной ранѣе записи. Такому выводу вполнѣ соотвѣтствуетъ и общее положеніе дѣлъ. Если нельзя согласиться съ В. О. Ключевскимъ относительно заключенія политическаго договора между царемъ и Думой, то съ другой стороны ничѣмъ нельзя доказать и противоположной крайности мнѣнія проф. Маркевича, что Шуйскій далъ лишь добровольныя обѣщанія. Изъ совокупности приведенныхъ свидѣтельствъ очевидно, что гарантіи, выраженныя въ записи, были поставлены заговорщиками 17 мая, какъ условія къ занятію престола, какъ требованія; ихъ не вымаливали, а добивались; но въ такомъ случаѣ бояре, воцарившіе Василія, слишкомъ многимъ рисковали бы, если бы стали терпѣливо дожидаться, когда царю угодно будетъ въ любой для него формѣ подтвердить клятвой свои обязательства. Составленіе опредѣленной формы для клятвы было логической необходимостью. Наконецъ надо быть слишкомъ высокаго мнѣнія о нравственныхъ достоинствахъ новаго царя, чтобы считать его способнымъ добровольно дать такія обязательства, которыя онъ самъ же потомъ нарушалъ. Но, могутъ возразить, отождествлять крестоцѣловальную запись и устную клятву невозможно потому, что при сходствѣ выраженій той и другой въ нихъ есть уже то коренное различіе, что въ первой говорится о судѣ боярской Думы, а во второй о соборѣ. Чтобы дать удовлетворительное объясненіе послѣднему выраженію, „не дѣлать никому никакого дурна безъ собору", надо прибѣгнуть къ крайне искусственнымъ и неосновательнымъ предположеніямъ, какія представилъ, какъ мы видѣли, В. О. Ключевскій: невозможность объяснить данное выраженіе, опираясь на факты, его прямое противорѣчіе съ другими свидѣтельствами источниковъ побуждаютъ скептически отнестись къ передачѣ лѣтописцемъ

[1]) Журн. Мин. Нар. Пр., 1891 г., октябрь, 394—395.
[2]) А. А. Э., т. II, № 44. С. Г. Г. и Д., II, №№ 141—143, 145.

устной клятвы царя. Уже Соловьевъ заподозрилъ въ лѣтописномъ разсказѣ ошибку. А. И. Маркевичъ пошелъ далѣе и выраженіе „безъ собору“ объясняетъ, какъ домыслъ лѣтописца [1]). Такое заключеніе представляется намъ всего болѣе вѣроятнымъ тѣмъ болѣе, что предполагаемыя обязательства Василія относительно земскаго собора не имѣли никакихъ практическихъ послѣдствій да едва ли и могъ быть осуществимъ на дѣлѣ земскій соборъ въ видѣ постояннаго не только судебнаго, но и административнаго, учрежденія, ограничивающаго самодержавіе царя. Примѣръ осужденія самого Шуйскаго на соборѣ при Лжедимитріи въ 1605 г. не можетъ быть приведенъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ источники говорятъ объ этомъ соборѣ очень кратко и смутно [2]) и не даютъ права заключать, что это былъ дѣйствительно земскій соборъ, т.-е. составленный изъ представителей всей земли, а не одной только Москвы.

Нѣтъ нужды прибѣгать къ какимъ - либо сложнымъ предположеніямъ и для объясненія протеста бояръ; дѣло тутъ вполнѣ ясно; это опять таже партія бояръ, которая при избраніи царя не хотѣла сходить съ почвы обычая и закона, думала о земскомъ соборѣ; она не протестовала, за исключеніемъ нѣкоторыхъ бояръ, противъ избранія Шуйскаго, потому что оно было замаскировано и представлено законнымъ, но сочла нужнымъ протестовать противъ непонятнаго для нея новаго шага царя, не оправдываемаго обычаемъ [3]). Клятва Василія производила тяжелое впечатлѣніе еще и тѣмъ, что не вѣрили въ ея искренность: „въ церковь соборную Божія Матери вшедъ. разсказываетъ князь Ив. Ан. Хворостининъ, безстрастіемъ дерзновенія исполнився и не положи Бога предъ собою, по писанному, но веемъ честное всемірное наше орудіе, Христа Бога нашего святый покланяемый крестъ, рече самодержецъ новоизбранный царь людямъ, благодаренія творяше, лукаво крестъ лобза, клятву симъ на ся взда. И тако всему міру клятва потребу творити всѣмъ въ царствіи его живущимъ! О бѣда! О скорбь! единаго ради малаго времени житія сего свѣтомъ льстится царь и клятву возводитъ на главу свою, никто же отъ человѣкъ того отъ него требуя, но самоволнѣ клятвѣ издався [4]). Протестъ былъ настолько не энергиченъ, что царь не внялъ ему и по-

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1891 г., октябрь, 394.

[2]) Свидѣтельства о соборѣ у В. Н. Латкина въ книгѣ „Земскіе соборы древней Руси“, ст. 98—99.

[3]) Намъ кажется, что А. И. Маркевичъ слишкомъ съуживаетъ значеніе протеста, говоря, что „бояре противились не дарованію обѣщаній, а публичной присягѣ“ т.-е. чисто формальной сторонѣ поступка. Ж. М. Н. Пр. 1891 г., окт. 395.

[4]) Р. И. Б., XIII, 542.

цѣловалъ крестъ; здѣсь мы видимъ ту характерную черту протестовавшей партіи, какую не разъ встрѣтимъ и впослѣдствіи; это пассивность, полное отсутствіе энергіи.

Оканчивая разборъ источниковъ и ученыхъ мнѣній о воцареніи Василія Шуйскаго, повторимъ вкратцѣ выводы, къ которымъ онъ привелъ. Основной фактъ, объясняющій отношенія Шуйскаго къ боярству—раздѣленіе послѣдняго. При избраніи Василія въ его пользу дѣйствуетъ не все боярство, а лишь часть его, вступившая въ заговоръ противъ Лжедимитрія; эта партія еще до провозглашенія Василія царемъ добилась для себя личныхъ и негарантированныхъ никакимъ оффиціальнымъ документомъ выгодъ, большаго вліянія на дѣла, а для всѣхъ сословій обезпеченія праваго суда, выраженнаго въ записи, въ исполненіи которой царь цѣловалъ крестъ въ Успенскомъ соборѣ. Остальное боярство, не участвовавшее въ заговорѣ, думало о созывѣ земскаго собора, но, не успѣвъ въ этомъ, пассивно отнеслось къ провозглашенію Шуйскаго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ личныхъ враговъ царя, и протестовало противъ клятвы царя, какъ противъ поступка, не оправдываемаго обычаемъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что никакихъ теоретическихъ притязаній на возвышеніе своего политическаго значенія и на ограниченіе самодержавной власти царя со стороны боярской Думы, какъ представительницы сословія и какъ государственнаго учрежденія, не было.

Прежде, чѣмъ перейти отъ теоріи къ дѣйствительности и разсмотрѣть, какъ Шуйскій поставилъ свои отношенія къ боярамъ на практикѣ, приведемъ весьма интересный документъ, въ которомъ сами бояре высказываютъ теоретическій взглядъ на свои отношенія къ царю Василію. Въ половинѣ августа 1608 г. Рожинскій прислалъ къ боярамъ грамоту изъ Тушина съ изъявленіемъ желанія вступить съ ними въ переговоры. Вотъ что отвѣчали ему бояре: „пишите къ намъ, боярамъ и ко всѣмъ людямъ Московскаго государства о ссылкахъ, чтобы мы бояръ, дворянъ и изо всѣхъ чиновъ людей прислали къ вамъ говорить о добромъ дѣлѣ, а вы пришлете къ намъ пановъ и рыцарскихъ людей. Пишете, чего знающимъ людямъ писать не годится. Въ Россійскомъ государствѣ надъ нами государь нашъ царь и великій князь Василій Ивановичъ, и мы всѣ единодушнымъ изволеніемъ имѣемъ его какъ и прежнихъ великихъ государей, и въ великихъ дѣлахъ безъ его повелѣнія и начинанія ссылаться не привыкли... 1)“.

Объ отношеніяхъ Василія къ боярамъ послѣ того, какъ онъ „самодвижно воздвигся на царство“, источники говорятъ, повидимому,

---

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VIII, стр. 185.

еще болѣе противорѣчиво и запутанно, если не имѣть въ виду существованія въ средѣ боярства различныхъ партій, по отношенію къ которымъ царь держался разной политики. Съ одной стороны современники разсказываютъ, что при Шуйскомъ бояре стали имѣть гораздо больше власти, чѣмъ самъ царь, что царемъ играли „яко дѣтищемъ“, а съ другой цѣлый рядъ извѣстій показываетъ, что Василій, вопреки присягѣ, ожесточенно преслѣдуетъ своихъ враговъ. Извѣстіе современниковъ о боярахъ, имѣвшихъ власти больше, чѣмъ царь, на основаніи вышесказаннаго очевидно нельзя распространять на все боярство; оно должно относиться лишь къ партіи приверженцевъ Шуйскаго, а выраженіе „имѣли больше власти“ не настолько еще категорично и опредѣленно, чтобы толковать его въ смыслѣ политическаго значенія; въ данномъ случаѣ можно согласиться съ Соловьевымъ, что здѣсь разумѣется намекъ на личное своеволіе приверженцевъ Шуйскаго и ихъ безнаказанность [1]).

Шуйскій, какъ человѣкъ хитрый и проницательный, не разбиравшій средствъ къ достиженію своихъ цѣлей, какъ нельзя лучше воспользоваться раздѣленіемъ боярства, обративъ въ ничто скрѣпленныя присягой обязательства. Получивъ власть въ руки и опираясь на партію приверженцевъ, онъ счелъ возможнымъ подвергнуть лично враждебную ему партію преслѣдованію. Вмѣстѣ съ боярами пострадали думные дьяки, стольники, дворяне; это показываетъ, что враги царя Василія имѣли много приверженцевъ среди служилыхъ людей [2]). Василій забылъ также и объ обѣщаніи не подвергать опаламъ вмѣстѣ съ виновными ихъ родственниковъ. Князь С. Шаховской, посланный въ 1606 г. на службу подъ Елецъ, былъ внезапно схваченъ, привезенъ въ Москву, а отсюда отправленъ въ Новгородъ; при этомъ самъ Шаховской замѣчаетъ, что царь не сказалъ ему никакой вины. По справедливой догадкѣ С. Ѳ. Платонова, Шуйскій сослалъ князя Семена всего вѣроятнѣе потому, что онъ былъ роднымъ племянникомъ извѣстнаго Григорія Петровича Шаховскаго, возставшаго противъ Шуйскаго въ 1606 г. [3]). Всѣ эти явныя нарушенія Шуйскимъ его обязательствъ не встрѣтили однако со стороны боярства единодушнаго протеста. Но, какъ и слѣдовало ожидать, Шуйскій не могъ сразу и окончательно раздѣлаться со своими личными врагами; для интригъ послѣднихъ былъ хорошо подготовленный матеріалъ въ московской черни, уже получившей вкусъ къ уличнымъ мятежамъ и дворцовымъ переворотамъ. Рядъ уличныхъ мя-

---

[1]) Соловьевъ, VIII, 151.
[2]) Ник. Лѣт. VIII, 77. Карамзинъ, XII, изд. 4, стр. 8.
[3]) Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени, 232.

тежей противъ царя очень любопытенъ для освѣщенія занимающаго насъ вопроса. Особый интересъ имѣетъ случай, разсказанный очевидцемъ Маржеретомъ. „Въ одинъ воскресный день увидѣлъ онъ (т. е. царь) множество народа у дворца: толпы были созваны извѣстіемъ, что царь будетъ говорить съ народомъ. Шуйскій остановился и съ плачемъ началъ говорить окружавшимъ его, что имъ не нужно выдумывать коварныхъ средствъ, если хотятъ отъ него избавиться, что, избравъ его царемъ, могутъ и низложить его, если онъ имъ неугоденъ, и что онъ оставитъ корону безъ сопротивленія. Потомъ, отдавъ царскій посохъ и шапку, продолжалъ: „если такъ, то выбирайте, кого хотите". Но въ ту же минуту снова принялъ жезлъ и сказалъ: „мнѣ уже надоѣли эти козни; то меня хотите умертвить, то вельможъ и иностранцевъ, или по крайней мѣрѣ думаете ограбить ихъ; если вы меня признаете царемъ, то я требую казни виновныхъ". Тогда всѣ воскликнули, что они клялись ему въ вѣрности, хотятъ умереть за него и просятъ показать преступниковъ; было схвачено пять человѣкъ изъ толпы, высѣчены кнутомъ и сосланы. Въ приговорѣ объявили, что Мстиславскій оправданъ и что вся вина падаетъ на П. Н. Шереметева; его послали въ Псковъ воеводой" [1]). Несомнѣнно, что попыткой поднять описанный мятежъ руководили нѣкоторые бояре; по крайней мѣрѣ слѣдствіе открыло, что бояринъ П. Н. Шереметевъ составилъ заговоръ въ пользу князя Ѳ. И. Мстиславскаго. Этого Шереметева мы впервые встрѣчаемъ въ числѣ враговъ Василія, равно какъ съ другой стороны ничего неизвѣстно и объ его близости къ царю. Его родство съ Мстиславскимъ заставляетъ думать, что онъ принадлежалъ къ той боярской партіи, которая желала оставаться на законной почвѣ. Но дѣйствія Шуйскаго послѣ воцаренія, его клятвопреступничество, вообще узкоэгоистическая политика, должны были вооружить противъ него болѣе энергичныхъ членовъ названной партіи. Люди, опредѣлившіе свои отношенія къ царю степенью лойяльности послѣдняго, дѣлались его врагами, какъ скоро убѣждались въ его эгоизмѣ.

Положеніе Василія особенно ухудшилось съ тѣхъ поръ, какъ явилось Тушино, сдѣлавшееся естественнымъ центромъ для враговъ Василія. Но кромѣ воеводъ передававшихъ города самозванцу, кромѣ явныхъ перелетовъ въ Москвѣ усилилась партія тайныхъ враговъ, въ числѣ которыхъ, что особенно важно, оказались прежніе приверженцы Василія, соучастники его въ заговорѣ противъ перваго самозванца, кн. В. В. Голицынъ и кн. И. С. Куракинъ, къ которымъ, по свидѣ-

---

[1]) Устряловъ, Сказаніе современниковъ, III, 100. Соловьевъ, VIII, 154.

тельству Латухинской степенной книги, Василій „нача опасенъ быти“ [1]). Подъячій Чубаровъ, „перелетавшій“ въ Тушино 6 мая 1609 г., разсказывалъ здѣсь о положеніи Москвы и царя: „изъ бояръ прямятъ государю Дмитрію Ивановичу кн. Борисъ Лыковъ, кн. Ив. Куракинъ, князь Василій да князь Андрей Голицыны да кн. Ив. Дм. Хворостининъ, а съ ними дворяне, дѣти боярскіе и торговые люди, а сколько ихъ человѣкъ и кто именемъ, того не упомнетъ“ [2]). Вѣроятно именно эту партію имѣли въ виду польскіе послы, возвратившіеся изъ Москвы и увѣрявшіе Сигизмунда, что бояре за него, что стоитъ только ему показаться съ войскомъ въ предѣлахъ московскихъ, какъ бояре заставятъ Шуйскаго отказаться отъ престола и провозгласятъ царемъ королевича Владислава [3]). Но, говоря о врагахъ царя, послы поторопились сдѣлать заключеніе. Какъ ни многочисленна была партія бояръ, враговъ царя, но ее нельзя отождествлять со всей массой боярства; да и сами враги Василія не составляли партіи въ собственномъ смыслѣ слова, въ ихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ не видно ни малѣйшаго единодушія; послѣднее очень убѣдительно доказывается не разъ повторявшимися попытками свергнуть Василія. Съ одной мы уже знакомы; разсмотримъ еще двѣ. Первая была сдѣлана 17 февраля 1609 г.; руководителями были кн. Р. Гагаринъ, Гр. Сунбуловъ, Тим. Грязной. Бояре, къ которымъ обратились заговорщики, всѣ разбѣжалось, за исключеніемъ кн. В. В. Голицына, который явился на площадь. Конечно нельзя поручиться за достовѣрность тѣхъ переговоровъ между заговорщиками съ одной стороны, народной толпой и царемъ съ другой, о которыхъ съ такими подробностями разсказываютъ нѣкоторые источники [4]), но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что заговоръ не удался вслѣдствіе несочувственнаго къ нему отношенія большинства бояръ.

Послѣдней неудавшейся попыткой мятежа руководилъ бояринъ Ив. Ѳед. Крюкъ-Колычовъ, нѣкогда близкій къ Василію человѣкъ, какъ можно заключить изъ того, что 17 января 1608 г. онъ былъ

---

¹) Л. 474.

²) А. И. II, № 212.

³) Соловьевъ, VIII, 249—250.

⁴) „А коли бы таковому совѣту быти, ино были бы тутъ болшіе бояре, да и всякихъ чиновъ люди“ — говорили въ народѣ; самъ Василій встрѣтилъ заговорщиковъ словами: „...аще ли отъ престола и царства мя изгоняете, то не имате сего учинити, дондеже снидутся большіе бояре и всякихъ чиновъ люди“... Изб. Попова, 198; Ник. Лѣт. VIII, 111—112. А. Э., II, № 169; Лѣт. о мят. 150; Лат. Степ. кн., л. 495, 508.

дружкомъ на царской свадьбѣ вмѣстѣ съ Скопинымъ-Шуйскимъ [1]). Заговоръ былъ обнаруженъ и Крюкъ-Колычовъ казненъ [2]).

Въ чемъ же заключается причина неудачъ всѣхъ заговоровъ противъ Василія? Повидимому, всѣ средства были въ рукахъ заговорщиковъ, всѣ благопріятныя обстоятельства на ихъ сторонѣ; Василія считали несчастнымъ царемъ: ненавистниковъ у него вездѣ было много, и въ народѣ и среди служилыхъ людей; по зову заговорщиковъ всегда являлись толпы народа. И такъ матеріальныя средства были всегда на-лицо; оставалось только умѣло ими воспользоваться. Стеченіе всѣхъ обстоятельствъ отдавало руководящую роль боярамъ; мы видѣли, что къ нимъ прежде всего обращаются заговорщики 17 февраля, на нихъ ссылается патріархъ и другія лица, говоря, что безъ воли бояръ нельзя свести царя съ престола; наконецъ, самъ Василій всегда смѣло кидаетъ заговорщикамъ упрекъ, что бояре не на ихъ сторонѣ и что безъ бояръ съ нимъ ничего нельзя подѣлать. Между тѣмъ, боярство, помимо личныхъ отношеній и чувствъ, имѣло достаточно основаній враждебно относиться къ царю; нарушеніе данныхъ имъ клятвъ было слишкомъ очевидно. Дѣйствительно, тотчасъ по воцареніи Василія являются его тайные и явные враги; число ихъ съ теченіемъ времени все растетъ; на ихъ сторону переходятъ такіе преданные прежде царю люди, какъ князья Голицынъ и Куракинъ. Наконецъ, отдѣльные бояре начинаютъ составлять заговоры; стоило бы остальному боярству примкнуть къ нимъ, и успѣхъ заговоровъ былъ бы внѣ сомнѣнія. Но ничего подобнаго не видно; бояре или прямо поддерживаютъ царя своимъ пассивнымъ поведеніемъ, даютъ ему возможность открыто опираться на нихъ, или прямо разбѣгаются по домамъ выжидать окончанія дѣла. Это объясняется тѣмъ фактомъ, на который, какъ мы уже не разъ указывали, слѣдуетъ обратить особое вниманіе при изученіи отношеній царя Василія къ боярству; это—раздробленность бояръ, отсутствіе въ нихъ единодушія. Врагами царя руководили не общіе интересы, а узкій эгоизмъ, какъ это особенно ясно сказалось въ поведеніи князя Р. Гагарина, одного изъ заговорщиковъ 17 февраля [3]).

И низложеніе Василія не было, очевидно, дѣломъ боярскихъ рукъ. Полная утрата царемъ его популярности въ народѣ, подъ вліяніемъ всѣхъ несчастій его царствованія, позволила такимъ энергичнымъ

---

[1]) Древ. Рос. Вивліоѳ., XIII, 123. И боярство ему сказано при Василіи. Вивл., XX, 81.

[2]) О заговорѣ Крюка-Колычова Ник. Лѣт., VIII, 112; Лѣт. о мят. 151, Латух. Степ. кн., л. 496, А. И., II, № 212.

[3]) Уйдя въ Тушино послѣ неудачи заговора 17 февраля, онъ скоро вернулся и сталъ говорить, что въ Тушинѣ прямо истинный воръ. Ник. Лѣтоп., 112, Латух. ст. кн., л. 497.

и рѣшительнымъ людямъ, какими были братья Ляпуновы, довести дѣло до конца; кн. В. Голицынъ, участвовавшій въ заговорѣ, ведетъ себя также уклончиво и осторожно, какъ и въ заговорѣ 17 февраля. Со стороны народной толпы, собравшейся въ такомъ количествѣ, что все сборище не могло помѣститься на площади и должно было перейти за Москву-рѣку къ Серпуховскимъ воротамъ, заговорщики уже не встрѣтили протеста, какъ это было 17 февраля [1]); боярамъ оставалось только признать совершившійся фактъ. По словамъ Новаго Лѣтописца, „бояре не многіе постояху за него и тѣ тутъ же уклонишась"; точно также и Рукопись Филарета говоритъ о сопротивленіи бояръ и патріарха [2]). Но можно спросить, какимъ же образомъ бояре, не принимавшіе дѣятельнаго участія въ сверженіи царя и примкнувшіе уже къ совершившемуся факту, послѣ этого становятся во главѣ правительства, приводятъ землю къ присягѣ боярской Думѣ? Какъ согласить этотъ внезапный припадокъ энергіи съ прежней вялостью и пассивностью? Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ дѣло объясняется естественнымъ порядкомъ вещей. Руководители заговора, низложившаго Василія, уже по своему соціальному положенію не могли стать во главѣ правительства; да и по личному характеру, насколько мы можемъ о немъ судить, они не могли играть такой роли; никто, можетъ быть, лучше ихъ не могъ руководить толпой мятежниковъ, совершить дворцовый переворотъ, но дальше этого ихъ способности не шли. Правда, съ ними за-одно былъ кн. Вас. Голицынъ, прямой кандидатъ на престолъ. Но онъ слишкомъ рисковалъ бы, еслибъ захотѣлъ сѣсть на царство посредствомъ заговора, подобно Василію. Какъ ни старался послѣдній замаскировать незаконность своего воцаренія, но это ему совершенно не удалось; современники писали въ своихъ литературныхъ трудахъ и кричали на площади, что онъ царь беззаконный, сѣлъ на царство безъ вѣдома всей земли, что всѣ бѣды навлекъ онъ своимъ „скоропомазаніемъ" [3]). При томъ поведеніе Голицына во время заговоровъ противъ Василія показываетъ въ немъ человѣка крайне осторожнаго. Дважды мы видѣли его въ соучастіи съ заговорщиками, но оба раза онъ не дѣйствуетъ открыто, а держится выжидательнаго

[1]) Еще про первый мятежъ Маржеретъ говоритъ, что Шуйскаго свергли бы, еслибы народу собралось больше.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 137—139; Сборн. Муханова, 293; Лат. степ. кн. л. 509. По Рукописи Филарета, всѣ бояре стояли за царя, но, конечно, свидѣтельство лѣтописца надо предпочесть. Мѣсто „Плача о плѣненіи и раззореніи... Моск. Гос.", приписывающее сверженіе царя боярамъ, — позднѣйшая вставка. С. Ѳ. Платонова, Сказанія и Повѣсти, 107—108.

[3]) Ср. повѣсть Катырева-Ростовскаго, Изб. Попова, 304; Р. И. Б., XIII, 602. Столяров. хронографъ, Изб., 346.

положенія; послѣ неудачи заговора 17 февраля 1609 г., когда заговорщики бѣжали въ Тушино, онъ спокойно остался въ Москвѣ: такъ своей осторожностью онъ не позволилъ скомпрометировать себя. Оставался еще патріархъ, какъ лицо, могшее стать во главѣ управленія до избранія новаго царя, но Гермогенъ считалъ долгомъ бороться съ естественнымъ ходомъ событій и требовалъ невозможнаго—возвращенія къ власти Шуйскаго. И такъ, принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, нельзя не придти къ убѣжденію, что принятіе боярской Думой власти въ свои руки было дѣломъ вполнѣ естественнымъ и необходимымъ. Кн. Ѳ. И. Мстиславскій съ товарищами, эти знаменитые „седьмь бояриновъ", были, можетъ быть, наиболѣе консервативной партіей среди боярства.

Теперь намъ остается разсмотрѣть внутреннюю дѣятельность правительства царя Василія; предполагаемое самовластіе Думы должно было бы конечно выразиться въ законодательныхъ актахъ; изъ этихъ немногочисленныхъ памятниковъ царствованія Шуйскаго имѣютъ отношеніе къ занимающему насъ вопросу только указы о холопствѣ, въ которыхъ, повидимому, вполнѣ опредѣленно высказалась оппозиція боярства самовластію царя. Дѣло происходило, какъ извѣстно, такъ: 7 марта 1607 г. царь безъ участія боярской Думы издалъ указъ, по которому свободные люди, прослужившіе у кого-нибудь въ холопствѣ добровольно полгода или годъ или больше не могутъ быть отдаваемы въ неволю, если сами не захотятъ дать на себя кабалъ. 12 сентября 1609 г. Дума, засѣдавшая безъ царя, постановила отмѣнить указъ 1607 г. и возстановить законъ 1597 г., по которому прослужившій въ холопствѣ полгода обязательно долженъ былъ дать на себя кабалу [1]). Въ отмѣнѣ Думой указа 1607 г. Соловьевъ видитъ доказательство могущества бояръ при Шуйскомъ: „они могли останавливать царскія распоряженія о холопахъ, находя ихъ для себя невыгодными" [2]). Точно также и проф. Владимирскій-Будановъ подчеркиваетъ этотъ фактъ, какъ доказательство самовластія Думы [3]). Но еслибы бояре дѣйствительно могли и хотѣли останавливать царскія распоряженія изъ личныхъ выгодъ, то непонятно, почему они не сдѣлали этого тотчасъ по изданіи закона 1607 г., а ждали цѣлыхъ полтора года. Вѣдь невыгода этого закона для холоповладѣльцевъ была настолько ясна, что доказывать ее полуторагодовымъ опытомъ было совершенно излишне. Еще менѣе можетъ служить доказательствомъ мысли Соловьева то, что Дума соб-

---

[1]) А. И., II, № 85. Влад. Будан., Хрестом., изд. 3, вып. 3, стр. 101—102.
[2]) Исторія Россіи, VIII, 288.
[3]) Хрестоматія, вып. 3, стр. 102; Обозр. ист. рус. права, стр. 162.

ственной властью отмѣнила законъ, изданный безъ ея вѣдома. Формальный порядокъ дѣятельности Думы, какъ высшаго законодательнаго учрежденія, отличался крайней неопредѣленностью. Приведемъ наиболѣе компетентное мнѣніе по этому вопросу. „Государь ежедневно дѣлалъ много правительственныхъ дѣлъ безъ участія совѣта,—говоритъ проф. Ключевскій,—какъ и боярскій совѣтъ рѣшалъ много дѣлъ безъ участія государя. Но это вызывалось соображеніями правительственнаго удобства, а не вопросомъ о политическихъ правахъ и прерогативахъ, было простымъ раздѣленіемъ труда, а не разграниченіемъ власти.“ 1) Подобное же раздѣленіе труда замѣчается и при Шуйскомъ. Такъ 25 февраля 1608 г. начальники холопьяго приказа, кн. Ив. Андр. Солнцевъ, Казаринъ Давидовичъ Бѣгичевъ и дьякъ Дорога Хвицкой, три вопроса по холопьимъ дѣламъ представили на разрѣшеніе Думѣ, а одинъ царю. „Трудно угадать,—говоритъ Владимірскій-Будановъ,—почему въ одинъ и тотъ же день одни вопросы шли на разрѣшеніе Думы, другіе—царя, и почему обѣ эти законодательныя власти дѣйствовали въ этотъ случаѣ раздѣльно“. 2) Сдѣлаемъ попытку нѣсколько разъяснить этомъ вопросъ. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ раздѣленіе труда между царемъ и Дуиой обусловливалось содержаніемъ возбужденныхъ вопросовъ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ требовалось разъяснить затрудненія, созданныя обстоятельствами смуты; надо было рѣшить, кому должны принадлежать холопы лицъ, подвергшихся опалѣ за измѣну,взятые изъ тюремъ на поруку и давшіе своимъ поручителямъ кабалы, должны ли они были возвратиться къ своимъ прежнимъ господамъ въ случаѣ прощенія послѣднихъ. Въ другомъ случаѣ дворяне и дѣти боярскія, попавшія въ опалу при первомъ самозванцѣ, искали тѣхъ своихъ холопей, которымъ во время опалы были выданы отпускныя. Наконецъ третій вопросъ былъ чисто процессуальный; возникало затрудненіе, какъ поступать въ томъ случаѣ, если въ тяжбѣ о холопахъ отвѣтчикъ не поставитъ холопа къ сроку подъ предлогомъ, что тотъ холопъ у него сбѣжалъ. 3) Рѣшенія по этимъ вопросамъ не вносили существенныхъ поправокъ въ существующее законодателхство, имѣли значеніе адмистративныхъ распоряженій. Несравнно важнѣе былъ вопросъ о бѣглыхъ холо-

---

1) Боярская Дума, стр. 456.—Любопытно также по этому вопросу письмо Мих. Салтыкова къ Сапегѣ въ 1610 г....: при прежнихъ государѣхъ Великихъ царѣхъ, коли они въ отъѣздѣ бывали, безъ нихъ государей на Москвѣ бояре помѣстья давали; не токмо на Москвѣ, и въ Новгородѣ и въ Казани бояре и воеводы помѣстья даютъ, чтобы тѣмъ на Москвѣ людей удержать А. И. II, № 306, IV.

2) Хрестоматія, III, 104.

3) А. И. II, № 85, II.

пахъ, давшихъ на себя новыя кабалы, рѣшенный лично царемъ. Этотъ вопросъ былъ до извѣстной степени новымъ; указъ царя Ѳеодора 1597 г., хотя и предусматриваетъ бѣгство холопей и предписываетъ господамъ въ такихъ случаяхъ предъявлять въ холопій приказъ кабалы на бѣглыхъ для внесенія ихъ въ записныя книги, чтобы потомъ въ случаѣ поимки бѣглаго возстановить на него старую кабалу, но онъ не предусматриваетъ тѣхъ, конечно, весьма частыхъ случаевъ, когда бѣглые холопы давали на себя новыя кабалы новымъ господамъ. 19 марта 1608 г. Василій указалъ отдавать бѣглыхъ холопей тѣмъ, кому они сами дали на себя кабалы въ бѣгахъ: почему у себя держалъ холопа безъ крѣпости. [1]) Это, очевидно ,тотъ же самый принципъ, что и въ указѣ 1607 г.: не держи холопа безъ кабалы ни одного дня. Чрезъ два мѣсяца указъ 19 марта единоличнымъ же приказаніемъ царя былъ отмѣненъ. Итакъ въ данномъ случаѣ раздѣленіе труда между царемъ и боярами основано было на степени важности поднятыхъ вопросовъ; царь, вообще стремившійся къ облегченію участи холоповъ, лично рѣшилъ, но неудачно, наиболѣе важный вопросъ, второстепенные отдалъ боярамъ, что едва ли могло случиться, еслибы существовалъ предполагаемый антогонизмъ между царемъ и Думой.

Но возвратимся къ указу 1607 г. и отмѣнѣ его Думой. Проф. Ключевскому удалось разсѣять туманъ, скрывавшій въ данномъ случаѣ истинныя отношенія бояръ къ царскому указу. „Можно подумать, что такое распоряженіе бояръ (т. е. отмѣна указа 1607 г.) было слѣдствіемъ политическаго значенія Думы, пріобрѣтеннаго при этомъ царѣ въ силу договора съ нимъ, проявленіемъ ея новаго права законадательствовать безъ царя и даже вопреки его волѣ. Но такое мнѣніе было бы не совсѣмъ вѣрно. При отсутствіи подлиннаго договора этого царя съ боярами нельзя сказать, былъ ли тамъ установленъ какой-либо порядокъ законодательства. Но можно замѣтить по дѣйствіемъ Думы въ это царствованіе, что для царя Василія стало по договору обязательно то, что было обычно при прежнихъ царяхъ. Еще до боярскаго приговора 1607 г., мѣсяца за 4, царь Василій самъ отступился отъ своего указа 1607 г., отмѣненнаго потомъ боярами, постановивъ добровольныхъ холопей, служившихъ безъ кабалъ лѣтъ пять, шесть или больше и не хотѣвшихъ давать на себя кабалъ, отдавать въ кабальное холопство тѣмъ, кому они служили. Что еще любопытнѣе, послѣдній указъ данъ былъ царемъ, какъ временная мѣра, пока этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ боярскимъ приговоромъ: давая его, царь „рекся о томъ говорить съ бояры“. Очевидно, что боярскій приговоръ 1607 г. былъ слѣдствіемъ этого разговора съ боярами, а не актомъ консти-

[1]) Ibidem.

туціонной оппозиціи послѣднихъ первому" [1]). Дѣло будетъ еще яснѣе, если изъ приведенной выписки вычеркнуть то, что говорится о политическомъ договорѣ Василія съ боярами, въ силу котораго для него стало обязательнымъ то, что было обычно при прежнихъ царяхъ. Въ началѣ статьи мы подробно разбирали вопросъ о политическомъ договорѣ съ думой и видѣли, какъ недостаточны основанія къ предположенію о существованіи такого договора; проф. Ключевскій не указываетъ, къ сожалѣнію, въ точности на тѣ дѣйствія Думы, изъ которыхъ онъ заключаетъ, что для царя Василія стали обязательными обычаи его предшественниковъ. Если Василій обязательно долженъ былъ рѣшать всѣ дѣла съ Думой, то этого ничуть не видно въ дѣйствіяхъ Думы; онъ лично рѣшаетъ важнѣйшіе вопросы въ законодательствѣ о холопахъ, настойчиво добиваясь его смягченія; неудачи его указовъ свидѣтельствуютъ только о смѣлости вложенной въ нихъ идеи. Какъ же держатъ себя въ этихъ случаяхъ бояре. интересы которыхъ, какъ холоповладѣльцевъ, иногда чувствительно задѣвались указами царя Василія? Ни откуда не видно, чтобы они старались напоминать Василію объ обычаѣ прежнихъ царей, а тѣмъ болѣе дѣлать этотъ обычай для него обязательнымъ. Единственный поступокъ бояръ, въ которомъ можно было бы уловить подобную тенденцію, приговоръ 1609 г., самъ же проф. Ключевскій отказывается понимать, какъ актъ конституціонной оппозиціи. Такимъ образомъ при царѣ Василіи въ образѣ дѣятельности Думы незамѣтно никакихъ перемѣнъ; она остается такой же неопредѣленной, какъ и прежде.

Указы царя Василія о холопствѣ особенно любопытны съ точки зрѣнія личнаго отношенія царя къ этому вопросу. Ясно сказывается его стремленіе къ облегченію участи холоповъ въ разныхъ отношеніяхъ, стремленіе, проводимое смѣло и отстаиваемое упорно. Приведемъ краткій перечень его указовъ о холопствѣ. Рѣшительный шагъ въ пользу холоповъ былъ сдѣланъ знаменитымъ указомъ 1607 г., отмѣнявшимъ обязательный полугодичный срокъ для обращенія добровольнаго слуги въ холопа; между этимъ указомъ и отмѣной его 12 сент. 1609 г., проф. Ключевскій помѣщаетъ, какъ мы видѣли, указъ 21 мая 1609 г., которымъ снова возстановляется срокъ для обращенія добровольнаго слуги въ холопа, но не въ полгода, а въ пять лѣтъ; наконецъ 12 сент. 1609 г. полугодичный срокъ былъ снова установленъ. Отсюда видно, какъ долго и упорно царь отстаивалъ свою первоначальную мысль. 19 марта 1608 г. послѣдовалъ указъ о принадлежности бѣглаго холопа тому, кому онъ далъ на себя кабалу въ бѣгахъ; черезъ 2 мѣсяца и этотъ указъ былъ отмѣненъ.

[1]) Боярская дума, стр. 472.

9 марта приказано было холопьему приказу принимать къ запискѣ кабалы на вольныхъ людей только на урочныя лѣта, а не на вѣчныя времена; наконецъ отъ 1609 г. дошли указы: объ отпускѣ кабальныхъ холопей по смерти ихъ владѣльцевъ и объ освобожденіи родившихся въ кабальномъ холопствѣ въ случаѣ смерти господъ ихъ родителей. Во всѣхъ этихъ указахъ интересы холопей очевидно перевѣшиваютъ интересы ихъ господъ; правда, отъ двухъ важнѣйшихъ указовъ царь принужденъ былъ отказаться [1]); но это, повторяемъ, свидѣтельствуетъ лишь о смѣлости проведенной въ нихъ идеи. Но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы возстановить тѣ цѣли, которыя преслѣдовалъ въ этихъ случаяхъ Василій, и вообще всю ту историческую обстановку, при которой появились его указы о холопствѣ. Сохранилось глухое извѣстіе, что въ царствованіе Василія „помѣщики захотѣли было кабальныхъ сравнить съ полными холопами; но сіи, собравшись подали царю В. И. Шуйскому челобитную на таковое притѣсненіе правъ своихъ, а сей государь и подтвердилъ старинныя ихъ права" [2]). Знаемъ также, какую видную роль играли сборища холоповъ въ теченіе смутнаго времени; связь этихъ явленій съ указами царя Василія весьма вѣроятна, если не очевидна, но раскрыть ее въ подробностяхъ невозможно за скудостью данныхъ.

Итакъ разборъ отношеній царя В. Шуйскаго къ боярству показываетъ, что въ основѣ ихъ лежитъ глубокая партійная раздробленность, обусловленная не столько политическими идеями, сколько прежде всего узкимъ эгоизмомъ дѣйствующихъ лицъ, фактъ, заставляющій очень осторожно относиться къ поспѣшнымъ обобщеніямъ и не позволяющій мысли и чувства отдѣльныхъ группъ бояръ распространять на все сословіе.

Насколько такое положеніе представляетъ правило или исключеніе вообще въ исторіи боярства, это, разумѣется, другой вопросъ.

---

[1]) О несоотвѣтствіи этихъ указовъ съ общимъ духомъ законодательства см. комментаріи пр. Влад.-Буданова. Хрестоматія, III, 101, 105.

[2]) Древн. Рос. Вивл., XX, 255.

Новый французскій трудъ по исторіи Пруссіи [1].

Н. Н. Любовича.

Несчастный исходъ войны 1870—1871 гг. заставилъ французовъ обратиться къ серьезному ознакомленію со своею восточною сосѣдкою. Пруссія, которой отводилось такъ мало вниманія до этой поры во французской литературѣ, стала послѣ седанскаго погрома, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, предметомъ всесторонняго изученія. Начали появляться основательныя изслѣдованія, относящіяся къ различнымъ сторонамъ нѣмецкой жизни и въ частности прусской; не замедлили французы заняться также и изученіемъ хода политическаго развитія прусской монархіи. Ихъ сильно сталъ интересовать вопросъ, какъ рядомъ съ ними незамѣтно выросло это могущественное государство, силъ котораго они не съумѣли ранѣе должнымъ образомъ оцѣнить. Цѣлый рядъ хорошихъ работъ явился результатомъ этого интереса къ историческому развитію Пруссіи. Достаточно напомнить о трудахъ Лависса, герцога де-Брольи, Ваддингтона, Леви-Брюля и другихъ [2]). Но самому любопытному вопросу посвящена книга, на которую мы указали въ началѣ этой статьи [3]). Авторъ ея г. Кавеньякъ старается прослѣдить, какимъ образомъ Пруссія, государство сравнительно еще столь незначительное даже въ XVIII в., не смотря

---

[1]) Cavaignac. La formation de la Prusse contemporaine. Paris. 1891.

[2]) Французскихъ работъ по исторіи Пруссіи появилось въ послѣдніе годы такъ много и отличаются онѣ такими достоинствами, что на нихъ обращено серьезное вниманіе въ прусской исторической литературѣ. См., напр., обстоятельную статью, хотя написанную съ прусской точки зрѣнія, Berner'a: Neuere französische Forschungen zur preussischen Geschichte. (Forschungen zur Brandenburgischen und preussischen Geschichte, t. II, p. 305 sq.).

[3]) Вотъ ея полное заглавіе: La Formation de la Prusse contemporaine Les origines—Le ministère de Stein (1806—1808). Paris. 1891.

на бѣдствія, постигшія ее въ началѣ XIX столѣтія, успѣла такъ быстро развиться и занять выдающееся мѣсто среди первостепенныхъ державъ. Г. Кавеньякъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ эпохи Великаго Курфирста, когда было положено прочное основаніе будущему политическому могуществу Пруссіи, и заканчиваетъ его реформами Штейна. Хотя въ предисловіи ничего не сказано, будетъ ли продолжено далѣе это сочиненіе, но, судя по самому моменту, на которомъ оно обрывается, а также и по задачѣ, поставленной себѣ авторомъ, можно заключить, что оно еще далеко не окончено. Тѣмъ не менѣе г. Кавеньякъ въ изданной имъ книгѣ касается такихъ эпохъ въ исторической жизни Пруссіи, которыя окончательно опредѣлили настоящую ея судьбу.

Что касается самого автора этого сочиненія, то нужно имѣть въ виду, что онъ по своей спеціальности не историкъ. Г. Кавеньякъ инжинеръ и въ кабинетѣ Лубе былъ нѣкоторое время морскимъ министромъ. По своему рожденію онъ принадлежитъ къ фамиліи, которой приходилось играть видную политическую роль въ настоящемъ столѣтіи. Прикосновенность къ политической жизни не могла не вызвать у него интереса къ исторіи, но отсутствіе серьезной научной подготовки даетъ себя знать въ его сочиненіи. Оно замѣчается и въ самомъ распредѣленіи историческаго матеріала, и въ отношеніи автора къ литературѣ предмета, и въ постоянныхъ возвращеніяхъ къ одному и тому же предмету въ различныхъ частяхъ его сочиненія, причемъ иногда г. Кавеньякъ, забывая о томъ, что имъ было уже сказано ранѣе, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Нерѣдко книга его производитъ впечатлѣніе, будто авторъ ея съ трудомъ справляется съ громаднымъ историческимъ матеріаломъ, имѣющимся въ его распоряженіи. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ серьезно изучилъ всю литературу, относящуюся къ занимающему его вопросу, такъ какъ онъ въ одномъ сочиненіи впервые охватилъ всю эпоху образованія Пруссіи, чего пока не сдѣлано въ такомъ видѣ и въ нѣмецкой литературѣ, такъ какъ, наконецъ, онъ смотритъ на свой предметъ съ оригинальной точки зрѣнія, то все это вмѣстѣ не можетъ не вызвать вполнѣ заслуженнаго, впрочемъ, г. Кавеньякомъ вниманія къ его изслѣдованію.

Въ предисловіи авторъ излагаетъ цѣль и задачи своего изслѣдованія. Нѣмецкіе труды за послѣднія двадцать лѣтъ, свидѣтельствуетъ онъ, выяснили ходъ внутренняго развитія Пруссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ секретъ ея могущества. Къ произведеніямъ прусскихъ историковъ г. Кавеньякъ относится съ большимъ уваженіемъ и высоко цѣнитъ ихъ, но онъ неудовлетворенъ объясненіями, даваемыми ими, относительно происхожденія демократическаго движенія въ Пруссіи въ началѣ XIX в. и вообще относительно соціальной эволюціи этого государства. Нѣмецкіе историки стараются умалить, а нѣкоторые даже

совершенно отрицаютъ вліяніе французской революціи на общественное развитіе Пруссіи. Это заблужденіе нѣмецкихъ ученыхъ, по мнѣнію г. Кавеньяка, необходимо должно быть опровергнуто, и онъ ставитъ своею цѣлью, обрисовавши въ главныхъ чертахъ соціальную и политическую организацію Пруссіи, какъ она была создана основателями гогенцоллернскаго государства, а также очертивши драматическія событія труднаго момента въ прусской исторіи съ 1806 по 1808 годъ, въ то же время критически отнестись къ сужденіямъ нѣмцевъ о внутренней эволюціи Пруссіи сравнительно съ эволюціей Франціи. Доказать, что монархія Гогенцоллерновъ обязана развитіемъ своего общества вліянію на него французскихъ идей, это, по мнѣнію автора, патріотическій долгъ, а также удовлетвореніе французскаго самолюбія, и указанную мысль онъ нѣсколько разъ повторяетъ въ различныхъ мѣстахъ своего сочиненія.

Чтобы выполнить вполнѣ самостоятельно поставленную себѣ задачу, автору слѣдовало бы произвести изысканія въ архивахъ относительно внутренняго развитія прусскаго государства. Между тѣмъ онъ воспользовался изъ неизданнаго матеріала лишь документами историческаго архива военнаго министерства въ Парижѣ, которые, конечно, не могли дать ничего важнаго для его цѣли. Но онъ думалъ разрѣшить многіе спорные вопросы, критикуя основательно изученные имъ нѣмецкіе труды по данному вопросу на основаніи ихъ же самихъ. Всякій, знакомый съ сочиненіями современныхъ прусскихъ историковъ, прекрасно знаетъ, что ихъ произведенія отличаются крайнею тенденціозностью. Виднѣйшіе представители исторической науки въ Пруссіи принадлежатъ къ такъ называемой нѣмцами политической школѣ въ исторіографіи. Они проводятъ идею объ особой миссіи монархіи Гогенцоллерновъ въ Германіи и, въ виду поставленной себѣ задачи доказать это, не стѣсняясь извращаютъ факты, игнорируютъ всѣ тѣ, которые противорѣчатъ излюбленной ихъ мысли, и относятся съ крайнею нетерпимостью къ ученымъ, изслѣдующимъ спокойно и безпристрастно предметъ. Отталкивающее впечатлѣніе производитъ этотъ то торжественный и напыщенный тонъ ихъ, когда рѣчь идетъ о Пруссіи, то надменный и грубый, когда дѣло заходитъ о другихъ государствахъ. Въ произведеніяхъ же второстепенныхъ ученыхъ эта отличительная черта прусской исторіографіи сказывается въ какомъ-то умиленно-восторженномъ и елейномъ тонѣ, когда они трактуютъ о своемъ отечествѣ, и въ чрезвычайно невѣжественныхъ разсужденіяхъ по поводу ближайшихъ и дальнихъ сосѣдей Пруссіи. Понятно, что объ объективности прусскихъ историковъ не можетъ быть и рѣчи. Нельзя не согласиться съ г. Кавеньякомъ [1]), что относительно извѣст-

[1]) Cavaignac, p. 155.

ныхъ вопросовъ у нихъ какъ-бы существуетъ mot d'ordre, въ силу котораго они стараются обходить нѣкоторыя историческія событія или трактуютъ ихъ въ строго опредѣленномъ духѣ. Онъ собралъ не мало данныхъ, указывающихъ на то, какъ многіе факты сознательно освѣщаются ложно нѣмецкими историками, и какъ тенденціозно нѣкоторыя историческія данныя или не опубликовываются вовсе или урѣзываются такъ, чтобы ничего не могло проскользнуть непріятнаго для прусскаго патріотизма [1]). Тѣмъ не менѣе, опираясь въ своемъ трудѣ почти исключительно на изслѣдованія современныхъ прусскихъ историковъ, г. Кавеньякъ долженъ былъ неизбѣжно подпасть, при всей своей осторожности, вліянію нѣкоторыхъ ихъ воззрѣній. Онъ говоритъ о миссіи Пруссіи въ Германіи, о ядрѣ нѣмецкой національности, въ скрытомъ видѣ хранившемся въ этомъ государствѣ, въ такомъ же духѣ, какъ это проповѣдуютъ Дройзенъ, Трейчке и другіе прусскіе историки. Принятое 21 ноября 1806 года въ Остеродѣ извѣстное рѣшеніе вызываетъ, напр., у французскаго историка соображеніе, что въ этомъ сказалось вліяніе тѣхъ силъ, которыя предназначали Пруссіи роль объединительницы Германіи [2]). И во многихъ другихъ мѣстахъ книги г. Кавеньяка мы встрѣчаемся съ чисто берлинскими воззрѣніями на миссію Пруссіи [3]).

Образованіе современнаго прусскаго государства г. Кавеньякъ старается, совершенно основательно, выяснить путемъ изученія хода внутренней его организаціи. Но нельзя только не упрекнуть автора въ томъ, что критеріемъ для оцѣнки всего предпринимавшагося и совершавшагося въ монархіи Гогенцоллерновъ у него служитъ Франція съ тѣмъ строемъ и началами, которые были созданы революціей. Нечего и говорить, какъ ненаучна точка зрѣнія, на которую сталъ французскій историкъ.

Время зарожденія современной Пруссіи г. Кавеньякъ относитъ къ эпохѣ царствованія Великаго Курфирста, и первыя двѣ главы своего труда онъ посвящаетъ очерку хода дѣла организиро-

---

[1]) См. для примѣра стр. 342, пр. 3; стр. 431; стр. 467. пр. 4; стр. 472, пр. 4 et passim.

[2]) Cavaignac, p. 246.

[3]) По поводу тильзитскаго мира онъ говоритъ, напр.: „Il lui restait encore le noyau d'une nationalité résistante, qu'on avait en vain cherché à separer de l'Allemagne, qu'on n'en avait pas suffisament isolée pour qu'elle ne pût devenir le refuge du patriotisme allemand.“ p. 310. Ср. также стр. 464. Впрочемъ, авторъ, нерѣдко впадающій въ противорѣчіе съ самимъ собою, какъ мы уже объ этомъ выше сказали, подвергаетъ на стр. 196 и слѣдующихъ строгой критикѣ проповѣдуемую нѣкоторыми историками теорію о „нѣмецкой миссіи“ Пруссіи.

ванія монархической администраціи въ этомъ государствѣ до Фридриха В. включительно. При этомъ ему пришлось, конечно, остановиться на борьбѣ Гогенцоллерновъ съ могущественною аристократіей. Тяжелая и трудная работа созданія монархической Пруссіи, начавшаяся съ половины XVII в. и длившаяся въ теченіе цѣлаго столѣтія, изложена авторомъ очень живо. Онъ довольно вѣрно освѣтилъ настоящее значеніе сдѣланныхъ реформъ, начиная съ курфирста Фридриха-Вильгельма и кончая королемъ Фридрихомъ II. Представивши картину упроченія монархической власти въ Пруссіи, г. Каверьякъ переходитъ въ третьей главѣ къ соціальной организаціи этого государства и, руководствуясь, главнымъ образомъ, трудами Кнаппа и Штадельмана, начинаетъ свое изложеніе съ положенія аграрнаго вопроса. Труды только что упомянутыхъ нѣмецкихъ ученыхъ вмѣстѣ съ другими сочиненіями по внутренней исторіи Пруссіи дали нашему автору возможность изложить очень обстоятельно положеніе крестьянскаго вопроса. Не такъ хорошо знакомо ему положеніе городовъ и ихъ населенія. Онъ не воспользовался относительно этого предмета трудомъ Мейера (Geschichte der preussischen Handwerkerpolitik); а прекрасная статья Шмоллера: „Das brandenburgisch-preussische Innungswesen von 1640—1806“ ему, повидимому, совсѣмъ неизвѣстна [1]).

Что касается попытокъ аграрной реформы въ XVIII в., то въ этомъ отношеніи прусскими королями были достигнуты самые незначительные результаты. Отнявши политическую роль у дворянства, они должны были оставить послѣднему, по крайней мѣрѣ, его прежнія сословныя привилегіи и преимущества [2]). Подведши итоги сдѣланному въ Пруссіи по крестьянскому вопросу, г. Кавеньякъ съ чрезвычайной убѣдительностью показываетъ всю несостоятельность голословныхъ утвержденій, впрочемъ, обычныхъ у Трейчке и Дройзена, будто государство Фридриха II опередило въ соціальной организаціи всѣ ему современныя. Выдержки, приводимыя г. Кавеньякомъ изъ сочиненій этихъ историковъ [3]), еще разъ блестяще подтверждаютъ, какимъ духомъ проникнуты прусскіе историческіе труды и съ какою осторожностью должно ими пользоваться. Но, представивши въ истинномъ свѣтѣ печальное положеніе, въ которомъ находились прусскіе крестьяне, нашъ авторъ совершенно напрасно говоритъ, что во Франціи устройство сельской собственности въ концѣ XVIII в. уже

---

[1]) Она помѣщена въ „Forschungen zur Brandenburgischen und preussischen Geschichte“. Erster Band. Leipzig. 1888.

[2]) „L'extension de la servitude agraire a été en quelque sorte la rançon abandonnée à l'aristocratie foncière en échange ‚du pouvoir politique dont elle a été depouillée“. Cavaignac, p. 79.

[3]) Ibid., p. 80.

давно достигло путемъ естественнаго развитія соціальной организаціи безконечно большаго соотвѣтствія съ идеями общественной справедливости [1]). Ему слѣдовало бы лишь вспомнить то, что говоритъ Тэнъ въ „Les origines de la France contemporaine. L'Ancien Règime“ о бѣдственномъ положеніи французскихъ крестьянъ передъ революціей [2]).

То, что говоритъ г. Кавеньякъ относительно стремленія Фридриха II сохранить прежнія сословныя отличія и даже сдѣлать ихъ еще болѣе рѣзкими, общеизвѣстно. Но онъ могъ бы подкрѣпить еще сильнѣе все сказанное имъ по этому поводу, если бы обратился къ трудамъ по исторіи Пруссіи покойнаго Штенцеля и его продолжателя Реймана. Вмѣстѣ съ тѣмъ „Geschichte des preussischen Staates“ и ея продолженіе „Neuere Geschichte des preussischen Staates“ вывели бы нашего автора изъ душной атмосферы тенденціозной прусской исторіографіи, потому что Штенцель и Рейманъ сравнительно съ Трейчке, Дройзеномъ и даже Дункеромъ значительно объективнѣе.

Анализируя соціальный строй Пруссіи, г. Кавеньякъ приходитъ къ заключенію, что это государство, въ которомъ политическая власть всецѣло перешла въ руки короля, тѣмъ не менѣе осталось феодальнымъ. Монархія Гогенцоллерновъ вмѣсто того, чтобы слить разрозненные соціальные элементы, говоритъ онъ, является на стражѣ самой строгой общественной классификаціи и постоянно занята тѣмъ, чтобы замкнуть дѣятельность каждаго сословія въ самыя узкія рамки [3]). Преувеличивая стремленіе Фридриха II создать кастовое государство и упуская изъ виду, какую оппозицію онъ встрѣтилъ со стороны дворянства, когда хотѣлъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, нашъ авторъ забываетъ также и о томъ, что вся западная Европа въ это время была загромождена обломками феодальнаго строя, не исключая, конечно, и Франціи. Полемизируя съ нѣмецкими историками относительно характера государства Фридриха В., г. Кавеньяку слѣдовало бы, главнымъ образомъ, указать на то, что этотъ король стремился превратить Пруссію въ громадную машину, которая должна была приводиться въ движеніе лишь имъ однимъ. При Фридрихѣ II не было мѣста для чьей-либо иниціативы въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ помимо его. Все въ жизни

---

[1]) „La constitution de la propriété rurale en France à la fin du XVIII-e siècle, était, depuis longtemps, par le dévelloppement naturel de l'organisation sociale, infiniment plus conforme qu'en Prusse aux idées de justice sociale“, p. 80.

[2]) Въ русской литературѣ по исторіи французскихъ крестьянъ въ концѣ XVIII в. мы имѣемъ сочиненіе Н. И. Карѣева: Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в. Москва. 1879.

[3]) См. интересную характеристику государства Фридриха II, сдѣланную г. Кавеньякомъ на стр. 97—98.

Пруссіи должно было лично исходить отъ него самого. Во всѣ даже самыя маловажныя дѣла онъ считалъ необходимымъ вникать самъ, и министры были ничѣмъ инымъ, какъ его секретарями. Взглядомъ Фридриха на государство, какъ на машину, вполнѣ объясняется то, что этотъ прославленный другъ просвѣщенія смотрѣлъ на образованіе, какъ на вещь лишнюю для большей части своихъ подданныхъ. Дѣйствительно, онъ ровно ничего не сдѣлалъ для просвѣщенія въ своемъ государствѣ. Ремесленники и вообще горожане должны были учиться, по его мнѣнію, лишь только тому, что необходимо знать въ тѣсномъ кругѣ ихъ спеціальной дѣятельности; а добрыя начинанія министра Зедлица для улучшенія народныхъ школъ онъ испортилъ.

Эпоха, наступившая непосредственно послѣ смерти Фридриха В., ознаменовалась сильнымъ ослабленіемъ Пруссіи. Выясненію причинъ этого явленія посвящена авторомъ четвертая глава, озаглавленная „Упадокъ древняго порядка". Нельзя не замѣтить даже въ этомъ заголовкѣ его способа смотрѣть на прусскую исторію съ точки зрѣнія французской. Авторъ не согласенъ съ тѣми нѣмецкими историками, которые объясняютъ упадокъ Пруссіи ея уклоненіемъ при наслѣдникахъ Фридриха II отъ прежнихъ принциповъ управленія [1]). Онъ склоняется въ пользу того мнѣнія, что роль, которую играла Пруссія въ XVIII в. въ европейской политикѣ, не находилась въ соотвѣтствіи съ ея соціальнымъ развитіемъ или, какъ намъ кажется было бы вѣрнѣе выразиться, съ ея дѣйствительными силами и средствами. Только геній Фридриха былъ въ состояніи восполнить этотъ пробѣлъ, говоритъ онъ [2]). Но уже нѣсколько страницъ ниже г. Кавеньякъ приписываетъ упадокъ Пруссіи гуманитарному, индивидуалистическому и философскому духу XVIII в., который долженъ былъ отразиться и на этомъ государствѣ. Новый духъ ослабилъ государственную машину Пруссіи, и монархическая власть получила болѣе мягкій характеръ, по его мнѣнію [3]). Пруссія ослабѣла, говоритъ онъ опять далѣе, потому, что политическія формы ея устарѣли, и она, заключенная въ тѣсныя рамки, оказалась неспособною слѣдовать болѣе быстро за теченіемъ своего времени. Причины ея слабости были тѣ же самыя, которыя обрекали,— продолжаетъ онъ, древній европейскій строй на паденіе передъ французской революціей [4]). Затѣмъ г. Кавеньякъ, указавъ на ослабленіе личнаго правленія и на отсутствіе оживотворявшаго все духа Фридриха В.

---

[1]) „Ils regrettent presque,—замѣчаетъ г. Кавеньякъ объ этихъ историкахъ,—que la rudesse originelle et caractéristique de l'État prussien se soit adoucie", p. 122.

[2]) Cavaignac, pp. 122, 123.

[3]) Ibid., p. 127.

[4]) Ibid., p. 128.

проводитъ параллель между Пруссiей и Францiей. Въ послѣдней было развито сознанiе нацiональнаго единства, скрѣпленнаго длиннымъ историческимъ прошлымъ, она имѣла развитое и дѣятельное городское сословiе и массы сельскаго населенiя, подготовленныя къ освобожденiю. Всѣ эти условiя отсутствовали въ Пруссiи, а привилигированное сословiе — дворянство, владѣвшее землями, хотя прежнее правительственное иго, тяготѣвшее надъ нимъ, теперь и было ослаблено, тѣмъ не менѣе не было способно взять въ свои руки руководящей роли, потому что было и крайне необразованно, а также само находилось въ состоянiи разложенiя [1]). Такъ объясняетъ нашъ авторъ причины сильнаго упадка Пруссiи послѣ Фридриха В.

Дѣйствительно, уже въ послѣднiе годы царствованiя Фридриха В. всѣ чувствовали, что государственная машина ослабѣла и не въ состоянiи выносить всей работы, которая на нее взваливалась. Мирабо и нѣкоторые иные дальновидные писатели указывали на то, что Пруссiя жила только благодаря изумительной энергiи своего короля, вникавшаго во всѣ подробности государственной жизни. Они понимали, что такое положенiе дѣлъ не можетъ продлиться долго и спрашивали себя, что станется съ этимъ государствомъ при наслѣдникахъ Фридриха. Необходимость искусственными средствами поддерживать расшатывающуюся государственную машину дѣлала правленiе Фридриха В. чрезвычайно тяжелымъ и невыносимымъ. Этимъ объясняется та радость, съ какою встрѣтили пруссаки извѣстiе о восшествiи на престолъ Фридриха-Вильгельма II. Вотъ это то обстоятельство, что Пруссiя Фридриха-Вильгельма I и его сына Фридриха II пережила ихъ, по нашему мнѣнiю, и повело къ столь печальнымъ для нея послѣдствiямъ. Три четверти вѣка для государства молодого, полнаго жизни и быстро развивающагося—время очень большое. Историки Пруссiи, занимаясь реформами и дѣятельностью обоихъ королей, создавшихъ ея могущество, не всегда обращали вниманiе на тѣ результаты, къ которымъ привела ихъ работа, на то, какъ создавались новые жизненные элементы. Фридрихъ II въ дѣлѣ внутренняго устроенiя государства не пошелъ далѣе своего отца. Онъ пользовался оставленнымъ ему наслѣдiемъ и извлекалъ изъ крѣпнущаго и развивающагося государства средства, чтобы доставить Пруссiи возможность занять видное политическое положенiе въ Европѣ. Но жизнь шла своимъ чередомъ, и Пруссiя въ моментъ смерти Фридриха не была похожа въ соцiальномъ и экономическомъ отношенiи на Пруссiю Фридриха-Вильгельма I. Это противорѣчiе между внутренними потребностями государства и его строемъ и политикою не могло не отразиться на немъ самымъ пагуб-

[1]) Ibid., стр. 128 и слѣд.

нымъ образомъ. Изучи г. Кавеньякъ эти измѣненія въ монархіи Гогенцоллерновъ, обрати онъ вниманіе на ея финансовую и экономическую жизнь, которую онъ совершенно игнорируетъ, хотя по этимъ вопросамъ существуетъ уже довольно большая литература, присмотрись онъ ближе къ росту городского сословія, а также къ инымъ сторонамъ внутренней жизни Пруссіи, онъ пришелъ бы къ болѣе положительнымъ даннымъ относительно причинъ ея быстраго паденія и такого же быстраго возрожденія. Его изложеніе, почему монархія Фридриха В. пришла въ упадокъ, не было бы тогда столь неяснымъ и сбивчивымъ, какъ мы это видѣли выше. Да и въ чемъ заключалась самая сущность упадка Пруссіи, слѣдовало бы разобрать повнимательнѣе. Онъ говоритъ, что положеніе этого государства не было непоправимымъ, и упадокъ его былъ лишь временнымъ. Задатки для возрожденія Пруссіи въ данный моментъ онъ усматриваетъ въ самой ея организаціи, а въ частности въ ея чиновничествѣ. Прусская администрація привыкла смотрѣть на свою дѣятельность, какъ на служеніе настолько же монарху, какъ и общественнымъ интересамъ, говоритъ г. Кавеньякъ; при этомъ въ ней развился корпоративный духъ, и она была настолько сильна, замѣчаетъ онъ, что парализовала даже попытки соціальной реформы королей въ XVIII в. [1]). Какимъ же образомъ эта самая администрація могла провести такъ блестяще реформы Пруссіи въ XIX в.? Соображенія г. Кавеньяка въ этомъ отношеніи и неубѣдительны, и неясны.

Представивши трудное положеніе, въ которомъ находилось государство Фридриха В. въ эпоху, наступившую послѣ его смерти, нашъ авторъ естественно приходитъ къ вопросу о вліяніи на Пруссію французской революціи. Нѣмецкіе историки всячески стараются умалить значеніе воздѣйствія французскихъ идей и революціи на ходъ внутренняго переустройства Пруссіи; но г. Кавеньякъ держится противоположнаго мнѣнія и старается объяснить попытки реформъ въ царствованіе Фридриха-Вильгельмъ II, а въ особенности Фридриха-Вильгельма III, французскимъ вліяніемъ. Чтобы разрѣшить этотъ трудный и важный вопросъ, необходимо хорошо знать вообще ходъ преобразовательной дѣятельности, а также и умственнаго движенія, во всей западной Европѣ въ XVIII вѣкѣ. Между тѣмъ г. Кавеньякъ упускаетъ даже изъ виду возможность вліянія англійскаго государственнаго строя и идей англійскихъ мыслителей на Пруссію. Онъ забываетъ, напр., о томъ, что Гарденбергъ и Шенъ (Schön), а также Штейнъ и другія лица, игравшія видную роль въ дѣлѣ проведенія новыхъ реформъ въ Пруссіи, въ то же время были болѣе или менѣе близко знакомы съ

[1]) Стр. 141 и слѣд.

англійскими государственными учрежденіями. Но даже и умственное движеніе въ самой Германіи такъ мало знакомо г. Кавеньяку, что онъ думаетъ, напр., будто Берлинъ сталъ центромъ его при Фридрихѣ В. (стр. 179).

Вліяніе французской революціи, а также французскихъ идей XVIII в. на Пруссію, несомнѣнно было очень велико, и стремленіе нѣмецкихъ историковъ по возможности умалить значеніе этого факта объясняется только ихъ шовинизмомъ; но опредѣленіе размѣровъ и характера этого вліянія, повторяемъ еще разъ, дѣло очень трудное и требуетъ самаго глубокаго и разносторонняго знакомства со всей западно-европейской жизнью XVIII в. Сплошь да рядомъ тамъ, гдѣ предполагалось французское вліяніе несомнѣннымъ, при ближайшемъ серьезномъ изученіи предмета это оказывается совершенно невѣрнымъ. Для примѣра мы можемъ хотя бы сослаться на одно недавно появившееся французское же изслѣдованіе, которое доказываетъ, будто должно считать ошибочнымъ мнѣніе, что реформаторы нѣмецкой педагогіи въ XVIII в. (филантрописты) явились лишь примѣнителями идей Руссо [1]). Между тѣмъ г. Кавеньякъ въ пятой главѣ своего сочиненія, отведенной вопросу о вліяніи французской революціи на Пруссію (Les premières conséquences politiques de la révolution française en Prusse), нигдѣ не становится на твердую почву и вращается болѣе въ области общихъ соображеній. Доводы его часто слишкомъ натянуты. По нашему мнѣнію, нѣтъ, напр., никакого твердаго основанія видѣть, подобно г. Кавеньяку, въ проектѣ прусскаго кодекса Landrecht'a спеціально французское вліяніе. Между тѣмъ онъ не считаетъ даже нужнымъ обстоятельно развить и подкрѣпить свои соображенія по этому поводу.

Давши затѣмъ обстоятельное описаніе попытокъ внутреннихъ реформъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II и въ первые годы царствованія его сына, представивши очеркъ политическихъ событій до тильзитскаго мира, нашъ авторъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на времени второго министерства Штейна. Онъ естественно долженъ былъ обратиться къ особенно тщательному изученію начала тѣхъ преобразованій въ Пруссіи, которыя, по мнѣнію всѣхъ историковъ, были краеугольнымъ камнемъ, положеннымъ въ основаніе ея теперешняго состоянія. Необходимость реформъ, какъ мы уже упоминали выше, сознавалась въ этомъ государствѣ давно, а іенскій погромъ и послѣдствія его сдѣлали ихъ неотложными. Штейнъ, призванный въ 1807 г. въ качествѣ министра-диктатора, былъ, по общему мнѣнію,

---

¹) Pinloche. La réforme de l'éducation en Allemagne au dix-huitième siècle. Paris. 1889.

самымъ подходящимъ человѣкомъ для проведенія реформъ и на него возлагались большія надежды. Оцѣнка его дѣятельности и роли въ преобразованіяхъ, предпринятыхъ въ Пруссіи, была предметомъ сильныхъ споровъ въ нѣмецкой литературѣ, и нѣкоторые историки, какъ, напр., Трейчке, не только преувеличили значеніе сдѣланнаго имъ, но приписали ему даже такіе планы и тенденціи, которыхъ у него совершенно не было. Быть можетъ, на такое отношеніе къ нему со стороны прусскихъ историковъ, дѣйствительно, повліяло то обстоятельство, какъ утверждаетъ г. Кавеньякъ, что Штейнъ былъ извѣстнымъ врагомъ французскихъ революціонныхъ идей. Тѣмъ интереснѣе зато оцѣнка заслугъ Штейна, сдѣланная французскимъ историкомъ. Онъ говоритъ, что этотъ прусскій министръ обладалъ въ высшей мѣрѣ качествами человѣка дѣла: его твердая воля внушала всѣмъ глубокое уваженіе и на него смотрѣли, какъ на лицо, способное проложить дорогу реформамъ. Затѣмъ нашъ авторъ обращается къ анализу руководящихъ идей, лежавшихъ въ основѣ дѣятельности Штейна. По мнѣнію г. Кавеньяка, въ эту эпоху самое ясное представленіе о соціальной и политической революціи, которая должна была быть произведена въ Пруссіи, было у Гарденберга (стр. 335). О Штейнѣ же онъ выражается: „qu'il ne sut pas discerner clairement, dès le début, le caractère essentiel de le réforme à entreprendre“ (стр. 339). Реформа, о которой здѣсь говоритъ г. Кавеньякъ,— реформа соціальная, которой домогался Гарденбергъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ идей, въ своемъ извѣстномъ сентябрьскомъ мемуарѣ 1807 г. Разбирая нассаускій мемуаръ Штейна тоже 1807 года, французскій историкъ указываетъ на то, что у него едва упоминается о оціальной реформѣ, а исключительно напирается на необходимость административныхъ преобразованій, которыя ему удалось только отчасти провести подъ самый конецъ своего министерства. Самый указъ 9 октября 1807 г. (объ освобожденіи крестьянъ) появился только за подписью Штейна, замѣчаетъ г. Кавеньякъ,—а былъ уже приготовленъ до его министерства. Какъ бы ни старался нашъ авторъ умалить результаты его аграрной реформы, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что Штейнъ усердно занимался крестьянскимъ вопросомъ. Если въ нассаускомъ мемуарѣ онъ мало распространялся относительно соціальной реформы, то это произошло, вѣроятно, вслѣдствіе того, что онъ зналъ о невозможности задаваться въ этомъ отношеніи широкими планами, такъ какъ они неизбѣжно должны были бы наткнуться на сильнѣйшее противодѣйствіе. Самъ же г. Кавеньякъ разсказываетъ, какое волненіе и раздраженіе вызвалъ среди дворянства вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Съ другой стороны, Штейнъ зналъ, что, помимо всей опасности приняться при настоящемъ положеніи Пруссіи

исключительно за соціальныя реформы, онѣ, кромѣ того, не могли бы быстро принести желанныхъ результатовъ. Между тѣмъ у государства, разореннаго и почти уничтоженнаго, были теперь такія нужды, которыя требовали безотлагательнаго удовлетворенія. Настоятельныя потребности Пруссіи заставили, главнымъ образомъ, обратить вниманіе на улучшеніе ея финансовъ и администраціи. Значительная часть территоріи, оставленной Гогенцоллернамъ по тильзитскому миру, была оккупирована французскими войсками. Приходилось, конечно, прежде всего позаботиться о приведеніи въ порядокъ финансовъ и о скорѣйшей уплатѣ контрибуціи, чтобы очистить страну отъ чужеземныхъ войскъ. Но не только на реформу администраціи и финансоваго хозяйства считалъ нужнымъ всецѣло обратить вниманіе Штейнъ. Онъ стремился переродить Пруссію, пробудить ее отъ сна, въ который она была погружена политическою системою Фридриха II; онъ старался вызвать въ ней политическое самосознаніе и чувство патріотизма; онъ хотѣлъ, сверхъ того, привлечь къ участію въ дѣлахъ управленія всю страну. Но все это не удовлетворяетъ г. Кавеньяка. Онъ видитъ въ Штейнѣ консерватора, рыцаря прежнихъ временъ имперіи, который не можетъ освободиться отъ старыхъ традицій. Хотя нашъ историкъ и находитъ, что прусскій министръ не ылъ ни чуждъ, ни враждебенъ идеямъ соціальной реформы, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ простить ему, что эти реформы не послужили для него исходною точкою отправленія и основою для реорганизаціи Пруссіи.

Послѣ непомѣрно строгой оцѣнки государственной программы Штейна, г. Кавеньякъ переходитъ къ подробному разсмотрѣнію его реформъ. Онъ начинаетъ съ крестьянскаго вопроса. Неблагопріятныя условія, при которыхъ приходилось Штейну проводить аграрную реформу, очерчены французскимъ историкомъ очень живо. Затѣмъ онъ излагаетъ обстоятельно примѣненіе закона 9 октября 1807 года объ отмѣнѣ крѣпостничества и практическія послѣдствія этого закона на помѣщичьихъ земляхъ и королевскихъ доменахъ. Но всюду проглядываетъ желаніе умалить значеніе заслугъ Штейна. Говоря о довольно успѣшномъ приведеніи въ дѣйствіе закона 9 октября на королевскихъ земляхъ, г. Кавеньякъ напоминаетъ, что это было продолженіемъ реформъ, начатыхъ въ томъ же духѣ уже въ первые годы царствованія Фридриха-Вильгельма III; а въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что аграрный вопросъ разрѣшался скорѣе вслѣдствіе самой силы обстоятельствъ и извѣстнаго настроенія умовъ, нежели благодаря плану, составленному Штейномъ. Нельзя не обратить вниманія на итоги, подведенные нашимъ историкомъ всему сдѣланному въ министерство Штейна по крестьянскому вопросу. На королевскихъ

доменахъ, говоритъ г. Кавенькъ, была лишь дополнена реформа, предпринятая уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и состоявшая въ томъ, чтобы превратить фермеровъ на королевскихъ земляхъ въ мелкихъ собственниковъ, свободныхъ отъ натуральныхъ повинностей и дорожной барщины. Что же касается помѣщичьихъ земель, то, хотя личная свобода крестьянъ и была провозглашена, но практическія послѣдствія отъ этого еще не скоро наступили, и дворянство съумѣло даже извлечь благопріятные для себя результаты изъ эдикта 9 октября. Но все это, полагаемъ мы, не можетъ служить для осужденія дѣятельности Штейна.

Съ большимъ знаніемъ дѣла и очень подробно разбираетъ нашъ авторъ военную реформу въ Пруссіи. Наполеоновскія войны повели къ сильному перевороту въ военномъ искусствѣ. Прежняя военная организація, прежнія воззрѣнія на духъ, который долженъ господствовать въ войскѣ, оказались несостоятельными. Г. Кавеньякъ останавливается на вопросѣ о связи между политическимъ, общественнымъ и умственнымъ состояніемъ народовъ, съ одной стороны, и военнымъ, съ другой. Онъ указываетъ на значеніе нравственныхъ силъ въ войскѣ и развиваетъ мысль о томъ, какое огромное вліяніе имѣли примѣры французской революціи на реорганизаторовъ прусской арміи. Говоря о военной реформѣ, онъ останавливается на поддержкѣ, которую Шарнгорстъ встрѣтилъ со стороны Штейна. Такъ какъ политическая реформа въ это время не была вполнѣ проведена, то и военная, находившаяся съ нею въ тѣсной связи, не могла быть глубокою, и результаты ея были скудны [1]). Тѣмъ не менѣе и эти незначительные результаты были достигнуты, по мнѣнію автора, подъ вліяніемъ французскаго образца, и онъ полемизируетъ съ историками, доказывающими самостоятельное нѣмецкое происхожденіе тѣхъ или другихъ нововведеній въ прусской арміи.

Г. Кавеньякъ не придаетъ особенной цѣны административнымъ реформамъ Штейна и его преобразованію высшихъ органовъ государственнаго управленія, такъ какъ онъ держится точки зрѣнія, что Пруссія нуждалась прежде всего въ соціальной реорганизаціи. Быть можетъ, отчасти и вѣрно его замѣчаніе, что перемѣна къ лучшему въ судьбахъ Пруссіи произошла не вслѣдствіе перехода управленія изъ рукъ кабинета въ руки перваго министра, а благодаря тому, что

---

[1]) „L'accès du corps d'officiers ouvert à toutes les classes sociales, conquête plus théorique que réelle,—quelque adoucissement dans la condition du soldat,—la suppression du recrutement des mercenaires,—et l'échec de tous les projets d'armée nationale, tel était le bilan de la réforme militaire, lorsque la convention de septembre 1808 et la retraite de Stein livrèrent de nouveau la Prusse désemparée à la domination française“. Cavaignac, 405.

Ломбарда и Гаугвица смѣнили такіе люди, какъ Штейнъ и Гарденбергъ; но нашъ авторъ забываетъ объ одномъ, что реформы знаменитаго прусскаго министра были направлены къ тому, чтобы путемъ хорошей государственной организаціи предотвратить дурныя послѣдствія, могущія послѣдовать отъ полученія власти несоотвѣтственными лицами. Будь всѣ проекты преобразованій Штейна приведены въ исполненіе, Пруссія несомнѣнно получила бы цѣлый рядъ государственныхъ учрежденій, которыя гарантировали бы ей бо̀льшій порядокъ и правильность во внутреннемъ управленіи. Не его вина, что эти проекты остались безъ выполненія.

Что касается идей Штейна относительно того, чтобы ввести національное представительство, дать доступъ къ управленію всѣмъ собственникамъ, то нельзя не согласиться вполнѣ съ г. Кавеньякомъ, что эти планы прусскаго министра были туманны. Говоритъ нашъ авторъ и о реформѣ провинціальныхъ административныхъ учрежденій или, такъ называемыхъ, прежнихъ Kriegs-und Domänenkammern. Отмѣчая отдѣленіе отъ администраціи судебныхъ функцій, онъ указываетъ на неудачную мысль Штейна привлечь къ участію въ управленіи само общество путемъ введенія въ провинціальныя административныя учрежденія представителей отъ данныхъ областей, которые выбирались бы земскими чинами. Дѣйствительно, только что упомянутый проектъ Штейна не имѣлъ шансовъ для успѣха, какъ это тотчасъ же и оказалось.

Но самой строгой оцѣнкѣ подвергается французскимъ историкомъ отношеніе Штейна къ реформированію правъ, которыми пользовались помѣщики. Дѣйствительно, Пруссія вслѣдствіе сосредоточенія въ рукахъ дворянъ-землевладѣльцевъ сельской полиціи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, а также судебной власти, представляла родъ патримоніальнаго государства. Г. Кавеньякъ знаетъ тѣ трудности, на которыя пришлось бы натолкнуться Штейну, если бы онъ задумалъ предпринять реформу сеньоральныхъ правъ прусскихъ помѣщиковъ, онъ понимаетъ, что въ этомъ случаѣ пришлось бы взяться за коренное преобразованіе сложившихся вѣками отношеній. Тѣмъ не менѣе онъ обвиняетъ Штейна въ недостаткѣ смѣлости и упрекаетъ его за то, что за помѣщиками были оставлены почти всѣ ихъ прежнія сеньоральныя права. Но г. Кавеньяку слѣдовало бы обратить вниманіе на то, возможно ли было при тогдашнемъ положеніи Пруссіи рѣшиться на такія коренныя соціальныя реформы. Достаточно уже и того, что Штейнъ рѣшился поднять указанный вопросъ.

Одна только городская реформа (19 ноября 1808 г.) заслужила полное одобреніе со стороны г. Кавеньяка. За нею онъ признаетъ

смѣлость и замѣчаетъ, что она стала возможною, такъ какъ города уже давно освободились отъ феодальныхъ цѣпей. Французскій историкъ приписываетъ заслугу въ проведеніи этой реформы всецѣло Штейну. Онъ свидѣтельствуетъ, что въ подготовленіи новаго городового положенія прусскій министръ-диктаторъ принималъ непосредственное участіе, входилъ во всѣ подробности, однимъ словомъ, что эдиктъ 19 ноября вполнѣ его дѣтище и носитъ отпечатокъ его идей.

На министерствѣ Штейна обрывается трудъ нашего автора, какъ мы уже объ этомъ упоминали выше. Разобравъ всѣ предпринятыя при немъ реформы, г. Каваньякъ еще разъ останавливается на оцѣнкѣ значенія дѣятельности знаменитаго прусскаго министра. Онъ говоритъ, что если взять только реформы, реализированныя Штейномъ. то результатъ ихъ окажется очень ограниченнымъ. Притомъ идеямъ его нѣмецкими историками было приписано болѣе ясности и важности, нежели было въ дѣйствительности. Что же касается утвержденія, будто Пруссія подъ руководствомъ Штейна мирнымъ путемъ добилась тѣхъ же результатовъ, которые Франціи стоили столько крови, то это г. Каваньякъ рѣшительно отвергаетъ, указывая на то, что феодальныя начала далеко не были окончательно уничтожены въ Пруссіи. „On peut dire“,—говоритъ онъ,—„que la Prusse ne se distinguait de la France, et Stein de la Révolution française, qu'en reculant devant la tâche que l'une et l'autre avaient accomplie“.

Этими словами заканчиваетъ французскій историкъ свое сочиненіе. Ему, несомнѣнно, удалось освѣтить настоящимъ образомъ отдѣльные вопросы, а также онъ собралъ не мало матеріала, доказывающаго тенденціозность прусскихъ историковъ; но тѣмъ не менѣе, по прочтеніи этого труда, не чувствуешь себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Берясь за книгу г. Каваньяка, ожидаешь, что имъ будетъ представлена картина развитія могущества Пруссіи, будутъ обстоятельно прослѣжены причины, обусловившія ея быстрый ростъ. Между тѣмъ все это скорѣе затемнѣно авторомъ, нежели выяснено. Когда онъ говоритъ въ различныхъ мѣстахъ своего сочиненія, что въ историческомъ развитіи Пруссіи замѣчаются задатки, изъ которыхъ должно было безусловно вырости сильное государство, долженствовавшее стать убѣжищемъ нѣмецкаго патріотизма, то это не болѣе какъ повтореніе извѣстныхъ фразъ прусскихъ историковъ; а тѣмъ временемъ въ книгѣ напрасно ищешь яснаго, опредѣленнаго изображенія этихъ задатковъ будущаго прусскаго могущества. Указанное обстоятельство зависитъ отчасти, какъ отъ самаго способа изложенія, такъ и оттого, что авторъ обратилъ главное вниманіе на аграрную реформу. Эволюція государственнаго строя изложена имъ далеко не такъ обстоя-

тельно, какъ бы слѣдовало, и развитію городскаго элемента у него отведено слишкомъ мало мѣста. Кромѣ того экономическая и финансовая жизнь Пруссіи оставлена имъ безъ вниманія, въ то время какъ изученіе этого вопроса помогло бы ему понять истинный смыслъ и причины многихъ предпринимавшихся реформъ. Стремленіе же его смотрѣть на внутреннее развитіе Пруссіи съ французской точки зрѣнія повело къ тому, что не всѣ стороны жизни этого государства ему удалось видѣть въ надлежащемъ свѣтѣ. Поэтому, по прочтеніи книги г. Кавеньяка, все-таки не выносишь яснаго представленія, откуда же взялись у Пруссіи силы для того, чтобы выйти такъ скоро изъ состоянія полнаго упадка и униженія, въ которомъ она находилась послѣ іенскаго погрома?

Варшава. 20 сентября 1892 г.

Зарожденіе республиканской партіи во Франціи.

М. М. Ковалевскаго.

Въ то время какъ Мирабо, а за нимъ Малуэ и члены тріумвирата (Дюпоръ, Барнавъ и Ламетъ) дѣлали тщетныя усилія поднять авторитетъ короля путемъ послѣдовательныхъ измѣненій въ конституціи, люди, которыхъ Джефферсонъ еще въ 1789 году объявлялъ „скрытыми республиканцами" и которые долгое время ограничивали свои задачи защитой единства представительства и полнаго подчиненія короля палатѣ, все яснѣе и опредѣленнѣе стали обнаруживать свои анти-монархическія тенденціи. Во главѣ ихъ надо поставить двухъ человѣкъ, весьма отличныхъ по своему прошлому, но которые имѣли случай сблизиться, посѣщая салонъ Джефферсона и ища въ ближайшемъ знакомствѣ съ республиканскими учрежденіями Соединенныхъ Штатовъ критерій для оцѣнки конституціонныхъ декретовъ Учредительнаго собранія. Говоря это, я имѣю въ виду Бриссо и Кондорсэ, журналиста и ученаго, плебея и маркиза, человѣка, который съ самаго начала ставилъ для себя высшимъ идеаломъ американскіе порядки и человѣка, который долгое время былъ послѣдователемъ Тюрго и физіократовъ, подобно имъ проповѣдовалъ необходимость сильной монархической власти и ограниченія правъ представительства одними землевладѣльцами [1]). Правда, раньше обоихъ Демуленъ въ своей „Свободной Франціи" открыто признавалъ себя республиканцемъ, но его обвинительное слово противъ королей, правившихъ дотолѣ его родиной, не содержало въ себѣ никакой опредѣленной республиканской программы. Демуленъ не только не говоритъ ни слова о прямомъ вмѣшательствѣ народа въ законодательную дѣятель-

[1]) См. Eloge de Turgot въ Oeuvres complètes de Condorcet.

ность, о голосованіи новыхъ законопроэктовъ собраніями избирателей, но считаетъ еще нужнымъ высказаться противъ допущенія рабочихъ къ выборамъ, въ виду ихъ необезпеченности и происходящей отсюда зависимости отъ предпринимателей. Онъ не говоритъ также ничего о порядкѣ назначенія главы государства путемъ избранія и ограничивается простой амплификаціей взглядовъ Мабли на бѣдствія, причиняемыя странѣ ея наслѣдственными правителями. Въ позднѣйшей своей публицистической дѣятельности, въ теченіе всего 1790 и первой половины 1791 года, подъ непосредственнымъ, быть можетъ, вліяніемъ своего друга Робеспьера, Демуленъ даже отказывается отъ поддержки республиканской програмы, говоря, что „республика существуетъ повсюду, гдѣ признанъ суверенитетъ націи и установлена система выбора народомъ администраторовъ и судей" [1]). Условія, въ какія поставлена была печать во Франціи, не въ силахъ дать одни объясненіе этому факту, такъ какъ въ то самое время, когда Демуленъ готовъ былъ дать свою поддержку установляемымъ собраніемъ порядкамъ, Бриссо и Кондорсэ все рѣзче и рѣшительнѣе нападали на нихъ, развивая мысль о необходимости противупоставить вновь создаваемой конституціи уже обнародованную декларацію правъ человѣка и гражданина. Послѣдняя, на ихъ взглядъ,—мирилась только съ чисто республиканскими порядками. Правда, ни Кондорсэ, ни Бриссо не рѣшались употреблять еще открыто самый терминъ республики. Но зато участіе народа, помимо его представителей, въ осуществленіи функцій суверенитета и даже избраніе министровъ независимо отъ короля путемъ народныхъ выборовъ, отмѣна цивильлиста, установленіе политической отвѣтственности министровъ, право всеобщаго голосованія, неограниченность свободы печати и права петицій, равное допущеніе всѣхъ гражданъ въ ряды національной гвардіи и т. п. находили ежедневную защиту на столбцахъ ихъ газетъ. Въ то время, какъ большинство парламентскихъ вожаковъ прямо или косвенно признавало, что источникъ раздиравшихъ Францію безпорядковъ и междоусобій лежитъ въ отсутствіи необходимой энергіи въ органахъ исполнительной власти, и только расходились въ объясненіи причинъ этого недостатка, приписывая его—одни несовершенствамъ конституціонныхъ декретовъ, другіе—скрытому желанію короля и министровъ поддержать анархію добровольнымъ бездѣйствіемъ и невмѣшательствомъ [2]), Бриссо

---

[1]) См. Les Révolutoins de France et de Brabant, конца 90 г. начала 91 года и отзывъ Мале дю Панъ о перемѣнѣ происшедшей во взглядахъ Демулена, (d'Héricanet. Autour d'une révolution, періодъ, непосредственно предшествующій бѣгству въ Вареннъ).

[2]) Дюпоръ обвинялъ министерство въ желаніи „faire le mort".

и Кондорсэ считали возможнымъ говорить о необходимости новаго сокращенія функцій исполнительной власти и открыто проповѣдовали, что „свобода обратно пропорціональна силѣ правительственной репрессіи“. Любопытно при этомъ то, что оба писателя одинаково искали подтвержденія этой мысли въ Америкѣ. Они не видѣли, что распредѣленная между федеральными, кантональными и мѣстными органами, исполнительная власть въ Соединенныхъ Штатахъ надѣлена тѣми же функціями, что и въ Англіи; можно сказать даже, что ея функціи обширнѣе, такъ какъ, благодаря отсутствію парламентаризма и свободѣ президента и губернаторовъ въ выборѣ ближайшихъ совѣтниковъ и министровъ, исполнительная власть располагаетъ въ Соединенныхъ Штатахъ несравненно большею самостоятельностью. А между тѣмъ вотъ что Бриссо позволялъ себѣ утверждать, опираясь на опытъ Америки. „Французы! хотите быть всегда свободными, всегда независимыми въ своихъ выборахъ и мнѣніяхъ?—ограничьте по возможности сферу дѣятельности исполнительной власти. Въ этомъ лежитъ секретъ тѣхъ, кого называютъ республиканцами; они хотятъ всячески сократить число ея функцій. Если американцы призваны сдѣлаться первымъ народомъ въ мірѣ, то потому между прочимъ, что исполнительная власть имѣетъ у нихъ мало силы (peu de force). Благоденствіе общества всегда зависитъ отъ большаго или меньшаго размѣра признанной въ немъ свободы. Но чѣмъ больше свободы, тѣмъ меньше должно быть власти у правительства. Эта власть усиливается только въ ущербъ свободѣ. Можетъ ли народъ, не имѣющій правительства, спрашиваетъ себя далѣе Бриссо, быть счастливымъ? Да, отвѣчаетъ онъ, если нравы его чисты“.

Для иллюстраціи своей мысли онъ ссылается на примѣръ квакеровъ, „которые болѣе вѣка прожили безъ муниципальныхъ властей, безъ полиціи, безъ всякаго рода средствъ принужденія“ 1). Такова точка зрѣнія, съ которой Бриссо разсматриваетъ отношенія свободы и власти. Кондорсэ высказывается въ томъ же смыслѣ. Въ своемъ трактатѣ „О природѣ политическихъ властей“ онъ говоритъ, что „народъ, желающій быть свободнымъ и мирнымъ, нуждается въ законахъ, которые бы довели до минимума правительственную дѣятельность; анархисты,—прибавляетъ онъ,—впервые отмѣтили эту истину, но они сдѣлали это подъ вліяніемъ смутнаго недовѣрія, стремясь къ независимости разгула“. Они надѣялись достигнуть ничтожества правительства, возбуждая къ нему недовѣріе, вызывая столкновенія между властями, дробя эти власти на мелкія частицы, которыя плохо со-

1) См. Nouveau voyage dans les Etats Unis de l'Amérique Septentrionale fait en 1788 (par J. P. Brissot de Warville citoyen français) стр. 24, 25, 27, 44.

гласуются между собою. На самомъ же дѣлѣ необходимо, чтобы это почти полное ничтожество правительства было результатомъ глубоко продуманной и ловко комбинированной системы законовъ [1]). Отношеніе Бриссо и Кондорсэ къ монархіи, столь различное на первыхъ порахъ, къ концу 90 года становится одинаковымъ.—Съ того момента, писалъ Бриссо весной 90 года, какъ національное собраніе провозгласило наслѣдственность королевской власти, оно декретировало недовѣріе народа къ главѣ исполненія. Искреннее и сердечное довѣріе подданныхъ къ правителю мыслимо только въ тѣхъ государствахъ, гдѣ послѣдній избираемъ, такъ какъ въ нихъ однихъ правящіе находятся въ постоянной зависимости отъ управляемыхъ. Исторія Франціи,—скажетъ тотъ же Бриссо 2-го іюля 91 года, повторяя тезисъ Демулена,—раскрываетъ предъ нами длинный рядъ народныхъ бѣдствій, источникомъ которыхъ были короли. Какую пользу представляетъ должность, не требующая ни опыта, ни умѣнья, которую можно поставить въ зависимость отъ случайности рожденія, которую можетъ осуществлять идіотъ, сумасшедшій, злодѣй въ такой же мѣрѣ, какъ и мудрецъ. Такая должность, очевидно, по существу своему ничтожна. Это постъ, созданный больше для представительства, нежели для преслѣдованія дѣйствительной пользы государства. (C'est une place de représentation et non d'utilité [2]). Французы достигли той зрѣлости, того возраста мудрости, при которомъ люди не довольствуются больше словами и способны понять, что ничтожный самъ по себѣ король можетъ сдѣлаться тѣмъ не менѣе серьезной для нихъ опасностью. Въ своей profession de foi отъ 5 іюля 91 года Бриссо точнѣе опредѣляетъ то, что слѣдуетъ разумѣть подъ республикой, какъ формой правленія, отличной отъ монархіи. „Я понимаю подъ нею,—говоритъ онъ,—такой порядокъ государственнаго устройства, 1) при которомъ всѣ власти осуществляются въ силу делегаціи, 2) и избираются изъ народа самимъ народомъ или его уполномоченными, 3) при которомъ всѣ они временны и смѣняемы. Соединенные Штаты—единственное государство представляющее чистѣйшій образецъ подобной республики. Бриссо останавливается на той мысли, что древнія республики основаны на совершенно иныхъ началахъ. Происходившіе въ нихъ волненія и безпорядки не доказываютъ еще несостоятель-

---

[1]) Cette presque nullité doit être le résultat d'un systéme de lois profondement combiné. (De la nature des pouvoirs politiques. Oeuvres. Изд. 1804 года, томъ XVI, стр. 137).

[2]) Nouveau voyage dans les Etats. Unis. стр. 44 (примѣч.). Большая часть этого тома изъ котораго заимствованъ приведенный въ текстѣ отрывокъ отпечатанъ раньше 19 іюня 90 года.

[3]) Avis aux français (Patriote français № 69).

ности республиканскаго режима. Они происходили отъ несовершенствъ въ порядкѣ голосованія. Народъ обсуждалъ дѣла на площади: печати не существовало и голосующіе лишены были того руководства, какое они находятъ въ ней нынѣ; сами собранія были крайне многолюдны и ловкимъ ораторамъ легко было овладѣть мнѣніемъ неподготовленной печатью толпы; все это вмѣстѣ взятое было причиной того, что пренія обыкновенно были шумны, а рѣшенія ошибочны или невѣрно переданы. Но всего этого легко избѣжать при представительномъ образѣ правленія, въ которомъ интересы всѣхъ передаются въ руки немногихъ избранныхъ. Это одно уже дѣлаетъ возможнымъ внести въ обсужденіе государственныхъ дѣлъ большее спокойствіе и глубину; рѣшенія становятся менѣе поспѣшны, и болѣе справедливы; они передаются точнѣе. Цѣлая бездна отдѣляетъ такимъ образомъ представительныя республики отъ республикъ древности. Республиканцы Франціи не желаютъ ни чистой демократіи Аѳинъ, ни спартанской олигархіи съ двумя царями во главѣ, ни аристократической демократіи Рима; они хотятъ образа правленія, основаннаго на представительствѣ. Тоже начало допущено въ устройствѣ отдѣльныхъ частей созданной собраніемъ конституціи, за исключеніемъ одной, именно той, которая отвѣчаетъ задачамъ исполненія. Законодательная и судебная власть построены на представительствѣ; сама даже исполнительная не остается вполнѣ чуждой этому же началу, такъ какъ департаментскія власти и мѣстные органы налогового управленія избирательны. На пять шестыхъ французская конституція поэтому можетъ считаться республиканской. Монархистовъ и республиканцевъ не раздѣляетъ болѣе ничего, кромѣ слѣдующаго. Республиканцы хотятъ, чтобы система представительства распространена была и на королевскую власть; монархисты же противятся этому. Первые ближе къ духу конституціи, такъ какъ требуютъ одного распространенія установленнаго ею начала представительства на ту шестую часть, которая доселѣ оставалась свободной отъ него [1]). Съ

---

[1]) См. Partriote français № 696 отъ 5 іюля 91 г. Сдѣланныя въ текстѣ выписки, мнѣ кажется, не оставляютъ сомнѣнія, что въ глазахъ Бриссо республиканская партія во Франціи была чѣмъ то существующимъ и сознательно ставила себѣ цѣлью низверженіе наслѣдственной королевской власти. Но въ приписываемыхъ тому же Бриссо мемуарахъ высказывается нѣчто какъ разъ обратное. „Надо, значится въ нихъ (томъ III, стр. 329), признать, что республиканской партіи вовсе не существуетъ. Это привидѣніе, выдуманное умѣренными, чтобы возстановить своихъ адептовъ противъ патріотовъ. Республиканизмъ такъ мало отвѣчаетъ дѣйствительности, что „бѣшеные", которымъ приписывается пристрастіе къ нему, первые потребовали бы воцаренія новаго короля, если бы имъ было предоставлено право низлагать его въ

неменьшей откровенностью высказывалъ Кондорсэ свои взгляды на монархію и республику. Нимало не стѣсняясь нѣкогда вырвавшимся у него заявленіемъ, что „Франція остается монархіей, такъ какъ эта форма государственнаго устройства одна отвѣчаетъ обширности ея территоріи, богатству, населенности, наконецъ, самому началу политическаго равновѣсія въ Европѣ“ [1]), Кондорсэ считаетъ возможнымъ объявить въ настоящее время, что удобства связанныя съ наслѣдственной монархіей сводятся къ тому, что 1) она предполагаетъ, во-первыхъ, существованіе громаднаго бюджета, распоряженіе, которымъ вызываетъ во многихъ надежду наживы 2) и ведетъ, во-вторыхъ, къ образованію около наслѣдственной должности правителя столь же наслѣдственной передачи имущественнаго положенія и вліянія въ рядахъ немногихъ семей, близко стоящихъ къ престолу“.

Эта преемственность вліянія и власти привлекаетъ къ монархія многихъ изъ тѣхъ, кого равенство, неизбѣжное въ хорошо устроенномъ государствѣ, способно повергнуть въ отчаяніе. Суровые умы, прибавляетъ Кондорсэ, видятъ, правда, въ такомъ порядкѣ вещей только опасность для народа, они не хотятъ признать, что косвенныя вліянія въ извѣстной степени необходимы для умаленія пыла патріотовъ, и что не слѣдуетъ отымать у чванства всякую надежду на успѣхъ, признавая личныя достоинства и заслуги единственнымъ путемъ къ отличію [2]) Нечего и говорить, что этотъ способъ защиты ближе къ сатирѣ, чѣмъ къ панегирику и что отъ заявленія, будто монархія полезна, по тому лишь, что льститъ честолюбію и корысти, до признанія ея вредною переходъ былъ далеко не труденъ. Кондорсэ дѣлаетъ его въ 1791 году подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, какое произвели на него бѣгство короля въ Вареннъ и та перспектива иноземнаго нашествія, какую общественное мнѣніе связывало съ этимъ бѣгствомъ. 12 іюля 91 года онъ читаетъ въ „соціальномъ клубѣ“ (cercle social) устроенномъ аббатомъ Фошэ и радикаломъ Бонневиль, мемуаръ, посвященный рѣшенію вопроса: нуженъ ли король для сохраненія свободы? Отвѣтъ Кондорсэ отрицательный. Въ отзывѣ, какой о его чтеніи даетъ журналъ Бриссо, значится: „философу удалось одновременно убѣдить умы и тронуть сердца; онъ побѣдоносно установилъ тотъ взглядъ, что свобода печати, при широкомъ распространеніи любви къ чтенію книгъ и газетъ, является непреодолимымъ препятствіемъ

конституціонномъ порядкѣ“. Это мѣсто, на нашъ взглядъ, даетъ новое основаніе сомнѣваться въ томъ, чтобы авторомъ „мемуаровъ“ былъ Бриссо.

[1]) Reflexions sur les pouvoirs et instructions à donner par les provinces à leurs deputés aux Etats Généraux стр. 16.

[2]) Sur l'institution d'un conseil électif. Oeuvres de Condorcet томъ XVI, стр. 237.

къ установленію въ будущемъ тиранніи, подобной Кромвелевской". Смѣхъ беретъ, когда подумаешь, что эта оптимистическая надежда высказывалась не болѣе какъ за два года до установленія „тиранніи" комитета общественнаго спасенія и смѣнившей его диктатуры Робеспьера, и всего за семь лѣтъ до coup d'état 18 брюмера. Хваля Кондорсэ за его панегирикъ республикѣ, „французскій патріотъ" утверждаетъ, что философъ побѣдоносно разбилъ обычное возраженіе монархистовъ, доказавши, что обширность территоріи не только не препятствуетъ, но напротивъ того, содѣйствуетъ утвержденію во Франціи республиканскаго правительства. Наслѣдственность престола, замѣтилъ ораторъ, не устраняетъ безпорядковъ; она только воздвигаетъ противъ правительства наслѣдственное недовѣріе всѣхъ друзей свободы. Это недовѣріе заставляетъ ихъ ставить ей на каждомъ шагу препоны и замедлять тѣмъ самымъ ея движенія" [1]).—Кондорсэ объяснялъ перемѣну своихъ взглядовъ на республику и монархію тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на него недавній ходъ событій. Но есть основаніе думать, что вліяніе такихъ убѣжденныхъ республиканцевъ, какъ Томасъ Пэнъ и такихъ знатоковъ американскихъ порядковъ, какъ Клавьеръ и Бриссо, также не осталось ей чуждымъ. Въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ извѣстный сотрудникъ Мирабо, женевецъ Дюмонъ, даетъ намъ самое выгодное представленіе объ искренности и сердечной чистотѣ того ученаго математика и философа, какимъ на самомъ дѣлѣ былъ Кондорсэ. Онъ изображаетъ его намъ главнымъ вожакомъ той мирной пропаганды, которая подготовила во Франціи республику за долго до 10-го августа 92 года. Кондорсэ, пишетъ онъ, не разъ высказывался противъ установленія ея насильственнымъ образомъ. „Если путь къ ней проложенъ будетъ революціей, говорилъ онъ, если народъ открыто возстанетъ противъ двора, послѣдствія могутъ быть самыя ужасныя. Но въ то же время Кондорсэ считалъ необходимымъ воспользоваться обстоятельствами для мирнаго водворенія республики" [1]). Его взгляды вполнѣ раздѣляемы были и его женою. Пропаганда обоихъ создала республикѣ многихъ приверженцевъ. Салонъ Кондорсэ сдѣлался для нея настоящимъ очагомъ. Серьезность характера, склонность къ метафизическимъ разсужденіямъ, пристрастіе къ республиканскимъ писателямъ древности, энтузіазмъ къ сочиненіемъ Руссо создали въ госпожѣ Кондорсэ фанатическую приверженность къ политическимъ идеаламъ ея мужа. „Оба супруга одинаково были убѣждены, что свобода не можетъ удержаться во Франціи бокъ о бокъ съ престоломъ. Источникъ такого предубѣжденія съ ихъ стороны надо искать

---

[1]) „Patriote français" № 707 отъ 17 іюля 91 года.

[2]) Etienne Dumont Souvenirs стр. 324.

въ тѣхъ ложныхъ представленіяхъ, какія Томасъ Пэнъ далъ имъ объ Англіи. „Не разъ, пишетъ Дюмонъ, пытался я опровергнуть его взгляды, но это не вело ни къ чему. Пэнъ отличался безумнымъ чванствомъ. Если вѣрить ему, все происшедшее въ Америкѣ, было дѣломъ его рукъ. Ему казалось, что книга его о правахъ человѣка можетъ замѣнить собою всѣ прочія, и онъ не разъ говорилъ намъ безъ обиняковъ, что если бы отъ него зависѣло сжечь всѣ библіотеки, онъ сдѣлалъ бы это, не колеблясь. Тѣмъ самымъ, думалъ онъ, разрушены будутъ въ корнѣ всѣ заблужденія и можно будетъ положить при одномъ содѣйствіи его сочиненія начало новой цѣпи идей и принциповъ“ [1]). Подъ вліяніемъ Пэна Америка въ скоромъ времени сдѣлалась для супруговъ Кондсорэ образцомъ хорошаго правительства, и они остановились на мысли о возможности пересадить во Францію ея порядки. Дюмонъ употребляетъ даже терминъ „федерализмъ“, чтобы передать характеръ той политической системы, о какой Кондорсэ мечталъ въ примѣненіи къ Франціи. Но въ сочиненіяхъ этого мыслителя трудно найти какія-либо доказательства тому, что онъ не могъ представить себѣ разумнаго устройства своей родины иначе, какъ въ формѣ сѣти полу-независимыхъ республикъ. Я думаю, что Дюмонъ принимаетъ одну за другую и смѣшиваетъ въ своемъ представленіи двѣ рѣзко отличныя другъ отъ друга системы:—систему дробленія суверенитета между кантональными правительствами и федеральнымъ, и систему дробленія ея между націей, какъ цѣлымъ, и ея представителями. О первомъ нѣтъ рѣчи въ сочиненіяхъ Кондорсэ, который въ защитѣ начала мѣстнаго самоуправленія не идетъ далѣе Тюрго и всей школы физіократовъ. Подобно имъ онъ желаетъ муниципальной независимости, раздѣленія Франціи на мелкія провинціи подъ управленіемъ административныхъ совѣтовъ, избираемыхъ классомъ землевладѣльцевъ. Наоборотъ, та мысль, что народъ передаетъ только часть принадлежащаго ему суверенитета въ руки представителей и сохраняетъ за собой въ частности право утвержденія и отверженія издаваемыхъ ими законовъ и конституцій, является въ такой же мѣрѣ краеугольнымъ камнемъ политической доктрины Кондорсэ, какъ и то, что всѣ власти, не исключая исполнительной, должны имѣть своимъ источникомъ народъ и подлежать строгой и ежечасной отвѣтственности предъ народомъ. Всего полнѣе эти мысли развиты въ трактатѣ, озаглавленномъ „О природѣ политическихъ властей“. Проводя вслѣдъ за Руссо тотъ взглядъ, что въ государствѣ съ сколько-нибудь обширной территоріей немыслимо прямое народовластіе, прямое участіе народа въ законодательной дѣятельности, Кондорсэ въ то же время говоритъ, что это

---

[1]) Ibid. стр. 331.

обстоятельство не мѣшаетъ непосредственному призыву гражданъ къ голосованію всякій разъ, когда предстоитъ рѣшить, согласенъ или несогласенъ новый законъ съ естественными правами человѣка. Разумѣется, такая аппеляція къ народу не должна имѣть мѣста по отношенію къ законамъ, имѣющимъ второстепенное значеніе,—регулирующимъ детали, восполняющимъ пробѣлы или приводящимъ въ соотвѣтствіе отдѣльныя стороны предшествовавшаго законодательства. Но это было бы въ высшей степени желательнымъ и вполнѣ осуществимымъ по отношенію къ руководящимъ законамъ, обнимающимъ собою цѣлыя области права, какъ, напр., гражданскій кодексъ, процессуальный и т. п. Но есть законы, для которыхъ это еще болѣе необходимо: это тѣ, которыми опредѣляется самый составъ того корпуса, въ руки коего передана забота объ ихъ изготовленіи. Отъ народнаго признанія получаетъ этотъ корпусъ свой настоящій авторитетъ, авторитетъ, дозволяющій ему требовать законнаго подчиненія своимъ велѣніямъ даже до момента ихъ утвержденія избирателями [1]). Говоря это, Кондорсэ высказывается въ пользу голосованія народомъ учредительныхъ законовъ или конституціи. Но если народу принадлежитъ право вотировать конституцію, то ему же должно быть предоставлено и вносить въ нее вызываемыя временемъ измѣненія. За одно съ Руссо и Мабли, Кондорсэ не видитъ возможности допустить то различіе между обыкновенными законами и законами основными, которое состояло бы въ признаніи незыблемости послѣднихъ. Онъ пишетъ даже отдѣльный трактатъ съ цѣлью доказать необходимость періодическаго созыва конвента или, что то же, учредительнаго собранія, для пересмотра и исправленія конституціи. Новая редакція не становится сразу закономъ, а поступаетъ предварительно на голосованіе гражданъ. Это голосованіе необходимо уже потому, что народу принадлежитъ, какъ мы видѣли, въ системѣ Кондорсэ право блюсти за тѣмъ, чтобы законы не заключали въ себѣ ничего противнаго естественнымъ правамъ человѣка. Конвентъ въ этомъ отношеніи такъ же связанъ, какъ и обыкновенная законодательная палата: права человѣка должны быть для него столь же священны и столь же неприкосновенны [2]).

Еслибы Кондорсэ былъ на самомъ дѣлѣ тѣмъ федералистомъ, какимъ изображаетъ его Дюмонъ, онъ бы несомнѣнно постарался провести свои взгляды при установленіи самой системы народнаго представительства, предложивъ, напр., устройство сената, который, подобно

---

[1]) См. Oeuvres, т. XVI, стр. 117 и 118.

[2]) См. трактатъ Кондорсэ, озаглавленный: Sur la nécessité de faire ratifier la constitution par les citoyens, т. XVI, стр 201.

американскому, являлся бы стражемъ независимости отдѣльныхъ областей. Но Кондорсэ рѣшительно высказывается противъ всякой системы двухъ палатъ, все равно, будетъ ли въ основаніе ея положено представительство однихъ и тѣхъ же или разныхъ интересовъ.

Онъ мирится только съ установленіемъ бокъ-о-бокъ съ единой и всемогущей народной камерой какой-то академіи просвѣщенныхъ людей, академіи, надѣленной относительнымъ veto, правомъ двоекратнаго, каждый разъ мотивированнаго, отказа въ утвержденіи изданныхъ Національнымъ собраніемъ законовъ. Въ этой академіи можно отмѣтить, пожалуй, зародышъ политическихъ мечтаній основателя позитивизма, Огюста Конта. Но въ ней нельзя найти ни малѣйшаго проблеска враждебности къ системѣ политическаго единства Франціи или попытку устроить ея представительство на федеральной основѣ [1]). Рядомъ съ заботою о сохраненіи возможнаго участія народа въ законодательной дѣятельности и Кондорсэ, за одно съ Бриссо, задается мыслью обезпечить народу выборъ всѣхъ властей въ государствѣ. Въ числѣ причинъ, которыя, согласно пророчеству Бриссо, должны сдѣлать изъ Америки первую страну въ мірѣ, редакторъ „французскаго патріота" ставитъ избирательный характеръ публичныхъ должностей, не исключая исполнительныхъ, и связанное съ избраніемъ право народа отставлять отъ должности [2]). Кондорсэ развиваетъ ту же мысль, отказываясь даже открыто въ пользу ея отъ дорогого ему нѣкогда ученія физіократовъ о тѣсной связи избирательнаго права съ землевладѣніемъ. Онъ забываетъ, повидимому, что не далѣе, какъ въ 1789 г., въ „Идеяхъ о деспотизмѣ" онъ позволилъ себѣ буквально слѣдующее утвержденіе: „равенство не страдаетъ отъ того, если одни собственники пользуются правомъ гражданства, ибо они одни владѣютъ территоріей, и никто не можетъ избрать ее своимъ мѣстожительствомъ безъ ихъ согласія". 20 апрѣля 1790 г. онъ отъ имени парижской коммуны составляетъ къ собранію адресъ, въ которомъ требуетъ отмѣны закона, ставившаго пользованіе избирательнымъ правомъ въ зависимость отъ величины обложенія. Въ этомъ адресѣ говорится, что требованіе отъ избирателей подати, равной десяти-дневному заработку, а отъ депутатовъ—марки серебромъ прямого обложенія лишаетъ гражданъ равнаго участія въ занятіи должностей и представляетъ собою поэтому открытое противорѣчіе тѣмъ обѣщаніямъ, какія даны декларацiей правъ. „Каждый гражданинъ, утверждаетъ Кондорсэ, свободенъ дать свое довѣріе кому заблагоразсудитъ; онъ вправѣ поручить за-

---

[1]) Examen sur cette question. Est—il utile de diviser une assemblée nationale en plusieurs chambres (т. XV, Oeuvres, стр. 77, 79, 93, 101).

[2]) См. Nouveau voyage dans les Etats-Unis, т. I, вступл., стр. 44.

щиту общественныхъ интересовъ тому, кто въ его глазахъ соединяетъ въ себѣ болѣе другихъ рвеніе, честность, смѣлость и знаніе". Кондорсэ дѣлаетъ, впрочемъ, нѣкоторую уступку своимъ прежнимъ взглядамъ, говоря, что всякія избирательныя ограниченія справедливы только тогда, когда вызываются необходимостью; но этой-то необходимости и нѣтъ на-лицо. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, повторяя въ сущности то же, что высказано было Бэркомъ, если полезно устранить отъ занятія публичныхъ должностей лицъ, не имѣющихъ независимаго состоянія, и сохранить должности для тѣхъ, кого труднѣе подкупить, требуемый вами платежъ далеко не достигаетъ своей цѣли [1]). Право народнаго избранія распространяется, по ученію Кондорсэ, на выборъ не однихъ представителей, но и чиновниковъ государства. По своей матеріальной необезпеченности и проистекающему отсюда недостатку знаній, люди изъ простонародья, какъ общее правило, не призваны къ занятію публичныхъ постовъ. Правящій классъ долженъ поэтому признать за управляемыми извѣстную сферу власти, которая одна можетъ утѣшить ихъ въ недостаткѣ болѣе непосредственнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Этимъ, говоритъ Кондорсэ, обусловливается значеніе прямой системы выборовъ, при которой нѣтъ необходимости прибѣгать къ той фикціи, которая одна позволяетъ видѣть въ депутатѣ, назначенномъ выборщиками, продуктъ народнаго избранія [2]). Другое средство сохранить за простонародьемъ участіе въ государственной жизни, это возможно частое повтореніе выборовъ. Кондорсэ, подобно Бриссо, думаетъ, что періодическое возобновленіе въ короткіе сроки служебнаго персонала является необходимымъ условіемъ для установленія того довѣрія, какое подданные должны питать къ правительству, чтобы дѣятельность его могла развиваться безпрепятственно. Въ этомъ отношеніи и тотъ, и другой писатель слѣдуютъ въ такой же степени примѣру классическихъ республикъ древности, какъ и современной имъ американской федераціи. Одну изъ причинъ необходимости частаго повторенія выборовъ Кондорсэ видитъ въ томъ же соображеніи, какое заставляло писателей древности превозносить эту систему. Съ античной точки зрѣнія свобода, какъ извѣстно, лежала не столько въ гарантіи личности отъ произвола, сколько въ участіи въ управленіи. Чѣмъ распространеннѣе было это участіе, тѣмъ обезпеченнѣе казалась свобода. Эта античная идея, при которой свобода тѣсно сливается съ равенствомъ во власти, оживаетъ снова въ эпоху французской революціи. Зародышъ ея можно найти уже въ сочиненіяхъ Руссо и Мабли, но съ полной силой и опредѣленностью

---

[1]) Condorcet. Adresse à l'assemblée nationale, т. XVI, стр. 171.
[2]) Des pouvoirs politiques, стр. 134.

высказываютъ ее впервые сторонники республиканскихъ порядковъ и въ числѣ ихъ Кондорсэ. Еще въ „Письмахъ дворянина къ членамъ средняго сословія“, появившихся въ 1788 г., этотъ писатель говорилъ: „нѣтъ истиннаго права, ни возможности мира въ обществѣ безъ равенства между гражданами“. Право участвовать въ созданіи закона, читаемъ мы въ другомъ его памфлетѣ, есть одно изъ правъ человѣка, живущаго въ обществѣ. Если оно не равно для всѣхъ гражданъ, его на самомъ дѣлѣ нѣтъ на-лицо [1]). Возвращаясь къ развитію той же мысли и отказываясь даже отъ тѣхъ ограниченій, какія въ угоду физіократовъ онъ ставилъ еще на первыхъ порахъ избирательному праву, связывая его съ собственностью, Кондорсэ въ позднѣйшихъ своихъ трактатахъ, какъ, напр., въ сочиненіи „О природѣ политическихъ правъ“, прямо высказывается въ томъ смыслѣ, что свобода немыслима безъ тѣсной связи съ равенствомъ. Отъ него идетъ даже самый терминъ liberté égalitaire [2]).

---

[1]) Кондорсэ, т. XII, стр. 143. „Письма гражданина Соединенныхъ штатовъ къ французу касательно текущихъ дѣлъ“.

[2]) Онъ далекъ, однако, отъ мысли понимать это равенство въ томъ смыслѣ, какой приписываютъ ему соціальные революціонеры нашего времени. Въ обществѣ,—утверждаетъ онъ,—всегда останутся три вида неравенства, источникъ которыхъ лежитъ въ природѣ: неравенство естественныхъ способностей, неравенство богатствъ, неравенство правящихъ и управляемыхъ (т. XVI, стр. 178). Неравенство состояній, разумѣется, большое зло, но о немъ можно сказать то же, что и о всякомъ другомъ политическомъ злѣ. Его нельзя разрушить иначе, какъ медленно, если только не допустить явной несправедливости. Но оно можетъ исчезнуть мало-по-малу, при содѣйствіи законовъ, которыми бы устанавливалась свобода торговли и упрощена была система налоговъ, законовъ, которые ввели бы равный раздѣлъ наслѣдствъ и согласныя съ природой постановленія касательно браковъ (т. XV, стр. 93. Examen de cette question: est—il utile de diviser une assemblée nationale en plusieurs chambres). Всѣ эти пожеланія болѣе или менѣе осуществились, но предсказанное Кондорсэ разрушеніе имущественнаго неравенства однако не наступило. Сужденіе Кондорсэ въ данномъ вопросѣ тѣмъ не менѣе весьма цѣнно. Оно знакомитъ насъ съ иллюзіей, общей почти всѣмъ дѣятелямъ 89 года. Она состояла въ признаніи, что источникомъ неравенства является главнымъ образомъ монополія. Въ извѣстномъ смыслѣ на Кондорсэ и его послѣдователей можно смотрѣть, какъ на первыхъ провозвѣстниковъ тѣхъ взглядовъ, какіе въ наше время нашли талантливаго истолкователя въ лицѣ Джорджа. Подобно американскому экономисту, они сводятъ почти весь соціальный вопросъ къ аграрному и видятъ въ искусственномъ сосредоточеніи земельной собственности источникъ соціальнаго неравенства. Это искусственное сосредоточеніе было послѣдствіемъ феодальнаго порядка и созданной имъ земельной монополіи. Съ паденіемъ феодализма, съ установленіемъ системы равнаго раздѣла наслѣдствъ, съ отмѣной майоратовъ и субституцій, думаютъ они, неизбѣжно падетъ и сама эта монополія. Стоитъ прочесть рѣчь, какую Мирабо собирался произнесть въ Національномъ собраніи въ пользу равнаго раздѣла имуществъ между наслѣдниками, чтобы убѣдиться, въ

Эта „уравненная свобода", понимаемая въ смыслѣ равнаго участія въ осуществленіи народнаго суверенитета должна проявляться, думаетъ Кондорсэ, не въ одной только сферѣ законодательства, но и въ области исполненія. Народъ вправѣ выбирать не только представителей или депутатовъ, но и администраторовъ. Бриссо хвалитъ, какъ мы видѣли, американцевъ за то, что они сдѣлали всѣ должности, не исключая и той, которая принадлежитъ главѣ государства— президенту, избирательными. Кондорсэ, не имѣя возможности безъ новой революціи достигнуть того же, дѣлаетъ попытку примирить выгоды американской системы съ сохраненіемъ во Франціи монархической формы правленія. Если французы не будутъ имѣть избираемаго президента, свободнаго въ назначеніи министровъ, то въ замѣнъ они получатъ рекомендованныхъ народнымъ представительствомъ и отвѣтственныхъ передъ нимъ министровъ, министровъ, дѣйствующихъ именемъ наслѣдственнаго и несмѣняемаго короля. Не безъинтересно отмѣтить тотъ фактъ, что, высказывая такія пожеланія, республиканецъ Кондорсэ въ конечномъ результатѣ сходится съ монархистомъ Мирабо, который, оставляя въ рукахъ короля свободу выбора министровъ, желалъ въ то же время, чтобы король не назначалъ на этотъ постъ никого, помимо членовъ парламентскаго большинства. Дѣло въ томъ, что тотъ и другой имѣютъ передъ глазами болѣе или менѣе смутно сознаваемый образецъ англійскаго парламентаризма и англійской системы кабинета, почему одинъ, Мирабо, считаетъ воз-

какой степени иллюзія Кондорсэ раздѣлялась наиболѣе выдающимися изъ его современниковъ. Монополія, сказавшаяся въ сферѣ земельныхъ отношеній въ формѣ присвоенія всей территоріи небольшой группой сеньоровъ, проявляется въ сферѣ промышленности и торговли въ сосредоточеніи въ рукахъ немногихъ покровительствуемыхъ правительствомъ гильдій и компаній привилегіи исключительнаго занятія обрабатывающей промышленностью и обмѣномъ французскихъ товаровъ на иностранные. Эти гильдіи и компаніи являются такими же монополизаторами выгодъ, доставляемыхъ промыслами и обмѣномъ, какими надо считать феодальныхъ сеньеровъ по отношенію къ выгодамъ, доставляемымъ земельной собственностью. Чтобы положить конецъ неравенству, необходимо, думали люди 89 года, открыть войну и противъ этого вида монополіи. Къ ея отмѣнѣ и сводилась превозносимая ими свобода торговли. Наконецъ, третій источникъ неравенства — монополія, создаваемая правительствомъ въ формѣ податныхъ изъятій, неравномѣрнаго распредѣленія тягостей обложенія. Въ ея отмѣнѣ, въ установленіи принципа равномѣрнаго участія всѣхъ сословій въ несеніи государственныхъ издержекъ и соотвѣтственной реформѣ налоговъ лежитъ третій путь къ отмѣнѣ монополіи и вызваннаго ею неравенства состояній. Такъ разсуждали дѣятели французской революціи и во главѣ всѣхъ ихъ Кондорсэ, считавшій возможнымъ достигнуть уравненія состояній безъ соціальнаго переворота подъ вліяніемъ медленнаго хода событій и благодаря воздѣйствію законодательства.

можнымъ соединеніе въ рядахъ министерства всѣхъ талантовъ независимо отъ партій, а другой, Кондорсэ, предлагаетъ составленіе собраніемъ особыхъ списковъ лицъ призванныхъ къ занятію министерскихъ постовъ. Король руководствуется ими при выборѣ и вправѣ назначить только того, чье имя встрѣчается въ спискахъ. Мирабо и Кондорсэ подходятъ къ англійскому парламентаризму съ разныхъ концовъ: первый, подчиняя королевскій выборъ господствующему въ странѣ большинству, второй—навязывая королю избранниковъ этого большинства. Оба сходятся въ желаніи, чтобы доступъ къ министерству не былъ закрытъ депутатамъ, такъ какъ оба смутно желаютъ правительства партій и солидарнаго съ большинствомъ министерства [1]). Кондорсэ старается доказать, что такой порядокъ назначенія министровъ народными представителями имѣлъ бы двойную выгоду. Повторяя приблизительно то же, что сказано было Бриссо, онъ говоритъ, что народъ не имѣлъ бы причины питать къ избираемымъ и отставляемымъ имъ властямъ то недовѣріе, какое справедливо внушаетъ ему наслѣдственный и несмѣняемый король съ зависимыми отъ его выбора совѣтниками „Законъ можетъ поэтому дать членамъ министерства возможность активной дѣятельности безъ страха, что они воспользуются этой возможностью противъ свободы, ибо они смѣняемы по волѣ народа“ [2]). Эта же причина является источникомъ другого преимущества, какимъ отличается предлагаемый порядокъ назначенія министровъ. Онъ не только не поведетъ къ умаленію, но, наоборотъ, къ усиленію королевскаго авторитета. Кондорсэ рѣшается утверждать, что предложеніе допустить законодательное собраніе къ участію въ выборѣ министровъ не ведетъ къ сокращенію правъ монарха, а къ упроченію его власти; вѣрнѣе, оно сводится къ замѣнѣ его воображаемаго права—правомъ реальнымъ. На мѣсто неограниченнаго и связаннаго съ нравственною порчей вліянія правительства на выборъ министровъ установится отнынѣ законное и полезное его воздѣйствіе. Только что приведенныя мысли высказаны были Кондорсэ еще въ 1790 году. Когда, вслѣдъ за бѣгствомъ короля въ Вареннъ поставленъ былъ впервые на очередь вопросъ о монархіи и республикѣ, тотъ же Кондорсэ 13 іюля 91 года выступилъ съ новой брошюрой, въ которой предлагалъ установленіе

---

[1]) Лица, объявленныя правоспособными къ занятію министерскихъ постовъ, не должны по этой причинѣ быть устранены отъ выбора въ законодательное собраніе, говоритъ Кондорсэ (Sur le choix des ministres), томъ XVI, стр. 339.

[2]) Ibid. стр. 251 (Sur l'institution d'un conseil électif.). томъ XVI.

[3]) Sur le choix des ministres, томъ XVI, стр. 346. Эта брошюра написана Кондорсэ еще въ 1790 году.

избираемаго исполнительнаго совѣта изъ семи человѣкъ. Право избранія онъ совѣтовалъ предоставить тѣмъ же лицамъ, которымъ былъ порученъ выборъ депутатовъ; но они должны были выбирать своихъ кандидатовъ по особымъ спискамъ, составленнымъ департаментами и подлежащимъ ежегодному возобновленію. Члены совѣта остаются въ должности десять лѣтъ и подлежатъ переизбранію. На нихъ должны перейти всѣ функціи королевской власти, одинаково съ функціями министровъ. Отстаивая свой проектъ, Кондорсэ доказывалъ, что несмѣняемый и безотвѣтственный король не имѣетъ въ конституціонной монархіи другого назначенія, кромѣ выбора и отставки отъ должности членовъ министерства. Чтобы доказываемыя сторонниками монархіи преимущества этой формы правленія надъ республикой могли имѣть какой-либо вѣсъ въ глазахъ людей безпристрастныхъ, надо было бы, по мнѣнію автора, установить сперва невозможность другой, менѣе абсурдной системы назначенія министровъ, чѣмъ та, какая практикуется въ государствахъ съ наслѣдственнымъ главою. Эту-то менѣе абсурдную систему и берется предложить Кондорсэ, который снова возвращается по поводу ея къ развитію того основного взгляда, общаго ему съ Бриссо, что довѣріе снизу, безъ котораго немыслима никакая дѣятельная администрація, возможно только подъ условіемъ выбора управителей управляемыми [1].

Таковы были въ самыхъ общихъ, разумѣется, чертахъ политическія задачи тѣхъ двухъ человѣкъ, которыхъ вслѣдъ за Дюмономъ, мы готовы признать родоначальниками республиканизма во Франціи. Около редактируемыхъ ими газетъ группировались въ концѣ 90 и 91 года зародыши будущей республиканской партіи. Все, что въ провинціи способно было дать дружный откликъ этимъ новымъ стремленіямъ, старалось войти въ тѣсныя сношенія съ Бриссо и его ближайшимъ сотрудникомъ Клавьеромъ и чрезъ ихъ посредство проникало въ салонъ госпожи Кондорсэ и ея супруга. Въ числѣ этихъ новыхъ адептовъ республиканскихъ идей, которыхъ провинція и въ особенности южная Франція поставляла столицѣ, самое видное мѣсто занимаетъ семьяРолановъ и ихъ близкій другъ Лантенасъ. Когда Роланы прибыли въ Парижъ, что случилось 20 февраля 91 г., Бриссо поспѣшилъ познакомить ихъ не только съ Кондорсэ, но и съ депутатами крайней лѣвой—Петіономъ, Робеспьеромъ, Бюзо. „Вскорѣ, говоритъ профессоръ Оларъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія о внутренней организаціи будущей жирондистской партіи, у

---

[1]) См. Sur l'institution d'un conseil électif, томъ XVI, стр. 239 и слѣдующія. Сравни статью Dide о Кондорсэ въ Révolution française 1882 г., стр. 247 и слѣд.

Poлановъ стали собираться четыре раза въ недѣлю всѣ члены небольшаго кружка, главою котораго оставался Бриссо. Такъ продолжалось почти до момента закрытія Учредительнаго собранія, ибо Роланы вернулись въ Ліонъ только 15 сентября 91 года. И впослѣдствіи Бриссо оставался попрежнему связующимъ звеномъ республиканцевъ. „Въ эпоху созыва Законодательнаго собранія, говоритъ самъ онъ въ своемъ докладѣ революціонному трибуналу, прибывавшіе въ Парижъ депутаты изъ Жиронды стали искать сближенія со мной, благодаря сочувствію тѣмъ взглядамъ, какихъ я придерживался по отношенію къ колоніямъ. Мы условились собираться три раза въ недѣлю передъ началомъ засѣданій“. Говоря о сочувствіи его взглядамъ на колоніи, Бриссо имѣетъ въ виду проповѣдуемое имъ равноправіе расъ и вытекающую отсюда необходимость освобожденія негровъ. Съ цѣлью содѣйствовать этому освобожденію и оказать отпоръ тѣмъ, кто въ интересахъ плантаторовъ противился распространенію на негровъ „правъ человѣка и гражданина“, основано было въ Парижѣ по примѣру и въ тѣсномъ общеніи съ лондонскимъ французское „Общество друзей черныхъ“. Тогда какъ Барнавъ среди членовъ Учредительнаго собранія являлся душею всякаго противодѣйствія равенству негровъ, Бриссо принялъ на себя роль главнаго ея заступника. Вмѣстѣ съ Клавьеромъ и Мирабо, онъ былъ въ числѣ первыхъ основателей „Общества друзей черныхъ“ и предсѣдательствовалъ на открытіи его засѣданій въ февралѣ 1788 года. Общество носило впрочемъ довольно смѣшанный характеръ и считало наравнѣ съ немногими членами будущей республиканской партіи, въ томъ числѣ Петіона и Лавуазье, и такихъ умѣренныхъ роялистовъ, какъ Сіейсъ, Грегуаръ, Лафайетъ, Ларошъ-Фуко, Вольнэ, и такихъ болѣе близкихъ къ правой депутатовъ, какъ Бергасъ или будущій членъ законодательнаго собранія Пасторэ [1]).

Благодаря обширной корреспонденціи съ провинціями, друзья негровъ и ихъ руководитель Бриссо, бывшій одновременно и редакторомъ „Патріотической Газеты“ и депутатомъ новаго собранія, необходимо должны были сдѣлаться центромъ и связующимъ звеномъ для прибывавшихъ въ столицу представителей южныхъ и западныхъ департаментовъ, раздѣлявшихъ, какъ общее правило его взгляды на эмансипацію. Вскорѣ, говоритъ Дюмонъ въ своихъ воспоминаніяхъ, признано было полезнымъ устроить общіе завтраки въ пятомъ номерѣ Вандомской площади, у нѣкоей госпожи Доденъ. Здѣсь, прибавляетъ онъ, я не разъ встрѣчалъ Бриссо, Клавьера,

---

[1]) См. La politique et l'éloquence de Brissot, par Aulard. Révol. française. іюль—дакабрь 1889 года, стр. 28 и 29.

Редерера, Гюадэ, Жансонэ, Верньо, Дюкло, Кондорсэ, Фоше и вернувшихся въ ПарижъРолановъ. Будущая Жиронда обѣдала также довольно часто у Клавьера и Петіона, независимо отъ этихъ случайныхъ и менѣе дѣловыхъ собраній она имѣла постоянное средство сообщенія, сходясь по утрамъ три раза въ недѣлю у депутата Верньо передъ самымъ открытіемъ законодательныхъ сессій [1]).

Таковы были попытки внутренняго сближенія сочувствовавшаго республиканской демократіи и группировавшагося около Бриссо кружка молодыхъ депутатовъ и журналистовъ, которыхъ долгое время окрещивали даже его именемъ, называя ихъ бриссотинцами. Желаніе оттѣнить ту роль, какую въ образованіи этого кружка игралъ редакторъ „Французскаго Патріота", заставило насъ бросить взглядъ впередъ и говорить о событіяхъ, которымъ суждено было наступить только въ концѣ 91 года. Намъ необходимо поэтому вернуться снова къ началу этого года и показать, какое положеніе создавала для только-что возникавшаго ядра будущихъ республиканцевъ та монархическая реакція, начало которой было положено уже закулисной дѣятельностью Мирабо и вожаками которой являлись теперь недавніе антагонисты великаго трибуна, сблизившіеся со дворомъ члены тріумвирата—Дюпоръ, Барнавъ и Ламетъ.

Реакція, о которой идетъ рѣчь, сказывалась ясно и въ стремленіи ограничить свободу печати, и въ попыткахъ стѣснить дѣятельность клубовъ въ пользованіи правомъ петицій. Переписка госпожи Роланъ съ Банкаль дез-Иссаромъ [2]) вводитъ насъ въ кругъ заботъ и опасеній, среди которыхъ протекала жизнь первыхъ провозвѣстниковъ республики. Уже 5-го апрѣля 91 года, говоря объ общемъ настроеніи, г-жа Роланъ отмѣчаетъ близость кризиса: „немало добрыхъ гражданъ желаетъ скорѣйшаго закрытія національнаго собранія, но я вижу въ этомъ заблужденіе. Мы находимся въ такомъ состояніи внутренняго безпокойства и усталости, изъ котораго можно выйти или съ помощью новаго лихорадочнаго приступа, или впавши совершенно въ дремоту рабства. Многіе депутаты склонны, повидимому, къ созыву новаго представительства, но честолюбцы хотятъ переизбранія по крайней мѣрѣ части теперешнихъ членовъ. Большинство собранія желаетъ не столько восполнить, сколько окончить свои работы. И я не знаю, чего больше бояться: спѣшности, съ которой они хотятъ положить конецъ собранію, не рѣшивъ многаго и оставляя насъ на произволъ судьбы, или продле-

---

[1]) Organisation intérieure de la Gironde, par Aulard. Ibid, стр. 407 и 412.

[2]) Имя Банкаль впервые встрѣчается въ 1789 году, какъ автора одного „изъ многочисленныхъ частныхъ проэктовъ „Декларацін правъ человѣка и гражданина". См. Le Conventionnel Bancal des Issarts, étude biographique par Francisque Mège, Paris 1887, стр. 11.

нія ихъ дѣятельности и завершенія ими конституціи, что, пожалуй, предотвратило бы отъ новыхъ потрясеній, но только подъ условіемъ причинить ущербъ тѣмъ самымъ принципамъ, на которыхъ построена наша конституція. Образованіе народныхъ клубовъ и ихъ распространеніе было бы въ данныхъ условіяхъ крайне желательно; но для этого необходимо быть въ значительномъ числѣ и вести дѣло сообща. Нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ друзей въ самомъ собраніи и внѣ его сдѣлали попытку сближенія въ надеждѣ увеличить тѣмъ свои силы; но у каждаго свой гвоздь въ головѣ, каждый хочетъ, чтобы во вниманіе принимали только его желанія, пренебрегая всѣми остальными. Когда же наконецъ, восклицаетъ госпожа Роланъ, люди сдѣлаются достаточно мудрыми, чтобы обнаруживать терпимость и, уважая взаимно мнѣнія другъ друга, станутъ преслѣдовать осуществленіе общихъ задачъ" [1])? Въ другомъ письмѣ отъ 14 апрѣля она говоритъ объ интригахъ и столкновеніи частныхъ интересовъ, ведущихъ на каждомъ шагу къ ослабленію или извращенію принциповъ конституціи. „Собраніе, по ея словамъ, сдѣлалось очагомъ всѣхъ комбинацій, направленныхъ къ этой цѣли. Конституція завершается въ духѣ, противномъ ея основамъ. Небольшое число добрыхъ гражданъ вовлечены въ нескончаемую и безплодную борьбу съ массой честолюбцевъ, недовольныхъ и невѣждъ" [2]). Чтобы содѣйствовать пропагандѣ своихъ идей, республиканцы не упускаютъ того удобнаго случая, какой представило имъ опроверженіе взглядовъ Бэрка извѣстнымъ англійскимъ демократомъ Пэномъ. Для Морриса это не болѣе, какъ сумасшедшій [3]). Но не такъ смотритъ на него госпожа Роланъ. Она сообщаетъ о рѣшеніи, принятомъ въ ея кружкѣ перевести книгу Пэна на французскій языкъ. Если рѣшеніе это и оставлено, то только потому, что секретарь ла-Рошфуко уже приступилъ къ переводу. „Бриссо и я, пишетъ она, считаемъ необходимымъ основаніе ежемѣсячныхъ журналовъ, годичныхъ обзоровъ и популярныхъ трактатовъ. Если не имѣть въ виду наживы, можно быть увѣреннымъ въ ихъ распространеніи. Бриссо довольствуется минимумомъ того, что нужно для содержанія его семьи, я же готова затратить то, что имѣю" [4]). 5 мая единомышленникъ госпожи Роланъ, Лантенасъ, говоритъ уже объ образованіи кружка „республиканцевъ", весьма малочисленнаго и не имѣющаго пока большого вліянія. „Но этому

---

[1]) Lettres Autographes de Madame Roland (письмо отъ 5 апр. 91 года), стр. 190, 191, 195, 197.

[2]) Ibid. стр. 202 (письмо 14 апр.).

[3]) См. его дневникъ отъ 16 апр. 91 года (томъ I, стр. 403).

[4]) Ibid. стр. 208.

кружку, прибавляетъ онъ, уже удается по временамъ создавать плотину противъ воззрѣній, руководящихъ большинствомъ собранія. Тѣ, кто слышалъ объ этомъ кружкѣ, благодаря нескромности нѣкоторыхъ его членовъ, приписываютъ ему грозную численность, какой онъ на самомъ дѣлѣ не имѣетъ. Говорятъ о могущественной конфедераціи, организованной для установленія республики. Приписываютъ ей распространеніе на всѣ части королевства и ставятъ отъ нея въ зависимость звенья, не имѣющія съ нею ничего общаго. Если бы въ общественномъ настроеніи мы имѣли и здѣсь ту поддержку, какая въ Англіи позволяетъ съ такой легкостью находить средства для осуществленія всего великаго и полезнаго, мы бы могли, надѣюсь, оправдать опасенія тѣхъ, кто насъ боится, но у насъ нѣтъ ни одного су для покрытія издержекъ печати. Лафайэтъ убаюкивалъ долгое время Бриссо своими обѣщаніями, но мы убѣдились теперь, что онъ этимъ только старался провести его, подобно тому, какъ Мирабо дѣлалъ нѣкогда по отношенію къ Демулену, „нейтрализуя“ тѣмъ самымъ его перо. „Лантенасъ высказываетъ опасеніе, что недостатки конституціи неизбѣжно поведутъ къ укрѣпленію власти исполнительной, которая въ искусныхъ рукахъ легко достигнетъ всего, что ей нужно. Въ припискѣ къ этому письму госпожа Роланъ толкуетъ это мѣсто, говоря: у меня не хватитъ смѣлости написать вамъ, насколько собраніе пало въ моемъ мнѣніи; я не хожу болѣе на его засѣданія и внутренно убѣждена въ томъ, что оно можетъ издавать впредь только дурные декреты [1]). Конечно, я не допускаю мысли о контръ-революціи, она невозможна, благодаря всеобщему патріотизму, благодаря твердой рѣшимости горожанъ и сельскаго люда сохранить тѣ преимущества, какими они начали пользоваться; но я вѣрю въ силу и въ возможность произвольнаго захвата власти, я увѣрена въ негодности современной организаціи министерства, въ существованіи дурныхъ декретовъ и такихъ несовершенствъ конституціи, которыя мѣшаютъ пользованію свободой, задерживаютъ успѣхи образованія, упрочиваютъ аристократію богатства, противятся возрожденію національнаго характера и нравовъ, однимъ словомъ, готовятъ намъ новыя цѣпи, которыхъ народъ не видитъ, но которыя будутъ наложены на него прежде, чѣмъ онъ ихъ замѣтитъ. Конституціонный комитетъ, прибавляетъ госпожа Роланъ, осмѣлился представить декретъ касательно права петицій. Этимъ декретомъ всѣ пассивные граждане [2]) лишались свободы представлять ихъ,

[1]) Ibid отъ 5 мая 91 года стр. 217—229.

[2]) Подъ этимъ именемъ извѣстны были всѣ тѣ, чей налоговой платежъ не достигалъ минимума трехъ-дневной заработной платы и кто по этой причинѣ устраненъ былъ отъ выборовъ.

и то же запрещеніе распространено было на клубы и административныя собранія; кромѣ того, требовалось, чтобы каждый ставилъ свое имя на петиціи. Имѣлась еще въ декретѣ какая-то нелѣпость о правѣ афишъ. Безстыдный Шателье внесъ это предложеніе, и ему аплодировали со всѣхъ сторонъ. Всего два, три голоса раздалось противъ, и Робеспьеру едва удалось добиться, чтобы обсужденіе было отложено. Не проходитъ однако двухъ недѣль и госпожа Роланъ уже отмѣчаетъ въ своей перепискѣ новые успѣхи демократіи. Требованіе Казалеса надѣлить короля правомъ распущенія собранія встрѣтило рѣшительную оппозицію [1]). На слѣдующій день почти безъ дебатовъ прошло предложеніе Робеспьера закрыть доступъ въ министерство всѣмъ членамъ собранія въ теченіе четырехъ лѣтъ, слѣдующихъ за его распущеніемъ [2]). Наконецъ ко всѣмъ этимъ мѣрамъ присоединилось предложеніе того же Ребеспьера не допустить къ выборамъ въ ближайшее собраніе членовъ настоящаго (засѣданіе 18 мая 91 года) [3]). Считая всѣ эти рѣшенія существеннымъ пріобрѣтеніемъ для свободы, госпожа Роланъ пишетъ, что національное собраніе точно помолодѣло. Законодатели впредь не будутъ ни созываемы, ни распускамы королемъ, а наличные депутаты устранены отъ выборовъ. „Вотъ это, пишетъ она, превосходно" (voilà d'excellentes choses) [3]). Госпожа Роланъ торжествуетъ побѣду 20 іюня, два дня спустя послѣ засѣданія, въ которомъ Робеспьеру удалось провести свое требованіе, но въ томъ же письмѣ ей приходится отмѣтить и первыя попытки протеста, первые тайные ходы, какими нѣкоторые депутаты намѣревались воспротивиться осуществленію этой мѣры, вызвать ея отмѣну въ ближайшемъ будущемъ.

И дѣйствительно въ собраніи возникаютъ новыя комбинаціи партій съ цѣлью такъ или иначе измѣнить рѣшеніе, обрекшее на политическое ничтожество тѣхъ, кто еще недавно льстилъ себя надеждой сдѣлаться вожаками революціи. Американецъ Моррисъ еще въ концѣ апрѣля, почти за мѣсяцъ до рѣшенія, сообщаетъ о переговорахъ, какіе съ клубомъ 89 года завязали нѣкоторыя изъ главъ якобинцевъ (разумѣются члены тріумвирата). Онъ говоритъ, что содержаніемъ этихъ переговоровъ служитъ принятіе общихъ мѣръ къ тому, чтобы доступъ въ будущее собраніе былъ оставленъ открытымъ для членовъ настоящаго [4]). Неудивительно поэтому, если теперь, послѣ пораженія, тѣ же тріумвиры искали путей къ обходу недавно изданнаго

---

[1]) Histoire de Robespierre par Hamel стр. 406 тома I.
[2]) Ibid. стр. 407 и 408.
[3]) Ibid. стр. 440—450.
[4]) T. I, стр. 407.

декрета. Англійскій посолъ Гауеръ одинъ изъ первыхъ отмѣчаетъ этотъ фактъ въ своей депешѣ отъ 20 мая [1]). Въ виду этихъ новыхъ вѣяній Малуэ думалъ, что наступило время для открытія переговоровъ съ нѣкоторыми вожаками собранія, не питавшими вражды къ королю и его семейству. Въ то время какъ Марія-Антуанета имѣла тайныя бесѣды съ Ламетами и Барнавомъ [2]) и до свѣдѣнія эмигрантовъ доходили преувеличенныя извѣстія о „позорномъ и гнусномъ планѣ дѣйствій, установленномъ ими сообща“ [3]), Малуэ пытался установить при участіи аббата Рейналя соглашеніе между королемъ и Лафайетомъ. Имѣлось въ виду издать манифестъ отъ имени Людовика XVI ко всѣмъ собственникамъ, собрать войска на разстояніи двадцати лье отъ Парижа, вывести короля изъ столицы и обнародовать въ формѣ декларацiи готовую конституцію, „во всемъ согласную съ данными избирателями наказами“. Но король рѣшительно отказался войти во всѣ эти комбинаціи [4]). Дворъ въ это время преслѣдовалъ несравненно болѣе смѣлыя цѣли. При посредствѣ графа Мерси д'Аржанто къ императору Леопольду сдѣлано было обращеніе съ просьбой о военной поддержкѣ, и слухи о близкомъ вмѣшательствѣ иностранныхъ правительствъ во внутреннія дѣла Франціи, издавна распускаемые эмигрантами, получили на этотъ разъ такую опредѣленность, что во всей странѣ, по словамъ шведскаго дипломата, стала упрочиваться боязнь близкаго нашествія [5]). Моррисъ дополняетъ это свидѣтельство, передавая содержаніе тѣхъ бесѣдъ, какія въ это время происходили въ нѣкоторыхъ парижскихъ салонахъ. Еще въ апрѣлѣ одинъ изъ членовъ аристократіи Надальякъ представлялъ собою, по выраженію американскаго путешественника, изумительный образецъ аристократическаго безумія, высказывая готовность допустить территоріальный раздѣлъ Франціи лишь бы добиться возстановленія въ ней стараго порядка [6]). Въ концѣ мая одинъ изъ ближайшихъ виновниковъ той реакціи, которая повела къ революціи 14 іюля 1789 года, баронъ Бозенваль, въ порывѣ „ревниваго служенія деспотизму“, пишетъ тотъ же Моррисъ говорилъ ему о готовности всѣхъ монарховъ Европы соединиться съ цѣлью достигнуть той же реставраціи. „Эта мысль, пишетъ Моррисъ, при всей ея нелѣпости, нахо-

---

[1]) Депеши, стр. 88.

[2]) Correspondance secrété inédite (par De Lescure, т. II,. стр. 529 и 533). Письма отъ 28 марта и 18 іюня 1791.

[3]) Письмо Водреля къ графу Артуа отъ 19 іюня 1791 г. (Correspondance intime, т. 1, стр. 397).

[4]) Мемуары Малуэ, стр. 141.

[5]) См. депеша барона Сталя Гольштейна отъ 9 іюня № 210, стр. 206.

[6]) Morris, т. I, стр. 398.

дитъ тысячи и тысячи людей, готовыхъ принять ее на вѣру" [1]). Тщетно министръ иностранныхъ дѣлъ, Монморенъ старался положить конецъ всѣмъ этимъ опаснымъ въ его глазахъ росказнямъ, говоря Казалесу: „Графъ Артуа и тѣ, кто окружаютъ его, настоящіе безумцы. Я знаю положительно и изъ вѣрнаго источника, что державы ничего не сдѣлаютъ для него" [2]). Вся эта безплодная и зловредная агитація падала всѣмъ своимъ бременемъ на королевскую семью и отражалась въ частности на судьбѣ Маріи-Антуанеты. Ее дѣлали отвѣтственной за яко-бы грозившее нашествіе, и рядъ оскорбительныхъ для ея чести брошюръ наводнялъ, по словамъ Сталя, Парижъ и провинціи, „являясь, какъ и всегда, предвѣстникомъ новыхъ волненій" [3]). Но изъ кого должны были вербоваться солдаты той арміи, которой предстояло пойти штурмомъ на королевскую власть? Мы видѣли, къ чему сводился генеральный штабъ будущей республиканской партіи. Надъ кѣмъ, спрашивается теперь, предстояло ему принять начальство? Отвѣтъ на это даютъ намъ нѣкоторыя современныя свидѣтельства. Гауеръ, пишущій въ депешѣ отъ 29 апрѣля, что рабочіе всякаго рода обнаруживаютъ опасную настойчивость въ требованіи увеличеннаго размѣра заработной платы [4]); госпожа Роланъ, сообщающая приблизительно то же въ письмѣ къ Банкаль дез-Иссару отъ 27 апрѣля и справедливо приписывающая этотъ фактъ обезцѣненію денежныхъ бумагъ [5]); наконецъ, миссъ Миллесъ, которая въ перепискѣ съ отцомъ сообщаетъ слѣдующія характерныя подробности: „Прошлую среду (другими словами 5 мая), отправляясь въ монастырь, мы встрѣтили около пяти тысячъ рабочихъ, изъ которыхъ половина были пьяны. Эта толпа произносила самыя страшныя ругательства противъ аристократовъ и прославляла Мирабо, говоря, что, благодаря ему, они платятъ теперь за бутылку всего восемь су, тогда какъ прежде платили двѣнадцать. Это даетъ имъ, прибавляетъ она, возможность напиваться ежедневно и прекратить всякую работу. Неудивительно, если послѣдствіемъ этого будетъ какое-нибудь серьезное бѣдствіе" [6]).

---

[1]) Ibid., стр. 423.

[2]) Письмо Водреля отъ 14 іюня 1791 года (Correspondance intime, т. I, стр. 39).

[3]) Депеша отъ 30 мая 1791 г., стр. 206.

[4]) Гауеръ. Депеши, стр. 84.

[5]) Lettres autographes de m-me Roland, стр. 215.

[6]) „Откажите просящему,—пишетъ та же miss Milles,—въ денежной помощи и онъ назоветъ васъ аристократомъ. Такъ и случилось со мною недавно. Я сидѣла на скамьѣ въ чащѣ деревьевъ, когда подошла ко мнѣ какая то попрошайка. Ихъ столько на Елисейскихъ поляхъ, что надѣлить всѣхъ нѣтъ возможности. Но достаточно дать одной, чтобы не избѣжать преслѣдованій другихъ. Я любезно сказала ей: „У меня нѣтъ ничего, моя милая, я дамъ вамъ

Таковы были тѣ новыя соціальныя силы, которыхъ Національное собраніе не только не съумѣло привлечь на свою сторону мѣропріятіями, подобными тѣмъ, какія одновременно были приняты имъ въ интересахъ крестьянскаго люда, но, наоборотъ, всячески возстановило противъ себя избирательными ограниченіями, отнесеніемъ ихъ въ громадномъ большинствѣ къ числу тѣхъ пассивныхъ гражданъ, которые въ глазахъ даже Демулена должны были представить „подобіе обдѣленной всякими политическими правами послѣдней изъ римскихъ центурій" 1). Продолжая дѣло огражденія вновь создаваемаго имъ соціальнаго и политическаго строя отъ всякихъ попытокъ низверженія снизу, Національное собраніе постепенно устранило этихъ пассивныхъ гражданъ и отъ фактическаго осуществленія тѣхъ функцій народнаго самодержавія, которыя, по собственному его заявленію, должны были сосредоточиться въ рукахъ всей совокупности лицъ, образующихъ изъ себя націю, и отъ участія въ рядахъ гвардіи, призванной къ защитѣ созданнаго революціей порядка. Единственнымъ мирнымъ путемъ къ проведенію своихъ желаній, единственнымъ легальнымъ средствомъ воздѣйствія на ходъ администраціи и законодательства являлось поэтому для пассивныхъ гражданъ то право петицій, которое конституціонный комитетъ Національнаго собранія, какъ мы видѣли выше, предлагалъ отнять у нихъ въ интересахъ болѣе строгаго огражденія консервативныхъ основъ общества. Въ томъ состояніи полной внутренней дезорганизаціи, какую необходимо должна была вызвать въ средѣ рабочихъ отмѣна всякаго подобія корпоративной жизни, тѣхъ гильдейскихъ союзовъ и тѣхъ товариществъ (compagnonages), въ которыхъ долгое время воспитывалось и зрѣло ихъ чувство солидарности, трудящійся людъ, не представлялъ другой опасности для правящихъ класовъ, кромѣ той, какой грозитъ всякая сколько-нибудь численная масса, поставленная въ невозможность оградить себя отъ нужды, удовлетворить насущнѣйшимъ потребностямъ существованія. Таково именно и было положеніе французскихъ и въ частности па-

въ другой разъ". Она отвѣтила: „Какъ смѣете вы утверждать, что у васъ нѣтъ ничего; я вижу изъ этого, что вы аристократка, а аристократы—причина всѣхъ нашихъ бѣдствій. Выйди-ка изъ сада, если у тебя хватитъ смѣлости, и я оторву тебѣ носъ, но еще бы охотнѣе свернула тебѣ шею, еслибы могла дѣйствовать, какъ хочу..." Партія въ 800 рабочихъ отправилась надняхъ, пишетъ та же миссъ Миллесъ, въ городскую ратушу, требуя ежедневной прибавки десяти су: тѣхъ тридцати, какіе они получаютъ за ничего-недѣланіе, имъ кажется недостаточно. Не знаю,—такъ заканчиваетъ она свое повѣствованіе,—удовлетворена ли была эта претензія, но полагаю, что—да, такъ какъ отказать было бы неблагоразумно; вѣдь рабочіе теперь приняли въ свои руки начальство [См. The Correspondence of William Augustus Milles (1789—1817), т. I, стр. 291 и 292].

1) „La France libre".

рижскихъ рабочихъ въ 91 году. Эмиграція зажиточныхъ классовъ, уменьшеніе на одну треть обычнаго населенія Парижа [1]) въ связи съ быстрымъ ростомъ цѣнъ на продукты первой необходимости, вызваннымъ частью дѣйствительною нуждою, частью операціями скупщиковъ, всего же болѣе обезцѣненіемъ ассигнацій и исчезновеніемъ звонкой монеты, имѣли своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ забастовку многихъ производствъ, прекращеніе заработковъ. Эти факты отразились тѣмъ гибельнѣе на матеріальномъ положеніи французскаго рабочаго, что въ самомъ началѣ революціи оно было значительно поколеблено, благодаря тѣмъ невыгоднымъ послѣдствіямъ, какія для французской промышленности имѣло заключеніе торговаго договора съ Англіей въ 1786 г. и конкуренція англійскихъ мануфактуръ [2]). Благодаря этому, многія производства частью были пріостановлены, частью сокращены въ размѣрахъ. Всего сильнѣе чувствовалась нужда, вызванная недостаткомъ заработка, въ большихъ промышленныхъ центрахъ въ родѣ Парижа и Ліона, Страсбурга, Марселя и другихъ. Но въ одной только столицѣ были приняты мѣры къ устройству чего-то подобнаго въ принципѣ національнымъ мастерскимъ 1848-го года, и муниципалитетъ Парижа уже въ 89 г. оплачивалъ услуги семнадцати тысячъ человѣкъ, занятыхъ между прочимъ земляными работами на Монмартрскомъ холмѣ [3]). Искусственныя мѣры, принятыя къ поддержанію сравнительно низкаго уровня хлѣбныхъ цѣнъ на парижскомъ рынкѣ, привлекли въ Парижъ не мало рабочихъ изъ департаментовъ. Благодаря наплыву этихъ иногородныхъ товарищей, число рабочихъ въ публичныхъ мастерскихъ Монмартра постепенно возрасло, такъ что весною 91 года ихъ насчитывали 31 тысячу. Плата имъ была увеличена и ежедневно затрата, дѣлаемая государствомъ на этихъ рабочихъ, достигала цифры

---

[1]) Венеціанецъ Антоніо Капелло сообщаетъ въ своихъ неизданныхъ депешахъ, что въ теченіе 1790 г. болѣе 200,000 паспортовъ было взято въ одномъ Парижѣ. Многіе считали нужнымъ запастись ими только въ видахъ переселенія въ деревню на лѣтнія вакаціи, но большинство имѣло въ виду оставить предѣлы государства. Въ недавнихъ попыткахъ опредѣлить численность парижскаго населенія наканунѣ революціи, цифра 600,000 человѣкъ обыкновенно приводится, какъ наиболѣе вѣроятная. Прямыхъ и полныхъ данныхъ мы не имѣемъ и принуждены поэтому довольствоваться только косвенными указаніями и приблизительными выкладками (См. Babeau. Paris en 1789).

[2]) См. по этому вопросу недавнее сочиненіе Оскара Браунинга. The commercial treaty of 1786 with England and other essayes (1891 годъ).

[3]) Объ этихъ работахъ не разъ упоминаетъ венеціанскій резидентъ Капелло. Число рабочихъ, нашедшихъ себѣ заработокъ въ національныхъ мастерскихъ въ 1789 г., не превысило собою 18,000 человѣкъ; они получали одинъ ливръ или, что то же, двадцать су въ день см. Adolphe Schmidt. Paris pendant la révolution, переводъ Віолэ, стр. 120.

60,000 ливровъ. Такъ какъ одновременно доходы государства и столицы значительно уменьшились, благодаря отмѣнѣ „octroi“ или городскихъ пошлинъ, вошедшей въ силу 1 мая 91 года, и прекращенію во многихъ мѣстностяхъ всякаго платежа налоговъ, отразившемуся на сокращеніи ежегодной суммы податныхъ поступленій на цѣлыхъ 70 милліоновъ ливровъ, то неудивительно, если столица, не имѣя возможности расчитывать долѣе на помощь казны, принуждена была отказаться отъ дальнѣйшаго поддержанія національныхъ мастерскихъ, стоившихъ ей ежегодно 15 милліоновъ ливровъ [1]), всецѣло доставлявшихся ей дотолѣ государствомъ. Весною 1791 года національное собраніе приняло рядъ мѣръ, послѣдствіемъ которыхъ было прекращеніе оплачиваемыхъ столицей работъ къ первому іюня 91 года. Одновременно запрещались всякаго рода союзы между рабочими и иногородніе отсылаемы были въ ихъ мѣста жительства [2]). Эти мѣры, очевидно, должны были вызвать тѣ попытки коллективныхъ петицій, о которыхъ говорено было нами выше. Желаніе же оградить себя отъ ихъ повторенія обусловило составленіе конституціоннымъ комитетомъ особаго законопроекта, запрещавшаго подачу подобныхъ ходатайствъ всѣмъ и каждому, кто не принадлежалъ къ числу активныхъ гражданъ. Условія складывались такимъ образомъ, что рабочее сословіе не могло не видѣть въ національномъ собраніи противника своимъ интересамъ. Этимъ обстоятельствомъ предстояло воспользоваться тѣмъ, кто, выступая съ новой программой политическаго устройства Франціи и образуя изъ себя пока лишь малочисленный кружокъ, нуждался въ послушныхъ орудіяхъ для проведенія своихъ цѣлей. На первый взглядъ не можетъ не поразить тотъ фактъ, что партія, не включившая въ свою программу никакихъ соціальныхъ реформъ, высказывавшаяся даже открыто противъ демократическихъ основъ республики, обѣщавшая, самое большое, расширеніе права голосованія, петицій и печати, стала наконецъ прямо разсчитывать на дѣятельную помощь и поддержку со стороны рабочаго люда и серьезно задаваться мыслью объ организаціи въ немъ правильной пропаганды своихъ взглядовъ, агитировать въ пользу устройства чисто-народныхъ клубовъ и установленія между ними постоянной корреспонденціи, допускающей возможность объединенной дѣятельности и солидарнаго выполненія общаго всѣмъ плана. Какъ

---

[1]) См. Sybel. Histoire de Europe pendant la révolution française томъ I, французскаго изданія стр. 96 и слѣдующія, 237. Шмитъ томъ II, стр. 124.

[2]) Смотри—Sybel, т. I, стр. 237 и слѣд. Schmidt, томъ II, стр. 125, а также статью „La question ouvrière dans la Révolution“ въ издаваемомъ Оларомъ журналѣ.

ни страненъ подобный фактъ, какъ ни изумительно, что жирондисты серьезно думали создать изъ рабочихъ сторонниковъ своей системы какой-то возрожденной не то аѳинской, не то римской республики, но ихъ мемуары и частная корреспонденція не позволяютъ сомнѣваться ни въ существованіи подобныхъ иллюзій, ни въ изумленіи, испытанномъ ими при видѣ, что народные клубы, обязанные имъ своимъ существованіемъ, и созданная ими организація революціонной пропаганды, переходятъ въ чужія руки и въ лицѣ Дантона, Робеспьера и другихъ главъ террористическаго движенія обращаются непосредственно противъ нихъ. Но если мысль сдѣлать четвертое сословіе какимъ-то самоотверженнымъ поборникомъ буржуазной по характеру республики доказываетъ въ жирондистахъ недостатокъ умственной зрѣлости, отсутствіе здраваго политическаго смысла, и сознанія той истины, что движеніями классовъ управляютъ сколько-нибудь продолжительно не отвлеченные идеалы, а экономическіе и политическіе интересы, то съ другой стороны нельзя не отмѣтить, что они первые сознали то значеніе, какое можетъ имѣть для революціи подъемъ рабочаго класса. Корреспонденція госпожи Роланъ съ этой точки зрѣнія кажется мнѣ и недостаточно изученной, и въ высшей степени интересной. О чемъ идетъ рѣчь въ ея перепискѣ съ Банкаль-дез-Иссаромъ, въ ея сношеніяхъ съ соціальнымъ клубомъ, устроеннымъ Клодомъ Фошэ?—Къ чему сводится агитаціонная дѣятельность ея друга Лантенаса одинаково въ провинціяхъ и въ столицѣ и какую цѣль ставитъ себѣ самъ Банкаль-дез-Иссаръ въ бытность свою въ Лондонѣ, какъ не устройство какой-то національной и даже международной ассоціаціи всѣхъ свободомыслящихъ людей. фундаментъ которой положили бы рабочіе клубы, а верхушку составили какіе-то независимые и нелицепріятные философы, свободные отъ страстей и преданные одной правдѣ [1])? „Я думаю, пишетъ госпожа Роланъ, что только при содѣйствіи такихъ общихъ ассоціацій можно запугать, и въ концѣ-концовъ низвергнуть деспотизмъ. Надо напасть на него со всѣхъ сторонъ, чтобы вырвать его съ корнемъ у насъ самихъ. Тщетно думали бы мы усовершенствовать нашу свободу, не вызвавши подобнаго же культа къ ней у сосѣдей (письмо отъ 5 мая). Лантенасъ думаетъ, что квакеры должны быть посвящены Банкалемъ во всѣ подробности того, что дѣлаютъ ихъ друзья или надѣются сдѣлать для блага человѣческаго рода, такъ какъ никто не стремился съ большимъ постоянствомъ къ этому благу, какъ квакеры". Онъ менѣе

[1]) Смотри письма Лантенаса къ Банкалю и госпожѣ Роланъ отъ 14 апр. 91 года, 21 апрѣля, 5 мая и 12 мая. Correspondance de madame Roland. стр. 220 221.

рѣшительно высказывается по вопросу о пользѣ конгресса философовъ но только потому, что въ его глазахъ федерація между ними и безъ того существуетъ. Собраніе же ихъ можетъ только открыть глаза деспотамъ на грозящую имъ опасность, что далеко можетъ быть не въ интересахъ патріотовъ (Письмо отъ 14 апр.). Эта ассоціація сторонниковъ свободы, о которой мечталъ кружокъ Бриссо и Ролановъ, тѣмъ отличалась существенно отъ однохарактерныхъ сообществъ текущаго столѣтія, что ея задачей было не служеніе какимъ-нибудь опредѣленнымъ практическимъ цѣлямъ, хотя бы напримѣръ тѣмъ, какими задавалось международное общество рабочихъ, а распространеніе между людьми какой-то вѣры въ незыблемость тѣхъ метафизическихъ основъ всякаго политическаго сообщества, выраженіе которымъ дано было впервые декларацiей правъ человѣка и гражданина. Интерпретацiей этихъ правъ въ ихъ абсолютномъ, не допускающемъ компромиссовъ смыслѣ, съ самаго начала революціи занимался Бриссо. Пребываніе въ Англіи въ роли какого-то директора пансіона, путешествіе по Америкѣ, внезапно прерванное извѣстіемъ о созывѣ генеральныхъ штатовъ [1]) и о первыхъ актахъ революціи, подготовили Бриссо къ правильной оцѣнкѣ тѣхъ принциповъ современной гражданственности, какіе Локкъ впервые выразилъ въ доступной всѣмъ формѣ въ своемъ трактатѣ „о гражданскомъ правительствѣ", которые американцы почерпнули изъ общаго съ нимъ источника—англійской памфлетной литературы середины XVII столѣтія и первые плоды которыхъ можно было наблюдать подъ сѣнію республиканскихъ учрежденій Массачусетса, Нью-Іорка и Пенсильваніи. Составленныя Бриссо записки объ Америкѣ [2]) въ высшей степени интересны не только потому, что содержатъ въ себѣ передачу этихъ взглядовъ, но и по возможности открыть въ нихъ зародышъ тѣхъ самыхъ идей, изъ которыхъ сложится въ будущемъ политическая программа жирондистовъ. Этотъ источникъ раскрываетъ передъ нами путь, какимъ республиканскія идеи, развившіяся на почвѣ новаго свѣта, пошли навстрѣчу болѣе отвлеченнымъ идеаламъ классическаго государства, заимствованнымъ у писателей древности и ихъ недавнихъ толкователей,

[1]) См. между прочимъ Histoire des Girondins par A. Granier de Cassagnac, Paris 1862, т. I. (стр. 133 и слѣд.).

[2]) Онѣ появились подъ заглавіемъ: Nouveau voyage dans les États-Unis de l'Amerique septentrionale fait en 1788 par J. P. Brissot. Paris. 1792. 3 vol. in 8°. Еще раньше своей поѣздки Бриссо участвовалъ вмѣстѣ съ Клавьеромъ въ изданіи работы, посвященной отношеніямъ Франціи къ Соединеннымъ Штатамъ. Она была напечатана въ 1787 г. Мы заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ примѣчаній Dauban къ біографическому очерку Бриссо, составленному Петіономъ. См. Mémoires inédits de Pétion и т. д., изданные Dauban въ 1860.

въ родѣ Мабли, и проявившимся съ такою силою и непосредственностью въ мемуарахъ г-жи Роланъ. Америка временъ Франклина и Римъ эпохи Гракховъ—таковы тѣ два крайніе полюса, изъ которыхъ распространялись лучи того новаго политическаго ученія, которое, какъ въ одномъ фокусѣ, должно было отразить въ себѣ и плохо понятыя начала новой демократической и федеративной гражданственности, и еще хуже сознаваемыя основы опирающейся на рабствѣ и сильной политической централизаціи древней республики [1]). Если до настоящаго времени могутъ идти споры о томъ, были ли жирондисты сторонниками федеративнаго устройства или, наоборотъ, политическими централистами, заслуживаютъ ли они то обвиненіе въ сепаратизмѣ, какое брошено было противъ нихъ Робеспьеромъ, или единство республиканской Франціи имъ было не менѣе дорого, какъ и партіи

---

[1]) „Весьма немногіе,—говоритъ Бюзо, разсказывая о зарожденіи партіи жирондистовъ,—обладали душою настолько благородной и возвышенной, чтобы признать себя достойными жить въ республикѣ. Примѣръ Америки далъ имъ смѣлость сдѣлать попытку насажденія ея во Франціи; они искренно надѣялись натурализировать ее въ странѣ пустомыслія и непостоянства“ (le pays des frivolités et de l'inconstance). Бюзо строго отличаетъ ихъ отъ якобинцевъ, о которыхъ говоритъ, какъ о шайкѣ мерзавцевъ безъ ума, безъ знаній и средствъ, которые извергали ругательства противъ монархіи съ тѣмъ, чтобы въ шесть мѣсяцевъ, направить ихъ противъ республики (Рукопись Бюзо написана послѣ 7 октября 93 г.). О вліяніи, какое писатели древности и недавніе истолкователи ихъ политическихъ идей во Франціи оказали на ходъ развитія принциповъ жирондизма, всего легче судить по сочиненіямъ г-жи Роланъ и Бюзо. Такіе сами по себѣ ничтожные отрывки, какъ, наприм., разсужденія г-жи Роланъ о свободѣ, о роскоши, о Сократѣ и т. д., интересны какъ доказательства обширныхъ чтеній, направленныхъ, главнымъ образомъ, на ознакомленіе съ моралистами и политиками древности (См. Oeuvres M-me de Roland, an VIII, т. III, стр. 169, 181). То же вліяніе писателей древности замѣтно и въ ея перепискѣ. Вотъ, напр., отрывокъ изъ письма къ Банкаль дез-Исса ръотъ 5 янв. 90 г. Онъ какъ нельзя лучше знакомитъ насъ съ тѣмъ классическимъ направленіемъ, какимъ отличалось воспитаніе г-жи Роланъ: „Я не могу безъ умиленія вспомнить тѣхъ минутъ моей молодости,—пишетъ она,—когда сердце мое среди одиночества воспитывалось на изученіи древней исторіи. Слезы отчаянія вырывались изъ моихъ глазъ при мысли, что я не рождена спартанкой и римлянкой“ (Lettres et Autographes de madame Roland. Paris. 1835, стр. 8). Не безъинтересно сопоставить съ этимъ заявленіемъ слѣдующій отрывокъ изъ мемуаровъ Бюзо: „Имѣя голову и сердце преисполненными примѣрами греческой и римской исторіей, примѣрами тѣхъ великихъ людей, которые въ республикахъ древности были украшеніемъ и честью человѣческаго рода, я съ ранней молодости проповѣдовалъ ихъ принципы... Съ какимъ очарованіемъ вспоминаю я счастливую эпоху моей жизни, когда я бродилъ молчаливо по горамъ и лѣсамъ, окружающимъ мой родной городъ, читая съ наслажденіемъ творенія Плутарха или Руссо, и возстановляя въ памяти драгоцѣнныя черты ихъ морали и философіи (См. Aux amis de la vérité; Dauban. Mèmoires de Buzot, стр. 39).

Горы, можно ли считать ихъ сторонниками демократіи или, наоборотъ, приверженцами смѣшанной формы правленія, отличной отъ конституціонной монархіи только отсутствіемъ наслѣдственнаго главы, то причина тому лежитъ, по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ, въ значительной степени въ этой странной амальгамѣ старыхъ и новыхъ идей, поэтизированной древности и поверхностно понятой новѣйшей гражданственности, которая составила основу ихъ политическаго идеала. Въ высшей степени поучительно въ этомъ отношеніи чтеніе крайне искренняго и потому необыкновенно привлекательнаго „Обращенія Бюзо ко всѣмъ друзьямъ истины“. Сколько противорѣчій и несообразностей въ этомъ не то оправдательномъ, не то покаянномъ словѣ, сколько прекрасныхъ чувствъ и не ясно сознанныхъ мыслей содержитъ въ себѣ эта исповѣдь добрыхъ намѣреній и неудачныхъ исполненій. Возможно ли отнестись иначе, какъ съ сочувствіемъ къ скромной оцѣнкѣ собственной дѣятельности, въ которой авторъ справедливо видитъ „нѣсколько добрыхъ дѣлъ и рядъ невольныхъ ошибокъ и еще чаще слабостей, которыя остаются дороги даже тогда, когда самъ себя въ нихъ упрекаешь“. Но какъ также не признать простое общее мѣсто въ заявленіи, что партія стремилась къ порядку, справедливости, свободѣ, свободѣ равной для всѣхъ, мудро организованной для счастья всѣхъ и столь же далекой отъ произвола, какъ добродѣтель отъ преступленія (Мемуары Бюзо, стр. 4 и 5)? Охотно вѣришь на слово автору, когда онъ говоритъ, что въ ихъ партіи не было ни одного человѣка нечестнаго, но это не мѣшаетъ недоумѣнію, какъ, сознавая, что французскій народъ не годится для республики, что классъ просвѣщенный (classe éclairée), въ которомъ, повидимому, всего легче можно было найти откликъ этому стремленію къ разумно уравновѣшенной свободѣ, открыто высказывался противъ республики,—Бюзо и его единомышленники за-одно съ демагогами стремились подъ именемъ республики сосредоточить всецѣло въ рукахъ представительства функціи народнаго самодержавія, возстановляя такимъ образомъ въ пользу нѣсколькихъ сотенъ депутатовъ ту самую систему единовластія, съ которой боролись дѣятели 89 года. Открыто проповѣдуемая легальность также, повидимому, мало вяжется и съ низложеніемъ короля, санкціонировавшимъ собою народный мятежъ, и съ рѣшеніемъ предать его суду. И все это для того, чтобы воскликнуть затѣмъ: „Великій Боже! если при содѣйствіи такихъ людей (какъ санкюлоты) и съ такими гнусными средствами (infâmes) установляются и упрочиваются республиканскія государства, нѣтъ на землѣ болѣе ужаснаго правительства, ни болѣе опаснаго для счастья человѣческаго рода“ (стр. 42 мемуаровъ Бюзо). Въ числѣ обвиненій, взведенныхъ на жирондистовъ партіей Горы, наибольшее довѣріе вызывало обвиненіе ихъ въ феде-

рализмѣ. Такое обвиненіе могло бы служить для нихъ титуломъ безсмертія, еслибы сами они не позаботились разрушить его. И въ этомъ отношеніи Бюзо, благодаря своей искренности, всего болѣе раскрываетъ противорѣчія своей партіи: „Федерализмъ,—пишетъ онъ, повторяя мысль Руссо,—даетъ возможность примирить въ государствахъ съ обширною территоріею преимущества хорошо организованной свободы съ тѣми, какія даетъ соединеніе всѣхъ лицъ государства противъ внѣшняго врага. Это тотъ порядокъ республиканскаго устройства, который всего болѣе отвѣчаетъ народу многочисленному". Но самъ Бюзо спѣшитъ разсѣять тѣ ожиданія, какія невольно вызываетъ подобная „profession de foi". Нѣтъ, депутаты Жиронды не были федералистами, иначе ихъ важнѣйшій законодательный памятникъ—проектъ конституціи, написанный Кондорсэ, нашелъ бы какой-нибудь отпечатокъ такого стремленія къ мѣстной автономіи. Но этотъ проектъ централистическій, и федерализмъ въ такой же мѣрѣ отсутствуетъ въ немъ, какъ и въ той рѣчи, какую Кондорсэ (см. стр. 55), этотъ теоретикъ началъ жирондизма, посвятилъ изложенію основныхъ принциповъ конституціи. Но если такъ, то въ чемъ же лежитъ особенность жирондистской программы? Въ стремленіи къ „добродѣтельной и уравновѣшенной свободѣ". Но это не болѣе, какъ нравственная сентенція, если не считать ее выраженіемъ неясно сознаннаго стремленія—сохранить конституцію 91 года, замѣнивъ только ея наслѣдственнаго главу временнымъ президентомъ. Но и отъ этого обвиненія всячески пытается оправдать свою партію Бюзо (см. стр. 30 и 31).

Общее впечатлѣніе, какое выносишь изъ чтенія этой горячей и искренней защиты задачъ и намѣреній партіи—это признаніе ея полной безпочвенности. Имѣя выборъ между двумя союзниками—просвѣщеннымъ классомъ общества и народными массами, жирондисты съумѣли оттолкнуть отъ себя и тѣхъ, и другихъ. Они провозгласили республику, сознавая, по собственному ихъ утвержденію, что среднее сословіе хочетъ монархіи и конституціи 91 года, и въ то же время окрестили народныя массы, стоявшія на сторонѣ этой республики, прозвищемъ „canaille", соболѣзнуя вмѣстѣ съ тѣмъ о необходимости примѣнить это слово къ обозначенію „живыхъ существъ", которыя все же остаются людьми" (ce mot me fait peine à prononcer, car cette canaille c'est toujours un essaim d'hommes, стр. 34). Эта раздвоенность, это одновременное стремленіе и къ демагогіи, и къ хорошо уравновѣшенной свободѣ, и къ федерализму, и къ централизаціи, стоитъ, на мой взглядъ, въ связи съ той двойственностью источника, изъ которой сложилась политическая программа жирондистовъ — классической и американской свободы. Въ этомъ отношеніи г-жа Роланъ и Бриссо не только первые провозвѣстники, но и крайніе выразители

партіи или, вѣрнѣе, тѣхъ двухъ теченій въ ней, которыя, по какой то странной случайности, не вступили между собою въ борьбу, а пошли рядомъ въ одномъ и томъ же руслѣ. Ни одного изъ нихъ не считаютъ, однако, оффиціальными выразителями партіи. Но это справедливо лишь въ томъ смыслѣ, что ни тотъ, ни другой не происходили изъ Жиронды и задолго до образованія партіи съумѣли завоевать себѣ опредѣленное положеніе въ рядахъ передовыхъ борцовъ за республику. Петіонъ и Бюзо стояли еще въ сторонѣ отъ кружка. Ихъ свела впослѣдствіи скорѣе общность борьбы, нежели тождество принциповъ. Въ началѣ революціи первый былъ открытымъ монархистомъ, и „Мониторъ" 9 августа 1789 года еще воспроизводитъ слѣдующую profession de foi этого „будущаго республиканца": „Въ засѣданіи 28 августа Камюсъ предложилъ перейти къ обсужденію тѣхъ статей конституціи, которыя касаются монархической власти, и по которымъ въ наказахъ не высказывается разнорѣчія. Петіонъ, предостерегая отъ поспѣшности въ ихъ обсужденіи, замѣтилъ, что въ наказахъ высказываются на этотъ счетъ положенія, польза которыхъ для французскаго народа очевидна, которыя обезпечиваютъ ему спокойствіе, сохраненіе королевской власти и законный порядокъ преемства престола". Тогда какъ Петіонъ былъ своего рода отщепенцемъ партіи конституціонной монархіи, Бюзо въ началѣ своей дѣятельности слылъ якобинцемъ и дѣйствовалъ за-одно съ Робеспьеромъ. Эта близость современемъ была поставлена ему въ вину, и онъ самъ оправдывается въ ней въ своихъ мемуарахъ, говоря, что при всемъ нерасположеніи, какое онъ питалъ къ этому человѣку „съ кошачьей физіономіей" (à figure de chat), онъ все же отдавалъ въ его лицѣ предпочтеніе людямъ, имѣвшимъ, по крайней мѣрѣ, внѣшность народной партіи (je préferai le parti qui avait au moins des dehors populaires [1]) Тотъ же Бюзо не скрываетъ своихъ первоначальныхъ симпатій къ монархіи. „До бѣгства короля,—пишетъ онъ,—мнѣ казалось сомнительнымъ, чтобы французская нація могла удовлетворить тѣмъ требованіямъ, какія предъявляетъ суровость республиканскаго режима (le joug austère du gouvernement républicain [2]). У него вырывается и другое, не менѣе характерное сознаніе, раскрывающее намъ дѣйствительный смыслъ этихъ послѣднихъ словъ. „Руссо,—говоритъ онъ,—заодно и даже болѣе Монтескье, кладетъ въ основаніе республиканскаго порядка такую строгую суровость, которой едва ли могла удовлетворить французская нація [3]). Большинство народа,—замѣчаетъ онъ въ другомъ

[1]) Aux amis de la vérité, стр. 44 (Dauban. Mém. de Pétion et de Buzot)

[2]) Mémoires inédits de Pétion et mèmoires de Buzot et de Barbaroux par C. A. Dauban, стр. 40 (Aux amis de la vérité par Buzot).

[3]) Ibid. стр. 43.

мѣстѣ, желало монархіи и конституціи 91 г., и нигдѣ это чувство не было такъ сильно и не высказывалось такъ открыто, какъ въ Парижѣ" [1]) Изъ всѣхъ будущихъ вожаковъ жирондизма Барбару едва ли не первый примкнулъ къ группѣ людей, собиравшихся въ домѣ г-жи Роланъ и не скрывавшихъ своихъ симпатій къ республикѣ, но и его сближеніе относится не ранѣе какъ къ 1792 году—эпохѣ законодательнаго собранія [2]). Такимъ образомъ въ періодъ, предшествовавшій бѣгству короля въ Вареннъ, ядро, изъ котораго развилась со временемъ партія жирондистовъ, составляли всего нѣсколько человѣкъ, близкихъ къ Бриссо и Роланамъ и поддерживавшихъ связи съ французскими и англійскими „обществами правъ негровъ", „соціальнымъ кружкомъ", клубами „друзей конституціи" Парижа, Ліона, Клермонъ Феррана и т. п. Ихъ болѣе или менѣе оффиціальнымъ органомъ являлась газета Бриссо — „Французскій Патріотъ". Въ письмахъ госпожи Роланъ встрѣчаются еще упоминанія о Боскѣ, Пиготѣ, Блотѣ, которые всѣ, повидимому, не исключая и дез-Иссара и Лантенаса служили для Бриссо источникомъ мѣстныхъ свѣдѣній и охотно посылали ему статьи и корреспонденціи, одинаково изъ провинцій и заграницы. Ихъ дружескія связи сложились еще до переселеніяРолановъ въ Парижъ, въ Ліонѣ и Лаплатьерѣ, лѣтней резиденціи Ролановъ. Путешествіе по Швейцаріи и Англіи сдѣлалось для Ролановъ и ихъ друзей источникомъ новыхъ знакомствъ, и Банкаль-дез-Иссару не разъ приходилось впослѣдствіи пользоваться услугами лицъ, которымъ онъ былъ представленъ Роланами или Бриссо [3]). Своему пребыванію въ Англіи корреспондентъ госпожи Роланъ придавалъ очень серьезное значеніе, настолько серьезное, что даже убѣжденія Бриссо и Лантенаса поспѣшить возвращеніемъ въ Парижъ были безсильны ускорить его отъѣздъ. Агитируя въ пользу установленія тѣсной связи между англійскими и французскими друзьями свободы, онъ въ тоже время обстоятельно знакомился съ англійскими учрежденіями, и составлялъ о нихъ подробные отчеты для журнала Бриссо, очень отличные по духу отъ тѣхъ, къ какимъ пріучили французовъ сторонники ученій Монтескье. Госпожа Роланъ приписывала этимъ отчетамъ большое значеніе. „Необходимо,—пишетъ она изъ Ліона 30 декабря 90 года,—возбуждать умы къ постоянному сопоставленію англійской конституціи съ той, надъ

---

[1]) Ibid. стр. 33.

[2]) Ibid. стр. 336 и 337.

[3]) Въ каталогѣ автографовъ, принадлежащихъ M. Morrisson'у въ Лондонѣ т. I, стр. 117 приведено fac-simile письма Бриссо къ книгопродавцу James Philipps, въ которомъ онъ рекомендуетъ ему Банкаля, какъ un des plus chauds amis pour l'abolition de la traite des nègres. Письмо помѣчено Парижемъ 6 го ноября 1790 года.

которой мы работаемъ нынѣ. Это дастъ намъ возможность по достоинству оцѣнить нѣкоторыя преимущества, какими мы въ правѣ гордиться. Сторонники стараго порядка, пока онъ длился, всячески нападали на англійскій строй. Теперь они превозносятъ его, и эти запоздалыя похвалы друзьямъ свободы кажутся откровенной сатирой. Мы съ полнымъ основаніемъ стремимся устроить нашу жизнь лучше сосѣдей, тѣхъ самыхъ сосѣдей, которымъ бы мы съ такимъ удовольствіемъ уподобились прежде. Мнѣ легко представить себѣ, съ какой точки зрѣнія современный французскій гражданинъ долженъ смотрѣть на эти хваленые порядки. Мы находимся въ настоящую минуту въ такомъ состояніи рвенія, энтузіазма и экзальтаціи, которое необходимо обусловливаетъ великія движенія, порождаетъ самыя чудныя истины, наполняетъ сердце благороднѣйшими чувствами и вызываетъ въ людяхъ тѣ великодушные поступки, которые должны служить примѣромъ для потомства. Но англичане давно пережили этотъ счастливый кризисъ. Они впали въ ту апатію, какую даетъ обманчивая обезпеченность. Преобладаніе торговыхъ интересовъ и предразсудки роскоши содѣйствовали развитію въ нихъ той беззаботности, въ какую впадаетъ народъ, пользующійся спокойствіемъ и убаюкиваемый интригами министровъ и коварствомъ честолюбцевъ". Госпожа Роланъ передаетъ свой взглядъ и вмѣстѣ отношеніе всей своей партіи къ англійской конституціи, говоря слѣдующее: „пока англичане не возстанутъ противъ недостатковъ ихъ представительной системы и той тиранніи надъ совѣстью, какую вызываетъ существованіе господствующей церкви подъ прямымъ главенствомъ короля (test-act), они все болѣе и болѣе будутъ опускаться подъ цѣпями, наложенными на нихъ прерогативой короны и притязаніями аристократовъ". Этимъ упадкомъ англійскихъ вольностей госпожа Роланъ и объясняетъ возможность появленія въ Англіи такихъ филиппикъ противъ французской конституціи, какую представляетъ собою извѣстное сочиненіе Бэрка. Госпожа Роланъ желала бы парализовать дурное вліяніе, какое оказываютъ на умы „лживость Калонна, софизмы Бэрка, новыя діатрибы Мунье, горячія и энергическія нападки Лалли Толандаля. Они льстятъ страстямъ недовольныхъ, соблазняютъ легковѣрныхъ, колеблятъ увѣренность людей съ слабымъ умомъ. Но сосчитайте число тѣхъ и другихъ, и вы удивитесь, прибавляетъ она, незначительности группы свѣтлыхъ умовъ, способныхъ противиться господствующему теченію и проповѣдывать истину".

Эта небольшая группа, къ которой госпожа Роланъ, разумѣется, прежде всего относила себя и своихъ друзей, повидимому, не встрѣчала еще большой поддержки въ общественномъ настроеніи провинцій. Ни на чемъ не основанныя обвиненія сыпались, жалуется она,

сыпались на ея мужа въ Ліонѣ; клевета не щадила ея самой, и ея другъ Лантенасъ становился предметомъ всеобщей зависти и тайной интригивъ средѣ друзей конституціи, другими словами, Ліонскаго отдѣленія клуба якобинцевъ. „Онъ слишкомъ уменъ для нихъ; вѣдь въ ихъ средѣ все больше купцы малопросвѣщенные или проникнутые предразсудками людей стараго порядка. Вотъ почему онъ находитъ, что легче забросить сѣмя новыхъ идей въ собраніяхъ секцій или городскихъ округовъ: тамъ все народъ, и чувство законности развиваетъ въ немъ рѣдкую способность къ пониманію истинныхъ принциповъ; но сколько труда требуется для того, чтобы сдѣлать ихъ извѣстными и научить искусству примѣнять ихъ. Дни за днями проходятъ въ сочинени и редактировани адресовъ, петицій, памфлетовъ, писемъ, инструкцій, коментировани извѣстій, собираніи мнѣній, въ бдѣніи, дѣйствіи и мысли". [1]) Забота объ устройствѣ и руководствѣ народными клубами остается главной задачею жизни для небольшаго кружка людей, являющихся въ Ліонѣ первыми піонерами республиканской идеи и въ началѣ 1791 года. Въ письмѣ изъ того же Ліона Лантенасъ, повидимому, душа всей агитаціи, пишетъ Банкалю о розни, возникшей между народными клубами и болѣе аристократическимъ по составу обществомъ „Сенъ-Клеръ". „Я прилагаю, говоритъ онъ, все свое стараніе къ тому, чтобы возстановить между ними единеніе и вернуть ихъ къ добрымъ принципамъ. Переодѣтые аристократы, честолюбцы, желающіе всѣмъ руководить, и люди скромные, преисполненные предразсудковъ, вотъ съ кѣмъ мнѣ приходится бороться. Я принятъ членомъ клуба одной изъ городскихъ секцій, я посѣщаю также центральный клубъ и клубъ Сенъ-Клера. Повсюду я распространяю добрые принципы съ полной независимостью. Я написалъ якобинцамъ въ Парижъ, предлагая имъ сдѣлать постановленіе, приглашающее всѣ зависящіе отъ нихъ клубы заняться устройствомъ мѣстныхъ сообществъ, которыя бы объединяли гражданъ по группамъ и давали имъ возможность взаимнаго обученія и совмѣстнаго выраженія взглядовъ по интересующимъ ихъ вопросамъ. Такія сообщества при содѣйствіи посланныхъ якобинцами комиссаровъ могли бы образовать центры, которыми парижскому клубу легко будетъ руководить. Департаментскимъ секціямъ надо предоставить веденіе корреспонденціи и передачу этимъ мѣстнымъ сообществамъ всего того, что желательно будетъ довести до ихъ свѣдѣнія. Имъ же надо вручить заботу о распространеніи знаній и духа братства. Каждые пятнадцать дней слѣдовало бы собирать членовъ сообществъ въ обширные залы для обсужденія важнѣй-

[1]) См. письмо изъ Ліона отъ 30 декабря 90 года стр. 136—142 (Lettres autographes de Madame Roland).

шихъ вопросовъ и редакціи принятыхъ по нимъ рѣшеній. Я думаю, что въ высшей степени желательно, чтобы друзья свободы употребили всѣ свои старанія для того, чтобы организовать въ „сообщества“ людей наименѣе просвѣщенныхъ и наиболѣе занятыхъ. Аристократы во многихъ мѣстахъ попробовали предупредить ихъ, и даже здѣсь встрѣчается немало такихъ, которые надѣются повесть за собою народные клубы“. Лантенасъ совѣтуетъ своему единомышленнику написать въ Клермонъ Ферранъ съ цѣлью побудить друзей свободы къ однохарактерной дѣятельности. „Вы должны, пишетъ онъ, настаивать на тѣхъ же мысляхъ; развить и придать имъ бо̀льшую широту будетъ нетрудно. Я хлопочу о томъ же передъ клубомъ въ Пюи: нужно, чтобы примѣръ сосѣдей увлекъ его. Вы знаете, по всей вѣроятности, что̀ сдѣлано по отношенію къ устройству народныхъ сообществъ въ Дижонѣ. Дѣло такъ просто и такъ легко. Здѣсь называютъ эти сообщества „народными“, но я не одобряю этого термина, такъ какъ со времени отмѣны сословій и старинныхъ предразсудковъ всѣ общества одинаково являются народными [1])“.

Въ то время, какъ кружокъ госпожи Роланъ въ тѣсномъ общеніи съ Бриссо въ Парижѣ заботился о пропагандѣ идей народнаго самодержавія въ низшихъ классахъ провинціальнаго общества, въ административной жизни столицы совершались преобразованія, послѣдствіемъ которыхъ было созданіе въ отдѣльныхъ округахъ Парижа особыхъ народныхъ клубовъ, изъ которыхъ одному—клубу Кордельеровъ, суждено было играть немалую роль въ подготовленіи республики. Парижская буржуазія все рѣшительнѣе высказывалась противъ самостоятельности избирательныхъ собраній отдѣльныхъ секцій, и преданные ея интересамъ публицисты проповѣдывали необходимость ихъ закрытія, мотивируя его между прочимъ тѣмъ, что демократическій составъ этихъ собраній держитъ въ сторонѣ отъ дѣлъ наиболѣе зажиточные классы общества. Народъ, живущій только заработками, неопредѣленными въ размѣрѣ и незначительными по величинѣ, этотъ классъ людей, изъ котораго состоитъ наибольшая и наименѣе обезпеченная часть населенія, пишетъ журналистъ Пеше, крайне заинтересованъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать всякой политической системѣ, способной поколебать спокойствіе города, удалить изъ него людей богатыхъ, крупныхъ собственниковъ, всѣхъ тѣхъ, кого привлекаетъ въ Парижъ любовь къ свободѣ нравовъ и пристрастіе къ удовольствіямъ. Но постоянство избирательныхъ собраній дистриктовъ вноситъ опасенія и вызываетъ недовѣріе всѣхъ людей зажиточныхъ. Оно неминуемо ведетъ къ оставленію Парижа богатыми классами,

[1]) Ibid. стр. 145, и слѣдующія (Письмо 10 янв. 91 года).

что въ свою очередь поставитъ простой народъ въ невозможность найти работу. Трудящійся бѣдный людъ Парижа долженъ видѣть поэтому собственную пользу въ уничтоженіи тѣхъ шестидесяти вооруженныхъ и дебатирующихъ коммунъ, какія держатся въ нашей средѣ [1]). Въ отвѣтъ на это Камиль Демуленъ писалъ: „всего важнѣе для насъ сохранить непрерывность собраній дистриктовъ. Никто не сомнѣвается въ томъ, даже тѣ, кто требуетъ ихъ закрытія, что эти собранія произвели и упрочили революцію. Какъ могутъ думать, что Парижъ когда-либо сдѣлаетъ глупость отказаться отъ нихъ? Я не могу понять, какъ можетъ существовать народовластіе безъ форума, безъ публичной площади и народнаго veto. Мы не имѣемъ площади достаточно обширной, чтобы вмѣстить всѣхъ гражданъ Парижа, но наши дистрикты вполнѣ замѣняютъ намъ эту площадь и лучше всякаго форума и народной трибуны осуществляютъ тѣ же задачи. Очень часто говорятъ намъ о трехъ властяхъ, призванныхъ взаимно уравновѣшивать другъ друга; но такими властями, на мой взглядъ, могутъ быть только національное собраніе, муниципалитеты и дистрикты. Національное собраніе декретируетъ — это власть законодательная; муниципалитеты администрируютъ — власть исполнительная; дистрикты же предлагаютъ законы и имѣютъ по отношенію къ нимъ veto,—это власть предстательства и противодѣйствія „(c'est le pouvoir rogatif et négatif) [2]).

Но третьяго мая 1790 года Деменье вошелъ въ Учредительное собраніе съ представленіемъ о необходимости полнаго переворота во внутреннемъ устройствѣ Парижа, переворота, послѣдствіемъ котораго было бы исчезновеніе дистриктовъ и ихъ дебатирующихъ собраній и передача всей власти надъ городомъ въ руки мэра и 16 помощниковъ, 36 членовъ муниципальнаго совѣта и 96 нотаблей, по два отъ каждой изъ 48 секцій, призванныхъ замѣнить отнынѣ дистрикты. Докладчикъ приводилъ противъ дистриктныхъ собраній тѣ самыя соображенія, которыя уже изложены были Пеше. Онъ говорилъ о неизбѣжной потерѣ столицей, разъ будетъ допущена дальнѣйшая революціонная агитація дистриктовъ, ея богатствъ, ея торговли, искусствъ и промышленности, о бѣгствѣ изъ нея людей, живущихъ себѣ въ удовольствіе, много тратящихъ иностранцевъ и тому подобное. Ко всѣмъ этимъ аргументамъ Мирабо во время дебатовъ прибавилъ новый: „какъ не знать,—сказалъ онъ,—что делегатъ не можетъ осуществлять своихъ функцій въ присутствіи того, кто его уполномочилъ? Требовать постоянства дистриктовъ—это желать созданія шестидесяти

---

[1]) См. Moniteur отъ 9 марта 90 года.

[2]) Révolution de France et Brabant n° 17.

самодержавныхъ округовъ рядомъ съ представляющей ихъ муниципіей, округовъ, вмѣшательство которыхъ можетъ вызвать дѣйствія и противодѣйствія, опасныя для конституціи". Въ этихъ довольно неопредѣленныхъ чертахъ передавались тѣ самыя возраженія, какія доселѣ ставятся сторонниками представительнаго образа правленія противъ всякой попытки установить постоянный контроль за дѣятельностью депутатовъ со стороны избирателей, все равно, будетъ ли этотъ контроль выражаться въ формѣ такъ называемой аппеляціи къ народу, referendum, или прямого законодательнаго почина. Съ логической точки зрѣнія такое возраженіе не выдерживаетъ критики, такъ какъ система судебнаго представительства, на аналогіи съ которой построено ученіе о нормальныхъ отношеніяхъ избирателей и депутатовъ, нимало не устраняетъ, какъ мы знаемъ, собственной защиты сторонъ на ряду съ защитой ихъ полномочныхъ. При отсутствіи того повелительнаго мандата, безъ котораго немыслимо гражданское представительство, депутаты неизбѣжно потеряли бы принадлежащій имъ характеръ народныхъ уполномочныхъ и сдѣлались бы силою, независимой отъ избирателей, если бы за этими избирателями не было признано возможности направлять и регулировать ихъ дѣятельность какими-нибудь косвенными путями. Даже въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ, какъ въ Англіи, не допускается прямого вмѣшательства народа въ политику, митинги и коллективныя петиціи служатъ орудіемъ весьма существеннаго воздѣйствія избирателей на депутатовъ. Недавніе успѣхи демократіи въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи доказываютъ необходимость образованія внѣ конгресса и парламента такихъ партійныхъ ассоціацій, которыя бы слѣдили за дѣятельностью депутатовъ, отмѣчали всякое уклоненіе ихъ отъ разъ намѣченной программы и предпринимали агитацію въ пользу включенія въ эту программу новыхъ партійныхъ требованій. Что означаетъ фактъ существованія подобныхъ ассоціацій, какъ не сознаніе невозможности оставить за депутатами ту полную свободу дѣйствія, которая долгое время считалась неотъемлемымъ требованіемъ представительнаго устройства. Такимъ образомъ даже въ государствахъ, не допускающихъ ни аппелляціи къ народу, ни referendum'a, ни прямого законодательнаго почина, избиратель не считаетъ нужнымъ добровольно упразднить себя предъ депутатомъ. Онъ остается на стражѣ своихъ правъ и не ждетъ наступленія будущихъ выборовъ для того, чтобы заявить о предательствѣ его интересовъ назначеннымъ имъ повѣреннымъ. А если такъ, то заявленіе Мирабо объ обязательномъ исчезновеніи представляемаго предъ представителемъ является не только логической, но и фактической ошибкой. Но не такъ смотрѣли на дѣло не только члены умѣренной пар-

тіи, конституціоналисты въ духѣ Мунье и Маллэ дю-Пана, но и вожаки якобинскаго клуба въ Парижѣ. Прославляя его за рѣшимость добиться закрытія дебатирующихъ собраній въ округахъ, Монитёръ произносилъ по его адресу слѣдующее похвальное слово: клубъ этотъ знаетъ, что форумъ или народная площадь погубила одинаково Римъ и Аѳины, что народъ, желающій все дѣлать самъ, завѣдовать законодательствомъ и управленіемъ, неизбѣжно впадаетъ въ безпорядки, а отъ нихъ непосредственно переходитъ къ деспотизму. Эта великая истина, доказанная опытомъ всѣхъ вѣковъ, всегда присуща якобинцамъ, она причина тому, что они спокойно положились на муниципальныя власти Парижа, на депутатовъ отъ парижской общины въ дѣлѣ управленія, столицей точно такъ же, какъ по отношенію къ созданію конституціи и законовъ они всецѣло ввѣрились заботливости національнаго собранія [1]). Но если масса якобинцевъ стояла такимъ образомъ за упраздненіе всякаго непосредственнаго участія народа даже въ скромной сферѣ муниципальнаго управленія, то того же нельзя сказать о представителяхъ радикальной прессы. Маратъ, по выраженію Демулена, „охрипъ, голося противъ закрытія дистриктныхъ собраній". Лустало въ свою очередь объявлялъ эту мѣру „измѣннической" (perfide). Новое муниципальное дѣленіе Парижа въ его глазахъ задумано исключительно съ цѣлью разорвать связь, которая подъ вліяніемъ привычки установилась между членами дистриктовъ; оно имѣетъ въ виду разсѣять тотъ духъ свободы, опасность котораго сознаютъ для себя будущія муниципальныя власти столицы. Существованіе дистриктныхъ собраній кажется ему воплощеніемъ народнаго самодержавія, но это самодержавіе принадлежитъ, по собственному сознанію національнаго собранія, къ числу правъ, предшествующихъ по времени и стоящихъ выше всякаго закона и конституціи. Оно входитъ въ составъ тѣхъ естественныхъ правъ, на которыя немыслимо ничье посягательство. Отсюда Лустало дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „даже верховная власть находитъ себѣ границы въ природѣ вещей. Національное собраніе такъ же мало имѣетъ право предписать, чтобы завѣдованье нашими мѣстными интересами перешло въ руки генеральнаго совѣта муниципіи, какъ приказывать намъ пить теплую воду, а не холодную" [2]). „Развѣ Франція не провозгласила начало народнаго суверенитета,— писалъ въ свою очередь Демуленъ,—и развѣ можно говорить о немъ при запрещеніи собираться на площади, и свободно обсуждать на ней публичныя дѣла, какъ это дѣлали нѣкогда наши предки, древ-

[1]) Moniteur 11 мая 90 года.

[2]) См. Les Révolutions de Paris № 43.

ніе германцы... Народъ, прибавлялъ онъ въ качествѣ угрозы, откроетъ поставленную ему ловушку и не откажется отъ суверенитета. Когда его лишаютъ возможности собираться на площади, онъ идетъ на Авентинскую гору" [1]). Ни одинъ изъ дистриктовъ не отнесся съ бóльшимъ ожесточеніемъ къ проекту закрытія его сессій и новому муниципальному устройству Парижа, чѣмъ дистриктъ Кордельеровъ. Открытіе 48 секцій должно было состояться 1 іюля 90 года за двѣ недѣли до праздника федераціи. И вотъ въ какой моментъ, значится въ манифестѣ округа Кордельеровъ, „производится это посягательство на народныя права; въ ту самую минуту, когда не только умы, но и руки всѣхъ заняты подготовленіемъ къ этому народному торжеству (намекъ на дружную поддержку, оказанную всѣмъ парижскимъ населеніемъ работамъ на Марсовомъ полѣ). Какъ! среди агитаціи, вызванной приготовленіемъ къ великому дню федераціи, мэръ Парижа находитъ удобнымъ раздробить и уничтожить дистрикты, эти дистрикты, которые въ такой же мѣрѣ вызваны обстоятельствами времени и необходимостью, какъ и муниципія столицы, которые принесли несравненно лучшіе плоды, чѣмъ она; дистрикты, воспитавшіе французскій патріотизмъ, дистрикты, которымъ столица обязана своимъ спасеніемъ, національное собраніе своей независимостью, Франція своимъ возрожденіемъ" [2]). Послѣдствіемъ закрытія дистриктовъ и ихъ собраній было образованіе окружныхъ клубовъ и въ числѣ ихъ клуба Кордельеровъ. Его возникновеніе отмѣчено Кондорсэ въ редактируемой имъ „Парижской Хроникѣ" 5 августа 1790 г. [3]). „Прежній дистриктъ Кордельеровъ, пишетъ онъ, образовался въ клубъ. Приглашаемъ и всѣ прочіе дистрикты послѣдовать его примѣру; это сдѣлаетъ возможнымъ болѣе легкій созывъ генеральнаго совѣта (совѣта парижскихъ избирателей) каждый разъ, когда того потребуютъ обстоятельства". Такимъ образомъ, парижскія коммуны не исчезали, а только преобразовывались, и демократическій духъ, оживлявшій нѣкогда дистриктныя собранія переселялся отнынѣ въ ихъ клубы. Мы видѣли, что этотъ духъ сказывался прежде всего въ защитѣ принциповъ деклараціи правъ противъ тѣхъ ограниченій, какія допущены были національнымъ собраніемъ при редактированіи конституціи. Якобинцы, чтобы заявить свою преданность этой конституціи, называли себя ея друзьями; не удивительно поэтому, если Кордельеры, чтобы заявить о своей

---

[1]) Les Révolutions de France et de Brabant, № 25.

[2]) Текстъ этой прокламаціи отпечатанъ въ сборникѣ документовъ, сдѣланномъ Альфредомъ Бужаромъ и призваннымъ служить матерьяломъ для исторіи Кордельеровъ стр. 263. (Les Coldeliers, Paris 1891 г.).

[3]) Chronique de Paris, № 217.

солидарности съ неограниченностью принципа народнаго самодержавія, приняли наименованіе друзей деклараціи. Подъ руководствомъ Дантона и пользуясь поддержкой Лустало, Марата, Камилла Демулена и нерѣдко Бриссо, Кордельеры, не пускаясь, подобно якобинцамъ, въ отвлеченныя метафизическія разсужденія и долгое время ограничивая свою дѣятельность вмѣшательствомъ въ одни внутреннія дѣла парижскаго самоуправленія, не упускаютъ ни одного удобнаго случая, чтобы заявить о своей солидарности съ принципами непосредственной народной самодѣятельности, активнаго вмѣшательства народа въ политическую жизнь. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 90 года они агитируютъ въ пользу прямого голосованія парижанами вопроса, будетъ ли столица обращена въ особый департаментъ, и когда большинство гражданъ высказалось въ пользу этого предложенія, они составляютъ адресъ къ національному собранію отъ имени парижскаго населенія! Комментируя этотъ фактъ, Лустало говоритъ: онъ одинъ доказываетъ, что городъ съ 800 тысячами жителей можетъ непосредственно подать свой голосъ по опредѣленному вопросу, можетъ большинствомъ принять то или другое рѣшеніе, а слѣдовательно и можетъ создавать законы и утверждать ихъ и высказывать свою волю по всѣмъ интересующимъ его вопросамъ. Парижъ доказалъ такимъ образомъ, прибавляетъ онъ, что тѣ—не столько доводы, сколько предлоги, какими оправдывается конфискація суверенитета націи въ пользу 720 депутатовъ, лишены всякаго основанія. Примѣръ, данный Парижемъ, навсегда останется въ исторіи и рано или поздно сдѣлается причиной пріобрѣтенія нами истинной свободы. Пока мы принуждены довольствоваться свободой только представительной" [1]).

Въ январѣ 91 года Дантонъ, добившійся выбора въ администраторы парижскаго департамента, въ обращеніи къ Кордельерамъ проводитъ другой столь же основный принципъ народнаго самодержавія—постоянный контроль управляемыхъ за управляющимъ. „Я убѣжденъ, значится въ его адресѣ, что общественный интересъ требуетъ ежечаснаго и неограниченнаго надзора народа за чиновниками. Такой контроль не представляетъ опасности даже въ томъ случаѣ, если бы участвующіе въ немъ позволили себѣ обвиненія столь же серьезныя, какъ и лживыя" [2]).

И такъ, не провозглашая себя открыто республиканцами, оставаясь на почвѣ деклараціи правъ и требуя одного лишь строгаго ея примѣненія, кордельеры являлись не только союзниками бриссотинцевъ, но и несравненно болѣе послѣдовательными проводниками прин-

---

[1]) Ibid. стр. 287.
[2]) Ibid. стр. 295.

ципа народовластія. Они не запугивали людей словами, и не предпосылали своей практической программѣ голаго термина, невольно запугивавшаго всякаго перспективой новой революціи. Имъ нельзя было сдѣлать упрека въ низверженіи установленнаго порядка; они открыто проповѣдовали, напротивъ, самое безусловное уваженіе къ нему. И даже тѣ изъ нихъ, кто, подобно Камиллу Демулену, первые подняли республиканское знамя, готовы были въ настоящее время отказаться отъ клички „республиканцевъ", довольствуясь сохраненіемъ одной лишь ихъ программы. Столь прозорливый обыкновенно Маллэ дю Панъ на этотъ разъ поддается обману. „Камиллъ Демуленъ,—пишетъ онъ къ Мунье,—на пути къ роялизму". И Демуленъ, повидимому, оправдываетъ его заявленіе, говоря въ своемъ журналѣ: „республика—ничтожное слово, къ которому обращался еще Францискъ I въ своихъ ордонансахъ и Карлъ I въ своихъ капитуляріяхъ; никто изъ насъ не дорожитъ этимъ словомъ, но всѣ мы дорожимъ свободой, къ которой и идемъ неизмѣнно. Подъ республикой,—писалъ онъ нѣсколько далѣе,—я разумѣю всякое свободное государство, все равно, будетъ ли въ немъ король или штатгальтеръ, генералъ-губернаторъ или императоръ, дѣло не въ названіи" [1]). Это отсутствіе слѣпой привязанности къ какому-то отвлеченному идеалу, настолько мистическому и неопредѣленному, что въ немъ страннымъ образомъ переплетаются политическіе афоризмы Цицерона и Плутарха съ положеніями Пэна и Франклина, выгоднымъ образомъ отдѣляетъ кордельеровъ отъ бриссотинцевъ и объясняетъ возможность ихъ сближенія съ такимъ человѣкомъ, какъ Робеспьеръ, который все еще оставался въ рядахъ монархистовъ и охотно объявлялъ, что слова король и монархія не пугаютъ его, и что свободѣ не грозитъ опасность, пока царствуетъ законъ, а не люди [2]). Легко понять, почему эти дѣятели могли идти рука въ руку, почему Робеспьеръ неизмѣнно оставался для Камилла „дорогимъ Робеспьеромъ", почему журналистъ-демагогъ охотно заявлялъ, что гдѣ Робеспьеръ, тамъ и Національное собраніе, указывая тѣмъ, что внѣ тѣснаго кружка сочувствующихъ ему радикаловъ имѣются только интриганы и предатели, въ родѣ Барнава, не желавшаго признавать свободы за неграми, или Шапелье и другихъ членовъ конституціоннаго комитета, агитировавшихъ въ пользу введенія пожизненнаго сената и наложенія путъ на печать и клубы. Но если кордельеры охотно шли за-одно съ небольшимъ кружкомъ депутатовъ, группировавшимся около Робеспьера, то и бриссотинцы не сторонились еще будущаго ихъ гонителя. Въ обществѣ друзей

[1]) Révolution de France, № 78.
[2]) Histoire de Robespierre par Ernest Hamel, т. I, стр. 498.

негровъ, основанномъ и руководимомъ Бриссо, они встрѣчались на общей обоимъ почвѣ. И радикаламъ, и республиканцамъ одинаково было дорого сохраненіе начала гражданскаго равенства; и вырвавшаяся изъ устъ Дюпора и только по ошибкѣ приписанная Робеспьеру фраза: „пусть лучше погибнутъ колоніи, чѣмъ принципъ" [1]) одинаково выражала собою „credo" обѣихъ партій. Всѣхъ—и кордельеровъ, и бриссотинцовъ, и приверженцевъ Робеспьера — объединяло желаніе понизить избирательный цензъ, сохранить свободу печати, клубовъ и петицій. Рѣчь Робеспьера противъ ценза въ марку серебромъ прямого обложенія, ценза, требуемаго отъ депутатовъ, встрѣчала похвалы и въ письмахъ г-жи Роланъ, и во „Французскомъ патріотѣ", и въ „Революціяхъ Франціи", и въ „Народномъ ораторѣ". Когда собраніе, послушное его голосу, рѣшилось отмѣнить это избирательное ограниченіе, Робеспьеръ сразу сдѣлался надеждою всѣхъ демократовъ. Но гораздо ранѣе этого ему удалось оказать существенную поддержку кордельерамъ смѣлой защитой права петицій и права афишированія. Подобно кордельерамъ, онъ становился на почву охраны провозглашенныхъ декларацiей естественныхъ правъ; подобно имъ, онъ заявлялъ, что ему всего дороже „интересы неимущихъ". „Чѣмъ слабѣе и необезпеченнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ нуждается въ правѣ петицій; Богъ принимаетъ мольбы не только несчастныхъ, но и виновныхъ". Если Робеспьеру и не суждено было, какъ мы сейчасъ увидимъ, сохранить это право въ рукахъ народныхъ клубовъ, то ему все же удалось предотвратить рѣшеніе, отымающее его у всѣхъ пассивныхъ гражданъ. Конституціонный комитетъ принужденъ былъ отказаться и отъ другого предложенія—предоставить одной администраціи право развѣшиванія афишъ [2]). Не меньшее сочувствіе вызвала рѣчь Робеспьера въ пользу неограниченной свободы печати. Ораторъ развивалъ въ ней ту мысль, что эта свобода должна быть понимаема не только въ смыслѣ отсутствія предварительной цензуры, но и въ смыслѣ свободы отъ судебной отвѣтственности, каждый разъ, когда клевета или диффамація, выраженная путемъ печати, направлена противъ публичнаго чиновника, а не частнаго лица. „При господствѣ свободы,— утверждалъ онъ,—репутація добраго гражданина не легко можетъ быть запятнана. Общественное мнѣніе само сдѣлается его судьею. Для него нѣкоторыя похвалы покажутся поношеніемъ, а нѣкоторые пасквили—титуломъ для славы: Катонъ никогда не преслѣдовалъ своихъ клеветниковъ". Только для частныхъ гражданъ Робеспьеръ допускалъ

---

[1]) Ibid., т. I, стр. 434 и слѣд., 437 и слѣд.

[2]) См. Moniteur 11 и 12 мая 1791 г. и другіе журналы, цитируемые Гамелемъ. Ibid., стр. 431—433.

необходимость судебной защиты противъ пасквилянтовъ. Слѣдуя англійскому опыту, онъ справедливо доказывалъ, что эта защита будетъ болѣе дѣйствительна, если предоставить обиженному право требовать не столько уголовной кары, сколько имущественнаго вознагражденія. Новѣйшая практика вполнѣ оправдала эту оцѣнку. Присяжные неохотно идутъ на лишеніе свободы человѣка, искренне заблуждавшагося, но они не откажутъ въ денежномъ удовлетвореніи потерпѣвшему отъ обнародованія позорящихъ его фактовъ [1]).

Наконецъ, полное единодушіе вызывало также во всѣхъ радикалахъ предложеніе Робеспьера закрыть доступъ въ будущее собраніе депутатамъ настоящаго. Демуленъ называлъ это „мастерскимъ шагомъ“. „Интересы народа, — утверждалъ онъ, — требуютъ, чтобы въ этомъ отношеніи свобода выборовъ была ограничена. И съ такимъ же сочувствіемъ высказывались по отношенію къ этой мѣрѣ и друзья Бриссо, объявлявшіе устами г-жи Роланъ, что „Національное собраніе такъ продажно (si corrompue), что всѣ мѣры его необходимо должны быть зловредны. Его депутатамъ не столько недостаетъ разума, сколько чистоты душевной“ [2]).

Такимъ образомъ незамѣтно устанавливалось единство взглядовъ и общность политики между всѣми передовыми представителями парламентскаго радикализма, демократической печати и клубовъ. Всѣ они ставили свою задачу въ безусловномъ проведеніи принциповъ деклараціи правъ, даже наперекоръ конституціи, такъ или иначе ихъ ограничивавшей. Всѣ они искали опоры не столько въ высшихъ слояхъ буржуазіи. сколько въ народныхъ клубахъ, и создавали себѣ союзниковъ въ томъ классѣ обдѣленныхъ политическими правами гражданъ, которые извѣстны были конституціи подъ наименованіемъ пассивныхъ и вскорѣ выступятъ на сцену исторіи подъ болѣе грознымъ прозвищемъ санкюлотовъ. Неудивительно поэтому, если буржуазія и ея представители въ Національномъ собраніи старались всячески отнять у нихъ почву подъ ногами, открывая борьбу съ народными клубами.

Еще весною 1790 г. запрещено было клубамъ всякое вмѣшательство во внутреннія дѣла муниципальныхъ и департаментскихъ администрацій, въ вопросы, касающіеся военной дисциплины и порядка служебнаго подчиненія (постановленіе 1 мая). Нѣсколько дней спустя не дозволено было имъ и представленіе коллективныхъ петицій (постановленіе 10 мая). Въ августѣ того же года доступъ въ клубы закрытъ офицерамъ арміи и флота. Пока дѣло шло только о томъ, чтобы

---

[1]) Ibid., стр. 459—465.
[2]) Révolutions de France, № 78.
[3]) Письмо г-жи Роланъ 12 мая 1791 г. (Lettres, стр. 223).

оградить предержащія власти и военныя силы страны отъ той внутренней дезорганизаціи, какую, думали, внесетъ въ нихъ политическая агитація. Но съ начала 91 года вопросъ о клубахъ былъ поставленъ болѣе радикально. 28 февраля депутатъ отъ дворянства Перигора Фуко прямо потребовалъ закрытія народныхъ сообществъ, но собраніе постановило перейти къ очереднымъ дѣламъ; и клубы, пренебрегая декретомъ 10 мая 90 года продолжали направлять петиціи на имя Національнаго собранія, входя между собою въ постоянный обмѣнъ мыслей и возбуждая другъ друга къ коллективной оппозиціи муниципалитетамъ и директоріямъ, недостаточно проникнутымъ на ихъ взглядъ революціонными принципами. Это давленіе клубовъ на мѣстную администрацію, сопровождавшееся попытками реформировать ее при содѣйствіи петицій къ народному представительству, было признано опаснымъ для устойчивости тѣхъ учрежденій, упроченіе которыхъ должно было составить задачу конституціи. 9 мая 1791 г. Шапелье сдѣлалъ предложеніе вовсе отнять у клубовъ право петицій, и не смотря на противодѣйствія Петіона, Робеспьера, аббата Грегуара и Дюбуа Крансэ, Національное собраніе приняло слѣдующее рѣшеніе: „Право петицій есть личное право и не можетъ быть делегировано. Его не могутъ осуществлять на коллективномъ началѣ. Оно не принадлежитъ поэтому избирательнымъ собраніямъ, судебнымъ и административнымъ учрежденіямъ, секціямъ городской общины, а также гражданскимъ сообществамъ, подъ которыми въ частности разумѣлись клубы [1]).

Эти мѣры какъ нельзя лучше доказываютъ, что клубы становились серьезной общественной силой, силой тѣмъ болѣе опасной, что она отказывалась, повидимому, служить не только интересамъ контръ-революціи, но даже затѣянной еще Мирабо „контръ-конституціи“, ставившей себѣ цѣлью усиленіе королевской власти и измѣненіе представительной системы созданіемъ пожизненнаго сената.

Въ срединѣ апрѣля кордельеры впервые оставляютъ свой скромный постъ руководителей одного парижскаго самоуправленія и выходятъ на широкую арену внутренней политики. Въ опредѣленіи, обнародованномъ этимъ клубомъ 17 апрѣля, мы читаемъ: „въ виду доноса, сдѣланнаго нѣсколькими гражданами на короля, котораго они обвиняютъ въ терпимости къ непринявшимъ гражданской присяги священникамъ, въ допущеніи ихъ при своемъ дворѣ къ публичному отправленію богослуженія, къ немалому скандалу французовъ, мы убѣдившись въ томъ, что король дѣйствительно принялъ причастіе

[1]) См. статью Aulard, озаглавленную „Законодательство о клубахъ въ эпоху рэволюціи“ и помѣщенную въ I томѣ его Société de Jacobins, стр. XII.

изъ рукъ неприсягнувшаго великопресвитера, и что къ этому „беззаконію“ причастны присутствовавшіе при немъ мэръ Парижа и начальникъ національной гвардіи, постановляемъ: „интересы общественнаго спасенія требуютъ съ нашей стороны обвиненія предъ представителями націи и всѣмъ французскимъ народомъ перваго чиновника государства и перваго слуги закона—самого короля (le premier fonctionnaire de l'Etat, le premier sujet de la loi, le Roi lui-même). Мы обвиняемъ его въ нарушеніи конституціонныхъ декретовъ, въ соблюденіи которыхъ онъ клялся, которымъ онъ долженъ обезпечить повиновеніе, такъ какъ это входитъ въ кругъ его обязанностей. Мы обвиняемъ его въ томъ, что своимъ примѣромъ онъ возбуждаетъ противниковъ конституціи къ неповиновенію, а мятежниковъ къ возстанію, подготовляя тѣмъ самымъ ужасы междуусобной войны. Такъ какъ мэръ Парижа и начальникъ національной гвардіи своимъ присутствіемъ содѣйствовали и поддерживали тѣ проступки (torts), въ которыхъ король оказался виновнымъ передъ французской націей, то клубъ заявляетъ, что интересъ общественнаго спасенія (salut public) заставляетъ его сдѣлать ихъ отвѣтственными за послѣдствія такого не-конституціоннаго поведенія, поведенія, не отвѣчающаго довѣрію народа, надѣлившаго ихъ публичной силой для защиты закона, а не для его нарушенія“ [1]).

Проводя тѣ же взгляды въ адресѣ на имя короля, Дантонъ въ сообществѣ своего единомышленника Кирсента говорилъ: „Съ горечью видитъ народъ, что вы оказываете покровительство людямъ, нарушающимъ законъ, и принимаете услуги враговъ конституціи. Государь! обстоятельства серьезны (Sire, les circonstances sont fortes). Предательская политика не отвѣчаетъ вашему характеру и ни къ чему бы не послужила. Удалите отъ себя враговъ конституціи, доведите до свѣдѣнія иностранныхъ націй, что славная революція совершилась во Франціи, что вы отнынѣ король свободнаго народа; пошлите соотвѣтствующія инструкціи представителямъ націи при иностранныхъ дворахъ, представителямъ, которые бы не были недостойны своихъ высокихъ функцій. Тотъ совѣтъ, который даетъ вамъ парижскій департаментъ, повторили бы и всѣ прочіе департаменты, еслибы они имѣли возможность быть услышаны такъ же быстро, какъ мы“ [2]). Такимъ образомъ самодержавіе народа, осуществляемое непосредственно въ формѣ коллективныхъ петицій и митинговъ, контроль управляемыхъ надъ управителями и отвѣтственность всѣхъ чиновниковъ, начиная съ мэра и начальника національной гвардіи и оканчивая королемъ—„первымъ чиновникомъ

---

[1]) Révolutions de France et de Brabant № 74 (Arrête du club des Cordeliers sur la communion du Roi, du dimanche 17 avril 1791).

[2]) Révolutions de France, № 74.

государства"—такова политическая программа кордельеровъ. Но для проведенія этой программы имъ необходима прежде всего свобода печати, и не только та свобода, которая находитъ выраженіе себѣ въ формѣ газетъ и брошюръ, распространеніе которыхъ необходимо ограничено потому, что пріобрѣтеніе ихъ связано съ денежными затратами, а въ формѣ говорящей всему народу прокламаціи, прокламаціи, приклеиваемой къ стѣнамъ публичныхъ зданій и невольно останавливающей вниманіе прохожихъ, прокламаціи, которая бы въ нѣсколько минутъ дала возможность населенію познакомиться и съ опасностью переживаемаго имъ положенія, и со средствами выйти изъ нея, и съ его неотъемлемыми правами, и не менѣе неотъемлемыми обязанностями, и съ тѣмъ, что онъ въ силахъ сдѣлать для защиты этихъ правъ, и съ тѣмъ, кому онъ можетъ довѣриться, кто готовъ „жить и умереть, защищая его интересы". Но чтобы прокламація могла произвесть ожидаемое дѣйствіе, необходимо то добавочное право къ признаваемой закономъ свободѣ печати, которое людямъ этого времени извѣстно подъ названіемъ „droit d'affichage"—(права афишированья). Это право не было открыто выговорено закономъ, и муниципальныя власти пользовались его молчаніемъ, чтобы отмѣнить самое право путемъ административнымъ; мэръ Парижа, академикъ Бальи, давалъ приказъ срывать прокламаціи Дантона со стѣнъ, вызывая тѣмъ громкія жалобы въ преданныхъ кордельерамъ публицистахъ. „Какъ,—восклицалъ Кара въ своемъ „Народномъ ораторѣ,"—неимущій классъ населенія, поставленный въ невозможность пріобрѣтенія хотя бы единаго органа печати, раскрывающаго передъ нимъ его истинные интересы, навсегда останется въ невѣжествѣ и его ближайшіе друзья лишены будутъ возможности путемъ афишъ сообщить ему свѣдѣнія, которыя онъ вправѣ имѣть не меньше васъ, васъ, люди богатые, всегда готовые держать бѣдныхъ въ невѣдѣніи касательно ихъ правъ и обязанностей, а потому самому и въ рабствѣ... Общественное мнѣніе не болѣе, какъ совокупность частныхъ мнѣній; только потому нельзя купить его, что тѣ, которые участвуютъ въ его составленіи, не продаются. Но для этого нужно, чтобы граждане сознательно относились къ тому, что дѣлается вокругъ ихъ. Чѣмъ быстрѣе народъ схватываетъ мысли, сильно продуманныя и вполнѣ согласныя съ правами человѣка и гражданина, чѣмъ большій залогъ представляетъ онъ своей готовности отстоять эти права, тѣмъ достойнѣе онъ свободы и тѣмъ легче съумѣетъ онъ ее сохранить. Но чего хотятъ наши враги? Ихъ цѣль помѣшать намъ раскрыть глаза націи, сообщая ей наши мысли, обнародуя предъ нею святое евангеліе человѣческихъ правъ... Но вопреки нашимъ врагамъ, вопреки этимъ мнимымъ друзьямъ закона, которые на каждомъ шагу отступаютъ

отъ него, мы не перестанемъ предостерегать народъ отъ всѣхъ посягательствъ на эти права и требовать отъ него ихъ поддержанія. Придите же въ среду друзей человѣческихъ правъ всѣ вы, сдѣлавшіеся жертвой установленныхъ во Франціи представительныхъ собраній и органовъ исполненія. Прибѣгните къ намъ, полные довѣрія. Вы найдете въ насъ ревнивыхъ защитниковъ этихъ правъ и въ награду мы потребуемъ только вашей дружбы и преданности конституціи. За-одно съ нами вы сдѣлаетесь самою твердою ея опорой и завоюете право сказать предъ лицомъ міра, что вы хотите жить свободными или умереть" [1]).

Авторъ памфлета ,озаглавленнаго „Совѣтъ французамъ касательно клубовъ" и проводившаго въ мартѣ 91 года тотъ взглядъ, что всѣ и каждый заинтересованъ въ ихъ упраздненіи, сообщаетъ интересныя подробности о распространеніи и внутреннемъ устройствѣ этихъ сообществъ. „Страсть основывать клубы, — пишетъ онъ, — овладѣла въ настоящее время всѣми классами общества, безъ различія возраста и пола. Во многихъ городахъ ремесленники бросаютъ работу, чтобы вкривь и вкось разсуждать о политикѣ, въ другихъ, какъ напримѣръ въ Безьерѣ, Нанси и т. п., на подобныя же собранія сходятся юноши, а въ Алэ и Сиврэ въ Пуату, молодыя дѣвушки жертвуютъ этой модѣ своей стыдливостью. Даже замужнія женщины устраиваютъ клубы, гдѣ учатъ своихъ дѣтей кадить новымъ идоламъ революціоннаго фанатизма. Наконецъ въ селахъ крестьяне обращаютъ свои „посидѣлки" (véillées) въ патріотическія сообщества, и школьный учитель открыто проповѣдуетъ въ нихъ анархію (tient école d'anarchie). Всѣ эти сообщества афиліированы главному клубу въ Парижѣ, клубу якобинцевъ. Это центръ, къ которому стекаются всѣ эти незаконнорожденныя братства; подобно чувствительной и благодѣтельной матери, онъ милостиво принимаетъ ихъ въ свою среду, согрѣваетъ ихъ на своей груди, питаетъ ихъ любовью къ родинѣ, усиливаетъ и возбуждаетъ ихъ энергію къ кооперація великому дѣлу возрожденія. Отсюда направляются всѣ тѣ посланія, которыя эти мелкія общества принимаютъ съ знаками невыразимой радости [2]). Этотъ клубъ якобинцевъ сильнѣе собранія. Если бы депутаты отличались еще тою искренностью, которая нѣкогда характеризовала французовъ, они бы сознались, что въ клубѣ якобинцевъ предписывается, какіе предметы должны занять ихъ вниманіе, что въ этомъ вертепѣ приготовляются тѣ бѣдствія, которыя обрушиваются затѣмъ на французскій народъ, что часто, чтобы не сказать всегда, убійственные декреты не прошли

[1]) Orateur de Peuple, т. V, № 64.
[2]) Aulard. La société des Jacobins, томъ II, стр. 247.

бы через собраніе, если бы клубъ отвергъ ихъ предварительно. Такимъ образомъ клубъ этотъ нѣчто въ родѣ второго собранія, только болѣе численнаго и потому тысячу разъ болѣе опаснаго [1]). Авторъ памфлета обвиняетъ якобинцевъ въ томъ, что они всячески препятствуютъ основанію новыхъ клубовъ, несогласныхъ съ ихъ взглядами и, сообщая небезъинтересныя данныя объ этихъ клубахъ, тѣмъ самымъ косвенно подтверждаетъ свидѣтельство Лантенаса о попыткахъ, сдѣланныхъ монархистами къ пропагандѣ своихъ идей чрезъ посредство подобныхъ сообществъ. „Задачей всѣхъ такихъ клубовъ, пишетъ онъ, было установить противовѣсъ тому вліянію, какое присвоили себѣ друзья конституціи". Члены ихъ хотѣли пропагандировать тѣ истины, которыя нѣкогда создали наше счастье. Подъ названіемъ „друзей короля, монархіи, мира", клубы открываемы были въ Парижѣ и другихъ городахъ Франціи, но якобинцы поспѣшили задушить ихъ. Тщетно друзья монархіи искали заступничества Національнаго собранія. Силою положенъ былъ конецъ засѣданіямъ клуба, собиравшагося въ монастырѣ капуциновъ на улицѣ Сентъ-Онорэ. Въ Эксѣ якобинцы пошли еще далѣе; они стали открыто жаловаться на оскорбленія, наносимыя имъ монархическимъ клубомъ, и народъ счелъ нужнымъ отмстить ихъ мнимыя обиды, умерщвляя тѣ жертвы, на какія было указано ему напередъ „друзьями конституціи". (Рѣчь идетъ объ убійствѣ юриста Паскалиса въ декабрѣ 90 года). Клубъ въ Авиньонѣ, который, – жалуется авторъ,—считаетъ своей обязанностью слѣдовать всѣмъ принципамъ якобинскихъ клубовъ во Франціи, обезсмертилъ себя доносами на монархическій клубъ въ Карпантрасѣ. Едва основался подобный же клубъ въ Камбрэ, и „друзья конституціи" въ этомъ городѣ отнеслись къ нему съ недовѣріемъ и ненавистью и написали на него доносы, всѣмъ якобинцамъ Франціи. Теперь очередь за монархическимъ клубомъ въ Парижѣ. „Друзья конституціи" умножаютъ свои засѣданія и напрягаютъ свои силы къ тому, чтобы повесть къ его закрытію. Предсказанія памфлетиста не замедлили оправдаться. Открытый въ августѣ 1790 года, монархическій клубъ вскорѣ установилъ отдѣленія во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ королевства. Онъ ставилъ себѣ цѣлью—противодѣйствіе успѣхамъ демократіи легальнымъ путемъ, т.-е., пользуясь всѣми правами, какими надѣлила французовъ конституція и въ частности декларація правъ. Уже 25 января'91 года Барнавъ сдѣлалъ въ стѣнахъ Національнаго собранія открытое нападеніе на членовъ этого клуба, называя ихъ сообщество „предательской и мятежной ассоціаціей" (insidieuse, perfide et factieuse association). Онъ высказывалъ надежду, что

---

[1]) Ibid. стр. 250.

„комитетъ разслѣдованій“ не замедлитъ увѣдомить собраніе о тайныхъ проискахъ, къ какимъ прибѣгаетъ это общество для внесенія смуты въ народъ и въ частности о тѣхъ раздачахъ хлѣба по половинной цѣнѣ, какими оно надѣется привлечь его на свою сторону [1]).

Два дня спустя, 27 января домъ графа Клермонъ Тоннера, главнаго основателя клуба монархистовъ, былъ окруженъ вооруженной толпой, и національной гвардіи пришлось предотвратить своимъ вмѣшательствомъ взятіе его штурмомъ. Обвиненія, взводимыя на членовъ монархическаго клуба—въ желаніи „развратить народъ“ своими милостями, вскорѣ нашли нѣкоторое подтвержденіе въ отказѣ, сдѣланномъ секціей французскаго театра въ Парижѣ принять даръ въ 208 ливровъ 3 су въ пользу наиболѣе бѣдныхъ патріотовъ. Этотъ отказъ сопровождался изданіемъ противъ клуба весьма энергичнаго протеста, текстъ котораго составленъ былъ въ клубѣ Кордельеровъ и отпечатанъ въ Парижской хроникѣ [2]). Примѣру секціи французскаго театра послѣдовала вскорѣ секція Люксембурга; и она послала отказъ, „принимая, какъ значится въ Мониterѣ, въ разсчетъ причины, вызвавшія пожертвованія и тѣ послѣдствія, какія оно можетъ имѣть [3]).

28 марта сдѣлана была новая попытка вооружить толпу противъ монархическаго клуба. Снова предпринята была его осада, и муниципальныя власти воспользовались этимъ предлогомъ, чтобы закрыть его совсѣмъ [4]). Не однимъ только клубомъ, преслѣдовавшимъ враждебныя имъ цѣли, оказывали якобинцы открытое противодѣйствіе. То же надо сказать и по отношенію къ мѣстнымъ властямъ. Якобинскій клубъ въ Юзесѣ въ печатномъ адресѣ обвинялъ передъ собраніемъ муниципалитетъ города въ противодѣйствіи истиннымъ друзьямъ свободы и въ тайномъ подготовленіи возстанія [5]). И что же дѣлаетъ собраніе? Оно, жалуется авторъ памфлета, уполномочиваетъ одинъ изъ своихъ комитетовъ, комитетъ рапортовъ, произвести слѣдствіе противъ муниципалитета и предать его верховному національному суду въ Орлеанѣ. А друзья конституціи въ Волони — не

---

[1]) См. Moniteur. 27 января 91 года, № 27, а также l'Histoire de la révolution par deux amis de la liberté (томъ V, стр. 380).

[2]) Les Cordeliers. Documents pour servir a l'Histoire de la révolution française par Alfred Bougeard стр. 304.

[3]) См. Moniteur, 7 февр. 91 г. № 38.

[4]) См. примѣчанія къ мемуарамъ Малуэ, сдѣланныя его внукомъ барономъ Малуэ въ 1874 году, томъ II, стр. 59.

[5]) См. L'adresse de la société des amis de la constitution d' Uzès, exposant les dangers qu'ils ont courus et qu'ils courent encore, lue dans la séance de l'Assemblée nationale du 12 mars 1791. (Archives parlementaires t. XXIV, p. 51).

сочли ли они возможнымъ сдѣлать одновременно доносъ и якобинскимъ клубамъ во всей Франціи и Національному собранію на депутатовъ бальяжа Кутанси, рѣшившихъ опротестовать постановленіе недавняго декрета о завѣщательныхъ распоряженіяхъ, постановленіе, отмѣнявшее дѣйствіе нормандскаго кутюма? Не старались ли они вызвать противъ одного изъ этихъ депутатовъ открытый мятежъ въ средѣ крестьянъ? (Рѣчь идетъ о депутатѣ отъ дворянства, де-Сотевилль). И національное собраніе не только не возстало противъ такого образа дѣйствій, но наоборотъ высказалось въ его пользу [1]).

Не всегда впрочемъ клубы принимали въ провинціяхъ сторону народнаго мятежа, не всегда высказывались они враждебно къ существующимъ муниципальнымъ властямъ. Якобинскій клубъ въ Монтаржисѣ подъ руководствомъ будущаго республиканца Манюэля давалъ примѣръ уваженія къ порядку, призывая въ своихъ адресахъ къ платежу налоговъ и высказывая открыто сочувствіе мэру и начальнику мѣстной гвардіи, воспротивившимся задержанію силой хлѣбныхъ транспортовъ, предназначенныхъ къ вывозу изъ Шатильона [2]). Центральный клубъ даетъ въ этомъ отношеніи примѣръ всѣмъ мѣстнымъ клубамъ. Адресъ направленный имъ 15 марта 91 года къ аффиліированнымъ ему сообществамъ, адресъ, редакція котораго принадлежала Барнаву, взывая къ солидарности, въ то же время предлагаетъ принять въ руководство законъ, сдѣлавшійся нынѣ „выраженіемъ общей воли и торжествомъ всѣхъ интересовъ“. „Когда, значится въ адресѣ, народъ положилъ основы своему устройству, уваженіе къ законамъ становится его первой обязанностью; когда, завоевавъ свободу, онъ приступаетъ къ упроченію ея съ помощью конституціонныхъ законовъ, религіозное благоговѣніе передъ этими законами служитъ лучшимъ залогомъ счастливаго окончанія революціи. „Друзья конституціи! скажите народу, что всякое проявленіе съ его стороны мятежной ревности вредитъ тому довѣрію, какое должна вызвать конституція; что его нетерпѣніе удаляетъ отъ него многихъ мирныхъ гражданъ, заставляетъ его друзей терять смѣлость и налагать на себя нѣкоторую удержь въ защитѣ его интересовъ; скажите ему также, что представители націи непрерывно преслѣдуютъ свои широкія цѣли и что ихъ усилія поддерживаются

---

[1]) Avis aux Français sur les Clubs стр. 272 и 273. (Aulard. томъ II).

[2]) Adresse de la Société des Amis de la constitntion de Montargis, aux Maires et Officiers Municipaux du District (3 ноября 90 года). Arrété de la société des amis de la constitution de Montargis. См. les lettres de P. Manuel Paris An. III de la Libérté стр. 158 и 275.

королемъ, добродѣтели котораго содѣйствуютъ упроченію за монархіей того характера конституціонности, при которомъ она является благомъ для народа и залогомъ прочности правительства" 1). Очевидно, что написанный въ такомъ духѣ адресъ не могъ встрѣтить поддержки въ томъ республиканскомъ меньшинствѣ, какое, какъ мы сказали выше, группировалось около Бриссо и издаваемаго имъ „Французскаго Патріота". Неудивительно поэтому, если въ этой газетѣ появился энергическій протестъ противъ той монархической програмы, какую центральный клубъ якобинцевъ старался навязать своимъ провинціальнымъ корреспондентамъ. Этотъ протестъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, какъ первое коллективное выраженіе чисто республиканскихъ взглядовъ.

Въ адресѣ клуба, составленномъ Барнавомъ, встрѣчалось между прочимъ упоминаніе о близкомъ окончаніи Національнымъ собраніемъ той части его работъ, которая должна была повесть къ изданію „неизмѣнной хартіи конституціонныхъ законовъ. „Въ этой фразѣ, пишетъ Бриссо, заключается великая ересь, ересь, которой легко было бы повести къ упраздненію нашей свободы и суверенитета націи, если бы всѣ согласились принять ее. Національное собраніе не имѣетъ права установить и притомъ незыблемо конституціонные законы. Когда господинъ Барнавъ успѣетъ ознакомиться съ элементарными требованіями всякой соціальной и политической организаціи, онъ несомнѣнно убѣдится, что неизмѣнными можно считать только естественныя права, какія выражены въ текстѣ деклараціи; а это такія права, которыя могутъ обойтись безъ установленія ихъ собраніемъ. Онъ убѣдится также, что конституціонные законы, другими словами, тѣ, которые касаются организаціи властей, по самой природѣ своей подвержены измѣненіямъ, что народу можетъ представиться болѣе удобнымъ имѣть одно время наслѣдственную исполнительную власть, а другое—выборную, сегодня—единство избирательнаго корпуса, завтра—дробленіе его на двѣ секціи, что онъ можетъ пожелать, чтобы распоряженіе финансами то сосредоточивалось въ рукахъ исполнительной власти, то въ рукахъ законодательнаго корпуса и т. п. Народъ можетъ мѣнять эти различные виды конституціоннаго устройства, когда онъ признаетъ это нужнымъ; но онъ ни въ какое время не можетъ отказаться отъ этого права дѣлать измѣненія: оно неразлучно съ нимъ, въ немъ лежитъ его суверенитетъ... Мы беремся доказать господину Барнаву, когда представится къ тому удобный случай, что народъ одинъ вправѣ установлять конституціонные законы, и

1) Adresse de la société des amis de la constitution de Paris aux sociétés qui lui sont affiliées. (Aulard. томъ II, стр. 185).

что эти законы могутъ подлежать измѣненіямъ въ опредѣленныя эпохи, только право дѣлать эти измѣненія принадлежитъ не членамъ Законодательнаго собранія, а народнымъ делегатамъ, непосредственно избраннымъ для этой цѣли... Не трудно также убѣдиться, что порядки благопріятные свободѣ могутъ быть установлены прочно и помимо наслѣдственной монархіи... При господствѣ равенства наслѣдственность королевской власти, нѣкогда необходимая, какъ препятствіе кровопролитіямъ, вызываемымъ желаніемъ отдѣльныхъ аристократическихъ партій, въ родѣ Арманьяковъ и Бургиньоновъ, овладѣть престоломъ, въ настоящее время совершенно лишняя: это плотина противъ несуществующаго моря, это предотвратительное средство противъ уже исчезнувшей проказы" [1]).

При вдумчивомъ отношеніи къ только что прочитаннымъ строкамъ не трудно открыть въ нихъ зародышъ тѣхъ основныхъ положеній, изъ которыхъ составлена будетъ ближайшимъ образомъ политическая программа республиканцевъ. Бриссо, строго говоря, отправляется въ своей критикѣ отъ ученія, провозглашеннаго еще Руссо и своеобразно развитого Мабли, ученія, которое гораздо раньше было уже высказано радикальной партіей въ эпоху англійской республики и протектората Кромвеля и вмѣстѣ съ нею перешло въ Новый Свѣтъ. Сущность его составляетъ признаніе, что суверенитетъ народа предполагаетъ въ немъ право постояннаго измѣненія самихъ основъ своего политическаго устройства, что это право не можетъ быть делегировано постоянному органу законодательной власти, какимъ является палата представителей; что никому, какъ народу предстоитъ высказаться насчетъ желательныхъ въ его глазахъ измѣненій въ конституціи; что неизмѣнными остаются только установленные природой законы, какими философія XVIII вѣка считала неприкосновенность личности и собственности во всѣхъ ея своеобразныхъ проявленіяхъ и подъ общимъ терминомъ „естественныхъ правъ". Все отличіе программы Бриссо отъ той, какая будетъ положена въ основу конституціи 93 года, сводится къ предоставленію учредительной власти народа въ руки спеціальныхъ его делегатовъ. Конституція же 93 года выскажется за прямое голосованіе избирателями „основныхъ законовъ". Въ этомъ отношеніи демагоги, собиравшіеся въ клубѣ Кордельеровъ и не ставившіе еще вопроса о республикѣ шли, какъ мы видѣли, уже въ это время значительно дальше Бриссо. Имъ, а не жирондистамъ должна быть приписана мысль о возможности, вопреки мнѣнію Руссо, достигнуть непосредственнаго участія народа въ дѣлахъ государства

---

[1]) Patriote français. 17 марта 91 года. Сборникъ Aulard, т. II. (La société des Jacobins) стр. 190 и слѣд.

не смотря на обширность территоріи и отсутствіе федеративнаго устройства. Для этого, полагають они, слѣдуетъ только признать за народомъ прямой починъ въ учредительной дѣятельности, починъ однохарактерный въ принципѣ съ тѣмъ, какой признанъ за нимъ новѣйшимъ законодательствомъ Швейцаріи [1]).

Мы указали пока лишь на сходство главныхъ основъ республиканскаго устройства 93 года съ программой французскихъ радикаловъ 91 г., радикаловъ, ратовавшихъ въ пользу удержанія за народомъ полноты учредительной власти. Намъ необходимо еще отмѣтить тотъ фактъ, что и въ частностяхъ сдѣланная Бриссо критика адреса якобинцевъ намѣчаетъ весьма полно тѣ вопросы, по которымъ его партія разойдется съ дѣятелями 89 года и положитъ начало новому политическому устройству Франціи. Это, во-первыхъ, вопросъ о томъ, въ чьихъ рукахъ должно быть сосредоточено распоряженіе народными финансами, въ рукахъ ли назначаемаго однимъ королемъ министра, или вышедшаго изъ среды палаты комитета. Съ этимъ вопросомъ связанъ будетъ другой однохарактерный, возможно ли оставить за исполнительной властью то средство воздѣйствія на рѣшенія народнаго представительства, какое дастъ ему существованіе цивиль-листа, значительнаго по своимъ размѣрамъ и неизмѣннаго денежнаго дохода, часть котораго, какъ доказывалъ Мирабо, съ пользою можетъ быть затрачена на подкупъ депутатовъ [2]) На ряду съ этими двумя вопросами, которые въ сущности сводятся къ одному, къ отнятію у исполнительной власти и сосредоточенію въ рукахъ народнаго представительства всей внутренней администраціи, очевидно немыслимой безъ денежныхъ затратъ, Бриссо ставитъ еще вопросъ о раздѣлѣ народнаго представительства на двѣ секціи. Вопросъ этотъ возбужденъ былъ Сіейсомъ еще въ 89 году и оживленіе его въ настоящее время, когда на очередь снова выступалъ проэктъ устройства, если не наслѣдственной періи,то пожизненнаго сената, доказываетъ, что предводимая Бриссо партія желала быть готовой на всѣ случайности и собиралась отразить доводы сторонниковъ двухъ палатъ включеніемъ въ свою программу такихъ мѣръ, которыя, не колебля начала единства народнаго

[1]) Федеральный законъ, дающій опредѣленному числу избирателей право требовать обсужденіе извѣстныхъ реформъ представительными палатами, проведенъ въ Швейцаріи лѣтомъ 1891 г.

[2]) Корреспондентъ польскаго двора пишетъ: 14 мая 91 года король истратилъ свой „цивиль-листъ“; онъ много роздалъ денегъ шпіонамъ, которымъ поручено выслѣживать Якобинцевъ и въ особенности Орлеанистовъ. (Томъ II стр. 527. Correspondance secrète изд. De. Lescure). 15 мая 1791 года Моррисъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что въ разговорѣ съ Монмореномъ онъ не могъ скрыть свое неодобреніе системѣ подкупа депутатовъ. (Томъ I, стр. 420).

представительства, въ то же время соединяли бы въ себѣ несомнѣнное удобство двоекратнаго обсужденія законопроектовъ. Возставая противъ всякой сословности и объявляя по этому, напримѣръ, англійскую палату лордовъ „готическимъ предрасудкомъ", Сіейсъ въ тоже время не отрицалъ той пользы, какую представляетъ двухкамерная система, считая возможнымъ достигнуть представляемыхъ ею удобствъ раздѣломъ палаты на секціи [1]). Эту то мысль и присваивалъ себѣ въ настоящее время Бриссо и члены его партіи, видя въ ней съ полнымъ основаніемъ возможность отклонить ту опасность, какой въ ихъ глазахъ грозило народному самодержавію и интересамъ демократіи созданіе пожизненнаго сената. Въ концѣ мая будущій жирондистъ Бюзо уже внесъ предложеніе раздѣла національнаго собранія на двѣ камеры, изъ которыхъ каждая должна была поочередно обсуждать внесенные въ собраніе законопроекты. Жребію предоставлялось опредѣлить личный составъ этихъ камеръ. Предложеніе не было принято, но конституціонный комитетъ, наравнѣ съ комитетомъ для ревизіи изданныхъ собраніемъ декретовъ и редакціи окончательнаго текста учредительныхъ законовъ высказались въ пользу принятія мѣръ, препятствующихъ излишней быстротѣ рѣшеній и обезпечивающихъ болѣе толковое обсужденіе. Говоря объ этомъ, англійскій посолъ, графъ Гауеръ, высказываетъ надежду, что въ этомъ смыслѣ сдѣланы будутъ ближайшимъ образомъ измѣненія въ тексѣ конституціи [2]). Такимъ образомъ еще въ эпоху учредительнаго собранія люди, стоявшіе во главѣ того республиканскаго движенія, высказываясь въ пользу единства народнаго представительства, въ тоже время стояли за раздѣлъ его на двѣ камеры и двоекратное обсужденіе законовъ. Но дѣленіе національнаго собранія на секціи при сохраненіи единства представительства составляетъ, какъ извѣстно, завѣтную мысль жирондистовъ. Мы вправѣ сказать слѣдовательно, что и въ этомъ отношеніи Бриссо является провозвѣстникомъ тѣхъ взглядовъ, защиту которыхъ возьметъ на себя эта партія. Наконецъ послѣдній вопросъ, подымаемый имъ въ критикѣ адреса якобинцевъ, тотъ самый, какой рѣшенъ будетъ жирондистами въ его же смыслѣ 10 августа 92 года. Это вопросъ объ отвѣтственности не однихъ министровъ, но и перваго чиновника государства—короля.

И такъ программа республиканской партіи является вполнѣ установленной еще раньше бѣгства Людовика XVI-го въ Вареннъ.

---

[1]) Qu'est-ce que le tiers état.

[2]) Депеша отъ 27-го мая 1791 г.

Русская Исторія на Московской Географической Выставкѣ 1892 года.

Е. Ф. Шмурло.

Въ августѣ 1892 года въ Москвѣ ученый міръ Европы собрался на два международныхъ конгресса, одинъ по доисторической археологіи и антропологіи, другой—по зоологіи. Готовясь къ встрѣчѣ заграничныхъ гостей, мѣстные представители науки напали на счастливую мысль устроить одновременно и Географическую выставку. Главнымъ организаторомъ задуманнаго дѣла былъ профессоръ Московскаго университета Д. Н. Анучинъ. Результатомъ стараній особо выбранной подъ его предсѣдательствомъ коммиссіи явилась громадная масса матеріала, размѣщеннаго въ девяти залахъ Историческаго Музея. Здѣсь нашли себѣ мѣсто самые разнообразные предметы, имѣющіе связь съ географіей: карты, планы и атласы, изданія по гидрографіи, геологіи, метеорологіи, статистикѣ, коллекціи этнографическія, матеріалы по общей географіи, по метеорологіи, по исторіи землевѣдѣнія, по географіи учебной и промышленной, фотографическіе снимки мѣстностей, типовъ и т. д. и т. д. Правительственныя и общественныя учрежденія, частныя лица, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, прислали свои изданія или ввѣренныя имъ коллекціи. Можетъ быть, Географическая выставка оказалась и не въ полнѣ удовлетворяющей требованіямъ полноты, можетъ быть, необходимость размѣщать вещи не по однородности содержанія, а по принадлежности тому или иному владѣльцу, дѣлала ее не во всѣхъ ея отдѣлахъ систематичною, но будемъ помнить, что это еще первый опытъ; онъ укажетъ пробѣлы, въ однихъ возбудитъ интересъ къ дѣлу, въ другихъ усилитъ энергію и, будучи повторенъ, конечно, дастъ намъ болѣе удовлетворительные результаты, представивъ географическое

знакомство съ Русскимъ Государствомъ и сопредѣльными ему странами въ гораздо болѣе законченномъ видѣ.

Географическая выставка, по самому свойству, должна была дать матеріалъ и для историка; таковой, дѣйствительно, оказывается на лицо, хотя разбросанный по всѣмъ заламъ и разбитый частями по тѣмъ отдѣленіямъ, на какіе въ свою очередь раздѣлена сама выставка. Матеріалъ этотъ касается преимущественно исторіи русской, въ виду того, что выставка, хотя и возникла по поводу *международнаго* съѣзда, но въ значительной степени посвящена территоріи Россіи. Сверхъ того участіе иностранныхъ фирмъ и лицъ проявилось собственно въ области *современной* картографіи и географической литературы, тогда какъ „старину" выставили русскія силы. Думаю, что это къ выгодѣ самаго дѣла: если уже нельзя было устроить международную географическую выставку на самыхъ широкихъ началахъ полноты, то всякое раздвоеніе силъ лишь ослабило бы обѣ половины, лишивъ и ту, и другую необходимой яркости и законченности. Вотъ почему въ своей замѣткѣ я намѣренъ остановиться только на томъ, что касается прошлаго одной нашей родины [1]).

I.

Начало географическихъ представленій о Русской землѣ, какъ извѣстно, можно относить къ очень отдаленнымъ эпохамъ, когда еще и названіе нашей родины не существовало, когда восточная европейская равнина населена была племенами, можетъ быть, совсѣмъ не славянскими. Восемь рукописныхъ раскрашенныхъ картъ [2]), выставленныхъ Географическимъ кабинетомъ Московскаго университета, знакомятъ насъ съ этими отдаленными представленіями. Передъ нами возстаетъ Гомеръ (XII в. до Р. Х.) съ его Океаномъ, омывающимъ весь земной кругъ, еще безъ малѣйшаго намека на сѣверные берега Чернаго моря [3]); Гекатей (V в.), начертившій, правда, Меотиду

---

[1]) Недавно вышелъ каталогъ Выставки. Онъ содержитъ перечень, а часто краткое описаніе 743 предметовъ или коллекцій. Въ своемъ обзорѣ, упоминая тотъ или иной предметъ, я дѣлаю въ скобкахъ указаніе на № его по каталогу и на его собственника. №№ картъ и плановъ, выставленныхъ городомъ Петербургомъ, обозначены по особому каталогу, изданія Петербургской городской думы, такъ какъ въ общемъ каталогѣ Выставки отдѣлъ этотъ не перенумерованъ.

[2]) Увеличенныя копіи съ картъ въ сочиненіи Bunbury, History of ancient Geography.

[3]) Хотя Беръ и утверждаетъ, въ противность установившемуся мнѣнію,

(Азовское море), но за то до нельзя сплющившій равнину Восточной Европы; Геродотъ (V в.), уже отказавшійся отъ окружнаго морскаго рукава, признавшій цѣлый рядъ рѣкъ Черноморскаго бассейна и внутреннее Каспійское море; Эратосѳенъ (III в.), открывшій Волгу и повернувшій на должное мѣсто Каспійское море сравнительно съ Геродотомъ, у котораго оно тянется съ Запада на Востокъ; Страбонъ (I в. по Р. Х.), проливомъ соединившій Каспій съ азіятскою частью Ледовитаго океана на основаніи ошибочныхъ представленій, введенныхъ въ обращеніе еще со времени Александра Македонскаго [1]), Помпоній Мела (I в по Р. Х.), хотя держащійся того же взгляда, но уже замѣнившій проливъ узкимъ и длиннымъ рукавомъ, „на подобіе рѣки"—longo freto, quasi fluvius [2])—и, наконецъ, Птолемей (II в.), съ именемъ котораго связаны дальнѣйшіе успѣхи географіи: онъ перестаетъ сближать Каспійскія воды съ Ледовитымъ океаномъ, признаетъ широкую равнину и въ нынѣшней Европейской Россіи, и въ среднеазіятскихъ степяхъ, и въ тундрахъ холодной Сибири, хотя подобно Геродоту, снова поворачиваетъ бокомъ ложе Каспійскаго моря.

Для полноты развитія географическихъ представленій древности, эту коллекцію лицъ можно было бы пополнить Дикеархомъ (III в. до Р. Х.), Гиппархомъ (II в. до Р. Х.), Поливіемъ (II в. до Р. Х.), Мариномъ Тирскимъ, которому много обязанъ Птолемей. Подходящій для этого матеріалъ даетъ частью атласъ Вивьенъ-де-Сен-Мартена, частью хотя бы такія старыя изданія какъ Gosselin [3]) или Брутъ [4]). Отсутствіе послѣдняго на Выставкѣ было тѣмъ замѣтнѣе, что до извѣстной степени, онъ служитъ показаніемъ развитія и отечественной картографіи.

Послѣднее слово въ области картографической Древній міръ сказалъ такъ-называемою Пеутингеровою картою. Длинная лента ея была выставлена въ экземплярѣ, принадлежащемъ Д. Н. Анучину (№ 413). Хотя въ такомъ видѣ и облегчалось знакомство съ ней, но было бы, можетъ быть, еще пріятнѣе имѣть на выставкѣ подъ рукою прекрас-

---

что Черное море Гомеръ не только зналъ, но зналъ даже лучше Средиземнаго моря. Смотри его Historische Fragen mit Hülfe der Naturwissenchaften beantwortet Stpg. 1872.,—именно статью: „Wo ist der Schauplatz der Fahrten des Odysseus zu finden". Срав. Запис. Одесск. Общ. Истор. Древн., X, 512.

[1]) Vivien de Saint Martin, Histoire de la géographie (P. 1873.), стр. 174.

[2]) Ibidem.

[3]) Recherches sur la géographie systematique et positive des anciens. A Paris, an VI (de la république).

[4]) Атласъ древняго свѣта, состоящій изъ 23 картъ съ объяснительными таблицами. Спб. 1831.

ное изданіе Конрада Маннерта [1]). Пеутингерова карта, какъ и всѣ ей предшествовавшія, разумѣется, ничего еще не знаетъ о Россіи; узкой дорожкой тянется на ней Понтъ Эвксинскій; въ прилегающихъ къ нему Roxolani Sarmate, Taurica, Nervani, Caucasi она предоставляетъ читателю лишь угадывать мѣстность будущей Россіи.

Съ VI в. стала распространяться система Козьмы Индикоплова, изображавшая землю четыреугольною плоскостью, ограниченною кристальными стѣнами, вверху сходящимися въ небесный сводъ. Хотя міровѣдѣніе Козьмы сложилось и не на русской почвѣ, о Россіи ничего не говоритъ, но оно нашло широкое примѣненіе въ древней Руси и пользовалось большимъ авторитетомъ. На Выставкѣ было дано изображеніе земли по представленію Индикоплова (№ 412, g. Геогр. Каб.) и его „Христіанская Топографія" въ изданіи Общества Любителей Древней Письменности (№ 425 а. Ануч.). Долгое господство воззрѣній Индикоплова показываетъ, какъ медленно распространялись географическія знанія въ народной массѣ. Проходили вѣка, а движенія впередъ почти не замѣтно. Возьмемъ для примѣра хоть бы эту безобразную лубочную картину земнаго круга, какъ онъ представлялся еще до послѣдняго времени темной толпѣ: „Книга глаголемая козмографія переведена бысть сримскаго языка внеи описаны государства и земли и знатные острова и вкоторои части живутъ какія люди и веры ихъ и нравы и что вкоторои земле родится и о томъ значетъ въ сочиненномъ округе семъ:" [2]) царитъ еще система Гомера въ формѣ „море окіяна", опоясывающаго сушу; внутри его тянутся рукообразныя полосы, кой гдѣ переходящія въ болѣ широкія и еще болѣе безформенныя,—онѣ должны изображать различныя моря. На „берегахъ" и внутри полосъ помѣщены изображенія зданій, все остальное пространство сплошь усѣяно печатнымъ текстомъ,—названіями территорій съ ихъ характеристикой. Центръ карты занимаютъ моря Азовское, Черное и Константинополь. Изображеніе Москвы отняло всего больше мѣста; далѣе тянется Новгородъ, а еще далѣе—показанъ Петербургъ. Этотъ послѣдній, конечно, отнюдь не противорѣчитъ тому, что настоящая карта, хотя и получила свою окончательную форму въ позднѣйшую пору, но сама по себѣ сложилась на почвѣ представленій еще до-Петровскаго времени. Нечего и говорить,

[1]) Tubula itineraria Peutingeriana, primum aeri incisa et edita a Franc-Christoph. dé Scheyb MDCCLHI Denuo cum codice Vindoboni collata, emendata ct nova Conradi Mannerti introductione instructa studio et opera Academiae literarum regiae Monacensis Lipsiae. MDCCCXXIV.

[2]) № 416 И. Е. Забѣлина. Другой экземпляръ выставленъ Рязанской Архивною Коммисіею, изд. 1831 г.—отличается лишь меньшимъ количествомъ красокъ да ничтожными варіантами текста.

что съ распространеніемъ за послѣднія 30 лѣтъ народныхъ школъ, подобнымъ произведеніямъ скоро будетъ окончательно подписанъ смертельный приговоръ.

Средніе вѣка вообще мало подвинули картографію, и нынѣшняя выставка знакомила насъ съ этимъ временемъ по изданіямъ путешественника Даніила Паломника, Марко Поло, Плано Карпини, Асцелина, Аѳанасія Никитина, по картамъ Эдризи XII в. (№ 412, 12. Г. К.), Эбсторфовой XIII в. (№ 435. Г. К.), такъ называемой Каталанской 1375 г. (№ 414), Фра Мауро 1459 г. (№ 415, чертк. б—ка Ист. Муз.) и океанической стороной глобуса Мартина Бехайма 1492 г. (№ 417. Г. К.). Эдризи черпалъ свой матеріалъ въ сферѣ торговыхъ сношеній образованнаго Востока съ далекими полуварварскими странами Сѣвера. Не только онъ, но даже Аль-Истахри и Ибн-Хаукаль отмѣчаютъ на своихъ картахъ „Рус", „Русія", „Булгаръ" и, разумѣется, Волгу. Они цѣлой головой выше какой-нибудь Англосаксонской карты X в., на которой кабалистическія имена Гога и Магога находятъ себѣ мѣсто одновременно у Каспійскаго моря и у Сѣвернаго океана.

Для насъ Каталанская карта любопытна обозначеніемъ торговаго караваннаго пути изъ Таны, на устьяхъ Дона, черезъ южную Россію и Среднюю Азію въ Китай, виньетками съ объяснительными надписями и вмѣстѣ съ тѣмъ очень смутнымъ представленіемъ о самой странѣ. Фра Мауро, оригиналъ котораго украшаетъ одну изъ залъ венеціанскаго дворца дожей, оріентированъ гораздо полнѣе. Это едва ли не первая карта, гдѣ, хотя и безъ малѣйшаго соблюденія масштаба, намѣчено взаимное расположеніе главнѣйшихъ областей: Rossia kossa, R. Nigra, R. Biancha, Lituania, Permia, Sibir. Еще С. А. Соболевскій, замѣтившій, что португальскіе короли имѣли современный дубликатъ этой карты и помогали работамъ Фра-Мауро, обратилъ вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе на отсутствіе у него усвоеннаго тогда въ з. Европѣ для Россіи названія *Moscovia*. „Но откуда, спрашиваетъ онъ, португальцамъ второй половины XV вѣка. знать такъ подробно, такъ вѣрно и такъ много о Россіи и нигдѣ не называть ее тогдашнимъ европейскимъ именемъ Moscovia" [1])! Мартынъ Бегаймъ стоитъ непосредственно передъ открытіемъ Колумба, и его глобусъ интересенъ не столько съ точки зрѣнія развитія географіи русской, сколько всеобщей.

Говоря о предметахъ, представленныхъ на выставкѣ, быть можетъ, умѣстно будетъ вспомнить о каталогѣ разныхъ актовъ, выве-

[1]) Древнѣйшая карта Россіи. Лѣтопись занятій Археографич. Коммисіи IV, протоколы, 59—60.

зенныхъ въ сороковыхъ годахъ покойнымъ архимандритомъ Порфиріемъ Успенскимъ съ Аѳонской горы. Каталогъ этотъ былъ имъ напечатанъ въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія съ приложеніемъ двухъ литографированныхъ картъ Россіи, снятыхъ имъ съ картъ одной рукописи Ватопедскаго монастыря [1]). По почерку начертаній архимандритъ Порфирій относилъ ихъ къ XIII вѣку. Одна изъ картъ изображаетъ западную Россію до Дона, другая—ея восточные предѣлы до устьевъ Волги и истоковъ Камы. Оріентированныя на манеръ современныхъ, эти греческія карты, хотя и измѣряютъ разстоянія градусами, но чрезвычайно сбивчиво. Пространство между Чернымъ и Балтійскимъ морями—сплющено; истинное направленіе Волги надо угадывать; всѣ рѣки обязательно вытекаютъ изъ горъ. Въ именахъ и названіяхъ племенъ, ясны еще классическіе отзвуки: будины, аводоки, роксоланы, танаиты, гипербореи, сарматы, Борисѳенъ и т. п. Составитель лучше всего знаетъ побережье Чернаго моря, куда онъ направляетъ десятка полтора рѣкъ; довольно правильно указываетъ восточный изгибъ Дона, на форму Азовскаго моря; Каму обозначаетъ однимъ названіемъ съ Волгою—*Pa*, а Кавказскія горы тянетъ на Востокъ, съ нѣкоторымъ даже заворотомъ къ Сѣверо-Востоку, и тѣмъ болѣе слабъ въ очертаніяхъ Балтійскаго побережья и впадающихъ въ него рѣкъ.

Не знаю, было ли отмѣчено въ печатной литературѣ почти полное тождество этихъ двухъ картъ съ двумя подобными же въ рѣдчайшемъ изданіи Берлингьери (около 1478—1480 гг.) [2]). Стоитъ бросить взглядъ на оба изданія, чтобъ признать ихъ сходство. Если Берлингьери нѣсколько отступаетъ въ изгибахъ Волги, давая ей болѣе правильное очертаніе, снабжая Крымскій полуостровъ, въ греческой картѣ совершенно пустой, сѣтью городовъ, за то во всемъ остальномъ онъ слѣдуетъ своему прототипу. Разумѣется, греческія имена замѣнены латинскими, но и у Берлингьери мы встрѣчаемъ тѣхъ же голиндовъ омброновъ, гиѳоновъ, языговъ и т. п.

Вполнѣ достойна вниманія карта земного круга, найденная въ Эбсторфскомъ монастырѣ (въ Ганноверѣ) и изданная facsimile въ прошломъ году Зоммербродтомъ [3]). Состоитъ она изъ тридцати пергаментныхъ

---

[1]) 1877, №№ 7 и 8.

[2]) Geografia di Francesco Berlinghieri Fiorentino, in terza rima et lingua toscana distincta con le sue tavole in varii siti et provincie, secondo la geografia et distinctione delle tavole di Ptolomeo. Cum gratia et privilegio. Impesso in Firenze per Nicolo Todescho et emendato con somma diligentia dello auctore.

[3]) Die Ebstorfer Weltkarte im Auftrage des historisch. Vereins für Niedersachsen... herausgegeben von Ernst Sommerbrodt. Hierbei ein Altas von 25 Tafeln in Lichtdruck. Hannover. Hahn'sche Buchhaudlung. 1891.

листовъ, оріентированныхъ съ Востока (т.-е. Востокъ вверху карты, Югъ справа и т. д.); въ центрѣ помѣщенъ Іерусалимъ; вся площадь испещрена рисунками людей, животныхъ, зданій и многочисленными надписями на латинскомъ языкѣ. Издатель отказывается точно опредѣлить время составленія названной карты; но, основываясь на обозначеніи города Риги, не признаетъ ее древнѣе половины XIII столѣтія. Вотъ наиболѣе интересныя части карты, касающіяся Россіи.

По прямой линіи отъ центра — Іерусалима — почти у самаго Сѣвера помѣченъ Tanais fluvius, съ обозначеніемъ, что Tanais fuit rex Scytharum a quo Tanais vocatur, qui dirimit Europam ab Asia inter duas mundi partes medius. Нѣсколько правѣе: Hic olim Avares id est Huni habitaverunt. За жертвенниками Александра Македонскаго идетъ Scytia inferior. Далѣе видимъ: Olchis fluvius qui (Волховъ?) Wolkans (Волга?), Novgard civitas, Riga Livoniae civitas hic, Duna fluvius, Kiwen civitas, Rucia regio и между ними изображеніе двухъ животныхъ: *elles* и *urus*; наконецъ, Smalentike и Plosceke civitas (Tafel 5).

Торговля итальянцевъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ оставили также свои слѣды въ исторіи землевѣдѣнія. Очень цѣнна генуэзская карта земного круга, воспроизведеніе коей можно найти у Вутке или Лелевеля (Geographie du moyen âge [1]). Уступая Фра-Моуро въ величинѣ, она сходна съ нимъ по содержанію. Предѣлы Россіи лучше всего, разумѣется, извѣстны составителю въ южной ея половинѣ. Въ Черное море вливаются двѣ рѣки: Днѣстръ и Днѣпръ, послѣдній, кромѣ того, другимъ рукавомъ въ море Азовское; туда же направляетъ свой бѣгъ и Донъ, очерченный вообще довольно правильно. Къ Дону подходитъ Волга, прежде чѣмъ окончательно разойтись съ нимъ въ разныя стороны. Интересно изображеніе хана Золотой орды, съ чистымъ монгольскимъ типомъ (его зовутъ Lordo rex) и кибитокъ, въ которыхъ живетъ самъ онъ и его подданные [2]).

---

[1]) Ее и картъ арх. Порфирія я не нашелъ на Географической выставкѣ.

[2]) Описаніе карты 1447 г. у Fischer, Sammlung Mittelalterlicher Welt- und Seekarten italienischen Ursprungs. Venedig. MDCCCLXXXVI, стр. 155, 174 слѣд. Укажемъ еще на статью Ф. Бруна: Периплъ Каспійскаго моря по картамъ XIV стол., въ Запискахъ Новор. ун-та (т. IX, 1873), гдѣ приложена „часть большой карты Франциска и Доминика Пицигани 1367 года, снятая съ ея facsimile у Jomard, „Les monuments de la Géographie № X, 3". Не мало интереснаго историко-географическаго матеріала о Россіи, правда, за время, выходящее за предѣлы среднихъ вѣковъ, въ книгѣ G. Berchet „La repubblica di Venezia e la Persia". Torino. 1865.

II.

Открытіе Америки служитъ рѣзкимъ рубежемъ въ исторіи картографіи. Выступаютъ имена Себастіана Мюнстера, Ортеліуса, Герарда Меркатора, вокругъ которыхъ группируется цѣлый рядъ другихъ, второстепенныхъ; издаются атласы подъ именемъ „Птолемеевъ", великолѣпный экземпляръ котораго, въ изданіи 1513 г., раскрашенный и прекрасно сохранившійся, выставила Императорская Публичная Библіотека (№ 408а). Въ отдѣлѣ, занятомъ Географическимъ Кабинетомъ Московскаго университета, интересующіеся могутъ перелистовать не только Космографію Себастіана Мюнстера, изд. 1598 года (№ 426 Ануч.), но и „Книгу, глаголемую Космографія, сирѣчь описаніе сего свѣта земель и государствъ великихъ", 1670, въ изданіи Общества Любителей Древней Письменности. Спб. 1878—1881 (№ 427 Ануч.), книгу, которая, по изслѣдованію г. Чарыкова, въ значительной степени заимствована изъ Меркатора [1]). Тутъ же и карта Россіи съ прилегающими странами Меркатора (№ 431 Г. К.) [2]) и другія его же (№ 436 б-ка М. Ун.). Въ томъ же отдѣлѣ посѣтителю дана возможность любоваться прекрасною геліогравюрою изъ атласа Вивьенъ де сенъ Ма́ртена,—картой земли Ортеліуса, 1587 г. (№ 421). Въ изображеніи русской территоріи Ортеліусъ опирается, главнымъ образомъ, на тѣ новыя свѣдѣнія, которыя принесли съ собой торговыя сношенія голландцевъ и англичанъ съ Московіею: его Typus orbis terrarum обозначаетъ Пинегу, Соловки, монастырь св. Николая (на устьѣ С. Двины), Устюгъ, Новгородъ, Москву, Азовъ—и только. Правда, есть еще Вышгородъ-на-Днѣпрѣ, долженствовавшій обозначать Кіевъ; но уже само это смѣшеніе на ряду сравнительно съ ничтожной Пинегою ярко указываетъ, откуда черпалъ составитель свой матеріалъ.

Но еще раньше Ортеліуса въ Западную Европу проникаютъ свѣдѣнія о Россіи черезъ Герберштейна, Павла Іовія и Вида. Общеизвѣстность Герберштейновской Moscovia позволяетъ мнѣ не останавливаться на ней; но о картѣ Іовія или, если угодно, Баттисты Аньезе, 1525 года, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. Она прежде всего интересна своимъ происхожденіемъ. Баттиста Аньезе, родомъ генуэзецъ, извѣстенъ своимъ собраніемъ географическихъ картъ [3]),

---

[1]) Сравн. также Попова, Обзоръ хронографовъ, 189—193.

[2]) Другой экземпляръ въ витринѣ Имп. Публ. Библ. (№ 408h).

[3]) Изд. 1550 г. Экземпляръ на выставкѣ за № 445 отъ Главнаго Гидрогр. Упр. Морск. Минист.

недавно переизданныхъ facsimile венеціанскимъ книгопродавцемъ Онганья [1]). Въ ихъ числѣ находится карта Россіи съ такимъ заголовкомъ: „Moscoviae tabula relatione Dimetrii legati descrypta sicut ipse a pluribus accepit, cum totam provinciam minime peragrasse fateatur anno MDXXV octobris“ [2]). Миховъ въ своемъ изслѣдованіи: Die ältesten Karten von Russland [3]) очень убѣдительно доказываетъ, что въ названномъ Димитріи надо признать Димитрія Герасимова, посла великаго князя Василія III. Онъ былъ въ Римѣ въ іюнѣ—іюлѣ 1525 г. и передалъ Павлу Іовію тѣ свѣдѣнія, что вошли въ его книгу о Россіи; нынѣ оказывается, что Герасимовъ снабдилъ Павла Іовія не только литературнымъ, но и картографическимъ матеріаломъ. Правда, никакой карты при сочиненіи Іовія не отыскано, но еще Аделунгъ высказалъ мнѣніе, что она, *безъ сомнѣнія*, находилась при первомъ изданіи Legatio Basilii Magni ad Clementem VII (Basileae 1557), ибо Іовій въ самомъ началѣ своего сочиненія говоритъ: Regionis situs pressa brevitate describetur et in tabula typis excusa figurabitur“ [4]). Миховъ замѣчаетъ по этому поводу: нѣтъ ничего удивительнаго, что карта осталась не напечатанною, ибо въ ту пору гравированіе на деревѣ было еще мало распространено, такъ что даже опытный художникъ не могъ быстро оканчивать своихъ работъ [5]). Русское происхожденіе карты, дѣйствительно, выдаетъ себя нѣкоторыми деталями, на которыя иностранецъ, можетъ быть, самъ и не обратилъ бы въ ту пору вниманія. Такъ онъ обозначаетъ рѣки Пселъ, Орелъ, Ворсклу, гор. Одоевъ; если направленіе рѣкъ и оставляетъ желать лучшаго, то общій характеръ ихъ вполнѣ вѣренъ, равно какъ обозначены и всѣ крупныя поселенія: Москва, Рязань, Клязьма, Ярославль, Угличъ, Новгородъ, Бѣлоозеро и т. д. Цѣнность карты Баттиста Аньезе увеличивается въ нашихъ глазахъ еще болѣе, когда мы вспомнимъ, это года за три до нея, возможно было появленіе въ Страсбургѣ карты, на которой Москва была показана почти подъ 80° сѣверной широты, немного восточнѣе того пункта, гдѣ Гренландія сходится съ Скандинавіей, а для избѣжанія сомнѣнія на мѣстѣ соединенія проставлено: Hic dominatur magnus princeps et imperator Russiae, Moscoviae, Podoliae ac Plescoviae rex [6]).

---

[1]) Facsimile delle carte nautiche di Battista Agnese, illustrate da Teboldi Fischer. Venezia. Ferd. Ongania. 1881.

[2]) Оригиналъ этой карты въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи.

[3]) Hamburg. 1884.

[4]) Аделунгъ, О древнихъ иностранныхъ картахъ Россіи. Жур. Мин. Нар. Пр. 1840, № 4, стр. 22.

[5]) Michow, Die ältesten Karten von Russland, 20—35.

[6]) Baer, Peter's des Grossen Verdienste, 246. Впрочемъ на той же самой картѣ Аделунгъ нашелъ эту Moscoviam пятью градусами южнѣе (О древн.

Карта Россіи Антона Вида 1555 г.—хотя о ней и упоминаютъ уже Герберштейнъ, Ортеліусъ, Витзенъ—считалась потерянною и ускользала отъ вниманія географовъ, пока Миховъ совершенно случайно не нашелъ ее въ одномъ изъ экземпляровъ Theatrum orbis terrarum, Ортеліуса. Сравненіе ея съ картою Себастьяна Мюнстера 1544 г. [1]) доказываетъ, что послѣдняя есть не болѣе, какъ уменьшенная, плохая и не полная копія Вида; а между тѣмъ она была „первая намъ извѣстная настоящая карта Россіи" [2])... Кажущееся противорѣчіе между годами ихъ появленія Миховъ устраняетъ, относя карту Вида къ 1537—1544 годамъ. Отсылаемъ интересующихся за доказательствами къ самому автору [3]). Сравнительно съ Баттиста Аньезе, Видъ ушелъ значительно впередъ; что же касается до Герберштейна, то хотя Видъ собиралъ свои свѣдѣнія и позже его, но—представляю, впрочемъ, рѣшить этотъ вопросъ спеціалистамъ —лично мнѣ кажется, что знаменитый авторъ „Записокъ о Московіи" имѣетъ полное право на преимущество: очертанія морскихъ береговъ, теченіе рѣкъ и т. п. на его картѣ соразмѣрнѣе и ближе къ дѣйствительности, чѣмъ у Вида.

Неудобство, представляемое разбросанностью всѣхъ этихъ старыхъ картъ и плановъ въ послѣднее время значительно уменьшено изданіемъ Норденшельда, которое несомнѣнно окажетъ существенную услугу наукѣ: его Facsimile-Atlas [4]) состоитъ изъ текста, обильно иллюстрированнаго (84 карточками) и 51 листомъ снимковъ съ древнихъ картъ и атласовъ. Текстъ знакомитъ съ ходомъ развитія географическихъ знаній въ XV и XVI вв., а самый атласъ воспроизводитъ отрывки изъ „Птолемеевъ" разныхъ годовъ и чуть ли не всѣхъ картографовъ указаннаго періода. Для Россіи мы находимъ карты Солина (1588), С. Мюнстера (1544), Герберштейна (1549), Гастальди (1568) и Герарда Меркатора (1595).

Но для насъ, русскихъ, быть можетъ, еще важнѣе другой трудъ знаменитаго изслѣдователя полярныхъ странъ, только что выпущенный имъ въ свѣтъ. Я говорю о его „Samling af Gamla

---

иност. картахъ Россіи· Жур. Мин. Н. Пр. 1840, № 4, стр. 19). См. названную карту у Nordenskiöld Facsimile-Aatlas to the early history of cartography.

[1]) Карты Аньезе 1525, Вида 1555 и Мюнстера 1544 изъ сочиненій Михова см. на выставкѣ за № 429 (Ануч.).

[2]) Аделунгъ, О древнихъ картахъ Россіи. Жур. Мин. Нар. Пр., 1840, № 4, стр. 19.

[3]) Michow, S. 12 слѣд.

[4]) A. F. Nordenskiöld, Facsimile-Atlas to the early history of cartography with reproductions of the most important maps printed in the XV and XVI centuries. Translated from the swedish original by I. A. Ekelöf and C. R. Markham. Stockholm. MDCCCLXXXXIX in folio.

Kartor öfver Ruska Riket. 1892.“ Это собственно одинъ атласъ безъ объяснительнаго текста (хотя и съ оглавленіемъ) изъ 126 (преимущественно) фотолитографій и цинкотипій. Нѣкоторыя изъ нихъ—снимки съ рѣдчайшихъ оригиналовъ. Все собраніе раздѣлено на шесть отдѣловъ. Въ первомъ 14 картъ съ изображеніемъ „земного шара“ до открытія Америки. Во второмъ подобныя же 32 карты—за время послѣ Колумба. Третій отдѣлъ посвященъ глобусамъ (числомъ 13). Четвертый отдѣлъ—изъ 33 картъ—міръ Скандинавскій по преимущество. Для Россіи здѣсь очень важны фотографіи Olaus Magnus'а 1539 года. По изяществу и отчетливости эта репродукція много выше соотвѣтственныхъ картъ, помѣщенныхъ въ „Facsimile-Atlas“ того же Норденшельда. Пятый отдѣлъ изъ 26 картъ—Россія до 1600 г.“ („Russland före 1600“). Собственно къ Россіи здѣсь относится нѣсколько листовъ изъ атласа „Птолемея“ римскаго изданія 1490 г., Солинусъ Мюнстеръ, Гельберштейнъ, Гастальди и Пограбій. Особенно хороши фотолитографіи Гастальди. Въ шестомъ отдѣлѣ—„Россія послѣ 1600 г. („Ryssland efter 1600“) всего 8 картъ, изъ коихъ отмѣтимъ Исаака Массу (1612), Петра Годунова (1668) и Витусъ Беринга. Послѣдняя есть результатъ его путешествія отъ Тобольска до Восточнаго берега Сибири,—фотолитографія съ оригинала королевской стокгольской библіотеки [1]) на трехъ листахъ, составляющихъ одно цѣлое. Содержаніе ихъ охватываетъ всю Сибирь отъ Тобольска до Великаго Океана; надписи на картѣ русскія. Приводимъ дословный текстъ заголовка: „Сия карта сочінїся всїбірской Экспедіції прї камандѣ от флота капітана Берінга от Табольска до Чукоцкаго угла“. Сверхъ того помѣщена жанровая картинка съ изображеніемъ быта остяковъ и нѣсколько типическихъ фигуръ.

III.

Начало самостоятельныхъ русскихъ работъ по картографіи исчезло безслѣдно; но несомнѣнно, что въ XVI вѣкѣ таковыя уже существовали. Если не карты, то путевой дорожникъ видѣлъ (или покрайней мѣрѣ пользовался имъ изъ вторыхъ рукъ) Герберштейнъ, описывая путь въ Печору, Югру и къ р. Оби. Въ царствованіе послѣдняго Рюриковича была составлена маршрутная карта, такъ называемый „Большой Чертежъ“ съ объяснительнымъ текстомъ,—„книгою“. Время отъ времени его исправляли и пополняли; въ 1626 г. за ветхостью экзем-

[1]) Vitus Bering Karta öfver hans första expedition från Tobolsk till Asiens ostspets. 1730. Orig. i K. Bibliotek i Stockholm (№ 442 T. K.)

пляра велѣно было сдѣлать новый Чертежъ „примѣряся къ тому старому". Новая копія, опять сообразно старому оригиналу, была снята въ 1671 г.; есть указанія на то, что чертежъ передѣлывали и въ 1680 г.; но куда дѣвались всѣ эти экземпляры—до сихъ поръ опредѣлить не удалось. На память о картѣ до насъ дошелъ лишь объяснительный къ ней текстъ въ нѣсколькихъ спискахъ съ помѣтами разныхъ годовъ (самая послѣдняя 1682). Приходилось такимъ образомъ довольствоваться однимъ имъ. Текстъ издавался четыре раза: въ 1872 г. Новиковымъ подъ названіемъ „Древней Россійской Идрографіи", въ 1792 г.—подъ именемъ „Книги большому чертежу", въ 1838 г. Языковымъ и въ 1846 г.—Спасскимъ подъ тѣми же наименованіями. Послѣднее изданіе считается лучшимъ [1]). Потеря нелегкой работы русскихъ географовъ XVI в. тѣмъ болѣе заставляетъ насъ цѣнить изданіе, основанное на нихъ. Такою является карта Россіи, изданная въ 1614 г. Гесселемъ Герардомъ. Она ушла на столько далеко впередъ отъ своимъ заграничныхъ собратій XVI в., сообщаетъ такъ много точныхъ и правильныхъ свѣдѣній о Россіи, что даетъ нѣкоторымъ поводъ утверждать, что она составлялась на основаніи не летучаго, случайнаго матеріала, а положила въ основу оффиціальныя данныя „Большаго Чертежа" [2]).

Военно-учебный Комитетъ Главнаго Штаба выставилъ прекрасный раскрашенный экземпляръ Герардовой карты перваго изданія. Карта охватываетъ предѣлы тогдашней Россіи отъ Карпатъ до р. Урала, отъ Балтійскаго моря до Восточной Сибири (Енисей), отъ моря Бѣлаго до Кавказа. Какъ видно изъ надписи въ нижнемъ лѣвомъ углу, Гессель руководился показаніями экземпляра царя Ѳедора Борисовича [3]). Карта снабжена планомъ Москвы, видомъ Архангельска и тремя мужскими фигурами въ костюмахъ.

Аделунгъ говоритъ, что карта Герарда была сначала отпечатана въ первой части Атласа Blaeuw'a и вскорѣ, въ нѣсколько мень-

[1]) Д. Прозоровскій. О размѣрахъ большаго Чертежа, стр. 1—2, 11. Стебницкій. Первая извѣстная оригинальная русская карта Европейской Россіи. Извѣстія русс. Геогр. Общ. т. XXV, (1889), вып. I. Ср. работы Е. К. Огородникова въ Извѣстіяхъ Геогр. Общ. X (1876) и Запискахъ того же общества по отдѣленію Этнографіи, II, VII, IX.

[2]) Стебницкій 106. К. Бэръ даже прямо говоритъ, что Гессель Герардъ имѣлъ въ рукахъ копію Большаго Чертежа. Peter's des Grossen Verdienste, 157. Сравн. 244—245.

[3]) Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Foedor filius Tzaris Boris desumta; et ad fiuvios Dwinam, Zuchonam, aliaque loca quantum èx tabulis et notitiis ad nos delatis fieri potuit amplificata: ac Magno Domino, Tzari et Magno Duci Michäeli Foedrowits, omnium Russorum Autocratori... etc. dedicata ab Hesselo Gerardo M. D.C. XIIII.

шемъ объемѣ, при сочиненіи Les Estats, Empires, Royaumes [1]). Рядомъ съ изданіемъ 1614 г. выставлена и новѣйшая ея репродукція—фотогравюра, изданная г. Стебницкимъ въ Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества [2]). Императорская Публичная Библіотека также выставила экземпляръ латинскаго изд. 1614, но не раскрашенный (№ 408, е.). Не одинъ простой интересъ, но и серьезное значеніе при вопросѣ о происхожденіи и судьбѣ „Большаго Чертежа" пріобрѣтаетъ карта Россіи, выставленная Главнымъ Инженернымъ Управленіемъ (№ 54). Повидимому это тотъ же Гессель Герардъ, но въ сильно измѣненномъ видѣ. При картѣ на отдѣльномъ листочкѣ печатное объявленіе, гласящее: „Предлагаемая здѣсь карта древней Россіи сдѣлана была по повелѣнію царя Бориса Годунова; выгравирована же и поднесена царю Михаилу Федоровичу въ 1614 году. Извѣстный любитель и знатокъ отечественныхъ древностей, графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, въ 1782 году пріобрѣлъ оригиналъ ея въ Москвѣ наклееннымъ на лубкѣ ветхомъ и драгоцѣнность сію поднесъ государынѣ импер. Екатеринѣ II-й. При составленіи депо картъ, покойнымъ импер. Павломъ I-мъ и сія карта поступила въ депо для храненія. Находя, что сѣверная часть Россіи гораздо въ ней подробнѣе, чѣмъ въ главномъ атласѣ, я предпринялъ сдѣлать и выгравировать самый вѣрный съ нея съемокъ, который при семъ и представляю для удовлетворенія, любопытства любителей отечественной древности. П. Дейріардъ" [3]).

Всѣ названія и надписи въ изданіи Дейріарда на русскомъ языкѣ: оригиналъ его, надо думать, появился уже послѣ 1614 г., что, полагаемъ, ясно будетъ изъ указанія нижеслѣдующихъ, довольно существенныхъ отличій его отъ латинскаго изданія, показывающихъ, что копіистъ далеко не всегда рабски слѣдовалъ своему оригиналу:

1) Вмѣсто текста „Thomas Makovius и пр." и инсигній надъ „Tabula Russiae", занимающихъ середину лѣваго края—русскій [4]), граверъ помѣстилъ четыре мужскихъ фигуры съ подписью: „Одѣяніе Россіянъ"; крайній правый мужчина держитъ въ рукахъ щитъ съ

---

[1]) О древнихъ иностранныхъ картахъ Россіи до 1700 года. Жур. Мин. Нар. Пр. 2840, 4, стр. 75. Stuckenberg. Versuch eines Quellenanzeigers I, 14: у Блева и въ атласѣ d'Avity.

[2]) Стебницкій, loco citato.

[3]) Полковникъ Deiriard въ 1823 г. издалъ въ Петерaургѣ Археологическій атласъ Европейской Россіи, сочиненный гр. Потоцкимъ (Аделунгъ, о Древн. Иностр. картахъ Россіи до 1700 года. Жур. Мин. Нар. Пр. 1840, № 4, стр. 5).

[4]) Понимай: тотъ, кто готовитъ карту съ подписями на русскомъ языкѣ.

изображенiемъ русскаго государственнаго герба, украшенный царской короною.

2) Вмѣсто трехъ фигуръ и вида Архангельска, занимающихъ на латинской картѣ правую сторону—въ русскомъ изданiи пять видовъ: „Иванъ-городъ", „городъ Архангельскъ" (правда, тотъ же видъ, но съ измѣненiемъ взаимнаго расположенiя судовъ, плавающихъ по рѣкѣ), „городъ Кремль", „Русскiя избы" и „Русская мельница".

3) Планъ города Москвы взятъ въ меньшемъ объемѣ, за то объяснительный къ нему текстъ обстоятельнѣе.

4) По Черному и Каспiйскому морямъ разбросано нѣсколько кораблей.

5) Внизу карты: „Гаврiилъ Успенскiй въ Опытѣ повѣствованiя о древностяхъ русскихъ (Харьковъ. 1818, стр. 596) пишетъ: Царь Борисъ Θеодоровичъ, по великой ревности къ народному просвѣщенiю, приглашая въ службу свою Англиканскаго математика Джона Дее (1607), предлагалъ ему болѣе 10000 руб. въ годъ жалованья и его попеченiю одолжены мы первою Россiйскаго государства картою, хотя она обнародована не прежде, какъ въ правленiе царя Михаила Θеодоровича. На подлинной картѣ, изданной на латинскомъ языкѣ, названiе мѣстъ подписаны весьма неправильно, почему оныя по другимъ старымъ картамъ повѣрены, а границы Россiи нанесены по мирнымъ трактатамъ Г. М. А. Х.". Дѣйствительно, границы существенно не тѣ: Пруссiя не соприкасается съ устьемъ Вислы; къ Швецiи отнесена и Ингрiя; Польша съ Литвою слиты; Подолiя введена въ предѣлы польскаго государства, такъ что границею послѣдняго съ Турцiей является Днѣстръ, а не Бугъ; Астраханская степь къ западу отъ устьевъ Волги введена въ предѣлы Русскаго государства; Черниговъ и Смоленскъ показаны польскими городами. Послѣднее возможно было сдѣлать лишь послѣ заключенiя Столбовскаго мира, т.-е. 1618 г. Не даромъ латинскiй издатель, посвящая карту Михаилу Θеодоровичу въ 1614 г., т.-е. въ самый разгаръ борьбы между Владиславомъ и новымъ русскимъ царемъ, очень дипломатично отнесъ эти города въ русскiе предѣлы, хотя фактически они уже давно принадлежали враждебной сторонѣ.

6) Особенностью русскаго изданiя являются еще изображенiя нѣкоторыхъ животныхъ, присущихъ той мѣстности, гдѣ они помѣчены.

7) Въ верхней части русской карты, подъ „Мурманскимъ моремъ", читаемъ: „Въ сей странѣ находится Новая земля; здѣсь сильнымъ льдомъ разломало у Голландцевъ корабль на высотѣ 76 град. 3 августа 1596 г. Почему они тамъ же, построивъ себѣ домъ, прожили въ ономъ даже до 1-го числа iюня 1597 года, не видя солнечнаго свѣта чрезъ два мѣсяца и двадцать дней, и оттуда выѣхавъ двумя

шлюпками, возвратились въ Колу, въ Лапландіи, отстоящую отъ того мѣста 350 верстъ".

8) Рядомъ правѣе: „Проливъ Вейгатской и сѣверной мысъ Новой земли Голландцами осмотрѣнной въ 1594, 95 и 96 годахъ. Они думали отъ туда найти проходъ въ Калтайскіе стороны и Китай. Но безмѣрный ледъ принудилъ ихъ возвратиться безъ успѣху".

9) Наконецъ, въ сѣверо-восточномъ углу Каспійскаго моря читаемъ: „Благосклонный Зритель! Хотя сія наша карта въ разсужденіи длины различествуетъ отъ первой нашей карты Швеціи между городами Донцихомъ и Архангельскомъ, однако обѣ оныя, въ честь ихъ сочинителей, принять и имъ послѣдовать за благо мнѣ разсудилось".

Не столько разъясненій, сколько новыхъ запросовъ вызываетъ Герардовская карта въ изданіи, выставленномъ Морскимъ Министерствомъ (№ 311). Это собственно фототипія съ экземпляра, сдѣланнаго отъ руки и снятаго съ только—что описаннаго русскаго изданія,—но опять же съ нѣкоторыми отличіями отъ послѣдняго,—а именно: 1) въ изданіи Дейріарда заголовокъ: „карта Россіи по повелѣнію Ѳеодора Борисовича начертанная.... и Михаилу Ѳеодоровичу.... посвященная Гесселемъ Герардомъ въ 1614 году" есть переводъ латинскаго оригинала, а здѣсь конецъ читается иначе: посвященная Николаемъ Ивановичемъ 1651 года". Очевидно, что годъ—если только онъ вѣренъ—долженъ обозначать не время посвященія—ибо въ 1651 г. Михаила Ѳеодоровича уже не было въ живыхъ—а скорѣе время окончательной редакціи. Послѣднее подтверждается дальнѣйшими отмѣнами этой карты. 2) Нѣкоторыя имена, поставленныя у Дейріарда, отсутствуютъ; напр., Епифань, Елецъ, хотя знаки, служащіе для ихъ обозначенія, намѣчены. 3) Границы показаны частью согласно съ русскимъ изданіемъ (Ингрія, Пруссія), частью съ латинскимъ (Подолія отдѣльно отъ Литвы и Польши). 4) Внизу читается: „чертилъ Г. Скіада. Подписывалъ Е. Худяковъ".—Во всемъ остальномъ экземпляръ Морского Министерства, перешедшій въ его руки отъ графа Литке, сходенъ съ изданіемъ Дейріарда.

Остается вопросъ: откуда и какимъ путемъ добылъ свои свѣдѣнія Гессель Герардъ, никогда не бывавшій въ Россіи? Хотя мы и видѣли, что нѣкоторые (Бэръ, Стебницкій) готовы признать за Гесселемъ непосредственное заимствованіе изъ Большого Чертежа, но едвали не правильнѣе признать, что съ русскимъ матеріаломъ онъ познакомился черезъ Исаака Массу. Послѣдній издалъ свою карту Россіи въ 1612 г. [1]), т.-е. за два года до Герарда. Если на послѣдней видятъ вліяніе Большого Чертежа, то вѣдь и въ картѣ голланд-

[1]) См. ее на Выставкѣ № 432 Г. К. и 408 f. и д. Имп. Пуб. Библ.

скаго путешественника отыскиваются подобные же слѣды. „Карта Массы, говоритъ О. В. Струве, имѣла тождественное происхожденіе съ государственною картой, извѣстной подъ названіемъ Большого Чертежа и впервые составленной, по мнѣнію Карамзина, при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ. Большой Чертежъ болѣе не существуетъ и о происхожденіи его ничего вѣрнаго неизвѣстно; но по изданнымъ „книгамъ Большому чертежу", представляющимъ, такъ сказать, пояснительный текстъ къ этой картѣ, можно судить, что она была основана на тѣхъ же самыхъ свѣдѣніяхъ, которыя находимъ въ картахъ Массы. Сходство обѣихъ картъ въ особенности поразительно, если сравнить ихъ масштабы: они не только тождественны въ обѣихъ картахъ, но и одинаково измѣнены для сѣверныхъ и для южныхъ частей Имперіи. Съ другой стороны, изъ книги Большого Чертежа видно, что государственная карта распространялась также на нѣкоторыя части Азіи—именно на нынѣшній Туркестанъ—и содержала довольно подробныя для того времени свѣдѣнія о нихъ, между тѣмъ какъ карта Массы обнимаетъ одну европейскую Россію. Поэтому слѣдуетъ заключить, или что Масса лично участвовалъ въ составленіи Большого Чертежа, или же что онъ имѣлъ случай частію скопировать его, во время пребыванія своего въ Россіи" [1]). Ту же мысль еще раньше высказалъ К. Бэръ: „Sogar was vom Bolschoi Tschertesh in publicirten Karten überging, ist nur durch einen Niederländer Isaak Massa, in seine Karte übertragen." [2])

Уже a priori, въ знакомствѣ Массы и Герарда съ Чертежомъ, естественѣе отдать предпочтеніе первому, какъ лично посѣтившему русскую страну. Вотъ, можетъ быть, почему Г. Ф. Миллеръ правъ, говоря: Vielleicht ist Isaac Massa der erste Urheber, und Hessel Gerard der zweite Herausgeber derselben (Tabulae Russiae 1614), der denn auch einige Verbesserungen darauf angebracht hat [3]). Гемель думаетъ, что „Герардъ включилъ въ нее существеннѣйшія части изъ карты Массы", что „первоначально на картѣ этой награвированъ былъ годъ MDCXIII, и что уже впослѣдствіи прибавлено четвертое I, вѣроятно потому, что ее не успѣли окончить въ 1613 году" [4]). Да и

---

[1]) Струве, объ услугахъ, оказанныхъ Петромъ Великимъ математической географіи Россіи. Запис. Акад. Наукъ. 1872 г. т. 21. кн. 1, стр. 6.

[2]) Peters der Gr. Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse, Seite 9.

[3]) Nachricht von Land-und See-Carten, die das Russische und die zunächst angränzenden Länder betreffen. Sammlung Russ. Geschichte. VI, 11.

[4]) Англичане въ Россіи. Статья вторая, въ Запис. Акад. Наукъ. т. XV, стр. 270, примѣч. Сравн. стр. 192—193, примѣч.

самъ Беръ въ другомъ мѣстѣ своего труда признаетъ сходство обоихъ географовъ [1]).

Вопросъ о взаимномъ отношеніи Гесселя Герарда, Массы и Большаго Чертежа ждетъ своего разрѣшенія, заслуживая вниманія спеціалистовъ, уже по одному тому, что Западная Европа въ сущности лишь съ этихъ поръ начала составлять себѣ болѣе или менѣе отчетливое представленіе о нашей родинѣ. Повидимому, лучшія географическія силы XVI в., о которыхъ была рѣчь выше, еще не успѣли достаточно ознакомить съ собою образованную публику, разъ было возможно въ самомъ концѣ столѣтія появленіе такихъ изданій, какъ Opus geographicum Магинуса (1596, Венеція), гдѣ между прочимъ, „Финскій заливъ, начиная отъ Нарвы, принимаетъ направленіе отъ ЮВ. къ СЗ., и въ углу его отмѣченъ городъ Выборгъ подъ полярнымъ кругомъ, на широтѣ 67°. Рѣка Волга представлена еще въ непрерывной связи съ Ладожкимъ озеромъ. Онежскаго озера вовсе нѣтъ; за-то Азовское море, вдвое меньше Чернаго, начерченнаго вѣрно, имѣетъ протяжаніе въ двѣ трети разстоянія между устьями Днѣпра и Нѣмана. Относительно Азіатской Россіи показанія карты еще баснословнѣе; тутъ все одна выдумка: море, показанное, примѣрно, на мѣстѣ Обьской губы, образуетъ уже часть Тихаго Океана, который лишь на широтѣ Пекина удаленъ нѣсколько болѣе на Востокъ“ [2]).

Къ царствованію же Михаила Ѳедоровича относится планъ осады русскими города Смоленска въ 1632 г., печатанный въ Варшавѣ 1634 г. (№ 82 Гл. Ин. Упр.). Это громадныхъ размѣровъ стѣнная гравюра, отчетливо изображающая отдѣльныя сцены осады, детали въ расположеніи и вооруженіи войскъ, характеръ мѣстности, даже направленіе выстрѣловъ изъ осадныхъ орудій. Будучи не столько планомъ, сколько картиной, настоящее изданіе особенно живо вводитъ зрителя въ обстановку изображаемыхъ событій. Инженерное Управленіе выставило и другой планъ осады Смоленска, „составленный (отъ руки) по историческимъ источникамъ“ (№ 83).

Борьба Россіи съ Польшею за предѣлы Литовско-Русскихъ земель нашла свое выраженіе въ другой картографической работѣ болѣе ранняго времени. Мы говоримъ о двухъ картахъ Пахоловича: осады Пскова Стефаномъ Баторіемъ 1579 и Descriptio ducatus Polocensis за то же время. Онѣ не могутъ претендовать на сравненіе съ Варшавскимъ изданіемъ 1634 г., но вполнѣ заслуживаютъ вниманія русскаго историка. Станиславъ Пахоловичъ былъ секретаремъ коронной канцеляріи при королѣ польскомъ и, по словамъ Папроцкаго, „мастеръ

---

[1]) Peters des Grossen Verdienste, 245.

[2]) Струве, 3—4.

писать разными почерками“; онъ „удивительно хорошо рисовалъ города, крѣпости и провинціи“. Въ 1580 году въ Римѣ Баттиста де-Кавалерисъ выгравировалъ на мѣди 7 плановъ крѣпостей (Полоцкъ, Туровль, Ситно, Козьянъ, Красное, Суша, Соколъ) и карту Полоцкаго княжества, по матеріаламъ Пахоловича. Въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія рѣдкій экземпляръ этого изданія находился въ рукахъ гр. Суходольскаго; онъ былъ тогда же описанъ въ статьѣ М. Коркунова [1]), приложившаго къ ней два снимка: карту княжества и планъ осады Полоцка. На Географической Выставкѣ этихъ картъ не было, но любопытствующіе могли ознакомиться съ воспроизведеніемъ ихъ въ Витебской Старинѣ Сапунова, т. I (№ 633). Впрочемъ, надо замѣтить, за послѣднее время является серьезная возможность оспаривать принадлежность этихъ картъ Пахоловичу [2]).

Обращаютъ на себя вниманіе три карты Польской Украйны между Днѣстромъ, верховьями лѣвыхъ притоковъ средняго Днѣпра и Чернымъ моремъ; онѣ современны русско-польской войнѣ въ эпоху Богдана Хмельницкаго (№ 67. Гл. Ин. Упр.). Каталогъ Выставки, называя ихъ „картами южныхъ областей Россіи, составленныхъ во время присоединенія Малороссіи къ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ“, не объясняетъ, къ сожалѣнію, ихъ происхожденія. По всей справедливости ихъ родство позволительно и даже слѣдуетъ искать въ картахъ Украйны, составленныхъ Бопланомъ въ 1648—1660 гг. или въ современныхъ имъ подражаніяхъ [3]). Польскія надписи указываютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ надо искать происхожденіе этой карты. Свѣдѣнія на ней очень подробныя и обстоятельныя; изображены шляги и т. п. Здѣсь же умѣстно будетъ упомянуть и раскрашенный планъ крѣпости Замостье 1687 г. съ латинскимъ текстомъ (№ 55. Гл. Ин. Упр.).

IV.

Время Петра В., давшее сильный толчекъ русской картографіи [4]), открывается знаменитою картою Сибири и европейскихъ владѣній

---

[1]) Карта военныхъ дѣйствій между русскими и поляками въ 1579 и тогдашній планъ города Полоцка и окрестныхъ крѣпостей. Ж. М. Н. Пр. 1837. № 8, стр. 235—249.

[2]) В. Г. Васильевскій въ предисловіи къ Запискамъ о Московской войнѣ. Спб. 1889, стр. XLIII—XLIV.

[3]) Перечень ихъ данъ Аделунгомъ въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1840, № 5, стр. 20—84.

[4]) Бэръ. Заслуги Петра В. по части распространенія географическихъ

Россіи, амстердамскаго бургомистра Николая Витзена. Г. Ф. Миллеръ готовъ видѣть въ ней поворотный пунктъ въ исторіи картографіи Русской земли [1]). Эта карта, на голландскомъ языкѣ, вышла первоначально въ 1687 г. Экземпляръ Импер. Публичной Библіотеки (№ 408, d.) представляетъ ту особенность, что, рядомъ съ посвященіемъ царю Петру Алексѣевичу, сбоку приписано: „Anno 1687", т.-е. когда Петръ еще соцарствовалъ съ братомъ Іоанномъ и когда такимъ образомъ подобное одиночное посвященіе было бы не совсѣмъ удобно. Личное знакомство Петра съ Витзеномъ, какъ извѣстно, началось лишь съ первой поѣздки царя за границу, хотя впрочемъ сношенія съ нимъ завязались гораздо раньше, именно съ 1691 г. письмомъ Витзена [2]). Составитель карты не забываетъ упомянуть, что печатаетъ ее съ привиллегіей van zyn zaarze Majestyt. Къ западу отъ Новой Земли на 70-й параллели онъ помѣстилъ небольшой островокъ съ надписью: „'t Eylandt Witsen ondekt by Schipper de Vlaming den 28 Iuly A°. 1688". Въ 1666 г. Витсенъ лично посѣтилъ Россію и собралъ здѣсь матеріалъ, опубликованный имъ четыре года спустя въ „Noord en Oost Tartarye". Самая карта, разумѣется, стоитъ въ тѣсной связи и съ этой работой, и съ пребываніемъ автора въ Россіи.

Любопытно было бы прослѣдить, сказались ли на изданіяхъ Витзена работы русскаго его современника, стольника и тобольскаго воеводы Петра Годунова, который „съ товарищи" приготовилъ карту Сибири въ 1668 году (№ 38, Военно-топ. отдѣлъ Главнаго Штаба; она помѣщена и въ новомъ атласѣ Норденшельда (№ 442); о немъ смотри выше). Годунову было велѣно: „всю Сибирскую землю описати, грани земель и жилищъ, межи, рѣки и урочища, и всему учинити чертежъ". Существуютъ показанія современниковъ на то, что этотъ чертежъ тогда же былъ и напечатанъ, но до насъ не дошло ни одного экземпляра. За то недавно въ Стокгольмской королевской библіотекѣ отыскана шведская копія ея, снятая въ 1669 г. Прютцомъ, сопровождавшимъ въ Москву шведскаго посланника Кронмана. Она напечатана и описана Норденшельдомъ [3]). Русской публикѣ трудъ Годунова сталъ

знаній, Записки русск. Геогр. Общ. кн. III (1849) и IV (1850). Его же, Peter's der Grossen Verdienste um die Erweiterung der geograph. Kenntnisse въ Beiträge zur Kenntniss des Russichen Reiches, Bnd. XVI, Sptbg. 1872. Струве, Объ услугахъ, оказанныхъ Петромъ В. математической географіи Россіи въ Запис. Акад. Наукъ, т. XXI, кн. I. Сравн. Peter der Grosse und die Geographie Russlands. Magazin fur die Literatur des Ausland. 1876. № 44.

[1]) Nachricht von die Land—und See-Carten, die das Russische Reich und die zunächst angränzende Länder betreffen. Samml. Russ. Gesch. VI, 29.

[2]) Posselt, Der General Lefort I, 508.

[3]) A. E. Nordenskiöld, Den första på verkliga iakttagelser grundade karta öfver norra Asien—въ Ymer Tidskrift utgifven af Svenska Sällskapet för an-

извѣстенъ, благодаря изданію А. А. Титова, которому удалось опубликовать и объяснительный текстъ къ картѣ [1]), правда, по списку менѣе исправному, чѣмъ найденный Н. Н. Оглоблинымъ [2]). Боярскій сынъ Семенъ Ремезовъ, трудъ котораго „Чертежная книга Сибири" (1701), въ изданіи Археографической коммиссіи, выставлена Географическимъ Кабинетомъ Московскаго Университета (№ 428), пользовался между прочимъ и чертежемъ Годунова. Ему это было тѣмъ сподручнѣе, что онъ былъ самъ уроженецъ Тобольска [3]). Кстати: сохранился видъ этого самаго Тобольска въ 1698 г., выставленный въ фотографическомъ снимкѣ среди „Видовъ и Плановъ Сибири" въ первой залѣ Выставки (№ 154): весьма отчетливый, онъ снабженъ объясненіями на русскомъ языкѣ улицъ, церквей и т. п. [4]). Сравни тутъ же историческую карту заселенія Сибири, составленную Н. М. Ядринцевымъ (№ 155).

Желательно было бы видѣть на выставкѣ тѣ 14 историческихъ картъ Сибири, которыя были составлены въ 1843 г. и, если не ошибаюсь, остаются и доселѣ неизданными. Слѣдя за постепеннымъ расширеніемъ русскихъ владѣній въ Сѣверной Азіи, онѣ охватываютъ періодъ трехъ столѣтій. Составитель кромѣ Миллера, Карамзина и Сибирской Лѣтописи въ изданіи Спасскаго, пользовался еще Книгою Большого Чертежа, картами Сталенберга (1730), Кириллова (1734), таблицами старой Сибири, приложенными къ Сибирской Исторіи Фишера (1774), атласами: академическимъ (1775) и Шмидта (1792) и изданіями Военно-топографическаго Депо и Генеральнаго Штаба Сибирскаго Корпуса. Насколько можно судить изъ краткаго описанія этого труда [5]), въ немъ встрѣтилось бы не мало интереснаго. Такъ, напр. на картѣ № 1 — „Сѣверная Азія XVI стол." — „показаны всѣ народы, населявшіе тогда Сѣверную Азію, и означены древнія Рос-

---

tropologi och géografi. Sjunde Argången. Stockholm. 1887, стр. 133 — 144 съ картою.

[1]) А. Титовъ, Сибирь въ XVII вѣкѣ. М. 1890.

[2]) Н. Оглоблинъ, источники „Чертежной книги Сибири" Семена Ремезова. Библіографъ 1891, № 1 (отдѣл.) Сравн. также Е. Замысловскій. Чертежи Сибирскихъ земель XVI—XVII вѣка. Жур. Мин. Нар. Пр. 1891, № 6 и (отдѣл.).

[3]) Сравн. 5 предисловій не вошедшихъ въ описаніе „Чертежной книги Ремезова", составленное А. Х. Востоковымъ (Опис. Рум. Музея 483 — 487). Архивъ историч. и практич. свѣдѣній Калачева, кн. 4. Спб. 1862, стр. 70—79.

[4]) Возникновеніе вида Тобольска позволительно сопоставить съ тѣми частными описями города въ концѣ XVII и въ первые годы XVIII в., о конхъ смотр. въ упомянутой, въ предыдущемъ предисловіи статьѣ архива Калачева.

[5]) О географическихъ картахъ Сибири, составленнахъ въ 1843 г. „Сѣверная Пчела", 1849, №№ 266, 267. Цитую по Жур. Мин. Нар. Пр. 1850. № 3, отд.. VI, стр. 203—205.

сійскія владѣнія за Югорскими горами въ царствованіе" Грознаго. На № 2 нанесены не только мѣста геройскихъ подвиговъ Ермака, но и „всѣ пути, коими шелъ Ермакъ по Сибири, всѣ его зимовья и мѣста почти баснословныхъ его битвъ".

Извѣстно намѣреніе Петра соединить каналомъ Волгу съ Дономъ. Одно время царственный реформаторъ весьма настойчиво отдался этой мысли. Осуществленіе ея было поручено сперва извѣстному К. Крюйсу, потомъ нѣмецкому полковнику Брекелю, затѣмъ англійскому инженеру Перри, но дѣло остановилось въ самомъ началѣ. Памятникомъ замысловъ царя служитъ между прочимъ атласъ, составленный Крюйсомъ и изданный въ 1703 г. амстердамскимъ книгопродавцемъ Данкеромъ. Это, нынѣ рѣдчайшее изданіе отсутствуетъ на Географической выставкѣ, но, повидимому, маленькій обрывокъ его помѣщенъ въ сосѣдствѣ съ другими старинными картами и планами въ витринѣ Министерства Путей Сообщенія (№ 407 а). Невозможность видѣть самый атласъ Крюйса мѣшаетъ утверждать это положительно. Атласъ Крюйса содержитъ между прочимъ отдѣльный листъ съ изображеніемъ проектированнаго канала между Дономъ и Волгою [1]). Именно такой каналъ и представленъ на нашей картѣ. На ней изображено теченіе рѣкъ Иловли и Камышинки, самого канала (въ 2½ версты длиною) съ обозначеніемъ проектовъ запрудъ и шлюзовъ (числомъ 12) „Петра-города", прежнихъ и новыхъ казармъ для рабочихъ и тому подобныхъ подробностей, кромѣ того отдѣльный рисунокъ— картина самыхъ работъ. Одно кажется страннымъ—заглавіе карты: Nieuwe, en Seer Accurete Caert Vande Doorgravinge om met Scheepen uyt de Rivier de Don of Tanais door de Spruyten of Reverties inde Wolga, of Astrachansche Rivier en Caspische zee te vaaren waerinne werd vertoont de Reets gemackte damme en Sluysen, met aenwysinge der Plaetse, Waerde Resterende noch sullen gemaeckt werden. T'Amsterdam by Hendrick Dancker in de Nieuwenbrug-steeg, met Privilege. Аделунгъ и Минцловъ [2]), приводя всѣ разнообразныя заглавія на картахъ атласа, не даютъ таковаго. Признать ли карту воспроизведеніемъ изданія 1703 (по Аделунгу 1699)? Но Аделунгъ таковыхъ перечисляетъ два и оба другого издателя, Оттенанса [3]). Между тѣмъ настоящій экземпляръ имѣлъ практическое примѣненіе въ русскихъ рукахъ, ибо обозначенія надписаны по-русски отъ руки; данъ переводъ и голландскаго заглавія: „Новая и прединвная карта о Перекопе

---

[1]) Аделунгъ. О древнихъ картахъ Россіи. Журн. Мин. Нар. Просв., 1840, № 5, стр. 5. Münzloff. Pierre le Grand, 25.

[2]) Loco cicato.

[3]) Стр. 97—98.

что из Дона или Танаиса Караблямъ плавлою река до Камышенки а Камышенкою рекою в Волгу, или Астраханскую реку въ Каспуское море входитъ, какъ в сей карте оказуемъ да Гола (?) промыслъ пруды і воротъ въ указныхъ мѣстах. посему признаваемъ что здѣлано будетъ. В амстердамѣ у Гендрика Дункер(в)нову Брух Стех метъ привилеги“. Переводчикъ, какъ видно, далеко не свободно владѣлъ голландскимъ языкомъ, не найдя ничего лучшаго какъ написать русскими буквами голландское „met privilege“. Названіе амстердамской улицы (м. б. квартала?) онъ курьезнымъ образомъ счелъ возможнымъ перевести на половину.—Какъ бы въ pendant къ этой картѣ, Главное Инженерное Управленіе выставило сохранившійся у него планъ (отъ руки) города Петровска (№ 58). На немъ проектированы укрѣпленія, а довольно тонкая акварель изображаетъ ландшафтъ гористыхъ береговъ Волги съ плавающими на ней судами.

Оставаясь въ предѣлахъ Петровскаго времени, находимъ, что наибольшее количество картографическихъ работъ связано съ Великой Сѣверной войною. Таковы между прочимъ четыре выставленные плана гор. Нарвы, хранящіеся въ Главномъ Инженерномъ Управленіи: 1) 1649 г., съ форштадтомъ и Иванъ-городомъ, шведской работы (№ 76); 2) 1700 г.—съ указаніемъ лагернаго расположенія русскихъ войскъ и движенія, шведскихъ, работы Gideon Wert Moller'a,—по всей вѣроятности копія съ шведскаго оригинала, сохранившая всѣ объясненія на шведскомъ языкѣ,—чрезвычайно наглядная картина хода сраженія (№ 84); 3) 1700 г.—въ томъ же родѣ, что и предыдущій, но скопированный, надо думать, въ Россіи и для русскаго употребленія (№ 77), и 4) 1704 г., съ показаніемъ осадныхъ работъ русскихъ инженеровъ и съ объяснительнымъ текстомъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (№ 78).

Довольно одинокое мѣсто занимаютъ: планъ Брянской крѣпости 1704 г. (№ 70 Гл. Ин. Упр.); планъ Дерпта съ показаніемъ осадныхъ работъ русскихъ войскъ въ 1704 и съ объясненіями на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ—изданіе современное взятію этой крѣпости Петромъ В. (№ 56 Гл. Ин. Упр.); гравированный планъ Полтавскаго сраженія на французскомъ языкѣ, изданный Pierre Husson'омъ въ Гаагѣ, очень отчетливый и ясный. Далѣе видимъ планы, фасады и профили башень древняго Новгорода, чертежъ отъ руки, сдѣланный, судя по начертанію надписей, въ первой четверти XVIII вѣка, быть можетъ, какъ разъ въ то время, когда Петра заботила мысль объ укрѣпленіи этого пункта (№ 50, Гл. Ин. Упр.). Кстати будетъ упомянуть о двухъ карандашныхъ рисункахъ А. Д. Кашкина, изображающихъ башни и стѣны древняго Новгорода въ нынѣшнемъ состояніи: художественно выполненные, они даютъ не только отчетливое,

но и типичное представленіе о древнихъ Новгородскихъ твердыняхъ (№ 51). Тотъ же А. Д. Кашкинъ выставилъ два вида крѣпостныхъ развалинъ Старой Ладоги и Изборска: помимо научно-археологическаго интереса, они невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе зрителя, просто какъ изящная вещь (№ 49) [1]. Карта теченія Западной Двины у ея устья 1688 г. хотя и болѣе ранняго происхожденія, но, конечно, для осады Риги Августомъ польскимъ или Петромъ Великимъ можетъ дать не мало поясненій, тѣмъ болѣе что тутъ же приложенъ и планъ самого города, съ указаніемъ его пунктовъ и окрестностей,—рукописный экземпляръ на шведскомъ языкѣ (№ 63 Гл. Ин. Упр.). Напомнимъ, что, кромѣ этого изданія, существуетъ карта теченія Западной Двины, на пространствѣ всей ея второй половины, 1701 г., снятая à vol d'oiseau, съ очень любопытными данными. Вмѣстѣ съ объяснительнымъ текстомъ она приложена къ V выпуску Этнографическаго Сборника, издававшагося въ шестидесятыхъ годахъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ [2]).

Съ борьбой за обладаніе рѣкой Невою связанъ планъ осады Ніеншанца въ 1703 г. (№ 79. Гл. Ин. Упр.) и четыре раскрашенныхъ (отъ руки) плана укрѣпленій (городковъ) на лѣвомъ берегу р. Невы, построенныхъ при завоеваніи Ингерманландіи и сохранившихся и по сіе время, правда, въ самомъ жалкомъ видѣ. Это такъ называемое „Апраксинъ городокъ“ на рѣчкѣ Назьѣ, близъ деревни Синявиной; „Святые Шанцы“ на рѣчкѣ Святкѣ; укрѣпленный лагерь при впаденіи Тосны въ Неву (на картѣ виденъ четыреугольникъ съ тремя бастіонами) и Петровское укрѣпленіе („Штернъ-шанецъ“) на самомъ берегу Невы близъ дер. Корчмино (№ 74. Гл. Ин. Упр.). Невскія укрѣпленія можно разсматривать на выставкѣ параллельно съ изображеніемъ типовъ старинныхъ военныхъ сооруженій Россіи въ періодъ IX—XVIII ст., обширный листъ работы А. И. Савельева (№ 48 Гл. Ин. Упр.). Для историка Сѣверной войны большую цѣну имѣетъ карта Ижорской земли, гравированная Шхонбекомъ въ 1706 г.: въ ней между прочимъ подыщутся данныя и для исторіи заселенія края, для опредѣленія наличности и поступательнаго движенія русскаго населенія (№ 62 Гл. Ин. Упр.).

Основаніе Петербурга шло рука объ руку съ устройствомъ воднаго сообщенія. Петра очень занимала мысль проведенія морского канала отъ устьевъ Невы у Гутуевскаго острова къ Петергофу, гдѣ

---

[1]) См. подобную же работу его № 87: Первое бомбардированіе Севастополя 5 октября 1854 года.

[2]) Роспись Чертежу Западной Двины (1701 г.). Этнографическій Сборникъ, выпускъ V, смѣсь, стр. 65—71.

предполагали выходъ его въ море: направленіе этого канала мы можемъ изучать по одной изъ двухъ картъ Финскаго залива, составленныхъ Люберасомъ въ большомъ масштабѣ (№ 71 Гл. Ин. Упр.), и по спеціально ему посвященному плану (№ 66 Гл. Ин. Упр.). Не знаю, на основаніи чего составитель каталога Географической выставки относитъ время составленія карты Люберасомъ къ 1710 году (стр. 13): проектъ канала возникъ много позже [1]).

Въ связи съ морскимъ каналомъ стоятъ заботы Петра о соединеніи Финскаго залива съ озеромъ Ильменемъ посредствомъ проведенія искусственной водной дороги между Тосной и рѣчкой Тигодой, притокомъ Ладоги. Карта изображающая этотъ проектъ (№ 61 Гл. Ин. Упр.), должна быть отнесена именно къ эпохѣ Петра В. на основаніи русско-голландскаго объяснительнаго текста и особенно потому, какія именно части площади нынѣшняго Петербурга обозначены заселенными. Далѣе укажемъ: 1) копію съ проекта укрѣпленій острова Котлина, оригиналъ коей былъ снабженъ собственноручною подписью Петра В., опредѣлившаго въ ней размѣры жилыхъ строеній (6 октября 1721 г.) (№ 60 Гл. Ин. Упр.); 2) карту границъ, установленныхъ Ништадтскимъ миромъ, изданную въ 1722 на русскомъ и латинскомъ языкахъ (№ 8 В. У. Ком. Гл. Шт.), и 3) атласъ Гедевилля (№ 4 В. У. Ком. Гл. Шт.). Это любопытное изданіе, котораго выставленъ былъ лишь 4-й томъ, какъ единственный, имѣющій отношеніе къ нашему отечеству [2]), даетъ, согласно общему плану, бытовой очеркъ Россіи (по Олеарію), карты, родословныя таблицы русскихъ государей, виды мѣстностей, замѣтки о современномъ (автору) положеніи Русскаго государства, перечень главнѣйшихъ русскихъ сановниковъ, иногда съ краткой ихъ характеристикою и, наконецъ, исторію самой Россіи въ ея государяхъ. Петру I отведено всего болѣе мѣста; вставлено очень много документовъ касательно крупнѣйшихъ событій его царствованія (Полтава, Матвѣевъ въ Лондонѣ и пр.). Обзоръ доведенъ до 1713 г. Нечего и говорить, что трудъ Гедевилля имѣетъ значеніе лишь исторіографическое [3]).

---

[1]) Ѳ. Веселаго, Очеркъ русской морской исторіи, 624—625.

[2]) Atlas historique, ou nouvelle introduction à l'histoire, à la chronologie et à la geographie ancienne et moderne, représentée dans de nouvelles cartes, en l'on remarque l'etablissement des états et empires du monde, leur durée, leur chute et leurs differens gouvernemens; la chronologie des consuls romains, des papes, des empereurs, des rois et des princes, etc. qui ont été depuis le commencement du monde jusqu'à présent; et la genealogie des maisons souveraines de l'Europe. Par Mr. C***. Avec des dissertations sur l'histoire de chaque état par Mr. Guedeville. Tome IV, qui comprend le Dannemarck, la Suède, la Pologne, la Moscovie, la Turquie etc.

[3]) Укажемъ еще карту де-Лиля, посвященную А. А. Матвѣеву: Carte

Съ именемъ Петра неразрывно связывается основанный имъ „парадизъ“. Петербургская Городская Дума отправила на выставку цѣлую коллекцію самыхъ разнообразныхъ картъ, плановъ и книгъ, посвященныхъ русской столицѣ за все время ея существованія, благодаря чему можно очень обстоятельно прослѣдить ея ростъ и послѣдовательныя измѣненія. Каталогъ предметамъ, спеціально изданный Думою, перечисляетъ 87 №№, изъ коихъ двѣ трети можно признать историческими. Ограничимся по этому указаніемъ лишь болѣе древнихъ.

Наше вниманіе прежде всего останавливается на двухъ старинныхъ планахъ Петербурга, Гоманна и Оттенса, составленныхъ несомнѣнно при жизни Петра В. У Гоманна [1]) Екатерининскій каналъ тянется еще маленькой рѣченкою, затериваясь истоками вблизи проектированнаго Невскаго проспекта. Есть лѣтній садъ съ дворцами, почтовый домъ и т. п. Сбоку приложенъ отдѣльный видъ Кроншлота и карта теченія р. Невы. Экземпляръ Городской Думы раскрашенный очень хорошо сохранился и даетъ весьма отчетливое представленіе о городѣ. Другой планъ, работы Оттенса [2]), вполнѣ тожественъ съ Гомановскимъ, лишь надписи нѣмецкія замѣнены голландскими и частью латинскими, да отсутствуютъ видъ Кроншлота и символическія фигуры, держащія въ рукахъ портретъ Петра I; за то карта теченія р. Невы продолжена южнымъ побережьемъ Ладожскаго озера съ указаніемъ канала отъ Шлиссельбурга до Новой Ладоги (№ 6. Г. Д.). Минцловъ полагаетъ, что планъ Гоманна служилъ образцомъ для настоящаго и, ссылаясь на Штукенберга, относитъ работу Гоманна къ 1718 году [3]). Не будетъ ли правильнѣе нѣмец-

---

de Moscovie, dressée par Guillaume de l'Isle, premier géographe de Roy et dediée à Son Excellence Monseigneur André Artémonides de Matveeff, ministre d' Etat de Sa Majesté Czarienne l'Empereur des Russes, son lieutenant général en la principauté de Iaroslavle et son Ambassadeur plenipotentiaire auprès de Roi etc. A Paris. 1706. (№ 433 Г. К.).

[1]) Topografische Vorstellung der Neuen russischen Haupt-Residenz und See-Stadt St. Petersbourg sammt ihrer zu erst aufgerichteten Vestung, welche von Ihro Czaar. Maj. Petro Alexiewitz.... von Joh. Baptist Homann in Nürnberg (№ 3 отдѣл. каталога Город. Думы и № 407' d. Мин. Пут. Сооб.)

[2]) Съ двумя заголовками, латинскимъ и голландскимъ: Nova ac verissima urbis St. Petersburg ab imperatore russico Petro Alexii F. conditae, item Fl. Nevae, Fossae jussu Imp. Russ. factae, ac regionis circumjacentis delineatio, a Rienero Ottens, Amstelaedemensi geographo, in lucem edita. Голландскій текстъ: Afbeelding von de Nieuwe russische Hooff-Residentie en Zee Stadt St. Petersburg.... gedrukt 't Amsterdam by de Wed. I. Ottens op den Nieuwen Dyk in de werelt Kaart.

[3]) Minzloff, Pierre le Grand. 17.

кое изданіе признать образцомъ голландскаго, такъ какъ Гоманнъ еще не знаетъ Ладожскаго канала, который начатъ былъ лишь въ 1719 году [1])?

Планомъ уже не реальнаго, а лишь проектированнаго Петербурга является раскрашенная фотографія столицы по мысли генералъ-архитектора Леблона (№ 81, Гл. Ин. Упр.) [2]): весь городъ обнесенъ крѣпостною стѣною съ бастіонами и, безъ преувеличенія, изрѣзанъ каналами; онъ заключался въ предѣлахъ нынѣшняго Васильевскаго острова, прилегающей къ нему части Петербургской стороны (оставляя рѣчку Карповку за своими стѣнами) и всего пространства, охватываемаго рр. Невою и Мойкою. Улицы пересѣкались подъ прямымъ угломъ; съ соблюденіемъ той же строгой прямолинейности шли четыреугольные площади и сады. На всемъ лежитъ отпечатокъ искусственности и порядка,—характерныя черты вѣка Людовика XIV, въ духѣ котораго воспитался знаменитый архитекторъ.

Для исторіи постепеннаго роста города Петербурга хорошій матеріалъ даютъ 7 плановъ 1714—1725, 1738, 1762, 1777, 1796, 1806 и 1826—1839 гг. (№ 34. П. Г. Д.) и 9 плановъ 1700, 1706, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 гг., въ изданіи Цылова (№ 35. П. Г. Д.) [3]). Первые 8 плановъ этого послѣдняго (1700—1840 гг.) суть собственно уменьшенныя копіи изданныхъ Военно-Топографическимъ Депо Главнаго Штаба въ 1846 г., въ масштабѣ 400 саженъ въ дюймѣ, и выставленныхъ какъ имъ (№ 37), такъ и Петербургскою Городскою Думою (№№ 4, 5, 8, 11, 13, 16, 18, 25.). Въ царствованіе императрицы Елизаветы въ 1753 г. былъ изданъ великолѣпный альбомъ 13 видовъ С.-Петербурга, на русскомъ и французскомъ языкахъ [4]); художественно исполненныя гравюры даютъ возможность ясно возстановить физіономію тогдашней столицы, столь не похожей на нынѣшнюю. Картины изъ этого атласа воспроизводились не разъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, но тамъ онѣ много теряютъ въ своей отчетливости, будучи взяты въ меньшемъ масштабѣ и по одиночкѣ, тогда какъ здѣсь законченность представленія достигается именно полнотою коллекціи.

---

[1]) Петровъ, Исторія Санктъ-Петербурга, 201.

[2]) Каталогъ Выставки ошибочно относитъ время составленія проекта къ 1706 году: Леблонъ поступилъ на русскую службу лишь съ 8 февр. 1715 г. (Петровъ, Исторія С.Петербурга. 115).

[3]) Спб. 1853 съ приложеніемъ плановъ 13 частей столицы 1853 года.

[4]) Планъ столичнаго города Санктъ-Петербурга съ изображеніемъ знатнѣйшихъ онаго проспектовъ, изданный трудами Императорской Академіи Наукъ и Художествъ. Спб. 1753. folio въ двухъ экземплярахъ: въ формѣ атласа (№ 299 Морс. Мин.) и отдѣльныхъ листовъ (№ 50. П. Г. Д.)

Говоря о Петербургѣ, можно еще упомянуть: планъ 1768 г. въ форматѣ большой стѣнной карты, составленный бригадиромъ Захгеймомъ по приказанію гр. Миниха (№ 80 Гл. Ин. Упр.), рукописный атласъ плановъ С.-Петербурга по частямъ и кварталамъ, сочиненный при Сенатѣ въ 1798 г. (№ 41. П. Г. Д.) и подобный же атласъ, лишь въ большомъ размѣрѣ, 1806 г. (№ 42 П. Г. Д.); къ обоимъ атласамъ присоединено по толстому фоліанту объяснительнаго текста. Городская Дума не забыла выставить и описанія Петербурга: сочиненія Богданова-Рубана, Георги, Пушкарева, Петрова, Тыляева и др.

V.

Москва, надо сознаться, представлена на Выставкѣ не съ такой полнотою, какъ Петербургъ; за то она дала нѣсколько очень крупныхъ и интересныхъ вещей. Таковы, напр., гравированный видъ Москвы съ птичьяго полета, приготовленный Киліаномъ въ 1610 г. для польскаго короля Сигизмунда III, въ ту пору, когда этотъ послѣдній мечталъ сидѣть на русскомъ престолѣ (№ 408, в. И. П. Б. и № 53. Гл. Ин. Упр.); или раскрашенный схематическій планъ Москвы XVII в. изъ Orbis civitatum Брауна и Гогенберга (№ 408, с. И. П, Б), съ изображеніемъ тура, бизона и вооруженныхъ всадниковъ, дающихъ понятіе о ѣздѣ того времени. Подписи нѣмецкія, такъ какъ источникомъ для виньетокъ служило нѣмецкое изданіе „Записокъ" Герберштейна, но заголовокъ, любопытный самъ по себѣ, на латинскомъ языкѣ: Moscovia, urbs regionis ejusdem nominis metropolitica, duplo major quam Praga Boiemiae, lignea ædifica habet, multas plateas, sed dispersas, latissimi campi interjacent: Mosco amnis, ipsam irrigat.

Съ большимъ интересомъ смотрится серія видовъ старой Москвы, выставленная Н. А. Найденовымъ (№ 572). Изданные имъ въ 1886 году въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и заказанные въ фотографическомъ заведеніи «Шереръ и Набгольцъ» фототипическіе снимки съ старинныхъ гравюръ, никогда не поступали въ продажу и далеко не всѣмъ доступны. Тѣмъ пріятнѣе было встрѣтиться съ ними на нынѣшней Выставкѣ. Они очень наглядны, полны бытовыхъ чертъ и легко переносятъ въ эпоху. Считаю не лишнимъ перечислить содержаніе всей этой серіи:

1) Общій видъ Москвы (по Олеарію, 1636).
2) Планъ Москвы (по чертежу Мейерберга, 1661 г.),
3) Кремль 1662 г. Вверху тройная надпись: Кремлградъ,

Кремлеградъ, Castellum urbis Mosquæ. Латинское посвященіе царю Алексѣю Михайловичу заканчивается словами: «Castellum cum tribus contiguis urbibus Mosquæ, prout sub florenti Imperio, piæ memoriæ, magni domini cæsaris et magni ducis Borissi Fœdorovits, omnium Russorum etc. situ et dimensu fuit; summa ac debita observantia, offertur, dicatur, consecratur».

4) «Внутренность Кремля 1613 г. (1672 г.)» фотографическій снимокъ, отличный отъ другой раскрашенной литографіи, выставленной въ этомъ же отдѣленіи Выставки.

5) Видъ Новодѣвичьяго монастыря и его окрестностей (по рисунку де Бруина 1702).

6) Видъ Головинскаго дворца съ прилегающей къ нему мѣстностью (въ началѣ XVIII в.).

7) Красная площадь (1762).

8) Красное крыльцо (1762).

9) Потѣшный дворецъ (по древнему чертежу).

10) Видъ ледяныхъ горъ во время Масляницы (1799).

11) Видъ г. Москвы, снятый съ балкона Императорскаго дворца (1799).

12) Видъ Спасскихъ воротъ и прилегающей мѣстности (1799).

13) Видъ Каменнаго моста (1799).

14) Видъ Серебреническихъ бань и прилегающей мѣстности (1799).

15) Видъ Прѣсненскихъ прудовъ и моста (съ восточной стороны, 1799).

16) Видъ Кремля съ набережной Москвы рѣки отъ Воспитательнаго дома (1825). Рисунки 1799 г. всѣ работы французскаго художника Guérard de la Barthe.

Громадная, почти въ сажень длинною, панорама Москвы со стороны Замоскворѣчья, при Петрѣ I: «Росейская столица Москва» (№ 563, а Ист. Муз.) воспроизводилась много разъ; экземпляръ ея вышедшій изъ литографіи Эрготъ, выставило и Главное Инженерное Управленіе (№ 75). Извѣстную цѣну представляютъ три вида Коломенскаго дворца, исполненныхъ масляными красками въ прошломъ столѣтіи (№ 577). Не дурна раскрашенная копія со стариннаго изображенія внутренности Кремля XVII в.; она хранится въ рамѣ за стекломъ (№ 575). Не слѣдуетъ пропустить и двухъ плановъ Москвы 1739 и 1796 (№ 407, Мин. Пут. Сооб.). Первый изъ нихъ, работы архитектора И. Мичурина, печатный, второй — отъ руки, раскрашенный.

Покидая на Выставкѣ столичные города, мы вступаемъ въ предѣлы послѣ-Петровской Россіи. Здѣсь прежде всего останавливаетъ наше вниманіе планъ крѣпости и города Астрахани, сдѣланный отъ

руки кондукторомъ И. Дуровымъ (№ 59 Гл. Инт. Упр.); два атласа Россійской Имперіи, изданныхъ Академіею Наукъ, одинъ — 1745, въ двухъ видахъ: раскрашенный и безъ красокъ, и 1770—1780 гг. работы Шмидта и Труссготта (№№ 6 и 5 В. У. К. Гл. Шт.). Атласъ 1745 г. принято называть «первымъ научнымъ атласомъ Россіи» [1]). Но еще при Петрѣ явилась мысль о подобномъ изданіи. Любопытно было бы также знать, что за атласъ 1722—1730 гг. хранится въ Иркутской духовной семинаріи? [2])

Обширное собраніе представляетъ собою рукописный атласъ (съ рукописнымъ объяснительнымъ текстомъ на 19 листахъ) въ 40 таблицъ инженеръ-поручика Тучкова, 1794 (№ 298 Гл. Гидрогр. Упр. Мор. Мин.). Содержаніе его — русско-шведская война 1788—1790 гг. Текстъ есть своего рода исторія войны; а атласъ, въ краскахъ даетъ планы мѣстностей, расположенія войскъ на сушѣ и на морѣ, сраженій, маршрутныхъ путей и т. п., — вообще военный историкъ ни коимъ образомъ не долженъ опустить изъ виду этой работы.

Главное Управленіе Почтъ и Телеграфовъ выставило объемистый рукописный альбомъ древнихъ почтовыхъ картъ (№ 250). Хотя онѣ и не восходятъ по времени далѣе Екатерининскаго царствованія, будучи составлены частью въ это время, частью въ два послѣдующихъ царствованія (съ 1786 по 1819 г.), но интересъ историческій имѣютъ не малый. Въ альбомѣ 58 картъ, работы губернскихъ землемѣровъ, каждая для отдѣльной губерніи или области. По нимъ можно слѣдить не только за измѣненіями въ административномъ дѣленіи страны, но и за движеніемъ населенія, наростаніемъ поселеній и т. п. Возьмемъ для примѣра Челябинскій уѣздъ Оренбургской губерніи въ 1798 г. При сравненіи карты того времени съ нынѣшней, невольно бросается въ глаза, что какъ тогда, такъ и теперь, двѣ главныхъ водныхъ артеріи по сѣверной и южной окраинѣ уѣзда, — рѣки Міасъ и Уй — опредѣляли почтовое движеніе: сѣверное, потому что тамъ было густо населеніе; южное — потому что здѣсь проходила военная линія, связать которую почтовыми учрежденіями требовали интересы государственные.

Сибирь и въ XVIII ст. остается тою же мало разгаданной страною, полною своеобразныхъ условій, тѣмъ же особымъ міромъ, какимъ она представлялась и въ XVII в. не только западной Европѣ, но и самимъ русскимъ. Не будемъ долго останавливаться на картѣ Сѣверной Азіи, приложенной къ сочиненію Страленберга: Das Nord-

---

[1]) Свенске. Матеріалы для исторіи составленія атласа Росс. Импер. изд. 1745 г. Записки Акад. Наукъ IX, 56.

[2]) Иркутскія Губернск. Вѣдомости 1872. № 32, стр. 402—404. Сравн. Межовъ, Русск. Истор. Библіографія за 1865—1876 гг. т. I, стр. 174.

und Oestliche Theil Europa's und Asia's, изд. 1730 (№ 439 Б-ка Моск. Унив.); но прямо перейдемъ къ двумъ рукописнымъ картамъ Сибирской сторожевой линіи 1753 г. (№ 64 Гл. Инж. Упр.). Составитель ихъ, прапорщикъ Яковъ Уксусниковъ, далъ имъ такое названіе: «Ланкарта новозаложенной линіи между Сибирской губерніей и Киргизъ-кайсацкой степи. Сочинена 1753 году». Названная линія тянулась отъ станицы Звѣриноголовской на р. Тоболѣ черезъ Ишимъ до Омска на р. Иртышѣ. Это такъ называемая нынѣ Сибирская казачья линія. Наши карты отмѣчаютъ всѣ бывшія въ ту пору укрѣпленія, крупныя и малыя: форпосты, городки и маяки [1]). Для исторіи колонизаціи здѣсь найдется не мало указаній: не только къ югу, но и къ сѣверу отъ линіи — пустыя пространства; на югѣ они господствуютъ безусловно. Новая Сибирская линія должна была замѣнить старую, которая шла отъ Звѣриноголовской на сѣверъ къ редуту Куртамышевскому, Утяцкому на Тоболѣ, а оттуда въ сѣверо-восточномъ направленіи черезъ редуты Верхнеутяцкій, Моревской, Верхнеозерскій и далѣе къ озеру Курталы. Вотъ это-то пространство межъ старой и новой гранью и было съ точки зрѣнія русскаго человѣка неразмежеванною новью, богоданною полосою. Да впрочемъ и западнѣе старой границы слободы ютились лишь по Тоболу. Но вотъ проходитъ сто лѣтъ и физіономія края рѣзко мѣняется: къ сѣверу отъ «новой» линіи стало густо; „новая линія“ потеряла характеръ *новой* и въ свою очередь сдана въ архивъ, чтобъ уступить свою роль другимъ болѣе южнымъ пунктамъ. Но русская колонизація, если способна сразу сдѣлать экстенсивный размахъ, свою внутреннюю работу въ намѣченномъ районѣ дѣлаетъ копотно и медленно, шагъ за шагомъ. Мы давно дошли до Великаго океана, но протянулись туда узкой полоской, въ глубь и ширь — работа подвигается гораздо медленнѣе. Стоитъ бросить взглядъ на современную карту Россіи, чтобъ признать Сибирскую линію 1753 г. все еще рѣзкою этнографическою гранью миръ населеніемъ къ сѣверу и югу отъ нея.

Тому же Главному Инженерному Управленію, что познакомило публику съ только-что упомянутымъ трудомъ прапорщика Уксусникова, принадлежитъ и рукописная карта русско-китайской границы, составленная въ 1777 г. (№ 72). Болѣе сажени въ длину, выполненная весьма тщательно и изящно, она вводитъ насъ въ детальное описаніе южной Сибири середины XVIII вѣка. Не говоря про обозначеніе всѣхъ редутовъ, городковъ, форпостовъ и маяковъ на пограничной линіи,

---

[1]) Двѣ шестиугольныхъ крѣпости: Звѣриноголовская и „Святого Петра“ (нынѣ Петропавловскъ), 9 четвероугольныхъ, 33 редута и по маяку между каждымъ изъ укрѣпленій.

составитель—на картѣ же—далъ подробную опись этихъ укрѣпленій и самаго края: количество рудниковъ, характеръ ихъ производства, строенія горъ и т. п. Историкъ Сибири въ царствованіе Екатерины II внѣ всякаго сомнѣнія найдетъ для себя на этой картѣ много цѣнныхъ указаній.

Если позволительно, на основаніи предложеннаго Географической выставкою матеріала, дѣлать обобщенія, то я бы сказалъ, что Русское Государство въ XVIII стол. не только еще переживало стадію своего колонизаціоннаго развитія, но прямо находилось въ его разгарѣ. Съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли мы на окраины; вниманіе это, конечно, вынужденное, но оно порождаетъ, съ успѣхами картографіи, обстоятельныя работы о пограничныхъ областяхъ. Сейчасъ мы видѣли подтвержденіе этому на Сибири. Но и въ Европейской Россіи не будетъ недостатка въ аналогичныхъ явленіяхъ. Передъ нами три карты Закамской сторожевой линіи 1732 г. для защиты приволжскихъ губерній отъ нападенія киргизъ (№ 73, Гл. Инж. Упр.). Утвердившись въ XVI ст. на всемъ протяженіи р. Волги, русскому правительству пришлось еще долгіе годы обезпечивать спокойное состояніе въ Заволжьѣ и Приуральскомъ краѣ. Между прочимъ, оно соорудило двѣ закамскія линіи, одну такъ-называемую Старую, отъ Волги у Бѣлаго Яра, вдоль р. Черемшана, мимо пригородовъ Ерыклинска, Тіинска, Билярска, на Заинскъ, Мензелинскъ до села Троицкаго у р. Ика, и такъ-называемую Новую линію, планъ которой мы сейчасъ видѣли на Географической выставкѣ, отъ г. Самары (точнѣе: пригорода Алексѣевска), мимо слободы Красный Яръ, вдоль р. Сока на Сергіевскъ, Фельдшанцы Кундурчинскій, Черемшанскій, Шешминскій и Кичуйскій, гдѣ и оканчивалась. Рычковъ въ „Описаніи Оренбургской губерніи“ говоритъ, что существовало предположеніе вести эту линію далѣе, до р. Ика; но открытіе Оренбургской экспедиціи, въ 1734 г., сдѣлало этотъ планъ ненужнымъ [1]). Новая Закамская линія строилась три года и въ 1734 г., надо думать, была заброшена. Лѣтъ сорокъ тому назадъ сохранялись еще въ цѣлости земляныя работы, но отъ засѣкъ и деревянныхъ построекъ не осталось никакихъ слѣдовъ [2]). Выставленныя карты [3])—рукописныя; основная—40 верстъ въ масштабѣ съ собственноручною (подъ объяснительнымъ текстомъ) подписью графа Хр. Миниха и генерала Любераса (10 іюня 1732 г.) [4]).

---

[1]) Топографія Оренбургской губерніи. Оренбургъ. 1887, стр. 314.

[2]) Иванинъ. Описаніе Закамскихъ линій. Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. на 1851 г., ч. I, кн. 2-я, стр. 68.

[3]) Вторая изъ нихъ—копія первой, третья изображаетъ лишь часть линіи.

[4]) Дата означаетъ время, когда карта была послана къ тайному совѣтнику Наумову для утвержденія.

Одновременно съ Заволжьемъ и Закамьемъ вниманіе правительства обращено и на югъ: въ 1735 г. составляется General-Karte von der Ukrain (№ 65, Гл. Инж. Упр.). Готовились къ войнѣ съ Турціей, и, дѣйствительно, походъ Ласси и Миниха получаетъ свое правильное освѣщеніе въ значительной степени, благодаря тѣмъ деталямъ, какія даетъ это изданіе.

Но едва ли не интереснѣе всѣхъ этихъ картъ—три рукописныхъ плана сторожевыхъ линій или засѣкъ, составленные капитаномъ Тучковымъ (№ 69, Гл. Инж. Упр.) въ очень большомъ масштабѣ [1]). Всѣ три плана дополняютъ другъ друга, сами, надо думать, будучи лишь частью одного большого цѣлаго [2]). Не всякій легко допуститъ, чтобы какихъ-нибудь всего сотню лѣтъ назадъ засѣка шла по нынѣшнимъ Калужской и Тульской губерніямъ, съ Венева на Тулу, Крапивну, Одоевъ, Лихвинъ, Козельскъ. Въ половинѣ XVIII ст., почти подъ самой Москвою приходилось еще считаться съ Крымской ордой. Нужно ли лучшаго оправданія въ заселеніи Потемкинымъ Новороссійскаго края и присоединеніи Крыма?

Позволимъ себѣ поближе остановиться на одной изъ картъ Тучкова. Заголовокъ перваго плана гласитъ: „Генеральная карта четыремъ засѣкамъ, приписнымъ къ Тульскимъ оружейнымъ заводамъ, а именно: Щегловской, Карницкой, Картасеневской и Веневской“, при чемъ составитель добавилъ такого рода „экспликацію“: „Откуда оныя начало и гдѣ окончаніе имѣютъ, при какихъ рѣкахъ и урочищахъ. *Щегловская* засѣка начинается съ полевой стороны отъ города Тулы, рѣки Тулицы и отъ земляного вала простирается до вершины рѣки Сежи; съ русскую сторону отъ замка Картасеневской засѣки и отъ Утиной ямы, что противъ села Богоявленскаго, идетъ до земляного вала и до рѣки Тулицы. *Карницкая* съ русскую сторону отъ вершины рѣки Сежи до рѣки Шата, а отъ рѣки Шата съ полевую сторону отъ вершины рѣчки Хавки до Каширской засѣки; съ русскую сторону отъ рѣчки Алитовки до рѣки Большого Осетра и до Картасеневской засѣки. *Картасеневская* въ полевую сторону отъ рѣки Б. Осетра до рѣчки Лѣсной Веркуши и до Каширской засѣки; въ русскую сторону отъ рѣчки Каменка до замка Щегловской засѣки и до Утиной ямы противъ села Богоявленскаго. Въ *Веневской* засѣкѣ отмежеваны поляны и три поляны Бригадира Игнатьева, а какія званіемъ

---

[1]) 1 верста въ дюймѣ.

[2]) Замѣтимъ, что они оріентированы такъ, что югъ показанъ на верху, а сѣверъ—внизу. Это надо имѣть въ виду, потому что при отсутствіи на планѣ крупныхъ пунктовъ (поселеній), зритель сбивается тѣмъ, что „русскую“ сторону видитъ сверху, а „полевую“ обращенною внизъ.

и при какихъ урочищахъ, значится въ картѣ литерами и желтою краскою"—и далѣе идетъ перечисленіе этихъ полянъ (числомъ восемь). По внѣшнему виду эти засѣки точно извилистыя зеленыя змѣи съ самыми прихотливыми утолщеніями. Онѣ пересѣкаются дорогами, рѣчками и ручьями; изрѣдка внутри ихъ встрѣчается деревня на проѣзжемъ трактѣ или монастырь (Веневъ) на самомъ краю урочища; но въ большинствѣ случаевъ, разумѣется, это безлюдная полоса. Да и то упомянутый монастырь стоитъ у перекрестка двухъ путей, а деревня (Ивановская) скорѣе на полянѣ, подлѣ лѣса, чѣмъ въ самомъ лѣсу. Эти поляны въ нѣсколькихъ мѣстахъ перерѣзали Веневскую засѣку, что, конечно, сильно мѣшало ей отвѣчать своему прямому назначенію. Вотъ почему мы видимъ здѣсь попытку въ одномъ пунктѣ, наиболѣе узкомъ, парализовать ея слабыя стороны проведеніемъ земляного вала. Надо замѣтить, карта не только подробно рисуетъ самую засѣку, но шагъ за шагомъ слѣдитъ за нограничными угодьями, тщательно отмѣчая сосѣднихъ владѣльцевъ, какъ съ „русской" (сѣверной), такъ и съ „полевой" (южной) стороны засѣки. Вотъ для примѣра граница „русской" стороны *Щегловской* засѣки: „дача государственныхъ крестьянъ села Богоявленскаго, дача госуд. кр-нъ дер. Анишиной, дача госуд. кр. дер. Новоселокъ, дача госуд. кр. села Волынцова, дача графа Дивіера, дача Остафьева и Беклемишева, дача Ушакова и Павлова, дача разныхъ помѣщиковъ дер. Толстой, дача разныхъ помѣщиковъ села Крюкова, дача князя Гагарина, дача Данилова, дача Фаминцына" и т. д. Подобныя этимъ указанія—цѣнный матеріалъ для исторіи сословій и отдѣльныхъ фамилій XVIII в. [1]).

Остановимся еще на „картахъ и видахъ береговъ Чернаго моря, принадлежащихъ Россійской Имперіи": это—рукописный атласъ, составленный въ 1798—99 гг. капитаномъ Биллингсомъ—всего 26 листовъ, частью раскрашенныхъ (собственно виды),—одна изъ очень крупныхъ по содержанію вещей на Выставкѣ (№ 302, Гл. Гидр. Упр. Морск. Мин.). Видъ Севастопольской бухты рисуетъ намъ мѣсто тогдашняго города; въ Балаклавѣ сто лѣтъ назадъ сохранялся еще въ цѣлости двойной рядъ стѣнъ, отъ коихъ теперь остались одни жалкіе остатки; Судакская крѣпость походила на настоящую грозную твердыню, на которую современники Биллингса едва ли смотрѣли глазами археологовъ: такъ прочны и многочисленны были еще въ ту пору ея стѣны и бойницы, составляя одно замкнутое цѣлое. „Крѣпость" Ѳеодосіи была, дѣйствительно, крѣпостью, ея стѣны отчетливо видны на рисункѣ.

---

[1]) Деревня Ясная Поляна (на картѣ Малиновой засѣки) показана на границѣ лѣса съ полевой стороны на большой дорогѣ изъ Москвы въ Кіевъ.

Къ областной же географіи Россіи XVIII в. надо причислить Атласъ городовъ и уѣздовъ Тверского намѣстничества, 1783 года (№ 624, в) и особенно цѣлую коллекцію старыхъ картъ, присланныхъ изъ Рязанской Архивной Коммиссіи (№ 627): планы города Рязани, Рязанскаго намѣстничества, нѣкоторыхъ монастырей, планы уѣздовъ съ объяснительнымъ текстомъ и т. п.

VI.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ отдѣлъ, посвященный успѣхамъ русскихъ людей на поприщѣ моревѣдѣнія. Обильный матеріалъ выставленъ исключительно Главнымъ Гидрографическимъ Управленіемъ Морского Министерства. Я, впрочемъ остановлюсь лишь на немногомъ, проходя даже мимо цѣлаго ряда атласовъ, гдѣ столько любопытнаго и поучительнаго, напр.: Атласъ Варяжскаго моря, 1714 года [1]), такой же—Соймонова, 1738 г., атласъ Балтійскаго моря, 1740 и такой же 1750 со шведскаго изданія 1738 г.; атласы Нагаева 1757 и 1796 гг., Сарычева—1812 г. (№ 298) и пр. Рядомъ съ ними рукописная „хронологическая карта русской гидрографіи 1696—1883 гг. пополнена по 1891 г." (№ 297): полосами соотвѣтственныхъ цвѣтовъ обозначены изслѣдованія русскими моряками береговъ морей, рѣкъ и озеръ въ предѣлахъ всего земнаго шара. Начало такимъ занятіямъ, какъ показываетъ и самое названіе карты, положено было еще въ царствованіе Петра В. Судя по ней, можно опредѣлить, что́ именно было предпринято и осуществлено при его жизни: 1) промѣръ рѣки Дона отъ Воронежа до Азова вицеадмираломъ Крюйсомъ при содѣйствіи самого государя (1696). 2) Промѣръ Чернаго моря отъ Керчи до Константинополя на кораблѣ „Крѣпость" (1699). 3) Генеральная карта Азовскаго моря отъ Азова до Керчи, составленная въ 1702 г. и поднесенная Петру В. въ Воронежѣ. 4) Экспедиція геодезистовъ Евреинова и Лужина на Курильскіе острова (1719). 5) Работы капитана фонъ-Вердена на Каспійскомъ морѣ.

Карта Азовскаго моря выставлена Морскимъ Министерствомъ въ очень любопытнымъ экземплярѣ: это, если не оригиналъ, то современная копія (№ 288). Она называется: „Новую карту отъ всего моря палѣсъ мѣотѣсъ, от Азова до Кѣрчи, зделанъ наВорониже, 1702 году" и кромѣ того съ такимъ посвященіемъ; „Великій г-дарь царь и вѣликій князь Пѣтръ Алексевичь всѣя великия и малыя и

[1]) „Книга размѣрная градусныхъ картъ Остъ-Зее или Варяжскаго моря. Напечатана повелѣніемъ царскаго величества. Спб. 1714" in folio.

бѣлыя Росиі самодѣржецъ сѣиі паскартъ вручаю со всякимъ униженіемъ от ваши покорныя слугѣ". Узкая сѣверо-восточная часть Азовскаго моря подробно промѣрена на этой картѣ; такъ же нанесены промѣры и пути до Керчи. Ѳ. Ѳ. Веселаго такъ описываетъ эту карту: „На ней очертаніе береговъ весьма невѣрное, за исключеніемъ части между устьями Дона и линіей, идущей отъ Долгой косы до Бердинской; въ этой части нанесенъ довольно подробный промѣръ, показанный также по пути до Керченскаго пролива. Восточнѣе этого пролива, передъ устьями Кубани, показанъ еще проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ, и на островѣ, находящемся между обоими проливами, назначены два города: „Тамантъ" при Керченскомъ и „Кошолтасъ" (?) при другомъ" [1]).

Однообразную задачу съ „Хронологической картой" № 297, но лишь въ болѣе скромныхъ предѣлахъ, преслѣдуетъ напечатанная въ 1874 г. „Карта Сѣвернаго Ледовитаго океана въ границахъ Россійской имперіи; составлена на основаніи русскихъ гидрографическихъ изслѣдованій съ 1734 по 1871 годъ". Здѣсь тоже окрашенными полосами обозначены мѣста и пространства, изученныя тѣмъ или другимъ изслѣдователемъ. Вотъ имена этихъ дѣятелей (перечень ихъ даю въ хронологическомъ порядкѣ): 1) Муравьевъ и Павловъ 1734—35 гг. 2) Овцынъ 1734—37. 3) Прончищевъ 1735—36. 4) Дм. Лаптевъ 1736, 1739—42. 5) Малыгинъ и Скуратовъ 1736—37. 6) Мининъ 1738 и 1740. 7) Хар. Лаптевъ 1739—41. 8) Челюскинъ 1741—42. 9) Размысловъ 1768—69. 10) Биллингсъ 1791. 11) Козминъ 1821. 12) Шишмаревъ 1821. 13) Анжу и Бережныхъ 1821—23. 14) Врангель и Матюшкинъ 1821—23. 15) Литке 1821—24. 16) Бережныхъ и Пахтусовъ 1821—26. 17) Ивановъ и Рагозинъ 1821—28. 18) Рейнеке 1826—32. 19) Пахтусовъ, Крапивинъ и Цыволка 1833—36. 20) Моисеевъ и Рогачевъ 1838—39. 21) Миддендорфъ и Вагановъ 1843. 22) Норвежскіе мореплаватели 1869—1871.

Берега Бѣлаго моря изображены на нѣсколькихъ картахъ XVIII ст., но наиболѣе древни и интересны—планы устья Сѣверной Двины. По древности первое мѣсто занимаетъ работа Адр. Шхонбека (1701), гравированная „повелѣніемъ" Петра и посвященная Ѳ. М. Апраксину. Здѣсь, впрочемъ, изображена не столько дельта рѣки, сколько ея крайніе рукава, восточный и западный; остальное даже не намѣчено. Гораздо полнѣе въ этомъ отношеніи работа (отъ руки) 1732 г.: весь міръ островковъ Двинского устья передъ вами на лицо и, что еще важнѣе, обозначено расположеніе каждой церкви, укрѣп-

[1]) Очеркъ русской морской исторіи, ч. I, стр. 622.

ленія и проч.—Карта 1768 г., надо думать, образцомъ своимъ имѣла выше упомянутую 1732 года (всѣ три подъ № 266).

Вообще Морское Министерство позаботилось о томъ, чтобы ходъ нашего знакомства и изученія сѣверной морской окраины русскаго государства былъ представленъ возможно полнѣе. Возьмемъ, напр. хотя бы Новую Землю. Штурманъ Θедоръ Размысловъ въ 1767 г. снялъ часть острова по плану, составленному промышленникомъ Яковомъ Чиракинымъ, именно, очертанія Маточкина шара и прилегающихъ береговъ; впрочемъ одни лишь абрисы береговъ, да и то преимущественно западныхъ, полнаго же облика обоихъ островов пока нѣтъ.—Въ началѣ текущаго столѣтія экспедиція шлюпа „Пчела", снаряженная гр. Н. П. Румянцевымъ, обезпечила штурману Григорію Поспѣлову возможность дать и полный контуръ островов, еще детальнѣе намѣтивъ западный берегъ. Сходна съ его картою и выставленная „Карта Новой Земли, употребляемая россійскими промышленниками". Нельзя не упомянуть о русской „Картѣ Новой Земли по описи голландскихъ мореходцевъ В. Баренца и К. Найя съ 1594 по 1597 г., взятой изъ Голландскаго атласа Іоганна Бляу 1664 г."; составлена она въ 1872 г. при Гидрографическомъ департаментѣ. Путешествіе брига „Новая Земля" на Новую Землю въ 1821—1823 гг., работы Пахтусова въ 1832--1835 г. нашли свое выраженіе въ посвященныхъ имъ новыхъ картахъ, рядъ которыхъ, продолжаясь и далѣе, заканчивается прекраснымъ изображеніемъ западнаго берега Новой Земли отъ мыса *Сухой носъ* до мыса *Сѣверный Гусиный носъ*,— въ изданіи Главнаго Гидрографическаго Управленія Морского Министерства въ 1892 году въ масштабѣ 1/21924 (См. всѣ эти карты на выставкѣ подъ № 260).

Спеціально Шпицбергену посвящены три рукописныхъ карты: первая рисуетъ путь маленькой флотиліи, снаряженной подъ командою лейтенанта Немтинова отъ устья р. Двины у Архангельска до Шпицбергена, гдѣ имѣлась въ виду оставить часть команды на зимовку въ Кламбойской бухтѣ; составитель не оставилъ безъ вниманія и печатныхъ голландскихъ картъ Бѣлаго моря. Вторая и третья 1765 и 1766 гг., работы капитана Василія Чичагова (№ 259). Стоитъ упомянуть и о Меркаторской картѣ Бѣлаго моря съ частью Сѣвернаго океана отъ Новой Земли до береговъ Даніи, по образцу Голландскихъ оригиналовъ; она напечатана въ 1774 г. при типографіи Морскаго шляхетскаго кадетскаго корпуса (№ 260).

Заканчивая свой обзоръ Географической выставки, укажу еще на описи и планы, выставленные Межевымъ Архивомъ, и на массу (правда, не коллекціонированную) тѣхъ фотографическихъ снимковъ

видовъ мѣстностей, гдѣ любитель старинныхъ памятниковъ найдетъ прекрасный для себя матеріалъ: города Вильно, Тверь, Каменецъ-Подольскъ, Торжокъ (общая панорама), Калязинъ, Кіевъ, Угличъ, Владиміръ на Клязьмѣ, Болгары, Кострома, Ярославль, Нижній-Новгородъ, Казань, Вологда, Великій Устюгъ, Ревель, Дерптъ, Архангельскъ, Соловецкій монастырь, Нилова пустынь въ Осташковскомъ уѣздѣ, село Кимры и др.

17 ноября 1892 года.

Развитіе демократіи въ трактатѣ Аристотеля о государствѣ аѳинскомъ.

П. Г. Виноградова.

Обнародованная въ прошломъ году „Ἀθηναίων πολιτεία“ Аристотеля подала поводъ къ различнымъ спорамъ и недоумѣніямъ. Высказывались подозрѣнія, что она совсѣмъ не принадлежитъ Аристотелю, и главнѣйшими основаніями для такого вывода служили замѣченные въ ней промахи и пробѣлы. Кромѣ того, указывали на то, что нѣтъ почти никакой связи съ Политикой, а по нѣкоторымъ пунктамъ даже существуютъ противорѣчія между двумя названными сочиненіями. Но до сихъ поръ и противники, и защитники трактата почему-то ограничивались отдѣльными сопоставленіями, которыя не могли быть особенно убѣдительны именно по своей разрозненности. Если противнику и удавалось отмѣтить разнорѣчіе, защитникъ могъ всегда увернуться отъ угрожавшаго вывода въ виду возможности для всякаго автора измѣнить свой взглядъ на отдѣльныя подробности въ промежуткѣ между двумя учеными работами. Если, наоборотъ, защитникъ успѣшно показывалъ въ томъ или другомъ мѣстѣ значительное сходство мысли и выраженій, противнику оставалось сослаться на происхожденіе трактата въ школѣ Аристотеля, которая не могла не внести нѣкоторыхъ общихъ положеній и терминовъ. Съ формальной точки зрѣнія споръ, который ведется на такой почвѣ, слѣдуетъ признать неразрѣшимымъ, потому что нельзя предъявить нотаріальнаго засвидѣтельствованія авторской собствености Аристотеля, а противъ общаго мнѣнія древности, начиная отъ младшаго современника Аристотеля, Тимея, еще В. Розе заявилъ отводъ. Въ матеріальномъ отношеніи споръ между приверженцами авторства Аристотеля при содѣйствіи учениковъ и авторства учениковъ при извѣстномъ вліяніи Аристотеля можетъ быть

сведенъ на немногое — подъ однимъ условіемъ, однако. Необходимо разобрать на какомъ-нибудь значительномъ, существенномъ ученіи, насколько близки или далеки другъ отъ друга вновь открытый трактатъ и признанныя за Аристотелемъ сочиненія, хотя бы, напримѣръ, Политика. Качественная важность и количественный объемъ должны ручаться, что дѣло идетъ не о случайныхъ совпаденіяхъ или разнорѣчіяхъ, а о внутреннемъ сродствѣ или различіи.

Едва ли кто будетъ спорить in abstracto противъ такого методическаго требованія. Но противники авторства Аристотеля, да пожалуй и нѣкоторые изъ защитниковъ, повидимому, отчаялись найти сторону, удобную для сближенія. И тѣхъ, и другихъ очень поразила разница въ цѣляхъ и пріемахъ между Политикой и Политіями: въ одномъ случаѣ философскія обобщенія и разсужденія, въ другомъ — фактическій очеркъ главныхъ періодовъ исторіи и множество слабо систематизированныхъ данныхъ по государственному праву, администраціи и судопроизводству. Изъ Политики легко взять „ученіе", но какъ выдѣлить его изъ фактовъ Политій, которые самъ Аристотель, вѣроятно, обозначилъ бы выраженіемъ „τὰ καθ'ἕκαστα"?

Книги, о которыхъ идетъ рѣчь, однако, не такъ ужъ несоизмѣримы, какъ представляется на первый взглядъ. Можно предположить, напр., что и фактическій очеркъ аѳинской исторіи и администраціи не могъ обойти очень общаго политическаго понятія „демократіи". Если судьба Аѳинъ представлялась въ какомъ-либо отношеніи поучительной и философски интересной, то, конечно, какъ примѣръ послѣдовательнаго проведенія демократическихъ принциповъ. И дѣйствительно, всякій читатель вновь открытаго трактата знаетъ, что его авторъ не просто заноситъ на его страницы то, что казалось поважнѣе изъ политической исторіи, а выбираетъ и группируетъ съ опредѣленной цѣлью. Какъ Ѳукидидъ отмѣтилъ въ своей первой книгѣ главные моменты въ исторіи могущества Аѳинъ, ихъ внѣшняго роста и преобладанія, такъ авторъ Политіи остановился на переворотахъ внутренняго строя—учрежденій и партій. И красною нитью его изложенія естественно сдѣлалось движеніе демократіи. Ея успѣхами онъ измѣряетъ пройденный путь, вновь и вновь останавливается въ своемъ изложеніи, чтобы отмѣтить, какъ стояли въ извѣстный моментъ дѣла въ отношеніи этого главнаго руководящаго признака. Поэтому, если Политія и не возвышается до общихъ оцѣнокъ Политики, то во всякомъ случаѣ въ ней вдоволь матеріала для характеристики развитія демократіи на самомъ выдающемся примѣрѣ ея примѣненія. На этой почвѣ мы и попытаемся провести сравненіе между ученіями Политики и изложеніемъ Политіи [1]).

[1]) Кауеръ предпринялъ нѣчто подобное въ статьѣ „Aristoteles als Histo-

Съ словомъ „демократія“ мы встрѣчаемся впервые въ нашемъ трактатѣ по неожиданному случаю. Собственно, правильнѣе было бы сказать—мы должны были бы встрѣтиться, такъ какъ начало трактата, какъ извѣстно, потеряно, и „демократія“ упоминалась уже въ одной изъ утраченныхъ главъ. Узнаемъ мы объ этомъ изъ Плутарха, который имѣлъ передъ собою полный текстъ, и сообщилъ изъ него въ біографіи Θесея, что этотъ легендарный царь „первый склонился въ сторону народа и отказался отъ единодержавія“ [1]).

Въ самомъ трактатѣ остался слѣдъ этого страннаго извѣстія, именно въ 41-й главѣ, гдѣ кратко перечисляются совершившіяся въ Аθинахъ перемѣны, числомъ одиннадцать: тамъ сказано, что послѣ устройства Іона, который основалъ государство, установилась при Θесеѣ форма правленія, нѣсколько уклонявшаяся отъ монархической [2]). Плутархъ выразился, очевидно, слишкомъ уже рѣзко: трактатъ давалъ ему право только на замѣчаніе о видоизмѣненіи царской власти къ выгодѣ народа, а не объ устраненіи ея. Интересно было бы знать, въ чемъ именно можно было видѣть такое видоизмѣненіе? 25-я глава біографіи Θесея даетъ намъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя указанія. Помимо приведенной прямой ссылки на Аристотеля, т.-е. на нашъ трактатъ, она распространяется о томъ, что онъ созвалъ въ Аθины всякаго рода людей на равныхъ правахъ гражданъ и, чтобы эта „демократія“ не оказалась безпорядочнымъ сбродомъ, подѣлилъ ихъ на три сословія, изъ которыхъ каждое имѣло извѣстныя преимущества надъ другими—эвпатриды выдѣлялись почетомъ и должностями, геоморы полезностью, деміурги—числомъ [3]). Это разсужденіе, по суще-

riker“, помѣщенной въ Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft за текущій годъ. Но способы изслѣдованія и изложенія въ этой статьѣ представляются мнѣ совершенно неудовлетворительными.

[1]) Plut. Thes. 25. ὅτι δὲ πρῶτος ἀπέκλινε πρὸς τὸν ὄχλον, ὡς Ἀριστοτέλης φησί, καὶ ἀφῆκε τὸ μοναρχεῖν, ἔοικε μαρτυρεῖν καὶ Ὅμηρος.

[2]) Ἀ. π. 41, § 2. δευτέρα δὲ καὶ πρώτη μετὰ ταύτην ἔχουσα πολιτείας τάξιν ἡ ἐπὶ Θησέως γενομένη, μικρὸν παρεγκλίνουσα τῆς βασιλικῆς.

[3]) Plut. Thes. 25. ἔτι δὲ μᾶλλον αὐξῆσαι τὴν πόλιν βουλόμενος ἐκάλει πάντας ἐπὶ τοῖς ἴσοις καὶ τὸ Δεῦρ' ἴτε πάντες λεῴ κήρυγμα Θησέως γενέσθαι φασὶ πανδημίαν τινὰ καθιστάντος. Οὐ μὴν ἄτακτον οὐδὲ μεμιγμένην περιεῖδεν ὑπὸ πλήθους ἐπιχυθέντος ἀκρίτου γενομένην τὴν δημοκρατίαν, ἀλλὰ πρῶτος ἀποκρίνας χωρὶς Εὐπατρίδας καὶ Γεωμόρους καὶ Δημιουργούς, Εὐπατρίδαις δὲ γιγνώσκειν τὰ θεῖα καὶ παρέχειν ἄρχοντας ἀποδοὺς καὶ νόμων διδασκάλους εἶναι καὶ ὁσίων καὶ ἱερῶν ἐξηγητάς, τοῖς ἄλλοις πολίταις ὥσπερ εἰς ἴσον κατέστησε, δόξῃ μὲν Εὐπατριδῶν, χρείᾳ δὲ Γεωμόρων, πλήθει δὲ Δημιουργῶν ὑπερέχειν δοκούντων. — По содержанію связано и, быть можетъ, также у Аристотеля заимствовано мѣсто 36-й главы: καὶ κεῖται μὲν ἐν μέσῃ τῇ πόλει παρὰ τὸ νῦν γυμνάσιον, ἔστι δὲ φύξιμον οἰκέταις καὶ πᾶσι τοῖς ταπεινοτέροις καὶ δεδιόσι κρείττονας, ὡς καὶ τοῦ Θησέως προστατικοῦ τινος καὶ βοηθητικοῦ γενομένου καὶ προσδεχομένου φιλανθρώπως τὰς τῶν ταπεινοτέρων δεήσεις.

ству, по крайней мѣрѣ, принадлежитъ не Плутарху, а его источнику. Это вытекаетъ изъ двоякаго рода соображеній: въ подтвержденіе разсказа слѣдуетъ ссылка на возгласъ герольда (κήρυγμα): „идите сюда, всѣ люди“, который приписывали Өесею (и провозглашали на Панаөинеяхъ?) [4]), а также косвенный выводъ изъ одного Гомеровскаго стиха. И то, и другое совершенно соотвѣтствуетъ обыкновеннымъ пріемамъ Политій. А затѣмъ, въ конспектѣ Гераклида, который составленъ исключительно по „Аөинской политіи“, упомянуто о томъ, что „Өесей провозгласилъ черезъ герольда и соединилъ на равныхъ правахъ“ [5]). Тотъ же конспектъ ставитъ въ связь эту мѣру Өесея съ примиреніемъ различныхъ частей Аттики, враждовавшихъ послѣ раздѣленія страны между сыновьями Пандіона [6]).

Такимъ образомъ, начало трактата указывало на первый шагъ къ демократіи въ привлеченіи въ Аөины всякаго рода людей на правахъ гражданъ. Синойкисмъ Өесея являлся въ Политіи съ особенными чертами. Өукидидъ просто указываетъ на сліяніе мелкихъ областныхъ центровъ въ одинъ главный городъ съ единымъ правительствомъ [7]). Нашъ трактатъ различалъ два синойкизма: одинъ, который собственно и названъ этимъ именемъ, при Іонѣ—отъ него и пошло государство. Второй, при Өесеѣ, мотивируется раздорами въ странѣ и изображается, съ одной стороны, какъ мирный договоръ, съ другой, какъ πανδημία—открытіе своего рода убѣжища, напоминающее легендарную мѣру Ромула. Это не могло считаться основаніемъ демократіи въ смыслѣ правленія большинства, но раціоналистическая исторія, такимъ образомъ, пріурочила къ опредѣленному имени созданіе самого демоса, которому суждено было играть такую роль въ Аөинахъ. Противоположность съ Іономъ очень характерна: тому приписывается учрежденіе филъ и, вѣроятно, родового аристократическаго

---

[4]) Въ концѣ извѣстія о синойкисмѣ Өукидидъ упоминаетъ о народномъ празднествѣ, учрежденномъ въ его память. Онъ несомнѣнно имѣетъ въ виду праздникъ Синойкіи, и естественно было бы предположить, что возгласъ герольда (κήρυγμα Θησέως), приведенный у Плутарха и отмѣченный у Гераклида, произносился именно на этомъ празднествѣ. См. Thuc. II, 15: καὶ ξυνοίκια ἐξ ἐκείνου Ἀθηναῖοι ἔτι καὶ νῦν τῇ θεῷ ἑορτὴν δημοτελῆ ποιοῦσι. Но самыя выраженія возгласа (πάντες λεῴ) заставляетъ думать о Панаөинеяхъ.

[5]) Heracl. epit. (Ἀ. π. ed. Blass., p. 104): Θησεὺς δὲ ἐκήρυξε καὶ συνεβίβασε τούτους ἐπ' ἴσῃ καὶ ὁμοίᾳ.

[6]) Ibid. Πανδίων δὲ βασιλεύσας μετὰ Ἐρεχθέα διένειμε τὴν ἀρχὴν τοῖς υἱοῖς. καὶ διετέλουν οὗτοι στασιάζοντες. Θησεὺς δὲ κτέ.

[7]) Thuc. II, 15,3. ἐπειδὴ δὲ Θησεὺς ἐβασίλευσε... καταλύσας τῶν ἄλλων πόλεων τά τε βουλευτήρια καὶ τὰς ἀρχὰς ἐς τὴν νῦν πόλιν οὖσαν ἓν βουλευτήριον ἀποδείξας καὶ πρυτανεῖον ξυνῴκισε πάντας.

строя [8]). Θесей вводитъ сословія и даетъ мѣсто въ гражданствѣ низкороднымъ людямъ. Въ этомъ отношеніи онъ соотвѣтствуетъ въ римской традиціи Анку Марцію.

Мы, къ сожалѣнію, почти лишены прямыхъ указаній, которыя помогли бы намъ разъяснить намекъ на политическую сторону процесса—на ограниченіе царской власти. Въ утраченномъ началѣ нашего трактата дѣло шло, какъ видно изъ общаго плана сочиненія и сохранившихся отрывковъ, какъ разъ о постепенномъ вырожденіи монархіи, начавшемся съ реформы Θесея. Несчастная случайность лишаетъ насъ, такимъ образомъ, возможности сопоставить въ этомъ случаѣ Политію съ мѣстами Политики, посвященными паденію царской власти. Одно предположеніе во всякомъ случаѣ можно сдѣлать. Авторъ трактата ставитъ въ тѣсную связь появленіе демоса въ Аѳинахъ и начало упадка монархіи. Это во всякомъ случаѣ вполнѣ отвѣчаетъ своеобразному и почему-то мало замѣченному взгляду Аристотеля, по которому главное назначеніе царя—оборонять родовитыхъ людей отъ массы, какъ главное назначеніе тиранна—оборонять массу отъ родовитыхъ [9]). Съ этой точки зрѣнія предполагаемыя мѣры Θесея въ пользу демоса сами по себѣ подрывали авторитетъ царей.

Что значеніе легендарной реформы Θесея предполагалось болѣе косвенное, видно притомъ изъ характеристики законодательства Солона: послѣднее прямо названо началомъ демократіи [10]), а самъ Солонъ первымъ предводителемъ демоса (προστάτης τοῦ δήμου) [11]). Извѣстно, что и Политика Аристотеля съ этой эпохи считаетъ народное правленіе. Вообще согласіе между обоими сочиненіями въ данномъ случаѣ настолько полное, насколько могутъ быть согласны разборъ спеціальныхъ условій законодательства и ссылки на его значеніе въ общемъ разсужденіи. Политика предполагаетъ хорошее знакомство автора и читателей съ элегіями и пользованіе ими для историческихъ цѣлей: Политія примѣняетъ этотъ способъ изученія на цѣломъ рядѣ

---

[8]) 'Α. π. 41. πρώτη μὲν γὰρ ἐγένετο κατάστασις τῶν ἐξ ἀρχῆς, Ἴωνος καὶ τῶν μετ'αὐτοῦ συνοικισάντων. τότε γὰρ πρῶτον εἰς τὰς τέτταρας συνενεμήθησαν φυλάς, καὶ τοὺς φυλοβασιλέας κατέστησαν.

[9]) Pol. V, 10, p. 1310b. ἡ μὲν γὰρ βασιλεία πρὸς βοήθειαν τὴν ἀπὸ τοῦ δήμου τοῖς ἐπιεικέσι γέγονεν, καὶ καθίσταται βασιλεὺς ἐκ τῶν ἐπιεικῶν... ὁ δὲ τύραννος ἐκ τοῦ δήμου καὶ τοῦ πλήθους ἐπὶ τοὺς γνωρίμους, ὅπως ὁ δῆμος ἀδικῆται μηδὲν ὑπ'αὐτῶν.— ...καὶ ἕτεροι (sc. τύραννοι κατέστησαν) τὸν αὐτὸν τρόπον ἐκ δημαγωγίας.—Βούλεται δ'ὁ βασιλεὺς εἶναι φύλαξ, ὅπως οἱ μὲν κεκτημένοι τὰς οὐσίας μηδὲν ἄδικον πάσχωσιν, ὁ δὲ δῆμος μὴ ὑβρίζηται μηδέν.

[10]) 'Α. π. 41. τρίτη δ'ἡ μετὰ τὴν στάσιν ἡ ἐπὶ Σόλωνος (sc. κατάστασις), ἀφ'ἧς ἀρχὴ δημοκρατίας ἐγένετο.

[11]) 'Α. π. 2, 28.

стихотворныхъ выдержекъ [12]). Въ личномъ положеніи реформатора отмѣчается одна и та же главная черта—его происхожденіе изъ средняго класса [13]), которое обусловливало самый характеръ созданнаго имъ устройства—соглашеніе, компромиссъ между крайностями [14]). Опредѣляющій мотивъ реформы указанъ тотъ же: необходимо было прекратить рабство демоса [15]). Политія энергично настаиваетъ на томъ, что экономическое порабощеніе массы было главной причиной ея недовольства [16]), а конечное паденіе олигархіи объясняетъ жадностью [17]). Въ Политикѣ Аристотель прямо заявляетъ, что народъ обыкновенно способенъ перенести неудобство и олигархическаго, и тиранническаго порядковъ, если только ему не мѣшаютъ добывать хлѣбъ работой [18]); главная бѣда для олигархій какъ разъ ихъ ненасытная жадность [19]). Наконецъ—и это наиболѣе важно—значеніе реформы для демоса опредѣляется совершенно одинаково, и притомъ въ той же самой политической формѣ. Солонъ передалъ народу судебную власть и, благодаря этой позиціи, народъ мало-по-малу овладѣлъ и всѣмъ остальнымъ; это несомнѣнно, но совершенно неправы тѣ, кто видитъ въ этомъ сознательную цѣль законодателя—такъ случилось силою вещей, а самъ законодатель имѣлъ въ виду дать народу не господство, а строго необходимое [20]). Такова связь идей,

---

[12]) 'Α. π. 5, 12.

[13]) Arist. Pol. IV, 11, p. 1296a. σημεῖον δὲ δεῖ νομίζειν καὶ τὸ τοὺς βελτίστους νομοθέτας εἶναι τῶν μέσων πολιτῶν. Σόλων τε γὰρ ἦν τούτων (δηλοῖ δ'ἐκ τῆς ποιήσεως). —'Α. π. 5. τῇ.. οὐσίᾳ καὶ τοῖς πράγμασι τῶν μέσων.

[14]) Pol. II, 12, p. 1273a. μίξαντα καλῶς τὴν πολιτείαν. εἶναι γὰρ τὴν μὲν ἐν 'Αρείῳ πάγῳ βουλὴν ὀλιγαρχικόν, τὸ δὲ τὰς ἀρχὰς αἱρετὰς ἀριστοκρατικόν, τὰ δὲ δικαστήρια δημοτικόν.—Ссылаюсь на 12-ю главу второй книги несмотря на высказанныя относительно ея подлинности сомнѣнія. Мнѣ кажется, что въ существенныхъ частяхъ она принадлежитъ Аристотелю въ той же степени, какъ и другія главы Политики.

[15]) Pol. II, 12, p. 1273a. Σόλωνα... δουλεύοντα τόν δῆμον παῦσαι, καὶ δημοκρατίαν καταστῆσαι τὴν πάτριον. Ср. начало Солоновой элегіи въ 'Α. π., 12:

ἐγω δὲ τῶν μὲν οὕνεκα ξυνήγαγον
δῆμον, τί τούτων πρὶν τυχεῖν ἐπαυσάμην;

'Α. π. 5. καὶ τῶν πολλῶν δουλευόντων τοῖς ὀλίγοις.

[16]) 'Α. π. 2. χαλεπώτατον μὲν οὖν καὶ πικρότατον ἦν τοῖς πολλοῖς τῶν κατὰ τὴν πολιτείαν τὸ δουλεύειν· οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τοῖς ἄλλοις ἐδυσχέραινον.

[17]) 'Α. π. 5. παραινῶν τοῖς πλουσίοις μὴ πλεονεκτεῖν.

[18]) Pol. VI, 4, p. 1318b. οἱ γὰρ πολλοὶ μᾶλλον ὀρέγονται τοῦ κέρδους ἢ τῆς τιμῆς. σημεῖον δέ· καὶ γὰρ τὰς ἀρχαίας τυραννίδας ὑπέμενον καὶ τὰς ὀλιγαρχίας ὑπομένουσιν, ἐάν τις αὐτοὺς ἐργάζεσθαι μὴ κωλύῃ μηδ' ἀφαιρῆται μηδέν.

[19]) Pol. V, 2, p. 1302a. οἱ μὲν γὰρ ἰσότητος ἐφιέμενοι στασιάζουσιν, ἂν νομίζωσιν ἔλαττον ἔχειν ὄντες ἴσοι τοῖς πλεονεκτοῦσιν.

[20]) Pol. II, 12, p. 1274a. ἔοικε δὲ Σόλων... τὸν... δῆμον καταστῆσαι, τὰ δικαστήρια ποιήσας ἐκ πάντων. διὸ καὶ μέμφονταί τινες αὐτῷ. λῦσαι γὰρ θάτερον, κύριον

которая одинаково вытекаетъ изъ разсказа Политіи и разсужденій Политики. Это совпаденіе, конечно, очень знаменательно и, въ противоположность ему, не приходится ссылаться на якобы существующія разнорѣчія относительно избранія на должность. Политія сообщаетъ о жеребьевкѣ между 40 *выбранными* кандидатами на 9 архонтскихъ мѣстъ [21]): и Кеніонъ, и другіе основательно замѣтили, что этотъ способъ назначенія скорѣе подходитъ къ понятію избранія, чѣмъ къ понятію замѣщенія по жребію, и потому нѣтъ противорѣчій между этими свѣдѣніями и αἵρεσις, о которой говоритъ Политика [22]). Надо только прибавить, что Аристотель считалъ порядокъ избранія не учрежденнымъ Солономъ, а существовавшимъ до него [23]), такъ что αἵρεσις приписывается ему, не какъ нововводителю, а для обозначенія распредѣленія вліянія между общественными силами—на долю народа достаются право избирать и судебныя взысканія съ провинившихся.

Въ виду того, что Политія подробнѣе Политики останавливается на этомъ важномъ моментѣ въ исторіи Аѳинъ, можно ожидать, что многія стороны реформы получатъ новое освѣщеніе. И ожиданіе это вполнѣ оправдывается. Интереснымъ дополненіемъ къ бѣглой характеристикѣ философскаго сочиненія являются замѣчанія о мѣрахъ, которыя не касались прямо устройства государственныхъ учрежденій, но косвенно повліяли на возвышеніе демократіи. Это, вопервыхъ, запрещеніе долговой кабалы [24]); во-вторыхъ, разрѣшеніе каждому гражданину заступаться за несправедливо утѣсняемыхъ и обвинять притѣснителей предъ судомъ [25]): прежде слабымъ людямъ приходилось дѣйствовать собственными силами, а теперь открывалась возможность

ποιήσαντα τὸ δικαστήριον πάντων, κληρωτὸν ὄν. ἐπεὶ γὰρ τοῦτ' ἴσχυεν, ὥσπερ τυράννῳ τῷ δήμῳ χαριζόμενοι τὴν πολιτείαν εἰς τὴν νῦν δημοκρατίαν κατέστησαν... φαίνεται δ' οὐ κατὰ τὴν Σόλωνος γενέσθαι τοῦτο προαίρεσιν, ἀλλὰ μᾶλλον ἀπὸ συμπτώματος.—'Α. π. 9. ᾧ μάλιστά φασιν ἰσχυκέναι τὸ πλῆθος, ἡ εἰς τὸ δικαστήριον ἔφεσις· κύριος γὰρ ὢν ὁ δῆμος τῆς ψήφου, κύριος γίγνεται τῆς πολιτείας. 35: τῶν Σόλωνος θεσμῶν ὅσοι διαμφισβητήσεις εἶχον, καὶ τὸ κῦρος ὃ ἦν ἐν τοῖς δικασταῖς κατέλυσαν. 25, § 2. 27, § 3. См. объ этомъ спеціальное изслѣдованіе Ф. Дюмлера, въ Hermes, 1892, II. Вообще же о Солонѣ въ Политіи см. интересную работу Б. Кейля.

21) 'Α. π. 8. τὰς δ'ἀρχὰς ἐποίησε κληρωτὰς ἐκ προκρίτων, οὓς ἑκάστη προκρίνειε τῶν φυλῶν. προύκρινεν δ'εἰς τοὺς ἐννέα ἄρχοντας ἑκάστη δέκα, καὶ ἐκ τούτων ἐκλήρουν.

22) Pol. II, 12, p. 1273ᵇ : τὸ δὲ τὰς ἀρχὰς αἱρετὰς ἀριστοκρατικόν. Необходимо сопоставить Pol, IV, 9, p. 1294ᵇ : δοκεῖ δημοκρατικὸν μὲν εἶναι τὸ κληρωτὰς εἶναι τὰς ἀρχάς, τὸ δ'αἱρετὰς ὀλιγαρχικόν.

23) Pol. II, 12, p. 1273ᵇ. ἔοικε δὲ Σόλων ἐκεῖνα μὲν ὑπάρχοντα πρότερον οὐ καταλῦσαι, τήν τε βουλὴν καὶ τὴν τῶν ἀρχῶν αἵρεσιν.

24) 'Α. π. 6, § 1.

25) 'Α. π. 9, § 1. Ср. 4, § 4.

заступничества со стороны могущественныхъ покровителей демоса-кандидатовъ на тиранію. Наконецъ, историческій разсказъ о Солонѣ естественно касается сисахтіи.

Въ двухъ-трехъ пунктахъ лондонскій папирусъ даетъ возможность истолковать и разбить мимоходные намеки Политики, на которые именно вслѣдствіе ихъ краткости и неясности не было до сихъ поръ обращено должнаго вниманія. Политика опредѣляетъ, напр., эсимнетію двумя словами—выборная тираннія [26]). Кратко и неособенно вразумительно. Въ сопоставленіи съ исторіей Солона опредѣленіе получаетъ смыслъ и оправданіе. Положеніе Солона, его санъ (τιμή) [27]) были таковы, что ему оставалось только по желанію закрѣпить за собою тираннію. Онъ уже держалъ верховную власть въ своихъ рукахъ, уже стоялъ съ диктаторскими полномочіями выше законовъ и партій, и стоило ему только подыскать опору въ томъ или другомъ изъ пришедшихъ въ столкновеніе интересовъ, чтобы сдѣлать свою личную власть постояннымъ учрежденіемъ. Благородство души указало ему путь, на которомъ онъ спасъ отечество и заслужилъ ненависть враждовавшихъ партій [28]). Это непоколебимое служеніе справедливости, „которая лежитъ въ серединѣ“, снискало ему сочувствіе автора Политіи, и сочувствіе это высказывается съ необычною горячностью. Авторъ нашего трактата негодующимъ тономъ защищаетъ Солона отъ мелочныхъ и злонамѣренныхъ обвиненій, которыя преслѣдуютъ его и послѣ смерти [29]), и нетрудно догадаться, что эти обвиненія идутъ именно отъ представителя одного изъ крайнихъ направленій, отъ беззаконнаго Критія, который погубилъ Ѳерамена, а еще раньше опорочилъ Солона за то, что онъ передалъ народу великую силу судебной власти и какъ бы нарочно подалъ поводъ къ судебной борьбѣ неясностями своихъ постановленій [30]). Изъ всѣхъ героевъ Аѳинской

---

[26]) Pol. III, 14, p, 1285a. τρίτη δ'ἦν αἰσυμνητεία προσαγορεύουσιν (αὕτη δ'ἐστὶν αἱρετὴ τυραννίς).

[27]) 'Α. π. 12. εἰ γάρ τις ἄλλος, φησί, ταύτης τῆς τιμῆς ἔτυχεν.

[28]) 'Α. π. 11. ἐξὸν αὐτῷ μεθ' ὁποτέρων ἠβούλετο συστάντι τυραννεῖν εἵλετο πρὸς ἀμφοτέρους ἀπεχθέσθαι σώσας τὴν πατρίδα καὶ τὰ βέλτιστα νομοθετήσας. Ср. 6, §§ 3, 4.

[29]) 'Α. π. 6. οὐ γὰρ εἰκὸς ἐν μὲν τοῖς ἄλλοις οὕτω μέτριον γενέσθαι καὶ κοινόν, ὥστ'ἐξὸν αὐτῷ τοὺς ἑτέρους ὑποποιησάμενον τυραννεῖν τῆς πόλεως, ἀμφοτέροις ἀπεχθέσθαι, καὶ περὶ πλείονος ποιήσασθαι τὸ καλὸν καὶ τὴν τῆς πόλεως σωτηρίαν ἢ τὴν αὑτοῦ πλεονεξίαν, ἐν οὕτω δὲ μικροῖς καὶ ἀναξίοις καταρρυπαίνειν ἑαυτόν.—ταύτην μὲν οὖν χρὴ νομίζειν ψευδῆ τὴν αἰτίαν εἶναι.

[30]) 'Α. π. 35. τῶν Σόλωνος θεσμῶν ὅσοι διαμφισβητήσεις εἶχον, καὶ τὸ κῦρος ὃ ἦν ἐν τοῖς δικασταῖς κατέλυσαν.—Ср. 9. ᾧ μάλιστά φασιν ἰσχυκέναι τὸ πλῆθος, ἡ εἰς τὸ δικαστήριον ἔφεσις· κύριος γὰρ ὢν ὁ δῆμος τῆς ψήφου, κύριος γίγνεται τῆς πολιτείας. См. Dümmler, Die 'Αθηναίων πολιτεία des Kritias, въ Hermes, 1892. B. 27, H. 2, стр. 267 ss.

исторіи Солонъ въ древности и Ѳераменъ въ позднюю эпоху наиболѣе заслуживаютъ вниманія и одобренія. И Солонъ выходитъ крупнѣе Ѳерамена, насколько совершившій великое дѣло законодатель крупнѣе партійнаго вождя, который принужденъ переходить отъ одной партіи къ другой, потому что то одна, то другая впадаетъ въ беззаконіе [31]).

Отголоски тѣхъ же симпатій и антипатій слышатся въ Политикѣ. Аристотель, какъ мы уже видѣли, высказался противъ коварныхъ обвиненій Критія [32]). Нужно ли напоминать, что πολιτεία, въ тѣсномъ смыслѣ слова республика, благоразумно избѣгающая господства богатыхъ и господства черни, основанная на преобладаніи среднихъ классовъ, является для него наиболѣе желательной, хотя и наиболѣе рѣдкой формой государственнаго устройства. Онъ ее считаетъ не только фактически возможной, но и фактически существовавшей. Правда, „одинъ только законодатель и пришелъ къ убѣжденію, что государству слѣдуетъ дать именно такой строй“ [33]). Слишкомъ ли смѣло будетъ подставить теперь имя, которое разумѣлъ Аристотель?

И оказывается, что идеализація Солонова строя имѣла непосредственное вліяніе на дѣла; въ борьбѣ партій конца V вѣка вновь и вновь возникалъ вопросъ о примѣненіи „отечественной старины“ къ измѣнившимся условіямъ. Во время устройства олигархіи 411 года Клитофонъ потребовалъ историческихъ справокъ на этотъ счетъ [34]); въ договорѣ 404 года со Спартой значилось возстановленіе такъ называемой πάτριος πολιτεία [35]); такъ называемые тридцать тиранновъ каждый на свой ладъ проводили эту πάτριος πολιτεία [36]). Положимъ, мнѣнія о ней существенно раздѣлились — Клитофонъ искалъ ее въ законодательствѣ Клисѳена [37]), Писандръ и Антифонъ — въ подлин-

---

[31]) 'Α. π. 28. δοκεῖ (sc. Θηραμένης) τοῖς μὴ παρέργως ἀποφαινομένοις, οὐχ ὥσπερ αὐτὸν διαβάλλουσι πάσας τὰς πολιτείας καταλύειν, ἀλλὰ πάσας προάγειν ἕως μηδὲν παρανομοῖεν, ὡς δυνάμενος πολιτεύεσθαι κατὰ πάσας, ὅπερ ἐστὶν ἀγαθοῦ πολίτου ἔργον, παρανομούσαις δὲ οὐ συγχωρῶν, ἀλλ'ἀπεχθανόμενος.

[32]) Pol. II, 12, p. 1274a.

[33]) Pol. IV, 11, p. 1296a. εἷς γὰρ ἀνὴρ συνεπείσθη μόνος τῶν πρότερον ἐφ'ἡγεμονίᾳ γενομένων ταύτην ἀποδοῦναι τὴν τάξιν (sc. τὴν μέσην πολιτείαν).

[34]) 'Α. π. 29. Κλειτοφῶν δὲ τὰ μὲν ἄλλα... εἶπεν, προσαναζητῆσαι δὲ τοὺς αἱρεθέντας ἔγραψεν καὶ τοὺς πατρίους νόμους, οὓς Κλεισθένης ἔθηκεν, ...ὡς οὐ δημοτικὴν ἀλλὰ παραπλησίαν οὖσαν τὴν Κλεισθένους πολιτείαν τῇ Σόλωνος.

[35]) 'Α. π. 34. τῆς εἰρήνης γενομένης αὐτοῖς, ἐφ'ᾧ τε πολιτεύσονται τὴν πάτριον πολιτείαν.

[36]) 'Α. π. 34. τῶν δὲ γνωρίμων οἱ μὲν ἐν ταῖς ἑταιρείαις ὄντες, καὶ τῶν φυγάδων οἱ μετὰ τὴν εἰρήνην κατελθόντες, ὀλιγαρχίας ἐπεθύμουν. Ср. прим. 34.

[37]) См. прим. 34.

номъ или подложномъ законодательствѣ Дракона [38]), Критій также въ до-Солоновскихъ порядкахъ. Но авторъ трактата во всякомъ случаѣ не оставляетъ насъ въ сомнѣніи о томъ, какое мнѣніе онъ считалъ правильнымъ. Взглядъ Клитофона былъ недалекъ отъ истины, потому что Клисѳеново устройство близко подходило къ Солонову [39]). А затѣмъ, въ 403-мъ году, правда была на сторонѣ Ѳерамена [40]), который, какъ мы видѣли, поставленъ въ соотвѣтствіе Солону въ позднѣйшей исторіи и противопоставленъ врагу Солоновыхъ законовъ, Критію. Короче, но еще опредѣленнѣе высказано то же самое въ Политикѣ: два раза названъ основателемъ первой, старинной, отечественной демократіи именно Солонъ [41]). Кстати упомяну уже о другомъ соотвѣтствіи. Ѳераменъ упрекалъ Критія въ Политіи за то, что онъ устроилъ власть, негодную по двумъ причинамъ—насильственную и уступающую въ достоинствѣ подначальнымъ [42]). Невольно вспоминаются мысли Аристотеля по поводу нравственнаго оправданія и назначенія всякой власти—руководить слабѣйшими и менѣе достойными [43]).

Первая, древняя, отечественная демократія заслужила восторженное одобреніе автора Политіи. Она явилась необходимой реакціей противъ своекорыстной политики олигарховъ, она можетъ считаться лучшимъ законодательнымъ устроеніемъ государства; народу въ ней уступлено ровно столько права, сколько необходимо [44]). Аристотель Политики также ставитъ ее въ примѣръ позднѣйшимъ демократическимъ формамъ и видимо приближаетъ къ идеальной Политіи средняго класса [45]). Въ чемъ же ея главная особенность, которая скрывается за всѣми подробностями правительственнаго строя? Отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію и дается въ разныхъ выраженіяхъ въ Политикѣ. Правленіе должно оставаться въ рукахъ состоятельныхъ людей, способныхъ безвозмездно служить государству: народъ же пусть избираетъ ихъ и привлекаетъ къ отчету [46]).

---

38) Ср. 'А. π. с. 29, § 4 и с. 4. См. Busolt, Th. Reinach.

39) См. прим. 33.

40) 'Α. π 34. οἱ δὲ ἐν ἑταιρείᾳ μὲν οὐδεμιᾷ συγκαθεστῶτες... τὴν πάτριον πολιτείαν ἐζήτουν· ὧν ἦν μὲν καὶ 'Αρχῖνος καὶ Ἄνυτος καὶ Κλειτοφῶν καὶ Φορμίσιος καὶ ἕτεροι πολλοί, προειστήκει δὲ μάλιστα Θηραμένης.

41) Pol. II, 12, p. 1273ᵇ. δημοκρατίαν καταστῆσαι τὴν πάτριον.

42) 'Α. π. 36. ὅτι δύο τὰ ἐναντιώτατα ποιοῦσιν, βίαιόν τε τὴν ἀρχὴν καὶ τῶν ἀρχομένων ἥττω κατασκευάζοντες.

43) Pol. I, 5, p. 1254ᵃ.

44) 'Α. π. 12, passim.

45) См. прим. 32.

46) Pol. VI, 4, p. 1318ᵇ. ἔτι δὲ τὸ κυρίους εἶναι τοῦ ἑλέσθαι καὶ εὐθύνειν ἀναπληροῖ τὴν ἔνδειαν, εἴ τι φιλοτιμίας ἔχουσιν. Ср. II, 12, p. 1274ᵃ. Σόλων γε ἔοικε τὴν

Результатъ этотъ можетъ быть достигнутъ или прямымъ ограниченіемъ правъ участія въ политической жизни, или вліяніемъ косвенныхъ условій. Прямое ограниченіе выражается обыкновенно въ формѣ ценза [47]); помимо политической важности послѣдняго, Аристотель придаетъ ему капитальное историческое значеніе. Въ движеніи отъ олигархіи къ демократіи почти необходимою переходной ступенью является господство достаточныхъ среднихъ классовъ. Особенно рѣзкимъ внѣшнимъ признакомъ при этомъ служитъ допущеніе къ должностямъ такъ называемыхъ гоплитовъ [48]),—гражданъ, являющихся на войну въ собственномъ тяжеломъ вооруженіи. Примѣняя современную терминологію, изъ общей массы гражданства выдѣляется болѣе тѣсный кругъ активныхъ гражданъ [49]); активность сводится въ данномъ случаѣ на допущеніе къ должностямъ, а въ народное собраніе попадаютъ и граждане низшаго класса [50]). Въ аѳинской исторіи матеріалъ для наблюденія надъ этой переходной формой даютъ какъ тимократическіе классы Солона, такъ и господство гоплитовъ 4-й главы [51]). Любопытно, что хотя эта форма связана съ условіями жизни древнѣйшей демократіи, но Аристотель считаетъ возможнымъ рекомендовать ее и позднѣйшимъ законодателямъ, которые задаются цѣлью исправлять погрѣшности демократической системы [52]). Да и въ самомъ дѣлѣ, такое „врачебное“ законодательство [53]) должно

ἀναγκαιοτάτην ἀποδιδόναι τῷ δήμῳ δύναμιν, τὸ τὰς ἀρχὰς αἱρεῖσθαι καὶ εὐθύνειν· μηδὲ γὰρ τούτου κύριος ὢν ὁ δῆμος δοῦλος ἂν εἴη καὶ πολέμιος.

47) Pol. VI, 4, p. 1318a. Διὸ δὴ καὶ συμφέρον ἐστὶ τῇ πρότερον ῥηθείσῃ δημοκρατίᾳ καὶ ὑπάρχειν εἴωθεν, αἱρεῖσθαι μὲν τὰς ἀρχὰς καὶ εὐθύνειν καὶ δικάζειν πάντας, ἄρχειν δὲ τὰς μεγίστας αἱρετοὺς καὶ ἀπὸ τιμημάτων, τὰς μείζους ἀπὸ μειζόνων, ἢ καὶ ἀπὸ τιμημάτων μὲν μηδεμίαν, ἀλλὰ τοὺς δυναμένους.

48) Pol. IV, 13, p. 1297b. καὶ ἡ πρώτη δὲ πολιτεία ἐν τοῖς Ἕλλησιν ἐγένετο μετὰ τὰς βασιλείας ἐκ τῶν πολεμούντων, ἡ μὲν ἐξ ἀρχῆς ἐκ τῶν ἱππέων... αὐξανομένων δὲ τῶν πόλεων καὶ τῶν ἐν τοῖς ὅπλοις ἰσχυσάντων μᾶλλον πλείους μετεῖχον τῆς πολιτείας. Cp. Pol. II, p. 1265b. ἡ δὲ σύνταξις ὅλη βούλεται μὲν εἶναι μήτε δημοκρατία, μήτε ὀλιγαρχία, μέση δὲ τούτων, ἣν καλοῦσι πολιτείαν. ἐκ γὰρ τῶν ὁπλιτευόντων ἐστίν.

49) Pol. VI, 7, p. 1321a. τὸ γὰρ ὁπλιτικὸν τῶν εὐπόρων ἐστὶ μᾶλλον ἢ τῶν ἀπόρων.

50) См. прим. 46.

51) Ἀ. π. 4. ἀπεδέδοτο... ἡ πολιτεία τοῖς ὅπλα παρεχομένοις.

52) Ἀ. π. 33. τὰ πράγματα παρέδωκαν τοῖς πεντακισχιλίοις τοῖς ἐκ τῶν ὅπλων... δοκοῦσι δὲ καλῶς πολιτευθῆναι κατὰ τούτους τοὺς καιρούς, πολέμου τε καθεστῶτος καὶ ἐκ τῶν ὅπλων τῆς πολιτείας οὔσης.

53) Ἠ. Νικ., VIII, 10, p. 1181b. οὐ γὰρ φαίνονται οὐδ' ἰατρικοὶ ἐκ τῶν συγγραμμάτων γίνεσθαι. καίτοι πειρῶνταί γε λέγειν οὐ μόνον τὰ θεραπεύματα, ἀλλὰ καὶ ὡς ἰαθεῖεν ἂν καὶ ὡς δεῖ θεραπεύειν ἑκάστους, διελόμενοι τὰς ἕξεις. — ἴσως οὖν καὶ τῶν νόμων καὶ τῶν πολιτειῶν αἱ συναγωγαὶ τοῖς μὲν δυναμένοις θεωρῆσαι καὶ κρῖναι τί καλῶς ἢ τοὐναντίον καὶ ποῖα ποίοις ἁρμόττει, εὔχρησ' ἂν εἴη. τοῖς δ' ἄνευ ἕξεως τὰ τοιαῦτα διεξιοῦσι τὸ μὲν κρίνειν καλῶς οὐκ ἂν ὑπάρχοι.

было обращаться къ средствамъ искусственнымъ и внѣшнимъ; а среди этихъ средствъ нельзя было найти болѣе годнаго, нежели цензъ.

Кромѣ того Аристотель съ удареніемъ указываетъ на условія, которыя обуздываютъ массу помимо всякихъ формальныхъ стѣсненій. Пусть народъ имѣетъ въ своихъ рукахъ верховенство, только бы онъ не впалъ въ искушеніе пользоваться имъ непосредственно и самолично [54]). Извѣстной сдержкой можетъ служить, напримѣръ, сила областныхъ различій; пока масса избираетъ на должности по филамъ, а не въ общемъ собраніи, она не чувствуетъ своей силы и не расположена злоупотреблять ею [55]). Такъ разсуждаетъ Политика, а Политія, слѣдуя тому-же строю мыслей, отмѣчаетъ важный фактъ перехода отъ избранія стратеговъ филами къ избранію ихъ всѣмъ народомъ [56]).

Еще несравненно важнѣе другое обстоятельство. Въ извѣстномъ смыслѣ направленіе политической жизни зависитъ отъ соціальныхъ условій. Въ одномъ и томъ-же государствѣ, при совершенно одинаковомъ юридическомъ распредѣленіи верховенства, народъ можетъ оказаться и благоразумнымъ участникомъ въ главнѣйшихъ дѣйствіяхъ политической жизни, и безпокойнымъ тиранномъ, который все искажаетъ на практикѣ своимъ несвоевременнымъ вмѣшательствомъ. Въ первомъ случаѣ хладнокровіе и благоразуміе обусловятся тѣмъ, что большинство будетъ занято земледѣльческимъ трудомъ вдали отъ города, отъ вѣча, отъ судовъ. При этихъ условіяхъ гражданинъ два раза подумаетъ, прежде чѣмъ оставить свой участокъ и тратить время на политику; безъ всякаго принужденія онъ предоставитъ высокую и дорого стоющую политическую игру достаточнымъ и властолюбивымъ горожанамъ [57]). Но пусть только измѣнятся соціаль-

---

[54]) 'Α. π. 27, § 1.

[55]) Pol. V, 5, p. 1305a. μεταβάλλουσι δὲ καὶ ἐκ τῆς πατρίας δημοκρατίας εἰς τὴν νεωτάτην. ὅπου γὰρ αἱρεταὶ μὲν αἱ ἀρχαί, μὴ ἀπὸ τιμημάτων δέ, αἱρεῖται δὲ ὁ δῆμος, δημαγογοῦντες οἱ σπουδαρχιῶντες εἰς τοῦτο καθιστᾶσιν ὡς κύριον εἶναι τὸν δῆμον καὶ τῶν νόμων. Ἄκος δὲ τοῦ ἢ μὴ γίνεσθαι ἢ τοῦ γίνεσθαι ἧττον τὸ τὰς φυλὰς φέρειν τοὺς ἄρχοντας, ἀλλὰ μὴ πάντα τὸν δῆμον.

[56]) 'Α. π. 61. στρατηγοὺς δέκα, πρότερον μὲν ἀφ'ἑκάστης τῆς φυλῆς ἕνα, νῦν δ'ἐξ ἁπάντων.

[57]) Pol. VI, 4, p. 1318b. βέλτιστος γὰρ δῆμος ὁ γεωργικός ἐστιν, ὥστε καὶ ποιεῖν ἐνδέχεται δημοκρατίαν, ὅπου ζῇ τὸ πλῆθος ἀπὸ γεωργίας ἢ νομῆς. Διὰ μὲν γὰρ τὸ μὴ πολλὴν οὐσίαν ἔχειν ἄσχολος, ὥστε μὴ πολλάκις ἐκκλησιάζειν· διὰ δὲ τὸ μὴ ἔχειν τἀναγκαῖα πρὸς τοῖς ἔργοις διατρίβουσι καὶ τῶν ἀλλοτρίων οὐχ ἐπιθυμοῦσιν, ἀλλ'ἥδιον τὸ ἐργάζεσθαι τοῦ πολιτεύεσθαι καὶ ἄρχειν, ὅπου ἂν μὴ ᾖ λήμματα μεγάλα ἀπὸ τῶν ἀρχῶν. Ср. Pol. IV, 6, p. 1292b. Ὅταν μὲν οὖν τὸ γεωργικὸν καὶ τὸ κεκτημένον μετρίαν οὐσίαν κύριον ᾖ τῆς πολιτείας, πολιτεύονται κατὰ νόμους. ἔχουσι γὰρ ἐργαζόμενοι ζῆν, οὐ δύνανται δὲ σχολάζειν, ὥστε τὸν νόμον ἐπιστήσαντες ἐκκλησιάζουσι τὰς ἀναγκαίας ἐκκλησίας.

ныя условія, пусть окажется выгоднымъ переходить въ городъ, забрасывать земледѣліе, искать промышленныхъ и торговыхъ занятій, искать государственной помощи для прокормленія,—и вотъ, безъ всякаго формальнаго измѣненія конституціи, безъ всякаго расширенія правъ, вѣче наполнится безпокойными крикунами, судъ сдѣлается средствомъ прокормленія и вліянія въ государствѣ, политика ускользнетъ изъ рукъ наслѣдственныхъ властолюбцевъ и перейдетъ въ руки заинтересованныхъ льстецовъ демоса [58]).

Если такова общая картина, которая рисуется въ философскомъ сочиненіи, то историческій трактатъ даетъ для нея цѣлый рядъ конкретныхъ чертъ. Авторъ всю исторію аѳинской демократіи разбиваетъ, въ сущности, на два періода: первый—когда ею руководили люди благородные и высокопоставленные, второй—когда она захотѣла непосредственно забрать въ руки управленіе и попала подъ дурное вліяніе демагоговъ [59]). Въ первомъ періодѣ однимъ изъ главныхъ ручательствъ за благоразуміе выборовъ и авторитетъ знати былъ земледѣльческій трудъ массы и ея размѣщеніе по селамъ вдали отъ городской площади. Этимъ размѣщеніемъ въ свое время дорожили олигархи, дорожили и тиранны [60]); чтобы закрѣпить его, Писистратъ создалъ дешевый кредитъ мелкимъ землевладѣльцамъ [61]) и учредилъ своего рода мировыхъ судей, которые разъѣзжали по домамъ и на мѣстѣ рѣшали дѣла мелкаго люда [62]). Намъ нѣтъ теперь надобности разбирать, насколько полно и удовлетворительно такое объясненіе;

---

[58]) Pol. VI, 4, p. 1319a. διὰ τὸ περὶ τὴν ἀγορὰν καὶ τὸ ἄστυ κυλίεσθαι πᾶν τὸ τοιοῦτον γένος ὡς εἰπεῖν ῥαδίως ἐκκλησιάζει. οἱ δὲ γεωργοῦντες διὰ τὸ διεσπάρθαι κατὰ τὴν χώραν οὔτ᾽ἀπαντῶσιν οὔθ᾽ὁμοίως δέονται τῆς συνόδου ταύτης.—Cp. Pol. IV. 15, p. 1300a. καταλύεται... σχολάζοντες γὰρ συλλέγονταί τε πολλάκις καὶ ἅπαντα αὐτοὶ κρίνουσιν.

[59]) Ἀ. π. 28, § 1. ἕως μὲν οὖν Περικλῆς προειστήκει τοῦ δήμου, βελτίω τὰ κατὰ τὴν πολιτείαν ἦν, τελευτήσαντος δὲ Περικλέους πολὺ χείρω. πρῶτον γὰρ τότε προστάτην ἔλαβεν ὁ δῆμος οὐκ εὐδοκιμοῦντα παρὰ τοῖς ἐπιεικέσιν. ἐν δὲ τοῖς πρότερον χρόνοις ἀεὶ διετέλουν οἱ ἐπιεικεῖς δημαγωγοῦντες. Cp. ibid. § 4. ἀπὸ δὲ Κλεοφῶντος ἤδη διεδέχοντο συνεχῶς τὴν δημαγωγίαν οἱ μάλιστα βουλόμενοι θρασύνεσθαι καὶ χαρίζεσθαι τοῖς πολλοῖς πρὸς τὸ παραυτίκα βλέποντες.

[60]) Pol. V, 10, p. 1311a. τὸ ἐκ τοῦ ἄστεος ἀπελαύνειν καὶ διοικίζειν ἀμφοτέρων κοινόν, καὶ τῆς ὀλιγαρχίας καὶ τῆς τυραννίδος.

[61]) Ἀ. π. 16. τοῖς ἀπόροις προεδάνειζε χρήματα πρὸς τὰς ἐργασίας, ὥστε διατρέφεσθαι γεωργοῦντας.

[62]) Ἀ. π. 16. διὸ καὶ τοὺς κατὰ δήμους κατεσκεύασε δικαστάς, καὶ αὐτὸς ἐξῄει πολλάκις εἰς τὴν χώραν, ἐπισκοπῶν καὶ διαλύων τοὺς διαφερομένους, ὅπως μὴ καταβαίνοντες εἰς τὸ ἄστυ παραμελῶσι τῶν ἀγρῶν. — Любопытно вниманіе, съ которымъ слѣдилъ Аристотель за исторіею областныхъ магистратовъ. См. 21, § 5 (демархи вмѣсто навкраровъ при Клисѳенѣ) и 26, § 3 (возстановленіе судей по демамъ въ 453/2 году)

слишкомъ вѣроятно, что открытіе крестьянскаго кредита было вызвано и другими соображеніями, хотя бы желаніемъ покончить съ тѣмъ зломъ, которое разъѣдало аѳинское государство при Солонѣ и до него,—съ безъисходнымъ задолжаніемъ массы. Возможно также, что учрежденіе судей по демамъ имѣло цѣлью, отчасти, подорвать областную юрисдикцію знатныхъ родовъ. Въ этомъ отношеніи Писистратъ являлся великимъ предшественникомъ Клисѳена, подобно тому, какъ своими мѣрами по части кредита онъ былъ великимъ преемникомъ Солона. Для насъ важны въ настоящую минуту не эти соображенія, которыя открываютъ широкую перспективу на зависимость событій древне-аѳинской исторіи: интересно то, что Аристотель обѣ мѣры ставитъ въ связь съ желаніемъ тиранна придержать народъ на мѣстахъ, при земледѣльческомъ трудѣ.

Когда тираннія пала, внѣшнія препятствія къ перемѣщенію были устранены. Персидскія войны еще были проведены народомъ-земледѣльцемъ, но по окончаніи ихъ совершился переворотъ. Аѳинская Политія изображаетъ его съ необыкновенною и, можно сказать, преувеличенною рѣзкостью. Двадцать-четвертая глава посвящена, какъ извѣстно, разсказу о томъ, что Аристидъ въ пространной рѣчи убѣдилъ народъ переселяться изъ деревень въ городъ, такъ какъ въ Аѳинахъ для всѣхъ найдется достаточное прокормленіе; средства дастъ союзъ и его взносы [63]). Необычная для насъ и вызывающая на легкую критику форма личнаго обращенія только подчеркиваетъ принципіальную важность перемѣны въ распредѣленіи населенія и его занятіяхъ. И стоитъ обратить вниманіе еще на одну мелкую черту: даже при совершенно поверхностной характеристикѣ Пелопонесской войны въ 27-й главѣ,—въ очеркѣ, который едва упоминаетъ о Периклѣ и сицилійской экспедиціи и совершенно опускаетъ Алкивіада,—авторъ все-таки считаетъ долгомъ подмѣтить вліяніе того факта, что населеніе Аттики скучилось въ городѣ. Не ради объясненія чумы говоритъ онъ объ этомъ, а потому, что ставитъ это обстоятельство въ неожиданную связь съ захватами демоса въ области управленія [64]).

Распредѣленіе населенія, какъ мы уже видѣли, неразрывно

---

[63]) 'А. π. 24. μετὰ δὲ ταῦτα θαρρούσης ἤδη τῆς πόλεως, καὶ χρημάτων πολλῶν ἠθροισμένων, συνεβούλευεν (sc. 'Αριστείδης) ἀντιλαμβάνεσθαι τῆς ἡγεμονίας, καὶ καταβάντας ἐκ τῶν ἀγρῶν οἰκεῖν ἐν τῷ ἄστει. τροφὴν γὰρ ἔσεσθαι πᾶσι, τοῖς μὲν στρατευομένοις, τοῖς δὲ φρουροῦσι, τοῖς δὲ τὰ κοινὰ πράττουσι, εἶθ' οὕτω κατασχήσειν τὴν ἡγεμονίαν. πεισθέντες δὲ ταῦτα καὶ λαβόντες τὴν ἀρχήν, τοῖς συμμάχοις δεσποτικωτέρως ἐχρῶντο, κτέ.

[64]) 'А. π. 27... ὁ πρὸς Πελοποννησίους ἐνέστη πόλεμος, ἐν ᾧ κατακλῃσθεὶς δῆμος ἐν τῷ ἄστει καὶ συνεθισθεὶς ἐν ταῖς στρατείαις μισθοφορεῖν, τὰ μὲν ἑκὼν τὰ δὲ ἄκων προῃρεῖτο τὴν πολιτείαν διοικεῖν αὐτός.

связано съ вопросомъ о пропитаніи его. Въ этомъ отношеніи, конечно, важны формы народнаго труда, но важно и другое, именно—въ какой степени государство принимаетъ на себя заботу о пропитаніи гражданъ. Въ Политикѣ ясно обрисовывается типъ демократическаго государства, въ которомъ должности и служба являются источникомъ барыша [65]). Если 24-я глава Политіи отмѣчаетъ общій поворотъ въ этомъ направленіи [66]), то въ слѣдующихъ главахъ Аристотель продолжаетъ внимательно слѣдить за результатами новаго движенія. Въ 27-й обстоятельно разбирается введеніе жалованья судьямъ при Периклѣ [67]); въ 28-й съ особеннымъ порицаніемъ упоминается о Клеофонѣ и Каллиkратѣ по поводу введенныхъ ими раздачъ [68]); въ 29-й отмѣчена попытка олигарховъ вернуться къ правильной постановкѣ дѣла, къ управленію людей способныхъ служить отечеству на свои собственныя средства [69]); въ 33-й восхваляется кратковременное господство 5000, также отмѣнившее вознагражденія за должности и службу и выдвинувшее классъ гоплитовъ [70]).

Въ нѣсколько иномъ оборотѣ мы встрѣчаемся съ тѣми-же основными мыслями при оцѣнкѣ вліянія моря въ исторіи. Переходъ въ городъ былъ до нѣкоторой степени переходомъ къ морю. Если при

---

[65]) Pol. IV, 6, p. 1293a. διὰ γὰρ τὸ μείζους γεγονέναι πολὺ τὰς πόλεις τῶν ἐξ ὑπαρχῆς καὶ προσόδων ὑπάρχειν εὐπορίας, μετέχουσι μὲν πάντες τῆς πολιτείας διὰ τὴν ὑπεροχὴν τοῦ πλήθους, κοινωνοῦσι δὲ καὶ πολιτεύονται διὰ τὸ δύνασθαι σχολάζειν καὶ τοὺς ἀπόρους λαμβάνοντας μισθόν.—διὸ γίνεται τὸ τῶν ἀπόρων πλῆθος κύριον τῆς πολιτείας, ἀλλ᾽οὐχ οἱ νόμοι.—IV, 15, p. 1299b. 1300a. καταλύεται δὲ καὶ τῆς βουλῆς ἡ δύναμις ἐν ταῖς τοιαύταις δημοκρατίαις ἐν αἷς αὐτὸς συνιὼν ὁ δῆμος χρηματίζει περὶ πάντων. τοῦτο δὲ συμβαίνειν εἴωθεν, ὅταν εὐπορία τις ᾖ ἢ μισθὸς τοῖς ἐκκλησιάζουσιν. σχολάζοντες γὰρ συλλέγονταί τε πολλάκις καὶ ἅπαντα αὐτοὶ κρίνουσιν.—V, 8, p. 1308b. μέγιστον δὲ ἐν πάσῃ πολιτείᾳ τὸ καὶ τοῖς νόμοις καὶ τῇ ἄλλῃ οἰκονομίᾳ οὕτω τετάχθαι ὥστε μὴ εἶναι τὰς ἀρχὰς κερδαίνειν.—Ср. V, 8. p. 1309a; VI, 2, p. 1317b

[66]) Ἀ. π. 24. συνεβούλευεν... καταβάντας ἐκ τῶν ἀγρῶν οἰκεῖν ἐν τῷ ἄστει. τροφὴν γὰρ ἔσεσθαι πᾶσι.—κατέστησαν δὲ καὶ τοῖς πολλοῖς εὐπορίαν τροφῆς.—25: ἡ μὲν οὖν τροφὴ τῷ δήμῳ διὰ τούτων ἐγίγνετο.—Ср. 26, § 1.

[67]) Ἀ. π. 27. ἐποίησε δὲ καὶ μισθοφόρα τὰ δικαστήρια Περικλῆς πρῶτος.

[68]) Ἀ. π. 28. Κλεοφῶν... ὃς καὶ τὴν διωβελίαν ἐπόρισε πρῶτος. καὶ χρόνον μέν τινα διεδίδου, μετὰ δέ ταῦτα κατέλυσε Καλλικράτης Παιάνιεύς, πρῶτος ὑποσχόμενος ἐπιθήσειν πρὸς τοῖν δυοῖν ὀβολοῖν ἄλλον ὀβολόν. τούτων μὲν οὖν ἀμφοτέρων θάνατον κατέγνωσαν ὕστερον. εἴωθεν γὰρ κἂν ἐξαπατηθῇ τὸ πλῆθος, ὕστερον μισεῖν τούς τι προαγαγόντας ποιεῖν αὐτοὺς τῶν μὴ καλῶς ἐχόντων.

[69]) Ἀ. π. 29. τὰς... ἀρχὰς ἀμίσθους ἄρχειν ἁπάσας.—τὴν ἄλλην πολιτείαν ἐπιτρέψαι πᾶσαν Ἀθηναίων τοῖς δυνατωτάτοις καὶ τοῖς σώμασιν καὶ τοῖς χρήμασιν λῃτουργεῖν.

[70]) Ἀ. π. 33. τὰ πράγματα παρέδωκαν τοῖς πεντακισχιλίοις τοῖς ἐκ τῶν ὅπλων, ψηφισάμενοι μηδεμίαν ἀρχὴν εἶναι μισθοφόρον.—δοκοῦσι δὲ καλῶς πολιτευθῆναι κατὰ τούτους τοὺς καιρούς, πολέμου τε καθεστῶτος καὶ ἐκ τῶν ὅπλων τῆς πολιτείας οὔσης. Ср. Thuc. VIII, 97.

этомъ имѣла значеніе политика раздачи жалованья, которая сдѣлалась возможною вслѣдствіе созданія аѳинскаго союза и быстраго роста государственныхъ средствъ, то, конечно, не безъ вліянія остались и успѣхи мореходства и торговли. Они давали заработокъ не только купцамъ, прикащикамъ, капитанамъ и матросамъ, но также многочисленному населенію портовъ: грузовщикамъ, рабочимъ на верфяхъ, промышленникамъ и ремесленникамъ всякаго рода. Политическая роль этого ναυτικὸς ὄχλος была рано оцѣнена по достоинству аѳинскими мыслителями: противъ нея вооружались лаконисты и Критій, очень обстоятельно разсуждалъ о ней Исократъ [71]). Аристотель, какъ кажется, имѣлъ особенно въ виду замѣчанія послѣдняго и не оставилъ безъ вниманія морского господства демоса. Извѣстно, какъ онъ въ Политикѣ объясняетъ успѣхи демократіи изъ побѣдъ Персидской войны [72]). Но эта сторона дѣла менѣе его интересовала, чѣмъ устройство жалованія и раздачи въ связи съ переходомъ въ городъ. Трактатъ о государствѣ аѳинскомъ также упоминаетъ только вскользь о господствѣ на морѣ; авторъ спохватился сказать объ этомъ очень поздно, въ связи съ исторіей Перикла [73]). О рѣшительномъ вліяніи Персидскихъ войнъ ничего не сказано. Совпаденія въ мелочахъ и ошибкахъ имѣютъ, пожалуй, даже бо́льшую методологическую важность, чѣмъ согласіе въ крупномъ и существенномъ. Поэтому не лишено интереса слѣдующее наблюденіе. Въ 5-ой книгѣ Политики Аристотель разсуждаетъ о переворотахъ, которые происходятъ вслѣдствіе случайностей, и между прочимъ указываетъ на уронъ, понесенный гражданскимъ ополченіемъ ва аѳинскихъ войнахъ 5-го вѣка: при общей воинской повинности въ то время, знатные несли трудно вознаградимыя потери, и это ослабило ихъ въ политическомъ отношеніи [74]). Сопоставимъ это мѣсто съ характеристикою „бѣдственныхъ" войнъ пятаго вѣка въ Аѳинской Политіи. Многихъ изслѣдователей уже поразило странное порицаніе Кимона и другихъ

---

[71]) См. Newman, Classical Rewiew, 1891, IV, и Dümmler, Hermes. 1892, B. 27, H. 2; стр. 274.

[72]) Pol. V, 4, p. 1304a. ὁ ναυτικὸς ὄχλος γενόμενος αἴτιος τῆς περὶ Σαλαμῖνα νίκης καὶ διὰ ταύτης τῆς ἡγεμονίας διὰ τὴν κατὰ θάλατταν δύναμιν τὴν δημοκρατίαν ἰσχυροτέραν ἐποίησεν.

[73]) 'Α. π. 27. (Περικλῆς) μάλιστα προύτρεψεν τὴν πόλιν ἐπὶ τὴν ναυτικὴν δύναμιν, ἐξ ἧς συνέβη θαρρήσαντας τοὺς πολλούς (Ср. 24, § 1). πᾶσαν τὴν πολιτείαν μᾶλλον ἄγειν εἰς αὑτούς. — Ср. 41: ἐν ᾗ πλεῖστα συνέβη τὴν πόλιν διὰ τοὺς δημαγωγοὺς ἁμαρτάνειν διὰ τὴν τῆς θαλάττης ἀρχήν. Ср. R. III, p. 1412a. οἷον τὸ φάναι 'Αθηναίοις τὴν τῆς θαλάττης ἀρχὴν μὴ ἀρχὴν εἶναι τῶν κακῶν.

[74]) Pol. V, 3, p. 1303a. συμβαίνει δ'ἐνίοτε (ἡ μεταβολὴ) καὶ διὰ τύχας, οἷον... ἐν 'Αθήναις ἀτυχούντων πεζῇ οἱ γνώριμοι ἐλάττους ἐγένοντο διὰ τὸ ἐκ καταλόγου στρατεύεσθαι ὑπὸ τὸν Λακωνικὸν πόλεμον.

знатныхъ вождей этого времени [75]), и не менѣе странное сообщеніе, будто въ каждомъ походѣ Аѳиняне оставляли по двѣ и по три тысячи человѣкъ. Для насъ дѣло не въ достовѣрности этихъ извѣстій, а въ политическомъ выводѣ изъ нихъ: выходитъ, что экспедиціи этой эпохи подорвали аристократическую партію, такъ какъ, при всеобщей воинской повинности, члены ея подвергались всѣмъ случайностяхъ войны наравнѣ съ простымъ народомъ [76]).

Эпоха побѣдоносной демократіи описана короче, нежели ея возникновеніе или исторія попытокъ къ ея обузданію; но и въ краткомъ очеркѣ 26-ой, 27-ой и 28-ой главъ найдется не мало чертъ, вызывающихъ на сравненія между Политіей и Политикою. Любопытно, напримѣръ, что въ дѣятельности Перикла подчеркнуты мѣры къ болѣе строгому опредѣленію гражданскаго состава [77]). Какъ разъ на такого рода законодательство обращаетъ вниманіе и Политика. Въ ней довольно обстоятельно разъясняется, что демократическіе дѣятели сначала стремятся всѣми мѣрами увеличить число гражданъ, а затѣмъ, когда масса разрослась, начинаютъ прибѣгать къ стѣсненіямъ: они, напримѣръ, изгоняютъ лицъ, отцы которыхъ были чужеземцы, или требуютъ происхожденія отъ чистокровныхъ гражданъ и съ отцовской, и съ материнской стороны [78]). Характеристика политическихъ средствъ, пущенныхъ въ ходъ Кимономъ и Перикломъ въ ихъ борьбѣ за власть [79]), опять-таки даетъ поводъ къ сближенію между Политикой и Политіей.

Но, что особенно важно, трактатъ о государствѣ аѳинскомъ приходитъ къ извѣстному главному выводу изъ исторіи демократіи въ Аѳинахъ, и этотъ выводъ совершенно ладится съ замѣчаніями Политики: я разумѣю характеристику судебнаго верховенства, какъ основы политической роли народа. Нѣсколько разъ возвращается къ этой идеѣ наша Политія, особенно энергично въ 9-ой и въ концѣ

---

[75]) 'Α. π. 26, 27 и 28, passim.

[76]) 'Α. π. 26... ἐφθάρθαι τοὺς πολλοὺς κατὰ πόλεμον. τῆς γὰρ στρατείας γιγνομένης ἐν τοῖς τότε χρόνοις ἐκ καταλόγου, καὶ στρατηγῶν ἐφισταμένων ἀπείρων μὲν τοῦ πολεμεῖν, τιμωμένων δὲ διὰ τὰς πατρικὰς δόξας, αἰεὶ συνέβαινεν τῶν ἐξιόντων ἀνὰ δισχιλίους ἢ τρισχιλίους ἀπόλλυσθαι. ὥστε ἀναλίσκεσθαι τοὺς ἐπιεικεῖς καὶ τοῦ δήμου καὶ τῶν εὐπόρων.

[77]) 'Α. π. 26. διὰ τὸ πλῆθος τῶν πολιτῶν Περικλέους εἰπόντος ἔγνωσαν, μὴ μετέχειν τῆς πόλεως, ὃς ἂν μὴ ἐξ ἀμφοῖν ἀστοῖν ᾖ γεγονώς.—Ср. 13. οἱ τῷ γένει μὴ καθαροί.

[78]) Pol. III, 5, p. 1278a. ἐπεὶ δι' ἔνδειαν τῶν γνησίων πολιτῶν ποιοῦνται πολίτας τοὺς τοιούτους (sc. τοὺς νόθους), εὐποροῦντες δ' ὄχλου κατὰ μικρὸν παραιροῦνται τοὺς ἐκ δούλου πρῶτον ἢ δούλης, εἶτα τοὺς ἀπὸ γυναικῶν. τέλος δὲ μόνον τοὺς ἐξ ἀμφοῖν ἀστῶν πολίτας ποιοῦσιν.

[79]) 'Α. π. 27, §§ 3 и 4.

41-ой главы [80]). Считается безспорнымъ, что народъ, овладѣвшій судебнымъ голосованіемъ, становится господиномъ въ государствѣ. Очень можетъ быть, что эта сентенція выработана не впервые Аристотелемъ, а заимствована имъ у его политическихъ предшественниковъ. Какъ-бы то ни было, она вполнѣ усвоена трактатомъ, а въ качествѣ руководящей точки зрѣнія та-же мысль не одинъ разъ высказывается и въ Политикѣ [81]).

Наудачная попытка Кауэра воспользоваться 41-й главою для указанія двойственности въ трактатѣ Аристотеля [82]), имѣла то благопріятное послѣдствіе, что заставила другихъ изслѣдователей повнимательнѣе разобрать мѣсто и раскрыть его аналогію съ характерными мѣстами Политики [83]). Мнѣ нѣтъ также надобности послѣ Нимейера [84]) возвращаться къ любопытному параллелизму между нашимъ трактатомъ и философскимъ сочиненіемъ по вопросу о признаніи демократіями государственныхъ долговъ и обязательствъ.

Безъ сомнѣнія, въ Политіи найдется много замѣчаній, которымъ трудно будетъ подыскать полную параллель въ Политикѣ (хотя бы, напримѣръ, намекъ на πραότης τοῦ δήμου въ главѣ 16-й § 10), но мнѣ было бы странно только противное. Было бы просто педантизмомъ требовать, чтобы два сочиненія, составленныя въ разное время, для разныхъ цѣлей и по разнымъ методамъ, вылились бы въ совершенно тождественныя формы, безъ остатка и безъ различія оттѣнковъ повторяли бы однѣ и тѣже-же мысли и сообщенія. Общее сходство, чтобы не сказать единство, построенія остается поразительнымъ и многознаменательнымъ. Въ виду этого общаго сходства нѣкоторыя, отмѣченныя критикою, особенности терминологіи никакъ не могутъ служить основаніемъ для разобщенія этихъ двухъ работъ, а должны быть разсмотрѣны какъ интересные признаки взаимнаго отношенія между ними и послѣдовательности ихъ происхожденія. Англійскіе ученые [85]) высказывали недоумѣніе по поводу того, что

---

[80]) 'А. π. 9. ἡ εἰς τὸ δικαστήριον ἔφεσις. κύριος γὰρ ὢν ὁ δῆμος τῆς ψήφου, κύριος γίγνεται τῆς πολιτείας.—41. ἁπάντων γὰρ αὐτὸς αὑτὸν πεποίηκεν ὁ δῆμος κύριον, καὶ πάντα διοικεῖται ψηφίσμασιν καὶ δικαστηρίοις, ἐν οἷς ὁ δῆμός ἐστιν ὁ κρατῶν.

[81]) Pol. II, 12, p. 1274a. Ср. VI, 2, p. 1317b. τὸ δικάζειν πάντας καὶ ἐκ πάντων καὶ περὶ πάντων ἢ περὶ τῶν πλείστων καὶ τῶν μεγίστων καὶ τῶν κυριωτάτων, οἷον περὶ εὐθυνῶν καὶ πολιτείας καὶ τῶν ἰδίων συναλλαγμάτων.

[82]) Cauer, Hat Aristoteles die Schrift vom Staate der Athener geschrieben?

[83]) Peter Meyer. Des Aristoteles Politik und die 'Αθ. πολ., стр. 59—62.

[84]) K. Niemeyer, Zu Aristoteles 'Αθ. πολ., въ N. Jahrb. f. Phil. u. Pädag., 1891, H. 6, стр. 413.

[85]) Напр., Herbert Richards въ Classical Rewiew. 1891, Vol. V, № 6, стр. 273a.

вновь открытый трактатъ не знаетъ классическихъ выраженій Политики, вродѣ τέλος τῆς πολιτείας παρέκβασις, πολιτεία въ смыслѣ умѣренной демократіи, и т. п. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ названные термины являются искусственными, выработанными нарочно для удобствъ ученой классификаціи и философской теоріи. Въ краткомъ очеркѣ историческаго развитія Аристотель не имѣлъ ни повода, ни права предполагать знакомство съ этими терминами, или вводить ихъ философское обоснованіе; послѣднее и есть одна изъ задачъ Политики. Въ Политіи авторъ говоритъ общедоступнымъ языкомъ и пользуется ходячими выраженіями. Можетъ быть, это обстоятельство служитъ косвеннымъ указаніемъ на то, что нашъ трактатъ былъ дѣйствительно составленъ раньше философскаго сочиненія, составленъ въ связи съ предварительными работами, доставившими, въ концѣ концовъ, матеріалъ для обобщеній Политики. Но какъ же быть, въ такомъ случаѣ, съ архонтомъ Кефисофономъ [86]) и съ тріерой Аммоніасъ [87])? Въ статьѣ о развитіи демократіи нѣтъ мѣста для спеціальнаго разрѣшенія этого вопроса, но на возможность удовлетворительнаго рѣшенія мы имѣемъ право указать. Быть можетъ, спеціальная филологическая критика обнаружитъ, что текстъ нашего трактата представляетъ не цѣльную и за одинъ разъ составленную работу, а дополненное и исправленное изданіе работы, сдѣланной гораздо раньше 20-хъ годовъ 4-го вѣка.

---

[86]) 'Α. π. 54, § 7.
[87]) 'Α. π. 61, § 7.

Историческая хроника.

Историческіе курсы въ русскихъ университетахъ въ 1892—93 академическомъ г.— Университетскіе диспуты по историческимъ диссертаціямъ въ 1892 г. (гг. Регеля, Собѣстіанскаго, Корелина, Милюкова и Аѳанасьева).—Вступительныя лекціи по исторіи.—Публичныя лекціи по исторіи.—Разныя извѣстія.

Историческіе курсы въ русскихъ университетахъ въ 1892—93 академическомъ году.

С.-Петербургскій университетъ. Общій курсъ по энциклопедіи исторіи (для студентовъ всѣхъ факультетовъ) проф. Карѣева—1 ч. въ недѣлю. Древняя исторія: общій курсъ по исторіи Греціи и Рима (4 ч.) и спеціальный по исторіи Греціи въ III в. до Р. Х. (2 ч.). проф. Соколова; спеціальный курсъ по исторіи Аттики до Клисѳена (2 ч.) пр.-доц. Покровскаго. Средняя исторія: общій курсъ (обзоръ средневѣковой исторіи—2 ч.) проф. Карѣева; спеціальные—проф. Васильевскаго по исторіи крестовыхъ походовъ (въ осеннемъ сем.—3 ч.) и по исторіи города и городскихъ учрежденій (въ вес. сем.—3 ч.), пр.-доц. Гревса по исторіи государства и общества въ періодъ римской имперіи (2 ч.) и пр.-доц. Регеля по исторіи Византіи въ періодъ Комниновъ (2 ч.). Новая исторія: общій курсъ (4 ч.) проф. Карѣева и спеціальные пр.-доц. Форстена: по исторіи католической реакціи (2 ч.), по исторіи ганзейскаго союза до 1370 г. (въ ос. сем.— 1 ч.) и разборъ источниковъ по исторіи 30-ти-лѣтней войны (Валленштейновскій вопросъ, въ вес. сем.—1 ч.). Русская исторія: общій курсъ (4 ч.) и спеціальный по обзору государственнаго и общественнаго устройства Московской Руси (1 ч.) проф. Платонова; спеціальные: пр.-доц. Лаппо-Данилевскаго о главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской исторіографіи (2 ч.); пр.-доц. Чечулина по исторіи царствованія Екатерины II (2 ч.) и пр.-доц. Сенигова о главнѣйшихъ источ-

никахъ русской исторіи въ древній періодъ (1 ч.) и объ общественномъ бытѣ древней Россіи (1 ч.). По исторіи славянъ общій курсъ (3 ч.) проф. Ламанскаго. Исторія церкви: общій курсъ (въ ос. сем.—2 ч., въ вес. сем.—4 ч.) проф. Троицкаго и его же спеціальные по исторіи русской церкви (ос. сем.—2 ч.), обзоръ источниковъ и пособій по исторіи древней церкви (ос. сем.,—2 ч.) и обзоръ источниковъ и пособій по исторіи восточной церкви (2 ч.).

Московскій университетъ. Древняя исторія: исторія древняго востока (ос. сем.,—2 ч.) и исторія арійцевъ (ос. сем.,—1 ч.) пр.-доц. Корелина; общій курсъ по исторіи Греціи (2 ч.) проф. Виноградова; политическая (вес. сем.,—2 ч.) и культурная (вес. сем.,—2 ч.) исторія римской имперіи пр.-доц. Корелина. Средняя исторія: спец. курсъ по исторіи госуд. учрежденій Англіи (1 ч.) пр.-доц. Фортунатова; спец. курсъ о византійскихъ писцовыхъ книгахъ (1 ч.) пр.-доц. Безобразова. Новая исторія: общій курсъ (2 ч.) проф. Герье. Русская исторія: общій курсъ (4 ч.) проф. Ключевскаго и спеціальный его же—обзоръ главныхъ видовъ источниковъ русской исторіи (2 ч.); спеціальные курсы пр.-доц. Милюкова по русской исторіографіи (2 ч.) и пр.-доц. Якушкина по исторіи царствованія Александра I (1 ч.). Исторія славянъ: исторія Византіи и южн. славянъ (2 ч.) пр.-доц. Безобразова и исторія зап. славянъ (2 ч.) пр.-доц. Линниченка. Исторія церкви: въ ос. сем. общій курсъ по исторіи древней церкви (4 ч.), въ весеннемъ—по исторіи зап. церкви (2 ч.) и спеціальный (2 ч.) проф. Иванцова-Платонова.

Харьковскій университетъ. Древняя исторія: общій курсъ по исторіи Востока (ос. сем.,—2 ч.), общій курсъ римской исторіи (вес. сем.,—2 ч.) и спеціальный по исторіи римской имперіи (1 ч.) пр.-доц. Лапина; общій курсъ греч. исторіи (ос. сем.,—4 ч.) проф. Бузескула. Средняя исторія: общій курсъ (вес. сем.,—4 ч.) проф. Бузескула. Новая исторія: общій курсъ (ос. сем.,—2 ч.) его же. Русская исторія: общій курсъ русской исторіи до Петра I (ос. сем.,—4 ч.) и спеціальные по русской исторіографіи (ос. сем.,—2 ч.) и по исторіи южной и западной Россіи (вес. сем.,—3 ч.) проф. Багалѣя; общій курсъ новой русской исторіи (вес. сем.,—5 ч.) и спеціальные по исторіи царствованія Александра I (ос. сем.,—3 ч.) и по исторіи завоеванія и заселенія Сибири (2 ч.) проф. Буцинскаго. По исторіи славянъ общій курсъ (2 ч.) проф. Дринова. По исторіи церкви—общій курсъ (6 ч.) проф. Лебедева.

Университетъ св. Владиміра. Древняя исторія: общій курсъ по исторіи Греціи (3 ч.) и спеціальные о вѣкѣ Перикла (ос. сем.,—3 ч.) и по методологіи исторіи (вес. сем., 3 ч.) проф. Бубнова. Средняя исторія: общій курсъ (4 ч.) проф. Фортинскаго. Новая исторія: общій

курсъ (4 ч.) и спеціальный по исторіи Австріи (2 ч.) проф. Лучицкаго; спеціальный курсъ по исторіи Франціи въ XVIII в. (2 ч.) пр.-доц. Клячина. Русская исторія: общій курсъ русской исторіи за удѣльный періодъ (2 ч.) и спеціальный о русскихъ древностяхъ (2 ч.) проф. Антоновича; общій курсъ съ моск. періода (5 ч.) проф. Иконникова; спеціальные курсы по исторіи Сѣверской земли VIII—XVI вв. (2 ч.—ос. сем.) и по исторіи Восточнаго Поволжья до конца XVIII в. (2 ч.,—вес. сем.) пр.-доц. Голубовскаго. По исторіи славянъ общій курсъ (3 ч.) проф. Флоринскаго. Исторія церкви: общій курсъ (4 ч.) и спеціальный по исторіи раціоналистическихъ и мистическихъ сектъ въ Россіи (2 ч.) проф. Голубева.

Дерптскій университетъ. Древняя исторія: общій курсъ греческой исторіи (4 ч. и спеціальный объ Аристотелевомъ сочиненіи; „О государствѣ Аѳинянъ" (2 ч.) проф. Мендельсона. Средняя исторія: исторія Лифляндіи отъ XII до XVI в. (3 ч.) проф. Гаусмана. Новая исторія: общій курсъ (4 ч.) проф. Вальтца. Русская исторія: общій курсъ (4 ч.) и спеціальный о русскихъ лѣтописяхъ (2 ч.) проф. Шмурло.

Въ Казанскомъ университетѣ объявлены слѣдующіе курсы: Проф. Н. А. Осокинъ въ осеннемъ полугодіи читаетъ: 1) исторіюримской имперіи (2 ч.) и исторіи XVI в. (2 ч.) и ведетъ историческій семинарій, а въ весеннемъ семестрѣ читаетъ курсъ по исторіи XVII и первой половинѣ XVIII в. (4 ч.) и ведетъ географическій семинарій. Курсы проф. И. Н. Смирнова: въ осеннемъ полугодіи исторія Греціи (4 г.) и исторія южныхъ славянъ (2 ч.), въ весеннемъ — римская исторія (4 ч.) и исторія южныхъ славянъ (2 ч.). По русской исторіи читаются курсы: проф. Н. А. Ѳирсовымъ по исторіи Россіи до Ивана Грознаго (2 ч.), проф. Д. А. Корсаковымъ по исторіи Россіи до исхода царствованія Александра I (3 ч.), по изученію источниковъ исторіи реформы Петра Великаго (2 ч.) съ практическими упражненіями студентовъ (1 ч.). По церковной исторіи лекціи читаются проф. Ѳ. А. Кургановымъ: одинъ курсъ общій (4 ч.), другой спеціальный—по исторіи протестантизма (2 ч.).

Свѣдѣнія о преподаваніи исторіи въ новороссійскомъ и варшавскомъ университетахъ своевременно не были получены и потому будутъ помѣщены въ слѣдующемъ томѣ „Историческаго Обозрѣнія".

Двѣнадцатаго марта настоящаго года въ актовой залѣ Дерптскаго университета происходилъ магистерскій диспутъ г. В. Регеля. Оффиціальными оппонентами выступили кандидатъ Штернъ, профессоръ Гаусманъ и проф. Вальтцъ, Диссертація (на нѣм. языкѣ) „О хроникѣ Козьмы Пражскаго" (Дерптъ, 1892) сопровождалась 8 тезисами, не имѣющими отношенія къ предмету диссертаціи.

Кандидатъ Штернъ, сдѣлалъ возраженіе восьмого тезиса („Русскій митрополитъ Исидоръ былъ по своимъ взглядамъ гуманистъ и несправедливо обвиняется въ измѣнѣ русскому дѣлу на Флорентійскомъ соборѣ"). Оппонентъ указалъ на то, что митрополитъ совершенно вопреки инструкціи, полученной отъ великаго князя Василія II Васильевича, во всѣхъ крупныхъ вопросахъ высказывался на соборѣ за католическую церковь и поддерживалъ унію, отличавшуюся въ существенныхъ пунктахъ католическимъ духомъ. И позже, даже въ самой Москвѣ, онъ-де не скрывалъ своей склонности къ католицизму, и всѣмъ своимъ позднѣйшимъ поведеніемъ оправдалъ приговоръ русскихъ архіеревъ. При такихъ обстоятельствахъ его, кажется, справедливо можно обвинить въ намѣренномъ обманѣ великаго князя и русской церкви.—Диспутантъ отвѣтилъ, что для справедливой оцѣнки митрополита Исидора нельзя забывать, что онъ стремился къ уніи подъ вліяніемъ патріотическихъ побужденій, надѣясь церковными уступками добыть для своего отечества помощь католическаго Запада для борьбы съ Турціей. Прежде всего, однако, слѣдуетъ помнить, что онъ по всему складу своихъ мыслей былъ гуманистомъ, какъ видно изъ опубликованныхъ диспутантомъ писемъ Исидора. Въ качествѣ гуманистически образованнаго человѣка Исидоръ-де считалъ разногласія между двумя церквами неважными, и вообще-де подчинялъ догматическіе вопросы политическимъ и патріотическимъ интересамъ. Во всякомъ случаѣ заходятъ далеко, слишкомъ обвиняя его, по примѣру еп. Авраама Суздальскаго и другихъ враговъ Исидора, въ подкупности и сознательной, злостной измѣнѣ.

Въ защиту своего пятаго тезиса („Карлъ V руководился въ своей борьбѣ съ протестантами не столько религіозными, сколько политическими побужденіями"), подвергнувшагося нападенію со стороны проф. Вальтца, диспутантъ указалъ на то, что Карлъ V неоднократно заключалъ договоръ съ протестантами, дѣлалъ имъ уступки по церковнымъ дѣламъ и даже заключилъ союзъ съ протестантскимъ княземъ, герцогомъ Морицомъ Саксонскимъ противъ шмалькальденскаго союза. Съ другой стороны, проф. Вальтцъ привелъ изъ корреспонденціи Карла V съ сыномъ Филиппомъ, сестрою Маріей, и др. рядъ писемъ строго интимнаго характера, въ которыхъ императоръ именно заявляетъ, что руководствуется въ своей политикѣ относительно протестантовъ, собственно говоря, исключительно религіозными и лишь для виду политическими мотивами; что, однако, всегда легко подыскать юридическія причины для войны съ ними, и воспользоваться ими въ видѣ предлога и т. д. На основаніи такихъ интимныхъ сообщеній, очерчивающихъ истинное мнѣніе императора, необходимо рѣшить подлежащій разсмотрѣнію вопросъ въ томъ смыслѣ, что рѣ-

шающее значеніе въ борьбѣ Карла V съ протестантами принадлежало религіознымъ мотивамъ.

Проф. Гаусманъ подвергъ самую диссертацію „о хроникѣ Кузьмы Пражскаго“ болѣе подробному разбору, содержаніе котораго здѣсь можетъ быть указано лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Прежде всего онъ замѣтилъ о внѣшней формѣ диссертаціи, что иногда она заставляетъ желать болѣе яснаго распредѣленія матеріала; этимъ читателю затрудняется точное опредѣленіе задачи, которую поставилъ себѣ авторъ. Затѣмъ онъ указалъ нѣкоторыя мѣста въ диссертаціи, гдѣ не совсѣмъ точный характеръ выраженій автора вызываетъ неясности и недоразумѣнія. За исключеніемъ этихъ мелочей, критика проф. Гаусмана была вполнѣ благосклонна и выгодна. Высказывая въ концѣ своей рѣчи свое общее сужденіе о диссертаціи, оппонентъ заявилъ, что разбираемое цѣнное изслѣдованіе отличается строгой научностью и спокойной, убѣдительной доказательностью, особенную похвалу заслуживаютъ важные отдѣлы объ анналистическихъ источникахъ Козьмы Пражскаго.

— 19 апрѣля 1892 г. въ Харьковскомъ университетѣ состоялся диспутъ магистра И. М. Собѣстіанскаго, представившаго для полученія степени доктора государственнаго права сочиненіе подъ заглавіемъ: „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ“. Диспутъ этотъ представлялъ выдающееся явленіе въ ученой жизни университета и по важности затронутыхъ сторонами вопросовъ историческихъ и методологическихъ, и по продолжительности: пренія длились съ небольшимъ шесть часовъ безъ перерыва.

Въ началѣ диспута деканъ юридическаго факультета Л. Н. Загурскій прочелъ curriculum vitae диспутанта, послѣ чего слово было предоставлено послѣднему. Въ небольшой вступительной рѣчи г. Собѣстіанскій изложилъ слѣдующее. Прежде всего онъ указалъ на существованіе въ ученой литературѣ двухъ взглядовъ на предметъ его изслѣдованія: одни ученые идеализировали характеръ и бытъ древнихъ славянъ, другіе же силились всячески унизить прошлое славянства. Оставляя въ сторонѣ послѣднихъ, ученія которыхъ разобраны въ извѣстномъ трудѣ В. И. Ламанскаго „Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ“, дефендентъ посвятилъ свою диссертацію исключительно первымъ. При этомъ онъ необходимо долженъ былъ обратиться къ первоисточникамъ, а изученіе таковыхъ привело его къ убѣжденію, что наука славянскихъ древностей нуждается въ критической провѣркѣ многихъ принимаемыхъ на вѣру положеній и въ устраненіи гипотезъ, не подтверждаемыхъ памятниками. Онъ остановилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на внут-

реннемъ бытѣ древнихъ славянъ и задался цѣлью указать на важнѣйшія заблужденія новѣйшихъ ученыхъ по этому вопросу и выяснить самый генезисъ такихъ заблужденій. Книгу свою онъ раздѣлилъ на двѣ части,—историческую и историко-юридическую, такъ какъ славянская историко-юридическая литература сложилась подъ сильнымъ вліяніемъ славянской исторической науки. Что касается національныхъ особенностей быта и характера, то эти особенности вырабатываются въ жизни отдѣльныхъ племенъ и народовъ постепенно, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій и факторовъ. Чѣмъ дальше углубляемся мы въ прошедшую жизнь народовъ, тѣмъ все болѣе сглаживается различіе между ними, и наоборотъ—чѣмъ дальше подвигаются народы въ своемъ историческомъ развитіи, тѣмъ ихъ особенности проявляются все сильнѣе и сильнѣе. Поэтому, если въ книгѣ говорится, что мы не встрѣчаемъ коренныхъ отличій быта древнихъ славянъ отъ быта другихъ младенчествующихъ народовъ, то этого не слѣдуетъ понимать такъ, будто вся историческая жизнь славянства вполнѣ тождественна съ историческою жизнью другихъ народовъ. Слѣдуя за ходомъ развитія внутренней жизни славянъ, мы найдемъ различія не только между нею и жизнью другихъ народовъ, но и въ ходѣ развитія жизни отдѣльныхъ славянскихъ племенъ: русскихъ, чеховъ, поляковъ, сербовъ и т. д.

Первымъ оффиціальнымъ оппонентомъ выступилъ проф. М. С. Дриновъ, приглашенный къ участію въ диспутѣ въ качествѣ специалиста по славяновѣдѣнію. Онъ началъ возраженія свои указаніемъ на то, что сочиненіе г. Собѣстіанскаго представляется въ сущности не столько „историко-критическимъ“, какъ значится на заглавномъ листкѣ, сколько „историко-литературнымъ“ изслѣдованіямъ. Затѣмъ, формулируя взглядъ дефендента на общій ходъ развитія ученій о характерѣ древнихъ славянъ, проф. Дриновъ не согласился съ г. Собѣстіанскимъ въ томъ, что относительно этого вопроса всѣхъ славистовъ можно раздѣлить на „трезвыхъ“, къ которымъ должны быть отнесены первые изслѣдователи славянства до конца XVIII стол. (Мавро Орбини, Ломоносовъ, Татищевъ, Нарушевичъ, Іорданъ, Болтинъ и Антонъ) и идеалистовъ, къ которымъ за весьма немногими исключеніями, по мнѣнію дефендента, принадлежатъ всѣ слависты нашего вѣка. Оппонентъ прежде всего замѣтилъ, что къ Мавро Орбини, Ломоносову и отчасти Татищеву нельзя примѣнить терминъ „трезвыхъ“ уже по одному тому, что о славянахъ они имѣли весьма смутное представленіе и смѣшивали съ ними многіе воинственные народы не славянскаго происхожденія. Спеціально и вполнѣ научнымъ образомъ изъ числа старыхъ ученыхъ занимался вопросомъ о характерѣ и бытѣ древнихъ славянъ только одинъ Антонъ. Но между взглядами

послѣдняго и воззрѣніями новѣйшихъ изслѣдователей того же предмета нѣтъ той бездны, которую усматриваетъ здѣсь г. Собѣстіанскій. Проф. Дриновъ при этомъ подробно останавливался на трудахъ Суровецкаго, особенно же на его рефератѣ, читанномъ въ 1809 г., такъ какъ Суровецкаго дефендентъ считаетъ родоначальникомъ апріорическихъ воззрѣній на древнее славянство и привлекаетъ къ отвѣтственности за то, что онъ направилъ науку въ рѣшеніи этого вопроса на ложный путь. По мнѣнію проф. Дринова, г. Собѣстіанскій слишкомъ односторонне понялъ рефератъ Суровецкаго. Главная задача реферата, ясно обозначенная въ самомъ его заглавіи, которое не совсѣмъ точно передано въ книгѣ г. Собѣстіанскаго, состояла въ указаніи на новые источники для культурной исторіи древнихъ славянъ,—на археологію и этнографію. Характеристикою древнихъ славянъ Суровецкій здѣсь не задавался, а немногія его замѣчанія, къ этому предмету относящіяся, вполнѣ согласны съ выводами Антона. Сочиненіе его не только не сбивало науки съ правильнаго пути, но обращало вниманіе на новый научный матеріалъ, притомъ лишь въ наше время оцѣненный по достоинству. Что же касается вопроса о вліяніи Гердера на это произведеніе Суровецкаго, то возражателю вліяніе это не представлялось особенно сильнымъ: какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ ученіемъ физіократовъ, съ Монтескье и вообще съ литературою XVIII вѣка, Суровецкій могъ и помимо Гердера дойти до идеи о національныхъ особенностяхъ славянъ. Впрочемъ, въ отношеніи къ позднѣйшимъ сочиненіямъ Суровецкаго проф. Дриновъ согласился допустить вліяніе Гердера, но лишь по вопросу о способѣ разселенія славянъ по южно- и средне-европейскимъ землямъ. Однако, и въ этомъ случаѣ Суровецкій не слѣдовалъ Гердеру безусловно, доказывая, что славяне прокладывали себѣ путь не только сохою, но и оружіемъ. Такимъ образомъ упреки, дѣлаемые г. Собѣстіанскимъ Суровецкому, а равно и его послѣдователямъ, по мнѣнію оппонента, неосновательны.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія дефендентъ заявилъ, что если въ своей книгѣ онъ и указываетъ на противоположность между двумя группами ученыхъ, то дѣлаетъ это различіе, имѣя въ виду исключительно ихъ отношеніе къ вопросу о воинственности и насильственности славянъ, какъ прирожденномъ свойствѣ послѣднихъ. Ученые первой категоріи („трезвые“) смотрѣли на этотъ вопросъ болѣе широко и считали воинственность принадлежностью всѣхъ первобытныхъ народовъ, въ томъ числѣ и славянъ, а ученые второй категоріи въ мирномъ характерѣ славянъ видѣли отличительное свойство самой ихъ натуры. Что касается Гердера, то дефендентъ въ доказательство сильнаго вліянія „Идей“ Гердера на первый рефератъ Суровецкаго

привлекъ выдержки изъ сочиненій того и другого, и сопоставленіе этихъ выдержекъ, проф. Дриновъ нашелъ убѣдительнымъ, оговорившись однако, что вліяніе это, хотя и существовало, но не было слишкомъ сильно. Въ связи съ этимъ г. Собѣстіанскій настаивалъ далѣе и на своемъ пониманіи задачъ перваго труда Суровецкаго.

Продолжая затѣмъ возраженія, проф. Дриновъ перешелъ къ объясненіямъ, которыя г. Собѣстіанскій взводитъ на Шафарика, уличая его въ плагіатѣ и доказывая, что помѣщенная въ его „Исторіи слав. литературъ“ характеристика древнихъ славянъ представляетъ дословный переводъ на нѣмецкій языкъ двухъ церковныхъ проповѣдій Колляра. Проф. Дриновъ замѣтилъ, что врядъ ли бы дефендентъ придалъ слишкомъ большое значеніе этому интересному своему открытію, еслибы обратилъ вниманіе на предисловіе Шафарика, въ которомъ авторъ о пользованіи своими пособіями прямо говоритъ: „Icg habe das meinem Plan Passende meist wörtlich daraus entlehnt“, причемъ онъ и дѣлаетъ общую ссылку на Колляра въ примѣч. къ 5-ой главѣ. Соглашаясь далѣе съ г. Собѣстіанскимъ въ томъ, что о характерѣ древнихъ славянъ у Шафарика въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются противорѣчивыя сужденія, возражатель, однако, нашелъ неосновательнымъ приписывать Шафарику изобрѣтеніе гипотезы, придуманной для примиренія этихъ противорѣчій, — будто примѣръ и принужденіе со стороны другихъ воинственныхъ народовъ заставили мирныхъ славянъ вступить на путь завоеваній: самъ же г. Собѣстіанскій въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія указываетъ на то, что такая гипотеза была высказана задолго до Шафарика Суровецкимъ, и еще раньше—Гебгарди. Нѣчто подобное утверждалъ даже Антонъ, доказывавшій, что до разселенія славяне жили на своей прародинѣ мирно и спокойно. При этомъ оппонентъ упрекнулъ г. Собѣстіанскаго за то, что онъ слишкомъ мало обратилъ вниманія на происхожденіе этой гипотезы и тѣ основы ея, которыя главнымъ образомъ выработаны были Суровецкимъ. Въ этомъ, по мнѣнію оппонента, состоитъ важный недостатокъ перваго отдѣла книги, особенно ярко выразившійся въ критической части этого отдѣла. Такъ, напр., у автора есть цѣлая глава, посвященная опроверженію идеалистическихъ воззрѣній на характеръ славянъ на основаніи многихъ свидѣтельствъ о ихъ воинственности и жестокости. На эти свидѣтельства, обнимающія длинный періодъ времени по XIII вѣкъ включительно, не безъизвѣстны были Суровецкому и его послѣдователямъ, однако оставлены были ими въ сторонѣ въ силу хронологическихъ соображеній. Позднѣйшій воинственности славянъ названные ученые не отрицали, но искали въ источникахъ болѣе раннихъ свидѣтельствъ, которыя бы касались быта и характера славянъ въ древнѣйшемъ періодѣ ихъ

жизни, каковы свидѣтельства Іордана, а отчасти Прокопія, Маврикія и др. древнихъ византійскихъ писателей. Свидѣтельство же Тацита о славянскихъ latrocinia Суровецкій объяснялъ, толкуя слово „latrocinium“ въ смыслѣ venatio. Оппонентъ полагалъ, что критика г. Собѣстіанскаго должна была бы направляться именно на эти основанія его противниковъ.

Отвѣчая проф. Дринову, г. Собѣстіанскій замѣтилъ, что по отношенію къ Шафарику онъ избѣгалъ употреблять слово „плагіатъ“, которое и не встрѣчается въ его диссертаціи. Онъ не поднялъ бы вопроса о несостоятельности Шафарика, еслибы тотъ не предпослалъ 5-ой главѣ тѣхъ словъ, которыя въ виду ихъ особенной важности приведены въ книгѣ г. Собѣстіанскаго in extenso (стр. 41) и еслибы самъ Шафарикъ не возвелъ напрасныхъ обвиненій на Карамзина и его послѣдователей, здраво судившихъ объ этомъ предметѣ. Далѣе дефендентъ объяснилъ, что на Шафарикѣ онъ остановился съ особеннымъ вниманіемъ, видя въ немъ главнаго представителя разбираемой теоріи. Что касается свидѣтельствъ источниковъ о невоинственности славянъ, то на важнѣйшіе изъ нихъ дефендентъ указалъ въ своей книгѣ, хотя и не въ одномъ мѣстѣ, а другихъ не затрогивалъ въ виду того, что самъ Шафарикъ отрицалъ ихъ достовѣрность.

Отмѣтивъ затѣмъ нѣсколько пропусковъ и выразивъ сожалѣніе, что названный въ рѣчи дефендента трудъ Ламанскаго нигдѣ не упомянутъ въ книгѣ, проф. Дриновъ оставилъ въ сторонѣ нѣкоторыя частныя замѣчанія и перешелъ ко второму отдѣлу книги. Предоставляя болѣе подробную его оцѣнку юристамъ, онъ ограничился лишь указаніемъ на неясность въ сужденіи автора о возникновеніи ученія объ общинномъ бытѣ древнихъ славянъ: говоря въ одномъ мѣстѣ, что ученіе это было выработано Лелевелемъ подъ вліяніемъ Руссо, онъ упускаетъ изъ виду сказанное имъ въ другомъ мѣстѣ, что нѣкоторыя стороны этого ученія развивалъ еще Суровецкій. За то критическая часть второго отдѣла, по мнѣнію проф. Дринова, довольно обстоятельна. Здѣсь представленъ тщательный разборъ нѣкоторыхъ основъ теоріи общиннаго быта, причемъ иныя изъ нихъ г. Собѣстіанскому удалось поколебать. Оппонентъ заключилъ свои возраженія заявленіемъ, что, хотя книга г. Собѣстіанскаго и даетъ не совсѣмъ правильныя представленія о ходѣ развитія славянской исторической науки, тѣмъ не менѣе они отличается и достоинствами. Къ числу таковыхъ относится, во-первыхъ, то, что авторъ напомнилъ вновь о весьма рѣдкихъ нынѣ и почти забытыхъ, но важныхъ сочиненіяхъ старыхъ славистовъ, изъ которыхъ въ его диссертаціи приведено много интересныхъ выдержекъ. Онъ сличилъ тексты источниковъ съ переводами и въ послѣднихъ открылъ нѣкоторыя неточности. Онъ указалъ

неосновательность нѣкоторыхъ упрековъ, дѣлаемыхъ западными славистами Карамзину, и съумѣлъ рельефно оттѣнить увлеченія другихъ ученыхъ, такъ что въ этомъ отношеніи книга его можетъ опредѣляющимъ образомъ воздѣйствовать на будущихъ изслѣдователей.

Вторымъ оффиціальнымъ оппонентомъ былъ проф. Н. О. Куплеваскій. Указавъ на интересъ избранной авторомъ темы, онъ сказалъ нѣсколько словъ о выгодныхъ сторонахъ его сочиненія: здѣсь читатель можетъ познакомиться съ мнѣніями малоизвѣстныхъ русскихъ и польскихъ писателей по вопросу о славянахъ и найдетъ весьма интересныя указанія на генетическую связь ученій славистовъ съ ученіями Руссо и Гердера. Нельзя также не согласиться со многими возраженіями дѣлаемыми г. Собѣстіанскимъ писателямъ о славянахъ по частнымъ вопросамъ о ихъ воинственности, о рабствѣ у славянъ, о полигаміи, о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, хотя въ рѣшеніи общаго вопроса о характерѣ славянъ, по мнѣнію проф. Куплеваскаго, автору слѣдовало бы стать на болѣе широкую почву сравненія. Критическія возраженія оппонента касались преимущественно той части сочиненія, въ которой затронуто государственное устройство славянъ. Проф. Куплеваскій разошелся съ г. Собѣстіанскимъ относительно того, какъ понимали терминъ „община", „общинность" слависты. Онъ указалъ на то, что послѣдніе разумѣли подъ этимъ названіемъ не только поземельную общину, но и народныя собранія. Соглашаясь, что демократіи въ смыслѣ полной свободы и абсолютнаго равенства у славянъ дѣйствительно не было, оппонентъ замѣтилъ, что существованіе князей и старѣйшихъ не исключало дѣятельной роли народнаго собранія. При этомъ онъ сослался на результаты наблюденій, сдѣланныхъ на болѣе обширномъ поприщѣ сравнительнаго метода Мэномъ, Фриманомъ, Спенсеромъ, М. Ковалевскимъ и другими учеными, которыми г. Собѣстіанскій не воспользовался. Подобное отрицаніе „общинности" въ смыслѣ демократіи у древнихъ славянъ повело автора къ искусственному толкованію текстовъ (въ особенности „Готской войны" Прокопія). Второе возраженіе проф. Куплеваскаго касалось вліянія Гердера и Руссо, преувеличеннаго г. Собѣстіанскимъ, такъ какъ не исключительно Гердеръ и Руссо, но главнымъ образомъ изученіе памятниковъ служило основою для изслѣдователей славянской этнографіи и славянскаго древняго права. Подтвержденіе этой мысли можно найти въ упущенной дефендентомъ изъ виду современной довольно большой литературѣ объ общинѣ въ Россіи и о задругѣ въ другихъ славян. земляхъ. Затѣмъ, оканчивая свои замѣчанія, оппонентъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что г. Собѣстіанскій нигдѣ въ своей книгѣ не говоритъ о вліяніи нѣмецкой исторической школы на писателей 40-хъ,

50-хъ и даже 60-хъ годовъ, между тѣмъ какъ прослѣдить это вліяніе было бы не безполезно.

Дефендентъ отвѣтилъ, что онъ отрицалъ у древнихъ славянъ лишь существованіе той идеальной общины, которая основана на безусловной свободѣ, равенствѣ и братствѣ, и на которой настаивали критикуемые имъ писатели. Онъ сознательно не вносилъ въ свою книгу сравнительнаго матеріала, такъ какъ это отвлекло бы его отъ главной задачи его изслѣдованія. Терминъ „демократія" въ извѣстномъ отрывкѣ изъ „Готской войны" Прокопія г. Собѣстіанскій толковалъ, руководствуясь текстомъ Маврикія. Въ славянской литературѣ объ общинности онъ усматриваетъ отраженіе духа времени, ибо древніе памятники не содержатъ въ себѣ никакихъ указаній на существованіе идеальной общины у древнихъ славянъ; изложеніе же свое онъ прервалъ на Аксаковѣ, такъ какъ видитъ въ его произведеніяхъ типичнѣйшее выраженіе теоріи общинности, какого она когда-либо достигала. Что касается задруги, то дефендентъ обѣщалъ въ скоромъ времени издать объ этомъ вопросѣ особый этюдъ и фактически доказать, что представленіе о задругѣ совершенно извращено въ наукѣ и что даже терминъ „задруга" выдуманъ учеными и перенесенъ изъ литературы въ жизнь.

Третій оффиціальный оппонентъ проф. А. Н. Стояновъ успѣлъ поставить и развить по причинѣ продолжительности спора дефендента съ предшествующими оппонентами, лишь нѣкоторыя изъ намѣченныхъ имъ возраженій. „Время и матеріалъ диспута",—сказалъ проф. Стояновъ,—„затрачивались съ такою щедростью, что мнѣ остается лишь небольшой уголокъ для нѣсколькихъ критическихъ замѣчаній". Затѣмъ онъ намѣтилъ нѣсколько такихъ пунктовъ въ диссертаціи г. Собѣстіанскаго, гдѣ недостатки методологическихъ пріемовъ обнаруживаютъ отрицательное вліяніе на самую сущность изслѣдованія. Такъ, во-первыхъ, нельзя согласиться съ тѣмъ методомъ изслѣдованія, которому авторъ слѣдуетъ въ первой части книги, очень богатой матеріаломъ и важной по своему назначенію въ общемъ строѣ диссертаціи. Авторъ сопоставляетъ здѣсь въ двухъ параллельныхъ отдѣлахъ рядъ мнѣній критикуемыхъ имъ писателей съ сырымъ матеріаломъ фактовъ изъ источниковъ, не дѣлая аналитической провѣрки каждаго отдѣльнаго мнѣнія имъ же самимъ приведенными фактами. Такая работа какъ бы предоставляется у автора самимъ читателямъ. Такимъ образомъ описаніе преобладаетъ надъ анализомъ, надъ сличеніемъ и сравненіемъ критикуемыхъ мнѣній въ органической ихъ связи. Во-вторыхъ возможно, что въ такихъ пріемахъ изслѣдованія заключается одна изъ причинъ, почему представляется спорною характеристика Гердера, какъ самаго типичнаго выразителя того направленія, которое назы-

вается у автора „сентиментально-поэтическимъ“, но которое, можетъ быть, удобнѣе и вѣрнѣе было бы называть „романтическимъ“. Спорнымъ оказывается также заключеніе—съ одной стороны о противорѣчіяхъ между Гердеромъ и его предшественниками, писавшими о славянахъ въ прошедшемъ столѣтіи, а съ другой стороны—объ одинаково сильномъ вліяніи Гердера на славянскихъ и русскихъ ученыхъ настоящаго столѣтія. Втретьихъ, въ методѣ изслѣдованія автора не всегда соблюдается общее правило, гласящее, что существуетъ многообразіе факторовъ, создающихъ исторію. Оно упущено, напр., изъ виду въ интересномъ вопросѣ о вліяніи Ж. Ж. Руссо на ученіе западныхъ и польскихъ славистовъ, а въ особенности на Лелевеля. Утверждая что теорія общиннаго быта сложилась въ умѣ Лелевеля *главнымъ образомъ* подъ вліяніемъ идей Руссо, г. Собретіанскій однако не доказалъ съ желательною полнотою доводовъ тѣсную связь лелевелевскаго ученія съ доктриною женевскаго философа, развитою въ его сочиненіяхъ „Contrat social“, „Sur le gouvernement de Pologne“ и проч. Въ послѣднемъ трактатѣ по важному вопросу объ учрежденіи и организаціи „общинъ“ находимъ ровно десять строчекъ, и, если Лелевель искалъ для себя вдохновенія со стороны политико-философскихъ идей Франціи, то, пожалуй, не меньшій для него интересъ могли бы представить напр. рѣчи Мирабо о коммунахъ, не говоря о другихъ французскихъ писателяхъ. Далѣе не можетъ быть сомнѣнія, что и Германія съ ея принципами метафизической философіи, съ ея культомъ идей національности, съ ея историко-романтическою школою воздѣйствовала на Лелевеля и воздѣйствовала сильнѣе, нежели Руссо съ его „Contrat social“. Развивая эту мысль, проф. Стояновъ представилъ въ блестящемъ и талантливомъ изложеніи интересный анализъ этого трактата и прослѣдилъ, подъ какими вліяніями выработались политическія идеи его автора, причемъ указывалъ на отсутствіе тождества идей знаменитой теоріи общественнаго договора съ ученіемъ польскаго историка-патріота. Вчетвертыхъ, неполнымъ и прямолинейно-одностороннимъ казалось оппоненту также и понятіе о характерѣ славянъ у автора при соображеніи лишь однихъ свойствъ жестокости, воинственности, алчности и при неупоминаніи свойствъ добродушія, гостепріимства и миролюбія, о которыхъ повѣствуютъ лѣтописцы. Между тѣмъ правильная оцѣнка особенностей характера древнихъ славянъ можетъ быть сдѣлана лишь при соображеніи того психологическаго закона, достаточно доказаннаго сравнительною этнографіею, что въ характерѣ примитивныхъ людей господствуютъ впечатлѣнія и аффекты надъ сдерживающимъ и правильнымъ мышленіемъ. Отсюда, при отсутствіи установившихся нравственныхъ понятій и при слабости воли характеры какъ бы раздвояются, представляя собою своеобразное со-

четаніе быстро смѣняющихся состояній жестокости и кротости, вѣроломства и честности и т. д. Наконецъ, оппонентъ выразилъ сожалѣніе, что не поддержанъ бо́льшимъ количествомъ фактовъ выводъ автора о такомъ же тождествѣ юридическаго быта древнихъ славянъ съ юридическимъ бытомъ всѣхъ прочихъ народовъ одинаковой степени культуры, какое тождество принято имъ относительно характера древнихъ славянъ и другихъ примитивныхъ народовъ. Проф. Стояновъ напротивъ думаетъ, что уже въ самую древнюю эпоху обозначились въ обычномъ правѣ славянъ нѣкоторые отличія отъ правъ индусскаго, кельтическаго, греческаго, римскаго и германскаго, какъ напр. наблюдается это въ особенностяхъ институтовъ наслѣдованія, семейной власти, собственности, даже договоровъ.

„Обозрѣвая вашу книгу въ цѣлости", заключивъ свои возраженія проф. Стояновъ, „я долженъ высказать мое убѣжденіе, что книга эта есть научное изслѣдованіе со многими положительными качествами,—со стремленіемъ къ самостоятельности, основанной на тщательномъ изученіи не только обширной литературы, но и источниковъ первыхъ рукъ, со строго критическимъ отношеніемъ къ избранному предмету, съ умѣніемъ найти и установить живую историческую связь между фактами, между ходомъ послѣдовательнаго развитія этихъ фактовъ и смѣною тѣхъ ученій и мнѣній, которыя высказывались о различныхъ сторонахъ культурной жизни славянъ. Самый выборъ темы можетъ быть вмѣненъ въ заслугу автору по многимъ причинамъ: по трудности, сложности и даже опасности изслѣдованія такого предмета, который затрогиваетъ самые существенные и дорогіе интересы одного изъ великихъ племенъ въ культурной исторіи человѣчества".

На первое возроженіе проф. Стоянова г. Собѣстіанскій заявилъ, что, стремясь главнымъ образомъ выяснить общій характеръ развитія славянской науки, онъ избѣгалъ уклоняться отъ намѣченной цѣли въ сторону разработки деталей. Повторивъ затѣмъ по отношенію къ Гердеру доводы, высказанные имъ раньше въ отвѣтѣ проф. Дринову, и согласившись, что всякое историческое явленіе есть продуктъ сложныхъ и многообразныхъ факторовъ, дефендентъ заявилъ, что на Ж. Ж. Руссо онъ остановился, какъ на главномъ виновникѣ ученія объ общинномъ бытѣ. При этомъ онъ съ новыми подробностями старался обосновать свой взглядъ, послѣ чего между нимъ и оппонентомъ состоялось соглашеніе. По вопросу о присутствіи въ характерѣ примитивныхъ народовъ противоположныхъ свойствъ дефендентъ не отрицалъ доводовъ своего противника, указывая, что возстаетъ лишь противъ *идеализаціи* древнихъ славянъ. На безусловномъ тождествѣ юридическаго быта славянъ и другихъ народовъ онъ также не настаивалъ, ссылаясь на сказанное имъ въ рѣчи передъ началомъ диспута.

Несмотря на то, что пренія затянулись, кромѣ оффиціальныхъ оппонентовъ выступили и частные,—профессоръ М. А. Остроумовъ и стипендіатъ Харьковскаго университетъ А. С. Вязигинъ. Возраженія перваго отличались строго фактическимъ характеромъ. Онъ началъ съ того, что, по его мнѣнію, тотъ взглядъ на характеръ древняго славянства, который г. Собѣстіанскій называетъ „сентиментально-поэтическимъ“, заимствуя это выраженіе у Пыпина, отнюдь нельзя считать господствующимъ въ наукѣ и что даже въ учебникахъ (Николаева, Шульгина и др.) высказываетъ противоположный „*трезвый*“ взглядъ на этотъ предметъ. Если одни изслѣдователи дѣйствительно оттѣняли въ характерѣ древнихъ славянъ *преимущественно* черты кротости, миролюбія, гостепріимства и проч., и другіе—*преимущественно* черты воинственности и жестокости, то это различіе обусловливалось различіемъ способовъ, при помощи которыхъ они рѣшали свою задачу. Такъ одни имѣли въ виду то, что сами славяне завидѣтельствовали о себѣ въ своей поэзіи и въ своей миѳологіи, другіе же принимали за исходный пунктъ не чуждыя субъективной окраски письменныя показанія византійцевъ и иныхъ иностранцевъ, рисовавшихъ главнымъ образомъ проявленія воинственнаго духа въ столкновеніяхъ славянъ съ врагами. Оппонентъ замѣтилъ, что въ войнахъ сказываются международныя отношенія, а не коренныя черты народнаго характера, проявляющіяся наиболѣе рельефно въ творчествѣ. Воюя, славяне но вѣраженію лѣтописца, дѣйствовали „елико же ратніи творятъ“. Г. Собѣстіанскому слѣдовало бы въ своихъ заключеніяхъ исходить не изъ „батальныхъ картинъ“, а обратиться также и къ другимъ источникамъ нашихъ свѣдѣній о славянахъ,—къ той сферѣ, въ которой они наиболѣе самобытны, къ ихъ пѣснямъ, повѣрьямъ, преданіямъ и проч. Подъ вліяніемъ этой сферы сложился и взглядъ Гердера, который и самъ переводилъ сербскія пѣсни. Но, по его мнѣнію, ошибочно впрочемъ приписываетъ именнно Гердеру первество въ дѣлѣ распространенія сентиментально-поэтическихъ воззрѣній на древвее славанство. Раньше Гердера, Банкертъ въ примѣчаніяхъ къ Гельмольду говорилъ уже о мирномъ разселеніи славянъ,

Что касается отношенія автора къ источникамъ, то оппонентъ утверждалъ, что г. Собѣстіанскій беретъ изъ нихъ каждый разъ только то, что ему болѣе на руку. Такъ, напр., когда это ему выгодно, онъ отдаетъ предпочтеніе Маврикію передъ Прокопіемъ, въ другихъ же случаяхъ,—опять-таки, когда это соотвѣтствуетъ его цѣлямъ, предпочитаетъ прокопіевы свидѣтельства маврикіевымъ. Подобнымъ же образомъ онъ приводитъ одно мѣсто изъ Фотія и умалчиваетъ о другомъ, такъ какъ оно ведетъ къ неблагопріятному для дефендента заключенію, не приводитъ свидѣтельствъ о мирныхъ свой-

ствахъ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ („наши князья добри суть, иже роспасли Деревьску землю"). Надлежащей критики фактовъ въ книгѣ Собѣстіанскаго также нѣтъ: онъ, напр., съ полнымъ довѣріемъ повторяетъ показаніе Льва Діакона о томъ, что Святославъ пересажалъ на колъ 20,000 человѣкъ плѣнныхъ болгаръ, а равно свидѣтельство Кедрина, будто тотъ же князь 20,000 болгаръ бросалъ въ темницу. Впрочемъ, одинъ образчикъ такой критики факта есть въ книгѣ г. Собѣстіанскаго: онъ отвергаетъ свидѣтельство Ѳеофилакта о пассивномъ характерѣ древнихъ славянъ на основаніи внутренняго противорѣчія, но отвергаетъ это свидѣтельство только потому, что не можетъ воспользоваться имъ въ своихъ видахъ.

Перейдя далѣе ко второму отдѣлу книги, проф. Остроумовъ примкнулъ къ тѣмъ возраженіямъ касательно Ж. Ж. Руссо, которыя были сдѣланы проф. А. Н. Стояновымъ, и замѣтилъ, что договорная теорія происхожденія общества существовала и до Руссо. Что же касается вопроса объ отношеніи Руссо къ польской научной литературѣ, то, по мнѣнію оппонента, слѣдуетъ признавать скорѣе вліяніе поляковъ на знаменитаго женевскаго философа, нежели обратное вліяніе. При этомъ проф. Остроумовъ возвратился къ вопросу о значеніи термина „община". Указавъ, что на стр. 193 г. Собѣстіанскій оспариваетъ утвержденіе ученыхъ славистовъ, будто славяне не терпѣли никакого правительства, онъ предложилъ вопросъ: какъ понимать терминъ „община"? Если въ смыслѣ народодержавства, то славянофилы возставали противъ такого пониманія: они противопоставляли общину не монархіи, а родовому быту. Община у славянъ выражала собою отношенія территоріальныя, отношенія сосѣдства, какъ родъ выражалъ отношенія, основанныя на узахъ крови. Въ основаніи общиннаго быта лежала внутренняя правда, а не договоръ, и распространенію договорной теоріи славянофилы противодѣйствовали.

Свои возраженія, сокращенныя за недостаткомъ времени, проф. Остроумовъ заключилъ указаніемъ на большой пробѣлъ въ сочиненіи г. Собѣстіанскаго: авторъ просмотрѣлъ цѣлую школу, представителями которой можно назвать Ламанскаго, Васильевскаго, Успенскаго и друг. Школа эта въ вопросѣ о юридическомъ бытѣ древнихъ славянъ обращается къ византійскому законодательству, ища въ немъ слѣдовъ воздѣйствія со стороны юридическаго быта варварскихъ народовъ и въ томъ числѣ славянъ, съ которыми византійскій міръ приходилъ въ соприкосновенье.

Дефендентъ возражалъ проф. Остроумову слѣдующее. Во-первыхъ, учебниковъ нельзя принимать въ расчетъ, когда рѣчь идетъ о взглядѣ, господствующемъ въ наукѣ: „Сколько нужно было бы положить на вѣсы учебниковъ, чтобы перевѣсить авторитетъ имени

одного Шафарика?“ Что касается поэтическаго творчества славянъ, а въ частности поэзіи сербовъ, то она вся дышетъ воинственностью. Въ наиболѣе развитой миѳологіи полабскихъ славянъ также господствуютъ воинственныя представленія, и это обстоятельство тѣмъ важнѣе, что у нихъ дольше другихъ славянъ держалось язычество и оставались связанные съ нимъ порядки. Относительно источниковъ дефендентъ заявилъ, что примѣры, избранные оппонентомъ, ничего не доказываютъ: слово „молотильщики“ въ указываемомъ мѣстѣ изъ Фотія совершенно непонятно, а въ противовѣсъ свидѣтельству лѣтописца о „добрыхъ князьяхъ“ можно привести и другое свидѣтельство его же о томъ, что древляне живутъ звѣринскимъ образомъ. Наконецъ, по вопросу о вліяніи поляковъ на Руссо г. Собѣстіанскій допускаетъ извѣстное воздѣйствіе съ этой стороны, но лишь въ отношеніи „Considérations, etc.“, а не „Contrat social“.

Возроженія послѣдняго оппонента могутъ быть сведены къ слѣдующему. Въ 6 положеніи г. Собѣстіанскій говоритъ, что выводы его книги основаны на „объективномъ изученіи памятниковъ“, для чего, по основному требованію исторической критики, необходимы: правильное пониманіе и точный переводъ источниковъ. Но это требованіе не вездѣ соблюдается г. Собѣстіанскимъ, а потому и не всѣ его ссылки имѣютъ доказательную силу: въ иныхъ случаяхъ приведены сомнительныя данныя (таково, напр., свидѣтельство Тацита о мнимыхъ разбояхъ венетовъ, славянское происхожденіе которыхъ не доказано), въ другихъ, при передачѣ, опущены фразы, дающія иную окраску извѣстію (такъ, напр., ссылаясь въ доказательство исконной воинственности славянъ на взятіе ими во время одного набѣга „укрѣпленій, *казавшихся* неприступными“, авторъ оставилъ безъ перевода слова подлинника: „такъ какъ ихъ никто не защищалъ“). Помимо этихъ методологическихъ недостатковъ, всѣ доказательства, заимствованныя изъ позднѣйшихъ источниковъ, не относятся къ „*древнимъ*“ славянамъ. Во избѣжаніе недоразумѣній необходимо было показать, въ какіе хронологическіе предѣлы авторъ заключаетъ сферу быта „древнихъ“ славянъ въ противоположность славянамъ „новымъ“.

Отвѣчая своему оппоненту, г. Собѣстіанскій сказалъ, что тацитовскихъ венетовъ не онъ одинъ, а и большинство другихъ ученыхъ признаетъ славянами. Какъ не филологъ, онъ допускаетъ возможности и другихъ неточностей въ текстахъ и переводахъ, производимыхъ въ первой части его труда: онъ не занимается критическимъ изданіемъ памятниковъ и думаетъ, что отъ такихъ точностей не пострадали основные выводы его работы. Въ цитируемомъ мѣстѣ изъ Менандра онъ обратилъ главное вниманіе на неприступность пункта, къ которому шли славяне, и усмотрѣлъ въ этомъ предпріятіи дока-

зательство ихъ воинственности. Что же касается точныхъ хронологическихъ разграниченій, то они невозможны, когда рѣчь идетъ о внутреннемъ бытѣ какого бы то ни было народа.

Защита была признана единогласно удовлетворительною, и дефендентъ удостоенъ искомой степени. Сообщено А. Н. Деревицкимъ.

— 10 мая 1892 г. въ Московскомъ университетѣ состоялся диспутъ приватъ-доцента по каѳедрѣ всеобщей исторіи М. С. Корелина, представившаго для полученія степени магистра всеобщей исторіи двухтомную диссертацію подъ заглавіемъ „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія“.

Въ началѣ своей вступительной рѣчи г. Корелинъ констатировалъ всемірно-историческую важность гуманистическаго движенія, возникшаго на почвѣ Италіи въ XIV и XV столѣтіяхъ. Это движеніе вырабатывало начала весьма важныхъ сторонъ той цивилизаціи, которая составляетъ справедливую гордость новой исторіи. Сущность этого движенія заключается въ томъ, что средневѣковой варваръ доросъ до сознанія своего личнаго достоинства и важности своихъ духовныхъ стремленій и рвался изъ подъ суровой и стѣснительной опеки средневѣкового аскетизма, причемъ это движеніе коснулось всѣхъ сторонъ культурной жизни: морали, науки, искусства, литературы, педагогики и политики. Это освобожденіе личности отъ ига отжившихъ культурныхъ формъ и первые ея шаги въ новой исторіи и сдѣлались предметомъ спеціальнаго изученія г. Корелина.

Первоначально онъ имѣлъ въ виду остановиться на дѣятельности Лоренцо Валлы. Но при ближайшемъ изученіи ея оказалось, что Л. Валла и его сверстники стоятъ въ серединѣ процесса и что для пониманія и оцѣнки ихъ идей и стремленій слѣдуетъ выяснить общій характеръ движенія и дѣятельность ихъ предшественниковъ. Приступая къ этой работѣ, г. Корелинъ обратился прежде всего къ исторіографіи Возрожденія и замѣтилъ, что этой эпохи касались въ своихъ трудахъ не только тѣ изслѣдователи, которые спеціально ею занимались, но также и историки культуры, философіи, литературы, искусства, церкви и разныхъ отраслей науки. Во всей массѣ этихъ трудовъ обнаружилось поразительное разнообразіе воззрѣній на источники движенія и на его сущность, а также и разногласіе въ оцѣнкѣ историческаго значенія гуманизма. Такимъ образомъ выяснилась потребность систематизировать все добытое до сихъ поръ по изученію Возрожденія, и эту систематизацію авторъ диссертаціи сдѣлалъ одной изъ задачъ спеціальнаго изслѣдованія. Въ осуществленіи этого дѣла авторомъ руководили соображенія двоякаго рода: одни—теоретическія, другія—практическія. Съ точки зрѣнія теоретической исторія литературы о Возрожденіи есть превосходная иллюстрація исторіографіи

вообще и является однимъ изъ важныхъ параграфовъ въ исторіи развитія исторической науки. Съ точки зрѣнія практическихъ соображеній г. Корелину казалось полезнымъ дать возможность всякому изучающему Возрожденіе сразу оріентироваться въ литературѣ предмета тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ въ этомъ направленіи ничего не было сдѣлано; при этомъ всякій читатель въ той же диссертаціи будетъ имѣть матеріалъ для критическаго отношенія къ исторіографическимъ выводамъ г. Корелина.

Что же касается результатовъ этой стороны изслѣдованія, то они сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: при всемъ разнообразіи воззрѣній на сущность гуманистическаго движенія наибольшею распространенностью между ними пользуются два взгляда: одни изслѣдователи (начиная съ Коччіо и Форести и кончая Фогтомъ) сводятъ гуманизмъ на реставрацію древности, другіе (Гегель и Буркгардтъ) видятъ въ немъ возрожденіе личности. Оба эти воззрѣнія при всемъ своемъ различіи сходны въ одномъ: они не явились выводами изъ научнаго изслѣдованія гуманистической литературы, да и вообще малое знакомство съ произведеніями гуманистовъ составляетъ характерную черту и важный недостатокъ исторіографіи Возрожденія, а эта черта обусловливается и состояніемъ источниковъ, и недостаточнымъ интересомъ къ эпохѣ. Слабость же интереса къ эпохѣ объясняется предразсудкомъ, что гуманистическая литература представляетъ собою механическое подражаніе древнимъ писателямъ, а кромѣ того Возрожденію долго приписывали антинаціональный и антихристіанскій характеръ. Только съ половины XIX в. обнаруживается замѣтный успѣхъ въ дѣлѣ болѣе глубокаго пониманія гуманистическаго движенія и соотвѣтственно съ этимъ бо́льшій интересъ къ его изученію. Но, несмотря на современное обиліе монографій о первыхъ гуманистахъ (особенно о Петраркѣ и Бокаччіо), до сихъ поръ не существуетъ не только исторіи развитія ихъ міросозерцанія, но и его систематическаго и всесторонняго изложенія.

Эта-то подмѣченная въ первой части работы слабость документальной основы въ сужденіяхъ о гуманизмѣ и въ его исторіи и заставила г. Корелина по мѣрѣ силъ и возможности пополнить пробѣлъ изученіемъ первоисточниковъ, т.-е. произведеній самихъ гуманистовъ. Это вторая и труднѣйшая часть работы. Трудность ея объясняется малою доступностью гуманистической литературы: огромное большинство произведеній гуманистовъ хранится въ рукописяхъ, а многія изъ нихъ неизвѣстны даже по заглавію. Тѣмъ не менѣе тщательное изученіе соотвѣтствующаго рукописнаго матеріала, заключающагося въ Парижской національной библіотекѣ, а главнымъ образомъ въ кодексахъ Ватиканской, Лауренціаны и Амброзіаны дало возможность

г. Корелину придти къ выводу, существенно отличному отъ общепринятыхъ воззрѣній—который онъ и формулировалъ въ слѣдующемъ тезисѣ: „Гуманистическая литература не представляетъ собою подражанія или воспроизведенія древности; ея главные виды: моральный, педагогическій и политическій трактаты, а также произведенія историческаго содержанія и переписка вызваны новыми потребностями и стоятъ въ неразрывной съ современной дѣйствительностью“ связи, а если содержаніе гуманистической литературы выражаетъ реальныя потребности тогдашняго общества, то возможна *документальная* исторія исторія этого движенія и указаніе фазисовъ его постепеннаго развитія, чего до сихъ поръ не сдѣлано въ работахъ по Возрожденію и что составило главнѣйшую цѣль изслѣдованія г. Корелина. Занимаясь такимъ *документальнымъ* изученіемъ гуманистической литературы съ возможной полнотой и въ исторической послѣдовательности, авторъ диссертаціи пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) „Два существенныхъ признака характеризуютъ гуманистическое движеніе: индивидуализмъ и глубокій интересъ къ классической древности, причемъ гуманистическій индивидуализмъ характеризуется, во-первыхъ, интересомъ человѣка къ себѣ самому, къ своему внутреннему міру, во-вторыхъ, интересомъ во внѣшнемъ мірѣ преимущественно къ другому человѣку; въ третьихъ, убѣжденіемъ въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ; въ четвертыхъ, интересомъ къ окружающей дѣйствительности, насколько она имѣетъ вліяніе на человѣка.

2) Индивидуализмъ составляетъ только количественное, а не качественное отличіе гуманистовъ отъ ихъ предшественниковъ; ихъ качественная разница, составляющая сущность движенія, заключается въ критическомъ отношеніи къ средневѣковымъ формамъ культуры во имя новыхъ индивидуальныхъ потребностей и въ стремленіи выработать основанное на нихъ новое міросозерцаніе.

3) Ранніе гуманисты стремились выработать новую этику, педагогику, политику и науку, такъ какъ церковно-аскетическія воззрѣнія ранѣе всего въ этой сферѣ столкнулись съ индивидуальными потребностями.

4) Ранніе гуманисты не были ни язычниками, ни атеистами; два первыхъ поколѣнія усердно старались примирить свои стремленія съ ученіемъ церкви; позже эти попытки становятся рѣже, и гуманисты дѣлаютси совершенно свѣтскими мыслителями.

5) Въ моральной сферѣ гуманисты выставляли ученіе, что человѣкъ по природѣ существо нравственное и что на лучшихъ сторонахъ нашей природы должна быть построена новая эпоха, которая

не должна подавлять естественныхъ индивидуальныхъ свойствъ, а содѣйствовать ихъ правильному развитію.

6) Педагогическія идеи Верджеріо и Бруни сводятся къ тому, что воспитаніе должно быть построено на индивидуальныхъ особенностяхъ, должно развивать душу и тѣло, готовить человѣка для жизни и парализовать вредное вліяніе естественныхъ недостатковъ.

7) Ранніе гуманисты не имѣли опредѣленныхъ политическихъ воззрѣній; они относились отрицательно къ средневѣковымъ политическимъ доктринамъ и къ сословнымъ привилегіямъ; но одни изъ нихъ предпочитали республиканскій строй, другіе—монархическій, третьи обнаруживали космополитическія тенденціи. Ихъ политическія воззрѣнія объединяются только отрицательнымъ отношеніемъ къ традиціямъ и тѣсною связью съ современной имъ дѣйствительностью.

8) Научные интересы раннихъ гуманистовъ были направлены, главнымъ образомъ, на изученіе древности и на исторію: въ этой послѣдней наукѣ они положили начало критикѣ источниковъ и вообще могутъ быть названы родоначальниками новой исторіографіи.

Стремленія гуманистовъ, указанныя въ этихъ тезисахъ, объясняютъ, по мнѣнію г. Корелина, ихъ необыкновенное и непонятное на первый взглядъ увлеченіе класической литературой, но классики были только союзниками гуманистовъ, а не деспотическими вождями ихъ; ихъ произведенія были для гуманистовъ оружіемъ въ борьбѣ противъ средневѣковыхъ воззрѣній и авторитетною опорою при выработкѣ новаго міросозерцанія, и критицизмъ, свойственный движенію, распространялся и на классиковъ. Изученіе древности было не причиною гуманистическаго движенія, а только его проявленіемъ.

Кромѣ выясненія внутренней исторіи гуманизма, г. Корелинъ имѣлъ въ виду показать, что Возрожденіе не было связано съ какой-нибудь опредѣленной политической формой или съ какимъ-нибудь однимъ центромъ, и что движеніе обнаруживается повсюду въ Италіи почти одновременно. Собственно, эта задача въ общемъ разрѣшена удовлетворительно Фогтомъ, но Фогтъ интересовался только крупными именами; г. Корелинъ въ этомъ вопросѣ рѣшилъ не ограничиваться только „генералами и офицерами гуманистической арміи“, а составить возможно полные списки рядовыхъ, отыскать хотя бы только забытыя имена представителей гуманистической толпы: благодаря имъ можно найти слѣды гуманизма и въ такихъ центрахъ, гдѣ не было крупныхъ представителей этого движенія, а при такихъ условіяхъ взглядъ Фогта получаетъ существенное дополненіе, и въ него вносится важная поправка. Не менѣе важенъ вопросъ и о томъ, какіе слои общества захвачены были въ наибольшей степени волнами гуманистическаго движенія. По мнѣнію г. Корелина, всѣ классы образован-

наго общества попали въ этотъ потокъ, но вождями гуманистическаго движенія дѣлаются люди, вышедшіе, благодаря образованію, изъ необезпеченныхъ классовъ, наиболѣе свободныхъ отъ средневѣковыхъ традицій, и гуманизмъ создалъ новый общественный классъ—свѣтскую интеллигенцію.

Послѣдній вопросъ, который необходимо было рѣшить для вѣрности пониманія гуманизма, — это вопросъ о томъ, насколько это движеніе является туземнымъ для Италіи и насколько оно иноземнаго (византійскаго или даже арабскаго) происхожденія. Этотъ вопросъ г. Корелинъ рѣшаетъ въ пользу Италіи; однако при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что гуманисты руководились не національными, а общечеловѣческими тенденціями и что причины гуманистическаго движенія заключаются не въ національныхъ особенностяхъ итальянцевъ, а въ условіяхъ культурнаго роста личности.

Оппонентами на диспутѣ выступили профессора В. М. Герье, Н. И. Стороженко и Алексѣй Н. Веселовскій.

Профессоръ Герье сначала указалъ на нѣкоторые недостатки въ планѣ диссертаціи; напр., гуманисты младшаго поколѣнія характеризуются ранѣе своихъ учителей. Затѣмъ онъ отмѣтилъ нѣкоторые недосмотры; такъ, въ одномъ мѣстѣ въ текстѣ диссертаціи неточно переданъ смыслъ словъ Салютати, приведенныхъ тутъ же въ примѣчаніи въ оригиналѣ, что же касается возраженій по существу, то они касались слѣдующихъ пунктовъ: 1) В. И. Герье не соглашался съ толкованіемъ взгляда Гегеля на Возрожденіе, даннымъ въ диссертаціи; 2) по мнѣнію оппонента, взгляды Конта переданы слишкомъ коротко и неполно; 3) оппонентъ находилъ, что г. Корелинъ даетъ слишкомъ широкую характеристку индивидуализма, и, наконецъ, 4) В. И. Герье указалъ, что въ полемикѣ съ Фогтомъ, сводившимъ гуманизмъ на реставрацію древности, авторъ разбираемой диссертаціи впадаетъ въ противоположную крайность.

Н. И. Стороженко, отмѣтивши также нѣкоторые недостатки плана диссертаціи (напр., въ характеристикѣ воззрѣній Петрарки, по мнѣнію его, не отмѣчено историческое ихъ развитіе), главнымъ образомъ возражалъ противъ мнѣнія г. Корелина, что гуманисты не были проповѣдниками вѣротерпимости, и находилъ, что именно такой смыслъ имѣетъ новелла Бокаччіо о 3 кольцахъ, что̀ отрицаетъ г. Корелинъ.

А. Н. Веселовскій находилъ существеннымъ пробѣломъ диссертаціи то, что въ ней совершенно не отведено мѣста Данте, утверждая, что несправедливо относить Данте только къ предшественникамъ гуманистовъ, когда на самомъ дѣлѣ онъ стоитъ въ ихъ ряду.

По прочтеніи факультетскаго отзыва, диспутъ закончился призна-

ніемъ за г. Корелинымъ степени доктора всеобщей исторіи помимо степени магистра. Приводимъ и самый факультетскій отзывъ.

Представленный въ факультетъ трудъ магистранта Кореляна „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія" заключаетъ въ себѣ два отдѣльныхъ изслѣдованія: 1) критическій обзоръ литературы по общему вопросу о причинахъ и значеніи гуманизма, равно какъ и спеціальной литературы по первому вѣку итальянскаго гуманизма и 2) научное изслѣдованіе о первомъ вѣкѣ итальянскаго гуманизма на основаніи прежде извѣстныхъ, а также и новыхъ источниковъ.

Первая часть труда обнимаетъ собою все обширное *введеніе*, половину главы, посвященной Петраркѣ, и второй главы, посвященной Боккаччіо, и почти всю IV главу о литературѣ Возрожденія— всего же 436 стр. Вторая часть труда — изслѣдованіе о раннемъ итальянскомъ гуманизмѣ обнимаетъ 650 стр., не включая приложеній.

Причина, почему авторъ соединилъ въ одномъ сочиненіи оба изслѣдованія, заключается въ томъ, что онъ желалъ основать свой критическій обзоръ пособій на изученіи самихъ источниковъ, а съ другой стороны въ своемъ изслѣдованіи отправляться отъ взглядовъ и критическихъ указаній своихъ предшественниковъ.

Первое изъ упомянутыхъ изслѣдованій представляетъ собою полное критическое обозрѣніе всѣхъ сочиненій по всеобщей исторіи и исторіи Италіи, по исторіи культуры и литературы, по философіи исторіи и исторіи философіи, по исторіи церкви, искусства и филологіи, въ которыхъ разсматривался вопросъ о гуманизмѣ. Эта часть свидѣтельствуетъ объ обширной начитанности автора и его добросовѣстномъ ознакомленіи съ литературою вопроса, которому онъ и посвятилъ свой долголѣтній трудъ.

Второе изслѣдованіе представляетъ собою основательный анализъ произведеній и талантливую характеристику взглядовъ и идей итальянскихъ гуманистовъ, начиная съ Петрарки. Не ограничиваясь печатнымъ матеріаломъ по бóльшей части разсѣянномъ въ старинныхъ и мало доступныхъ изданіяхъ или въ спеціальныхъ журналахъ— особенно итальянскихъ, авторъ обратился къ рукописному отдѣлу библіотекъ—Ватиканской въ Римѣ, Амброзіаны въ Миланѣ, Лауренціаны во Флоренціи, Національной въ Парижѣ и Британскаго музея и извлекъ изъ нихъ такіе источники для ранней поры итальянскаго гуманизма, которыми не пользовались предшествующіе изслѣдователи. Такъ напр., онъ излагаетъ содержаніе неизданныхъ сочиненій Леонардо Бруни—de institutione adolescentium и Nobilitatis Cotentio, впервые знакомитъ ученый міръ съ неизвѣстнымъ діалогомъ Манетти— Symposium и съ нѣсколькими неизданными трактатами Салютати

(de Fato et Fortunа, de Seculo et Religione, de Tyrannis и его рѣчь въ защиту Лукреціи), и загадочнаго Джіованни да Равенна (Historia Elysiae, Contentio podagram et araneam etc.). Нѣкоторые изъ этихъ неизвѣстныхъ памятниковъ изданы авторомъ въ приложеніяхъ. Благодаря такому обилію впервые введеннаго въ дѣло матеріала, личности нѣкоторыхъ гуманистовъ получили болѣе опредѣленныя очертанія. Въ особенности это нужно сказать о Леонардо Бруни и Джіованни да-Равенна, которые освѣщаются у автора совершенно новымъ свѣтомъ. Равнымъ образомъ при свѣтѣ новыхъ матеріаловъ разъяснились полнѣе также нѣкоторыя черты въ самомъ движеніи, получили напр. болѣе обстоятельную оцѣнку усилія раннихъ итальянскихъ гуманистовъ выработать себѣ новыя этическія доктрины или преобразовать педагогику на новыхъ началахъ и болѣе подробно выяснено отношеніе гуманистовъ къ политическимъ вопросамъ.

Не довольствуясь характеристикой главныхъ дѣятелей, авторъ пытался собрать свѣдѣнія о количествѣ и общественномъ положеніи лицъ, примыкавшихъ къ гуманистическому движенію и представилъ первый обзоръ распространенія гуманизма по областямъ и городамъ Италіи. Наконецъ, въ послѣдней главѣ авторъ пытался на основаніи добытыхъ имъ данныхъ освѣтить вопросъ о причинахъ и культурномъ значеніи гуманизма, и если даже признать спорною общую идею, проводимую здѣсь авторомъ, то постановка вопроса въ связи съ многочисленными для его рѣшенія данными, приведенными въ изслѣдованіи, должно значительно содѣйствовать окончательному выясненію одного изъ крупнѣйшихъ вопросовъ новой исторіи.

Въ виду указанныхъ данныхъ за сочиненіемъ магистранта Корелина нужно признать выдающееся и прочное значеніе въ исторической литературѣ. Оно представляетъ собою полный критическій реперторій по всѣмъ областямъ исторической литературы по извѣстному вопросу, полезный для всѣхъ занимающихся исторіей въ обширномъ смыслѣ. Оно представляетъ собою научныя данныя, которыя значительно пополняютъ и исправляютъ свѣдѣнія о раннемъ гуманизмѣ и, наконецъ, разсматривая на основаніи новыхъ и обильныхъ данныхъ вопросъ о причинахъ и значеніи гуманизма, оно представляетъ собою научный трудъ, съ которымъ по необходимости долженъ будетъ знакомиться всякій, занимающійся въ Россіи всеобщей исторіей.

На основаніи всего этого мы, нижеподписавшіеся, имѣемъ честь предложить историко-филологическому факультету признать, что трудъ магистранта Корелина заключаетъ въ себѣ два отдѣльныхъ изслѣдованія, изъ которыхъ одно критика литературы предмета, удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ диссертаціи на степень магистра—а другое, самостоятельное научное изслѣдованіе, обогатившее

науку новыми данными, удовлетворяетъ требованіямъ, представляемымъ къ диссертаціи на степень доктора Всеобщей Исторіи,—и въ виду этого допустить магистранта Корелина къ публичной защитѣ своихъ изслѣдованій — по усмотрѣнію факультета — или въ одномъ, общемъ засѣданіи факультета, или въ двухъ отдѣльныхъ засѣданіяхъ для полученія степени магистра и доктора Всеобщей Исторіи [1]).

— Въ воскресенье 17 мая въ актовомъ залѣ московскаго университета приватъ-доцентъ П. Н. Милюковъ публично защищалъ диссертацію подъ заглавіемъ „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго (Спб. 1892. in 8-vo стр. XVI+736+156. Ц. 3 руб. 50 коп. первоначально печаталась въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" 1890 г. №№ 9, 10 и 11; 1891 г. №№ 1, 3, 8 и 10; 1892 г. №№ 1 и 2; см. о ней отзывы въ Nordisk Tidskrift, 1892, 407—433, въ „Книжномъ Вѣстникѣ" № 2, стр. 58—60, „Библіографическихъ Запискахъ" № 6, стр, 449—450, „Русскихъ Вѣдомостяхъ„ № 109, „Русскомъ Обозрѣніи„ № 4, „Русской Мысли" № 4, стр. 53—56, „Историческомъ Вѣстникѣ" № 6, стр. 766 — 779, „Вѣстникѣ Европы" № 8, стр. 818—833; въ „Русской Мысли", № 9, стр. 205—208 отвѣтъ рецензенту „Вѣстника Европы), представленную имъ для полученія степени магистра русской исторіи. Оффиціальными оппонентами выступили проф. В. О. Ключевскій и приватъ-доцентъ В. Е. Якушкинъ (послѣдній вмѣсто отказавшагося за болѣзнью проф. Ив. Ив. Янжула). Диспутъ по обычаю начался рѣчью диссертанта, которая представляетъ собою вмѣстѣ съ краткимъ очеркомъ исторіи происхожденія диссертаціи нѣсколько распространенное изложеніе девятнадцати тезисовъ, извлеченныхъ авторомъ изъ диссертаціи; рѣчь напечатана цѣликомъ въ іюлькой книжкѣ „Русской Мысли" (стр. 57—66), такъ что для настоящаго отчета о диспутѣ вполнѣ достаточно будетъ привести подлинный текстъ тезисовъ и обратить вниманіе лишь на заключительныя слова рѣчи.

1. Государственная реформа Петра Великаго, какъ въ общемъ своемъ ходѣ, такъ и въ большинствѣ подробностей, вызвана потребностями государственнаго хозяйства, которыя, въ свою очередь, зависили отъ военныхъ нуждъ Петровскаго времени.

2. Въ общемъ своемъ ходѣ реформа прошла три фазиса, соотвѣтствующіе тремъ различнымъ системамъ государственнаго управленія: приказной системѣ (1682 — 1709 гг.), губернской системѣ (1710—1718 гг.) и коллежской системѣ (1719—1725 гг.).

---

[1]) Отзывъ этотъ подписанъ проф. В. И. Герье и Н. И. Сгороженкомъ. Отчетъ о диспутѣ сообщенъ В. Н. Беркутомъ.

3. Старая приказная система государственнаго хозяйства, существенно видоизмѣнившаяся уже ко времени Петра, окончательно разрушилась въ его время вслѣдствіе отвлеченія старыхъ поступленій на удовлетвореніе новыхъ потребностей, вслѣдствіе сосредоточенія главнѣйшихъ сборовъ въ одномъ учрежденіи (ратушѣ) и одновременнаго паденія старыхъ областныхъ приказовъ, и, наконецъ, вслѣдствіе появленія новыхъ военныхъ и финансовыхъ учрежденій съ новыми спеціальными сборами.

4. Кромѣ новыхъ спеціальныхъ налоговъ, правительство нашло новые источники дохода въ порчѣ монеты, переобработкѣ казенныхъ статей и монополизаціи главныхъ предметовъ торговли. Огромный добавочный доходъ съ этихъ статей далъ возможность покрыть чрезвычайные военные расходы перваго десятилѣтія XVIII в.

5. Истощивъ къ концу этого десятилѣтія старые и новые рессурсы, правительство Петра очутилось передъ финансовымъ кризисомъ. Чтобы выйти изъ него, оно обратило всѣ поступленія государства на нужнѣйшіе расходы (армію, флотъ, дипломатію и дворъ), поручило взиманіе доходовъ на мѣстѣ довѣреннымъ лицамъ и обязало каждую областную кассу непосредственно содержать опредѣленную часть арміи и платить въ опредѣленныя учрежденія. Таковъ смыслъ введенія губерній (1708—1712 гг.) и губернской табели (1710 г.).

6. Образованіе губерній завершило процессъ формированія военно-финансовыхъ округовъ, начавшійся еще въ XVII столѣтіи и почти закончившійся въ первые годы Сѣверной войны, еще до губернской реформы.

7. Образованіе губерній сдѣлало ненужными бо́льшую часть сохранившихся приказовъ, частью получившихъ теперь значеніе московскихъ губернскихъ учрежденій, превратившихся частью въ московскія конторы (коммисарства) другихъ губерній.

8. Ликвидація стараго центральнаго управленія оставила пробѣлъ въ административной системѣ и на первый разъ сдѣлала необходимымъ учрежденіе сената, какъ высшаго контролирующаго и какъ непосредственно хозяйственнаго учрежденія.

9. Практика губернской организаціи вскорѣ обнаружила недостаточность послѣдней, происходившую частью отъ формальныхъ, частью отъ реальныхъ причинъ. Формальныя причины заключались въ недостаткѣ единства и въ невозможности своевременнаго контроля. Реальныя затрудненія состояли въ невозможности при возростающихъ потребностяхъ остаться въ рамкахъ табели 1710 г. Въ результатѣ тѣхъ и другихъ табель не исполнялась, и важнѣйшія нужды оставались неудовлетворенными своевременно.

10. Вытекавшее отсюда положеніе вещей сдѣлалось предме-

томъ оживленнаго совмѣстнаго обсужденія правительства и общества въ формѣ „доношеній“ свѣдущихъ людей правительству. Реформа вступила вмѣстѣ съ этимъ въ послѣдній, болѣе сознательный фазисъ.

11. Въ 1711 — 1713 гг. „доношенія“ ограничиваются совѣтами примѣнить для пополненія казны мѣры фискальной политики, уже испробованныя и истощенныя въ первомъ десятилѣтіи. Неудача принятыхъ по этимъ совѣтамъ мѣръ приводитъ и совѣтчиковъ, и правительство къ отказу отъ узкой фискальной политики и къ принятію меркантилистической теоріи государственнаго покровительства національной промышленности и торговлѣ.

12. Въ послѣдующіе годы „доносители“ и правительство все болѣе проникаются сознаніемъ необходимости устранить формальные недостатки губернской организаціи съ помощію административной реформы и реальныя затрудненія съ помощію податной реформы. По существу дѣла, главною цѣлью административной реформы становится реставрація центральныхъ учрежденій, главною цѣлью податной—измѣненіе формы обложенія.

13. Новая административная реформа 1718 — 1722 гг. переноситъ въ Россію шведскія центральныя и областныя учрежденія. Но заимствованіе центральныхъ учрежденій остается черезчуръ внѣшнимъ вслѣдствіе трудности—перенести въ Россію организацію коллежскаго дѣлопроизводства. Заимствованіе областныхъ учрежденій оказывается еще болѣе затруднительнымъ вслѣдствіе невозможности покрыть Россію сѣтью мелкихъ административныхъ единицъ и поставить послѣднія въ тѣсную связь съ населеніемъ: значительное увеличеніе размѣровъ областной единицы и оторванность областного начальства отъ населенія оставляютъ только слабое и формальное сходство между образцомъ и подражаніемъ.

14. Другое затрудненіе при введеніи новыхъ учрежденій заключалось въ томъ, что не были отмѣнены старые и не была предусмотрѣна необходимость согласовать ихъ съ новыми: сенатъ съ коллегіями, губерніи съ провинціями.

15. Менѣе зависимой отъ иностранныхъ образцовъ была податная реформа 1718—1722 гг., необходимость которой вытекала изъ факта уменьшенія податного населенія Россіи, обнаруженнаго подворными переписями 1710 и 1717 гг., изъ невозможности взимать новые спеціальные налоги при существованіи старыхъ и изъ необходимости слить тѣ и другіе въ одинъ прямой военный налогъ и увеличить размѣры послѣдняго.

16. Взиманіе подушной подати соединено было съ расквартировкой арміи по уѣздамъ: то и другое существенно видоизмѣняло дѣятельность новыхъ областныхъ учрежденій.

17. Несоотвѣтствіе заимствованныхъ административныхъ образцовъ съ русскими условіями вызвало необходимость дальнѣйшаго приспособленія только-что введенной реформы къ русской дѣйствительности. Начавшись при Петрѣ, приспособленіе это закончилось при его ближайшихъ преемникахъ почти полною отмѣной новой областной организаціи и выведеніемъ арміи изъ уѣздныхъ квартиръ.

18. Подвергалась вопросу и податная реформа; но въ виду подробностей бюджета правительство не могло отказаться ни отъ тяжелой для населенія подушной подати, ни отъ экономически-вредной регальной политики.

19. Петръ Великій не внесъ въ реформу государственныхъ учрежденій ни того знанія, съ которымъ онъ проводилъ военную реформу, ни того увлеченія, съ которымъ онъ проводилъ реформу культурную. За отсутствіемъ того и другого, эта часть реформы осуществлялась безъ всякаго заранѣе обдуманнаго плана, подъ давленіемъ текущихъ обстоятельствъ и подъ сильнымъ вліяніемъ „доносителей". Этимъ обстоятельствомъ объясняютъ полное отсутствіе въ ней послѣдовательности и единства.

Заключительныя слова рѣчи диссертанта обрисовываютъ до извѣстной степени его историческое міросозерцаніе, весьма существенно разнящееся отъ наиболѣе распространенныхъ воззрѣній и имѣющее возбудить, конечно, не мало споровъ (эти заключительныя слова рѣчи необходимо сопоставить съ XIII-ою страницей предисловія къ книгѣ). „Что касается спеціально моего отношенія къ роли означеннаго творчества въ историческомъ процессѣ, говорилъ г. Милюковъ, я полагаю, что требованія научнаго изученія налагаютъ на меня только методологическую обязанность въ этомъ отношеніи: именно, какъ историкъ, я не могу оцѣнивать это сознательное творчество съ точки зрѣнія идеала или искусства. Для меня несомнѣнно, что задачи науки и искусства различны, такъ какъ одна имѣетъ дѣло съ міромъ причинности, а другая—съ міромъ цѣлесообразности. Такъ какъ все, что существуетъ, подлежитъ закону причинности [1]), то подлежатъ этому закону и явленія цѣлесообразности. Отрицать существованіе послѣднихъ можно было бы только на основаніи обратнаго умозаключенія: если явленія цѣлесообразности не подлежатъ или признаются не подлежащими закону причинности, то они въ этомъ смыслѣ и не существуютъ. Всякое же другое отрицаніе ихъ было бы измѣной принципу научнаго объясненія и произвольнымъ съуженіемъ сферы научнаго вѣдѣнія, слѣдовательно, такое отрицаніе было бы не-

---

[1]) Разумѣется, здѣсь идетъ рѣчь о „существованіи" и „причинности" феноменологической. *Слова диссертанта.*

научно. Когда объективная, или генетическая соціологія отрицаетъ существованіе сознательнаго творчества или ставитъ законы эволюціи на мѣсто сознательныхъ идеаловъ человѣчества, она, несомнѣнно, превышаетъ свои полномочія и выходитъ изъ своей естественной сферы. Когда, съ другой стороны, субъективная, или динамическая соціологія пытается представить свои идеалы, какъ совпадающіе съ естественной тенденціей историческаго процесса, или когда она хочетъ построить теорію прогресса на субъективной нравственной оцѣнкѣ отрывочныхъ явленій историческаго прошлаго, она, можетъ быть, дѣлаетъ очень полезное дѣло въ воспитательномъ смыслѣ, но это дѣло, какъ мнѣ кажется, ничего не имѣетъ общаго съ наукой. Оба эти вида смѣшенія науки съ этикой и этики съ наукой нерѣдко встрѣчались и встрѣчаются; оба взгляда взаимно критикуютъ другъ друга, что не мѣшаетъ намъ признавать оба одинаково незаконными. Слѣдовало бы, мнѣ кажется, точнѣе разграничивать обѣ области знанія и творчества: помнить, что „древо знанія не есть древо жизни", и предоставить представителямъ науки искать научнаго объясненія исторической дѣятельности „героевъ", а людямъ жизни—примѣнять этическую точку зрѣнія не для мало полезной реабилитаціи прошедшаго, и для подготовки лучшаго будущаго".

Первымъ возражалъ *проф. В. О. Ключевскій*, представившій въ факультетъ о диссертаціи г. Милюкова весьма подробный отзывъ, который, по окончаніи диспута, и былъ прочитанъ деканомъ проф. М. М. Троицкимъ съ нѣкоторыми сокращеніями. Приводимъ этотъ отзывъ въ той редакціи, въ какой онъ былъ прочитанъ публично (текстъ его записанъ безъ всякихъ пропусковъ или измѣненій):

„Авторъ самъ обозначилъ *тему своего изслѣдованія*, сказавъ въ предисловіи, что „финансовыя затрудненія должны были быть главною движущей пружиной реформаціонной дѣятельности Петра, и что необходимо, слѣдовательно, привести ходъ реформы въ связь съ исторіей государственнаго хозяйства Россіи". Но эта мысль представляется автору „скорѣе апріорнымъ постулатомъ новыхъ историческихъ воззрѣній, чѣмъ результатомъ дѣйствительнаго изученія реформы", для чего „мы до сихъ поръ имѣли слишкомъ мало подходящаго матеріала". Этотъ пробѣлъ авторъ и имѣлъ въ виду пополнить своимъ изслѣдованіемъ (стр. XIV). Темѣ, такъ выраженной и мотивированной, авторъ далъ довольно *сложное* развитіе. Въ своемъ трудѣ онъ слѣдитъ параллельно за двумя рядами явленій, тѣсно связанными между собою, за *измѣненіями государственнаго бюджета* и за *перестройкой финансоваго управленія*. Въ первой (вступительной) главѣ онъ изложилъ общій, впрочемъ, довольно обстоятельный очеркъ податной системы и финансовой администраціи въ Московскомъ государствѣ XVII в.,

въ связи съ его военной организаціей. При этомъ авторъ показалъ, какъ улучшенія, введенныя въ эту организацію по западнымъ образцамъ, подъ вліяніемъ войнъ, веденныхъ государствомъ на западѣ, вызвали столь существенныя перемѣны и въ системѣ податей, и въ устройствѣ финансоваго управленія, что ко времени Петра, къ концу XVII в., московское государственное хозяйство уже мало походило на то, какимъ оно было въ началѣ этого столѣтія (стр. 105). Не смотря на быстрый ростъ военныхъ расходовъ, возвысившихъ въ продолженіе вѣка стоимость содержанія арміи „по меньшей мѣрѣ въ 2½ раза“ (стр. 54), приказное московское хозяйство принятыми имъ финансовыми мѣрами умѣло до времени Петра поддержать выгодный балансъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, такъ что по росписи 1680 г. оказался остатокъ, равнявшійся приблизительно 27—30% расходовъ (стр. 104—105).

Но далѣе, обращаясь ко времени Петра, авторъ изображаетъ постепенное разрушеніе этого приказнаго московскаго хозяйства, уже начатое финансовыми мѣропріятіями ближайшихъ предшественниковъ Петра. Исходя изъ факта этого разрушенія, авторъ различаетъ въ ходѣ реформы три періода, въ которые смѣнились три порядка и которые авторъ называетъ „періодами приказнаго, губернскаго и коллежскаго хозяйства“ (стр. 709). Соотвѣтственно этому и изслѣдованіе раздѣлено на три отдѣла.

Первый періодъ приказнаго хозяйства, заключенный авторомъ въ хронологическіе предѣлы 1682 — 1709 годовъ, является въ его изслѣдованіи собственно эпохой разрушенія старыхъ приказно-финансовыхъ учрежденій. Это разрушеніе авторъ объясняетъ двумя причинами, которыя обѣ вытекли изъ одного источника, изъ военныхъ нуждъ, вызванныхъ образованіемъ новой арміи и флота. Во-первыхъ, сосредоточеніе въ новомъ учрежденіи, въ московской Ратушѣ, большей части старыхъ сборовъ, разсѣянныхъ по многочисленнымъ областнымъ приказамъ, оставляетъ послѣдніе безъ финансоваго дѣла, вслѣдствіе чего одни изъ нихъ прекращаютъ свою дѣятельность, а другіе сокращаютъ ее. Во-вторыхъ, военныя нужды, непрерывно возрастая съ развитіемъ войны, вызываютъ введеніе новыхъ налоговъ и устройство новыхъ военно-финансовыхъ учрежденій. Вслѣдствіе усиленной разработки новыхъ источниковъ дохода рядомъ съ общимъ государственнымъ бюджетомъ образуется новый спеціальный, среди старыхъ приказныхъ вѣдомствъ выростаетъ рядъ новыхъ военно-финансовыхъ мѣстъ съ особыми задачами и административными отношеніями. Но всѣ эти средства и усилія не могли сохранить равновѣсія въ бюджетѣ, который еще въ 1701 г., заключившись подобно смѣтѣ 1680 г. съ значительнымъ, почти полумилліоннымъ перевѣсомъ доходовъ надъ

расходами, 8 лѣтъ спустя грозилъ уже полумилліоннымъ дефицитомъ, соотвѣтствовавшимъ крайнему истощенію платежныхъ силъ народа, которое обстоятельно изображено авторомъ на основаніи сопоставленія переписей 1680 и 1710 гг. въ четвертой, послѣдней главѣ перваго отдѣла изслѣдованія.

Эти затрудненія,—говоритъ авторъ,—привели старыя учрежденія къ окончательному кризису и вызвали новый финансовый порядокъ, который, по плану автора, образуетъ второй моментъ въ ходѣ реформы, періодъ губернскаго хозяйства, дѣйствовавшаго въ 1710—1718 годахъ. Органами этого новаго порядка, смѣнившаго приказно-хозяйственное управленіе, были губернскія учрежденія, сформировавшіяся въ 1708—1711 годахъ. Поставивъ губернское устройство въ генетическую связь съ военными округами XVII вѣка, авторъ въ V, VI и VII главахъ своего сочиненія подробно изслѣдуетъ происхожденіе губерній, организацію губернскаго хозяйства и его функціонированіе въ 1710—1718 годахъ. Настоящій корень этой губернской реформы авторъ видитъ въ военно-финансовой экономіи Петра.

Такъ какъ наличныя финансовыя средства не покрывали всѣхъ текущихъ расходовъ, общегосударственныхъ и мѣстныхъ, то оставалось обратить ихъ на первые, какъ болѣе настоятельные, жертвуя послѣдними. По мнѣнію автора, идея первыхъ петровскихъ губерній состояла въ томъ, чтобы, взамѣнъ центральныхъ финансовыхъ учрежденій, создать нѣсколько мѣстныхъ кассъ, которыя, стоя ближе къ податнымъ плательщикамъ, захватывали бы государственные сборы въ самомъ ихъ источникѣ и, не давая тратить ихъ на мѣстныя нужды, полностію направляли бы поступленія, мимо центральныхъ учрежденій, прямо на покрытіе важнѣйшихъ общегосударственныхъ, т.-е. прежде всего военныхъ нуждъ (стр. 713). На эти 8 мѣстныхъ кассъ и разложено было содержаніе частей арміи вмѣстѣ съ другими главнѣйшими расходами.

Образованіе этихъ губернскихъ кассъ сопровождалось очень важными неудобствами. Эти неудобства авторъ указываетъ, во-первыхъ, въ разрушеніи центральной администраціи, а вмѣстѣ и финансовой отчетности. Далѣе, подробный обзоръ практики губернскаго хозяйства (отд. II, гл. VII, § 28) показалъ автору, что ни сокращеніемъ расходовъ, ни возвышеніемъ губернскихъ окладовъ дохода это хозяйство не было въ состояніи удержать бюджетъ въ равновѣсіи. Изъ этихъ недостатковъ губернскаго хозяйства родилась двоякая потребность: 1) въ возстановленіи разрушенной центральной администраціи; 2) въ общей податной реформѣ. Возникновеніемъ этихъ потребностей обозначилось наступленіе третьяго момента въ ходѣ реформы, коллежскаго хозяйства, складывавшагося въ послѣднія 6 лѣтъ жизни Петра.

Удовлетвореніе обѣихъ почувствованныхъ потребностей авторъ ставитъ въ тѣсную связь съ цѣлой литературой преобразовательныхъ проектовъ, представленныхъ Петру, въ которыхъ иностранные и туземные публицисты обсуждали и предлагали средства исполненія какъ административной, такъ и податной реформъ. Авторъ подробно изложилъ эти проекты въ VII главѣ своего изслѣдованія. Петръ разбиралъ эти проекты, одни принималъ и приводилъ въ исполненіе, какъ они предлагались, другіе видоизмѣнялъ при исполненіи, приноравливаясь къ положенію дѣлъ, какъ самъ понималъ его, иные оставлялъ безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, центральное управленіе, „единственнымъ представителемъ" котораго, по словамъ автора, съ 1711 г. оставался Сенатъ, было возстановлено въ видѣ коллегій, устроенныхъ по образцу шведскихъ, а подушная подать замѣнила прежніе прямые налоги подворнаго обложенія, оказавшагося и несправедливымъ по своей неравномѣрности, и невыгоднымъ для казны, потому что оно не захватывало всѣхъ рабочихъ силъ, способныхъ нести податныя тягости. Въ IX и X главахъ, авторъ изложилъ исполненія и результаты обѣихъ реформъ, которыя преобразователь оставилъ неоконченными и взаимно несогласованными. Въ заключительной XI главѣ авторъ сводитъ итоги своего изслѣдованія.

Таковъ въ общихъ чертахъ планъ сочиненія г. Милюкова съ его главными выводами. Авторъ собралъ очень обильный запасъ средствъ для разрѣшенія своей задачи въ тѣхъ границахъ, какія онъ ей назначилъ. Сверхъ изданныхъ матеріаловъ для исторіи реформъ Петра, количество которыхъ сравнительно невелико, авторъ широко воспользовался и неизданными архивными документами. Съ этой стороны изслѣдованіе г. Милюкова отличается рѣдкой полнотой изученія своихъ источниковъ. Главныя хранилища, изъ которыхъ онъ черпалъ, это московскіе архивы министерствъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи и нѣкоторые отдѣлы государственнаго архива въ С.-Петербургѣ. Отсюда авторъ извлекъ много новыхъ, еще не тронутыхъ изученіемъ и весьма цѣнныхъ данныхъ, изъ коихъ важнѣйшіе онъ помѣстилъ цѣликомъ или въ обработкѣ въ обширныхъ приложеніяхъ къ своей диссертаціи: это государственныя росписи за 1680, 1701—1709 и 1724 гг. Слѣды неполноты документальнаго изученія финансовой дѣятельности нѣкоторыхъ учрежденій, напримѣръ, Монастырскаго и Патріаршихъ приказовъ, также книгъ Ландратской переписи 1716 и 1717 гг. и организаціи косвенныхъ налоговъ объясняются планомъ рѣшенія задачи, какой составилъ себѣ авторъ. По самому свойству темы и основныхъ источниковъ, изслѣдованіе г. Милюкова получило статистическій характеръ, — чѣмъ опредѣлились и пріемы, которыхъ онъ держался. Числовыя данныя, найденныя въ документахъ, авторъ свелъ въ

многочисленныя таблицы, которыми наполнено его сочиненіе. Эти таблицы носятъ на себѣ слѣды тщательной и терпѣливой обработки сырого матеріала, извлеченнаго изъ источниковъ. Внимательно изучая обширный матеріалъ, авторъ старался не обронить ни одного сколько-нибудь значительнаго числового показанія, встрѣченнаго въ документѣ, и даже иногда вносилъ въ свою книгу отрывочныя или искусственно составленныя числовыя данныя, не дающія цѣльнаго и прямого указанія на изслѣдуемый предметъ, и только обременяющія изслѣдованіе подробностями, которыя трудно свести къ надежному научному выводу (см. напр. § 6 въ I главѣ сочиненія). Тщательную статистическую обработку собраннаго матеріала авторъ не всегда соединялъ съ критическимъ разборомъ документовъ, изъ которыхъ этотъ матеріалъ извлекался, не всегда принималъ во вниманіе тѣ условія, при которыхъ составлялись иныя встрѣчающіяся въ этихъ документахъ финансовыя росписи и вычисленія, и благодаря которымъ, этими росписями и вычисленіями можно воспользоваться не столько для изученія государственнаго хозяйства того времени, сколько для характеристики пріемовъ тогдашней статистики и бухгалтеріи. Недостатокъ такой критики особенно замѣтенъ въ изложеніи результатовъ переписиси 1710 г. (т. IV).

Обиліе матеріала, собраннаго и обработаннаго авторомъ, дало ему возможность достигнуть въ своемъ трудѣ многихъ крупныхъ и цѣнныхъ выводовъ. Можно сказать, что русскій государственный бюджетъ возстановленъ авторомъ почти за все время царствованія Петра I съ нѣкоторыми только перерывами (напр. за промежутокъ 1711—1718 годовъ—періодъ губернскаго хозяйства),—перерывами, въ которыхъ, впрочемъ, виновата неполнота сохранившихся документовъ, а не неполнота изученія ихъ авторомъ. Точно также розысканія автора о перестройкѣ финансоваго управленія уяснили много явленій въ ходѣ административной реформы Петра, остававшихся доселѣ неясными или сомнительными: таковы главы о происхожденіи и устройствѣ губерній, объ учрежденіи коллегій и о связанной съ этой реформой реорганизаціи губернскаго управленія; сюда же можно отнести и любопытную по новизнѣ и своеобразному характеру матеріала VIII главу о литературѣ проектовъ, представленныхъ Петру передъ коллежской реформой и выясняющихъ степень зависимости преобразовательныхъ мѣръ Петра отъ мнѣній современныхъ ему дѣльцовъ и публицистовъ, хотя эта зависимость нѣсколько преувеличена авторомъ.

Сводя главные итоги разсматриваемаго сочиненія, можно спросить, какъ отвѣтилъ авторъ на вопросъ, поставленный имъ въ пре-

дисловіи. Вопросъ о связи хода реформы съ исторіей государственнаго хозяйства Россіи, конечно, содержитъ въ своемъ составѣ и задачу—объяснить, какое дѣйствіе оказало это хозяйство на ходъ, порядокъ, пріемы и самую программу реформы, и, какъ въ свою очередь, само измѣнялось подъ дѣйствіемъ реформы, въ программу которой и оно входило. Прямого и отчетливаго отвѣта на этотъ вопросъ не находимъ въ книгѣ. Авторъ, въ своемъ изслѣдованіи, заботливо держится въ кругу явленій государственнаго хозяйства, въ трафаретѣ финансой росписи,—касаясь другихъ сферъ государственной жизни лишь настолько, насколько находилъ это соотвѣтствующимъ принятому имъ плану изслѣдованія. Посвящая значительные отдѣлы своей книги изложенію реформъ въ управленіи общегосударственномъ и спеціально-финансовомъ, авторъ обращаетъ гораздо меньше вниманія на источники государственнаго дохода, останавливаясь въ ихъ изученіи преимущественно на организаціи *прямого* обложенія и едва касаясь устройства важнѣйшихъ изъ *косвенныхъ* налоговъ; а такую близкую къ государственному хозяйству область, какъ хозяйство народное, оставляетъ въ тѣни. На послѣднихъ страницахъ заключительной главы, онъ высказываетъ нѣсколько общихъ и краткихъ замѣчаній, частью даже намековъ, объ отношеніи изученнаго имъ круга явленій къ другимъ сторонамъ реформы,—именно культурной, военной, дипломатической, соціальной и государственной (стр. 732—735). Но здѣсь рѣчь идетъ болѣе о другихъ точкахъ зрѣнія на реформу вообще, съ которыхъ смотрѣли на нее прежніе изслѣдователи. Если что здѣсь соприкасается нѣсколько съ темой изслѣдованія, то это—сужденіе автора о необходимости и своевременности цѣлей, какія поставилъ себѣ преобразователь. Авторъ готовъ признать и необходимость ихъ и своевременность, но послѣднюю только по отношенію къ внѣшнему положенію Россіи,—къ европейской политикѣ, въ которой Россія, по его выраженію, „не могла отсутствовать". Но онъ отвергаетъ эту своевременность по отношенію къ внутреннему положенію страны, говоря, что „новыя задачи внѣшней политики свалились на русское населеніе въ такой моментъ, когда оно не обладало еще достаточными средствами для ихъ выполненія; политическій ростъ государства, прибавляетъ авторъ, опять опередилъ его экономическое развитіе". Но здѣсь, какъ видимъ, опредѣляется *отношеніе* экономическаго развитія государства къ его внѣшнимъ задачамъ или политическому росту, а не *связь* хода реформы съ государственнымъ хозяйствомъ.

Въ трудѣ г. Милюкова,—обильномъ фактами и выводами по исторіи государственнаго хозяйства Россіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка,—внимательный читатель найдетъ много фактическихъ

указаній для рѣшенія вопроса о связи этого хозяйства съ ходомъ реформы Петра; но, повторяемъ, самъ авторъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ достаточно прямо и отчетливо.

Впрочемъ, качества ученаго труда, обнаруженныя авторомъ въ изслѣдованіи государственнаго хозяйства и финансовой администраціи при Петрѣ Великомъ, полнота изученія матеріала въ предѣлахъ такъ поставленной задачи, тщательная обработка и стройная группировка данныхъ, обиліе новыхъ и основательно доказанныхъ выводовъ, выкупая отмѣченные недостатки, представляютъ *достаточное основаніе*, чтобы признать диссертацію г. Милюкова заслуживающей искомой авторомъ степени магистра русской исторіи".

Свои возраженія *проф. Ключевскій* началъ съ общей характеристики работы г. Милюкова. Двѣ главныхъ черты, по мнѣнію оппонента, отличаютъ книгу г. Милюкова: 1) важность отдѣльныхъ вопросовъ, ею поднимаемыхъ, и 2) осторожность, съ какою разрѣшаетъ ихъ авторъ. Располагая обширнымъ матеріаломъ, обширность котораго выяснена самимъ авторомъ въ рѣчи предъ диспутомъ, онъ при рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ не дѣлаетъ дальнѣйшаго шага прежде чѣмъ не укрѣпится въ занятой позиціи. Эта осторожность усиливается по мѣрѣ успѣха въ разрѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ, такъ что иногда читатель, вниманіе котораго было возбуждено первыми несмѣлыми шагами въ рѣшеніи задачи, не видитъ послѣднихъ. „Вы не всегда договариваете, говорилъ проф. Ключевскій, то, что Вы утверждаете, т.-е. не всегда договариваете свои выводы, то, что Вы утверждаете, обыкновенно доказываете основательно, но Вы не всегда утверждаете прямо то, что доказываете. Благодаря этому, Вы идете къ цѣли обыкновенно смѣлѣе, чѣмъ подходите; поэтому читатель, приближаясь вмѣстѣ съ Вами къ выводу извѣстной сложной аргументаціи, здѣсь именно чувствуетъ, что Вы его покинули и часто долженъ самъ договаривать Вашу мысль; это, конечно, для него затруднительно, ибо онъ отъ самого автора желалъ бы видѣть послѣдній выводъ такъ прекрасно начатой мысли. *Ваша книга болѣе нуждается въ комментаріяхъ, чѣмъ въ возраженіяхъ*". Общій характеръ, общій пріемъ въ рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ, конечно, долженъ былъ отразиться на постановкѣ и рѣшеніи основной задачи книги. Для того, чтобы выяснить эту постановку, достаточно въ немногихъ словахъ изложить планъ книги. Авторъ дѣлитъ реформу Петра на три періода и въ каждомъ изображаетъ борьбу Петра съ условіями, среди которыхъ она должна была возникнуть. Государственнымъ хозяйствомъ сначала завѣдывала система территоріально-финансовыхъ приказовъ; подъ напоромъ новыхъ потребностей она разрушается, тогда Петръ создаетъ новую финансовую организацію—губернію, но

и она скоро оказывается несостоятельною подъ напоромъ новыхъ потребностей. Тогда Петръ переноситъ государственное хозяйство изъ губернскихъ кассъ въ центръ и формируется новая система центральнаго управленія. Каждая предшествующая организація падаетъ подъ напоромъ новыхъ финансовыхъ нуждъ, и ея разрушеніе ведетъ къ созданію новой. Этотъ процессъ выходилъ изъ борьбы, которая совершалась въ нѣдрахъ государственнаго бюджета, изъ борьбы habet съ debet т.-е. доходовъ съ расходами. Въ заключительной главѣ авторъ замѣчаетъ, что не хочетъ дѣлать общей характеристики реформы, причемъ, выражая свое недовольство такими характеристиками въ работахъ своихъ предшественниковъ, указываетъ на то, что „мы получили много горячихъ, краснорѣчивыхъ, остроумныхъ и глубокомысленныхъ разсужденій объ общемъ смыслѣ реформы, но ни одного вѣрнаго ея изображенія“ (стр. 733). Возставая съ жаромъ противъ этой фразы, оппонентъ замѣтилъ, что онъ знаетъ два изображенія петровской реформы—устряловское и соловьевское, остальныя же не что иное, какъ очерки, составленные по этимъ двумъ. „Я не знаю, прибавилъ проф. Ключевскій, можно ли эти изображенія признать невѣрными, они только неполны“. Г. Милюковъ замѣтилъ на это, что Устряловъ не дошелъ до реформы, а Соловьевъ не далъ никакого изображенія. На вторичное замѣчаніе оппонента о вѣрности соловьевскаго изображенія реформы г. Милюковъ еще разъ настойчиво сказалъ, что у Соловьева нѣтъ никакого изображенія реформы. Проф. Ключевскій тогда заявилъ, что давать общую характеристику реформы значитъ постоянно повторять предъидущіе взгляды. Настаивая на своемъ, проф. Ключевскій продолжалъ, что книга г. Милюкова, не давая матеріала для общей характеристики реформы, однако же выясняетъ одну черту ея лучше, чѣмъ это было выяснено въ нашей литературѣ. Читатель ждетъ формулировки этой специальной черты, которая выяснена авторомъ, но ея въ книгѣ нѣтъ. Послѣ этого общаго введенія проф. Ключевскій перешелъ къ деталямъ, остановившись прежде всего на одномъ спеціальномъ изслѣдованіи автора, касающемся очень важнаго отдѣла — окладной единицы. Окладная единица лучше всего показываетъ то состояніе народнаго хозяйства, т.-е. обличаетъ то экономическое средство, которое въ данное время наиболѣе уловимо для государственнаго казначейства. Окладная единица, введенная Петромъ въ концѣ царствованія — ревизская душа — очень часто возбуждаетъ вопросъ о томъ, какъ и когда могла явиться ея идея и какъ эта идея практически осуществилась. Въ своей книгѣ авторъ занялся внимательнымъ изученіемъ окладныхъ единицъ, преемственно смѣнявшихъ другъ друга въ XVII и первой четверти XVIII вѣка:

ревизской душѣ предшествовалъ податной дворъ, а самъ дворъ — преемникъ сохи, т.-е. извѣстнаго участка пашни, подлежащей обложенію. Но существовала еще промежуточная окладная единица, носившая техническое названіе живущей четверти, которая состояла изъ извѣстной группы податныхъ дворовъ, которые платили извѣстную подать. Авторъ справедливо не соглашается съ мнѣніемъ А. С. Лаппо-Данилевскаго (Организація прямого обложенія въ московскомъ государствѣ. Спб. 1890 г. гл. II) о живущей четверти и говоритъ, что „живущая четь" имѣетъ тѣсную связь съ сошнымъ письмомъ, что она была не замѣной сошнаго письма, а однимъ изъ способовъ его раскладки. Но собственное толкованіе авторомъ смысла „живущей четверти" оппоненту представляется неяснымъ. Г. Милюковъ на это сказалъ, что подробное свое ученіе о живущей четверти онъ развиваетъ въ рецензіи на книгу А. С. Лаппо-Данилевскаго, печатаемой Академіей Наукъ, что живущую четверть признаетъ не раскладочной, а окладной единицей, что правительство воспользовалось живущею четвертью для того, чтобы раздробить платежи между случайнымъ составомъ владѣльческихъ земель. Цитуя затѣмъ 20-ю страницу книги г. Милюкова, гдѣ говорится, что живущей чети не встрѣчается на черныхъ земляхъ, а лишь на владѣльческихъ, помѣстныхъ и вотчинныхъ, проф. Ключевскій замѣтилъ, что были и земли — и не помѣстныя, и не вотчинныя, и не черныя — дворцовыя, въ которыхъ живущей чети тоже *не* встрѣчается (ср. надѣлы засѣчныхъ сторожей). Съ другой стороны, она встрѣчается иногда и на черныхъ земляхъ, какъ это видно изъ тульскихъ писцовыхъ книгъ 20-хъ годовъ XVII вѣка. Г. Милюковъ возразилъ, что указанный фактъ не имѣетъ никакого отношенія къ черносошнымъ крестьянамъ, хотя призналъ интересъ этого замѣчанія оппонента. Проф. Ключевскій продолжалъ настаивать, что черносошныхъ много въ центрѣ въ XVI вѣкѣ, что они встрѣчаются и въ XVII в., но не часто. Послѣ небольшого замѣчанія относительно одной подробности податной ариѳметики (сошки и ея колебаній) проф. Ключевскій, соглашаясь съ авторомъ, что живущая четверть не была новой системой податного обложенія, замѣнившей старую, спрашивалъ, въ чемъ же выражалась связь этой живущей чети [1]) съ обложеніемъ сошнымъ, на что г. Милюковъ отвѣчалъ, что послѣ окончательнаго утвержденія живущей четверти (XVIII в.) она ни въ чемъ не выражалась, кромѣ термина; но по первоначальному происхожденію живущая четь есть $^1/_{800}$ сохи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, на

[1]) Подробности своего ученія о живущей чети г. Милюковъ изложилъ въ недавно вышедшей брошюрѣ „Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства". Спб. 1892. in 8°, стр. II + 183. Ц. 1 р.

югѣ помѣщики получали отъ правительства оклады земель слишкомъ малыхъ размѣровъ—3, 2 и 1 десятину доброй земли; въ сошномъ счетѣ такая малая площадь земли не могла быть выражена, ибо счетъ дробями сохи не шелъ дальше опредѣленныхъ границъ ($^1/_{30}$ и $^1/_{25}$). Значитъ, минимумъ площади, который могъ быть выраженъ въ сошномъ счетѣ, равнялся 12—16 десятинамъ, а эти мелкія помѣстныя владѣнія были въ 1, 2, 3 десятины. Для нихъ надо было раздробить расчетъ. Итакъ, первый моментъ въ исторіи живущей четверти заключался въ томъ, что нѣкоторые владѣльцы платили съ малыхъ долей, не выражаемыхъ въ терминахъ сошнаго письма, а въ живущей четверти, т.-е. $^1/_{800}$ сохи. Второй моментъ заключался въ томъ, что добрая земля, которая считалась въ размѣрѣ одной, двухъ десятинъ, не была единственнымъ владѣніемъ этихъ помѣщиковъ; они захватывали еще дикое поле, наѣздомъ распахивали земли, съ которыхъ они не платили, хотя площадь ихъ часто значительно превышала обложенную налогомъ площадь. Несоотвѣтствіе между дѣйствительнымъ размѣромъ владѣнія и обложенной налогомъ частью его особенно увеличилось и распространилось на срединную Россію, и на другіе виды владѣнія, кромѣ помѣщичьяго,—благодаря погрому Смутнаго времени. Въ слѣдующіе годы послѣ смуты частное хозяйство оживилось: пустыхъ земель оставалось все еще много, но число рабочихъ рукъ значительно увеличилось. Правительство, не рѣшаясь обложить всей земли, но и не желая упустить прибыли, рѣшило обложить рабочее населеніе и живущую четверть для этой цѣли оно приравняло къ извѣстному количеству дворовъ.

Проф. Ключевскій, присоединяясь къ предложенному объясненію, указывалъ, что все-таки остается неяснымъ одно: четверть—ничтожный участокъ земли въ $1^1/_2$ десятины (въ трехъ поляхъ), въ каждой сохѣ послѣ смуты оказывается ничтожное количество распаханной земли, зачѣмъ же примѣнять было окладную единицу, стоящую въ связи съ количествомъ распаханной земли? Въ XVI в. живущая четверть облагалась независимо отъ количества дворовъ, а послѣ смутнаго времени независимо отъ пашни. Почему же наѣзжая пашня не вносилась въ живущую четверть? На отвѣтъ г. Милюкова, что въ видахъ облегченія плательщиковъ, проф. Ключевскій продолжалъ, что если, по словамъ г. Милюкова, количество дворовъ на извѣстной полосѣ, положенное въ составъ живущей четверти, опредѣлялось указами 1630—31 гг., то какое соображеніе клали въ основаніе при опредѣленіи полосъ въ 20, 24, 32 двора на живущую четверть? Здѣсь можно подозрѣвать въ книгѣ диссертанта маленькую неточность: сначала говорится, что правительство въ 1630—31 гг. клало въ живущую четверть незначительное количество дворовъ, а потомъ стало увеличивать (стр. 21); но еще раньше 30-хъ годовъ при составленіи писцовыхъ книгъ съ

новыми единицами обложенія была установлена живущая четверть; имѣется въ виду соборъ 1619 года и выданные тогда наказы. Г. Милюковъ замѣтилъ, что въ этихъ наказахъ нѣтъ еще никакой нормы. Наблюденія надъ писцовыми книгами Бѣлевскими, Воронежскими, Тульскими, Тверскими показали оппоненту, что по нимъ количество дворовъ въ живущей четверти болѣе того, что назначено указами 1630—31 г.г. Значитъ, правительство ждало нормы отъ фактическаго выясненія дѣла писцами, не навязывая ея. Г. Милюковъ, продолжая указывать на отсутствіе какой бы то ни было нормы, и ссылаясь по этому вопросу на выводы А. С. Лаппо-Данилевскаго, подчеркивалъ, что писцовыя книги 20-хъ годовъ XVII вѣка составлялись безъ перевода земельнаго описанія на количество платежныхъ единицъ; перепись продолжалась болѣе десяти лѣтъ: въ началѣ ея до указовъ 1630—31 г.г. или живущая четверть обозначалась страшно разнообразно, или былъ оставленъ пробѣлъ; въ такомъ случаѣ послѣ уже введенія нормы указами 1630—31 г.г. и на основаніи ихъ, другими чернилами, введенъ переводъ на живущую четверть по законной нормѣ. Наконецъ, есть писцовыя книги, составленныя уже въ то время, когда эти указы были изданы. Такимъ образомъ, г. Милюковъ настаивалъ на различеніи ранняго текста и болѣе поздно внесеннаго перевода на живущую четверть, и наконецъ, текста, составленнаго уже послѣ указовъ 1630 — 31 г.г. Проф. Ключевскій настаивалъ на существованіи болѣе ранней нормы, встрѣчаемой въ Воронежскихъ и Тверскихъ писцовыхъ книгахъ: норма эта — крестьянскій дворъ, равный половинѣ четверти. Это приводитъ къ вопросу, чѣмъ руководилось правительство въ данномъ случаѣ: не размѣромъ ли пашни, причитающейся на дворъ? Общее количество сошнаго письма непремѣнно вліяло: чѣмъ больше приходилось на наличное число дворовъ общаго количества пашни (но не дикаго поля), тѣмъ замѣтнѣе уменьшеніе количества дворовъ на живущую четверть, тѣмъ обложеніе становится тяжелѣе. Это во множествѣ случаевъ. У дворовъ пашни очень мало, но у нихъ есть что пахать. Значитъ, правительство имѣло въ виду не наличность пахотной земли, а наличность земли, которую возможно было распахать. Новое податное обложеніе (оппонентъ при этомъ бралъ примѣры изъ рязанскихъ приправочныхъ 1616 г. и писцовыхъ по Бѣлеву) въ прямой связи съ общимъ количествомъ сохъ; количество дворовъ живущей четверти опредѣлялось по писцовымъ книгамъ на основаніи количества сошнаго письма. Вотъ и связь живущей четверти съ сошнымъ письмомъ, съ количествомъ податныхъ сохъ, находящихся въ уѣздѣ. Г. Милюковъ замѣтилъ въ словахъ оппонента „злоупотребленіе терминомъ сошное письмо“; это связь съ наличнымъ количествомъ пахотной земли, а не

съ сошнымъ письмомъ, какъ основаніемъ податного обложенія. Проф. Ключевскій продолжалъ, что если его наблюденіе подтвердится, значитъ, живущая четверть обозначаетъ важный моментъ въ исторіи податной единицы, именно—попытку установить обложеніе пропорціональное доходу, въ данномъ случаѣ земледѣльческому труду. Дворъ, какъ предметъ обложенія, "представлялъ собой инвентарь+рабочія руки, слѣдовательно, въ подворномъ обложеніи уже заключался принципъ подушной подати. Новое обложеніе форсируетъ напряженіе платежей. Г. Милюковъ, не отрицая, что подобная цѣль преслѣдуется всякой финансовой реформой, не соглашался признать за налогами XVII в. сколько-нибуть тѣсной связи съ источникомъ обложенія и полагалъ, что противъ мысли о пропорціональности обложенія труду свидѣтельствуетъ въ данномъ случаѣ неподвижность нормы, числа дворовъ, положенныхъ по указамъ 1630—1631 гг. на живущую четверть. Замѣчая еще разъ, что новымъ обложеніемъ правительство хотѣло устранить неудобства прежняго, проф. Ключевскій цитовалъ 70-ую страницу диссертаціи, на которой читаемъ указаніе, что въ 1692 г. дворяне и дѣти боярскія всѣхъ городовъ просили съ нихъ „деньги и всякіе запасы ратнымъ людямъ имати, сколько за кѣмъ крестьянскихъ дворовъ, а не по писцовымъ книгамъ", и ссылался на извѣстный случай отсутствія въ Чердыни въ XVI вѣкѣ сошнаго письма, замѣнявшагося извѣстнымъ количествомъ дворовъ въ сохѣ (по 392 двора въ соху). Если, говорилъ проф. Ключевскій, принять мое мнѣніе, что была связь реальная, податная между живущей четвертью и сошнымъ письмомъ, то ясно, что эта новая система обложенія направлена была на случай, который привелъ къ ревизской душѣ. Живущая четверть—родоначальница ревизской души: это—путь, который привелъ, постоянно дробя податную единицу, къ такой долѣ, которой и дѣлить было нельзя. Это своего рода финансовая химія. Г. Милюковъ возражалъ, что живущая четверть никакого новаго принципа обложенія не намѣтила, такъ какъ и она и ея предшественница—соха, и послѣдовавшій за ней дворъ и даже ревизская душа—были единицами репартиціонными. Онъ указывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что живущая четверть была шагомъ не къ подушной, а къ подворной подати. Этотъ споръ по вопросу о живущей четверти кончился, и проф. Ключевскій перешелъ къ слѣдующему возраженію. Разбирая пять бюджетовъ, авторъ указываетъ на отношеніе въ нихъ прямыхъ налоговъ къ косвеннымъ, и на стремленіе прямыхъ налоговъ догнать косвенные. Но въ ростѣ прямыхъ налоговъ была остановка: въ бюджетѣ 1701 Г. прямые налоги съ 33,7% 1680 г. упали до 19,8%. Г. Милюковъ замѣтилъ (срв. стр. 159), что никакой остановки въ ростѣ прямыхъ налоговъ (1680 г.—493, 869 р., а въ 1701 г.

—584, 237 р.) не было, а произошло измѣненіе только въ пропорціи. На замѣчаніе проф. Ключевскаго, что были же причины, понизившія отношеніе прямыхъ налоговъ къ косвеннымъ, г. Милюковъ отвѣчалъ, что правительство все свое вниманіе въ этотъ моментъ обратило на косвенное обложеніе. Отчего же произошло измѣненіе отношенія? спрашивалъ проф. Ключевскій, отъ пониженія прямого налога или повышенія косвеннаго? Когда въ бюджетѣ 1724 г. мы видимъ перевѣсъ прямого налога надъ косвеннымъ, мы выводимъ, что прежній финансовый порядокъ окончилъ свое дѣйствіе. Далѣе, въ изображеніи финансовой организаціи авторъ не объясняетъ мотивовъ по мѣстностямъ борьбы вѣрной системы съ откупами, не думалъ ли Петръ о преообразованіи системы эксплоатаціи налоговъ, о замѣнѣ вѣрной системы бюрократической? Послѣ замѣчанія г. Милюкова о существованіи подобной попытки, проф. Ключевскій признавалъ невыясненнымъ, какимъ образомъ эпоха развитія торгово-промышленнаго оборота ознаменовалась перевѣсомъ налога не съ этого оборота, а подушной? Не выяснено также, какъ отразилось на бюджетѣ развитіе вывозной торговли. Г. Милюковъ отвѣчалъ, что торгово-промышленныя мѣры Петра не успѣли отразиться при немъ на развитіи торговли, а перенесеніе торговаго порта изъ Архангельска въ Петербургъ должно было даже отозваться временнымъ уменьшеніемъ торговаго оборота. Далѣе споръ сосредоточился на вопросѣ о значеніи переписи 1710 г. Авторъ, изучая параллельно переписи 1678 г. и 1710 г., пришелъ къ выводу, что въ общемъ населенія къ 1710 г. убыло на 20%. Но, говоритъ проф. Ключевскій, перепись 1710 г. не точна и не можетъ быть эксплуатирована полностью; надо было принять во вниманіе ошибки, происшедшія при сводкахъ статистическаго матеріала въ канцеляріяхъ. Г. Милюквоъ зомѣтилъ, что никто не споритъ, что перепись 1710 г. не точна, что самъ же онъ оговаривается въ книгѣ относительно ея неточности, опредѣлить же коэффиціентъ ошибки нѣтъ возможности. Проф. Ключевскій замѣтилъ, что и современники этой переписи думали, что результаты ея не точны, ниже дѣйствительности. Г. Милюковъ замѣтилъ, что такъ думалъ Петръ, но не современники, которые перемѣнили мнѣніе и стали думать, что населеніе бѣжало; но бѣглаго населенія было не такъ много, какъ они предполагали. Проф. Ключавскій, уступая диссертанту, соглашася съ константированнымъ послѣднимъ фактомъ убыли населенія и продолжалъ настаивать только на уменьшеніи процента этой убыли. До этой переписи не было ревизіи, послѣдующая ревизія вскрыла большую наличность населенія, какъ указано на стр. 639 книги г. Милюкова, согласившагося съ возможностью утайки ревизскихъ душъ. Перепись 1678 г. записывала и дѣловыхъ, и задворныхъ людей; записывала ли ихъ перепись 1710 г.?

Г. Милюковъ отвѣчалъ, что иногда записывала, иногда нѣтъ, иногда записывала, но не вводила въ итоги, это различно по годамъ. Проф. Ключевскій, продолжая ссылаться на относительное значеніе переписи 1710 г., отмѣченное и въ книгѣ, и на диспутѣ г. Милюковымъ, подчеркивалъ манеру писцовъ ошибаться, а также ихъ недобросовѣстность, на что г. Милюковъ замѣтилъ, что одною недобросовѣстностью писцовъ нельзя объяснять показаній переписи 1710 г. Заканчивая свои замѣчанія, направленныя исключительно на частности въ книгѣ г. Милюкова, проф. Ключевскій сказалъ, что книга г. Милюкова послужитъ могучимъ толчкомъ къ изученію реформы Петра, что задача, высказанная въ предисловіи, указать связь государственнаго хозяйства съ реформой Петра осталась неразрѣшенной (г. Милюковъ замѣтилъ, что указываетъ связь государственнаго хозяйства съ ходомъ реформы, но не со всѣмъ содержаніемъ реформы, указываетъ вліяніе государственнаго хозяйства только на административную реформу Петра), что масса изученнаго и разработаннаго въ книгѣ матеріала наглядно показываетъ, какъ много еще не изучено въ ходѣ, мотивахъ и результатахъ реформы, составившей предметъ изученія автора настоящаго „прекраснаго труда".

Второй оффиціальный оппонентъ привать-доцентъ В. Е. Якушкинъ, сдѣлавшій нѣсколько замѣчаній по поводу 734, 735, 136, 163, 111, 244, 542, 116 стр. книги г. Милюкова, также долго останавливался на невозможности дѣлать точные выводы изъ сравненія переписей 1678 и 1710 гг., вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтилъ, что авторъ, „не вдаваясь въ подробную общую оцѣнку всей дѣятельности Петра Великаго, дѣлаетъ о разныхъ сторонахъ ея отрывочныя замѣчанія, которыя въ общемъ показываютъ отрицательное отношеніе автора и къ значенію реформы, и къ ея ходу, а между тѣмъ даже въ оцѣнкѣ финансовой дѣятельности Петра и его правительства, какъ эта оцѣнка дана въ книгѣ, слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторыя смягченія: авторъ, держась исключительно своего обширнаго спеціальнаго матеріала, освѣтилъ разбираемые вопросы нѣсколько односторонне, безъ связи съ положеніемъ народнаго хозяйства и съ тѣми мѣрами, которыя Петръ Великій принималъ для развитія экономическаго благосостоянія народа". Возраженій изъ публики не послѣдовало, и г. Милюковъ, ведшій диспутъ съ большимъ тактомъ и сдержанностью, при дружныхъ рукоплесканіяхъ собравшейся многочисленной публики былъ признанъ магистромъ русской исторіи. (Сообщено В. Н. Сторожевымъ [1]).

---

[1]) Авторъ отчета считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ извиниться предъ читателями „Историческаго Обозрѣнія", что по совершенно независя-

— 17 мая въ С.-Петербургскомъ университетѣ происходилъ диспутъ по диссертаціи прив.-доц. Новороссійскаго университета Г. Е. Аѳанасьева „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в.“, представленной имъ въ историко-филологическій факультетъ на степень доктора всеобщей исторіи. Диспутъ открылся рѣчью докторанта слѣдующаго содержанія:

Хлѣбная торговля во Франціи въ XVIII вѣкѣ происходила подъ вліяніемъ условій, изъ которыхъ одни были наслѣдіемъ феодальнаго режима, а другія результатомъ дѣятельности монархической власти и лежавшей въ основѣ этой дѣятельности системы опеки.

Условія, сложившіяся въ феодальную эпоху, освѣчены антагонизмомъ между городомъ и деревнею. Ставъ въ сравнительно независимое положеніе, горожанинъ стремится силою своихъ обязательныхъ постановленій обезпечить себѣ дешевый хлѣбъ и съ этою цѣлью старается всячески прижать земледѣльца и вообще обладателя хлѣба, подозрѣвая послѣдняго чуть ли не въ желаніи уморить голодомъ горожанина. Къ этому присоединяется еще феодальный провинціализмъ, въ силу котораго каждая область старается сохранить свой хлѣбъ для себя и боится вывоза его въ сосѣднюю провинцію. На почвѣ этихъ отношеній выростаютъ регламенты хлѣбной торговли. Главные пункты ихъ таковы: запрещеніе продажи хлѣба внѣ рынка и связанное съ нимъ запрещеніе держать хлѣбъ у себя далѣе извѣстнаго періода, обязанность земледѣльца снабжать рынокъ и запрещеніе хлѣбныхъ складовъ. Поступивъ на рынокъ, хлѣбъ не могъ быть увезенъ оттуда и не могъ быть укрываемъ отъ непогоды; но на случай, еслибы и это неудобство оказалось не въ силахъ заставить обладателя хлѣба поспѣшить съ его продажею, существовало правило, по которому хлѣбъ обязательно долженъ былъ быть проданъ въ теченіе трехъ базаровъ, въ противномъ случаѣ онъ продавался полиціей по пониженной цѣнѣ. Эти распоряженія разнообразились многими чисто мѣстными установленіями; они нерѣдко не исполнялись въ точности, особенно во время большой дешевизны хлѣба; но, такъ или иначе, они висѣли надъ хлѣбною торговлею дамокловымъ мечемъ, всегда готовымъ разить хлѣботорговца. Чтобы слѣдить за выполненіемъ регламентовъ, а отчасти лишь подъ предлогомъ надзора, создалась многочисленная рыночная полиція, состоявшая часто изъ наслѣдственныхъ чиновъ, которая жила рыночными пошлинами, нерѣдко довольно высокими. Свободная перевозка хлѣба изъ одной провинціи въ другую не признавалась еще гораздо позже того, какъ исчезли феодальныя госу-

---

щимъ отъ него обстоятельствамъ, отчетъ вышелъ недостаточно полнымъ и мало выдержаннымъ въ смыслѣ точности.

дарства, и, не смотря на усилія королевской власти представить Францію единою, всѣ части которой солидарны между собою и должны поддерживать другъ друга, феодальная традиція жила довольно сильно, и подъ ея вліяніемъ вывозъ хлѣба изъ данной провинціи долженъ былъ находиться въ зависимости отъ разрѣшенія мѣстныхъ властей. Этотъ порядокъ вещей сохранился, однако, не только въ силу феодальной традиціи, но еще въ большей степени въ силу системы опеки, которая съ торжествомъ абсолютизма и централизаціи проникла во всѣ стороны французской общественной жизни и менѣе всего могла миновать хлѣбную торговлю. Господствующая идея была та, что опасно предоставлять просторъ земледѣльцамъ и купцамъ въ распоряженіи ихъ товаромъ, такъ какъ они, вслѣдствіе присущей имъ жадности способны заморить голодомъ горожанина. Отсюда поддержка рыночныхъ регламентовъ и строгій контроль надъ внутреннею циркуляціею хлѣба. Затѣмъ, къ условіямъ хлѣбной торговли присоединяется забота правительства о продовольствіи государства вообще и въ частности Парижа, этого „огромнаго города, находящагося вблизи королевской резиденціи". Эта забота выразилась въ запрещеніи вывоза хлѣба сначала временномъ, а потомъ и постоянномъ. По той же причинѣ и руководясь идеей государственнаго единства, королевская власть освобождаетъ хлѣбную торговлю отъ внутреннихъ пошлинъ, въ томъ числѣ и отъ пеажей, и старается вообще освободить внутреннюю циркуляцію отъ стѣсненій и запрещеній. Что касается освобожденія отъ внутреннихъ пошлинъ, но эта задача въ значительной мѣрѣ была выполнена; но освобожденіе движенія хлѣба между провинціями отъ стѣсненій не могло быть выполнено, потому что часто само правительство боялось чрезмѣрнаго вывоза хлѣба изъ какой-либо провинціи, вслѣдствіе этого не рѣшалось освободить совершенно движеніе хлѣба отъ контроля администраціи, а мѣстныя власти усугубляли стѣснительность этого контроля, отчасти вслѣдствіе предразсудковъ по отношенію къ хлѣбной торговлѣ, а отчасти вслѣдствіе того, что они извлекли выгоду изъ надзора надъ послѣднею. Движеніе хлѣба внутри государства, помимо этихъ обстоятельствъ, парализовалось еще регламентами его купли и продажи. Они затрудняли сколько-нибудь значительныя сдѣлки. Насколько сознавалось это вліяніе регламентовъ, видно изъ того, что парижскіе хлѣботорговцы при покупкѣ хлѣба для снабженія столицы освобождались отъ обязательства покупать его на рынкѣ. Заботы правительства о продовольствіи Парижа выражались въ томъ, что нѣкоторыя провинціи, какъ, напримѣръ, Шампань, были признаны естественными поставщиками столицы, а потому правительство слѣдило, чтобы хлѣбъ изъ нихъ не направлялся никуда, кромѣ Парижа. Когда во время голодовки 1709 года, Шампань была въ ко-

нецъ истощена неурожаемъ, страшно суровой зимою и продовольствованіемъ большого количества войска, когда раннею весною мертвые и умирающіе люди валялись по дорогамъ со слѣдами земли и травы на губахъ, когда могшіе двигаться жадно ѣли пробивающуюся молодую траву, и интендантъ провинціи доносилъ генералъ-контролеру обо всѣхъ этихъ ужасахъ и просилъ, чтобы королевскіе коммиссары не брали хлѣба въ Шампани для снабженія столицы, — послѣдній отвѣчалъ ему отказомъ, приказывалъ не дѣлать никакихъ препятствій увозу хлѣба въ Парижъ и прибавлялъ: „король приказалъ вамъ сообщить, что вы отвѣтите своею головою, если что-либо произойдетъ въ столицѣ". Чтобы парижане не шумѣли, ихъ старались кормить дешевымъ хлѣбомъ. Другимъ средствомъ для этого, послѣ доставки хлѣба, считалась строгая регламентація продажи хлѣба на рынкахъ столицы; поэтому регламенты Парижа были особенно сложны и соблюденіе ихъ обезпечивалось особенно многочисленною рыночною полиціею, оплачиваемою, однако, потребителями хлѣба. Когда, съ развитіемъ города, торговля, парализуемая регламентаціею, оказалась не въ силахъ снабжать Парижъ хлѣбомъ, правительство беретъ на себя восполненіе недочета. Оно берется за торговлю хлѣбомъ, а потомъ заводитъ въ Корбейлѣ и свои мельницы. Но его вмѣшательство въ торговлю хлѣбомъ, парализуя частную предпріимчивость, влекло за собою все большее расширеніе казенныхъ операцій безъ пользы для дѣла и даже съ вредомъ для него. По самой сущности своей хлѣбная торговля правительства вызывала много неудовольствій, неизбѣжно связанныя съ нею злоупотребленія агентовъ только увеличивали это неудовольствіе и вызывали всевозможные толки, которые сводились къ тому, что правительство спекулируетъ на народный голодъ. Эти толки послужили почвой для созданія извѣстной легенды о „Pacte de Famine", которая, какъ извѣстно, ставила самого короля Людовика XV въ число главныхъ акціонеровъ Общества, имѣвшаго цѣлью путемъ грандіозныхъ хлѣбныхъ операцій искусственно поднимать цѣну хлѣба. Изслѣдованія Біолэ и Бора доказали, что такого Общества на самомъ дѣлѣ не существовало; имъ не удалось, какъ мнѣ кажется, выяснить что во-1-хъ, Лепрево де Бомонъ, котораго считали авторомъ легенды, неповиненъ въ ней и что онъ не былъ авторомъ статей въ Монитерѣ за 1789 годъ, которыя послужили главнымъ основаніемъ для созданія легенды о „Pacte de Famine", во-2-хъ, что эти статьи были лишь отголоскомъ тѣхъ толковъ, которые циркулировали въ публикѣ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVIII вѣка и что, наконецъ, реальнымъ поводомъ для этихъ толковъ были именно правительственныя продовольственныя операціи, во время министерства аббата Террэ и злоупотребленія агентовъ послѣдняго.

Возвращаясь къ господствовавшей системѣ, скажемъ, что въ XVIII вѣкѣ стали смотрѣть на запретительную систему по отношенію къ внѣшней хлѣбной торговлѣ, какъ на существенную часть промышленнаго протекціонизма, и стали объяснять созданіе ея тѣмъ, что Кольберъ запретилъ вывозъ съ цѣлью удешевить содержаніе труда промышленника и тѣмъ создать для французовъ благопріятный шансъ въ международной конкуренціи. Это было не такъ, но въ этомъ были убѣждены. Въ сороковыхъ годахъ появляется сомнѣніе въ правильности господствовавшей хлѣбной политики. Вліяніе примѣра Англіи дало толчекъ развитію идеи освобожденія хлѣбной торговли, какъ средства поднять земледѣліе и благосостояніе народа. Насколько до того времени интересы земледѣльца играли служебную роль, настолько въ новомъ направленіи мысли ему отводилось первенствующее положеніе въ государственной экономіи, и физіократы довели прославленіе земледѣлія до отрицанія производительности всякаго другого труда. Когда-то Генрихъ IV устраивалъ въ Луврѣ ремесленниковъ, теперь жена Людовика XVI у себя въ Тріанонѣ сама одѣвалась крестьянкою, доила коровъ и поила молокомъ своихъ приближенныхъ. Господствующая система требовала дешеваго хлѣба для горожанина, во что бы то ни стало, а физіократы, напротивъ, провозгласили: „если бѣдны крестьяне, бѣдно и государство". Но они доказывали при этомъ, что и потребитель выиграетъ отъ поднятія благосостоянія земледѣльца и отъ упраздненія запрещенія вывоза хлѣба и регламентаціи внутренней хлѣбной торговли. Подъ вліяніемъ физіократовъ предпринимаются реформы въ области хлѣбной торговли.

Эти реформы представляютъ собою два момента. Первый падаетъ на шестидесятые годы, когда изданы были министрами Бертеномъ и Лаверди декларація 25-го мая 1763 года и іюльскій эдиктъ 1764 года. Первая провозглашала свободу внутренней торговли хлѣбомъ, а второй разрѣшалъ при извѣстномъ уровнѣ цѣны вывозъ его за границу. Торжество друзей земледѣлія и свободы хлѣбной торговли было непродолжительно. Едва прошло два года послѣ разрѣшенія вывоза, какъ онъ былъ остановленъ почти всюду. Затѣмъ, семь лѣтъ спустя (1770), дѣйствіе деклараціи 25-го мая было остановлено аббатомъ Террэ, министромъ финансовъ, и старая регламентація снова вошла въ силу. Эта реакція продолжалась четыре года. Послѣ аббата Террэ постъ генералъ-контролера финансовъ переходитъ въ руки Тюрго, наиболѣе сильнаго сторонника свободы хлѣбной торговли. Съ его министерской дѣятельностью совпадаетъ второй моментъ реформъ въ хлѣбномъ законодательствѣ. Этотъ моментъ отличается отъ перваго тѣмъ, что не только свобода хлѣбной торговли была провозглашена возстановленіемъ деклараціи 25-го мая 1763 года, но и при-

нятъ былъ рядъ мѣръ, долженствовавшихъ имѣть въ результатѣ отмѣну многихъ мѣстныхъ учрежденій и рыночныхъ регламентовъ, которые способны были значительно сократить возможность пользоваться закономъ о свободѣ внутренней циркуляціи хлѣба. Гальяни говорилъ: „недостаточно провозгласить свободу торговли, надо сдѣлать ее". Тюрго понималъ значеніе этой мысли и сталъ дополнять общій законъ рядомъ частныхъ постановленій, не останавливаясь и предъ отмѣною парижскихъ регламентовъ. Такимъ образомъ, второй моментъ въ реформѣ хлѣбнаго законодательства является болѣе значительнымъ, чѣмъ первый, хотя Тюрго и воздержался отъ разрѣшенія вывоза хлѣба. Онъ не кончилъ своего дѣла, особенно по части отмѣны рыночныхъ пошлинъ; отставка застигла его въ разгарѣ работы. Его паденіе было результатомъ параллельнаго дѣйствія многихъ реакціонныхъ элементовъ. Поэтому, послѣ его ухода настала новая реакція въ распоряженіяхъ правительства по хлѣбной торговлѣ.

Главнѣйшіе фазисы въ исторіи хлѣбныхъ реформъ сопровождались довольно большимъ движеніемъ общественной мысли, по скольку это позволяли цензурныя условія того времени. Защитники и противники свободы хлѣбной торговли вступали въ борьбу два раза. Въ первый разъ центромъ полемики было сочиненіе аббата Гальяни: „Діалоги о хлѣбной торговлѣ" (1769 г.), а спорили съ нимъ главнымъ образомъ аббаты Рубо и Морелле. Эта полемика аббатовъ была тѣмъ болѣе страстною, что въ это время уже настала реакція противъ свободы хлѣбной торговли, и Гальяни своими діалогами игралъ въ руку этой реакціи. Во второй разъ центромъ борьбы послужило сочиненіе Нэккера „Sur la législation et la commerce des grains", которое вышло въ 1775 году, т.-е, въ тотъ моментъ, когда произошла „Мучная война" и когда въ высшихъ сферахъ началось уже недовольство мѣропріятіями Тюрго. Противниками Нэккера выступили Кондорсе, Морелле, Бодо и Вольтеръ. Взгляды, высказанные въ сочиненіи Нэккера не остались безъ практическаго примѣненія. Когда онъ получилъ въ управленіе финансы Франціи, то онъ поспѣшилъ осуществить свою программу, которая, впрочемъ, заключалась въ отрицаніи всякой программы и въ дѣйствіи, „смотря по обстоятельствамъ". Мѣропріятія, практиковавшіяся Нэккеромъ, были лишь воспроизведеніемъ тѣхъ распоряженій и регламентовъ, которые осуждались сторонниками свободы торговли, и, такимъ образомъ, представили собою новый реакціонный моментъ въ исторіи хлѣбной торговли, о которомъ мы упомянули выше.

Реакція эта имѣетъ однако особенный характеръ. Хлѣбные законы, возстановленные и дополненные Тюрго, не были отмѣнены какою-либо королевскою декларацiей или постановленіемъ королевскаго

совѣта. Но фактически они отмѣнялись административными предписаніями; иногда же издавались такія постановленія совѣта, которыя, игнорируя существующіе законы, предписывали дѣйствія, противорѣчившія и буквѣ, и духу ихъ. Благодаря такой системѣ, установилась въ сферѣ хлѣбной политики такая путанница, что никакъ нельзя было сказать, какія правила обязательны, а какія слѣдуетъ считать отмѣненными. Въ такомъ недоумѣніи бывали и блюстители закона. Въ перепискѣ прокуроровъ и полицейскихъ чиновъ съ генералъ-прокуроромъ Жоли-де-Флери, хранящейся въ копіи въ отдѣлѣ рукописей Парижской Національной Библіотеки, есть цѣлый рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ, до какой степени спутались у этихъ представителей судебно-полицейской власти представленія о томъ, что законъ и что не законъ. Напримѣръ, фискалъ при бальяжѣ Валансэ (Valançay, около Буржа) спрашиваетъ генералъ-прокурора: „долженъ ли считаться дѣйствительнымъ эдиктъ, изданный при Тюрго?"

Не касаясь подробностей, скажемъ, что во время перваго своего министерства Нэккеръ пускалъ въ ходъ „смотря по обстоятельствамъ" и запрещеніе вывоза хлѣба за-границу, и стѣсненіе внутренней торговли имъ. Дѣйствительность, однако, доказала, что запрещеніе вывоза было излишнимъ, а стѣсненіе внутренней хлѣбной торговли вреднымъ.

Послѣ паденія Нэккера былъ еще одинъ хотя очень короткій моментъ, благопріятный для свободы хлѣбной торговли, это министерство де-Калонна, когда королевскою деклараціею 17-го іюня 1787 года объявлено было: „Да будетъ свободно *навсегда* лицамъ всякаго званія и состоянія вести торговлю зерномъ и мукою внутри королевства на всемъ пространствѣ его. Разрѣшается также всѣмъ нашимъ подданнымъ свободно вывозить хлѣбъ за-границу черезъ всѣ порты и таможни" [1]).

Но составителямъ деклараціи вольно было заявлять, что свобода торговли устанавливается навсегда; не прошло и 15 мѣсяцевъ со времени ея изданія какъ вывозъ снова былъ запрещенъ, а затѣмъ и внутренняя торговля подверглась стѣсненіямъ. Виновникомъ этой новой реакціи былъ опять-таки Нэккеръ. На этотъ разъ въ теченіе конца 1788 и первой половины 1789 года, по поводу неурожая, хотя и не очень значительнаго, онъ пустилъ въ ходъ не только всѣ мѣры, которыя допускались по его системѣ дѣйствій, смотря по обстоятельствамъ, какъ то: запрещеніе вывоза, назначеніе ввозныхъ премій,

[1]) Хотя эта декларація издана была уже послѣ отставки де-Калонна (30 апрѣля 1787 г.), но она была составлена при немъ.

закупка хлѣба за счетъ казны за-границею и запрещеніе продажи внѣ рынковъ, но и воскресилъ принудительную доставку крестьянами хлѣба на рынокъ,—мѣру, которая не практиковалась со времени голодовки 1709 года. Дальше идти было некуда. Всѣ эти мѣры только ухудшили положеніе далеко не очень серьезное и вызвали панику въ обществѣ. Революція застала Нэккера на послѣдней изъ приведенныхъ нами мѣръ. Національное Собраніе осудило его хлѣбную политику и признало правильными воззрѣнія Тюрго. Послѣдній изъ гроба побѣдилъ своего противника.—Но Національное Собраніе могло провозглашать, сколько угодно, свободу хлѣбной торговли; но оно не было въ силахъ ни поставить на ноги это въ конецъ дезорганизованное дѣло, ни заставить уважать свои декреты. Послѣ паденія старой административной машины, мѣстныя выборныя власти совсѣмъ остановили циркуляцію хлѣба. Результаты, конечно, оказались самые плачевные; но они были законнымъ дѣтищемъ хлѣбной политики всего столѣтія. Равнымъ образомъ и чреватые политическими послѣдствіями дни 5 и 6 октября 1789 года находятся въ связи съ этою политикою. Сторонники послѣдней могли бы убѣдиться, какъ опасно воспитывать въ народѣ мысль о всемогуществѣ правительства, мысль, что отъ послѣдняго зависитъ создать обиліе продовольствія или вызвать его недостатокъ.

Я закончилъ свою работу первымъ годомъ революціи, такъ какъ здѣсь начинается новый періодъ французской исторіи, а также новый періодъ и въ исторіи хлѣбной торговли. Изложивъ Вамъ, М.м. Г.г., главные моменты исторіи хлѣбной торговли XVIII вѣкѣ, я тѣмъ самымъ познакомилъ васъ съ сущностью содержанія моей книги, которую я представилъ безпристрастному, но снисходительному суду уважаемыхъ профессоровъ здѣшняго факультета, приговора которыхъ я жду въ настоящую минуту.

Первымъ оффиціальнымъ оппонентомъ выступилъ проф. Н. И. Карѣевъ. Своимъ возраженіямъ онъ предпослалъ общую характеристику труда докторанта. Указавъ на строго спеціальный характеръ изслѣдованія, основаннаго почти исключительно на архивномъ матеріалѣ, оппонентъ поставилъ автору на видъ, что онъ недостаточно выяснилъ себѣ, какое различіе должно существовать между общеисторическимъ и какимъ-либо спеціальнымъ отношеніемъ къ фактамъ прошлаго, и что, извлекая изъ архивовъ мелкія подробности даже техническаго характера, онъ мало обратилъ вниманія на общую историческую литературу, касающуюся эпохи. Во-первыхъ, самую тему (условія хлѣбной торговли), которую можно понимать весьма широко, авторъ съузилъ до такой степени, что вѣрнѣе было бы озаглавить книгу—„Регламентація хлѣбной торговли“: авторъ все свое

вниманіе сосредоточилъ на рынкѣ и иностранной торговлѣ, совсѣмъ не коснувшись главныхъ соціальныхъ, экономическихъ, агрономическихъ и всякихъ иныхъ условій хлѣбной торговли, кромѣ, пожалуй, административныхъ взглядовъ и нравовъ, оказывавшихъ дѣйствіе на эту торговлю. Но и тутъ авторъ далъ не все, что могъ бы дать при существующемъ состояніи нашихъ знаній объ этомъ предметѣ: ему, напр., осталась неизвѣстной книга Могэна „Etudes Historiques sur l'administration de l'agriculture en France". Повидимому, далѣе, г. Аѳанасьевъ искалъ только фактовъ узко-спеціальнаго характера (пред., стр. XIV, XVI и XVII), мало интересуясь тѣмъ, что не касалось прямо регламентаціи хлѣбной торговли. На томъ же основаніи онъ очень мало обращался къ источникамъ и пособіямъ общаго свойства. Между прочимъ, проф. Карѣевъ указалъ на то, что докторантъ напрасно не обратился къ cahiers 1789 г., которые дали бы ему весьма богатый матеріалъ, т.-е. и массу фактовъ, и множество указаній на то, какъ смотрѣли на интересующій его вопросъ—народъ и образованное общество, чего онъ также касается, не опираясь, однако, ни на какія данныя. Г. Аѳанасьевъ самъ, однако, говоритъ о cahiers 1789 г. на стр. 456—457 своего труда, но неизвѣстно, откуда онъ заимствовалъ приводимыя здѣсь свѣдѣнія, а между тѣмъ послѣднія оказываются невѣрными, что и было оппонентомъ обнаружено при помощи сличенія сказаннаго авторомъ о наказахъ Парижа, Медона и Реймса съ подлинными наказами. Масса cahiers издана, и одинъ сборникъ Лорана и Мавидаля далъ бы автору болѣе, чѣмъ нужно: это—извѣстныя „Archives parlementaires", которыя помогли бы диспутанту, кромѣ того, и лучше узнать содержаніе преній въ Нац. Собр. (стр. 459). Не обращаясь къ источникамъ, неимѣющимъ спеціальнаго характера, докторантъ отнесся такъ же и къ пособіямъ. Онъ жалуется, что ему не удалось поработать въ провинціальныхъ архивахъ (стр. 32), но вѣдь онъ могъ бы познакомиться съ литературой по провинціальной исторіи, чего онъ не сдѣлалъ. Говоря о реформахъ въ законодательствѣ по хлѣбной торговлѣ, онъ не нашелъ нужнымъ заглянуть и въ сочиненія о реформахъ Людовика XVI вообще, въ книги Семишона (Les réformes sous Louis XVI), Лавернья (Les assemblées provinciales sous Louis XVI) и т. п. Къ числу такихъ же недостатковъ труда относится и то, что для исторіи французской революціи г. Аѳанасьевъ пользуется главнымъ образомъ однимъ Зибелемъ, рѣшая лишь на основаніи его данныхъ нѣкоторые вопросы, по которымъ слѣдовало бы справиться и у другихъ историковъ. Наконецъ, проф. Карѣевъ обратилъ вниманіе на то, что диспутантъ не потрудился точнѣе и опредѣленнѣе представить и стародавнія отношенія, изъ коихъ выросли отношенія, подвергшіяся его изслѣдованію: особенною неясностью отличается изложеніе взаимныхъ

отношеній феодализма, муниципальнаго быта и государственной власти, коихъ г. Аѳанасьевъ касается во многихъ мѣстахъ книги. Нѣкоторыя мѣста оппонентъ подвергъ, болѣе подробному разбору, особенно начало „заключенія“ (стр. 475—476), которое онъ сопоставилъ съ другими мѣстами (стр. 3, 37, 38, 39, 40, 43, и т. д.). Свои общія замѣчанія проф. Карѣевъ резюмировалъ, возвратившись къ исходному своему пункту: г. Аѳанасьевъ слишкомъ далеко отошелъ отъ общеисторической точки зрѣнія, быть можетъ, прямо даже сталъ на исключительно специальную точку зрѣнія (напр., полицейскаго права), съузивъ свою тему, и слишкомъ увлекся архивнымъ матеріаломъ опять-таки спеціальнаго характера, вслѣдствіе чего и не хотѣлъ уже обращаться къ напечатаннымъ источникамъ, разъ послѣдніе не относились прямо, непосредственно и исключительно къ хлѣбной торговлѣ. Отмѣтимъ затѣмъ нѣсколько частныхъ погрѣшностей, проф. Карѣевъ заявилъ, что не считаетъ себя компетентнымъ въ вопросахъ чисто техническихъ, по которымъ съ бо̀льшимъ авторитетомъ можетъ высказаться другой оппонентъ, приглашенный изъ юридическаго факультета въ виду содержанія диссертаціи. Въ заключеніе оппонентъ сказалъ, что, признавая работу г. Аѳанасьева добросовѣстнымъ, кропотливымъ и дающимъ много новаго изслѣдованіемъ, а потому и достойнымъ искомой ученой степени, онъ тѣмъ не менѣе считалъ своимъ долгомъ подчеркнуть крупные недостатки труда въ виду того, что эти недостатки имѣютъ и общее значеніе въ наше время, когда историки начинаютъ обращаться къ темамъ, бывшимъ прежде внѣ сферы ихъ компетенціи, и когда пользованіе архивами принимаетъ такіе широкіе размѣры: историкъ, какъ таковой, никогда не долженъ съуживать своей задачи и пренебрегать источниками и пособіями общаго характера [1]).

Второй оффиціальный оппонентъ И. И. Кауфманъ указалъ на то, что несмотря на обиліе изслѣдованій по экономической исторіи Франціи, разработанной лучше, полнѣе и разностороннѣе экономической исторіи всѣхъ иныхъ странъ, трудъ г. Аѳанасьева представляетъ очень большой интересъ, именно какъ самостоятельное изслѣдованіе. Хотя литература исторіи французской торговли очень обширна и подробности о хлѣбной торговли во Франціи XVIII в. неоднократно сосредоточивали на себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей, какъ въ XVIII в. уже, когда эти вопросы имѣли современный практическій интересъ и ихъ выясненію посвящали свои талантливыя силы представители школъ физіократовъ и ея противниковъ, такъ и въ нашемъ столѣтіи, отчасти въ связи съ разными законодательными преобразо-

---

[1]) Составленный проф. Карѣевымъ отзывъ для факультета долженъ появиться въ ближайшемъ № „Протоколовъ Совѣта И. Спб. Ун.“.

ваніями (особенно тѣми, которыя непосредственно касались хлѣбной торговли), отчасти по тѣсной ея связи съ дѣятельностью Тюрго, которой во второй половинѣ XIX в. было посвящено очень много вниманія,—хотя почти передъ самымъ выходомъ сочиненія г. Аѳанасьева вышли два сочиненія, посвященныя переизслѣдованію вопроса о такъ называемомъ „соглашеніи на случай голода“ (le pacte de famine) и доказавшія неправильность господствовавшихъ въ теченіе цѣлаго столѣтія по этому предмету взглядовъ,—тѣмъ не менѣе г. Аѳанасьевъ съумѣлъ себѣ найти свои самостоятельные пути къ изученію изданнаго имъ предмета, какъ въ отношеніи такихъ источниковъ (архивныхъ матеріаловъ), которые до него или совсѣмъ не изучались, или недостаточно изучались, такъ и въ отношеніи нѣкоторыхъ такихъ сторонъ предмета, по которымъ еще оставалось много свободнаго поля для новыхъ разъясненій. Обладая основательнымъ знаніемъ техники хлѣбной торговли, г. Аѳанасьевъ на ея основаніи могъ дать правильную постановку цѣлому ряду историческихъ вопросовъ объ элементахъ, изъ коихъ слагается то, что принято обозначать однимъ словомъ „положеніе“ (торговли); изслѣдованіе же разнообразныхъ частностей, которымъ опредѣлялось это положеніе во Франціи въ XVIII в. дало ему возможность представить означенное положеніе въ картинѣ болѣе полной и разносторонней, чѣмъ какую можно найти у другихъ изслѣдователей того же предмета.

Тѣмъ не менѣе и изложеніе г. Аѳанасьева представляетъ немало и такихъ сторонъ, которыя открываютъ обширный просторъ всякаго рода критическимъ замѣчаніямъ. Такъ, сомнительно, чтобы г. Аѳанасьевъ былъ правъ, преувеличивая значеніе архивныхъ матеріаловъ предъ всякими иными и какъ-бы считая архивную пыль санкціею важности историческаго источника, цитируя, напримѣръ, даже общедоступные законодательные памятники не по критическимъ ихъ изданіямъ (Пардессю, Фонтанона, Изамбера, Деламара и т. д.), а по случайному собранію ихъ, найденному въ архивномъ картонѣ. Болѣе существенно, но едва-ли менѣе заслуживаетъ упрека то, что г. Аѳанасьевъ, описывая стѣсненія хлѣбной торговли, слишкомъ односторонне становится на точку зрѣнія интересовъ хлѣбнаго торговца (какъ и вся его книга имѣла назначеніемъ быть жалобой этого торговца, un cahier des doléances), и совсѣмъ не останавливается на той связи, которую изучаемый имъ предметъ имѣетъ съ вопросомъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія, упуская изъ виду, что законодательство о немъ и принимавшіяся для него мѣры, а равно весь складъ господствовавшихъ по этому предмету понятій, требованій, идеаловъ и стремленій, были кореннымъ основаніемъ, которымъ положеніе торговли опредѣлялось, уже какъ необходимое послѣдствіе, стоявшее на

заднемъ планѣ не только въ правительственныхъ, но и народныхъ представленіяхъ. Съ недостаточнымъ вниманіемъ г. Аѳанасьевъ остановился и на условіяхъ производства хлѣба во Франціи въ изслѣдованную имъ эпоху, а также на перемѣнахъ, которыя тогда начали происходить въ условіяхъ международной хлѣбной торговли. Не всегда г. Аѳанасьевъ правъ и при детальномъ разсмотрѣніи элементовъ преслѣдуемаго имъ предмета: когда, напр., задаваясь вопросомъ, перечислены ли имъ всѣ сборы съ хлѣба, продававшагося на парижскихъ рынкахъ, онъ указываетъ на упоминаемые въ указѣ 25 ноября 1762 сборы (droits de pesée, placage, balayage и т. д.) и упрекаетъ „автора указа" въ незнаніи того, когда они появились? Не „авторы же указовъ" компетентные руководители для отвѣтовъ на вопросы историческаго происхожденія. Наконецъ, всего болѣе г. Аѳанасьевъ заслуживаетъ упрека за то, что, коснувшись злой сплетни объ участіи правительства въ спекуляціяхъ на народный голодъ (le pacte de famine) и выяснивъ, что имя первоначальнаго автора этой сплетни все-таки остается неизвѣстнымъ, г. Аѳанасьевъ представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ еслибъ вопреки результатамъ новѣйшихъ изслѣдованій, напечатанныхъ во Франціи, сплетня все-таки имѣетъ нѣкоторыя основанія. Г. Аѳанасьевъ какъ бы желалъ представить новое доказательство изреченію: calomniez, calomniez, il en restera quelque chose. „Обвиненіе"—говоритъ г. Аѳанасьевъ,—въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно было поднято, „*падаетъ само собою*, но если его понять въ томъ смыслѣ, что въ мучной войнѣ играли роль люди, заинтересованные въ хлѣбныхъ операціяхъ правительства, то обвиненіе *остается въ силѣ*". Оппонентъ полагалъ, что такое разсужденіе едва-ли умѣстно въ *историческомъ* изслѣдованіи, въ которомъ всякій приговоръ, а особенно тяжкій, долженъ опираться на фактическихъ данныхъ. Изъ того, что въ составѣ французской администраціи XVIII ст. (какъ впрочемъ и XIX в.) были люди, наживавшіеся при разныхъ операціяхъ за счетъ казны, совсѣмъ не слѣдуетъ, что самыя операціи производились для ихъ наживы. А г. Аѳанасьеву извѣстно только, что Тэрре не былъ честнымъ человѣкомъ, въ чемъ едва-ли кто-либо сомнѣвался уже и во времена Тэрре. Новыхъ же фактовъ для поддержанія тяжкаго обвиненія не Тэрре, а французскаго правительства, г. Аѳанасьевъ совсѣмъ не привелъ въ извѣстность.

По окончаніи диспута деканъ факультета, собравъ голоса его членовъ, объявилъ защиту удовлетворительною, въ силу его г. Аѳанасьевъ былъ признанъ достойнымъ возведенія въ степень доктора всеобщей исторіи.

Вступительныя лекціи по исторіи.

Магистрантъ Московскаго университета Е. Н. Щепкинъ читалъ пробныя лекціи по всеобщей исторіи, изъ коихъ одна была на тему, предложенную факультетомъ, другая—на тему, выбранную самимъ лекторомъ. Темою первой лекціи были „Аѳинскія партіи въ эпоху Македонскаго завоеванія". Вотъ содержаніе этой лекціи. Споръ, возникшій между греческими ораторами IV в. д. Р. Х. по вопросу, какъ надо было отнестись Аѳинамъ къ Македонскому завоеванію, длится и до сихъ поръ въ современной литературѣ по исторіи Греціи. И здѣсь, и тамъ бросаются въ глаза три господствующія теченія. Во-первыхъ, въ нѣмецкой исторіографіи этотъ вопросъ выдвинутъ былъ въ связи съ процессомъ объединенія Германіи, наприм., Онкеномъ въ „Isokrates und Athen". Исократъ стоялъ на точкѣ зрѣнія эллинизма въ лучшемъ смыслѣ слова, цѣня эллинское образованіе выше греческой породы, онъ готовъ иногда спартанца поставить ниже варвара. Но свой общій политическій идеалъ ораторъ почерпалъ въ прошедшемъ и выше всего ставилъ тотъ подъемъ національнаго духа, который развился въ эпоху греко-персидскихъ войнъ. Итакъ автономія греческихъ городовъ и ихъ объединеніе подъ нравственной и умственной гегемоніей Аѳинъ въ общемъ походѣ противъ Персіи—таковъ первоначальный идеалъ Исократа. Но подъ вліяніемъ ошибокъ Аѳинской демократіи ораторъ впослѣдствіи отчасти его измѣняетъ и роль предназначенную было въ этомъ дѣлѣ Аѳинамъ готовъ передать и другой державѣ, хотя бы даже монархіи. Затѣмъ въ исторической литературѣ есть еще другое направленіе, безусловно расположенное къ Македонской монархіи. Представители этого направленія думаютъ, что они стоятъ на общественной точкѣ зрѣнія въ противоположность узко-греческому взгляду Демосѳена и даже Аристотеля. Ихъ герой не столько Филиппъ, объединившій Грецію, сколько Александръ Великій, ставшій выше различія Эллина отъ Перса. Самымъ серьезнымъ по эрудиціи выразителемъ этого направленія былъ Дройзенъ, Въ дѣятельности Александра историкъ защищаетъ и введеніе персидской одежды среди Македонской знати, и обоготвореніе царя, и обычай προσκυνεῖσθαι при его дворѣ и т. п. Напротивъ, въ совѣтѣ Аристотеля—обращаться съ эллинами какъ съ друзьями и единоплеменниками, а съ варварами какъ животными и растеніями, Дройзенъ по недоразумѣнію видитъ эгоизмъ расы, самодовольство рабовладѣльца: онъ не обратилъ вниманія на спеціальную терминологію въ системѣ философа. Воззрѣніе о психическомъ

не равенствѣ людей и вообще существъ природы проходитъ черезъ всю систему Аристотеля, который прибѣгаетъ къ нему всюду, гдѣ нужно оправдать какую-нибудь власть и привилегію. Эта формула оправданія примѣняется у философа къ отношенію между душой и тѣломъ, между формой (εἶδος) и матеріей (ὕλη), между мужемъ и женой, господиномъ и рабомъ. Очевидно, что это только общее обоснованіе власти, отнюдь не точное опредѣленіе ея границъ. Желаніе Аристотеля ясно: чтобы эллины не какъ раса физическая, а какъ субстратъ извѣстныхъ культурныхъ началъ, не низводились съ своего пьедестала; чтобы эллины (подъ той или другой юридической нормой) стали εἶδος (формующей силой) для Востока (ὕλη). Историческое поведеніе Александра В. Аристотель не назвалъ бы эллинизаціей Востока, а только порчей греческой διάνοια. По Дройзену Александръ стоялъ на точкѣ зрѣнія общечеловѣческой. Это вѣрно въ смыслѣ географическомъ, но отнюдь не въ смыслѣ историческомъ. Александръ В. безразлично отожествлялъ духъ человѣчества съ привычками косныхъ племенъ Востока. Напротивъ, греческую διάνοια, которая легла въ основаніе дальнѣйшаго развитія историческаго человѣчества, Александръ только замутилъ: ее защищали Аристотель и патріотическая партія въ Аѳинахъ. Историческій подвигъ этой партіи по достоинству оцѣнилъ англійскій историкъ Гротъ, вынесшій свое понятіе о человѣчествѣ изъ среды, родственной аѳинской демократіи, и Schaefer (въ „Demosthenes und seine Zeit“), исходившій отъ античной традиціи о Демосѳенѣ и Эсхинѣ. Личность и дѣятельность этихъ ораторовъ лучше всего характеризуется ихъ собственными словами дошедшихъ до насъ рѣчей „О вѣнкѣ“. Всей рѣчи Эсхина не достаетъ честности: онъ скрываетъ свои собственные политическіе взгляды, старается не допустить противника до слова, запугиваетъ судей Македоніей и т. п. Въ отвѣтной рѣчи Демосѳенъ подводитъ итогъ своей дѣятельности: если-бы по одному такому человѣку, какъ онъ, Демосѳенъ, нашлось въ каждомъ греческомъ городѣ, въ Ѳессаліи, въ Аркадіи, то всѣ греки были-бы еще теперь свободны и внѣ опасности и были-бы этимъ обязаны Аѳинамъ. И такъ Демосѳенъ смотрѣлъ на свою борьбу противъ Македоніи, какъ на опытъ пробудить подъемъ національнаго духа противъ Филиппа и Александра. И положеніе Греціи вовсе не было такъ безнадежно, чтобы считать такой опытъ безсмысленнымъ. А такъ какъ своими интригами, разжиганіемъ партійной вражды внутри общинъ между олигархами и демократами, наконецъ заигрываньемъ съ Востокомъ, Македонскіе государи подрывали культурный принципъ эллинства въ его чистотѣ, то Аѳины обязаны были сдѣлать этотъ опытъ. Дѣло Демосѳена въ концѣ концовъ было проиграно, но кромѣ внѣшней дѣятельности его энер-

гія проектировалась еще въ рядѣ рѣчей. Эти рѣчи донесли принципы, добитые при Демосѳенѣ въ Аѳинахъ, до новыхъ культурныхъ группъ, способныхъ воспринять ихъ во всей чистотѣ. Въ этомъ смыслѣ Демосѳенъ стоялъ въ лагерѣ истиннаго человѣчества.

Темою другой лекціи Е. Н. Щепкина были „Іерусалимскіе ассизы". Содержаніе этой лекціи заключалось въ слѣдующемъ. Въ современной исторической литературѣ до сихъ поръ не установилось еще опредѣленнаго мнѣнія о томъ, что надо разумѣть подъ традиціоннымъ (но въ сущности условнымъ) названіемъ „Іерусалимскихъ ассизъ"; историческое преданіе и историческая критика разошлись по этому вопросу. Напр., графъ Беньо издалъ подъ именемъ „Ассизъ верхней палаты" и „Ассизъ палаты буржуа" труды юристовъ Аккона и Кипра (Филиппа Наваррскаго, Жана д'Ибелина и т. д.). По кипрскому преданію XIII в., сохранившемуся у Жана д'Ибелина, уже Готфридъ Вульонскій записалъ и кодифицировалъ кутюмы крестоносцевъ въ Іерусалимѣ подъ названіемъ „Ассизъ". Эти записи хранились у Гроба Господня (Lettres du Sepulcre). Филиппъ Наваррскій (начало XIII в.) имѣлъ свѣдѣнія о существованіи „Писемъ Гроба Господня" отъ людей, видавшихъ самыя хартіи; „Письма" погибли при взятіи Іерусалима Саладиномъ въ 1187 г., и съ этихъ поръ феодальное право на Востокѣ опять превратилось въ устное преданіе, въ кутюмы. Эти кутюмы изъ Іерусалима, вмѣстѣ съ Верхней Палатой, перешли въ Акконъ, а оттуда на Кипръ, гдѣ и были изложены въ видѣ трактатовъ юристами. Такова традиція, которую подвергли критикѣ Гейнрихъ фонъ Зибель и П. Пари. Зибель отвергъ преданіе, насколько оно касалось Годфрида Бульонскаго: преданіе предполагаетъ съ самаго начала стройную феодальную организацію ленниковъ и коммунальный строй городовъ; но такому представленію объ Іерусалимѣ при Готфридѣ Бульонскомъ противорѣчитъ разсказъ Вильгельма Тирскаго. Къ тому же въ трактатахъ кипрскихъ юристовъ упоминаются и излагаются ассизы, связанные съ именами королей Амальриха и Балдуина, но имя Готфрида не встрѣчается въ такой связи. Историческая критика не удовлетворилась осторожнымъ выводомъ Зибеля; ступивъ на путь недовѣрія, она дошла до противоположной крайности — до полнаго отрицанія преданія. П. Пари отвергалъ самое существованіе Lettres du S. Sèpulcre, предполагая, что у Гроба Господня хранились описи леновъ Іерусалимскаго королевства. Отрицательный взглядъ на іерусалимскіе ассизы усвоилъ себѣ и Пруцъ въ „Культурной исторіи крестовыхъ походовъ (Culturgeschichte der Kreuzzüge). И онъ (правда, съ оговорками и противорѣчіями, уничтожающими самый выводъ) готовъ видѣть въ Lettres S. Sépulcre только описи леновъ и повинностей, что то въ родѣ Doomsdaybook Англіи. Но кипрскіе юристы

не могли смѣшать записи кутюмовъ съ писцовыми книгами, которыя, по ихъ словамъ, хранились не у Гроба Господня, а въ Приказѣ королевской казны (Secret du Roi). Вообще очная ставка традиціи съ исторической критикой приводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ: подъ именемъ Писемъ Гроба Господня хранились ассизы, т.-е. записи основныхъ кутюмовъ. Процессуальная сторона юрисдикціи не входила въ Письма Гроба и держалась обычаемъ (us et costumes). До насъ и ассизы, и кутюмы дошли въ смѣшанномъ пересказѣ юристовъ, неимѣвшемъ оффиціальнаго значенія. Ассизы Верхней Палаты въ наиболѣе чистой формѣ изложены въ Livre au Roi, трактатѣ, возникшемъ до основанія кипрскаго королевства, вѣроятно, въ Акконѣ. Напротивъ, система феодальныхъ учрежденій въ послѣдней фазѣ своего развитія изложена въ книгѣ Жана д'Ибелина. Она важна для характеристики феодализма на Востокѣ вообще.

Нигдѣ въ Европѣ феодальный принципъ не достигалъ такого крайняго развитія, какъ въ областяхъ, завоеванныхъ крестоносцами. Чтобы охарактеризовать эту систему, важно указать: 1) Какая цѣпь общественныхъ узъ связывала отдѣльныя феодальныя пары (сеньоръ—вассалъ) въ организованное государство. 2) Къ какой общей цѣли направлены были всѣ нормы кипрско-іерусалимскаго права. 3) Насколько форма процесса давала возможность искажать эти нормы и въ какомъ именно духѣ. На эти три вопроса приходится дать слѣдующіе отвѣты: 1) Феодализмъ далъ на Востокѣ организованное общество, благодаря ассизѣ короля Амальриха, по которой ленники ленниковъ (вавассеры) должны были дать главному сеньору королевства присягу ближней зависимости (ligece). 2) Цѣль всѣхъ нормъ іерусалимскаго права—обезпечить военную охрану королевства. Для этого нужно, чтобы феодальная служба отбывалась правильно, чтобы каждый ленъ воплощался въ рыцарѣ и чтобы этотъ исправный ленникъ былъ въ то же время наиболѣе сильнымъ воиномъ изо всѣхъ, между которыми приходилось выбирать. 3) Процессъ по ассизамъ принялъ характеръ шиканы, крючкотворства. Кто знаетъ юридическія уловки (fuites), тотъ умѣньемъ вести процесссъ можетъ достигать поразительныхъ результатовъ, обратить въ ничто самую норму, направить ее къ новымъ цѣлямъ (наприм., институтъ garent, свидѣтелей—бойцовъ, которыхъ противникъ можетъ вызвать на поединокъ, даетъ возможность покупать силу). Благодаря формамъ процесса, собственность (богатство) и знанія (юридическія уловки) берутъ, наконецъ (уже на Кипрѣ), верхъ надъ силой. Адвокаты (Plaideurs) въ родѣ Ибелина—это первые интеллигентное сословіе, въ которомъ ощутило потребность феодальное общество (если не считать духовенства, которое на Востокѣ само вооружалось въ орденахъ).

Общее впечатлѣніе Іерусалимскаго права для современнаго человѣка крайне тяжелое. Норма всегда холодна, бездушна, потому что она имѣетъ въ виду не живую личность, а типъ, такъ сказать, точку приложенія общественнаго поведенія; всплыветъ-ли на поверхность общества X или У—для нея безразлично. Но норма ассисъ прямо таки напоминаетъ рыцарскіе доспѣхи, черезъ которые никакъ не доберешься до живого человѣка; она въ пору каждому, кому подъ силу. Историкъ будетъ, впрочемъ, несправедливъ къ этому обществу, если вздумаетъ характеризовать его только по юридическимъ памятникамъ. Надо взять хроники; онѣ уже отчасти извинятъ феодала Востока: безустанная дѣятельность этихъ панцырей показываетъ, что что-то бьется подъ ними. А главное нельзя смотрѣть на человѣка только со стороны: надо возстановить, какъ самъ онъ понималъ себя, свою жизнь и дѣятельность. А на это отвѣтъ даетъ легенда „Крестовыхъ Походовъ и рыцарская поэзія“.

— Въ С.-Петербургскомъ университетѣ осенью 1892 г. открыты два новые курса по исторіи, именно прив.-доц. С. М. Середонинымъ (по эпохѣ Александра I) и А. И. Покровскимъ (по исторіи Аттики до Клисѳена). Г. Середонинъ — магистръ, г. Покровскій — магистрантъ.

А. И. Покровскій, читавшій свою вступительную лекцію въ актовомъ залѣ университета 5 октября 1892 г., началъ съ уясненія того, какъ постепенно опредѣляла свое содержаніе исторія. Античная исторіографія преслѣдовала интересы эпическіе, политическіе и этическіе; оттого только въ исключительныхъ случаяхъ могла она возвышаться хоть сколько-нибудь на степень науки [1]). Преобладаніе тѣхъ же интересовъ можно—отчасти даже до настоящаго времени—слѣдить и въ новой исторіографіи [2]). Но, послѣ „открытія міра и человѣка“, постепенно пришли къ мысли о единствѣ и совершенствованіи человѣчества; эта идея не замедлила выразиться въ рядѣ философскихъ построеній всемірной исторіи. Разумѣется, эти построенія не могли быть прочными. Здѣсь думали, что цѣльность знанія возможна безъ его полноты; здѣсь фактами играли такъ же, какъ словами. Въ противовѣсъ возникла объективно-критическая школа

[1]) И практика, и теорія вообще считали исторію искусствомъ. Недаромъ и ею овладѣла риторика. Вполнѣ понятенъ поэтому споръ древнихъ о томъ—что поучительнѣе, исторія или поэзія. Подъ конецъ въ исторіи стали видѣть просто ἀμέθοδον παραπηγμα, ἀμέθοδον ὕλην.

[2]) И здѣсь исторія рисковала обратиться въ историческій романъ; и здѣсь иные мыслители стали видѣть въ ней только „чисто случайную конфигурацію“.

исторіографіи; эта реакція сдѣлала яснымъ, что только одинъ путь открытъ историку—путь эмпирическій [1]). Но, кромѣ того, на построеніяхъ исторіи очень невыгодно должно было отразиться недостаточно отчетливое представленіе о томъ—какъ и въ чемъ собственно выражается развитіе человѣчества; постепенное уясненіе этого представленія можно выразить въ двухъ поперечной и продольной схемахъ [2]). Содержаніемъ исторіи дѣлается, наконецъ, всестороннее развитіе общества (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова [3]); отдѣльныя прагматическія и культурныя явленія важны для историка, лишь какъ соціальные продукты и факторы; его главная задача—изученіе явленій общественныхъ. Указавъ на то, что хотя теченіе соціальное возобладало въ исторической наукѣ сравнительно недавно (1848 г.), но въ этомъ именно смыслѣ старательно разработываются такъ называемыя средняя и новая, а также наша отечественная исторія,—лекторъ поставилъ вопросъ—разрабатывалась ли и можетъ ли вообще разрабатываться въ этомъ смыслѣ и древняя исторія, въ частности исторія античной Еллады? Замѣтивъ, что литература объ античномъ мірѣ разрослась до громадныхъ размѣровъ, такъ какъ надъ изученіемъ его во всѣхъ, даже самыхъ мелочныхъ деталяхъ давно работаетъ, кромѣ исторіи, филологія (вообще интересующаяся этимъ дѣломъ гораздо сильнѣе и ближе, нежели исторія), лекторъ и обратился къ разсмотрѣнію того, какіе плоды могли получиться для исторической науки отъ этой совмѣстной работы. Онъ обрисовалъ проходящее чрезъ всю исторію нашей культуры преклоненіе предъ античнымъ міромъ, но отмѣтилъ и слѣды протеста [4]), правда не сильнаго и безсильнаго, но законнаго, ибо преклоненіе это вовсе не было результатомъ солидной и всесторонней оцѣнки (въ лучшемъ случаѣ оно осуществляло собой логическую формулу: pars pro toto). Это преклоненіе предъ античнымъ міромъ выгодно и невыгодно отразилось на успѣхахъ его изученія: выгодно потому, что усиленно поддержи-

---

[1]) Разумѣется, историкъ можетъ освѣщать себѣ этотъ путь такъ или иначе—напримѣръ сравнительнымъ изученіемъ.

[2]) Расширялось это представленіе такъ: рядомъ съ спиритуалистическимъ, идейнымъ становится матеріалистическое, экономическое объясненіе исторіи; истина, конечно, въ синтезѣ. Углублялось это представленіе такъ: человѣкъ мыслился въ исторіи, какъ индивидуальная личность, какъ членъ политическаго и, наконецъ, какъ членъ соціальнаго тѣла.

[3]) Съ этой же точки зрѣнія должно вестись и изученіе исторіи частныхъ соціальныхъ группъ (народовъ).

[4]) Начало этого протеста можно искать тамъ же, гдѣ и начало преклоненія, т.-е. еще въ античной литературѣ уже къ IV в. до Р. X.; особенно рѣзкимъ становится онъ въ послѣднее время.

вался интересъ къ этому изученію; невыгодно потому, что надъ практическимъ интересомъ тутъ легко одерживалъ верхъ интересъ эстетическій; конечно, преклоненіе это не могло проникнуть въ основаніе исторической науки,—оно могло лишь осѣсть на ея поверхности; оттого, предоставленная себѣ самой, она съумѣла бы отдѣлаться отъ невыгодъ этого преклоненія [1]); но зато она не смѣла бы воспользоваться и всѣми его выгодами. Но камень, который небрегла историческая наука, былъ положенъ во главу угла классической филологіи. Выясняя, въ какой мѣрѣ тѣ задачи, какія ставила себѣ фологогія, совпадають съ задачами исторіи, лекторъ остановился особенно на школѣ ученика Вольфа, Бёка, считавшей различіе между филологіей и исторіей „только кажущимся"; она выставила такую „исторію народной жизни", гдѣ всѣ проявленія этой жизни являются радіусами замкнутаго въ себѣ круга, центромъ котораго служитъ „народный духъ". Такая „исторія" во времена Бёка могла еще не встрѣтить себѣ отпора [2]). Но послѣдующія археологичическія находки показали, что еллинская культура развивалась вовсе не внѣ восточныхъ вліяній; далѣе, было научно доказано тѣсное сродство и общее происхожденіе индоевропейскихъ языковъ, и вотъ филологамъ-„реалистамъ" волей-неволей пришлось и заходить по ту сторону Гомера, и пользоваться сравнительнымъ изученіемъ; такое расширеніе горизонта, особенно же общее проясненіе историческаго чутья и пониманія заставили филологовъ шире и глубже представлять себѣ уже развитіе античной жизни, признавать за мѣняющимся въ ней такое же значеніе, какъ и за пребывающимъ; такимъ образомъ „реальная филологія" все болѣе и болѣе отожествляется съ исторической наукой; поэтому новое направленіе смотритъ на филологію, какъ на „научную дѣятельность", предметомъ которой служитъ языкъ и литература, и которой только въ видахъ успѣшнаго выполненія своихъ ближайшихъ задачъ приходится вмѣшиваться и въ область историческаго вѣдѣнія, причемъ она должна уже пользоваться услугами исторической науки. Такимъ образомъ, филологія издавна не хотѣла содѣйствовать только рѣшенію, но и бралась за рѣшеніе историческихъ вопросовъ, и она не могла,

---

[1]) На нѣсколькихъ примѣрахъ (античный западъ и востокъ; аѳинская демократія) лекторъ показалъ, какъ историческая наука, стремясь къ возможной объективности и цѣльности сужденій, постепенно освобождается отъ „предразсудковъ".

[2]) Не говоря уже о томъ, что широкъ былъ тогда лишь горизонтъ историческихъ фантазій, а горизонтъ историческихъ знаній былъ слишкомъ узокъ,—то было время реакціи противъ раціонализма XVIII вѣка, выразившейся въ стремленіи къ народности (школа Савиньи, Гриммовъ, національныя пристрастія въ исторіографіи).

однако, замѣнить собою исторію, поскольку ея работы носили не историческій, а спеціально-филологическій характеръ. Разумѣется, для успѣховъ изученія античнаго міра было чрезвычайно важно, что, пока разработка другихъ отдѣловъ всеобщей исторіи не шла дальше видныхъ внѣшнихъ событій, филологія стала уже обращать вниманіе на всѣ рѣшительно проявленія античной жизни, и эта вѣковая работа принесла, конечно, много плодовъ, которые можетъ вкушать и историкъ. Благодаря тому, что для филологіи, благоговѣвшей предъ античнымъ міромъ, былъ священнымъ и потому окружался самымъ заботливымъ вниманіемъ каждый, даже самый ничтожный его осколокъ,—возросъ и былъ обработанъ матеріалъ, въ общемъ чрезвычайно драгоцѣнный и для историка [1]). Но тутъ являлась опасность увлечься мелочами, забыть за мелочами общее; здѣсь средство замѣняло собою цѣль. Далѣе, преобладаніе эстетической точки зрѣнія надъ практической могло повести къ преобладанію сухихъ, отвлеченныхъ умозаключеній надъ свободнымъ, живымъ отношеніемъ къ дѣлу, „абсолютныхъ“ моментовъ надъ „историческими“. Эта сторона дѣла (тѣмъ меньше сказавшаяся, чѣмъ больше отдѣльные труды запечатлѣны были силою таланта) особенно ярко обнаружилась въ количественно преобладающемъ и теперь направленіи филологической (особенно нѣмецкой) литературы (напр., по источниковѣдѣнію). Но по мѣрѣ того, какъ, при рѣшеніи историческихъ вопросовъ, филологія усвоиваетъ себѣ и историческое пониманіе,—работы ея получаютъ и непосредственное значеніе для историка. Только въ самое послѣднее время разработка древнегреческой исторіи становится на надлежащій путь: филологія сближается съ исторіей, съумѣвшей теперь яснѣе опредѣлить свое содержаніе; понемногу начинаютъ обнаруживаться свободное, живое отношеніе къ дѣлу, солидная и всесторонняя оцѣнка историческихъ явленій; предметомъ историческаго изученія дѣлаются уже и явленія болѣе общаго характера (правовыя, хозяйственныя, не говоря уже о духовныхъ), которыя и оцѣниваются съ общеисторической точки зрѣнія. Правда, подобныхъ работъ пока еще слишкомъ немного, а результаты ихъ далеко не всегда можно считать прочнообоснованными. Но, можетъ быть, скудость и ненадежность матеріала (на что такъ часто жалуются) вообще не позволяютъ изученію соціальной (въ широкомъ смыслѣ) исторіи Греціи расчитывать на прочность результатовъ? По мнѣнію лектора, матеріалъ этотъ вовсе не

---

[1]) Вообще филологія много способствовала и большей обстоятельности, и большей основательности сужденій историка; недаромъ наказывалось всегда пренебреженіе къ ея косвеннымъ услугамъ, даже у болѣе талантливыхъ историковъ.

такъ скуденъ, потому что, если критика и научила насъ не вѣрить на-слово всякому показанію античнаго историка, зато каждый литературный памятникъ получилъ въ нашихъ глазахъ другого рода значеніе—поскольку онъ отражаетъ собою жизнь близкаго автору по времени общества; для насъ важны и всѣ случайныя указанія писателей; и въ этой области можно расчитывать на дальнѣйшія открытія, но живымъ ключемъ бьетъ еще другой источникъ нашихъ свѣдѣній: топографическія изслѣдованія, археологическія и нумизматическія,—особенно же епиграфическія находки. Наконецъ, мы можемъ идти въ своихъ изысканіяхъ отъ послѣдующаго къ предыдущему, или пользоваться сравнительнымъ методомъ. Такъ мы получили возможность ближе подойти къ еллинамъ, созерцать ихъ безъ благоговѣйнаго трепета, видѣть въ нихъ не одинъ только духъ, а и плоть. Однако само состояніе матеріала все же ограничиваетъ—хотя и довольно удобно—задачу приступающаго теперь (пока еще такъ мало сдѣлано подготовительныхъ работъ) къ изученію древнегреческой соціальной исторіи. Конечно, каждая греческая область имѣла свои особенности, но было и слишкомъ много общаго въ ходѣ ихъ развитія; больше всего свѣдѣній мы имѣемъ относительно области, игравшей самую видную роль въ судьбахъ Греціи—относительно Аттики; поэтому изученіе аѳинской исторіи должно лежать въ центрѣ изученія всей греческой исторіи.

Приводимъ вкратцѣ содержаніе и лекціи С. М. Середонина.

Къ концу XVIII вѣка Россія представляла изъ себя государство, сильное внутри, уважаемое и вліятельное извнѣ; она достигла естественныхъ границъ, вернула себѣ почти всѣ исконныя земли свои Но этотъ блестящій успѣхъ былъ результатомъ большихъ пожертвованій со стороны русскаго народа, не останавливавшагося ни передъ чѣмъ, когда дѣло шло о государственномъ интересѣ. Только съ XVIII вѣка начало слабо развиваться въ русскомъ обществѣ сознаніе правъ личности и стремленіе оградить ее отъ произвола. Водвореніе въ русскомъ обществѣ начала законности, уравненіе правъ отдѣльныхъ сословій—вотъ задачи, стоявшія на очереди внутренней политики; давнишнія стремленія народностей Балканскаго полуострова въ связи съ общимъ пробужденіемъ національнаго чувства въ Европѣ указывали Россіи ея роль въ международной политикѣ Европы. Первые дѣятели Александровской эпохи, съ императоромъ во главѣ, поняли до извѣстной степени предстоящія задачи: переустройствомъ центральныхъ учрежденій, составленіемъ свода законовъ, основаніемъ многихъ учебныхъ заведеній, освобожденіемъ литературы отъ строгостей цензуры, возбужденіемъ крестьянскаго вопроса, рѣшительнымъ

отказомъ отъ завоевательной политики,—эти дѣятели стремились вывести Россію на новый путь.

Извѣстно, что Александровская эпоха кончилась полнымъ крушеніемъ плановъ, намѣченныхъ въ началѣ ея: сводъ законовъ составленъ не былъ, надъ литературой и юной наукой тяготѣла цензура, мало чѣмъ уступавшая цензурѣ Павловскаго времени, по крестьянскому вопросу не удалось добиться запрещенія продавать крестьянъ безъ земли, произволъ въ управленіи остался тотъ же, несмотря на учрежденіе министерствъ и государственнаго совѣта; во внѣшней политикѣ Россія потеряла значительную долю своего вліянія, возбудила противъ себя на Западѣ общественное мнѣніе, оттолкнула отъ себя Грецію,— результатъ тѣмъ болѣе неожиданный; что именно въ эту эпоху Россія была поставлена усиліями своего народа во главѣ европейскихъ государствъ.

Раскрытіе причинъ такого полнаго крушенія начинаній эпохи, совпадавшихъ съ потребностями общества и страны, и составляетъ главный интересъ изученія этой эпохи. Изученіе это еще разъ во-первыхъ подтверждаетъ старую истину, что недостаточно лицамъ, стоящимъ во главѣ правленія, проникнуться идеями, а необходимо умѣнье „воплотить" эти идеи въ той средѣ, въ которой имъ приходиться дѣйствовать, и во-вторыхъ, что лица „слова" всегда уступаютъ въ концѣ лицамъ „дѣла", хотя бы послѣдніе держались совсѣмъ противныхъ мнѣній.

Публичныя лекціи по исторіи.

— Зимою 1891—92 г. было прочитано особенно много публичныхъ лекцій, между прочимъ и по исторіи. Внѣшнимъ поводомъ къ развитію такого способа популяризаціи науки послужилъ неурожай, постигшій значительную часть европейской Россіи и потребовавшій общественной помощи пострадавшимъ: публичныя лекціи и читались въ пользу голодающихъ. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ былъ цѣлый рядъ такихъ чтеній, изъ коихъ нѣкоторыя были потомъ напечатаны (лекціи проф. Карѣева, прив.-доц. Сенигова и др.) Приводимъ заглавіе историческихъ лекцій.

Проф. Платоновъ. Соловьевъ и Кавелинъ, происхожденіе и паденіе ихъ историческихъ взглядовъ.

Проф. Карѣевъ. Источники историческихъ перемѣнъ (Рус. Бог., 1892, I).

Проф. Ламанскій. Амосъ Коменскій.

Прив.-доц Чечулинъ. Типическій представитель русскаго общества въ XVIII в.

Прив.-доц. Сениговъ. Народное воззрѣніе на дѣятельность Ивана Грознаго (нап. отд. брош.).

Прив.- доц. Лаппо-Данилевскій. Важнѣйшіе иноземные факторы въ образаваніи древнерусской культуры.

Прив.-доц. Морозовъ. Старинное шутовство на Западѣ и у насъ.

Проф. Незеленовъ. Западно-европейскія начала и народныя русскія стихіи въ предпушкинской литературѣ.

Проф. Георгіевскій. Китайскій народъ и его идеалы.

Прив.-доц. Вейнбергъ, Ленцъ, поэтъ эпохи бури и натиска.

Проф. Зелинскій. Новооткрытый греческій поэтъ (напечатано).

Проф. Петри. Очерки первобытной культуры (общественная помощь).

Проф. Веселовскій (Н. И.) Шаманство.

— Въ другихъ университетскихъ городахъ равнымъ образомъ читались публичныя лекціи въ пользу голодающихъ. Мы имѣемъ возможность сообщить подробно содержаніе историческихъ лекцій, читанныхъ въ Кіевѣ.

Предметомъ своихъ лекцій въ пользу населенія мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, проф. И. В. Лучицкій избралъ „*Общественный строй Швеціи и развитіе ея конституціи*". Такихъ лекцій проф. Лучицкій прочелъ три, и первая изъ нихъ представляла какъ бы введеніе въ историческій очеркъ шведской конституціи, изложеніе общихъ началъ, составляющихъ ея сущность.

Прежде всего лекторъ изложилъ мотивы, заставившіе его избрать темой своихъ лекцій исторію государственнаго устройства такой въ сущности второстепенной страны, какою является Швеція, сыгравшая одинъ только разъ выдающуюся роль въ европейской исторіи, да и то съ послѣдствіями, скорѣе для себя плачевными. Этотъ мотивъ лекторъ усматриваетъ въ представляющей выдающійся научный интересъ самобытности и оригинальности соціальнаго строя Швеціи, не имѣющаго себѣ подобнаго на европейскомъ континентѣ и съ поразительнымъ консерватизмомъ сохранившагося, почти безъ всякихъ перемѣнъ на всемъ протяженіи шведской исторіи до послѣднихъ временъ, по крайней мѣрѣ, до конституціонныхъ реформъ 1865 года, такъ какъ и извѣстная конституція 1809 г. въ сущности не представляла чего-либо новаго, а была только повтореніемъ въ исправленномъ видѣ раньше существовавшихъ конституцій. Преобладающей чертой шведскаго государственнаго типа, придающей ему оригинальность и самобытность, по мнѣнію лектора, является его „крестьянскій" характеръ, заставляющій признать Швецію крестьянскимъ государствомъ въ преимущественномъ и исключительномъ смыслѣ. Достаточно сказать, что въ началѣ текущаго столѣтія городское населеніе составляло самую

незначительную часть всего населенія Швеціи, и въ такой же пропорціи представлялось отношеніе крупныхъ земельныхъ собственниковъ къ мелкимъ хозяйствамъ, собственно крестьянскимъ.

Этотъ типъ шведскаго государства сложился исторически, и въ образованіи его важную роль играли причины чисто физическія и экономическія. Такихъ причинъ экономическаго характера, вліяющихъ на устройство всякаго вообще соціальнаго и государственнаго строя, лекторъ указываетъ три: поземельная собственность, капиталъ и кредитъ. На созданіе шведскаго государства могущественное вліяніе оказала первая изъ указанныхъ причинъ, благодаря исключительно земледѣльческому характеру страны. Скандинавскія саги и первыя, еще смутныя историческія преданія рисуютъ намъ Швецію населенною отдѣльными независимыми племенами, права которыхъ на занятую территорію носили чисто колоніальный характеръ, простирались только туда, куда доходили плугъ и соха отдѣльнаго племени, и не были плодомъ завоевательной политики, основанной на вытѣсненіи или порабощеніи чужого племени. Обычное право освятило этотъ земледѣльческій строй страны тѣмъ, что запретило члену извѣстнаго рода отчуждать свою землю въ чужія руки безъ согласія своего рода. Съ возникновеніемъ королевской власти это правило было распространено и на земли короны, или т. н. домены. Этотъ принципъ неотчужденія земли у коренного земледѣльческаго населенія въ дальнѣйшей исторіи Швеціи играетъ роль яблока раздора между различными классами населенія, и исторія борьбы этого принципа съ покушеніями на его неприкосновенность и составляетъ, собственно говоря, исторію самой Швеціи. Самый большій уронъ этотъ принципъ потерпѣлъ въ эпоху владычества въ Швеціи католической церкви, вѣрнѣе—католическаго духовенства.

Достигнувъ могущественнаго вліянія на дѣла управленія, церковь сосредоточила въ своихъ рукахъ и земельное имущество, такъ что въ эпоху кальмарской уніи, когда духовенство по произволу смѣняло и назначало шведскихъ королей, въ его рукахъ было уже двѣ трети всей поземельной собственности въ странѣ. Когда, съ введеніемъ реформаціи, пало вліяніе духовенства, мѣсто его заняло шведское дворянство, усилившее свое значеніе, какъ крупнаго земельнаго собственника, еще раньше, благодаря тому, что шведская корона, въ своей борьбѣ съ церковью, принуждена была опираться на дворянъ, вѣрнѣйшимъ средствомъ привлеченія которыхъ служила раздача земель. Тутъ повторилась та же исторія, что и съ духовенствомъ. Непомѣрныя притязанія духовенства заставили корону опереться на третье сословіе—крестьянъ. Въ этой борьбѣ важную роль сыграло то обстоятельство, что крестьянскій классъ шведскаго населенія, благо-

даря счастливымъ историческимъ и еще болѣе экономическимъ условіямъ,—никогда не испыталъ такой участи, какъ въ остальныхъ государствахъ Европы—крѣпостного состоянія. Рѣшительный ударъ земельному могуществу дворянъ нанесли знаменитыя „редукціи" Карла XI (отобраніе всѣхъ когда-либо пожалованныхъ дворянству или тѣмъ или инымъ способомъ захваченныхъ дворянствомъ земель). Съ этихъ поръ дворянство передаетъ свою роль преобладающаго въ странѣ сословія крестьянамъ. Первую свою лекцію проф. Лучицкій закончилъ краткимъ очеркомъ той роли, какую играли въ судьбахъ Швеціи города. Роль эта самая незначительная, да и развитіе городовъ въ Швеціи не было такъ сильно, какъ въ другихъ государствахъ.

Со второй лекціи проф. Лучицкій перешелъ къ болѣе детальному изложенію общественно-государственныхъ учрежденій Швеціи, въ ихъ историческомъ развитіи. Эта лекція обнимала собою первый періодъ шведской исторіи со времени образованія шведскаго государства до конституціи 1634 г. Политическая организація Швеціи въ первый періодъ ея исторіи объясняется самымъ процессомъ образованія шведскаго государства. Отдѣльныя племена, населявшія Швецію съ незапамятныхъ временъ, послужили звеньями, изъ которыхъ сложилась цѣпь государственныхъ отношеній въ Швеціи. Каждое звено жило самостоятельной политической жизнью, имѣло свое народное избраніе (тингъ), своихъ отдѣльныхъ выборныхъ представителей (конунговъ); когда возникло сознаніе необходимости объединяющей центральной власти, въ лицѣ короля, общаго для всѣхъ отдѣльныхъ округовъ, появленіе такого короля сначала ничего не измѣнило въ политическомъ строѣ Швеціи. Каждая область управлялась сама собою, посредствомъ своихъ выборныхъ представителей въ народномъ собраніи, причемъ никакихъ рѣзкихъ сословныхъ различій не существовало; всѣ носили названіе „крестьянъ", и разница была только экономическая, смотря по тому, больше или меньше кто могъ обрабатывать земли. Король не управлялъ страной въ подлинномъ смыслѣ; онъ былъ выборнымъ лицомъ и долженъ былъ при вступленіи въ управленіе страною объѣзжать всѣ округа, чтобы получить отъ каждаго округа согласіе и утвержденіе въ своемъ избраніи, а самъ взамѣнъ давалъ обязательство охранять неприкосновенность политическаго устройства каждаго округа. Соотвѣтственно этому и значеніе короля, какъ землевладѣльца, было ничтожно. Въ силу первоначальныхъ религіозныхъ воззрѣній на королевскую власть, всѣ имущественныя средства короля ограничивались тѣми сборами, которые поступали на религіозныя надобности, и тѣми землями, которыя представляли церковное имущество. Крупнымъ собственникомъ король дѣлается лишь послѣ того какъ нему переходятъ земельныя владѣнія отдѣль-

ныхъ конунговъ, послѣ исчезновенія ихъ путемъ кроваваго истребленія. Но и это не давало королю вліянія на дѣла управленія въ отдѣльныхъ округахъ. Управители королевскихъ имѣній были просто приказчиками своего хозяина, никакими правами на выборныя должности того округа, гдѣ было королевское имѣніе, они не пользовались.

Первые зачатки образованія сословной монархіи тѣсно связаны началомъ королевскаго или государственнаго совѣта. Все болѣе возрастающая сложность управленія заставляетъ королей призывать къ себѣ болѣе богатыхъ землевладѣльцевъ, въ качествѣ королевскихъ совѣтниковъ; сначала эти совѣтники вполнѣ зависятъ отъ воли короля, который воленъ слѣдовать или не слѣдовать ихъ совѣтамъ, и роль ихъ въ государственномъ совѣтѣ самая незначительная, тѣмъ не менѣе, новое, высшее сословіе уже готово, и съ образованіемъ государственнаго совѣта, какъ постояннаго учрежденія, значеніе его и земельное могущество возрастаютъ. Случайное обстоятельство отдаетъ въ руки этого высшаго дворянскаго сословія и верховную власть. Это—раздѣленіе шведскаго королевства между тремя сыновьями Магнуса и малолѣтняго его преемника, Магнуса Эриксона. Государственный совѣтъ становится во главѣ управленія и издаетъ въ 1344 г. государственное уложеніе, которымъ права короны ограничиваются до minimum'a. Попытка Магнуса Эриксона возстановить прерогативы королевской власти оканчиваются низложеніемъ туземной династіи и призваніемъ иноземныхъ королей, ставленниковъ духовенства и аристократіи.

Кальмарская Унія, наводнившая страну датскими чиновниками, безцеремонно посягавшими на права и имущество свободныхъ шведскихъ крестьянъ, вызываетъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, свободныхъ отъ вліянія аристократіи, возстаніе, что въ связи съ возникшимъ среди самого дворянства національнымъ движеніемъ приводитъ къ изгнанію датской династіи.

Въ Швеціи опять являются туземные короли, въ лицѣ Карла Кнутсона и Стуровъ, впрочемъ, довольствующіеся скромнымъ титуломъ правителей и посвятившіе свои силы на то, чтобы примирить въ управленіи страною аристократическій и демократическій элементъ. Попытка Христіана II организовать государство на исключительно демократическихъ началахъ, не взирая на кровавые ужасы Стокгольмской бойни 8-го ноября 1520 года, приводитъ только къ бо̀льшему торжеству аристократической реакціи, изданію новыхъ органовъ центральнаго управленія въ областяхъ, и это усиленіе вліянія дворянства находитъ свое полное выраженіе въ конституціи 1634 г., получившей вполнѣ аристократическій характеръ.

Въ послѣдней своей лекціи проф. Лучицкій перешелъ къ очерку

шведскихъ представительныхъ учрежденій въ собственномъ смыслѣ. Прежде всего лекторъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что говорить о шведской конституціи, въ смыслѣ общихъ сословныхъ учрежденій, ранѣе XVII в. нельзя. До этого времени въ Швеціи нельзя замѣтить общаго руководящаго начала, которое проникало бы собою ея дѣятельность, какъ политическаго, соціальнаго организма, и придавало этой дѣятельности единство и стройность. Никакихъ другихъ усилій всѣхъ классовъ шведскаго общества исторія Швеціи намъ не представляетъ. Можно, наоборотъ, сказать, что шведская конституція создавалась урывками; каждый изъ классовъ населенія старался по возможности пріобрѣтать какъ можно больше политическихъ правъ для себя, не заботясь о прочихъ классахъ. Другое, что придало шведскимъ представительнымъ учрежденіямъ самобытность и оригинальность, и что отличало шведскую конституцію, напр., отъ англійской, это—мотивы, ради которыхъ отдѣльные факторы шведской политической жизни дѣйствовали, добивались правъ и боролись между собой. Въ основаніи англійской конституціи, какъ извѣстно, легъ принципъ обложенія, и борьба англійскихъ партій и велась собственно изъ-за права этого обложенія, т.-е. изъ-за того, кто возьметъ въ свои руки распредѣленіе этого обложенія. Въ Швеціи, въ силу скудости ея экономическаго и промышленнаго развитія, въ силу исключительно земледѣльческаго характера страны, вопросъ объ обложеніи не игралъ, да и не могъ играть такой доминирующей роли, какъ въ Англіи. На мѣсто него здѣсь ставится принципъ земельной собственности, и политическія права тѣсно связаны съ правами земельнаго владѣнія, такъ что въ этотъ первый періодъ шведской исторіи до XVII вѣка тотъ и владѣетъ правами, въ рукахъ кого сосредоточено земельное могущество.

Какъ мы видѣли, это земельное могущество въ это время колеблется между короной и аристократіей. Въ связи съ нимъ колеблется и сосредоточеніе правъ въ тѣхъ или другихъ рукахъ. Въ этомъ смыслѣ и опредѣляется роль древнѣйшихъ представительныхъ учрежденій Швеціи: совѣта и сейма. Будучи вначалѣ учрежденіемъ чисто совѣщательнымъ, совѣтъ съ усиленіемъ въ странѣ дворянства получаетъ господствующее значеніе и изъ королевскаго превращается въ государственный въ полномъ смыслѣ, какъ настоящій „правитель государства". Конечно, про такомъ могуществѣ совѣта, сеймъ игралъ роль второстепенную и незначительную, и организація его была принаровлена къ тому, чтобы онъ не могъ оказывать сопротивленія всему, что предпринималось совѣтомъ. Это было достигнуто учрежденіемъ особаго тайнаго совѣта, который въ сущности и управлялъ судьбами государства.

Попытка Карла IX основать въ Швеціи господство военнаго

абсолютизма не привела ни къ чему. Конституція 1634 г., представляющая первый опытъ созданія всесословныхъ учрежденій, на самомъ дѣлѣ только упрочила владычество дворянства, обезпечивъ въ сеймѣ рѣшающее большинство голосовъ за первенствующимъ сословіемъ. Разочарованіе въ порядкѣ вещей, созданномъ конституціей 1634 г., наступило уже въ 1650 г. и привело, спустя тридцать лѣтъ къ возстановленію монархическаго абсолютизма при Карлѣ XI и Карлѣ XII. Карломъ XI былъ нанесенъ рѣшительный ударъ могуществу стараго шведскаго дворянства, но онъ создалъ, вмѣсто него, новое дворянство не родовое, а служилое, чиновное, и это новое дворянство, со смертью Карла XII, начало распоряжаться въ странѣ и, создавъ конституцію въ 1719 г., создало и господство олигархіи. Сеймъ занялъ мѣсто совѣта, и этотъ періодъ „свободы“, превративъ сеймъ въ простую игрушку иностранныхъ государей, ознаменовался такимъ упадкомъ Швеціи, что далъ даже поводъ Фридриху II мечтать о раздѣлѣ Швеціи между ея сосѣдями. Сословная конституція 1809 г. впервые внесла въ шведскія учрежденія необходимое равновѣсіе сословныхъ интересовъ. Происшедшее вскорѣ послѣ этого сліяніе Швеціи съ Норвегіей внесло въ шведскую конституцію свѣтлую обновляющую струю, а реформы 1865—66 гг. окончательно освободили ее отъ средневѣковой оболочки, упорно сохранявшейся до послѣднихъ временъ („*Кіевлянинъ*“, *№№ 264, 269, 273 за 1891 г.*).

— Предметомъ своей лекціи въ пользу населенія пострадавшихъ отъ неурожая губерній, прочитанной въ воскресенье, 8 марта, проф. Ѳ. Я. Фортинскій избралъ весьма любопытный эпизодъ изъ исторіи просвѣщенія въ эпоху среднихъ вѣковъ, а именно „Борьбу парижскаго университета съ нищенствующими монахами въ половинѣ XIII в.“. Ближайшимъ поводомъ къ выбору упомянутой темы для своей лекціи, по объясненію самого лектора, послужило предпринятое два года тому назадъ изданіе актовъ, относящихся къ исторіи парижскаго университета. Изданіе это, въ которое вошло много актовъ совершенно новыхъ и до сихъ поръ неизвѣстныхъ, въ настоящее время доведено до половины XIV вѣка, и самыми любопытными изъ нихъ, по мнѣнію лектора, являются тѣ, которые рисуютъ именно борьбу парижскаго университета съ нищенствующими монахами.

Чтобы составить себѣ понятіе объ этой борьбѣ, необходимо сначала выяснить, что представляли собою оба эти учрежденія, т.-е. парижскій университетъ и нищенствующіе монашескіе ордена, въ тотъ моментъ, когда возгорѣлась между ними борьба. Слову „университетъ“ въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, придавалось совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ нынѣ. „Университетъ“ не былъ тогда высшимъ учебнымъ заведеніемъ, съ раздѣленіемъ его на группы наукъ, образующія

современные факультеты. Средневѣковой „университетъ" былъ корпораціей учащихъ и учащихся, что видно изъ того, что это названіе присвоялось гораздо раньше появленія университетовъ и различнымъ городскимъ корпораціямъ, такъ что слѣдуетъ полагать, что университеты заимствовали его у этихъ послѣднихъ; видно это также изъ того, что для обозначенія высшихъ учрежденій научнаго и образовательнаго характера, существовало тогда свое спеціальное названіе: studium generale. Появленіе университетовъ, какъ корпоративныхъ учрежденій, несомнѣнно, находится въ связи съ тѣмъ коммунальнымъ движеніемъ, которое охватило западно-европейское общество съ половины XI в., какъ противовѣсъ феодальному произволу, и повлекло за собою образованіе городскихъ самостоятельныхъ общинъ и проч. Матеріаломъ для средне-вѣковыхъ университетовъ послужили монастырскія и епископальныя (соборныя) школы, начало которыхъ относится еще къ эпохѣ Карла В., т.-е. къ VIII в. Ближайшею цѣлью такихъ школъ было—приготовлять образованныхъ клириковъ для нуждъ церковнаго богослуженія и управленія. Эти школы, подчиненныя вѣдѣнію монастыря или соборнаго капитула, имѣли во главѣ учителя, носившаго названіе канцлера, схоластика или магистра, который въ свою очередь имѣлъ у себя помощниковъ, называвшихся circatores. Въ монастырскихъ и соборныхъ школахъ главное вниманіе было обращено не на ученіе въ собственномъ смыслѣ, а на строгое дисциплинированіе учениковъ, такъ что ученики шагу не могли ступить такъ, чтобы за этимъ не наблюдали зоркіе глаза circatorum. Въ числѣ дисциплинарныхъ мѣръ важное мѣсто занимала розга. Рисунки той эпохи изображаютъ магистра не иначе, какъ съ розгой въ рукѣ. Что это не было результатомъ насмѣшливаго, каррикатурнаго отношенія, а имѣло вполнѣ серьезный смыслъ, видно, напр., изъ того, что короли, желая отличить магистра, преподаваніе котораго было особенно успѣшно, жаловали его серебряной розгой. Съ ослабленіемъ дисциплины послѣдовалъ и упадокъ монастырскихъ и соборныхъ школъ, что особенно вызвано было предоставленіемъ схоластикамъ и магистрамъ земельныхъ угодій, такъ-называемыхъ бенефицій или пребендъ, при чемъ учителя обязывались и учениковъ содержать на средства такихъ пребендъ. Конечно, схоластики предпочитали жить не въ школѣ, а въ своихъ пребендахъ, содержали учениковъ плохо, ученье шло спустя рукава. Жалобы на такія упущенія, вмѣсто того, чтобы возстановить прежній порядокъ вещей, содѣйствовали еще большему разложенію школы, такъ какъ, по настоянію родителей, ученикамъ было предоставлено право жить внѣ школы, и заканчивать свое образованіе у тѣхъ магистровъ, которые особенно славились своимъ преподаваніемъ, не стѣсняясь даже національностью ихъ. Къ этому времени и относится

начало парижскаго университета. Парижскія школы издавна отличались своей многочисленностью и составомъ своихъ магистровъ, въ числѣ которыхъ были такія лица, какъ Вильгельмъ Шампо, о которомъ одинъ изъ современниковъ писалъ: „когда слушаешь его, не знаешь, кто говоритъ: человѣкъ или ангелъ“; или знаменитый Абеляръ, измѣнившій всю систему богословскаго преподаванія введеніемъ въ нее новаго метода. Эти имена, слава о которыхъ разошлась по всей Европѣ, привлекали отовсюду въ Парижъ массы жаждущихъ просвѣщенія. Несомнѣнно, въ средѣ этой молодежи, которой зачастую приходилось терпѣть обиды и притѣсненія отъ горожанъ и представителей полицейской власти, рано должна была зародиться идея болѣе тѣснаго сплоченія въ одно общественное цѣлое, въ одну корпорацію. Когда именно совершилось это образованіе парижскаго университета, какъ корпоративнаго учрежденія, положительныхъ данныхъ не имѣется; но есть полное основаніе предположить, что уже во второй половинѣ XII в. университетская корпорація въ Парижѣ отлилась въ свои главныя формы. Она представлялась въ такомъ видѣ: всѣхъ факультетовъ было—три высшихъ, на которыхъ преподавались науки богословскія, юридическія и медицинскія, и подготовительный къ нимъ, гдѣ шло преподаваніе такъ-называемыхъ artium, и который въ свою очередь распадался на 4 nationes. Впрочемъ, только магистры были вполнѣ полноправными членами университета; студенты представлялись только своими магистрами въ университетскихъ собраніяхъ и полной самостоятельностью не пользовались. Сначала, преобладающее положеніе въ парижскомъ университетѣ имѣли три высшихъ факультета; но когда nationes факультета artium объединились подъ властью ректора, перевѣсъ оказался на ихъ сторонѣ, и ректоръ сталъ даже во главѣ всей университетской корпораціи, завершивъ этимъ процессъ ея сплоченія въ одно цѣлое. Когда организація парижскаго университета достигла этого единства, онъ могъ съ успѣхомъ выдержать борьбу съ горожанами и съ полиціей, съ главнымъ начальникомъ школъ, называвшимся въ Парижѣ канцлеромъ, и даже съ королевской властью, что и имѣло мѣсто въ періодъ съ 1200 до 1229 г. Лекторъ довольно подробно обрисовалъ всѣ фазисы этой борьбы; но мы остановимся только на одномъ изъ нихъ, имѣющемъ связь съ послѣдующимъ изложеніемъ, именно на борьбѣ парижскаго университета съ королевской властью, въ лицѣ Бланки Кастильской въ 1229 г. Великимъ постомъ 1229 г. компанія студентовъ, вслѣдствіе столкновенія съ горожанами въ загородномъ погребкѣ, находящемся на землѣ, принадлежащей одному изъ парижскихъ монастырей, разорила погребокъ. Аббатъ монастыря обратился съ жалобой къ королевѣ, и та велѣла арестовать виновныхъ, причемъ нѣкоторые изъ студентовъ были убиты. Университетъ по-

требовалъ удовлетворенія, съ угрозой въ противномъ случаѣ оставить Парижъ, и когда удовлетворенія не послѣдовало, привелъ свою угрозу въ исполненіе; а надо замѣтить, что такое удаленіе университета, по тогдашнимъ понятіямъ, имѣло важное значеніе и считалось позорнымъ для города и государства, гдѣ оно имѣло мѣсто, не говоря уже о матеріальныхъ убыткахъ. Въ распрю университета съ королевской властью вмѣшался самъ папа, и при его помощи университетъ получилъ полное удовлетвореніе и вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ.

И вотъ, въ полномъ расцвѣтѣ своего корпоративнаго могущества парижскій университетъ, въ половинѣ XIII в., вступаетъ въ борьбу съ нищенствующими монахами и выходитъ изъ этой борьбы далеко не такъ побѣдоносно, какъ изъ прежнихъ. Въ нищенствующихъ монахахъ онъ встрѣтилъ учрежденіе, не уступающее ему въ силѣ и вліяніи. Это произошло оттого, что ордена нищенствующихъ монаховъ, доминиканскій и францисканскій, появившись въ первой четверти XIII в., быстро заняли въ обществѣ положеніе, вполнѣ отличное отъ положенія прочихъ монашествующихъ орденовъ. Въ противоположность издавна установившимся традиціямъ, повелѣвающимъ монаху изолировать себя отъ остального міра, ниществующіе ордена поставили своей задачей какъ можно болѣе тѣсное общеніе съ міромъ. Призваніе ихъ было проповѣдывать и исповѣдывать, дабы принести въ міръ спасеніе. Обѣтъ нищенства, заставляющій нищенствующихъ монаховъ отказываться отъ матеріалыхъ выгодъ, обладаніе которыми поставило прочіе монастыри въ привилегированное положеніе феодальныхъ владѣльцевъ, сразу привлекъ къ нимъ сочувствіе не только низшихъ, но и высшихъ классовъ, и даже самихъ королей и папъ. Людовикъ IX говорилъ, что одна половина его принадлежитъ св. Франциску, а другая св. Доминику. Нищенствующіе монастыри быстро росли, устраиваемыя ими для подготовки проповѣдниковъ школы процвѣтали. Школы эти представляли три стадіи: въ монастыряхъ—низшія, подъ вѣдѣніемъ пріора, въ провинціальныхъ городахъ—среднія, подъ вѣдѣніемъ провинціала, и въ университетскихъ центрахъ—высшія, коими завѣдывали магистры. Въ Парижѣ доминиканцы появляются на другой же годъ основанія своего ордена, въ 1217 г., францисканцы въ 1220 г. Встрѣчены они были парижскимъ университетомъ вначалѣ самымъ радушнымъ образомъ, благодаря рекомендаціи папы. незадолго передъ тѣмъ оказавшаго университету рѣшительную поддержку въ его борьбѣ съ канцлеромъ и епископомъ. Университетъ отдалъ даже принадлежавшій ему домъ св. Іакова подъ доминиканскую школу. Но обнаружившееся стремленіе нищенствующихъ выдѣлить свои школы изъ университета, выразившееся между прочимъ въ запрещеніи ученикамъ своихъ школъ учиться у маги-

стровъ, не принадлежащихъ къ нищенствующимъ орденамъ, скоро охладило сочувствіе къ нимъ парижскаго университета. Не могло нравиться университету и то обстоятельство, что три каѳедры изъ двѣнадцати богословскаго факультета оказались захваченными нищенствующими, такъ что исключительность и нетерпимость въ дѣлѣ преподаванія, обнаруживаемыя нищенствующими, коснулись даже такого первостепеннаго въ то время предмета, какъ богословіе. Университетъ (въ 1252 г.) издалъ постановленіе, которымъ нищенствующимъ предоставлялась только одна богословская каѳедра. Но нищенствующіе не хотѣли отказываться отъ разъ пріобрѣтенныхъ преимуществъ. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что университетъ, благодаря столкновенію съ горожанами 1253 г. рѣшилъ прекратить на мѣсяцъ преподаваніе на всѣхъ своихъ факультетахъ, нищенствующіе условіемъ своего присоединенія къ тому рѣшенію поставилу сохраненіе за ними ихъ 3 каѳедръ, и когда имъ было въ томъ отказано, нищенствующіе не захотѣли прервать преподаванія, чѣмъ затянули кризисъ. Университетъ уже не могъ простить нищенствующимъ этого оскорбленія, нанесеннаго его корпоративному единству. Въ огражденіе себя онъ издалъ постановленіе, требующее отъ всѣхъ магистровъ безусловнаго подчиненія своимъ статутамъ. Магистры нищенствующихъ орденовъ приняли это постановленіе съ оговоркой: „если статуты не будутъ противорѣчить требованіямъ уставовъ ихъ ордена“. Тогда университетъ исключилъ нищенствующихъ изъ своей корпораціи. Нищенствующіе обратились къ папѣ съ протестомъ, въ которомъ представили дѣло въ такомъ видѣ, будто они не рисковали подчиниться распоряженію университета о закрытіи курсовъ раньше полученія на это согласія со стороны папы. Университетъ, возмущенный такою ложью, отправилъ въ Римъ одного изъ своихъ магистровъ, Вильгельма de Sancto Amore, который былъ принятъ папой Иннокентіемъ IV съ большимъ уваженіемъ и почестями, такъ что когда у Вильгельма de Sancto Amore вышли деньги, то папа самъ помогъ ему сдѣлать необходимый заемъ. Объясненія университета были найдены вполнѣ основательными, мало того, папа Иннокентій IV даже издалъ буллу, запрещавшую нищенствующимъ проповѣдывать и исповѣдывать. Нищенствующіе считали свое дѣло окончательно проиграннымъ, но обстоятельства неожиданно измѣнились со вступленіемъ на папскій престолъ Александра IV, отмѣнившаго буллу своего преемника и всѣ сдѣланныя имъ распоряженія. Тогда университетъ, по совѣту Вильгельма de Sancto Amore, обвинилъ нищенствующихъ въ ереси, на томъ основаніи, что въ сочиненіи одного изъ магистровъ францисканскаго ордена проведена была мысль о дѣленіи исторіи на 3 періода: въ первомъ, отъ сотворенія міра до Р. Х., властвовалъ Богъ Отецъ, и главную роль въ немъ играли евреи; второй,

отъ Р. Х., подъ властью Бога-Сына; имъ управляютъ папа и католическое духовенство; третій, имѣющій начаться съ 1260 г., будетъ періодомъ Духа Святого, и главенство въ немъ будетъ принадлежать нищенствующимъ. Въ то же время Вильгельмъ de Sancto Amore написалъ рѣзкій памфлетъ, въ которомъ обличалъ нищенствующихъ въ противорѣчіи ихъ устава съ ихъ дѣйствительной дѣятельностью. Римская курія постановила изъять изъ обращенія сочиненіе францисканскаго ученаго, но такъ осторожно, чтобы это не отразилось на славѣ самого ордена; памфлетъ же de Sancto Amore былъ признанъ несогласнымъ съ духомъ ученія католической церкви и преданъ сожженію. Въ то же время папа Александръ IV издалъ буллу, рѣшительно поддерживающую нищенствующихъ, и поручилъ исполненіе своихъ предписаній французскому королю, Людовику IX, горячему приверженцу нищенствующихъ, какъ уже было замѣчено выше. Трое наиболѣе упорныхъ магистровъ были отлучены отъ церкви и лишены каѳедръ. Тогда университетъ склонился къ миру. Двое изъ отлученныхъ магистровъ отправились къ папѣ и принесли покаяніе. Остался нераскаяннымъ одинъ Вильгельмъ de Sancto Amore, имѣвшій много сторонниковъ и почитателей, что нѣсколько затянуло борьбу, но къ 1259 г. она была, по признанію самаго папы, окончательно прекращена. Послѣдствіемъ ея были взаимныя уступки: нищенствующіе отказались отъ стремленія выдѣлить свои школы изъ университета, ограниченіе числа каѳедръ богословія опредѣленнымъ штатомъ было отмѣнено; а университетъ, чтобы сохранить вліяніе, долженъ былъ улучшить свое преподаваніе, по образцу школъ нищентвующихъ. Въ самый разгаръ борьбы возникла знаменитая Сорбонна, преподаваніе въ которой было обставлено всѣми необходимыми академическими пособіями, а учащіеся были избавлены отъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ. (Кіевл., № 71).

Разныя извѣстія.

Съ января 1893 года возобновляется изданіе „Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета“, которыя не выходили съ 1884 года.

Предположено издавать по 4 книжки въ годъ (именно 1-го января, 1-го марта, 1-го мая и 1-го ноября), не считая „приложеній“, которыя могутъ выходить и отдѣльно. Въ оффиціальной части будутъ помѣщаться извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, обозрѣнія преподаванія, отчеты, актовыя рѣчи, отзывы о диссертаціяхъ, медальныхъ сочиненіяхъ и т. под. Въ неоффиціальную часть войдутъ отдѣлы: а) научный (изслѣдованія, сообщенія, публичныя лекціи и т. д.); б) критика и библіографія; в) университетская лѣтопись; г) приложенія (болѣе обширныя сочиненія, диссертаціи, курсы и т. п.).

Все изданіе, вмѣстѣ съ приложеніями, разсчитано пока на 100—120 печ. листовъ въ годъ. Подписная цѣна для студентовъ Харьковскаго университета—2 р. въ годъ, для постороннихъ лицъ — 4 р. въ годъ (съ пересылкой 5 р.).

Предполагается обратить особое вниманіе на исторію Харьковскаго университета, въ виду приближающагося 100-лѣтняго юбилея со времени основанія университета. Проф. Д. И. Багалѣй готовитъ рядъ „очерковъ“ по этому попросу. Въ первой книжкѣ „Записокъ“ предполагается между проч. помѣстить рѣчь проф. Д. И. Багалѣя о В. Н. Каразинѣ, главномъ виновникѣ основанія университета въ Харьковѣ. 4-го ноября, с. г. исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти В. Н. Каразина и 8-го ноября (въ первое воскресенье послѣ 4-го) Харьковскій университетъ чествовалъ память своего основателя [1]). Затѣмъ имѣется въ виду рядъ статей проф. П. Н. Буцинскаго касательно исторіи колонизаціи Сибири, проф. И. В. Нетушила — конспектъ курса по римскимъ древностямъ, проф. А. Н. Деревицкаго—комментаріи къ Иліадѣ и т. д. Въ отдѣлѣ некрологовъ между проч. будетъ помѣшена статья проф. Н. О. Куплеваскаго о недавно скончавшемся проф. И. И. Дитятинѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимавшемъ каѳедру исторіи русскаго права въ Харьковскомъ университетѣ, а затѣмъ бывшимъ профессоромъ въ Дерптѣ.

Харьковскій университетъ недавно пріобрѣлъ коллекцію документовъ и писемъ, относящихся премущественно къ эпохѣ великой французской революціи, а также—имперіи и реставраціи. Какъ историческій матеріалъ, документы эти не имѣютъ особаго значенія, а интересны главнымъ образомъ, какъ собраніе автографовъ. Есть, напр., оффиціальные документы (съ эмблемами французской революціи), подписанные Карно и другими дѣятелями времени; есть оригиналъ конфиденціальнаго письма Наполеона къ Фуше (писаннаго изъ Дрездена). Письмо это издано въ „Correspondence de Napoléon“, но не по оригиналу и съ невѣрной датой: въ означенномъ изданіи оно помѣчено 10-мъ мая 1813 года, тогда какъ въ оригиналѣ значится (словами)—11-е мая. Кромѣ того, въ означенной коллекціи имѣются письма Ламартина, Монталамбера, Шамильяра, Людовика XIV, грамоты за подписью Генриха IV, Людовика XV и XVI и т. д. Коллекція эта пріобрѣтена университетомъ отъ В. А. Бѣлинскаго, а раньше составляла собственность Д. А. Донецъ-Захаржевскаго, одно время служившаго при русскомъ посольствѣ во Франціи и умершаго въ началѣ 70-хъ годовъ. Д. А. Донецъ-Захаржевскій и былъ ея собирателемъ.

[1]) Рѣчь проф. А. С. Лебедева на этомъ праздникѣ (участіе сословій въ дѣлѣ основанія Харьков. универс.) также будетъ помѣщена въ Запискахъ.

Критика.

Новое пособіе по исторіи французской революціи.

П. Н. Ардашева.

(*E. Boursin et A. Challamel* Dictionnaire de la révolution Française: institutions, hommes et faits, Paris, Jouvet et C-ie. 1892).

Извѣстная издательская фирма Jouvet et C-ie, заявившая себя многими капитальными изданіями по исторіи Франціи (Henri Martin, Thiers, Thierry, Michaud и др.), начала выпускать въ свѣтъ съ прошлаго іюня, отдѣльными „серіями" по 64 стр. большого формата in—8° сочиненіе, заглавіе котораго нами выше выписано. Изданіе, разсчитанное на пятнадцать выпусковъ, обѣщаетъ, такимъ образомъ, составить томъ въ 960 стр. большого формата. Вышедшіе по настоящую минуту въ свѣтъ первые восемь выпусковъ даютъ уже достаточно матеріала для характеристики сочиненія и его критической оцѣнки,—что мы и постараемся сдѣлать въ настоящемъ очеркѣ.

Содержаніе „Словаря" шире его заглавія — въ двухъ отношеніяхъ. Совершенно справедливо наши авторы понимаютъ „французскую революцію" въ широкомъ смыслѣ, включая сюда хронологически и все царствованіе Людовика XVI до 1789 года. Съ другой стороны, содержаніе „Словаря" не ограничивается тремя обозначенными въ подзаголовкѣ категоріями историческихъ данныхъ: „учрежденія, люди, событія"; мы находимъ въ немъ много данныхъ, не принадлежащихъ ни къ одной изъ этихъ трехъ категорій; къ числу ихъ относятся, напримѣръ, различныя бытовыя подробности, которымъ отведено довольно широкое мѣсто въ „Словарѣ". Что касается біографическаго элемента, то издатели сочли почему-то нужнымъ выдѣлить его внѣшнимъ образомъ, печатая относящіяся сюда статьи болѣе мелкимъ шрифтомъ.

Было бы болѣе цѣлесообразно, кажется намъ, отпечатать мелкимъ шрифтомъ статьи второстепенныя по своему значенію,— касающіяся менѣе важныхъ событій и лицъ, разныхъ бытовыхъ мелочей и такихъ подробностей, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ революціи (а такихъ подробностей введено много въ „Словарь“). Въ этомъ случаѣ два разные шрифта имѣли бы болѣе смысла. А то какъ-то странно въ книгѣ, посвященной спеціально французской революціи, видѣть статью о Дантонѣ напечатанною мелкимъ шрифтомъ, а объ Архангельскѣ (sic!)—крупнымъ. Впрочемъ, въ остальномъ внѣшность изданія безукоризненная. Расположеніе статей также очень удобно для справокъ. Искомое событіе можно найти 1) по его такъ сказать собственному имени, въ родѣ „Dix août“, „Dix-huit Brumaire“; 2) по хронологической датѣ (назв. мѣсяца); 3) по имени одного изъ дѣйствующихъ лицъ; 4) по названію какого-нибудь учрежденія, съ которымъ данное событіе было въ связи; 5) по географическому названію мѣста, бывшаго театромъ искомаго событія, и т. д. Такъ, напримѣръ, событіе 10 августа (1792 г.) можно найти въ „Словарѣ“ подъ слѣдующими терминами: 1) Dix août, 2) Août, 3) Suspension du roi, 4) Mandat, 5) Santerre, 6) Comité insurrectionel. Всѣ эти статьи связаны, кромѣ того, взаимными ссылками, такъ что, напавъ на одну изъ нихъ, легко отыскать и всѣ прочія.

Итакъ, съ внѣшней стороны „Словарь“ вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію. Большими достоинствами обладаетъ онъ и съ внутренней стороны. Нужно отдать справедливость трудолюбію и кропотливости составителей, съумѣвшихъ въ значительной степени разрѣшить трудную задачу—соединить краткость съ полнотою и сжатость съ точностью. Весьма удачнымъ слѣдуетъ признать усвоенный составителями пріемъ — иллюстрировать сжатые историческіе и біографическіе очерки краткими цитатами изъ современныхъ памятниковъ, характерными отрывками изъ рѣчей, мемуаровъ, писемъ. Къ этимъ достоинствамъ слѣдуетъ прибавить прекрасное изложеніе, дѣлающее справочную книгу удобною и для чтенія.

При всемъ томъ, приходится признать, что трудъ Бурсена и Шалламеля оставляетъ желать многаго. Недостаточно, чтобы справочная книга была полна; необходимо, чтобы сообщаемыя его свѣдѣнія были основаны на „послѣднемъ словѣ“ исторической критики. Къ сожалѣнію, критическая сторона, именно, и оказывается наиболѣе слабымъ пунктомъ разсматриваемаго сочиненія. Часто авторы, не довольствуясь ролью компиляторовъ, выказываютъ поползновеніе къ роли „оригинальныхъ“ историковъ и обращаются непосредственно къ первоисточникамъ. Дѣло хорошее, спору нѣтъ; худо только то, что

наши авторы черпаютъ не всегда изъ чистыхъ источниковъ, и совершенно не прибѣгая при этомъ къ помощи критическаго фильтра.

Судя по многократнымъ цитатамъ, главными источниками служили нашимъ авторамъ „Moniteur“ и „Révolutions de Paris“ Прюдома. Между тѣмъ, новѣйшія изслѣдованія, основанныя на архивныхъ документахъ, въ значительной мѣрѣ подорвали довѣріе къ показаніямъ этихъ, какъ оказалось, крайне пристрастныхъ свидѣтелей. До какой степени некритично относятся Бурсенъ и Шалламель къ этимъ источникамъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Въ статьѣ „Exécution de Louis XVI“, на 245 стр., приводится выписка изъ „Revolutions de Paris“, въ которой говорится о господствовавшемъ будто бы въ Парижѣ спокойствіи въ день казни короля. Любопытно, что это, именно, одна изъ тѣхъ цитатъ, тенденціозную лживость которыхъ констатировалъ, на основаніи архивныхъ документовъ, Мортиме-Терно въ своей восьмитомной, къ сожалѣнію не оконченной, „Исторіи Террора“ (Mortimer-Ternaux, Hist. de la Terreur, t. V, p. 418.).

А вотъ еще болѣе яркій образчикъ неразборчивости составителей „Словаря“. Въ Moniteur'ѣ“ за 31 авг. 1793 г. напечатано, между прочимъ, сообщеніе о томъ, какъ въ Эльзасѣ толпа крестьянъ, вооруженныхъ косами, напала на австрійскій отрядъ „и перебила пятнадцать тысячъ непріятелей, потерявши съ своей стороны пять тысячъ убитыми“. Это до очевидности нелѣпое сообщеніе, представляющее, очевидно, одну изъ тѣхъ многочисленныхъ патріотическихъ басенъ, которыми кишѣли оффиціальные и неоффиціальные органы тогдашнихъ „патріотовъ“,—эта нелѣпица, цѣликомъ и безъ малѣйшей попытки критики, заносится нашими авторами въ „Словарь“, въ качествѣ историческаго факта! (Стр. 116, статья Cadel).

Отмѣтимъ еще два промаха противъ исторической критики. На стр. 440 и 6 повторяется давно сданная въ архивъ историческою критикою старая басня о „pacte de famine“—которая для Бурсена и Шалламеля столь же реальный историческій фактъ, какъ напр. казнь Людовика XVI. Не менѣе реальными фактами являются въ ихъ глазахъ (стр. 154, 52 и др.) и всѣ тѣ безчисленные „заговоры“ революціонной эпохи, особенно временъ террора, — заговоры, добрая половина которыхъ, какъ доказано историческою критикою, представляетъ собою не что иное, какъ продуктъ якобинской изобрѣтательности, сочинявшей заговоры либо для „очищенія“ черезчуръ переполненныхъ тюремъ, либо для благовиднѣйшаго препровожденія своихъ политическихъ противниковъ на гильотину (см. особенно Wallon, la Terreur, v. 2, p. 285—325). — Остается только пожалѣть, что составители „Словаря“, вмѣсто неумѣлаго обращенія къ мутнымъ первоисточни-

камъ, не предпочли справиться съ результатами новѣйшей исторической критики.

Слабость исторической критики стоитъ въ связи съ недостаткомъ исторической объективности, который представляетъ второй слабый пунктъ разсматриваемаго нами сочиненія. Точка зрѣнія нашихъ авторовъ—якобинская: мы затрудняемся дать ей иное опредѣленіе,—до такой степени ихъ воззрѣнія сходны съ якобинскими. Они усвоили себѣ не только многія чисто якобинскія представленія, но до извѣстной степени даже ихъ фразеологію. Когда они говорятъ о „патріотизмѣ", о „свободѣ", о „врагахъ республики", о „лжепатріотахъ", о „заговорщикахъ" и т. п., то намъ кажется, что мы читаемъ отрывки изъ рѣчей Робеспьера или Сенъ-Жюста. Со всей серьезностью наивнаго якобинства, ученые историки конца девятнадцатаго столѣтія восхищаются „патріотизмомъ парижскихъ торговокъ рыбой и зеленью" (стр. 313, статья Hàlles), говорятъ съ почтеніемъ о „мужествѣ толпы", разграбившей Тюльери 10 августа 1792 г. (стр. 195, ст. Dix-août), умиляются „горячему патріотизму (patriotisme ardent") санкюлотовъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья (стр. 136, ст. Clubs) и бандъ революціонной арміи (стр. 108, ст. Camp de Jallès). Съ другой стороны, безпощадно клеймится „религіозный фанатизмъ" неприсяжныхъ священниковъ (стр. 225, ст. Elections) и ихъ „антипатріотическое сопротивленіе" (стр. 135, ст. Clergé); причемъ наши авторы не удостоиваютъ ихъ иного названія, какъ то, которое было имъ усвоено якобинцами: „отщепенцы" (refractaires) (стр. 103, 135, 225 и др.). Ихъ антипатріотизму противопоставляется „неустрашимость" (courage) (!?) присяжныхъ священниковъ (стр. 173, ст. Curés). Для того, чтобы оцѣнить по достоинству эту послѣднюю фразу, нужно припомнить, что „неустрашимые" присяжные священники получали приходы и жалованье отъ правительства, а неприсяжные, какъ „подозрительные", шли въ тюрьмы, гдѣ ихъ ожидали топоры сентябрьскихъ убійцъ.—Совершенно согласно съ якобинской фразеологіей, фёльяны, т.-е. представители умѣренной партіи, клеймятся именемъ лжепатріотовъ (faux patriotes), (стр. 136, ст. Clubs), а приверженцы конституціи 1791 г. именемъ „ретроградовъ" (стр. 410, ст. Le Chapelier). Солидарность нашихъ авторовъ съ якобинскими террористами простирается до того, что они готовы осуждать Дантона и Демулена за ихъ „преждевременный" призывъ къ гуманности (стр. 176, ст. Dantonistes): такого именно мнѣнія, какъ извѣстно, былъ Робеспьеръ, отправившій „дантонистовъ" на гильотину за ихъ „преждевременный призывъ къ гуманности".

Приведенные образчики, полагаемъ, достаточно выясняютъ точку зрѣнія Бурсена и Шалламеля, и оправдаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, упо-

требленный нами для ея характеристики эпитетъ. Добровольно надѣтыя нашими авторами якобинскія очки, какъ и слѣдовало ожидать, лишаютъ ихъ возможности видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Дѣйствительно, они часто поражаютъ насъ вопіющимъ отсутствіемъ историческаго пониманія, и это приходится отмѣтить, между прочимъ, относительно одного изъ капитальнѣйшихъ фактовъ революціонной эпохи. Мы разумѣемъ хозяйственный и финансовый кризисъ. Посмотримъ, какъ объясняютъ его наши историки. На стр. 172, въ ст. Cultivateurs, мы читаемъ буквально слѣдующее: „Начиная съ 1792 года контръ-революція имѣла союзниковъ въ деревняхъ, въ лицѣ земледѣльцевъ. Обманутые аристократами и священниками, они пытались произвести голодъ". На стр. 6, въ ст. Accapareurs: „Эта спекуляція (перепродажа хлѣба скупщиками) произвела наканунѣ революціи голодъ". Итакъ, спекуляція скупщиковъ съ одной стороны, съ другой—заговоръ „деревенскихъ земледѣльцевъ, обманутыхъ контръ-революціонерами"—таковы причины голода, характеризующаго время революціи. Какъ извѣстно, такъ именно понимали дѣло якобинцы 1792—1793 годовъ. Вполнѣ согласно съ якобинскимъ катехизисомъ понимаются нашими авторами и причины финансоваго кризиса, а въ частности — фіаско ассигнацій. Причины эти излагаются такъ (стр. 46, ст. Assignats): „Ложныя обвиненія и продѣлки аристократовъ и эмигрантовъ, спекуляція капиталистовъ, пущенныя въ оборотъ въ огромномъ количествѣ врагами республики фальшивыя ассигнаціи, *а также* (подчеркиваемъ это „а также"!) чрезмѣрный выпускъ ихъ въ теченіе шести лѣтъ". Итакъ, главная причина фіаско ассигнацій, также какъ и голода, заключается въ козняхъ революціонеровъ и только *между прочимъ* въ чрезмѣрномъ выпускѣ ихъ революціоннымъ правительствомъ... Какъ видятъ читатели, политико-экономическія понятія составителей „Словаря" не выходятъ изъ ограниченнаго круга якобинскаго міросозерцанія. Но и въ пониманіи многихъ другихъ фактовъ революціи историки самаго конца девятнадцатаго столѣтія недалеко ушли отъ якобинцевъ 1793 года. Напримѣръ, великое народное движеніе, вспыхнувшее почти одновременно въ разныхъ концахъ Франціи, противъ *парижской* революціи якобинцевъ, выставляется какъ результатъ подпольной дѣятельности „аристократовъ" и „священниковъ-отщепенцевъ", которые вѣчно замышляютъ козни и заговоры противъ парижскихъ „патріотовъ" и постоянно „обманываютъ народъ" (стр. 179). (Выраженіе „народъ обманутъ" было, какъ извѣстно, одною изъ излюбленныхъ формулъ якобинской фразеологіи). Это „аристократы", съ помощью своихъ лакеевъ, производятъ возстаніе народа въ Канѣ (стр. 103, ст. Caen). Это „отщепенцы" неприсяжные священники бунтуютъ

народъ въ Вандеѣ. Это дворяне, въ союзѣ съ тѣми же священниками, собираютъ двадцатитысячную противореволюціонную армію въ Севеннахъ (стр. 108, ст. Camp de Jallés).

Страдающая отъ подобнаго ложнаго освѣщенія, историческая правда страдаетъ еще болѣе, когда усвоенная нашими авторами анти-историческая точка зрѣнія приводитъ ихъ уже къ положительному извращенію историческихъ фактовъ. Для примѣра укажемъ на событія 10-го августа (1792), которыя искажены до неузнаваемости въ передачѣ Бурсена и Шалламеля. У нихъ — толпа беретъ приступомъ Тюильри, „перебивши предварительно защищавшихъ дворецъ Швейцарцевъ". „Народъ потерялъ при этомъ три тысячи убитыми" (стр. 195, ст. Dix août). Неизвѣстно, изъ какого источника почерпнуты эти данныя, вполнѣ согласныя съ якобинскою легендою, но не имѣющія ничего общаго съ историческою дѣйствительностью. Во всякомъ случаѣ не удивляться столь смѣлому искаженію фактовъ, настоящая историческая физіономія которыхъ казалось бы, окончательно установлена Мортиме-Терно на основаніи подлинныхъ оффиціальныхъ документовъ, изъ которыхъ, между прочимъ, явствуетъ, 1) что толпа не взяла съ бою дворецъ, а ворвалось въ него лишь послѣ того, какъ защищавшіе его швейцарцы оставили Тюильри по приказу короля; 2) что швейцарцы были перебиты во время этого отступленія и послѣ занятія дворца толпой; 3) что толпа потеряла при этомъ не три тысячи убитыми, а самое большое въ томъ числѣ и раненыхъ (Mortimer-Ternaux, Histoire de la Terreur, t. 2).

Не менѣе поражаетъ своею смѣлостью и другое, столь же голословное, сколько противорѣчащее документальнымъ свидѣтельствамъ (Mortimer-Ternaux, t. III, p. 219 и далѣе), утвержденіе нашихъ авторовъ о непричастности будто бы Дантона къ сентябрьскимъ убійствамъ (стр. 176, ст. Danton).

Въ статьѣ о Лафайетѣ (стр. 388) повторяется старая якобинская легенда, будто онъ явился въ Парижъ послѣ 20 іюня (1792) „съ цѣлою толпою гвардейцевъ". Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, онъ пріѣхалъ въ Парижъ наскоро и въ сопровожденіи одного лишь адъютанта, какъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ самъ Лафайетъ, всегда отличавшійся правдивостью (Mém. de la Fayette, t. III, p. 333).

Въ сравненіи съ вышеприведенными образцами искаженія историческихъ фактовъ, являющимися результатомъ съ одной стороны— слабости критики, съ другой—тенденціозности, представляются уже значительно менѣе важными разные промахи и ошибки, проистекающія отъ недостаточной внимательности и осмотрительности. Но нельзя пройти молчаніемъ по крайней мѣрѣ важнѣйшія изъ нихъ.

На стр. 24 читаемъ: „*Первый годъ свободы*. Такъ обозначали періодъ времени отъ взятія Бастиліи до 22 сентября 1792 г.“. Исправимъ, во-первыхъ, неточность выраженія. Очевидно, авторы не хотѣли сказать, чтобы „первый годъ свободы“ обнималъ собою весь періодъ съ 14 іюля 1789 г. до 22 сент. 1792 г. Но и по исправленіи этой неточности выраженія, все-таки остается на лицо ошибка: „первый годъ свободы“ считался не съ 14 іюля (день взятія Бастиліи), а съ 5 мая (открытіе генеральныхъ штатовъ), (Wallon, la Terreur, t. I, p. 245). Слѣдовало бы указать при этомъ, что первый годъ свободы считался до конца 1789 г., слѣдовательно состоялъ изъ восьми мѣсяцевъ; второй и третій совпадали съ 1790—1791 годами, а четвертый былъ опять неполный и состоялъ лишь изъ девяти мѣсяцевъ (съ 1 янв. по 21 сент. 1792 г.).

Неточно объяснено, на той же страницѣ, счисленіе годовъ отъ начала республики. А о третьей революціонной эрѣ, эрѣ „равенства“, бывшей въ употребленіи послѣ 10 августа до введенія новаго календаря [1]), вовсе даже не упоминается въ „Словарѣ“.

Очень многочисленны погрѣшности въ хронологическихъ датахъ, изъ которыхъ многія не могутъ быть объяснены опечатками (хотя и послѣднія мало извинительны въ справочномъ изданіи). Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ статьѣ Avril на 55 стр., читаемъ: „4 апрѣля 1793 года измѣна Дюмурье, 5-го казнь дантонистовъ, 6-го учрежденіе комитета общественнаго спасенія“. Путаница: первое и послѣднее изъ названныхъ событій имѣли мѣсто въ 1793 году, а второе въ 1794. Часто встрѣчаемъ для одного и того же событія двѣ различныя даты въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, декретъ конвента противъ эмигрантовъ показанъ 22 октября (1792) г. на 228 стр., а на слѣдующей—23 окт. Битва при Жеммапѣ значится 5 ноября на 209 стр., а на 358 стр. 6 ноября. Подобнымъ же образомъ раздвоились даты для битвы при Ваттиньи—16 октября (67 стр.) и 17 окт. (364 стр.); объявленія войны Испаніи—7 марта на 308 стр., и 8 марта на 233-ей.—Казнь Робеспьера имѣла мѣсто 28, а не 27 іюля, какъ значится на 373 стр.—На 33 стр. говорится, что учредительное собраніе помѣщалось въ архіепископскомъ дворцѣ до декабря (1789 г.), а на 45 стр.--до 9 ноября.—На 167 стр. „придворный заговоръ“ составляется послѣ 27 іюня, а 25 іюня того же года онъ открытъ (!?).

Отмѣтимъ важнѣшія изъ ошибокъ, неимѣющихъ отношенія къ

---

[1]) Въ оффиціальныхъ документахъ писали, напр.: „Paris, le 13 septembre 1792, l'an VI de la liberté, l'an I-er de l'égalité“. (Mortimer-Ternaux, t. IV, p. 438).

хронологіи. Число депутатовъ отъ департаментовъ въ законодательномъ собраніи было 247, а не 249, какъ показано на 224 стр., въ ст. Elections. О „заговорѣ 10-го марта" (1793 г.), направленномъ противъ депутатовъ правой въ конвентѣ, и въ главѣ котораго стояли „бѣшеные (enragés)" анархисты, извѣстные демагоги Фурнье Американецъ и Лазовскій, а главный контингентъ составляли санкюлоты парижскихъ предмѣстій,—объ этомъ заговорѣ говорится, на 154 стр., буквально слѣдующее: „заговоръ 10 марта,—направленный противъ республики роялистами, аристократами, Австріей, Англіей и (sic!) Питтомъ".

Изъ менѣе значительныхъ промаховъ отмѣтимъ два—три. Преувеличена цифра арміи Суворова, нанесшей пораженіе французамъ при Нови: показано 70.000 вмѣсто 50,000 [1]). (См. напр. Oncken, Zeitalter der Revolution, т. I, стр. 836.). Пораженіе французовъ при Требіи называется „нерѣшительною битвой" (стр. 67.). На стр. 418 объ императорѣ Францѣ говорится, что онъ „наслѣдовалъ отцу подъ именемъ Франца II, какъ германскій императоръ, и Франца I, какъ австрійскій императоръ". Францъ наслѣдовалъ отцу въ 1792 году, а титулъ австрійскаго императора не существовалъ до 1806 года.

Мы не причисляемъ къ ошибкамъ явныя опечатки, въ родѣ Carlier вмѣсто Carrier (187 стр.), Servie вм. Serbie (179 стр.), 15 іюля вм. 25 іюля (194 стр.), 15 окт. вм. 5 окт. (388), 349 податныхъ округовъ вм. 249 (стр. 224) и проч. Нельзя однако не признать, что отъ справочнаго изданія можно было бы ожидать болѣе старательной корректуры.

Въ началѣ нашей замѣтки мы отмѣтили, въ числѣ главнѣшихъ достоинствъ разсматриваемаго сочиненія, его сравнительную полноту и обстоятельность. Къ сожалѣнію, и эта сторона, какъ сейчасъ увидимъ, оставляетъ желать многаго. Мы уже имѣли случай, говоря выше объ ошибкахъ и промахахъ, отмѣтить и нѣсколько примѣровъ неполноты и необстоятельности (напримѣръ, о революціонныхъ эрахъ). Укажемъ для примѣра еще на нѣсково пробѣловъ. Ни подъ буквой *C*, ни подъ буквой *H* мы не находимъ въ „Словарѣ" имени Charles de Hesse, одного изъ немногихъ якобинцевъ, принадлежавшихъ къ высшей феодальной аристократіи (Taine, La Revolution, t. II, p. 34). Въ „Словарѣ" есть статья Aristocrates, въ которой объяснено значеніе и роль этого термина въ исторіи французской революціи; подобную же роль игралъ, какъ извѣстно, другой терминъ—Fanatiques (по отношенію къ неприсяжнымъ священникамъ и ихъ паствѣ), котораго, однако, не находимъ въ „Словарѣ". Въ отдѣлѣ на букву *A* мы напрасно искали статьи объ анархіи, а на букву Д о демагогіи, о двухъ

[1]) Стр. 363.

существенныхъ факторахъ революціонной эпохи. Отсутствующихъ статей не могутъ замѣнить имѣющіяся на лицо въ „Словарѣ“ двѣ коротенькія замѣтки объ „anarchistes“ и „démagogues“. О первыхъ объясняется, что это были „банды иностранцевъ и преступниковъ, поджигаемыя контръ-революціонерами къ произведенію безпорядковъ“, о вторыхъ мы находимъ въ „Словарѣ“ всего три строчки, которыя гласятъ „Демагоги,—поносительная кличка, даваемая врагами революціи республиканцамъ, которыхъ они обвиняли въ возбужденіи народа“. И такъ, говорится лишь объ анархистахъ „контръ революціонерахъ“, а объ анархистахъ-революціонерахъ и вообще о революціонной анархіи—ни слова. Изъ опредѣленія же, какое дается здѣсь демагогамъ, можно вывести лишь то заключеніо, что демагогіи въ дѣйствительности совсѣмъ и не было во время революціи: это была просто бранная кличка, выдуманная „врагами республики“!...

Отмѣтимъ еще нѣсколько пропусковъ, которые рѣшительно ничѣмъ не могутъ быть оправданы. На букву *A*: Agents politiques (эмиссары парижскихъ якобинцевъ въ пограничныхъ департаментахъ); на букву *B*: Bureau central de correspondence entre les sections de Paris (учрежд. 17 іюля 1792 г.); на букву *C*: Chemises rouges (La grande fournée des, 1794), Civisme, Comité d'exécution (названіе, присвоенное революціонной коммуной 1792 г. au comité de surveillance), Commission des onze, Commission des vingt et un, Commissaires des départaments (отправленные въ Парижъ для принятія конституціи 1793 г.), Compagnie Marat (въ Нантѣ), Constitutionnels (les) (приверженцы конституціи 1791 г.); на букву *D*: Disette; на букву *E*: Egoistes (одна изъ категорій проскриптовъ террора); на букву *F*: Fournées (Les grandes—du tribunal révolutionnaire); на букву *H*: Honnêtes gens (метонимическій эпитетъ конституціоналистовъ съ Лафайетомъ во главѣ), Hussards américains (одна изъ революціонныхъ бандъ Карръе въ Нантѣ); на буквы *I* и *J*: Incivisme, Indifférence (другая категорія проскриптовъ террора, наряду съ „эгоистами“), Juges.

Кромѣ пропусковъ, „Словарь“ грѣшитъ часто недостаткомъ обстоятельности въ сообщаемыхъ имъ свѣдѣніяхъ. Такъ, въ статьѣ Assemblée législative, на 45 стран., не указанъ составъ Законодательнаго Собранія: число членовъ, партіи и т. д. Въ статьѣ Elections, на 224 стр., не указано на террористическое давленіе при выборахъ въ конвентъ. Въ статьѣ о „петиціи восьми тысячъ“, на 329 стр., не указано на ту печальную роль, какую суждено было играть этой петиціи въ эпоху террора (служила матеріаломъ для проскрипціи). Въ статьѣ Batailles, на 67 стр., пропущена битва при Нови. Въ статьѣ Cent-suisses, стр. 118, не указана дальнѣйшая ихъ судьба. Въ статьѣ Accapareurs, стр. 6, находимъ лишь крайне общія и неполныя указанія на борьбу рево-

люціоннаго законодательства противъ скупщиковъ; не указаны ни происхожденіе этой борьбы, ни ея результаты. Въ статьѣ Loi, стр. 432, дано подробное опредѣленіе этого понятія въ томъ видѣ, какъ оно сложилось въ головахъ дѣятелей французской революціи, но не указаны источники этихъ идей (Монтескье, Руссо). — Каждой изъ сорока восьми парижскихъ секцій посвящена особая статья, но нигдѣ не объяснено происхожденіе ихъ часто странныхъ названій. Сплошь и рядомъ, при упоминаніи объ извѣстномъ событіи, извѣстной законодательной мѣрѣ и т. п., не находимъ точной хронологической даты, чего можно было бы требовать отъ справочнаго изданія. Изъ множества подобныхъ случаевъ укажемъ на пару примѣровъ. Въ статьѣ Gardes de la Convention, стр. 160, не указано время учрежденія этой гвардіи. Въ статьѣ Archevêques, стр. 33, не указано время ихъ уничтоженія; тоже самое относительно монастырей, стр. 170, ст. Couvents.

Въ статьяхъ, посвященныхъ разнымъ учрежденіямъ, вмѣсто сжатой исторической обрисовки извѣстнаго учрежденія, съ сжатой характеристикой его значенія и роли въ исторіи революціи, мы находимъ большею частью лишь простое хронологическое изложеніе его внѣшней судьбы. Такъ въ статьѣ о парижской коммунѣ, стр. 148, ни слова не говорится о ея значеніи въ исторіи революціи, о ея борьбѣ съ конвентомъ, о постепенномъ захватѣ ею государственной власти, о ея побѣдѣ надъ національнымъ представительствомъ и т. д. Въ статьѣ о національной гвардіи, стр. 281, не выяснена и даже вовсе не указана происшедшая въ ея составѣ коренная метаморфоза (изъ буржуазной превратилась въ санкюлотскую), безъ чего рѣшительно нельзя понять ея дальнѣйшую роль въ событіяхъ революціи.

Отмѣтимъ еще одинъ слабый пунктъ разбираемаго сочиненія. Это—международныя отношенія революціонной эпохи. Событія внѣшней политики *констатируются*—и только. Нигдѣ не видно, чтобы авторы понимали значеніе факторовъ международныхъ отношеній для судебъ французской революціи. Поэтому мы встрѣчаемся, напримѣръ, у нихъ съ совершенно устарѣлымъ взглядомъ, будто Франція обязана была своимъ спасеніемъ отъ иностраннаго разгрома исключительно патріотическому подъему духа, вызванному революціоннымъ воодушевленіемъ (см., напримѣръ, 38 стр., ст. Armée française).

Въ заключеніе, не можемъ не пожалѣть, что составители не ввели въ „Словарь“ указаній на историческую литературу, по крайней мѣрѣ, относительно важнѣйшихъ событій, учрежденій и личностей. Отъ такихъ указаній внутренняя цѣнность „Словаря“ возвысилась бы въ гораздо большей пропорціи, чѣмъ его продажная стоимость Да и размѣры его едва ли бы увеличились отъ этого болѣе, чѣмъ на 10% его настоящаго объема, тѣмъ болѣе, что многія статьи могли бы быть

сокращены безъ ущерба для его полноты,—въ родѣ статьи объ экспедиціи Лаперуза (стр. 397), не имѣющей никакого отношенія къ французской революціи, кромѣ хронологическаго совпаденія и занимающей, тѣмъ не менѣе, двѣ съ половиною колонны, тогда какъ, напр., статьѣ о Національномъ Собраніи не отведено и одной колонны; а иныя статьи, въ родѣ упомянутой выше статьи объ Архангельскѣ (стр. 37), неизвѣстно почему попавшей въ словарь „Французской революціи", и совсѣмъ бы можно опустить.

Подводя итогъ, мы должны признать, что „Словарь французской революціи" Бурсена и Шалламеля далеко не удовлетворяетъ современнымъ научнымъ требованіямъ; при всемъ томъ, за неимѣніемъ пока лучшаго, ему предстоитъ, несомнѣнно, сдѣлаться незамѣнимымъ справочнымъ пособіемъ для всякаго приступающаго къ изученію исторіи французской революціи.

Новая черта въ нашей учебно-исторической литературѣ [1].

(Замѣтка по поводу учебника средневѣковой исторіи г. Иванова).

О. П. Герасимова.

Наша учебная историческая литература стоитъ на крайне низкой степени развитія: у насъ мало учебниковъ и учебныхъ пособій по исторіи, да и тѣ, которые существуютъ, далеко не удовлетворяютъ самымъ умѣреннымъ требованіямъ, а нѣкоторые изъ нихъ,—къ сожалѣнію, наиболѣе распространенные,—стоятъ просто ниже всякой критики. Такое состояніе учебной исторической литературы отражается очень печально на преподаванія исторіи въ нашей средней школѣ и приводитъ къ тому, что оканчивающіе въ ней курсъ выходятъ въ жизнь съ крайне скуднымъ запасомъ историческихъ свѣдѣній и съ еще болѣе скуднымъ историческимъ развитіемъ. Каковы послѣдствія этого явленія, мы можемъ видѣть изъ цѣлаго ряда печальныхъ фактовъ нашей общественной жизни. Быть можетъ, скажутъ на это, что кромѣ учебниковъ и учебныхъ пособій есть еще учителя, которые своимъ преподаваніемъ могутъ пополнить пробѣлы въ нашей учебно-исторической литературѣ. До нѣкоторой степени это правда, но далеко не вполнѣ. Не будь у насъ хорошихъ учебныхъ пособій въ видѣ хрестоматій, книгъ для чтенія и т. п.,—бѣда была бы еще не большая, такъ какъ этотъ недостатокъ учитель могъ бы пополнить собственнымъ разсказомъ въ классѣ и указаніемъ на искусно и строго вы-

[1]) Настоящая статья не представляетъ собою полнаго разбора учебника К. А. Иванова, а касается только одного,—весьма важнаго, впрочемъ,—пункта. Во всякомъ случаѣ въ учебникѣ есть такія достоинства, которыя ставятъ его выше употребляемыхъ въ нашей школѣ, къ чему мы думаемъ еще вернуться.
Ред.

бранныя страницы и главы классическихъ произведеній исторической литературы, хотя и это трудно было бы осуществить, напримѣръ, провинціальнымъ учителямъ просто вслѣдствіе того, что могло бы не оказаться подъ руками необходимыхъ книгъ, но совсѣмъ не то, когда въ рукахъ учителя нѣтъ хорошаго учебника. Учебникъ всегда былъ и будетъ основой преподаванія, съ нимъ ученикъ имѣетъ больше дѣла, чѣмъ съ разсказомъ учителя или чтеніемъ, въ немъ напечатанное ученикъ больше усвоитъ, чѣмъ чтобы то ни было другое, хотя бы просто потому, что учебникъ всегда передъ его глазами, по нему онъ готовитъ урокъ, по нему же онъ его и повторяетъ. Онъ усвоитъ лучше не только факты, сообщенные учебникомъ, но и систему изложенія, которая далеко не является одной только формой: то, что учебникъ выдвигаетъ на первый планъ, чему онъ посвящаетъ больше мѣста, и въ головѣ ученика невольно выдвинется на первое мѣсто и представится наиболѣе важнымъ. Это значеніе учебника опредѣляетъ и тѣ требованія, которыя къ нему необходимо предъявлять: въ немъ должны быть факты наиболѣе важные и наиболѣе яркіе, въ немъ должна быть система, при которой мѣсто каждаго явленія обусловливалось бы степенью важности этого явленія въ общемъ ходѣ исторической жизни. Разъ эти требованія осуществлены въ учебникѣ, руки учителя развязаны: онъ можетъ иногда, руководясь или интересомъ класса, или своимъ личнымъ интересомъ, или, наконецъ, просто какимъ-нибудь случайнымъ поводомъ, остановиться подробно на такомъ явленіи, которое въ общей системѣ преподаванія не должно было бы занять такого виднаго мѣста—это ничего; сообщенныя свѣдѣнія не пропадутъ даромъ, а иногда можетъ быть принесутъ и большую пользу, и въ тоже время они не нарушатъ перспективы историческихъ событій въ представленіи ученика, потому что эта перспектива дана будетъ учебникомъ. Другое дѣло, когда этой перспективы нѣтъ въ учебникѣ: тогда, какъ бы ни старался учитель установить ее, какъ бы ни подчеркивалъ онъ то, что наиболѣе важно, все это пропадетъ даромъ, особенно для старательнаго ученика, потому что учебникъ, къ которому онъ будетъ постоянно возвращаться для повторенія, уничтожитъ, хотя быть можетъ медленно и постепенно, все то, что старался сдѣлать учитель.

Правда, тутъ есть одинъ выходъ—это переработка учителемъ такого учебника. Онъ можетъ въ немъ многое вычеркнуть, многое подчеркнуть, многое переставить, но это уже указываетъ на непригодность такого учебника, потому что такая работа отыметъ много времени въ классѣ и къ тому же все-таки не дастъ желаемаго, а представитъ передъ ученикомъ какіе-то обрывки мало между собою

связанные, а иногда такъ просто напомнитъ работу Тришки надъ своимъ кафтаномъ.

Итакъ, слѣдовательно, прежде всего мы должны требовать отъ учебника строго проведенной системы, которая отводила бы каждой странѣ и каждому явленію соотвѣтствующее мѣсто съ всемірно-исторической точки зрѣнія.

Исполненіе этого требованія можетъ встрѣтить одно и очень серьезное препятствіе. Дѣло въ томъ, что при преподаваніи исторіи могутъ быть поставлены и ставятся два совершенно одинаково необходимыя требованія: ученикъ долженъ получить ясное представленіе о ходѣ всемірной исторіи и онъ долженъ въ тоже время получить и болѣе детальное представленіе объ исторіи своего народа. При составленіи учебника эти два требованія могутъ столкнуться и заставить составителя пожертвовать какимъ-нибудь однимъ изъ нихъ; но подобное явленіе можетъ быть на Западѣ, гдѣ во многихъ случаяхъ отечественную исторію нельзя выдѣлить изъ общаго изложенія всемірной исторіи, и не можетъ встрѣтиться у насъ, гдѣ наиболѣе удобно сдѣлать это выдѣленіе и гдѣ оно дѣйствительно и сдѣлано.

Но если отечественная исторія наша, благодаря этому выдѣленію, никакимъ образомъ не можетъ помѣшать правильной системѣ и группировкѣ матеріала въ учебникѣ всеобщей исторіи, то, къ несчастію, въ послѣднее время обнаруживается тенденція выдвинуть въ нашихъ учебникахъ исторію Византіи и славянъ на болѣе видное мѣсто, чѣмъ то, которое эти отдѣлы должны занимать съ всемірно-исторической точки зрѣнія. Эта тенденція не имѣетъ уже никакого оправданія.

Несомнѣнно, что для насъ исторія Византіи, съ которой такъ тѣсно связана прошлая судьба нашей родины, имѣетъ гораздо бóльшее значеніе, чѣмъ для какого-либо другого народа, но поскольку она представляетъ для насъ бóльшій интересъ съ этой стороны, постольку мы и будемъ о ней говорить при прохожденіи курса русской исторіи, указывая тамъ на эту связь и освѣщая болѣе обстоятельно и подробно тѣ стороны византійской жизни, которыя, не имѣя всемірно-историческаго значенія, оказали свое вліяніе на жизнь нашихъ предковъ.

То же самое должно сказать и относительно исторіи Славянъ: поскольку они играли роль въ общемъ ходѣ европейской жизни, постольку и надо говорить о нихъ въ учебникѣ всеобщей исторіи, а въ тѣхъ случаяхъ гдѣ встрѣчаются факты изъ ихъ жизни, не имѣвшіе значенія для всемірной исторіи, но имѣющіе его для русской, въ тѣхъ именно случаяхъ и нужно говорить объ нихъ, конечно, при изученіи исторіи русской.

Если это такъ, то зачѣмъ же, спрашивается, намъ калѣчить курсъ

всеобщей исторіи, выдвигая въ учебникѣ на болѣе видное мѣсто, чѣмъ это нужно съ всемірно-исторической точки зрѣнія, Византію и Славянъ?

На этотъ вопросъ нельзя дать отвѣта, который содержалъ бы въ себѣ логическія основанія подобнаго рода направленія, такъ какъ ихъ нѣтъ въ дѣйствительности, но можно указать только тѣ причины, которыми обусловливается появленіе подобнаго направленія у насъ, причины, по правдѣ сказать, очень грустныя.

Дѣло въ томъ, что въ этомъ направленіи нашей учебно-исторической литературы, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ явленій нашей жизни, сказывается одинъ очень печальный фактъ: мы никакъ не можемъ отказаться отъ слѣпого подражанія Западу. Тамъ очень часто выдвигаютъ исторію своего народа при общемъ изложеніи всемірной исторіи на болѣе видное мѣсто, чѣмъ это требуется съ всемірно-исторической точки зрѣнія, и намъ этого достаточно, чтобы всѣми силами стараться сдѣлать что-нибудь подобное этому. Нельзя намъ выдвинуть исторію Россіи, потому что она выдѣлена, и притомъ вполнѣ основательно, въ особый курсъ, такъ мы выдвинемъ Славянъ и Византію. Намъ дѣла нѣтъ до того, что тамъ при изложеніи всеобщей исторіи отведеніе болѣе виднаго мѣста своей странѣ обусловливается иногда тѣмъ, что сталкиваются, какъ я уже раньше говорилъ, два одинаково справедливыя требованія, изъ которыхъ одному, т.-е. болѣе подробному изученію отечественной исторіи, при невозможности выдѣленія ея въ особый курсъ, отдается предпочтеніе; намъ дѣла нѣтъ, наконецъ, до того, что отведеніе болѣе виднаго, чѣмъ слѣдовало бы, мѣста для исторіи, напримѣръ, Германіи въ Средніе Вѣка, не исказитъ до такой степени общаго хода изложенія, какъ исказитъ его наша попытка выдвинуть Византію и Славянъ, т. е. намъ дѣла нѣтъ вообще до того, что тамъ могутъ быть причины, не существующія у насъ, которыя и обусловливаютъ ту или другую черту въ преподаваніи исторіи,—мы все-таки перенесемъ ее къ себѣ изъ одного только слѣпого подражанія.

Къ числу учебно-историческихъ сочиненій, носящихъ на себѣ слѣды указаннаго мною направленія, принадлежитъ недавно вышедшій учебникъ по Средневѣковой исторіи г. Иванова, преподавателя С.-Петербургской пятой гимназіи. Въ этомъ учебникѣ распредѣленіе и выборъ матеріала очень во многомъ обусловлены указаннымъ мною желаніемъ выдвинуть во чтобы то ни стало на болѣе видное мѣсто Византію и Славянъ, чѣмъ это слѣдовало бы дѣлать съ всемірно-исторической точки зрѣнія. Для объясненія этого авторъ говоритъ, что „въ распредѣленіи матеріала онъ слѣдовалъ послѣдней программѣ, утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія“. Что эта

ссылка на программы имѣетъ въ виду оправдать изложеніе исторіи Византіи и Славянъ, ясно изъ того, что непосредственно послѣ этой ссылки г. Ивановъ указываетъ на особенность постановки именно этихъ отдѣловъ курса въ его учебникѣ. При такой постановкѣ дѣла приходится возражать уже съ точки зрѣнія самихъ программъ. Здѣсь надо выяснить себѣ два вопроса: 1) Опредѣляютъ ли программы Министерства распредѣленіе матеріала въ учебникѣ, который будетъ служить пособіемъ при осуществленіи этихъ программъ? 2) Существующія программы требуютъ ли такой постановки исторіи Византіи и Славянъ, какую мы видимъ въ учебникѣ г. Иванова?

Для отвѣта на первый вопросъ прежде всего надо указать, что программы опредѣляютъ, чтó именно должно быть пройдено учителемъ съ учениками въ извѣстномъ классѣ, вовсе не касаясь вопроса о томъ, чтó изъ указаннаго и въ какой мѣрѣ должно быть внесено въ учебникъ и чтó ученику слѣдуетъ усвоить въ классѣ изъ устной передачи учителя. Вслѣдствіе этого еслибы наша программа и требовала болѣе подробнаго изученія исторіи Византіи и Славянъ, то учитель всегда могъ бы выполнить это требованіе, дополняя учебникъ болѣе подробнымъ разсказомъ именно этихъ отдѣловъ. Такимъ образомъ и необхомыя свѣдѣнія по исторіи Византіи и Славянъ были бы у учениковъ, и вѣрное представленіе объ общемъ ходѣ всемірной исторіи не искажалось бы нарушеніемъ правильнаго распредѣленія матеріала въ учебникѣ.

Но дѣло въ томъ, что программы нашихъ гимназій вовсе и не требуютъ такой постановки исторіи Византіи и Славянъ, какая дана имъ въ учебникѣ г. Иванова. Относительно исторіи Византіи въ объяснительной запискѣ къ учебнымъ планамъ мы читаемъ слѣдующее: „Византійская исторія не должна быть оставляема безъ вниманія, и преимущественно должны быть выдвинуты тѣ ея стороны, съ которыми ближайшимъ образомъ соприкасаются событія западной и славянской исторіи“. Руководясь этимъ указаніемъ, учитель долженъ будетъ говорить о Византіи постольку, поскольку ея исторія имѣла всемірно-историческое значеніе, вліяя на западные народы и на Славянъ. Въ учебникѣ г-на Иванова мы видимъ нѣчто иное. Еще въ введеніи онъ говоритъ: „Я старался выдвинуть на надлежащее мѣсто Византію, какъ охранительницу сокровищъ древняго образованія, какъ первоисточникъ нашей собственной образованности“. Такимъ образомъ принципъ, которымъ опредѣляется мѣсто Византіи въ ряду другихъ государствъ въ средневѣковой исторіи здѣсь совсѣмъ иной, чѣмъ тотъ, который выраженъ въ словахъ объяснительной записки, хотя въ ней и встрѣчаются поставленныя г. Ивановымъ въ ковычкахъ слова „хранительница сокровищъ древняго образованія“, но только въ со-

вершенно другой связи. Тамъ мы читаемъ: „Въ концѣ же курса, при изложеніи состоянія европейской образованности въ средніе вѣка, выясняется значеніе Византіи, какъ хранительницы художественно-литературныхъ сокровищъ древне-классическаго міра, сдѣлавшихся предметомъ изученія на Западѣ въ XIV и XV вѣкахъ, но еще раньше послужившихъ основаніемъ для развитія арабской образованности". Одно дѣло выяснить въ концѣ курса, когда идетъ именно рѣчь о Возрожденіи, что въ Византіи много сохранилось сокровищъ классической литературы, другое совсѣмъ дѣло въ самомъ курсѣ средневѣковой исторіи „стараться выдвинуть на надлежащее мѣсто Византію какъ хранительницу сокровищъ древняго образованія", какъ это дѣлаетъ въ своемъ учебникѣ г. Ивановъ.

Результатъ отъ такого „выдвиганія на надлежащее мѣсто Византіи" получается очень опредѣленный. Мѣсто, отводимое нѣкоторымъ отдѣламъ исторіи Византіи, не соотвѣтствуетъ ни мѣсту, отводимому другимъ болѣе важнымъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія отдѣламъ средневѣковой исторіи, ни требованіямъ министерской программы.

Возьмемъ, напримѣръ, исторію Византіи въ VII вѣкѣ. Надо-ли подробно останавливаться на этомъ отдѣлѣ при прохожденіи общаго курса средневѣковой исторіи? Конечно, нѣтъ. Вѣдь этотъ періодъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія имѣетъ очень мало значенія. Придется, конечно, упомянуть о борьбѣ съ Аварами и Славянами, съ одной стороны, съ Новоперсидской монархіей и потомъ съ Арабами, съ другой, придется, конечно, указать при этомъ на общій упадокъ Византіи въ это время—вотъ и все.

У учителя этотъ отдѣлъ не долженъ занять болѣе ¼ урока, а въ учебникѣ ему придется отвести—самое большое—строкъ 20. Что же мы видимъ въ учебникѣ г. Иванова? На этотъ отдѣлъ посвящено въ учебникѣ ни больше, ни меньше, какъ 3 страницы, т.-е. этотъ предметъ долженъ занять у учителя цѣлый урокъ. Если нѣтъ въ самомъ значеніи этого отдѣла причинъ, которыя заставили бы г. Иванова отвести ему такъ много мѣста, то быть можетъ министерскія программы требуютъ подробнаго прохожденія этого періода. Ни чуть не бывало. Въ программѣ мы читаемъ: „Бѣдственное состояніе имперіи въ VII вѣкѣ; начало Болгарскаго царства". Въ объяснительной запискѣ: „*слѣдуетъ отмѣтить* періодъ отъ Маврикія до Ираклія, ознаменованный борьбой съ Аварами и Славянами на Дунаѣ и съ Новоперсидской монархій на Востокѣ и распространеніемъ Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ; тутъ-же должно заключаться и объясненіе успѣха первыхъ арабскихъ завоеваній при Магометѣ и его преемникахъ". Какъ видите, ни программа, ни объяснительная записка вовсе не требуютъ подробнаго прохожденія этого отдѣла, и учебникъ, при помощи кото-

раго учитель вполнѣ выполнилъ бы министерскія требованія, могъ-бы отвести на означенный отдѣлъ даже меньшее количество строкъ, чѣмъ мной указано. Но быть можетъ для осуществленія высказанной въ введеніи г. Ивановымъ цѣли, для того, чтобы „выдвинуть на надлежащее мѣсто Византію, какъ хранительницу сокровищъ древняго образованія, какъ первоисточникъ нашей собственной образованности“—можетъ быть для этого подробно пришлось говорить г. Иванову объ этомъ отдѣлѣ исторіи Византіи? Оказывается, что и это объясненіе не можетъ быть принято. Правда, на этихъ страницахъ есть одно мимолетное указаніе на культурное состояніе Византіи того времени, указаніе на то, что послѣ Ираклія наступили смуты, сопровождавшіяся страшными жестокостями, что вдовѣ Ираклія отрѣзали языкъ, его сыну носъ, но едва ли эти указанія убѣдятъ ученика, что Византія была „хранительницей сокровищъ древняго образованія“.

Остается одно объясненіе, которое можетъ возникнуть у читателя, незнакомаго съ разсматриваемымъ учебникомъ. Быть можетъ, въ учебникѣ г. Иванова отведено 3 страницы на этотъ періодъ потому, что учебникъ вообще очень пространенъ, быть можетъ, на болѣе важные отдѣлы средневѣковой исторіи отведено еще большее количество страницъ, и тогда можно говорить только вообще о слишкомъ большомъ объемѣ учебника, а не о неправильномъ въ количественномъ отношеніи распредѣленіи матеріала? Хорошо, еслибы это было такъ, но въ дѣйствительности мы видимъ совсѣмъ иное. Никто изъ учителей исторіи, дорожащихъ ввѣреннымъ ихъ преподаванію предметомъ, желающихъ, чтобы ученикъ, окончивъ курсъ средней школы, могъ выработать себѣ историческое, единственно правильное, пониманіе современнаго строя Западной Европы, никто изъ такихъ учителей, я убѣжденъ, не станетъ отрицать того важнаго значенія, какое имѣетъ выясненіе въ средневѣковой исторіи возникновенія и развитія сословно-представительныхъ учрежденій. Вѣдь эти учрежденія, тѣсно связанныя съ характерной чертой средневѣковой жизни—феодализмомъ, многое выясняютъ въ немъ, многое, наконецъ, объясняютъ и въ послѣдующемъ строѣ западно-европейскихъ государствъ. И такъ удобно выяснить это явленіе на примѣрѣ двухъ первоклассныхъ странъ Франціи и Англіи, гдѣ судьба этихъ учрежденій была различна. Важно выяснить это въ исторіи Франціи, потому что иначе непонятно будетъ утвержденіе абсолютизма, который оказалъ въ извѣстное время такое вліяніе и на другія страны, важно выяснить и въ исторіи Англіи, потому что такое выясненіе хорошо оттѣнитъ въ умѣ ученика тѣ причины, которыя вызвали паденіе этого учрежденія во Франціи и развитіе его въ Англіи,—развитіе, которе привело къ возникновенію своеобразнаго государственнаго строя, оказавшаго глубокое вліяніе на

исторію очень многихъ государствъ Западной Европы. Однимъ словомъ при прохожденіи средневѣковой исторіи, напримѣръ, Англіи, время возникновенія и образованія парламента должно занять видное мѣсто, какъ для пониманія исторіи этой страны, такъ и для пониманія одного изъ самыхъ важныхъ явленій средневѣковой жизни Западной Европы—возникновенія и судьбы сословно-представительныхъ учрежденій.

Посмотримъ, сколько отведено мѣста выясненію этого явленія въ учебникѣ г. Иванова?

На выясненіе возникновенія великой хартіи вольностей и образованія парламента посвящена въ разсматриваемомъ учебникѣ г. Иванова одна страница, изъ которой парламенту посвящено 12 строкъ и только. Больше объ англійскомъ парламентѣ въ учебникѣ г. Иванова ничего не говорится. Но быть можетъ, на этихъ 12 строкахъ такъ удачно расположено объясненіе, что лучшаго и желать нельзя? Для отвѣта приведу дословно это мѣсто изъ учебника. „Такія дѣйствія короля (нарушеніе хартіи) возбудили противъ него возстаніе, во главѣ котораго находился Симонъ-де-Монфоръ, сынъ извѣстнаго предводителя въ альбигойскихъ войнахъ. Королевская партія была разбита, король взятъ въ плѣнъ. Монфоръ созвалъ въ 1265 году парламентъ, т.-е. представителей свѣтской аристократіи, высшаго духовенства, дворянства и горожанъ. Монфоръ былъ убитъ въ одномъ сраженіи въ томъ же году, но англійскій парламентъ утвердился по данному имъ образцу. Онъ составился изъ двухъ палатъ, Верхней (палата лордовъ) и Нижней (палата общинъ). Въ первой засѣдали графы, епископы и др. вельможи, во второй—представители средняго сословія. Такимъ образомъ въ Англіи съ XIII вѣка установилось правленіе съ участіемъ народныхъ представителей, иначе сказать установилось представительное правленіе". Вотъ и все, что сообщается въ разбираемомъ учебникѣ объ англійскомъ парламентѣ въ средніе вѣка. Посмотримъ теперь, какая масса недоразумѣній и невѣрныхъ представленій должна возникнуть въ головѣ ученика, благодаря такому краткому изложенію такого важнаго событія. Прежде всего ученикъ вынесетъ убѣжденіе, что англійскій парламентъ возникъ сразу въ 1265 году. Симонъ де-Монфоръ взялъ и созвалъ парламентъ, а онъ и утвердился по данному имъ образцу. Что сдѣлалось съ взятымъ въ плѣнъ королемъ—ученикъ не узнаетъ. Зачѣмъ былъ созванъ парламентъ—онъ тоже не узнаетъ: объ этомъ нѣтъ ни слова, такъ что парламентъ для ученика, который сталъ бы учиться по этому учебнику, будетъ пустымъ звукомъ. Но онъ вынесетъ, напримѣръ, убѣжденіе, что въ XIII вѣкѣ парламентъ составился изъ двухъ палатъ—верхней (палата лордовъ) и нижней (палата общинъ), но вѣдь это невѣрно. Зачѣмъ такъ помнить событіе, ясное пониманіе котораго необ-

ходимо. помнить до такой степени, что у ученика не только не будетъ многихъ необходимыхъ по данному вопросу свѣдѣній, но и тѣ, которыя онъ почерпаетъ изъ учебника, представятъ ему дѣло въ совершенно искаженномъ видѣ? Неужели важнѣе знать ученику, какая элегія была вырѣзана на надгробномъ камнѣ, стоявшемъ на могилѣ семейства императора Маврикія, чѣмъ знать, напримѣръ, зачѣмъ собирался англійскій парламентъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, какія права были у каждой изъ палатъ? Вопросъ кажется страннымъ, а въ учебникѣ онъ рѣшенъ совершенно неожиданнымъ образомъ: элегія помѣщена, хотя и въ примѣчаніи, а какое участіе въ управленіи принималъ парламентъ въ концѣ среднихъ вѣковъ—это нигдѣ не указано. Вотъ что значитъ „выдвигать Византію на надлежащее мѣсто".

Въ еще болѣе, пожалуй, рѣзкой формѣ, чѣмъ на исторіи Византіи, отразилась указанная мною у г. Иванова тенденція на исторіи Славянъ, причемъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь министерскія программы не даютъ никакого повода къ подобнаго рода тенденціи. Въ объяснительной запискѣ къ учебнымъ планамъ мы читаемъ слѣдующее: „Исторія Славянъ не должна быть помѣщаема на заднемъ планѣ и внѣ всякой связи съ ходомъ всемірной исторіи; напротивъ, слѣдуетъ постоянно обращать вниманіе на отношенія Славянъ: а) къ германскому племени, давленіе котораго они испытывали съ самаго начала своей исторической жизни; б) къ Восточной имперіи, съ которой они находились въ религіозной и политической связи; другими словами, исторія западныхъ Славянъ излагается рядомъ съ исторіей Западной Романо-Германской имперіи, съ которой они находились въ постоянной борьбѣ, а исторія восточныхъ Славянъ — въ связи съ исторіей Восточной или Византійской имперіи". Нельзя не согласиться съ этимъ требованіемъ, которое въ сущности сводится къ тому, чтобы исторія Славянъ излагалась тамъ и такъ, гдѣ и какъ этого требуетъ связь ихъ судьбы „съ ходомъ всемірной исторіи". Что же мы видимъ въ учебникѣ г. Иванова?

Прежде всего бросается въ глаза то же, что было указано и по отношенію къ Византіи: слишкомъ много мѣста отведено изложенію событій славянской исторіи, слишкомъ много по сравненію съ тѣмъ мѣстомъ, которое отводится для событій, имѣющихъ гораздо большее значеніе съ всемірно-исторической точки зрѣнія. Благодаря этому трудный вообще для прохожденія съ учениками курсъ средневѣковой исторіи въ учебникѣ г. Иванова является прямо непреодолимымъ, если только учитель не вычеркнетъ изъ славянской исторіи массы совершенно лишнихъ, ничего въ общемъ ходѣ всемірной исторіи не выясняющихъ фактовъ, которые заслоняютъ только передъ

ученикомъ главнѣйшія явленія изучаемаго періода. Ну, зачѣмъ, напримѣръ, говорится въ исторіи Болгарскаго царства о Владимірѣ, преемникѣ Бориса-Михаила, о которомъ и сказать-то, нечего, кромѣ того, что онъ правилъ одну недѣлю? Зачѣмъ въ исторіи Чехіи цѣлыхъ 12 строкъ посвящается подробному описанію того, какъ былъ убитъ Вячеславъ, когда можно было бы вполнѣ ограничиться только указаніемъ на это? А вѣдь такихъ фактовъ, которые, очевидно, и набраны для того только, чтобы во чтобы-то ни стало расширить исторію Славянъ въ учебникѣ, довольно много, и они не только не обогатятъ умъ полезными свѣдѣніями, а напротивъ того представятъ страшное затрудненіе къ усвоенію даже того изъ славянской исторіи, что необходимо знать. Но все-таки это факты, это то, что было, хотя и не имѣло никакого значенія. Рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ въ учебникѣ г. Иванова и то, чего не было, но что, по мнѣнію г. Иванова, могло бы быть. Онъ останавливается, напримѣръ, на мечтаніяхъ Адальберта Бременскаго превратить Бременъ въ новый Римъ; онъ говоритъ далѣе, что „послѣдствія этого плана. еслибы онъ осуществился, были бы тѣмъ болѣе значительны, что въ областяхъ подвѣдомственныхъ Адальберту, были приняты нѣкоторые обряды греческой церкви. Но проектъ Адальберта такъ и остался проектомъ, хотя въ царствованіе Генриха III его не трудно было бы осуществить“. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему говорить въ учебникѣ исторіи о чьихъ бы то ни было „мечтаніяхъ“, къ чему затѣмъ дѣлать предположенія о томъ, что было бы, если бы не было того, что было? Всему этому, конечно, не мѣсто въ учебникѣ... Не лучше ли было бы, вмѣсто того, чтобы говорить о мечтаніяхъ Бременскаго архіепископа, выяснить теорію папской власти и аскетизма, упомянуть объ ученіи о царствѣ Божіемъ бл. Августина, однимъ словомъ, сказать о томъ, безъ знанія чего ученикъ не пойметъ главнѣйшихъ явленій средневѣковой жизни, а обо всемъ этомъ или ничего не говорится, или говорится вскользь, отводится столько же мѣста, сколько отведено недѣльному правленію Владиміра въ Болгаріи.

Конечно, можно и даже должно вычеркнуть, по крайней мѣрѣ, половину изъ того, что введено г. Ивановымъ въ славянскую исторію, но, какъ мнѣ уже раньше пришлось говорить, такое вычеркиваніе все-таки не исправитъ учебника, и не исправитъ особенно учебника г. Иванова, потому что онъ, какъ это видно и изъ его собственныхъ словъ въ введеніи, особенно старался поставить въ связь исторію Славянъ со всѣмъ остальнымъ, но въ связь довольно оригинальную, которая въ умѣ ученика произведетъ крайне искаженное пониманіе средне вѣковой исторіи. Понятно, что у ученика исторія священной Римской Имперіи должна быть связана съ исторіей папства, потому что эти

явленія были въ дѣйствительности въ средніе вѣка тѣсно между собою связаны. Зачѣмъ же, спрашивается, разъединять эти явленія и связывать священную Римскую имперію съ западными Славянами, которые играли роль значительную въ исторіи Германіи, но вѣдь исторія Германіи и исторія священной Римской имперіи далеко не одно и тоже, и если даже предположить, что для исторіи Германіи бо́льшее значеніе въ средніе вѣка имѣли западные Славяне, чѣмъ папство, то и тогда все-таки придется сказать, что для исторіи священной Римской имперіи большее значеніе, конечно, имѣло папство. А г. Ивановъ, беря для своего учебника заголовки изъ учебныхъ плановъ, въ этомъ случаѣ и, кажется, въ единственномъ, отступаетъ отъ нихъ и дѣлаетъ слѣдующее общее заглавіе II главы своего учебника: „Священная Римскаяимперія и западные Славяне". Благодаря этому, въ исторіи священной Римской имперіи у г. Иванова попадается Людовикъ Нѣмецкій, Людовикъ Дитя, Конрадъ I, Генрихъ Птицеловъ...

Вотъ къ чему приводитъ стремленіе выдвигать исторію Византіи и Славянъ на неподобающее имъ мѣсто съ всемірно-исторической точки зрѣнія, стремленіе, которое не имѣетъ за себя никакихъ основаній, а въ результатѣ приводитъ къ тому, что искажаетъ въ умѣ ученика правильное представленіе о ходѣ всемірной исторіи!... Нѣтъ, это стремленіе приводитъ къ гораздо болѣе крупнымъ дурнымъ послѣдствіямъ: оно вводитъ въ нашу школу узко-національную тенденцію, которой она была чужда до сихъ поръ, а этимъ вѣдь она дѣйствительно могла гордиться передъ школами нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странъ. Грустно дѣлается, когда читаешь учебникъ г. Иванова и видишь, какъ русскій педагогъ, хотя и говорящій, что его учебникъ составленъ „примѣнительно въ послѣдней примѣрной программѣ, утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія", въ сущности исполняетъ не требованія нашего министерства, а скорѣе требованія Прусскаго министерства, которое циркуляромъ 1882 г. предписываетъ узко-національную точку зрѣнія при преподаваніи исторіи въ прусскихъ гимназіяхъ.

Право, пора бы относиться съ бо́льшимъ уваженіемъ къ традиціямъ нашей русской школы, чѣмъ къ циркулярамъ прусскаго министра. Но, быть можетъ, скажутъ мнѣ, этотъ недостатокъ учебника г. Иванова заглаживается тѣмъ, что во всемъ остальномъ онъ безупреченъ; быть можетъ, ему удалось осуществить высказанное въ введеніи желаніе „исправить тѣ уже совершенно устарѣлыя, а слѣдовательно, и ошибочныя сужденія, которыя еще встрѣчаются въ нашей педагогической литературѣ по предмету исторіи". На это я отвѣчу, что если бы это и было такъ, то и это не загладило бы указаннаго мною недостатка, потому что устарѣлое сужденіе, встрѣчающееся

въ учебникѣ, учитель легко можетъ исправить, а пронизывающую весь учебникъ тенденцію ничѣмъ не исправишь... Однако посмотримъ все-таки, удалось ли г. Иванову осуществить это желаніе. Подобнаго устраненія устарѣлыхъ и ошибочныхъ сужденій, конечно, надо больше всего искать въ исторіи Византіи, которую онъ „старался выдвинуть на надлежащее мѣсто, какъ хранительницу сокровищъ древняго образованія, какъ первоисточникъ нашей собственной образованности", и особенно, конечно, надо ожидать такихъ улучшеній въ изложеніи тѣхъ явленій византійской исторіи, которыя имѣли всемірно-историческое значеніе, какъ напримѣръ, въ законодательной дѣятельности Юстиніана, Я выпишу дословно то, что говорится объ этомъ важномъ явленіи въ учебникѣ г. Иванова. „Юстиніанъ поручилъ ученому юристу Трибоніану привести въ стройную систему все, что было до сихъ поръ сдѣлано въ области законодательства. Трибоніанъ дѣятельно работалъ во главѣ цѣлой коммиссіи юристовъ. Результатомъ ихъ работы явился (528) Сводъ Права (Corpus juris)". Далѣе слѣдуетъ примѣчаніе къ сказанному: „Этотъ сводъ заключалъ въ себѣ полное собраніе римскихъ законовъ. Вскорѣ были присоединены къ нему такъ наз. дигесты или пандекты, представляющіе собраніе объясненій прежнихъ знаменитыхъ юристовъ „призывавшихся императорами къ написанію или толкованію законовъ". Тогда же было издано и оффиціальное руководство для преподаванія права, извѣстное подъ названіемъ институтовъ, заключавшее въ себѣ главнѣйшія основанія науки права. Все это было дополнено новеллами, т.-е. собраніемъ постановленій самого Юстиніана, изданныхъ послѣ пересмотра свода". Если вы сравните это мѣсто учебника г. Иванова съ тѣмъ же отдѣломъ въ другомъ учебникѣ, то вы увидите, конечно, что перемѣна есть, но эта перемѣна никакъ не можетъ быть названа „устраненіемъ устарѣлаго и ошибочнаго сужденія". Смѣшивать Юстиніановъ кодексъ съ Corpus juris и дѣлать изъ частей послѣдняго самостоятельные памятники законодательства прямо непростительно!...

По поводу новой формулировки «матеріальной исторіи».

Н. И. Карѣева.

Позволяю себѣ еще разъ возвратиться къ экономическому направленію въ исторической наукѣ, о которомъ мнѣ уже приходилось говорить дважды на страницахъ „Историческаго Обозрѣнія" (во II томѣ—„Политическая экономія и теорія историческаго процесса", въ IV томѣ—„Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи") и коснуться въ статьѣ „Источники историческихъ перемѣнъ", помѣщенной въ „Русскомъ Богатствѣ" за 1892 г. (кн. I). Въ названныхъ статьяхъ было уже указано, почему меня вопросъ этотъ живо интересуетъ, и выражено было мое отношеніе къ самому экономическому направленію: возникновеніе его я считаю вполнѣ законнымъ и правильнымъ, какъ съ жизненной, такъ и съ научной точки зрѣнія, но это не мѣшаетъ возставать противъ крайностей и увлеченій, возможныхъ и дѣйствительно проявляющихся при усвоеніи экономическаго взгляда—или въ одностороннемъ сведеніи всей исторіи на одну экономію („экономическій матеріализмъ"), или же въ той исключительности, которая состоитъ въ утвержденіи, будто только одной матеріальной исторіей можно заниматься научнымъ образомъ. На мой взглядъ и идеалистическое, и матеріалистическое пониманіе исторіи одинаково односторонни, каждое въ своей отдѣльности и исключительности, и съ такой точки зрѣнія, утвержденія коей я желалъ бы въ теоріи историческаго процесса, слѣдовало бы вполнѣ одинаково отнестись неодобрительно къ притязаніямъ какъ культурныхъ, такъ и матеріальныхъ историковъ, разъ тѣ или эти стали бы говорить, что только идеи или только общественная структура составляютъ подлинное, основное содержаніе исторіи (или могутъ быть изслѣдованы научнымъ образомъ). Съ одинаковымъ безпристрастіемъ съ точки зрѣнія, съ

которой мнѣ приходилось высказываться по этому поводу въ разныхъ своихъ работахъ (между прочимъ и во вступленіи къ I тому „Исторіи западной Европы въ новое время"), я сталъ бы защищать матеріальныхъ историковъ, если бы на нихъ напали культурные, считая лишь себя обладателями научной истины, и наоборотъ нахожу нужнымъ защищать культурныхъ историковъ отъ нападенія со стороны матеріальныхъ, лишь себя признающихъ единственными представителями научнаго духа въ исторіографіи. Я думаю даже, что разногласіе между тѣми и другими не должно было бы и вовсе существовать: оба лагеря историковъ работаютъ лишь надъ двумя сторонами одного и того же процесса, и если одни склонны болѣе заниматься культурой, а другіе—экономіей, то это совершается лишь въ выгодахъ раздѣленія научнаго труда. Разногласіе, однако, къ сожалѣнію, существуетъ, хотя почти совсѣмъ еще не выражается съ рѣзкою опредѣленностью въ литературѣ. Я постоянно ищу какихъ-либо теоретическихъ заявленій, которыя шли бы со стороны представителей матеріальной школы, или возраженій, коими эти заявленія встрѣчались бы со стороны культурныхъ историковъ, и весьма бываю радъ, когда мнѣ попадается хотя бы нѣсколько печатныхъ строкъ, относящихся къ предмету, именно потому, что слишкомъ мало объ этомъ предметѣ говорится въ печати. Между тѣмъ вопросомъ этимъ живо интересуются и въ читающей публикѣ. Мнѣ приходится получать письма изъ провинціи отъ лицъ, мнѣ совершенно неизвѣстныхъ, съ распросами, касающимися „экономическаго матеріализма": изъ одного подобнаго письма я узналъ, напр., что въ какихъ-то латышскихъ газетахъ (названіе коихъ мнѣ неизвѣстно) по вопросу объ „экономическомъ матеріализмѣ" шла полемика, возбужденная отчасти статьей объ „Источникахъ историческихъ перемѣнъ"; въ другомъ письмѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ провинціи я получилъ просьбу указать на такую книгу, изъ которой можно было бы познакомиться съ исторіей съ точки зрѣнія „экономическаго матеріализма", „единственно вѣрной въ наукѣ", какъ думаютъ авторы письма и т. п.

Поводомъ къ написанію настоящей замѣтки являются первыя шесть страницъ въ статьѣ молодого историка Д. М. Петрушевскаго, имѣющей своимъ предметомъ извѣстный трудъ проф. П. Г. Виноградова „Villainage in England" и помѣщенной въ декабр. кн. „Ж. М. Нар. Пр." за 1892 г. Эти шесть страницъ имѣютъ совершенно самостоятельное значеніе и являются какъ бы изложеніемъ научной profession de foi съ точки зрѣнія, кажущейся намъ исключительною: это—попытка формулировать основныя положенія матеріальнаго направленія, противопоставивъ его культурному, какъ научное—отсталому. Еслибы со стороны культурныхъ историковъ противъ мате-

ріальныхъ поднялись тѣ обвиненія, о какихъ говоритъ авторъ, обвиненіе въ „униженіи исторіи", обвиненіе въ „превращеніи ея изъ назидательной и возвышающей душу науки въ какую-то испещренную сухими цифрами счетную книгу" и т. п. (стр. 311), я по своему интересу къ теоретическимъ вопросамъ исторической науки сталъ бы защищать матеріальное направленіе, какъ необходимое, законное, правильное, полезное, поскольку оно изучаетъ весьма и весьма важную сторону исторической жизни; но, сколько мнѣ извѣстно, никто на матеріальную исторію съ такой точки зрѣнія нападенія не дѣлалъ. До сихъ поръ вопросъ объ экономическомъ направленіи въ исторіи почти совсѣмъ вообще не затрогивался не только въ нашей, но и въ западноевропейскихъ литературахъ, а если это направленіе и критиковалось, то лишь въ случаѣ его крайностей, причемъ никто не оспаривалъ важнаго значенія историко-экономическихъ изслѣдованій. Авторъ разсматриваемыхъ нами шести страницъ представляетъ, однако, дѣло такимъ образомъ, будто на это направленіе поднялся цѣлый походъ. „Конечно, соглашается онъ, возможны историки, готовые весь историческій процессъ свести на экономическое, напр., развитіе. Но,—совершенно резонно замѣчаетъ г. Петрушевскій,—вѣдь это крайность, односторонность", и онъ думаетъ поэтому, что „видѣть въ крайностяхъ точную формулировку новаго направленія значитъ *въ пылу полемики* не понимать смысла совершающейся въ области исторической науки перемѣны" (стр. 311). Нѣсколько выше на той же страницѣ, откуда выписаны эти слова, онъ говоритъ еще и такъ: „замѣтивъ нѣсколько примѣровъ крайностей въ увлеченіи матеріальной исторіей, вполнѣ естественныхъ во всякомъ живомъ и новомъ дѣлѣ, культурные историки *ударили въ набатъ*, призывая всѣхъ, кому еще дороги интересы человѣческаго прогресса, идеальные порывы и стремленія, на защиту науки отъ вторженія матеріалистовъ". По правдѣ сказать, недоумѣваешь, о какой полемикѣ идетъ здѣсь рѣчь, гдѣ и когда культурные историки били въ набатъ: повторяю, вопросъ почти совсѣмъ не дебатировался въ исторической литературѣ, а у насъ, напр., лишь пишущій эти строки, да и то съ очень недавняго времени имъ занялся критически, отнюдь, однако, и не думая бить въ набатъ по поводу вторженія матеріалистовъ, а стараясь только какъ-разъ выяснить „смыслъ совершающейся въ области исторической науки перемѣны", т.-е. отнестись къ ней и безъ предвзятой вражды, но и безъ предвзятаго восторга—sine ira et studio. Замѣчу еще, что напрасно авторъ думаетъ, будто „экономическій матеріализмъ" сталъ „браннымъ словомъ въ устахъ культурныхъ историковъ" (стр. 311): это названіе придумано, во-первыхъ, не культурными историками, а самими послѣдователями историологической концепціи Маркса и Энгельса, а во-вторыхъ, объ этомъ

(крайнемъ, какъ говоритъ и самъ авторъ) направленіи писали до сихъ поръ главнымъ образомъ его сторонники (Вейзенгрюнъ, Лафаргъ, П. Ѳ. Николаевъ), скорѣе склонные гордиться этимъ названіемъ, чѣмъ чувствовать въ немъ какое-либо неудобство. Мнѣ кажется, что г. Петрушевскій допустилъ и другую ошибку, думая, что „экономическій матеріализмъ вызванъ къ жизни новымъ научнымъ направленіемъ" (стр. 311—312): нѣтъ, исходнымъ пунктомъ этой школы (не всего матеріальнаго направленія) былъ боевой лозунгъ одной изъ новыхъ партій, поставившей на знамени своемъ реформу экономическаго строя.

Общій характеръ разбираемыхъ шести страницъ опредѣляется тѣмъ, что авторъ весьма рѣзко выдѣляетъ „представителей научной и *пока матеріальной* (курсивъ въ подлинникѣ) исторіи" изъ среды дѣятелей исторической науки вообще, находя, что лишь первые предъявляютъ строгія требованія къ дѣлу научнаго изслѣдованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ полагая, что остальные историки мало чѣмъ въ этомъ отношеніи отличаются отъ читающей публики, т.-е. отъ профановъ: „конечно, говоритъ онъ, многія изъ тѣхъ рѣшеній культурныхъ вопросовъ, которыя казались и кажутся какъ культурнымъ историкамъ, такъ и массѣ читающей публики безспорными и являются твердо установленными принципами для сужденій и практической дѣятельности, на взглядъ матеріальной исторіи оказываются даже и вовсе не рѣшеніями, а лишь апріорными утвержденіями, часто болѣе свидѣтельствующими о нравственной и художественной, чѣмъ о научной высотѣ ихъ авторовъ" (стр. 312). „Разногласіе между матеріальными историками и историками культурными сводится" у автора между прочимъ къ тому, что первые „не могутъ признать плодотворными широкія обобщенія культурныхъ историковъ, сознательно или безсознательно превышающихъ свою научную компетенцію" (стр. 313). За культурными историками, наконецъ, снисходительно признается значеніе главнымъ образомъ лишь „предшественниковъ" настоящей науки (стр. 309). Такимъ образомъ, соглашаясь съ тѣмъ, что „экономическій матеріализмъ" есть односторонность, авторъ самъ впадаетъ въ исключительность, хотя и нѣсколько иного характера, нежели сторонники „экомомическаго матеріализма". Послѣдніе полагаютъ, что историческій процессъ по существу дѣла есть процессъ экономическій. Нашъ авторъ этого не говоритъ, но онъ утверждаетъ, что лишь одна матеріальная исторія можетъ теперь научно разрабатываться. Однако, это нужно еще доказать. Я вовсе не хочу во всемъ защищать всѣхъ культурныхъ историковъ, но думаю, что научность не есть привилегія однихъ только матеріальныхъ историковъ, и что, напр., послѣдніе сами не застрахованы ничѣмъ отъ „апріорныхъ утвержденій", ибо наклонность къ такимъ утвержденіямъ или отвращеніе отъ нихъ есть

свойство индивидуальнаго ума, а не результатъ предмета, коимъ человѣкъ занимается. Да и утвержденіе г. Петрушевскзго тоже вѣдь грѣшитъ апріорностью: дѣлаясь исходнымъ пунктомъ складывающагося направленія, оно принимается за доказанное или даже за не подлежащее доказательству.

Отождествляя одну матеріальную исторію съ исторіей научной, нашъ авторъ идетъ и далѣе, изображая всю ненаучность культурной исторіи, подъ которою онъ разумѣетъ „ту отрасль историческаго знанія, которая слѣдитъ за ростомъ идей и смѣной общественныхъ настроеній. Безъ преувеличенія можно сказать, продолжаетъ онъ, что культурный историкъ смотритъ на общественный процессъ съ точки зрѣнія индивидуальной психологіи“, ибо „для него общество... все тотъ же индивидуумъ“, а „при такомъ взглядѣ на вещи дѣло изслѣдователя чрезвычайно облегчается: все становится совершенно просто и ясно“ (стр. 310). Указавъ на то, что „такъ называемое *матеріальное направленіе* въ исторической наукѣ... встрѣтило если не всегда прямо враждебные, то во всякомъ случаѣ косые взгляды со стороны представителей культурной исторіи“, авторъ между прочимъ замѣчаетъ, будто культурные историки стали обвинять представителей новаго направленія въ томъ, что они поставили на „мѣсто подвиговъ военныхъ героевъ и гражданскихъ доблестей“—„таблицы урожаевъ и заработной платы или бюджетныя росписи“, что „движущими факторами, вмѣсто возвышенныхъ идей, руководящихъ дѣятельностью царей, пророковъ и первосвященниковъ“, они признаютъ „насущныя будничныя потребности и стремленія общественныхъ классовъ и нужды государства“ (стр. 311). По представленію автора, сами культурные историки весьма „просто рѣшаютъ самыя сложныя и запутанныя проблемы исторической жизни“ (стр. 311), такъ какъ, изучая ростъ идей, они „изолируютъ послѣднія отъ ихъ среды и ограничиваются установленіемъ отношеній между ними чисто логическимъ путемъ: матеріальная среда для нихъ въ сущности косная масса, важная постольку, поскольку она преобразовывается подъ творческимъ воздѣйствіемъ идеи, родившейся, развившейся и воплотившейся въ образѣ выдающейся личности, героя“ (стр. 310). Данное здѣсь опредѣленіе культуры мы находимъ слишкомъ узкимъ: подъ культурою, цивилизаціей, внутренней исторіей разумѣютъ обыкновенно нѣчто бо́льшее, чѣмъ однѣ идеи, и сама культурная исторія возникла, какъ противоположность той политической исторіи, которая именно слишкомъ много, по словамъ самихъ же культурныхъ историковъ, занималась „подвигами военныхъ героевъ“ и „дѣятельностью царей, пророковъ и первосвященниковъ“, будто бы поглощающихъ все вниманіе культурныхъ историковъ въ настоящее время. Другими словами, г. Пе-

трушевскій ставитъ въ вину культурнымъ историкамъ какъ разъ то, въ чемъ они сами обвиняли историковъ политическихъ (или прагматическихъ), тогда какъ именно на почвѣ культурнаго направленія и родилось впервые стремленіе объяснять историческія перемѣны не дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ, а настроеніями и стремленіями всего общества. Неправда также, что культурная исторія ставитъ всѣ вопросы на почву индивидуальной психологіи, ибо если у кого и являлась мысль о расширеніи психологіи индивидуальной въ коллективную,— мысль, часто отвергаемая спеціалистами психологіи,—то именно у культурныхъ историковъ, признавшихъ недостаточность психологіи, которая имѣетъ дѣло съ однимъ индивидуумомъ. Потому не менѣе матеріальныхъ историковъ культурные всегда желали проникнуть въ „стремленія общественныхъ классовъ", и, именно изучая ростъ идей, они не считали нужнымъ брать ихъ въ отвлеченіи отъ общественной среды, которую опять-таки развѣ самые плохіе изъ нихъ представляли себѣ какою-то косною массою. Авторъ говоритъ, будто бы для культурныхъ историковъ эта масса важна лишь постольку, посколько она преобразовывается идеей, всецѣло принадлежащей „герою". Совсѣмъ, повторяемъ, напротивъ: очень часто культурные историки приписываютъ какъ-разъ массѣ, обществу, толпѣ порожденіе новыхъ идей, принижая индивидуальную инициативу, а романтическій культъ героевъ у культурныхъ историковъ давнымъ-давно преданъ забвенію.

Культурнымъ историкамъ ставятся въ вину еще произвольныя обобщенія, словно послѣднія такъ-таки уже и невозможны у матеріальныхъ историковъ. Научному историку, говоритъ еще авторъ, „приходится устранять изъ научнаго оборота цѣлую массу метафоръ и другихъ чисто стилистическихъ украшеній", но, къ сожалѣнію, высказывая эту совершенно вѣрную мысль, самъ г. Петрушевскій, напр., далекъ отъ того, чтобы ей слѣдовать въ своей аргументаціи, направленной противъ культурныхъ историковъ. „Процессъ броженія", происходящій въ сферѣ общественныхъ наукъ, и историческая точка зрѣнія, какъ „ферментъ, произведшій броженіе" (стр. 307), суть, конечно, стилистическія украшенія, которыя въ особую вину автору мы не ставимъ, но когда онъ говоритъ „о матеріальной средѣ" культурныхъ идей (стр. 310), прежде всего подлежащей изученію, когда онъ рекомендуетъ начинать послѣднее не съ „высшихъ отправленій общественнаго организма", а съ „структуры, генезиса и развитія самого общественнаго организма и его элементарныхъ отправленій", когда совѣтуетъ предварительно „запастись вполнѣ отчетливымъ представленіемъ о матеріальной почвѣ, выращивающей культурные плоды" (стр. 312),—во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло уже съ метафорической терминологіей, замѣняющей собою доказательство. „Обще-

ственный организмъ" есть метафора; „отправленія" этого организма — другая метафора; „матеріальная почва", взятая не въ буквальномъ смыслѣ,—третья; выращиваніе ею культурныхъ плодовъ—четвертая [1]). Между тѣмъ тутъ заключается цѣлая аргументація, сама по себѣ не убѣдительная, ибо физіологическія или агрономическія понятія могутъ фигурировать въ соціологическомъ разсужденіи развѣ только въ качествѣ стилистическихъ украшеній, которыя, дѣйствительно, нужно устранять, если ихъ заставляютъ играть роль доводовъ. Г. Петрушевскій высказывается противъ выраженій—„національный характеръ", „народный духъ" и т. п., называя ихъ „запаснымъ фондомъ, откуда ученый черпаетъ каждый разъ, когда у него не хватаетъ собственныхъ средствъ распутать сложный вопросъ, остановившій его вниманіе",—и сравнивая эти выраженія съ „жизненной силой" въ естественныхъ наукахъ. Но дѣло въ томъ, что въ подобномъ смыслѣ давнымъ давно „народный духъ" не употребляется, а въ томъ значеніи, въ какомъ выраженіе это употребляется, оно ничѣмъ не хуже общественнаго организма, какъ народнаго тѣла. Впрочемъ, главная мысль автора—та, что въ дѣлѣ изученія общественныхъ явленій нужно начинать съ простѣйшаго, а таковымъ представляется ему экономическая жизнь. Этимъ соображеніемъ онъ объясняетъ и самое происхожденіе экономическаго направленія: по его словамъ, представители исторической науки пришли къ мысли, въ силу которой „нужно начинать дѣло изученія общественныхъ явленій съ простѣйшихъ элементовъ и элементарнѣйшихъ процессовъ" (стр. 311): „*матеріальная исторія* и ея крайняя школа, экономическій матеріализмъ, говоритъ онъ еще, вызваны къ жизни новымъ научнымъ направленіемъ,.... сущность котораго заключается въ томъ, что его представители прежде чѣмъ изучать развитіе высшихъ отправленій общественнаго организма, поставили своею ближайшею цѣлью изслѣдованіе структуры, генезиса и развитія самого общественнаго организма и изученіе его элементарныхъ отправленій, вовсе не предрѣшая вопроса о роли идей въ общественномъ развитіи и притомъ непремѣнно въ смыслѣ неблагопріятномъ для лучшей стороны человѣческой природы" (стр. 312).

Только что приведенныя слова нельзя оставить безъ самаго подробнаго разбора. Вопервыхъ, нужно еще доказать, что экономическая сторона исторіи проще и элементарнѣе стороны психологической.

[1]) Недавно въ одной рецензіи автору книги по культурной исторіи (М. Корелинъ. Ранній итальянскій гуманизмъ) сдѣланъ былъ упрекъ въ томъ, что онъ не изслѣдовалъ матеріальной почвы (или среды, точно не помню выраженія), взрастившей гуманизмъ. Какъ, однако, авторъ книги могъ бы сдѣлать это, о томъ не говорится.

Мы думаемъ, что и въ матеріальной, и въ духовной жизни есть явленія и процессы одинаково и очень простые, и очень сложные, такъ что утверждать, будто всѣ соціальныя явленія, выростающія на почвѣ матеріальной жизни, проще культурныхъ явленій, имѣющихъ корень въ жизни психической, не представляется возможнымъ. Въ видѣ особаго аргумента я могъ бы сослаться г. Петрушевскому на мнѣніе одного моего коллеги по историческому преподаванію, который, защищая самъ преимущественное право соціальной исторіи быть предметомъ университетскаго преподаванія, ссылался, наоборотъ, на то, что культурныя явленія, какъ болѣе простыя и потому болѣе доступныя, могутъ легче усвоиваться студентами изъ самостоятельнаго чтенія, тогда какъ усвоеніе соціальныхъ требуетъ особаго напряженія ума и потому нуждается въ помощи профессора. Я съ этимъ доводомъ не соглашаюсь, ибо самъ разсуждаю такъ: въ преподаваніи необходимо освѣщать обѣ стороны исторіи, ибо обращеніе вниманія на одну какую-нибудь можетъ развить у студента одностороннюю концепцію исторіи, и сдѣлавшись даже спеціалистомъ въ духѣ извѣстнаго направленія, онъ можетъ обнаруживать недостаточное пониманіе того, что подъ это направленіе не подходитъ. Привожу, однако, чужое мнѣніе потому, что не всѣ, стало быть, защитники матеріальнаго направленія думаютъ такъ, какъ г. Петрушевскій, и что я самъ готовъ согласиться съ тѣмъ, что во многихъ отношеніяхъ матеріальная исторія труднѣе, чѣмъ культурная (а потому, прибавлю, и менѣе пригодна для того, чтобы служить введеніемъ въ изученіе исторіи). Далѣе, сама матеріальная (экономическая, соціальная) жизнь народа состоитъ изъ процессовъ, въ коихъ присутствуетъ психическій элементъ, и иногда очень и очень сложныя экономическія комбинаціи объясняются весьма простыми духовными факторами. Наконецъ, авторъ невѣрно представляетъ генезисъ экономическаго направленія. Что касается до „экономическаго матеріализма“, то онъ, какъ сказано уже выше, вовсе не былъ вызванъ къ жизни новымъ научнымъ направленіемъ: это былъ боевой лозунгъ, а не научная гипотеза. Внѣ этого направленія историки весьма естественно обратились къ изученію матеріальнаго быта потому, что важность его была признана самою жизнью, но никто на первыхъ порахъ не думалъ, что обращеніе исторической науки къ новому предмету лишаетъ всѣхъ, работающихъ историческимъ же методомъ надъ другими объектами, именно культурными, т.-е. религіей, философіей, литературой, искусствомъ и т. п.,—права на названіе научныхъ дѣятелей.

Наша наука долго занималась преимущественно внѣшней исторіей (главнымъ образомъ политической), т.-е. событіями, „дѣяніями“ (прагматическая исторія) и только позднѣе обратилась къ изученію

внутренняго быта (культурная исторія). Въ самомъ внутреннемъ быту ею сначала было обращено бо́льшее вниманіе лишь на нѣкоторыя стороны, особенно бросающіяся въ глаза; но если устранить чисто внѣшній бытъ (т.-е. матеріальную культуру-жилище, одежду, домашнюю утварь, орудія, вооруженіе, украшенія и т. п.), болѣе относящуюся къ археологіи, чѣмъ къ исторіи въ ея соціологическомъ пониманіи, то бытовыя явленія придется раздѣлить на двѣ большія категоріи: однѣ относятся къ внутреннему міру человѣка, дѣлаясь предметомъ исторіи общества, разъ именно они относятся къ внутреннему міру не одного какого-либо человѣка, другія входятъ въ область внѣшнихъ отношеній членовъ общества. И тѣ, и другія явленія, вмѣстѣ взятыя, безразлично называются культурными (бытовыми въ отличіе отъ прагматическихъ, былевыхъ) и соціальными (общественными въ отличіе отъ индивидуальныхъ, біографическихъ), но въ болѣе тѣсномъ смыслѣ культурныя явленія суть общественныя *идеи* и настроенія, соціальныя—общественныя *учрежденія*. И культурныя, и соціальныя явленія, находящіяся въ постоянномъ взаимодѣйствіи, имѣютъ разную въ разныхъ случаяхъ степень простоты или сложности, такъ что нельзя утверждать, будто всѣ соціальныя явленія проще явленій культурныхъ или составляютъ ихъ почву. Общая почва и тѣхъ, и другихъ есть взаимодѣйствіе между членами общества, психическое или матеріальное, взаимный обмѣнъ мыслей или матеріальныхъ предметовъ и услугъ, т.-е. элементарные факты коллективной психологіи и политической экономіи; но въ обѣихъ наукахъ одинаково встрѣчаются и очень простые явленія и процессы, и очень сложные, причемъ, однако, самый простой фактъ обмѣна предметовъ и услугъ уже заключаетъ въ себѣ психическій моментъ, и, наоборотъ, самый первоначальный обмѣнъ мыслей, порождающій духовную культуру, немыслимъ безъ извѣстной матеріальной организаціи. Ни психологія сама по себѣ, ни политическая экономія сама по себѣ такимъ образомъ не могутъ объяснить намъ всей исторіи. Г. Петрушевскій правъ, когда говоритъ, что культурные историки должны „отказаться отъ всякихъ притязаній на исчерпывающее рѣшеніе“ (стр. 312), но вопросъ въ томъ: гдѣ и когда культурными историками заявлялись подобныя притязанія? Вообще всякая притязательность, гдѣ бы она ни появлялась, не должна имѣть мѣста въ научномъ дѣлѣ. И, конечно, не мы стали бы защищать культурныхъ историковъ, если бы они только за собою признавали научную правовѣрность, а всѣ остальныя мнѣнія считали бы ересями,—не стали бы защищать ихъ потому, что величайшая и дѣйствительная ересь въ наукѣ есть лишь нетерпимая ортодоксальность.

12 декабря 1892.

Польскія историческія изданія за 1891 и 1892 г.

С. Л. Пташицкаго.

Въ настоящемъ спискѣ показаны нѣкоторыя сочиненія, отмѣченныя 1890 и 1892 г., какъ вышедшія въ дѣйствительности въ 1891 году. При трудахъ, печатавшихся въ повременныхъ изданіяхъ, указано изданіе, въ которыхъ они появлялись. При повременныхъ изданіяхъ указаны только историческія статьи. Пособіями при составленіи списка служили Przewodnik Bibliograficzny, краковское ежемѣсячное изданіе, цѣна 1½ гульдена, и Kwartalnik historyczny, львовское трехмѣсячное изданіе, цѣна 5 р. сер.

1891 годъ.

Adam, E. Mieszczanin i chłop w świetle konstytucyi 3-go Maja. Kraków, 16°, стр. 42.

Album portretów, rycin i widoków, odnoszących się do konstytucyi 3-go Maja. Вып. I, Kraków, 8°, стр. 21.

B. I. P. Stan żydów dawny i obecny, charakter, obyczaje, zabobony i przyszłość. Lwów. 8°, стр. 147.

Balzer, O. Corpus iuris polonici medii aevi, program wydania zbioru ustaw polskich średniowiecznych (Kwartalnik histor.). Lwów. 8°, стр. 87.

— Reformy społeczne i polityczne konstytucyi 3 Maja (Przegląd Polski). Kraków, 8°, стр. 80.

— Regestr złoczyńców grodu sanockiego, 1554—1638. Lwów. 8°, стр. 263.

Bartoszewicz, K. Księga pamiątkowa setnej rocznicy ustanowienia konstytucyi 3-go Maja. Kraków, 8°, T. I, стр. 308. T. II, стр. 295.

Bąkowski, K. Kraków w czasie konstytucyi 3 Maja 1791. (Czas). Kraków. 8°, стр. 22.

Benis, A. Materyały do historyi drukarstwa i księgarstwa w Polsce; II. Biblioteki prywatne w XVI w. (Archiwum do dziejów liter. VII). Kraków, 8°, стр. 43.

Blumenstok, A. Studya nad historyą własności nieruchomej u ludów germańskich. (Rozprawy wydz. hist. Akademii). T. XXIX. Kraków, 8°, стр. 126.

— Wiadomość o rękopisach prawno-historycznych biblioteki cesarskiej w Perersburgu (Arch. Kom. hist. Akademii VI). Kraków, 8°, стр. 87.

Bogusławski, E. Szkice litowindyjskie, II: Teorya nazwisk na awa. Kraków, 8°, стр. 37—226.

Bołsunowski, K. Znaki pieczętne na ołowiu, plomby, znajdywane w Bugu przy mieście Drohiczynie, studyum sfragistyczne (Wiadomości numizm.-arch.). Kraków, 4°, стр. 12.

Borkowski, J. Panie polskie przy dworze rakuskim. Lwów., 32°, стр. 291.

Bostel, F. Rachunek skarbu koronnego z r. 1629 (Arch. kom. histor. Akademii VI). Kraków, 8°, стр. 40.

— Żydzi ziemi lwowskiej i powiatu żydaczowskiego w r. 1765. (Arch. kom. hist. Akademii VII). Kraków., 8°, стр. 22.

— Taryfa ceł województwa krakowskiego z r. 1565. (Arch. Komis. hist. VI). Kraków, 8°, стр. 20.

Budzynowski. Kronika miasta Sambora. Sambor. 8°, стр. 52.

Callier, E. Ostrorog, monografia w

głównych zarysach (Rocznik tow. przyj. nauk pozn. XVIII 1). Poznań. 8°, стр. 93.

— Powiat Pyzdrski w XVI st., szkic geograficzno-historyczny. Poznań, 8°, стр. 334.

Callimachus, Ph. Vita et mores Gregorii Sanocei, edidit Finkel. (Monumenta Poloniae VI). Leopoli, 4°, стр. 56.

— Vita et mores Sbignei cardinalis, ed. Finkel. (Monumenta poloniae VI). Leopoli, 4°, стр. 40.

Całczynski, J. Polska pogańska, szkic antykwaryczny (Sprawozdanie gimnazyum w Rzeszowie). Rzeszów. 8°, стр. 20.

Chodyński, Z. Statuta synodalia dioecesis Wladislaviensis et Pomeraniae. Varsaviae. 1890, 4°, стр. 298.

Chotkowski. Rzemiosła i cechy krakowskie w XV w. (Czas). Kraków. 8°, стр. 83.

— Z męczeńskich dziejów. III. (Czas). Kraków, 8°, стр. 124.

Chrzanowski, T. Badania z historyografii cz. III. Warszawa, 8°, стр. 39.

Cieszkowski, S. Senatorowie księstwa warszawskiego i królestwa kongresowego, 1807—1831. Warszawa, 8°, стр. 75.

Czołowski. Sprawy wołoskie w Polsce do r. 1412 (Kwartalnik historyczny). Lwów, 8°, стр. 32.

— Lwów za ruskich czasów (Kwartalnik historyczny). Lwów, 8°, стр. 42.

Deiches, E. Halszka z Ostroga w dramacie i historyi (Swiat). Kraków, 8°, 24.

— Sprawa żydowska w czasie sejmu wielkiego. Lwów, 8°, стр. 87.

Dembiński, B. Konstytucya 3-go Maja a rewolucya francuzka (Dziennik Poznański). Poznań., 8°, стр. 18.

— Upadek rycerstwa. Kraków, 8°, стр. 23.

Demetrykiewicz, W. O stylach zabytków Krakowa, rzecz objaśniona rycinami. Kraków, 8°, стр. 29.

Deskur, B. Krótki rys dziejów stronnictwra ludowego w Polsce. Lwów. 16°, стр. 82.

Diehl, E. Przyczynek de sfragistyki polskiej (Wiadomości numizm.-archeol.). Kraków, 1890, 4°, стр. 16.

Drzewiecki, J. Pamiętniki 1772—1852, wydane na nowo przez Ks. S. Pawlickiego. Kraków. 8°, стр. 366.

Falkiewicz, K. O konstytucyi 3-go Maja, dla młodzieży. Lwów. 8°, стр. 15

Finkel, L. Bibliografia historyi polskiej. Lwów, 4°, стр. 527.

— Konstytucya 3 Maja. wstęp historyczny, odczyt miany w Towarzystwie prawniczem we Lwowie (Gazeta Narodowa). Lwów. 16°, стр. 24.

— O konstytucyi 3-go Maja (Wydawnictwo Macierzy Polskiej). Lwów. 8°, стр. 142.

— см. Callimachus.

Gadon, L. Książe Adam Czartoryski podczas powstania listopadowego. (Przegląd polski). Kraków, 8°, стр. 167.

Galliusz, J. Pamiętnik mieszczanina polskiego, 1650—1653, wydał i wstępem poprzedził J. Kallenbach. (Archiwum do dziejów oświaty VII). Kraków, 1890, 8°, стр. 53.

Gorczak, B. Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1890, 4°. T. III 1432—1534, стр. 556; т. IV 1535—1547, стр. 647.

Grazziani. A. M. Informatio de rebus poloniae ad Henricum regem 1574, edidit J. Korzeniowski. (Scriptores rer. pol. XV. Cracoviae. 8°, стр. 11.

Gubrynowicz, B. Kazimierz Brodziński, 1830—1835, przyczynek do biografii i charakterystyki. (Sprawozdanie Czytelni Akademickiej). Lwów, 8°, стр. 47.

Heck, W. Archiwa miejskie księstw oswiecimskiego Zatorskiego (Sprawozdanie gimnazyum S. Anny). Kraków. 8°, стр. 112.

Kallenbach см. Galliusz.

Kalinka, W. Dzieła. T. I, II: Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta, cz. 1, 2. Kraków, 8°, стр. 323, 418.

Kariejew, N. Upadek Polski w literaturze historycznej, przekład z rosyjskiego. Kraków. 8°. стр. 387.

Kętrzyński, W. Fontes Olivenses (Monumenta Poloniae VI). Lwów, 4°, стр. 126.

— Studya nad dokumentami XII w. (Rozprawy wydz. hist. Akademii XXVI). Kraków, 8°, стр. 122.

Kolberg. O. Chełmskie, obraz etnograficzny, т. II. Kraków, 8°, стр. 265.

— Przemyskie, zarys entograficzny. Kraków, 8°, стр. 243.

Koneczny, F. Walter von Plettenberg, landmistrz inflancki, wobec zakonu, Litwy i Moskwy, 1500—1525 (Rozprawy wydziału hist. Akademii XXVIII). Kraków, 8°, стр. 76.

Konsytucya 3-go Maja 1791 r. przedruk z IX tomu Volumina legum. Kraków, 32°, стр. 31.

Korytkowski. J. Arcybiskupi gnieźnieńscy. prymasowie i metropolici polscy od r. 1000—1821, według źródeł archiwalnych. T. I—IV. Poznań.

1887 — 1891, 4°, стр. 792, 818, 778, 618.

Korzeniowski, J. Catalogus codicum manuscriptorum musei principum Czartoryski, fasciculus III. Cracoviae, 8°; стр. 179—272.

— Polonici regni cum adiunctis provinciis descriptio (Script. rerum polon. T. XV). Cracoviae, 8°, стр. 16.

— см. Grazziani. Orzechowski. Wapowski.

Koszczyc, W. Zygmunt Sierakowski, naczelny wodz żmudzi. Lwów, 16°, стр. 132.

Kozłowski, K. Wojsko polskie w r. 1831, przedstawione w 10 obrazach według rysunków Mottego. Poznań, 4°, стр. 32.

Kraushar, A. Drobiazgi historyczne, II: Marek Reverdil; Obrazek Warszawy; Wspomnienia trybunalskie; Przygody Francuza Payen'a; Notatki Anglika Morisona; Maska żelazna, Ramses Baltazzoni. Petersburg (1892?); 8°, стр. 372.

Krzyżanowski, St. Słowo o dziejach Krakowa (Przewodnik po Krakowie). Kraków. 8°, 16.

Kwartalnik historyczny. Львовское трехмѣсячное издание: Czermak. Listy Jana Kazimierza do Maryi Ludwiki I 10—39; Lisicki. Skrzynecki i Prądzyński w 1831 r. I 83—94; Lisicki. Polityka Austryi podczas trzeciego rozbioru II 235—260; Winiarz. Sądy boże w Polsce II 290—313; Łaguna; Pierwsze wieki kościoła polskiego III 549—568; Kraushar. Poselstwo Chmielnickiego pod Zamość w r. 1648, IV 813—824; Lewicki. Dwa przyczynki do życiorysu J. Ostroroga IV 825—828; Bostel. Uniwersał Zamojskiego z r. 1599; Instrukcya starosty Sanockiego w sprawie wybierania podatków.

Leniek, J. Kandydaci stanu akademickiego, przyczynek do dziejów szkolnictwa z czasów komisyi edukacyjnej (Sprawozd. gimn. w Tarnopolu). Tarnopol. 8°, стр. 42.

Lewicki, A. Codex epistolaris s. XV tomus II 1382—1445 (Monumenta medii aevi, XII), Cracoviae, 4°, стр. 531.

Lichocki, F. Pamiętnik prezydenta miasta Warszawy z r. 1794 (Bibl. uniwersalna). Kraków, 8°, стр. 97.

Liske, X. Akta grodzkie i ziemskie. T. XV. Lwów, 4°, стр. 720.

— Zarys biograficzny, zbiór prac różnych autorów (Kwartalnik historyczny). Lwów, 8°, стр. 84.

Litwin. Dzień 3-go Maja, odczyt dla moich synów. Lwów, 8°, стр. 55.

Łoyko, E. Monografia rodziny Łoyków, spisana podług dokumentów familijnych. Kraków, 8°, стр. 110.

Łoziński, W. Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII w. Lwów. 1892(?), стр. 434.

Łuszczkiewisz, Wł. Studya nad zabytkami architektury w Polsce nasze najdawniejsze kościoły franciszkańskie 1250—1330, Dom wojtowski w Krośnie 1525. (Sprawozdania Komisyi sztuki, т. IV). Kraków, 4°, стр. 51.

Maciejowski, W. A. Historya miast i mieszczan polskich aż do połowy XIX wieku (Rocznik Tow. przyj. nauk pozn.). Poznań. 8°.

Miklaszewski, J. W stuletnią rocznicę konstytucyi 3-go Maja odczyt dla czytelń ludowych. Kraków, 8°, стр. 52.

Miodoński, A. Czas powstania Historyi Florusa (Rozprawy wydziału filolog. Akademii XVI). Kraków, 8°, стр. 10.

Morawski, K. Andrzej Patrycy Nidecki, jego życie i dzieła. Kraków, 8°, стр. 402.

Olizar, G. Pamiętniki, 1798—1865. z przedmową Leszczyca. Lwów, 8°, стр. 300.

Orzechowski, S. Orichoviana opera inedita et epistulae, 1543—1566, vol. I, edidit dr. J. Korzeniowski (Biblioteka pisarzy polskich). Cracoviae. 8°, стр. 740.

— Vita Stanislai Orichovii, gente Rutheni, natione Poloni, ad Jo. Fr. Commendonem a 1564 scripta, nunc primum edita. Ed. S. Korzeniowski. Kraków, 4°, стр. 21 (печатано 50 экз.).

Ostrorog, Jan. Pamiętnik ku pożytkowi Rzeczypospolitej zebrany, wydał T. Wierzbowski. Warszawa, 8°, стр. 44, 32.

P. E. z K. Wspomnienia wygnańca Litwina, 1806—1834. Poznań, 8°, стр. 192.

Pamiętnik II zjazdu historyków polskich we Lwowie, II: Obrady i uchwały. Lwów, 8°, стр. 191.

Pawiński, A. Ostatnia księżna mazowiecka, obrazek z dziejów XVI w. Warszawa, 8°, стр. 175.

Piekosiński, Fr. Materyały sfragistyczne (Wiadomości num.-arch.). Kraków, 16°, стр. 31.

— Uwagi nad ustawodawstwem wislicko-piotrkowskiem Kazimierza Wielkiego. (Rozprawy Wydz. hist. Akademii XXVIII). Kraków, 8°, стр. 91.

Pobóg, H. Manifest mnicha (Mar-

cina Lutra), studjum historyczne z dziejów reformacyi. Warszawa, 8°, стр. 78.

Popiel, P. Powstanie i upadek konstytucyi 3 Maja, według dokumentów oryginalnych. Kraków, 8°, стр. 72.

Pałaski, K. Z życia księżnej Kurońskiej, szkic historyczny. Warszawa. 8°, стр 226.

Sawczyński, H. Jan Dekert prezydent miasta Warszawy. Lwów, 8°.

Semkowicz, A. Walka o monarchią, 1288—1294, ustęp z dziejów piastowskich (Kwartalnik historyczny). Lwów, 8°, стр. 52.

Siarczyński. Dzień trzeci Maja r. 1791 w Warszawie. Kraków, 8°, стр. 187.

Słownik geograficzny Królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich. T. XI. (Szlubowska Wola). Warszawa, 8°, стр. 960.

Smiałowski. E. Tadeusz Kościuszko, jego życie i czyny. Kraków, 16°, стр. 130.

Smoleński, Wł. Przewrót umysłowy w Polsce w. XVIII. Kraków, Petersburg, 8°, стр 424.

Smolikowski, P. Historya zgromadzenia Zmartwychwstania pońskiego. T. I (Przegląd Polski). Kraków, 8, стр. 261.

Smolka, S. Stanowisko mocarstw wobec konstytucyi 3-go Maja. (Rocznik Akademii). Kraków, 8°, стр. 27.

Sokołowski, A. O sejmie czteroletnim. Lwów, 8°, стр. 197.

Szachowski, St. Rzecz o symonii (Rozprawy wydziału hist. Akademii XXV). Kraków, 8°, стр. 179.

Tarnowski, S. Z doswiadczeń i rozmyślań. Kraków, 8°, стр. 422.

Trzeci Maj, książka pamiątkowa wydana nakładem towarzystwa Staszyca. Poznań, 8°, стр. 191.

Trzeci maja, szkic historyczno-społeczny. Lwów, 16°, стр. 85. (Стр. 73—85: Katechizm o tajemnicach rządu polskiego F. Jezierszkiego).

Ulanowski, B. Acta capitulorum cracoviensis et plocensis selecta, 1438—1523 et 1438—1525. (Archivim Komisyi histor. VI). Kraków, 8°, стр. 295.

— O założeniu i uposażeniu klasztoru Benedyktynek w Staniątkach (Rozprawy wydziału histor. Akademii XXVIII). Kraków, 8°, стр. 131.

Waliszewski, K. Z dziejów XVIII w., wstęp do historyi ruchu politycznego w tej epoce. Kraków, Petersburg, 8°, стр. 577 (1892 ?).

Wapowski, B. De bello a Sigismundo I, rege Poloniae, contra Moscos gesto w 1508, edidit Jos. Korzeniowski (Sript. rer. pol. т. XV). Cracoviae, 8°, стр. 11.

Wierzbowski, T. O dukatach Władysława Łokietka i Aleksandra Jagiellończyka (Wiadomości num. arch.). Kraków, 8°, стр. 8.

— см. Ostrorog.

Windakiewicz, St. Informacya o aktach uniwersytetu bolońskiego. (Archiwum do dziejów lit. т. VII). Kraków, 8°, стр. 23.

— Materyały de historyi Polaków w Padwie. (Archiwum do dziejów lit.). Kraków, 8°, стр. 39.

—, Padwa, studjum z dziejów cywilizacyi. (Przegl. Polski). Kraków, 8°, стр. 104.

Wysłoucuowa. O konstytucyi 3-go Maja i przyczynach, które ją wywołały. Lwów, 8°, стр. 75.

Zakrzewski, W. Xawery Liske, wspomnienie pośmiertne. (Przegląd Polski). Kraków, 8°, стр. 39.

Zychliński, T. Złośa księga szlachty polskiej, rocznik XIII. Poznań, 4°, стр. 405.

1892 годъ.

(Свѣдѣнія собраны по 1-е декабря н. ст.).

Abraham, W. Organizacya kościoła w Polsce do połowy w XII, wyd. 2-e uzupełnione i zwiększone. Lwów. 1893, 8°, стр. XX, 303.

Bąkowski. Pierwszy pobyt Austryaków w Krakowie 1796/1809 (Kalendarz Czecha). Kraków, 8°, стр. 15.

— Kraków w czasie powstania Kościuszki. Kraków. 1893, 16°, стр. 80.

Bełcikowski, A. Księdza Stanisława Grochowskiego żywot i pisma. Lwów, 8°, стр. 251.

Bobrzyński, M. Kartka z dziejów ludu wiejskiego w Polsce. Kraków. 1892. 8°, стр. 43.

Bogusławski Wilhelm. Dzieje Słowiańszczyzny północnozachodniej do połowy XIII w. T. III. Poznań. 8°, стр. XIV, 689.

Celichowski, Z. Spory i sprawy pomiędzy polakami a zakonem krzyżackim, wydanie drugie, tom II. Poznań, 4°, стр. 482.

Chmiel, Ad. Album studiosorum universitatis Cracowiensis. Tomi II fasciculus 1: aba v. 1490 ada 1515. Cracoviae. 8°, стр. 160; fasc. II, 1515—1551, стр. XI, 161—347.

Czermak, W. Bellum polonomoschicum ad Czudnow, u. Dni 1600 expeditum (Arch. komis. hist.). Kraków, 8°, стр. 54.

Czołowski, A. Pomniki dziejowe Lwowa z Archiwum miasta. I. Najstarsza księga miejska 1382 — 1389. Lwów.

Dwadzieścia pięć lat. Rosyi w Polsce, 1863—1888, zarys historyczny (Ekonomista Polski). Lwów, 8°, стр. 267.

Górski, Jak. Rada pańska, 1597, wydał dr. W. Czermak. Kraków, 8°, стр. XV, 137.

— K. Pierwsza wojna Rzeczypospolitej w W. księstwem moskiewskiem za Batorego (Bibl. Warszawska). Kraków. 8°, 93—117.

Hryncewicz. Charakterystyka fizyczna ludności żydowskiej, Litwy i Rusi. (Zbiór wiadomości do antropologii XVI). Kraków. 8°, стр. 62.

Kleczyński. Spisy ludności w Rzeczypospolitej polskiej (Rozprawy hist. filoz. Akademii XXX). Kraków, 8°, стр. 29.

Knapiński. Sprawa o kościół w Ostrogu na Wołyniu. Lwów, 1892, 8°; стр. 36.

Kniaziołucki. Materyały do biografii M. Reja z Nagłowic (Archiwum do dziejów literatury VII). Kraków, 8°, стр. 40?.

Korytkowski, J. Arcybiskupi gnieźnieńscy od r. 1000 do 1821, według źródeł archiwalnych. T. V. Poznań. 4°, стр. 377.

Korzeniowski, J. Informatio de rebus oeconomicis Poloniae. 1583 (Scriptores rerum pol. XV). Cracoivae, 8°, стр. 14

Kraushar, Al. Dzieje Krzysztofa Arciszewskiego, 1596—1656; Petersburg. Kraków, 1893, 8°, T. I, стр. 383; T. II, стр. 401.

— Samozwaniec Jan Faustyn Łuba, 1643 — 1646. Warszawa. 16°, стр. 71.

Krzyzanowski. Studya nad najdawniejszą dyplomatyką polską (Sprawozdania wydziału II Akademii). Kraków, 8°, стр. 5.

Latkowski, J. Mendog, król litewski (Rozprawy hist. filoz. Akademii). Kraków, 8°, стр. 154.

Leniek. Przywileje królów i właścicieli miasta Tarnopola (Rocznik kółka naukowego Tarnopolskiego). Tarnopol, 8°, стр. 54.

Lewicki, A. Powstanie Swidrygiełły. (Rozpr. hist. filoz. Akademii). Kraków, 8°, стр. 389.

Lisiewicz, Z. O obsadzaniu stolic biskupich w Polsce. Lwów, 8°. стр. 123.

Łuszczkiewicz. Karta z dziejów malarstwa polskiego, 1765—1850. (Swiat). Kraków, 8°, стр. 39.

Kętrzyński, W. Granice polski w X w. (Rozprawy hist. filoz. Akademii XXX), Krakow, 8°, стр. 32.

— Bruno. Vitae quinque fratrum. (Mon. Pol. VI). Lwów, 4°, стр. 48.

— Chronicon monasterii Claretumbensis, auctore Niv. de Cracowia. (Mon. Pol. VI). Lwów, 4°, стр. 52.

— Catalogi episcopum vratislaviensium. (Mon. Pol. VI). Lwów, 4°, стр. 59.

— Miracula s. Joannis Cantii. (Mon. Pol. VI). Lwów, 4°, стр. 53.

Mierzyński, A. Źródła do mitologii litewskiej od Tacyta do końca XIII w. Warszawa. 8°, стр. 155.

Monumenta historica dioecescos Wladislaviensis. XI Liber retaxationum dioeceseos Wladislaviensis sc. XVI. Vladislaviae, 8°, стр. 76.

Morgenbesser, Al. Kilka uwag o przyczynie upadku polski. Lwów, 8°, стр. 52.

Offmański, M. Wypadki historyczne po trzecim maja 1791 r., skreślił Orion. Kraków, 8°, стр. 29.

Piekosiński, Fr. Prawa, przywileie i statuta miasta Krakowa, 1507—1795. Tom II, zesz. 2, 1587—1696. (Acta historica. T. XII). Kraków, 4°, стр. XXV, 599 - 1105.

— Znaki wodne w rękopisach polskich wieków średnich. (Wiadomości numizm. arch.). Kraków, 4°, стр. 16.

Prochaska, A. Archiwum domu Sapiehów. T. I: Listy z lat 1575—1606. Lwów. 4°, стр. XXXV, 577, 2.

S. Z. L. Historya dwóch lat 1861/62; T. I, 1856/60. Kraków, 8°. стр. 365.

Skirmunt, Konstancya. Z najstarszych czasów plemienia litewskiego, I. Kraków, 8° стр 163.

Sokołowski, M. Miniatury włoskie biblioteki Jagiellońskiej. (Sprawozd. Kom. hist. sztuki V). Kraków, 8°, стр. 44.

— Muzeum rs. Czartoryskich. (Kwart. Hist.). Lwów, 8°, стр. 48.

Spasowicz, Wł. Pisma. Petersburg. 8°. T. I: Wiadomość o Rudawskim.—O Orzelskim.—O Heidenszteinie. — Władysław Syrokomla.—Wincenty Pol, jako poeta.—Marcin Matuszewicz, jako pamiętnikarz. — Nasze dzisiejsze sądy polubowne. — O bajronizmie Mickiewicza.—Konrad Wallenrod.

T. II: Szekspirowska historja tragiczna o księciu duńskim Hamlecie.— Byron i niektórzy jego poprzednicy.— Polskie fantazje na tematy słowianofilskie.— Literacki i polityczny spadek po A. Wielopolskim.— Z powodu polemiki prof. Kostomarowa z prof. Aleksandrem Gradowskim.—John Howard.

T. III: Życie i polityka margabiego Wielopolskiego. — O gminach i sądach gminnych w Królestwie polskiem.

T. IV: O stosunkach majątkowych między małżonkami, według dawnego prawa polskiego. — Teorja włamania się.—Rzecz o tak zwanej „Własności literackiej".—O prawie własności w literaturze. -- Język w sądownictwie.— Rzecz o kodyfikacji ruskiego prawa cywilnego.—O towarzystwach akcyjnych. Rozbior ostatniej pracy K. D. Kawelina: „Zadania etyki", 1885.—Najnowsze prądy w nauce prawa karnego.—O niektórych zmianach zaszłych w 1878 r. w prawodawstwi karnem w Rosji.

T. V: Rzut oka na literaturę ruską w początkach 1859 r. - Pozytywizm w Rosji.—Z powodu życiorysu P. D. Kisielewa.—Mowa na obiedzie literackim, danym I. S. Turgieniewowi 13 marca 1879 r. w Petersburgu.—Mowa na obchodzie puszkinowskim 31 stycznia 1885 r. w Petersburgu.—Artykuł o Aleksandrze Puszkinie.—Mickiewicz i Puszkin przed pomnikiem Piotra Wielkiego. —Bajronizm Puszkina.—Bajronizm Lermontowa.—Rzecz o Puszkinie.

T. VI: Pięćdziesięciolecie uniwersytetu petersburskiego.—Dwa tygodnie w Bułgarji.—Jubileusz Kraszewskiego.— Z wędrówki po Bośni i Hercegowinie.— Wycieczka do Brukseli.—Luźne kartki. Z podróży. Dwa odcinki z „Kraju".— Teka Nieczui.—Korespondencja Turgieniewa.—Lermontow w książce P. Kotlarewskiego.—Książę P. A. Wiaziemski.

Starzyński, St. Konstytucya trzeciego maja na tle współczesnego ustroju innych państw europejskich. Cz. I. Lwów, 8°, стр. X, 216.

— Projekt galicyjskiej konstytucyi 1790/91, Charta Leopoldina. Lwów. 1893, 8°, стр. 64.

Swiątkewicz. An. Ostatni szturm na Smoleńsk (Kwart. Hist.). Lwów, 8°, стр. 15.

Ulanowski. Kilka zabytków ustawodawstwa królewskiego i wojewodzińskiego w przedmiocie handlu i ustanowiania cen. (Arch. Komisyi prawniczej I). Kraków. 8°, стр. 108.

Wierzbowski. Uchańsciana czyli zbiór dokumentów, wyjaśniających życie i działalność J. Uchańskiego. Warszawa. 8°, стр. VII, III, II, 400.

Żychliński, T. Złota księga szlachty polskiej rocznik, XIV. Poznań. 4°, стр. V, 248.

Сборники и повременныя изданія:

Archiwum Komisyi historycznej, т. VI. Kraków, 8°, 463. Ulanowski. Acta capitulorum; Bostel. Taryfa cen. Онъ же. Rachunek skarbu; онъ же. Żydzi ziemi Lwowskiej; Blumenstok. Wiadomość o rękopisach w Petersburgu. Всѣ разсужденія вышли отдѣльно.

Ateneum, варшавское ежемѣсячное изданіе. Smoleński. Walka z przesądem w Polsce w w. XVIII—I, 232—273; Kraushar. Nowe epizody z życia Paska I 433—466; Pawiński. Stefan Czarniecki II 462—470; Menidus. Pseudo-Ostrorog III 123—133; Nehring. Wiadomość o rękopisie gnieźnieńskim, zawierającym statuta iniwersytetu Padewskiege z r. 1301 III 384—380; Jabłonowski. Zasiedtenie Ukrainy w epoce litewskiej IV 439—470.

Biblioteka Warszawska, ежемѣсячное варшавское изданіе. Rembowski. Nowe opracowania źródłowe I 71—94; Morawski, K. Kierunki duchowe za Batorego I 294—315; Czermak. Próba naprawy Rzeczy pospolitej za Jana Kazimierza I 519 —542; Smoleński. Nowa filozofia w Polsce w XVIII II 1—33; Górski. Obrona granic Rzeczy pospolitej od Tatarów II 439—461, III 92—107; Łoziński. Kupiectwo lwowskie w XVI w.

Przegląd powszechny, ежемѣсячное краковское изданіе. Z. C. Wćwierć wieku po uwłaszczeniu chłopów w królestwie polskiem. I 42—52, 197—208; Załęski. Geneza nihilizmu w Rosyi I 226—244, II 76 —100, II 228—247, III 346—359, III 85—98, 341—359, IV 173—191, 351 —372; Monaster bazylianski w] Ladach na Białej Rusi I 379—397; Dubiecki. Podróż do puszcz północy i na stepy Kipczackie z r. 1861—62, I 357—378; II 52—75, 171—195, 384 —408, III 62—82, 169—189; Koneczny. Szkoła Hozjusza w Prusiech II 1—13, 208—227; Ottmann. Pierwsza rocznica ogłoszenia konstytucyi 3-go Maja III 27—43; Wołyniak. Bazylianie na Zmudzi III 313—324, IV 53—72.

Przewodnik naukowy ежемѣсячное львовское изданіе. Listy A. E. Koźmiana 1830—1864, 45—54, 135 —148, 240—251, 331—341, 423—434; Wybranowski. Z domowego Archiwum 55—75; R. Wołyń i Podole w drugiej połowie XVI w. 163—172, 252—260, 342—352; Sternal. O autorze dyaryusza z lat 1696—97,

261—276, 353—364; J. D. K. Rzut oka na starożytną przeszłość Krzemieńca 435—439; Kraushar. Notatki Morisona z podróży po Polsce w r. 1593, 504—512. Kętrzyński. O organizacyi kościoła polskiego do połowy w. XII: 468—474, 561—569, 662—669, 758—763, 842—848; Lisiewicz, Z. O obsadzeniu stolic biskupich w Polsce 604—613, 699—714, 796—804, 897—906, 1001—1012, 1153—1173; Mierzyński. Co znaczy Sicco 741—747, 817—822.

Roczniki. Towarzystwa przyjaciół nauk poznańskiego, T. XVIII, вып. 2. Poznań 8°, стр. 375—516; Bersohn. Posągi kamienne St. Batorego i Jana III w Padwie (375—386); Kraushar. Lament Hrehorego Ościka, 1580 (487—395). Celichowski. List Mikołaja Reja da księcia pruskiego Albrechta (451—457).

Rolle, M. Z życia ormian kamienieckich w XII i XIII w. (Swiat). Kraków, 8°, стр. 24.

Rozprawy Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii. T. XXV. Kraków, 8°, стр. 403. Dargun. Ożródłach prawa miast polskich w w. XVI. II B. Grodzickiego o źródłach porządku sądowego (120—156); Ostrożyński, Ostatni projekt reformy prawa i procesu karnego w polsce (157—224); Szachowski. Rzecz Symonii (225—403). T. XXVI, стр, 440; Borzemski. Kronika Miechowity, rozbior krytyczny (1—149); Kętrzyński. Studya nad dokumentami XII w. 201—319 и отдѣльно). T. XXVII: стр. 419. Dembiński, B. Rzym i Europa przed rozpoczęciem trzeciego okresu soboru trydenckiego (1—264)· Rubczyński. Traktat Vitelliona o porządku istnień, przyczynek do historyi pojęć średniowiecznych (378—410).

Всѣ разсужденія вышли отдѣльно.

Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce. Kraków, 8°, 641. T. VII: Benis· Materyały do historyi drukarstwa i księgarstwa. I. Inwentasze Mi Scharfenberga i Fl. Unglera, 1547—1551; II Inwentassebibliotez prywatnych; Windakewicz. Siedm dokumentów do życia ja nickiego; Informacze o aktach Uniwerzytera bolońskiego; Materyały do historyi polaków w Padwie; Kallenbach. Pamiętnik Galiurza, 1650—1653; Sas przyczynek do krytyki tekstu A. Krzyckiego; Kniaziołucki, materyały do biografii M. Reja.

Ateneum. Warszawa. Koneczny: Z przeszłości miast podgórskich (163—181).—Pawiński. Młode lata Zygmunta Starego, (6—46, 292—341).—Kraushar. Z dziejów Krzysztofa Arciszewskiego, 1596—1566 (217—230). Lutosławski. O znaczeniu i zadaniu historyi filozofii (II, 407—421). — Wittyg. Kilka słów o sprawie autentycznosci dukatów Władysława Łokietka i Aleksandra Jagielończyka, (II, 562—564). Rembowski, A. Reprezentacya stanowa w rozwoju historycznym od XV do XVIII w. (III, 366—392, 526—543; IV, 111—124.)— Górski, K. Woina z wojewodą wołoskim Michałem w r. 1600. (IV, 251—270).

Biblioteka Warszawska. Warszawa. Czermak. Ostatnie lata Jana Kazimierza (I, 1—57; III, 417—468).— Deiches, E. Z czasów ucieczki Walezego (I 197—223).—Pawlicki. Młodość Platona (II, 1—34].—Górski, K. Pierwsza wojna Rzeczypospospolitej w księstwem moskiewskim za Batorego (II, 93—117; Druga wojna, IV, 1—26).— J. Antoni. Dzieje osadnictwa tatarskiego na wołoskiem pograniczu (II, 202—222, 381—406; III, 83—118).— Korzon. Kondeusz Wielki (III, 138—161.—D. S. O konstytucyi Ateńskiej, swieżo odkryte dzieło Arystotelesa (III. 508—526).

Kwartalnik Historyczny. Lwów. Prochaska. W sprawie zajęcia Rusi przez Kazimierza W. (1 — 33). — Korzon. O Chmielnickim sądy Kulisza i Karpowa (34—79). — Świątkiewicz. Ostatni szturm na Smoleńsk (80—92). — Czołowski. Dwa dyaryusze najazdów tatarskich na Ruś. Hryncewicz. Biskup unicki Dyonizy Zabokrzycki. — Sokołowski. Muzeum ks. Czartoryskich (229-276).—Bilczewski. Maniusz Acyliusz Glabryo (465—497).—Bostel. Ostatnia księżna mazowiecka (498—526).—Wehrmann. Studenci polacy w pedagogium szczecińskiem.—Bostel. Stacye królewskie na Rusi w r. 1524.—Czołowski. Relacya o oblężeniu Lwowa przez B. Chmielnickiego. — Franko Jwan. Charakterystyka literatury ruskiej XVI—XVIII w. (693—727),—Prochaska. Konfederacya lwowska 1464 (728—780).—Krzyżanowski. Początki dyplomatyki polskiej (781—820).

Przegląd polski. Kraków. Lisicki. Talleyrand (I, 1—46, 339—383, 515—566; II, 100—145; III, 89—124, 348—364). — Pawlicki. Xenophont (прод. 47—94, окон. 288—338). Cwikliński. Konstytucya Aten. świeżo odkryte dzieło Arystotelesa (II, 51—99).— Bobrzyński. Karta z dziejów ludu wiejskieko w Polsce (III, 1—31).— Popowski, J. Narodowość-rasa. sło-

wiaństwo-panslawizm (IV, 1—35).— Ledjan. Nowy pamiętnik o wojnach napoleońskich (IV, 129—173).

Przegląd powszechny. Kraków. —Szarłowski. Sekciarstwo w Rosyi: Sztunda i jej rozgałęzienie (I, 45—69); Sekta L. Tołstoja (III, 105—117. 305—320; IV, 53—70).—Dubiecki. Car Alexy Michajłowicz na Litwie (I 161—176, 346 —663). — Koneczny. Zatarg szkolny chełmiński, 1554—1557 (II, 1—20; 165—186: 324—352.

Przewodnik naukowy. Lwów. Koneczny. E. Jagiełło i Witołd, 1382—1392 (1—14, 97—113, 193—209, 289—301, 481—494, 577—591, 673—690, 679—780, 865—885).—Kraushar, A. Samozwaniec Jan Faustyn Łuba (15—22, 114—120, 210—219, 302—311).— Alkar. Bajków, z kartek pamiętnika rękopismiennego, 1824—1829 (495—504, 592—603, 691—700, 781—790, 806—898).

Rozprawy Akademii umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny t. XXVIII. Kraków, I, 8°, стр. 453.—Ulanowski. O założeniu klasztoru w Staniątkach. (1—131).—Koneczny. Walter Plettenberg wobec zakonu, Litwy i Moskwy, 1500—1525 (132—207).— Piekosiński. Uwagi nad ustawodawstwem Kazimierza W. (209—299).— Latkowski. Mendog (300—453). T. XXIX.—Blumenstrak, A. Studya nad historyą własności u ludów germańskich (1—127).—Lewicki. Powstanie Świdrygiełły (128—516).

Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 8°, T. XV, стр. IV, 98, 39, 282.—I. Ossowski. Sprawozdanie z wycieczki paleontologicznej po Galicyi w r. 1890 (1—88).— O grobach niecałopalnych w Myszkowie (89—98). — II. Zakrzewski. Wzrost w królestwie polskim (1—39).— III. Gadki górali beskidowych (1—43). Sylwestrowicz. Wiadomość o swieceniu łuczywem na Litwie (44—45).— Kosiński. Niektóre zabobony z okolic Makowa i Andrychowa (46—52).— Udziela. Lud polski w powiecie ropczyckim (53—180). — Ulanowska. Łotysze Inflant polskich (181—282).

Списокъ историческихъ статей и рецензій въ русскихъ общихъ журналахъ за 1891 годъ.

(В. Е. = Вѣстникъ Европы, Набл. = Наблюдатель, Р. Б. = Русское Богатство, Р. В. = Русскій Вѣстникъ, Р. М. = Русская Мысль, Р. О. = Русское Обозрѣніе, С. В. = Сѣверный Вѣстникъ).

А. Историческія статьи.

Астыревъ, Н. Субботники въ Россіи и Сибири. С. В., іюнь, 34—70.

Безобразовъ, П. В. Очерки средневѣковой жизни. Наблюдатель, мартъ; 138—153, апрѣль, 259—276; май, 146—152; іюнь, 60—72 іюль, 58—68.

Безобразовъ, П. Еще объ „Исторіи" Д. И. Иловайскаго. Р. О., февраль, 932—940.

Безобразовъ, П. О сношеніяхъ Россіи съ Франціей. Р. О., январь, 205—236; февраль, 587—624; мартъ, 306—337; апрѣль, 604—638; май, 279—313; іюнь, 609—660; августъ, 548—593; сентябрь, 5—54; ноябрь, 173—241; декабрь, 489—515.

Бизе, Альфредъ. Историческое развитіе чувства природы. Р. Б, январь, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь.

Борисовъ, Л. Б. Къ исторіи Петровскихъ полковъ Р. В., ноябрь, 251—263.

Бородинъ, С. М. Русская журналистика въ концѣ прошлаго столѣтія. Наблюдатель, мартъ, 61—102.

Буслаевъ. Мои воспоминанія. Вѣстн. Евр., апрѣль, 469—492; май, 183—215; іюнь, 553—568; іюль, 177—219; октябрь, 612—648; ноябрь, 138—164.

Быковъ, А. А. Славяне и тевтоны. Наблюдатель, мартъ, 298—324.

Быковъ, А. А. Шулханъ-Арунъ. Н., іюнь, 140—153.

Быковъ, А. А. Талмудъ Вавилонскій. Наблюдатель, апрѣль, 120—133; май, 161—673.

В. Т. Послѣдній титанъ милитаризма. С. В., іюнь, 183—197.

Георгіевскій, С. М. Миѳическія воззрѣнія и миѳы китайцевъ. Р. О., октябрь, 728—776; ноябрь, 42—97.

Генри Мэнъ. Опыты о народномъ правительствѣ. Р. Б., январь, мартъ, апрѣль, май—іюнь, іюль, сентябрь, декабрь.

Герье, В., Средневѣковое міровоззрѣніе, его возникновеніе и идеалъ. Вѣстн. Евр. Январь, 172—196; февраль, 752—781; мартъ, 5—29, апрѣль, 495—552.

Джаншіевъ, Гр. Какъ возникъ нашъ судъ присяжныхъ. Русск. Мысль, январь, 148—159.

Джаншіевъ, Гр. Роль тверского дворянства въ крестьянской реформѣ. Р. М., май, 83—100.

Ефименко, Александра. Малороссійское дворянство и его судьба. Вѣст. Евр., августъ, 515—569.

Е. Ѳ. Къ вопросу объ египетской миѳологіи и религіи. Р. О., январь, 151—187; февраль, 559—586.

Карѣевъ, Н. Новая біографія Мирабо. Рус. Мысль, январь, 25—37.

Карѣевъ, Н. Исторія и философ-

ское значеніе идеи прогресса. С. В., ноябрь, 91—112; декабрь, 57—75.

Каутскій, К. Возникновеніе брачныхъ союзовъ. Пер. Покровскаго. С. В., сентябрь, 173—215; октябрь, 69—93.

К—я, И. По поводу шестисотлѣтія швейцарской конфедераціи. Русская Мысль, сентябрь. 107—118; октябрь, 93—120.

Ключевскій, В. Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси. Русск. Мысль, январь, 132—147.

Кудрявцевъ, А. Средневѣковое міровоззрѣніе. Русск. Мысль; мартъ, 23—40, апрѣль, 30—43.

Лависъ. Идея священной римско-германской имперіи. Русск. Мысль, апрѣль, 96—122.

Лучицкій, И. Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи. С. В., іюль, 1—20; августъ, 1—13; сентябрь, 1—20.

Любовичъ, Н. Вопросъ о сущности историческаго процесса. Р. М., декабрь, 108—116.

М. Общественные идеалы два вѣка тому назадъ. Р. М., ноябрь; 20—29.

Мартенсъ. Ф. Россія и Англія въ продолженіи XVI и XVII вѣковъ. Русск. Мысль, январь, 38—54; февраль, 1—36.

Матвѣевъ, П. А. Новая книга Тэна. Р. В., апрѣль, 276—294; май, 234—258, іюнь, 276—321.

Михайловъ (Шеллеръ). Царства двухъ монаховъ. С. В. іюнь, 73—92; іюль, 41—65; августъ, 41—87; сентябрь, 57—114.

Н. П. Ѳ. Одна изъ гипотезъ о сущности историческаго процесса. Русск. Мысль, май, 42—59.

Овцынъ, В. Къ исторіи и статистикѣ городского пролетаріата въ Россіи. Русск. Мысль, май, 60—82.

Пыпинъ, А. Первыя извѣстія о Сибири и ея заселеніе. Вѣстн. Евр., августъ, 742—789.

Пыпинъ, А. Эпизоды изъ исторіи XVIII вѣка. Вѣстн. Евр., сентябрь, 261—285.

Р. М. Н. Картины античнаго міра. Русск. Мысль, февраль, 176—193; мартъ, 150—188.

Середа, Н. Изъ исторіи волненій въ Оренбургскомъ краѣ. Рус. Мысль, іюль, 32—44; августъ, 18—38.

Слонимскій. Л. Франко-русская политика въ началѣ столѣтія. Вѣстн. Евр. февраль, 816—837.

Слонимскій. Л. Франко-русскія отношенія при Наполеонѣ I. Вѣстн. Евр., мартъ, 378—394, апрѣль, 703—723.

Татищевъ, С. Міровой раздѣлъ. Р. В., февраль, 3—49; ноябрь, 3—23; декабрь, 3—25.

Шильдеръ, Н. К. Записка графа М. Н. Муравьева объ Австріи. Р. В., октябрь, 3—21; декабрь, 191—211.

*** О преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ I. Р. В., ноябрь, 166—196.

В. Историческія рецензіи.

Aristotle, on the constitution Athens, edited by F. H. Kenyon. 1890. Рус. Мысль, апрѣль, библіографич. отдѣлъ, 188—189.

Архангельскій, А. С. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Казань. 1890. Р. О., май, 456—459. Ст. Глубоковскаго

Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Ред. Семевскій. 1890. Рус. Мысль, мартъ, библіогр. отдѣлъ, 127—130. Р. В., май, 334—339. Ст. Чечулина. В. Е., авг., 310—339, ст. Брикнера.

Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, Спб. 1891. Вѣст. Евр., февраль, библіогр. листокъ.

Барсуковъ, И. Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, Москва, 1891. Р. О., іюнь, 840—912, іюль, 450—468. Ст. П. Безобразова.

Барсуковъ, И. Дѣятели Восточной Сибири. Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій. Москва, 1891. Р. В., іюнь, 286—298. Ст. А. М-скаго.

Барсуковъ. И. Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій, по его письмамъ, оффиціальнымъ документамъ, разсказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ. Москва. 1891 г. Вѣст. Евр., май, библіограф. листокъ.

Благовѣщенскій, Н. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб. 1891. Вѣст. Евр., іюль, 405—409; Р. М., май, 226.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб. 1891. рец. А. В., Вѣст. Евр., декабрь, 855—857.

Бубновъ, Н. Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ. Спб. 1888—1889—1890. Вѣст. Евр., іюль, 395—401. Рец. Н. Карѣева.

Бузольтъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьковъ, 1890. Рус. Мысль, мартъ, библіогр. отдѣлъ, 133.

Васильевскій, В. Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи. Спб.

1890. Рус. Мысль, февраль, библіогр. отдѣлъ, 77—79.

Васильевъ, И. Историко-статистическій указатель города Пскова. Псковъ. Рус. Мысль, февраль, библіогр. отдѣлъ. 79—80.

Веберъ, Г. Всеобщая исторія. пер. Циммермана. М. 1891 г. Вѣст. Евр., іюнь, библіогр. листокъ.

Витевскій, В. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Казань, 1890, 1891. Рус. Мысль, апрѣль, библіогр. отдѣлъ, 185—186.

Гартвигъ. Къ вопросу о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Москва. 1891. Вѣст. Евр., апрѣль, библ. листокъ.

Ге, Г. Историческій очеркъ столѣтняго существованія города Николаева при устьѣ Ингула. Николаевъ. 1890. Рус. М., февраль, библіогр. отдѣлъ, 80.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Составилъ кн. Щербатовъ. Спб. 1891. Р. В., декабрь, 329—334.

Германъ, Ф. Врачебный бытъ до Петровской Руси. Харьковъ, 1891. Вѣст. Евр., октябрь, 841—844.

Голицынъ, Л. Укекъ. Доклады и изслѣдованія по археологіи и исторіи Укека. Саратовъ, 1891. Рус. Мысль, іюль, библіогр. отдѣлъ, 312—313.

Голубевъ, П. Алтай. Томскъ. 1890. С. В., іюнь, 118—119.

Горенбергъ, М. Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи. Спб. 1891. С. В., сентябрь, 92—93.

Грушевскій. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст. Кіевъ, 1891. Вѣст. Евр., декабрь, 849—851.

Джаншіевъ, Гр. Основы судебной реформы. М. 1891. С. В., октябрь, 96—97.

Дж. Брайсъ. Св. Римская имперія. М. 1891. Перев. Петрушевскій. Рус. Мысль, январь, библіогр. отдѣлъ, 14—15.

Döllinger, I. Papsthum. München, 1892. Р. В., декабрь, 338—339.

Дройзенъ, I. Исторія эллинизма. Перев. Шелгуновъ. М. 1891. Рус. Мысль, мартъ, библіогр. отдѣлъ, 131—132. Наблюд., мартъ, 27—30.

Елпатьевскій. Учебникъ русской исторіи. Спб. 1891. Вѣст. Евр., февраль, библіогр. листокъ.

Животовъ, Н. Церковный расколъ Петербурга въ связи съ обще-россійскимъ расколомъ. Спб. 1891. Вѣст. Евр., іюль, 401—405.

Ибервегъ-Гейнце. Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Пер. Колубовскаго. Рус. Мысль, январь, библ. отдѣлъ, 11—12. В. Е., январь, 448—449. Рец. В. С.

Иванюковъ, И. Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Москва. 1891 г. Вѣст. Евр. августъ, библ. листокъ.

Иловайскій, Д. Исторія Россіи. Москва. 1891. Р. В., февраль, 342—346. С. В., мартъ, 96—110, ст. А. Кз.

Историческіе матеріалы изъ Архива Министерства Государственныхъ Имуществъ. Спб., 1891. Р. О., ноябрь, 472—480. Ст. Е. К. Нелидова.

K. v. D. Die Konfessionellen Wirren in Livland vom Jahre 1865 bis zum Gegenwart. Lpz. 1891., Р. В., ноябрь, 330—336.

Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Спб. 1891, перев. В. Н. Яковенко. Р. Б., ноябрь, 235—240.

Kneisel, B. Die Weltgeschichte ein Zufall? Berlin. 1891. Вѣст. Евр., августъ, 862—865. Рец. Л. С.

Кролюницкій, А. Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. Москва. 1891. Н., сентябрь, 24—25.

Кузнецовъ, Н. Историческіе акты XVII столѣтія. Томскъ. 1890. Рус. Мысль, іюль, библіограф. отдѣлъ, 313—314.

Лависсъ. Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. Перев. Первова. Москва. 1891. С. В., августъ, 77—78.

Ланглэ. Жизнь Тимура. Перев. Суворовъ. Ташкентъ. 1890. Рус. Мысль, февраль, библіогр. отдѣлъ, 82.

Леонидъ, арх. Святая Русь или свѣдѣнія о всѣхъ святыхъ. Спб., 1891 Р. В., май, 339—342.

Любке. Иллюстрированная исторія искусствъ. Спб. 1891. Вѣст. Евр., январь, библіогр. листокъ.

Luchaire. Les communes françaises à l'époque des Capetiens directs. Paris. 1890. Рус. Мысль, январь, библіогр. отдѣлъ, 15—19.

Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. въ XVI—XVIII ст. Подъ редакціей Д. Багалѣя.. Харьковъ, 1890. Р. В., октябрь, 361—362.

Maspeero, G. Lectures historiques. Paris. 1890. Рус. Мысль, іюнь, библіогр. отдѣлъ, 271.

Межовъ, В. Сибирская библіографія. Спб. 1891. С. В., декабрь, 125—126. В. Е., ноябрь. 399—402. Р. М., іюль, библіогр. отдѣлъ 314. С. В., іюнь, 119—120.

Мировичъ, Н. Госпожа Роланъ. Спб. 1890. Рус. Мысль, апрѣль, библ. отдѣлъ, 187—188.

Миллеръ, Г. Матеріалы для исторіи Императорской Академіи наукъ. Спб. 1890. Вѣст. Евр., январь, библіогр. листокъ.

Morny. Extrait des mèmoires du duc de Morny. Une ambassade en Russie 1856. Paris. Ollendorf. 1892. Р. О., декабрь, 937—943. Ст. Д. Гессе.

Ольденбергъ, Г. Будда, его жизнь, ученіе и община. Москва. 1891. Пер. П. Николаева. Наблюдатель, май, 17—18. В. Е., май, библ. листокъ.

Пинегинъ, М. Казань въ ея прошломъ и настоящемъ. Спб. 1890. Рус. Мысль, февраль, библ. отдѣлъ, 79.

Постоянный Наблюдатель. Листки изъ настоящаго и прошлаго Финляндіи. Спб. 1891. С. В., ноябрь, 83—84.

Пудавовъ, В. Исторія войска Донского и старобытность началъ казачества. Новочеркаскъ. 1890. Рус. Мысль, іюнь, библіогр. отдѣлъ, 270—271.

Сборникъ Русскаго Императорскаго Общества. Спб. 1891. Рус. Мысль, августъ, библіогр. отдѣлъ, 348—350. В. Е., апрѣль, библіогр. листокъ.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ изъ архива собственной Е. И. В. Канцеляріи. Спб., 1891. Р. В., октябрь, 355—361.

Семеновъ, Н. П. Проекты манифеста 19 Февраля 1861 г. Р. В., іюнь, 47—67.

Смирновъ, И. Пермяки. Казань, 1891. Рус. Мысль, августъ, библіогр. отдѣлъ, 350.

Строевъ, П. Описаніе рукописей монастырей Волоколамскаго, Новый-Іерусалимъ и др. Спб. 1891. Р. В., май, 339—342.

Столпевская, А. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Москва. 1891. Н., іюнь, 25—26.

Сукачевъ, В. Иркутскъ. М. 1891. С. В., сентябрь, 93—94. В. Е. октябрь, 844—850.

Süpfle, Th. Geschichte des deutschen Kultureinflusses auf Frankreich mit besonderer Berücksichtigung der litterarischen Enwricklung. Gotha, 1890. Р. В., августъ, 314—315.

Schaible, Karl Heinrich. Die Juden in England von achten Jahrhundert bis zur Gegenwart. Karlsruhe, 1890. Р. В. августъ, 316- 318.

Thouvenel L. Nicolas I et Napoléon III. Paris, 1891. Р. О., сентябрь, 425—441. Ст. П. Безобразова.

Трачевскій, А. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей. С. В., іюнь, 120—121.

Уманецъ, И. Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ. Спб. 1890. Рус. Мысль, февраль, библіогр. отдѣлъ, 80—81.

Файфъ, Ч. Исторія Европы XIX вѣка. Москва. 1890. Пер. Л. Лучицкой. Наблюдатель, мартъ, 33—34.

Фаминцынъ, А. Домрà и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Спб. Вѣст. Евр., августъ, 843—850.

Филипповъ, А. О наказаніи по законодательству Петра В. въ связи съ реформою. Москва. 1891. С. В., сентябрь, 90—92.

Фонъ-Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Москва. 1891. Н. іюль, 26—29. В. Е., іюнь, 862—866.

Fustel de Coulanges. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Paris. 1891. Вѣст. Евр., апрѣль, 891—893.

Харузинъ, А. Киргизы Букеевской орды. Москва. 1891. Рус. Мысль, августъ, библіогр. отдѣлъ, 351 — 352.

Цвѣтаевъ, Дм. Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія. Москва. 1890. Р. О., январь, 473.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Кіевъ. 1889, 1890. Рус. Мысль, январь, библіогр. отдѣлъ, 13—14.

Шляпкинъ, И. Св. Дмитрій Ростовскій и его время. Спб. 1891. Рус. Мысль, іюнь, 268—269. В. Е., іюль, 409—413. Рец. А. П.

Эварницкій, Д. Вольности запорожскихъ казаковъ. Спб. 1890. Рус. Мысль, іюль, библіогр. отдѣлъ, 314.

Якушкинъ, В. Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вѣкахъ. Москва. 1891. Р. В., мартъ, 299—306.

ОТДѢЛЪ II.

Н. М. Благовѣщенскій.

Рѣчь, произнесенная В. И. Модестовымъ въ засѣданіи Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ 21 октября 1892 г.

Мм. гг.!

Мнѣ трудно было отказаться отъ предложенія, сдѣланнаго мнѣ почтеннымъ предсѣдателемъ нашего Общества, сказать передъ вами нѣсколько словъ по случаю кончины сочлена нашего, Николая Михайловича Благовѣщенскаго. Покойный былъ мой учитель, который умѣлъ внушить мнѣ любовь къ своей наукѣ, и которому я обязанъ тѣмъ, что еще въ годы своего студенчества избралъ своею спеціальностью классическую филологію, а не другую область историко-филологическихъ знаній. Будучи моимъ руководителемъ въ избранной мною наукѣ, онъ, а не кто другой, внушилъ мнѣ мысль и смѣлость идти по ученой дорогѣ и искать профессуры. Слѣдовательно, покойный былъ человѣкъ, вліяніе котораго опредѣлило мою судьбу, дало такое, а не другое направленіе моей жизни. Какъ же мнѣ было отказываться говорить о немъ въ этотъ часъ, когда всѣ вы сочли своимъ долгомъ почтить память усопшаго сочлена! Мнѣ нельзя забывать и того, что я не только одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Николая Михайловича, но и первый изъ его учениковъ, занявшій университетскую каѳедру по его спеціальности. Двое другихъ его ближайшихъ учениковъ, позднѣе у него учившихся, успѣли уже отдать дань публичной признательности своему учителю: одинъ — по случаю совершенія его сорокалѣтней ученой дѣятельности и затѣмъ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его государственной службы, праздновавшагося въ февралѣ текущаго года, а другой — въ некрологѣ, напечатанномъ въ оффиціальномъ органѣ министерства народнаго просвѣщенія. Мнѣ же еще не выпадало на долю случая исполнить долгъ, который уже испол-

нили другіе. Въ юбилеѣ своего бывшаго учителя я не могъ принять участія потому, что жилъ въ то время за границей, а послѣ его кончины, случившейся вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Россію и прибытіи въ Петербургъ, я еще не принималъ участія въ публичной дѣятельности. Настоящее собраніе Историческаго Общества, въ которомъ вы только-что почтили память покойнаго сочлена общимъ вставаніемъ съ мѣстъ при его имени, даетъ мнѣ удобный случай произнести о немъ публичное слово, и я пользуюсь этимъ случаемъ тѣмъ охотнѣе, что существовавшія между мною и покойнымъ болѣе двадцати лѣтъ отношенія нѣкоторой отчужденности могли подать поводъ думать, что я не чувствую подобающей признательности къ памяти своего учителя.

Моя рѣчь, мм. гг., не будетъ ни юбилейнымъ панегирикомъ, ни оффиціальнымъ некрологомъ. Всему свое время. Было время для юбилейнаго гимна, было время и для похоронной неніи. Теперь требуется не восхвалять усопшаго дѣятеля во что бы то ни стало перечисленіемъ его добродѣтелей, а оцѣнить его. Нужды нѣтъ, что при этой оцѣнкѣ выступятъ на сцену не однѣ добродѣтели,—изъ которыхъ, кстати сказать, никогда не слагается жизнь земного человѣка,—а въ сжатомъ видѣ вся сумма дѣятельности почившаго лица съ ея не только сильными, но и слабыми сторонами. Надлежащая оцѣнка заслугъ покойнаго есть именно то, чего отъ насъ требуетъ уваженіе къ его памяти. Отъ руководящагося справедливостью разбора дѣлъ покинувшаго насъ дѣятеля личность его можетъ только выиграть и выиграть гораздо больше, чѣмъ отъ огульнаго и какъ бы обязательнаго восхваленія.

Кто былъ П. М. Благовѣщенскій?

Онъ былъ русскій ученый, дѣйствовавшій на этомъ поприщѣ перомъ и преподаваніемъ. Слова *русскій ученый* теперь уже не заключаютъ въ себѣ какого-то сомнительнаго оттѣнка не только у насъ, но даже и за границей, такъ какъ европейскимъ спеціалистамъ извѣстенъ цѣлый рядъ русскихъ ученыхъ именъ, ими признанныхъ вполнѣ равноправными съ другими членами ученой республики; и это не въ одной области математики, какъ то было еще недавно, а, можно сказать, во всѣхъ областяхъ науки. Но недалеко, очень недалеко то время, когда къ словамъ *русскій ученый* относились съ сомнѣніемъ или съ ироніей даже въ самой Россіи. Такъ относились къ нимъ, впрочемъ не русскіе, а всецѣло у насъ господствовавшіе на ученыхъ поприщахъ иностранцы, особенно люди германскаго происхожденія. Николаю Михайловичу выпало на долю одному изъ первыхъ въ Россіи завоевать въ своемъ отечествѣ мѣсто для русскаго филолога, который, будучи такимъ-же ученымъ, какъ и другіе, преподаетъ классическую филологію

въ русскихъ университетахъ не только не хуже нѣмцевъ, но и съ большею пользою для слушателей, и не только преподаетъ, но и вообще служитъ этой наукѣ въ своемъ отечествѣ плодотворнѣе, чѣмъ вызванные изъ-за границы или пріѣхавшіе изъ балтійскихъ провинцій филологи. До тѣхъ поръ, если и признавались филологами люди русскаго происхожденія, то лишь тѣ, которые именно личности русскаго филолога не имѣли и преподавали науку, если ихъ допускали къ этому,—что̀ было рѣдкимъ явленіемъ, — такъ, какъ преподавали ихъ нѣмецкіе учителя и покровители, т.-е. такъ-же односторонне, сухо и безплодно. Ученые же труды, кромѣ тощихъ латинскихъ диссертацій, обыкновенно письменныхъ и рѣдко печатныхъ, считались для такихъ русскихъ филологовъ совсѣмъ ненужными. Да и о чемъ имъ было писать? Для университетскаго преподаванія, съ точки зрѣнія тогдашнихъ нѣмецкихъ филологовъ въ Россіи, требовалось лишь чтеніе древнихъ авторовъ съ одними или почти съ одними грамматическими объясненіями, а изданія этихъ авторовъ считались дѣломъ нѣмцевъ, которые мастера и на всякія объясненія. Что же касается до посвященія публики въ филологическіе вопросы, до ознакомленія ея съ древнимъ міромъ, то о такихъ задачахъ мало въ то время думали въ самой Германіи: съ какой же стати объ этомъ думать въ Россіи? Такъ было до сороковыхъ годовъ нашего столѣтія, когда въ Москвѣ и въ Казани появились на каѳедрѣ новые люди: въ Москвѣ—Леонтьевъ, въ Казани—Благовѣщенскій. Они только-что возвратились изъ-за границы, гдѣ познакомились въ разныхъ университетахъ съ тѣмъ, какъ живетъ, какъ преподается настоящая наука о классической древности, иначе называемая классическою филологіей, и рѣшились придать ей жизнь и въ Россіи. Леонтьевъ написалъ и напечаталъ свою магистерскую диссертацію по-русски: случай до того времени не бывалый. Благовѣщенскій, находясь въ Казани, гдѣ классическая филологія была въ нѣмецкихъ рукахъ, написалъ свою диссертацію по-латыни, но сталъ писать въ журналахъ статьи по исторіи римской литературы,—фактъ, до того времени въ Россіи почти неслыханный и производившій на филологовъ стараго закала и ихъ поклонниковъ впечатлѣніе скандала. Леонтьевъ приступилъ къ изданію сборника статей по классической древности, подъ заглавіемъ „Пропилеи", что̀ составило въ нѣкоторомъ родѣ эпоху въ исторіи нашего образованія; Благовѣщенскій принялъ въ составленіи статей для этого сборника дѣятельное участіе, и первая книжка сборника (1851) была начата его статьей „О гіератикѣ въ древнемъ греческомъ искусствѣ", статей на тему, на которую была написана имъ раньше латинская диссертація. Но Леонтьевъ, увлекшись общественнымъ движеніемъ, послѣдовавшимъ за

печальнымъ исходомъ Крымской войны, скоро оставилъ научныя занятія по классической древности въ сторонѣ, прекратилъ изданіе „Пропилей“ (1856) и взялся вмѣстѣ съ Катковымъ издавать „Русскій Вѣстникъ“, а затѣмъ весь ушелъ въ „Московскія Вѣдомости“: Благовѣщенскій, также отзываясь по временамъ на общественные вопросы, не бросалъ своей спеціальности, а продолжалъ заниматься римской литературой, даря публику отъ времени до времени живо написанными статьями въ журналахъ, а иногда и цѣлыми книгами по этому предмету, не покидая вполнѣ и исторіи древняго искусства, блестящимъ трудомъ по которой и закончилась его плодотворная ученая дѣятельность.

Я сказалъ *плодотворная* дѣятельность. Сказать это можно далеко не о всякомъ, хотя бы и очень ученомъ, дѣятелѣ. Покойный видѣлъ одно время на своей каѳедрѣ въ трехъ университетахъ своихъ учениковъ, изъ которыхъ каждый дѣятельно трудился на пользу науки. Требуется ли болѣе яркое доказательство большой пользы, которую приносило его университетское преподаваніе? Могли ли указать на такіе громкіе плоды своего преподаванія Грефе и Фрейтагъ, профессорствовавшіе въ Петербургѣ, Фатеръ и Струве въ Казани, Нейкирхъ и Дёлленъ въ Кіевѣ? Нѣтъ, ни Фрейтагъ, ни Фатеръ, ни Струве, ни Нейкирхъ, ни Дёлленъ не только не имѣли счастія видѣть своихъ учениковъ занимающими университетскія каѳедры, но и не оставили послѣ себя никакого преемника, который бы занялъ каѳедру своего учителя въ какомъ бы то ни было университетѣ. Одинъ Грефе оставилъ себѣ преемника въ лицѣ своего зятя Штейнмана, о значеніи котораго какъ въ наукѣ вообще, такъ и въ русской наукѣ въ частности, сказать совершенно нечего. Н. М. Благовѣщенскій, какъ студентъ Главнаго Педагогическаго Института, былъ также слушателемъ Грефе, читавшаго тамъ греческихъ авторовъ, но нигдѣ не видно, чтобы лекціи этого авторитетнаго въ тогдашнемъ Петербургѣ ученаго производили на него особенно благодѣтельное дѣйствіе. Н. М. никогда не занимался греческой литературой, какъ и никогда не высказывалъ, чтобы онъ былъ вообще много обязанъ этому профессору. Поэтому не безъ нѣкотораго недоумѣнія я прочелъ въ упомянутомъ некрологѣ Н. М. напечатанномъ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ (сентябрь, 1892), слѣдующія строки: „*Нѣтъ сомнѣнія*, что его (т.-е. Грефе) лекціи возбудили въ даровитомъ молодомъ человѣкѣ особенную любовь къ классической филологіи, которой онъ и посвятилъ себя впослѣдствіи“. Нѣтъ, мм. гг., сомнѣніе тутъ есть, хотя Грефе тутъ и названъ „приснопамятнымъ“, и его не можетъ не быть, особенно когда и въ оффиціальной „Исторической Запискѣ» о петербургскомъ университетѣ, составленной ко дню его пятидесятилѣтняго юбилея (1869) покой-

нымъ теперь профессоромъ В. В. Григорьевымъ, о вліяніи *лекцій* Грефе на его русскихъ слушателей неоднократно говорится съ явнымъ скептицизмомъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ этой записки (стр. 73) мы читаемъ: „Изученіе классическихъ языковъ держалось единственно энергіею, требовательностію и авторитетомъ Грефе, на котораго смотрѣли, какъ на гиганта учености. *Но нельзя сказать, чтобы и преподаваніе Грефе способствовало распространенію вкуса къ ознакомленію съ древностью въ писателяхъ ея и памятникахъ искусства.* Этого и не могло быть при преподаваніи предмета русскимъ студентамъ на латинскомъ языкѣ; Грефе же, кромѣ того, принадлежалъ къ той школѣ преподавателей, которая не находила нужнымъ вдаваться въ историческія и археологическія подробности, и ограничивалъ свое преподаваніе грамматическимъ и эстетическимъ комментаріемъ объясняемыхъ авторовъ". Можетъ быть, оріенталистъ Григорьевъ, хотя онъ былъ человѣкъ очень ученый и самъ слушалъ Грефе три года [1]), не судья въ дѣлѣ преподаванія классической филологіи? Положимъ такъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: высказавъ свое мнѣніе о преподаваніи Грефе, почтенный оріенталистъ дѣлаетъ выноску, въ которой мы читаемъ: „изъ записки профессора Благовѣщенскаго". Рѣчь идетъ о запискѣ, которую Н. М. доставилъ Григорьеву, о преподаваніи классической филологіи въ петербургскомъ университетѣ его предшественниками вмѣстѣ съ своимъ curriculum vitae. Правда Н. М. слушалъ Грефе не въ университетѣ, а въ педагогическомъ институтѣ; но, преподавая въ институтѣ, Грефе не могъ быть другимъ человѣкомъ, и сужденіе Н. М. объ его преподаваніи, приведенное профессоромъ Григорьевымъ, во всякомъ случаѣ показываетъ, что преподаваніе Грефе не играло большой роли въ возбужденіи любви къ классической филологіи въ Н. М., по крайней мѣрѣ роль эта не сознавалась имъ впослѣдствіи. Если самъ Благовѣщенскій въ одной своей латинской рѣчи и говоритъ о Грефе „nunquam nobis obliviscendus", то это было, разумѣется, не больше, какъ риторическій оборотъ, которому нельзя придавать серьёзнаго значенія.

Приснопамятность Грефе для Благовѣщенскаго на самомъ дѣлѣ состояла въ томъ, что онъ оставилъ въ Петербургѣ традицію, съ которой долго приходилось бороться Николаю Михайловичу, а отчасти и ученикамъ его. Внесеніе живого элемента въ преподаваніе, чтеніе исторіи римской литературы и древностей, да ознакомленіе публики съ предметами своей спеціальности посредствомъ живыхъ статей,

---

[1]) См. его „Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая Записка и пр. Спб. 870, стр. 25-я примѣчаній.

помѣщавшихся въ журналахъ, было въ глазахъ почитателей Грефе ересью, легкимъ обращеніемъ съ наукой. Почитатели Грефе и въ университетѣ, и внѣ его были порицатели Благовѣщенскаго, и перешедшій изъ Казани въ 1852 г. въ Петербургъ на мѣсто Фрейтага молодой профессоръ римской словесности сталъ казаться имъ „фельетоннымъ ученымъ", преподаваніе котораго не серьезно, и не можетъ способствовать образованію истинныхъ филологовъ.

Съ этимъ именно взглядомъ на Н. М. встрѣтился я прежде всего въ Петербургѣ, когда, поступивъ въ 1856 г. въ студенты Главнаго Педагогическаго Института, сталъ осматриваться кругомъ и сталкиваться съ людьми, близкими къ тогдашнимъ представителямъ классицизма. Этотъ взглядъ принесъ къ намъ въ институтъ ученикъ (покойнаго теперь) Люгебиля, бывшаго тогда преподавателемъ въ Ларинской гимназіи. Подобный же взглядъ высказывали тѣ, кто прошелъ школу Лапшина въ третьей, называвшейся тогда *филологическою*, гимназіи. Мнѣ, еще въ бытность студентомъ, не разъ приходилось выдерживать живые споры за направленіе, котораго держался профессоръ, сдѣлавшійся моимъ руководителемъ, не разъ приходилось вести эту борьбу и впослѣдствіи. За то недоброжелатели Н. М. дѣлались eo ipso и моими врагами. Мнѣ старались дѣлать вредъ не только за мою дѣятельность, но и за то, что я былъ близокъ къ Благовѣщенскому. Н. М. хорошо понималъ это и не разъ высказывалъ. Когда я прислалъ изъ-за-границы въ 1862 г. первый отчетъ о своихъ занятіяхъ, высказавъ въ немъ недовольство направленіемъ нѣкоторыхъ изъ германскихъ профессоровъ въ чтеніи древнихъ авторовъ, отчетъ, поднявшій бурю въ средѣ петербургскихъ нѣмцевъ и ихъ русскихъ поклонниковъ и заставившій ихъ накинуться на меня не только въ русской печати, но и за-границей, то Благовѣщенскій, котораго сначала было сбили съ толку ложныя толкованія моихъ мыслей и коварное приписываніе мнѣ того, что̀ принадлежало отчету другого лица (Новоселова), писалъ мнѣ въ Римъ отъ 1-го сентября 1863 г. изъ Петербурга слѣдующее: „Помнится, что я откровенно писалъ къ вамъ объ этомъ въ Боннъ. Въ то же время я, однако, очень хорошо понималъ, что журнальная брань, возбужденная этими отчетами, въ большей части случаевъ направлена была не столько противъ васъ, сколько противъ моей особы. Ваше недовольство исключительно грамматическимъ толкованіемъ древнихъ авторовъ было приписано, какъ мнѣ кажется, довольно справедливо моему вліянію. Вотъ почему съ самаго начала я смотрѣлъ на ваше дѣло, какъ на мое собственное, хотя и былъ очень недоволенъ рѣзкостью и безтактностью нѣкоторыхъ мыслей въ вашихъ отчетахъ (т.-е. въ моемъ и Новоселова). Со многими взглядами, высказанными въ нихъ, я не

могу не согласиться, потому что это мои собственные взгляды, не разъ заявленные мною печатно... Я думаю, что современемъ намъ придется еще вмѣстѣ ратовать за русскую филологію, и защитить ее отъ нашествія иноплеменниковъ". Когда потомъ въ концѣ 1864 г. я представилъ въ историко-филологическій факультетъ свою магистерскую диссертацію о Тацитѣ, то хотя она и была принята факультетомъ благосклонно, но Благовѣщенскому пришлось за меня выдержать не малую бурю. Противъ диссертаціи возсталъ поклонникъ (едва ли впрочемъ искренній) Грефевскаго направленія, М. С. Куторга. Онъ упрекалъ меня и въ томъ, почему диссертація написана не по-латыни, и въ томъ, что предметъ ея очень обширенъ, и въ томъ, что я будто бы отзываюсь о нѣкоторыхъ ученыхъ не съ надлежащимъ почетомъ. Послѣ бурнаго засѣданія, ожидать результата котораго я долженъ былъ на дому у Н. М., онъ пришелъ домой хотя и съ торжествующимъ видомъ, но въ большомъ возбужденіи. Когда я замѣтилъ ему, къ чему было ему изъ-за меня такъ много волноваться, тѣмъ болѣе, что вопросъ о принятіи диссертаціи былъ уже рѣшенъ, онъ прямо заявилъ, что онъ тутъ бился не за меня, а за себя, такъ какъ было ясно, что стрѣлы противниковъ были направлены прямо противъ его личности.

Но этотъ актъ борьбы за новое направленіе въ преподаваніи и въ разработкѣ классической филологіи былъ едва ли не послѣднимъ актомъ этой борьбы для Н. М. Борьба этого рода скоро прекратилась сама собой. Ее прекратило время, выступленіе на сцену новыхъ дѣятелей, наконецъ самъ университетскій уставъ 1863 года, который расширилъ область предметовъ классической филологіи въ преподаваніи, сдѣлалъ чтеніе исторіи литературы и древностей обязательнымъ и ввелъ въ программу преподаванія исторію искусства, чѣмъ было исполнено сердечное желаніе Н. М. Когда же нѣсколько лѣтъ спустя, обнаружилось новое нашествіе иноплеменниковъ на классическую филологію въ Россіи, то бороться противъ него пришлось не Благовѣщенскому, а другому.

Теперь посмотримъ на учено-литературную дѣятельность Н. М. отъ ея начала до того періода, когда онъ уже не является въ какой бы то ни было коллизіи съ противниками его направленія, и когда его труды получаютъ новый характеръ.

Выступая на учено-литературное поприще, Н. М. выходилъ изъ той мысли, что пришла пора знакомить публику съ древнимъ міромъ, съ его литературой, исторіей, бытомъ и искусствомъ посредствомъ статей, доступныхъ образованному читателю, и что для этого не требуется ничего другого, какъ передавать результаты трудовъ, имѣющихся въ большомъ изобиліи въ западныхъ литературахъ, въ особен-

ности въ нѣмецкой. Мысль эту онъ нѣсколько разъ высказывалъ и мнѣ, и другимъ, и проводилъ ее на дѣлѣ. Такимъ образомъ, у него образовался рядъ статей, которыя въ сущности—не что иное, какъ болѣе или менѣе искусная передача готовыхъ изслѣдованій. Такова его первая статья по римской литературѣ, статья, которою онъ открылъ свою учено-литературную дѣятельность и которая была помѣщена въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за 1848 г. (іюнь), подъ заглавіемъ: „О судьбахъ римской трагедіи", такова и послѣдняя статья этого періода, озаглавленная: „Римскій сатирикъ Персій", помѣщенная въ 1866 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (октябрь). Однѣ изъ этихъ статей опирались на капитальныя или наиболѣе важныя изслѣдованія по даннымъ вопросамъ, какова, наприм., статья о трагедіи, въ основу которой легло изслѣдованіе Ланге „Vindiciae tragoediae Komanae", (Лейпц. 1822), или статья объ Ателланахъ во II томѣ „Пропилей", для которой главный матеріалъ дали Мункъ своимъ изслѣдованіемъ „De fabulis Atellanis" (Лейпц. 1840) и Мейеръ своими „Etudes sur le théâtre latin (Paris, 1847), или статья „О римскихъ пантомимахъ", матеріаломъ для которой послужило изслѣдованіе Гризара „Die Pantomimen der Römer (Rhein. Museum, 1833). Нѣкоторыя же изъ этихъ статей были вызваны просто какою-либо иностранною статьей текущей ученой литературы, какова, наприм., статья „Гостинницы въ древности", помѣщенная въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1852 г. и составленная, главнымъ образомъ, по статьѣ Целля въ его „Ferienschriften" съ такимъ же заглавіемъ. Въ этомъ пріемѣ пропаганды научныхъ знаній, конечно, нѣтъ ничего дурного и, при данныхъ обстоятельствахъ, именно, когда русской литературы по классической древности совсѣмъ не существовало, а дѣятели, способные знакомить публику съ результатами науки по этому предмету, считались единицами, такой пріемъ навязывался даже необходимостью. И Леонтьевъ, приступая къ изданію своего сборника, прямо заявляетъ, что „Пропилеи" хотятъ не исправлять господствующія понятія и создавать новыя, а знакомить съ событіями, данными исторіею, и съ воззрѣніями, уже выработанными въ наукѣ. „Они (продолжаетъ онъ) надѣются помѣщать отъ времени до времени и такія статьи, которыя говорятъ новое слово въ наукѣ; но общее ихъ назначеніе состоитъ болѣе въ томъ, чтобы знакомить съ современною наукою, нежели въ томъ, чтобы преобразовывать науку и двигать ее впередъ". Значитъ, обвинять Благовѣщенскаго, такъ сказать, за компилятивный характеръ его статей о римской литературѣ, нечего. Такой характеръ статей требовался временемъ, и еслибы русскіе ученые того времени писали только *изслѣдованія*, то наше образованное общество не имѣло бы ни „Пропилей", ни многочисленныхъ статей одного изъ главныхъ тогдаш-

нихъ представителей классической филологіи въ Россіи, т.-е. статей Н. М. Благовѣщенскаго. Въ статьяхъ такого рода, разумѣется, есть всегда извѣстная слабость, и на взглядъ спеціалиста всегда найдется не мало промаховъ (въ первомъ изданіи своихъ „Лекцій" по исторіи римской литературы мною были указаны крупные промахи въ статьѣ „О началѣ римской комедіи"), но цѣли, для которой онѣ пишутся, онѣ все-таки достигаютъ, особенно когда являются въ такомъ мастерскомъ изложеніи, какое всегда было свойственно Благовѣщенскому.

Однако, всему должна быть мѣра. Если вся ученая литература по данному предмету становится лишь передачей чужихъ изслѣдованій, то это не только не содѣйствуетъ развитію науки въ странѣ, а прямо ведетъ къ ея пониженію. Въ странахъ, гдѣ—большая ученая жизнь гдѣ есть много ученыхъ работниковъ и появляются постоянно новыя изслѣдованія, популяризація знаній по чужимъ изслѣдованіямъ не представляетъ никакой опасности: тамъ многообразная и многосторонняя работа уравновѣшиваетъ всякія крайности. Но у насъ только популярныя и, главное, несамостоятельныя статьи представляли неудобства, и съ этой стороны недруги Н. М. имѣли долю справедливости въ своихъ нареканіяхъ. Профессоръ есть не только литераторъ, но и ученый; онъ долженъ не только просвѣщать публику, но и утверждать науку въ странѣ, приготовлять ученыхъ дѣятелей; онъ долженъ ихъ учить работать не только наставленіями, но и собственнымъ примѣромъ. Благовѣщенскій писалъ всегда интересныя статьи, которыя хорошо знакомили съ дѣломъ, но, строго говоря, не были статьями, по которымъ можно было бы учиться. Для того, чтобы учиться, надо было обращаться къ иностраннымъ литературамъ. Эта, если хотите, слабая сторона дѣятельности Н. М. чувствовалась мною и въ то время, какъ чувствуется и теперь, и бывали случаи, когда, при нападеніяхъ на него изъ лагеря противниковъ, приходилось молчать, какъ, напр., когда, также покойный теперь, Нейлисовъ сдѣлалъ очень непріятную вылазку противъ статьи его о Персіѣ [1]). Можно было, конечно, указывать и на вполнѣ самостоятельныя статьи Н. М., какова, наприм., прекрасная статья подъ названіемъ „Пермскіе сказочники и Петроній", помѣщенная въ „Русскомъ Словѣ" (1860), или какъ „Взглядъ Нибура и Грота на Александра В." (тамъ же); но эти статьи, напечатанныя въ легковѣсномъ журналѣ, при своемъ популярномъ характерѣ, не могли служить доказательствомъ напряженныхъ усилій ихъ автора. Болѣе ученый характеръ или, по крайней мѣрѣ, видъ имѣетъ его латинская рѣчь о застольныхъ пѣсняхъ древнихъ римлянъ (De car-

[1]) См. „С.-Петербургскія Вѣдомости", 1867, № 148. „По поводу одной ученой статьи".

minibus convivalibus), произнесенная имъ въ 1853 году на актѣ Главнаго Педагогическаго Института, гдѣ авторъ выступаетъ въ защиту въ то время сильно оспаривавшейся Нибуровской теоріи о вліяніи эпическихъ пѣсенъ, т.-е., по нашему, былинъ, на содержаніе древнѣйшей римской исторіи. Но актовыя рѣчи вообще не принадлежатъ къ продуктамъ большой учености ихъ авторовъ, и все, что въ этой рѣчи сказано, могло быть написано при помощи самыхъ ходячихъ въ то время книгъ по исторіи римской литературы, Бэра и Краузе, хотя я не сомнѣваюсь, что Н. М. работалъ надъ этою рѣчью не мало и ознакомился съ спеціальною литературою, на которую онъ ссылается. Настоящимъ серьёзнымъ трудомъ этой эпохи былъ у Благовѣщенскаго трудъ о Горацiѣ, который помѣщался сначала отдѣльными статьями въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1857—9 гг. и былъ изданъ авторомъ отдѣльно въ 1864 г. съ присовокупленіемъ двухъ главъ, изъ которыхъ одна была помѣщена въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1857 г., а другая составляла рѣчь, произнесенную на актѣ с.-петербургскаго университета въ 1855 г. Трудъ этотъ основанъ не только на обширномъ знакомствѣ съ ученой литературой о Гораціѣ, но и на ближайшемъ изученіи самого Горація и въ этомъ отношеніи представляетъ одну изъ главныхъ монографическихъ работъ (если не самую главную) по исторіи римской литературы въ нашемъ отечествѣ. Сознавая важность этой работы въ русской литературѣ, Н. М. представилъ ее на соисканіе Уваровской преміи, хотя и сильно опасался, что Академія наукъ, тогдашніе представители которой по классической филологіи меньше всего думали о русской литературѣ, отдѣлается почетнымъ отзывомъ. Такъ именно и случилось. Но когда это случилось, Н. М., къ удивленію моему, принялъ этотъ почетный отзывъ не безъ удовольствія и даже однажды въ устномъ спорѣ со мной, когда я указалъ на недостатки этого труда, сослался на почетный академическій отзывъ, какъ на доказательство неумѣстности моихъ возраженій.

Рядомъ съ занятіями по исторіи римской литературы у Благовѣщенскаго была еще другая, побочная спеціальность: это — археологія, въ смыслѣ исторіи древняго искусства. По археологіи онъ, какъ мы видѣли, писалъ свою магистерскую диссертацію. Напечатана она была по-русски въ 1851 г., въ I томѣ „Пропилей". Но проходили годы, и онъ не печаталъ ничего по этому предмету, хотя и нерѣдко заговаривалъ о своей любви къ нему. Наконецъ, въ 1862 г. онъ выпросилъ себѣ годичную коммандировку за-границу и отправился въ Римъ, гдѣ думалъ заняться искусствомъ. И дѣйствительно занялся имъ подъ руководствомъ Бруна, одного изъ секретарей Института археологической корреспонденціи, извѣстнаго уже и тогда за боль-

шого специалиста. Я позволю себѣ привести здѣсь для выясненія дѣла отрывокъ изъ интереснаго письма, которое писалъ мнѣ Н. М. въ Боннъ, отъ 2 января 1863 г. (по новому стилю):

„Къ неописанному моему удовольствію я снова сдѣлался студентомъ и штудирую не съ меньшимъ жаромъ, какъ въ первую мою поѣздку за границу, ровно 20 лѣтъ тому назадъ. Сначала Римъ подавилъ меня громаднымъ количествомъ предметовъ изученія, которыя представляются здѣсь на каждомъ шагу. Подъ вліяніемъ хандры и апатіи, вывезенныхъ мною изъ Петербурга, задача, которую я предложилъ себѣ, показалась мнѣ неудобоисполнимою; а задача эта состояла въ томъ, чтобы положить въ петербургскомъ университетѣ хотя первое начало преподаванію исторіи древняго искусства. Теперь я уже оріентировался въ Римѣ, и успѣху моихъ занятій не мало содѣйствуетъ проф. Брунъ (секретарь здѣшняго археологическаго общества [?]), съ превосходными трудами котораго я уже былъ знакомъ въ Петербургѣ. Съ Бруномъ я сошелся очень хорошо. Около него составился небольшой кружокъ нѣмецкихъ ученыхъ, къ которому примкнулъ и я. Нѣсколько разъ въ недѣлю онъ читаетъ намъ лекціи въ здѣшнихъ музеяхъ, гдѣ мы имѣемъ предъ глазами богатѣйшій матеріалъ для исторіи классическаго искусства. Теперь мы разбираемъ разные отдѣлы Ватиканскаго музея; затѣмъ перейдемъ въ Капитолійскій, потомъ займемся виллами (Albani, Ludovisi, Borghese и пр. и пр.). Не зависимо отъ этихъ лекцій Брунъ будетъ читать намъ систематическій курсъ исторіи древняго искусства въ здѣшнемъ нѣмецкомъ Künstlerverein'ѣ. Благодаря Бруну мнѣ открыта библіотека здѣшняго археологическаго общества. Словомъ, я очень доволенъ и занимаюсь очень прилежно". Затѣмъ черезъ два мѣсяца (отъ 8 марта) онъ писалъ мнѣ: „Теперь я больше, чѣмъ когда-нибудь жалѣю о томъ, что мнѣ не пришлось побывать здѣсь въ мои студенческіе годы. Римъ и римская Кампанья, дѣйствительно научатъ лучше понимать древность, чѣмъ любая нѣмецкая книга. Прошу васъ передать этотъ мой совѣтъ и другимъ нашимъ филологамъ вмѣстѣ съ моимъ имъ поклономъ".

Впослѣдствіи римскія занятія весьма пригодились Н. М.; но въ первые года по возвращеніи его изъ Рима они мало отразились на его литературныхъ трудахъ. Возвратившись въ Петербургъ, онъ какъ видно изъ некролога его, помѣщеннаго въ сентябрьской книжкѣ журнала Мин. Нар. Просв., прочелъ курсъ римской топографіи (очевидный плодъ его пребыванія въ Римѣ); но что касается литературной дѣятельности, то онъ принялся тогда за собраніе въ одну книгу своихъ статей о Гораціѣ, а затѣмъ занялся, подъ вліяніемъ прочитанной имъ въ „Revue de deux mondes" (сентябрь, 1863) статьи Марта, Пер-

сіемъ, этюдъ о которомъ онъ напечаталъ лишь въ 1866 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Занятія же археологіей были имъ отложены.

Быть можетъ, Н. М. думалъ приняться за нихъ вмѣстѣ съ осуществленіемъ мысли о возобновленіи „Пропилей", покинутыхъ Леонтьевымъ ради публицистической дѣятельности. Мнѣ хорошо извѣстно, что мысль объ изданіи въ Петербургѣ сборника въ родѣ „Пропилей" преслѣдовала Благовѣщенскаго очень сильно съ самаго момента прекращенія сборника московскаго. Онъ высказывалъ мнѣ ее много разъ, встрѣчая во мнѣ, разумѣется, полное сочувствіе. Когда я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи университетскаго курса уѣхалъ на службу въ Петрозаводскъ, то въ первомъ же письмѣ, которое я тамъ получилъ отъ Н. М., отъ 24 декабря 1860 г., онъ говоритъ объ этомъ сборникѣ, высказывая желаніе помѣстить въ немъ мою работу о новооткрытомъ тогда латинскомъ историкѣ, Граніѣ Лициніанѣ, которая ему нравилась; но тутъ же прибавляетъ: „Дѣло о сборникѣ все еще не подвинулось впередъ; напоминать о немъ Кушелеву я не хочу, самъ онъ все еще въ Парижѣ". Н. М. велъ переговоры съ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, извѣстнымъ меценатомъ того времени, о принятіи послѣднимъ на себя издержекъ на изданіе. Надежда на Кушелева была, очевидно, плоха; но проходили годы, а Н. М. все еще мечталъ объ осуществленіи своей идеи. Лѣтомъ 1865 г. писалъ онъ мнѣ изъ Карлсбада въ Одессу: „Меня все еще не оставляетъ мысль объ изданіи сборника въ родѣ „Пропилей". Предварительно однако хочу издать сборникъ нѣкоторыхъ моихъ статей, за исключеніемъ тѣхъ, которыя напечатаны въ „Пропилеяхъ". Не знаю, какъ долго еще покойный лелѣялъ мысль о сборникѣ статей по классической древности: въ слѣдующихъ письмахъ, становившихся все болѣе и болѣе рѣдкими, онъ уже не упоминалъ о ней, а въ 1868 г. наша переписка окончательно прекратилась. Прекратилась впрочемъ не только переписка, прекратились и наши добрыя отношенія.

Здѣсь я волей-неволей долженъ коснуться одного крайне горестнаго событія въ своей жизни: своей полемики съ Н. М. Не мнѣ, а другимъ принадлежитъ право произнести свой приговоръ объ этой несчастной полемикѣ. Но я знаю напередъ, что за одно я буду несомнѣнно осужденъ (быть можетъ, съ этого самаго мѣста, когда меня не будетъ на свѣтѣ): за то, что я выступилъ въ этой полемикѣ съ большою рѣзкостью противъ своего учителя. Вину свою въ этомъ отношеніи я признаю всецѣло, не смотря на то, что не я бросилъ перчатку глубокаго раздора, и что мнѣ въ данныхъ обстоятельствахъ нельзя было не поднять ее. А раздоръ былъ такъ глубокъ, что его, казалось не въ состояніи залѣчить никакое время. Благодарю Бога,

однако, за то, что Н. М. сошелъ въ могилу безъ враждебнаго ко мнѣ отношенія. Еще за три съ половиною года до его смерти я получилъ отъ него небольшую записку (отъ 10 февраля 1889 г.), которая оканчивалась словами: „Весьма желаю войти съ вами въ прежнія добрыя отношенія“. Мой, вскорѣ послѣдовавшій, отъѣздъ изъ Петербурга на три года помѣшалъ развитію этихъ добрыхъ отношеній; но все же мы разстались въ этой жизни не врагами. Судьбѣ даже угодно было, чтобы мнѣ, въ числѣ немногихъ его старыхъ друзей, привелось опустить 4-го августа его тѣло въ могилу и бросить на его гробъ горсть земли, общей нашей матери, всѣхъ насъ ожидающей, все примиряющей, все успокоивающей въ дѣлахъ человѣческихъ.

Въ 1872 г. Н. М. переѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву, куда онъ былъ назначенъ ректоромъ Университета. Съ этого времени для него ясно обозначился начавшійся еще раньше новый періодъ учено-литературной дѣятельности, дѣятельности рѣшительно плодотворной. Тамъ имъ была окончена и издана въ Петербургѣ (1873) книга о Персіѣ съ латинскимъ текстомъ, переводомъ и объясненіемъ всѣхъ произведеній этого римскаго сатирика. Книга эта должна была потребовать много труда у автора, и онъ доказалъ въ ней, что умѣетъ справляться съ очень серьезными задачами. Персій—авторъ трудный, возбуждающій много недоумѣній для комментаторовъ, и усвоеніе его нашей литературѣ, сдѣланное рукою спеціалиста, есть заслуга не малая. Такой трудъ былъ, какъ мнѣ кажется, рѣшительно нуженъ для того, чтобы поддержать или, коли угодно, поднять ученую репутацію Н. М. въ такое время, когда и въ Россіи научныя требованія отъ филолога стали совсѣмъ другія, чѣмъ какъ это было въ пятидесятыхъ годахъ. Выступили на сцену одинъ за другимъ филологи, которые, познакомившись съ новымъ научнымъ движеніемъ въ Германіи, принесли съ собою въ отечество и новые взгляды, и новыя задачи, и болѣе строгія научныя требованія. Старые русскіе филологи, стоявшіе внѣ новаго научнаго движенія въ филологіи, выразившагося особенно въ изученіи латинскихъ надписей и исторической разработкѣ латинскаго языка, естественно отходили на задній планъ. Трудомъ по Персію Н. М. доказалъ, что онъ, хотя и остался чуждъ историческому изученію языка, нашедшему особенно важную точку опоры въ надписяхъ, не желаетъ уходить на задній планъ, и, издавъ съ переводомъ и комментаріемъ труднаго писателя, онъ удержалъ свое мѣсто въ русской наукѣ. Продолжая свои занятія въ этомъ родѣ, онъ сталъ переводить и объяснять Ювенала и, возвратившись въ концѣ 1883 г. на жительство въ Петербургъ, успѣлъ издать такимъ образомъ въ журналѣ Мин. Нар. Просв. четыре са-

тиры. Переводъ Ювенала, какъ и Персія положительно хорошъ, хотя не мало мѣстъ въ немъ и подлежитъ не только возраженіямъ, но и поправкамъ; что же касается комментарія, то здѣсь нельзя не пожалѣть, что Н. М. были недоступны труды английскихъ филологовъ, въ дѣлѣ объясненія какъ Персія, такъ и Ювенала имѣющихъ первостепенное значеніе. Но, съ какими бы требованіями ни приступать къ этимъ трудамъ покойнаго, справедливая критика должна ихъ счесть важнымъ пріобрѣтеніемъ русской ученой литературы.

Съ этюдомъ по Ювеналу Н. М. выступилъ въ первый разъ въ 1859 г. на своихъ публичныхъ лекціяхъ, на которыхъ мнѣ пришлось присутствовать еще студентомъ. Что это была за свѣтлая пора въ моей жизни! Петербургская публика наполняла огромную актовую залу въ Университетѣ; студенты Университета и Главнаго Педагогическаго Института наполняли хоры. Все имѣло видъ бодрый, веселый, полный надеждъ на широкое будущее. Лекціи, въ которыхъ такъ живо и такъ твердо передавалось Ювеналовское негодованіе противъ ужасовъ правленія Домиціана, имѣли блестящій успѣхъ, тѣмъ больше, что лекторъ, находясь подъ вліяніемъ общаго возбужденія въ ту эпоху, не пропускалъ случая сдѣлать тамъ и сямъ намекъ на современность, который быстро схватывался слушателями, такъ недавно еще пережившими печальныя времена, приведшія къ крымскому погрому [1]). Ровно черезъ тридцать лѣтъ, въ 1889 году, Н. М. читалъ въ Соляномъ Городкѣ также двѣ публичныхъ лекціи, даже на тему, близкую къ прежней и касавшуюся той же злополучной въ исторіи человѣчества эпохи. Онъ читалъ о Марціалѣ и Стаціѣ, извѣстныхъ поэтахъ Домиціанова времени, но совершенно противоположныхъ Ювеналу по своимъ душевнымъ качествамъ, по своему раболѣпному характеру, по своему презрѣнному міросозерцанію, которое, впрочемъ, давало имъ возможность говорить въ такое время, когда возвышенныя натуры, какъ Тацитъ и Ювеналъ, могли только молчать. На этихъ лекціяхъ мнѣ тоже довелось присутствовать. Но какая перемѣна въ публикѣ, въ ея настроеніи! Публики было очень мало, хотя лекціи были весьма интересны и, несомнѣнно, больше выработаны, чѣмъ двѣ лекціи 1859 г. Печальнѣе всего было то, что и ученики Н. М., которыхъ въ Петербургѣ не мало, почти всецѣло блистали своимъ отсутствіемъ. Такова русская общественность! Подъ гнетомъ надвигающагося на насъ все больше и фа-

---

[1]) Лекціи о Ювеналѣ были отданы для напечатанія въ Русскій Вѣстникъ, но такъ какъ Леонтьевъ счелъ нужнымъ выпустить въ нихъ вступленіе, то Н. М. перепечаталъ ихъ тогда же въ „Студентскомъ Сборникѣ“ (вып. II) и издалъ отдѣльной брошюрой (Спб., 1860).

тальнѣе нравственнаго огрубѣнія теряется среди насъ даже чувство обыкновеннаго, обязательнаго для всѣхъ образованныхъ людей, приличія. Впрочемъ, лекціи эти, будучи напечатаны въ „Русской Мысли" (апрѣль, 1890), обратили на себя довольно живое вниманіе читающей публики.

Вы видите, какъ велико въ Благовѣщенскомъ было стремленіе жить научною жизнью. Уже въ концѣ седьмого десятка лѣтъ онъ не только работаетъ надъ тѣмъ или другимъ отдѣломъ науки, но и выступаетъ съ публичными лекціями, желая провести нѣсколько минутъ въ непосредственномъ духовномъ общеніи съ людьми, интересующимися высшимъ образованіемъ. Такимъ образомъ, и въ концѣ своей жизни онъ намъ, ученикамъ своимъ, далъ примѣръ неизсякаемой любви къ своему дѣлу, живучести въ душѣ научнаго интереса и стремленія вносить умственное движеніе въ сферу общественную.

Въ послѣдніе годы своей жизни Н. М. обратился и къ исторіи древняго искусства, которою онъ началъ свою учено-литературную дѣятельность, представивъ по этому предмету диссертацію для полученія степени магистра. То была диссертація объ одномъ изъ начальныхъ періодовъ пластическаго искусства, когда оно всецѣло было подчинено религіознымъ цѣлямъ, мѣшавшимъ его свободному развитію. Теперь онъ обратился къ позднимъ его эпохамъ, когда оно, переживъ длившійся полтораста лѣтъ классическій періодъ, начатый Фидіей и Поликлетомъ и окончившійся съ Праксителемъ и Лизиппомъ, еще долго продолжало цвѣсти и выставлять цѣлые ряды замѣчательныхъ по технической отдѣлкѣ произведеній. Благовѣщенскій, выходя изъ мысли, что эпохи, производившія такія художественныя вещи, какъ группа Лаокоона и Фарнезскій быкъ,—произведенія родосской школы,—или какъ умирающій Галлъ и Гигантомахія на пергамскомъ жертвенникѣ, — произведенія пергамской школы, — не могутъ считаться эпохами упадка, какими ихъ считаютъ со временъ Винкельмана, приходитъ къ заключенію, что эти эпохи представляютъ собой, напротивъ, время высокаго процвѣтанія художественной пластики. Онъ полагаетъ, что современемъ будетъ признано, что пора высокаго ея развитія не только продолжалась въ эпоху діадоховъ, но не закончилась діадохами, „а продолжалась съ тѣмъ же блескомъ и въ начальные періоды римской монархіи (имперіи?) до Адріана включительно".

Не смотря на всю шаткость и въ нѣкоторомъ отношеніи даже парадоксальность этой теоріи, имѣвшей правда, уже давно своихъ представителей и высказанной Н. М. еще въ его работѣ „О гіератинѣ въ древнемъ греческомъ искусствѣ" (Пропилеи, I, 20) никакая его книга не читается съ такимъ интересомъ, какъ его послѣдняя

книга: „Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры“ (Спб., 1891 г.). Столько въ ней живости и увлеченія автора своимъ предметомъ, столько убѣжденности, столько, наконецъ, увлекательности въ изложеніи! Не всякому дано и въ молодые годы такъ увлекательно говорить о предметахъ научнаго и художественнаго интереса, какъ говоритъ о нихъ въ этой книгѣ семидесятилѣтній старикъ, имѣвшій по русскимъ понятіямъ, и право, и возможность почить отъ всѣхъ дѣлъ своихъ.

Тѣмъ, что я указалъ, конечно, не исчерпывается учено-литературная дѣятельность Н. М. Благовѣщенскаго. Писалъ онъ иногда рецензіи на книги по римской словесности, писалъ иногда статьи по педагогическимъ вопросамъ. Но ни тотъ ни другой изъ этихъ видовъ его дѣятельности не представляетъ чего-либо выдающагося. Педагогическія его идеи были здравы: онъ всегда возставалъ противъ грамматическаго направленія въ изученіи древнихъ языковъ и съ удовольствіемъ сообщилъ публикѣ мысли Кёхли (тоже дорогое мнѣ имя!), рѣшительно стоявшаго за историческое направленіе, какъ за такое, которое дѣлаетъ плодотворнымъ чтеніе древнихъ авторовъ и ведетъ къ ознакомленію съ древнимъ міромъ. Что касается до рецензій на русскія филологическія сочиненія, то здѣсь онъ, къ сожалѣнію, больше держался субъективной, чѣмъ объективной точки зрѣнія, да и не всегда стоялъ на уровнѣ науки въ тѣхъ вопросахъ, которые ему приходилось разсматривать. Вообще говоря, какъ критика, такъ и полемика его были рѣдко удачны, и искать въ этой области его успѣховъ было бы напрасно.

Слабая сторона свойственна всякому человѣку и всякому ученому. Поэтому ученаго надобно цѣнить не по ошибкамъ, неизбѣжнымъ во всякомъ трудѣ, а по услугамъ, оказаннымъ имъ наукѣ и отечественному просвѣщенію. Наука, которою занимался Н. М., такова, что, при современномъ ея состояніи, трудно двигать ее впередъ русскому ученому, стоявшему вдали отъ матеріала, которымъ она обновляется. Н. М. никогда и не претендовалъ на титло двигателя европейской науки, а стремился только къ тому, чтобъ сообщить ей жизнь и движеніе въ своемъ отечествѣ. Съ этой точки зрѣнія важныхъ заслугъ его не въ состояніи оспорить никакая несправедливость, никакое недоброжелательство. Его труды по Горацію, Персію и Ювеналу составляютъ очень крупный вкладъ въ сокровищницу русской науки, и признательность исторіи русской науки и русскаго просвѣщенія за нимъ несомнѣнно обезпечена. Я радъ, что мнѣ пришлось громко произнести эти слова въ ученомъ собраніи, передъ столь многочисленными слушателями.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

издаваемый подъ редакціей

Н. И. КАРѢЕВА.

(1893 г.).

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1893.

Печатается по постановленію Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Спб. 7 мая 1893 г.

Предсѣдатель *Н. Карѣевъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Приложеніе.

ОТДѢЛЪ I.

Очеркъ исторіи изученія Финикійской древности.

Б. А. Тураева.

Нельзя не замѣтить отраднаго явленія, что въ нашемъ образованномъ обществѣ интересъ къ древнему востоку развивается все болѣе и болѣе. Египетская и ассиро-вавилонская древность перестали быть исключительнымъ достояніемъ ученыхъ; интересъ къ нимъ болѣе широкаго круга общества вызываетъ на всѣхъ языкахъ появленіе многихъ, даже популярныхъ трудовъ. Точно такого же вниманія долженъ былъ бы заслуживать и немногочисленный, но успѣвшій завоевать себѣ почетное мѣсто во всемірной исторіи финикійскій народъ. Эта своеобразная нація, имѣющая такъ много сходства съ другими народами древняго Востока и, въ то же время, такъ рѣзко отъ нихъ отличающаяся во многихъ отношеніяхъ, была посредницей между центрами восточной культуры; она комбинировала и перерабатывала элементы послѣдней и, сообщивъ ихъ западу, возбудила въ немъ стремленіе къ цивилизаціи. До сихъ поръ мы пользуемся благами, сообщенными Европѣ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ финикіянами. Между тѣмъ нельзя не признаться, что не только у насъ, но и за-границей Финикіей занимаются, сравнительно, мало и, въ то время, какъ египтологи считаются десятками, почти совсѣмъ нѣтъ спеціалистовъ по финикійской исторіи. Безъ сомнѣнія, слабый интересъ нашего образованнаго общества къ этому предмету происходитъ отъ недостаточности знакомства съ его литературой и даже невозможности оріентироваться въ послѣдней, разсѣянной, большею частью, по періодическимъ изданіямъ, мало извѣстнымъ и мало доступнымъ, въ виду чего я и взялъ на себя смѣлость познакомить интересующихся успѣхами исторической науки съ тѣмъ, что сдѣлано по этому отдѣлу ея. Но что за причина кажущагося равнодушія западныхъ ученыхъ къ нашему предмету? Прежде чѣмъ

отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимъ вниманіе на одинъ странный фактъ, имѣющій ту же самую причину.

250 лѣтъ тому назадъ появился первый систематическій трудъ о Финикіи. До сихъ поръ ученымъ приходится считаться съ книгой Бохарта и, притомъ, нерѣдко, не безъ пользы для себя. И это въ то время, когда труды по другимъ отдѣламъ восточной исторіи изданные лѣтъ 15—20 тому назадъ нерѣдко оказываются совершенно негодными или, по крайней мѣрѣ, требуютъ при чтеніи ихъ большой осторожности. Это исключительное явленіе въ наукѣ, поставленной на новую почву великими открытіями нашего столѣтія, объясняется, такъ же, какъ и равнодушіе западныхъ ученыхъ къ изученію Финикійской древности, а именно своеобразнымъ характеромъ источниковъ послѣдней. Въ то время, какъ археологическія находки и ученые труды, бывшіе слѣдствіемъ геніальныхъ открытій Шампольона, Гротефенда, Опперта и Гинкса превратили европейскіе музеи въ неистощимые архивы, въ то время какъ развитіе библейской критики и экзегетики представило намъ исторію евреевъ въ совершенно новомъ свѣтѣ, финикійская древность долго еще продолжала оставаться при томъ скудномъ матеріалѣ, который сохранила Библія и классическіе писатели и который только въ весьма незначительной, сравнительно, степени былъ освѣщенъ и пополненъ на основаніи египетскихъ и ассиро-вавилонскихъ текстовъ. Да и теперь, не смотря на дружныя усилія не только ученыхъ, но и правительствъ увеличить этотъ матеріалъ путемъ археологическихъ изысканій на всѣхъ пунктахъ великой финикійской колоніальной державы, онъ возросъ значительно меньше, чѣмъ слѣдовало бы ожидать и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи. Практическій народъ-торгашъ не находилъ нужнымъ воздвигать монументы „aere perennius“, писать на камняхъ онъ только научился у сосѣдей, да и то смѣло можно сказать, что „изобрѣтатели“ алфавита писали вообще меньше всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ древности, и написанное ими отличается досадной для историка краткостью и утомительнымъ однообразіемъ. Къ тому же это несчастное средоточіе историческаго міра было театромъ постоянныхъ войнъ, опустошеній, смѣнъ націй, религій и культуръ. Тамъ, гдѣ Ваалъ-Шамимъ перешелъ сначала въ Зевса Уранія, а потомъ замѣнился пророкомъ Иліей, гдѣ Решенъ послѣдовательно дѣлался Персеемъ и Георгіемъ Побѣдоносцемъ, тамъ и сооруженія предшествовавшихъ культуръ поочередно узурпировались послѣдующими и дѣлались недоступными для непосредственнаго изученія. Такимъ образомъ, въ отношеніи источниковъ, до самаго послѣдняго времени мы были поставлены не многимъ лучше своихъ предковъ, а между тѣмъ послѣдніе интересовались Финикіей не меньше, если не

больше нашего. Насъ привлекаетъ болѣе благодарная работа надъ памятниками египетской и ассирiйской древности, Финикiей же приходится заниматься, такъ сказать, между прочимъ. У старыхъ ученыхъ не было этихъ примановъ. Напротивъ, богословское направленiе науки не могло не обратить преимущественнаго вниманiя на народъ, жившiй рядомъ съ евреями, говорившiй съ ними на одномъ языкѣ (объ этомъ всѣ читали у бл. Августина и Iеронима) воспѣтый пророками и даже удостоившiйся видѣть въ своихъ предѣлахъ Спасителя — честь, выпавшая на долю ему одному изъ всѣхъ языческихъ народовъ. Къ тому же древнiе авторы говорили о финикiянахъ, какъ объ изобрѣтателяхъ ремеслъ, насадителяхъ въ Европѣ культуры и распространителяхъ азбуки, родоначальницы европейскихъ алфавитовъ. Отсюда понятенъ тотъ интересъ, который обнаружили ученые при первой возможности лично, такъ сказать, познакомиться съ Финикiей. Подобный случай представился, конечно, во время крестовыхъ походовъ. Западное духовенство, узурпировавшее православныя каѳедры востока, интересовалось прошлымъ своихъ новыхъ епархiй и составляло описанiя ихъ достопримѣчательностей. Для насъ важны эти описанiя: многiе памятники тогда еще были въ значительно лучшемъ видѣ, чѣмъ теперь; они тогда еще не подвергались ужасамъ войнъ съ Саладиномъ и греческаго возстанiя. *Вильгельмъ, епископъ Тирскiй*, извѣстный историкъ крестовыхъ походовъ, сообщаетъ намъ нѣкоторыя интересныя данныя о топографiи своего города, но особенно важныя археологическiя замѣтки найдемъ мы у доминиканца *Буркгарда* (*Brocardus* [1]) въ его „Rudimenta novitiorum". Важны также сообщенiя путешественниковъ этого перiода, особенно еврея *Венiамина Тудельскаго* [2]). Вообще сочиненiя этого

---

[1]) Буркгардъ посѣтилъ и описалъ м. пр. Тиръ и Сидонъ еще въ то время (1283), когда они находились въ рукахъ крестоносцевъ, не подверглись разрушенiю со стороны Ашрафа и сохраняли отчасти древнюю физiономiю. Точно также и Триполи онъ видѣлъ еще до превращенiя его въ мусульманскiй городъ. Но самая главная его заслуга состоитъ въ описанiи памятниковъ Руада. Кромѣ того, онъ приводитъ имена нѣкоторыхъ исчезнувшихъ теперь городовъ, которые можно сопоставить съ упоминаемыми въ Библiи. Онъ первый указалъ, что Тортоза—др. Антарадъ и былъ въ этомъ болѣе правъ, чѣмъ его продолжители. Изд. Брокарда въ Novus orbis ed. Grynaeus 532, fol. 301.

[2]) Онъ путешествовалъ въ 1170 г. Тиръ еще и тогда былъ населенъ корабельщиками и фабрикантами стекла. Онъ помѣщаетъ древнiй Тиръ къ з. отъ современнаго ему и видѣлъ развалины его на днѣ морскомъ. Вообще о Тирѣ и топографiи его онъ сообщилъ не мало интереснаго. Въ Библѣ онъ видѣлъ древнее скульптурное изображенiе, представлявшее, по его мнѣнiю, языческiй алтарь и приносящихъ жертву.

рода писателей слѣдуетъ разсматривать, какъ источники, описывающіе памятники, дошедшіе до насъ въ значительно испорченномъ видѣ.

Эпоха возрожденія, возбудивъ интересъ къ древности, поддерживала интересъ и къ Финикіи, чему особенно способствовало развитіе страсти къ путешествіямъ и коллекціямъ. Чиріако Анконскій во время своей поѣздки въ Египетъ въ 1434 году даже іероглифы считаетъ финикійскими надписями [1]). Но за послѣдними незачѣмъ было ѣздить такъ далеко. Еще Цицеронъ [2]) и Валерій Максимъ [3]) намекали на существованіе близъ самой Италіи—въ Мальтѣ драгоцѣнныхъ остатковъ. И вотъ 1583 г. Quintinus Haeduus, въ описаніи этого острова въ письмѣ ad Sophum говоритъ слѣдующее: [4]) „Nostra haec Melita insula est, mari satis periculoso, a Sicilia disiuncta Africam versus, Punicae quondam ditionis, quae et ipsa adhuc Afrorum lingua utitur, et nonnullae etiamnum Punicis litteris inscriptae stelae lapideae exstant, quae figura et appositis quibusdam punctulis prope accedunt ad Hebraeas". Нѣсколько позже, въ 1575 Theret въ I томѣ своей космографіи также упоминаетъ объ этомъ и даже пробуетъ разбирать надписи. Онъ пишетъ: „Il fut trouvé de mon temps en l'isle contre quelques grosses pierres, certaines lettres escrites du regne desdites Cartaginois, la plus grand part desquelles ne retiroient pas mal aux lettres Hebraiques. Et fut trouvé dans un vieil marbre, n'a pas vingt ans, ces lettres gravées: „Eloi Effetha" et „Cumi" et plusieurs autres epitaphes à l'antique. Mesmes faisant les fondements du Chasteau de saint Ange, fut trouvé escrit contre une vieille sepulture de Marbre jaspé ces mots: „Iehieli, Iephdaia" et autres lesquelles par l'ingure du temps estoient tous effacez". Послѣднія слова доказываютъ, что мы теперь не имѣемъ возможности провѣрить, правильно ли разбиралъ авторъ финикійскіе тексты еще въ XVI в., но во всякомъ случаѣ мы видимъ, какъ много цѣннаго потеряно для науки. Потеряна также и надпись, найденная въ Сициліи на знаменитомъ храмомъ Афродиты - Венеры Эрикѣ. Историкъ послѣдняго Антоній Кордичи [5]) пожелалъ сохранить ее для потомства, помѣстивъ въ своемъ трудѣ копію съ нея, сообщенную ему его другомъ Рохомъ Пальмой. Но копія эта сдѣлана такъ невѣжественно и небрежно, что не разъ впослѣдствіи приводила ученыхъ въ отчаяніе, а науку

---

[1]) Itinerarium 49—52.

[2]) Verr. act. II lib. IV, 46.

[3]) I. 1, 2, 2.

[4]) Graevii—Thesaurus antiquae Siciliae XV, II, 2.

[5]) Исторія его не издана. Есть два cod.: a) Panormitanus въ библ. Communale въ Палермо (лучшій) и b) Erycinus.

въ заблужденіе. Всѣ усилія найти оригиналъ, не прекращавшіяся до Ренана, не привели ни къ какимъ результатамъ.

Но за чтеніе надписей браться было, очевидно, еще рано; ученымъ пришлось сначала попробовать силы на другомъ поприщѣ. Съ половины XVI столѣтія интересъ къ нумизматикѣ, пробудившійся еще со времени возрожденія, усилился. Въ это время изъ Испаніи и Сициліи попало въ музеи и частныя коллекціи много монетъ съ легендами на языкѣ, который скоро признали финикійскимъ. Стали дѣлать снимки съ этихъ монетъ и издавать ихъ въ нумизматическихъ трудахъ, которыхъ тогда появлялось очень много [1]. Ученые занялись монетными легендами и пробовали располагать ихъ буквы въ алфавитномъ порядкѣ. Но долго еще имъ не удавалось разобраться въ этомъ матеріалѣ. Они пробовали разбирать финикійскій шрифтъ при помощи самаританскаго, а также іудейскихъ монетъ времени Маккавеевъ, которыя тоже тогда считали самаританскими. Этотъ путь былъ невѣренъ, но даже такіе авторитетные ученые, какъ *Скалигеръ* и Бохартъ, не избѣгли его. Скалигеръ дѣлалъ попытки на этомъ поприщѣ въ своихъ знаменитыхъ „prolegomena ad Eusebii chronicon" Этотъ трудъ, какъ и другіе труды автора по хронологіи, имѣлъ и для нашей науки огромное значеніе. Интересъ къ хронологическимъ изслѣдованіемъ возбудило введеніе въ 1582 г. Григоріанскаго календаря. Скалигеръ занялся имъ и въ 1588 выпустилъ свой трудъ „De emendatione temporum", въ которомъ, по его собственному выраженію, поставилъ читателя на такой пунктъ, съ котораго онъ могъ бы обозрѣвать и востокъ, и западъ. Особенно важно для финикійской исторіи приложеніе къ его труду, въ которомъ онъ впервые обратилъ вниманіе на греческіе источники ея. Онъ издалъ здѣсь, между прочимъ, отрывки о Тирскихъ царяхъ Менандра Эфесскаго, Порфирія Тирскаго и начало Санхуніаѳона. Въ обширныхъ, прекрасныхъ комментаріяхъ къ нимъ, онъ коснулся многихъ хронологическихъ, миѳологическихъ и историческихъ вопросовъ финикійской древности [2]. Это было первое сочиненіе по источниковѣдѣнію и оно легло въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ работъ. Авторъ былъ очень остороженъ, не любилъ строить гипотезъ, а потому и не сбилъ

---

[1]) Huberti Goltzii—Historia Siciliae et Magnae Graeciae et numismatibus illustrata. Brugis Flandrorum 1576. Paruta—la Sicilia descritta con medaglie. Palermo 1612 Roma 1649. Lastanosa. Museo de las medallas desconcidas Espanolas. Huesca 1645 Foy-Vaillant—Seleucidarum imperium, sive Historia Regum Syriae ad fidem numismatum accommodata. Par. 1682. Gesneri Numismata regum Syriae, Aegypti, Arsacidarum, Numismata reg. Siciliae 1738 и многіе другіе.

[2]) Между прочимъ о топографіи Тира (p. 26), объ имени Ф—нъ и др.

съ толка своихъ продолжателей. Другой его трудъ — „Tesaurus temporum“, вышедшій въ 1606 г. содержитъ введеніе къ хроникѣ Евсевія, сохранившаго намъ отрывки изъ греч. источниковъ финикійской исторіи; онъ важенъ потому, что авторъ впервые воспользовался Синкелломъ и каталогомъ олимпіадъ Юлія Африкана.

Такимъ образомъ, Скалигеръ далъ возможность интересующимся Финикіей заниматься, имѣя строго научную почву. Это, конечно, вызвало скоро появленіе многихъ трудовъ, написанныхъ и богословами, и свѣтскими учеными. Библейскіе комментаторы немедленно воспользовались его хронологическими работами и стали освѣщать неясныя мѣста В. Завѣта [1]). Разсмотрѣніе ихъ трудовъ, конечно, не входитъ въ нашу задачу, скажемъ только, что много шума надѣлалъ вопросъ объ осадѣ Тира Навуходоносоромъ, объ исходѣ которой сохранилось у прор. Іезекіиля два, повидимому, противорѣчивыхъ извѣстія (гл. 26—28 и 29, 19—20). Скалигеръ замѣтилъ послѣднее обстоятельство. но придумывать способъ соглашенія отказался; въ общемъ же онъ былъ того мнѣнія, что Навуходоносоръ не разрушилъ Тира. Очень многіе держались другихъ мнѣній, возгорѣлась полемика, результатомъ которой была дикая гипотеза Марсама [2]) „destructio veteris Tyri fuit origo novae. Эта гипотеза скоро сдѣлалась чуть ли не аксіомой и вошла даже въ учебники. Потребовалась эрудиція Моверса, чтобы опровергнуть ее. *Зельденъ* занялся финикійской религіей въ своемъ трудѣ „De Diis Syriis Syntagmata“ (Лондонъ, 1617 г.). Это сочиненіе больше двухъ вѣковъ было главнымъ пособіемъ по этому предмету, и всѣ паявлявшіяся послѣ него въ это время не могли замѣнить его. Главная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ собралъ всѣ мѣста изъ В. Завѣта и классиковъ. Но до какой степени свѣдѣнія о финикіянахъ все-таки были шатки, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что находились ученые, которые сомнѣвались даже въ близости ихъ языка къ еврейскому. *Фуллеръ* [3]), напримѣръ, находилъ возможнымъ

---

[1]) Между прочимъ, Des Vignoles, Chronologie de l'histoire Sainte.

[2]) Canon. Chron. 578. Въ связи съ этимъ стоитъ также вопросъ о топографіи Тира, который до сихъ поръ возбуждаетъ сомнѣнія. Два богослова XVII—XVIII в. еп. Huet и бенедиктинецъ Calmet обратили на него вниманіе и пытались уяснить, что такое Еврихоръ, насыпанный Хирамомъ, по извѣстію Менандра. Они считали его, конечно, ошибочно, плотиной отъ острова къ материку.

[3]) Его соч. „Miscellanea“. Онъ, между прочимъ, былъ однимъ изъ представителей господствовавшаго тогда мнѣнія, что Ф—не были въ Америкѣ. Это мнѣніе опиралось на извѣстіи Diod. (V, 207) и Аристотеля объ островѣ, отдаленномъ отъ Африки на много дней пути и скрываемомъ карѳагенянами. Фуллеръ пытался доказать, что финикіянамъ былъ извѣстенъ компасъ, на основаніи Ptol. 7, 2.

утверждать, что географическія имена Финикіи, объясняемыя изъ еврейскаго языка, передѣланы евреями. Очевидно, причиной этой шаткости мнѣній былъ недостатокъ знакомства съ финикійскимъ языкомъ. Попытки пріобрѣсти это знакомство при помощи разбора надписей или даже монетныхъ легендъ, какъ мы видѣли, до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ. Тогда ученые рѣшились обратиться къ другимъ пособіямъ, болѣе доступнымъ.

Классическая древность оставила намъ памятникъ на финикійскомъ языкѣ, для пониманія и даже для прочтенія котораго не требуется знакомства съ финикійскимъ алфавитомъ. Это—комедія Плавта „Poenulus“, въ которомъ цѣлый монологъ (V, 1) и нѣсколько отдѣльныхъ фразъ написано на пуническомъ языкѣ. Это единственный памятникъ разговорнаго языка, дающій понятіе объ его вокализмѣ. Будучи успѣшно разобранъ, онъ можетъ дать 115 словъ, т.-е. больше, чѣмъ любая изъ финикійскихъ надписей. Притомъ, что важнѣе всего для „начинающихъ“ ученыхъ, онъ написанъ латинскимъ шрифтомъ, монологъ сопровождается латинскимъ переводомъ, а для пониманія отдѣльныхъ фразъ оказываетъ услугу контекстъ. Наконецъ, текстъ сохранился въ основномъ видѣ (ст. 11—16), очень испорченномъ, и въ болѣе поздней переработкѣ (1—10), сохранившейся довольно хорошо. Но, несмотря на все это, отрывки Плавта представляютъ для пониманія и не мало трудностей: убогій латинскій алфавитъ не могъ точно передавать семитическихъ словъ, текстъ Плавта дошелъ до насъ въ довольно испорченномъ видѣ, да и пуническій языкъ все-таки не вполнѣ древне-финикійскій. Поэтому вполнѣ понятно, что ученымъ далеко не сразу удалось справиться съ этимъ памятникомъ: они потрудились надъ нѣсколькими строками болѣе 200 лѣтъ. Скалигеръ былъ близко знакомъ съ ними и упомянулъ о нихъ, какъ о доказательствѣ близости финикійскаго языка къ чистому еврейскому. Но насколько онъ правильно понималъ ихъ, мы не знаемъ, такъ какъ спеціальнаго труда онъ имъ не посвятилъ. За это дѣло впервые взялся Филиппъ Пареусъ въ 1619 г., который, впрочемъ, ограничился одной еврейской транскрипціей, въ общемъ весьма удовлетворительной. Зельдену въ „его „Syntagmata“ удалось понять первый стихъ. За полный переводъ взялся Петитъ 1603 г. Но онъ, какъ и его предшественники, почему-то не пользовались латинскимъ переводомъ; вѣроятно, они не догадались, что это переводъ, а потому ихъ объясненія, сдѣланныя собственными силами, во многихъ отношеніяхъ расходились съ нимъ. Однако, трудъ Петита, все-таки не плохъ для своего времени. Первымъ, обратившимъ вниманіе на латинскій переводъ, былъ *Самуилъ Бохартъ*, трудъ котораго „Chanaan“, составляющій часть „Geographia sacra“ 1646 г., былъ, какъ мы сказали, первымъ

систематическимъ сочиненіемъ о Финикіи. „Geographia sacra“, собственно обширный комментарій къ X-й гл. кн. Бытія. Въ концѣ первой части, занимаясь потомками Хама, онъ касается и финикіянъ, которымъ спеціально посвящена вся 2-я часть, распадающаяся на 2 книги: 1) о колоніяхъ и 2) объ языкѣ финикіянъ. Первая книга построена на свидѣтельствахъ древнихъ авторовъ и на этимологіяхъ, которыми и онъ уже началъ злоупотреблять и которыми его продолжатели пользовались еще болѣе неумѣренно. Вторая книга есть сборникъ всего того, что автору было извѣстно о финикійскомъ языкѣ. Въ то время для ознакомленія съ послѣднимъ были слѣдующіе источники: географическія имена, слова, приводимыя древними авторами, и отрывки Плавта. Онъ собралъ этотъ матеріалъ съ возможной полнотой, но въ объясненіи отрывковъ Плавта ему посчастливилось не больше его предшественниковъ, несмотря даже на латинскій переводъ и большую основательность объясненій. Онъ понялъ вновь только 5 словъ, но за то ему удалось доказать, что ст. 11—16 не продолженіе монолога, какъ думали раньше, а другая переработка. Но, къ сожалѣнію, онъ считалъ языкомъ этой переработки ливійскій—мнѣніе, долго потомъ державшееся въ наукѣ. Кромѣ того, ему удалось окончательно доказать близость финикійскаго языка къ еврейскому. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на многіе вопросы финикійской исторіи; рѣшенія имъ этихъ вопросовъ также долго считались авторитетными [1]).

Въ концѣ XVII столѣтія Финикію снова начали посѣщать просвѣщенные путешественники. Важное значеніе ихъ трудовъ для науки, конечно, понятно само собой. Помимо поддержанія въ обществѣ интереса къ странѣ, они обращали вниманіе ученыхъ на многіе частные вопросы археологіи и древней географіи, на которые имъ приходилось наталкиваться во время путешествія. Такъ, англичанинъ *Маундрелль*, бывшій въ Сиріи въ 1696—97 г. первый прошелъ по Via Antoniana, мимо знаменитыхъ рельефовъ у Nahr-el-Kelb, пробовалъ даже списывать нѣкоторыя надписи, а фигуры казались ему изображеніемъ мумій погребенныхъ здѣсь знатныхъ лицъ. Онъ же снова обратилъ вниманіе на архитектурные памятники Тортозы и Амрита, о которыхъ,

---

[1]) Онъ былъ, между прочимъ, типичнымъ представителемъ теоріи семитическаго происхожденія имени финикіянъ. Эту теорію высказывали еще раньше Скалигеръ и Фуллеръ, но производство Бохарта пришлось особенно по сердцу ученымъ. Онъ производилъ его отъ „bene Anak“—„сыновья Анака“ и говорилъ, что Ф—не потому не называли себя Греками Хананеями, что стыдились Ноева проклятія. Подобныя курьезныя объясненія у него, конечно, попадаются не разъ, но не мало также и вполнѣ вѣрныхъ; напр., онъ удачно понялъ имена Тира и Сидона и разубѣдилъ ученыхъ въ томъ, что финикіяне были въ Америкѣ.

какъ мы видѣли, съ удивленіемъ говорилъ еще Буркгардъ [1]). Маундреллъ, конечно, видѣлъ ихъ уже въ худшемъ видѣ, но все же въ лучшемъ, чѣмъ они теперь, и подробное описаніе его для археологовъ очень цѣнно. Ему же принадлежатъ первые рисунки этихъ памятниковъ. Онъ, къ сожалѣнію, не располагалъ достаточными средствами для того, чтобы сдѣлать ихъ съ возможной точностью: они крайне неудовлетворительны и даже сбивали не разъ съ толка ученыхъ, но все же обратили вниманіе на памятники. Онъ видѣлъ еще въ Бейрутѣ много фонтановъ, которыхъ теперь нѣтъ и которые оправдывали имя древняго Вирита „городъ колодцевъ". Въ Сидонѣ, тогда еще очень населенномъ, онъ видѣлъ массу обломковъ колоннъ и камней съ надписями и полагалъ, что древній городъ былъ гораздо больше современнаго ему. Въ Тирѣ, тогда уже рыбацкой деревушкѣ, онъ видѣлъ къ югу отъ полуострова мель, которую потомъ многіе считали остаткомъ мола египетской гавани. Интересныя сообщенія о Тирѣ сдѣлалъ также другой путешественникъ, *Пококъ*, бывшій здѣсь въ 1737 году. Онъ, между прочимъ, замѣтилъ ровъ, прорѣзывающій полуостровъ. Это сообщеніе впослѣдствіи также очень пригодилось нѣкоторымъ ученымъ, занимавшимся топографіей Тира. Онъ также обратилъ вниманіе на памятники Руада и еще разъ снялъ съ нихъ изображенія, лучшія, чѣмъ Маундреллъ, но всетаки неудовлетворительныя; здѣсь же онъ первый подмѣтилъ египетское вліяніе на финикійскую архитектуру. Наконецъ, онъ первый посѣтилъ островъ Руадъ и видѣлъ еще здѣсь сооруженія въ стилѣ сохранившихся близъ Тортозы и уничтоженныя во время греческаго возстанія. Въ 1738 г. Пококъ посѣтилъ Кипръ. Въ это время изъ подъ фундамента стѣнъ древняго Китія было вырыто 33 финикійскихъ надписи. Онъ постарался списать ихъ и сдѣлалъ это, хотя и не вполнѣ удовлетворительно, но, по крайней мѣрѣ, очень кстати. Дѣло въ томъ, что увлеченіе нумизматикой въ Европѣ не проходило, не прекращались и попытки разбирать легенды монетъ. И вотъ, наконецъ, въ 1706 г. Rhenferd съумѣлъ прочесть ихъ на монетахъ испано-финикійскихъ изъ Сексти, а Монтефокону удалось справиться съ сидонскими монетами. Съ этого времени чтеніе легендъ стало на твердую почву и появилось не мало новыхъ трудовъ по нумизматикѣ [2]). Въ 1735 г. магистръ Мальтій-

[1]) Маундреллъ, вѣроятно не былъ знакомъ съ его книгой, иначе бы онъ не отожествилъ Тортозы съ Ореосіей и тѣмъ не сбилъ бы съ толку ученыхъ.

[2]) Froelich. Annales compendiarii regum et rerum Syriae numis veteribus illustrati. 1744. Reland-Palaestina. Dutens, Explication de quelques médailles grecques et phéniciennes avec une paléographie numismatique (первый опытъ Ф—ской палеографіи). Кромѣ того многочисленные труды Пеллерини, Торремуцца Эккеля, Mionnet и мн. др.

скаго ордена Guyot de la Marne издалъ двуязычную греко-финикійскую надпись, найденную на островѣ еще въ XVII стол. въ мусорѣ гавани Marsa Scirocco и написанную на мраморныхъ базахъ двухъ канделябръ. Изданіе двуязычной надписи было очень полезно для начала. Разборомъ ея занялись два знаменитыхъ ученыхъ своего времени: англичанинъ Swinton и французъ аббатъ Barthélemy, подобно тому, какъ нѣсколько десятилѣтій спустя ихъ соотечественники Юнгъ и Шампольонъ потрудились въ другой области древне-восточной эпиграфики. Между учеными разгорѣлась ожесточенная полемика изъ-за частностей, такъ какъ въ общемъ они поняли надпись согласно: это было посвященіе Мелькарту со стороны двухъ тирскихъ гражданъ. Barthélemy въ этой полемикѣ былъ болѣе умѣренъ, что не помѣшало ему быть болѣе правымъ и стяжать славу отца финикійской эпиграфики [1]). Въ это самое время Pococke издалъ свое знаменитое „Description of the East" (1845), въ которомъ были копіи съ киттійскихъ надписей, а въ 1850 г. Портеръ списалъ ихъ болѣе тщательно. Ими также занялся Swinton и, отчасти Barthélemy, и это было началомъ серьезнаго знакомства съ финикійскимъ языкомъ. Теперь уже стало возможнымъ составить вѣрное и ясное представленіе о финикійскомъ алфавитѣ и получить нѣкоторыя свѣдѣнія о языкѣ. *Байеръ*, занявшійся еще разъ мальтійской надписью и окончательно установившій ея чтеніе и переводъ, извѣстенъ своимъ сочиненіемъ: Del alfabeto y lengua de los Fenices y de sus Colonias". En Madrid 1772, а въ 1815 г. вышелъ трудъ Тихсена, написанный въ 1802 г.; „De linguae phoeniciae et hebraicae mutua aequalitate".

Между тѣмъ продолжали находить новыя надписи. На Мальтѣ нашли еще двѣ (1761 и 1820 г.), три въ Аѳинахъ и одну въ Сардиніи. Наконецъ, въ 1877 г. археологъ Гумбертъ вырылъ въ Тунисѣ 4 надписи и, съ этихъ поръ почва древняго Карѳагена [2]) стала давать археологическія богатства. Конечно, эти находки дали ученымъ обильный матеріалъ для изслѣдованій, но они, къ сожалѣнію не всегда оказывались настолько добросовѣстны, чтобы сознаваться въ своемъ незнаніи. Акербладу удалось довольно удовлетворительно объяснить аѳинскія надписи [3]), но его современникамъ рѣшительно не везло на этомъ поприщѣ. Въ 1819 г. вышелъ трудъ Коппа: „Bilder und Schriften der

[1]) Труды Barthélemy: Réflexions sur quelques monuments phéniciens et sur les alphabets (Mem. d. l'acad. d. Inscr. XXX, 405). Swinton'a: inscriptions Citicae. Oxonii 1750. A dissertation upon the Phoenician numeral characters antiquently used at Sidon (Philos. Transact. 50, 791). Remarks upon M. l'abbé Barthélemy memoir (ibid. v. 53 и 54).

[2]) Humbert, Notice sur 4 cippes sépulcraux. 1821.

[3]) Comment. Gotting. XIV, 225 и Millin, Annal. encyclop. II, 191.

Vorzeit", въ которомъ, м. пр. нѣкоторыя части посвящены финикійской палеографіи и эпиграфикѣ. Не смотря на свои крайне скромныя познанія, Коппъ однако оказалъ большую услугу, стараясь направить ученыхъ на настоящій путь при работахъ надъ финикійскими текстами. Онъ доказывалъ, что, прежде чѣмъ переводить ихъ необходимо установить правильное чтеніе, а для этого слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на палеографію. Но этотъ совѣтъ не особенно примѣнялся и, отсюда, какъ прямое слѣдствіе, вытекало страшное разногласіе между учеными, объяснявшими одинъ и тотъ же памятникъ. Кромѣ того, благодаря недостаточному пока еще знакомству съ языкомъ, встрѣчались нерѣдко значительныя трудности. Ученые, не будучи въ состояніи иногда объяснить какого-нибудь слова или какой-нибудь формы изъ еврейскаго языка, прибѣгали ко всѣмъ семитическимъ языкамъ или, что несравненно хуже дѣлали натяжки, чтобы втиснуть это слово въ еврейскій лексиконъ. Плоды этихъ ненаучныхъ пріемовъ скоро сказались: аббатъ Арри [1]) занявшійся сардинской надписью, вычиталъ въ ней первую главу исторіи этого о—ва, а Гамакеръ, принявшійся за кароагенскія надписи [2]), поступалъ при ихъ разборѣ очень произвольно. Занятія финикійской эпиграфикой настолько упали во мнѣніи ученыхъ, что получили отъ одного изъ нихъ кличку „taedia Phoenicia" [3]). Конечно, были ученые и принявшіе совѣтъ Коппа, напр. Quatremère [4]) и Muenter [5]), занявшіеся кароагенскими надписями, а Линдбергъ [6]) далъ еще трудъ по палеографіи, даже болѣе серьезный, чѣмъ Коппъ. Но еще болѣе сдѣлалъ для науки знаменитый гебраистъ Гезеніусъ, выступившій, прежде всего въ 1810 г. съ брошюрой „Versuch über dic Maltesische Sprache".

Надо замѣтить, что ученые, кромѣ плавтовскихъ отрывковъ искали еще другаго пособія для ознакомленія съ финикійскимъ языкомъ. Подобно Шампольону, добравшемуся до пониманія іероглифическихъ текстовъ, благодаря основательному знанію коптскаго языка, они стали искать живой языкъ, производный отъ древне-финикійскаго. Еще въ XVI в. полагали, что языкъ туземцевъ Мальты, въ которомъ, дѣйствительно, есть семитическіе корни, финикійскаго происхожденія [7]); въ XVII и XVIII в.в. это мнѣніе вошло въ науку и

¹) Lapide fenicia di Nora, 1834.
²) Diatribe de aliquot monum. Punicis. 1822.
³) Eckhelii—Doctr. num. vet. III, 406.
⁴) Mém. sur quelques inscrip. Puniques.
⁵) Acta soc. Regiae Danicae. 1824.
⁶) De inscript. Melitens commentatio. 1822.
⁷) Объ этомъ писалъ еще извѣстный уже намъ Haeduus: „Ut scias, aut

укоренилось. Кромѣ того, Бохартъ высказалъ мнѣніе, будто галльскій языкъ былъ близокъ къ финикійскому, а отъ этого до признанія финикійскаго происхожденія ирландскаго языка былъ только одинъ шагъ. Эти мнѣнія поддерживались и распространялись мѣстными учеными изъ страннаго локальнаго патріотизма [1]). И вотъ, Гезеніусъ рѣшился положить конецъ этимъ затѣямъ, доказавъ, что семитическіе корни въ мальтійскомъ языкѣ—арабскаго происхожденія, что ирландскій языкъ—кельтскаго корня и что вообще напрасно искать гдѣ бы то ни было языкъ, производный отъ финикійскаго. Но главнымъ его трудомъ были: „Scripturae linguaeque Phoeniciae monumenta". 1837. Это было систематическое сочиненіе о финикійскомъ языкѣ, содержащее въ себѣ всѣ его памятники, извѣстные тогда, съ подробнымъ объясненіемъ, палеографію, грамматику, словарь, исторію, сборникъ свѣдѣній о финикійской литературѣ, исторію разработки предмета. Понимая, что ошибки его предшественниковъ происходили частью отъ плохихъ копій, частью отъ недостаточности знакомства съ палеографіей, авторъ рѣшился устранить и то, и другое собравъ въ одинъ corpus всѣ надписи, и монеты, провѣренныя снова по оригиналамъ или по слѣпкамъ и изданныя, по возможности, въ натуральную величину. Этому corpus'у предпослано палеографическое введеніе, въ которомъ авторъ собралъ наиболѣе типичные варіанты знаковъ алфавита и сопоставилъ ихъ по мѣстамъ нахожденія надписей. Это было необходимо въ виду того, что труды Коппа и Линдберга, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, принимали въ соображеніе далеко не весь эпиграфическій матеріалъ и были составлены безъ всякой системы. Всего Гезеніусъ издалъ 77 [2]) надписей и въ томъ числѣ 9 въ первый разъ изъ музеевъ Лондонскаго, Неаполитанскаго и Берлинскаго. Затѣмъ онъ доказалъ, что семитическія надписи, и папирусы найденные въ Египтѣ, не финик., какъ раньше думали, а арамейскіе и обнаружилъ подложность одной огромной надписи, под-

---

minimum differre a vetere quod nunc habet idioma, Hannonis cuiusdam Poeni apud Plautum, Avicennae huiusque similium Punica verba plurima intelligunt Melitenses, tametsi sermo is sit, qui literis latinis exprimi bene non potest.

¹) Agio de Soldani - della linqua Punica, presentamente usata da Maltesi. 1750. Vasali, Lexicon Melitense. 1796. Bellermanus-Phoeniciae linguae vestigiorum in Melitensi spec. 1809. Vallancey—Essay on the antiquity of the irisch lang. Dublin.—1772. O'Connor. Chronicles of Evi. 1822. Даже еще въ 1833—34 труды O'Brien.

²) Въ числѣ ихъ, однако есть 2 армянскихъ, (№ 16 и 29) которыхъ, конечно Гезеніусъ не могъ разобрать и которыя понялъ Rödiger (Hallesche Jahrb. f. Liter. 1838, 30, 235), 2 ассирійскихъ (67 bis и 68) и надпись изъ Эрика, списанная Кордичи, съ которой Гезеніусъ не могъ справиться.

дѣланной мальтійцами [1]) и разсказывавшей о Платоновой Атлантидѣ. Кромѣ того онъ полагалъ, что находимыя въ Африкѣ надписи курсивнаго, крайне небрежнаго письма не ливійскія, какъ это раньше думали, а тоже финикійскія, но только принадлежатъ не кареагенянамъ, а нумидійцамъ. Надо было появиться въ „Journ. d. Sav." за 1838 статьѣ Quatremére о несходствѣ финикійскаго языка съ нумидійскимъ, чтобы поколебать это мнѣніе, но оно долго еще продолжало держаться [2]). Затѣмъ Гезеніусъ обратился къ другимъ источникамъ финик. яз.—древнимъ авторамъ. Здѣсь, на первомъ планѣ, конечно, стоялъ „Poenulus" Плавта. Ученые XVII вѣка много надъ нимъ работали, но почти нисколько не подвинули его пониманіе послѣ Бохарта. Гезеніусъ самъ, также, собственно, правильно понялъ въ немъ не много болѣе своихъ предшественниковъ, но зато онъ оказалъ большую услугу своимъ продолжателямъ, сообщивъ рукописный матерьялъ во всей его полнотѣ, какая сдѣлалась тогда возможной, благодаря сличеніямъ камерааріевыхъ и ватиканскаго кодексовъ, сдѣланнымъ Ричлемъ. Это сразу поставило изученіе плавтовыхъ отрывковъ на болѣе твердую почву и вызвало появленіе трудовъ *Векса* „De Punicis Plautinis meletemata" (1839) и знаменитаго гебраиста *Эвальда* „Ueber das Punische im Plautus" (1842—1845), которые значительно подвинули пониманіе памятника. Вексъ доказалъ, что ст. 11—16 не ливійскіе, а тоже пуническіе; только онъ все-таки ошибался, считая ихъ написанными на вульгарномъ нарѣчіи. Съ этимъ мнѣніемъ согласился Гезеніусъ, который къ концу своей жизни много занимался этимъ предметомъ. Его полемика съ Эвальдомъ доказываетъ гораздо большую зрѣлость взглядовъ на него; жаль только, что онъ не успѣлъ ихъ изложить въ новомъ систематическомъ трудѣ.

Другой матерьялъ, доставляемый древними авторами—собственныя финикійскія имена и финикійскія глоссы тоже послужили для Гезеніуса предметомъ занятій. Этотъ матерьялъ очень важенъ, хотя разобраться въ немъ далеко не легко: древніе авторы, по большей части, не знали финикійскаго языка, а потому очень часто перевирали слова, перепутывали ихъ значеніе, считали финикійскими нерѣдко взятыя изъ другихъ восточныхъ языковъ. Если къ этому присоединить еще невозможность выражать бѣдными классическими алфавитами всѣхъ семитическихъ звуковъ и невозможность сохранить

[1]) Они ее составили на евр. яз., примѣшавъ формы и корни современнаго мальтійскаго. Это было сдѣлано для доказательства финик. происхожденія послѣдняго. Гезеніусъ разоблачилъ подлогъ, объяснивъ надпись при помощи арабскаго языка.

[2]) См. Judas—„Études démonstratives de la langue Phenic. Par. 1848—Bougard, la toison d'or de la langue Phenic. 1852.

неповрежденнымъ рукописное преданіе, то будетъ вполнѣ понятно, что ученые постоянно терпѣли на этомъ поприщѣ неудачи и даже не разъ, какъ мы видѣли, сомнѣвались, въ близости финикійскаго языка къ еврейскому. Послѣ Бохарта этимъ предметомъ занялся Гамакеръ въ своихъ „Miscellanea Phoenicia“, но его труды равно какъ и 3-я глава IV книги въ „Monumenta“ Гезеніуса не могутъ претендовать на точность и полноту. Правда, Гезеніусъ исключилъ имена, объясняемыя изъ классич. язз., исключилъ имена фараоновъ-Гиксовъ, другія имена объяснилъ болѣе удовлетворительно, и постарался собрать рукописный матерьялъ, но все же и онъ не выбросилъ изъ этого матеріала нумидійскихъ и мавританскихъ именъ. Располагая такимъ, сравнительно со своими предшественниками, значительнымъ матерьяломъ, Гезеніусъ имѣлъ возможность присоединить къ своему сборнику нѣсколько замѣчаній „de linguae Phoeniciae indolibus et historia“, а также опытъ финикійской грамматики и словаря. Въ первыхъ онъ говоритъ объ отношеніяхъ финик. яз. къ еврейскому и находитъ въ немъ особенную близость къ языку позднѣйшихъ книгъ В. Зав., отличіе же его заключается въ scriptio defectiva и произношеніи. Послѣднее также различно въ пунич. и древне-финик. языкахъ. Существованіе живаго финик. яз. онъ доводитъ въ Африкѣ до VI в. Затѣмъ даетъ перечисленіе финикійскихъ писателей, имена которыхъ сохранились у древнихъ авторовъ. Что касается грамматики и словаря, то конечно, эти части его труда теперь не имѣютъ никакого значенія. Онъ собралъ 334 слова, но далеко не всѣ понялъ правильно, многія даже неправильно читалъ. Это будетъ вполнѣ понятно, если мы примемъ въ соображеніе, что онъ располагалъ только едва четвертой и, притомъ самой не важной частью того матеріала, который находится теперь въ нашемъ распоряженіи. Онъ, безъ сомнѣнія, окончательно установилъ транскрипцію финикійскихъ текстовъ и много сдѣлалъ для того, чтобы направить ученыхъ на правильный путь къ пониманію ихъ, хотя, къ сожалѣнію, самъ не всегда держался этого пути. Вообще, наука еще не стояла на столько высоко, чтобы можно было безъ затрудненія переводить тексты; надежды большинства ученыхъ на то, что Гезеніусъ своими работами сдѣлаетъ невозможными разногласія въ этомъ отношеніи не вполнѣ увѣнчались. Еще долго продолжали искать въ финикійскихъ текстахъ не того, что въ нихъ могло быть и, вмѣсто сухихъ надгробныхъ и вотивныхъ надписей, хотѣли часто видѣть въ нихъ то историческія стилы, то образцы поэзіи [1]). Напрасно Quatremére въ цѣломъ рядѣ

[1]) Напр. Darier, Meier (эрикскую надп., сохраненную Кордичи онъ считалъ элегіей на смерть дѣвушки еще въ 1860 г.).

статей доказывалъ неумѣстность подобныхъ поисковъ; нашлось и послѣ него не мало ученыхъ, продолжавшихъ идти по ложному пути.

Между тѣмъ эпиграфическій и нумизматическій матерьялъ продолжалъ рости. Послѣ выхода въ свѣтъ труда Гезеніуса нашли еще 2 надписи въ Аѳинахъ (1841 г. соб. въ Пиреѣ), нѣсколько на Кипрѣ, въ Сардиніи и Карѳагенѣ. Явилась мысль пополнить сборникъ Гезеніуса и за это дѣло взялся Judas, издававшій въ своихъ „Etudes demonstratives de la langue Phenicienne" (1847) надписи и монеты и занявшійся въ нихъ самой важной археологической находкой этого времени—знаменитой Марсельской надписью. Лѣтомъ 1845 г. въ фундаментѣ одного дома стараго квартала Марсели близъ мѣста древняго храма Афродиты нашли обломки известковаго камня съ надписью. Ихъ продали въ Марсельскій музей, гдѣ на нихъ обратилъ вниманіе археологъ Texier, снявшій два эстампажа: одинъ для министра народнаго просвѣщенія, а другой для себя. Будучи въ Алжирѣ, онъ сообщилъ его Limbery, который немедленно принялся за переводъ, но, слѣдуя господствовавшей въ то время модѣ, непремѣнно хотѣлъ видѣть въ памятникѣ исторію Массиліи и потому, конечно, не понялъ ни слова. Между тѣмъ надпись не могла не возбудить интереса ученыхъ: она по величинѣ превосходила всѣ извѣстныя до тѣхъ поръ, сохранилась довольно удовлетворительно и была написана четко и тщательно. Всѣ были вправѣ ожидать отъ нея пополненія свѣдѣній по части финикійскаго яз. и археологіи. Копія, посланная министру, поступила въ распоряженіе палеографа de Saulcy [1]), который, свѣривъ ее еще разъ съ оригиналомъ, взялся за переводъ, Онъ понялъ ея содержаніе, какъ жертвеннаго ритуала, но ни онъ ни Judas [2]) не дали вѣрнаго перевода. Надпись эта вызвала огромную литературу [3]); ею занимались болѣе 20 лѣтъ и, мало-по-малу, установили правильное чтеніе и пониманіе. Она оказалась тарифомъ взносовъ деньгами и мясомъ, которые должны были дѣлать въ храмъ Ваала лица, по заказу которыхъ приносится жертва. Возникъ другой вопросъ — о связи этой надписи съ Марселью [4]). Увѣренность въ мѣстномъ происхожденіи ея поколеблена находкой въ 1861 г. въ Карѳагенѣ надписи такого же содержанія, а также упоминаніемъ въ ней суффетовъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ можетъ быть рѣ-

---

¹) Mem. de l'Acad. d. inscr. XVII Revue d. d. mond. nouv. ser. 16.

²) Etud. demonstrat., 163. Nouvells analyse. 1857.

³) Bargès, Temple de Baal à Marseille. 1847. Особен. важна статья Munk.—Inscript. phénic. de Marseille. J. As. 1847. Ewald.—Abhandl. d. k. Ges. zu Göttingen. 1849. Bargés.—Nouvelle interpret. 1858. Nouvelles observations. 1869.

⁴) См. у Bargés-Nouvelles observations 50 sq. Revue historique. 1882 336 not.

шенъ только геологами на основаніи породы камня: мѣстная она, или африканская. Но они долго не рѣшали этого вопроса, такъ какъ и тамъ, и тамъ горныя породы очень похожи, и только 1884 г. Dieulafait высказался за его африканское происхожденіе [1]).

Для объясненія Марсельской надписи много сдѣлалъ проф. Бреславльскаго университета *Моверсъ*, имя котораго занимаетъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ исторіи нашей науки. Онъ предпринялъ изданіе библіотеки финикійскихъ текстовъ съ переводами и примѣчаніями и 2-й выпускъ ея посвятилъ Марсельской надписи. Первый содержитъ прекрасный трудъ надъ плавтовыми отрывками, получившими въ немъ окончательное объясненіе. Но не этимъ работамъ Моверсъ обязанъ своей извѣстностью; славу онъ себѣ пріобрѣлъ своимъ огромнымъ трудомъ „Die Phönizier". Еслибы автору удалось окончить его, то онъ былъ бы энциклопедіей по финикійской древности, но и въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ—это первый и до сихъ поръ единственный систематическій трудъ по этому предмету. Но прежде чѣмъ перейти къ его разсмотрѣнію, посмотримъ, что было сдѣлано по финикійскимъ „realia" послѣ Бохарта, Маундрелля и Пококе.

Благодаря своему положенію рядомъ съ классической страной пиллигримовъ и туристовъ, Финикія продолжала обращать на себя вниманіе ученыхъ путешественниковъ. Литература конца XVIII и начала XIX в. обогатилась трудами Shaw, Labord'а, Вальполя [2]), Букингэма [3]), Робинсона [4]), особенно же американца Томсона [5]). Являясь въ Финикію во всеоружіи знанія своего времени, обладая большими свѣдѣніями въ библейской и классической литературахъ, эти ученые интересовались древней и современной географіей страны, старались опредѣлить мѣстоположеніе многихъ историческихъ городовъ, описывали видѣнныя ими древности, а Laborde даже дѣлалъ съ нихъ

[1]) Въ письмѣ къ Ренану отъ 5 ноября 1884.

[2]) The Ansyarii. 1851. Видѣлъ недалеко отъ Руада источники прѣсной воды въ морѣ, о которыхъ упоминаетъ Стравонъ.

[3]) Travels among the Arabs. Тогда уже догадывались о вліяніи египетской культуры на Финикію. Рельефъ у Наръ-ель-Кельба онъ считаетъ изображеніями египетскихъ жрецовъ, а также замѣтилъ въ Вивлѣ египетскій крылатый дискъ.

[4]) Biblical Researches. Lond. 1841. Видѣлъ и описалъ развалины Арки.

[5]) Bibliotheca Sacra. 1841. Описалъ весь берегъ отъ Триполи до Өеупросопа, причемъ пытался установить топографію нѣкоторыхъ городовъ (напр. Sinim Бытія X, 17 и др.). Отожествилъ впервые Амритъ съ Мараѳомъ и сдѣлалъ предположеніе о построеніи Иродовой Кесаріи изъ обломковъ болѣе древняго города.

снимки [1]), которыя, хотя все-таки не могутъ быть названы вполнѣ удовлетворительными, однако значительно превосходятъ сдѣланные Маундреллемъ и Пококомъ. Но специально съ научной цѣлью предпринималъ экспедиціи въ Финикію Берту. Ему принадлежатъ первыя археологическія изысканія на мѣстѣ древняго Тира.

Вопросъ о топографіи Тира давно, какъ мы видѣли, интересовалъ ученыхъ, особенно богослововъ, но, кромѣ превратнаго пониманія текстовъ они ничего не обнаружили. Кромѣ того необходимо было произвести изслѣдованія на мѣстѣ. И вотъ *Берту* взялся за это и, во время своего двукратнаго пребыванія въ Сиріи (1838 и 1840 г.), впервые произвелъ раскопки, точныя измѣренія и сдѣлалъ топографическіе снимки и планы мѣстности древняго Тира [2]). Насколько цѣнны эти работы, послужившія основаніемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, на столько непригодны его выводы и, особенно, гипотезы. Авторъ очень плохо зналъ древніе языки, пользовался классиками при помощи плохихъ переводовъ, да къ тому же еще былъ склоненъ къ фантастическимъ предположеніямъ. Онъ построилъ теорію постепеннаго распространенія города съ материка на о-въ, отдѣленный отъ него узкимъ проливомъ, а со времени Хирама, засыпавшаго, по его мнѣнію, проливъ между этимъ и слѣдующимъ островомъ, на послѣдній, который особенно развился послѣ нашествія Навуходоносора, засыпавшаго первый проливъ въ то время, какъ тиряне снова открыли второй. Затѣмъ Берту воспользовался указаніемъ Покока на существованіе рва, прорѣзывающаго полуостровъ, изслѣдовалъ этотъ ровъ и пришелъ къ заключенію; что онъ является остаткомъ канала, соединявшаго Сидонскую и Египетскую гавани. Послѣднюю онъ считаетъ открытой и помѣщаетъ къ югу отъ подводной мели, замѣченной Маундреллемъ, въ которой онъ видитъ границу закрытой гавани, соотвѣтствующей карѳагенскому „коѳону". Наконецъ онъ впервые высказалъ мнѣніе, что меньшій островъ, на которомъ былъ храмъ Мелькарта сдѣлался жертвой землетрясенія около 143 г. до Р. X. Всѣ эти мнѣнія послужили предметомъ обширной и продолжительной полемики.

Интересовались въ это время и греческими источниками финикійской исторіи, Особенно привлекали вниманіе ученыхъ отрывки писателя, который, будучи по происхожденію финикіяниномъ, пожелалъ познакомить образованныхъ современниковъ съ прошлымъ своего народа и, подобно Манеѳону и Берозу, написалъ свой трудъ на грече-

---

[1]) Они помѣщены въ изданіи „Univers pittoresque".

[2]) Extract from a notice on the site of ancient Tyre. Journ. of t. royal georgr. Soc. 1839 и Essai sur la topographie de Tyr. Par. 1843.

скомъ языкѣ. Это былъ Филонъ Вивлскій, отрывки „Финикійской исторіи“ котораго сохранились у Порфирія, Евсевія и Іоанна Лида. Впрочемъ, Филонъ эти отрывки выдаетъ за сочиненіе древняго финикійскаго писателя Санхуніаѳона, жившаго около времени троянской войны. При крайней скудости источниковъ финикійской исторіи, эти отрывки должны были возбудить большой интересъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и столь же большія сомнѣнія. Мы ихъ имѣемъ изъ третьихъ и, притомъ, крайне подозрительныхъ рукъ, да и содержаніе ихъ таково, что можетъ возбудить въ читателѣ все, что угодно, кромѣ безусловнаго довѣрія. Они повѣствуютъ о финикійской космогоніи и ѳеогоніи, но такъ, что въ нихъ можно найти отголоски и греческихъ миѳовъ, и библейскихъ сказаній, и даже отчасти египетскихъ и персидскихъ представленій. Кромѣ этого синкретизма, довольно сильно даетъ себя чувствовать евгимеризмъ и отсутствіе единства содержанія отрывковъ. Все это было давно замѣчено и возбуждало сильныя сомнѣнія въ подлинности ихъ еще въ XVIII в. Абатъ Mignot, посвятившій финикійской древности 24 огромныхъ реферата въ Аакадеміи Надписей (1763—1786) [1]) пытается всѣми силами отстоять ихъ, ссылаясь то на общую семитическую основу у финикіянъ и евреевъ, то на заимствованія первыхъ изъ Египта, то, наконецъ, на то, что древніе авторы далеко не всегда строго выдерживали единство плана въ своихъ произведеніяхъ (при этомъ, что довольно интересно, приводитъ параллели изъ Моѵсеевыхъ книгъ). Но его усилія не увѣнчались успѣхомъ: сомнѣнія продолжались и увеличивались. Въ 1829 г. *Лобекъ* [2]) категорически заявилъ, что авторъ отрывковъ самъ Евсевій или другой христіанскій писатель „in maioren Dei et Evangelii gloriam“. Отрицалъ подлинность ихъ и *Герстенбергъ*, авторъ недурной, въ свое время, книжки „de rebus Tyriorum“ [3]). Но это не уменьшило интереса ученыхъ; онъ былъ настолько великъ, что нашли возможнымъ даже эксплоатировать его. Въ 1836 г. Вагенфельдтъ выпустилъ поддѣльнаго Санхуніаѳана въ 9 кн. [4]) по найденной, будто-бы, вновь рукописи. Нашлись ученые, которые повѣрили, Гротефендъ даже написалъ введеніе. Гезеніусъ не высказалъ рѣшительнаго мнѣнія по этому вопросу,

---

[1]) Mém. d. l'Acad. des inscrpt. XXXIV—XLII. Огромный трудъ, но не имѣющій никакого значенія послѣ Моверса. Авторъ не дѣлаетъ различія между народами др. Востока и постоянно, для пониманія Финикіи обращается къ Египту, евреямъ и. т. ц.

[2]) Aglaophamos 1265 sq.

[3]) Книга эта также теперь не имѣетъ никакого значенія и къ тому же отличается многими странностями.

[4]) Sanchniathons Urgeschichte d. Phönizier. 1836. Sanchuniathonis libri IX. 1837.

но благоразумно отказался пользоваться новымъ изданіемъ для своихъ „Monumenta“, вышедшихъ годомъ позже. Гораздо рѣшительнѣе былъ *Моверсъ*, выступившій противъ новой „находки“ со статьей „Die Unächtheit der im Eusebius erhaltenen Fragmente des Sanchuniathon bewiesen“. Но онъ зашелъ слишкомъ далеко и объявилъ отрывки чѣмъ-то въ родѣ космогоническаго романа Филона. Гораздо умѣреннѣе онъ былъ въ I-мъ томѣ своего классическаго труда „Die Phönizier“, вышедшемъ въ 1841 г. Здѣсь онъ, отрицая все-таки существованіе Санхуніаѳона [1]), признавая сильную зависимость приписываемыхъ ему отрывковъ отъ египетскихъ гермесовыхъ книгъ и ставя примѣсь греческихъ и еврейскихъ представленій въ зависимость отъ полемическаго характера сочиненія, допускаетъ, что оно все-таки важно для изученія финикійской религіи. Филонъ, по его мнѣнію, черпалъ свои свѣдѣнія изъ туземныхъ источниковъ — сказаній отдѣльныхъ городовъ, которыя переработалъ въ духѣ эвгимеризма, будучи его представителемъ. Это мнѣніе было гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ многія изъ послѣдующихъ, и Baudissin, какъ мы увидимъ ниже, долженъ былъ написать цѣлое изслѣдованіе, чтобы снова придти въ общемъ къ тѣмъ же выводамъ. Точно также Моверсъ высказалъ не мало вѣрныхъ мыслей относительно сущности и развитія финикійской религіи. По его мнѣнію, она первоначально состояла въ обоготвореніи тайныхъ силъ и законовъ природы, творческихъ, оживляющихъ и поддерживающихъ, а также разрушающихъ и проявляющихся въ видимыхъ предметахъ: небесныхъ свѣтилахъ, источникахъ, горахъ, деревьяхъ. Вліяніе халдейской культуры вызвало особенное развитіе почитанія небесныхъ свѣтилъ, которыя стали разсматриваться, какъ проявленія б. ч. активныхъ божествъ мужскихъ, а земля съ ея произведеніями пассивныхъ—женскихъ. Это различеніе божествъ было первымъ шагомъ къ эвгимеризму, слѣдующимъ шагомъ было сообщеніе имъ человѣческихъ свойствъ, формы и сведеніе на землю. Съ другой стороны, раздѣленіе божествъ на мужскія и женскія вело къ ихъ сопоставленію попарно и сдѣлало нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ паредровъ первыхъ, что, въ свою очередь, сообщило и имъ астральный характеръ. Эта теорія въ общемъ также близка къ истинѣ, и новымъ изслѣдователямъ пришлось только слегка видоизмѣнить и развить ее, а между тѣмъ всѣ они бросаютъ въ Моверса грязью и называютъ 1-ый томъ его труда никуда не годнымъ. Упреки ихъ относятся, главнымъ образомъ, къ той части этого тома, гдѣ разбираются извѣстія объ отдѣльныхъ божествахъ. Здѣсь, не смотря на попадающіяся мѣстами остроумныя замѣчанія и вѣрныя мысли, очень мало

---

[1]) Въ доказательство этого онъ приводилъ, м. пр., самое имя Санхуніаѳона, которое переводилъ „весь законъ Хона“.

критики и очень много фантазіи. Авторъ принадлежалъ еще къ тому поколѣнію ученыхъ, когда всѣ извѣстія древнихъ авторовъ считались одинаково цѣнными и когда нагроможденія testimonia ихъ безъ всякой критики были обычнымъ явленіемъ. Къ тому же онъ не располагалъ тѣмъ матерьяломъ, который доставили намъ открытія египтологіи и ассиріологіи; онъ могъ пользоваться только самымъ ничтожнымъ количествомъ финикійскихъ надписей, которыя пролили нѣкоторый свѣтъ именно на наши свѣдѣія о религіи финикіянъ, особенно Марсельская надпись, которой онъ тоже тогда еще не зналъ. Безъ сомнѣнія, очень многія изъ его ошибокъ проистекаютъ именно отъ незнакомства съ этимъ матерьяломъ.

Все сказанное вполнѣ приложимо и къ прочимъ томамъ его труда. Второй озаглавленъ „Das phönizische Alterthum" и распадается на двѣ части: „Politische Geschichte und Staatsverfassung" (1849) и Gesch. d. Colonien (1850 г.). Первая часть и особенно, какъ мы сейчасъ увидимъ, четвертая—самыя цѣнныя части его труда, не потерявшія значенія и до сихъ поръ. Главная заслуга автора, конечно, заключается въ томъ, что онъ собралъ весь доступный для него матерьялъ и подвергъ его, по возможности, разработкѣ. Онъ первый раздѣлилъ финикійскую исторію на 3 періода: Вивло-Виритскій, Сидонскій и Тирскій, и это раздѣленіе держалось до послѣдняго времени, да и теперь еще не всѣми оставлено. О большей древности Вивла и Вирита онъ заключаетъ на основаніи миѳовъ и распространенности культовъ этихъ городовъ; другія показанія источниковъ убѣждаютъ его въ неоднородности финикійской націи и отличіи жителей этихъ древнихъ городовъ отъ населенія всѣхъ другихъ, которыхъ онъ объединяетъ подъ именемъ сидонянъ. Это мнѣніе тоже держалось до последняго времени. Финикіянъ онъ считаетъ автохтонами и отвергаетъ извѣстіе Геродота о прибытіи ихъ съ Эриѳрейскаго моря, относя его къ филистимлянамъ. Онъ же впервые сталъ объяснять имя Финикіи: „Страна финиковыхъ пальмъ", т.-е. первый сталъ считать его греческимъ, а туземное имя—Ханаанъ первоначально свойственнымъ только низменности Тира и Сидона. Особенно важны его изслѣдованія о топографіи Тира, въ которыхъ онъ взялся поправлять ошибки Берту. Здѣсь онъ впервые подвергъ критикѣ доступные ему источники и, несмотря на то, что работалъ не на мѣстѣ, сдѣлалъ это такъ успѣшно, что Ренанъ имѣлъ полное право сказать: „Quant à Movers, j'ai admiré la pénétration, avec laquelle il a débrouillé ce sujet difficile et rectifié de son cabinet de Breslau les vues des témoins oculaires" [1]). Ему впервые удалось опредѣлить по-

[1]) Mission. 346. note 1 Кромѣ того Прутцъ говоритъ (Aus Phönizien), что

ложеніе Еврихора въ ю. в. части острова и между двухъ гаваней и его назначеніе, какъ форума [1]). Палетиръ онъ считалъ пока еще болѣе древнимъ, какъ городъ, но имя свое, по его мнѣнію, онъ получилъ отъ острова, на каторомъ сталъ городъ развиваться только послѣ Хирама. Палетиръ онъ помѣщаетъ на Касміи, а временамъ его разрушенія считаетъ землетрясеніе при Камбизѣ. Точно также онъ впервые подвергъ изслѣдованію источники исторіи войны Навуходоносора съ Тиромъ и пришелъ къ совершенно вѣрному заключенію, что послѣдній разрушенъ не былъ. Но особенно интересна его глава (XII) о государственномъ устройствѣ. Это, можно сказать, единственное, что у насъ есть по этому темному вопросу, который авторъ пытается освѣтить при помощи болѣе извѣстнаго карѳагенскаго и трипольскаго устройства, а также параллелей изъ исторіи Евреевъ и даже другихъ древнихъ народовъ. Конечно, здѣсь у него не мало фантазіи и произвола и въ выборѣ источниковъ [2]), и въ пониманіи ихъ. Въ заключеніе онъ даетъ общую характеристику финикійской исторіи: разнородность колѣнъ, внутренняя разобщенность городовъ, неоднородность и неравенство государственныхъ элементовъ (слабая царская власть, чрезмѣрно могущественная аристократія, угнетенное среднее сословіе), соперничество между ними особенно же самый характеръ народа и его политики, корыстолюбіе и торгашество; изъ-за котораго даже въ виду грознаго непріятели политическіе интересы приносились въ жертву коммерческимъ [3]).

Вторая часть 2-го тома посвящена обзору колоній. Самая цѣнная и до сихъ поръ имѣющая значеніе часть ея,—это разсужденіе о причинахъ колонизаціи, которыя онъ видитъ въ перенаселеніи, борьбѣ

онъ провѣрилъ на мѣстѣ всѣ выводы Моверса и вполнѣ съ ними согласился. Однако все-таки Моверсъ далеко не всегда правъ: онъ во многомъ еще согласенъ съ Берту и Ренану пришлось въ нѣкоторыхъ случаяхъ поправлять ихъ обоихъ.

[1]) Въ этомъ случаѣ ему много помогли результаты раскопокъ Берту, который самъ не съумѣлъ ими воспользоваться.

[2]) Такъ, напр., онъ очень ясно представляетъ себѣ царскую власть на основаніи прекраснаго 44 псалма, въ которомъ вовсе не говорится о царѣ Тира и происхожденіе котораго довольно сомнительно.

[3]) Интересны также его взгляды на причины перехода гегемоніи отъ одного города къ другому. Упадокъ Сидона онъ приписываетъ нашествію филистимлянъ (Iust. XVIII, 3, 5). а упадокъ Тира ставитъ въ зависимость отъ выселенія лучшихъ силъ въ Карѳагенъ и водворенія поэтому въ городѣ господства черни. Моверсу удалось также сдѣлать нѣсколько важныхъ замѣчаній объ отношеніяхъ финикіянъ къ евреямъ. Онъ доказалъ на основ. Быт. 49, 19 Суд. 5, 17. 1, 33. Втор. 33, 18, 19 и Аристоф. Птиц. 505 что сѣверныя колѣна попали въ положеніе финикійскихъ періэковъ. Браки царевенъ съ еврейскими царями напоминаютъ ему браки знатныхъ карѳагенянокъ съ князьками туземцевъ-варваровъ для привлеченія послѣднихъ.

политическихъ партій, частыхъ этнографическихъ переворотахъ въ Сиріи, войнахъ и общественныхъ бѣдствіяхъ [1]). Источниками исторіи колоній онъ считаетъ извѣстія древнихъ, остатки въ томъ или другомъ мѣстѣ финикійскихъ культовъ, миѳовъ и памятниковъ, и географическія имена, корни которыхъ могутъ быть объяснены изъ семитическихъ языковъ. Несмотря на свое собственное заявленіе, что пользоваться этими критеріями надо съ большой осторожностью, онъ ими положительно злоупотребляетъ. Мы уже говорили объ его отношеніи къ извѣстіямъ древнихъ авторовъ; что касается миѳовъ и культовъ, то для него иногда бываетъ достаточно простого упоминанія въ томъ или другомъ мѣстѣ объ Ираклѣ, человѣческихъ жертвоприношеніяхъ или грубо-натуралистическихъ культахъ, чтобы видѣть здѣсь финикійскую колонію. Конечно, это отчасти для него извинительно: при немъ сравнительная миѳологія была еще въ зачаточномъ состояніи и не было доказано, что развитіе всѣхъ религій идетъ по сходному пути. Развитіе филологической и исторической критики, развитіе изученія исторіи религій сдѣлали невозможными повторенія ошибокъ Моверса въ этомъ отношеніи. Гораздо болѣе вреденъ по послѣдствіямъ другой его недостатокъ—злоупотребленія этимологіями. Это средство, рискованное вообще и рѣшительно не приложимое, когда приходится имѣть дѣло съ потерянными языками, примѣнялось авторамъ слишкомъ свободно и было причиной того, что онъ искалъ и, конечно, находилъ финикіянъ вездѣ и даже тамъ, гдѣ ихъ никогда не могло быть [2]). Вообще проф. Ѳ. Ѳ. Соколовъ вполнѣ правъ, признавая, что Моверсъ поставилъ задачей служить не истинѣ, а финикійскимъ интересамъ во что бы то ни стало [3]). Это служеніе, какъ мы увидимъ ниже, принесло самые печальные плоды. Моверсъ пытался также разрѣшать неразрѣшимые хронологическіе вопросы исторіи колоній и для этого выбралъ удивительный критерій—миѳы, распредѣливъ всѣ финикійскія колоніи на группы, соотвѣтственно странствующимъ божествамъ, имѣющимъ отношеніе

---

[1]) Впрочемъ эти взгляды не новы и Моверсъ только развилъ то, что прочелъ у Бохарта (Chanaan I, 2). Вообще Гутшмидъ вполнѣ правъ, говоря, что Моверсъ своимъ томомъ о колоніяхъ доказалъ, что мнѣніе, будто новое всегда въ то же время и лучшее—предразсудокъ. Крайности Моверса взялся было поправлять Olshausen въ Rheinisch. Mus. f. Philologie (1853, 321), но ему удалось только установить филологическую возможность, а не историческую вѣроятность нѣкоторыхъ этимологій Моверса и вообще онъ самъ идетъ по его пути.

[2]) Особенно много онъ напуталъ въ обзорѣ сардинскихъ и сицилійскихъ колоній. Вообще недостатокъ критики особенно свойственъ этой части его труда

[3]) Критич. изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи, стр. 97.

къ ихъ основаніямъ. Конечно эта система въ настоящее время можетъ вызвать только улыбку. Въ связи съ этимъ, а также для соглашенія нѣкоторыхъ противорѣчій у древнихъ авторовъ, Моверсъ построилъ теорію о двукратномъ основаніи Карѳагена: сидонянами до троянской войны и тирянами 814 г. Прочность этой теоріи доказывается прежде всего тѣмъ, что она построена на сомнительномъ чтеніи одной позднѣйшей надписи; однако она долго держалась и только черезъ 30 лѣтъ была опровергнута Мельцеромъ [1]).

Но самая драгоцѣнная часть труда Моверса—обзоръ финикійской торговли и мореплаванья, составляющій предметъ 3-го, неоконченнаго тома [2]). Онъ впервые понялъ великое культурно-историческое значеніе финикійской торговли: морскіе пути, проложенные ими были путями распространенія Христіанства и вообще культурныхъ явленій. Онъ доказалъ также, что школой финикійскихъ мореходовъ была рыбная ловля, а его обзоръ торговли и ея предметовъ до сихъ поръ еще не замѣненъ и что особенно важно, подтверждается новыми данными египтологіи. Къ сожалѣнію, авторъ не отступилъ отъ своего схематизма и въ этомъ томѣ: въ его раздѣленіи исторіи торговли на періоды, соотвѣтственно періодамъ политической исторіи, не мало произвольнаго. Но вообще это самый серьезный трудъ его, написанный уже въ то время, когда изученіе древняго Востока получило новыя обильныя средства (1856). Онъ былъ послѣднимъ произведеніемъ Моверса. Продолженіе его, излагающее въ значительно сокращенномъ видѣ обзоръ западной торговли финикіанъ, помѣщено въ Энциклопедіи Эрша и Грубера [3]). Здѣсь же Моверсъ помѣстилъ главу о финикійскомъ искусствѣ, языкѣ, являющейся шагомъ впередъ послѣ Monumenta Гезеніуса. Онъ точнѣе опредѣлилъ отношеніе этого языка къ еврейскому [4]) и пуническому [5]), собралъ у древнихъ авто-

---

[1]) Geschichte der Karthager I, 167—174. Здѣсь также мы найдемъ въ примѣчаніяхъ разборъ и другихъ мнѣній Моверса.

[2]) Я здѣсь не могу долго останавливаться на этомъ прекрасномъ трудѣ: для этого бы пришлось передать подробное содержаніе цѣлаго тома. Въ виду того, что онъ теперь сталъ рѣдкостью, я могу указать на рецензію Гутшмида въ Neue Jahrb. f. Philologie. 75, 607 и Kleine Schriften. II, 1.

[3]) III, 24, ст. „Phönizien“ (стр. 317 sq.).

[4]) Разница обоихъ языковъ сводится къ области провинціализмовъ и заключается: a) въ обычномъ употребленіи финикіанами библейскихъ поэтическихъ словъ; b) въ большемъ количествѣ у нихъ арамаизмовъ, а потому, что замѣтилъ еще Гезеніусъ, очевидна близость финикійскихъ текстовъ къ позднѣйшимъ книгамъ В. Зав.; c) въ употребленіи изрѣдка корней и формъ, не встрѣчаемыхъ въ другихъ семитическихъ языкахъ.

[5]) Здѣсь разница нѣсколько значительнѣе и стоитъ на степени діалектизма. Моверсъ, какъ и Гезеніусъ, не считаетъ пуническими позднѣйшихъ,

ровъ всѣ свѣдѣнія по искусству, исторіи языка и его лтературы (хотя сдѣлалъ это, опять-таки, безъ критики) и далъ его грамматику. Такимъ образомъ, наука обязана Моверсу систематическимъ трудомъ о Финикіи. Этотъ трудъ долго оставался единственнымъ [1]), да и теперь еще; какъ мы ниже увидимъ, не вполнѣ замѣненъ. Имя Моверса и теперь еще тѣсно связано съ понятіемъ объ изученіи финикійской древности, до сихъ поръ ее ученые не-оріенталисты, интересующіеся Финикіей, продолжають черпать свои свѣдѣнія изъ Моверса [2]). Работы этого ученаго, конечно, вызвали появленіе другихъ трудовъ по финикійской древности, заниматься разработкой которой теперь стало гораздо удобнѣе. Прежде всего должны были появиться дополненія къ труду Моверса. Онъ не успѣлъ написать о финикійскомъ искусствѣ отдѣльнаго тома. За это взялся *Gerhard*, помѣстившій въ Запискахъ Берлинской академіи наукъ за 1846 г. статью: „Ueber die Kunst der Phönizier" [3]). Но какими средствами располагалъ талантливый авторъ при составленіи своего труда? Мы уже видѣли, что путешествія въ Финикію предпринимались часто, что туристы интересовались ея древностями, описывали ихъ и дѣлали съ нихъ снимки, хотя и очень плохіе. Но древностей этихъ въ самой Финикіи они видѣли очень мало. Конечно, археологъ долженъ искать пособій для своихъ изслѣдованій въ финикійскихъ колоніяхъ. Ближе всего къ ученымъ были острова западной части Средиземнаго моря. Здѣсь еще въ концѣ XVIII вѣка *Houel* [4]) дѣлалъ изслѣдованія, плодомъ которыхъ было очень важное и и до сихъ поръ изданіе: „Voyage pittoresque de Sicilie, de Malte et de Lipari" (Par. 1782—1785), обогатившее однако науку незначительно. Обильнѣе по изслѣдованіямъ были работы *La-Marmora* [5]), главнымъ образомъ Сардиніи. Здѣсь онъ занимился съ начала столѣтія до 1860 г. и нашелъ нѣсколько надписей и довольно много вещественныхъ памятниковъ. Послѣдніе, большей частью, идольчики довольно страннаго вида и, по меньшей мѣрѣ, сомнительнаго происхожденія. Они стали появляться въ огромномъ количествѣ, большей частью, изъ

курсивныхъ надписей, которыя онъ приписываетъ смѣшанному, такъ-называемому „лявіо-финикійскому" племени.

[1]) Впрочемъ, въ 1855 г. John Kenrick предпринялъ изданіе другого общаго труда „Phoenicia". Но онъ популяренъ и, большею частью, повторяетъ Моверса, а тамъ, гдѣ самостоятеленъ, не заслуживаетъ вниманія, хотя по своему хорошему изложенію имѣлъ успѣхъ.

[2]) Напр., еще въ 1887 г. Рошеръ въ третьемъ томѣ Nationalökonomie Handels und Gewerbfleiss.

[3]) Philologische und historische Abhandlungen. Berl. 1848, стр. 579 sq.

[4]) Довольно важны его описанія стѣнъ древней Мотіи и снимки съ развалинъ, Gozzo.

[5]) Voyage en Sardaigne et l'itineraire de l'île de Sardaigne. 5 vol. 1839—1860.

горныхъ мѣстъ острова послѣ открытія въ Кальярѣ въ 1822 году „Museo di antichità“. Марнора признавалъ эти статуэтки финикійскими. Кромѣ того онъ изслѣдовалъ и описалъ развалины на о. Гавлѣ (Gozzo), извѣстныя подъ именемъ „Giganteia“ и обращавшія на себя вниманіе ученыхъ уже очень давно, и сардинскіе памятники, называемые Нурагами. Кромѣ того туристы постоянно привозили съ греческихъ островокъ, и особенно съ Кипра, разныя древности: статуэтки, расписныя вазы, чаши. Но ученые обратили серьезное вниманіе на Кипръ только послѣ экскурсіи *Росса*. Будучи командированъ баварскимъ правительствомъ, этотъ археологъ въ 1845 году высадился въ Ларнакѣ, осмотрѣлъ мѣсто древняго Китія, но вообще на Кипрѣ не могъ пробыть болѣе шести недѣль. Все-таки ему удалось пріобрѣсти довольно много древностей, которыя поступили въ Берлинскій музей—первый, обогатившійся произведеніями кипрскаго искусства. Отчетъ о своей экскурсіи Россъ издалъ только въ 1852 году [1]); этого изданія было достаточно для выдѣленія своеобразнаго кипрскаго искусства въ особый отдѣлъ. До этого даже такіе авторитеты, какъ Винкельманъ, Цоэга, Висконти не подозрѣвали его существованія. Гергардъ не былъ знакомъ съ изданіемъ Росса, но могъ пользоваться все-таки въ музеѣ результатами его экскурсіи; онъ отрицаетъ финикійское происхожденіе древностей, доставленныхъ Россомъ, и склоненъ видѣть въ нихъ произведеніе греческаго генія. Вообще онъ о финикійскомъ искуствѣ весьма низкаго мнѣнія: оно и понятно въ виду полнѣйшаго недостатка характерныхъ его произведеній. Онъ могъ располагать только тѣмъ скуднымъ и подозрительнымъ матеріаломъ, который доставили упомянутые нами археологи 2). Конечно, безъ ошибокъ дѣло не могло обойтись, но все-таки ему удалось замѣтить въ финикійскомъ искусствѣ отсутствіе оригинальности и даже слѣды вліяній египетскаго и ассировавилонскаго, что, впрочемъ, не было уже тайной и для Моверса.

Другимъ важнымъ дополненіемъ къ труду Моверса были XVI и XVII томы „Die Erdkunde im Verhältnis zur Natur und zur Geschichte des Menschen“ великаго географа *Карла Риттера*, превратившаго мертвый сборникъ фактовъ въ стройный организмъ науки изслѣдова-

---

[1]) Reisen nach Kos, Halicarnassos, Rhodos und Jnsel Kypern.

[2]) Онъ пользовался, напр., маундрелаевскими рисунками амритскихъ памятниковъ и, конечно, не могъ понять ихъ настоящаго значенія, сближая ихъ съ фаллами, упоминаемыми у Лукіана (De dea Syria) или даже съ сардинскими нурагами, которыя считалъ финикійскими, а названіе ихъ—семитическимъ. Точно также и сардинскія статуэтки считалъ изображеніями финикійскихъ божествъ. При недостаткѣ источниковъ ему постоянно приходилось обращаться къ Соломононову храму и другимъ произведеніямъ еврейскаго искусства.

ніемъ законовъ устройства земной поверхности, законовъ вліянія *внѣшнихъ* условій природы на развитіе человѣчества. Такимъ образомъ, Риттеръ создалъ новую школу географовъ и новое направленіе въ наукѣ—сравнительную географію, которая имѣетъ такое же отношеніе къ географіи, какъ философія исторіи къ исторіи. Финикіи посвящено два упомянутые тома; авторъ разсматриваетъ географическія условія страны въ связи съ исторіей ея. Правда, Финикіей занимались съ этой стороны уже давно: всѣмъ бросалась въ глаза своеобразность націи и и ея исторіи и зависимость ея отъ географическихъ условій, но занятія не шли дальше диллетантизма. Еще Моверсу пришлось опровергать [1]) ходившее въ его время мнѣніе, будто финикіянъ сдѣлала торговой и предпріимчивой націей бѣдная природа и неплодородіе страны. Онъ доказалъ, что рѣдко встрѣчалась въ древности въ Сиріи такая плодородная и поставленная въ такія благопріятныя физическія условія полоса, какъ Финикія, и главную причину своеобразности ихъ исторіи видѣлъ въ народномъ характерѣ, поставленномъ въ благопріятныя внѣшнія условія [2]). Риттеръ развилъ эти взгляды и обосновалъ, разсмотрѣвъ до самыхъ мельчайшихъ подробностей географію финикійскаго побережья, наводя постоянныя справки въ описанія путешественниковъ древнихъ и новыхъ [3]). Особенное вниманіе онъ обратилъ на рѣки, какъ на естественные проѣзды черезъ горы, отдѣляющія Финикію отъ Сиріи. Въ зависимости отъ рѣкъ онъ ставилъ развитіе городовъ и колѣнъ [4]).

Появленіе капитальныхъ трудовъ по географіи Финикіи было въ это время очень кстати. Въ 1855 г. вышло первое изданіе „Histoire générale des langues Sémitiques“ *Ренана*, типичнаго представителя односторонней исторической теоріи расы. По этой теоріи арійцы были объявлены поэтами, художниками, завоевателями и организаторами, тогда какъ семитамъ пришлось довольствоваться ролью патріархальныхъ жителей палатокъ въ пустынѣ и фанатичныхъ поклонниковъ Единаго Бога. Но теоретикамъ пришлось натолкнуться на затрудненія со стороны, м. пр., филистимлянъ и финикіянъ. Первые были храбрые

---

[1]) Die Phönizier, II, 1, 247.

[2]) Этими условіями онъ считаетъ: обиліе матерьяла для кораблей, удобство береговой линіи и гаваней, обиліе прибрежныхъ островов, безопасныхъ отъ непріятелей и, особенно, центральное положеніе страны между двумя очагами культуры.

[3]) Конечно, въ этой исторической географіи не могло обойтись безъ промаховъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Риттеръ особенно подчеркнулъ вліяніе береговой линіи на развитіе мореплаванія у Финикіянъ и даже сдѣлалъ подробныя вычисленія, насколько ея извилины превосходятъ прямой путь.

[4]) Онъ еще держался взгляда Моверса о неоднородности націи.

воины, вторые—купцы и мореплаватели, и тѣ, и другіе были отличные организаторы, горожане, а главное—политеисты и, притомъ, довольно индифферентные, а потому семитами они быть не могли. О филистимлянахъ мы знаемъ очень мало, не знаемъ даже ихъ языка, да и къ тому есть нѣкоторыя основанія усумниться въ ихъ семитическомъ происхожденіи. При той свободѣ, до какой большинство ученыхъ считаетъ необходимымъ заниматься восточной исторіей, строить гипотезы и дѣлать сопоставленія, нашли, что въ имени „Пелиштимъ" только одной буквой больше, чѣмъ въ имени Пеласговъ и филистимляне были безъ дальнихъ разговоровъ объявлены греками. Но какъ быть съ финикіанами? Они чистые семиты и по языку, и по типу, и по искусству, а этого нельзя такъ легко не принимать въ соображеніе. На помощь явилась Библія или, лучше сказать, кривыя толкованія библейскихъ текстовъ. Въ 10, 15 книги Бытія Сидонъ названъ „первенцемъ Ханаана", т.-е. внукомъ Хама, а нѣсколько выше Нимродъ—сыномъ Куша, т.-е. тоже внукомъ Хама. Этого было вполнѣ достаточно для признанія родства финикіянъ съ основателями халдейской культуры и отнесенія ихъ къ придуманной для удобства ученыхъ Кушитской расѣ. За эту спасительную расу уцѣпились и Ренанъ, и Ленорманъ, и Масперо; они стали считать финикіанъ пришельцами, усвоившими хананейскій языкъ и смѣшавшимися съ семитами. Во время своей миссіи Ренанъ находилъ возможнымъ даже въ настоящее время видѣть въ Финикіи два типа: мрачный—мусульманскій, и очаровательный, напоминающій Египетъ. Давши, такимъ образомъ, въ своей, надѣлавшей слишкомъ много шума, книгѣ подозрительное и вредное по послѣдствіямъ новое, Ренанъ въ ея фактической части—обзорѣ исторіи финикійскаго языка и его отношеній къ другимъ семитическимъ языкамъ—стоитъ всецѣло на почвѣ Моверса. Но этотъ трудъ начинающаго ученаго важенъ былъ лично для него самого: занявшись имъ, онъ, такъ сказать, вступилъ въ область финикійской археологіи, для которой ему суждено было сдѣлать больше всѣхъ своихъ современниковъ. Его „Mission de Phénicie"—до сихъ поръ настольная книга для всѣхъ занимающихся этимъ предметомъ. Но какія были причины, побудившія предпринять финикійскую экспедицію?

Интересъ къ этой своеобразной странѣ, какъ мы могли убѣдиться, всегда былъ силенъ и не ослабѣвалъ, но онъ долго ничѣмъ не питался. Путешественники продолжали исправно посѣщать Св. Землю и Финикію, продолжали издавать описанія, но не прибавляли ничего новаго къ тому, что было извѣстно раньше. При такомъ положеніи дѣла не могло не усилить интереса къ финикійской почвѣ замѣчательное открытіе, которое она доставила ученому міру. Слухи

объ археологическихъ богатствахъ садовъ, окружающихъ Саиду, стали распространяться по Европѣ съ начала 50-хъ годовъ. Виноградари не разъ во время земляныхъ работъ наталкивались на склепы, наполненные остатками всѣхъ культуръ, смѣнившихся на этомъ берегу: здѣсь были и саркофаги въ египетскомъ стилѣ, и произведенія греко-римскаго искусства, и христіанскіе памятники. Конечно, этотъ рудникъ не могъ спастись отъ искателей сокровищъ и торговцевъ древностями, для которыхъ этотъ край—классическая страна. Было ограблено много гробницъ; древности, не удобныя для переноски, разбивались; мѣста находокъ тщательно скрывались. Но вотъ 19 января 1855 г. въ получасовомъ разстояніи къ ю.-в. отъ Саиды нашли совершенно случайно почти на поверхности земли прекрасный мраморный саркофагъ съ двумя тождественными финикійскими надписями на покрышкѣ. Ни одна изъ извѣстныхъ раньше да и теперь не можетъ равняться съ этой надписью и по величинѣ, и по важности. Благодаря стараніямъ герцога de Luynes [1]), памятникъ попалъ въ Луврь и составляетъ теперь одно изъ лучшихъ украшеній послѣдняго; ученые тотчасъ же занялись имъ и единогласно признали гробницей Эшмуназара, царя „сидонянъ“ [2]). Онъ приводитъ имена своихъ, отца и дѣда, и, такимъ образомъ, мы узнали о существованіи неизвѣстной до тѣхъ поръ династіи. Затѣмъ онъ разсказываетъ о постройкѣ имъ храмовъ Ваалу, Астартѣ, Эшмуну, желаетъ, чтобы „владыка царей (адонъ мелакимъ) пожаловалъ ему Дору и Іоппію, плодородныя земли на саронскихъ поляхъ государству, которое „онъ основалъ“. Наконецъ, подъ страхомъ божьяго наказанія запрещаетъ „благороднымъ и народу“ открывать его гробницу. Вообще, каждое слово надписи имѣетъ огромную важность и она породила цѣлую литературу. Наука стояла уже на столько твердо, что крупныхъ разногласій въ пониманіи текста надписи мы не замѣчаемъ, но за-то поднялся споръ изъ-за времени, къ которому ее можно отнести. Первый коментаторъ ея Салисбери [3]) сблизилъ отца Эшмуназара Табнита съ Тенномъ Діодора и отнесъ поэтому надпись ко времени Александра В. Такое объясненіе было слишкомъ естественнымъ и простымъ, чтобы его можно было сразу принять; ученые, по своему обыкновенію, стали о нѣсколькихъ строкахъ писать цѣлыя книги и, въ то время, какъ Эвальдъ [4]) относилъ надпись къ

[1]) Ему принадлежитъ прекрасный трудъ по нумизматикѣ: Essai sur la numismatique des satrapes et de la Phénicie sous les Achéminides. Par. 1847.

[2]) Эта надпись извѣстна посѣтителямъ Императорской Публичной Библіотеки: слѣпокъ съ нея помѣщенъ противъ выхода изъ читальной залы.

[3]) Journ. of the American Orient Soc. V. 1. 1856, 227.

[4]) Abhandl. d. Königl. Gesellschaft d. Wiss. zu Göttingen. VII, 145. Götting. Gelehrte Anzeigen. 1856, 689; 1857, 321 и 1868.

XI в. до Р. Х., большинство [1]) видѣло въ ней произведеніе VII— VI в. Къ гипотезѣ Салисбери опять вернулся *Леви* [2]), преемникъ Моверса на бреславльской каѳедрѣ, занявшійся продолженіемъ изданія его библіотеки финикійскихъ текстовъ подъ заглавіемъ «Phönizische Studien» [2]) и оказавшій изученію финикійскаго языка огромныя услуги. Недавно дату этого памятника придвинули еще ближе къ нашему времени: Клермонъ Ганно отнесъ его къ III в., ко времени Птолемея II [3]), который, по его мнѣнію, именно и есть «адонъ мелакимъ». И до сихъ поръ памятникъ продолжаетъ интересовать ученыхъ и вызывать ихъ на объясненія нѣкоторыхъ частностей [4]).

Открытіе гробницы Эшмуназара съ надписью, по богатству содержанія ничѣмъ не уступающей любой египетской, конечно, возбудило среди ученыхъ большія надежды на новыя находки въ Финикіи. Если мы вспоминимъ, что въ это время происходили дѣятельныя

[1]) Hitzig. Die Grabschrift des Eschmunazar. Leipzig, 1885. De Luynes. Mémoires sur le sarcophage et l'inscription funeraire de Esmunazar Par. 1856.

[2]) Это былъ органъ современныхъ автору археологическихъ находокъ. Всего онъ успѣлъ издать 4 выпуска: первый былъ цѣликомъ посвященъ надписи Эшмуназара, переведенной и снабженной прекраснымъ грамматическимъ и реальнымъ комментаріемъ. По его мнѣнію, Эшмуназаръ царствовалъ 351—346 г. послѣ погрома при Артаксерксѣ III, что видно изъ постройки храмовъ и тона надписи, доказывающаго далеко не блестящее положеніе Сидона въ то время. За это говоритъ и палеографія. Здѣсь авторъ развиваетъ очень оригинальную теорію происхожденія финикійскаго алфавита. Въ то время еще всѣ держались мнѣнія объ оригинальномъ происхожденіи его изъ іероглифовъ, изображавшихъ понятія, соотвѣтствующія названіямъ буквъ семитическаго алфавита. Авторъ не вполнѣ согласенъ съ этой теоріей, говоря, что буквы чѣмъ древнѣе, тѣмъ, какъ оказывается, менѣе напоминаютъ іероглифы. Онъ находитъ для каждаго рода согласныхъ буквъ характерную черту и доказываетъ, что всѣ буквы этого рода—ея видоизмѣненія. II-й выпускъ „Phonis. Studien" посвященъ полемикѣ съ Эвальдомъ по поводу надписи и объясненію ново-пуническихъ надписей. Здѣсь онъ окончательно установилъ чтеніе этихъ трудныхъ текстовъ. Эвальдъ 1852 г. впервые назвалъ ихъ ново-пуническими, но объяснилъ ихъ крайне неудовлетворительно. Леви исправилъ его промахи и заставилъ окончательно забыть объ ихъ мнимо-ливійскомъ происхожденіи. Два послѣднихъ выпуска содержатъ его работы надъ разными надписями, вновь находимыми и извѣстными раньше, которыя авторъ сличалъ по лучшимъ копіямъ. Кромѣ того, результатомъ его работъ надъ финикійскими текстами былъ „Wörterbuch", вышедшій въ 1864 г. и прибавившій къ 334 словамъ Гезеніуса около 600 новыхъ. Въ приложеніи къ IV выпуску „Phöniz. Studien" онъ помѣстилъ еще добавленіе къ словарю (1874).

[3]) Corpus I. Sem. 1, 20.

[4]) Со стороны грамматической надписью занимались очень многіе; литературу см. въ Corpus Inscr. Semit. Мельхіоръ де Вогюэ пытался объяснить ее съ архитектурной стороны (Revue archéol. 1879), Halévy дѣлалъ на основаніи ея заключенія о вѣрованіяхъ семитовъ о загробной жизни. (Ibid. 1882).

археологическія работы на развалинахъ Египта и Мессопотаміи, если примемъ въ соображеніе, какой богатый матеріалъ доставили востоковѣдѣнію раскопки Лаярда, Ботты, Рассама, Лофтуса, Лепсіуса, то намъ будетъ вполнѣ понятно желаніе ученыхъ путемъ подобныхъ же изслѣдованій въ предѣлахъ древней Финикіи и ея колоній пролить свѣтъ на ея исторію. Ко всему этому присоединилось то обстоятельство, что царствовавшій въ то время во Франціи Наполеонъ III давно желалъ чѣмъ-нибудь напомнить своего великаго предка, египетскому походу котораго наука обязана чтеніемъ іероглифовъ. И вотъ, въ концѣ мая 1860 г. Наполеонъ III назначаетъ въ Финикію ученую экспедицію и руководство ею поручаетъ *Ренану*. По странной случайности, и эта французская экспедиція имѣла военный характеръ. Незадолго до ея назначенія, въ Ливанѣ случились убійства, потребовавшія присутствія французской дивизіи; солдатамъ было приказано работать во время раскопокъ и, вообще, находиться въ распоряженіи экспедиціи. На мѣстѣ также Ренанъ пріобрѣлъ опытнаго сотрудника въ лицѣ врача *Gaillardot*, прожившаго въ Сиріи 26 лѣтъ и соединявшаго съ большими научными свѣдѣніями хорошее знаніе мѣстныхъ условій. Ренанъ приписываетъ весь свой успѣхъ, главнымъ образомъ, его содѣйствію.

Въ концѣ октября Ренанъ прибылъ въ Бейрутъ и, вмѣстѣ съ командиромъ арміи, составилъ планъ экспедиціи. Рѣшено было предпринять 4 экскурсіи: 1) въ Руадъ (Арадъ), Тортозу (Антарадъ) и Амритъ (Мараѳъ); 2) Джебель (Вивлъ); 3) въ Саиду (Сидонъ); 4) въ Суръ (Тиръ) и окрестности, кромѣ того, въ видѣ дополненія — путешествіе въ Палестину, стоявшую съ Финикіей въ близкой культурной связи. Послѣ двухъ подготовительныхъ экскурсій, рѣшили начать съ разысканій на мѣстѣ древняго Вивла. Здѣсь не было пункта, привлекавшаго особенное вниманіе, и потому работу пришлось производить на огромномъ пространствѣ. Ренанъ скоро замѣтилъ, что для своевременнаго окончанія изслѣдованій необходимо производить ихъ въ нѣсколькихъ пунктахъ сразу. Это стало возможнымъ въ виду того, что онъ пріобрѣлъ себѣ дѣятельныхъ помощниковъ въ лицѣ гр. Бентивольо, французскаго консула въ Бейрутѣ, и офицеровъ арміи, да и солдаты, принявъ близко къ сердцу успѣхъ экспедиціи, скоро пріобрѣли навыкъ въ работахъ. Поэтому, отправивъ въ Саиду, гдѣ тогда стояла часть войска, Гайярдо, онъ самъ остался въ Вивлѣ и былъ здѣсь до 7-го февраля. Послѣ него продолжали работать офицеры Lubriat и Sacreste, сдѣлавшіе прекрасные рисунки и планы. На мѣстѣ древняго *Вивла* уже собственно поздно было производить раскопки: землетрясенія, войны, особенно же искатели сокровищъ и населеніе, враждебное пластикѣ, истощили этотъ рудникъ древностей.

Здѣсь не нашли ни одного настоящаго финикійскаго памятника, если не считать цоколя пирамиды храма Адониса [1]). Нашли также камень съ египетскимъ изображеніемъ и іероглифической надписью, которой занялся Руже и которая, вѣроятно, относились къ храму Изиды въ Вивлѣ. Этотъ памятникъ, а также и другія указанія окончательно убѣдили Ренана въ культурномъ вліяніи Египта на этотъ городъ, а также въ справедливости мнѣнія Моверса о племенномъ отличіи жителей его отъ сидонянъ и, напротивъ, значительной близости къ евреямъ. Онъ называетъ Вивлъ ливанскимъ Іерусалимомъ по его религіозному значенію и административному устройству. Мѣстомъ древняго Вивла Ренанъ считаетъ холмъ Коссубу [2]).

---

[1]) Ренанъ подозрѣвалъ, что мѣсто, на которомъ онъ найденъ, скрываетъ археологическія богатства (Mission. 174 sq.). И дѣйствительно, въ 1869 г. здѣсь случайно нашли очень важную финикійскую надпись, единственную, дошедшую до насъ изъ Вивла. Она помѣщена подъ изображеніемъ мѣстнаго царя Іегавмелека, молящагося въ персидскомъ одѣяніи покровительницѣ города Baalat-Gebal, представленной въ видѣ египетской богини. Онъ упоминаетъ о сооруженіи золотого алтаря богинѣ, портика' и золотого урея (?) и проситъ, чтобы богиня исходотайствовала ему милость боговъ и расположеніе народа (характеристично послѣднее). Надпись породила огромную литературу. Сначала ею занялись Вогюэ и Ренанъ и поняли ее довольно согласно. Кромѣ Эутинга, разобравшаго ее въ Z. d. D. M. G. (XXX) съ граматической стороны, съ реальной ее разсмотрѣлъ Halévy (Journ. Asiat. VII, 13, 173 sq.). Онъ замѣтилъ нѣкоторую разницу въ языкѣ и правописаніи относительно сидонскихъ надписей (большую близость къ арамейскому); это навело его на мысль о существованіи въ Финикіи, подобно Греціи, городскихъ діалектовъ. Египетскій обликъ богини заставляетъ его видѣть въ библейскомъ производствѣ финикіянъ отъ Хама констатированіе факта культурной зависимости отъ Египта, а самостоятельный характеръ ея, не являющейся паредромъ мужского божества, убѣждаетъ его въ правильности его теоріи о культѣ у семитовъ самостоятельныхъ женскихъ божествъ. При этомъ онъ дѣлаетъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній о финикійской религіи вообще и говоритъ, что въ ней жречество поглощено государствомъ, что она, сдѣлавшись космополитической, не перестала быть семитической, т.-е. пантеизмомъ, разсматриваемымъ съ соціальной точки зрѣнія и признающимъ гармонію вселенной въ разнообразіи и порядокъ ея въ видимомъ безпорядкѣ. Такимъ образомъ, надпись эта очень важна: благодаря ей, мы узнали о двухъ царяхъ персидскаго времени (имя дѣда Іегавмелека сохранилось неясно), увидѣли изображеніе богини, о которой намъ нѣсколько сотъ лѣтъ до этого повѣствовали египетскіе и клинообразные тексты, убѣдились въ культурномъ вліяніи на Финикію Персіи. Что касается послѣдняго, то Мордтманнъ указалъ на одну печать съ персидскимъ изображеніемъ и финикійской легендою (Z. O. M. G. 14, 710).

[2]) Экспедиція занялась также тщательнымъ изслѣдованіемъ окрестностей Вивла, бассейна рѣки Адониса (Nahr-Ibrahim — плодъ синкретизма, сопоставившаго Авраама съ Элемъ, богомъ Вивла) и берега до самаго Бейрута. Повсюду найдено много слѣдовъ культовъ Вивлскихъ божествъ, упоминаемыхъ у Санхуніаѳона: греческія надписи то и дѣло говорятъ о „вышнемъ" богѣ

На мѣстѣ древняго *Сидона* раскопки производилъ Gaillardot. И здѣсь, по части финикійскихъ древностей, находки не были особенно значительны. Былъ изслѣдованъ и описанъ некрополь, найдены саркофаги одного типа съ Эшмуназаровымъ, которые Ренанъ назвалъ антропоидами, но надписей на нихъ не было. Гайярдо нашелъ въ некрополѣ много мелкихъ предметовъ, которые описалъ, и классифицировалъ самыя гробницы, по способу погребенія. Въ окрестностяхъ города нашли тоже немного финикійскаго: въ селеніи Румели остатки страннаго сооруженія съ египетскимъ вліяніемъ, на берегу въ Айрез-Зейтунѣ два известковыхъ саркофага, да въ Khan-Khaldi остатки святилища Ваала Альдимійскаго.

Гораздо плодотворнѣе и интереснѣе были изслѣдованія на мѣстѣ древняго *Тира*. Раскопки на Еврихорѣ не дали ничего новаго, кромѣ остатковъ греческихъ и римскихъ; Ренанъ только убѣдился, что ю. з. уголъ острова не могъ быть отдѣльнымъ островомъ съ ἄβατον храма Мелькарта. Было поэтому необходимо изслѣдовать, гдѣ могъ находиться этотъ храмъ, и убѣдиться, былъ ли островъ прежде больше, чѣмъ теперь, какъ это въ то время всѣ предполагали. Кромѣ того, слѣдовало наконецъ, порѣшить, съ вопросомъ объ Египетской гавани. Ренанъ рѣшительно не допускаетъ значительнаго уменьшенія острова; онъ только признаетъ, что провалились нѣкоторыя

Епураніи. У верховьевъ рѣки Адониса были изслѣдованы интересныя развалины, наз. „Maschnaka", замѣченныя еще въ 1850 г. Зетценомъ и Веберомъ и описанныя впервые Ренаномъ въ 1861 г. (Mémoire sur les monuments du culte d'Adonis). Въ этихъ развалинахъ, по его мнѣнію, римской эпохи (скульптурныя изображенія относитъ ко времени Селевкидовъ), онъ склоненъ видѣть древній храмъ Афродиты въ Ливанѣ, упоминаемый у Лукіана (De Syria Dea G.), а въ развалинахъ гробницы — одну изъ многочисленныхъ кенотафій Адониса. На другомъ берегу рѣки, въ Ghineh есть также интересныя скульптурныя изображенія, для которыхъ онъ подыскалъ объясненіе у Макробія (Saturn. I, 21), упоминающаго о многочисленныхъ изображеніяхъ въ Ливанѣ плачущей Венеры и Адониса. Кромѣ того онъ описалъ много другихъ развалинъ, менѣе замѣчательныхъ; всѣ онѣ или относятся къ позднимъ, сравнительно, эпохамъ, или плохо сохранились. Финикійскихъ надписей нигдѣ найти не удалось. Наконецъ, онъ старался указывать на народныя суевѣрія, напоминающія о древнихъ культахъ, и въ новыхъ географическихъ именахъ искать историческихъ. Онъ отвергъ ходившее до него мнѣніе о торжествѣ Семаръ-Джебеля съ Палевивломъ и утверждаетъ, что послѣдній могъ быть только на мѣстѣ нынѣшнихъ Сарба или Ель-Базара. Др. Афаку отказывается отожествлять съ Факрой (здѣсь онъ также описалъ интересныя развалины храма „высочайшаго бога") и возвращается къ прежнему сопоставленію ея съ Афакой. Бейрутомъ онъ занимался мало, т. к. этотъ городъ посѣщался часто и даже былъ населенъ археологами. Онъ производитъ имя этого города не отъ „boroth" = колодецъ, а отъ „berot" = кипарисъ, также „сосна" отъ сосновыхъ рощъ вблизи города.

изъ частей насыпанныхъ Хирамомъ, но вовсе не храмъ, для провала котораго онъ не находитъ времени. Храмъ Мелькарта, помѣщаетъ въ срединѣ города и отказывается отожествлять его съ упоминаемымъ у Менандра и Дія святилищемъ Зевса Олимпійскаго, основаніе котораго относитъ ко времени Антіоха Епифана, вводившаго повсюду этотъ культъ и которое онъ помѣщаетъ тамъ, гдѣ Моверсъ желаетъ видѣть храмъ Мелькарта, т.-е, на отдѣльномъ островѣ. Въ вопросѣ о гаваняхъ онъ совершенно несогласенъ съ Берту; опровергаетъ его теорію о Коѳонѣ и поперечномъ каналѣ и, помѣщая Египетскую гавань соотвѣтственнно Сидонской, утверждаетъ, что она совершенно занесена пескомъ. Говоря о Палетирѣ, онъ первый высказалъ очень вѣроятное предположеніе о томъ, что его названіе не даетъ права заключать объ его большей древности. Настоящимъ городомъ былъ всегда островъ, что доказывается самымъ именемъ его („Цоръ"-скала); приставка „Palae" м. б. просто невѣрный переводъ какого-нибудь финикійскаго слова. Мѣстомъ Палетира онъ считаетъ тотъ пунктъ, къ которому ежедневно приставали суда съ острова, съ чѣмъ согласны и историки Александра, а извѣстіе Скилака о рѣкѣ, протекавшей среди города, заставившее ученыхъ перемѣщать городъ къ устью Касмія, объясняетъ, кромѣ сомнительности чтенія, тѣмъ, что въ древности понятіе Палетира было крайне неопредѣленно: подъ этимъ именемъ разумѣлись поселенія на значительномъ протяженіи по берегу. Для раскопокъ на мѣстѣ Палетира и для извлеченія его остатковъ изъ александровой плотины Ренанъ не располагалъ достаточными средствами [1]). Изъ окрестностей Тира Ренанъ обратилъ прежде всего вниманіе на мѣстность „Kabr Hiram", гдѣ находился некрополь съ памятникомъ, носившимъ заманчивое названіе „гробница Хирама". 18 марта 1861 г. начались изслѣдованія. Оказалось, что названіе это не древнѣе 1833 г. и явилось простымъ слѣдствіемъ недоразумѣнія или шутки туристовъ. Опредѣлить эпоху памятника онъ отказался въ виду его сходства и съ древне-финикійскими, и съ христіанскими. Первое, во всякомъ случаѣ, онъ считалъ болѣе вѣроятнымъ, благодаря возможной принадлежности его къ древнему „укрѣпленію Тира" (Цар. II, 24, 7.), которое онъ склоненъ отожествить съ частью Палетира, отдѣлившеюся послѣ нашествія Салманассара. Другая интересная мѣстность въ окрестностяхъ Тира, лежащая къ югу, по дорогѣ въ Акку-Умъ-эль—Авамидъ („Мать Колоннъ"). Здѣсь работали Тобуа

---

[1]) Кромѣ Моверса и Ренана ошибки Берту взялся исправлять *Poulain de Bossay* въ своихъ „Recherches sur Tyr et Paletyr" (Rec. d. voyages. VII, 2), но самъ впалъ въ другія ошибки и не былъ свободенъ отъ произвольныхъ сближеній. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ частностяхъ ему удалось дополнить Моверса.

и Ренанъ, а впервые обратили вниманіе на эти развалины de Saulcy и Vogüé (1850—1853). Они замѣтили здѣсь остатки акрополя въ греч. стилѣ, господствовавшаго надъ берегомъ, постройки въ египетскомъ стилѣ и дома, которые они считали киклопическими. Тобуа полагалъ, что египетское сооруженіе не старше времени Александра В., а дома—просто грубыя постройки новаго времени изъ обломковъ древности. Ренанъ былъ склоненъ видѣть въ египетскомъ зданіи если не произведеніе времени Хирама, какъ думалъ Вогюэ, то постройку персидской эпохи. Подробное разсмотрѣніе этихъ остатковъ наводитъ его на мысль о сходствѣ орнаментовки съ тѣмъ, что мы знаемъ объ Іерусалимскомъ храмѣ [1]) и вообще онъ видитъ въ тирской культурѣ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ еврейской [2]). Важной находкой здѣсь были 3 финикійскихъ надписи, первыя изъ области древняго Тира [3]). Умъ-эль-Авамидъ Ренанъ вообще считаетъ мѣстностью, послѣ Амрита, наиболѣе интересною для изслѣдователя финикійской древности. Это онъ объясняетъ тѣмъ, что находившійся здѣсь городъ Лаодикея не пережилъ Селевкидовъ и не попалъ подъ римское владычество. Онъ полагалъ, что здѣсь можно еще найти надписи и совѣтовалъ археологамъ заняться этимъ.

Но самой интересной частью экспедиціи было, безъ сомнѣнія, изслѣдованіе области древняго *Арада*, памятники котораго уже нѣ-

[1]) Онъ говоритъ, что иллюстраціи Теніуса къ Книгѣ Царствъ, составленныя на основаніи теоретическихъ соображеній, напоминаютъ собой эти остатки.

[2]) Тиръ — религіозный центръ почитателей Мелькарта Ираклейцевъ, соперникъ Іерусалима, а потому возбуждалъ ненависть пророковъ.

[3]) Эти надписи очень важны; онѣ помѣщены въ музеѣ Наполеона III и вызвали большую литературу. Кромѣ Ренана, посвятившаго имъ статьи въ Journ. As. (1862 и 1863) ими занялись Bargès (ibid), Levy (Phon. St. III) Judas, Ewald, Schlottmann и мн. др: Особенное вниманіе обращали на себя 2 даты І-й надписи: 180 годъ „владыки царей" и 143 „тирскаго народа". Ренанъ считаетъ первую дату отъ эры Селевкидовъ и относитъ надпись къ 132 г. до Р. Х., а вторую отъ возстановленія разрушеннаго Тира Птолемеемъ II въ 275 г. Послѣдняя эра была для науки новостью. Языкъ пока еще чистый ханаанскій, но замѣчается стремленіе писать quiescentes. Интересны цифры: онѣ не финикійскія, а арамейскія и дополняютъ извѣстныя намъ изъ пальмирскихъ надп. и арамейскихъ егип. папирусовъ. Но самое важное это то, что, благодаря первой надписи, можно предполагать, что на мѣстѣ древняго Умъ-эль-Авамида былъ городъ, носившій имя Лаодикеи, хотя, конечно, быть вполнѣ въ этомъ увѣреннымъ трудно: надпись могла попасть сюда случайно, а имя города Тира сохранилось неясно. Третья надпись интересна потому, что написана на обломкѣ солнечныхъ часовъ. По просьбѣ Ренана этимъ памятникомъ занялись математики Wöpcke и Laussedat. Они дали полную реконструкцію его, вычисленія и отнесли къ роду тѣхъ, изобрѣтеніе которыхъ Витрувій приписываетъ Діонисіодору (De Arch. IX, 9). Статья Wöpcke въ J. As. 1863. Laussedat въ Mission 733—745. Въ Луврѣ есть мраморная модель памятника.

сколько вѣковъ обращали на себя вниманіе ученыхъ, но до сихъ поръ не были изучены. Къ сожалѣнію, изслѣдователи были поставлены въ неблагопріятныя условія: памятники теперь уже были далеко не въ такомъ видѣ, какъ при Брокардѣ или даже Пококе; греческое возстаніе сокрушило многіе изъ нихъ [1]). Кромѣ того неблагопріятное время года и ожидаемый уходъ солдатъ заставляли торопиться. Тѣмъ не менѣе имъ вполнѣ удалось изучить памятники, называемые маабедами, мегацилями, бурди-ель-беззакъ. Въ первыхъ Ренанъ видѣлъ храмы, напоминающіе Моисееву скинію, причемъ каменныя cellae посрединѣ были св. святыхъ [2]); во вторыхъ—центры кладбищъ, соотвѣтствующіе погребальнымъ пирамидамъ (horaboth), упоминаемымъ въ въ книгѣ Іова (21, 32). Что касается памятника Burdi-el-Bezzak, то имъ усердно занялся Gaillardot и основательно изучилъ его съ архитектурной стороны. Онъ полагалъ, что это мѣсто упокоенія богатой и знатной, м. б., царской фамиліи и выстроено оно въ подражаніе естественнымъ склепамъ въ скалахъ. Тобуа къ этому прибавилъ, что памятникъ не оконченъ и, вѣроятно, не былъ въ употребленіи. Надписей финикійскихъ совсѣмъ не нашли. Ренанъ объясняетъ это отсутствіемъ здѣсь греческаго вліянія, пріучившаго финикіянъ писать на камнѣ [3]). Напротивъ, помятники Арада свидѣтельствуютъ о глубокомъ египетскомъ вліяніи [4]), господствовавшемъ въ Финикіи до времени филеллина Стратона.

Изъ окрестностей Арада интересенъ *Мараѳъ*. Развалины его, растянутыя на огромное пространство, навели Ренана на мысль, что этотъ городъ служилъ для острова мѣстомъ дачъ, фабрикъ, магазиновъ и кладбищъ [5]). Кромѣ того производились изслѣдованія на берегу до Триполи и Ѳеупросопа. Это мѣсто, впрочемъ было и раньше хорошо извѣстно. Локруа занялся бѣглымъ обзоромъ Джебель-Аккара, который до ренановой экспедиціи былъ неизвѣстенъ, и спустился въ

---

[1]) Такъ напр., экспедиція не имѣла возможности изучить башни на о-вѣ Руадѣ, въ которой всѣ путешественники видѣли остатокъ глубокой древности.

[2]) Амритскій маабедъ—единственный изъ дошедшихъ до насъ въ цѣлости семитическихъ храмовъ.

[3]) Это онъ доказываетъ неумѣлостью мастеровъ справляться съ текстами даже впослѣдствіи. Онъ полагаетъ, что до греческаго вліянія финикіяне писали на металлѣ, который потомъ переливался и, такимъ образомъ, надписи пропадали для науки.

[4]) Слѣды египетскаго вліянія найдены и на о-вѣ. Здѣсь попалась плита и статуя съ іероглифической надписью и картушемъ Псаметиха. Памятникомъ этимъ занялся Руже.

[5]) Впрочемъ Ренанъ и на островѣ нашелъ могилы. При раскопкахъ на островѣ онъ подвергался большимъ опасностямъ со стороны фанатическаго населенія.

долину Оронта для осмотра и описанія памятника El-Harmul. Не смотря на видимое сходство, это сооруженіе, по его мнѣнію, не современно амритскимъ; оно скорѣе неосирійское римскаго періода или, въ крайности, времени селевкидовъ. Триполи не дала совсѣмъ финикійскихъ древностей, точно также, какъ и мѣстность къ югу отъ Акки къ Кармилу и Галилеѣ, гдѣ только въ селеніи Elamsin были замѣчены остатки чего-то въ родѣ выродившагося меацилы временъ упадка искусства. Ренану не удалось провѣрить предположенія Томсона о построеніи Кесаріи изъ развалинъ другого болѣе древняго города, не удалось ему также видѣть и Доры, которую онъ склоненъ помѣщать на мѣстѣ Тантуры.

И такъ, ренанова экспедиція не обогатила европейскихъ музеевъ произведеніями финикійскаго искусства и литературы, но значеніе ея для науки тѣмъ не менѣе было громадно. Остатки греко-римской культуры, найденныя ею здѣсь въ довольно большомъ количествѣ, пролили много свѣта на исторію эллинизма въ Сиріи, особенно на ея религію въ это время синкретизма; многія изъ надписей и изображеній были прямыми иллюстраціями къ Санхуніаѳону. Изученіе древней географіи побережья стало теперь на твердую научную почву, благодаря тому, что изслѣдователи постоянно старались разыскивать мѣстоположенія древнихъ городовъ, сопоставлять ихъ съ современными и дѣлали это, въ большинствѣ случаевъ, очень удачно, прибѣгая къ содѣйствію филологіи, археологіи и народныхъ преданій и суевѣрій. Но болѣе всего обязано этой экспедиціи изученіе финикійскаго искусства. Мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что оно только теперь и стало возможно. Во-первыхъ, Ренанъ и его сотрудники выбросили за бортъ массу негоднаго матеріала, въ видѣ развалинъ разныхъ сооруженій среднихъ вѣковъ и даже новаго времени, которыя вводили изслѣдователей въ заблужденіе, будучи выстроены изъ древнихъ обломковъ. Затѣмъ, съ памятниковъ, въ финикійскомъ происхожденіи которыхъ не могло быть сомнѣнія, они постарались снять рисунки и на тщательность послѣднихъ обратили самое серьезное вниманіе. Эти рисунки, сдѣланные Тобуа, а также прекрасные планы и карты— результаты географическихъ и топографическихъ работъ экспедиціи и снятые, большею частью, офицерами арміи, составили особый атласъ къ „Mission de Phénicie" и до сихъ поръ являются источникомъ свѣдѣній о древней исторіи Финикіи и ея искусствъ [1]). Затѣмъ Ренанъ занялся классификаціей и хронологіей памятниковъ и, не смотря на страшную трудность разобраться въ этомъ хаосѣ при отсутствіи датъ,

[1]) До сихъ поръ всѣ историки (напр. Пичманъ, Раулинсонъ, Перро и др.) заимствуютъ изъ нихъ въ свои сочиненія.

а часто даже и надписей, онъ всетаки пришелъ къ нѣкоторымъ прочнымъ выводамъ, раздѣливъ памятники финикійской архитектуры на до-эллинскіе [1]), смѣшанные [2]) и эллинистическіе [3]) и замѣтивъ, что эпоха Антониновъ была, до нѣкоторой степени, временемъ возрожденія восточныхъ искусствъ. Эта классификація сдѣлалась достояніемъ науки. Въ „Conclusions" своего классическаго труда онъ высказываетъ слѣдующій взглядъ на финикійское искусство: повсюду, говоритъ онъ, геологія предписываетъ законы искусству, повсюду подпочва является главнымъ элементомъ, опредѣляющимъ матеріалъ. Финикійскій известнякъ удобный для полировки, но годный для употреблнія только въ видѣ большихъ блоковъ, не могъ конкурировать въ богатствѣ орнаментовки съ греческимъ мраморомъ. Поэтому принципъ финикійской архитектуры—полированная скала, а не колонна и не сводъ и можетъ быть выраженъ однимъ словомъ „монолиѳизмъ". Сдѣлавшись осмысленнымъ, финикійское искусство стало подражательнымъ, взявъ за образецъ сначала Египетъ, а затѣмъ Грецію, но и здѣсь не оставило своего монолиѳизма и всетаки продолжало быть непослѣдовательнымъ и, такъ сказать, эгоистичнымъ, что обусловило быстрое разрушеніе его памятниковъ.

Послѣ ренановой экспедиціи Финикія можетъ считаться, въ общемъ, изслѣдованной. Но кромѣ „поморія Тира и Сидона" финикійскіе памятники были разсѣяны по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря и въ нѣкоторыхъ пунктахъ подвергались даже меньшимъ невзгодамъ, чѣмъ въ метрополіи. Для основательнаго изученія финикійской древности необходимо было и на нихъ обратить вниманіе тѣмъ болѣе, что нерѣдко это было очень удобно и доступно. Мы видѣли, что давно уже европейскіе ученые изучали древности Мальты, Сардиніи, Сициліи. Послѣ Марморы здѣсь работали Cara [4]), Elena [5]), Spano [6]), Crespi [7]),

[1]) Таковы, напр., памятники Амрита.

[2]) Къ этому роду онъ относитъ, между прочимъ крещальню въ Маронитской церкви Mar Iouhanna въ Джебелѣ. Здѣсь онъ видѣлъ крылатый дискъ, который считаетъ комментаріемъ къ Санхуніаѳону (Orell. p. 45).

[3]) Типомъ такихъ памятниковъ онъ называетъ театръ въ селеніи Батрунъ въ окрестностяхъ Джебеля. Ренанъ не отрицаетъ, что былъ періодъ, когда и Финикія оказывала вліяніе на Грецію, но только послѣдняя могла вдохнуть въ искусство идеалъ.

[4]) Директоръ музея въ Кальяри. Онъ нашелъ также въ 1877 г. финикійскую надпись, которой занялся Елена и перевелъ довольно удачно въ „Sopra una iscrizione fenica. 1878. Она вотивная въ честь Ваалшамима; замѣчательно въ ней упоминаніе „о—ва Нацамъ", которое сопоставляютъ въ Ἱεράκων νῆσος. Въ Сардиніи найдены еще надписи, б. ч. нео-пуническія.

[5]) Scavi nella necropoli occidentali di Cagliari. Cagliari. 1868.

[6]) См. въ Bulletino archeologico Sardo 1855—1861.

[7]) Catalogo illustrato della raccolta di antichità Sarde, possedute dal Signore Raimondo Chessa. Cag. 1868.

Pais. Послѣдній въ своемъ сочиненіи: „La Sardegna prima del dominio Romano“ [1]) отвергъ, наконецъ, финикійское происхожденіе нураговъ, но склоненъ, хотя и неосновательно, приписывать его идольчикамъ, и оружію, найдя въ нихъ сходство съ вещами, добытыми изъ Гиссарлыка и относящимися къ такъ называемому „средиземному типу“. На Сардиніи было найдено также не мало предметовъ египетскаго типа; это довало поводъ строить невѣжественныя гипотезы. Ренанова экспедиція доказала, что египетскій характеръ еще не доказательство египетскаго происхожденія и ихъ пришлось считать финикійскими и даже мѣстными издѣльями. Паисъ даетъ также древнюю географію [2]) и исторію Сардиніи, причемъ въ вопросѣ о финикійскихъ колоніяхъ поступаетъ гораздо умѣреннѣе Моверса и помѣщаетъ ихъ только по берегамъ: въ Каралѣ, Норѣ, Sulcis и портѣ Иракла. Вообще трудно отличить древне-финикійскіе слѣды отъ карѳагенскихъ, Гельбигъ [3]) даже прямо отрицаетъ первые. Но за то здѣсь нѣтъ греческихъ памятниковъ и финикійскій элементъ держится очень долго безъ примѣси. Находили финикійскія древности и на Корсикѣ: монеты, мелкія вещи и саркофаги-антропоиды [4]) одного типа съ сирійскими, но надписи не найдено ни одной, точно также, какъ и на Коссурѣ [5]) (Пантелларія). Археологическими работами въ *Сициліи* занимался *Salinas* [6]), обратившій вниманіе на стѣны Эрика, считавшіяся пеласгическими. Онъ нашелъ въ нихъ финикійскія буквы и притомъ въ такихъ положеніяхъ, что онѣ могли доказать происхожденіе стѣнъ, хотя палеографическая сторона ихъ не позволяетъ сдѣлать заключенія о времени кладки, которая напоминаетъ тиринѳскія стѣны и своимъ стремленіемъ къ горизонтальности обнаруживаетъ нѣкоторый прогрессъ въ искусствѣ. Въ это же самое время завѣдующій Лавалеттской публичной библіотекой *Каруана* предпринялъ по порученію англійскаго правительства общее изданіе всѣхъ мальтійскихъ памятниковъ подъ заглавіемъ: „Report of the phoenician and roman antiquities in the group of the islands of Malta“. 1882. Это очень почтенный трудъ, жаль

---

[1]) Въ Memorie della reale Acad. dei Lincei. 1881.

[2]) Въ ней приложена прекрасная археологическая карта и 6 таблицъ изображеній.

[3]) Cenni sul'arte fenica.

[4]) Les Phéniciens en Corse. Revue Africaine. 1862 (статья Aucapitaine).

[5]) Ленорманъ, имя котораго вообще не свободно отъ подозрѣній въ дѣлѣ археологіи, увѣрялъ въ 1867 г. акад. надписей, что получилъ отъ одного туриста надпись съ Коссуры. Онъ даже издалъ ее, а Леви занялся ея объясненіемъ въ Phön Std. III. Впослѣдствіи она оказалась подложной.

[6]) Le mura fenicie di Erice. Roma 1883. Изображеніе стѣнъ сохранилось на одной монетѣ. См. Donaldson Achitectura numismatica. Литературу о сицилійскихъ древностяхъ см. въ бурсіановскомъ „Jahresbericht‘, статьи Holm'a.

только, что авторъ не могъ видѣть Гигантеи въ томъ видѣ, какъ она была при Марморѣ, изданіе котораго, поэтому, до сихъ поръ необходимо имѣть въ виду. Кромѣ того Куруана склоненъ къ довольно смѣлымъ гипотезамъ.

Большія надежды возлагались на развалины Карѳагена. Послѣ того, какъ въ началѣ нашего столѣтія онъ обратилъ на себя вниманіе ученыхъ своими надписями, имъ занялся въ 30-хъ годахъ археологъ Фальбъ, снявшій планъ съ его развалинъ съ такой точностью, что его долго продолжали копировать [1]). Съ 50-хъ годовъ надписи стали попадаться здѣсь въ огромномъ количествѣ, хотя по содержанію были крайне однообразны, будучи большею частію посвященіями Ваалу Хаммону и Танитъ. Тунисскій бей приказалъ доставлять ихъ къ себѣ и складывать въ крѣпости Манубъ. Въ общемъ однако, памятниковъ здѣсь найдено было очень мало, гораздо меньше, чѣмъ на островахъ, гдѣ финикійскій элементъ сохранялся дольше и чище. Наполеонъ III обратилъ вниманіе и на эту область и поручилъ въ ней археологическія работы Daux, человѣку, страдавшему большою склонностью къ фантастическимъ предположеніямъ, которыми полно его сочиненіе: „Recherches sur l'origine et l'emplacement des emporia phéniciens dans les Zeugis et le Byzacium (1869). Больше онъ ничего не могъ разработать, такъ какъ всѣ его документы сгорѣли при пожарѣ Тюльери въ 1871 г. Въ 1878 г. французскій главный штабъ издалъ новую топографическую карту мѣстности древняго Карѳагена [2]); она доказываетъ до какой степени были тщательны и близки къ истинѣ работы Фальба. Около того же времени 1873—1876 г. Pricot de Sainte Marie былъ командированъ для собиранія надписей и былъ основанъ музей пуническихъ древностей у Бирсы (Musée de Saint-Louis) стараніями кардинала Лавижери и Деляттра [3]). Въ 1884 г. на мѣстѣ древняго Карѳагена дѣлали раскопки молодые археологи Reinach и Babelon [4]) въ трехъ мѣстахъ: между Бирсой и древней гаванью и къ востоку отъ первой. Результаты были не особенно успѣшны. Нашли

---

[1]) Recherches sur l'emplacement de Carthage. Par. 1833. Около того же времени появился серьезный и до сихъ поръ не потерявшій значенія трудъ Dureau de la Malle, Recherches sur la topographie de Cart age (1835). Слѣдуетъ упомянуть также топографич. работы Beulé (Fouilles à Cathage 1861), впервые изслѣдовавшаго порты и нашедшаго мѣсто Бирсы и кладбища. Кладка стѣнъ напомнила ему Іерусалимъ. (См. Desjardin—отчетъ о работахъ Beulé въ Bullet. dell'Inst. di corresp. arch. 1860. Въ Journ. de Sav. 1859—1860).

[2]) Она помѣщена въ Corp. Inscr. Semit. I, 243.

[3]) Carthage et Tunisie au point de vue archéologique. Tunis 1883. Здѣсь же отчетъ о позднѣйшихъ раскопкахъ.

[4]) Revue arch. 1884, I, 185.

фундаменты зданія, водопроводовъ, нѣсколько мелкихъ вещей, древнюю гробницу и до 450 надписей въ честь Танитъ, которыя по своему скучному однообразію не интересны для науки. Въ тоже время на свои средства дѣлалъ изысканія капитанъ Vincent [1]) и открылъ Некрополь въ Badja (древн. Вага). Въ 1886 г. съ большимъ успѣхомъ работалъ здѣсь Vernaz [2]). Онъ нашелъ погребальныя пещеры, причемъ обнаружилось, что эти пуническія гробницы оріентированы къ Тиру, къ богу Мелькарту. Онъ же пришелъ къ убѣжденію, что будущимъ археологамъ необходимо принимать въ соображеніе подземную канализацію, развѣтвленія которой могутъ дать понятіе о направленіи древнихъ улицъ.

Въ 1876 году производились раскопки въ Италіи [3]) близъ Палестрины, на почвѣ древняго Пренестэ. Нашли цѣлый кладъ: золотыя, серебряныя, янтарныя вещи, предметы изъ слоновой кости, стекла, бронзы и желѣза, чаши, треножники, оружіе и посуду. Первыми обратили на это вниманіе Гельбигъ и Конестабиле, а послѣ нихъ Ленорманъ, представившій въ Академію Надписей фотографіи находокъ. Восточное происхожденіе послѣднихъ не возбуждало сомнѣній: египетско-ассирійскій отпечатокъ былъ очень замѣтенъ, а на одной серебряной чашѣ была даже финикійская надпись. Существованіе финикійскихъ слѣдовъ у самыхъ воротъ Рима было сюрпризомъ и ученые не замедлили заняться ими. *Клермонъ-Ганно* обратилъ вниманіе на одну чашу съ интересными изображеніями по краямъ и посрединѣ [4]). Они навели его на мысль о вліяніи подобныхъ изображеній на распространеніе миѳовъ, и онъ пытался доказать зависимость отъ нихъ нѣкоторыхъ греческихъ сказаній. Въ срединѣ одной чаши находится изображеніе, постоянно встрѣчающееся въ египетскихъ памятникахъ: царь поражаетъ своихъ враговъ, стоящихъ на колѣняхъ, причемъ, согласно законамъ египетской живописи, тѣла этихъ враговъ закрываютъ другъ друга, и получается впечатлѣніе одного туловища съ множествомъ головъ. Клермонъ-Ганно считаетъ это изображеніе первообразомъ миѳа объ Ираклѣ и Геріонѣ. Если это предположеніе и слишкомъ смѣло, то объясненіе авторомъ

[1]) Отчетъ Академіи отъ 26 сент. 1883.

[2]) Note sur les fouilles à Carthage. Revue arch. 1887, II.

[3]) Слѣды Финикіянъ въ Италіи нашелъ еще Эрнестъ Куціусъ между Теламономъ и Луной. De Persii patria. Berol. 1879, 2 sq. Попытки найти въ Испаніи финикійскія древности до послѣдняго времени были мало успѣшны: кромѣ моветъ, саркофаговъ и мелкихъ предметовъ не находили ничего. Надписи будто бы находимыя тамъ или оказывались поддѣльными, или пропадали.

[4]) L'imagerie Phénicienne. I. La coupe Phénicienne de Palestrina. J. As. VII, 11 и 15 и отдѣльно Par. 1880.

бордюра палестринской чаши совершенно удачно. Онъ видитъ на немъ изображеніе сценъ изъ жизни знатнаго охотника или, какъ онъ выражается: „Охотничій день или награжденное благочестіе, (восточная пьеса въ 2 дѣйствіяхъ и 9 картинахъ)“ Въ частностяхъ, при объясненіи каждой отдѣльной сцены авторомъ высказано много цѣнныхъ замѣчаній миѳологическаго и археологическаго характера, хотя есть и натяжки [1]). Таковы, въ общихъ чертахъ, результаты археологическихъ изысканій въ западной части бассейна Средиземнаго моря. Они были довольно скудны, но положительно необходимы для изученія характера самого финикійкаго искусства, какимъ оно явилось изъ Азіи, т.-е.—проникнутымъ сильнымъ вліяніемъ Египта и Ассиріи, но мало тронутымъ эллинизмомъ. Иной характеръ имѣло оно на востокѣ. Если Финикія была лабораторіей, въ которой комбинировались и переработывались элементы культуры, доставленной сюда съ береговъ Нила и Месопотаміи, то и Кипръ и отчасти Родосъ были акклиматизаціонными садами, въ которыхъ эти переработанные элементы культивировились рядомъ съ греческими, также занесенными сюда изъ метрополіи чтобы путемъ новой комбинаціи сдѣлаться удобными для передачи и распространенія. Ученые понимали это значеніе Кипра и продолжали интересоваться имъ. По слѣдамъ Росса пошелъ въ 1850 г. de-Saulcy, посѣтившій Ларнаку, осмотрѣвшій кипрскіе некрополи и доставившій не мало вещей изъ нихъ въ

---

[1]) Эти дѣйствія и картины слѣдующія: *I Туда*. 1. Отправленіе. 2. Стрѣльба въ оленя. 3. Смерть оленя. 4. Перерывъ охоты. 5. Жертвоприношеніе. *II Назадъ*. 6. Нападеніе обезьяны. 7. Преслѣдованіе ея. 8. Смерть ея. 9. Прибытіе. При объясненія отдѣльныхъ сценъ авторъ обращаетъ вниманіе, прежде всего, на жертвоприношеніе и именно оленя. Пользуясь Марсельской надписью, онъ очень остроумно доказываетъ, что олень приносился въ жертву финикіянами и въ Карѳагенѣ былъ домашнимъ животнымъ, при чемъ объясняетъ, какъ надо понимать слова нѣкоторыхъ авторовъ о томъ, что олень не водился въ Африкѣ. Затѣмъ интересно нападеніе обезьяны. Сцена эта является, по его мнѣнію, иллюстраціей къ извѣстному эпизоду о нападеніи гориллъ въ периплѣ Ганнова. (Geogr gr. minores I, 13—14); онъ даже склоненъ видѣть здѣсь первообразъ миѳа о Персеѣ и Медузѣ. Справиться съ обезьяной охотнику помогаетъ богиня, изображенная въ видѣ крылатаго лика. Это его наводитъ на мысль, что богиня—Танитъ-пене-Ваалъ. Имя это онъ понимаетъ, какъ „видимая форма невидимаго божества Ваала“ или, другими словами—ангелъ Ваала. Онъ доказываетъ, что олень приносился въ жертву спеціально Танитъ, причемъ остроумно ссылается на Pausan. X, 32, 16 и Arrian. Expeditio VII. 20,3, изъ которыхъ можно заключить о томъ, что олень замѣнилъ собой человѣческія жертвы и что Европа обязана финикіянамъ знакомству съ нимъ. Онъ снова вернулся къ производству имени Туниса отъ богини Танитъ. Этого мнѣнія держался Гезеніусъ, но потомъ его забыли) Миѳологическія сближенія Танитъ съ Гаѳоръ, Аѳиной и Медузой натянуты.

Лувръ. Въ это же время былъ на Кипрѣ и Перетье, французскій консулъ въ Бейрутѣ, которому наука обязана между прочимъ участіемъ въ находкѣ гробницы Эшмуназара. Видя частыя посѣщенія археологовъ, туземцы поняли цѣну древностей и перестали переплавлять ихъ, но, боясь алчности турокъ, устроили складъ для нихъ въ Бейрутѣ, благодаря чему памятники смѣшивались и сдѣлалось трудно прослѣдить ихъ происхожденіе. Ренанъ во время своей экспедиціи хотѣлъ непремѣнно посѣтить Кипръ, но этого ему не удалось успѣть сдѣлать и онъ просилъ возвращавшагося тогда съ востока Мельхіора де-Вогюэ вмѣстѣ съ Ваддингтономъ и архитекторовъ Дютуа пополнить этотъ пробѣлъ. Предполагалось издать результаты ихъ экспедиціи въ видѣ приложенія къ „Mission de Phénicie", но и это не состоялось и пришлось ограничиться краткой статьей въ Revue Archéol. VI, 244 [1]). Изслѣдователямъ удалось опредѣлить положеніе древнихъ Голгъ, но они не успѣли произвести на мѣстѣ знаменитаго храма тщательныхъ раскопокъ и оставили для Ческолы непочатый рудникъ. Кромѣ того имъ удалось собрать нѣсколько довольно важныхъ надписей и архитектурныхъ обломковъ. Около того же времени въ Луврскій музей поступила богатая коллекція Рея и, между прочимъ, знаменитая амаѳунтская ваза, а въ 1866 г. и Британскій Музей обогатился нумизматической коллекціей, собранной Гамильтономъ на мѣстѣ древняго Идалія. Онъ же нашелъ двуязычную кипро-финикійскую надпись, послужившую ассиріологу Смиту ключемъ для чтенія кипрскихъ текстовъ. Въ концѣ 1865 г. прибылъ въ Кипръ *Пальма де-Чеснола* въ качествѣ консула Соединенныхъ Штатовъ. Это былъ человѣкъ, повидимому, совершенно непризванный къ занятіямъ археологіей и на Кипръ онъ попалъ вовсе не изъ любви къ древности. Раскопками онъ сталъ заниматься отъ скуки и, тѣмъ не менѣе, онѣ были очень богаты результатами. Сначала онъ работалъ у Ларнаки и нашелъ здѣсь нѣсколько саркофаговъ сидонскаго типа и нѣсколько мраморныхъ вазъ съ надписями. Лѣтомъ 1867 г. онъ сталъ продолжать работы де-Вогюэ у Голга и въ подземельѣ храма нашелъ массу статуй. Скоро его домъ превратился въ музей, и онъ сталъ подумывать о продажѣ его. Съ нимъ завело переговоры, между прочимъ, и правленіе нашего Эрмитажа, причемъ былъ командированъ Doehl, который составилъ каталогъ коллекціи. Этотъ каталогъ былъ из-

---

[1]) Впрочемъ де-Вогюэ принадлежитъ еще очень полезный трудъ „Melanges d'archeologie orientale", въ которомъ изданы и объяснены найденные имъ интересные предметы, м. пр. монеты и печати съ изображеніями разныхъ божествъ, служащихъ иногда иллюстраціями къ Санхуніаѳону (напр. изображеніе бога Уццо, евр. Исава стр. 109).

данъ Русской Академіей (конечно на нѣмецкомъ языкѣ [1]) и долго служилъ прекраснымъ и единственнымъ пособіемъ для ознакомленія съ кипрскимъ искусствомъ. Переговоры Эрмитажа съ Чесnолой кончились ничѣмъ, такъ какъ послѣдній завелъ ихъ съ Наполеономъ III, но и здѣсь ничего не вышло вслѣдствіе возгорѣвшейся въ то время франко-прусской войны. Въ концѣ концовъ коллекція была куплена новооткрытымъ Нью-Іоркскимъ Metropolitan Museum за 61 т. долларовъ; съ этимъ капиталомъ Чеснола нашелъ возможнымъ продолжать раскопки но найденные имъ на этотъ разъ предметы были, большею частью, дублетами прежнихъ. Впрочемъ, въ 1874 г. онъ открылъ знаменитый „кладъ Курія“. Это самая богатая изъ его находокъ, представляющая огромную коллекцію египетскихъ скарабеевъ, ассирійскихъ цилиндровъ, клинообразныхъ надписей, предметовъ финикійскаго и греческаго происхожденія. Все это также было отправлено въ Нью-Іоркъ въ 1876 г. [2]), куда переселился и самъ Чеснола [3]). Послѣ него пробовалъ копать у Саламина его братъ Александръ [4]), но былъ остановленъ запрещеніемъ со стороны англійскаго правительства, положившаго ко-

---

[1]) Die Sammlung Cesnola. Memoires XIX, 4. (Спб. 1873). Приложено 17 таблицъ прекрасныхъ изображеній.

[2]) Въ этомъ же году онъ сообщилъ въ Европу о важной эпиграфической находкѣ на Кипрѣ, а именно восьми обломковъ металлической вазы съ финикійской надписью. Стараніями Ренана, Ваддингтона и Клермонъ-Ганно они были пріобрѣтены въ Cabinet des antiques Національной библіотекой. Архаичность шрифта всѣмъ бросилась въ глаза и напомнила одну надпись Британск. музея, найденную въ развалинахъ Ливана, VIII в. Ренанъ нѣсколько разъ дѣлалъ ее предметомъ лекціи въ Collége de France, а Клермонъ-Ганно посвятилъ ей статью въ Athenaeum, 1880, I, 502. Онъ сложилъ куски вазы и прочиталъ посвященіе въ честь Ваала Ливанскаго со стороны „слуги Хирама“ (? послѣдняя буква пришлась какъ разъ на мѣстѣ перелома), гражданина Карѳагена (очевидно, кипрскаго города Qartihadaschti, упоминаемаго въ клинообразныхъ надписяхъ (Rawl. Cun. inscr. I, 48). Это самая древняя изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ финикійскихъ надписей. Древность ея подтверждается и тѣмъ, что она не на камнѣ (см. стр. 35, 1). Что касается имени царя, то, хотя чтеніе „Хирама“ и имѣетъ за себя много, все-таки нельзя быть въ немъ увѣреннымъ. Но зато врядъ ли подлежитъ сомнѣнію не-кипрское происхожденіе надписи.

[3]) Около того же времени на Кипрѣ производилъ раскопки другой извѣстный археологъ—*Colonna Ceccaldi*. Его находки, часто очень важныя и интересныя, изданы подъ заглавіемъ: „Monuments antiques de Chypre“. Кромѣ того, см. Rev. Arch. 1870, 22, 362 (раскопки въ Голгѣ). Но особенно интересны его работы на берегу Финикіи у др. Вивла. Онъ считаетъ мѣстомъ древняго Палевивла Djuni, а развалины у этой мѣстности — остатками Серапеума, упоминаемаго Лукіаномъ (De Dea Syria, 7); гору Bkerke отожествляетъ съ горой Климакъ Стравона (16, 19). См. Revue Archéologique, 1878 (35), 1.

[4]) Полное изданіе коллекцій Пальма ди Чесноды: „The Cesnola collection of Cypriote antiquities, a descriptive and pictoral atlas. 3 vol. Boston. 1884.

нецъ изысканіямъ по иниціативѣ иностранцевъ и островитянъ-туземцевъ. Въ 1881 г. на англійскую службу на островѣ поступилъ нѣмецкій ученый Онефальшъ *Рихтеръ*, который собственно не былъ археологомъ по профессіи, но увлекся древностью, познакомившись съ результатами работъ Чесноль. Пріобрѣтя путемъ путешествій по острову знакомство съ его памятниками и археологическую опытность, онъ, по порученію англичанъ, началъ раскопки на Саламинѣ и нашелъ довольно много терракотовыхъ вазъ и статуй, но почти исключительно греческихъ, финикійскія же древности попадаются больше всего въ Китіи и его окрестностяхъ. Очевидно, что финикіяне во время колонизаціи острова нашли въ Саламинѣ многочисленное туземное населеніе и потому предпочли основаться въ Китіи, а греки поступили наоборотъ. Въ 1882 г. основанъ кипрскій музей въ Никосіи, и Піеридесъ сталъ издавать его органъ „The Cyprus Museum“ [1]). Что касается Родоса, то здѣсь раскопки производилъ въ Камирѣ и Ялисѣ *Зальцманъ*. Онъ нашелъ очень много эмальированныхъ глиняныхъ сосудовъ съ украшеніями въ египетскомъ и ассирійскомъ стилѣ, стеклянныхъ вещей, вазъ, амфоръ, алавастровъ, энохой, терракотовыхъ фигурокъ и т. п. [2]). Вообще, родосскія древности одного порядка съ кипрскими. Роскошное изданіе ихъ (не оконченное) было предпринято въ 1867 г. подъ заглавіемъ: „Nécropole de Camiros“. Въ это же самое время шло изданіе двухъ другихъ важныхъ пособій для изученія финикійскаго искусства: „Mission“ Ренана, окончившееся къ 1874 г. и *„Musée Napoléeu III“* подъ редакціей Longperier [3]). Это каталогъ приращеній Лувра, явившихся результатомъ экспедицій времени Наполеона III и большихъ покупокъ. Текстъ, сопровождающій прекрасныя литохромическія изображенія, составленъ рукой мастера [4]). Такимъ образомъ,

---

[1]) Отчетъ о раскопкахъ Рихтера въ Mittheit. d. deut. arch. Inst. См. также въ R. Arch. статью Рейнака подъ заглавіемъ: „Chronique d'Orient“.

[2]) См. также Revue archéologique, II, IV, 467 („Une ville homérique“).

[3]) „Choix de monuments antiques pour servir à l'histoire de l'art en Orient et en Occident“. Здѣсь помѣщены, между прочимъ, изображенія: серебрянаго блюда изъ Ларнака, амофуятской вазы, камирскихъ сосудовъ.

[4]) Кое-что для финикійской древности дали раскопки, предпринимаемыя эллинистами. Не говоря уже о всѣмъ извѣстныхъ работахъ Шлимана, упомяну о раскопкахъ Омолля на Делосѣ. Въ 1877 г. онъ нашелъ интересную, но сильно поврежденную потомъ двуязычную сидонскую надпись IV в. (Corpus, 1, 5, 114). Онъ же прочелъ здѣсь въ одной греческой надп. имя кареаг. посла Іомилка, котораго сопоставилъ съ Іодмилкомъ, упом. въ аѳинскомъ декретѣ этой же эпохи (Rev. arch., 1887, II, 47). Въ J. Arch. 1887, I, 297 Берже помѣстилъ сообщеніе о глиняной вазѣ съ нео-пунической надписью, найденной на Делосѣ, въ первый разъ въ Греціи. Рейнакъ нашелъ здѣсь же греческую надпись въ храмѣ Посидоніастовъ, въ которой они утверждаютъ, что богъ, котораго они чествуютъ, изъ Вирита (Bullét. de cor. hel. 1882 и 1883, 4446).

не смотря даже на дилletантскій характеръ археологическихъ работъ Чесноли и, отчасти, Зальцмана и Рихтера, не смотря на то, что онѣ часто велись совершенно не научнымъ образомъ и надѣлали не мало путаницы, ученые все-таки получили довольно обильный матеріалъ для изученія финикійскаго искусства. Финикія доставила архитектурные памятники, ея колоніи — многочисленныя произведенія скульптуры, глиптики, керамики. Ренану удалось поставить на ноги изученіе финикійской архитектуры, теперь пришло время обратить вниманіе и на скульптуру и за это взялся *Heuzey* въ своемъ извѣстномъ „Catalogue des figurines antiques de terre cuite du Musée du Louvre" (1882). Ему удалось различить три типа финикійскихъ скульптурныхъ произведеній, соотвѣтственно тѣмъ культурнымъ вліяніямъ, которымъ подвергались ихъ мастера. Первый типъ—ассирійскій, господствовавшій въ VIII—VII в., затѣмъ обнаруживается египетскій типъ и, наконецъ, съ V в., греческій архаическій типъ становится замѣтенъ на финикійскихъ статуэткахъ: греческое искусство стало оказывать на финикійское „action de retour", когда оба народа были объединены въ одну персидскую монархію.

Итакъ, финикійское искусство было изучено, насколько позволяли уцѣлѣвшія его произведенія. Оставалось только написать систематическій трудъ по его исторіи, и за это взялся *Перро*, предпринявшій вмѣстѣ съ Шипье изданіе огромной „Histoire de l'art dans l'antiquité". Третій томъ этого труда, вышедшій въ 1885 г., посвященъ Финикіи и Кипру. Отличительныя черты финикійскаго искусства, какъ и всѣхъ другихъ сторонъ этого коммерческаго народа — эклектизмъ и экономія, проявившіеся особенно сильно въ томъ великомъ наслѣдствѣ, которое они оставили человѣчеству — азбукѣ. Что касается искусства и, въ частности, архитектуры, то авторъ утверждаетъ, что храмы прямо заимствованы изъ Египта не только въ формѣ, но и въ идеѣ, что первоначально финикіяне молились sub divo на высотахъ. Съ этимъ врядъ ли можно согласиться, но зато вполнѣ вѣрна его теорія развитія семитическаго храма изъ палатки-скиніи-Каабы. Далѣе авторъ слѣдуетъ классификаціи Ренана въ архитектурѣ и Heuzey въ скульптурѣ, съ ихъ точекъ зрѣнія, разсматриваетъ всѣ памятники, широко пользуясь, въ большинствѣ случаевъ, многочисленными трудами своихъ предшественниковъ. Подобно Моверсу онъ подчеркиваетъ параллель между искусствомъ и ремеслами финикіянъ. Насколько въ первомъ они были вѣчными и притомъ плохими учениками сосѣдей, насколько въ немъ „вся ихъ оригинальность заключалась въ отсутствіи оригинальности", настолько въ послѣднихъ достигли значительной высоты и усовершенствовали то, что было изобрѣтено на берегахъ Нила и Месопотаміи и во что греки вложили душу и идеалъ И самъ Перро

въ этомъ отдѣлѣ своей книги наиболѣе самостоятеленъ. Онъ пытается установить классификацію или, вѣрнѣе сказать, исторію кипрской керамики, причемъ нѣсколько видоизмѣняетъ и развиваетъ взгляды Френера на этотъ предметъ. Онъ приписываетъ керамикѣ самостоятельное зарожденіе среди кипрскихъ туземцевъ, затѣмъ финикіяне усовершенствовали пріемы послѣднихъ и научили ихъ геометрическому орнаменту, наконецъ, греки познакомили ихъ и финикіянъ съ тѣмъ, что называется расписной вазой. Но Греція была далека для того, чтобы можно было слѣдить за прогрессомъ искусства, и кипрская керамика остановилась на первыхъ ступеняхъ своего развитія, особенно, служа потребностямъ средняго класса, такъ какъ высшій дѣлалъ заказы греческимъ мастерамъ. Финикійская глиптика не отличалась ни оригинальностью темы, ни совершенствомъ исполненія, но ей принадлежитъ идея замѣны неудобныхъ цилиндровъ конусами и скарабеями и, по всей вѣроятности, употребленія рѣзныхъ камней въ оправу перстней, что послужило для греческихъ мастеровъ почвой для настоящихъ шедевровъ. Въ металлургіи финикіянамъ долго принадлежала монополія, они достигли въ ней значительнаго совершенства, хотя и здѣсь сказался ихъ эклектизмъ, особенно въ украшеніяхъ такъ-называемыми „formes vides“, т.-е. заимствованіями, потерявшими значеніе. Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, какъ и въ керамикѣ, осторожность автора въ сопоставленіяхъ греческихъ миѳовъ съ изображеніями на металлическихъ и расписныхъ вазахъ; онъ прямо отказывается дѣлать эти сопоставленія. Въ предметахъ ювелирнаго производства, находимыхъ на Кипрѣ и въ Сардиніи, финикіяне, по мнѣнію автора, даже опередили египтянъ и ассирійцевъ и немногимъ уступили грекамъ, которые развили только одинъ элементъ—человѣческія фигуры. Въ главѣ о мебели и туалетныхъ вещахъ авторъ приписываетъ финикіянамъ рисунки на страусовыхъ яйцахъ, найденныхъ въ Этруріи, причемъ далъ впервые ихъ изображенія. Наконецъ, говоритъ о пурпуровомъ производствѣ [1]), причемъ приводитъ въ связь съ нимъ даже колонизацію [2]).

---

[1]) Boblaye, будучи въ Мореѣ, видѣлъ во многихъ мѣстахъ, невдалекѣ отъ моря, значительныя массы раковинъ murex brandaris. Сначала онъ думалъ, что это геологическое явленіе, но внимательное разслѣдованіе убѣдило его, что такія массы находятся всегда вблизи развалинъ древнихъ красиленъ. De Saulcy, будучи въ Финикіи, нашелъ между Тиромъ и Сидономъ, близь укрѣпленія Saint Louis, огромные конгломераты murex trunculus въ нѣсколько сотъ метровъ длины и 6—8 м. высоты. Раковины были пробиты для извлеченія животнаго. Такимъ образомъ узнали о существованіи двухъ сортовъ пурпура (Rev. ar., 1864). Въ 1879 г. Лорте и Шантръ нашли на берегу Аттики и Саламина конгломераты murex brandaris.

[2]) Можно указать еще на хорошее, сжатое пособіе по исторіи Финикійскаго искусства въ книжкѣ Babelon „Manuel d'archéologie orientale“ въ Bi-

Но, кромѣ вещественныхъ памятниковъ, археологическія работы на почвѣ Финикіи и ея колоній доставили также, какъ мы видѣли, и надписи, благодаря которымъ стала ощущаться необходимость переработать труды по грамматикѣ и пополнить сборники надписей. За грамматику взялся *Schröder*. Его „Die Phönizische Sprache“ [1]) трудъ, которымъ приходится и теперь еще пользоваться, несмотря на значительное приращеніе матерьяла. Авторъ сознается, что его работа, вслѣдствіе небольшого количества текстовъ, можетъ быть названа скорѣе лексической; это скорѣе сборникъ найденныхъ формъ, чѣмъ грамматика. Во введеніи онъ еще разъ занимается разсмотрѣніемъ отношенія финикійскаго языка къ еврейскому и пуническому и исторіей его. Близость этихъ языковъ онъ объясняетъ самымъ свойствомъ семитическихъ нарѣчій, процессъ развитія которыхъ закончился къ тому времени, когда появилась первая написанная фраза. Нѣкоторыя особенности пуническаго языка авторъ объясняетъ вліяніемъ берберскаго и ливійскаго. Къ грамматикѣ приложена хрестоматія, гдѣ изданы наиболѣе важныя надписи съ факсимиле и плавтовскіе отрывки съ прекрасными примѣчаніями.

Идею составленія сборника семитическихъ надписей давно лелѣялъ Ренанъ. И вотъ 25 января 1867 г. онъ сдѣлалъ объ этомъ въ Академіи Надписей предложеніе отъ своего имени и отъ имени de Saulcy, Longperier и Waddington'a. Назначенная для обсужденія этого вопроса коммиссія изъ тѣхъ же 4 лицъ и еще Молля, де-Руже, де-Слана, Ренье и Гинье высказалась въ томъ смыслѣ, что отъ Франціи слѣдуетъ скорѣе всего ожидать такого изданія, благодаря ея частымъ ученымъ сношеніямъ съ востокомъ, ученымъ экспедиціямъ, африканскимъ колоніямъ, богатству музеевъ. Но подобное изданіе должно быть поставлено внѣ всякаго рода перерывовъ, и потому довѣрено коллегіи, имѣющей традиціи и постоянство, а именно Академіи Надписей, тѣмъ болѣе, что отецъ финикійской эпиграфики былъ ея членомъ. Далѣе, предполагалось изъ проектируемаго „*Corpus Jnscriptionus Semiticarum*“ исключить клинообразныя и кипрскія надписи; а также все то, что относится къ мусульманскому періоду. Финикійскія, пуническія и нео-пуническія надписи рѣшено помѣстить въ первомъ томѣ, причемъ факсимиле ихъ должны составить особый атласъ, а переводъ и комментаріи предположено сдѣлать на латинскомъ языкѣ и предпослать каждой надписи исторію ея открытія и полную библіографію. Планъ этотъ былъ утвержденъ 17 апрѣля и

---

bliothéque de l'enseignement des beaux-arts. Par. 1884, также на новую „Allgemeine Kunstgeschichte Kühn'a.

[1]) Halle. 1869.

выполняется въ настоящее время. Но осуществить его долго не было возможности, сначала, главнымъ образомъ, въ виду политическихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, а затѣмъ, было необходимо собрать матерьялъ. Галеви былъ командированъ въ Іеменъ для собиранія химьяритскихъ надписей, а Pricot de la Saint Marie—въ область древняго Карѳагена. Наконецъ, надо было выяснить планъ во всѣхъ его подробностяхъ. Нашли неудобнымъ слѣдовать Беку, распредѣлившему надписи по мѣстамъ нахожденія и рѣшили группировать ихъ по шрифтамъ. Addenda предполагалось издавать каждыя 10 лѣтъ. Ренанъ взялъ на себя редакцію финикійскихъ текстовъ и получилъ сотрудниковъ въ лицѣ Берже, Клермона-Ганно, Галеви, Деренбурга, Лендрэня. Corpus началъ издаваться въ 1881, и въ 1887 былъ законченъ I-й томъ, заключающій въ себѣ 437 надписей [1]). Этотъ колоссальный трудъ, выполненный съ образцовой тщательностью, является теперь настольной книгой для всякаго, занимающагося финикійской и вообще семитической древностью; онъ сдѣлалъ возможными и удобными занятія эпиграфикой, избавивъ ученыхъ отъ необходимости отыскивать статьи, разбросанныя по отдѣльнымъ надписямъ въ безчисленномъ множествѣ періодическихъ изданій, давъ текстъ надписей, провѣренный по оригиналамъ и лучшимъ копіямъ. Критическій и реальный комментарій, конъектуры и датировка, сдѣланныя съ большой осторожностью и прекрасные переводы даютъ даже для неспеціалиста возможность прибѣгать къ этому источнику.

Но характеръ подобнаго изданія таковъ, что чуть ли не на дру-

---

[1]) Онѣ расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: найденныя въ Финикіи (стр. 1—35), на Кипрѣ (35—116), въ Египтѣ (117—138), въ Греціи (138—149) на Мальтѣ (149—166), въ Сициліи (166—182), въ Сардиніи (182—212), въ Италіи (214—217), во Франціи (217—238), въ Карѳагенѣ (241—449). Къ послѣдней части приложена карта древняго Карѳагена, снятая Perrier въ 1878 г.

Что касается въ частности отдѣльныхъ надписей, то редакція оказала въ дѣлѣ чтенія и пониманія ихъ огромныя услуги наукѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ только здѣсь нашли впервые свое объясненіе. Напр., знаменитая надпись изъ Эрика (№ 135), списанная Кордичи, которая надѣлала такъ много шума и которую Ренанъ при содѣйствіи Берже призналъ посвященіемъ Астартѣ. Ренанъ дѣлалъ попытки разыскать оригиналъ и ѣздилъ въ Сицилію. (Точно также онъ нарочно ѣздилъ и на Мальту, чтобы снять копіи съ надписей. Изъ другихъ мѣстъ онъ получалъ эстампажи и фотографіи). Что касается Марсельской надписи (№ 165) то онъ отнесъ ее къ V—IV в. и согласился съ Dieulafait въ ея африканскомъ происхожденіи. Надпись Эшмуназара (№ 3) относитъ къ царю, предшественнику филеллина Стратона и не соглашается съ датировкой Клермона Ганно, точно также не соглашается онъ съ нимъ относительно порядка кусковъ хирамовской надписи: онъ считаетъ эти куски обломками двухъ, или даже трехъ различныхъ надписей (№ 5). Имя дѣда Іегавмелека въ вивлской надписи (№ 1) читаетъ Адоммелекъ.

гой день послѣ его выхода оказалась необходимость пополнять его и теперь уже накопился достаточный матерьялъ для addenda, но послѣднія пока еще не выпущены. Прежде всего Масперо нашелъ въ Египтѣ въ Авидскомъ храмѣ лѣстницу со множествомъ финикійскихъ graffiti, т.-е. говоря современнымъ языкомъ, книгу для расписыванья финикійскихъ туристовъ, а также финикіянъ, родившихся въ Египтѣ. Особенно интересны graffiti послѣднихъ: ихъ имена обнаруживаютъ египетско-финикійскій синкретизмъ [1]). Затѣмъ датскій вице-консулъ въ Бейрутѣ Лойтведъ нашелъ надпись на дорогѣ изъ Тира въ Акку и пріобрѣлъ другую, найденную арабами внутри древняго Тира. Обѣ эти надписи очень важны, какъ датированныя, подобно Умъ-эль-авамидскимъ. Онѣ относятся къ птолемеевской эпохѣ и проливаютъ свѣтъ на республиканское устройство Тира въ это время. Клермонъ Ганно, занявшійся ими, сталъ относить, на основаніи ихъ царствованіе Эшмуназара тоже къ птолемеевской эпохѣ [2]). Интересна также двуязычная греко-финикійская надпись, найденная въ 1887 г. въ Пиреѣ и попавшая въ Лувръ стараніями Ренана и Heuzey. Несмотря на свое, сравнительно, позднее происхожденіе (96 г. до Р. Х. = 16 г. сидонской эры), она очень важна, такъ какъ даетъ намъ указанія на устройство финикійскихъ торговыхъ общинъ in partibus, напоминающее еврейскія колоніи временъ діаспоры [3]). Около того же времени финикійская почва еще разъ дала археологическія богатства. Въ началѣ 1887 г. владѣлецъ участка земли къ востоку отъ древняго Сидона, добывая камни, натолкнулся на подземную усыпальницу. Объ этомъ доложили директору Константинопольскаго музея извѣстному археологу Гамди-бею, которому 1-го мая 1887 вмѣстѣ съ Демосѳеномъ Бальтацци-беемъ, завѣдующимъ древностями въ Айдинскомъ вилайэтѣ, несмотря на страшныя трудности, которыя пришлось преодолѣвать въ теченіе 25 дней, удалось благополучно извлечь 17 саркофаговъ и натолкнуться на другое подземелье, гдѣ на глубинѣ 10 метровъ находился огромный саркофагъ-антропоидъ изъ чернаго амфиболита съ іероглифическими и финикійской надписью [4]). Съ

[1]) Эти graffiti были списаны (Сэйсомъ, Бругшемъ и Деверіа и изданы въ Revue d'assyrologie et d'archéologie orientale (I, 81).

[2]) Recueil d'archéologie orientale. Надписи теперь въ Луврѣ.

[3]) Это первый извѣстный намъ почетный декретъ на финикійскомъ языкѣ. Финикійскія общины (ger), оказывается, были правильно организованы, стояли подъ завѣдываніемъ „nasi“ (старшины), имѣли храмы, сохраняли связь съ родиной (сидонская эра) и пользовались правомъ награждать благодѣтелей. См. Berger, въ Memoire de la Societé de linguistique за 1888 г. Renan въ Revue Archeol. 1888, I, 5 и мн. др.

[4]) По содержанію она очень близка къ надписи Эшмуназара. Revue arch. 1888, 1, 77. Въ 1888 добыто еще 5 саргофаговъ.

послѣдней была немедленно снята фотографія и послана Ренану, который прочелъ въ ней имя сидонскаго царя Табнита, отца Эшмуназара [1]). Наконецъ, въ самое недавнее время нашли первую надпись къ югу отъ Акки, содержащую посвященіе въ храмъ Эшмуна въ Іоппіи [2]) и вотивную надпись въ Сидонѣ III в., въ которой упоминается ассирійскій богъ Салманъ (изд. Ренаномъ въ Revue d'assysiologie II, 75).

Но особенно много надписей дала Африка. Здѣсь 1881—1889 производилъ раскопки, кромѣ извѣстныхъ намъ раньше, Delattre, особенно въ послѣдніе годы. Ему удалось сдѣлать больше своихъ многочисленныхъ предшественниковъ и открыть памятники, несомнѣнно пуническаго происхожденія, обнаружившіе характеръ, свойственный всѣмъ вообще памятникамъ финикійскаго искусства. Изъ здѣшнихъ надписей, замѣчательна найденная близъ древняго Іола (Iulia Caesarea) въ честь царя Миципсы и нео-пуническая, найденная Brodier въ Мантарѣ. Послѣдняя интересна не только для семитологовъ, но и для латинистовъ, такъ какъ содержитъ довольно много латинскихъ словъ въ семитической транскрипціи. Это проливаетъ свѣтъ на латинское произношеніе въ Африкѣ. Кромѣ того надпись даетъ указаніе на цивилизацію и культъ, близко подходящіе къ тѣмъ, которые видѣлъ бл. Августинъ. Съ этой стороны важны также найденныя Blancoup 426 стилъ въ окрестностяхъ др. Thignica. Это—посвященіе въ честь Сатурна, латинскаго только по имени и сохраняющаго всѣ черты Ваалъ-Хаммона. Культы тѣже, что и въ Азіи, тѣже, о которыхъ говоритъ и марсельская надпись. Все это доказываетъ, что римляне не уничтожали въ Африкѣ семитическихъ культовъ [3]).

---

[1]) Кромѣ антропоидовъ между этими саркофагами есть настоящіе шедевры греческаго классическаго искусства. И тѣ, и другіе, по мнѣнію археологовъ доставлены сюда изъ мѣстъ ихъ производства. Еще Маріеттъ, разсмотрѣлъ матерьялъ саркофаговъ-антропоидовъ, пришелъ къ заключенію, что они не могутъ быть древнѣе XXVI дин., а Берже, на основаніи Умъ-эль-Авамидскихъ надписей убѣдился, что они не могутъ быть позже 275 года, такъ какъ съ этого времени начинается эра Тира, а они не датированы и предполагаетъ, что смерть Эшмуназара II безъ потомства совпадаетъ съ перемѣнами въ Тирѣ при введеніи новой эры. (Corp. Inscr, Sem. I, 31—32). См. также Berger въ Revue Arch. 1887, 2, 1. Описаніе новооткрытыхъ гробницъ и роскошное изданіе ихъ предпринято Гамди-беемъ и Ѳедоромъ Рейнакомъ, подъ заглавіемъ: „Une necropole royale à Sidon" текстъ и таблицы in folio (Paris, Leroux, 1892). Отчетъ о раскопкахъ и нѣкоторые снимки см. въ „Gazette des beaux-arts" статью Рейнака (Livraison 416 и 423).

[2]) Ст. Conder'a въ Palestina explor. Fund. 1892, 171: The prayer of ben Abdas etc..

[3]) Berger и Cognat на основаніи ихъ изучили исторію культа африканскаго Сатурна см. „La Sanctuaire de Satourne", Bull. archéol. 1889. О надписи въ

Другія африканскія надписи, найденныя на урнахъ въ Сусѣ дали возможность Берже и др. прочесть слово „ossuaire“ и убѣдиться въ существованіи у финикіянъ, по крайней мѣрѣ въ римское время, обычая сожигать покойниковъ [1]).

Кромѣ того въ послѣднее время найдено довольно много интересныхъ надписей на Кипрѣ, особенно въ его финикійскомъ центрѣ Китіи и его округѣ. Онѣ дали возможность окончательно выяснить генеалогію и хронологію китійскихъ царей персидскаго времени и замѣнить прежнія гипотезы фактами [2]) [3]).

Такимъ образомъ, финикійскія надписи пролили нѣкоторый свѣтъ на исторію этого народа. Но свѣдѣнія, доставленныя ими, крайне скудны сравнительно съ затраченнымъ трудомъ для ихъ собиранія и объясненія. Кромѣ того они часто сомнительны вслѣдствіе испорченности текста и неустановленности чтенія, и, что самое главное, всѣ почти надписи и всѣ безъ исключенія монеты относятся къ тому времени, когда Финикія перестала быть самой собой и политически и культурно. Всѣ почти надписи раздѣляются на двѣ группы: вотивныя и надгробныя. Первыя заключаютъ въ себѣ имя жертвователя и имя божества, въ честь котораго совершается посвященіе; вторыя— имя покойника, иногда его званіе. И въ тѣхъ, и въ другихъ иногда попадаются даты. Эти даты пролили нѣкоторый свѣтъ на финикійскій календарь [4]); кромѣ того изъ надписей мы узнали массу финикій-

---

честь Миципсы: см. Inscription néo punique en l'honneur deMicipsa въ „Revue d'assyriologie et archéol. orient“. 1889, 2. Кромѣ того Toutain въ 1891 г. нашелъ близь Туниса развалины храма Ваала, романизированнаго въ Saturnus Balcaranensis.

[1]) Journ. As. 1886, I, 86. Ibid. 1887, II, 535. Статья Gaider въ Rev. Arch. 1886, II, 193. См. также статью Wincent. Necropole phenicien въ Bullet. arch. 1889. 381 и Rev. arch. 1889, 2. Винсенъ, м. пр, нашелъ 18 финикійскихъ надписей, обнаруживающихъ множество переходныхъ палеографическихъ формъ отъ древне-пуническаго къ новому.]

[2]) Въ этомъ отношеніи особенно важны: а) серебряная чаша царя Баалрама, надпись на которой доказала, что онъ дѣйствительно царствовалъ въ Китіи. (См. Dorigny Revue numism. 1884, 289), b) двуязычная надпись, найд. 1886 г. въ Тамассѣ, установившая, что Мелькіатонъ царствовалъ не менѣе 30 л. (Wright — въ Proceedings 1886); с) надпись, найд. Рихтеромъ у Дали Berger, memoire sur 2 nouvelles inscr. de l'ile de Cypre Par. 1887, на основаніи этихъ данныхъ установилъ порядокъ царей; Сиксъ (въ Numismat. chronicle за 1888—90 г.) сдѣлалъ это еще точнѣе, воспользовавшись нумизматич. матерьяломъ. Наконецъ Babelon посвятилъ этому вопросу двѣ статьи въ жур. Muséon за 1892 г.

[3]) Кромѣ того они заставили значительно пополнить словарь. За это взялся Bloch, выпустившій въ 1891 г. „Phöniz. glossar“.

[4]) До сихъ поръ изъ надписей опредѣлено 10 именъ мѣсяцевъ, порядокъ

скихъ личныхъ именъ и именъ божествъ; а, такъ какъ и личныя имена почти всѣ состоятъ изъ именъ божествъ, то наши свѣдѣнія о финикійской религіи значительно пополнились; мы даже знаемъ, съ какимъ олимпійскимъ божествомъ сопоставляли финикіяне свое, такъ какъ многія изъ надписей двуязычныя. Очень многія имена обязаны своимъ происхожденіемъ синкретизму не только эллинистическому, но и египто-финикійскому, [1]) даже ассиро-финикійскому [2]). Иллюстраціями къ надписямъ, помимо изображеній на нихъ самихъ, являются монеты, скарабеи и печати съ изображеніями боговъ и храмовъ. Эти источники заставили ученыхъ подумать о приведеніи въ систему своихъ свѣдѣній по *финикійской религіи*, тѣмъ болѣе, что трудъ Моверса не только теперь оказался устарѣвшимъ, но и раньше заставлялъ желать многаго, благодаря недостатку критики и произвольнымъ комбинаціямъ миѳовъ. Но въ своемъ недовѣріи къ Моверсу ученые зашли все-таки слишкомъ далеко. Общая часть его труда близка къ истинѣ, а изслѣдованіе о Санхуніаѳонѣ, доступномъ для него туземномъ источникѣ, можетъ быть названо вполнѣ удовлетворительнымъ. Конечно, новые изслѣдователи, пользуясь новымъ матерьяломъ, не могли не принять въ соображеніе и стараго, который все-таки долженъ лечь въ основу, но имъ было необходимо прежде всего установить взглядъ на этотъ загадочный источникъ. Слѣдствіемъ этого было появленіе о нѣсколькихъ страничкахъ цѣлой литературы, большею частью только затемнившей дѣло. Вскорѣ послѣ Моверса Санхуніаѳономъ занялись: извѣстный гебраистъ *Эвальдъ* [3]), которому рѣшительно не везло въ нашей области и *Ренанъ* [4]), сдѣлавшій такъ много для другихъ туземныхъ источниковъ финикійской исторіи. Оба они признали подлинность отрывковъ, т.-е. принадлежность Филону только перевода ихъ, но первый, какъ отъ него и слѣдовало ожидать, относилъ ихъ ко времени Давида, а второй—къ эпохѣ Селевкидовъ. Оба они считали ихъ переводомъ съ финикійскаго, думали даже сквозь

которыхъ, однако, не вполнѣ опредѣленъ, но которыя, большею частью, напоминаютъ еврейскія. Вѣроятно и финикіяне имѣли средства для уравниванія солнечнаго и луннаго годовъ. О финикійскомъ календарѣ см. замѣтку Кондера въ Palestina Explor. Fund 1889, 23 и у Пичмана въ Исторіи стр. 244.

[1]) См. стр. Въ надписяхъ попадаются имена: напр. Абдусибъ (рабъ Себа), Абдимонъ (рабъ Аммона) Абдусиръ (рабъ Озириса; переведено по греч. Σαραπίων) и друг. Сравни также изображенія Baalat Gebal въ надписи Іегавмелека.

[2]) Такъ напр., мы узнали о почитаніи финикіянами въ Аѳинахъ ассирійскаго бога Нергала (C. I. S. № 119), о чествованіи ими бога Салмана (новая сидонская надпись).

[3]) Abhandl. d. Königl. Acad. zu Göttingen V, 1853, 3.

[4]) Mémoires de l'Acad. des inscriptions 1858.

греческій переводъ распознать семитическіе обороты. Эвальдъ доходилъ до того, что отказывался видѣть у Санхуніаѳона синкретизмъ и эвгимеризмъ, а Ренанъ объявилъ даже послѣдній прирожденнымъ качествомъ семитической религіи!

Въ 1876 г. за Санхуніаѳона взялся вѣнскій богословъ гр. *Baudissin* [3]). Ему пришлось употребить цѣлое изслѣдованіе. „Ueber der religions geschichtlichen Werth der phönizischen Geschichte Sanchuniathons", чтобы, опровергнувъ странныя гипотезы своихъ предшественниковъ, снова вернуться къ выводамъ Моверса и доказать, что Филонъ Виблскій скомбинировалъ эти отрывки изъ сказаній отдѣльныхъ финикійскихъ городовъ, ввелъ въ нихъ синкретизмъ, съ цѣлью доказать происхожденіе всѣхъ религій отъ финикійской и переработалъ ихъ въ духѣ евгимеризма, который въ то время у финикіянъ ушелъ еще дальше, чѣмъ у ихъ учениковъ Грекова и у Филона дальше, чѣмъ у его болѣе благочестиваго современника Павсаніи. Имя Санхуніаѳона, извѣстнаго древняго финикійскаго мудреца, послужило для него тѣмъ же, чѣмъ для собирателя древне-еврейскихъ изреченій имя Соломона. Такимъ образомъ, нельзя пренебрегать этими отрывками: они имѣютъ для насъ такую же важность, какую имѣлъ бы Евгимеръ въ случаѣ потери всѣхъ другихъ источниковъ греческой религіи. Несмотря на всѣ искаженія и тенденціозныя переработки, они ясно рисуютъ намъ сущность финикійской религіи, какъ естественно-пантеистической, въ которой имена боговъ являются изображеніями ихъ свойствъ, а не предметовъ-носителей ихъ силы, а ихъ изображенія— не идеалами красоты, а символами. Но отрывки Санхуніаѳона кромѣ того имѣютъ значеніе и для библейской экзегезы, такъ какъ сходство съ нѣкоторыми сказаніями В. Зав. объясняется не однимъ синкретизмомъ, но и обще-семитической основой [2]).

Въ сравнительно недавнее время отрывками лже-Санхуніаѳона занялся еще *Группе* въ своей: „Die griechische Kulte und Mythen in ihren Beziehungen zu den orientalischen Religionen. (Leipz. 1887). Будучи сторонникомъ теоріи заимствованія, авторъ разбираетъ источники исторіи восточныхъ религій и между прочимъ, финикійской. Въ

[1]) Studien sur semitische Religionsgesch. I, 1—46.

[2]) Baudissin'у принадлежитъ еще довольно обширное изслѣдованіе о божествѣ Іао, упоминаемомъ у лже-Санхуніаѳона (Studien, I, III, 181) въ формѣ 'Ιευώ. Это имя надѣлало много шума въ свое время. Моверсъ, предполагалъ дѣйствительное существованіе языческаго божества, носящаго это имя, многіе другіе видѣли въ немъ хананское божество, заимствованное евреями. Баудиссинъ, путемъ кропотливыхъ изслѣдованій пришелъ къ убѣжденію, что не было нигдѣ языческаго божества, имя котораго выражалось св. тетраграммой, но что впослѣдствіи это имя появилось повсюду, и, въ то же время у Порфирія, благодаря синкретизму, предшественнику гностицизма.

общемъ, и онъ склонился на сторону Моверса и Баудиссина, но провѣрилъ извѣстія лже-Санхуніаѳона по новооткрытымъ памятникамъ и произвелъ изслѣдованіе о его источникахъ. Характеръ разсказа объ Уранидахъ указываетъ, по его мнѣнію, на туземный источникъ, составленный 8—7 в. Къ этой ѳеогоніи, переработанной имъ эвгимеристически, Филонъ присоединилъ этіологически составленную имъ антропогонію и исторію возникновенія человѣческой культуры. Космогонія (Евсевій § 4 — 12 Н.) заимствована изъ Гекатея, а вторая финикійская ѳеогонія (съ § 23 Н)—изъ греческаго философа аллегориста. Кромѣ этого онъ пользовался греческими миѳами и другимъ финикійскимъ источникомъ историческаго характера. Вліянія еврейскихъ книгъ и халдейскихъ преданій на сохранившіеся отрывки авторъ не замѣчаетъ, но говоритъ, что для цѣлаго сочиненія оно не подлежитъ сомнѣнію. Произвольность положеній автора не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, вопросъ о пригодности Санхуніаѳона можетъ считаться выясненнымъ [1]).

Опытъ исторіи финикійской религіи попытался дать талантливый лейденскій профессоръ *Thiele*. Еще въ 1872 г. онъ выпустилъ трудъ: „Egyptische en Mesopotamische Godsdiensten". Здѣсь онъ, между прочимъ, коснулся Санхуніаѳона и призналъ его отрывки дѣйствительнымъ переводомъ съ финикійскаго оригинала, относящагося къ персидскому періоду, но трактующаго не о финикійскихъ, а скорѣе о древне-ханаанскихъ вѣрованіяхъ. Это онъ доказываетъ тѣмъ, что въ нихъ божества историческаго Сидоно-Тирскаго періода играютъ незначительную роль, а также сходствомъ съ библейскими сказаніями. На этомъ шаткомъ основаніи онъ построилъ свою теорію развитія финикійской религіи, изложенную имъ затѣмъ въ нѣсколько исправленномъ видѣ на страницахъ тогда еще новаго журнала „Revue de l'histoire de religions" (1881, III, 167). Не смотря на то, что статья его исходитъ изъ посылки, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, сомнительной, она, подобно всѣмъ трудамъ автора, отличается увлекательностью и читается съ большимъ интересомъ, а въ частностяхъ вноситъ, несомнѣнно, новые и вѣрные взгляды. Финикійская религія, по его мнѣнію, пережила три періода своего развитія, соотвѣтственно тремъ періодамъ политической жизни народа. Культы Вивла и Вирита съ

---

[1]) Между мелкими изслѣдованіями объ отдѣльныхъ пунктахъ Санхуніаѳонъ заслуживаетъ вниманія работа *Галеви* „les principes cosmogoniques phéniciens πόθος et μωτ (Acad. d. inscr. 1883, 36) авторъ признаетъ семитическое происхожденіе разсказа о мірозданіи. Поѳосъ, по его мнѣнію, имѣетъ связь съ вавилон. apsu — бездна, но по созвучію было смѣшано съ heps — желаніе, а Мотъ есть Томотъ, евр. tehom (Быт. I, 2). Онъ даже пытается возстановить финикійскій текстъ Санхуніаѳона.

ихъ мистеріями въ честь Адониса являются уже несомнѣнно шагомъ впередъ отъ первобытнаго культа производительныхъ силъ природы, являющихся результатомъ брака Неба и Земли; культъ Паѳа, Аскалона и особенно боговъ Эшмуна и Кавировъ были дальнѣйшимъ шагомъ отъ натурализма къ трансцедентальности: обоготвореніе возвышается отъ видимаго къ невидимому [1]). Въ періодъ Тиро-Сидона, главное божество, владыка города Ваалъ Тира, не переставая быть Хаммономъ, богомъ жизненной теплоты, принципомъ жизни и смерти, дѣйствующимъ въ солнцѣ, сдѣлался въ тоже время Мелькартомъ, царемъ города, богомъ цивилизаціи, олицетвореніемъ своего народа. Культъ его отличается уже строгою нравственностью и даже жестокимъ характеромъ, объясняемымъ уже не мистически (грубо-натуралистическіе культы въ предшествовавшіе періоды авторъ очень остроумно объяснялъ именно мистически), а просто торгашески — ожиданіемъ возмездія. Его женская πάρεδρος была уже не прежней богиней Вивла и Паѳа, а virginale numen, не супругой, а проявленіемъ (именемъ, ликомъ). Такимъ образомъ по всей исторіи финикійской религіи красною нитью проходитъ стремленіе отъ древне-ханаанскихъ женскихъ культовъ природы къ мужскому единобожію, котораго, однако, не удалось достигнуть, благодаря неподвижности государственныхъ учрежденій, а главное—коммерческому характеру народа, обусловившему вѣротерпимость и сдѣлавшему изъ Финикіи религіозную провинцію Египта. Во всякомъ случаѣ разница между еврейской и финикійской религіей не въ характерѣ, а въ исторіи развитія.

Нѣсколько иныхъ, хотя въ общетъ сходныхъ взглядовъ держится на финикійскую религію проф. *И. Г. Троицкій*, посвятившій цѣлую главу сирійской религіи въ своемъ трудѣ: „Религіозное, общественное и государственное состояніе евреевъ во время судей“ (стр. 78—149). Это единственное пособіе по этому предмету на русскомъ языкѣ. Жаль только, что авторъ пользовался, большею частью, устарѣвшей литературой и, притомъ, самой разнохарактерной и даже подозрительной (напр., Ленорманномъ), что рѣшительно нетерпимо въ дѣлѣ разработки миѳоло-

[1]) Эта глава особенно замѣчательна. По мнѣнію автора, Кавиры въ это время были величайшіе изъ боговъ пантеона, деміурги вселенной, и только эвгимеризмъ Филона сдѣлалъ изъ нихъ покровителей мореплаванья и медицины. Ихъ архегетъ Эшмунъ—„восьмой“—невидимый богъ космическаго небеснаго огня въ высшей 8-й сферѣ неба, богъ наукъ и искусствъ, подобно египетскому Тоту „владыкѣ Хмуну, города 8 боговъ“. Ему были посвящены государственные архивы, а миѳъ объ Адонисѣ былъ передѣланъ сообразно новымъ духовнымъ потребностямъ эпохи, хотя культы, какъ элементъ болѣе стойкій, и остались тѣже. Интересно также сопоставленіе авторомъ отца Кавировъ Сидика съ Сутехомъ египетскихъ текстовъ.

гіи и не могло не сказаться на трудѣ въ видѣ противорѣчій, недомолвокъ, недосмотровъ и т. п. Авторъ занимается также Санхуніаѳономъ, даетъ его содержаніе (жаль, что не полный переводъ, котораго до сихъ поръ нѣтъ на русскомъ языкѣ), интересныя комментаріи къ нему и говоритъ, что Санхуніаѳонъ былъ историческимъ лицомъ, а его сочиненіе было плохо понято Филономъ, который къ тому же безъ всякой критики намѣшалъ въ него матеріалъ изъ греческой миѳологіи, провелъ, хотя и крайне непослѣдовательно, эвгимеристическую тенденцію, да еще все это исказилъ, благодаря своей фантазіи. Религію финикіянъ авторъ считаетъ исключительно астральной и пережившей три періода развитія: ханаанскій, тиро-сидонскій и карѳагенскій. Въ первой господствовалъ дуализмъ культовъ—радостныхъ и страшныхъ божествъ; во второмъ, согласно закону эволюціи о процессѣ интегрированья, слѣдующемъ за дифференцированьемъ, противоположныя представленія и культы соединяются и, наконецъ, происходитъ сліяніе даже женскихъ божествъ съ мужскими, выраженіемъ чего является карѳагенская формула: „Танитъ, лицо Ваала". Авторъ даже находитъ для себя возможнымъ установить хронологическіе предѣлы для каждаго періода: царствованіе Хирама для перваго и Эшмуназара (?) для второго. Интересенъ отдѣлъ, занимающійся разсмотрѣніемъ религіозныхъ обычаевъ, обрядовъ и суевѣрій сирійцевъ.

Исключительно астральный характеръ приписываетъ финикійской религіи извѣстный уже намъ гр. *Baudissin* въ своемъ изслѣдованіи „Heilige Gewässer, Baüme und Höhen bei den Semiten" (Studien II, 143—269). Собравъ всѣ извѣстія древнихъ авторовъ и Библіи о культѣ у семитовъ перечисленныхъ предметовъ и провѣривъ со свойственной ему строго-методической критикой этотъ подозрительный, большею частью, позднѣйшій матеріалъ, авторъ пришелъ къ заключенію, что семиты почитали въ земныхъ водахъ проявленіе животворящей силы небеснаго, астральнаго божества и вовсе не представляли себѣ, подобно арійцамъ это божество обитающимъ въ водахъ. Культъ морскихъ божествъ, даже у финикіянъ, не составляетъ исключенія. Божествъ моря, въ собственномъ смыслѣ, не было даже у послѣднихъ: Мелькартъ, Дагонъ и Деркето были первоначально также солнечными божествами, проявляющими свою силу въ морѣ. Точно также и отдѣльныя деревья (не рощи) были проявленіемъ производительныхъ силъ земли, приведенныхъ въ дѣйствіе небесными божествами, но особенно указываетъ на культъ послѣднихъ—почитаніе горъ и высотъ. Въ почитаніи земныхъ предметовъ сказалось различеніе мужскихъ и женскихъ божествъ: первымъ посвящались высоты, послѣднимъ—деревья и воды. Имена послѣднихъ мужескаго рода авторъ приписываетъ греческому вліянію. Изслѣдованіе автора, не смотря на всю свою

тщательность, не можетъ всѣхъ убѣдить: въ немъ не мало натяжекъ.

Гр. Baudissin [1]) принадлежитъ также изслѣдованіе по одному частному вопросу—о змѣяхъ въ финикійскомъ культѣ. По этому темному пункту, на который источники почти не пролили свѣта, было написано очень много; особенно много напуталъ здѣсь Моверъ, насчитавшій нѣсколько божествъ, символомъ которыхъ былъ змѣй и пользовавшійся для этой цѣли, по своему обыкновенію, фантастическими предположеніями и невозможными этимологіями. Баудиссинъ, критически разобравъ источники, выбросилъ изъ числа офіоновъ Эшмуна (онъ производилъ это имя отъ „шама"—быть высокимъ), Тифона и др. и оставилъ одного Кадма [2]), котораго онъ считаетъ древне-финикійскимъ божествомъ, впослѣдствіи смѣшаннымъ съ египетскимъ Тотомъ. Обоимъ этимъ божествамъ интеллегенціи, изобрѣтателямъ азбуки, были посвящены змѣи, какъ символъ мудрости (Замѣтимъ кстати, что Кадма онъ перестаетъ считать „восточнымъ" и переводитъ его имя „древній, вѣчный".

Кромѣ Baudissin отдѣльными вопросами финикійской религіи занимались:

Берже, дѣлающій изслѣдованія большею частью въ области пунической религіи. Ему принадлежитъ довольно обширное сочиненіе о карѳагенской троицѣ на основаніи символическихъ изображеній на серебряной повязкѣ, найденной въ Батнѣ и хранящейся въ музеѣ въ Константинѣ. Онъ считаетъ членами этой троицы Ваалъ-Хаммана, Танитъ и Эшмуна, причемъ Ваалъ-Хаммана считаетъ тожественнымъ съ Аммономъ Ливійскимъ и Ѳиванскимъ [3]). Онъ же пытался отожествить финикійскаго бога Паама съ греческимъ Пигмеемъ и

---

[1]) Die symbolik der Schlange im Semitismus, 2. Schlange bei den Phöniziern (Stud. I, 266).

[2]) Такимъ образомъ онъ былъ до извѣстной степени сторонникомъ теоріи вліянія финикійской религіи на греческую. Но существуетъ и другая теорія—самостоятельнаго развитія. Этой послѣдней теоріи фанатически придерживаются классики и, надо отдать имъ справедливость, доходятъ нерѣдко до большихъ натяжекъ, защищая права своей духовной родины (см., наприм., изслѣдованіе Энмана о происхожденіи культа Афродиты, помѣщенное въ Зап. Имп. Акад. Н., 34, 13, написанное, конечно, на нѣмецкомъ языкѣ). Чтобы не входить здѣсь въ разсмотрѣніе обширной литературы, имѣющей только стороннее отношеніе къ предмету, къ тому же обладающей спеціальными библіографическими органами („Jahresbericht" Бурсіана), я позволю себѣ указать только на извѣстную уже „La religion des Pheniciens" Тиле, въ которой автору удалось удержать середину между двумя крайностями, признавъ арійское происхожденіе греческихъ божествъ, но приписавъ восточнымъ религіямъ вліяніе на развитіе миѳовъ и культовъ.

[3]) Gazette archéologique 1879, 133 и 222. 1880, 1864.

Пигмаліономъ и доказать существованіе въ финикійской религіи ученія объ ангелахъ [1]). Кромѣ того онъ сопоставлялъ римскаго Асканія, котораго онъ считалъ героемъ Мизіи и Фригіи съ финикійскимъ божествомъ Сакономъ или Аскономъ, а въ Юлѣ видѣлъ бога-сына карѳагенской троицы Іолая, первонач. Іонія [2]). Наконецъ онъ собралъ всѣ классическіе тексты, относящіеся къ Camilli—мальчикамъ, прислуживавшимъ во время богослуженія фламина и доказывалъ, что имя ихъ есть искаженіе qadem-El — „предъ Богомъ“ — названіе божественныхъ посланниковъ и служителей боговъ въ самоѳракійскихъ мистеріяхъ. Кадмъ есть сокращеніе Кадмила, культъ котораго перешелъ чрезъ Этрурію въ Римъ [3]).

Эд. Мейеръ, доказавшій въ своей статьѣ: „Ueber einige semitische Götter, что богиня Танитъ не имѣетъ ничего общаго ни съ египетской Нейтъ, ни съ иранской Анахитой, а ѳиванская Аѳина Онка — ничего общаго съ египетской Анкъ. Онъ не отказывается считать Онку финикійской богиней, хотя ея имени еще не найдено въ надписяхъ, и готовъ признать финикійское происхожденіе Ѳивъ, но этимологіи Брандиса ему кажутся сомнительными. Онъ же доказалъ, что толкованіе 2-й Умъ-эль-аваидской надписи, находившее въ ней намеки на существованіе мужской Астарты—недоразумѣніе [4]).

Ленорманъ въ статьѣ „Les bétyles“ [5]), разобравъ свидѣтельство объ извѣстныхъ въ исторіи веѳиляхъ, пришелъ къ заключенію, что это были символы органовъ плодородія, или аэролиты, или наконецъ камни по своимъ свойствамъ, близкіе къ послѣднимъ (напр., блестящіе камни считались причастными небесному огню; находимыя въ землѣ произведенія каменнаго вѣка—чудесными и т. п. *Darmsteter* [6]) отожествлялъ Кавировъ съ „сынами Божіими“ книга Бытія (VI, 2) и считалъ, что греч. миѳъ объ убійствахъ на Лемносѣ—побочная форма финикійскаго изъ цикла Адониса.

Если финикійскіе туземные источники пролили нѣкоторый, хотя и слабый, свѣтъ на религію этого народа, то отъ египетскихъ и ассирійскихъ мы въ правѣ требовать свѣдѣній о его исторіи. Дѣйствительно, оба великихъ народа древняго востока, дѣлая завоеванія, постоянно сталкивались съ финикіянами, жившими какъ разъ между ними и населявшими страну, бывшую для нихъ яблокомъ раздора. Такимъ образомъ, какъ современныя, *извѣстія египтянъ и ассиріянъ*

---

[1]) Memoires de la Soc. Linguistique IV, 347.
[2]) Melanges Graux 611.
[3]) Mem. de soc. Ling. 1886, VI, 140.
[4]) Z. d. D. M. G. 31, 716.
[5]) Revue de l'histoire des religions III, 31.
[6]) Mémoires de Soc. Ling. IV, 89.

должны быть очень интересны и важны, особенно первыхъ, какъ раньше столкнувшихся съ Финикіей. Эти извѣстія стали, главнымъ образомъ, находить со времени знаменитой египетской экспедиціи Лепсіуса, обратившаго также вниманіе и на Карнакскій храмъ, на стѣнахъ котораго начертаны между прочимъ и анналы походовъ Тутмеса III. Болѣе полно и точно издалъ эти анналы Маріеттъ въ 1860 г., онъ же впервые нашелъ поэтическое описаніе подвиговъ Тутмеса, также важное для нашего предмета [1]). Vicomte de Rouge, занимавшійся въ то время царствованіемъ этого фараона, взялся за отожествленіе упоминаемыхъ въ этихъ надписяхъ городовъ съ извѣстными намъ изъ Библіи и авторовъ [2]). Онъ прочелъ здѣсь имена Вирита (Барута), Арада (Арату), Симиры и Акки (Аака), Іоппіи (Ипу). Финикіей онъ считалъ страну Чахи, упоминаемую часто въ этихъ надписяхъ, хотя дѣлалъ это нерѣшительно. Въ 1866 г. эти свѣдѣнія нѣсколько пополнились: Шаба и Гудвинъ перевели изданный еще въ 1841—44 [3]) такъ наз. папирусъ Anastasi I, повѣствующій о путешествіи въ Сирію молодого египтянина времени XIX дин. [4]). Это очень важный документъ. Авторъ его былъ около Вивла, имя котораго издатели узнають въ „Кепуна", зналъ о его богинѣ, посѣтилъ Виритъ, Сидонъ, Сарепту, „городъ въ морѣ Тиръ морской, въ который возятъ воду въ челнокахъ", описалъ сады Іоппіи. Но особенно много шума надѣлала употребленная въ папирусѣ фраза: „страна Хару отъ Чара до Аупъ." Чаръ крѣпость на границѣ Египта и Сиріи; Аупъ—неизвѣстная мѣстность. Ее помѣщали гдѣ-то на с. Сиріи и потому считали Хару Финикіей и на этомъ шаткомъ [5]) основаніи строили самыя смѣлыя теоріи. Но въ этомъ-же году для любителей отожествленій настала новая эпоха: Лепсіусъ нашелъ знаменитый Канобскій декретъ, въ которомъ греческое Φοινίκη переведено по египетски „Кефт.". Это имя было извѣстно и раньше изъ анналовъ Тутмеса III; Руже только догадывался, что оно имѣетъ отношеніе къ народу, жившему на Кипрѣ или близъ него; такого-же мнѣнія былъ и Birch, сопоставлявшій его также съ библейскимъ Кафторимъ (Быт. X, 14).

---

[1]) Revue archéol. 1861, 197.

[2]) Revue arch. 1860, 287.

[3]) Select papyri of the hieratic character from the collection of the Britisch Museum.

[4]) Voyage d'un Egyptien en Syrie, en Phénicie, en Palestine au XIV siècle. Chalons sur Saîne 1866 г. Переводъ на русскій яз. у Властова въ переводѣ „Исторіи" Бругша, 521.

[5]) Если даже Аупъ дѣйствительно на сѣверѣ Сиріи, то и тогда страна Хару не будетъ вполнѣ Финикіей, такъ какъ въ нее войдетъ и филистимское побережье, и Палестина, но, можетъ быть, правъ и Галеви, отожествляющій Аупъ съ Іоппіей, а потому Хару со страной Филистимлянъ.

Эти Кефтъ на гробницѣ Рехмара, чиновника Тутмеса III изображены съ прекрасными вазами въ рукахъ. Это заставило Эберса въ его „Aegypten und die Bücher Moses“ отожествить Кефтъ съ Финикіей, а Кафторимъ, который онъ сталъ теперь искать въ Дельтѣ, сдѣлался, такимъ образомъ „Великой Финикіей“, т.-е. чѣмъ-то въ родѣ итальянской „Великой Греціи“. Въ 1872 году Эберсъ былъ въ Египтѣ и въ одной гробницѣ Өиванскаго некрополя Abd-el-Kurnah нашелъ очень важную надпись, содержащую въ себѣ біографію полководца Тутмеса III Аменъ-ем-Геба. Онъ немедленно послалъ копію съ нея и переводъ въ редакцію Zeitschrift für Aegypt. Sprache und Alterthumskunde, гдѣ она и была помѣщена (1873, 1), а въ 1876 г. [1]) помѣстилъ подробный разборъ надписи. Здѣсь онъ опредѣлилъ еще одно имя для Финикіи—„Рутенну хертъ“—нижняя Сирія. Рѣдкое употребленіе этого имени онъ объясняетъ существованіемъ для Финикіи другихъ именъ: Кефтъ и Фенеху, которыя тоже изрѣдка встрѣчаются въ текстахъ, но употребляется крайне неопредѣленно, а при Птолемеяхъ прилагаются къ Финикіи. Всѣ эти отожествленія долго сбивали, да и теперь еще сбиваютъ съ толку ученыхъ. Мы скоро увидимъ, что ни на одно изъ нихъ нельзя положиться. Между тѣмъ, на нѣкоторое время вошла въ моду новая теорія египетскаго происхожденія имени Финикіянъ. Эта неудобоваримая теорія сначала опиралась только на загадочныхъ Фенеху, но въ 1880 г. Лепсіусъ въ своей нубійской грамматикѣ сталъ отожествлять съ ними Пунтъ, или, какъ тогда читали Пуна—восточную страну благовоній, соотвѣтствующую Аравіи и противоположному берегу Африки. Припомнили, что Геродотъ выводилъ финикіянъ съ береговъ Эриѳрейскаго моря; это море стали считать Чермнымъ; Пуна оказалась первообразомъ Poeni и дѣло было сдѣлано. И до сихъ поръ не всѣ еще могутъ отрѣшиться отъ этой красивой теоріи.

Такимъ образомъ изъ египетскихъ источниковъ мы узнали о Финикіи сравнительно, немного, да и это немногое часто подозрительно въ виду неустановленности пониманія географическихъ терминовъ. Кромѣ двухъ-трехъ мелкихъ фактовъ [2]) мы получили нѣкоторое представленіе о предметахъ вывоза изъ Финикіи, познакомившись со списками дани этой страны; замѣчательно, что эти свѣдѣнія подтверждаютъ выводы Моверса, который обрабатывалъ свой прекрасный послѣдній томъ, не будучи знакомъ съ ними. Но за то мы

[1]) Въ Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesell. XXX—XXXI.

[2]) Напр., дневникъ пограничнаго чиновника временъ XIX дин. заставилъ признать, вопреки Моверсу, что въ Тирѣ были цари до Авивала, еще въ XII вѣкѣ. Изъ pap. Ebers мы узнали, что Вивлъ славился знаменитыми окулистами.

узнали о существованіи одного важнаго факта—о вліяніи на Египетъ семитической культуры. Это вліяніе началось не со времени Гиксовъ и шло не только отъ нихъ, но и самостоятельнымъ потокомъ. Еще на одной гробницѣ XII дин. мы встрѣтили изображеніе сирійскаго типа, позднѣе мы встрѣтимъ въ египетскихъ литературныхъ памятникахъ массу семитическихъ словъ, а въ египетскомъ пантеонѣ—семитическія божества. Эберсъ, Бругшъ [1]) (въ „Исторіи"), Сэйсъ и др. видятъ виновниковъ этого явленія въ финикійскихъ торговыхъ колоніяхъ въ Дельтѣ. Изслѣдованіе о семитическихъ словахъ въ египетскомъ языкѣ принадлежитъ *Bondi*. „Dem hebraïsch-phöniz. Sprachenzweige angehorige Lehnworter in hieroglyphischen und hieratischen Texten (Leipzig 1886). Признавая присутствіе, хотя въ крайне слабой степени, семитическаго элемента въ египетскомъ языкѣ въ болѣе древнее время, авторъ считаетъ временемъ его наибольшаго развитія XIV—XI в. Наиболѣе онъ значителенъ въ папирусахъ и указываетъ на сильное культурное вліяніе семитовъ, завладѣвъ словами, относящимися къ торговлѣ, ремесламъ, военному дѣлу и т. п. Всѣ 66 объясненныхъ авторомъ словъ принадлежатъ къ ханаанской группѣ семитическихъ нарѣчій. Появленіе ихъ въ египетскомъ лексиконѣ можетъ быть сравнено только съ заполненіемъ послѣдняго греческими словами въ коптскій періодъ. О семитическихъ богахъ въ египетскомъ пантеонѣ писалъ *Эд. Мейеръ* (Ueber einige semitische Götter въ Zeitschr. d. Deutsche Morgenl. Gesellschaft 31,724). Собравъ изъ египетскихъ текстовъ мѣста, въ которыхъ говорится объ этихъ божествахъ, онъ онъ приходитъ къ заключенію что они были вытѣснены только во время псаметихова возрожденія, но и послѣ, при Птолемеяхъ, иногда упоминаются при пересчисленіяхъ боговъ. Эти божества слѣдующія: Ваалъ, отожествленный съ Сутехомъ и имѣвшій вліяніе на представленіе о Сетѣ; Астарта, имѣвшая храмъ, между прочимъ въ Τυρίων στρατόπεδον: Решепъ, Анатъ и Кедешъ. Впрочемъ послѣднія два божества заимствованы, по мнѣнію автора, отъ Хетовъ.

Но было и обратное сильное вліяніе Египта на Сирію. Изученіе финикійскихъ памятниковъ, какъ мы видѣли, убѣдило въ зависимости искусства этого народа отъ египетскаго. Знакомство съ памятниками страны фарановъ подѣйствовало еще болѣе разрушительно на наши представленія о финикіянахъ: мы убѣдились, что древніе считали ихъ потому изобрѣтателями по преимуществу, что чрезъ нихъ научились пользоваться результатами изобрѣтеній. Египетскія письмена обнаружили поразительное сходство съ нѣкоторыми буквами семитическаго

[1]) Ему принадлежитъ прекрасная глава о семитическомъ вліяніи на Египетъ (Geschichte 187—253).

алфавита, а египетскіе памятники доказали, что производство стекла въ этой странѣ было извѣстно гораздо раньше, чѣмъ у Финикіянъ [1]). Мнѣ кажется, что послѣднее обстоятельство довольно удачно объяснилъ *Froehner* въ своей „La verrerie antique" [2]). Онъ полагаетъ, что египтянамъ извѣстно было только массивное, непрозрачное стекло, употреблявшееся на вазы, бусы, амулеты, а также, какъ глазурь на терракотахъ, косякахъ дверей, скарабеяхъ. Это были „литой камень" (λῖθος χυτή), приготовлявшійся изъ растительнаго щелока. Финикіяне замѣнили его минеральнымъ щелокомъ, благодаря превосходному качеству песка своей рѣки Бела, и получили прозрачное стекло. Не такъ просто и легко можно разрѣшить вопросъ о происхожденіи семитическаго алфавита. Мы видѣли (стр. 29 пр. 2), что ученые первоначально держались теоріи его оригинальности. Эта теорія дѣйствительно имѣетъ за себя вѣсскія данныя и до сихъ поръ находитъ защитниковъ [3]). Но сходство многихъ буквъ съ іероглифами и, особенно, съ іератическимъ шрифтомъ не могло не броситься въ глаза ученымъ. Къ тому же авторитетъ Тацита и нѣкоторыя другія свидѣтельства говорили въ пользу заимствованія финикіянами алфавита изъ Египта прямо или косвенно. Первымъ, взявшимся за эту теорію, былъ египтологъ *Руже* [4]). Онъ сталъ искать первообраза каждой буквы семитическаго алфавита въ іератическихъ знакахъ. Но при этомъ онъ поступалъ вполнѣ научно и осторожно, взявъ для сравненія самые древніе памятники: надпись моавитскаго царя Меши и папирусъ Prisse, а также сравнивая почти исключительно египетскіе алфавитные знаки, а не силлабическіе. Эту теорію развилъ и популяризировалъ *Ленорманъ*, объяснившій также распространеніе финикійскаго алфавита и происхожденіе изъ него прочихъ [5]). Другіе ученые не удовольствовались ею, но стали частью видоизмѣнять ее, частью изобрѣтать новыя. *Галеви* [6]) производитъ семитскій алфавитъ не изъ іератическихъ, а изъ 12—13 іероглифическихъ знаковъ, выражавшихъ общіе звуки у египтянъ и семитовъ, и говоритъ, что остальные звуки стали изобра-

---

[1]) См. Wilkinson—Manners and customs III, 89. Rosellini—Monumenti II, 52. Caillaud—Recherches sur les arts et métiers de l'ancien Egypte X, 1. Perrot, Hist. de l'art. I, 826.

[2]) Par. 1879.

[3]) Между прочимъ въ лицѣ нашего *Д. А. Хвольсона*, приписывающаго семитамъ заимствованіе во время Гиксовъ изъ Египта только идею алфавита (Исторія ветхозавѣтнаго текста).

[4]) Comptes rend. de l'Acad. des inscr. 1859, 115.

[5]) Essai sur la propagation de l'alphab. phénicienne dans l'ancien monde. 1872. (Не окончено. См. также статью „Alphabetum въ словарѣ класс. древн. Daremberg и Saglio.

[6]) Comt. rend. de l'Acad. des inscript. 1887.

жаться при помощи видоизмѣненій ихъ. Измѣнялъ также, но крайне неудачно, теорію Руже Bertin [1]). Не мало ученыхъ пыталось провести теорію происхожденія семитическаго алфавита изъ клинообразнаго шрифта, но эти теоріи строились, большею частью, крайне произвольно, принимая въ соображеніе и алфавитные, и силлабическіе знаки, благодаря чему, при огромномъ количествѣ послѣднихъ и при ихъ полифонизмѣ, всегда можно отыскать напоминающіе семитическіе; притомъ въ вопросахъ о сходствѣ всякій обыкновенно видитъ то, что̀ ему желательно [2]). (Можно указать еще на новый трудъ Berger. L'écriture et les inscriptions semitiques).

Вопросомъ о происхожденіи финикійскаго алфавита занялся также вѣнскій египтологъ *Кралль* [3]) (Krall), задумавшій написать нѣчто въ родѣ исторіи Финикіи по египетскимъ источникамъ. Но его статья „Tyrus und Sidon“ является скорѣе безпорядочнымъ конгломератомъ изслѣдованій автора по всевозможнымъ вопросамъ египтологіи, имѣющимъ къ Финикіи самое отдаленное отношеніе; мы напрасно будемъ искать здѣсь сборника египетскихъ извѣстій объ этой странѣ. Тѣмъ не менѣе автору удалось сдѣлать нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній. Разсмотрѣніе египетскихъ источниковъ его убѣдило, что Тиръ упоминается въ нихъ тогда, когда о Сидонѣ нѣтъ, повидимому, рѣчи. Это заставило его нанести первый ударъ періодизаціи Моверса, и оставивъ нетронутымъ Вивло-Виритскій періодъ, переставить сидонскій и тирскій. При этомъ, конечно, ему пришлось считаться съ Быт. 10, 15 и упоминаніемъ у Гомера объ однихъ сидонянахъ. Изъ этого двойного затрудненія авторъ выпутывается при помощи излюбленнаго средства ученыхъ, высказывающихъ апріорные взгляды: библейскій стихъ онъ объясняетъ позднѣйшимъ (почему? Многіе ученые считали 10 главу одной изъ самыхъ древнихъ частей всей книги), а что касается Гомера, то онъ, оказывается, потому зналъ Сидонянъ, а не Тирянъ, что послѣдніе, захвативъ въ свои руки египетскую торговлю, стали пренебрегать западными рынками и уступили коммерческія дѣла съ варварскими народами сидонянамъ. Что же касается египетской торговли, то авторъ предполагаетъ существованіе торговыхъ трактатовъ между фараонами и финикіянами и, на основаніи Herodot. II, 179 заключаетъ, что для послѣднихъ были отведены восточные рукава Нила, подобно тому,

[1]) Etudes dédiées à Leemans, стр. 135. Изданіе очень рѣдкое.

[2]) Этой теоріей увлекались, между прочимъ, Петеръ (Proceedings of the soc. of Biblical Archeology VI, 73. Deeck „Der Ursprung d. altsemitischen Alphabets aus d. neuassyrischen Keilschrift“. (Zeit. d. Deutschen. Morgenl. Gesell. 31, 102).

[3]) Sitzungsberichte d. Wiener Akademie, Phil. — hist. Classe 116 (1888) стр. 631.

какъ для грековъ — канобскій. Здѣсь же онъ вычисляетъ отношеніе золота къ серебру въ разные періоды древне-восточной исторіи (большею частью на основаніи списковъ дани) и ставитъ измѣненія этихъ отношеній въ зависимость отъ разработки финикіянами западныхъ рудниковъ. Эта работа была необходима, какъ пополненіе послѣдняго тома Моверса, который производилъ эти расчеты, не располагая доступнымъ для насъ матеріаломъ. Слѣдуетъ также вмѣнить въ заслугу автору, что онъ покончилъ съ Эберсовымъ переводомъ географическаго имени Сенчаръ, упоминаемаго между прочимъ въ надписи Аменемгеба, словами „Двойной Тиръ". Наконецъ, въ вопросѣ о происхожденіи семитическаго алфавита онъ воспользовался работами извѣстнаго намъ Бонди (стр. 61), установившаго, что для транскрипціи семитическихъ словъ египтяне употребляли съ большею послѣдовательностью ограниченное число іератическихъ знаковъ. Эти знаки и послужили прототипами для семитскаго алфавита, что̀ еще доказывается и направленіемъ послѣдняго, подобно іератическому, справа на-лѣво [1]).

Взгляды Краля о большей древности Тира относительно Сидона принялъ извѣстный ассиріологъ *Ieremias* [2]), авторъ исторіи Тира по клинообразнымъ источникамъ. Подобная работа была крайне необходима, въ виду того, что ученые, занимавшіеся общими трудами по Финикіи и Ассиріи, обыкновенно сваливали другъ на друга подробное изложеніе этого періода. Ассирійскіе источники даютъ о Финикіи много свѣдѣній и, притомъ точныхъ, но свѣдѣнія эти для насъ далеко не такъ важны, какъ, напр., болѣе скудныя египетскія, такъ какъ они относятся ко времени болѣе позднему и болѣе извѣстному намъ изъ библіи и авторовъ [3]). Тѣмъ не менѣе они пополняютъ ихъ и проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на исторію Финикіи, а потому пол-

---

[1]) Другія, мелкія работы о Финикіи на основаніи египетскихъ источниковъ: *Liblein*—„Sur la ville de Tyr" въ Atti del congresso degli orientalisti, Firenze. I, 18. *Maspero*— статья по древней географіи „Entre Joppe et Megiddo" (Etudes. dediées à Leemans), дающая конъектуры къ pap. Anast. I и поправки къ прежнимъ переводамъ. *Conder* первый рѣшился составить карту къ pap. Anast. (Palest. Explor. Fund. 1876). Въ настоящее время *Max Müller* въ Америкѣ занимается переработкой древней географіи Сиріи на основаніи египетскихъ источниковъ.

[2]) Tyrus bis zur Zeit Nabukadnezars. Geschichtliche Skizze mit besond. Berücksichtigung d. keilschriftl. Quellen. Lpz. 1891.

[3]) Чтобы не вдаваться здѣсь въ описаніе исторіи открытія и изданій текстовъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему предмету, я позволю себѣ указать на брошюру Delattre „L'assyrioligie depuis XI ans" 1891, гдѣ интересующіеся найдутъ полную библіографію. Кромѣ того см. у *Delitsch*'a („Wo lag das Paradies") и *Schrader*'a („Die Keilinschriften und das Alte Testament" 2 изд. 1883 г.) географію Сиріи по клинообразнымъ источникамъ.

ный и тщательный переводъ ихъ очень полезенъ. Во введеніи авторъ касается топографическихъ вопросовъ, причемъ, въ большинствѣ случаевъ, соглашается съ Ренаномъ, только желаетъ видѣть въ храмѣ Зевса Олимпійскаго, упоминаемомъ у Дія, храмъ Мелькарта и не можетъ полагать, подобно Ренану, что культъ Зевса обязанъ своимъ появленіемъ въ Тирѣ Антіоху Эпифану. Но Іеремiасъ слишкомъ поторопился со своей брошюрой и не успѣлъ потому воспользоваться вполнѣ богатымъ матеріаломъ, доставленнымъ и доставляемымъ намъ въ послѣднее время египетской почвой.

Въ концѣ 1887 г. въ Европѣ распространился слухъ, что египетскіе крестьяне предлагаютъ для покупки сотни глиняныхъ дощечекъ съ клинообразными надписями, добытыхъ изъ развалинъ, называющихся „Телль-эль-Амарна"—резиденціи фараона-еретика Аменготепа IV. Клинообразныя надписи въ самомъ центрѣ Египта! Это должно было бы заинтересовать ученыхъ, но многіе изъ нихъ отнеслись къ извѣстію на первыхъ порахъ скептически. Луврскій музей прямо отказался пріобрѣтать черепки, и они были мало-по-малу раскуплены Берлинскимъ, Британскимъ, Булакскимъ и Вѣнскимъ музеями и частными лицами. По разсмотрѣніи оказалось, что купленныя дощечки принадлежали нѣкогда къ государственному архиву, перенесенному Аменготепомъ изъ Ѳивъ въ Телль-эль-Амарну и содержали дипломатическую переписку съ фараонами XVIII дин. месопотамскихъ владѣтелей и сирійскихъ вассаловъ египетскаго царя. Здѣсь были донесенія изъ Вивла, Акки и, что очень важно, Сидона, Іерусалима, Вирита, здѣсь же встрѣчаются имена Арада, Тира, Іоппіи. Нѣкоторыя изъ надписей составлены на неизвѣстныхъ языкахъ, м. пр. вѣроятно и на хетскомъ, большая часть и, въ томъ числѣ, важная для нашего предмета, на вавилонскомъ, но очень трудномъ, что было, между прочимъ, причиной того, что эти документы первостепенной важности долго оставались не вполнѣ прочтенными и разобранными, Только въ 1888 году Британскій музей поручилъ Budge [1]) составить перечень писемъ; такой же перечень, иногда съ переводами наиболѣе характерныхъ мѣстъ сдѣлалъ для Берлинскаго музея, по порученію Академіи Наукъ, *Винклеръ* [2]). Затѣмъ мало-по-малу стали переводить эти документы, по возможности, in extenso: Delattre и Шейлъ на англійскій языкъ въ Proceedings Лондонскаго Общества библейской Археологіи, а Галеви—въ Journal Asiatique (1890—1892). Въ самое послѣднее время Флиндерсъ-Питри привезъ изъ Египта еще цѣлую массу гли-

[1]) Proceedings of the Society of Biblical Archeol. 2,540.

[2]) Aegyptische Zeitschrift, 1879, 42. Ему же принадлежитъ и полнос изданіе берлинскихъ и булакскихъ дощечекъ: „Der Thontafelfund von El-Amarna. Berl. 1889—1890 (I—III). Донесенія изъ Финикіи—въ началѣ 3-й части.

нянныхъ дощечекъ, и теперь Британскій музей положительно заваленъ матеріаломъ, ждущимъ издателей и изслѣдователей. Полной разработки всѣхъ изданныхъ документовъ пока еще не было. Галеви взялъ разработку ихъ темой для отдѣла „Recherches bibliques“, который онъ ведетъ въ журналѣ „Revue des études juives“, но до сихъ поръ успѣло появиться только 2 статьи: вѣроятно, авторъ, занявшись полнымъ переводомъ трудныхъ текстовъ, не имѣлъ времени писать изслѣдованій. Въ этихъ двухъ статьяхъ (1890 г.) авторъ даетъ географію Финикіи и Палестины наканунѣ еврейскаго завоеванія на основаніи телль-эль-амарненскихъ документовъ, извлекаетъ изъ послѣднихъ историческія, религіозныя и культурныя данныя и приводитъ интересныя параллели изъ библіи, особенно кн. Судей, которая описываетъ эпоху, близкую къ разбираемой. Авторъ приходитъ къ заключенію, что вся Сирія была въ тѣсной зависимости отъ Египта, а это, въ свою очередь, наводитъ его на мысль, не было ли причисленіе библіей Сидона къ хамовымъ потомкамъ констатированіемъ факта не этнографическаго родства, а политической зависимости? Изученіе нѣкоторыхъ документовъ, особенно огромнаго инвентаря, приданаго дочери царя страны Митанни, вышедшей за фараона, проливаетъ много свѣта на культуру Сиріи того времени, на ея высокое торговое и промышленное развитіе, на изощренный вкусъ и изысканную роскошь ея обитателей.

Какъ уже было сказано, Галеви не успѣлъ разработать всего переведеннаго имъ матеріала, въ которомъ есть еще, повидимому, чрезвычайно интересныя данныя; но и неизданные документы, безъ сомнѣнія, скрываютъ много важныхъ извѣстій. Вообще слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе на этотъ памятникъ, доставившій намъ свѣдѣнія, которыя во многихъ случаяхъ были для насъ совершеннымъ сюрпризомъ. Историки до сихъ поръ не могли вполнѣ воспользоваться имъ, а потому того матеріала, которымъ они располагали было иногда достаточно для починки при помощи монографій прорѣхъ зданія, воздвигнутаго Моверсомъ, но его было слишкомъ мало для возведенія такого зданія за-ново. Но прежде, чѣмъ перейти къ попыткамъ на этомъ поприщѣ, сдѣлаемъ бѣглый обзоръ разбработки еще одного частнаго вопроса—*о финикійскихъ колоніяхъ*.

Вопросъ этотъ, конечно, одинъ изъ самыхъ интересныхъ. Но онъ до такой степени былъ запутанъ Моверсомъ, что до сихъ поръ рѣшеніе его не можетъ вполнѣ стать на научную почву и продолжаетъ быть ареной для фантазіи или даже ложнаго патріотизма ученыхъ. Впрочемъ, если Бохартъ находилъ умѣстнымъ опровергать мнѣніе, будто финикіяне были въ Америкѣ, но въ то же время искать ихъ на Цейлонѣ и Явѣ, и въ имени Исландіи (?),—Θулэ видѣть

семитическій корень, то это для его времени было еще простительно. Болѣе виноватъ Моверсъ, гонявшійся повсюду за финикіянами, и виноватъ онъ, главнымъ образомъ, потому, что его система укоренилась и принесла самые печальные плоды. Но все-таки для его продолжателей было гораздо непростительнѣе держаться его метода, сдѣлавшагося невозможнымъ при развитіи филологической и исторической критики. Между тѣмъ они не только вполнѣ удержали его, но даже дали ему дальнѣйшее развитіе и отвергли всякія границы, которыхъ все-таки держался Моверсъ. Такъ, солидный повидимому, ученый Клермонъ Ганно [1]) населилъ финикіянами чуть ли не весь Пелопоннесъ, аббатъ *Барже* въ своей книгѣ: Recherches archéologiques sur les colonies phéniciens, établios sur le littoral de la Celtoligurie [2]) также былъ вѣрнымъ послѣдователемъ и дополнителемъ Моверса, не успѣвшаго населить своими финикіянами Галліи; наконецъ, въ самое послѣднее время Offroi de Thoron [3]) ухитрился отыскать ихъ на островѣ Гаити и берегахъ Амазонской рѣки, а одинъ англичанинъ даже встрѣтился въ Девонширѣ съ прямымъ потомкомъ жрецовъ Ваала въ лицѣ г-на Baalhatshet [4]). Конечно не будь реакціи со стороны болѣе серьезныхъ ученыхъ, можно было бы опасаться, что скоро весь міръ будетъ объявленъ семитическимъ и финикійскимъ. Но и реакція эта долго была не только нерѣшительная но и непослѣдовательная. Она старалась лишь избавиться отъ крайняго примѣненія и крайнихъ послѣдствій моверсовой системы, но въ общемъ ея не отвергла. Такъ поступали и Olshausen, и Holm въ своей исторіи Сициліи, и Ettore Pais въ своей исторіи Сардиніи и многіе другіе. Гораздо рѣшительнѣе былъ проф. Θ. Θ. Соколовъ

[1]) Le Dieu Satrape ou les Phéniciens dans la Péloponêse, Journ. As. VII, 10, 157 sq. и отдѣльно. Par. 1878. Авторъ началъ съ объясненія одной очень испорченной греч. надписи, найденной Ренаномъ (Miss. 241), въ которой упоминается имя бога Σατράπης. Онъ желаетъ подыскать мѣста объ этомъ богѣ у древнихъ авторовъ и пролить свѣтъ на отношеніе восточныхъ и греческой религій уже въ историческое время. Но при этомъ онъ нагромождаетъ гипотезы и приходитъ къ невозможнымъ выводамъ, злоупотребляя этимологіями.

[2]) Это изслѣдованіе все-таки серьезнѣе другихъ, хотя авторъ не считаетъ обязательнымъ руководствоваться мудрымъ правиломъ Дюканжа о шаткости выводовъ, основанныхъ на этимологіяхъ. Такимъ путемъ онъ пришелъ къ заключенію, что финикійскими могутъ быть названы города: Иллиберій, Рушино, Нарбонна, Ираклея, Немавзъ, Ираклея Каккабрійская, особенно Монако (отъ „menihh“—отдыхать). Что касается Массиліи, то это имя кельтское, но рынокъ въ этомъ городѣ носитъ семитическое имя—gargar. Отсюда слѣдуетъ, что задолго до фокійцевъ здѣсь поселились финикіяне. Онъ даже склоненъ это подтверждать Марсельской надписью, причемъ для него не существуетъ вопроса ни о времени ея, ни о происхожденіи.

[3]) Les Phéniciens à l'île d'Haïti et sur le continent americain. Les vaisseaux d'Hiram et Salomon au fleuve des Amazones.

[4]) Palest. Exploration Fund 1891, 77.

и, особенно Мельцеръ, выступившіе противъ самой системы Моверса. Ѳ. Ѳ. *Соколовъ* въ своемъ прекрасномъ трудѣ „Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи“ [1]) посвятилъ нѣсколько страницъ (96—105) финикійскимъ колоніямъ въ Сициліи и пришелъ, разбивъ на всѣхъ пунктахъ Моверса къ выводу, который мы можемъ передать его же словами: „Напрасно Моверсъ полагаетъ что можно выйти изъ предѣловъ начертаннаго Ѳукидидомъ: всякій кажущійся слѣдъ финикійскаго элемента внутри Сициліи должно или отвергнуть, какъ не финикійскій, или отнести къ позднѣйшему, карѳагенскому времени“ (стр. 99). Характернѣе всего то обстоятельство, что авторъ находитъ для себя возможнымъ только въ одномъ случаѣ согласиться съ Моверсомъ, и этотъ случай былъ единственнымъ, въ которомъ послѣдній измѣнилъ своей системѣ (стр. 104—105). Но Ѳ. Ѳ. Соколовъ не могъ провести послѣдовательно своей реакціи уже въ виду характера своей темы, да онъ и не задавался такой цѣлью. За это долженъ былъ взяться ученый, занимающійся финикійской древностью, а такимъ былъ *Meltser*, авторъ Geschichte dcr Karthager (Berl. Weidmann. 1879. Вышелъ только 1-й томъ, обнимающій время до 306 года). Это первый и единственный строго-научный трудъ по исторіи великой семитической республики, соперницы всемірнаго римскаго владычества [2]). Жаль только, что талантливому автору удалось только начать его и не дойти до самой интересной части—внутренней исторіи. Первыя двѣ главы служатъ введеніемъ. Здѣсь авторъ дѣлаетъ много цѣнныхъ замѣчаній о финикіанахъ и ихъ колоніяхъ вообще. Онъ снова возвращается къ производству ихъ имени изъ греческаго языка, но будучи не согласенъ съ моверсовой этимологіей, переводитъ „Φοίνικες“ „люди съ темнымъ цвѣтомъ кожи“, а извѣстіе Геродота объ Эриѳрейскомъ морѣ считаетъ туземнымъ преданіемъ. Далѣе онъ высказываетъ мысль, что для опредѣленія времени перваго знакомства финикіянъ съ западомъ, единственнымъ критеріемъ могли бы служить товары, которыхъ нѣтъ на востокѣ и которые появляются на египетскихъ

---

[1]) Спб. 1865.

[2]) Еще въ 1827 *Böttiger* выпустилъ свою „Geschichte der Carthager, но она уже тогда едва удовлетворяла требованіямъ науки. Труды *Беккера* (въ энциклопедіяхъ Эрша и Грубера I, 21) *R. Bosworth'a Smith'a* (Carthage and the Carthaginians Lond. 1878) не могутъ быть названы строго-научными. Хороши статьи Арнольда *Шефера* въ Rhein. Mus XV, 391 (Zur Geschichte von Karthago), но онѣ не представляютъ связнаго цѣлаго, точно также какъ уже упомянутыя нами замѣтки *Берже* о пунической религіи и его эпиграфическія работы. Книжка Church („*Carthage*“) въ коллекціи „The story of the nations“ отличается популярнымъ характеромъ.

изображеніяхъ и въ литературныхъ памятникахъ, будучи доставляемы сюда финикіянами. Но при внимательномъ разсмотрѣніи, этотъ критерій оказывается крайне ненадежнымъ; единственный товаръ, время появленія котораго огромными массами на востокѣ можетъ, хотя съ натяжками, опредѣлить время начала плаванія финикіянъ на западъ за нимъ—серебро. Авторъ все-таки находилъ возможнымъ относить это начало ко времени до 2-й половины 2-го тысячелѣтія, причемъ окончательно отказывается пользоваться хронологическимъ критеріемъ Моверса—миѳами (прим. 36). Коснувшись причинъ финикійской колонизаціи и доказавъ, что, въ силу гидрографическихъ условій, она должна была направиться вдоль сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря, авторъ утверждаетъ, что богатый Ѳарсисъ сдѣлался очень рано главной цѣлью финикійскихъ морскихъ экспедицій и что всѣ промежуточные пункты западной части моря на островахъ и, особенно, въ сѣверной Африкѣ были заселены уже послѣ Ѳарсиса и, такъ сказать, благодаря его важности. Но напрасно верховный богъ поставилъ предѣлъ человѣческимъ стремленіямъ: желаніе избавиться отъ случайностей транзитной торговли и замѣнить ее прямой направило финикіянъ на сѣверъ къ мѣстамъ нахожденія янтаря [1]) и олова [2]) и за металлами на югъ отъ Ликса. Переходя къ разсмотрѣнію этихъ африканскихъ колоній, авторъ прекрасно опровергъ введенное Моверсомъ въ науку превратное мнѣніе о томъ, будто туземцы Африки еще до прибытія финикіянъ были смѣшаны съ выселившимся къ нимъ Хананеями и назывались Ливіофиникіянами. Онъ доказалъ, на основаніи, м. пр. египетскихъ памятниковъ, что мнимые Ливіофиникіяне [3]) просто

---

[1]) Впрочемъ, какъ сознается самъ авторъ, существованіе янтаря въ Ливанѣ, обнаружено Фрассомъ (Drei Monate im Libanon. Aus d. Orint II, § 60).

[2]) Вопросомъ о плаваніи финикіянъ на сѣверъ Европы занялся *Müllenhof* въ своей „Deutsche Alterthums Kunde" (Berl. 1870). Авторъ держится системы Моверса и Ольсгаузена и населяетъ финикіянами всѣ берега Пропонтиды; Иракль разрушитель Трои—Мелькартъ, Агамемнонъ—предводитель Семитовъ; авторъ географической поэмы Авіена „Ora maritima" (описаніе берега отъ Массиліи до Кадикса)—финикіянинъ, массаліотскій метекъ. Касситериды, конечно Британія, такъ какъ нигдѣ нѣтъ олова, кромѣ Корнваллія. Что касается послѣдняго пункта, то болѣе вѣрное мнѣніе было высказано Schöming'омъ о тожествѣ Касситеридъ съ о—вами Scilly. Этого же мнѣнія держится большинство ученыхъ въ настоящее время (Gutschmit въ Litter. Zentralblatt 1871, 523 sq.). Дѣйствительно что пунктъ, съ котораго вывозится товаръ считается мѣстомъ его производства—явленіе въ исторіи самое обыкновенное.

[3]) Это мнѣніе основывалось, помимо другого сложнаго и неудовлетворимаго матеріала, на извѣстномъ разсказѣ Прокопія (Вандальск. война II, 10) о столбахъ въ Нумидіи съ надписью о переселеніяхъ Хананеевъ предъ лицомъ „разбойника Іисуса". Мельцеръ прекрасно объяснилъ происхожденіе этого ска-

позднѣйшее финикійское населеніе Африки, впослѣдствіи противополагавшееся Карѳагенянамъ. Третья глава посвящена разбору источниковъ исторіи основанія города и хронологіи этого событія. Авторъ здѣсь совершенно отказывается слѣдовать Моверсу, очень искусно опровергаетъ его теоріи о двукратномъ основаніи Карѳагена и приписываетъ разсказъ Тимея объ этомъ событіи фантазіи Грековъ, передѣлавшихъ въ евгимеристическомъ духѣ туземное преданіе объ основаніи города богиней Дидоной, тожественной съ δαίμων Καρχηδονίων Аннибала (=Танитъ) [1]). Разсказъ Филиста также, по его мнѣнію отголосокъ туземнаго преданія о тирскомъ основаніи города и происхожденіи должности суффетовъ, а его дата также выдаетъ измышленіе Грековъ, относившимъ ко времени до Троянской войны возникновеніе всего того, что имѣло уже многовѣковое прошлое во время столкновенія съ ними [2]). Мельцеръ также, путемъ критики источниковъ, доказалъ, что излюбленная тема римскихъ поэтовъ объ Энеѣ и Дидонѣ возникла во время Пуническихъ войнъ и была миѳологическимъ первообразомъ историческаго факта. Двѣ послѣдующихъ главы занимаются изложеніемъ Карѳагенской политики перваго періода исторіи, политики руководимой Магономъ и состоявшей въ объединеніи западныхъ финикіянъ съ цѣлью противовѣса греческому вліянію. Въ связи съ этимъ стоитъ образованіе двухъ

занія (стр. 59), обязанаго, по его мнѣнію, своимъ возникновеніемъ м. пр. іудейской діаспорѣ. Не смотря однако на неоднократныя опроверженія, несмотря на несообразности этого сказанія, оно до такой степени соблазнительно что до сихъ поръ нѣкоторые ученые не рѣшаются оставить его въ покоѣ. Такъ, не дальше какъ въ прошломъ году проф. Бюдингеръ опирается на него въ своей и безъ того вздорной брошюрѣ: „De phönicioram coloniis cum Hebraeorum exodo coniunctis“.

[1]) *Sehultness* и *Stade* (Gissen Progr. 1880) предполагаютъ что упомин. въ Быт. X, 4 и Іезек. 27, 7. Елисса—имя африканскаго берега, откуда образовалось имя основательницы; раньше это имя заставляло строить невозможныя предположенія: его сопоставляли съ Элидой.

[2]) Гутшмидъ въ Lit. Zentralblatt 1858, 759 и Jahrbücher Masiyca 1880 (122), 297 отказывается слѣдовать за авторомъ въ его крайнемъ скептицизмѣ. Онъ вѣритъ въ туземное происхожденіе обоихъ разсказовъ и соглашаетъ ихъ такимъ образомъ: карѳагеняне говорили Филисту: „эра Тира и Карѳагена начинается за 50 лѣтъ Троянской войны“, т.-е. при Филистѣ въ Карѳагенѣ была тирская эра, а при Тимеѣ, послѣ разрушенія Тира, была введена собственная. Юстинъ XVIII, 3, 5 пользовался другой троянской эрой. Синхронизмъ придуманный Іосифомъ не имѣетъ вліянія на хронологическіе разсчеты объ основаніи Карѳагена: онъ только доказываетъ, что въ тирскихъ лѣтописяхъ отъ основанія города до основанія Карѳагена считалось 384 года. Кромѣ того Гутшмидъ доказалъ что у Іос. Древн. VIII, 5, 3 и пр. Апіона I, 18 говорится объ усмиреніи Хирамомъ Утики; это заставило рѣшить вопросъ объ отношеніи колоній къ метрополіи: оно было подчиненное и этимъ отличалось отъ греческаго.

политическихъ партій: аристократической и демократической. Послѣдняя была прогрессивной и стремилась къ завоеваніямъ, которыя пришлось предпринять вслѣдствіе столкновенія съ сиракузскими тираннами. Затѣмъ авторъ переходитъ къ описанію войнъ въ Сициліи и Африкѣ и заканчиваетъ томъ 4-мъ договоромъ съ Римомъ.

Здѣсь мнѣ слѣдовало бы коснуться также вопроса о финикійскихъ колоніяхъ въ Греціи. Но этотъ вопросъ до такой степени запутанъ и спеціаленъ, что входить здѣсь въ подробное его разсмотрѣніе я не нахожу возможнымъ. Достаточно будетъ сказать, что онъ до сихъ поръ не рѣшенъ, да и врядъ ли когда-нибудь будетъ рѣшенъ. Тѣнь Моверса и, особенно, его послѣдователя Ольсгаузена до сихъ поръ является пугаломъ для эллинистовъ, ревниво оберегающихъ свою духовную родину отъ варварскаго вліянія. Конечно, они заходятъ при этомъ слишкомъ далеко, но въ общемъ здѣсь и они имѣютъ за собой довольно важныя данныя. Дѣйствительно, ученымъ, населяющимъ Элладу финикіянами приходится опираться опять-таки на универсальное средство -этимологіи да на миѳы, въ народномъ происхожденіи которыхъ давно уже основательно сомнѣваются. Культы доказываютъ мало, а археологическія находки могутъ убѣдить только въ могуществѣ культурнаго вліянія востока, но не въ существованіи въ самой Греціи финикійскихъ колоній [1]). Тѣмъ не менѣе и рѣшительно отрицать послѣдняго мы не имѣемъ права да и вообще авторитетный тонъ въ этомъ вопросѣ менѣе умѣстенъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, особенно если этимъ тономъ высказываются предвзятыя мысли [2], [3]).

---

[1]) Моверсъ не успѣлъ въ своемъ большомъ трудѣ заняться разсмотрѣніемъ греческой торговли финикіянъ. За это взялся *Schmülling* въ своемъ сочиненіи „Der Phönicische Handel in den griechischen Gewässern (въ Мюнстерскомъ Jahresbericht № 32—33), 1884—1885 причемъ пользуется новыми находками Шлимана. Но говоритъ онъ новаго очень мало и стоитъ всецѣло на почвѣ Моверса и его метода. Замѣтимъ только, что онъ различаетъ два періода финикійской торговли въ Греціи: періода монополіи и періода торговли на равныхъ условіяхъ послѣ оттѣсненія финикіянъ изъ Егейскаго моря. Границей обоихъ періодовъ считаетъ начало 2-го тысячелѣтія. Причину финикійскихъ морскихъ экспедицій онъ видитъ въ желаніи добыть сырье, на которое не прекращался спросъ, но котораго не хватало на родинѣ.

[2]) См. м. пр. указанное сочиненіе Энмана. У него же можно найти и указаніе на литературу. Изъ болѣе новыхъ ученыхъ рѣшительнымъ противникамъ финикійской теоріи является Виламовицъ-Меллендорфъ (Kydaten 146 sq). Онъ даже считаетъ позднѣйшими тѣ стихи Гомера въ которыхъ говорится о Сидонянахъ. (Тоже универсальное средство).

[3]) Въ заключеніе упомяну еще объ одной книгѣ, посвященной отчасти финикіянамъ и ихъ плаванію по Черному морю. Норвежскій египтологъ *Lieblein* въ своемъ „Handel und Schiffart auf dem Rothen Meere“ Christiania 1887 произ-

Перейдемъ теперь къ общимъ трудамъ по финикійской древности. Эти труды слѣдующіе: во-первыхъ, глава о Финикіи въ сочиненіяхъ по общей исторіи древняго Востока и, во-вторыхъ, спеціальныя работы. Послѣднія, опять-таки, являются не въ видѣ монографій, а какъ части большихъ коллекцій по всеобщей исторіи, т.-е., другими словами, они написаны по заказу. Самостоятельнаго же систематическаго труда, который могъ бы замѣнить Моверса еще не появлялось, такъ какъ для созданія новой системы матерьяла было слишкомъ недостаточно.

Что касается трудовъ перваго рода, то мы смѣло можемъ игнорировать Масперо [1]), книга котораго имѣетъ самостоятельное значеніе только для Египта, хорошую, но устарѣвшую статью *Сэйса* [2]) въ приложеніи къ его Геродоту. Послѣдняя написана прекрасно, но для насъ не представляетъ ничего новаго, да и вообще всѣ эти труды, входящіе въ составъ общихъ сочиненій отличаются краткостью и догматизмомъ изложенія, давая одни выводы. Глава о Финикіи у *Ленормана* [3]) тоже не можетъ быть названа серьезнымъ сочиненіемъ, но въ ней хорошъ и вполнѣ самостоятеленъ отдѣлъ объ искусствѣ. Гораздо серьезнѣе и полнѣе изложена исторія Финикіи у *Дункера* [4]), котораго можно смѣло рекомендовать для перваго ознакомленія съ предметомъ. Жаль только, что у него много фантазіи въ вопросѣ о финикійскихъ колоніяхъ въ Греціи. Вообще, про него можно сказать, что онъ взялъ въ основу трудъ Моверса, но передѣлалъ и дополнилъ его на основаніи результатовъ новыхъ открытій и, благодаря своему замѣчательному критическому такту, очистилъ отъ дурныхъ сторонъ. Ему при этомъ удалось сохранить разумную мѣру и не зайти далеко на пути скептицизма и реакціи. Поэтому особенно интересна у него глава о торговыхъ сношеніяхъ финикіянъ; эта глава особенно интересна и важна, потому что послѣдующіе ученые мало занимались этимъ вопросомъ.

водитъ изслѣдованіе о торговлѣ египтянъ со страной Пунтъ. Найдя въ памятникахъ древняго царства упоминаніе о купцахъ „Бенну", онъ сопоставляетъ это имя съ „бенну" финикъ и „бенро" (=бенну) финиковая пальма. Это гонитъ его отъ гипотезы къ гипотезѣ. Онъ считаетъ, напр. фенеху—діалектическимъ варіантомъ „бену", имя Пунта разлагаетъ на pa+un=двери=Babel—Mandeb. Подобныя этимологическія забавы очень опасны въ такомъ языкѣ, какъ египетскій, но авторъ идетъ еще далѣе и находитъ въ Ведахъ слово „pani"=купецъ; изъ него онъ дѣлаетъ собственное имя финикіянъ!

[1]) Histoire ancienne des peuples de l'Orient. 1886.

[2]) The ancient empires of the east. Lond. 1883.

[3]) Histoire ancienne de l'Orient VI, 497—573 (9 изд. подъ ред. Babelon).

[4]) Geschichte d. Alterthums I, 311—346 и II, 39—69; 203—238 (5-е изд. 1878 г.).

Болѣе кратка, но также отличается большими достоинствами статья великаго *Гутшмида* „Phoenicia“, помѣщенная въ Encyclopaedia Britannica (9 изд.) 1880 г. Разносторонній авторъ находилъ время заниматься и финикійской древностью и успѣлъ не мало сдѣлать для ея изученія; намъ не разъ приходилось указывать на его статьи и рецензіи. При первомъ знакомствѣ съ его статьей можно испытать невольное сожалѣніе, что автору не удалось создать изъ своихъ работъ по Финикіи стройнаго и обширнаго цѣлаго: даже въ статьѣ, назначенной для публики и разсчитанной на нѣсколько страничекъ онъ успѣлъ дать такъ много новыхъ взглядовъ, что намъ придется познакомиться съ ней по-ближе. Прежде всего авторъ касается финикійской религіи. Здѣсь онъ не гнушается Санхуніаѳономъ, но заключаетъ изъ него, что астральный культъ новѣе хтоническаго, въ историческое же время первый рѣшительно преобладаетъ, хтоническія же божества получили подчиненное женское положеніе, кромѣ „владычицы Вивла“, которая опять-таки осталась послѣ выселенія Эла. Въ вопросѣ о происхожденіи финикіянъ авторъ отказывается слѣдовать Геродоту и принимаетъ извѣстіе Юстина, причемъ въ первые слѣдуетъ новому чтенію Syrium stagnum и соглашается съ Бунзеномъ (Aeg. IV, 291), что это Stagnum—Мертвое море. Съ погибелью цвѣтущей цивилизаціи на берегахъ послѣдняго, по мнѣнію автора, Хананеи соединяли представленіе о разселеніи народовъ: моавитянъ, аммонитянъ и финикіянъ. Затѣмъ онъ ничего не говоритъ о древности Вивла и Вирита (этотъ вопросъ обошелъ молчаніемъ и Дункеръ) но говоритъ нѣсколько ниже, что эти два города вѣроятно составляли одно царство, подобно другому, заключавшему въ себѣ Сидонъ и Тиръ. Начало процвѣтанія послѣдняго, конечно, совпадало съ упадкомъ перваго, происшедшимъ отъ нашествія филистимлянъ упоминаемаго у Юстина (18, 3, 5). Авторъ ставитъ это извѣстіе въ связь съ нашествіемъ на Египетъ Пуросата египетскихъ памятниковъ, но это едва ли основательно. Затѣмъ онъ переходитъ къ разсмотрѣнію изобрѣтеній, приписывавшихся финикіянамъ и доказываетъ, что ни одно изъ нихъ имъ не принадлежало, даже производство пурпура, названія различныхъ сортовъ котораго не финикійскія. Это мнѣніе было высказано еще Моверсомъ. Точно также и азбука арамейскаго происхожденія. Въ вопросѣ о колоніяхъ, онъ отказывается искать финикіянъ на материкѣ, но населяетъ ими острова и считаетъ миѳъ о Минотаврѣ, Европѣ, 8 дѣтяхъ солнца и т. п. воспоминаніями о мрачной сторонѣ финикійской религіи. При разсмотрѣніи западныхъ колоній слѣдуетъ Мельцеру. Кромѣ того онъ присоединилъ краткій очеркъ исторіи Финикіи въ персидскій пе-

ріодъ, которымъ совсѣмъ не занимались ни Моверсъ, ни послѣдующіе историки.

Въ 1884 году вышелъ 1-й томъ знаменитой „Geschichte des Alterthums" *Эдуарда Мейера*, въ которомъ затронуты и всѣ наиболѣе важные вопросы финикійской древности. Во многихъ случаяхъ авторъ отказывается слѣдовать Гутшмиду и высказываетъ свои собственныя взгляды, напр., о происхожденіи семитической и финикійской религіи (§§ 205—209) изъ мѣстныхъ культовъ боговъ-покровителей, отношенія которыхъ затѣмъ опредѣлились точнѣе, явились религіозные системы, развилась миѳологія и сложный ритуалъ. (Вообще авторъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ дѣлѣ отрицанія пригодности Санхуніаѳона). Разсказы о прибытіи финикіянъ съ Эриѳрейскаго моря авторъ считаетъ выраженіемъ убѣжденія этого народа въ зависимости своей культуры отъ Месопотамской, т.-е. своего рода книжнымъ измышленіемъ. Относительно періода Вивла-Виритскаго высказывается уже опредѣленно. Онъ отказывается видѣть въ финикіянахъ конгломератъ колѣнъ, не отличаетъ Гиблитовъ отъ Сидонянъ, а мнѣніе о древности Вивла считаетъ результатомъ его славы, какъ религіознаго центра и тенденціозныхъ разсказовъ Филона, уроженца этого города. Что касается колоній, то онъ сомнѣвается въ поселеніяхъ финикіянъ на материкѣ Эллады, отвергаетъ вліяніе финикійской религіи на греческую; при разсмотрѣніи западныхъ колоній и исторіи основанія Карѳагена авторъ во всемъ слѣдуетъ Мельцеру и не признаетъ поправокъ Гутшмида. Вопроса о происхожденіи алфавита не рѣшаетъ, но склоненъ видѣть его первообразъ въ хетскихъ іероглифахъ [1]).

Спеціальный трудъ по финикійской древности принадлежитъ *Pietschmann*'у и вышелъ въ сборникѣ Онкена въ 1889 году. Онъ написанъ ad hoc, по заказу, и это чувствуется съ первой страницы. Очевидно, что авторъ никогда бы не взялся за него самъ. Недостатокъ источниковъ, сдѣлавшійся для автора еще болѣе чувствительнымъ, вслѣдствіе его крайняго скептицизма, былъ причиной того, что онъ рѣдко рѣшаетъ вопросы [2]), или же дѣлаетъ апріорныя и голословныя

[1]) Это мнѣніе въ настоящее время высказывается въ нѣсколько измѣненномъ видѣ Рейнакомъ въ одной изъ его „Chronique de l'Orient" въ R. Arch. за 1887 г. Онъ полагаетъ будто кипрскій шрифтъ истекъ изъ хетскаго, а послѣдній вышелъ изъ египетскихъ іероглифовъ. Такимъ образомъ кипрскій и финикійскій шрифтъ являются двоюродными братьями. Это мнѣніе едва ли вѣрно. Замѣчу, кстати, что существованіе кипрскаго шрифта служитъ косвеннымъ указаніемъ на большую древность греческихъ поселеній на о—вѣ, на которомъ еще тогда не былъ распространенъ семитическій алфавитъ.

[2]) Такъ, напр., онъ не рѣшилъ вопроса о происхожденіи алфавита, отказывается, подобно Мейеру, говорить о государственномъ устройствѣ. Положимъ, это было реакціей Моверсу, изобразившему финикійское устройство чуть

заключенія [1]); подчасъ даже впадаетъ въ противорѣчія. Во многихъ случаяхъ зависимость отъ предшественниковъ сказывается довольно чувствительно [2]), но есть вопросы, въ рѣшеніи которыхъ авторъ захотѣлъ стать на новый путь. Съ этой стороны онъ, безъ сомнѣнія, оказалъ услугу наукѣ, опровергнувъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлавъ усилія опровергнуть теоріи въ родѣ кушитской или египетскаго производства имени финикіянъ. Вѣроятно, онъ также правъ, доказывая, что извѣстный намъ народъ Keft не финикіяне, а греки съ Кипра. Особенно важно въ его книгѣ пространное изложеніе географіи древней Финикіи, снабженное подробными картами и прекрасными рисунками [3]). За то исторію онъ излагаетъ очень кратко и голословно, считая подробное изложеніе ея обязанностью Мейера и Гоммеля, къ трудамъ которыхъ его книга является будто бы только добавленіемъ. Исторіи персидскаго и птоломеевскаго періода, на который пролили нѣкоторый свѣтъ новыя находки, у него совсѣмъ нѣтъ. Другія находки (Телль-эль-амарна) пролили свѣтъ на болѣе древній періодъ; авторъ знаетъ объ этомъ матеріалѣ, но не могъ вполнѣ воспользоваться имъ, такъ какъ онъ еще не былъ тогда вполнѣ изданъ. Авторъ занимается также искусствомъ и религіей финикіянъ. Въ области искусства онъ высказалъ оригинальный, но опять-таки апріорный взглядъ на самостоятельное развитіе финикійскихъ храмовъ, а что касается религіи, то, рѣшительно отвергнувъ Санхуніаѳона, онъ конечно былъ оставленъ на произволъ фантазіи, этой всегдашней замѣны источниковъ. Ко-

---

ли не такъ же ясно, какъ римское временъ Цицерона, но все же можно было найти середину, какъ это сдѣлали, напримѣръ, Дункеръ и Гутшмидтъ.

[1]) Это особенно чувствительно сказывается въ вопросахъ о колонизаціи материка Греціи и о вліяніи финикійской религіи на греческую (онъ и то, и другое отрицаетъ).

[2]) Напр., въ вопросѣ о топографіи Тира онъ слѣдуетъ Ренану, въ производствѣ имени финикіанъ—Мельцеру; къ Геродотову и Юстинову разсказамъ о переселеніи финикіянъ относится, съ нѣкоторыми измѣненіями, подобно Гудшмидту, его же, по меньшей мѣрѣ, сомнительное мнѣніе принимаетъ относительно нашествія на Сидонъ филистимлянъ и мн. др.

[3]) Интересно его новое мнѣніе о Триполи. Онъ убѣжденъ, что не дипломатическія соображенія вызвали основаніе этого города, а наоборотъ, они были результатомъ того, что и тиряне, и сидоняне, и арадяне поселились на этомъ удобномъ для торговли мѣстѣ и образовали нѣчто въ родѣ кварталовъ разныхъ націй въ городахъ временъ крестовыхъ походовъ. Здѣсь же онъ доказываетъ, что Вивлъ не высылалъ никогда колоній. Кромѣ того онъ подчеркиваетъ, что финикіяне были обязаны своимъ значеніемъ, какъ морской націи, не береговой линіи и не гаванямъ, которыя крайне неблагопріятны, а пластическому расчлененію береговъ, чередованію крутыхъ и отлогихъ, сгущавшихъ населеніе на удобныхъ мѣстахъ, но особенно—своему центральному положенію между двумя очагами культуры, между Западомъ и Востокомъ.

нечно, нѣтъ ничего легче объявить, что источникъ никуда не годится, но задача историка состоитъ въ умѣніи извлечь изъ него цѣнныя данныя; отказывающіеся отъ этого обнаруживаютъ только свою неспособность. Къ счастію, вопросъ о финикійской и вообще семитической религіи настолько ясенъ въ общемъ, что фантазія могла увлечь автора слишкомъ далеко только въ частностяхъ, общее же понято имъ согласно съ другими. Вопросъ о мореплаваніи финикіянъ и торговлѣ затрогиваетъ только слегка и полагаетъ, что предѣломъ для нихъ служили Иракловы столбы.

Книга иллюстрирована прекрасными рисунками, выборъ которыхъ, однако, не всегда вполнѣ удовлетворителенъ. Къ сожалѣнію, слогъ автора далеко не можетъ быть названъ образцовымъ, а чтеніе его книги—легкимъ и пріятнымъ. Съ этой стороны гораздо удовлетворительнѣе другой общій трудъ о Финикіи, принадлежащій *Джорджу Раулинсону*, также написанный по заказу [1]). Но это, да еще прекрасные рисунки остается, къ сожалѣнію, единственнымъ достоинствомъ въ книгѣ, отличающейся большой поверхностностью, отсталостью и непомѣрной дороговизной.

И такъ, у насъ до сихъ поръ еще нѣтъ систематическаго труда по финикійской древности, который могъ бы вполнѣ замѣнить Моверса. Ни Пичманъ, ни Раулинсонъ, какъ мы видимъ, не хотѣли, да и не могли дать такого труда и ученые пришли къ убѣжденію, что вмѣсто этого, лучше взяться за переработку Моверса. Эту переработку обѣщалъ Краллъ, и она должна выйти у Кальвари. Трудно сказать, насколько эта не легкая и неблагодарная работа удастся вѣнскому египтологу. Будемъ надѣяться, что богатый эпиграфическій матеріалъ, доставленный Телль-эль-амарной и недавнія находки въ Египтѣ Гребо и Моргана, изданій которыхъ мы ждемъ съ нетерпѣніемъ, дадутъ наконецъ возможность рѣшиться на болѣе смѣлый шагъ, чѣмъ починка разрушающагося зданія свѣжими заплатами. Быть можетъ, редакція готскихъ „Handbücher der alten Geshichte“ найдетъ, наконецъ, возможнымъ дать намъ давно уже обѣщанный, но благоразумно до сихъ откладывавшійся трудъ о Финикіи. Конечно, онъ не будетъ исторіей, но во всякомъ случаѣ мы вправѣ отъ него ожидать рѣшенія многихъ, наиболѣе важныхъ вопросовъ.

---

[1]) Его „Phoenicia“ вышла тоже въ 1889 году въ коллекціи „The story of the nations“. Черезъ годъ авторъ выпустилъ этотъ трудъ въ болѣе подробномъ видѣ, но характеръ оставилъ тотъ же.

Максимальная схема Средневѣковой и Новой исторіи Англіи въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній [1]).

Е. Н. Щепкина.

I.

Древнѣйшую исторію англо-саксовъ можно распредѣлить между первыми циклами обще-европейской исторіи (наприм. утвержденіе англо-саксовъ въ Британіи отнести къ циклу происхожденія варварскихъ государствъ; распространеніе христіанства въ Кентѣ поставить въ связь съ дѣятельностью Григорія В. и т. п.). Но, начиная съ Эгберта или Альфреда В., Средневѣковая исторія Англіи должна быть изложена, какъ одинъ цѣльный процессъ — а именно процессъ образованія англійскихъ государственныхъ учрежденій. Этотъ процессъ можетъ дѣлиться только на крупные періоды, по внутреннему своему содержанію соотвѣтствующіе отдѣльнымъ ступенямъ процесса

---

[1]) Схема эта была предложена Е. Н. Щепкинымъ на разсмотрѣніе исторической коммиссіи при учебномъ отдѣлѣ Московскаго Общества Р. Т. З. и въ исправленномъ видѣ принята къ свѣдѣнію въ 1891—92 гг. для дальнѣйшихъ работъ коммиссіи, какъ одинъ изъ возможныхъ варіантовъ программы курса. Какъ показываетъ самый размѣръ схемы и характеръ изложенія, она назначается для учителей и преслѣдуетъ главнымъ образомъ слѣдующія цѣли: 1) Фиксировать то представленіе объ общемъ ходѣ англійской исторіи, тотъ запасъ фактическихъ знаній и общихъ идей, которые должны остаться, какъ осадокъ, послѣ серьезнаго прохожденія курса. 2) Сгруппировать тѣ факты, которые скорѣе всего дадутъ въ результатѣ подобный итогъ. 3) Указать соотвѣтственно этому пробѣлы въ наиболѣе распространенномъ учебникѣ Д. Иловайскаго. Схема составлена преимущественно по трудамъ Грина, Гардинера и Стёббса. Самое названіе „Максимальной схемы“ оставляетъ широкій просторъ для всякихъ сокращеній въ частностяхъ въ зависимости отъ времени, удѣляемаго Англійской исторіи и уровня развитія среди учащихся.

(наприм. англо-саксонскій періодъ—созданіе областныхъ мірковъ общиннаго характера; норманскій періодъ—утвержденія феодальнаго строя и образованіе центральныхъ учрежденій; царствованіе Генриха II и его дѣтей—сростаніе центра съ областями; Генрихъ III—развитіе сословнаго представительства; Эдуардъ I—кодификація всего предыдущаго безсознательнаго процесса. Эдуардъ III—образованіе Верхней Палаты и т. д.). По своему внутреннему содержанію и ходу внѣшнихъ событій средневѣковая исторія Англіи удобно можетъ быть переплетена со средневѣковой исторіей Франціи (Curia regis, Генеральные Штаты, Столѣтняя война и т. п.). Напротивъ, исторія Германіи можетъ быть связана съ исторіей Италіи и дать случай изложить средневѣковой аскетическій идеалъ, папство и имперію и т. п. Такое сохраненіе общепринятаго въ учебникахъ порядка изложенія по націямъ съ дробленіемъ исторіи только на очень крупные періоды имѣетъ съ педагогической точки зрѣнія слѣдующія преимущества передъ разсказомъ по вѣкамъ или мелкимъ цикламъ общеевропейской исторіи: 1) Все частное, конкретное дается ученику раньше общаго; т. е. сравненіе одинаковыхъ явленій въ исторіи различныхъ народовъ разрабатывается учителемъ послѣ усвоенія событій въ той своеобразной окраскѣ, какъ они совершаются въ исторіи отдѣльныхъ націй. 2) У ученика сохраняется представленіе о націи, какъ живой личности. Изъ этихъ общихъ соображеній вытекаетъ слѣдующая схема для средневѣковой исторіи:

При Альфредѣ В. кромѣ борьбы съ датчанами и его заботъ объ образованіи надо сразу охарактеризовать англо-саксонскія учрежденія (по скольку они входятъ въ учебникъ), ибо они составляютъ первое звено въ томъ процессѣ развитія учрежденій, который надо прослѣдить. Это эпоха образованія мѣстныхъ мірковъ, навсегда составившихъ фундаментъ для того центральнаго представительства, которое развилось при Плантагинетахъ. Процессъ развитія въ предѣлахъ самыхъ англо-саксонскихъ учрежденій приходится ради краткости и точности оставить въ сторонѣ. Стройность схемы англо-саксонскихъ учрежденій не уступаетъ древнимъ римскимъ gens, curia, tribus; но есть важное отличіе между ними—въ Англіи связь территоріальная, по землѣ. Вотъ эта схема: *Сословія*—ceorl, thegn съ 5 гуфъ, eorl съ 40 гуфъ. *Союзы*: 1) Община (township или bu) съ своей сходкой (gemet), мѣропріятіями (bylaws), старостой (tungerefá); въ церковномъ дробленіи ей соотвѣтствуетъ приходъ, въ феодальномъ—manor. 2) Сотня (hundred), ея собраніе (gemol) представительнаго характера (reeve и 4 добрыхъ мужа отъ общины), старшина (hundreds-ealdor); въ церковномъ дробленіи ей соотвѣтствуетъ деканство (deanery), въ феодальномъ liberties. 3) Шейръ (shire), съ эльдорменомъ (aeldorman) и

собраніемъ представительнаго характера (gemot—изъ 12 типовъ отъ сотни; гесое и 4 добрыхъ мужа отъ общины); развитіе королевской власти вводитъ шерифовъ въ шейры. *Центральныя учрежденія.* Витенагемотъ изъ епископовъ, аббатовъ, эльдорменовъ, королевскихъ тановъ. Вотъ схема, изъ которой учитель долженъ брать только главное по усмотрѣнію. Учебникъ Иловайскаго даетъ при Альфредѣ В. шаткое извѣстіе о 12 старшихъ танахъ, дающихъ присягу въ сотнѣ, которое идетъ только съ Этельреда и настолько уединенно, что его лучше не упоминать. Иловайскій отождествляетъ ихъ съ 12 присяжными, но институтъ присяжныхъ развивается только послѣ нормандскаго завоеванія въ связи съ разслѣдованіями на мѣстѣ; тамъ его и надо изложить.

Въ нормандскій періодъ устанавливается феодальный строй и создается центральная администрація. Съ одной стороны витенагемотъ превращается въ great council феодальнаго характера, гдѣ всѣ члены въ отношеніи homage и fealty къ королю; съ другой стороны Curia regis и главные офисье (great officers of househald), особенно юстиціарій и казначей (treasurer). Въ сословномъ строѣ появленіе comes и knight вмѣсто eorl и thegn. Въ связи съ Doomsdayook можно охарактеризовать феодальную ячейку, — manor, и образованіе вилланов.

Важно изложить суть хартіи вольностей Генриха I (не называя ее) въ видѣ злоупотребленій феодальными правами, существовавшихъ при вго предшественникѣ Вильгельмѣ Рыжемъ (злоупотребленія при переходѣ леновъ по наслѣдству, при бракѣ наслѣдницъ, опекѣ и т. п. —relief, wardship, marriage, escheat, forfeiture и т. д.). Такимъ образомъ легче будетъ впослѣдствіи показать, какъ Великая Хартія вытекаетъ изъ феодальныхъ отношеній. Отношеніе Вильгельма Завоевателя къ Григорію VII. Ланфранкъ и Ансельмъ.

При Генрихѣ II и его сыновьяхъ мѣстныя учрежденія англосаксонскаго типа сростаются съ центральными учрежденіями нормандскаго типа. Поэтому кромѣ Кларендонскихъ постановленій, которыя помѣщаются во всѣхъ учебникахъ для характеристики столкновенія свѣтской власти съ духовной, важно познакомить съ объѣздами судей (напр. отъ 1194 г.), съ системой jury въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ; ибо при образованіи Grand jury вырабатывается начало представительства, а объѣзды судей и членовъ казначейства по финансовымъ дѣламъ устанавливаютъ связь областей съ центромъ. Затѣмъ надо остановиться на развитіи scutage (деньги со щита взамѣнъ обязательной военной службы), ибо опредѣленіе размѣра scutage самими ленниками—зародышъ парламентскаго права устанавливать налоги. Великая Хартія должна быть охарактеризована, какъ памятникъ

феодальнаго строя; центръ тяжести, конечно, въ §§ 12 и 14 nullum scutigium vel auxilium; §§ 20 и 21 о судѣ равныхъ и § 61 о гарантіи контроля 25 бароновъ, но любопытны и статьи, распространяющія вольности не только на бароновъ, но и на вавассеровъ и свободныхъ людей вообще, т.-е. общегосударственный характеръ политики бароновъ. По поводу § 13 можно охарактеризовать вольности городовъ.

Въ эпоху борьбы изъ-за хартіи (Генрихъ III) важно отмѣтить призваніе по два найта отъ графства въ парламентъ 1254 г., а стремленіе парламента взять въ свои руки управленіе охактеризовать на дѣятельности Симона де-Монфора. (Его парламентъ 1265 г. и призваніе общинъ).

Ради краткости не надо въ разсказѣ выдѣлять царствованіе Эдуарда I и Эдуарда II въ отдѣльные періоды, а, назвавъ ихъ только по имени, итоги трехъ царствованій изложить при Эдуардѣ III: выдѣленіе духовенства въ конвокацію; созданіе баронства путемъ praerogative (ограниченіе отчужденія) и hereditary summonry и выдѣленіе Верхней Палаты (парламенты 1341 и 1343 гг.). Спеціально при Эдуардѣ III кромѣ Столѣтней войны упомянуть еще чуму, statute of labourers. При Ричардѣ II въ связи съ возстаніемъ крестьянъ надо охарактеризовать англійскій villenage вообще. Затѣмъ въ это царствованіе появляется идея королевской прерогативы (королевскіе любимцы), начинается взаимное истребленіе путемъ казней; низложеніе короля.

Въ борьбѣ Алой и Бѣлой Розы важно именно истребленіе бароновъ и усиленіе королевской власти, которая привлекаетъ къ себѣ города. Въ связи съ послѣдствіями войны Бѣлой и Алой Розы удобно сдѣлать очеркъ переворотовъ въ сословныхъ отношеніяхъ среди англійскаго общества къ концу Среднихъ Вѣковъ: положеніе gentry подымается и оно становится какъ бы запаснымъ фондомъ, изъ котораго пополняется перство; къ gentry примыкаетъ теперь какъ средній землевладѣльческій классъ, yeomanry, главный источникъ для пополненія войска и казны; далѣе, идетъ крестьянство, которое постепенно высвободилось изъ подъ различнаго вида крѣпостной зависимости.

II.

Генрихъ VII. Въ это царствованіе усиленіе королевской власти выражается въ томъ, что 1) король исключительно владѣетъ артиллеріей; 2) запрещаетъ знати ея ливреи, и 3) учреждаетъ Звѣздную Палату для суда надъ вліятельной знатью, ускользавшей отъ мѣстныхъ судовъ.

Реформація. Въ наиболѣе распространенномъ учебникѣ Иловайскаго отличіе реформаціи Генриха VIII отъ реформаціи Эдуарда VI не выяснено, а дана прямо характеристика англиканской церкви, какъ она установилась въ концѣ реформаціоннаго періода; эта характеристика помѣщена между Генрихомъ VIII и Эдуардомъ VI. Въ отличіе отъ этого предлагается слѣдующая схема:

Генрихъ VIII. Положеніе народа: высшіе классы начинаютъ изучать Греческій и Латинскій языки и авторовъ; низшіе классы болѣе не рабы, но въ тяжеломъ положеніи (много пашней обращается въ пастбища, the inclosures). Планъ улучшеній—въ Utopia Моруса. Дѣло о разводѣ. Act of Supremacy, объявляющій короля высшей главой церкви и государства. Политическія, соціальныя, религіозныя и вообще идейныя причины реформаціи. Король сжигаетъ протестантовъ, какъ еретиковъ, и вѣшаетъ или обезглавливаетъ католиковъ, какъ измѣнниковъ. Казнь Моруса, какъ измѣнника, за то, что онъ отказался признать законность второго брака короля. Уничтоженіе монастырей и расточеніе ихъ имуществъ. „A good—penny worth". Раздача земель создаетъ болѣе зависимый отъ королей землевладѣльческій классъ. Statute of six Articles: смерть каждому, кто отвергаетъ 6 основныхъ положеній католической доктрины, оспариваемыхъ протестантами. (1. Трáнсубстанціація. 2) Пріобщеніе подъ однимъ видомъ. 3) Целибатъ. 4. Обѣты цѣломудрія сохраняютъ силу. 5. Приватныя мессы. 6. Устная исповѣдь). Переводъ Библіи. Уничтоженіе чудотворныхъ иконъ. Молитва Господня, Символъ Вѣры, заповѣди переведены на англійскій языкъ; молебны и молитвы вообще по-англійски, но месса по прежнему—по-латыни.

Эдуардъ VI. Реформація въ протестантскомъ духѣ. Англійскій Prayer Book. (Первый молитвенникъ—въ умѣренномъ духѣ, второй—послѣ торжества рѣшительнаго протестантскаго направленія). Конфискація церковныхъ имуществъ. 42 статьи вѣроисповѣданія.

Марія. Бракъ съ Филиппомъ Испанскимъ. Возстановленіе папскаго главенства. Протестанты мученики. Утрата Калэ.

Елизавета. У Иловайскаго не выяснено личное отношеніе Елизаветы къ религіи, ничего нѣтъ объ ея отношеніи къ парламенту. Отдѣлъ реформаціи въ Шотландіи вмѣсто характеристики пресвитеріанства и политическихъ комбинацій, въ которыя оно вступило въ Шотландіи, посвященъ слишкомъ подробному изложенію романовъ Маріи Стюартъ. Въ отличіе отъ этого предлагается слѣдующая схема:

Національный характеръ политики Тюдоровъ вообще, а Елизаветы въ особенности. Положеніе Елизаветы среди враждебныхъ другъ

другу религіозныхъ партій. Личныя вѣрованія королевы. Возстановленіе Prayer Book. Вражда съ католической Испаніей.

Ростъ народнаго благосостоянія. Торговля, промышленность, колоніальная политика, участіе Англіи въ открытіяхъ. (Cabot на Лабрадорѣ при Генрихѣ VII. Willoughby при Маріи пытается идти Сѣверо-восточнымъ проходомъ. Фробишеръ ищетъ Сѣверо-западнаго прохода. Плаванье Дрека. Ралэй въ Виргиніи). Реформація въ Шотландіи. Ноксъ, пресвитеріанство) и эпизодъ съ Маріей Стюартъ. Армада и экспедиція въ Кадиксъ. Завоеваніе Ирландіи (Эссексъ). Отношеніе Елизаветы къ парламенту (вопросъ о замужествѣ и монополіи). Англійская драма.

Революціонный періодъ. У Иловайскаго пуритане всюду отождествляются съ пресвитеріанами. Надо охарактеризовать ихъ шире, какъ запасный фондъ, изъ котораго выростаютъ то пресвитеріане, то индепенденты, а то и просто свободные послѣдователи англиканизма. У Иловайскаго не выяснена преемственная связь средневѣковой борьбы за Великую Хартію съ борьбой XVII в., которая привела къ биллю о правахъ. У Иловайскаго почти совсѣмъ упущена изъ виду внѣшняя политика Стюартовъ, которая наталкивала ихъ на мысль—сдѣлаться независимыми отъ парламента ради свободы внѣшней дѣятельности. (Аналогія, проводимая историкомъ Гардинеромъ между Вентвортомъ и Ришелье). Система Страффорда и Лода опущена у Иловайскаго. Опущенъ сложный религіозный вопросъ. (Католики въ Ирландіи; пресвитерьяне въ Шотландіи; пуритане въ Англіи), а потому остается непонятнымъ, что именно вызвало возстаніе въ Шотландіи и что заставило короля созвать Долгій парламентъ. Въ борьбѣ короля съ парламентомъ Иловайскій опустилъ контрасты между пуританами и пресвитеріанами съ одной стороны и индепендентами съ другой, между парламентомъ и арміей, съ другой. Эти контрасты важны между тѣмъ для объясненія того, какъ возникъ протекторатъ и почему такъ легко реставрированъ былъ Карлъ II. Въ противоположность Иловайскому предлагается слѣдующая схема:

Іаковъ I. Отношеніе къ пуританамъ (напр., конференція въ Hampton-court, гдѣ пуритане высказались противъ стихаря, крестнаго знаменія при крещеніи и кольца при бракосочетаніи). Связь между политическими и богословскими убѣжденіями Іакова I. Пороховой заговоръ. Столкновенія съ парламентомъ: любимцы (въ родѣ Duke of Buckingham), внѣшняя политика (проекты брака съ испанской инфантой и съ Генріэттой французской; отношеніе къ 30-лѣтней войнѣ), денежный вопросъ (the impositions, т.-е. пошлины съ внѣшней торговли; монополіи и лордъ канцлеръ Бэконъ).

Карлъ I. Отношеніе между королемъ и парламентомъ въ управ-

леніи Бёккингама. Неудачи при Кадиксѣ и Ла-Рошели. Petition of Right: 1) Ни налоги, ни насильственные займы не должны налагаться безъ согласія парламента. 2) Никто не долженъ подвергаться тюремному заключенію безъ предварительнаго допроса судьей. 3) Матросы и солдаты не должны ставиться на постой къ частнымъ людямъ. Утвержденіе петиціи, смерть Бёккингама, разрывъ съ парламентомъ по вопросу о пуританахъ и пошлинахъ съ внѣшней торговли (tonnage and pouudage). Эліотъ и его смерть въ тюрьмѣ. Одиннадцатилѣтнее управленіе Карла безъ парламента. Система Лода въ церкви: единообразіе службы по Prayer-book, престолы сдвинуты въ церквахъ къ Востоку, High Commission Court для суда надъ духовенствомъ. „Thorough-system" Вентворта, лорда Страффорда: Court of Star Chamber; Ship-Money. John Hampden. Новый Prayer-Book для Шотландіи и Національный ковенантъ. Пораженіе королевской арміи и созывъ Долгаго Парламента. Казнь Страффорда. Запрещеніе корабельныхъ денегъ и пошлинъ, не утвержденныхъ парламентомъ. Уничтоженіе High Commission и Star Chamber. Разногласіе въ парламентѣ по вопросу о церкви: пуритане требуютъ теперь уже уничтоженія епископовъ и переработки Prayer-Book; умѣренные хотѣли все оставить по старому. Возстаніе въ Ирландіи. Дальнѣйшія требованія парламента: 1) министры должны назначаться съ утвержденія парламента; 2) коммиссія духовенства должна пересмотрѣть Prayer-Book. Попытка короля овладѣть пятью членами парламента. Разрывъ между парламентомъ и королемъ по вопросу о назначеніи офицеровъ милиціи. Лагерь короля въ Ноттингамѣ. Около половины Палаты Общинъ и болѣе половины Палаты лордовъ—на сторонѣ короля; кавалеры и круглоголовые. Парламентъ призываетъ шотландцевъ и вмѣстѣ съ ними бьетъ короля при Марстонъ Мурѣ. Двѣ партіи въ войскѣ и парламентѣ: пресвитеріане и индепенденты. Король разбитъ при Незби, бѣжитъ къ шотландцамъ, выданъ ими. Столкновеніе между парламентомъ и войскомъ по вопросу о роспускѣ войска и судъ на королемъ. Торжество арміи. Армія удаляетъ изъ Нижней Палаты около 90 человѣкъ (Rump), а остальные назначаются тогда High Court of Justice, чтобы судить короля. Уничтоженіе Верхней Палаты. Казнь короля. Республика и протекторъ.

Кромвель. У Иловайскаго не упомянуто столкновеніе Кромвеля съ парламентомъ, а потому отвѣтственность за Навигаціонный билль и войну съ Голландіей взвалена на Кромвеля. Въ противоположность этому надо (кромѣ усмиренія Ирландіи и Шотландіи) коснуться столкновенія между Кромвелемъ и парламентомъ и роспуска Долгаго Парламента въ 1653 г. Кромвель протекторъ, столкновеніе съ искусственно подобраннымъ парламентомъ. Кромвель отказывается отъ ко-

ролевскаго титула, популяренъ только среди солдатъ, не допускаетъ англиканскаго Prayer-Book, строгая нравственная дисциплина для общества. Реставрація Монка.

Реставрація. У Иловайскаго не объясненъ Habeas Corpus и его отличіе отъ Великой Хартіи. У Иловайскаго не выяснено происхожденіе и лозунги Виговъ и Тори и не указано, какъ изъ католическихъ тенденцій новыхъ Стюартовъ выростаетъ опасность для всего, что выработала революція. Въ противоположность этому предлагается слѣдующая схема:

Карлъ II. „The Merry Monarch". Армія, которой держался Кромвель, распущена. Тѣло Кромвеля повѣшено. Cavalier Parliament. Епископы возстановлены, введена снова англиканская служба Prayer book. Диссентеры и Act of Uniformity—каждый священникъ долженъ держаться Prayer Book. Test Act противъ католиковъ: каждое лицо, получившее должность въ арміи, во флотѣ или въ государственной службѣ, должно было 1) принимать причастіе изъ рукъ англиканскаго священника, 2) отречься отъ католическаго ученія о транссубстанціи. Habes Corpus Act для предупрежденія неопредѣленнаго по времени предварительнаго заключенія. Для характеристики антинаціональной политики Стюартовъ—Treaty of Dover, тайно заключенный между Людовикомъ XIV и Карломъ II. (Карлъ II обѣщался примкнуть къ французскому королю противъ Голландіи и объявить себя католикомъ). Братъ короля (James duke of Jork) сдѣлался католикомъ; его дочери Марія и Анна были протестантки. Марія была замужемъ за Вилльямомъ, принцемъ Оранскимъ, главнымъ магистратомъ Голландской республики. Шафтсбери и его друзья пытались провести въ парламентъ Exclusion Bill для исключенія всѣхъ католиковъ отъ царствованія, но англичане короля католика все таки въ концѣ концевъ предпочитали новой гражданской войнѣ и господству арміи. Виги и Тори. Ради филіаціи ихъ съ кавалерами и круглоголовыми при опредѣленіи различія между Тори и Вигами центръ тяжести долженъ лежать въ характеристикѣ ихъ воззрѣній на власть: съ одной стороны для Тори—власть „Божьей милостью", съ другой стороны Виги за договорную теорію; въ связи съ этимъ ихъ лозунги—non resistance и resistance. Подчеркнуть, что обѣ партіи одинаково привержены къ англиканской церкви. Такое опредѣленіе партій объяснитъ событія въ царствованіе Іакова II (ученіе Локка).

Іаковъ II. Безуспѣшныя попытки уничтожить Test Act. Тогда король издаетъ Declaration of Indulgence, дозволяющую католикамъ и диссентерамъ служить по своему обряду и занимать должности, не давая присяги. Іаковъ велитъ читать декларацію во всѣхъ церквахъ. (Процессъ 7 епископовъ). Декларація и процессъ епископовъ вноситъ

антагонизмъ между обоими принципами торизма (повиновеніе и приверженность къ англиканизму); Тори ради Англиканской церкви заодно съ Вигами: семь знатныхъ англичанъ призываютъ въ Англію Вильяма Оранскаго спасти законы и вольности. Непосредственной причиной призыва было рожденіе сына у Іакова II. Вильямъ III. Toleration Act дозволяетъ диссентерамъ (но не католикамъ) служить въ своихъ часовняхъ. Свобода печати. Act of Settlement устанавляетъ порядокъ престолонаслѣдія, Bill of Rights даетъ итоги второй революціи. Международное значеніе переворота: Англія освобождается изъ подъ вліянія Франціи.

Анна. Парламентская унія съ Шотландіею отъ 1807 г. Шотландцы получили независимость законовъ, пресвитеріанскую форму церкви, свободу торговли съ Англіею.

Связный разсказъ по англійской исторіи долженъ быть законченъ изложеніемъ итога всей борьбы XVI—XVII вв. Борьба партій при Аннѣ, какъ и ея внѣшняя политика должны быть изложены при войнѣ за Испанское наслѣдство. Новый связный отдѣлъ по исторіи XVIII в. долженъ быть начатъ съ Ганноверской династіи. У Иловайскаго въ примѣчаніи при разсказѣ о Вальполѣ данъ очеркъ парламентскаго правленія черезъ отвѣтственныхъ министровъ и смѣну партій, какъ оно выработалось только къ концу XVIII в.; поэтому выходитъ, какъ будто все это достигнуто революціей 1688 г. Въ противоположность Иловайскому система подкупа при Вальполѣ, затѣмъ борьба Чатама противъ Вальполя и, наконецъ, утвержденіе въ министерствѣ Питта Младшаго должно быть изложено, какъ процессъ утвержденія парламентскаго правленія съ отвѣтственными министрами и смѣной партій въ противоположность интригамъ котерій или личной политикѣ двора. Соотвѣтственно этому предлагается слѣдующая схема.

Георгъ I и Георгъ II. Выработка правленія партій (cabinet, а не privy council). Робертъ Вальполь. „Nomination boroughs". „Revolution families". Подкупъ въ парламентѣ съ цѣлью установить связь между министерствомъ и большинствомъ въ парламентѣ. The Patriots (Вальполь стремится создать большинство министерское, а патріоты—министерство большинства!) Семилѣтняя война. Pitt въ парламентѣ и министерствѣ. Завоеваніе Канады. Столкновеніе Англичанъ и Французовъ въ Индіи (Clive, 1757).

Георгъ III. Личная политика короля (Письма Юніуса). Въ 1776 г. дозволено печатать парламентскіе дебаты. Отношеніе къ американскимъ колоніямъ. Stamp Act. Duties on tea и т. д. Столкновеніе въ Бостонѣ. Declaration of Independence. Франція и Испанія вмѣши-

ваются въ войну. Миръ 1783 г. [1]). Процессъ Ворренъ Гастингса. (ораторы) Питтъ Младшій въ министерствѣ (1784—1801 и 1804—6). Подъ вліяніемъ „Wealth of Nations" торговый договоръ съ Франціей. Тщетныя усилія провести билль о реформѣ и борьба противъ торга неграми. Положеніе Питта во главѣ министерства и парламента въ единодушіи съ королемъ и народомъ во время борьбы съ революціей и Наполеономъ—апогей парламентскаго правленія. Возстаніе въ Ирландіи и введеніе ирландцевъ въ парламентъ (1801 г.). Въ заключеніе XVIII в. долженъ быть данъ очеркъ парламентскаго правленія черезъ смѣну партій и отвѣтственныхъ министерствъ. Затѣмъ внѣшняя политика Англіи до 1815 г. можетъ быть отнесена къ общему очерку Наполеоновской эпохи (Питтъ Младшій, Касльри, герцогъ Веллингтонъ и т. д.). XIX в. по отдѣлу Англіи слѣдуетъ начать тѣми соціальными вопросами (Ирландія, реформа парламента), разрѣшеніе которыхъ было въ концѣ XVIII в. задержано французской революціей, борьбой съ Наполеономъ и духомъ реакціи внутри. Борьба съ этой реакціей и оживленіе соціальныхъ вопросовъ—исходный пунктъ въ изложеніи XIX вѣка.

Для перехода въ XIX в., какъ введеніе къ отдѣлу Англія, долженъ быть данъ въ связи съ ученіемъ Адама Смита (1776 г.) цѣльный очеркъ того экономическаго и соціальнаго переворота (Industrial Revolution), который уничтожилъ yeomanry, создалъ въ Англіи пролетаріатъ (inclosure и выселеніе), превратилъ Англію изъ земледѣльческой въ промышленную, поднялъ третье городское сословіе на степень крупной политической силы. Напримѣръ, дальнѣйшее развитіе шерстяной и металлической промышленности, начало хлопчатобумажной. Населеніе растетъ въ сѣверной Англіи, гдѣ рудники желѣза и каменнаго угля; тамъ выростаетъ Ливерпуль, Манчестеръ, Бирмингамъ, Лидсъ, Шеффильдъ, Гуль и т. п. Напротивъ, ростъ населенія въ южной земледѣльческой Англіи останавливается и увеличивается число „гнилыхъ мѣстечекъ". Въ хлопчатобумажной и шерстяной промышленности вводятся машины и раздѣленіе труда. (Напр. Spinning-jenny, патентъ Hargreaves 1770 г.; water-frame Arkwright; self-acting mule Kelly 1792 г.; патентъ James Watt—1769 г.; Power-loom, патентъ Cartwright 1783 г. и т. п. Особенно же раздѣленіе труда). Необходимость сбыта (колоніи, внѣшняя торговля). Этотъ очеркъ составитъ введеніе въ исторію XIX в. съ его соціальными вопросами. Анализъ этихъ вопросовъ особенно удобно сдѣлать при

[1]) Схема по Американской исторіи не входила въ задачи работы, а потому отношеніе къ Америкѣ указано здѣсь, только какъ конституціонный вопросъ для Англіи.

разборѣ вопроса о хлѣбныхъ законахъ и законахъ о бѣдныхъ. Въ виду всего этого предлагается слѣдующая схема.

Георгъ IV. Принципы Каннинга во внѣшней политикѣ (въ противоположность Касльри) и Пиля во внутренней (реформа уголовныхъ законовъ въ духѣ Romilly). О'Коннель. Веллингтонъ и эмансипація католиковъ. Россель. Шоссе и дилижансы. Желѣзныя дороги. Байронъ и Греція.

Вильгельмъ IV. Лордъ Грэй, лордъ Россель и билль о реформѣ (сопротивленіе Верхней Палаты, митинги). Вмѣсто Виговъ и Тори—либералы и консерваторы. Освожденіе негровъ въ Вестъ-Индіи. Реформа Poor-low.

Викторія. Тяжелое положеніе народа вслѣдствіе Corn-low. Недостатокъ надзора за фабричнымъ и ремесленнымъ трудомъ. „The People's Charter“: 1) Всеобщая подача голосовъ; 2) равные выборные округи; 3) тайная подача голосовъ; 4) годичный Парламентъ; 5) не надо ценза для того, чтобы быть выбраннымъ; 6) вознагражденіе членамъ парламента. При хартіи надо указать, какіе §§ еще не осуществились. Волненія чартистовъ. Penny—Postage. Anti—Corn-law league (Кобденъ и Брайтъ). Ирландскій картофельный голодъ и отмѣна хлѣбныхъ законовъ (Положеніе Пиля). Петиція чартистовъ. Возстаніе въ Индіи. Дизраели и Гладстонъ (для характеристики партій въ новой группировкѣ—второй билль о парламентской реформѣ и реформа въ Ирландіи). Внѣшняя политика обѣихъ партій, въ особенности отношеніе къ Восточному вопросу.

Донесенія папскихъ нунціевъ изъ Германіи въ XVI в.

Н. Н. Любовича.

Болѣе полувѣка уже привлекаютъ особенное вниманіе историковъ итальянскіе архивы и библіотеки. Это вполнѣ понятно въ виду того, что въ силу своеобразныхъ условій своей исторической жизни нѣкоторые итальянскіе города и государства собирали подробныя свѣдѣнія обо всемъ, касавшемся тѣхъ странъ, съ которыми они находились въ сношеніяхъ. Донесенія венеціанскихъ пословъ доставили историкамъ интересный матеріалъ относительно внутренней и въ особенности экономической жизни различныхъ государствъ, и не мало ученыхъ, а въ томъ числѣ и Леопольдъ фонъ-Ранке, обязаны имъ многими страницами своихъ изслѣдованій. Неудивительно, поэтому, что не только итальянцы, но и другія націи поспѣшили приняться за изданіе донесеній итальянскихъ пословъ, касающихся ихъ исторіи. Но такъ какъ эти донесенія составляютъ лишь бѣглый сводъ всего того, что посолъ узналъ о томъ или другомъ государствѣ во время своего пребыванія въ немъ, то въ послѣднее время историки обратились къ изученію самихъ депешъ, отправлявшихся представителями Венеціи своему правительству, такъ какъ изъ нихъ можно извлечь еще болѣе интересныхъ историческихъ данныхъ. Вѣнская академія наукъ предприняла даже теперь изданіе всѣхъ депешъ венеціанскихъ пословъ, хранящихся въ тайномъ государственномъ архивѣ столицы Австріи [1]). Къ важнымъ источникамъ для ознакомленія съ прошлою

[1]) Venetianische Depeschen vom Kaiserhofe (Dispacci di Germania). Herausgegeben von der historischen Commission der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Erster Band. Wien. 1889. Въ введеніи къ этому изданію сообщаются свѣдѣнія относительно всѣхъ отдѣльныхъ попытокъ, дѣлавшихся ранѣе, издать тѣ или другія депеши венеціанскихъ пословъ.

исторіей Европы, доставляемымъ Венеціей, стали вскорѣ присоединяться и многіе другіе также итальянскаго происхожденія. Энергичная работа по приведенію въ порядокъ архивовъ и библіотекъ, начавшаяся въ Италіи со времени ея объединенія, сдѣлала доступною массу важныхъ матеріаловъ по исторіи многихъ европейскихъ государствъ даже въ такихъ городахъ, о которыхъ думали, что они могутъ доставить лишь нѣчто интересное развѣ только по мѣстной исторіи [1]). Не смотря, однако, на весь интересъ и важность для историковъ итальянскихъ архивовъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ сравняться съ богатствами римскихъ, а въ особенности тайнаго ватиканскаго архива (archivio segreto vaticano). Поэтому, когда папа Левъ XIII открылъ его для занятій, то это было истымъ торжествомъ въ ученомъ мірѣ. До этого времени сравнительно лишь очень немногое изъ неисчерпаемыхъ историческихъ сокровищъ ватиканскаго архива стало достояніемъ науки и то болѣе случайно. Нѣсколько сборниковъ документовъ было издано чиновниками, состоявшими при архивѣ, а также кое-что было опубликовано тѣми немногими посторонними лицами, коимъ удалось проникнуть въ него послѣ долгихъ хлопотъ и ходатайствъ за нихъ. Но всѣ публикаціи документовъ изъ ватиканскаго архива увеличивали еще только болѣе сожалѣніе о его недоступности и интересъ къ нему, такъ какъ подтверждали догадки о его громадной важности для европейской исторіи. Когда же, наконецъ, его двери гостепріимно открылись передъ учеными, то они устремились въ него изо всѣхъ концовъ Европы. Не только отдѣльныя лица по собственной иниціативѣ предприняли тутъ научныя изысканія, но многія правительства стали отправлять сюда цѣлыя комиссіи для собиранія и разработки историческихъ матеріаловъ [2]). Различные документы, изданные изъ ватиканскаго архива, составляютъ въ настоящее время уже цѣлую громадную литературу [3]). Занимаю-

---

[1]) Хотя итальянскіе архивы находятся далеко еще не всѣ въ должномъ и желанномъ порядкѣ, и инвентари ихъ, за рѣдкими исключеніями, не составлены, тѣмъ не менѣе относительно характера хранящихся въ нихъ документовъ можно часто встрѣтить нѣкоторыя указанія въ статьяхъ, посвященныхъ общему описанію того или другого архива и разбросанныхъ по мѣстнымъ итальянскимъ историческимъ журналамъ. Подробный библіографическій указатель всего, напечатаннаго относительно итальянскихъ библіотекъ, а также хранящихся въ нихъ рукописей, можно найти у Ottino e Fumagalli. Bibliotheca Bibliographica Italica. Roma. 1889.

[2]) Подробности относительно этого см. въ моихъ статьяхъ: „Итальянскіе архивы и библіотеки". Варшавскія Университет. Извѣстія. 1888 годъ, № 8. „Ватиканскій Архивъ". Варшав. Дневникъ. 1888 годъ, №№ 74, 75.

[3]) Французскіе ученые, и, главнымъ образомъ, члены École française de Rome предприняли изданіе регестовъ папскихъ буллъ XIII в. и въ настоящее время

щіеся новою исторіею съ особеннымъ интересомъ обращаются къ донесеніямъ папскихъ нунціевъ, источнику въ высшей степени важному, который по богатству сообщаемыхъ имъ историческихъ свѣдѣній далеко оставляетъ за собою донесенія и депеши венеціанскихъ пословъ. День за днемъ доноситъ нунцій въ Римъ обо всемъ, что онъ дѣлаетъ или предпринимаетъ въ странѣ, куда отправленъ; онъ сообщаетъ о своихъ разговорахъ съ различными высокопоставленными лицами, съ малѣйшими подробностями описываетъ свои отношенія къ нимъ и къ другимъ нужнымъ ему особамъ. Кромѣ того, онъ прилагаетъ къ своимъ депешамъ копіи наиболѣе важныхъ и интересныхъ писемъ къ себѣ, а иногда даже отправляетъ въ Римъ оригиналы. Но нунціи не ограничивались только подробнѣйшими сообщеніями о дѣлахъ, имѣвшихъ прямое и непосредственное отношеніе къ ихъ задачѣ. Они не упускали также изъ виду общаго теченія политическихъ и общественныхъ дѣлъ въ государствѣ; а въ силу своего часто особенно благопріятнаго положенія могли легко получать достовѣрныя свѣдѣнія обо всемъ интересовавшемъ ихъ. Имѣя возможность всюду проникнуть, а также имѣя своихъ надежныхъ агентовъ, сообщенія ихъ о политическихъ дѣлахъ представляютъ большой интересъ и часто раскрываютъ закулисную сторону различныхъ событій [1]). Въ виду такого значенія, представляемаго актами нунціатуры, ихъ стараются въ настоящее время сдѣлать по возможности болѣе доступными для пользованія ученыхъ. Такъ для Англіи списываются акты нунціатуры, касающіеся этой страны, лицомъ, спеціально командированнымъ для этого въ Римъ. Краковская академія наукъ поручила молодымъ ученымъ, которыхъ она отправляла въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Римъ для собиранія источниковъ по исторіи Польши, заняться также разработкою актовъ нунціатуры. Копіи съ донесеній нунціевъ, отправленныхъ въ Польшу, наравнѣ съ другими матеріалами, извлеченными изъ ватиканскаго архива и другихъ заграничныхъ, хранятся въ краковской академіи наукъ и доступны для пользованія исто-

---

значительная часть этого труда исполнена ими. Венгерцы издаютъ: „Monumenta vaticana historiam regni Hungariae illustrantia". Есть даже слухъ, что извѣстный венгерскій ученый Фракной имѣетъ въ виду поселиться въ Римѣ и основать тамъ на собственныя средства нѣчто въ родѣ венгерскаго историческаго института или школы. Швейцарцы также пользуются ватиканскимъ архивомъ для изученія своего прошлаго и результатомъ этого явились: Bernoulli. Acta pontificum Helvetica. Quellen Schweizerischer Geschichte aus dem päpstlichen Archiv in Rom veröffentlicht durch die hist. und antiquar. Gesellschaft zu Basel. I Bd. 1198—1268. Basel. 1891. Излишне было бы прибавлять, что нѣмцы не мало уже поработали въ этомъ архивѣ.

[1]) См. мою статью: „Итальянскіе архивы и библіотеки". Варшав. Универ. Извѣстія. 1888 годъ, № 8, стр. 10.

риковъ [1]). Въ послѣднее время Германія и Австрія не только озаботились, чтобы акты нѣмецкой нунціатуры были списаны, но взялись и за самое изданіе ихъ. На появленіе въ печати первыхъ томовъ „Nuntiaturberichte aus Deutschland nebst ergänzenden Actenstücken» мы и намѣрены обратить вниманіе въ настоящей замѣткѣ.

Важность, представляемая ватиканскимъ архивомъ для выясненія многихъ сторонъ прошлой жизни Германіи, была настолько очевидна для Пруссіи, что она, желая идти и во главѣ научнаго движенія нѣмцевъ, поспѣшила открыть въ Римѣ особый историческій институтъ (königlich preussisches historisches Institut), на который возложена обязанность разработки и изданія историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ римскихъ, а также другихъ итальянскихъ архивахъ и библіотекахъ [2]). Этотъ институтъ, основанный въ 1888 году, находится въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, а непосредственное руководство его трудами принадлежитъ особой комиссіи, избираемой берлинскою академіей наукъ. Историческій институтъ принялся прежде всего за изученіе актовъ нѣмецкой нунціатуры и постановилъ издать ихъ по 1585 годъ, т. е. до правленія папы Григорія XIII включительно, такъ какъ акты нунціатуры Германіи времени папы Сикста V постановило издать нѣмецкое католическое историческое общество Герреса (Görresgesellschaft). Когда члены прусскаго историческаго института въ Римѣ принялись уже за разработку актовъ нѣмецкой нунціатуры XVI столѣтія, то они, къ своему удивленію, узнали, что имъ пришлось столкнуться на одномъ и томъ же полѣ съ занятіями членовъ австрійскаго историческаго института [3]). Такъ какъ работы обѣихъ сторонъ подвинулись уже довольно далеко, и никто, понятно, не хотѣлъ отказаться отъ предпринятаго труда, то, послѣ долгихъ переговоровъ, оба института пришли, наконецъ, въ 1891 году къ соглашенію, чтобы публикація актовъ нѣмецкой нунціатуры съ 1533 года

[1]) Проф. Вержбовскій по собственной иниціативѣ издалъ депеши Лаурео: Викентій Лаурео, мондовскій епископъ, папскій нунцій въ Польшѣ, 1574—1578, и его неизданныя донесенія кардиналу Комскому. Варшава. 1887.

[2]) Институту вмѣнено также въ обязанность оказывать содѣйствіе провинціальнымъ прусскимъ историческимъ обществамъ при собираніи ими матеріаловъ по своей мѣстной исторіи. Результаты дѣятельности института сказались уже и въ этомъ направленіи. Недавно появилось собраніе документовъ по исторіи теперешней познанской провинціи: Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte der in der heutigen Provinz Posen vereinigten ehemals polnischen Landesteile. Im Auftrage des Provinzialausschusses der Provinz Posen in italienischen Archiven und Bibliotheken, vornehmlich dem vaticanischen Archiv gesammelt und herausgegeben von Hermann Ehrenberg. Leipzig. 1892.

[3]) Istituto austriaco di studii storici основано было въ Римѣ нѣсколько лѣтъ ранѣе прусскаго института.

по 1585 происходила совмѣстно пруссаками и австрійцами, какъ одно изданіе. При этомъ было рѣшено, чтобы первый и третій отдѣлы донесеній нунціевъ (съ 1533 г. по 1559 г. и съ 1572 г. по 1585 г.) были изданы прусскимъ институтомъ, а второй отдѣлъ (съ 1560 г. по 1572 г.)—австрійскимъ. Такъ какъ это изданіе должно представлять одно цѣлое, то было условлено также, чтобы и внѣшній видъ его былъ совершенно тождественъ, и только относительно внутренняго характера изданія (обработки текста, орѳографіи, примѣчаній и т. п.) была предоставлена обоимъ институтамъ полная самостоятельность.

Появившіеся два тома перваго отдѣла донесеній нунціевъ изъ Германіи и одинъ томъ третьяго могутъ служить прекраснымъ образцомъ того, какъ слѣдуетъ издавать историческіе документы [1]). Профессоръ Вальтеръ Фриденсбургъ, издатель перваго отдѣла донесеній нунціевъ, сообщаетъ въ общемъ введеніи къ нему свѣдѣнія, необходимыя ученому, который пожелалъ бы заняться изученіемъ исторіи Германіи на основаніи этихъ актовъ. Онъ объясняетъ прежде всего, почему свое изданіе начинаетъ съ 1533 г., и указываетъ при этомъ на то, что было уже опубликовано раньше изъ актовъ нѣмецкой нунціатуры до нюренбергскаго мира 1532 г. включительно. Изъ эпохи перваго десятилѣтія царствованія Карла V были изданы уже ранѣе донесенія нунціевъ Бригеромъ и Баланомъ. Затѣмъ, хотя съ 1530 г. донесенія эти находятся въ довольно большомъ количествѣ, но значительная часть ихъ уже была издана Леммеромъ. Сверхъ того, по мнѣнію автора, эпоха 1530—1532 гг. болѣе близко связана съ предыдущею, и лишь нюренбергскій миръ 1532 г. слѣдуетъ считать поворотнымъ пунктомъ въ теченіи нѣмецкихъ дѣлъ реформаціонной эпохи. Въ виду всего этого г. Фриденсбургъ счелъ болѣе цѣлесообразнымъ начать свое изданіе съ 1533 г., тѣмъ болѣе, что именно съ этого времени имѣются налицо акты нѣмецкой нунціатуры безъ всякихъ перерывовъ. Далѣе издатель сообщаетъ, какой системы онъ держится при публикаціи донесеній нунціевъ, легатовъ и другихъ представителей папъ въ Германіи. Это не перепечатка одной или нѣсколькихъ рукописей, найденныхъ въ архивѣ, какъ дѣлаютъ сплошь да рядомъ издатели историческихъ документовъ. Нѣтъ, г. Фриденсбургъ собираетъ и въ римскихъ, и другихъ итальянскихъ архивахъ все, касающееся нунціатуры присланнаго папами въ Германію лица;

[1]) Nuntiaturberichte aus Deutschland 1533—1559 nebst ergänzenden Actenstücken. Erster Band. Nuntiaturen des Vergerio 1533—1536. Zweiter Band. Nuntiatur des Morone 1536—1538. Gotha. 1892. Nuntiaturberichte aus Deutschland 1572—1585 nebst ergänzenden Actenstücken. Erster Band. Der Kampf um Köln 1576—1584. Berlin. 1892.

онъ издаетъ и инструкціи, данныя нунцію, и полуофиціальную и даже частную переписку его съ членами римской куріи и различными выдающимися лицами Германіи, его дневники, счеты и разные другіе документы, которые могутъ пролить свѣтъ на совокупность всей дѣятельности нунція. Матеріалъ распредѣляется издателемъ въ строго хронологическомъ порядкѣ, и документы приводятся дословно. При каждомъ изъ нихъ указанъ архивъ или библіотека, откуда онъ извлеченъ, и сдѣланы примѣчанія, облегчающія пониманіе текста. Замѣтимъ еще мимоходомъ: эти примѣчанія сдѣланы очень обстоятельно, указываютъ на прекрасное знакомство автора съ предметомъ, котораго касаются депеши, и, кромѣ того, эти послѣднія снабжены массою такихъ указаній, которыя въ высшей степени облегчаютъ внѣшнимъ образомъ трудъ тому, кто ихъ читаетъ. Далѣе авторъ знакомитъ въ своемъ общемъ введеніи съ тѣми принципами, которыхъ онъ держался при транскрипціи документовъ, и говоритъ о матеріалѣ, легшемъ въ основаніе предпринятаго имъ изданія, а также о тѣхъ архивахъ и библіотекахъ, откуда этотъ матеріалъ извлеченъ. Затѣмъ г. Фриденсбургъ указываетъ на то, кто пользовался уже ранѣе и въ какой мѣрѣ тѣми документами, которые онъ издалъ. Свое общее введеніе онъ заканчиваетъ маленькимъ изслѣдованіемъ относительно начала установленія нунціатуры въ Германіи.

Кромѣ общаго введенія, донесеніямъ каждаго нунція въ отдѣльности издателемъ предпосылается еще всякій разъ особое спеціальное введеніе, распадающееся въ свою очередь на три главныхъ отдѣла: во-первыхъ, на подробное указаніе всѣхъ рукописныхъ матеріаловъ, которые легли въ основаніе издаваемыхъ актовъ; во-вторыхъ, на жизнеописаніе даннаго нунція до вступленія имъ въ отправленіе своихъ обязанностей въ Германіи и, наконецъ, на обычный во всѣхъ хорошихъ изданіяхъ документовъ краткій пересказъ на основаніи ихъ же самихъ о трактуемыхъ въ нихъ событіяхъ. Этотъ послѣдній отдѣлъ не только знакомитъ читателя съ главными вопросами, затрогиваемыми въ депешахъ нунція; но, сверхъ того, пріобрѣтаетъ еще особенный интересъ, такъ какъ г. Фриденсбургъ для выясненія того или другого событія пользуется также и свидѣтельствами другихъ источниковъ и притомъ свидѣтельствами, получающими тѣмъ бо́льшій интересъ, что они извлечены впервые изъ архивовъ.

Что касается научнаго значенія этихъ образцово изданныхъ историческихъ матеріаловъ, то оно вполнѣ очевидно. Мы уже говорили выше о характерѣ донесеній папскихъ пословъ. Послѣдніе являются самыми обстоятельными хроникерами историческихъ событій, и притомъ сообщенія ихъ представляютъ не малое преимущество въ томъ отношеніи, что они часто не только были ближайшими очевидцами

разныхъ событій, но кромѣ того и сами играли въ нихъ не послѣднюю роль. Съ изданіемъ актовъ нѣмецкой нунціатуры станетъ возможнымъ болѣе вѣрное и всестороннее изображеніе исторіи реформаціонной эпохи, такъ какъ до сихъ поръ главными источниками для нея были свидѣтельства, шедшія изъ протестантскаго лагеря. Понятно, что въ силу этого обстоятельства освѣщеніе многихъ событій было крайне одностороннимъ, а также обращалось мало вниманія на дѣятельность католической партіи въ Германіи. Не мало свѣта проливаютъ донесенія нунціевъ и на вопросы, почему часть Германіи осталась католическою, а также на нѣкоторыя внутреннія пружины хода событій въ реформаціонную эпоху. Католическая исторіографія въ Германіи стала оживать въ послѣднія два—три десятилѣтія и обратила, понятно, вниманіе на вопросы, которые ее особенно задѣвали за живое. Со времени появленія исторіи нѣмецкаго народа Янсена полемика между протестантскою и католическою историческими школами сильно обострилась и, если она обнаружила несомнѣнную тенденціозность католическихъ историковъ, то въ то же время показала и большую партійность протестантскихъ. Изданіе католическихъ источниковъ по исторіи реформаціоннаго періода несомнѣнно должно благопріятно повліять на устраненіе прежней односторонности въ протестантской исторіографіи, и берлинская академія наукъ оказала безспорно большую услугу наукѣ, взявши въ свои руки изданіе актовъ нѣмецкой нунціатуры.

Вышедшій первый томъ третьяго отдѣла донесеній нунціевъ озаглавленъ: „Der Kampf um Köln 1576—1584“ и обработанъ г. Ганзеномъ. Не смотря на то, что этотъ томъ спеціально посвященъ изданію документовъ римской куріи по исторіи такъ называемой кельнской войны, тѣмъ не менѣе онъ составляетъ, по словамъ предисловія, нераздѣльное цѣлое со всѣмъ изданіемъ. Въ своихъ донесеніяхъ нунціи, которые были посылаемы въ Кельнъ съ 1577 года по дѣламъ этого архіепископства, должны были въ силу своихъ обязанностей и характера самого возложенаго на нихъ порученія касаться общаго состоянія государственныхъ дѣлъ въ Германіи, положенія епископствъ и монастырей, борьбы въ Нидерландахъ и другихъ тому подобныхъ вопросовъ. Правда, обо всѣхъ этихъ дѣлахъ вышеупомянутые нунціи говорятъ болѣе мимоходомъ, смотря по тому, насколько они ихъ касались и могли интересовать въ данный моментъ; но тѣмъ не менѣе сообщенія ихъ относительно разныхъ германскихъ дѣлъ въ эпоху католической реакціи,—сообщенія часто очень важныя, должны получить особенную цѣну, когда и донесенія прочихъ нунціевъ въ Германіи будутъ опубликованы.

Г. Ганзенъ предпосылаетъ первому тому издаваемыхъ имъ ис-

точниковъ по исторіи кельнской войны обстоятельное предисловіе, въ которомъ онъ не только дѣлаетъ очеркъ избранія и утвержденія Гергарда Трухзеса архіепископомъ кельнскимъ, а затѣмъ его отпаденія отъ католической церкви и выбора на его мѣсто герцога Эрнеста баварскаго (сына покойнаго герцога Альбрехта V); но, кромѣ того, онъ даетъ довольно обстоятельную характеристику положенія католической церкви въ Германіи при вступленіи на папскій престолъ Григорія XIII и говоритъ о заслугахъ его въ борьбѣ съ нѣмецкимъ протестантизмомъ. Г. Ганзенъ указываетъ на тѣ средства, какими папы боролись съ послѣднимъ, и находитъ, что успѣхи католицизма сказались первоначально въ области внѣшней, политической, т. е. въ дѣлѣ укрѣпленія папскаго авторитета въ Германіи, въ противодѣйствіи новымъ переходамъ въ протестантизмъ и въ усиленіи католической партіи. Что же касается внутреннихъ успѣховъ католицизма, т. е. дѣла реформы церкви, то она подвигалась далеко не такъ быстро.

Самые акты по исторіи кельнской войны, издаваемые г. Ганзеномъ, хотя освѣщаютъ, главнымъ образомъ, только одинъ изъ эпизодовъ католической реакціи въ Германіи, тѣмъ не менѣе они доставляютъ въ то же время богатый матеріалъ и для выясненія характера этого движенія во всей его цѣлости. Эти акты позволяютъ ознакомиться поближе съ системою борьбы римской куріи съ своими религіозными противниками, съ мѣрами, къ которымъ она прибѣгала, и съ средствами, которыми располагала. Энергія, предусмотрительность, доходящая до дерзости смѣлость составляютъ характерную черту исполнителей повелѣній и постановленій папской куріи. Реставрацію католицизма въ Кельнѣ г. Ганзенъ прямо приписываетъ Григорію XIII и отвергаетъ господствовавшее мнѣніе, будто избраніемъ въ кельнскіе архіепископы вмѣсто низложеннаго Гебгарда Трухзеса Эрнестъ баварскій обязанъ своему брату, герцогу Вильгельму.

Что касается самихъ актовъ, то они изданы такъ же тщательно и по тому же образцу, какъ и документы перваго отдѣла донесеній нунціевъ. Въ приложеніи къ нимъ г. Ганзенъ напечаталъ маленькое изслѣдованіе объ учрежденіи постоянной нунціатуры въ Кельнѣ, а также біографію Минучіо Минучи, игравшаго не послѣднюю роль въ кельнскомъ дѣлѣ, и его мемуаръ о религіозномъ вопросѣ въ Германіи (Stato della religione d'Alemagna, pericoli che soprastanno e rimedii), относящійся къ 1588 году.

Судя по изданнымъ г. Ганзеномъ документамъ, надо думать, что третій отдѣлъ донесеній нунціевъ изъ Германіи будетъ источникомъ первостепенной важности по исторіи католической реакціи.

Пользуясь настоящею замѣткою, я не могу не обратить вниманія

на необходимость и для насъ заняться разработкою матеріаловъ, хранящихся въ итальянскихъ архивахъ и касающихся русской исторіи. Всѣ, предпринимавшіе тамъ какія-либо розысканія съ этою цѣлью, не могли пожаловаться на то, что потратили время напрасно. Стоитъ лишь припомнить, какую массу интереснаго матеріала доставляютъ тургеневскіе „Monumenta". Всѣ монографіи г. Пирлинга, основанныя на источникахъ, хранящихся преимущественно въ римскихъ архивахъ и библіотекахъ, встрѣчаются съ большимъ интересомъ русскимъ ученымъ міромъ [1]). Но матеріалы по русской исторіи еще далеко не исчерпаны въ итальянскихъ архивахъ, а въ ватиканскомъ и другихъ папскихъ почти не тронуты. Занимаясь зимою 1887 года въ тайномъ ватиканскомъ архивѣ и нѣкоторыхъ иныхъ римскихъ, я имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что интересующихся въ особенности западнорусскою исторіею тамъ ждетъ богатая добыча [2]). Поэтому осуществленіе проекта объ устройствѣ въ Римѣ русскаго историко-археологическаго института могло бы дать толчокъ разработкѣ тѣхъ матеріаловъ ватиканскаго и другихъ архивовъ, которые могутъ насъ наиболѣе интересовать.

Варшава. 3 февраля 1893 г.

---

[1]) О лицахъ, работавшихъ уже и издававшихъ матеріалы по русской исторіи изъ итальянскихъ архивовъ и библіотекъ, см. въ капитальномъ трудѣ проф. В. С. Иконникова: „Опытъ русской исторіографіи", томъ I, книга вторая, стр. 1434 и слѣд.

[2]) Нѣкоторыя указанія въ этомъ отношеніи можно найти въ моей статьѣ: „Итальянскіе архивы и библіотеки". Вар. Унив. Изв. 1888 годъ, № 8.

Къ исторіи эллино-іудейскаго просвѣщенія въ Александріи.

С. В. Лурье.

Сохранились извѣстія [1]), что съ незапамятныхъ временъ между Египтомъ и Палестиною существовали частыя воинственныя и мирныя сношенія. Тѣ и другія были сопряжены съ добровольными и насильственными переселеніями изъ одной страны въ другую, и въ Египтѣ такимъ образомъ постепенно создавалась еврейская колонія. Кромѣ этихъ спорадическихъ переселеній, мы знаемъ о двукратной массовой иммиграціи евреевъ въ Египетъ. Первая [2]) совершилась послѣ разрушенія перваго храма, вторая [3])—при Александрѣ Македонскомъ. Когда Александръ былъ въ Іерусалимѣ, то предложилъ евреямъ участвовать въ его походѣ на Египетъ, обѣщавъ имъ неприкосновенность ихъ обычаевъ и вѣры. Многіе изъ принявшихъ это предложеніе остались затѣмъ въ Египтѣ и поселились преимущественно въ новооснованной Александріи. Послѣдняя, ставъ, благодаря своему необыкновенно выгодному географическому положенію, всемірнымъ культурнымъ центромъ, между иными переселенцами привлекала къ себѣ и евреевъ, число которыхъ тамъ все болѣе возрастало и достигло къ I в. одного милліона. Хотя не всѣ правители изъ династіи Птолемеевъ относились къ евреямъ дружелюбно [4]), тѣмъ не менѣе за три столѣтія ихъ вла-

[1]) I Reg. IX, 16; X, 28; XI, 1. II Reg. XVIII, 21; XXIII, 35; Zachar. X, 10; Jes. XIX, 18, 20.

[2]) Ierem. XLIII, 3—8; XIV, 17; XXVI, 21.

[3]) Ioseph., Antiqu. XI, 8, 5, ibid. XIX, 5, 2, Contr. Ap. II, 4.

[4]) При первыхъ трехъ Птолемеяхъ (323—221 до Р. Х. Ср. Ioseph. Ant. l. c., Contra Apionem l. c.), стремившихся создать прочную опору своей власти въ пришломъ населеніи Македонянъ и Іудеевъ, положеніе послѣднихъ въ Египтѣ

господства еврейская колонія въ Египтѣ вообще, и въ частности въ Александріи, достигла значительнаго процвѣтанія [5]). Въ торговлѣ и ремеслахъ евреи не отставали отъ языческаго населенія и въ кипучей жизни Александріи заняли видное мѣсто [6]). Во II в. до Р. Х. съ разрѣшенія Птоломея Филометора въ Геліополѣ, близъ Александріи, первосвященникомъ Оніемъ, бѣглецомъ изъ Палестины, былъ выстроенъ храмъ на подобіе Іерусалимскаго. Самъ Оній былъ назначенъ первосвященникомъ, а затѣмъ и этнархомъ, т.-е. главою еврейской общины въ Александріи [7]).

Внутреннее устройство общины было совершенно самостоятельно: сборъ податей, отправленіе суда и разработка оффиціальнаго, обязательнаго комментарія къ правовымъ и религіозно-обрядовымъ нормамъ еврейскаго законодательства (Halacha), лежали на обязанности выборныхъ изъ общества, а затѣмъ на обязанности постояннаго учрежденія — синедріона или герусіи [8]). Птолемеемъ VI Филометоромъ было даровано Онію званіе Арабарха, связанное съ правомъ самостоятельнаго управленія областью Геліополисъ (назв. Оніонъ), а затѣмъ съ правомъ надзора за александрійскимъ портомъ и собираніемъ пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ [9]). Послѣднее дало возможность Арабархамъ

было настолько хорошо, что это время не безъ основанія считается ихъ золотымъ вѣкомъ. При Птоломеѣ Филопаторѣ (221—204) Іудеи подверглись сильнымъ гоненіямъ какъ со стороны царя, такъ и со стороны мѣстнаго египетскаго населенія (подр. см. III Маккав.). Вслѣдъ за благопріятнымъ для евреевъ царствованіемъ Птоломея Филометора (181—145) съ Евергета II Фисконъ (145—118) для евреевъ опять настали черные дни. При первыхъ двухъ цезаряхъ евреи въ Египтѣ пользовались гражданскимъ равноправіемъ и полной свободою въ исповѣданіи своей вѣры.

⁵) Ср. Graetz, Gesch. der Juden IIIa 323—340, IIIb, 369—402, Herzfeld, Gesch. d. Volkes Israel vom II. Temp. bis Simon. II, 438—533.

⁶) Philo, Adv. Flacc. II. 525 (здѣсь и ниже мы цитируемъ Филона по изданію Mangey, London 1742, въ двухъ фоліантахъ) упоминаетъ о еврейскихъ купцахъ, [illegible], ремесленникахъ и т. д. О евр. ремесленникахъ см. любопытн. указ. въ Талмудѣ Succa 51b, прив. у Herzf. II, 445.

⁷) Joseph. Antiqu. XIV, 7, 2. Καθίσταται δὲ καὶ ἐθνάρχης αὐτῶν, ὃς διοικεῖ τε τὸ ἔθνος καὶ διαιτᾷ κρίσεις καὶ συμβολαίων ἐπιμελεῖται καὶ προσταγμάτων, ὡς ἂν πολιτείας ἄρχων αὐτοτελοῦς.

⁸) [illegible], см. у Herzfeld'а II, № 63, S. 537 sq. Для сравненія палестинскаго толкованія съ александрійскимъ см. сопоставленіе отдѣльныхъ [illegible] у Ritter'a, Philo und die Halacha, 1879. Авторъ, благодаря крайней [illegible], не вполнѣ могъ воспользоваться собранными имъ же матеріалами. [illegible] работа могла бы быть тогда, если бы авторъ [illegible] за общими чертами палестинск. и [illegible] особенностей быта александрійскаго [illegible].

⁹) [illegible] у Herzfeld'а III, № 4 и статью Schürer'a въ Jahrb. f. [illegible]

накопить значительныя богатства и такимъ образомъ стать и въ имущественномъ отношеніи во главѣ многочисленнаго и богатаго еврейскаго населенія Александріи. Какъ велика сравнительно была тамъ численность евреевъ, можно судить по тому, что изъ пяти частей, на которыя былъ раздѣленъ городъ, двѣ были заняты исключительно евреями, а въ остальныхъ они жили наряду съ языческимъ населеніемъ [10]). Благодаря удаленности отъ еврейскаго центра въ Палестинѣ и постояннымъ тѣснымъ сношеніямъ съ мѣстнымъ населеніемъ, евреи Александріи стали мало-по-малу освоиваться съ греческою культурою, перенимать языкъ, отчасти нравы александрійскихъ грековъ, и такимъ образомъ сдѣлались причастными къ тому сильному умственному движенію, которое сосредоточилось въ Александріи. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, евреи не ограничились однимъ пассивнымъ перениманіемъ чужого, но съ своей стороны вносили продукты своего творчества въ обще-эллинскую сокровищницу. То, что̀ александрійскіе евреи создали въ эпоху, непосредственно предшествовавшую началу христіанской эры, оказало огромное вліяніе на послѣдующее развитіе какъ христіанскаго, такъ и еврейскаго просвѣщенія и заслуживаетъ поэтому самаго внимательнаго изученія. Какъ ни много сдѣлано для разъясненія еврейско-александрійской эпохи христіанскими и еврейскими теологами и историками, я думаю, что еще одна попытка освѣтить ее на основаніи источниковъ врядъ ли будетъ лишней.

Первымъ изъ дошедшихъ до насъ литературныхъ памятниковъ еврейско-александрійской эпохи безспорно является переводъ пятикнижія Моисея, или такъ называемый переводъ семидесяти толковниковъ (οἱ ἑβδομήκοντα, Septuaginta interpretes). Личности переводчиковъ, мотивы, побудившіе ихъ предпринять свой трудъ, не выяснены достаточно [11]). Т. н. Посланіе Аристея передаетъ объ этомъ слѣдующее: Димитрій Фалерейскій, библіотекарь Птолемея II Филадельфа (285—246 до Р Х.) обратилъ его вниманіе на то, что въ его библіотекѣ недостаетъ греческаго перевода еврейскихъ священныхъ книгъ. Птолемей по настоянію Димитрія отправилъ посольство (въ которомъ участвовалъ Аристей, отъ лица котораго ведется разсказъ) къ первосвященнику Елеазару съ просьбою послать переводчиковъ, способныхъ съ успѣхомъ выполнить трудную задачу; Елеазаръ выбралъ по шести человѣкъ съ каждаго колѣна, всего 72, которые въ 72 дня окончили

[10]) Philo, l. c. τούτων (τῶν πέντε μερῶν) δύο Ἰουδαϊκαὶ λέγονται διὰ τὸ πλείστους Ἰουδαίους ἐν ταύταις κατοικεῖν· οἰκοῦσι δὲ καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις οὐκ ὀλίγοι σποράδες. Ср. также изв. у Ioseph. Antiqu. XIV, 7, 2.

[11]) О происхожд. LXX см. соч. Франкеля: Vorstudien zu den Septuaginta, c. I, 5—61, Graetz IIIb № 2 и Schürer Geschichte des Volkes Israël im Zeitalter Jesu Christi, vol. II, 697—705; здѣсь же подробныя литературныя указанія.

переводъ пятикнижія. Въ настоящее время всѣми безъ исключенія признана подложность Аристеева посланія и легендарность передаваемаго имъ извѣстія. Полагаютъ, что переводъ возникъ постепенно, дѣлался въ разное время разными лицами, по мѣрѣ того, какъ оригиналъ, читавшійся по субботамъ въ александрійскихъ синагогахъ, дѣлался все менѣе и менѣе понятнымъ эллинизировавшейся публикѣ. Весьма возможно, что окончательная редакція перевода, сведеніе и согласованіе отдѣльныхъ частей послѣдовали по повелѣнію какого-нибудь Птолемея [12]), и что это послужило основаніемъ для переданной легенды. Что касается внутренней стороны перевода, то онъ не отличается ни чистотою языка, ни буквальною вѣрностью подлиннику. Отступленія отъ еврейскаго текста часты, но въ большинствѣ случаевъ не преднамѣренны. Въ литературѣ довольно распространено мнѣніе, что переводчики не только не передали точный смыслъ еврейской библіи, но и искажали его, внося въ переводъ совершенно чуждыя подлиннику идеи и воззрѣнія. Такъ, Daehne [13]) проводитъ ту мысль, что въ переводъ тенденціозно внесены религіозно-философскія идеи, находимыя нами два столѣтія спустя у аллегористовъ, въ частности въ сочиненіяхъ Филона. Не имѣя возможности подробно разобрать здѣсь всѣ доводы Daehne [14]), замѣтимъ лишь, что самый спо-

---

[12]) Я только такимъ образомъ считаю возможнымъ объяснить данныя, приводимыя Гретцомъ l. c. и отчасти Франкелемъ (op. cit. 25 sq.). Одно изъ цитируемыхъ Гр. мѣстъ (Mass. Sofer Tora Soferim I. 7) гласитъ: „день, когда пятью старцами была переведена на греческій яз. Тора для царя Птоломея, былъ днемъ печали у евреевъ (вѣроятно въ Іудеѣ), какъ будто сдѣланъ былъ золотой телецъ, ибо Тора не можетъ быть точно переведена“. Что преданіе о Птоломеѣ здѣсь не заимствовано изъ лже-Аристея видно по числу переводчиковъ. Съ разныхъ сторонъ дошедшія до насъ свѣдѣнія объ особенномъ отношеніи одного изъ Птолемеевъ къ переводу семидесяти должно въ основаніи своемъ имѣть историческій фактъ (мнѣніе Гретца, что заказывалъ переводъ библіи не Птоломей Филадельфъ, а Птоломей Филометоръ, недостаточно обосновано и не можетъ быть принято). Для нашей настоящей цѣли, впрочемъ, вопросъ о происх. LXX не имѣетъ рѣшающаго значенія; несомнѣнно то, что съ заключеніемъ перевода и съ распространеніемъ его среди африканскихъ евреевъ начинается новая эра въ исторіи эллино-іудейскаго просвѣщенія.

[13]) Daehne, Geschichtliche Darstellung der jüdisch-alexandrinischen Religionsphilos., т. II, стр. 1—72.

[14]) Приведемъ нѣкоторые примѣры его аргументаціи. Gen. I, 2 гласитъ: ἡ δὲ γῆ ἦν ἀόρατος καὶ ἀκατασκεύαστος. „Александрійцы, говоритъ онъ (стр. 11—12), объясняютъ эти слова согласно съ своею системою, что до сотворенія міра существовалъ невидимый образъ міра (идея въ Платоновскомъ смыслѣ) и съ другой стороны подчиненная масса, изъ которой долженъ былъ быть созданъ реальный міръ. Сравненіе греч. перев. со словами подлинника: tohu vowohu съ очевидностью (!) доказываетъ, что переводчики придерживались тѣхъ же воз-

собѣ его аргументаціи совершенно неправиленъ. Внесеніе въ переводъ чуждыхъ библіи идей онъ доказываетъ тѣмъ, что подбираетъ подобныя выраженія и обороты въ LXX и у Филона и толкуетъ ихъ соотвѣтственно съ ученіемъ послѣдняго. Между тѣмъ для каждаго непредубѣжденнаго изслѣдователя должно быть до очевидности ясно, что порядокъ заимствованія былъ противоположенъ тому, какой предполагаетъ Daehne: не переводчики внесли обороты и выраженія Филона въ LXX, а изъ послѣдняго заимствовала ихъ школа комментаторовъ-аллегористовъ и придала имъ особый смыслъ и значеніе въ своей системѣ. Выше мы сказали, что уклоненіе отъ подлинника было въ большинствѣ случаевъ не преднамѣренное: оно происходило отъ недостаточнаго знакомства переводчиковъ съ языкомъ предковъ. Но былъ одинъ рядъ случаевъ, когда неточность перевода была результатомъ сознательнаго желанія измѣнить соотвѣтственнымъ образомъ смыслъ текста: это тогда, когда языкъ пятикнижія, по мнѣнію переводчиковъ, недостаточно выражалъ всемогущество и величіе Бога. Развитіе идеи единобожія въ Іудеѣ и очищеніе ея отъ суевѣрій народныхъ миѳовъ происходило, конечно, не въ широкихъ народныхъ кругахъ, а въ тѣсной сферѣ книжниковъ-даршановъ (экзегетовъ), особаго класса лицъ, сдѣлавшихъ изученіе торы своей исключительною спеціальностью. Здѣсь не было мѣста свободному философскому изслѣдованію, какъ въ Элладѣ; здѣсь не размышляли и не философ-

---

зрѣній, что и поздн. александрійцы", и т. д. Въ дѣйствительности, однако, сравненіе перевода со словами: tohu vowohu не доказываетъ ничего. Ἀόρατος и ἀκατασκεύαστος передаютъ смыслъ tohu vowohu настолько близко (Ср. Hebr. und Chald. Wört., Levy IV, 688—9, Gesenius, 877), что не могутъ возбудить никакихъ подозрѣній въ существованіи какихъ-нибудь заднихъ мыслей у переводчиковъ. Далѣе, авторъ (стр. 12) останавливается на Genes. II, 9: καὶ ἐξανέτειλεν ὁ θεὸς ἔτι ἐκ τῆς γῆς πᾶν ξύλον, ὡραῖον εἰς ὅρασιν и т. д. и ibid. 19: καὶ ἔπλασεν ὁ θεὸς ἔτι ἐκ τῆς γῆς πάντα τὰ θηρία τοῦ ἀγροῦ. Переводчики, по мнѣнію автора, вставили слово ἔτι, котораго нѣтъ въ текстѣ потому, что раньше, по ихъ мнѣнію, были созданы *идеи* животныхъ, а затѣмъ *еще* и реальныя особи. Изъ того, что прибавлено слово ἔτι слѣдуетъ лишь то, что переводчики не вполнѣ были точны, но никакъ не то, чтобы въ немъ слѣдовало искать какой-нибудь особенный смыслъ. Дѣло въ томъ, что ἔτι значитъ не только „еще", но и „далѣе" и въ приведенныхъ мѣстахъ оказывается совершенно на мѣстѣ (Ср. Gen. II, 8: καὶ ἐφύτευσεν ὁ θεὸς παράδεισον... καὶ ἔθετο ἐκεῖ τὸν ἄνθρωπον... (9) καὶ ἐξανέτειλεν ὁ θεὸς ἔτι (далѣе) ἐκ τῆς γῆς πᾶν ξύλον etc). Точно также невѣрно толкованіе Daehne Genes. II, 5; въ данномъ случаѣ переводчикъ натолкнулся на гебраизмъ (terem—съ futur.), который невозможно точно передать по-гречески. Въ переводѣ thardemah черезъ ἔκστασις Daehne также видитъ подтвержденіе своего мнѣнія, между тѣмъ какъ сравненіе съ Ies. XXIX, 9—10 и Prov. XIX, 15 легко убѣждаетъ въ правильности перевода. Остальные доводы Daehne столь же мало убѣдительны, какъ приведенные.

ствовали о Богѣ, а изучали Его черезъ священный памятникъ, данный Имъ на Синаѣ. Этотъ процессъ проникновенія въ глубокій смыслъ св. писанія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ процессомъ развитія религіозно-философскихъ идей, процессомъ медленнымъ и тяжелымъ, такъ какъ всякая мысль, родившаяся въ головѣ изслѣдователя, для признанія своего должна была пройти черезъ трудное испытаніе: должно было быть доказано не только ея согласіе съ каноном, но и то, что она уже содержится въ писанномъ или традиціонномъ законѣ. Легкости и свободы, съ какою оперировали абстракціями въ Элладѣ, евреи не понимали и не придавали имъ никакой цѣны, и мы теперь едва можемъ себѣ представить всю трудность, съ какою древніе даршаны доходили до какой-нибудь новой религіозно-философской идеи; она становилась для нихъ новымъ откровеніемъ, окружалась ореоломъ святости и дѣлалась незыблемымъ элементомъ міровоззрѣнія школы. Съ такимъ трудомъ добытое сокровище охранялось отъ всевозможныхъ посягательствъ съ особою ревностью, и благодаря именно послѣдней въ переводъ семидесяти толковниковъ вторгнулись упомянутыя неточности. Съ какою серьезностью бы переводчики ни относились къ своему труду, они слишкомъ хорошо знали глубину пропасти, отдѣлявшей его отъ подлинника. Не было сомнѣнія въ томъ, что послѣдній есть памятникъ Божественной дѣятельности, что каждое слово въ немъ непреложно-истинно, что измѣненіе малѣйшей іоты было бы неслыханнымъ преступленіемъ. Другое дѣло греческій переводъ: по существу своему онъ уже не повтореніе Божьяго слова, а болѣе или менѣе искусная передача его, онъ уже произведеніе человѣческаго ума и, какъ таковое, не неприкосновенно. То или иное выраженіе текста—совершенно, но соотвѣтственный буквальный переводъ можетъ уже означать другое, уже не совершененъ и долженъ быть тогда замѣненъ другимъ, болѣе удачнымъ. Послѣднее практически примѣнялось въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было передавать тѣ мѣста еврейскаго подлинника, въ которыхъ слышны отголоски антропоморфическихъ представленій. Такъ, выраженіе: „они видѣли Бога"—въ LXX переведено: „они видѣли мѣсто, гдѣ стоялъ Господь" (Exod. XXIV, 10: καὶ εἶδον τὸν τόπον, οὗ εἱστήκει ὁ θεὸς τοῦ Ἰσραήλ); „онъ видитъ образъ Божій"—переведено: „онъ видѣлъ славу Божью" (δόξαν κυρίου εἶδε, Num. XII, 8); „Моисей взошелъ къ Богу"—„взошелъ на гору Божью" (εἰς τὸ ὄρος τοῦ θεοῦ, Exod. XIX, 3); „рука Божья"—„Божья сила" (δύναμις τοῦ θεοῦ) и мн. др. [15]). Уже по мотивамъ,

---

[15]) Gfrörer, Philo und die alexandr. Religionsphilos., 8—18, полагаетъ, что изъ 12 случаевъ созерцанія Бога, встрѣч. въ Св. писаніи, переводчики измѣнили текстъ въ 8, а въ остальныхъ 4 оставили его, такъ какъ переносный

побуждавшимъ переводчиковъ устранять антропоморфическія выраженія изъ перевода, легко видѣть, что въ этомъ не было ничего специфически александрійскаго, и что поэтому ошибочно, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, относить зародышъ позднѣйшей еврейско-александрійской философіи ко времени составленія перевода LXX. То обстоятельство, что то же стремленіе устранять антропоморфическія выраженія въ неменьшей мѣрѣ замѣтно и въ халдейскомъ переводѣ (т. н. Targum Onkelos [16]) есть несомнѣнное доказательство того, что развитіе религіозно-философскаго сознанія, выразившееся въ набожномъ искаженіи подлинника, было не специфическимъ плодомъ александрійской культуры, а общей чертой еврейскаго просвѣщенія того времени. Какъ уже было замѣчено, греческій переводъ библіи имѣлъ огромное значеніе въ исторіи религіозной философіи въ Александріи, а слѣдовательно въ исторіи религіозной философіи вообще. Онъ послужилъ основою для дальнѣйшихъ умозрѣній, стремившихся найти въ немъ опору даже тогда, когда по содержанію своему были очень далеки отъ него. На греческомъ переводѣ было основано александрійское синагогальное толкованіе, на почвѣ котораго и возникла позднѣйшая религіозная философія, и набожное уваженіе къ нему все болѣе и болѣе росло, по мѣрѣ того какъ онъ все болѣе и болѣе вытѣснялъ собою еврейскій подлинникъ. Въ болѣе позднее время народная фантазія разукрасила самый фактъ перевода, создала легенду о томъ, что онъ былъ сдѣланъ при помощи божественнаго вдохновенія, при совершенно необычной, обстановкѣ и такимъ образомъ упрочила убѣжденіе въ томъ, что по святости и непреложности онъ равенъ еврейскому тексту [17]): ко времени Филона ни учителя, толковавшіе библію въ александрійскихъ синагогахъ, ни внимавшій имъ народъ не имѣли понятія о томъ, что подлинникъ во многомъ существенно отличается отъ чтимаго ими перевода.

Здѣсь умѣстно будетъ указать на одну особенность въ отношеніи палестинскихъ евреевъ къ ихъ священнымъ книгамъ, особенность, оказавшую огромное вліяніе на александрійцевъ въ ихъ взглядѣ на греческій переводъ и его отношеніе къ греческой философіи. У палестинскихъ евреевъ сложилось убѣжденіе въ томъ, что не только все,

---

смыслъ подлинника здѣсь слишкомъ очевиденъ. На самомъ дѣлѣ далеко не всѣ переводчики были проникнуты этимъ желаніемъ и не вездѣ предприняли аналогичныя измѣненія, какъ это думаетъ Gfrörer. Ср. напр. Iesaia, VI, 5: καὶ τὸν βασιλέα κύριον Σαβαὼθ εἶδον τοῖς ὀφθαλμοῖς. Job. XLII, 5: ...νυνὶ δὲ ὁ ὀφθαλμός μου ἑώρακέ σε (sc. κύριον) и др.

[16]) Ср. Zunz, Die Gottesdienstlichen Vorträge der Juden, S. 66 sq. (2 Aufl. 92) и Siegfried, Philo v. Alexandrien, S. 281—282.

[17]) Ср. Philo, De Mose, II, 139 и посланіе Аристея.

что содержится въ Св. писаніи, есть истина, но и что всякая возможная истина уже содержится въ немъ и только въ немъ. Задача человѣческаго познанія заключается поэтому не въ изученіи и разгадываніи живой и многообразной природы, не въ апріорномъ теоретическомъ построеніи принциповъ жизни міра, а въ изученіи священныхъ книгъ; въ нихъ уже, какъ готовая, дана разгадка тайнъ бытія, вся доступная человѣку мудрость: ее остается только извлекать посредствомъ изученія и толкованія. Какъ всякій Богъ, кромѣ Іеговы, Бога Израиля,—не есть истинный Богъ, такъ и всякая наука, не заключающаяся въ Св. писаніи, есть лженаука [18]), и наоборотъ: если существуетъ истинное знаніе, то оно могло быть извлечено только изъ Св. писанія. Этимъ объясняется общее всѣмъ дошедшимъ до насъ памятникамъ эллино-іудейской литературы убѣжденіе въ томъ, что всѣ мыслители и поэты древности всей своею мудростью, поскольку она истинна и заслуживаетъ вниманія, обязаны пятикнижію. Гераклитъ, Платонъ, Зенонъ, Гомеръ, Гезіодъ и многіе другіе заимствовали свои ученія и свои образы изъ еврейской Торы [19])! Въ этомъ нельзя видѣть, какъ это нѣкоторые склонны дѣлать, продуктъ одного лишь національнаго тщеславія или недобросовѣстный пріемъ, употребляемый для доказательства язычникамъ превосходства еврейской религіи. Это было глубокое убѣжденіе, коренившееся во всемъ духовномъ складѣ древнееврейской жизни, красной нитью проходящее черезъ всю исторію еврейской культуры въ Іудеѣ и Александріи, убѣжденіе, отголоски котораго слышны и въ настоящее время въ нетронутыхъ общечеловѣческою культурою еврейскихъ кругахъ. Много времени должно было пройти и значительную внутреннюю борьбу должно было пережить еврейство, прежде чѣмъ еврейскій умъ эманципировался изъ-подъ власти этого убѣжденія и наряду съ экзегезой допустилъ возможность независимаго научнаго изслѣдованія.

Переходя къ обзору отдѣльныхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ эллино-іудейской философской литературы, мы прежде всего должны замѣтить, что число ихъ крайне незначительно, и что, за нѣкоторыми исключеніями, опредѣлить съ полною точностью время ихъ появленія не представляется возможнымъ. Есть, далѣе, основаніе

---

[18]) Ср. любопытныя въ этомъ отношеніи замѣчанія Филона о египетской мудрости вообще и въ частности объ астрономіи и астрологіи.

[19]) Ср. напр. отрыв. изъ Аристобула (у Euseb. Praepar. Evangelica. XIII, 12, 1 и VIII, 10): φανερὸν, ὅτι κατηκολούθησεν ὁ Πλάτων τῇ καθ'ἡμᾶς νομοθεσίᾳ. Возможность заимствованія мнимый перипатетикъ объясняетъ тѣмъ, что существовалъ греческій переводъ. Ср. также Philo QOPL, 454, De Nom. Mutat. 603. Упоминая о законѣ противоположностей у Гераклита, Филонъ говоритъ, что это παλαιὸν εὕρημα Μωσέως ἐστι. Qu. rer. div. haer., I, 503, De Jud. II и I. c.

думать, что многое изъ того, что было написано еврейскими философами въ Александріи, погибло для насъ совершенно, такъ что не дошли до насъ ни имя автора, ни заглавіе труда. То, что осталось,— это отдѣльныя, разрозненныя части, заставляющія предполагать, что были и другія, служившія между ними связью. Воспроизвести поэтому въ подробностяхъ генезисъ философскихъ идей александрійскихъ евреевъ при современномъ состояніи источниковъ — немыслимо: мы можемъ лишь судить объ общемъ ихъ характерѣ и направленіи 20), да и то лишь по источникамъ болѣе позднимъ, современнымъ или почти современнымъ Филону 21). Эллино-іудейская философія была

---

20) Религіозно-философскія положенія, изложенныя далѣе, извлечены мною изъ Кн. Мудрости (Sap. Sal.), отрывковъ изъ Аристобула (объ этомъ см. ниже), сохранившихся у Clem. Alexandr. и у Euseb. въ Praeparatica Evangelica (VII, 13, 14, VIII, 6, 8, 10, IX, 6, XIII, 12), и отчасти изъ упомянутаго уже посланія Аристея къ Филоктету. Gfrörer и Daehne въ указ. соч. находятъ слѣды александрійской философіи во 2 и 3 кн. Маккав. Но доводы упомянутыхъ авторовъ, у обоихъ различные, кажутся мнѣ неубѣдительными. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о величіи и всемогуществѣ Бога, конечно очень не трудно найти двѣ-три случайно брошенныя фразы, настолько общія и неопредѣленныя, что можно ихъ согласовать съ какимъ угодно религіозно-философскимъ ученіемъ. Но строить на такомъ сходствѣ самихъ по себѣ незначительныхъ общихъ положеній какую-нибудь теорію—нельзя. Скорѣе можно предположить противное, ибо скудость и неопредѣленность выраженій именно и указываетъ на то, что приписываемыя Gfrörer'омъ и Daehne религіозно-философскія воззрѣнія авторамъ 2 и 3 кн. Маккав. были имъ чужды. Въ частности, приведенныя Gfrörer'омъ (op. cit. II, 52—60) мѣста изъ II Маккав. III, 24 (ἐποίησε μεγάλην ἐπιφάνειαν) и аналог. XIV, 15 конечно, никого ни въ чемъ убѣдить не могутъ. Далѣе цитир. имъ III Маккав. II, 14, 16, гдѣ δόξα θεοῦ будто бы полагается отдѣльною отъ Бога (16. ἐπεὶ εὐδόκησας τὴν δόξαν σου ἐν τῷ λαῷ σου Ἰσραήλ) также не имѣетъ никакого значенія. Въ книгахъ пророковъ мы находимъ подобные обороты въ большемъ числѣ, между тѣмъ никто не вздумаетъ видѣть въ этомъ какое-нибудь специфическое философское воззрѣніе. Ср. также Daehne, II, 182, гдѣ столь же искусственно толкуется II Маккав., III, 38—39 и др. Что касается до отрывковъ, сохранившихся у Александра Полигистора, и іудейскихъ стиховъ изъ Сивиллинъ, то они (особенно послѣдніе), благодаря бѣдности и однообразію ихъ содержанія, могутъ быть оставлены нами безъ разсмотрѣнія. См. Freudenthal, Hellenistische Studien, 1—3.

21) По вопросу о подлинности и времени Аристобула я придерживаюсь того мнѣнія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ подложнымъ произведеніемъ и притомъ сравнительно поздняго происхожденія. Доводы Целлера (Philos. der Griechen, IIIb, 3 Aufl. 257—264. прим. 2 и сл.), стремящагося доказать подлинность сохранившихся отрывковъ (ср. также Schürer, op. cit. II, 764), кажутся мнѣ неубѣдительными. Къ тому, что было уже высказано противъ подлинности Аристобула, я могу прибавить еще одно соображеніе, не лишенное, на мой взглядъ, важности для этого вопроса. Въ отрывкѣ у Euseb. Praep. Evangel. VIII, 10 вслѣдъ за приведённой цитатою и объясненіемъ θεία στάσις слѣдуетъ объясненіе схожденія Бога съ горы (Exod. XIX, 18). Здѣсь авторъ считаетъ

по преимуществу религіозной философіей; это понятно въ виду того, что было выше сказано объ отношеніи евреевъ къ Св. писанію. Богъ, его отношеніе къ міру и къ людямъ были центральными вопросами, вокругъ которыхъ вертѣлись всѣ умозрѣнія александрійцевъ: все остальное было настолько лишь важно, насколько имѣло къ нимъ отношеніе. Все болѣе и болѣе удаляясь отъ народныхъ вѣрованій, александрійскіе философы и экзегеты, подобно палестинскимъ своимъ собратьямъ, главнымъ образомъ стремились къ тому, чтобы возвеличить идею монотеизма, очистить ее отъ чуждыхъ языческихъ примѣсей и приблизить понятіе о Іеговѣ къ тѣмъ представленіямъ, которыхъ требовало уже весьма развитое религіозно-философское сознаніе. Прежде всего экзегеты стремились къ тому, чтобы сглаживать антропоморфическія выраженія Торы, которыхъ не могли устранить переводчики, и придать имъ такое толкованіе, при которомъ первоначальный ихъ смыслъ отступалъ бы на задній планъ. „...Ты спросилъ меня, царь,— пишетъ псевдо-Аристобулъ [22]),—почему нашъ законъ приписываетъ божеству (ἐπὶ τῆς θείας δυνάμεως) руки, плечи, лицо, ноги; я объясню тебѣ все надлежащимъ образомъ, не противорѣча себѣ въ томъ, что я говорилъ раньше. Я хочу напомнить тебѣ, что ты долженъ вѣрно [23]) понимать писаніе и сохранить надлежащее понятіе о Богѣ, отказавшись отъ сказочныхъ и неразумныхъ представленій; ибо часто нашъ законодатель заимствуетъ выраженія изъ другихъ областей (ἐφ'ἑτέρων πραγμάτων λόγους ποιούμενος), именно видимыхъ въ то время, когда онъ хочетъ описать великія событія, которыя подъ ними должны быть подразумѣваемы. Люди благомыслящіе удивляются его мудрости и боже-

---

необходимымъ понимать текстъ буквально: κατάβασις γὰρ αὕτη σαφής ἐστι· καὶ περὶ τούτων οὖν οὕτως ἄν. τις ἐξηγήσαιτο βουλόμενος συντηρεῖν τὸν περὶ θεοῦ λόγον и далѣе при концѣ: ὥστε σαφὲς εἶναι διὰ ταῦτα τὴν κατάβασιν τὴν θείαν γεγονέναι, διὰ τὸ τοὺς συνορῶντας ἐκφαντικῶς ἕκαστα καταλαμβάνειν и т. д. Тонъ этихъ словъ кажется мнѣ полемическимъ. и то, что авторъ считаетъ нужнымъ доказывать (очень непослѣдовательно!) необходимость буквальнаго толкованія, заставляетъ предполагать, что онъ имѣлъ въ виду возраженія противниковъ, шедшихъ дальше его въ аллегорическомъ толкованіи (Ср. по этому поводу Philo, de decalogo, II, 185). Расцвѣтъ же послѣдняго приходится именно на время Филона, когда это псевдепиграфическое сочиненіе вѣроятно и было написано. Въ пользу этого предположенія говоритъ также заключительная фраза отрывка: „τὸν δὲ θεὸν ἄνευ τινός δείκνυται τὴν ἑαυτοῦ διὰ παντὸς μεγαλειότητα". Въ словахъ ἄνευ τινός можно безъ натяжки видѣть намекъ на олицетвореніе божественной силы, ученіе, которое процвѣтало въ болѣе позднее время (Ср. Philo, Qu. d. s. immut. τὸ φιλὴν ἄνευ χαρακτῆρος τὴν ὕπαρξιν καταλαμβάνεσθαι).

[22]) Euseb. Praepar. Evang. VIII, 10. Ср. также Philo, 1 De Somn. I, 665—656.

[23]) О знач. φυσικῶς λαμβάνειν ср. Heinze, Die Lehre vom Logos in der griechischen Philosophie, S. 186.

ственному вдохновенію, благодаря которому его и считають пророкомъ. Къ этому разряду лицъ принадлежатъ названные мною философы и поэты, заимствовавшіе отъ Моисея много возвышенныхъ идей, благодаря которымъ они сами возбуждаютъ всеобщее удивленіе. Только тѣ, которые не имѣютъ достаточной силы пониманія и *придерживаются* (въ писаніи) *буквальнаго смысла*, не могутъ найти въ немъ ничего истинно великаго. Еслибы мнѣ не удалось выяснить истину и убѣдить тебя, ты не приписывай вины этого пророку, а моему неумѣнію излагать его мысли. Руки, продолжаетъ онъ, и у насъ понимаются иногда въ особомъ значеніи. Когда ты, царь, посылаешь слугъ своихъ исполнить что-либо, мы говоримъ, что у тебя сильная рука, хотя подъ этимъ всякій понимаетъ твою силу. Точно также слѣдуетъ понимать Моисея, когда онъ говоритъ: „Властной рукою вывелъ тебя Богъ изъ земли египетской" и т. д. Очищеніе представленія о Богѣ отъ антропоморфическихъ элементовъ сдѣлало возможнымъ дальнѣйшій прогрессъ религіозно-философской мысли.

На почвѣ еврейской традиціи окрѣпла, далѣе, идея безусловной трасцедентности Бога, отдѣльности его отъ міра и божественнаго управленія послѣднимъ [24]). Было признано, что видимый матеріальный міръ коренньмъ образомъ отличается отъ міра духа, абсолютно—совершеннымъ выраженіемъ котораго является Богъ. Этотъ дуализмъ матеріи и духа въ той формѣ, въ какой онъ сложился въ еврейскихъ школахъ Александріи, носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды греческаго вліянія [25]). Если указаніе на ученіе ессеевъ и на мысли, разбросанныя въ книгѣ Kohelet [26]) и не можетъ служить доказательствомъ того, что этотъ дуализмъ былъ извѣстенъ еврейской традиціи,—то во всякомъ случаѣ вѣрно то, что по тому особому религіозно-нравственному значенію, какое еврейскіе философы въ Александріи придали дуализму матеріи и духа, они не имѣли предшественниковъ въ Греціи. По мѣрѣ того, какъ идея трансцедентности Бога, его безконечнаго превосходства надъ своимъ твореніемъ и абсолютнаго совершенства дѣлалась господствующею догмою,—являлось убѣжденіе въ томъ, что непосредственное познаніе Бога недоступно ограниченной человѣческой природѣ. Но съ другой стороны ученіе о непознаваемомъ абсолютномъ мэонѣ не могло, конечно, выработаться на почвѣ библейскаго комментарія, у людей, для которыхъ общеніе съ Богомъ было глубокою потребностью сердца, предъ которою блѣднѣла убѣдительность философемъ, добытыхъ путемъ абстрактнаго, логическаго про-

---

[24]) Ср. Sap. Sal. VII, 16 и мн. др.
[25]) Ср. ibid. IX, 15 и др.
[26]) Kohelet, II, 20—21, XII, 7 и др.

цесса мысли. Необходимо было найти какое-нибудь примиреніе между тѣмъ, во что безусловно вѣрили, и къ чему логически должно было привести положеніе о непознаваемости Бога. Это примиреніе было найдено въ ученіи о посредствующихъ силахъ, или объектировавшихся божественныхъ качествахъ. Ниже, при разсмотрѣніи сочиненій Филона, мы подробнѣе остановимся на этомъ ученіи; теперь же ограничимся общими замѣчаніями. Въ выработкѣ ученія о посредствующихъ между Богомъ и людьми силахъ александрійскіе экзегеты нашли опору въ олицетвореніи Божественной мудрости въ притчахъ Соломона. Мудрость является здѣсь то принципомъ міроваго устройства, то качествомъ Бога, то самостоятельнымъ бытіемъ, истекающимъ изъ Бога, и проникающимъ отчасти въ человѣческую душу. „Мудрость, читаемъ мы въ александрійскомъ памятникѣ, вышла изъ Бога, она—дыханіе Божьей силы, истеченіе его неподдѣльнаго величія“ [27]). Она горда своимъ благородствомъ, ибо съ нею живетъ Богъ (συμβίωσιν θεοῦ ἔχουσα), и владыка вселенной ее любитъ [28]). Она „отраженіе (ἀπαύγασμα) вѣчнаго свѣта, чистое зеркало Божьей силы, изображеніе его доброты“. Благодаря „святому духу мудрости“, сходящему съ небесъ къ людямъ, познаніе Бога дѣлается отчасти возможнымъ [29]), и т. д. Черезъ всѣ эти разсужденія, представляющія собою скорѣе поэтическіе образы, чѣмъ философскіе тезисы, несомнѣнно однако проходитъ та мысль, что возможна эманація божественнаго аттрибута—мудрости; она то отдѣляется отъ Бога, являясь въ видѣ самостоятельнаго существа, то возвращается вновь къ нему, то какъ нематеріальная субстанція проникаетъ въ человѣка, просвѣтляетъ его и пріобщаетъ къ блаженной жизни въ Богѣ. Само собою разумѣется, что Божественное откровеніе и теофаніи служили исходной точкою всѣхъ этихъ разсужденій; они были философскимъ выраженіемъ религіозной истины, скрытой подъ образами и аллегоріями Торы. Въ ученіи о человѣкѣ послѣдовательно проводится дуалистическая точка зрѣнія. Человѣкъ состоитъ изъ бреннаго, преходящаго тѣла и нематеріальной души. Земная оболочка послѣдней есть какъ бы ея темница [30]), оковы, стѣсняющія ея свободный полетъ. Безсмертна въ человѣческой душѣ ея лучшая часть, происходящая отъ Бога, проникнутая мудростью. Мудрые, слѣдовательно праведные, безсмертны, и только неразумные могутъ считать уходъ въ лучшій міръ смертью и гибелью [31]). Въ вопросѣ о происхожденіи зла авторъ „Мудрости Са-

[27]) Sap. Sal. VII, 25.
[28]) Ibid. VIII, 3. Cp. Philo, de Ebrietate, I. 361.
[29]) Ibid. IX, 17.
[30]) Ibid. IX, 15.
[31]) Ibid. III, 2 сл.

ломона“ рѣшительно придерживался того мнѣнія, что оно не можетъ причину свою имѣть въ Богѣ, источникѣ одного лишь совершеннаго и добраго. Богъ, говоритъ онъ [32]), не создалъ смерти и не радуется гибели живущаго. Онъ создалъ все для жизни (εἰς τὸ εἶναι). Твореніе міра было спасительно, и въ немъ не было ничего, что произвело бы гибель и царство ада, ибо праведность безсмертна. Безбожные вызвали ее (т.-е. смерть) своими дѣлами и рѣчами. Избравъ ее своимъ другомъ, они исчезаютъ; заключивъ союзъ съ нею, они достойны сдѣлаться ея добычею. Мы не знаемъ, какое собственно было рѣшеніе вопроса у автора, такъ какъ соотвѣтственныя мѣста памятника настолько неопредѣленны и туманны, что окончательнаго вывода нельзя сдѣлать. Быть можетъ, что источникомъ зла онъ считалъ матерію, которую Богъ нашелъ уже предсуществовавшей, и изъ которой онъ создалъ міръ [33]); быть можетъ онъ склонялся къ тому убѣжденію, что смерть и съ нею зло вообще вызваны дѣятельностью дьявола [34]). Мы знаемъ, что представленіе объ отдѣльномъ отъ Бога зломъ началѣ было распространено у ессеевъ, къ которымъ оно проникло вѣроятно изъ Индіи или изъ Персіи. Возможно, что, опираясь на нѣкоторыя данныя изъ библіи [35]), оно проникло и далѣе, въ Александрію, гдѣ вытѣснило исконное еврейское убѣжденіе въ томъ, что зло въ міръ ниспосылается непосредственно Богомъ въ наказаніе за человѣческія прегрѣшенія [36]).

Какъ уже было замѣчено, религіозно-философскія воззрѣнія вырабатывались въ Александріи не въ средѣ спеціалистовъ-философовъ, а въ средѣ комментаторовъ св. писанія, главная цѣль которыхъ заключались въ томъ, чтобы разъяснить его смыслъ. Эти лица жили въ греческой культурной средѣ, говорили погречески, думали погречески и безсознательно усваивали себѣ стоическія и платоновскія идеи, господствовавшія въ тогдашнемъ образованномъ мірѣ и до извѣстной степени считавшіяся непреложною истиною. Когда эллинизированный такимъ образомъ комментаторъ подходилъ къ своей задачѣ, отъ являлся уже съ тѣмъ убѣжденіемъ, что идеи, считаемыя имъ истинными, не могутъ не содержаться въ священномъ текстѣ, и должны быть имъ въ немъ открыты. Толкованіе, такимъ образомъ, пріобрѣтало особый характеръ: оно безсознательно поставило себѣ цѣлью примирить господствовавшія философскія идеи съ столь чуж-

---

[32]) Ibid. I, 13—16; ср. XI, 25.
[33]) Ibid. XI, 18.
[34]) Ibid. II, 24: Φθόνῳ διαβόλου θάνατος εἰσῆλθεν εἰς τὸν κόσμον.
[35]) Ср. напр. Levitic. XVI, 8, 10.
[36]) Exod. XX, 5, Deuteron. XXVIII, 15 сл.

дымъ имъ по происхожденію и по характеру св. писаніемъ. Очевидно, что этого нельзя было достигнуть иначе, какъ явнымъ насиліемъ надъ буквальнымъ смысломъ текста. Стали прибѣгать къ такъ-называемому аллегорическому толкованію. Оно было основано на томъ предположеніи, что содержаніе и смыслъ св. писанія не исчерпывается его буквой, что всякій разсказъ, передаваемый св. писаніемъ, всякое содержащееся въ немъ постановленіе есть символъ, за которымъ скрывается высшая религіозно-философская идея. Не подлежитъ сомнѣнію, что аллегоризмъ, поскольку онъ не былъ исключительнымъ пріемомъ толкованія, а существовалъ наряду съ грамматическимъ и логическимъ, былъ извѣстенъ и палестинскимъ экзегетамъ [37]); но въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его у Филона и у другихъ александрійскихъ комментаторовъ, онъ является продуктомъ мѣстнаго развитія, и притомъ въ значительной степени заимствованнымъ: александрійцы старались примирить свою философію съ св. писаніемъ такъ, какъ стоики примиряли свою философію съ Гомеромъ и народными миѳами. Стойками было признано, какъ аксіома, что у Гомера находятся тѣ же возвышенныя представленія о божествѣ, которыми были воодушевлены философы, и что поэтому тѣ мѣста изъ поэмъ, которыя этому противорѣчатъ, должны быть понимаемы аллегорически [38]). „Если Гомеръ, говоритъ Плутархъ [39]), излагаетъ свои мысли въ загадкахъ и миѳическихъ образахъ, то удивляться этому не слѣдуетъ, ибо причина этого заключается въ особенностяхъ поэзіи и въ томъ, что этотъ способъ изложенія былъ обычнымъ у древнихъ. Они употребляли его съ тою цѣлью, чтобы любознательные, привлеченные блескомъ разсказа, легче искали и находили истину; неучи же не презирали того, чего они не въ состояніи понять; ибо выраженная въ образѣ мысль (τὸ μὲν δι᾽ὑπονοίας σημαινόμενον) всегда пріятна, выраженная же открыто непріятна". Путемъ разныхъ болѣе или менѣе очевидныхъ натяжекъ стремились доказать, что Гомеру были извѣстны тѣ философскія ученія, авторами которыхъ считаются Ѳалесъ, Ксенофанъ и др., [40]) что народные миѳы о богахъ являются символами высшихъ религіозныхъ и философскихъ истинъ [41]). Этотъ спо-

[37]) Ср. объ этомъ Siegfried, op. cit. 147—157.

[38]) Ср. Heracliti Pontici Allegoriae Homericae (ed. Mehler 1851) Cap. I: πάντως ἠσέβησεν (Ὅμηρος) εἰ μηδὲν ἠλληγόρησεν... Cap. III: ...εἰ δ᾽ἀμαθεῖς τινες ἄνθρωποι τὴν ὁμηρικὴν ἀλληγορίαν ἀγνοοῦσι, οὐδ᾽ εἰς τὰ μύχια τῆς ἐκείνου σοφίας καταβεβήκασι, ἀλλ᾽ἀβασάνιστος αὐτοῖς ἡ τῆς ἀληθείας κρίσις ἔρριπται etc.

[39]) Plutarchi de vita et poesi Homeri II (ed. Wyttenb. V, p. 1311). Мнѣніе Платона о знач. миѳовъ для нар. массы см. у Zeller Philos. d. Griech. IIa. S. 933.

[40]) Plutarch. op. c. 1161, 1163 и др.

[41]) Ср. Cicero, de natura deorum XXIV, 64: Physica ratio non inelegans

собѣ объясненія, или, вѣрнѣе, извращенія объясняемаго текста заимствовали у грековъ еврейскіе коментаторы въ Александріи. Но была весьма значительная разница въ отношеніи къ аллегоризму у однихъ и у другихъ. Въ то время какъ греки источникомъ знанія считали умозрѣніе и реальный міръ, который необходимо было изучать и изслѣдовать, евреи, какъ уже было сказано, единственнымъ источникомъ знанія считали Св. писаніе. Греки обращались къ аллегоріи тогда, когда у нихъ были готовы результаты философствованія; у евреевъ процессъ умозрѣнія и аллегоризмъ шли рука объ руку, аллегорія должна была быть орудіемъ, методомъ изслѣдованія. У грековъ существовали двѣ совершенно независимыя другъ отъ друга области: съ одной стороны философія, съ другой—народная религія,—и задача аллегоріи заключалась въ томъ, чтобы примирить результаты первой съ догмами второй; у евреевъ не могло возникнуть и мысли о какомъ-нибудь примиреніи, слѣдовательно, и конфликтѣ, между двумя главными сферами духовной жизни: для евреевъ философія, наука, религія были неразрывно другъ съ другомъ связаны, отдѣльно, какъ таковыя, не существовали вовсе, и подъ общимъ именемъ „закона" сосредоточивались въ священномъ канонѣ, изъ котораго и добывались посредствомъ аллегоріи. У грековъ самое стремленіе примирить философію съ религіею было нѣкоторымъ компромиссомъ, уступкою, которую философы дѣлали господствующимъ вѣрованіямъ, уступкою, исчезнувшею по минованіи въ ней надобности и не оставившею никакого слѣда на дальнѣйшемъ развитіи греческой мысли; у евреевъ же аллегорія удовлетворяла насущной потребности вѣрующихъ и мыслящихъ людей. Въ дѣйствительности, конечно, евреи добывали изъ Св. писанія то, что сами въ него предварительно вносили, и, съ этой стороны, находились, повидимому, въ такомъ же отношеніи къ аллегоризму, какъ и греки; но особенное ихъ отношеніе къ комментируемому тексту не могло не отразиться на характерѣ в значеніи аллегоризма у евреевъ. Онъ вліялъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, какъ ни произвольно было аллегорическое толкованіе, какъ ни шатки были его основанія, непослѣдовательны и нелогичны его пріемы,—комментаторъ-аллегористъ всегда имѣлъ предъ собою текстъ Св. писанія, долженъ былъ такъ или иначе съ нимъ считаться, и если часто придавалъ буквальному смыслу значеніе, котораго онъ не имѣлъ и не могъ имѣть, то

---

inclusa est in impias fabulas и т. д. Примѣромъ того, какъ стоики аллегоризировали миоы можетъ служить слѣд. мѣсто изъ Цицерона (XXVI, 66) Aer autem, ut Stoici disputant, interiectus inter mare et coelum, Iunonis nomine consecratur, quae et soror et conjux Iovis, quod ei similitudo est aetheris et cum eo summa conjunctio и т. д.

такъ же часто изъ текста получалъ толчекъ къ умозрѣніямъ, имѣвшимъ въ немъ дѣйствительную или мнимую опору. Во-вторыхъ, аллегоризмъ для евреевъ имѣлъ то значеніе, что въ значительной степени благодаря ему среди непалестинскихъ евреевъ сложилось то особенное отношеніе къ библіи, которое закончилось совершеннымъ ея отрицаніемъ. Казалось бы, что, разъ пришли къ тому заключенію, что разсказы и постановленія библіи суть лишь символы высшихъ истинъ, то этимъ самымъ приблизились къ дальнѣйшему выводу, что достаточно знать и соблюдать эти послѣднія, а оболочку ихъ, т.-е. букву, какъ излишнюю, отбросить. Такъ, напр., если празднованіе субботы должно служить символомъ „истинной силы и величія, свойственныхъ Богу", или если праздники вообще „суть лишь символы радостно настроенной и благодарной Богу души" [42]), то достаточно знать этотъ внутренній смыслъ текста, поступать согласно съ нимъ и отказаться отъ буквальнаго исполненія множества содержащихся въ немъ предписаній, самихъ по себѣ лишенныхъ всякаго значенія и даже богопротивныхъ, если понимать ихъ буквально [43]). На самомъ дѣлѣ, отъ этого рѣшительнаго вывода о ненужности буквальнаго слѣдованія Св. писанію александрійскихъ евреевъ аллегористовъ спасало чрезвычайно прочно укоренившееся традиціонное уваженіе къ Св. писанію. Во время Филона была уже, правда, горсть лицъ, для которыхъ еврейская традиція потеряла свое значеніе, которые обязательнымъ для себя считали лишь тайный внутренній смыслъ Св. писанія, а буквальный смыслъ совершенно игнорировали [44]). Эти люди, какъ разсказываетъ Филонъ, жили въ уединеніи, какъ бы въ пустынѣ какъ будто превратившись въ безтѣлесныя души, не зная ни города, ни селенія, ни дома своего, чуждаясь общенія (религіознаго θίασον) съ людьми, и, отвергая общепринятыя мнѣнія (τὰ δοκοῦντα τοῖς πολλοῖς ὑπερκύψαντες), изслѣдуютъ, такъ сказать, лишь голую истину... въ то время, когда Св. писаніе требуетъ, чтобы ничего не было измѣнено въ законѣ, переданномъ намъ вдохновеннымъ пророкомъ. Но эти люди составляли ничтожное меньшинство. Въ мнѣніи большинства исполненіе предписаній библіи, буквальное слѣдованіе Торѣ было необходимо, ибо только этимъ путемъ могло быть достигнуто полное знаніе скрытой въ „законѣ" истины [45]). Только исполняя всѣ предпи-

---

[42]) Philo, De migr. Abr. I, 458. σύμβολα νοητῶν πραγμάτων ὑπολαμβάνοντες τὰ μὲν ἄγαν ἠκρίβωσαν.

[43]) Philo, III Leg. Alleg. I, 88, De poster. Cain I, 226—227. Ср. Graetz IIIb, 388.

[44]) Philo, ibid. Εἰσὶ γάρ τινες οἵ τοὺς ῥητοὺς νόμους... ῥαθύμως ὠλιγόρησαν.

[45]) Philo, de migr. Abr. I, 451 и выше: ὥσπερ οὖν σώματος ἐπειδὴ ψυχῆς ἐστιν οἶκος προνοητέον, οὕτω καὶ τῶν ῥητῶν νόμων ἐπιμελητέον.

санія закона, можно постигнуть ихъ внутренній смыслъ, и человѣкъ поэтому долженъ стараться не только быть добродѣтельнымъ, т.-е. знать истину, но и жить такъ, чтобы таковымъ же онъ казался со стороны; онъ долженъ дорожить формой, въ которой выражена божественная истина, исполняя букву закона. Любопытно то, что Филонъ, полемизируя противъ взглядовъ тѣхъ, которые не придерживаются буквы, впадаетъ въ характерное petitio principii: въ числѣ своихъ аргументовъ онъ приводитъ то, что, если правы противники, то въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы почитать храмъ, совершать обрѣзаніе и многое другое, что представляется ему совершенно невозможнымъ.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что при всемъ своемъ набожно-почтительномъ отношеніи къ Св. писанію, александрійскіе аллегористы въ своемъ взглядѣ на него далеко ушли отъ ортодоксальнаго еврейскаго ученія, не знавшаго „двойной бухгалтеріи" аллегоризма, и считавшаго законъ Моисея разумнымъ и необходимымъ закономъ жизни, внѣ котораго для еврея не можетъ быть спасенія. Александрійскіе комментаторы для того, чтобы избѣгнуть вывода, сдѣланнаго людьми, болѣе ихъ послѣдовательными и менѣе приверженными къ еврейству, создали упомянутую теорію о томъ, что исполненіе закона есть средство познанія истины и, такимъ образомъ, сами признали, что не законъ въ томъ видѣ, въ какомъ его создало еврейство, составляетъ центръ еврейскаго ученія, а нѣчто другое, отличное отъ него. Эта теорія сама по себѣ къ уничтоженію обязательности закона (т.-е. Торы) не вела, но была слишкомъ слаба для того, чтобы поддержать начинавшую колебаться вѣру въ безусловное значеніе Торы. Когда нѣсколько позже пробило себѣ дорогу ученіе о томъ, что исполненіе закона не нужно, такъ какъ Христосъ искупилъ людей отъ клятвы закона [46]), оно нашло почву уже подготовленной ученіями александрійскихъ комментаторовъ. Мы не знаемъ, насколько аллегоризмъ былъ распространенъ среди массы александрійскихъ евреевъ; несомнѣнно, однако, то, что среди комментаторовъ онъ безусловно преобладалъ надъ традиціоннымъ еврейскимъ мидрашемъ. Аллегористы разныхъ школъ полемизировали другъ съ другомъ, расходясь въ мнѣніяхъ по многимъ отдѣльнымъ вопросамъ [47]), но соглашаясь въ принципѣ, что въ Св. писаніи божественныя истины изложены символически. Такимъ-то образомъ въ Александріи постепенно создавался своеобразный мидрашъ, или комментарій [48]), который во многомъ существенно отличался отъ

---

[46]) Ср. Galat. III, 13 сл., Rom. III, 19, IV, 25 и др.

[47]) Philo, de nom. mut. I, 599. Qu. rer. div. haer. I, 513, I de Somn. I, 638.

[48]) Ср. у Frendenthal'я Hellenistische Studien I, 69—82 сопоставленіе

палестинскаго, на который онъ оказалъ несомнѣнное вліяніе, и вліянію котораго подвергся, въ свою очередь, самъ. Этотъ александрійскій комментарій не дошелъ до насъ въ видѣ первоначальныхъ систематическихъ сборниковъ; мы знаемъ о немъ лишь изъ сохранившихся сочиненій Филона.

О жизни Филона мы знаемъ весьма мало; самъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ кое гдѣ, лишь мимоходомъ сообщаетъ о себѣ нѣкоторыя біографическія данныя 49). Онъ родился (около Рождества Хр., неизвѣстно точно въ которомъ году) въ Александріи 50) и происходилъ изъ очень знатнаго и богатаго рода (онъ былъ братомъ арабарха Александра 51) и повидимому получилъ блестящее по тому времени образованіе 52). Въ совершенствѣ владѣя греческимъ языкомъ, Филонъ прилежно читалъ греческихъ поэтовъ и философовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставлялъ изученія Св. писанія, которое для него, какъ и для его современниковъ, было источникомъ истинной мудрости. По природѣ своей мало склонный къ шуму и треволненіямъ общественной жизни, онъ все свое время посвящалъ изученію Торы, чтенію философовъ и размышленію. Когда онъ достигъ преклоннаго возраста, и благодаря давленію внѣшнихъ обстоятельствъ долженъ былъ дѣлить свое время между наукою и дѣлами общины, онъ слѣдующимъ образомъ вспоминалъ дни, проведенные имъ всецѣло въ научномъ уединеніи. „Было время, говоритъ онъ (Leg. Alleg., начало), когда, будучи свободенъ, я предавался философіи, созерцанію міра и всего содержащагося въ немъ и пользовался плодами прекрасной и счастливой жизни, постоянно вдохновляемый и возбуждаемый божественными словами, ученіями, которыми я неудержимо и ненасытно наслаждался, не помышляя ни о чемъ земномъ и низменномъ, не стремясь ни къ славѣ, ни къ богатству, ни къ чувственнымъ удовольствіямъ, но, воспрянувъ къ верху, несомый въ какомъ-то душевномъ энтузіазмѣ, я, казалось, двигался вмѣстѣ съ солнцемъ, луною и всѣмъ находящимся на немъ и во всей вселенной. Отъ времени до времени, обративши свои взоры съ эѳирныхъ высотъ на землю и обозрѣвая духовными очами своими

нѣкоторыхъ мѣстъ изъ палест. и алекс. толк. См. также Siegfried, op. cit. 142 сл. и 283 сл.

49) Legatio ad Caium, II, 545—560, De special. leg. II, 299. Въ сочиненіяхъ отцовъ церкви сохранилось довольно много свѣдѣній о Филонѣ (Ср. ed. Mangey XXI—XXIX), но пользоваться ими въ виду ихъ недостовѣрности, къ сожалѣнію, нельзя. См. напр. разсказъ о томъ (Hieron. Catal. script. eccles. ibid. XXIV), что Филонъ бесѣдовалъ въ Римѣ съ апостоломъ Петромъ, и др.

50) Leg. ad caj. II, 567... κατὰ τὴν ἡμετέραν Ἀλεξάνδρειαν.

51) Ioseph. Antiqu. XVIII, 8, 1.

52) Siegfried, Philo etc. 137—151.

безчисленныя дѣла, совершающіяся на ней, я считалъ себя счастливымъ, что могъ избѣгнуть столькихъ опасностей и несчастій земной жизни. Мнѣ угрожало самое скверное изъ золъ—зависть, которая, овладѣвъ мною внезапно, не раньше перестала бы влечь меня, чѣмъ ввергнувши въ море общественныхъ заботъ; но погрузившись въ него я не могъ бы уже спастись". Послѣ того какъ преслѣдованія евреевъ въ Александріи дошли до того, что евреи были лишены равноправія, и въ еврейскихъ синагогахъ должны были быть выставлены императорскія статуи для воздаванія имъ божескихъ почестей, еврейская община рѣшила отправить посольство къ императору Каю Калигулѣ, во главѣ котораго находился Филонъ (около 40 г. по Р. X.) Посольство, какъ извѣстно, потерпѣло полный неуспѣхъ, и только благодаря скоро вслѣдъ затѣмъ послѣдовавшей смерти Калигулы (41 г.) улучшилось положеніе какъ палестинскихъ, такъ и александрійскихъ евреевъ.

Мы не будемъ подробно останавливаться на разборѣ „системы" Филона; оно было бы излишнимъ послѣ того, что въ этомъ отношеніи сдѣлано Gfrörer'омъ [53]), Daehne [54]), а въ новѣйшее время Целлеромъ [55]). Наша задача заключается въ томъ, чтобы указать на то, что въ ней является специфическимъ продуктомъ еврейскаго просвѣщенія въ Александріи, и намѣтить въ общихъ чертахъ вліяніе, которое она съ этой именно стороны оказала на дальнѣйшее развитіе религіозно-философскихъ представленій. Многіе изслѣдователи Филона [56]) обращали особенное вниманіе на раскрытіе греческихъ и вообще заимствованныхъ элементовъ въ его ученіи. Эта аналитическая работа, сама по себѣ весьма важная, скорѣе однако можетъ затемнить, чѣмъ разъяснить интересный и важный вопросъ о значеніи и вліяніи еврейско-александрійской религіозной философіи, если результатамъ ея придавать рѣшающее значеніе. Въ томъ, что идеи Платона, Аристотеля и стоиковъ были сильно распространены въ Александріи въ первомъ христіанскомъ столѣтіи, не можетъ быть никакого сомнѣнія; далѣе, то, что эти идеи въ значительной степени были усвоены Филономъ, получившимъ греческое образованіе и жившимъ въ греческомъ культурномъ центрѣ, также не представляетъ ничего особенно поучительнаго. Фактъ, представляющій въ данномъ случаѣ особенный интересъ для историка, заключается въ томъ, что

[53]) Gfrörer, Philo und die alex. Religionsphilos. Bd. 1.

[54]) Gesch. Darstell. der jüd.-alex. Religionsphil. Bd. I, 98—497.

[55]) Philosophie der Griechen 3 Aufl. IIIb, 350—418. Подробныя литерат. указанія см. у Schürer'a II, 866—7.

[56]) Въ томъ числѣ Zeller op. cit. Ср. также Ioël, Beiträge zur Gesch. d. Philos. Bd. I, Anhang S. 53—67.

философія, которая господствовала въ греко-римскомъ культурномъ мірѣ въ описываемое время, сама по себѣ была безсильна оказать то вліяніе на образованіе религіозно-метафизическихъ системъ первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х., которое она оказала, претворившись въ ученіи еврейскихъ комментаторовъ въ Александріи. Вездѣ (т.-е. у всѣхъ религіозныхъ философовъ первыхъ вѣковъ), гдѣ мы впослѣдствіи находимъ греческія идеи, мы находимъ ихъ съ тою особенною печатью которую положилъ на нихъ своебразный характеръ еврейско-александрійскаго мышленія [57]). Несомнѣнно то, что число оригинальныхъ философскихъ идей и понятій, которыя дала эллино-іудейская религіозная философія, очень незначительно; но не въ новизнѣ отдѣльныхъ идей и понятій ея оригинальность, а въ особомъ сочетаніи ихъ, въ особенномъ значеніи, которое она придала имъ въ системѣ.

Филонъ прежде всего былъ не философомъ, какъ это принято утверждать, а комментаторамъ Св. писанія [58]). Цѣль его изслѣдованія заключалась не въ томъ, чтобы создать систему, а въ томъ, чтобы съ точки зрѣнія господствовавшихъ ученій объяснить текстъ Св. писанія и доказать, что они уже въ немъ содержатся. Съ господствующимъ мнѣніемъ, что Филонъ старался примирить греческую философію съ еврейскою традиціею, можно согласиться, если помнить, что Филонъ самъ о примиреніи не могъ думать, такъ какъ для него не существовало дуализма философской и теологической истины, въ его убѣжденіи философія и библія не только не содержали противорѣчащихъ другъ другу началъ, но даже предполагали другъ друга. Этимъ качествомъ Филона какъ комментатора объясняются нѣкоторыя особенности его метода и ученія. Прежде всего его отношеніе къ аллегоризму. Буквальный смыслъ Св. писанія существуетъ лишь для удобства учащихся; дѣйствительное значеніе имѣетъ только тотъ смыслъ, который скрытъ за буквой [59]).

---

[57]) Целлеръ (op. cit. 251) о еврейской философіи въ Александріи говоритъ, что „она лишь отчасти явилась самостоятельной системою, но что ей нельзя отказать въ извѣстной своеобразности (Eigenthümlichkeit) и значительномъ историческомъ вліяніи". Дальнѣйшее изложеніе его къ сожалѣнію не вполнѣ выясняетъ эту „своеобразность", что, впрочемъ, понятно съ точки зрѣнія спеціальныхъ задачъ, которыми задается историкъ *греческой* философіи. Ср. неясную и невѣрную характеристику системы Филона у Schürer'а, II, 872.

[58]) Вѣрно съ этой стороны понято значеніе Филона Siegfried'омъ (Philo v. Alex. als Ausleger des A. T.). Къ сожалѣнію собранный авторомъ матеріалъ не обработанъ и представленъ въ совершенно неудобочитаемомъ видѣ.

[59]) Филонъ часто говоритъ о буквальномъ смыслѣ Св. Писанія какъ о мноѣ. II Leg. Alleg. I, 70 (ad. Gen. II, 21): τὸ ῥητὸν ἐπὶ τούτου μυθῶδές ἐστι. Ср. I, de Somn. I, 655 сл., de Specialibus leg. II, 329: ἥδε μὲν αἰτία ἡ παρὰ πολλοῖς εἴωθε λέγεσθαι (букв. см.). ἑτέραν δ᾽ ἤκουσα θεσπεσίων ἀνδρῶν τὰ πλεῖστα τῶν ἐν τοῖς

Это положеніе составляетъ основу отношенія Филона къ библіи [60]), хотя оно у него не выдержано и не вездѣ послѣдовательно проведено: случается иногда, что, передавая какой нибудь библейскій разсказъ, онъ не аллегоризируетъ его, не приводя основаній; иногда же допускаетъ истинность буквальнаго смысла и вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ его символомъ высшей истины [61]). Судя по тому, что Филонъ говоритъ нѣсколько разъ о κανόνες или νόμοι ἀλληγορίας [62]), правилахъ аллегорическаго толкованія, можно было бы думать, что александрійская традиція выработала какой либо опредѣленный кодексъ или систему правилъ, которыми пользовались комментаторы; но бѣглое знакомство съ сочиненіями Филона легко убѣждаетъ въ томъ, что правила аллегоріи были лишь мнимыми, и что на самомъ дѣлѣ остроумію комментаторовъ былъ предоставленъ полный произволъ, котораго собственно трудно было бы избѣгнуть при такомъ искусственномъ и фальшивомъ пріемѣ, какимъ былъ аллегоризмъ [63]). Вторая особенность Филона, какъ комментатора, заключается въ томъ, что, благодаря тому, что онъ въ Св. писаніи находилъ исходныя точки для своихъ умозрѣній, его ученіе не вылилось въ цѣльную, послѣдовательную, законченную систему, которую могъ бы создать философъ, лицомъ къ лицу обращенный къ волнующимъ его вопросамъ жизни и духа. Для Филона такъ же, какъ и для другихъ александрійскихъ darschanim, или экзегетовъ, которымъ Филонъ обязанъ можетъ быть больше, чѣмъ это видно изъ сохранившихся его трудовъ, объектомъ изслѣдованія былъ тотъ застывшій кругъ идей, та закоченѣвшая схема жизни, которую они находили въ священныхъ текстахъ. Вопросы религіозные были поставлены въ центрѣ ученія; психологія, этика, антропологія, космологія разсматривались лишь настолько, насколько это было необходимо для выясненія главнаго вопроса; философія была превращена въ философію религіи,—но въ такую, которая не терпитъ уже рядомъ съ собою никакой другой философіи, которая претендуетъ не только на обладаніе религіозной истиною, но и на обла-

---

νόμοις ὑπολαμβανόντων εἶναι σύμβολα φανερὰ ἀφανῶν καὶ ῥητὰ ἀῤῥήτων и De Ioseph. II, 46: Σχεδὸν γὰρ πᾶντα ἢ τὰ πλεῖστα τῆς νομοθεσίας ἀλληγορεῖται.

[60]) Ср. многоч. примѣры аллег. Филона у Gfrörer'a I, 68—113 и др.

[61]) Ср. напр. De vita Abraham. I, 11—14, De Ioseph. II, 46, De Decalogo II, 180.

[62]) De somn. I, 631; De Sacrit. II, 255, De Aqr. etc.

[63]) Siegfried (op. cit. 160—197) сдѣлалъ попытку извлечь изъ сочиненій Филона правила аллегоріи (ср. также неудачную попытку Daehne I, 68); на самомъ дѣлѣ трудъ автора въ значительной степени пропалъ даромъ, такъ какъ онъ нашелъ не общіе принципы, а упорядочилъ лишь аллегор. казуистику у Филона.

даніе всякой истиною вообще [64]). Въ искусственной атмосферѣ комментарія, въ которую заключена была еврейская мысль, она теряла воспріимчивость и чутье къ живой дѣйствительности и уклонялась отъ того воздѣйствія, которое жизнь всегда оказываетъ на философскія системы, оставляя въ нихъ прочное и устойчивое и разбивая случайное, уродливое и болѣзненное. Если принять въ соображеніе крайне неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства, въ которыя были поставлены александрійскіе евреи въ описываемое время, преслѣдованія со стороны мѣстнаго населенія и со стороны римскихъ властей, преслѣдованія, которыя неминуемо должны были удержать евреевъ, по крайней мѣрѣ извѣстную часть ихъ, отъ участія въ общественной и общекультурной жизни, то мы увидимъ, что это еще болѣе должно было способствовать удаленію философіи отъ жизни. Углубленіе въ тайны Св. писанія привело униженныхъ и преслѣдуемыхъ комментаторовъ-аллегористовъ къ философіи мистицизма и экстаза. Наконецъ то обстоятельство, что Филонъ излагалъ свое ученіе въ видѣ толкованія къ священнымъ книгамъ, повело къ тому, что его вліяніе на послѣдующія поколѣнія имѣло своеобразный характеръ. То набожное уваженіе къ закону, къ Торѣ, которое было характерно для весьма обширныхъ еврейскихъ круговъ, было перенесено и на комментарій, такъ что и ученіе Филона было окружено ореоломъ святости и непогрѣшимости. Благодаря этому Филонъ оказалъ сильное вліяніе на отцовъ церкви и проникъ даже въ христіанску догматику.

Несмотря на то, что у Филона кое-гдѣ попадаются выраженія, дающія поводъ приписывать ему пантеистическія воззрѣнія [65]), въ дѣйствительности онъ придерживался традиціоннаго еврейскаго представленія о трансцедентности и совершенной отдѣльности Бога отъ видимаго, конечнаго міра. Богъ, говоритъ онъ [66]), существовалъ до творенія, и, находясь внѣ предѣловъ послѣдняго, не содержится ни въ чемъ, что подчинено ему, какъ творцу. Если мы у Филона и встрѣчаемъ фразу: ἡ γοῦν τῶν ὅλων ψυχὴ θεός ἐστι κατ'ἔννοιαν, то ее

---

[64]) Ср. Philo, de plantat. N. τῷ γὰρ ὄντι ὁ τελείως κεκαθαρμένος νοῦς etc.

[65]) Напр. Leg. Alleg. I: εἷς καὶ τὸ πᾶν αὐτός (sc. θεός) ἐστιν. Ibid. III: πάντα πεπλήρωκεν ὁ θεὸς καὶ διὰ πάντων διελήλυθεν καὶ κενὸν οὐδὲν οὐδὲ ἔρημον ἀπολέλοιπεν ἑαυτοῦ. Эти выраженія, какъ бы невольно оброненныя, не вяжущіяся со всей системой Филона, являются отголоскомъ представленій, ведущихъ свое начало отъ Ксенофана Элейскаго. У Филона они отнюдь не должны быть истолковываемы въ пантеистическомъ смыслѣ. Ср. ошибочное и извращенное объясненіе у Spiegler'a Gesch. d. Philos. des Judenthums, 1890, 54—72.

[66]) Migr. Abr. I, 465, De somn. I, 648. De poster. lain.: τὰ γεγονότα πάντα ὑποζεύξας ἑαυτῷ περιέχεται μὲν ὑπ'οὐδενός, ἐπιβέβηκε δὲ πᾶσι, ἐπιβεβηκὼς δὲ καὶ ἔξω τοῦ δημιουργηθέντος ὤν, οὐδὲν ἧττον πεπλήρωκε τὸν κόσμον ἑαυτοῦ, и de confus. lingu. I, 419.

слѣдуетъ понимать не въ слыслѣ имманентности Бога, а въ томъ смыслѣ, что Богъ, какъ Верховная Причина всего совершающагося въ мірѣ [67]), находится къ міру въ такомъ же отношеніи высшаго начала къ низшему, въ какомъ въ индивидѣ душа находится къ тѣлу. Вообще нужно имѣть въ виду, что Филонъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о величіи и всемогуществѣ Бога, не стѣсняется точностью выраженій: онъ пользовался ходячими выраженіями вродѣ приведенныхъ и придавалъ имъ значеніе, котораго они первоначально вовсе не имѣли.

По тому, какъ Филонъ подходилъ къ обсужденію главнаго вопроса всякой религіозно-философской системы, вопроса о бытіи Бога, его можно считать основателемъ такъ называемой религіозной философіи, получившей дальнѣйшее свое развитіе у христіанскихъ философовъ среднихъ вѣковъ. Бытіе Бога доказывается по ученію Филона двоякимъ образомъ: во-первыхъ, ссылкою на Св. писаніе и, во-вторыхъ, умозрѣніемъ. Изъ трехъ знаменитыхъ доказательствъ бытія Бога: онтологическаго, космологическаго и телеологическаго мы уже у Филона находимъ послѣднія два. Въ отрывкѣ о томъ, „какимъ образомъ мы узнаемъ о бытіи Бога" [68]) онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Есть два вопроса, говоритъ онъ, предъ которыми останавливается изслѣдователь: первый заключается въ томъ, существуетъ ли Божество (этотъ вопросъ вызванъ распространеніемъ величайшаго изъ золъ—безбожіемъ); второй въ томъ, что такое Божество по своему существу (ἕτερον δὲ τό τί ἐστι κατὰ τὴν οὐσίαν). Первый вопросъ не представляетъ большихъ трудностей для разрѣшенія; второй же не только труденъ, но даже, повидимому, совершенно недоступенъ разрѣшенію человѣкомъ. Разсмотримъ подробнѣе каждый въ отдѣльности. Знаніе о творцѣ мы всегда пріобрѣтаемъ по сотвореннымъ имъ предметамъ. Если кто-либо увидитъ статую или картину, то подумаетъ тотчасъ же о ваятелѣ или художникѣ; кто будетъ наблюдать одежду, корабль или домъ, тотъ пріобрѣтетъ извѣстное знаніе о портномъ, кораблестроителѣ и архитекторѣ. Если кто-либо явится въ государство, законы котораго хороши, дѣла котораго ведутся превос-

---

[67]) Упоминая о стоическомъ ученіи о міровой душѣ, Филонъ (Migr. Abr. I, 464) рѣзко порицаетъ его, считая его между прочимъ источникомъ суевѣрія о вліяніи небесныхъ тѣлъ на судьбу человѣка... Οὗτοι τὸν φαινομένον τοῦτον κόσμον ἐν τοῖς οὖσιν ὑπετόπησαν εἶναι μόνον, ἢ θεὸν ὄντα αὐτὸν, ἢ ἐν αὐτῷ θεὸν ὄντα αὐτὸν, ἢ ἐν αὐτῷ θεὸν περιέχοντα τὴν τῶν ὅλων ψυχήν. είμαρμένην τε καὶ ἀνάγκην θεοπλαστήσαντες, ἀσεβείας πολλῆς κατέπλησαν τὸν ἀνθρώπινον βίον. ἀναδιδάξαντες ὡς δίχα σῶν φαινομένων οὐδενός ἐστιν ὀυδὲν αἴτιον τι παράπαν, ἀλλ ἡλίου καὶ σελήνης καὶ πῶν ἄλλων ἀστέρων αἱ περίοδοι τά τε ἀγαθὰ καὶ τά τε ἐναντία ἑκάστῳ τῶν ὄντων ἀπονέμουσιν.

[68]) 1, De Monarch. II, 216: πόθεν τοῦ εἶναι θεὸν λαμβάνομεν ἔννοιαν.

ходно, тотъ несомнѣнно долженъ подумать, что въ этомъ государствѣ хорошіе правители. Что же долженъ подумать человѣкъ, созерцающій великое государство (μεγαλόπολις), вселенную... изобиліе и разнообразіе растеній и животныхъ... красоту и величіе картинъ природы... небесныя тѣла! Что можетъ онъ подумать, какъ не то, что долженъ существовать сотворившій все это и руководящій этимъ Отецъ! Ни одно искусное произведеніе не дѣлается само собою; самое же искусное—міръ—долженъ быть сотворенъ самымъ совершеннымъ Деміургомъ". Такимъ образомъ изъ цѣлесообразности міра дѣлается заключеніе о томъ, что должна существовать творческая, сознательная и разумная сила, поставившая извѣстныя цѣли и создавшая средства для ихъ достиженія. Далѣе Филонъ прибѣгаетъ къ космологическому доказательству и аргументируетъ закономъ причинности [69]). Всякая вещь причиною своею имѣетъ другую вещь, послѣдняя — третью, и т. д. Должна поэтому существовать Сила, которая явилась бы конечною причиною всего сущаго. Эта первая или конечная причина есть Богъ. Установивъ такимъ образомъ несомнѣнность бытія Бога и подкрѣпивъ свои аргументы соотвѣтственнымъ образомъ истолкованными текстами изъ Св. писанія, Филонъ переходитъ къ вопросу о познаніи Бога человѣкомъ по существу (κατ 'οὐσίαν). Мы видѣли уже, что о подобнаго рода познаніи Филонъ говоритъ, какъ объ очень трудномъ и даже невозможномъ. Въ самомъ дѣлѣ, предметы внѣшняго видимаго міра мы познаемъ не иначе, какъ наблюдая ихъ качества, т. е. то, чѣмъ одинъ предметъ, ограниченный во временномъ и пространственномъ своемъ существованіи, отличается отъ другого такого же предмета. Можемъ ли мы такимъ же образомъ наблюдать Божественныя качества, можемъ ли мы обыкновеннымъ нашимъ познаніемъ возвыситься до того, чтобы постигнуть Бога по его существу? Конечно, нѣтъ; потому что наше наблюденіе дѣйствительно лишь въ предѣлахъ конечнаго міра, въ отношеніи конечныхъ предметовъ. О качествахъ же Бога невозможно и говорить; еслибы мы Богу приписывали то или иное качество, ту или иную особенность, то этимъ самымъ признали бы его конечную природу; а это противорѣчитъ исходной точкѣ, по которой Богъ абсолютно безконеченъ и совершененъ. Категорія качества немыслима безъ категоріи отношенія; послѣдняя же исключается абсолютностью божественной природы [70]). Въ дѣйствительно-

---

[69]) Ср. Leg. Alleg. I, 107, De praem. et poen. II, 415.

[70]) См. интересное мѣсто De nom. mutat. I, 582: οὐδ᾽ἐκεῖνο προσῆκεν ἀγνοεῖν, ὅτι τε ἐγώ εἰμι θεός σος λέγεται καταχρηστικῶς οὐ κυρίως. Τὸ γὰρ ὂν ᾗ ὄν ἐστιν, οὐχὶ τῶν πρός τι αὐτὸ γὰρ ἑαυτοῦ πλῆρες, καὶ αὐτὸ ἑαυτῷ ἱκανὸν, καὶ πρὸ τῆς τοῦ κόσμου

сти Филонъ часто примѣняетъ къ Богу эпитетъ ἄποιος—безкачественный, и это значитъ у него не то, что Богъ лишенъ какихъ бы то ни было качествъ, а то, что эти качества для нашего познанія не существуютъ, лежа за его предѣлами [71]). Итакъ, Богъ есть абсолютное, безконечное и совершенное непознаваемое (ἀκατάληπτος). Онъ чистое, истинное бытіе (τὸ ὄν, τὸ ὂν πρὸς ἀλήθειαν), источникъ свѣта и жизни; его отраженіе въ мертвой, бездушной матеріи образуетъ вселенную, которая постольку лишь имѣетъ реальное существованіе, поскольку она носитъ въ себѣ божественные лучи. Не слѣдуетъ думать, что Непознаваемое Филона играло въ его системѣ роль метафизической субстанціи; еще менѣе оно имѣетъ общаго съ непознаваемымъ современныхъ эволюціонистовъ. Богъ Филона былъ тѣмъ активнымъ, движущимъ, творческимъ началомъ, внѣ котораго немыслима жизнь, немыслимо бытіе міра, немыслимъ малѣйшій проблескъ человѣческаго сознанія.

Если невозможно познаніе Бога, какъ объекта внѣшняго міра, то о немъ тѣмъ не менѣе возможно нѣкоторое знаніе, достигаемое особыми путями, то знаніе, которое было доступно древнимъ вдохновеннымъ пророкамъ. Истолковывая Св. писаніе, Филонъ наталкивался на такія выраженія и на такую передачу событій священной исторіи, которая, повидимому, рѣзко расходилась съ его философскими положеніями. Такъ, въ Св. писаніи сплошь да рядомъ встрѣчаются выраженія, въ родѣ: „и *сказалъ Богъ* Аврааму“ и „*показался Богъ* Іакову“ и т. п., которыя какъ бы свидѣтельствовали о томъ, что возможно то познаніе, котораго не признавалъ Филонъ. Здѣсь онъ слѣдующимъ образомъ пользуется аллегорическимъ толкованіемъ: „Не думай, говоритъ онъ [72]), что видѣніе Бога доступно тѣлеснымъ глазамъ, ибо послѣдніе созерцаютъ только чувственное, т. е. разнородное въ своихъ частяхъ и подверженное порчѣ, между тѣмъ какъ Божество цѣльно и неизмѣнно. То, что воспринимаетъ Божественное видѣніе, есть глазъ души (τὸ δεχόμενον τὴν θείαν φαντασίαν τὸ τῆς ψυχῆς ἐστιν ὄμμα). Тѣлесные глаза видятъ все при помощи свѣта, отличнаго отъ созерцаемаго предмета и созерцающаго глаза. Но то, что видитъ глазъ души, воспринимается ею самою безъ всякой посторонней помощи, ибо познаваемое разумомъ само по

γενέσεως καὶ μετὰ τὴν γένεσιν τοῦ παντὸς ἐν ὁμοίῳ. Впрочемъ Филонъ самъ не остается послѣдовательнымъ въ своемъ разсужденіи и тутъ же говоритъ о Богѣ, какъ о ἄτρεπτον и ἀμετάβλητον и т. д., введенный въ заблужденіе отрицательной формою выраженія, которая наравнѣ съ положительною непримѣнима къ непознаваемому, съ точки зрѣнія Филона, Божественному Нумену.

[71]) I, Leg. Alleg. I, 50: ἄποιος γοῦν ὁ θεός.

[72]) De nom. mutat. I, 578—9.

себѣ составляетъ свѣтъ... Если ты услышишь, что человѣкъ видѣлъ Бога, то знай, что это было внѣ чувственнаго свѣта, ибо духовное можетъ быть познано только духовно... Богъ, источникъ чистѣйшаго блеска (πηγὴ τῆς καθαρωτάτης αὐγῆς), являясь душѣ человѣка, даетъ самъ отъ себя ослѣпительное, не дающее тѣни, лучезарное сіяніе [73]). Для того, чтобы возможно было это своеобразное „созерцаніе" Бога, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ [74]), необходимы три условія: во-первыхъ, вдохновляющее существо — Богъ, во-вторыхъ, то, чтó вдохновляется, — разумъ и, въ-третьихъ, то, чѣмъ вдохновляется, — πνεῦμα, духъ. При совмѣстномъ существованіи этихъ трехъ условій происходитъ какъ бы соединеніе трехъ названныхъ элементовъ, благодаря тому, что Богъ распространяетъ свою силу, проникающую въ человѣческую душу (τείνοντος τοῦ θεοῦ τὴν ἀφ'έαυτοῦ δύναμιν δὶα τοῦ μέσον πνεύματος ἄχρι τοῦ ὑποκειμένου). Такимъ образомъ мы видимъ, что Филонъ допускаетъ нѣкоторое, особенное знаніе о Богѣ, которое можно было бы назвать созерцаніемъ или, вѣрнѣе, предчувствіемъ Божества, — состояніе, которое для возникновенія требуетъ не только воли человѣка, но и снисхожденія Божественной благодати. Это состояніе есть величайшее изъ благъ, доступныхъ человѣку, теряющему тогда свою земную индивидуальность и растворяющемуся въ нетлѣнномъ, вѣчномъ, истинномъ бытіи. Въ сліяніи съ Богомъ человѣкъ чувствуетъ абсолютное, сознаетъ свое безсмертіе и испытываетъ при этомъ неизъяснимое блаженство. Часть души, созерцающая Божество, есть сколокъ Божественной силы, по существу своему неразрывной, попадающей въ человѣка, благодаря своему всепроникающему свойству [75]). Оторвавшись отъ земныхъ своихъ оковъ, воспрянувъ кверху, она паритъ въ надзвѣздныхъ пространствахъ, двигается вмѣстѣ съ солнцемъ, луною и другими небесными тѣлами, ослѣпляясь

---

[73]) Уподобленіе Бога свѣту очень часто у Филона. Такъ 1, de Somn. I, 631: Κύριος οὐ μόνον φῶς ἐστιν, ἀλλὰ καὶ παντὸς ἑτέρου φωτὸς ἀρχέτυπον πρεσβύτερον καὶ ἀνώτερον. Ср. также de praem. et poenis II, 415, De nom. mutat. 158, De mundi opit., 23 De Cherub. I, 222: ἀρχέτυπος αὐγὴ μυρίας ἀκτῖνας ἐκβάλλει ὧν οὐδεμία ἐστὶν αἰσθητή, νοηταὶ δὲ αἱ ἅπασαι.

[74]) De Mundi Opit. I, 50 sq. Ср. тамъ же: τίνος ἕνεκα, ἢ ὅπως ἔννοιαν αὐτοῦ λάβομεν; ἐπεὶ πῶς ἂν ἐνόησεν ἡ ψυχὴ θεόν, εἰ μὴ ἀνέπνευσε καὶ ἥψατο αὐτῆς κατὰ δύναμιν; οὐ γὰρ ἀν ἐπετόλμησε τοσοῦτον ἀνδραμεῖν ὁ ἀνθρώπινος νοῦς, ὡς ἀντιλαβέσθαι θεοῦ φύσεως, εἰ μὴ αὐτὸς ὁ θεὸς ἀνέσπασεν αὐτὸν πρὸς ἑαυτόν, ὡς ἐνὴν ἀνθρώπινον νοῦν ἀνασπασθῆναι, καὶ ἐτύπωσε κατὰ τὰς ἐφίκτας νοηθῆναι δυνάμεις.

[75]) Quod deter. pot. insid. I, 208: πῶς εἰκὸς, βραχὺν οὕτως ὄντα τὸν ἀνθρώπινον νοῦν μήνιγγι ἢ καρδίᾳ, βράχεσιν οἴκοις, ἐγκατειλημμένον, μέγεθος οὐρανοῦ καὶ κόσμου χωρῆσαι τοσοῦτον, εἰ μὴ τῆς θείας καὶ εὐδαίμονος ψυχῆς ἐκείνης ἀποσπάσμα ἦν οὐ διαιρετόν; τέμνεται γὰρ οὐδὲν τοῦ θείου κατ'ἀπάρτησιν, ἀλλὰ μόνον ἐκτείνεται.

божественнымъ сіяніемъ [76]). Это общеніе съ Богомъ требуетъ особой сосредоточенности духовныхъ силъ, особаго напряженія высшихъ способностей человѣка; впечатлѣнія, получаемыя изъ внѣшняго міра, отвлекая его вниманіе отъ главной цѣли, тормозятъ такимъ образомъ познаніе Бога [76а]); изъ этого слѣдуетъ, что для достиженія высшаго своего назначенія на землѣ человѣкъ долженъ отвлечь разумную часть своей души отъ чувственной и, отказавшись отъ суеты и треволненій міра, предаться уединенной созерцательной жизни. Если помѣщенный среди сочиненій Филона трактатъ „О созерцательной жизни“ и подложенъ, то во всякомъ случаѣ вѣрно передаетъ отношеніе Филона къ аскетизму и вопросамъ практической морали вообще.

Не трудно видѣть, что ученіе Филона о Богѣ типично мистическое; оно исключаетъ возможность яснаго, опредѣленнаго познанія обыкновенными познавательными средствами и допускаетъ внутреннее созерцаніе, отрѣшенное отъ внѣшнихъ чувствъ; другими словами, оно объективируетъ и выдвигаетъ за предѣлы индивидуальнаго существованія субъективное, душевное состояніе, экстазъ, принимая его за общеніе съ абсолютнымъ. На почвѣ мистицизма совмѣстились такимъ образомъ, съ одной стороны, логическіе выводы, которые творцы александрійскаго мидраша должны были принять, исходя изъ положенія о трансцедентности и абсолютности Бога, и съ другой стороны, еврейская традиція, знавшая живого, дѣятельнаго, входящаго во всѣ человѣческія дѣла Правителя вселенной.

Этимъ, однако, не исчерпывается трудная задача, выпавшая на долю александрійскихъ комментаторовъ. Если въ общей формулировкѣ рѣшенія основного вопроса, внутреннее противорѣчіе и было болѣе или менѣе искусно скрыто подъ покровомъ мистицизма, — то тѣмъ ярче оно выступало въ частностяхъ, когда заходила рѣчь о положительномъ содержаніи традиціоннаго вѣроученія. Богу свойственна непрерывная дѣятельность [77]). Богъ безконечно добръ и, благодаря своей добротѣ, создалъ вселенную [78]); Богъ одинъ абсолютно свободенъ — внѣ его необходимость [79]). Богъ, подобно царю или пастырю, ведетъ

---

[76]) 1, De Monarch. II, 217. Cp. De cherub. 222, de nom. mut. 158, De mundi opit. I, 23.

[76а]) Cp. III Leg. Alleg. I, 95 сл.: χρὴ γοῦν τὸν μέλλοντα νοῦν ἐξάγεσθαι, καὶ ἐν ἐλευθερίᾳ ἀφίεσθαι, πάντων ὑπεκστῆναι σωματικῶν ἀνάγκων αἰσθητικῶν ὀργάνων etc. De somn. I, 249 и De Monarch. II, 214.

[77]) I Leg. Alleg. I, 44: Παύεται οὐδέποτε ποιῶν ὁ θεὸς, ἀλλ' ὥσπερ ἴδιον τὸ καίειν πυρὸς καὶ χίονος τὸ ψύχειν, οὕτω καὶ θεοῦ τὸ ποιεῖν. Cp. de Cherub. I, 55.

[78]) De Nom. Mut.: διότι γοῦν ἐποίει τὰ μὴ ὄντα; ὅτι ἀγαθὸς καὶ φιλόδωρος ἦν. Интересно сопоставить съ этимъ соотвѣтственныя мѣста изъ каббалистической книги творенія (Sofer Iezirah) Cp. Wolff, Die Philon. Philos. 27 Anm..

[79]) De somn.; ὁ μὲν γὰρ θεὸς ἑκούσιον, ἀνάγκη δὲ ἡ οὐσία.

міръ къ совершенству [80]). Эти и подобныя имъ положенія не могли мириться съ признаніемъ абсолютной непознаваемости и трансцедентности Божества, но вмѣстѣ съ тѣмъ прочно сидѣли въ умахъ философствовавшихъ теологовъ Александріи. Какимъ образомъ безконечное, абсолютное и совершенное можетъ придти въ соприкосновеніе съ конечнымъ, относительнымъ и земнымъ? При рѣзкой формулировкѣ дуалистическихъ принциповъ у Филона, этотъ вопросъ могъ представить непреодолимыя затрудненія для рѣшенія; тѣмъ болѣе, что чисто отвлеченная противоположность между абсолютнымъ и относительнымъ осложнялась въ данномъ случаѣ тѣмъ, что въ то время, какъ съ абсолютнымъ связывалось понятіе возвышеннаго и нравственно чистаго,— относительному, земному приписывались качества низменнаго, порочнаго и нечистаго [81]). Отъ этого затрудненія избавляла александрійцевъ уже упомянутая теорія божественныхъ силъ или свойствъ. Въ ней они инстинктивно чувствовали прочный мостъ, который соединялъ бы философію съ положительнымъ вѣроученіемъ, и, опираясь на послѣднее, обрабатывали ее съ особенною любовью и стараніями. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ вопросѣ Филонъ былъ всего менѣе самостоятеленъ и все или почти все заимствовалъ изъ господствовавшихъ ученій синагогальныхъ школъ.

Сущность этого ученія заключается въ томъ, что при безусловномъ единствѣ Бога признается существованіе цѣлаго сонма высшихъ существъ, въ рукахъ которыхъ находится управленіе міромъ; эти существа составляютъ не что иное, какъ олицетворенные божественные аттрибуты, получившіе, такимъ образомъ, отдѣльное отъ Бога бытіе. Они окружаютъ тронъ Его, подобно вѣрнымъ тѣлохранителямъ, и, какъ покорные слуги, творятъ безпрестанно Его волю. Счастливые близостью къ всемогущему Деміургу, они сами вѣчны, неизмѣнны и блаженствуютъ въ непреходящемъ, идеальномъ мірѣ... Подробности ученія о Божественныхъ силахъ въ александрійскомъ мидрашѣ, всецѣло отразившемся въ данномъ случаѣ въ сочиненіяхъ Филона, не свободны отъ неясностей и противорѣчій. Мы находимъ мысль, что Божественныхъ силъ безчисленное множество, что онѣ тождественны съ праведными душами, безтѣлесными, безсмертными, обитающими въ небесныхъ сферахъ. Въ другихъ мѣстахъ — и это всего чаще — онѣ отождествляются съ первобразными идеями въ смыслѣ Платона. Наконецъ, есть и такое мнѣніе, что число божественныхъ силъ ограничено (не болѣе шести), и что онѣ и суть ангелы, о которыхъ упоми-

---

80) De Agric. I, 308 и др.

81) De mundi opif. ...οὐ γὰρ θέμις ἦν ἀπείρου καὶ πεφυρμένης ὕλης ψαύειν τὸν ἴδμονα καὶ μακάριον.

наетъ Св. писаніе [82]). Мы не будемъ дѣлать попытокъ примирить эти противорѣчія: съ нашей точки зрѣнія на соотвѣтственныя мѣста изъ Филона, какъ на собраніе ученій различныхъ синагогальныхъ учителей, стремленіе во что бы то ни стало примирять указанныя противорѣчія могло бы лишь привести къ ложнымъ выводамъ. Мы ограничимся констатированіемъ этого факта и замѣчаніемъ, что въ принципѣ ученіе о божественныхъ силахъ, какъ существахъ среднихъ между Богомъ и человѣкомъ, не было чуждо и позднѣйшей палестинской традиціи.

Намъ въ настоящее время трудно понять, въ чемъ именно заключалась притягательная сила этой теоріи для александрійцевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что она не выдерживаетъ ни малѣйшей критики съ точки зрѣнія основъ еврейскаго вѣроученія. Далѣе, въ общемъ ходѣ развитія философскихъ идей она была несомнѣннымъ шагомъ назадъ: по сравненію съ идеологіей Платона, съ которою она имѣетъ наиболѣе общаго, она въ большей степени, чѣмъ послѣдняя, страдала неопредѣленностью и внутренними противорѣчіями, не имѣя въ то же время ея прочнаго базиса въ системѣ. Нужно думать, что популярностью своею она больше всего обязана той наклонности къ мистическимъ воззрѣніямъ, которая была характерна для того времени. Стремленіе дать абстракціямъ и символамъ самостоятельное бытіе и жизнь идетъ рука объ руку съ мистицизмомъ. Символы, если позволено такъ выразиться, составляютъ твердыя части или скелетъ самого по себѣ расплывчатаго мистическаго корпуса; пока послѣдній сохраняетъ еще нѣкоторую жизненность, ограничиваясь лишь возбужденіемъ общихъ и неопредѣленныхъ ощущеній, уродливость скелета остается болѣе или менѣе удачно скрытой. Но раньше или позже, подъ вліяніемъ обще-культурныхъ факторовъ или условій внутренней своей дѣятельности, разумная, раціоналистическая сторона человѣческаго существа заявляетъ свои требованія, не удовлетворяясь болѣе миѳомъ или образомъ, а ища логической формулы, разсѣевающей туманность мистической системы; тогда символизмъ выступаетъ во всей своей наготѣ, одинаково безсильный привлекать къ себѣ пытливость анализирующаго ума, какъ и возбуждать дѣятельность творческаго воображенія. Любопытно, что какъ бы ни было велико въ из-

[82]) Вообще объ ученіи о силахъ ср. De Confus. Lingu. I, 431, De Somn. I, 622, De prof. I, 568 и мн. др. О шести силахъ см. de prof. l. c.: 1) θεῖος λόγος, 2) ποιητικὴ δύναμις, 3) βασιλικὴ δύναμις, 4) ἵλεως, 5) νομοθετικὴ δ., шестая не названа. Интересно тамъ же замѣчаніе, что πρεσβύτερος δίκης ἔλεος παρ᾽αὐτῷ (sc. θεῷ) ἐστιν. Ср. Ialkut Simeoni, c. 26 о томъ, что божественное милосердіе превосходитъ божественную справедливость и вообще ученіе о midat hadiu и midat harachamim и о schechinah. Ср. также I. de som. I, 642.

вѣстное время значеніе мистическаго міровоззрѣнія,—для будущаго оно проходитъ безслѣдно, въ томъ смыслѣ, что не оставляетъ ему въ наслѣдіе ни новооткрытыхъ горизонтовъ, ни новыхъ идей.

Какъ уже было замѣчено, божественныя свойства, какъ отдѣльныя существа, были извѣстны и въ Палестинѣ; но здѣсь они были лишь образами, которые создало живое восточное воображеніе для вящшаго прославленія единаго Бога 83). Оно рисовало Властителя вселенной возсѣдающимъ на тронѣ, въ царственномъ великолѣпіи, гдѣ-то въ безконечномъ пространствѣ; предъ нимъ его слугъ, исполнителей его воли: саму истину, саму справедливость, само милосердіе... Вѣроятно, что, опираясь на эти представленія, александрійскіе мистики и разрабатывали свое ученіе о силахъ. Его тѣмъ легче было принять, что оно повидимому легко мирилось съ Платоновскимъ ученіемъ объ идеяхъ, бывшимъ въ эпоху Христа весьма популярнымъ въ Александріи [84]). Въ самомъ дѣлѣ, земная справедливость, земное милосердіе и т. п. неполны, несовершенны и составляютъ не что иное, какъ сколокъ съ абсолютныхъ идей справедливости, милосердія и т. д., божественныхъ силъ или свойствъ, образующихъ въ совокупности идеальный, или умопостигаемый міръ (κόσμος νοητός) 85).

Обращаясь къ александрійскому ученію о логосѣ, какъ философскомъ понятіи, мы должны замѣтить, что подробное изложеніе *ученій* о логосѣ, сохранившихся въ трактатахъ Филона, не входитъ въ нашу задачу [86]). Мы ограничимся лишь указаніемъ на тѣ черты, которыя можно считать специфически-александрійскими, созданными тамъ еврейскими комментаторами-богословами.

Понятіе логоса было весьма распространено у греческихъ философовъ и, не имѣя всегда постояннаго, разъ на всегда опредѣленнаго значенія, играло различную роль въ различныхъ системахъ [86]). Оно

[83]) Ср. напр. Psalm. LXXXVI, 13, LXXXV, 11, LXXXIX, 9 и 15 и др.

[84]) Ср. объ этомъ Zeller, Philos. der Griechen IIIb, S. 360 sq.

[85]) Целлеръ (l. c.), говоря о томъ, что Филонъ представлялъ себѣ божественныя силы то персонифицированными, то абстрактными аттрибутами Бога, замѣчаетъ, что несоединимость подобныхъ представленій не была ясна самому Филону, и что поэтому противорѣчіе въ его ученіи можно лишь объяснить, но не устранить. Целлеръ объясняетъ его тѣмъ, что у Филона въ системѣ перемѣшаны абстрактныя, не личныя философскія представленія съ личными—религіозными. Это объясненіе кажется мнѣ недостаточнымъ. Я полагаю, что ошибка Филона заключалась совсѣмъ въ другомъ. Между представленіемъ Ф. о персонифицированной силѣ и его представленіемъ о божеств. аттрибутѣ и не было совсѣмъ противорѣчія, такъ какъ и то, и другое составляло для него одинаковыя реальности. Ошибка заключалась въ неправильномъ опредѣленіи отношенія аттрибута, какъ реальности, независимой отъ субстанціи.

[86]) Ср. Heinze, Die Lehre vom Logos in der griechischen Philosophie, 1872.

было извѣстно Гераклиту, разрабатывалось усердно стоиками и въ большей или меньшей степени встрѣчается у большинства мыслителей древности. Оно заняло весьма видное мѣсто и въ ученіи александрійцевъ; у послѣднихъ оно, подобно ученію о божественныхъ силахъ, не было разработано послѣдовательно, и въ частности въ изложеніи Филона неясно, сбивчиво и представляло всегда для историковъ философіи чрезвычайныя трудности для изложенія. Логосъ прежде всего верховная Идея (ἰδέα τῶν ἰδεῶν, ἀρχέτοπος ἰδέα), созданная Богомъ до сотворенія вселенной, верховная идея, являющаяся синтезомъ всѣхъ идей, т.-е. по Филону, божественныхъ силъ или свойствъ; послѣднія такимъ образомъ имѣютъ двойственное существованіе, являясь то самостоятельными реальностями, то частями реальности высшаго порядка. Для полнаго уразумѣнія этого необходимо имѣть въ виду то обстоятельство, что аттрибутъ истиннаго бытія, истинной реальности приписывался Филономъ исключительно абсолютному, т.-е. Богу (τὸ ὄν, τὸ ὂν πρός ἀλήθειαν) [86a]. Все же остальное, какъ относительное, могло имѣть бóльшую или меньшую степень реальности, смотря по степени отдаленности отъ абсолютнаго. Въ этой лѣстницѣ реальностей первое мѣсто занималъ Логосъ, т.-е. высшая идея, или κόσμος νοητός, идеальный міръ, составляющій первообразъ міра дѣйствительнаго [87]. Логосъ былъ созданъ Богомъ въ первый день творенія [88] и въ дальнѣйшемъ процессѣ образованія вселенной былъ его орудіемъ, посредствомъ коего божественная мысль воплощалась въ мертвой матеріи [89]. Являясь эманаціею божественной мысли [90], Логосъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается одареннымъ свойствами высшей индивидуальной *личности*. Филонъ весьма часто называетъ его первороднымъ сыномъ Бога [91], заступникомъ грѣховнаго человѣчества

86a) Qu. det. pot. insid. I, 222: ...καὶ ὁ θεὸς μόνος ἐν τῷ εἶναι ὑφέστηκεν, οὗ χάριν ἀναγκαίως ἐρεῖ περὶ αὐτοῦ· ἐγώ εἰμι ὁ ὤν· ὡς τῶν μετ' αὐτὸν οὐκ ὄντων κατὰ τὸ εἶναι, δόξῃ δὴ μόνον ὑφεστάναι νομιζομένων...

87) О различныхъ значеніяхъ сл. λόγος у Ф. см. Gfrörer op. c. I, 168—176.

88) См. тамъ же соотвѣтственнымъ образомъ аллегоризированныя мѣста изъ Св. писанія; при толкованіи послѣдняго Филонъ видитъ Логосъ въ 1) εἰκὼν θεοῦ Gen. I, 2) въ ангелѣ явившемся Гагари въ пустынѣ, 3) въ ангелѣ, разрушающемъ Содомъ и Гоморру, 4) въ Богѣ, явившемся Іакову, 4) въ облакѣ, ведшемъ евреевъ въ пустынѣ, и мн. др.

89) Ср. De Cherub. I, 161—162... Εὑρήσεις γὰρ αἴτιον μὲν αὐτοῦ (sc. τοῦ κόσμου) τὸν θεὸν, ὑφ'οὗ γέγονεν· ὕλην δὲ τὰ τέσσαρα στοιχεῖα, ἐξ ὧν συνεκράθη· ὄργανον δὲ λόγον θεοῦ, δι'οὗ κατεσκευάσθη· αἰτίαν τὴν ἀγαθότητα τοῦ δημιουργοῦ. Ср. De Monarch. II, 225: λόγος δέ ἐστιν εἰκὼν θεοῦ, δι'οὗ σύμπας ὁ κόσμος ἐδημιουργεῖτο etc·

90) Qu. det. pot. insid. I, 207: ὁ θεός, ἡ τοῦ πρεσβυτάτου λόγου πηγή etc.

91) De Agric. I, 308... ὡς ποιμὴν καὶ βασιλεὺς ὁ θεὸς ἄγει κατὰ δίκην καί νόμον, προστησάμενος τὸν ὀρθὸν αὐτοῦ λόγον, πρωτογόνον υἱὸν, ὃς τὴν ἐπιμέλειαν τῆς ἱερᾶς ταύτης ἀγέλης, οἷα τις μεγάλου βασιλέως ὕπαρχος διαδέξεται.

передъ Высшимъ Судьею 92), архангеломъ (πρεσβύτατος ἄγγελος, ἀρχάγγελος) и Образомъ Божьимъ. Послѣднее вызвано аллегорическимъ толкованіемъ Gen. I, 26—27; выраженіе κατ'εἰκόνα θεοῦ ἐποίησεν αὐτόν объясняетъ Филонъ такимъ образомъ, что εἰκὼν θεοῦ, образъ Божій, есть самостоятельное существо, по которому былъ созданъ человѣкъ. Иногда для того, чтобы указать на божественное происхожденіе Логоса, Филонъ прибѣгаетъ къ еще болѣе конкретнымъ образамъ. Такъ, онъ предполагается рожденнымъ отъ Бога-Отца и матери мудрости 93); часто о Логосѣ говорится, какъ о посылаемомъ Богомъ хлѣбѣ, который долженъ питать людей, и всегда какъ о высшей божественной силѣ 94). Особенно излюбленъ Филономъ образъ Бога, проявляющагося въ дѣйствіи въ видѣ трехъ своихъ силъ или свойствъ: Логосъ во главѣ, съ одной стороны божественная доброта, съ другой—всемогущество 95). Не подлежитъ сомнѣнію, что Филонъ и другіе александрійскіе комментаторы, которые впервые стали прибѣгать къ этимъ образамъ, употребляя ихъ какъ средства для выраженія представленій, не поддававшихся иному изложенію,—не придавали имъ особаго религіознаго и философскаго значенія; но есть основаніе думать, что нѣсколько поколѣній спустя, когда знаніе традиціоннаго еврейскаго вѣроученія настолько пало, что комментаріи, вродѣ сохранившихся у Филона, по авторитетности были поставлены наряду съ самимъ Св. писаніемъ, когда чутье къ философскому обобщенію ослабѣло, и уму изслѣдователей становилось понятнымъ одно только конкретное,—центръ тяжести ученія былъ перенесенъ на тѣ именно образцы, которые въ ученіи александрійцевъ играли случайную, несущественную роль. Подробности этого процесса лежатъ уже за предѣлами нашей задачи.

Космологія и антропологія александрійцевъ представляетъ нѣкоторыя интересныя особенности, на которыхъ необходимо нѣсколько остановиться. Распространенное въ то время стоическое ученіе о матеріи и дѣйствующей причинѣ они всецѣло реципировали, но прибавили къ нему нѣсколько своеобразныхъ чертъ 96). Мы знаемъ, что

---

92) Quis rer. div. haer. I, 501: Τῷ δ'ἀρχαγγέλῳ καὶ πρεσβυτάτῳ λόγῳ δωρεὰν ἐξαίρετον ἔδωκεν ὁ τὰ ὅλα γεννήσας πατὴρ, ἵνα μεθόρως στὰς τὸ γενόμενον διακρίνῃ τοῦ πεποιηκότος, ὁ δ'αὐτὸς ἱκέτης μέν ἐστι τοῦ θνητοῦ κηραίνοντος ἀεὶ, πρὸς τὸ ἄφθαρτον, πρεσβευτὴς δὲ τοῦ ἡγεμόνος πρὸς τὸν ὑπήκοον.

93) Cp. De Ebrietate I, 361, Cp. De Profug I, 563: λόγος, какъ ἀρχιερεύς.

94) De Profug. I, 566, Qu. rer. div. haer. I, 484 сл., 499 сл.

95) De sacrif. Ab. et Cain II, 173... ὁ θεὸς δοροφορούμενος ὑπὸ δυεῖν τῶν ἀνωτάτω δυνάμεων, ἀρχῆς τε αὖ καὶ ἀγαθότητος, εἷς ὢν ὁ μέσος. De Cherub. I, 143—4, ...Τρίτον δὲ συνάγαγὸν ἀμφοῦν μέσον εἶναι λόγον, Cp. De Abr. I. 19.

96) См. у Heinze, 83 прив. мѣсто изъ Seneca, epist. 65, 2: dicunt Stoici nostri: duo esse in rerum natura, ex quibus omnia fiant, causam et materiam. Materia iacet iners, res ad omnia parata, cessatura si nemo moveat. causa

Филонъ признавалъ два основныхъ начала вселенной: матеріальное и духовное; матерія сама по себѣ есть низшая степень реальности, она инертна, безкачественна, мертва (νεκρόν, ἄποιος), вслѣдствіе чего о ней безотносительно къ одухотворяющему ее началу, говорится, какъ о меонѣ (μὴ ὄν [97]). Начало духовное—это самъ Богъ, Логосъ или божественныя силы; во всякомъ случаѣ нѣчто высшее, одухотворенное, оживляющее мертвую матерію [98]). При согласованіи философскаго дуализма стоиковъ съ религіознымъ дуализмомъ традиціоннаго еврейскаго вѣроученія произошло, какъ этого и слѣдовало ожидать, то, что абстрактному философскому противоположенію матеріи и формы было придано религіозно-этическое значеніе. Начало божественное было отождествлено съ формою, начало матеріальное—съ земнымъ міромъ: получилось такимъ образомъ противоположеніе между Богомъ, началомъ творческимъ, совершеннымъ, безконечнымъ, между Его отраженіемъ (ἀπαόγασμα), духомъ, разумомъ съ одной стороны, и между матеріею, началомъ коснымъ, несовершеннымъ, конечнымъ, между плотью — съ другой. Все совершенное: всемогущество, добро, свобода было отнесено къ первому, все несовершенное и порочное: безсиліе, зло, необходимость—ко второму. Духъ въ своемъ стремленіи къ общенію съ Богомъ достоинъ Творца своего; тѣло же по существу своему грѣховно [99]). При сотвореніи вселенной послѣ созданія идеальнаго міра или Логоса были созданы три группы существъ. Первая состоитъ изъ такихъ, кои составляютъ одно только духовное бытіе,—это идеи и небесныя тѣла [100]), вѣчныя блаженныя, чистыя. Вторая

---

autem, id est ratio, materiam format et quæcunque vult versat ex illa varia opera producit. esse ergo debet unde fiat aliquid, deinde a quo fiat, и т. д.

[97]) Интересно сопоставленіе опредѣленій духа и матеріи у Филона; матерія: φθαρτή, ἀνώμαλον, νεκρόν, πλημμελής, μηδὲν καλὸν ἐξ ἑαυτῆς ἔχουσα, ἑτεροιότητος μεστὴ, ἄποιος, πάντα γενέσθαι δυναμένη, δυάς; духъ: ἄφθαρτος, εὐδαίμων, ζωή, ἀρετή, τὸ καλόν, φύσις ἁπλῆ, ἄποιος, ἕν, μονάς. См. Keferstein, Philo's Lehre v. d. göttlichen Mittelwesen, 4.

[98]) Ср. De Prof., l. c. ἡ γὰρ ὕλη νεκρόν, ὁ δὲ θεὸς πλέον τι ἢ ζωή, πηγὴ τοῦ ζῆν ἀέννaος.

[99]) Ср. De vita Mosis II, 157 ...ὅτι παντὶ γεννητῷ καὶ ἂν σπουδαῖον ᾖ, παρ'ὅσον ἦλθεν εἰς γένεσιν, συμφυές τὸ ἁμαρτάνειν ἐστίν. Примѣры того, какъ Филонъ истинность этого воззрѣнія доказывалъ толкованіемъ Св. писанія, могутъ быть приведены въ очень большомъ числѣ. Такъ, Gen. XII, 1: ἔξελθε ἐκ τῆς γῆς σου καὶ συγγενείας σου и т. д., онъ объясняетъ такимъ образомъ (Migr. Abr. I, 437), что земля предковъ въ данномъ случаѣ есть символъ тѣла, а Авраамъ символъ души, и прив. мѣсто имѣетъ такимъ образомъ значеніе совѣта душѣ покинуть нечистую, грѣховную плоть, источникъ похотей и страстей, гнетущихъ душу. См. также l. c. 440, De anim. sacr. id. II, 249, Qu. rer. div. haer. I, 511. Leg. Alleg. I, 101, De sacrif II, 261 и мн. др.

[100]) De Mundi Opif. I, 217 ...οὗτοι (т.-е. небесныя тѣла) γοῦν ζῶά τε εἶναι

группа состоитъ изъ такихъ, природа которыхъ смѣшаннаго характера: отчасти духовнаго, отчасти матеріальнаго; наконецъ третья группа — исключительно матеріальныхъ существъ. Ко второй группѣ относится человѣкъ, а къ третьей—все остальное. Существа первой группы созданы самимъ Богомъ; существа второй—отчасти Богомъ непосредственно, отчасти при помощи Логоса, существа и предметы третьей — Богомъ, но исключительно черезъ божественныя силы [101]). Психическая природа состоитъ изъ двухъ частей: разума (νοῦς, λόγος) и чувственности (αἴσθησις). Хотя послѣдняя для полноты душевной жизни и необходима [102]), но она не составляетъ истиннаго существа души человѣка. Сущность души есть то, что создано Богомъ по подобію Божію. Это не могло быть тѣло, такъ какъ εἰκών θεοῦ безтѣлесна, это не могла быть чувственная сторона человѣка, такъ какъ „образъ Божій" или Логосъ не имѣетъ и обманчивыхъ чувствъ, присущихъ человѣку. По „подобію Божію", какъ это понималъ Филонъ, могла быть создана только душа въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. разумъ (λόγος, πνεῦμα [103]). Это πνεῦμα—разумъ созданъ Богомъ непосредственно, низшая же сторона души и тѣло—Богомъ при посредствѣ Логоса, такъ какъ немыслимо, чтобы Богъ могъ имѣть непосредственное отношеніе къ матеріальному, слѣдовательно низкому и грѣховному [104]). Отношеніе πνεῦμα, т.-е. души въ тѣсномъ смыслѣ, къ тѣлу, Филонъ рисуетъ слѣдующимъ образомъ. „Воздушное пространство, говоритъ онъ [105]), заселено подобно густо населенному городу, но граждане его нетлѣнны и безсмертны: это души, число которыхъ столь-же велико, какъ число небесныхъ свѣтилъ. Изъ этихъ душъ однѣ привязаны къ землѣ и къ плоти и снисходятъ на землю, въ смертныя тѣла; другія же поднимаются кверху, какъ бы переходя за предѣлы конечнаго міра; изъ этихъ же нѣкоторыя возвращаются назадъ, изнемогая отъ тоски по земной жизни; остальныя же, презирая тщету и суету міра, считаютъ тѣло могилою и оковами и, какъ бы вырвавшись изъ темницы, легкими крыльями подымаются къ небу". Есть наконецъ и такія — это самыя лучшія, —которыя, не

λέγονται καὶ ζῶα νοερά· μᾶλλον δὲ νοῦς αὐτῶν ὁ ἕκαστος ὅλως δι'ὅλων σπουδαῖος καὶ παντὸς ἀνεπίδεκτος κακοῦ.

[101]) Ibidem, ср. также De Monarchia, lib. 1, II, 217.

[102]) Lib. III Leg. Alleg. 98 сл., 71 сл. (αἴσθησις βοηθὸς καὶ σύμμαχος τοῦ πνεύματος) и De Cherub. I, 150.

[103]) Qu. det. pot. insid. I, 207.

[104]) Этимъ Филонъ объясняетъ Gen. I, 26: ποιήσωμεν ἄνθρωπον (въ подл. plur. naasse). См. De Mundi Opif. I, 17, De Nom. Mutat. I, 583.

[105]) De somn. I, 641—642. См. также De plant. I, 331, De Confus. Lingu. I, 431.

имѣя ничего общаго съ землею, находятся въ непосредственномъ подчиненіи у самого великаго Царя,—такъ называемые философами демоны, или вѣрнѣе — ангелы. Къ этому греческому воззрѣнію, по которому рожденіе на свѣтъ для души есть паденіе съ неба, въ ученіи александрійцевъ было прибавлено то, что это паденіе есть паденіе нравственное, что оно есть самый страшный грѣхъ, искупленіе котораго можетъ быть достигнуто развѣ лишь вторичнымъ отрѣшеніемъ духа отъ плоти.

Что касается до александрійской этики, то она, какъ и въ другихъ позднѣйшихъ религіозно-философскихъ ученіяхъ, не имѣла самостоятельнаго значенія. Понятія должнаго и недолжнаго, нравственно-хорошаго и дурного имѣли непосредственное отношеніе къ основному вопросу о Божествѣ, средоточіи абсолютнаго добра и совершенства. Хотя мы у Филона и встрѣчаемъ перечисленія стоическихъ добродѣтелей (διχαιοσύνη, σωφροσύνη, φρόνησις, ἀνδρεία [106]), но онѣ, по всѣмъ видимостямъ, не имѣютъ значенія въ его системѣ, а случайно навѣяны ходячими взглядами. Величайшая добродѣтель заключается въ созерцаніи Божества. „Моисей,—говоритъ Филонъ въ Deuteron. XXIX, 4, [107]),—учитъ насъ тому, что величайшее благо не можетъ быть предметомъ обладанія, а лишь предметомъ созерцанія; ибо какъ можно себѣ представить обладаніе тѣмъ, что причастно божественной природѣ? Созерцаніе же его возможно, хотя бы для тѣхъ только праведныхъ и чистыхъ людей, коимъ Богъ открываетъ свои великія творенія“. Такимъ образомъ созерцаніе Божества есть конечная цѣль, къ которой должна быть устремлена человѣческая дѣятельность; достигнута она можетъ быть лишь благодаря неустанной внутренней работѣ, непоколебимой вѣрѣ въ Бога, надеждѣ на благость Его, раскаянію (μετάνοια) въ тѣхъ дѣйствіяхъ, коими человѣкъ уклонялся отъ пути истины и справедливости [108]). Матерія, тѣло и близкія

---

[106]) Philo, de septenario, II, 282.

[107]) De Migr. Abr.: ἰδεῖν δ'οὐκ ἀδύνατον εἴη δ'ἂν μόνῳ τῷ καθαρωτάτῳ καὶ ὀξυωπεστάτῳ γένει, ᾧ τὰ ἴδια ἐπιδεικνύμενος ὁ τῶν ὅλων πατὴρ ἔργα μεγίστην πασῶν χαρίζεται δωρεάν.

[108]) De praem. et poenis, II, 400—412. Филонъ нѣсколько разъ говоритъ о трехъ путяхъ къ добродѣтели: μάθησις, ἄσκησις и εὐφυΐα или ὁσιότης (см. напр. De nom. mutat. I, 580), которымъ нѣкоторые изъ излагавшихъ ученіе Филона придавали большое значеніе. Я не упомянулъ о нихъ потому, что считаю эти „пути“ искусственно придуманными для аллегорическаго объясненія опредѣленныхъ мѣстъ библіи (см. l. c.) и не прибавляющими ничего новаго къ тому, что было сказано въ текстѣ. Читатель, который желалъ бы прослѣдить отношеніе изложеннаго къ дальнѣйшему развитію религіозно-философской мысли, могъ бы найти нѣкоторыя хотя и неполныя указ. у Bruno Bauer'а въ его соч. Philo, Strauss und Renan, гл. VII.

тѣлу страсти составляютъ источникъ зла, и потому готовящій себя къ жизни, угодной Богу, долженъ отречься отъ требованій плоти и подавить свои страсти, по самому существу своему грѣховныя... 109).

Таковы въ общихъ чертахъ основныя положенія эллино-іудейской религіозной философіи въ Александріи. Если мы обратимся къ вопросу о значеніи, которое она имѣла въ исторіи еврейскаго просвѣщенія вообще, то мы замѣтимъ слѣдующее. У александрійскихъ евреевъ благодаря условіямъ ихъ быта уже долженъ былъ въ значительной степени быть ослабленъ тотъ крайній націонализмъ, который характеризовалъ ихъ палестинскихъ соотечественниковъ. Удаленные отъ своей еврейской метрополіи, александрійскіе евреи жили среди культурнаго греческаго населенія, осваивались съ чуждымъ языкомъ и нравами, проникались тѣми великими умственными пріобрѣтеніями, которыми обезсмертила себя древняя Эллада; условія ихъ жизни были

---

109) Заканчивая изложеніе ученія, переданнаго намъ въ оставшихся трактатахъ Филона, мы должны упомянуть о т. н. мессіанизмѣ Филона. Въ нѣмецкой исторической и въ протестантской теологической литературѣ незыблемо держится мнѣніе, что Филонъ и вѣроятно его современники такъ же, какъ и ихъ палестинскіе соотечественники, были проникнуты вѣрою въ близкое пришествіе Мессіи. Мнѣніе это держится настолько прочно, что мнѣ неизвѣстно ни одно сочиненіе, гдѣ оно подвергалось бы малѣйшему сомнѣнію: напротивъ, большинство говоритъ о немъ такъ, какъ будто бы это былъ самъ по себѣ очевидный и несомнѣнный фактъ (См. напр. Schürer II, 433 сл., Dähne op. c. I, 437 сл. и мн. др.). Несмотря на эту въ полномъ смыслѣ слова *communis* opinio doctorum, я позволяю себѣ высказать тотъ взглядъ, что предположеніе о томъ, что александрійскіе евреи были проникнуты мессіанскими ожиданіями, есть плодъ недоразумѣнія; по крайней мѣрѣ въ соч. Филона мы не находимъ никакихъ указаній на то, чтобы мессіанистскія идеи дѣйствительно были распространены. Gfrörer (I, 507), а за нимъ и другіе ссылаются въ подтвержденіе своего мнѣнія на соч. de praem. et poenis II, 421 сл. и de execrat. II, 429—437. Въ приведенныхъ мѣстахъ комментируется Deuteron, XXVIII, 1—14 и 15 до конца главы, Levitic. XXVI, 13—11 и 14—46; особенно многозначительны будто бы заключительныя слова De praem.: Αὗται μὲν αἱ ὑπὲρ τῶν ἀνθρώπων τῶν ἀγαθῶν εὐχαὶ καὶ τοὺς νόμους ἔργοις ἐπιτελούντων, ὅς φησι τηλησφορηθήσεσθαι χάριτι τοῦ φιλοδώρου θεοῦ τὰ καλὰ διὰ τὴν πρὸς αὐτὸν ὁμοιότητα σεμνοποιοῦντος καὶ γεραίνοντος. Въ указ. стихахъ Deuter. и Levitic. говорится о томъ, какъ наградитъ Господь іудейскій народъ, если онъ будетъ исполнять всѣ предписанія и законы, данные ему, и каково будетъ наказаніе за неисполненіе ихъ. При изложеніи этихъ мѣстъ приведенное замѣчаніе настолько естественно, что только предубѣжденный читатель можетъ придать ему какой-то особенный смыслъ. Gfrörer считаетъ надежды Филона на лучшія времена мессіанскими между прочимъ потому, что „онѣ еще не осуществились",—соображеніе не нуждающееся въ опроверженіи. Всѣ остальныя мѣста, на которыя ссылаются названные авторы, имѣютъ не большее значеніе. Видѣть мессіанизмъ въ нихъ все равно что видѣть его въ самихъ указ. ст. Deuteron. и Levitic. Что вопросъ о существованіи или несуществованіи месс. воззрѣній въ Александріи немаловаженъ, конечно, ясно.

такимъ образомъ глубоко различны отъ условій жизни палестинскихъ евреевъ, которые привыкши къ своимъ варварскимъ сосѣдямъ-иноплеменникамъ, невольно ассоціировали самое понятіе иноплеменника съ понятіемъ варвара, существа низшаго сравнительно съ культурнымъ „избраннымъ“ народомъ. Александрійскіе евреи, напротивъ, при всей своей преданности своеобразно сложившейся еврейской традиціи, невольно пріучились видѣть человѣка въ иноплеменникѣ, невольно преклонились передъ иноплеменнымъ духовнымъ богатствомъ. Въ нравахъ, такимъ образомъ, была уже подготовлена почва для того, чтобы и въ теоріи произошла коренная реформа понятій. Тѣмъ, что философія, какъ основную догму, установила абсолютность Божества, она противоставила себя древнему воззрѣнію, признававшему Іегову національнымъ еврейскимъ Богомъ, Богомъ праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова. „Если въ Св. Писаніи и сказано,—говоритъ Филонъ (см. выше):—Я Богъ *твой*, то это слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ, ибо Богъ есть абсолютное бытіе и не можетъ имѣть отношенія къ одному чему либо“. Далѣе, тѣмъ, что была признана абсолютность Божества, стало возможнымъ самое существованіе еврейской религіозной философіи и философіи вообще; параллельно съ этимъ можно указать и на то, что самое понятіе человѣка, какъ *объекта изслѣдованія* было чуждо традиціонному еврейскому воззрѣнію, знавшему лишь еврея и не-еврея. Въ александрійской философіи наоборотъ, предметъ умозрѣнія составляетъ уже *человѣкъ*, отрѣшенный отъ своихъ случайныхъ признаковъ принадлежности къ извѣстной религіи или расѣ.

Второе, чѣмъ ознаменовала себя александрійская философія въ исторіи еврейскаго просвѣщенія, — слѣдующее. При строго и послѣдовательно проведенномъ національномъ религіозно-обрядовомъ и религіозно-правовомъ строѣ еврейскаго общества принадлежность къ „народу избранниковъ“ могла, конечно, характеризоваться лишь опредѣленными внѣшними чертами. Чтобы быть евреемъ, нужно было исполнять законъ; внутренняя сторона явленія—вѣра—играла второстепенную роль. У александрійскихъ философовъ-аллегористовъ, признававшихъ законъ, т. е. форму, въ которой выражена божественная истина, явленіемъ случайнымъ, несущественнымъ, центръ тяжести вопроса былъ перенесенъ на *внутренній міръ* человѣка. Не тотъ принадлежитъ къ „кругу избранныхъ“, кто исполняетъ то или иное предписаніе закона, а тотъ, кто въ сердцѣ своемъ чувствуетъ присутствіе Божественнаго начала, кто въ вѣрѣ въ вѣчность истины и въ нетлѣнность добра черпаетъ силу на великій подвигъ уподобленія безконечно совершенному. Въ кругу александрійскихъ аллегористовъ-комментаторовъ крѣпло такимъ образомъ убѣжденіе въ томъ, что внѣшнія

религіозно-національныя узы, которыми связаны были евреи, недостаточны и даже не нужны для познанія свѣта истиннаго ученія; что та традиція, которая образовала прочную „ограду“ для защиты божественной Торы отъ всевозможныхъ вольныхъ и невольныхъ нарушеній, не достигаетъ цѣли, ибо она безсильна предотвратить самое существенное нарушеніе закона,—нарушеніе помысломъ. Самое представленіе о грѣхѣ претерпѣло такимъ образомъ коренное измѣненіе: въ то время какъ для традиціи грѣхъ былъ какъ бы *нарушеніемъ договора* между Богомъ и избраннымъ имъ народомъ, нарушеніемъ, могущимъ выразиться лишь въ опредѣленномъ внѣшнемъ дѣйствіи и влекущимъ внѣшнее для нарушителя возмездіе,—для того міровоззрѣнія, которое съ особенною силою проявилось въ Александріи въ разсматриваемое время, грѣхъ былъ побѣдою плоти надъ духомъ, порокомъ души, который находится внѣ всякаго отношенія къ внѣшнему міру: грѣхъ самъ по себѣ наказаніе для грѣшника, грѣхъ самъ по себѣ лишеніе небеснаго царства.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе развитія намѣченныхъ идеи и подробности вліянія эллино-іудейской философіи на послѣдующую исторію еврейскаго просвѣщенія затрогиваетъ уже новую область историческихъ явленій.

Москва, 6 марта 1893 г.

Культъ Разума и Верховнаго Существа [1]).

Н. В. Водовозова.

Много шуму надѣлала въ свое время извѣстная попытка нѣсколькихъ французскихъ революціонеровъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ разрушить христіанскую религію со всею ея іерархіей и обрядами, чтобы затѣмъ на обломкахъ христіанства создать особую религію Разума. По всей Франціи согласно ихъ желанію христіанскіе храмы стали или разрушаться, или служить для новыхъ обрядовъ; обычный календарь былъ ими совершенно измѣненъ; сами священники отказывались отъ прежней вѣры и даже громили ее съ церковныхъ амвоновъ. Вся Европа съ изумленіемъ, съ ужасомъ или съ негодованіемъ взирала на то, что творилось во Франціи. Но это продолжалось недолго. Культъ Разума смѣнился культомъ Верховнаго Существа, затѣмъ въ сферѣ религіи, какъ и въ политикѣ, наступила реакція, вернувшая христіанству всю прежнюю, если еще не большую, силу. Культъ Разума такимъ образомъ отошелъ въ область преданія и отошелъ притомъ въ качествѣ дерзкаго курьеза, не заслуживающаго сколько-нибудь серьезнаго изученія; къ нему стали относиться, какъ къ легкомысленной фантазіи нѣсколькихъ увлекающихся умовъ, какъ къ совершенно безпочвенной попыткѣ перенести въ жизнь чисто абстрактныя понятія.

Историки почти не останавливаются надъ этимъ во всякомъ случаѣ весьма характернымъ эпизодомъ французской исторіи, а если и останавливаются, то не для безпристрастнаго изученія его, а лишь для той или иной оцѣнки революціоннаго культа. Заговаривая о

---

[1]) Aulard. Le culte de la Raison et de l'Être Suprême (1793—1794). Essai historique. P. 1892.

немъ, они почти всегда берутъ на себя исключительно роль судей и, даже не удостоивая дѣла тщательнымъ изученіемъ всѣхъ причинъ и послѣдствій, спѣшатъ ему вынести самый строгій обвинительный приговоръ. Писатели религіозные отнеслись къ культу Разума съ нѣсколько большимъ вниманіемъ, но они дѣлали это лишь въ томъ расчетѣ, чтобы въ воспоминаніяхъ Террора почерпнуть оружіе противъ философовъ, а потому и не заботясь вовсе о правильной исторической критикѣ. Нашлись однако историки, которые съ своей стороны даже одобрили попытку революціонно-религіозной реформы. Но и у такихъ писателей мы видимъ опять же одну оцѣнку событій, и не находимъ даже достаточно полнаго изложенія ихъ. Послѣднюю именно задачу поставилъ себѣ профессоръ Оларъ (Aulard), выпустившій недавно очень основательное и любопытное изслѣдованіе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Le culte de la Raison et le culte de l'Être Suprême“. Здѣсь онъ задумалъ нарисовать ту сторону французской революціи, которая коснулась ближайшимъ образомъ религіозныхъ убѣжденій народа и дать характеристику какъ сущности новаго культа, такъ и первыхъ его основателей. Результатомъ кропотливаго изученія провинціальныхъ и столичныхъ архивовъ явился настоящій трудъ, согласно заявленію его автора, „чисто описательнаго характера“. Дорожа фактами и преслѣдуя лишь полноту, проф. Оларъ, къ сожалѣнію, мало заботился объ удобочитаемости своей книги; она и оказалась скорѣе систематизированными матерьялами, нежели строго отдѣланной исторической монографіей. Задача настоящей статьи выдѣлить изъ сочиненія Олара всѣ общія положенія и нарисовать въ самыхъ главныхъ чертахъ, минуя иногда весьма характерныя подробности, судьбу и содержаніе революціоннаго культа.

Вопросы религіи и вѣры очень охотно обсуждались французской литературой XVIII-го вѣка. Скептическая и обличительная по преимуществу, она не утрачивала этихъ основныхъ своихъ свойствъ и въ области религіозной. Насмѣшки надъ монахами и духовенствомъ, изобличенія церковныхъ злоупотребленій, чисто раціоналистическій взглядъ на предметы поклоненія людей вѣрующихъ—составляли въ сочиненіяхъ того времени самыя обычныя явленія. Однако источникъ этого антирелигіознаго направленія у разныхъ писателей, былъ не всегда одинаковъ: у однихъ оно вытекало изъ общаго ихъ, матерьялистическаго или атеистическаго міровоззрѣнія, у другихъ не шло дальше осужденія только нѣкоторыхъ сторонъ современнаго культа,—осужденія, имѣвшаго въ своей основѣ абстрактно-религіозное чувство. Писатели болѣе крайняго взгляда, – среди нихъ можно отмѣтить Гельвеція и Гольбаха,—въ настоящее время насъ не касаются. Хотя въ позднѣйшихъ нападкахъ на христіанскую вѣру и слышится иногда

отголосокъ ихъ ультра-матерьялистическаго ученія, тѣмъ не менѣе въ вопросѣ, теперь насъ интересующемъ, въ созданіи культа Разума, эти поборники разума, но противники всякаго культа, не принимали сами по себѣ никакого участія. Другое дѣло—обличители установленной религіи, не чуждые сами религіозныхъ основъ. Наиболѣе вліятельнымъ и яркимъ ихъ представителемъ надо считать Вольтера. Извѣстно, что онъ обличалъ религію во имя самой религіи, онъ требовалъ отнюдь не разрушенія ея, но только лишь реформированія, очищенія отъ всякихъ постороннихъ примѣсей. А какимъ образомъ ее очистить? Посредствомъ оттѣсненія на задній планъ догмы, обрядности и приданія большей силы самой сущности религіи, т.-е. добродѣтели. „Догма", говоритъ Вольтеръ, „заставила умереть въ мученіяхъ десять милліоновъ христіанъ; добродѣтель же не вызвала даже царапины. Догма и до сихъ поръ влечетъ за собою разобщеніе, злобу и жестокость въ государствахъ, въ городахъ и въ семействахъ. О! добродѣтель, дай намъ успокоеніе!" Говоря дальше о взаимномъ отношеніи государства и церкви, Вольтеръ полагаетъ теоретическія основанія позднѣйшихъ постановленій конституанты въ этой области и прежде всего гражданской присягѣ священниковъ. „Хотите вы", пишетъ онъ, „чтобъ ваша нація была сильна и могущественна? Пусть государство приказываетъ религіи. Какова наименѣе дурная изъ всѣхъ религій? Та, въ которой меньше догматовъ и больше добродѣтели. А какова самая лучшая изъ нихъ? Та, которая всѣхъ проще..."

Власть государства въ религіозной сферѣ была еще сильнѣе подчеркнута и болѣе горячо защищаема другимъ писателемъ XVIII-го вѣка, нынѣ совсѣмъ позабытымъ, а въ свое время весьма популярнымъ,—аббатомъ Рейналемъ. Въ своей „Философской исторіи" онъ говоритъ: „Нѣтъ никакого иного собора, кромѣ совѣщанія министровъ государя. Гдѣ собрались правители страны, тутъ собралась и церковь. Когда государство произнесло свое слово, церкви не остается ничего прибавить... Нѣтъ другихъ апостоловъ, какъ законодатель и его исполнители. Нѣтъ другихъ священныхъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя признаны за таковыя. Нѣтъ иного божественнаго права, какъ благо республики..."

Нельзя отрицать далѣе извѣстнаго воздѣйствія на вождей революціи и на ихъ религіозныя убѣжденія натуралистической философіи Дидеро, но оно, безъ сомнѣнія, было и менѣе замѣтно, и болѣе анонимно, чѣмъ, напр., вліяніе сочиненій Руссо, Мабли и отчасти Тюрго; именно въ этихъ писателяхъ будущіе поборники культа Верховнаго Существа найдутъ себѣ самыхъ авторитетныхъ союзниковъ. У Руссо можно указать для примѣра цѣлый рядъ самыхъ краснорѣчивыхъ страницъ объ естественной религіи (rélігion naturelle), а его „Савояр-

скаго священника“ слѣдуетъ считать прямо евангеліемъ всего позднѣйшаго культа Верховнаго Существа. Подкрѣпленіемъ нѣсколько отвлеченнаго ученія Руссо явились сочиненія Мабли, въ которыхъ пропагандировалась необходимость внѣшняго и публичнаго поклоненія Верховному Существу, производимаго въ храмахъ со священнослужителями и церемоніями. Внутренній культъ казался Мабли недостаточнымъ, и самая мысль о немъ—преступной и химеричной.

Если такимъ образомъ философы XVIII-го в. уже подготовляли умы къ скептицизму въ отношеніи къ установленной религіи и если въ ихъ сочиненіяхъ мы находимъ извѣстное теоретическое обоснованіе всѣхъ послѣдующихъ событій, то отсюда еще не слѣдуетъ, что имъ однимъ и никому другому религіозная реформа обязана своимъ происхожденіемъ. Совсѣмъ напротивъ: настроеніе отчасти самого общества и ближайшія политическія событія, а никоимъ образомъ не вольномысліе французской литературы—были причиной всѣхъ революціонныхъ попытокъ низвергнуть католицизмъ и учредить религію Разума. Само духовенство было всего болѣе виновато въ томъ, что французское общество наканунѣ революціи отличалось крайнимъ невѣріемъ. Представители католической церкви нерѣдко сами только подавали примѣръ свободнаго отношенія къ вопросамъ религіи. Аристократія, буржуазія и часть высшаго духовенства, нисколько не стѣсняясь, издѣвались надъ всякой обрядностью. Отъ священниковъ общество требовало не выполненія таинствъ, не толкованія догматовъ, а только лишь проповѣди морали. Что же касается крестьянъ, то они, не думая и не интересуясь, слѣдовали установленному ритуалу, а къ своимъ деревенскимъ кюрэ, крестьянамъ, какъ и они сами, привыкли относиться за панибрата.

Учредительное собраніе на первыхъ порахъ отнеслось къ католической религіи чрезвычайно почтительно, нападать на основы вѣры, на догму совсѣмъ и не входило въ его намѣренія. Однако вопросъ о гражданской присягѣ священниковъ очень скоро проявилъ весь антагонизмъ, существующій между церковью и государствомъ. Неприсагнувшіе служители алтаря вызвали неудовольствіе, а потомъ и гоненіе со стороны революціоннаго правительства. Но все негодованіе обрушилось сначала лишь на отдѣльныхъ лицъ, а не на ихъ ученіе, и непокорнымъ, враждебнымъ священникамъ противупоставили тогда въ идеалѣ только послушныхъ и благонамѣренныхъ. Но само духовенство не пожелало союза съ республикой, своими антинаціональными поступками оно подготовило себѣ реакцію въ умахъ законодателей. Церковь вошла въ соглашеніе съ врагами республики, внутренними и внѣшними. Священникъ, какъ показали многочисленныя свидѣтельства, имѣлъ связь съ Кобленцомъ, онъ зажигалъ граждан-

скую войну въ Вандеѣ. Вездѣ, гдѣ замѣчалась только оппозиція національной оборонѣ, усматривали слѣды враждебной агитаціи духовенства. Тогда то положеніе дѣлъ радикально перемѣнилось. Нападки посыпались со всѣхъ сторонъ и притомъ на все духовное сословіе, какъ присягнувшее, такъ и уклонившееся отъ присяги: храмы подверглись оскорбленіямъ, алтари стали опрокидываться, революція занесла свою руку и на само христіанство. „Если религія,—разсуждали тогдашніе правители Франціи,—служитъ препятствіемъ благу отчизны, разрушимъ религію“...

Такимъ то образомъ началось антирелигіозное движеніе, надѣлавшее столько шуму; отсюда впослѣдствіи возникъ и разсматриваемый Оларомъ культъ Разума. Первымъ толчкомъ для того и другого послужили угрожающія политическія событія, враждебная республикѣ тактика духовенства и наконецъ чувство самозащиты со стороны республиканскаго правительства.

Первые признаки антирелигіознаго движенія проявились въ провинціи и были такого рода, что въ нихъ нельзя не увидѣть прямого результата чисто патріотическихъ соображеній. Вотъ съ чего дѣло началось. Изъ нѣкоторыхъ департаментовъ въ конвентъ поступили запросы, нельзя ли переливать въ пушки церковные колоколы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ чрезмѣрно много. Отвѣтъ центральнаго правительства былъ таковъ, что въ каждомъ приходѣ слѣдуетъ сохранить лишь по одному колоколу, а всѣ остальные въ теченіе одного мѣсяца предоставить въ распоряженіе Исполнительнаго Комитета для немедленнаго же обращенія ихъ въ артиллерійскія орудія. Отвѣтъ Конвента, конечно, только усилилъ патріотическій жаръ нѣкоторыхъ провинціальныхъ властей. Снятіемъ съ церквей колоколовъ дѣло уже не ограничилось, за нимъ тотчасъ же послѣдовало и присвоеніе церковныхъ драгоцѣнностей: во многихъ мѣстностяхъ изъ храмовъ повынесли все украшавшее ихъ золото, сняли съ алтарей и всѣ дорогіе покровы. Въ оффиціальныхъ донесеніяхъ изъ провинціи мы встрѣчаемъ стремленіе оправдать такіе поступки и при этомъ совершенно антирелигіозную точку зрѣнія, согласно которой благо страны поставляется выше всѣхъ требованій культа. Этимъ путемъ, уничтоженіемъ матеріальныхъ символовъ культа, открывалась широкая дорога для свободнаго отношенія и къ самымъ основамъ религіи.

Всѣ наши свѣдѣнія о первыхъ стадіяхъ антирелигіознаго движенія въ департаментахъ мы почерпаемъ изъ донесеній правительственныхъ комиссаровъ. Среди извѣстій иного рода тутъ попадаются указанія то на публичное отреченіе отъ христіанства нѣсколькихъ священниковъ одного города, то на установленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно новыхъ и притомъ нецерковныхъ празднествъ. Одинъ

изъ уполномоченныхъ Конвента, Фушэ, взялъ на себя даже починъ въ этомъ дѣлѣ, присвоивъ себѣ въ дѣйствительности никѣмъ не данное ему полномочіе „насаждать культъ республики и естественной морали на мѣстѣ прежней религіи ханжества и предразсудковъ". Фушэ издалъ для ввѣреннаго ему округа указъ объ радикальномъ измѣненіи процесса похоронъ. Весь ихъ религіозный характеръ, согласно его указу, уничтожался и похороны принимали отнынѣ какой-то поэтически-философскій оттѣнокъ. Тѣмъ же Фушэ устроенъ былъ въ Неверѣ совершенно языческій праздникъ, на которомъ возжигался „священный огонь богини Весты и былъ воздвигнутъ храмъ Амуру для совершенія въ немъ брачныхъ обрядовъ".

Вскорѣ затѣмъ въ самомъ Парижѣ имѣлъ мѣсто такого же характера народный праздникъ. Это было 10 августа 1793 года, въ годовщину паденія старой монархіи. На площади Бастиліи воздвигли статую Природы въ видѣ женщины, у которой изъ грудей долженъ былъ изливаться неизсякаемый источникъ чистой воды, символъ неистощимаго изобилія. Надпись подъ статуей гласила: „мы всѣ ея дѣти". Обращаясь къ этому воплощенію Природы, членъ комитета общественной безопасности и президентъ конвента Геро-де-Сешелль, открылъ празднество такими словами:

„Природа", воскликнулъ онъ, „повелительница дикарей и цивилизованныхъ націй! Этотъ безчисленный народъ, собравшійся съ первыми лучами солнца передъ твоимъ изображеніемъ, достоинъ тебя: онъ свободенъ. Въ твоихъ нѣдрахъ, въ твоихъ святыхъ источникахъ онъ снова обрѣлъ свое право—и возродился. Послѣ столѣтій рабства и заблужденій онъ долженъ былъ вернуться къ твоимъ простымъ путямъ, чтобы возвратить себѣ свободу и равенство. О, природа! прими выраженіе вѣчной привязанности французовъ къ твоимъ законамъ, и да освятятъ чистыя воды, текущія изъ твоихъ нѣдръ, этотъ великій союзъ братства и равенства всѣхъ присягающихъ тебѣ въ этотъ день, самый прекрасный союзъ изъ всѣхъ, которые освѣщало когда-либо солнце съ тѣхъ поръ, какъ оно зажглось въ безконечномъ пространствѣ!"... Здѣсь оффиціальный протоколъ праздника присоединяетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе: „Вслѣдъ за такимъ гимномъ, единственной молитвой съ самыхъ первыхъ вѣковъ существованія человѣчества, обращенной къ природѣ дѣйствительными представителями націи, нашъ предсѣдатель наполнилъ свой кубокъ водой и давалъ изъ него пить уполномоченнымъ всего французскаго народа, удостоившимся чести нести знамена ихъ избиравшихъ округовъ".

Это торжественное и публичное обоготвореніе природы на улицахъ Парижа долгое время сначала оставалось единственной попыткой такого рода. Философски сдержанное, аристократически изящное

оно произвело мало впечатлѣнія на народъ, который былъ, разумѣется, совершенно чуждъ пантеистическимъ умозрѣніямъ президента Конвента. За-то громадное и всеобщее значеніе имѣли нѣкоторыя законодательныя мѣры, принятыя этимъ послѣднимъ.

Уничтожить католическіе праздники, замѣнить имена святыхъ названіями предметовъ, „составляющихъ“, какъ говорилось въ оффиціальныхъ разъясненіяхъ, „истинное богатство страны“,—значило отнять у католицизма весь его внѣшній престижъ. Вслѣдъ за введеніемъ республиканскаго календаря Комитетъ народнаго просвѣщенія издалъ указъ, по которому всѣмъ священникамъ и монахамъ запрещалось преподавать въ общественныхъ заведеніяхъ; кромѣ того, въ войска, въ школы и въ муниципалитеты разосланы были особыя книжечки съ жизнеописаніями героевъ республики для замѣщенія ими всякихъ „житій святыхъ“. Въ послѣднихъ мѣрахъ нельзя не видѣть уже вполнѣ обдуманной и вполнѣ откровенной компаніи противъ католицизма.

Мѣстами народъ самъ шелъ на встрѣчу намѣреніямъ правительства. Одинъ изъ наиболѣе глухихъ городковъ Иль-де-Франса подалъ первый примѣръ совершенной дехристіанизаціи (déchristianisation). Его обитатели считали прежде своимъ патрономъ св. Власія; въ одинъ прекрасный день это имъ перестало нравиться, и они его замѣнили античнымъ героемъ Брутомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они постановили закрыть свой католическій храмъ и отпустить священника на всѣ четыре стороны. Примѣръ одного городка подѣйствовалъ заразительно на окружающихъ, и скоро весь дистрикъ объявилъ себя передъ Конвентомъ отрѣшившимся отъ христіанства. Это подало поводъ законодателю признать „право всѣхъ гражданъ установлять тотъ культъ, который они захотятъ, и прекращать церемоніи, переставшія нравиться“. Многіе члены якобинскаго клуба были еще однако недовольны такою полумѣрой Конвента, они желали полнаго отдѣленія церкви отъ государства. „Если мы хотимъ“ говорилъ одинъ изъ такихъ ораторовъ, „обезпечить свободу всѣхъ исповѣданій, мы не должны ни одного культа поддерживать на государственный счетъ, ни одной религіи не отдавать преимущества передъ другими“. Правительство, какъ видно изъ оффиціальныхъ изданій того времени, и само не было враждебно идеѣ объ отдѣленіи церкви отъ государства, тѣмъ не менѣе мысль эта тогда еще не настолько созрѣла, чтобы она могла принять законодательную форму. Къ тому же Конвентъ былъ занятъ въ то время болѣе повседневными, болѣе мелкими и близкими нуждами, и все отсрочивалъ рѣшеніе этого капитальнаго, но, какъ казалось, не очень насущнаго вопроса. Однако же мѣры, направленныя къ умаленію значенія духовенства, не переставали имъ издаваться.

17-го брюмэра II-го года республики, иначе говоря 7-го ноября 1793 года, состоялось знаменитое засѣданіе Конвента, надѣлавшее много шуму въ Европѣ и несомнѣнно заслуживающее быть особо выдѣленнымъ въ исторіи. Въ этотъ день предъ лицомъ законодательнаго собранія предсталъ парижскій епископъ—Гобель во главѣ всего епископальнаго совѣта. Онъ пожелалъ сложить съ себя свой высокій духовный санъ и въ краткой, тутъ же произнесенной рѣчи объяснилъ присутствующимъ причины, побудившія его къ этому шагу. Онъ сказалъ, что родился плебеемъ и всегда уважалъ народный суверенитетъ. Призванный народомъ на мѣсто епископа, онъ принялъ предложенный ему санъ и съ тѣхъ поръ все свое вліяніе употреблялъ на то, чтобы увеличивать „привязанность своей паствы къ вѣчнымъ принципамъ свободы, равенства и добродѣтели, этимъ необходимымъ основамъ всякой дѣйствительно республиканской конституціи". Теперь, когда тотъ же народъ освобождаетъ его отъ прежнихъ обязанностей, онъ подчиняется снова и заявляетъ, что вмѣстѣ со всѣмъ совѣтомъ приходитъ сложить съ себя передъ Конвентомъ свое званіе и свои отличія. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ отреченіе Гобеля было совсѣмъ ужь добровольное: собственная его фраза о томъ что народъ освобождаетъ его отъ прежнихъ обязанностей, указываетъ на извѣстное внѣшнее давленіе. Въ дѣйствительности наканунѣ того дня къ парижскому епископу явились два представителя власти, Клотцъ и Перейра, и передали ему волю правительства. Гобелю ничего другого не оставалось, какъ отступить самому, не дожидаясь, чтобы его смѣстили. Вслѣдъ за изложенной рѣчью онъ снялъ съ себя знаки епископскаго достоинства и среди громкихъ и дружныхъ аплодисментовъ всего собранія, надѣлъ на голову красную якобинскую шапку. Примѣру своего главы послѣдовалъ весь епископскій совѣтъ, а за нимъ потянулся цѣлый рядъ отреченій различныхъ духовныхъ особъ. Нѣсколько дней Конвентъ почти только то и дѣлалъ, что выслушивалъ заявленія покидающихъ свои посты епископовъ, викаріевъ и кюрэ. На послѣднемъ изъ такихъ собраній по предложенію одного члена Конвентъ постановилъ перевести на итальянскій языкъ всѣ тѣ изъ своихъ указовъ, которые были направлены противъ духовенства и носили вообще антирелигіозный характеръ, а затѣмъ отправить ихъ римскому папѣ, чтобъ „вылѣчить его отъ старыхъ заблужденій".

Впрочемъ, уже черезъ нѣсколько недѣль этотъ юмористическій тонъ представителей власти сразу и рѣзко перемѣнился, когда въ обществѣ заговорили о томъ, что полиція обнаружила въ Парижѣ какой то заговоръ духовенства. Не долго думая, генеральный совѣтъ Парижа постановляетъ такое радикальное рѣшеніе:

„Въ виду того—говорилось въ указѣ отъ 3-го фримэра,—что самъ народъ заявилъ о своемъ нежеланіи признавать иной культъ, кромѣ культа Истины и Разума, Генеральный Совѣтъ постановляетъ: 1) чтобы всѣ существующіе въ Парижѣ храмы и церкви всѣхъ возможныхъ религій были немедленно заперты; 2) что священники и руководители культовъ будутъ считаться отвѣтственными за безпорядки, которые явятся слѣдствіемъ религіозныхъ убѣжденій; 3) что тотъ, кто пробуетъ открыть храмъ или церковь, будетъ арестованъ, какъ лицо неблагонадежное; 4) что революціоннымъ комитетамъ будетъ предложено какъ можно внимательнѣе слѣдить за священниками и наконецъ 5) въ Конвентъ будетъ отправлена петиція объ изданіи такого декрета, коимъ священники лишались бы права нести какія бы то ни было общественныя обязанности, равно какъ и участвовать въ изготовленіи оружія“.

Дальше ужъ въ сущности на пути репрессалій идти было некуда: этотъ указъ слѣдуетъ считать кульминаціоннымъ пунктомъ антирелигіознаго движенія.

Если Генеральный Совѣтъ Парижа въ подкрѣпленіе своего постановленія ссылался на мнѣніе самого народа, не желающаго будто бы иного культа, кромѣ культа Истины и Разума, то въ этой ссылкѣ надо видѣть указаніе на только что передъ тѣмъ происходившія народныя манифестаціи. Парижское населеніе, дѣйствительно, съ воодушевленіемъ примкнуло къ празднику, устроенному для прославленія Разума въ ноябрѣ 1793-го года по иниціативѣ правительства. На этотъ разъ новый культъ встрѣченъ былъ сочувственно, и праздникъ принялъ характеръ народнаго торжества. Утромъ назначеннаго дня представители городской власти, въ сопровожденіи громадной толпы народа, направились къ Собору Парижской Богоматери. Здѣсь ужъ все было устроено къ ихъ приходу. Внутренность церкви была всячески разукрашена, а по самой серединѣ возвышалась довольно высокая гора, вся убранная дорогими матеріями. На ея вершинѣ устроенъ былъ маленькій храмъ въ греческомъ стилѣ съ надписью: „философіи“; вокругъ него помѣщались бюсты: Вольтера, Руссо, Франклина и, кажется, Монтескье. Церемоніи начались какимъ-то музыкальнымъ отрывкомъ, во время исполненія котораго изъ глубины храма вышли группы молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья съ трехцвѣтными кушаками и съ факелами въ рукахъ. Они переходили черезъ всю гору, останавливаясь и кланяясь передъ храмомъ; за ними вслѣдъ появилась особенно богато одѣтая женщина, по выраженію очевидцевъ—„истинное воплощеніе красоты“; на головѣ ея красовалась якобинская шапочка, въ рукахъ была длинная пика—она изображала собою Свободу. Присутствующіе встрѣтили ее восторженными кликами и съ

воодушевленіемъ пропѣли особый гимнъ, спеціально для этого случая сочиненный довольно извѣстнымъ революціоннымъ поэтомъ—Жозефомъ Шенье. При послѣднихъ словахъ гимна актриса парижской оперы, изображавшая Свободу, бросивъ прощальный благосклонный взглядъ на весь собравшійся народъ, снова скрывалась во глубинѣ храма; радостныя пѣсни оглашали церковь, присутствующіе давали клятвы быть вѣрными новой богинѣ и поздравляли другъ друга. Изъ церкви затѣмъ устроена была торжественная процессія, во главѣ которой шли музыканты, а въ серединѣ на высокихъ носилкахъ медленно подвигалась впередъ богиня Свободы, встрѣчаемая повсюду восторгомъ и пѣніемъ.

Такія манифестаціи вошли скоро въ обыкновеніе, а Соборъ Парижской Богоматери былъ признанъ оффиціальнымъ храмомъ для поклоненія Разуму. Другія столичныя церкви увидѣли въ своихъ стѣнахъ почти такія же сцены. Повсюду новый культъ совершался по одному образцу: произносились рѣчи, пѣлись гимны въ честь свободы или въ честь Разума, иногда ихъ сопровождала еще Марсельёза, иногда тутъ же обсуждались политическіе вопросы, и дѣти школьнаго возраста декламировали революціонныя стихотворенія. Въ провинціи такія празднества получили еще болѣе популярности и были учреждены по собственной иниціативѣ нѣкоторыхъ городскихъ властей, не дождавшихся приказаній или примѣра столицы. Не было департамента, не было сколько-нибудь значительнаго города во Франціи, какъ это видно изъ многочисленныхъ фактовъ, собранныхъ проф. Оларомъ, гдѣ бы культъ Разума не получилъ хотя бы недолгаго примѣненія. И любопытно, что особенное воодушевленіе въ новомъ культѣ проявляло населеніе тѣхъ мѣстностей, которыя прежде считались всегда самыми твердыми столпами католицизма. Здѣсь антирелигіозное движеніе переходило въ какую-то разнузданную оргію и принимало крайне разрушительный характеръ. Еще недавніе посѣтители католическихъ храмовъ, теперь съ какой-то горячей поспѣшностью, съ восторженнымъ озлобленіемъ обращаютъ храмы въ конюшни, жгутъ на кострахъ священныя книги, уничтожаютъ всѣ принадлежности христіанскаго культа. Рѣчи, которыя произносились при этомъ, были полны насмѣшекъ надъ прежней религіей и восхваляли Разумъ, какъ единственное достойное почитанія божество. Но каковы бы ни были крайности этого движенія, по существу своему оно не было атеистично. Настоящіе, послѣдовательные атеисты того времени, вродѣ журналиста Саллавиля, отнеслись къ революціонному культу съ нескрываемымъ осужденіемъ. Въ ихъ глазахъ поклоненіе Разуму—ничто иное, какъ новая религія. „Недостаточно—писалъ Саллавиль,—сжечь молитвенники, кресты, иконы и другія свидѣтельства нашего суевѣрія: нужно

еще въ нашемъ умѣ сдѣлать полное аутодафэ всѣхъ религіозныхъ убѣжденій. Ибо, покуда они существуютъ, они всегда станутъ препятствовать правильному образованію нашего міровоззрѣнія". Возражая на упрекъ Робеспьера, назвавшаго атеизмъ аристократичнымъ, Саллавиль, недовольный правительствомъ, восклицаетъ: „Если атеизмъ аристократиченъ, то лишь случайно, благодаря тому, что тиранны и аристократія, соединившись, задумали сдѣлать изъ него орудіе контръреволюціи". Не заботясь о неудовольствіи, возбуждаемомъ имъ въ Конвентѣ, Саллавиль продолжаетъ: „По-истинѣ это немного странно, что хотятъ быть республиканцами во времени и роялистами въ вѣчности. Быть можетъ, чтобъ облегчить переходъ отъ заблужденія къ истинѣ, слѣдуетъ на первое время замѣнить эфемернымъ поклоненіемъ нравственности прежній культъ патроновъ и святыхъ. Но если мы хотимъ привести народъ къ чистому почитанію Разума, не потворствуя его слабости реализировать абстракціи, воплощать нравственныя понятія,—слѣдуетъ вылѣчить его отъ этой маніи, которая составляетъ главный источникъ всѣхъ человѣческихъ заблужденій. Надо пропагандировать метафизическіе принципы Локка и Кондильяка, надо, чтобы народъ привыкъ видѣть въ статуѣ только камень, въ картинѣ—краски и полотно; а безъ того я не удивлюсь, если у насъ установится настоящій политеизмъ: скоро воздвигнутъ храмы всѣмъ добродѣтелямъ; онѣ будутъ имѣть свои церемоніи, свои праздники, а прославляя добродѣтели, покланяясь имъ, люди, пожалуй, признаютъ излишнимъ примѣненіе ихъ въ дѣйствительной жизни..." Въ такомъ же духѣ высказывались и другіе люди того же направленія.

Но какъ отнесся къ новому культу народъ? А народъ принималъ его больше съ внѣшней или съ отрицательной стороны. Видя въ священникахъ измѣнниковъ и предателей, онъ, такъ сказать, въ пику имъ разрушалъ символы католичества и оскорблялъ храмы, а въ то же время блестящія церемоніи культа Разума, его веселыя пѣснопѣнія и его патріотическій характеръ приходились по вкусу особенно парижскому населенію. Что же касается самого религіознаго чувства, то оно, разумѣется, не было уничтожено ни антихристіанскими мѣрами правительства, ни учрежденіемъ новаго, разсудочнаго культа. Религіозное чувство народа только временно отошло на второй планъ въ виду другихъ, болѣе сильныхъ тогда чувствъ, но при первомъ же удобномъ случаѣ оно нашло себѣ выходъ и проявилось съ особенной силой.

Резюмируя все, что̀ было раньше сказано объ антирелигіозномъ движеніи въ Парижѣ и въ провинціи, проф. Оларъ заканчиваетъ первую часть своей книги такими словами: „Изъ всѣхъ разобранныхъ нами фактовъ, я думаю, вытекаетъ, что попытки

уничтожить христіанство и установить религію Разума не явились во Франціи результатомъ предвзятой философской идеи, обдуманной и, какъ увѣряютъ, фанатической системы. Учредительное Собраніе и Конвентъ не имѣли намѣренія разрушать католичество. Напротивъ: до 1792-го года правительство выражало свое почтеніе національной религіи и, даже послѣ паденія трона, алтарь остался оффиціально почитаемымъ. Революція хотѣла только, чтобъ духовенство не подкапывалось подъ тотъ соціальный порядокъ, который теперь возникалъ... Обязательность гражданской присяги была причиной или предлогомъ для коалиціи духовенства съ врагами республики. Надо было отнять отъ него его оружіе и побѣдить церковь, возставшую противъ государства. Сначала Конвентъ пытался сохранить свое уваженіе къ догматамъ вѣры, но скоро патріотическая ревность народа перестала дѣлать различіе между религіей и церковью. Вандея, этотъ союзъ священниковъ съ врагами и съ эмигрантами, это возмущеніе противъ закона, очагомъ котораго былъ католическій алтарь,—она-то и привела къ буйному вторженію въ храмы, къ ихъ профанаціи, а затѣмъ въ пылу гражданской битвы и къ нападенію не на одни лишь католическіе алтари, но и на самыя основы религіи. Дехристіанизація, культъ Разума въ народномъ представленіи, если и не въ мысляхъ Шометта и Клотца, были только оружіями въ войнѣ.

„Провинція приняла ихъ серьезнѣе. Тамъ были дѣйствительно важныя и искреннія попытки отказаться отъ старой религіи и учредить новую. Богинь Разума изображали тамъ не театральныя актрисы, какъ въ Парижѣ, но почти вездѣ прекрасныя и добродѣтельныя дѣвушки, принадлежавшія къ избраннымъ классамъ общества... Различія, которыя замѣчались подчасъ въ характерѣ культа по разнымъ департаментамъ, происходили отнюдь не отъ разницы въ климатѣ или въ расѣ. Если не одинаково проходятъ философскіе праздники, не одинаково разрушается католичество въ Шартрѣ и въ Страсбургѣ, то это потому, что Шартръ отстоитъ далеко отъ непріятелей, а съ колокольни Страсбургскаго собора видны уже австрійскіе аванпосты. Если въ Верхней Віеннѣ торжество новаго культа происходитъ мирнымъ путемъ, тогда какъ въ Герѣ дѣло не обходится безъ насилія, то это зависитъ отъ того, что въ Лиможѣ революція чувствовала себя вообще побѣдительницей, а въ Ошѣ ей угрожали происки духовенства... Отсюда надо заключить и не бояться это повторить лишній разъ, что культъ Разума былъ не столько религіознымъ переворотомъ, сколько средствомъ національной обороны. Вотъ почему и католики не слишкомъ обезпокоились этимъ антирелигіознымъ порывомъ. Вотъ почему онъ появился и исчезъ такъ быстро, не оставивъ глубокихъ слѣдовъ въ душѣ у народа. Вотъ почему наконецъ съ того дня,

когда Робеспьеру вздумалось указать на культъ Верховнаго Существа, какъ на болѣе удобное средство въ борьбѣ съ иноземцами, богини Разума сами собой почти повсемѣстно тотчасъ же впали въ немилость и стали подвергаться насмѣшкамъ...“.

Уже въ самый разгаръ культа Разума въ Конвентѣ прорывались такія рѣчи, гдѣ слово „разумъ“ подмѣнялось выраженіемъ „Верховное Существо“ и гдѣ особенно настойчиво подчеркивалась необходимость прочной государственной религіи. Въ то-же время въ самомъ Парижѣ тайкомъ, а въ провинціи и совершенно публично многіе католическіе храмы продолжали оставаться открытыми: въ нихъ собирались толпами молящіеся и производились всѣ обычные религіозные обряды. Католическое духовенство, повидимому, только притаилось въ ожиданіи лучшаго времени, но не оставило своихъ надеждъ на возстановленіе утраченнаго значенія церкви, а потому подъ рукою въ этомъ смыслѣ и агитировало. Въ литературѣ и въ уличныхъ манифестаціяхъ все чаще и чаще стало выражаться неудовольствіе на новый культъ, во многихъ мѣстностяхъ проявилось броженіе, исходившее изъ чисто религіозныхъ побужденій. Само правительство очень довольно всей этой затѣей: оно старалось занять нейтральное, индифферентное положеніе, конечно, только еще увеличивающее смуту. Вотъ этою-то неудовлетворенностью однихъ и недовольствомъ другихъ и воспользовался Робеспьеръ, когда онъ началъ свою атаку противъ новаго культа въ защиту христіански-религіознаго чувства.

Зная, что религіозными доводами не много подѣйствуешь на своихъ сотоварищей по Конвенту, онъ началъ съ другого конца. Выступивъ въ первый разъ противъ поклоненія Разуму, Робеспьеръ выдвинулъ исключительно политическія соображенія. Онъ говорилъ, что считаетъ опаснымъ возбуждать противъ Франціи всю Европу открытымъ разрывомъ съ религіей. Называя культъ Разума атеистичнымъ, что, по словамъ Олара, было совершенно невѣрно, онъ требовалъ, чтобы существованіе Бога было признано въ принципѣ—именно въ видахъ политическихъ. Атеизмъ, по его мнѣнію, аристократиченъ. Идея же Верховнаго Существа, наказывающаго порокъ и награждающаго добродѣтель, очень популярна среди простого народа. „Пускай философъ, воскликнулъ Робеспьеръ, выводитъ нравственность изъ другого источника, но берегитесь оскорбить священный инстинктъ, всеобщее чувство народовъ. Еслибы Бога даже и небыло, его бы слѣдовало изобрѣсти!..“ Теперь, зная всѣ послѣдующія событія, мы можемъ считать слова Робеспьера нечѣмъ инымъ, какъ только своего рода прелюдіей къ будущему культу Верховнаго Существа: совсѣмъ не такое впечатлѣніе произвела эта рѣчь на присутствовавшихъ въ Конвентѣ. Въ ней увидали мудрый политическій совѣтъ и

протестующее чувство свободнаго мыслителя, не желающаго, чтобы кому бы то ни было извнѣ навязывались религіозныя убѣжденія; никто еще тогда не прозрѣвалъ въ будущемъ новой религіи, жреца-диктатора и человѣческихъ жертвъ на алтарѣ Верховнаго Существа...

Однако рѣчь Робеспьера не осталась совсѣмъ безъ возраженій. Конвентъ былъ слишкомъ зараженъ свободомысліемъ въ вопросахъ религіи, чтобъ согласиться сразу на провозглашеніе Верховнаго Существа, въ особенности тотчасъ послѣ того, какъ онъ самъ устраивалъ поклоненіе Разуму; къ тому же среди его членовъ было еще не мало и рѣшительныхъ атеистовъ. Возгорѣлась борьба, всѣ члены Конвента раздѣлились на двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ ни одна не хотѣла уступать. Къ партіи Робеспьера присоединился, между прочимъ, Дантонъ, и онъ-то собственно своимъ авторитетомъ рѣшилъ побѣду. Индифферентный въ вопросахъ религіи, Дантонъ выступилъ въ защиту Верховнаго Существа только въ надеждѣ, что такимъ образомъ уничтоженъ будетъ культъ Разума и дѣло ограничится принципіальнымъ признаніемъ бытія Божія. Никакихъ постоянныхъ богослуженій Дантонъ не хотѣлъ, ибо боялся возстановленія старины, но, какъ политикъ, вполнѣ одобрялъ совѣтъ Робеспьера и признавалъ за лучшее не подавать лишнихъ поводовъ къ международной распрѣ. Побѣда Робеспьера выразилась въ изданіи Конвентомъ „отвѣта на манифесты королей, соединившихся противъ республики". Здѣсь еще говорилось только, что „французскій народъ и его представители уважаютъ свободу всѣхъ исповѣданій и не преслѣдуютъ ни одного". О Верховномъ Существѣ въ „отвѣтѣ" не сказано ни слова, но уже все было подготовлено къ произнесенію и этого слова, а пока съ особенной силой подчеркивалась полная терпимость правительства ко всякимъ религіознымъ убѣжденіямъ, разъ только они не шли въ разрѣзъ съ существующимъ государственнымъ порядкомъ.

Поворотъ въ религіозной политикѣ правительства произошелъ однако не сразу и не безъ сильной оппозиціи. Восхваленіе Верховнаго Существа сплошь и рядомъ встрѣчало въ Конвентѣ отвѣтное восхваленіе Разума; ораторы, говорившіе о важности религіи для государства, смѣнялись такими, которые охотно вторили ѣдкимъ статьямъ Саллавиля. Такая же точно двойственность замѣчалась и за стѣнами Конвента. Процессіи и праздники для прославленія Разума стали рѣже, но не прекратились совсѣмъ. Нѣкоторыя общины продолжали закрывать свои храмы и объявлять себя отрѣшившимися отъ христіанства. Робеспьеръ видѣлъ необходимость прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ и прежде всего раздѣлаться съ нѣкоторыми своими особенно опасными врагами.

Робеспьеръ безъ всякаго сомнѣнія былъ самымъ ярымъ против-

никомъ культа Разума и самымъ ревностнымъ борцемъ за религіозное чувство; на немъ поэтому мы должны остановиться немного подольше и выяснить побужденія, руководившія имъ въ этой борьбѣ. Благодаря своимъ семейнымъ условіямъ, Робеспьеръ получилъ строго-католическое воспитаніе и хотя впослѣдствіи говаривалъ о себѣ, что всегда былъ очень плохимъ католикомъ, тѣмъ не менѣе его біографы придаютъ большое значеніе обстановкѣ его дѣтства и юности. По самому складу своего ума, склонный къ мечтательности и мистицизму, Робеспьеръ уже очень рано сталъ предпочитать при выборѣ книгъ тѣхъ писателей, которые дѣйствовали преимущественно на чувство, а вскорѣ поддался рѣшительному вліянію Руссо. Писатели матеріалистическаго направленія отталкивали его своей сухостью, своимъ пренебреженіемъ къ духовной сторонѣ человѣка; скептическихъ философовъ XVIII в., онъ просто ненавидѣлъ, а у Руссо онъ находилъ себѣ отвѣты на многіе мучившіе его вопросы религіознаго свойства. Тамъ же онъ могъ прочесть и ту мысль, которая являлась теоретическимъ оправданіемъ для всей его позднѣйшей политики, а именно, что государство имѣетъ право требовать отъ своихъ гражданъ извѣстнаго profession de foi. Нѣкоторыя религіозныя основы признавались Руссо необходимымъ условіемъ общежитія, безъ нихъ ни одинъ подданный не могъ быть терпимъ въ государствѣ. Существованіе всемогущаго и всеблагого Божества, признаніе загробной жизни, неизбѣжнаго на томъ свѣтѣ возмездія злымъ и вознагражденія добрыхъ, наконецъ, здѣсь на землѣ признаніе святости общественнаго договора, — вотъ принципы, составлявшіе краеугольные камни этого обязательнаго символа вѣры. Вы свободны не признавать ихъ, свободны не вѣрить ни во что, но въ такомъ случаѣ государство будетъ считать васъ вредными для общества и выгонитъ за предѣлы страны. Такіе принципы усвоилъ себѣ и Робеспьеръ, прежде чѣмъ выступилъ на политическое поприще. Свое нерасположеніе къ матеріалистамъ онъ не счелъ нужнымъ скрывать. Въ клубѣ якобинцевъ онъ настоялъ на томъ, чтобы бюстъ Гельвеція, стоявшій тамъ на самомъ видномъ мѣстѣ, былъ уничтоженъ, а въ то же время въ своихъ публичныхъ рѣчахъ не уставалъ громить столь ненавистный ему атеизмъ.

Секретъ того вліянія, какое имѣлъ Робеспьеръ на всѣхъ окружающихъ, заключался больше всего въ его громадномъ ораторскомъ талантѣ. Онъ удивительно искусно умѣлъ затрогивать въ сердцахъ своихъ слушателей подходящія струны и ловко пользовался людскими слабостями; въ дѣлѣ пробужденія въ народѣ религіознаго чувства онъ очень надѣялся на помощь женщинъ и постоянно обращался къ нимъ въ своихъ рѣчахъ, взывая къ ихъ чуткому сердцу и непосредственному чувству. Мистическое направленіе Робеспьера было настолько

рѣшительно и опредѣленно, что многіе крайніе республиканцы, вѣрные завѣтамъ XVIII вѣка, обезпокоились. Въ обществѣ стали поговаривать о томъ, что „этотъ сумрачный религіозный доктринеръ“ опасенъ всему свободному духу французской революціи, что онъ грозится уничтожить наслѣдіе энциклопедической философіи. Появились даже каррикатуры, изображавшія Робеспьера въ священнической расѣ и въ самой молитвенной позѣ, причемъ подпись внизу гласила: „врагъ философіи“. Однако въ конвентѣ положеніе Робеспьера было настолько прочно, что онъ не только пренебрегалъ уличными листками и толками, но еще задумалъ при помощи того же конвента раздѣлаться съ нѣкоторыми особенно опасными своими врагами.

Опираясь на нѣмецкое происхожденіе Анахарсиса Клотца да на какія-то неопредѣленныя свѣдѣнія объ его связяхъ съ Германіей, Робеспьеръ добился его изгнанія изъ якобинскаго клуба. Не желая раздѣлить ту же участь, Геберъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ культа Разума, отступился отъ своихъ прежнихъ убѣжденій и перешелъ въ ряды защитниковъ Верховнаго Существа. Своему временному союзнику, Дантону, Робеспьеръ имѣлъ много основаній не довѣрять: совершенно справедливо видѣлъ онъ въ немъ такого же свободнаго мыслителя, какими были и Клотцъ, и Геберъ, и упомянутый нами выше Геро де-Сешелль. Выступивъ противъ Дантона, Робеспьеръ, однако, оставилъ въ сторонѣ вопросы религіозные; онъ обвинялъ своего недавняго союзника въ измѣнѣ отечеству и скоро добился того, что Дантонъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Со смертью Дантона, всегда немного сдерживавшаго кровожадныя наклонности своего товарища, владычеству Робеспьера положительно не стало предѣловъ, реакція приняла самый ожесточенный характеръ. Геберъ и Шометтъ были казнены одинъ вслѣдъ за другимъ. Послѣднему поставили въ вину то обстоятельство, что онъ однажды воспрепятствовалъ кому-то отслужить ночью католическую мессу. Его постоянная оппозиція Робеспьеру была его дѣйствительнымъ преступленіемъ, истинной причиною казни. Въ своихъ рѣчахъ Робеспьеръ усиленно громилъ атеистовъ и въ результатѣ добился отъ конвента принятія декрета, коимъ, наконецъ, Верховное Существо торжественно провозглашалось. Здѣсь мы читаемъ: § 1. Французскій народъ признаетъ бытіе Верховнаго Существа, равно какъ и безсмертіе души. § 2. Онъ признаетъ, что культъ, дѣйствительно достойный Верховнаго Существа, состоитъ въ исполненіи обязанностей человѣка. Тѣмъ не менѣе тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ говорится: § 4. Устроены будутъ особые праздники, чтобы напоминать людямъ о Божествѣ. § 5. Свои названія они получатъ отъ главныхъ событій французской революціи, отъ наиболѣе цѣнныхъ и полезныхъ добродѣтелей человѣка, отъ великихъ

благодѣяній природы. Далѣе слѣдуетъ утомительно-длинное перечисленіе предполагаемыхъ названій всѣхъ такихъ праздниковъ на цѣлый годъ и тутъ безъ всякаго порядка слѣдуютъ другъ за другомъ французскій народъ, человѣчество, равенство, братство, супружеская любовь, любовь къ отечеству, храбрость, материнская нѣжность, стоицизмъ, промышленность, потомство, юность и прочія совершенно несоизмѣримыя между собой понятія.

Конвентъ вотировалъ этотъ декретъ, втайнѣ надѣясь, что онъ не будетъ имѣть никакихъ конкретныхъ послѣдствій. Но Робеспьеръ думалъ иначе и прежде всего озаботился устройствомъ торжественнаго чествованія Верховнаго Существа. Празднику предшествовали длинныя приготовденія, онъ долженъ былъ выйти возможно болѣе блестящимъ, а для этого слѣдовало подготовить умы и заручиться сочувствіемъ общественнаго мнѣнія. Тутъ очень кстати для всего задуманнаго дѣла произошло покушеніе на жизнь Робеспьера. Молодая дѣвушка, сдѣлавшая попытку его убить, была въ сущности совершенно не подготовлена къ исполненію такого намѣренія; игрушечный кинжалъ, съ которымъ она бросилась на Робеспьера, у нея тотчасъ же отняли, да она имъ, вѣроятно, ничего бы и не сдѣлала, такъ какъ не обладала необходимой для убійства физической силой: арестованная, она объявила себя роялисткой. Какъ ни ничтожна, казалось, была эта попытка, Робеспьеръ искусно ею воспользовался: онъ нарочно раздулъ весь инцидентъ, и говоря о покушеніи въ конвентѣ, придалъ дѣлу слегка религіозный характеръ. „Возрадуемся и возблагодаримъ небо,—сказалъ онъ,—мы значитъ достаточно хорошо служили отечеству, чтобы оказаться достойными кинжаловъ тираніи". Въ то же время онъ получилъ нѣсколько поздравительныхъ писемъ по поводу его „чудеснаго спасенія". Такимъ образомъ, Само Верховное Существо, казалось, оберегало отъ смерти своего ревностнаго защитника. Программа праздника составлена была музыкантомъ Давидомъ и отличалась большимъ великолѣпіемъ. Священнослужители новой религіи старались не упустить изъ виду ничего, что бы могло подѣйствовать на народное воображеніе. Въ ходъ были пущены и блестящіе костюмы, и дорогія матеріи, и войско, и музыка, и цѣлыя горы цвѣтовъ. Члены конвента появились на праздникѣ въ самыхъ торжественныхъ облаченіяхъ, впереди нихъ находился самъ Робеспьеръ, одѣтый въ яркій мундиръ и держа въ рукахъ пучекъ ржи. Собравшемуся во множествѣ народу онъ произнесъ слѣдующую, немного напыщенную, но очень понравившуюся слушателямъ рѣчь:

„Онъ настал наконецъ, этотъ на вѣки благословеный день, который французскій народъ посвятилъ Верховному Существу. Никогда еще сотворенный Имъ міръ не представлялъ зрѣлища, болѣе

достойнаго Его взглядовъ. Божество видѣло, какъ на землѣ царствовали тираннія, преступленіе и обманъ: Оно видитъ въ этотъ моментъ цѣлую націю, остановившую теченіе своихъ геройскихъ подвиговъ, чтобы вознестись мыслью къ Верховному Существу, которое возложило на нее миссію этихъ подвиговъ и дало силы для ихъ выполненія. Не Его ли безсмертная рука, начертавшая въ сердцѣ человѣка правила равенства и справедливости, подписала и смертный приговоръ тиранамъ?— Оно поселило въ душѣ торжествующаго притѣснителя боязнь и угрызенія совѣсти, а въ сердцѣ невинно притѣсняемаго—спокойствіе и гордость; это оно увѣнчало цѣломудріемъ чело красоты, чтобы сдѣлать его еще прекраснѣе; это Оно исполнило материнское чувство нѣжностью; это Оно увлажаетъ прекрасными слезами глаза сыновей, прижимающихся къ груди своей матери; это Оно заставляетъ замолкнуть самыя нѣжныя и самыя сильныя страсти предъ чувствомъ возвышенной любви къ родинѣ; это Оно надѣлило природу величіемъ, всѣми прелестями и богатствомъ... Все, что хорошо, — это Его дѣло или Оно само. Зло принадлежитъ испорченному человѣку, притѣсняемому или притѣсняющему себѣ подобныхъ" (почти дословное повтореніе знаменитой фразы Руссо).

Когда рѣчь была кончена, артисты Парижской Оперы исполнили величественный гимнъ: „Отецъ вселенной", музыка которой всѣмъ очень понравилась. Затѣмъ Робеспьеръ подошелъ къ статуѣ Атеизма, подъ которой была сдѣлана надпись: „послѣдняя надежда враговъ", взялъ поданный ему горящій факелъ и съ разныхъ концевъ поджегъ ее. Все было такъ заранѣе устроено, что на мѣстѣ почти мгновенно сгорѣвшей статуи Атеизма изъ пламени появилось изображеніе Мудрости; по оффиціальнымъ отчетамъ, новая статуя „предстала предъ глазами народа во всемъ своемъ блескѣ"; но очевидцы находили ее, напротивъ, сильно закоптѣвшей отъ дыма. Затѣмъ по улицамъ Парижа потянулась блестящая процессія; всеобщее вниманіе привлекала въ особенности торжественная колесница, запряженная восемью быками, рога которыхъ были вызолочены. Колесница была въ античномъ вкусѣ, вся разукрашена дорогими покровами и заключала въ себѣ инструменты всѣхъ французскихъ искусствъ и ремеслъ. Тутъ были орудія земледѣлія вмѣстѣ съ колосьями хлѣба, эмблема народнаго благосостоянія, были и типографскія принадлежности—эмблема народнаго просвѣщенія. Въ центрѣ виднѣлось изображеніе Свободы, долженствовавшее указывать, что только подъ покровительствомъ свободы искусства могутъ процвѣтать. Вокругъ этой колесницы толпились члены Конвента, представители высшей власти въ странѣ. Во все время пути раздавались возгласы: „да здравствуетъ республика!" въ перемежку съ криками „да здравствуетъ Робеспьеръ!". Слишкомъ бросавшаяся

въ глаза одежда послѣдняго, расчитанная на эффектъ, его стремленіе стать впереди всѣхъ, выдвинуться изъ ряда товарищей — были настолько замѣтны, что вмѣстѣ съ привѣтственными народными криками Робеспьеру пришлось услыхать на свой счетъ и нѣсколько оскорбительныхъ замѣчаній со стороны и иныхъ членовъ конвента. Наконецъ на одной изъ главныхъ площадей города процессія остановилась. Пропѣли Марсельезу и гимнъ въ честь Верховнаго Существа. Дѣвушки бросали вверхъ цвѣты, юноши обнажали шпаги и давали на нихъ клятвы всегда одерживать побѣды. Старики ихъ благословляли. Артиллерійскій залпъ возвѣстилъ объ окончаніи праздника.

Казалось, что Робеспьеръ достигъ своего: праздникъ въ честь Верховнаго Существа былъ устроенъ и вышелъ блестящимъ. Однако, нельзя было не видѣть, что успѣхъ являлся чисто внѣшнимъ: именно того, чего такъ желалъ Робеспьеръ, не получилось. Никто не принялъ новаго культа въ серьезъ, никто не видѣлъ въ праздникѣ чего-нибудь иного, кромѣ великолѣпнаго театральнаго зрѣлища: на робеспьеровскую затѣю взглянули съ одной лишь артистической точки зрѣнія. Въ провинціи съ новымъ культомъ дѣло пошло еще хуже. Исходя изъ своихъ въ сущности деистическихъ вѣрованій, Робеспьеръ думалъ создать религію, въ основу которой будетъ положено только два принципа: бытіе Божіе и безсмертіе души. Но въ большинствѣ рѣчей на провинціальныхъ праздникахъ Верховнаго Существа къ этимъ двумъ принципамъ примѣшивались совершенно чуждые деизму элементы: то нѣкоторые догматы католицизма, то свободно-философская точка зрѣнія поклонниковъ Разума. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ праздники Верховнаго Существа по своему внѣшнему облику напомнили народу литургическія формы католическаго богослуженія, но въ громадномъ большинствѣ мѣстъ они ничѣмъ почти не отличались отъ праздниковъ, устраивавшихся раньше тѣми же лицами для прославленія Разума. Ихъ прямо смѣшивали, оба эти культа, и въ новомъ видѣли только усовершенствованіе, улучшеніе стараго. Согласно указу Конвента прежняя надпись „храмъ Разума“ должна была теперь на всѣхъ церквахъ замѣнена такою: „Верховному Существу“, но это распоряженіе почему-то не вездѣ было выполнено, и даже, тамъ гдѣ его дѣйствительно привели въ исполненіе, внутренній смыслъ перемѣны остался для народа неяснымъ. Оно, впрочемъ, и не мудрено, когда, напр., даже оффиціальная газета Жерскаго департамента находила возможнымъ давать отъ себя такія разъясненія: „Согласно указу на лицевой сторонѣ храмовъ надо написать: „Верховному Существу“ вмѣсто прежняго: „храмъ Разума“. Это все равно, что обозначить причину слѣдствіемъ, самый храмъ останется по прежнему храмомъ Разума, потому что одинъ разумъ способенъ воздать Верховному Существу должныя

ему почести, почести достойныя и того, кто ихъ воздаетъ, и того, кому онѣ воздаются". Въ Гаврѣ одно должностное лицо на засѣданіи Генеральнаго Совѣта доказывало, что „Разумъ и Верховное Существо —принципъ одинъ и тотъ же, изъ котораго для народа вытекаетъ единая вѣра; воздавать почести одному, значитъ чествовать и другое"... Простой народъ не могъ, конечно, разобрать самъ значенія новой религіи, когда даже въ умахъ его ближайшихъ властей царствовала подобная путаница.

Значительная часть Франціи повидимому даже и не подозрѣвала о религіозной реформѣ Робеспьера; этому способствовали всего больше многочисленныя черты сходства новаго культа съ прежнимъ. Статую Мудрости въ Тюльерійскомъ саду, многіе находили удивительно похожей на статую Разума; нѣкоторыя подробности въ празднованіи Верховнаго Существа были прямо заимствованы изъ культа Разума; тотъ же поэтъ, который воспѣвалъ прежде Разумъ, Марія-Жозефъ Шенье, слагалъ свои гимны и въ честь Верховнаго Существа; отставныя богини стараго культа выполняли теперь роли Мудрости и Свободы,—словомъ на поверхностный взглядъ провинціала, не свѣдущаго въ томъ, что творится у кормила правленія, никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ оффиціальной религіи какъ будто и не происходило. Желанія Робеспьера были такъ плохо поняты или такъ мало приняты во вниманіе, что антирелигіозное движеніе во многихъ департаментахъ не переставало идти своимъ чередомъ, и католическія церкви продолжали закрываться. Кое-гдѣ культъ Верховнаго Существа выродился прямо въ культъ родины и принялъ исключительно патріотическую окраску: этому были причиной отчасти вѣсти о только что описанномъ нами народномъ праздникѣ въ Парижѣ, гдѣ пѣлась Марсельеза и произносились воинственныя клятвы, отчасти также и рѣчи самого Робеспьера, не покидавшаго все время и патріотической точки зрѣнія. За-то католическое духовенство съ своей стороны сейчасъ же прозрѣло мистическій характеръ происходившей перемѣны и поспѣшило утилизировать ее на свою пользу. Католическая агитація въ странѣ усилилась, теперешней терпимостью правительства духовенство воспользовалось для того, чтобы возобновить отправленіе христіанскаго богослуженія. Почва для полнаго возстановленія католицизма такимъ образомъ постепенно подготовлялась.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что идея новой религіи была вездѣ или не понята, или намѣренно извращена. Увидѣвъ столь жалкій результатъ всѣхъ своихъ долгихъ стараній, Робеспьеръ пришелъ въ ярость, сталъ жаловаться на интриги враговъ, схватился-было за репрессаліи и началъ наполнять тюрьмы ослушниками. Но все было напрасно, и самъ первосвященникъ Верховнаго Существа оказывался

безсильнымъ: ничто не могло оживотворить его мертворожденное дитя; новый культъ по всѣмъ видимостямъ рѣшительно не могъ привиться. Преслѣдованія во имя Верховнаго Существа послужили на гибель только самому Робеспьеру. 9-го Термидора Конвентъ принялъ рѣшеніе арестовать своего недавняго повелителя съ явнымъ намѣреніемъ избавиться отъ него навсегда. Нѣтъ сомнѣнія, что деспотическія и кровожадныя наклонности Робеспьера были главной причиной этого рѣшенія; покуда былъ живъ Робеспьеръ, ни одинъ членъ Конвента не могъ быть покоенъ за свою голову; пока былъ живъ Робеспьеръ, никто не могъ поручиться, что республика въ одинъ прекрасный день не преклонитъ свою голову передъ диктаторомъ. Однако въ протоколахъ собранія 9-го Термидора среди мотивовъ политическаго характера мы находимъ слѣдующія соображенія: „Онъ былъ въ отчаяніи, сказано здѣсь, что не могъ возвратить народъ къ фанатизму и католическому жречеству, которое было и его собственнымъ, замѣнить его новымъ культомъ и новымъ жречествомъ, принудивъ такимъ образомъ великое политическое собраніе, правительство свободное и республиканское, отдалиться отъ Разума и отъ тѣхъ принциповъ, кои запрещаютъ хорошему правителю вмѣшиваться въ религіозныя дѣла съ иною цѣлью, какъ только для того, чтобъ прекратить злоупотребленія, безпорядки и преступленія, могущіе возникнуть въ этой области". Въ ночь съ 9 на 10 Термидора, когда Робеспьеръ, раненый въ голову выстрѣломъ изъ пистолета, лежалъ на полу, исходя кровью, къ нему подошелъ какой-то санкюлотъ и, издѣваясь, замѣтилъ: „Вотъ оно, Верховное Существо". Подобныя насмѣшки Робеспьеру пришлось вынести и въ тюрьмѣ, гдѣ на его просьбу дать перо и бумагу тюремщикъ спросилъ его, не думаетъ ли ужъ онъ писать своему Верховному Существу... Въ Конвентѣ на слѣдующій день одинъ изъ второстепенныхъ ораторовъ выражалъ свое удовольствіе по поводу сверженія этого „католическаго короля". Недавніе льстецы изощрялись въ насмѣшкахъ надъ павшимъ властелиномъ.

Послѣ низверженія Робеспьера созданный имъ религіозный культъ исчезъ не сразу. Кое-гдѣ продолжались праздники, подобные выше описанному, кое-гдѣ еще воздвигалось нѣсколько храмовъ въ честь Верховнаго Существа. Но это было лишь безполезное переживаніе воспоминаній, жалкая агонія обреченной на смерть религіи. Обряды и праздники новаго культа въ теченіе очень недолгаго времени вышли изъ моды; не прошло и цѣлаго года съ момента низверженія Робеспьера, какъ о Верховномъ Существѣ во Франціи всѣ перестали и думать. Робеспьеровскій культъ былъ постепенно просто забытъ; правительству поэтому не пришлось и уничтожать его какимъ нибудь особеннымъ декретомъ. Но если исчезъ самый культъ, то все же нельзя сказать,

чтобъ имъ посѣянныя сѣмена такъ и пропали безслѣдно, совсѣмъ напротивъ: найдя уже готовую для себя почву, они дали такіе ростки, о какихъ вѣроятно самъ сѣятель никогда и не думалъ. Культъ Верховнаго Существа, благодаря своему мистически-религіозному характеру, благодаря положенному въ его основаніе вѣрованію въ бытіе Божіе и въ безсмертіе души, а въ то же время благодаря еще очень сильно сказывающемуся въ немъ патріотическому чувству,—явился переходной стадіей между поклоненіемъ Разуму, этимъ послѣдовательнымъ и полнымъ отрицаніемъ христіанства, и наступившей затѣмъ особенно ожесточенной католической реакціей. Въ этомъ и заключалась историческая роль созданной Робеспьеромъ религіи.

Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ.

С. Л. Пташицкаго.

Исторіи изъ римскихъ дѣяній (Gesta Romanorum).

1. Западно-европейскіе сборники и литература предмета.

Сборникъ, извѣстный подъ названіемъ Gesta Romanorum, принадлежитъ къ числу самыхъ распространенныхъ и популярнѣйшихъ произведеній средневѣковой литературы. Вліяніе его отразилось какъ на свѣтской, такъ и на духовной литературѣ западной Европы. Не только проповѣдники и моралисты черпали изъ него матеріалъ, но и писатели такой величины, какъ Боккачіо и Шекспиръ, находили въ немъ мотивы и фабулы для своихъ произведеній. Рукописи этого сборника находятся во всѣхъ главнѣйшихъ библіотекахъ Европы и показываютъ, что списываніе его, начавшись въ XIII ст., не прекратилась съ распространеніемъ книгопечатанія и продолжалось въ XVI столѣтіи. Въ настоящее время описано до 150 разныхъ списковъ, которые въ свою очередь показываютъ, что еще многіе изъ нихъ намъ неизвѣстны. Печатаніе Gesta Romanorum началось въ началѣ семидесятыхъ годовъ XV ст. и продолжалось все XVIII ст. даже въ такой странѣ, какъ Англія. На это произведеніе очень рано было обращено вниманіе. Еще въ XVII ст. извѣстный протестантскій богословъ Саломонъ Гляссъ (1593—1656) доискивался автора или по крайней мѣрѣ составителя этого сборника [1]). Изда-

[1]) Glasius. Philologiae sacrae libri duo. Jena. 1623. Было нѣсколько изданій и послѣднее 1818 г.

тель XVIII ст. произведеній англійскаго поэта XIV ст. Чаусера, Thyrwitt, останавливался на значеніи въ литературѣ Gesta Romanorum и сдѣлалъ попытку опредѣлить время составленія сборника.

Прочное основаніе серьезному изученію этого сборника положено было въ началѣ нынѣшняго столѣтія Dunlop'омъ [2]), послѣ труда котораго англійскіе ученые обратили серьезное вниманіе на значеніе этого памятника въ исторіи литературы. Warton [3]) и Douce [4]) мимоходомъ принуждены были останавливаться на вліяніи Gesta Romanorum на англійскую поэзію. Въ 1824 г. Сванъ издалъ новый англійскій переводъ, предпослалъ ему обширное введеніе и снабдилъ примѣчаніями [5]).

Въ 1838 г. библіотекарь британскаго музея Fr. Madden [6]) издалъ старинный англійскій переводъ по рукописи музея XV ст. съ введеніемъ и примѣчаніями. Это изданіе было назначено для Роксбургскаго Общества и въ продажу не поступало по уставу Общества. Въ 1879 г. S. J. Herrtage [7]), въ изданіи Early English Text Society, напечаталъ старинный англійскій переводъ по рукописи, извѣстной Madden'у, съ варіантами по другимъ рукописямъ. Къ этому изданію присоединилъ обстоятельное изслѣдованіе, которое по настоящее время другимъ не замѣнено.

Въ нѣмецкой литературѣ общія указанія были сдѣланы Ешенбергомъ [8]), Гриммомъ [9]). Въ 1841 г. извѣстный ученый А. Келлеръ напечаталъ, по рукописи XV стол. Мюнхенской библіотеки, старинный нѣмецкій переводъ [10]), а въ 1842 г. извѣстный библіографъ Грессе [11]) издалъ новый нѣмецкій переводъ, составленный по латин-

---

[2]) Dunlop. History of fiction. Edinburgh. 1814. Болѣе извѣстное по нѣмецкому переводу—Liebrecht. Dunlop's Geschichte der Prosadichtung. Berlin. 1851.

[3]) History of english poetry.

[4]) Illustration of Schakespeare.

[5]) Gesta Romanorum transl. from the Swan with preliminary observations and copios notes by the Rev. Ch. Swan. London. 1824. 2 vol.

[6]) Gesta Romanorum, the old english versions, edited by Fr. Madden, London. 1838. 4°. XXII, 530.

[7]) The early english versions of the G. Rom. Formery edited by sir Fr. Madden for the Roxburge club, and now reedited from the Mss. in the British Museum and universitety Library, Cumbrige. By S. I. H. Herrtage. London. Published for the Early English text Society. Extra Series. XXXIII.

[8]) Neue Lit. Anz. 1807; 39—45.

[9]) Hans-Märchen, т. 3, 376 и сл.

[10]) Bibliothek der gesammten deutschen National-Literatur. 23 Bd. Gesta Romanorum das ist der Roemer Tat. Herausgegeben v. A Keller. Quedlinburg u. Leipzig.

[11]) Das älteste Märchen und legendenbuch des christlichen Mittelalters oder die Gesta Romanorum v. Dr. Grässe. Dresden. u. Leipzig. 1842.

скимъ текстамъ и къ переводу присоединилъ обширное введеніе, которое долгое время было единственнымъ полнымъ изслѣдованіемъ, касающимся Gesta Romanorum. Наконецъ въ 1872 г. H. Oesterley издалъ латинскій текстъ по старопечатнымъ изданіямъ съ присоединеніемъ тѣхъ статей, которыя не вошли въ первоначальныя изданія и сохранились только въ рукописныхъ сборникахъ. Пространное введеніе, примѣчанія къ отдѣльнымъ статьямъ сборника дѣлаютъ трудъ Oesterley'а незамѣнимымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исключаютъ всѣ предыдущія изслѣдованія, дѣлая ихъ только библіографическими нумерами [12]).

Во французской литературѣ лучшимъ изслѣдованіемъ остается по настоящее время введеніе Brunet [13]) къ его изданію стариннаго французскаго перевода.

Въ славянской литературѣ впервые было обращено серьезное вниманіе на Gesta Romanorum въ извѣстномъ изслѣдованіи А. Н. Пыпина: О старинныхъ повѣстяхъ [14]). Въ 1878 году Общество Люб. Древн. Письменности [15]) издало русскій текстъ въ старинномъ переводѣ по рукописи, ему принадлежащей. Введеніе и указатель приложенные къ изданію не выдерживаютъ самой снисходительной критикѣ, а потому это изданіе имѣетъ значеніе сырого матеріала.

О чешской редакціи имѣемъ свѣдѣнія въ статьяхъ Иречка въ Часописѣ чешскаго музея (1862 г.) [16]) и Гануша въ Крокѣ (1866); тексты нѣсколькихъ главъ въ томъ же Часописѣ, во II томѣ, выбора чешской литературы и въ чешской антологіи [17]).

О польскомъ сборникѣ упоминаетъ мимоходомъ д-ръ Поливка въ своемъ изслѣдованіи о Повѣсти объ Аполонѣ королѣ Тирскомъ [18]).

2. Общій характеръ сборника. Постановка вопроса.

Изслѣдованіями западно-европейскихъ ученыхъ подробно разобрано содержаніе Gesta Romanorum, указано на происхожденіе каж-

---

[12]) Gesta Romanorum von H. Oesterley. Berlin. 1872.

[13]) Le Violier des histoires Romaines, ancienne traduction française des Gesta Romanorum. Nouvelle édition, revue et annotée par M. G. Brunet (Bibliothèque Elzevirienne. Jannet). Paris. 1858.

[14]) Ученыя Зап. II Отд. Имп. Акад. Наукъ. Кн. IV. Спб. 1858.

[15]) Римскія Дѣянія. Gesta Romanorum. Спб. 1877—1878.

[16]) Casopis Musea Kralovstvi Ceskeho. 1892.

[17]) Jireček Anthologie z literatury česke. Sv. I Прага, 1879.

[18]) Roman o Apollonovi krali Tyrském (Listy filologické. XVI. 5—6).

дяго разсказа, на его распространенность въ литературѣ и поставленъ вопросъ о мѣстѣ, времени составленія сборника, а также и объ имени составителя. Результаты такой работы сведены въ трудахъ Oesterley'a и Herrtge'a. Поэтому здѣсь я вкратцѣ остановлюсь только на составѣ сборника, на вопросѣ о личности составителя и мѣстѣ и времени его составленія.

Подъ именемъ Gesta Romanorum извѣстенъ сборникъ, составленный изъ псевдо-историческихъ разсказовъ анекдотическаго характера, приводимыхъ съ нравоучительною цѣлью. Разсказъ подгонялся къ той цѣли, съ которой приводился, и нравоученіе играло здѣсь существенную роль. Отдѣльные разсказы очень древни и многіе изъ нихъ, нося внѣшній обликъ греко-римской культуры, заходятъ еще далѣе и ведутъ свое начало изъ дальняго востока. Исторія каждаго отдѣльнаго разсказа имѣетъ существенное значеніе въ исторіи образованія той или другой легенды, но для исторіи составленія цѣлаго сборника, по моему убѣжденію, не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Всѣ эти разсказы давно уже существовали на европейской почвѣ къ эпохѣ кодификаціи сборника. Въ него они вошли въ томъ видѣ, въ какомъ странствовали по всей Европѣ, а потому для исторіи сборника не интересна ихъ родословная. Поэтому я оставляю этотъ вопросъ въ сторонѣ, да и для нашей цѣли онъ уже достаточно изслѣдованъ, и перехожу прямо къ вопросу о мѣстѣ времени составленія и личности составителя. Изъ всѣхъ этихъ вопросовъ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о составители сборника—разъ онъ будетъ рѣшенъ, остальные сами собою разрѣшатся. Этимъ интересовались всѣ изслѣдователи, начиная съ Гляеса, названы были разныя имена, и результатомъ оказалось полное незнаніе. Послѣдніе изслѣдователи Oesterley и Herrtage, послѣ всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, пришли къ выводу, что онъ остается безъ отвѣта. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ вопросъ надо поставить такъ, какъ въ настоящее время поставили математикѣ вопросъ о квадратурѣ круга—доказать, что этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ и не долженъ быть разсматриваемъ. Для такой постановки дѣла слѣдуетъ бросить хотя бѣглый взглядъ на исторію возникновенія сборниковъ разсказовъ съ нравоучительною цѣлью. Если съ этой точки зрѣнія посмотримъ, то увидимъ, что даже тѣ данныя, которыми мы располагаемъ, достатоточны для рѣшенія этого вопроса въ указанномъ смыслѣ. Для этого прежде всего остановимся на вопросѣ, къ какому времени нашъ сборникъ получилъ тотъ характеръ и ту схему, которая въ общихъ чертахъ стала повторяться во всѣхъ сборникахъ. Oesterley нашелъ рукопись 1342 г., содержащую разсказы, которые повторяются въ Gesta Romanorum, а рукопись эта вполнѣ соотвѣт-

ствуетъ тому характеру какой имъ присущъ. Но эта рукопись представляетъ несомнѣнный списокъ съ болѣе ранней, а это соображеніе и другіе мотивы заставляютъ его сдѣлать выводъ, что сборникъ нашъ кодифицировался въ XIII стол.

Въ одной изъ рукописей львовскаго университета (1. Н. 8) XV ст. имѣется введеніе къ Gesta Romanorum, не встрѣтившееся до сихъ поръ ни въ одномъ спискѣ. Приписка эта, несмотря на сильную испорченность текста, весьма важна:

Legem (sic!) volentibus aliquam (sic!) de gestibus sive statutis romanorum et de statu imperatorum tam bonorum quam malorum, qui successerunt in romana republica... qui principes et imperatores fuerunt a Caesare Augusto et usque *ad annum dni millesimum cclxi*... Такимъ образомъ составитель ставитъ себѣ предѣломъ годъ 1261-й, а это не случайно, такой предѣлъ могло въ то время поставить лицо, жившее въ этомъ году и дѣлавшее сводъ. При томъ сборникъ этотъ называется Gesta romanorum minora, и въ текстѣ разъ упоминаются— Gesta maiora. Такимъ образомъ, на основаніи данныхъ, имѣющихся въ литературѣ предмета, подкрѣпленныхъ моимъ открытіемъ, я присоединяюсь къ мнѣнію Oesterley'a и склоненъ принять 1261 годъ, за годъ окончателвной кодификаціи Gesta Romanorum въ той редакціи, къ которой принадлежитъ рукопись Львовскаго университета (= Дрезденской).

Исходя изъ того положенія, что сборникъ сложился къ половинѣ XIII ст., мы не можемъ отыскивать его составителя послѣ этого времени и должны остановиться только на такихъ сборникахъ, которые могли существовать до того времени. На первомъ планѣ мы должны поставить Disciplina clericalis, трудъ небезыменный, испанскаго монаха Петра Альфонса, крещенаго арагонскаго еврея Моисея Сефанди (1062 — 1110). Трудъ этотъ XI ст. происходитъ изъ Испаніи и является наслѣдіемъ арабской образованности, создавшимся подъ вліяніемъ христіанской культуры. Объ этомъ, впрочемъ, самъ авторъ говоритъ въ началѣ своего труда: libellum compegi presertim ex proverbiis philosophorum et suis castigationibus arabicis fabulis et versibus, presertim ex animalium et volucrum similitudinibus... et est nomen clericalis disciplina, reddit enim clericum disciplinatum [19]). Такимъ образомъ уже въ XI ст. опредѣлена была и система составленія, форма изложенія и цѣль, для которой сборникъ пред-

[19]) Alphonsi Petri. Disciplina clericalis, mit Einleitung u. Anmerkungen v. Fr. W. Schmidt. Berlin, 1827. 4° Впослѣдствіи перепечатана въ Migne Patrologiae Cursus completus Series Latina CLVII, 671—706. Мнѣ извѣстна рукопись Краковскаю Университета № 1206 и по ней дѣлаются мною выписки.

назначался. Отовсюду собирались примѣры, которые могли наставлять въ добродѣтели клирика. Это первая ступень развитія такихъ сборниковъ. Предназначались сперва они для вразумленія и наставленія лицъ, посвятившихъ себя монашеской-духовной жизни, и только съ теченіемъ времени цѣль ихъ расширилась, предметъ воздѣйствія сдѣлался шире, и изъ стѣнъ монастырскихъ морализованная легенда взошла на церковную каѳедру.

Disciplina clericalis является древнѣйшимъ сборникомъ, въ которомъ собрано въ одно цѣлое такое количество анекдотическихъ разсказовъ съ нравоучительною цѣлью. Изъ этихъ разсказовъ 15 почти цѣликомъ вошли въ Gesta Romanorum. Въ этомъ произведеніи слѣдуетъ видѣть тотъ зародышъ, изъ котораго постепенно образовались и Gesta. Разъ рукопись Петра попалась въ руки монаховъ, они изъ нея выписывали, что казалось подходящимъ, а къ этому добавляли и изъ другихъ источниковъ другіе разсказы. Такихъ бродячихъ разсказовъ, невѣдающихъ отечества, въ то время была уже масса. Они прицѣплялись къ одному общему кому и, катясь подобно лавинѣ, образовали тотъ безыменный трудъ, въ которомъ нельзя отыскать ни того, кто его натолкнулъ, ни того, кто направилъ его по извѣстному пути, ни того кто содѣйствовалъ его дальнѣйшему и окончательному образованію. Въ такихъ произведеніяхъ дѣйствуетъ стихійная сила, она ими управляетъ и ихъ образуетъ. Такіе личности какъ Голькотъ, Vincentius Bellovacensis, авторъ Dialogus creaturarum, Berchorius, брали уже готовый матеріалъ и подчасъ уже систематизированный. Брали его съ полнымъ сознаніемъ права имъ пользоваться, какъ вещью, составляющую общее достояніе, а не чье-либо частное. Поэтому-то въ такихъ произведеніяхъ, какъ Gesta Romanorum нельзя даже доискиваться того, *кто* его составилъ, и слѣдуетъ ограничить изслѣдованіе вопросомъ, какъ онъ составился. Образованіе этого памятника не можетъ принадлежать инициативѣ одной какой нибудь личности, онъ составился постепенно и незамѣтно для составителей. Около небольшаго сборника группировались подходящіе разсказы, въ которыхъ ни текстъ, ни даже замкнутый циклъ не стѣсняли каждаго новаго переписчика. Всѣ относились свободно къ переписываемому образцу, ихъ не стѣсняло фраза текста, ее видоизмѣняли сообразно личному вкусу, и пропускъ однихъ разсказовъ и вставка другихъ были на каждомъ шагу. Дошло дѣло до того, что изъ сотни полторы списковъ, мы не можемъ найти даже двухъ вполнѣ сходныхъ между собою. Сколько рукописей, столько отдѣльныхъ произведеній. Все это конечно, могло случиться только съ такимъ произведеніемъ, которое незнало собственника, оно слагалось постепенно пока, наконецъ, не достигло

извѣстной схемы, которая окончательно установились. Да и до Глясса никому и въ голову не приходило отыскивать составителя Gesta Romanorum, а теперь послѣ Oesterley'a слѣдуетъ окончательно прекратить розыски въ этомъ направленіи. Поэтому-то мы прямо переходимъ къ обзору дошедшаго до насъ матеріала.

3. Западно-европейскія редакціи Gesta Romanorum и старопечатныя изданія.

Все разнообразіе рукописнаго и старопечатнаго матеріала можно подвести къ четыремъ типамъ:

1) Старопечатные латинскіе тексты; 2) рукописные сборники—англо-латинской и латино-германской редакціи и 3) польско-русская группа.

Первая группа прдставляется латинскими, голландскими, французскими сборниками и позднѣйшими нѣмецкими переводами.

Древнѣйшее латинское изданіе, вышедшее въ Утрехтѣ у Ketelaer de-Leempt, на 125 листахъ, содержитъ 150 главъ, которыя соотвѣтствуютъ 151 главамъ позднѣйшаго латинскаго изданія, за исключеніемъ 18-й главы (miles nomine Julianus), которой нѣтъ въ этомъ изданіи, причемъ главы 48—54 помѣщены предпослѣдними (143—149). Второе изданіе вышло въ Кельнѣ у Арнольда Ter Hoeren, вполнѣ соотвѣтствуетъ первому изданію, но имѣетъ одною главою больше. Всего 151 гл., причемъ послѣдняя соотвѣтствуетъ 152 главѣ позднѣйшихъ изданій. Третье изданіе, появившееся въ Кельнѣ у Ульриха Целле около 1473 года содержитъ 181 главу и оно послужило прототипомъ всѣхъ позднѣйшихъ перепечатокъ. Всѣ эти три изданія составляютъ чрезвычайную рѣдкость, и мнѣ не удалось видѣть ни одного изъ нихъ, ни здѣсь, ни заграницей. Богатѣйшее собраніе инкунабулъ Императорской Публичной библіотеки имѣетъ нѣсколько изданій XV ст., но этихъ нѣтъ. По первымъ тремъ изданіямъ сдѣлалъ перепечатку латинскаго текста въ своемъ изданіи H. Oesterley.

По третьему изданію составленъ былъ голландскій переводъ, изданный въ 1481 году Gheraert'омъ Leeu въ Гудѣ въ Голландіи. Подобно латинскому изданію оно содержитъ 181 главу. На концѣ изданія имѣется приписка: Dit boeck dat men hiet die gesten of gheschienisse van romen is voleynt ter goude in hollant by my gheraert leeu Int iaer ons heren MCCCC ende LXXXI of ten laetsten dach van den April. Это изданіе нѣсколько разъ перепечатывалось.

Французскій переводъ соотвѣтствуетъ латинскому изданію, содержащему 181 главу, послѣдовательность главъ въ немъ одна и

та же, только главы 122—125 латинскаго текста поставлены послѣдними, послѣ 181 главы. Пропущены слѣдующія: 27, 53, 87, 88, 91—93, 95, 98, 104, 105, 108, 109, 117, 118, 126, 130, 133, 138, 142—145, 152, 157, 161, 164, 169, 173, 178—180. Текстъ этотъ обстоятельно изслѣдованъ Brunet и сравнительно съ латинскимъ не имѣетъ никакихъ особенностей.

Къ этой группѣ принадлежитъ нѣмецкое изданіе 1538 г. (Strassburg beim Jacob Cammerlander von Mentz), содержащее 127 главъ, къ которому Oesterley отнесся съ пренебреженіемъ, какъ позднѣйшей жалкой, водянистой передѣлкѣ латинскаго оригинала, которая не можетъ быть принимаема во вниманіе. Съ этимъ, однако, мнѣніемъ нельзя согласиться. Это изданіе, хотя и очень позднее, заслуживаетъ нашего вниманія. Это не простое сокращеніе латинскаго печатнаго оригинала, какъ можно бы полагать по заглавію (kürzlich und wol bierin zezamen verteutscht). Въ него издатель включилъ всю исторію Семи мудрецовъ, какъ она сохранилась въ отдѣльныхъ сборникахъ, а не въ рукописныхъ сводахъ Gesta Romanorum. Текстъ этотъ важенъ для исторіи Семи мудрецовъ, на что уже обратилъ вниманіе д-ръ М. Мурко[20]).

Во всѣхъ этихъ изданіяхъ сохранена опредѣленная послѣдовательность разсказовъ. Они начинаются статьею—De dilectione (Pompeius regnavit) и заканчиваются въ третьемъ изданіи и въ переводахъ, по нему составленныхъ, главою—De adulterio.

Въ рукописныхъ сборникахъ не нашлось ни одного списка, который бы могъ служить оригиналомъ для первопечатнаго изданія. Болѣе всего къ нему подходитъ рукопись Мюнхенской библіотеки (напр. № 4691). Рукопись № 9094 не можетъ быть принимаема въ разсчетъ, такъ какъ составляетъ несомнѣнно выборъ изъ печатнаго изданія, притомъ очень поздній (1628 года). Всѣ старопечатныя изданія содержатъ въ себѣ житіе св. Алексѣя и Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ, чего не встрѣчаемъ въ рукописныхъ сборникахъ (за исключеніемъ Рк. XVII ст. Мюнхенской библіотеки).

Къ старопечатнымъ изданіямъ близко примыкаетъ незначительное количество латинскихъ рукописей, которыя по своему характеру ближе всего подходятъ къ оригиналу, послужившему прототипомъ печатныхъ изданій. Всѣ онѣ, какъ и печатные сборники начинаются статьею Pompeius regnavit и лучшимъ ихъ представителемъ являются Мюнхенскія рукописи 4691, 4721. Это самая поздняя редакція въ ней не видно системы и въ нее входитъ множество разсказовъ, вставленныхъ

---

[20]) Beiträge zur Textgeschichte der Historia septem sapientum. Zeitschr. für Vergl. Litteraturgesch. v. M. Koch. 1892, VI, Bd. 1—34.

въ самое позднее время. Впрочемъ и эта редакція сохранилась въ спискахъ XV столѣтія.

4. Рукописные сборники англо-латинской и латино-германской группы. Распространеніе Gesta Romanorum въ Польшѣ.

Отдѣльную группу составляютъ рукописные сборники, которыхъ Oesterley насчиталъ 138 и къ которымъ мы можемъ прибавить еще 1 2 Всѣ эти рукописи поражаютъ изслѣдователя своимъ необычайнымъ разнообразіемъ, какъ по группировкѣ разсказовъ, такъ и по ихъ изложенію. Мы не можемъ найти въ этомъ количествѣ даже двухъ рукописей, которыя бы представляли дословную копію. Переписчики не только не стѣснялись выборомъ статей, но даже и текстомъ разсказа или нравоученія, а потому каждый отдѣльный списокъ можно бы считать за новую передѣлку, за самостоятельный трудъ, если бы это выраженіе было приложимо къ подобнаго рода произведеніямъ. Какъ ни поразительно разнообразіе отдѣльныхъ списковъ, а все-таки и здѣсь можно подмѣтить нѣсколько категорій, изъ которыхъ каждая имѣетъ извѣстные характерные признаки.

Въ первую категорію, болѣе всего замкнутую, слѣдуетъ выдѣлить латинскія рукописи, писанныя въ Англіи. Рукописи эти представляютъ своеобразную группировку статей, не встрѣчающуюся въ средне-европейскихъ сборникахъ, но въ нихъ нѣтъ ни одной такой статьи, которой бы не нашлось въ другихъ сборникахъ. Лучшимъ представителемъ этой категоріи является рукопись Британскаго музея (Harl. 2270), содержащая 102 разсказа; въ ней нѣтъ только разсказа объ Аталантѣ, помѣщеннаго въ другой рукописи того же Музея (Harl. 5369) на первомъ мѣстѣ и вошедшей въ переводъ Wynkyn'a. Такимъ образомъ англо-латинскіе сборники содержатъ всего 102 разсказа, но большая часть рукописей не сохранила въ полноети и этого количества. Въ виду того обстоятельства, что нѣтъ въ этихъ сборникахъ ни одной статьи, которой бы не было въ рукописахъ среднеевропейскихъ, нельзя считать англо-латинскую категорію за самостоятельный трудъ, за нею слѣдуетъ оставить только самостоятельность выбора и группировки разсказовъ. Всего рукописей этой категоріи насчитано до сихъ. поръ 30 (Oesterley, Herrtage).

По этому изводу составленъ былъ и старинный англійскій переводъ, сохранившійся въ спискѣ XV ст. въ рукописи Британскаго Музѣя (Harl. 7333). Сообразно съ англо-латинскимъ текстомъ здѣсь не достаетъ первыхъ 6 главъ и первою поставлена глава 7, далѣе пропущены 35 и 37, и до 69 (= англ. 61), разсказы слѣдуютъ непре-

рывно въ одной послѣдовательности, послѣ чего начинается рядъ пропусковъ—нѣтъ: гл. 70, 72—77, 79, 81—84, 86—95, 97 и 100, т.-е. всего 70 главъ и это самое большое количество разсказовъ, которое находимъ въ англійскихъ переводахъ. Остальныя 2 англійскія рукописи составляютъ выборъ статей въ меньшемъ количествѣ, причемъ не замѣчаемъ соотвѣтствія латинской редакціи. Въ одной изъ нихъ (Брит. Музей Addit. 9066) подъ № 37 находится разсказъ (= лат. 144), котораго нѣтъ въ другихъ рукописяхъ, писанныхъ въ Англіи.

По тексту, соотвѣтствующему латинской рукописи XV ст. Британскаго музея (Harl. 5369), составленъ англійскій переводъ и изданъ около 1510 г. въ Лондонѣ Wynkyn'омъ de Worde. Изданіе это составляетъ величайшую рѣдкость и сохранился всего одинъ экземпляръ въ Кембриджѣ въ С.-Джонской коллегіи. Въ немъ, какъ и въ рк. Harl. 5369—43 разсказы и система одинакова съ англо-латинскими сборниками.

Вторая разновидность этой группы представляетъ собою самую древнюю редакцію. Лучшими ея представителями являются рукописи Дрезденской библіотеки. Въ нихъ замѣчается строго выдержанная послѣдовательность разсказовъ, иногда только нарушаемая отдѣльными вставками и пропусками. Всѣ сборники этой разновидности начинаются статьею—De milite qui ad peregrinandum profectus est—Dorotheus regnavit и оканчиваются разсказомъ De filia regis et quinque militibus et cane. Valerius regnavit. Во второй половинѣ сборника вставлены разсказы изъ Исторіи семи мудрецовъ. Самое большое число разсказовъ 112.

Къ этой редакціи примыкаютъ старинные нѣмецкіе переводы, одинъ изъ списковъ которыхъ издалъ Келлеръ по Мюнхенской рукописи, и чешскій переводъ, извѣстный по двумъ спискамъ, до сихъ поръ еще неизданнымъ.

Эта редакція особенно было распространена въ Германіи и оттуда вошла въ Польшу, гдѣ въ теченіе XV ст. многократно списывалась. До сихъ поръ рукописи, писанныя въ Польшѣ почти не были извѣстны. Oesterley упоминаетъ объ одной краковской рукописи въ приложеніи, Бѣлёвскій (Monumenta Poloniae I) говоритъ объ одной сгорѣвшей рукописи, писанной вь Польшѣ. Мнѣ удалось собрать свѣдѣнія о 10 рукописяхъ, писанныхъ въ Польшѣ, изъ коихъ 8 мною ближе изслѣдованы. Эти рукописи важны для вопроса о распространеніи Gesta Romanorum у западныхъ славянъ, такъ какъ до сихъ поръ не имѣлось объ этомъ болѣе точныхъ свѣдѣній. На нихъ я считаю необходимымъ подробнѣе остановиться, такъ какъ онѣ до сихъ поръ не были изслѣдованы и представляютъ интересныя подробности.

I. Рукопись Краковскаго университета № 435, 1434 г. содержитъ: Petri Trecensis Comestoris historia scolastica, и 2) съ л. 309—340 часть Gesta Romanorum. Рукопись неправильно переплетена и порядокъ слѣдуетъ установить такой: отъ 330—340 и затѣмъ на листѣ 312 продолженіе статьи, которою кончается л. 340. Рукопись эта въ главныхъ чертахъ соотвѣтствуетъ Дрезденской С, 193 d. На листѣ 330 продолженіе статьи лат. 136 и дрезденской 29, затѣмъ слѣдуютъ разсказы, соотвѣтствующіе слѣдующимъ нумерамъ дрезденской рукописи: 29, 31, 36—41, 43—54; 55 Symachus regnavit—кончается на л. 349 словами Tercia die и на л. 312 продолжается vidit nigrum castrum и т. д.; затѣмъ слѣдуетъ 56—58. Послѣ этого идетъ разсказъ, котораго нѣтъ въ дрезденскихъ рукописяхъ и находится въ старопечатномъ изданіи подъ № 101. Narratur de quodam homine nomine Gantherus qui optabat locum et gaudium sine omni tristitia. Послѣ этой вставки слѣдуетъ 60—63; 65—70. Отсюда начинается исторія о семи мудрецахъ: №№ 71, 73, а за ними разсказъ, котораго нѣтъ въ дрезд.: Erat quidam burgensis Rome qui in orto suo habuit arborem nobilissimam. Далѣе слѣдуютъ №№ 74—75, 79. Слѣдующей главы нѣтъ въ Дрезд.: Rex quidam miro modo inflatus et ille intendebat corpora sanctorum Petri et Pauli de Romana civitate violenter auferre. За нею слѣдуютъ главы, соотвѣтствующія №№ 80—83, 85—86, 88—91, 95, 98, 100—104, 106—108 Дрезденской рукописи.

Такимъ образомъ рукопись эта даетъ двѣ новыя статьи, неизвѣстныя до сихъ поръ въ латинскихъ текстахъ и встрѣчающіяся въ нѣмецкихъ сборникахъ, а такъ какъ эти главы находились въ чешской редакціи, то это служило основаніемъ мнѣнія о переводѣ чешскихъ Gesta съ нѣмецкаго.

II. Рукопись того же университета № 1410 XV ст. содержитъ между прочимъ извѣстной трактатъ о семи мудрецахъ въ редакціи *Scala coeli* съ небольшими отступленіями отъ напечатаннаго. Съ л. 513—614. Gesta Romanorum. Incipit historia romanorum mistice designata de milite, qui ad peregrinandum profectus est—и кончается главою Valerius regnavit Rome. По своему составу, за нѣкоторыми пропусками, рукопись соотвѣтствуетъ дрезденской и новыхъ статей не имѣетъ.—Пропущены сравнительно съ Дрезденской №№ 3, 64, 72, 85, 93 и переставлены 87, 88 одинъ на мѣсто другого.

III. Рукопись Краковской библіотеки № 1607 представляетъ особенный интересъ. Она содержитъ:

Стр. 1—397. Sedulius de opere Pascali. Explicit Sedulius per manus cuiusdam Nicolai Presbyteri de Slupniki an. dni 1437.

411—460. Prudentius quidam cum Commentario de columba.—Finis per Andream studentem Cracoviensem a. d. 1434.

461—545. Speculum humanae salvationis.

559—654. Secuntur Gesta Romanorum.

655—708. Physiologus De naturis XII animalium.

709—739. Summa Sententiarum Petri Lombardi.

Explicit Summa per manus Nicolai de Slupniki sacerdotis et est finita a. d. 1437.

739—752. Epistola presbiteris Johannis.

1—95. Aesopus. finitus per manus Petri clerici ao. dni 1435.

99—120. Vacua.

121—131. Liber Bonaventurae.

131—143, 398—406. Sequitur residuitas De gestis romanorum.

На послѣдней страницѣ: A. d. 1460 mgr. Andreas de Stargardia alias de Summen, senior collegii pauperum, protunc decanus facultatis arcium, presentem librum comparavit pro sexagena fferia 6. post Corporis Xristi.

На стр. 606 слѣдуетъ гл. 54 и послѣдняя фраза: „ipsa autem honorifice suscepit". Стр. же 607 начинается словами: „eorum opera contexuerunt" и т. д. какъ обыкновенно оканчивается Historia Troiana Гвидона съ прибавкою Explicit historia troiana per manus cuiusdam Nicolai, vicarii de Gostcza, et est summa dris Gwidonis de Columpnis, finita feria 1 sub ao. 1437. Затѣмъ, переписчикъ вѣроятно спохватился и сталъ продолжать статью 54: et camissiam inspexit" etc.— Вся рукопись имѣетъ видъ книги заготовленной заранѣе для вписанія туда разныхъ трактатовъ. Этимъ объясняются, во-первыхъ, пустые листы, во-вторыхъ, то, что трактаты съ датами раньшими слѣдуютъ позже и, въ-третьихъ, этимъ же можно объяснить тотъ фактъ, что Gesta находится въ 3-хъ разныхъ мѣстахъ: начало: 559—654, продолженіе 131—143 (ч. II-ая) и конецъ 398—408 (ч. I-ая). Т. о. вся эта рукопись составлена изъ отдѣльныхъ трактатовъ и переписка ея относится не къ 1437 г., но вѣроятно была сдѣлана позже, но во всякомъ случаѣ до 1460 года, когда она была куплена за 60 злотыхъ. Рукопись эта весьма важна по своему составу.

Въ общемъ списокъ этотъ подходитъ къ отдѣлу, представляемому дрезденской рукописью, и послѣдовательность статей одна и тоже. Пропущены, сравнительно съ дрезденской, статьи 3, 25, 31, 32, 42.

Въ статьѣ 54, соотвѣтствующей Др. 59 и общелат. 69, оказалась по винѣ переписчика вставка, не относящаяся къ данному сочиненію. Л. 606 кончается словами: „ipsa autem honorifice suscepit", и 607 начинается—eorum opera contexuerunt—слова, которыми обыкновенно оканчивается—Троянская Исторія Гвидона Колонны, послѣ этого: Explicit Historia Гвидона... и затѣмъ уже продолженіе прерван-

ной на л. 606 главы—et camissiam inspexit. Послѣ этого случайнаго перерыва главы этой рукописи идутъ въ томъ же порядкѣ, что и въ Др. до 102 гл. Др., но съ большими пропусками. Сравнительно съ Др. нѣтъ въ Краковской главъ — 72, 84, 87, 88, 92—94, 97 и 98. Т.-о. въ Краковской имѣется до этого мѣста всего 87 главъ. Съ № 88 начинаются вставки, не находящіяся ни въ одной изъ извѣстныхъ по нынѣ рукописей. Эта рукопись заслуживаетъ особеннаго вниманія, и я считаю необходимымъ передать ея краткое содержаніе съ присоединеніемъ добавленій изъ другихъ рукописей польскаго происхожденія.

1. Theorodeus (sic!) statuit pro lege. l. 14.
2. De Gorgaio qui uxorem pulchram accepit. l. 112.
3. De Adonio rege. l. 113.
4. De civitate Polimis. l. 91.
5. De basilisco. l. 139.
6. De quodam milite. l. 82.
7. Romanorum de quodam milite. l. 16.
8. De quodam principe. l. 88.
9. De quodam rege. l. 89.
10. De obtenta misericordia. l. 137.
11. De quadam nobili domina. l. 25.
12. De quodam imperatore nobili. l. 182.
13. De iusto iudice. l. 29.
14. De honoribus victorum et malitiis. l. 30.
15. De morte Alexandri. l. 31.
16. Refert Valerius. l. 33.
17. De regina et duobus fillis. Lupinus regnavit. l. 116.
18. Refert Saturnus, quod Diogenes. l. 183.
19. De praesentia in tempore. l. 184.
20. De arbore et virgine beata. l. 185.
21. Refert Alexander de natura rerum. l. 186.
22. Erat quidam imperator. l. 100.
23. Quondam Romae in quodam loco aperta est terra hiantia. l. 43.
23a. II. Tiberius imperator regnavit. l. 44.
24. De luppo et pelle. l. 187.
25. De vitis patruum. l. 197.
26. Rex quidam nobilis. l. 45.
27. Quidam fur. l. 136.
28. De quodam milite. l. 124.
28a. II. Erant duo fratres carnales. l. 188.
29. De tribus magis. l. 47.
29a. II. Habetur in quodam libro de colloquio Petri ad Jesum. l. 164.
30. De Zelongo Imperatore. l. 50.
31. Alordor (sic!) magnus Pori regis iudeorum (sic!) curiam intravit. l. 198
32. Titus in civitate romana regnavit. l. 157.
32a. IV. Sequitur exemplum de sancta Katherina. Item probat magister Petrus Pavensis libro gestorum notabilium. Quidam antistes mediolanen-

sis Cabinus nomine etc, Item adolescens quidam bonae indolis filius cuiusdam clarissimi comitis patre quidem orbatus sed divitiis honoribus plurimis abundans, quendam ecclesiam in honorem S. Catherinae constructam... frequentabat.

33. Devogarus imperator regnavit. l. 58.
34. Ozechius regnavit. l. 196.
35. Darius in civitate romana rexit. l. 120.
36. De divina presumptione. l. 59.
37. Damchal regnavit. l. 20 (?).
37a. II. Octavianus regnavit. l. 249.
38. Tiberius in civitate romana regnavit. l. 85.
39. Claudius regnavit. l. 61.
40. Gaius in civitate romana regnavit. (Florentina). l. 62.
41. Theodosius in civitate regnauit. l. 105.
42. Rex habuit leonem et leenam, et leopardum. l. 181.
43. Trayanus in civitate romana regnavit. l. 83.
44. De Anthonio. l. 64.
45. Sequitur de milite. l. 84.
46. De tribus sociis. l. 106.
47. Sequitur aliud. Lucius regnavit. 189.
48. Adrianus regnavit. l. 86.
49. Tellius (?) in civitate romana regnavit. l. 65.
50. Mymachus regnavit in civitate romana. l. 190.
51. Severius regnavit. l. 46.
52. Anthonius regnavit. l. 199.
53. Arianus regnavit. l. 68.
53a. I. Narratur de quodam homine nomine Gantherus. l. 101.
54. De quodam carpentario. l. 69.
55. Sequitur de sancta trinitate (Sagittarius). l. 167.
56. De rege et filia. l. 70.
57. Quidam rex regnavit. l. 129.
58. Erat quidam avarus sedens iuxte mare. l. 109.
59. Quidam rex erat, qui statuit pro lege. l. 143.
60. Sequitur aliud. Quincillus. l. 73.
61. Aurelianus regnavit. 74.
62. Quidam rex fuit Tymotheus. l. 76.
63. Quaedam civitas erat iuxta mare. l. 200.
64. Miles quidam erat magnus praedo. l. 127.

(VII Sapien.).

65. De Ponciano. Poncianus regnavit prudens valde, qui pulchram uxorem habuit.
66. Erat quidam miles strenuus, qui tantum unicum filium habuit, et tantum dilexit eum, quod tres nutrices pro custodio puero adiunxit.
67. Quidam imperator regnavit, qui habebat nemus, in quo erat quidam aper crudelis.
68. Quidam miles erat in una civitate senex, qui habuit uxorem iuvenculam.
69. Quidam miles erat in civitate romana, qui duos filios habuit et unam filiam.

70. Sequitur de pyca, quae loquebatur.
71. De milite et iuvencula.
72. Sequitur de turri et imaginibus.
72a. I. Rex quidam miro modo inflatus чешск. 79.
73. Quidam imperator regnavit Romae qui habuit septem sapientes.
74. Quidam imperator statuit pro lege—dare tres ictus. l. 17.
75. Quidam pauper fuit. l. 114.
76. Erat quidam imperator, qui habebat quoddam nemus. l. 115.
76a. II. Daniel vidit statuam. l. 213.
77. Justinus in civitate romana regnavit. l. 117.
78. Narratur quod lex fuit. l. 90.
78a. II. Quidam princeps erat. l. 152.
78b. II. Refert S. Augustinus. l. 23.
79. Regina quaedam concepit de fure. l. 26.
80. Legitur de quodam viro. l. 174.
81. Quidam dominus erat, qui habuit ianitorem. l. 157.
81a. II. Legitur in scolastica historia. l. 214.
81b. II. Legitur quod aquila in alto nidificatur. l. 37.
82. Legitur in gestis romanorum. l. 39.
83. Cosdras imperator... consiliavit Apollinem. l. 41.
83a. II. Erat quidam homo. l. 191.
83b. II. Tulius narrat. l. 46.
84. Quidam rex habuit tres filios et lapidum praetiosum. l. 120.
85. Refert Valerius. l. 215.
86. Legitur in Vitis Patruum. l. 165.
87. Pompeius statuit pro lege. 134.

Отсюда начинается вставка, которой нѣтъ ни въ одной рукописи и продолжается до 103 главы:

88. Quidam monachus tria fercula dedit (quidam abbas dedit monasterio tria fercula).
89. Erat quidam civis in quodam civitate nomine lucana.
90. Quidam homo ambulando per heremum vidit quendam hominem in heremo velud bestiam nudum.
91. De silencio. Erat quidam philosophus nomine Secundus. Iste datus fuit tempore iuvenili ad studium in Athenis.
92. Quidam abbas ab abbatissa calore corpus unius virginis impetravit, quod ipsa in capsa argentea in sua ecclesia collocavit.
93. Quidam religiosus cum has virgines in devotione multo tempore haberet... (rubro) ut habetur de XI milia virginum.
94. Legitur quod quidam mercator in una taberna pecuniam servaret. Videns tabernator dixit servo, quod mercatorem occideret.
95. Erat quidam baro serviens beate virgini et construxit hospitale pauperibus.
96. Incipitur notabilia bona de passione dni nostri.
    1) Sequitur de funa, qua erat Ihus ligatus a iudeis.
    2) Sequ. testimonia contra Iesum.
    3) Sequitur vestis qua erat Iesus indutus a Judeis.
    4) Et ille pannus quo ligati oculi Christi erant.
    5) Sequitur crux Christi in quo Christus passus fuit.
    6) Sequitur lignum crucis transversum.

7) Sequit. postquam crux Christi fuit conclavata.
8) Tunc. lacrimatus fuit Iesus dicit beatus Nudius.
9) Sequitur de lapide in quo fuit fixa crux Christi in crucifixione.
10) Color vexilli sc. panni.

97. Слѣдуетъ историческая вставка:

Ano domini millesimo ducentesimo venientes impii pagani quos dicebant esse thartaros que terram Sandomiriensem intrantes et castrum Sandomiriense subvertentes multimodam ibi multitudinem christianorum occiderunt quorum non erat numerus. Et quorum sanguis fluebat usque in fluvium qui nuncupatur Vysla. Hoc facto intraverunt ecclesiam sancte Marie que ibi syta et consecrata erat in honore virginis Marie gloriose ipsam incenderunt, protinus igne et multos ibidem christianos cremaverunt. Et multas reliquias sanctorum que ibi erant disperserunt et ornamenta ecclesie praedictae asportaverunt. Et hoc factum dixerunt in festo purificationis beate Marie. Et tunc praedicti pagani die recesserunt.

Anno domini M°CCC°XXXI° Cruciferi erant interfecti per regem Boleslaum. Anno domini M°CCC°XLV° Rex Bohemorum cum exercitu suo ante Cracoviam venit.

Anno domini M°CCC°XLIX flagellatores nudi venerunt de Ungaria; eodem anno pestillencia magna erat in Cracovia.

Anno domini M°CCC°LIII° in vigilia penthecosten nix fuit et tribus diebus iacuit.

Anno domini M°CCC°LXXXVI° in dominica Esto noster rex Wladislaus alias Jagello in Ecclesia Cracoviensi in regem Polonie est coronatus.

Anno domini millesimo trecentesimo tricesimo primo a sclawis victi et per faciem circumvicti. Enee polonorum cecidit gens theutonicorum. Viginti prostrati duo milia sunt numerata. Soli barbati sexcenti sunt qui necati. Octo bis vere sclawi tantum occiderunt Cracow in campo Radzeow clamaverunt poloni; accidit octobris quinis hoc mense Kalendis. In regno polonie necnon rusie litwanie tandem natus est primus rex Wladislaus in vigilia omnium sanctorum sub anno domini M°CCCC°XX quarto. Secundus vero in festo sancte Sophie in vigilia ascensionis domini nostri Jesu Christi Casimirus sub anno domini M°CCCC° 26. Et quando est natus secundus rex tunc tercia feria sancti Spiritus in proximo in lacu circa ecclesiam sancti Stanislai in toto aqua erat sanguinolenta facta; hoc primum miraculum deus fecit quando est natus.

O vos Sacerdotes Dei. Vos tangunt sermones mei Magne estis dignitatis Agnum vas salutis tractatis Quem Ieremias ore prophetavit Iohannes digito demonstravit Maria in ventre portavit.

98. Legitur quod quadam vice duo viri dormierunt in sermone. Sedens unus autem sompniavit, quod multum esurivit videbatur sibi, quod salarium esset ante eos apertum et aperto ore momordit alteri nasum suum. Ecce quam male esset in sermone dormire.

99. Legitur quod quidem iudex equitavit ad forum et videns dyabolum in specie hominis interrogat eum quid esset. Dixit ei quod esset dyabolus. Cum quereret ab eo quo iret, dixit ad forum vado... Ecce quidam

homo portabat porcum ad forum. Et cum porcus nollet ire in via, ille iratus dixit, o utinam te dyabolus acciperet.

100. Quidam miles erat in una via, qui castrum habebat et omnes transeuntes spoliabat.

101. Quidam miles literatus divina suasione ductus, qui missam beate Marie virgini quando potuit non neglexit.

102. Legitur quidam Iudeus mirabatur quomodo divinitas et humanitas esset in corpore Christi.

Эта глава оканчивается на 634 стр., и затѣмъ во 2-й части рукописи на стр. 131 Sequitur residuitas de Gestis Romanorum. Гл. 103 является началомъ для общелат. 119. Это мѣсто есть только въ рукописяхъ. Въ печатныхъ текстахъ неизвѣстно, его не приводитъ Oesterley. Есть въ англійскихъ.

103. Domicianus regnavit potens valde qui cum semel per imperium equitaret quidam pauper obviabat satis elegantis pulchritudinis et elemosynam ab imperatore petivit. Ait ei imperator: Dic mihi unde es et quod est tibi nomen. Cui respondit Indignus vester homo sum, et vocor ingratus. Ait imperaror si scirem, quod bonus esses te promoverem. Ait ille sub iuramento firmiter promitto. Imperator pietate motus eum secum duxit et tenuit ut infra. Breve tempus tam bene et prudenter in curia imperatoris se habebat, quod eum druitem fecit. Et postea cum cito eum marsalkum fecit, ille vero cum sic exaltatus fuerit, elevatum est cor eius, quod omnes pauperes opprimebat etc.

104. Erant duo germani fratres unus clericus et alter laicus. Соотвѣтствуетъ нѣм. 26.

105. Amicianus regnavit in civitate romana prudens valde et per omnia iustus et nulli parcebat quin per viam iusticie incideret (lat. 103. Др. 104).

106. Velimus romae regnavit potens valde in cuius regno fuit miles devotus et multum misericors, qui habebat pulchram uxorem, sed adulterabatur nec desistere volebatur (lat. 102. Др. 106).

107. Erat quidem miles Placidus nomine strenuus, qui pulchram uxorem habebat et duos filios. Accidit quod semel ad venandum equitavit, vidit a longe cervum magnum gerentem inter cornua crucem auream. Et cervus conversus ad eum ait: quid me persequeris ego sum Christus pro te crucifixus (l. 110. Др. 107).

108. Valerius refert. Regnavit Rome potens valde, qui unicam filiam habuit, quam miro modo dilexit in tantum, quod quinque milites ordinavit qui eum custodirent (l. 212. Др. 108).

Отсюда идутъ главы, которыхъ нѣтъ въ другихъ рукописяхъ.

109. Antiquius in civitate Atheniensium fuit constituta talis lex, ut cecus de publico mille denarios reciperet.

110. De cogitatione quomodo alit. Fuerunt duo fratres filii unius patris, quorum unus fuit pauper alter dives.

111. De integritate sacerdotis. Cum sacerdotes templi lucro attendent, accidit ut templum deorum succenderetur.

112. Quidam homo habuit duos filios, unum de libera alium de ancilla.

113. Quedam filia cuiusdam divitis serviebat dee Veste et erat valde pulchra.

114. Erat quidam iuvenis dicte civitatis Atheniensium qui adamavit uxorem cuiusdam tyranni.

Эта глава прерывается на стр. 163, и ея конецъ находится въ I части на стр. 368.

115. Quomodo anima sollicitatur de peccatis mortalibus. Fuit in civitate Atheniensium quedam domina valde pulchra et pudica que habebat sponsum.

116. Quomodo anima devota contra dyabolum et corpus conqueritur. Legitur quod quidam civis ad locum perrexit ad interficiendum quendam tyrannum. Quod videns tyrannus fugit ad quandam domum cuiusdam Birrigensis civitatis.

117. Quomodo sensualitas impedit claritatem anime. Erant duo homines— unus dives et alter pauper et isti habitabant iuxta se.

118. Quomodo corpus et dyabolus pugnant contra animam. Circa civitatem Atheniensium erat una villa in qua fuerat quidam dominus, qui habebat servos.

119. Quomodo deus adoptat vos sibi in filios. Quidam homo habuit tres filios, quos omnes propter eorum inobedientiam et malam vitam abhereditavit. Et circa illum divitem habitavit quidam pauper vicinus, qui habebat unum filium. Et interrogat dives pauperum, si ei filium suum vellet adoptare. Audiens hoc pauper gavisus est, precogitans quomodo ego dabo sibi filium meum et ipse sibi filios suos abheredavit. Et cum sibi pauper dedisset filium suum tam diu circa ipsum permansit, quod post modum et post mortem ipsum divitias obtinuit. Spiritualiter.

120. Quomodo corpus debilitatur. Quidam civis persequebatur tyrannum ut eum occideret.

121. Quomodo corpus peccando animam atrociter percuttit. Legitur quod quidam civis famulum verberavit acriter et ideo fuit exulatus de civitate et a suis pertimentiis.

122. Quamvis homo a multis prohibeatur bonum operare, non debet desistere et sic declaratur in tali. Quidam filius patris familias victoriam ter obtinuerat et non ideo amplius pugnare non tenebatur.

123. Homo christianus in mortali peccato non debet ab oratione et a bonis operibus desistere, sed ea deflere. In civitate Atheniensi fuit talis lex ordinata.

124. Quomodo anima debet se sensualitate contradicere cum adiutorio Christi. In civitate Atheniensi cives habuerunt fedus cum quadam alia civitate ita quod in bellis una deberet alteri subvenire.

125. Quos demon temptabat illos nec possidere desistit. Quidam dives prepotens dominus habuit filium, qui filius accepta magna pecunia a suo patre perrexit cum ea ad negotiandum.

126. Legitur, quod fuit quidam cecus, qui habuit dominum crudelem et volens de manibus eius effugere invenit sibi discoctum ductorem.

127. Avicenna dixit. Quedam avis semper circa litus maris commedabat gramina contendebat cum magno serpente.

128. Narrat Valerius de quodam habente filium ingratum et inobedientem.

129. Refert historia in libro de vita et obitu Alexandri Imperatoris quod quando cepit pugnare adversus Darium regem rex de ipso indignatus misit sibi tria dona.

130. De tribus amicis narratur. Legitur quod fuisset quidam nobilis qui habuit tres amicos.

140. De avaritia narratur. Refert Isidorus libro ethimologiarum quod s. antiqui mercurium qui est unus planeta defingebant ad similitudinem unius mercatoris.
141. Narrat auctor in libro de natura avis, quod esset quedam avis que dicitur avis paradisi et sic vocatur propter pulchritudinem pennarum.
142. De Adam et Eva. Legitur quod quidam rex potentissimus ortum deliciarum habuit arboribus pomiferis et herbis odoriferis decenter ortum decoravit. Quem cuidam iuveni pulcherrimo et uxori sue commisit.
143. De amicis. Quidam homo habuit amicum venientem ad se et valde esurientem et non habuit quid ei daret ad manducandum.
144. Quidam cecus habuit pulchram uxorem et nunquam eam a se permisit recedere. Конецъ на л. 406.

IV. Сборникъ Львовскаго Университета 1. H. 8. содержитъ: Gesta Romanorum въ спискѣ 1478 г. Этотъ сборникъ содержитъ:

1—36. Tractatus IV de virtutibus.

37—57. Mappa mundi Johannis de Montelino.

58. Vita beati Bartholomei.

61. De conversione S. Margaretae.

63. Vita S. Catherinae.

65. De translatione sive canonisatione S. Stanislai.

69—197. Gesta Romanorum.

197—212. Historiae ipsius Prudencii de vetere et novo testamento et primo de Ada et Eva.

213. Sermo de passione Domini Andreae Abbatis Nossek. 249. Explicit per me Stanislaum de Cracovia monachum in Tiniecz. Sabbato proximo ante quinquagesima Ao. Dni 1488.

250. Sententia Pilati; Vita S. Adalberti. 257. Vita S. Stanislai; 262. Vita S. Hedvigis. 279. Vita et Passio S. Vincenti. 287—425. Cronica fratris Martini.

Текстъ этихъ Gesta любопытенъ по предисловію, которое ни въ одной рукописи до сихъ поръ не встрѣчалось. Въ общемъ составъ рукописи соотвѣтствуетъ Дрезденской. Сравнительно съ этой рукописью недостаетъ №№ 3, 5, 17, 25, 32, 42, 64, 72. Кромѣ того глава 31 Дрезд. рук. поставлена подъ № 99, и прибавлены три главы, которыя не встрѣчаются въ другихъ рукописяхъ. Послѣ главы, соотвѣтствующей 36 Дрезд., идетъ № 31.—Sequitur exemplum de sancta Katherina. Item probat magister Petrus Pavensis in libro gestorum notabilium. Quidam antistes mediolanensis Cabinus nomine и т. д. Послѣ главы, соотвѣтствующей Дрезд. 108, слѣдуетъ глава, отмѣченная въ Дрезд. № 31, а затѣмъ два разсказа, не встрѣчающіеся въ другихъ рукописяхъ: № 100. Refert Valerius quod quidam homo flens dixit vici-

no suo: habeo arborem infelicem in orto meo in qua uxor mea primo suspensa est, post modum secunda et tunc tercia. № 101. Cesarius narrat quod quidam abbas habens qnendam fratrem in claustro infirmum parcebat sibi sub obedientia religiosa, ut carnem comederet. Послѣ этого разсказа слѣдуетъ приписка: Expliciunt Gesta Romanorum minora per me M. de Kij sub anno dni MCCCC septuagesimo octauo. Здѣсь любопытно названіе Gesta *minora*, чего мы не встрѣчаемъ въ однородныхъ съ нашимъ сборникахъ. Въ соотвѣтствіе этому въ главѣ 86, соотвѣтствующей Дрезденской 95, говорится—Legitur in gestis Romanorum *maioribus*, тогда какъ въ другихъ рукописяхъ сказано—in gestis Romanorum.

Предисловіе къ этому сборнику очень важно по опредѣленію даты, до которой авторъ намѣренъ повѣствовать Gesta romanorum— a Caesare Augusto usque ad annum millesimum cclxj [1]). Годъ 1261 не можетъ быть взятымъ случайно и, вѣроятно, принадлежитъ первому кодификатору сборника. Такимъ образомъ, составителями его окончательно не могутъ считаться ни Helinand († 1227), ни Berchorius († 1362), ни Holcot († 1349).

V. Рукопись XV ст. Львовскаго университета (I. H. 7) не представляетъ особаго интереса. 87 первыхъ главъ вполнѣ соотвѣтствуютъ Краковской № 1607, но не заключаютъ послѣдующихъ вставокъ. Глава 88 соотвѣтствуетъ 103 Крак. и Дрезд.; 89— соотв. 104 Дрезд.; послѣднія 3 главы соотвѣтствуютъ вполнѣ Дрезд. и оканчиваются разсказомъ Valerius Regnavit.

VI. Вислицкій сборникъ Императорской Публичной Библіотеки (Лат. F. XVII. 141) содержитъ Gesta въ спискѣ 1466 года. Въ этомъ сборникѣ находятся: 1—55. Gesta Ramanorum mistice designata съ припиской—Expliciunt Gesta Romanorum per manus cuiusdam Alberti clerici de Radoszice sub anno nativitatis domini carnaliter millesimo CCCCLXVI. A thak czy bylo.

---

[1]) Legem (sic!) volentibus aliquam (sic!) de gestibus sive statutis Romanorum et de statu imperatorum tam bonorum quam malorum qui successerunt in Romana republica preterea quibus qui memorati principes et imperatores fuerunt a Cesare Augusto et usque ad annum domini millesimum CCLXI. Et ab orbe condito usque ad diluvium fuerunt duo milia annorum. A diluvio vero usque ad Romam conditam fuerunt anni duo milia et LXXXIII. Et post eversionem vero Troye fuerunt anni CCCCXIII. Et ideo urbs romana fuit condita seu constructa a Romulo et Remo fratribus gemellis...

Postea Augustus Cesar in ea regnavit sub quo fuit pax per universum mundum per aliquod decem annos. Dehinc Julianus Cesar regnavit decem annis tandem a Romanis occiditur et postea ab ipso Cesare omnes alii processerunt cesares qui per ordinem secuntur. Sequitur de sustentacione parentum per filios.

57—93. Elucidarius съ такою же припискою и польскою прибавкой—Tho thobye xansze Janye.

97—111. Хроника Мержвы.

112—149. Разные трактаты Ѳомы Аквинскаго.

150. Приписка—Anno dni MCCCL princeps Excellentissmus Kazimirus secundus dei gratia poloniae Rex ecclesiam sanctae Mariae Vislicensem quadrato lapide fabricauit de cuius beneficio memor clerus Vislicensis et populus decus sui operis ao dni MCCCClX quarto aureis inscriptis litteris·... и далѣе разныя замѣтки вислицкаго монастыря и послѣдняя 1544 г.

Составъ этого сборника Gesta Romanorum почти приближается къ Дрезд. F. 61a, fol., и сравнительно съ этой рукописью встрѣчаются небольшія видоизмѣненія. Послѣ главы 56 De sagitario вставленъ разсказъ De puella quae virum numquam ducere voluit, соотвѣтствующій № 61 второй Дрезд. рукописи. Кромѣ того, нѣтъ разсказа № 83 De ponte et feris. Послѣдняя глава—De unica filia capitulum. Valerius regnavit Rome.

VII. Витовская рукопись Публичной библіотеки (Лат. F. XV. 13) содержитъ Gesta Romanorum съ припискою Expliciunt Gesta Romanorum anno dni MCCCCLXXII. Рукопись эта болѣе приближается къ первой Дрезденской, за исключеніемъ №№ 26, 58, 69, 70 и 83, которыхъ нѣтъ, и трехъ статей, находящихся во второй Дрезденской — 61, 70 и 100 и которыхъ нѣтъ въ первой, а находятся въ витовской рукописи.

VIII. Рукопись Публичной Библіотеки (Лат. A. XV. 163) неизвѣстнаго происхожденія изъ библіотеки Залускаго содержитъ отрывокъ въ 32 главы, соотвѣтствующій второй Дрезденской рукописи. При этомъ въ ней нѣтъ 3 главы Дрезденской, но нумерація идетъ такимъ образомъ, что послѣ нумера 2-го поставленъ 4-й и, такимъ образомъ, нумерація совпадаетъ, хотя въ 32 нумерахъ всего 31 глава. Кромѣ того, недостаетъ нѣсколькихъ листовъ изъ средины рукописи, такъ что послѣ 13 главы слѣдуетъ 16-я. Глава 32 не окончена и обрывается словами quicquid potuit in os suum devorabat et alios (Лат. 164).

Кромѣ описанныхъ выше рукописей, неизвѣстныхъ изслѣдователямъ, имѣются указанія еще на двѣ, писанныя въ Польшѣ.

IX. Тынецкая рукопись, сгорѣвшая во время бомбардировки Львова въ 1848 г. Она описана въ рукописныхъ запискахъ Бѣлевскаго, хранящихся въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ и отчасти въ Monumenta Poloniae (I. 320). Часть, интересующая насъ, пропущена въ Monumenta, а потому ее воспроизводимъ по запискамъ Бѣлевскаго. На л. 20 обор.—Incipiunt Gesta Romanorum. Dorotheus Imperator...; 13 обор. — Cronica Romanorum. Legitur in Cronica romanorum, quod

tempore suo filii Noe edificauerunt turrim. 14 обор. Epitaphium Chrabri Boleslai, напечатанное въ Monumenta. 15. Tytus in civitate romana regnavit. Такимъ образомъ, это списокъ той же группы съ нѣкоторыми посторонними вставками. На л. 67 обор. Et sic finis istius boni operis scilicet Gesta romanorum finitum per Stani proponendo Slau hys adiungendo ultimum S fini dando que scripsi hys nomen pando Stre iungendo cza ponendo K et A finiendo. Cognomen vobis pando, Deum verum colendo sub annis domini 1490. Takocz kzaze Stanislawye day boze byl wyelkym Opatem w they wyelebney swyathey dostoyney slawye.

X. Рукопись Влоцлавской семинаріи 1501 г., описанная подробно З. Ходынскимъ *) и содержащая, между прочимъ, синодальныя статуты и апокрифическое письмо Спасителя съ неба на польскомъ языкѣ. Отъ 153—236 л. Gesta Romanorum съ припиской Finis Gestorum Romanorum per me Michaelem de Krobijno, filium Mathie, anno domini 1501 in vigilia assumptionis Marie hora vespertina quasi, protunc in Covalye existens utensque regimine schole. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ любезно прелатомъ С. Ходынскимъ, рукопись эта принадлежитъ къ одной категоріи съ предыдущими. Она любопытна, какъ единственная рукопись XVI столѣтія.

Разсмотрѣнныя нами рукописи, писанныя въ Польшѣ, указываютъ намъ на распространеніе тамъ Gesta Romanorum въ одной только редакціи и то той, которую слѣдуетъ считать болѣе древнею. Но и въ Польшѣ, на сравнительно небольшой территоріи, мы видимъ разнообразіе въ спискахъ; мы не нашли ни одной рукописи, которая была точною копіею другой. Разнообразятся онѣ не только по своему составу, но и по варіантамъ въ самомъ изложеніи. Притомъ въ двухъ рукописяхъ мы нашли записки изъ польской исторіи, не входившія въ составъ Gesta, и въ одной рядъ статей, не встрѣчавшихся въ другихъ спискахъ, но по своему характеру вполнѣ подходящихъ къ нашему сборнику.

5. Древне-германскій и чешскій переводы.

Старинная латинская редакція, широко распространившаяся въ рукописяхъ по всей средней Европѣ, была переведена только на нѣмецкій и чешскій языки. Нѣмецкихъ рукописей насчитано всего 24 и всѣ онѣ относятся къ XV ст., самая ранняя сохранилась въ спискѣ 1428 года. Число разсказовъ, въ нихъ заключающихся, доходило до

*) Statuta synodalia dioecesis Wladislaviensis et Pomeraniae. Varsaviae 1890, стр. XIX.

112, и одна изъ рукописей этой категоріи издана Келлеромъ. Въ ней впрочемъ разсказы неправильно перенумерованы: вмѣсто 112 сосчитано 111. Тотъ ближайшій латинскій текстъ, съ котораго сдѣланъ старонѣмецкій переводъ, трудно опредѣлить. Я сравнивалъ до 10 латинскихъ списковъ, и все-таки оказывались нѣкоторыя разновидности, которыя не могли войти въ нѣмецкій переводъ помимо латинскаго оригинала.

Текстъ этотъ по Мюнхенской рукописи изданъ Келлеромъ. Къ этой редакціи близко примыкаетъ старопечатное нѣмецкое изданіе, вышедшее въ Аугсбургѣ въ 1489 году. Этотъ текстъ значительно отличается отъ старопечатныхъ латинскихъ сборниковъ и по своему составу приближается къ рукописнымъ редакціямъ. Первыя девять главъ расположены въ той же послѣдовательности, какая обща большей части рукописей латино-германской группы. Въ эту редакцію вошли разсказы изъ Семи Мудрецовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они встрѣчаются въ рукописяхъ той же группы. За этими общими сходными чертами слѣдуетъ многое, чѣмъ изданіе это отличается отъ общаго рукописнаго преданія и отъ установившагося печатнаго текста. Поэтому это изданіе имѣетъ особое значеніе въ исторіи изводовъ Gesta Romanorum. Въ немъ 95 главъ, по счету Oesterley. Заглавія ихъ переданы съ точностью у того же изслѣдователя.

Нѣмецкій переводъ изслѣдованъ Oestelrey'емъ, и здѣсь на немъ мы останавливаться не будемъ.

Къ этой же группѣ относится чешскій переводъ, ни разу до сихъ поръ еще не напечатанный и составленный несомнѣнно по рукописному тексту.

Онъ дошелъ до насъ въ двухъ спискахъ XV столѣтія. Обѣ рукописи находятся въ Прагѣ. Одна отъ 1473 г. въ четвертку въ чешскомъ народномъ музеѣ (3. F. 25) и другая безъ даты тоже XV ст. принадлежитъ библіотекѣ пражскаго университета (XVII F. 28), рукопись не полная и дополнена въ 1864 г. по музейному списку. Обѣ эти рукописи извѣстны были Юнгману (Hist. Lit. Ceské изд. II, III 73). Отрывки напечатаны Иречкомъ въ Cas. Ces. Musea 1862 годъ (360—380); въ его же Antologie (I; 183—186) въ Vybor чешской литературы (II 897—907). Писали объ этомъ Иречекъ въ Часописѣ и въ Rukovet dějinam leratury české (II 201) и Ганушъ (Krok. 1866). До сихъ поръ, однако, не было установлено правильнаго взгляда на отношеніе этого перевода къ западно-европейскимъ текстамъ и не указано даже на его содержаніе. Въ виду различія сборниковъ Римскихъ Исторій на западѣ и даже нѣкоторой національной самостоятельности, необходимо установить точное отношеніе чешской группы къ остальнымъ. Иречекъ ограничился указаніемъ

на то, что переводъ сдѣланъ во второй половинѣ XIV ст. и притомъ съ латинскаго языка. Въ виду малаго обслѣдованія состава рукописи необходимо прежде всего остановиться на этомъ вопросѣ. По своему внѣшнему виду чешскій переводъ относится ко второй латинской группѣ. Всѣ внѣшненіе характерные признаки на лицо: число главъ 111 (въ Др. С. 193 главъ 108). Начинается статьею о почитаніи родителей, въ серединѣ имѣетъ исторію семи мудрецовъ и кончается разсказомъ о царской дочери, пяти солдатахъ и собакѣ. Такимъ образомъ сборникъ принадлежитъ къ одной семьѣ съ Польско-Латинскими списками, Дрезденскими рукописями и нѣмецкой мюнхенской, изданной Келлеромъ. При сравненіи съ латинскими текстами беремъ за основаніе Крак. 1607.

Первыя девять главъ соотвѣтствуютъ вполнѣ лат. и нѣм. текстамъ, десятой (Свѣча) въ лат. рукописяхъ нѣтъ и только есть въ печатномъ текстѣ (98), и въ нѣмецкомъ переводѣ. При этомъ чешскій текстъ ближе къ нѣмецкому, чѣмъ къ Вульгатѣ. 24-й главы нѣтъ въ Крак., но она есть въ Др.; 26 глава представляетъ затрудненіе въ указаніи ближайшаго источника. Ни у Келлера, ни въ извѣстныхъ (выше описанныхъ) латинскихъ рукописяхъ ея нѣтъ Эстерлей даетъ ее въ приложеніи (арр. 62), и она есть въ нѣм. Дрезд. (М. 55) № 25. Главы 31, 32, 42 находятся въ Дрезденской (въ Кр. нѣтъ), причемъ 42-я глава встрѣчается не во всѣхъ нѣмецкихъ сборникахъ. Главы 60, 73 и 79 изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ рукописей имѣются только въ краковскомъ отрывкѣ (№ 435); 84, 87, 88, 92, 93, 94, 97 не имѣются въ *Крак.* но есть въ Дрезд.; 98-я соотвѣтствуетъ приводимой Oesterley'емъ въ арр. 57; 99 содержитъ вторую половину 46 Вульг. и по выраженію болѣе подходитъ къ *лат.*, чѣмъ къ *нѣм.*, 103 и 104 находятся въ Дрезд. Таковъ общій составъ чешскаго перевода, который по внѣшнему виду болѣе подходитъ къ нѣмецкимъ текстамъ; но извѣстно, что нѣмецкіе сборникѣ составляютъ переводъ латинскихъ, поэтому отъ такого сходства чешскаго текста съ нѣмецкимъ можно придти только къ тому выводу, что еще не отыскана та латинская рукопись, съ которой сдѣланъ какъ нѣмецкій, такъ и чешскій переводъ. Поэтому для рѣшенія вопроса, съ чего сдѣланъ чешскій переводъ, приходится обратиться къ критикѣ текста.

Иречекъ привелъ рядъ словъ, которыя несомнѣнно взяты съ латинскаго, но можно привести много такихъ выраженій, которыхъ мы не находимъ въ латинскихъ текстахъ:

Въ главѣ 1-й въ *лат.* filii parentes sustentarent; *нѣм.*, vaeter und ir muter; *чешск.*, otce i maters. Гл. 3-я torneomenta et hsitludia, turniern und Justleich; Turney y Kolbu (чешск. Kolba=Das Turnier). Гл. 27 и 30 значительно ближе къ нѣмецкому, чѣмъ къ латинскому тексту.

Въ 31 przygata w zakon do gednoho klasstera, in quoddam claustro sunt recepti. Emd die wurden in ein chloster genomen in einen orden. 66—sto ssilniku-hundert Schilling, centum solidos; глава 82 ближе къ нѣмецкому, чѣмъ лат. тексту. Въ 90—hada uwazaneho za oczas (хвостъ) k drzewu—serpentem ligatum a pastoriibus ad arborem, ein natern gepunden zuo einem paumb mit dem zagel.

104 ближе къ нѣмецкому. 105—wydiel gest murzenyna—ein morn, etiopem.

Рядомъ съ этими сходствами чешскаго текста съ нѣмецкимъ, есть въ немъ и значительныя отступленія, причемъ чешскій текстъ сближается съ латинскимъ.

Таковы гл. 11, 19—50, 73, 110. Всѣ эти отличія будутъ указаны при надлежащихъ главахъ.

Изъ сравненія чешскаго перевода съ существующими нѣмецкими и латинскими сборниками приходится сдѣлать выводъ: 1) что оригиналъ, съ котораго сдѣланъ переводъ неизвѣстенъ, а потому чешскій сборникъ составляетъ въ этой группѣ отдѣльную разновидность; 2) что чешскій переводчикъ зналъ и латинскій и нѣмецкій тексты, которыми и пользовался при своемъ переводѣ и причемъ, весьма возможно, въ болѣе трудныхъ мѣстахъ пользовался обоими текстами, а потому иногда, оставивъ одинъ текстъ, временно слѣдовалъ другому, и наконецъ 3, чешскій сборникъ не представляетъ собою отдѣльной редакціи, и по своему составу представляетъ только нѣкоторую разновидность второй группы. Для исторіи славянскихъ изводовъ сборникъ этотъ важенъ, а потому мы даемъ ниже его полный обзоръ. Такъ какъ сравнительное обозрѣніе этого текста, до сихъ поръ не было сдѣлано, то мы при каждой главѣ указываемъ на соотвѣтствующія главы латинскаго текста, по изданію Oetberley'а въ скобкахъ ставимъ соотвѣтствующіе нумера Краковской рукописи № 1607. Нѣмецкій текстъ указываемъ по изданію Келлера, причемъ счетъ главамъ, начиная съ 7-й идетъ однимъ выше, такъ какъ 7-я глава у Келлера не сосчитана. Въ случаяхъ, требующихъ объясненія, подъ чертою даетъ соотвѣтствующіе латинскіе и нѣмецкіе тексты. Латинскіе тексты напечатанные Oesterley'емъ по стариннымъ изданіямъ называемъ принятымъ у Oesterley'а выраженіемъ Вульгата.

Poczinaji se prziklady swietsij z Kronik rzimskich.

1) Dorotheus cesarz ustavil za zakon aby synowee otce i materz v jich nuzi poderprzli anebo jim v jich nuzi pomahali... Z toho przikladu vyklad nebo rozum duchownij jesto tento. Лат. 14(1). Н. 1 [31]).

[31]) Лат. filii parentes suos sustentarent. Нѣм. die kinder ir vaeter und ir muter nerten.

2) O Gorgoniusse czyessarzy. Gorgonius czyssarz kralowal w Rzymskem myestye, genz sobye zenu krasnu poyal byesse, kderazto (sic!) gemu syna porodila, rostlo dyetie y ode wssech milowano bylo; ale kdyz deset let tomu gistemu synu dokonalo sye vmrzela gest czyssarzowna mati geho. Лат. 112(2). H. 2 [22]).

3) Zdomas bohaty welmy kralowal genz turney [23]) y kolbu welmi milowasse protoz geden turney kazal prowolati. A ktozby koli w tom turneiu statecznye se vkazal, odplatu hodnu od czyesarze obdrzalby. Лат. 113(3). H. 3.

4) Polymius w myestye babilonskem kralowal, genz trzy syny myel, kterez to welmi milowal. Protoz czastokrat na swey mysli przemitasse, kteremu by swe kralowstwie po swey smrti poruczil. Лат. 91(4). H. 4 [24]).

5) Alexander kralowal genz panstwie wsseho swyeta obdrzal. Stalo se gednu ze weliky zástup druzyny sebral a nyekterake myesto oblehl, genz na tom myestie mnoho rityerzuow y ginych mnohem wyecze ztratil beze wsseho ranyenie a vrazu, alle kdyz tomu welmi sie diwisse mistry y take mudrce swolal. Лат. 139(5). H. 5 [25]).

6) Nyekteraky rityerz byes'se genz myegisse hrad twrdy y pyekny na nyemz dwa czapy hnyezdyssta sye a pod hradem byesse studnyce czysta w nyzto czapowe obyczeynye se kupassta. Лат. 82(6). H. 6.

7) Czte sye o nyekterakem czyesarzy rzymskem kdyz sobye dyelal syen, kopagicze nalezli gsu hrob w zakladye zlatymi trzmy obruczy oblozeny. A take byesse na nyem pysmo s wrchu psane; ztrawil sem, zachowal sem, dal sem, myel sem, wzal sem, czoz sem z trawil etc. Лат. 16(7). H. 7.

8) A take sye czte o nyekterakem knyezety, genz kdyz wssy moczy swu nemohl odolati, neprzateluom, any gich przemoci, vczynyl chitrost. Лат. 88(8) H. 8 [26]).

9) Kral nyekteraky byesse, genz myel trzy syny, tehdy kdyz myel umrziti prworozenu synu dal dyedycztwie. Лат. 89(9). H. 9. [27]).

10) Czte sye w skutczyech rityerzskych, ze obyczeyg taky byesse rzymanuom, kdyz ktery hrad nebo myesto gednu swyeczy w gistu myeru rożehli, a kdyz dluho ta swyecza horzala, hotowi byly wssem, ktozby zadali pokogy a smluwili swu milost. Alle kdyz ta gista swicze uhasla, a dohorzela, tehdy na

---

[22]) Вульг. Gorgonius regnavit, qui uxorem pulchram accepit, concepit et peperit filium. Кр. Gorgonius in civitate romana regnavit, qui uxorem pulchram accepit, qui ei filium peperit. Нѣм. Gorgonius gewaltocht in der stat zu Rom. der nam ein daz aller schoenst weib die im gepar eynen svn.

[23]) Лат. torneamenta et hastiludia maxime dilexerat. Нѣм. hiet lieb turniern und Justleich ritterspil.

[24]) Вульг. Polemius regnavit, qui tres filios legitur habuisse, quos multum dilexit. Кр. Polmis (Др. Polomius) in civitate Babylonie regnavit rex qui tres filios habuit. Нѣм. Pompeius in der stat zvo babylon waz gewaltig der hiret drei suon.

[25]) Нѣм. сильно разнится: Alexander der grozz kvenich von Chriechen der regnocht ueber ellewe.

[26]) Нѣм. сильно разнится: Ez waz ein fverst der mit allen seinen chreften vnd mit aller seiner macht nicht chond veber chomen sein feind und in wider sitzen der machet im ein sicherhait.

[27]) Вульг. Miles. Кр. Rex. Нѣм. Ein chvenich.

wssiczky vkrutnu a bez milosti sprawedlnost wydali a s ny (?) zadnym potom, aczby y wsseczko dal, czoz by myel milosty nechtyeli vczyniti. Лат. 98. Н. 10 [28])

11) Prawy mistr Euzebius w swych kronykach o gednom czyesarzy, genz lid rzymsky weliku sprawedlnosti zprawowal. Лат. 137(10). Н. 11 [29]).

12) O jednom pustelniku. Niekteraka urozena vdova trpiela mnoho protivenstvij od nyekterakeho ukrutnika, jenž hubisze jeij zboży. Лат. 25(11). Н. 12 [30]).

13) Prawi se o gednom czyesarzy [31]), ze myel przekrasnu dczeru k sobie podobnu. Лат. 182(12). Н. 13.

14) Byesse nyekteraky czyesarz [32]) genz byesse vstawyl za zakon, aby pod tyezku pokutu kazdy sudce sprawedliwye sudyl. Лат. 29(13). Н. 14.

15) Nyekteraky czyesarz byesse, genz vstawyl za zakon, aby kazdemu rytierzowi z boge, neb z kolby, a nebo z turnye dana byla troye czest a troy zamutok. Лат. 30(14). Н. 15 [33]).

16) K smrty allexandrowye, gdyz hrob geho byesse zlaty, mnozy z mudrczuow k nyemu przissli. Лат. 31(15). Н. 16.

17) Prawi welyky mystr Walerius. Лат. 33(16). Н. 17 [34]).

18) Aczte ze take, ze Pypynus kralowal w rzymskem myestye genz sobye nyekteraku pyeknu dyeweczku vslubil, a s ny przebywal, genz poczala od nyeho y porodila syna. Лат. 116(17). Н. 18.

19) Prawy Saturnus, ze Dyogenes ten mudrzecz tak byl v welikey chudobye, ze gedinku kad myel za swoy duom. Лат. 183(18). Н. 19 [35]).

20) Prawy Valerius mystr weliky w trzetych knyhach: Nyekterake dyetye vrozone wedle oltarze stage, kdyz Allexander weliky obyetowasse. Лат. 184(19). Н. 20.

21) Rozprawy Allexander mudrzecz o przyrozeny rozlicznych wyeci, ze mistr Virgilius w rzymskyem myestye usslechtyelu syen vczynil. Лат. 186(21). Н. 21 [36]).

22) Jakoz prawy mystr Pynyus ze yest nyekterake drzevo w zydowskey zemi wedle hory Synay. Лат. 185(20). Н. 22 [37]).

---

[28]) Въ рукописяхъ не удалось найти этого разсказа, имѣется въ Вульг. и въ нѣм.: Man lizet in der choronik der Roemer das zuo Rom ettwennsit waz.

[29]) Нѣм. разнится—Ez zagt Eusebius ein maister der heiligen schrift in einer Koronik von einem Romischen kayser oder gepietter.

[30]) Недостаетъ въ Унив. рк. рукописи, списана на музейной. Вульг. нѣсколько разнится. Кр. Quedam nobilis domina vidua patiebatur multas iniurias a quodam tirano, qui devastavit bona illius.

[31]) Лат. imperator; нѣм. edeln gepietter.

[32]) Лат. imperator; нѣм. Ez waz ze Rom ein gepietter.

[33]) Кр... cuilibet victori de bello vel hastitudio vel torneamento redeunti exhibentur tres honores et tres molestiae.

[34]) Разсказъ этотъ перепечатанъ въ Cas. Č. Musea 1862, 380.

[35]) Лат. также. Нѣм. Man liset an der chriechen puoch daz ein maister haizzt Saturnus sagt...

[36]) Лат. de naturis rerum, нѣм. von der natur; nobile palacium, einen edeln schoenen palast.

[37]) Въ Лат. и нѣм. текстахъ глава эта предшествуетъ 21. Кр. arbor in India circa montem Synai. Публ. Библ. Judea.

23) Take czte se, ze geden czas prostrzed Rzyma otewrzela se zemye (Лат. 43, Н. 24, Кр. 23) [38]).

24) Lyberius czyesarz kralowal w Rzymye, genz dokadz rzysze nepřzyyal, mudreho wtipa byl y krasnymi wymluwami szczastem w bogi byesse. Ale potom, kdyz byl czyesarzem volen slozyw rytyerzske odyenie nechaw boynow rozpustiwsse lid rzymsky, suzyl wlastny swe syny, hubil radu starssich, zabyl skrownost. Toho czasu byl geden rzemeslnyk. Лат. 44 (Дрезд. 25). Н. 25.

25) Byesse nyekteraky czyesarz, genz myel nyekteraku dczeru welmi milu, gyz to vdyelal syen krasnu, w nyzto przebywasse s gednu krasnu dyeweczku s mylostnyczy nykam newychazyesse, wssak myegisse swe posly, genz byehachu y sam y tam, a czoz koly se w nye stalo, wsseczko gym rozprawyeli, kakz koli y tayne wyeczy byly. Pro kteryzto byeh tak dceru toho czyesarze yak zto naymilostnyeyssi netoliko czyesarzowym, ale y gynym mnohym w mrzkost byli a gey mrzeli. (Лат. 187, Кр. 24; Н. 26).

26) Czte sye take o trzyech mudrczych kdyz byly otazany geden czas czo by bylo naypilnyeyssi na swyetye, geden odpowyedyel ze vino, druhy odpowyedyel ze zena, trzety odpowyediel ze kral, a wssiczkny prawdu powiedyeli etc. [39]).

27) Czte sye take w zywotech otczuow swatych, ze byly cztyrze pustennyci w gednom domye dobreho zywota. Лат. 197(25). Н. 27. [40]).

28) Byesse nyekteraky kral mudry y bohaty genz myegisse zenu welmi milu. Лат. 45(26). Н. 28. Пол. 26, Рус. 24 [41]).

29) Nyekteraky zlodyeg do domu nyekterakeho bohateho przissel. Лат. 136(27). Н. 29 [41]).

30) Nyekteraky rytyerz gsa man nyekterakeho krale tyezce gemu zawynyl, poslal k nyemu rytyerze a przately swe, aby se zan przymluwali, aby kral raczyl gemu swu milost daty. Лат. 124(28). Н. 30 [42]).

31) Byessta dwa bratry geden zak a druhy layk nebo neuczeny. A ta oba gsta przygata w zakon do gednoho klasstera. Лат. 188(28a). Н. 31 [43]).

32) Czte se w knyhach o mluweny swateho Petra ku Panu Iesu Krystowi, kdez dye wydyel sem ze pyet muzuow, kterezto nyekterzy lide za blazny myeli. Лат. 164(29a). Н. 32.

---

[38]) Этой главѣ въ лат. и нѣм. рукоп. предшествуетъ глава вульг. 100 нѣм. 23.

[39]) Нѣтъ ни въ Дрезд., ни въ описанныхъ выше лат.; Oesterley даетъ лат. текстъ № 258. У Келлера нѣтъ и есть только въ Дрезд. Нѣм. М, 55, № 25.

[40]) Лат. текстъ отступаетъ отъ чешскаго: Legitur in vitas patrum quod quatuor heremite querebant inter se, quod quilibet diceret suam nobilissimam virtutem. Нѣм. ближе: Man liset in der vaeter puoch, das vier aynsidel warn in aynem haus, die war guotez lebens.

[41]) Печатано—Cas. Mus. 1862, 377 и 376.

[42]) Нѣм. Ain ritter der waz gelehent, von eynem chvenig. den gar swaerleich hiet gelaidigt. der sant frevnd vnd magen hintz dem chvenig. wie er im gehuldigt wuerd vnd gewan gar chavm dar über sein huld. Лат. Quidam miles generosus quendam regem, a quo feodatus erat, graviter offenderat, et misit ad eum milites, ut pro eo intercederent.

[43]) Въ кр. 1607 нѣтъ. Кр. 1410.—Erant duo fratres carnales unus clericus et alter laicus. Sed illi in quoddam claustro sunt recepti. Нѣм. vnd die wurden in ein chloster genomen in einen orden.

33) Kral dansky trzy krale, genz Kristowi obyet vczinily, u welike poczty gmyegisse, a s toho gew na ryn do Kolyna tu, kdez gich swata tyela odpoczywala, trzy koruny zlatte kralowe kralowi rzadem vdyelane obyetowal. Лат. 47(29). Н. 33 [44]).

34) Rozprawy mistr Walerius weliky, ze Zelongus nekteraky czyesarz vstavil za zakon, aby ktoz koli pannye gegie czest odyal, aby obu oczy zbawen byl. Лат. 50(30). Н. 34.

35) Czte se, ze Allexander kral weliky w geden czas z dworu krale yndskeho nebo z Yndige, tak rzeczeneho Porius, w osobye rytyerze sprostneho pryssel, aby patrzel mocz y welebnost geho. Лат. 198(31). Н. 35.

36) Czte se take, ze kdyz Tytus w rzymskem myestye kralowal, vstawil byl za zakon, aby den prworozoneho syna gego ode wssech byl slawnye cztyeny swyeczen. Лат. 57(32). Н. 36.

37) Tenagarius tak rzeczeny czyesarz, toho czasu, kdyz kralowasse, vstawil za zakon, aby kdoz koli s kteraku koli wynu, kdyzby yat byl, a przed sudce prziweden, a vmyel trzy prawdy powyedyeti, taky, ze nyzadny by nemohl proty tomu odpowiedyeti, by, prawe nebylyby naywyetczy winu myel, przi zywotie aby ostal se wssym dyedycztwim. Лат. 58(33). Н. 37 [45]).

38) Ochezyas kral, tak rzeczeny, myel trzy syny, kterez welmi milowasse. Лат. 196(34). Н. 38 [46]).

39) Matyus czyesarz w rzymy kralowal, genz myel trzy syny, kterez welmy milowasse. Лат. 120(35). Н. 39.

40) Jonywianus czyesarz, kdyz mnoho leth kralowal, gednu w lozy odpoczywal y mysslesse. Лат. 59(36). Н. 40.

41) Hanybal tak rzeczeny kral mnoho let kralowal. Печатано. Č. Mus. 1862, стр. 369. Кр. 37. Н. 41 [47]).

42) Octauianus, tak rzeczeny kral, kdyz kralowal, nad gyne swu zenu milowasse a pro trogi wiecz, nayprwe ze gemu byla welmi wierna, druge ze byla welmi krasna, trzety ze byla welmi posluszna a vstawicz.... (37а) [48]).

43) Tyberius czyesarz w Rzymye kralowasse, genz przyliss hlas slodky milowasse. Лат. 85(38). Н. 42. Напечатано въ чеш. Anth. 124.

44) Claudianus ten czyesarz, kdyz kralowasse toho czasu gmyegisse gedynku dcerku. Лат. 61(39) [49]).

---

[44]) Вульг. разнится. Кр. Rex dariorum habuit tres magos, qui Christo munera obtulerunt in honore et eos in Coloniam provexit et tres coronas regaliter factus eis obtulit. Нѣм. Ein chuenich von Tennemarch der het die drey heiligen chuenich in eren, der chom gein choeln...

[45]) Лат. Asmodemus. Кр. Devogarius. Нѣм. Benegarus.

[46]) Кр. Ozechias. Нѣм. Echesias.

[47]) Oesterley—не даетъ подходящаго текста и ссылается на лат. 20, не имѣющую ничего общаго съ этимъ разсказомъ. Кр. Damichal (Ambrigal) regnavit multos annos, qui tunc unicam filiam habuit.

[48]) Oesterley даетъ пространный текстъ этой статьи (6 страницъ). Кр. 1410 содержитъ текстъ близко подходящій—Octavianus regnavit, super omnia uxorem dilexit et hoc propter tria: primo quia fidelis, secundo quia pulcra, tercio quia obediens et stabilis. De fratre suo vel... этимъ кончается. Въ чеш. тоже нѣтъ больше, у Келлера нѣтъ совсѣмъ, въ Дрезд. тоже, есть только въ Берлинской, Grim. 81. гл. 36.

[49]) У Келлера нѣтъ, находится въ Дрезд. М. 55, гл. 41.

45) **Mayus** welmi mudry, kdyz w Rzymye panowasse, tehdy w geho kralowstwie byesse nyekteraka panye gmenem Florentina. Лат. 62(40). Н. 44 [50]).

46) Theodosius w Rzymye kralowasse mudri welmi, genz zrak ztratil byesse. Лат. 105(41). Н. 45. Печатано Mus. 1862, 378).

47) Czte se, ze nekteraky kral zchowal lwa a lwiczy a lewharta spolu, genz gye welmi milowasse. Лат. 181(42). Н. 46 [51]).

48) Troyanus czyesarz w Rzymye panowal, myegiesse gednu zahradu rozliczných ssczepuow nasazenu. Лат. 83(43). Н. 47.

49. Antholonius w Rzemye (sic!) kralowasse, genz trzy moczy do sebe myegisse. Лат. 64(44). Н. 48.

50) Kdyz Pompeyus w Rzymye kralowasse, w geho rzissi byesse nyekteraka panye przilisz krasna, a wszem welmi mila. Печатано Č. Č. M. 1862, 378. Лат. 84(45). Н. 49 [52]).

51) Nyekdy byechu trzye towarzyszy czestu gedechu spolu. Przihodylo se bylo geden den gym, ze wiece pokrmu nemohli myeti. Лат. 106(46). Н. 50.

52) Tocius, kdyz kralowasse za zakon vstawil byl, aby ktezkoli czyezkoli dytye odchowanye wzal, a w geho porucztwie (custodia) sesslo to dyetie, a nebo vraz ohawny wzalo, abi podle nyeho swoy zywot stratil. Лат. 189(47). Н. 51.

53) Adrianus, kdyz w Rzymye kralowal, vstawil za zakon, aby kterazby koli zena czyzolozstwa se dopustila, aby wiecznem zalarzi umrzela. Лат. 86(48). Н. 52.

54. Gelius, kdyz w Rzimye panowal, za tych czasuow byl nyekteraky muz, genz se gemu vdalo gednu geti mymo geden krzyz na nyemz byesse psano ze wssech stran take to pismo. Лат. 65(49). Н. 53.

55) Tymachus, kdyz w Rzymye kralowasse, byesse za tohe czasu nyekteraky rityerz gmenem Lenucius. Лат. 190(50). Напечатано Ant. 184. Н. 54.

56) Severus kral, kdyz panowasse, neyprwe myegiesse gednu krasnu dceru, gyz welmi milowasse nayprwe, ze byla naykrassye ze wssech panen, druhe ze byla naymudrzeyssi, trzeti ze byla welmi dobrotywa. A kdyz ten gisty kral vmrzel, tehdy ta gista panna wsseczko dyediсztwi se vwazala y kralowala; vslyssaw to nyekteraky kral weliky vkrutnik, przigel k nye [53]). Лат. 66(51). Н. 55.

57) Antonius cyesarz, kdyz krallowasse, za tyech czasuow byesse w geho rzissi nyekteraky rityerz gemuz se byesse vdalo geti k gednomu myestu przes nyekteraku pust. Лат. 199(52). Н. 56.

58) **Gordianus**, kdyz kralowasse, za tiech czasuow byesse w geho kra-

---

[50]) Вообще лат. и у Келлера Gaius, Кр. Maius и въ Дрезд. нѣм. тоже.

[51]) Лат. leopardum, нѣм. liebhart.

[52]) Pompeius regnavit, in cuius regno erat quedam domina nimis pulchra et omnibus amorosa. Нѣм. Иначе: Ain grozzer vnd ein maechtiger oder der hochsten einer dez Roemischen reichs oder rat der Pompeius herschaft hiet ze Rom in dez selben reich wonet gar ein schoenez weip, vnd allen augen genaem.

[53]) Текстъ у Osterley'а разнится. Кр. Severus regnavit, qui pulcram filiam habuit, quam multum dilexit, primo quod erat pulcrior aliis virginibus, secundo quod sapientior, tertio erat benigna. Post mortem patris totum regnum possidebat. Hoc audiens quidam rex totus tyrannus venit ad eam. Пол. 28, Рус. 26 соотвѣтствуетъ печатному лат. тексту.

lowstwie nyekteraky rityerz, genz myegiesse nyekteraku zenu krasnu ale zlu. Лат. 68(53). H. 57 [54]).

59. Pawel [55]), kdyz kralowasse mudry a welmy moczny, vmyslil sobye, aby syen krasnu vdyelal. Лат. 69(54). H. 58.

60) Czte sye take o nyekterakem czlowieku gmenem [56]) Ganterus, genz zadasse, aby mohl nalezty myesto, w nyemz by to radost myel bez smutka, hoynost bez nedostatku, swyetlo bez temnosty. Pro toz vda se gemu gedneho dne samemu vgyety yakoby gyny vssel za trzy dny az y przigde do gednoho kralowstwie to malo przed tyem kral toho kralowstwi s toho swieta ssel byesse. Лат. 101(53a). H. 59.

61) Strzelecz nyekteraky nahodu slawika nalezl. A kdyz gey chtiel zadawiti, wece k nyemu slawik. Лат. 167(55). H. 60.

62) Byesse nyekteraky kral, genz myegisse dcerku krasnu, kteraz byesse slibyla, ze nechce za zadneho muze giti, lecz by tyto trzy weci wiedyel, vmyel a mohl. Лат. 70(56). H. 61. Напеч. въ Antol. 124.

63) Byesse nekteraky lakomecz, sedyenym podle morze, genz myegisse weliky poklad, a ten gisty poklad schowal byesse w gednom welikem rybli a nebo sspalku. Лат. 109(58). H. 63.

64) Byesse nyekteraky kral genz toliko gednoho sy (sic!) myegisse, gehoz velmi milowasse. Ten gisty syn, vzrzew swoy czas, przistupil k uotci, a yal se prosyti, aby gey w gyzdu odpustil naywicz pro to, aby sobye przatel dobyl. Лат. 129(57). H. 62.

65) Nyekteraky kral byl vstawil za zakon, ze kdyz by koli myel kdo zahuben byti nebo otprawyti, aby dwa trubaczy przed geho dwerzmi z sameho gitra trubyla, a ten, gesto miel odprawen byti, myel obleczen byti w czrne rucho. Stalo se, ze ten gisty kral vczinil welike hody, a przykazal, aby chudy y bohaty zwan byl na ty hody, a kdyz wssichny syty byli, wedle obyczege przissli pyssczy, hudci, yherci s rozlicznymi strogi, a tu swe mistrowstwo vkazugice, to widuce y slyssice wssiczkny kwassene weliku radost myegichu, a kdyz se tak radowachu, kral sedyese swiesiw hlawu, nicz negeda a czastokrat mezy krmyemi sedye plakasse. Vzrzewsze to knyezata y gyny pany, y take kwassene zamutili su se welmy, a zawolawsse k sobye bratra kralowa, genz przed stoly chodysse hosty pobyezege, rzekli k nyemu: mily, czo gest to, ze nasz mily pan kral welmi nas cztyl, ale sam smuten gest, a newymy, procz gest to; prosymy tebe, zwiezto na geho milosty, procz gest smuten, bylo libo, zeby kdo z nas geho milosti nyetczo nelibeho vczinil, hotowi gsme wssiczkny y kazdy z nas geho milosti odbyti wedle geho wuole. Vslissaw tu rzecz bratr kraluow, przissed k krali, yal se geho tazati, proczby tak welmi w takem kwasu smuten byl, wece gemu kral: mily bratrze, acz buoh da zaytra wprwu hodynu damt toho odpowied. Tehdy na zoytrzi kral, kdyz dnyelo, poslal dwa trubacze a rzekl gym. Przikazugi wam pod milosti, abysste ssli przede dwerzi bratra meho, a trubili. Oni odssedsse yali se tru-

---

[54]) Пуб. Биб. Adrianus.

[55]) Пуб. Биб. Gallus.

[56]) Вульг. разнится. Изъ извѣстныхъ мнѣ рукописей эта глава имѣется только въ Кр. 435. Narratur de quodam homine nomine Gantherus, qui optabat locum et gaudium sine omni tristitia, et habundanciam sine... et lumen sine tenebris. Una dierum solus ivit per quandam viam trium dierum, quousque ire vellet.

biti tak, yakoz gym kral rozkazal. Vslissawsse dworzene kralowi trubacze ynhed ssedsse tam bratra kralowa w czrne rucho obynuli a przed krale przivedli, postawiwsze okolo nyeho cztyrzi muze odyene s nahymi meczy, gednoho na prawiczy, druheho na lewici, trzetiho naprzed, cztwrteho nazad. A kdyz se to stalo, wece kral: bratrze bud wesel. Odpowyedye bratr: O, mily pane, kterak mohu wesel byti, mage toliku hruozu okolo sebe se wssech stran; wece k nyemu kral: Ty se bogiss cztyrz meczuow, a ne muozess wesel byti, a mnyes za zle myel, ze sem ya smuten byl, mage okolo sebe netoliko cztyrzi, ale ssest tyssicz a gessсze wiecze. Лат. 143(59). Н. 64. Вульг. сильно разнится. Кр. сходится съ чешскимъ.

66) Quintillus, kdyz kralowasse za zakon vstawil, aby kazdy slepy po wssem kralowstwi sto ssilniku [57]) myel a na to se zywil. Лат. 73(60). Н. 65.

67) Aurelianus, kdyz kralowasse w Rzymye moczny welmi, ten myegisse gednoho syna gehoz welmi milowasse. Tehdy kdyz vmrziety myel, zawolal sweho syna, a rzekl gemu: mily synu gedno yablko zlatte mam welmi drahe, a tobye ge dawam. Лат. 74(61). Н. 66.

68) Byesse nyekterake myesto wedle morze, genz od howad gedowatych mnoho przekazy myegisse. Лат. 200(63). Н. 68.

69) Byesse nyekteraky kral welmi moczny, genz w swem kralowstwi zawistnykuow nechtel trpyeti, yakz naydale mohl. W tu chwili byessta w geho kralowstwie dwa lekarze wnytrznye y rannye welmi mystrna, ze czocz geden vczynyl w tem mistrowstwu tez y druhy. Лат. 76(62). Н. 67 [58]).

70) Byesse nyekteraky rytyerz weliky zbyech, a ten myegisse pacholka welmi wyerneho. Лат. 127(64). Č.ČM 1862, 379. Н. 69.

71) Domicianus w Rzymy kralowasse mudry, genz myegisse krasnu zenu. Кр. 65, Н. 70 [59]).

72) Byesse nyekteraky czyesarz, genz myegyesse geden sad, w nyemz to byesse dywoky weprz. A ten mnoho lidy zhubil byesse. Czyesarz toho weliku tesknost myegiesse y kazal wolaty byesse, ktozby koli toho gisteho weprze zahubyl, swu dceru se wssim kralowstwim po swey smrty chtyelby gemu daty. Byesse w tu chwili nyekteraky pastyrz, chtyesse weprze zabiti, w hay wssel gest, weprz geho vzrzew na nyeho byezysse a on na drzewo wstupil, weprz poczal drzewo kusati, ze se zdalo pastyrzowi, zeby gyz brzo myel vpadnuty, na drzewie byesse dobre owoce, a toho owoce weprzi metasse. Weprz owoce poczal hrysti tak, az se y nagedl, a poczal spaty; vzrzew to pastyrz, taynye nuoz wynyal, a geho zabil, a dceru czyesarzowu sobye za zenu poyal. Naymileysi... Н. 73. Кр. 67.

73) Byesse nyekteraky wladarz Rzyma, kteryzto w zahradye swey myegisse

---

[57]) Нѣм. hundert schilling, лат. centum solidos, рус. сто пенязей.

[58]) Вульг. иначе. Кр Quidam rex erat Tymotheus, in regno suo invidos pati noluit, quantum hic precipere poterat. Erant in regno suo duo phisici, ut quidque unus illorum fecit, hoc et secundus faciebat. Нѣм. Ez waz ein gewaltiger chvenig in der seinem reich nicht dulden wolt chainen feint als vil er ir inne wart. Nu warn in seinem reich zwen puoch ertzt gar bewaert und guot und war der eyn chluochait tet die tet auch der ander.

[59]) Съ этой главы по 79 слѣдуетъ Исторія Семи мудрецовъ, которой нѣтъ въ печатныхъ лат. текстахъ (Вульг.). Послѣ этого разсказа въ лат. и нѣм. слѣдуетъ повѣсть о собакѣ (нѣм. 71, Др. 73, Кр. 66).

pynnu tak rzeczene drzewo, a roskossne, kterez owoce gednak kazdeho leta proty rozlieznym nemoczem neslo gest. Naymileyssi. H. 71. Кр. 435, 38 [60]).

74. Zdawna byesse w gednom myestye rytyerz stary, kteryz myel gednu mladu zenu, yako ty czyesarzy mass, kteruz gest welmi milowal. A ten na kazdu nocz dwerzy domu swego sam zawiral, a klicze pod hlawu chowal; w myestye w tom byesse przikazany, kdyz w geden zwon bylo zwonyeno, kdyz kdo potom zwonyeny chodyl w noci od straznych bylby yat, aby czelu nocz w zalarzy byl a nazaytrzissi den na pranerz wssazen. Rityerz ten to ne mozysse zenu vtyessiti, czoz se gy libilo k zadosty tiela, a protoz gest gyneho milowala. A na kazdu nocz, kdyz gest muz vsnul, klicze wzala, a dwrerzy otewrzela, a k fregyerze ssla, a taynye se k muzy wratila. A ona gednu nocz wstala gest k mylownyku ssla taynye a brzce. Potom rytyerz ze sna probudyl se, a zeny gest nenalezl, wstal gest, a dwerzy domu y komory otewrzyny nalezl, dwerzy zawrzel, a na zelerz domu wstupil, a w oknye sedyel. Potom od puol noci przissla zena. a tlukla na dwerzy. Rzekl rytyerz: O zlorzeczeno zeno, gyz sem dossel, zes czyzolozstwa vczynila, zagiste prawy tobye, ze w nye ostaness, az strazny przigdu, a tye w zalarz wsadye, y dye ona: O, pane, procz to czynyss, ya prawdu prawim tobye, kdyz sem byla s tebu na lozy, przissla dyewka od materze mey, abych gy bez meskany nawssczywila, ne chtiela sem tebe ze sna zbuditi, a protoz sem taynye wyssla... etc Naymileyssi... H. 74. Кр. 68.

75) Za dawna byesse w miestye rzymskem nyekteraky rityrz, kteryz dwie dcerzy a gednoho syna myel gest rityerz tento wsseczko swe dobre vtratil. Кр. 69. H. 75.

76) Bohatecz [61]) nyekteraky byesse w myestye rzimskem kteryz gmyegiesse straku gessto dobrze mluwisze to czoz gest slyssala nebo widyela. Кр. 70, H. 76.

77) Rytierz nyekteraky stary ale sprawedliwy panu mladu za zenu poyal gest. Stalo se gest, ze trzi leta spolu byli a zadneho plodu ne myeli. Кр. 71. H. 77.

78) (O)ctawianus kralowal bohaty welmi, a wssak skupi, kteryz zlatta nade wsseczko gyne zadassa, ten czas byesse w myestie rzimskem mistr Virgilius. Кр. 72, H. 78.

79) Kral nyekteraky biesse dywnym obyczegem naduth. A ten [myslisse] tiela swatich Petra a Pawla z Rzima noci odvesti. (72a.). H. 79 [62]).

80) Nyekteraky czyesarz rzymsky kralowal gest kteryzto s sebu myel gest sedm mudrcuow. Кр. 73, H. 80.

81) Byl gest nyekteraky kral, kteryz vstawil za zakon, aby kdoz koli chtielby gemu sluzity, myelby trzy rany na syenne dwerzi dati. Лат. 17(74). H. 81.

82) Nyekteraky chudy byl w gedney wsy, kteryz chodyl rozliczne dny po

---

[60]) Въ общеизвѣстныхъ лат. текстахъ нѣтъ этой статьи, въ нѣм. имѣется и сохранилась въ Кр. 435: Erat quidam burgensis Romae, qui in orto suo habuit arborem nobilissimam, quae fructum et florem contra omnes inficientes singulis annis proferebat etc. Karissimi: Этимъ оканчивается разсказъ въ лат. и чешс. текстахъ. Въ нѣм. иначе.

[61]) Пуб. Биб. Senex sed iustus.

[62]) Въ латинскихъ текстахъ имѣется только въ Кр. 435: Rex quidam erat miro modo inflatus et ille intendebat corpora sanctorum Petri et Pauli de Romana civitate violenter auferre.

drzewie gednoho lesa welikoho. A tak se stalo, ze wssel w weliky hussсz lesa toho, a vpadl w gednu hluboku yamu, a w ssiroku, z ktereyz nikoli nemohl wygiti. A w tey yamye bil gest przy gedney stranye hrozny had, a s boku strany druhe byli su mnozy hadowe, a na kazdy den hadowe w tu yamu sessli su se k gednomu kameny H. 82[63]).

83) Byesse nyekteraky czyesarz, genz myel geden hay, w kteremzto byesse hednorozecz, kteremuz to ne smyel zadny se przibliziti. Vslyssaw to czyesarz na przirozeny gednorozczowo tazasse se, a ony su gemu zaiste rzekli, ze gednorozecz nahe panny a cżyste welmi miluge, a w zpywany gich se welmi weseli. Лат. 115(76). H. 83.

84) Danyel widyel slup, kterychto hlawa z zlata czysteho byesse, prsy a ramye z striebra brzicho a ledwie myedyene, czyesski zelezny noh gedna strana slozena. Daniel ten to slup widyel y otta gest kamen bez ruku a zbil slup na nohach zeleznych, a potrzel gest gye y wessken slup zlamal. Naymileyssi... Лат. 213(76a). H. 84[64]).

85) Yustinus w myestye rzymskem kralowal, kteryz byl vstawil za zakon, ktozbykolwiek kteru pannu polapil, a kdyz by gi pak kdo z ruku nasilnyka toho zprostil, aby gi sobye za zenu poyal, acz by mu se libilo. Stalo se gest, ze nyekteraky rytyerz nasilnik lapil gednu pannu a wedl gi do gednoho hage a gi porussil. Vcziniw to chtiel gy zahubity. Лат. 117(77). H. 85.

86) Prawi ze zakon byl, aby bratr starszi dielil a mladssi zwolil, kterehozto rozumu byesse ze wietssi mudrosti gest dyeliti nezli zwoliti. Лат. 90(78). H. 86.

87) Nyekterake knyze gmenem [D]yomyus tak rzeczeny, gehoz lid w myestie gednom byl obsazeny, chtye taynye poradyti lidu swemu, czo by gim bylo vzitecznyegi. Przykazal, aby geden z rytyerzuow geho k tomu ablezeny przistupil, kteryby oblezenczom zgednal, ze na ssipich a na kopich geho chytrze byli psano posilte se v boze a budte wierny w oblezeny, skoro k wam prigedu a lezeny oteymu. Naymileyssi. Лат. 152(78a). H. 87. Др. 88.

88) Prawi swaty Augustin, ze obyczey byl starich lidy, ze srdce tyesarzka po smrti byla spalena, su a wlasy w czystem myestye polozilisa. Лат. 23(78b). H. 88. Др. 87.

89) Kralowa nyekteraka poczala syna z sluhy hlupeho[65]) w czyzolozstwi. Лат. 26(79). H. 89.

90) Czte se o gednom muzy, gdace w geden hay, widiel gednoho hada zwazaneho za oczas[66]) k drzewu kteryz slitowal se nad nym geho otwazal a w lono swe wsadil[67]). Лат. 174(80). H. 90.

---

[63]) Лат. тексты печатные и рукописные значительно отличаются отъ чешскаго; нѣм. ближе: Ez waz ein armer, man in einem dorf der gieng taeglich in einen walt nach widt. Nu chom er von geschicht, in ein dikh huerd dez waldez vnd viel da mit in ein teuffe weite gruob dar auz er mit nichte chomen mocht. Ср. Вульг. 114, Кр. 75, нѣм. 82.

[64]) Глава эта въ лат. рукописяхъ находится въ Дрезд. и Крак. 1410.

[65]) De seruo rustico, von irem chnecht.

[66]) Въ лат. и нѣм. „за хвостъ" (oczas, zegel).

[67]) Лат. иначе. Кр. Legitur de quodam viro transeunte unam silvam vidit unum serpentem ligatum a pastoribus ad arborem. Нѣм. Man liset von eynem mann der gieng durch einen walt der sach ein natern gepunden zu einem paumb mit dem zagel.

81) Nyekteraky pan byl gest, kteryz myel gednoho wratneho, kteryž pana sweho prosil, aby w myestie swem, kterez ma, wratneho vczynil myesyecz, tak ze ot kazdego hrbatego, gednokeho, prassyweho, a ruku a vssy nemagice, aby geden halerz myel. Лат. 157(81). H. 91.

92) Czte se w sskolnym polozeny [68]), ze w Geruzalemye gest nyekteraky slup myedyeny byl, na gehozto wysokosti byesse obraz nasseho spasitele. Лат. 214(81a). H. 92. Дрезд. 92.

93) Hubeny czlowiek gsy, hled poczatku sweho, prostrzedka skonczenye. A tak nalezyess ze pln gsy byedy a psoty... A protoz se czte, ze nyekteraky kral hledal cztyrz otazek na gednom mistrowi. Prwa otazka byla, czo gest czlowiek, druga komu gest podoben czlowiek, trzeti kde gest czlowiek, cztwrte s kterymi towarzyssi gest czlowiek... Лат. 36. H. 93. Дрезд. 93 [69]).

94) Prawi Plynius, ze orlice na wysokosti se hnyzdy, gegymz dyetem hrozy had, kteryz wida, ze nemuoz k dyetem gegi przigity... pro wysokost. Лат. 37(81b). H. 94. Дрезд. 94.

95) Czte se w nyekterakych (sic!) rzymskych ze mezy dwiema bratroma byl tak weliky ze gednak gegen wssichny zemye a dobre zkazil swar. Лат. 39 (82). H. 95 [70]).

96) Kozdras cyesarz bogici proti neprzateluom swym przissli radil se s Apolonem. Лат. 41(83). H. 96.

97) Byesse nyekteraky czlowiek, kteryz geden myegisse gity s gednoho kralowstwi do druheho, przissel k gednomu mostu, gesto myel przesen gity. Лат. 191(83a). H. 97. Дрезд. 97.

98) Yakož Ysyodorus prawi w knyhach eticorum tak rzeczenych, ze w Syczyli gsta dwie studnyci, kterich gedna yalowie plody, druha druhu yalowu czynye. Skrze prwu mame znamenati pana. Лат. 253. H. 98 [71]).

99) Prawi mudrzecz w knihach o zwierzy, budess li chtieti vcziniti, aby hawran, kdyz se bude hnyzditi na drzewie, aby nikdy z wagecz swych nemohl ptaczat wysedyeti, poloz popel sklenyczny mezy drzewo a kuoru, a dokowadz tu popel bude, nykdy diety ne bude moci wysedyeti. Лат. 46. H. 99 [72]).

100) OLynyus (sic!) nyekteraky mistr prawi ze wyssel w myesicz mage chtie gity w geden hay. Лат. 46(83b). H. 100.

101) Nyekteraky kral myel trzy syny a geden drahy kamen. Лат. 210(84). H. 101.

102) Prawi mistr Valerius w knihach patich, ze nyekteraky wolagici nebo byrzicz gednu wladyku poyal w czyzolozstwi, a vhlawnym gi sudem odsudil. Лат. 215(85). H. 102.

---

[68]) In scolastica historia; in der maisterlichen history die du haizt scolastica. Въ лат. рукописяхъ только въ Др. и Кр. 1410.

[69]) Вульг. начало имѣется иначе; въ рукописяхъ только въ Дрезд.— Miser homo vide... Нѣм. O du armer mensch sich an deinen anuanch die mit und dein ende.

[70]) Legitur in gestis romanorum.

[71]) У Osterley—только въ app. 57; въ извѣстныхъ мнѣ рукописяхъ не встрѣчается.

[72]) Въ лат. рукописяхъ не встрѣчается. Нѣм. Der weiz man Aristotiles sagt in dem puoch von tyern. Вульг. 46. Item narrat philosophus in libro de animalibus.

103) Fridrich tyesarz druhi gednu bramu mramorowu vstawil na kteruz studnici wody tekuci wedl. Лат. 54. H. 103 [73]).

104) Czte se ze trzy ochochule na gednom ostrowie byli su a sladke spyewany rozliczny my obyczegi zpyewali su. Лат. 237. H. 104 [74]).

105) Czte se, w zywotiech otcznow swatych, ze nyekteraky wydiel gest murzenyna w nyekterakem lesy drwa podtynagiczieho a swazana pokusssel zdwihnuti. Лат. 165(86). H. 105 [75]).

106) Pompeius vstawil za zakon, ze kazdy ritirz po smrti swey w odyeny swem, aby pochowan bil, ktozkolwiek by s mrtweho odyeny swlokl, aby smrti vmrzel. Лат. 134(87). H. 106 [76]).

107) Tenucivs kralowasse moczny, kdyz gest gednu po czyesarzstwi gezdil. Geden chudy geh potkal dosti zposobne krasy. A wssak almuzny v czyesarze prosil: rzekl czyesarz: powiez mi, odkud gsy, a ktere gest gmeno twe. A on dye, acz nehodny a wssak człowiek wass gsem, a w zemy wassieg zchowany y narozeny, a gmeno me gest newdyeczny, rzekl czyesarz bych wiedyel by dobrym czlowiekem byl, tobyet bych pomohl. A on, pane, to vplny pod przisahu slibugi. Czyesarz hnul se k milosrdenstwi gehot gest domuow poyal a przi sobie drzal. A potom tak w kratkem czasy tak dobrze a tak mudrze se v dwora czyesarzowa myegisse, a geho bohateho vczinil. A potom wskuorze geho marssalkem vczynil wsseho kralowstwi. A on gdyz tak powyssen byesse powyssено gest srdce geho ze wssim chudym natisky czynysse (103). H. 107 [77]).

109) Domicianus kralowal mudri welmi we wssem sprawedliwy zadnemu neodpuszczege gedno podle cesty sprawedlywe ssel. Лат. 103(105). H. 108.

109) Tolomeus w rzymy kralowal bohaty welmi, w kteremzto kralowstwi byl geden rityerz nabozny a welmi milosrdny, kteryz myegisse pyeknu zeny ale czyzolozysse a niechtiesse ostati. Лат. 102(106). H. 109 [78]).

110) Byesse geden rytyerz libezny gmenem dosti porzadny, kteryz zenu pyeknu myegisse, a dwa syny. Przihodilo se gedno, ze na low gel vzrzew zdaleka gelena welikeho. A vzrzel mezy rohy krziz zlatty a gelen obratyw se k nyemu a rzekl: Czo mi chtess se protiwity, yat gsem Christus na krzyzi pro tye vkrzyzowany. Лат. 110(107). H. 112 [79]).

---

[73]) Въ лат. рукописяхъ нѣтъ.

[74]) Въ извѣстныхъ мнѣ рукописяхъ не встрѣчается. Oesterley даетъ въ app. 411—Dixit Ovidius quod tres fuerunt syrene in quadam insula maris. Нѣм. Man liset daz drey syren worn in einer Inseln, oder in einem werd.

[75]) Вульг. иначе. Кр. Legitur in vitis patruum, quod quidam vidit etiopem in silva ligna succidentem, et alligata temptavit levari. Нѣм. Man liset in der vaeter puoch, daz einer sach ein morn.

[76]) Вульг. иначе. Кр. Pompeius statuit pro lege, quod quilebet miles post mortem suam in armis suis deberet sepeliri. Et quicunque mortem armis spoliaverit, morte mortuus esset. Нѣм. Pompius der Romer... in wappen.

[77]) Вся эта часть не встрѣчается въ печатныхъ текстахъ, а въ рукописныхъ служитъ началомъ для вульг. 119, ср. Кр. 103 (см. выше), нѣм. 107.

[78]) Вульг. Titus; Др. Theolonius; нѣм. Tpolomeus.

[79]) Вульг. и нѣм. иначе. Кр. Erat quidam miles Placidus nomine satis strenuus, qui pulchram uxorem habebat et duos filios. Accidit quod semel ad venandum equitavit vidit a longe cervum magnum gerentem inter cornua crucem auream. и т. д.

111) Valerius kralował moczny welmi w Rzymy, kteriz dceru myel kteruz tak welmi milowal, ze pyet rityerźnow zgednal, aby gi ostrziehali... Лат, 212(108). Н. 111[80]).

6. Польская редакція Римскихъ Исторій.

О судьбѣ Римскихъ Исторій въ польской литературѣ до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Польскіе изслѣдователи совсѣмъ не интересовались этимъ произведеніемъ. Замѣтку о польскомъ изданіи помѣстилъ въ 1889 г. д-ръ Поливка въ своей статьѣ о „Повѣсти объ Аполлонѣ“ [81]). Мнѣ пришлось самому дѣлать разысканія для этого вопроса во всѣхъ польскихъ библіотекахъ и въ русскихъ, содержащихъ польскія собранія [82]). На основаніи этихъ разысканій я пришелъ къ окончательному выводу: 1) что рукописныхъ сборниковъ польскаго перевода не только не сохранилось, но ихъ вовсе не было; 2) что печатаніе Римскихъ Исторій въ польскомъ переводѣ началось въ Польшѣ въ первой половинѣ XVI столѣтія и продолжалось до конца XVIII столѣтія, и потому, въ 3-хъ, изученіе польскаго перевода должно быть произведено на основаніи печатнаго текста.

Первое упоминаніе о существованіи въ XVI ст. польскаго изданія Исторій относитвя къ 1553 г., но этого изданія, несмотря на тщательныя разысканія, не удалось найти. Слѣдующее по времени указанія находимъ въ русскомъ переводѣ въ сборникѣ Царскаго (440), въ которомъ говорится о краковскомъ изданіи 1663 г., отпечатанномъ Войтехомъ Сѣкельновичемъ (должно быть Сѣкеловичъ). Извѣстный польскій библіографъ Эстрейхеръ въ частномъ своемъ собраніи имѣетъ указанія на изданія гг. 1697, 1738, 1752, 1753, 1773 и 1776. Экземпляры этихъ изданій настолько рѣдки, что мнѣ удалось собрать свѣдѣнія только о слѣдующихъ изданіяхъ:

1. Дефектъ краковской библіотеки безъ начала и очень испорченный представляетъ древнѣйшее изъ извѣстныхъ доселѣ изданій, но это изданіе XVII вѣка.

2. Полный экземпляръ той же библіотеки, безъ обозначенія

---

[80]) Настоящее обозрѣніе составлено мною по рукописи пражскаго университета и во время печатанія любезно свѣрено съ оригиналомъ д-ромъ Поливкою.

[81]) Listy filologicke XVI, 5—6.

[82]) Между прочимъ просмотрѣнъ мною каталогъ польскихъ старинныхъ книгъ Типографской библіотеки въ Москвѣ, но тамъ не нашлось ни одного экземпляра.

мѣста и времени изданія, изданіе XVII ст., но уже исправленное сравнительно съ № 1 (16°, л. 87).

3 и 4. Два экземпляра изданія 1738 г.—краковской библіотеки и частной г-на С. Вольскаго въ Варшавѣ, которые разнятся другъ отъ друга.

5 и 6. Два экземпляра изданія 1752 г.—въ библіотекахъ Оссолинскихъ и Красинскихъ.

7. Изданіе 1773 г. въ библіотекѣ Оссолинскихъ.

8. Дефектъ въ частной библіотекѣ проф. І. Пржиборовскаго.

Такимъ образомъ, всѣ эти экземпляры также цѣнны, какъ рукописи, а рѣдкость ихъ указываетъ намъ на интересъ, съ какимъ они зачитывались до полнаго уничтоженія читавшихся книгъ.

Экземпляръ № 1 описалъ г. Поливка. Его заглавіе: Historye rzymskie rozmaite z rożnych dźieiow z wykłádámi obyczáynemi krotko zebráne. Ludźiom ku rozmyślániu mądrośći y też innych cnot przywodzące. Teraz z poprawą lepszą ku wiadomośći ludzkiey wydáne. При перепечатаніи издатели видоизмѣняли заглавіе, подновляли языкъ и подчищали текстъ; переводъ же оставался одинъ. Въ польскомъ сборникѣ обращаетъ на себя вниманіе его составъ, который рѣзко отличается отъ *всѣхъ* западно-европейскихъ, не исключая и англійскихъ.

Извѣстные польскіе сборники содержатъ 39 разсказовъ, а потому, по числу ихъ, близко подходятъ къ англійскому сборнику, изданному Вордомъ. Но это сходство чисто внѣшнее. Въ изданіи Ворда находимъ только 8 статей изъ напечатанныхъ въ польскомъ изданіи. Точно также и въ англійскихъ рукописяхъ нѣтъ цѣлаго ряда статей, находящихся въ польскомъ текстѣ. Въ виду этого не представляется никакой возможности дѣлать какія бы то ни было сравненія польскихъ текстовъ съ англійскими. Поэтому приходится искать сближенія съ латино-нѣмецкими и латинскими редакціями. Опять таки отсутствіе въ латино-нѣмецкой группѣ 21 разсказа изъ 39 заставляетъ сразу бросить эту попытку и перейти прямо къ печатной латинской редакціи и тамъ искать ближайшаго источника польскому собранію.

И дѣйствительно, въ печатныхъ латинскихъ изданіяхъ (Вульгатѣ) находимъ всѣ статьи, вошедшія въ польскій сборникъ. При томъ оригиналомъ послужило не первое изданіе, содержащее 15 разсказовъ, а послѣдующія со 180 статьями, такъ какъ здѣсь встрѣчаемъ № 172 вульгаты. Ближайшее сравненіе польскаго текста съ латинскимъ показываетъ, что въ польскомъ сборникѣ мы имѣемъ дѣло съ выборомъ, сдѣланнымъ самостоятельно и то исключительно для польскаго изданія. Составитель выбиралъ изъ латинскаго сборника разсказы по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь никакими традиціями, а могъ онъ найти ихъ во всѣхъ тогдашнихъ библіотекахъ. Порядокъ статей совершенно про-

извольный, составитель во всемъ сборникѣ всего только три раза взялъ изъ латинскаго текста по двѣ главы подъ рядъ (80, 81, 103, 102, 72, 73).

При разсмотрѣніи текста является вопросъ,—бралъ ли составитель готовые переводы, или самъ ихъ переводилъ. Для большинства статей вопросъ этотъ рѣшается въ томъ смыслѣ, что переводъ ихъ былъ сдѣланъ специально для сборника, для двухъ (Житіе Алексѣя и Повѣсть объ Аполлонѣ) слѣдуетъ допустить возможность пользованія уже существовавшимъ переводомъ. Житіе Алексѣя было издано еще въ 1529 г. по-польски и оно служило руководствомъ при составленіи новаго перевода. Исторія объ Аполлонѣ не сохранилась въ отдѣльномъ изданіи, но г. Поливка весьма основательно доказываетъ, что оно составлено не по тексту Gesta Romanorum, и что несомнѣнно переводъ составленъ подъ вліяніемъ чешскаго, и даже съ чешскаго оригинала, но не того, который дошелъ до насъ въ извѣстныхъ намъ рукописяхъ. Дѣствительно, въ польскомъ текстѣ есть нѣсколько такихъ мѣстъ, которыя безъ чешскаго посредства явиться не могли, такъ, напр., *чешск.*—nesličnými skutky—нехорошими дѣлами, *пол.*—niezliczonemi skutkami безчисленными; чеш.—smyslu dosti maš, пол.—smysla dosyć masz. Общій ходъ разсказа въ польскомъ текстѣ ведется согласно съ чешскимъ, и сей послѣдній во многомъ отступаетъ отъ извѣстныхъ латинскихъ [83]). Поэтому пока не будетъ найденъ соотвѣтствующій латинскій или нѣмецкій текстъ, приходится считать ближайшимъ источникомъ польскаго текста чешскую редакцію.

Содержаніе сборника слѣдующее:

Historye rzymskie rozmaite z rożnych dźieiow z wykłádami obyczáynemi krotko zebráne. Ludźiom ku rozmyślániu mądrośći y też innych cnot przywodzące. Teraz z poprávą lepszą ku wiadomośći ludzkiey wydáne.

1. O poniżeniu prożnej chwały = G. R. cap. VIII De vana gloria.
2. O uważaniu wierności = G. R. cap. V De sectanda fidelitate.
3. Historya o Apollonie krolu Tyrskim i Tarsyej krolewnie, przykład iże smutek przemienion bywa w wesele = G. R. cap. CLIII De tribulatione temporali, quae in gaudium sempiternum postremo commutabitur.
4. Przykład o chytrości diabelskiej a jako sądy boskie są skryte = G. R cap. LXXX De versutia diaboli et quomodo dei iudicia sunt occulta.
5. Przykład o dziwnym zrządzeniu boskim i o poczęciu świętego Grzegorza = G. R. cap. LXXXI. De mirabili divina dispensatione et ortu beati Gregorii papae.
6. Przykład o pysznym cesarzu Jowianie i o jego uniżeniu a że Pan częstokroć pyszne zrzuca a pokorne podwyższa = G. R. cap. LIX De superbia

[83]) Д-ръ Поливка не знаетъ изданія Ринга. Historia Apollonii Regis Tyri e codice Parisino 4955 edidit M. Ring. Posonii et Lipsiae 1880.

nimia et quomodo superbi ad humilitatem maximam saepe pervenissent, satis notabile.

7. Przykład o doskonałości = G. R. cap. LVII De perfectione vitae.

8. Przykład o pomnienieniu śmierći aby człowiek niegrzeszył = G. R. cap. LVI De memoria mortis.

9. Przykład o przestępie duzenym i o ranach dusze raniących = G. R. cap. CII De transgressionibus animae et vulneribus eius.

10. Przykład o rostropności abyśmy wszytko dobrym umysłem czinili = G. R. cap. CIII De omnibus rebus cum consensu et providentia semper agendis.

11. Przykład o chytrej zdradzie niewieściej i o zaślepieniu zdradzonych = G. R. cap. CXX De mulierum subtili deceptione.

12. Przykładło niewdzięczności człowieczej z dobrodziejstw przyjętych = G. R. cap. CXIX Quod omnium viventium in mundo de beneficiis acceptis est ingratissimus homo.

13. Przykład że nie mamy żonom wierzyć ani tajemnic objawiać = G. R cap. CXXIV Quod mulieribus non est credendum neque archana committendum, quoniam tempore iracundiae celare non possunt.

14. Drugi przykład jako nie mamy żonom żadnych tajemnic wierzyć = G. R. cap. CXXVI Quod mulieribus in nullo est credendum et praesertim de secretis celandis.

15. Przykład o niesprawiedliwości a łakomstwie i skaraniu ich — G. R. cap. CXXVIII De iniuste aliena bona occupantibus.

16. Przykład o stałości w dobrych uczynkach, wiernym pożyteczny = G. R. cap. CLXXII De constantia fidelis animae.

17. Przykład o wierności i miłości iże prawda od śmierci wybawia = G. R. cap. CLXXI De dilectione et fidelitate nimia et quod veritas a morte liberat.

18. Przykład o wielkiej sprawiedliwości bożej a iż sądy jego są skryte = G. R. cap. CXXVII De iustitia et aequitate dissertissimi iudicis Christi per occulta iudicia.

19. Przykład o pożytku opatrzności we wszytkich rzeczach = G. R. cap. LXXIV De prospectione et providentia.

20. Przykład że każdy pasterz ma mieć o owcach swoich staranie = G. R. cap. CXXXVI Quod vigilare debet pastor animarum.

21. Przykład o straszliwości sądu pośledniego wszytkim grzesznym = G. R cap. CXLIII De timore extremi iudicii.

22. Przykład, że kto nie ochrzczon nie będzie zbawion = G. R. cap. LXXVI De concordia. Заглавіе это беремъ изъ изданія 1738 г.

23. Przykład abyśmy czuli dla zdrady diabelskiej, aby nas zły duch niezdradził = G. R. cap. CVI Quod est vigilandum contra fraudes diaboli, ne nos decipiat.

24. Przykład iże prawdy dla prześladowania naszego nic niemamy ćierpieć = G. R. cap. LVIII De confessione.

25. Przykład chwalebny że miłośiernymi uczynkami mamy ofiarę czynić P. Bogu = G. R. cap. XLVII De tribus regibus.

26. Przykład że tylko sami sprawiedliwi wnidą do krolewstwa niebieskego = G. R. cap. XLV Quod solum boni intrabunt regnum coelorum.

27. Przykład że prozne jest kochanie we wszytkich rzeczach świeckich = G. R. cap. LXIII De mundanorum oblectationibus.

28. Przykład abyśmy stałość mieli w dobrych uczynkach = G. R. cap. LXVI De constantia.

29. Przykład abyśmy czystość i wierność małżeńską miłowali — G. R. cap. LXIX De castitate.

30. Przykład że prawdę mamy wyznawać aż do śmierci = G. R. cap. LXVIII De non subticenda veritate usque ad mortem.

31. Przykład przywodzący, abyśmy byli pokornego i skruszonego serca = G. R. cap. LXX De compunctione fidelis animae.

32. Przykład przywodzący abyśmy się niewdzięczności warowali = G. R. cap. LXXII De ingratorum trucidatione.

33. Przykład że łakomstwo wiele ludźi zaslepia aby prawdy nie uznali = G. R. eap. LXXIII De avaritia quod multos excecat.

34. Przykład że każdy grzech bez rospaczy bywa odpuszczon = G. R cap. XVIII Quod omne peccatum quamvis praedestinatorie gravissimum, nisi desperationis baratro subiaceat, sit remissibile.

35. Przykład abyśmy pamiętali na dobrodziejstwo nam uczynione — G. R. cap. CIV De beneficiorum memoria.

36. Przykład napominający abyśmy obietnice innym wypełniali = G. R. cap. CVIII De promissionis fideli constantia.

37. Przykładny żywot świętego Alexego abyśmy roskoszy tego świata wzgardzali = G. R. cap. XV De vita sancti Alexii filii Euphemiani imperatoris.

38. Przykładny żywot świętego Eustachiusa a o nawroceniu błądzącego = G. R. cap. CX De errantium mirabili revocatione et afflictorum pia consolatione.

39. Przykład że przejźrzeniu bożemu żaden się zprzeciwić nie może = G. R. cap. XX De miseria et tribulatione.

Историческая хроника [1]).

Изъ отчетовъ Московскаго и С.-Петербургскаго университетовъ за 1892 г.—Отзывъ о докторской диссертаціи Г. Е. Аѳанасьева.—Съѣздъ историковъ въ Мюнхенѣ.

Историческая наука въ Московскомъ университетѣ за 1892 г. [2]).

Ученые труды членовъ университета [1]). *По историко-филологическому факультету.* Заслуженный профессоръ *Герье* читалъ въ 1891—92 году публичныя лекціи по философіи исторіи—о Гегелѣ, Контѣ и Спенсерѣ; напечаталъ: въ „Вѣстникѣ Европы“ статьи о теократіи и аскетизмѣ въ средніе вѣка—о папѣ Иннокентіи III, о св. Францискѣ изъ Ассизи и о Катаринѣ Сіенской—а въ „Сборникѣ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая“ статью о Св. Елисаветѣ. Ординарные профессора: *Иванцовъ-Платоновъ* напечаталъ: въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и издалъ отдѣльною книгою „Изслѣдованіе о Фотіѣ, патріархѣ константинопольскомъ“ и составилъ для библіографическаго изданія профессора Янжула отдѣлъ о богословскихъ наукахъ. *Цвѣтаевъ* напечаталъ: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью о книгѣ профессора Н. В. Покровскаго „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ“. Москва 1890; въ Филологическомъ Обозрѣніи „Николай Михайловичъ Благовѣщенскій. По поводу пятидесятилѣтняго юбилея его ученой дѣятельности“; въ журналѣ Русское Обозрѣніе три статьи подъ заглавіемъ „По Элладѣ“ и критическую статью „Исторія гре-

---

[1]) По недостатку мѣста ограничиваемся на этотъ разъ лишь немногими данными, входящими обыкновенно въ составъ нашей хроники.

[2]) Заимствовано изъ отчета на годичномъ актѣ 12 янв. 1893 г.

[1]) Приводятся лишь труды, имѣющія отношенія къ исторической наукѣ.

ческой скульптуры въ трудѣ французскаго ученаго" и въ Album G. B. De Rossi. Roma 1892 года „Привѣтствіе на французскомъ языкѣ на юбилеѣ Джіованни Баттиста де-Росси отъ лица русссReferences къ археологовъ"; продолжалъ печатаніе „Учебнаго атласа античнаго ваянія". Т. III: съ вѣка Скопаса и Праксителя до греко-римской эпохи; дѣлалъ въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ два сообщенія подъ заглавіемъ „Изъ путешествія по Греціи: 1) Древности Микенъ и Тиринѳа и 2) Древности Аргоса и Эпидавра". *Ключевскій* въ „Русской Мысли" 1892 года напечаталъ окончаніе статьи „Составъ представительства на земскихъ соборахъ Древней Руси" и статью „И. Н. Болтинъ"; въ „Богословскомъ вѣстникѣ" 1892 года напечаталъ публичную лекцію (въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая) подъ заглавіемъ „Добрые люди древней Руси" и рѣчь на актѣ Московской духовной академіи 26 сентября 1892 г. подъ заглавіемъ „Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства". *Коршъ* напечаталъ: 1) критическія замѣтки къ византійскому тексту „Аполлонія Тирскаго" въ „Запискахъ Одесскаго Историко-филологическаго Общества", 2) Horatiana въ „Филологическомъ Обозрѣніи". *Гротъ* напечаталъ въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи" статью „Очерки изъ исторіи новой философіи". *Миллеръ* напечаталъ: въ журналѣ „Этнографическое Обозрѣніе" нѣсколько статей подъ заглавіемъ: „Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ (кн. XII—XV); издалъ отдѣльной книгой „Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса" (стр. VII+232+69); издалъ 3-й выпускъ „Систематическаго описанія коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея» (стр. V+224); напечаталъ въ журналѣ „Міръ Божій" статью „О религіи Зороастра" (май); дѣлалъ сообщенія въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и въ Этнографическомъ Отдѣлѣ И. Общества Любителей Естествознанія. *Виноградовъ* читалъ публичный курсъ о „Политическихъ ученіяхъ Грековъ"; напечаталъ (какъ рукопись) первый выпускъ „Учебника по древней исторіи", а также статьи: въ „Вопросахъ философіи и психологіи" — „И. В. Кирѣевскій и начало московскаго славянофильства"; въ „Русской Мысли"—„Трактатъ Аристотеля о государствѣ аѳинскомъ" и „Новыя работы по греческой исторіи"; въ „Филологическомъ Обозрѣніи"—„первыя главы Аѳинской политіи Аристотеля; въ „Историческомъ Обозрѣніи"—„Развитіе демократіи въ Аѳинской политіи Аристотеля"; въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" —„Вліяніе рѣкъ на происхожденіе цивилизаціи". *Шварцъ* въ „Филологическомъ Обозрѣніи" за 1892 г. напечаталъ: изслѣдованіе „о новыхъ отрывкахъ рѣчей Гиперида" и нѣсколько рецензій; въ „Древностяхъ", журналѣ Московскаго Археологическаго Общества, помѣстилъ докладъ „По поводу вазы съ рельефными украшеніями изъ села Па-

рутина, около древней Ольвіи". *Соколовъ* напечаталъ „Слава Россійская", комедія 1724 г.—издалъ со своимъ введеніемъ въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ" и отдѣльной книжкой. *Лопатинъ* читалъ курсъ публичныхъ лекцій по исторіи греческой философіи. *Шефферъ* выпустилъ въ свѣтъ 1-й томъ своей книги „Аѳинское гражданство и народное собраніе", защищенный имъ въ качествѣ диссертаціи на степень доктора и напечаталъ рецензіи въ журналахъ „Филологическое Обозрѣніе" т. II, кн. 2-я и въ „Berliner philologische Wochenschrift". Приватъ-доценты: *Веселовскій* прочелъ публичную лекцію „Наканунѣ новаго столѣтія" и напечаталъ ее въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ"; помѣстилъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" Брокгауза статьи о Вольтерѣ и Гёте; въ журналѣ „Артистъ" статью „Памяти Фонъ-Визина". *Михайловскій* издалъ сочиненіе „Шаманство. Сравнительно-этнографическіе очерки". Выпускъ I. *Фортунатовъ* помѣстилъ въ журналѣ „Русская Мысль" (августъ)—Разборъ книги Гольста объ исторіи государственнаго строя Америки. *Милюковъ* напечаталъ: 1) свою магистерскую диссертацію „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформы Петра Великаго"; 2) „Рецензію на сочиненіе А. С. Лаппо-Данилевскаго въ XXXIII присужденіи Уваровскихъ наградъ и отдѣльно подъ заглавіемъ „Спорные вопросы финансовой исторіи московскаго государства"; 3) въ „Русской Мысли" вступительную рѣчь передъ диспутомъ (іюль); „Обзоръ дѣятельности международнаго съѣзда антропологіи и доисторической археологіи" (сентябрь) и нѣсколько рецензій; 4) въ англійскомъ журналѣ „Athenaeum"—„Научно-литературный обзоръ за 1891—92 гг". *Бѣльскій* напечаталъ статью: „Св. Сергій и значеніе его дѣятельности" въ журналѣ „Русскій Паломникъ" №№ 42, 43 и 44. *Безобразовъ* напечаталъ книги: 1) „О сношеніяхъ Россіи съ Франціей", 2) „Историческія повѣсти" (въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая); читалъ двѣ публичныя лекціи: 1) „О неурожаяхъ прошлаго вѣка", 2) „О современномъ положеніи женщины", послѣдняя выпущена отдѣльнымъ изданіемъ; напечаталъ въ „Русскомъ Обозрѣніи" статьи „Россія и Англія". *Корелинъ* напечаталъ изслѣдованіе: „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія" выпуски 1 и 2. Москва 1892 г.; читалъ въ Политехническомъ музеѣ публичный курсъ „Культурный кризисъ въ Римской имперіи" и напечаталъ его въ журналѣ „Русская Мысль" (1892 г. іюль, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь); принималъ участіе въ историческомъ отдѣлѣ русскаго изданія энциклопедическаго словаря Брокгауза; редактировалъ русскій переводъ сочиненія Г. Буасье „Паденіе язычества" и написалъ къ нему предисловіе. *Аппельротъ* издавалъ и редактировалъ (вмѣстѣ съ А. Адольфомъ)

журналъ „Филологическое Обозрѣніе", гдѣ помѣстилъ нѣсколько рецензій и статью „По поводу раскопокъ въ Веронѣ". *Щепкинъ* 1) редактировалъ 3-е изданіе сочиненій Т. Н. Грановскаго и 2) участвовалъ въ Историческомъ Отдѣлѣ русскаго изданія энциклопедическаго словаря Брокгауза.

По юридическому факультету. Заслуженный профессоръ *Павловъ* напечаталъ: въ „Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія" и отдѣльно: а) статью подъ заглавіемъ: „По поводу нѣкоторыхъ недоразумѣній въ наукѣ православнаго церковнаго права" и б) изслѣдованіе: „Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права". Ординарные профессора: *Янжулъ* издалъ подъ своей редакціей и при содѣйствіи большинства товарищей библіографическій трудъ подъ заглавіемъ „Книга о книгахъ" въ двухъ частяхъ, Москва, и печаталъ въ С.-Петербургѣ сборникъ своихъ журнальныхъ статей и публичныхъ лекцій. *Боголѣповъ* издалъ для своихъ слушателей 5-й и 6-й выпуски: „Пособія къ лекціямъ по Исторіи Римскаго права". *Комаровскій* прочелъ публичную лекцію „Война или миръ" въ пользу голодающихъ и сдѣлалъ два сообщенія въ Юридическомъ Обществѣ: „О современныхъ международныхъ уніяхъ" (обѣ эти статьи напечатаны въ „Русской Мысли") и „О съѣздѣ Института Международнаго Права въ Гамбургѣ". Напечаталъ въ Книгѣ о книгахъ: „Обзоръ наиболѣе важныхъ сочиненій по современному Международному Праву" (съ критическими отзывами) и въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета (Юридическій Отдѣлъ, вып. VIII): „Основные вопросы науки Международнаго Права". Приватъ-доценты: *Уляницкій* напечаталъ по порученію Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 5 томъ „Политической переписки Екатерины II"; по порученію Московскаго Публичнаго Румянцевскаго музея описалъ и напечаталъ: 1-ю часть описи польскихъ монетъ минцкабинета музея; напечаталъ въ Варшавскомъ изданіи изслѣдованіе о талерахъ короля Сигизмунда-Августа 1564—1565 г.; напечаталъ въ „Трудахъ Московскаго Нумизматическаго Общества" изслѣдованіе „О монетахъ для Червонной Руси, чеканенныхъ польскими королями въ XIV—XV вв.". *Гусаковъ* напечаталъ въ Ученыхъ Запискахъ университета: „Договоръ и Деликтъ, какъ источники обязательствъ въ древнѣйшей системѣ римскаго права". *Красноженъ* напечаталъ изслѣдованіе: „Толкователи каноническаго кодекса восточной церкви: Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ"; помѣстилъ (въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1892 г. № 165, подъ заглавіемъ: „Ex oriente lux") разборъ рецензіи А. С. Павлова на сочиненіе проф. Н. С. Суворина, носящей названіе: „Мнимые слѣды като-

лическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права“.

Занятія студентовъ въ семинаріяхъ. Въ семинаріяхъ *историко-филологическаго факультета,* въ 1892 году шли слѣдующія занятія:

Въ философскомъ семинаріи у орд. проф. Н. Я. Грота велись практическія занятія (съ желающими) по психологіи: 1) читались и разбирались психологическіе разборы художественныхъ произведеній отечественной литературы, и 2) велись занятія по этикѣ (чтеніе и переводъ Критики практическаго разума Канта).

Въ семинаріи по новой философіи у экстраорд. проф. Л. М. Лопатина предметомъ занятій (для желающихъ) служило чтеніе и толкованіе важнѣйшихъ произведеній Лейбница.

Въ семинаріи по древней философіи у пр.-доц. кн. С. Н. Трубецкого занимались чтеніемъ, изложеніемъ и разборомъ избранныхъ діалоговъ Платона.

Въ семинаріи по классической археологіи и орд. проф. И. В. Цвѣтаева предметомъ рефератовъ служили три главные ордена греческаго зодчества, причемъ вмѣстѣ съ теоретическимъ обозрѣніемъ исторіи каждаго изъ нихъ особое вниманіе обращалось на главнѣйшіе дошедшіе до насъ памятники каждаго изъ этихъ трехъ стилей.

Въ семинаріи по римской словесности у орд. проф. Ѳ. Е. Корша занятія состояли въ объясненіи студентамъ классическаго отдѣленія избранныхъ элегій Тибулла на латинскомъ языкѣ.

Въ семинаріи по римской словесности у орд. проф. А. Н. Шварца читались и разбирались рефераты студентамъ классическаго отдѣленія объ избранныхъ мѣстахъ Ѳукидида и Софокла.

Въ семинаріи по русской народной словесности у орд. проф. В. Ѳ. Миллера разбирались представляемыя студентами словеснаго отдѣленія письменныя работы по былинамъ въ связи съ литературой по народному эпосу.

Въ семинаріи по русской словесности у экстраорд. проф. М. И. Соколова занятія (для студентовъ словеснаго отдѣленія) состояли въ разборѣ самими студентами и профессоромъ писанныхъ на дому рефератовъ о литературныхъ памятникахъ, темы для каковыхъ работъ давались въ началѣ учебныхъ полугодій съ указаніемъ пособій.

Въ семинаріи по новой исторіи у засл. проф. В. И. Герье для студентовъ VII семестра историческаго отдѣленія предметомъ занятій служила исторія XVI вѣка.

Въ семинаріи по древней исторіи у орд. проф. П. Г. Виноградова студенты VII семестра историческаго отдѣленія занимались чтеніемъ и разборомъ Аѳинской политіи Аристотеля.

Въ семинаріи по русской исторіи у орд. проф. В. О. Ключев

скаго по русской исторіи въ весеннемъ полугодіи 1892 г. преподаватель изложилъ студентамъ VI и VIII семестровъ историческаго отдѣленія обзоръ русской исторіографіи (до Карамзина) и руководилъ работами студентовъ по изученію памятниковъ древней русской исторіи; въ осеннемъ полугодіи началъ излагать студентамъ V и VII семестровъ того же отдѣленія обзоръ источниковъ русской исторіи и руководилъ занятіями студентовъ по переводу и объясненію Русской Правды.

Въ семинаріи по исторіи всеобщей литературы у ордин. проф. Н. И. Стороженко занятія состояли въ составленіи и обсужденіи рефератовъ, посвященныхъ драмамъ Шиллера и Гете.

На *юридическомъ факультетѣ* въ 1892 году семинаріи были по слѣдующимъ предметамъ: а) по *Римскому праву*: подъ руководствомъ заслуженнаго профессора *Павлова*—чтеніе и комментированіе институцій Гая и подъ руководствомъ привата-доцента *Гусакова* — чтеніе и толкованіе институцій Юстиніана, съ разборомъ гражданско-правовыхъ казусовъ примѣнительно къ интерпретируемому тексту; б) по *Исторіи Русскаго права*: подъ руководствомъ ординарнаго проф. *Мрочекъ-Дроздовскаго*—чтеніе и толкованіе Русской Правды, Псковской Судной грамоты и Судебниковъ; в) по *уголовному праву и судопроизводству*: въ весеннемъ полугодіи подъ руководствомъ привата-доцента *Викторскаго*—разборъ отдѣльныхъ казусовъ, сенатская практика и формы дѣлопроизводства; г) по *полицейскому праву*: подъ руководствомъ ординарнаго профессора *Тарасова*—практическія занятія по предметамъ пройденнаго курса и осмотръ нѣкоторыхъ учрежденій благоустройства и безопасности; д) по *политической экономіи и статистикѣ*: подъ руководствомъ ординарнаго профессора *Чупрова*—составленіе и разборъ рефератовъ по прикладной политической экономіи и хозяйственной статистикѣ; е) по *финансовому праву*: подъ руководствомъ ординарнаго профессора *Янжула*—упражненія по вопросамъ пройденнаго курса, и ж) по *энциклопедіи права*: подъ руководствомъ экстраординарнаго профессора *Звѣрева*—практическія занятія по важнѣйшимъ вопросамъ теоріи права (составленіе и обсужденіе рефератовъ).

Темы для сочиненій на соисканіе медалей. Въ истекшемъ академическомъ году для сочиненій на соисканіе студентами медалей были заданы слѣдующія темы: 1) на историко-филологическомъ факультетѣ: а) по философіи: „Сравненіе ученія Шопенгауера объ основаніи морали съ нравственнымъ ученіемъ Канта" (по сочиненію Шопенгауера „Двѣ основныя проблемы этики" и Канта — „Критика практическаго разума); б) по славянской филологіи: „Употребленіе прошедшихъ временъ въ сербскомъ языкѣ, по памятникамъ народнаго творчества (пѣснямъ и сказкамъ Вука Стефановича Караджича) и в) по всеобщей исторіи: „Характеристика императора Тиберія на основаніи

критическаго разбора источниковъ для его царствованія, преимущественно Анналъ Тацита". 2) На юридическомъ факультетѣ—по гражданскому праву: „Юридическая конструкція и характеристика общиннаго землевладѣнія въ Россіи".

За сочиненія на заданныя отъ университета темы присуждены преміи: имени заслуженнаго профессора С. М. Соловьева приватъ-доценту московскаго университета П. Н. *Милюкову* и имени потомственнаго почетнаго гражданина В. П. Боткина профессору с.-петербургскаго университета В. К. Ернштедту.

Испытанія на ученыя степени и званія. На основаніи ст. 30 § III, п. 10 Устава Университетовъ и съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, пріобрѣвшій почетную извѣстность своими научными трудами профессоръ казанской Духовной Академіи *Знаменскій* возведенъ въ степень доктора русской исторіи, безъ испытанія на степень магистра и безъ представленія диссертаціи.

На основаніи Устава въ факультетскихъ собраніяхъ производились установленныя испытанія лицъ, желающихъ получить ученыя степени и званія и, по удостоенію факультетовъ, утверждены университетскимъ совѣтомъ: Въ степень доктора—магистры: *Шефферъ* и *Соболевскій*—греческой словесности и *Карышевъ*—политической экономіи и статистики. Въ степени магистра — кандидаты: *Корелинъ*—всеобщей исторіи, *Милюковъ*—русской исторіи, кн. *Трубецкой*—государственнаго права и *Судейкинъ* — политической экономіи и статистики [1]).

Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Въ отчетномъ году Общество имѣло девять засѣданій, изъ нихъ три соединенныхъ съ географическимъ отдѣленіемъ, съ пятнадцатью сообщеніями и шесть засѣданій совѣта, посвященныхъ рѣшенію разныхъ вопросовъ по внутренней дѣятельности Общества.

Что касается до отдѣловъ и отдѣленій, то между прочимъ они имѣли:

---

[1]) Означенныя лица напечатали и публично защитили диссертаціи: Шефферъ—Афинское гражданство и народное собраніе, Соболевскій—Syntaxis Aristophaneae capita selecta, Карышевъ — Крестьянскія внѣудѣльныя аренды, Корелинъ — Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія, Милюковъ—Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформы Петра Великаго, кн. Трубецкой — Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ: міросозерцаніе бл. Августина, Судейкинъ — Государственный банкъ, изслѣдованіе его устройства, экономическаго и финансоваго значенія. Г. Корелинъ получилъ прямо степень доктора всеобщей исторіи (См. Истор. Обозр., V, стр. 196—198).

Антропологическій—четыре засѣданія съ двѣнадцатью докладами, посвященными изученію народностей, жившихъ и живущихъ какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и внѣ ея, кромѣ того въ засѣданіяхъ докладывались новости по текущей литературѣ и вырабатывалась организація коммиссій, которыя учреждены при отдѣлѣ по постановленію международнаго конгресса по антропологіи и по доисторической археологіи, а именно: коммиссіи по пересмотру номенклатуры азіятскихъ народовъ и коммиссіи антропометрической.

Этнографическій—одиннадцать засѣданій съ восемнадцатью сообщеніями по вопросамъ какъ общей этнографіи, такъ и русской; кромѣ того, одно засѣданіе было посвашено чествованію Отдѣломъ своего предсѣдателя, почетнаго члена Общества В. Ф. Миллера, по случаю исполнившагося десятилѣтія его предсѣдательствованія въ отдѣлѣ, причемъ предсѣдателю былъ поднесенъ благодарственный адресъ и жетонъ.

Отдѣленіе географіи—двѣнадцать засѣданій съ двадцатью однимъ сообщеніемъ, причемъ одно засѣданіе 17 апрѣля было посвящено памяти Христофора Колумба.

Сообщенія дѣлали:

По Антропологіи, Географіи и Этнографіи: *Анучинъ Д. Н.* I. О капитанъ-командорѣ В. Берингѣ (по поводу исполнившагося 8 декабря 1891 г. 150-лѣтія со дня его кончины). II. О заслугахъ К. Э. фонъ-Бэра по географіи и антропологіи (по поводу исполнившагося 17 февраля 1892 г. столѣтія со дня его рожденія). III. О скончавшемся 1 февраля 1892 г. путешественникѣ В. В. Юнкерѣ. IV. Изъ лѣтней поѣздки въ Швейцарію на Бернскій международный географическій конгрессъ. V. Подготовленіе открытія Америки и предшественники Колумба. VI. О нѣкоторыхъ предметахъ географической выставки въ Москвѣ въ 1892 году.

Ардашевъ Н. Н. Русскій географическій чертежъ въ красках XVII вѣка.

Виноградовъ П. Г. Къ вопросу объ историческомъ значеніи рѣкъ.

Дементьевъ Е. М. О вліяніи происхожденія и занятій на физическое сложеніе человѣка.

Доминцевъ В. Ѳ. О талмудѣ и талмудистахъ (два сообщенія).

Кашежевъ Т, М. Объ обычаяхъ и легендахъ Кабардинцевъ (два сообщенія).

Коганъ М. Т. Татары въ русскомъ эпосѣ.

Листовъ Ю. А. Соляная промышленность Европейской Россіи до и послѣ отмѣны налога на соль (1879—1889 гг.).

Ляцкій Е. А. Болѣзнь и смерть по представленіямъ Бѣлоруссовъ

Мечь С. П. Географія какъ наука и какъ учебный предметъ.

Миллеръ В. Ф. I. О трудахъ А. А. Потебни и Н. А. Попова по случаю ихъ кончины. II. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ (три сообщенія).

Минхъ А. Н. Моляны у мордвы Саратовской губ.

Михайловскій В. М. I. О трудахъ г. Овчинникова по этнографіи якутовъ; II. О буддійской общинѣ-Санча. III. Представленія буддистовъ о мірѣ; IV. Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки по новѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Тесленко Н. В. Судоустройство по обычному праву Бѣлоруссовъ.

Графиня П. С. Уварова. Конгрессы и выставки въ Генуѣ, Хуэльвѣ и Мадридѣ по поводу четырехсотлѣтія открытія Америки.

S. Ximenes. La question du Pamir..

Штернбергъ Л. И. Сахалинскіе Гиляки.

Ядринцевъ Н. М. Монголія и ея культурные задатки.

Большая часть коллекцій по географіи, поступила съ географической выставки, организованной по предложенію комитета международныхъ конгрессовъ [1]). Выставка эта была устроена съ цѣлью собрать, по возможности, имѣющіеся матеріалы по землевѣдѣнію Россіи и прилегающихъ къ ней частей Азіи, какъ-то: карты, планы, графики, виды мѣстностей, гидрографическія, геологическія, метеорологическія, статистическія и другія изданія, отчасти также этнографическіи и иныя коллекціи, могущія представлять интересъ какъ для спеціалистовъ, такъ, до извѣстной степени, и для образованной публики вообще. Кромѣ того, на выставкѣ собраны были также нѣкоторые матеріалы по общей географіи, по метеорологіи, по исторіи землевѣдѣнія, по учебной и промышленной географіи, отчасти также по географіи Западной Европы и другихъ частей свѣта, полученные какъ отъ различныхъ учрежденій и лицъ въ Россіи, такъ и отъ нѣкоторыхъ заграничныхъ правительственныхъ и частныхъ институтовъ.

Многіе изъ членовъ географическаго отдѣленія приняли участіе въ организаціи этой выставки, которая была открыта, совмѣстно съ археологической, 2 августа и продолжалась до 18 октября истекшаго года въ свободныхъ залахъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея. Археологическая выставка была устроена трудами графини П. С. Уваровой при содѣйствіи Д. Я. Самоквасова, В. И, Сизова и другихъ лицъ. Послѣ обѣихъ выставокъ многія коллекціи были принесены въ даръ Обществу и географическому кабинету университета.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ вступило

---

[1]) См. Ист. Обоз., т. V, стр.

въ 1892 г. въ восемьдесятъ восьмую годину своего существованія. Правленіе Общества составляли тѣ же должностныя лица, что и въ минувшемъ году: предсѣдательствующій *Ю. Д. Филимоновъ*, секретарь *Е. В. Барсовъ*, казначей *С. А. Бѣлокуровъ* и библіотекарь *Ю. Д. Филимоновъ*. Общество имѣло 6 засѣданій, изъ коихъ одно годичное, посвященное воспоминаніямъ объ ученой дѣятельности умершихъ въ минувшемъ 1891 году членовъ Общества: архимандрита Леонида, Н. А. Попова, Д. П. Лебедева, М. М. Семевскаго, М. О. Кояловича, В. П. Титова и кн. В. А. Долгорукова, и одно чрезвычайное, собранное для выбора согласно положенію о преміяхъ имени С. М. Соловьева при Московскомъ Университетѣ, въ составѣ присуждающей сіи преміи коммиссіи, въ качествѣ временнаго члена оной, одного изъ членовъ Общества.

Въ текущемъ году послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при Обществѣ ежегодной преміи въ 500 рублей имени Г. Ѳ. Карпова. Высочайше одобренъ былъ рисунокъ золотой медали, предназначаемой для выдачи рецензентамъ представляемыхъ на соисканіе сей преміи сочиненій и утверждены г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія правила о порядкѣ присужденія сей преміи. Вслѣдствіе сего Общество въ началѣ года объявило первый конкурсъ на соисканіе сей преміи, а въ ноябрѣ избрало коммиссію для разсмотрѣнія представленнаго на соисканіе сей преміи сочиненія и объявило второй конкурсъ, назначивъ срокомъ представленія сочиненій 1 ноября 1893 г. За непредставленіемъ же къ назначенному сроку сочиненій на вторую, находящуюся въ распоряженіи Общества, премію за исторію градоначальствованія въ Москвѣ князя Д. В. Голицына, Общество объявило вновь о ней и назначило срокомъ для представленія сочиненій 1 сентября 1893 г.

Въ 1892 году было издано пять томовъ „Чтеній" Общества: 159, 160, 161, 162 и 163. Въ нихъ были напечатаны: 1) *Изслѣдованія*: а) *А. С. Хаханова*—о Грузинскомъ изводѣ, сказанія о св. Георгіи; б) *Свящ. Сергія Садковскаго*—объ Артеміи игуменѣ Троицкомъ; в) *А. И. Миловидова*—объ Ивановскомъ каналѣ, начатомъ Петромъ Великимъ для соединенія Волги съ Дономъ; г) *А. Н. Львова* о попыткахъ Петра I къ распространенію среди Русскаго народа научныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній; д) *М. К. Любавскаго*—объ областномъ дѣленіи и мѣстномъ управленіи Литовско-русскаго государства къ времени изданія перваго Литовскаго Статута (первые два очерка), и е) сообщенія, посвященныя памяти умершихъ въ 1891 году членовъ Общества: архимандрита Леонида (Кавелина), Н. А. Попова, Д. М. Лебедева и А. А. Востокова, составленныя *Г. А. Воскресенскимъ*, *И. И. Шимко*, *С. Ѳ. Долговымъ* и *Н. Н. Оглоблинымъ*.

2) *Матеріалы историческіе*: а) Описи домовъ и движимаго имущества князя Потемкина-Таврическаго, купленныхъ у наслѣдниковъ его Императрицею Екатериною II. Сообщилъ *Г. В. Есиповъ*; б) матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. 3-й. Уставъ о строевой пѣхотной службѣ фельдмаршала Миниха. Документы Финляндской войны 1743 г. Сообщилъ *Д. Ѳ. Масловскій*; в) Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII вв. вып. 8: Пехрянская десятина Московскаго уѣзда. Сообщены *В.* и *Г. Холмогоровыми*; г) Дневныя дозорныя записи о Московскихъ раскольникахъ за 1846—1848 года. Части 3—7. Съ предисловіемъ *Андрея Титова*; д) Матеріалы для исторіи Крестовоздвиженскаго Бизюкова монастыря, собранные дѣйствительнымъ членомъ *Ниломъ Поповымъ*. Съ предисловіемъ члена-соревнователя *А. А. Гоздаво-Голомбіовскаго*; е) Реляціи князя Антіоха Кантемира изъ Лондона (1732—1733 гг.) т. I. Съ предисловіемъ и примѣчаніями *В. Н. Александренко*; ж) Матеріалы для исторіи г. Саратова. Записи книгъ Печатнаго приказа (1650—1675 гг.). Съ предисловіемъ *А. А. Гоздаво-Голомбіовскаго*; з) село Волынское и деревни Давыдково и Молотцы (по описи 1735 г.). Сообщилъ дѣйствительный членъ *С. А. Бѣлокуровъ* и и) Тульскій уѣздъ въ XVII в. Его видъ и населеніе по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Съ предисловіемъ *Е. Н. Щепкиной*.

3) *Матеріалы историко-литературные*: а) Общество издало, подъ наблюденіемъ члена-соревнователя *А. В. Башкирова* и съ его предисловіями 3-й выпускъ собранія сочиненій Юрія Крижанича, въ который вошли его сочиненія: 1) об Свѣтом Крещѣню и 2) Обличѣнје на Соловѣчскую Челобитну (съ 2 фототипіями); б) 1 выпускъ составленнаго *П. И. Петровымъ* описанія рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ, именно собраній: 1) Макарія митрополита московскаго; 2) Мѣлецкаго монастыря на Волыни; 3) Кіевобратскаго монастыря и 4) Кіевской духовной семинаріи; в) памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вольдемара и царевны Ирины Михаиловны, собранные членомъ-соревнователемъ *А. П. Голубцовымъ*; г) „Слава Россійская". Комедія 1724 г., представленная въ Московскомъ гошпиталѣ по случаю коронаціи императрицы Екатерины I. Съ предисловіемъ *М. И. Соколова* и д) письма О. М. Бодянскаго къ И. А. Чистовичу (1862—1877 гг.).

4) *Матеріалы иностранные*: первыя двѣ части дневника генерала Патрика Гордона, веденнаго имъ во время его шведской и польской службъ отъ 1655 до 1661 г. и во время его пребыванія въ Россіи отъ 1661 до 1699 гг. Въ переводѣ *М. Н. Салтыковой* съ нѣмецкаго изданія его кн. М. А. Оболенскаго и М. Е. Поссельта.

5) Въ отдѣлѣ *Смѣси*: а) переписка митрополита Евгенія (Бол-

ховитинова) съ А. Ѳ. Воейковымъ, П. М. Строевымъ, И. М. Снегиревымъ и П. П. Бикетовымъ и б) переписка барона Г. А. Розенкампфа съ П. М. Строевымъ, И. М. Снегиревымъ и А. А. Писаревымъ,— сообщенныя *Н. И. Полетаевымъ*; в) отрывокъ духовной Михаила Приклонскаго 1556 г.; г) къ домашнему быту русскихъ царей и царицъ 1640—1641 гг.; д) „нѣмецкое платье" 1632—1636 гг.; е) къ исторіи степной окраины Московскаго государства 1641—1643 гг.; ж) о строеніи дворцовыхъ церквей и хоромъ въ Московскомъ кремлѣ и объ исправленіи городовой стѣны 1635—1636 г.; з) опохоронной памяти скоропостижно умершему 1690 г.; и) къ вопросу о принятіи схизматиковъ въ православную церковь; і) итоги мороваго повѣтрія въ Москвѣ въ 1654 г.; к) письмо Стефана митрополита Рязанскаго къ Головину о діалогахъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи, и л) протоколы Общества за 1887—1891 гг.

Психологическое Общество. Къ 1-му декабря 1892 г. Совѣтъ Общества состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель проф. *Н. Я. Гротъ.*

Тов. предсѣдателя проф. *Л. М. Лопатинъ.*

Кандидатъ товарища предсѣдателя пр.-доц. кн. *С. Н. Трубецкой.*

Временный секретарь *Ю. П. Бартеневъ.*

Временный товарищъ секретаря *Н. М. Горбовъ.*

Библіотекарь и редакторъ Трудовъ Общества *В. П. Преображенскій.*

Казначей *Н. А. Абрикосовъ.*

Тов. казначея проф. *С. С. Корсаковъ.*

Редакціонный комитетъ журнала „Вопросы психологіи и философіи", члены коего, согласно п. 15 условій изданія журнала, избираются Психологическимъ Обществомъ, къ 1-му декабря 1892 г. состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина, кн. С. Н. Трубецкаго, В. П. Преображенскаго, С. С. Корсакова, Н. А. Абрикосова и А. А. Абрикосова.

Къ 1-му декабря 1892 г. Общество состояло изъ 14 почетныхъ членовъ, 12 членовъ-учредителей, 130 дѣйствительныхъ членовъ и 33 членовъ-соревнователей.

Дѣятельность Общества, какъ и въ прошлые года, выражалась въ выслушиваніи и обсужденіи рефератовъ, доложенныхъ гг. членами. Общество имѣло 1 годичное закрытое, 1 годичное публичное, 4 закрытыхъ обыкновенныхъ, 6 открытыхъ обыкновенныхъ и 1 экстренное засѣданіе. Прочитаны и обсуждены были слѣдующіе 12 рефератовъ: „О различномъ отношеніи мысли къ своему предмету въ вѣрѣ и знаніи" П. Е. Астафьева, „Объ устройствѣ человѣческой рѣчи" А. А. Корнилова, „О противорѣчіяхъ въ философіи" кн. С. Н. Тру-

бецкого, „Проблема бытія внѣшняго міра“ Н. А. Иванцова, „Зрѣніе и осязаніе“ Е. И. Челпанова, „Замѣтка объ опредѣленіи общей задачи искусства у Тэна“ В. Е. Гіацинтова, „Къ вопросу объ этикѣ Талмуда“ В. Ѳ. Долгинцева, „Типическія формы эвдемонизма“ Н. Я. Грота, „Фридрихъ Ничше, критика морали альтруизма“ В. П. Преображенскаго, „Моисей Маймонидъ, какъ психологъ и философъ“ В. Ѳ. Долгинцева, „Основныя начала эволюціонной монадологіи“ Н. В. Бугаева и „Жизнь, красота и творчество“ П. Д. Боборыкина. Кромѣ того Общество продолжало принимать участіе въ изданіи журнала „Вопросы психологіи и философіи“ и издало 5-й выпускъ своихъ Трудовъ, содержащій „Этику Спинозы“ въ переводѣ д. чл. Н. А. Иванцова, подъ ред. д. чл. В. П. Преображенскаго.

Московское юридическое Общество. Въ 1892 г. бюро Общества состояло изъ предсѣдателя С. А. Муромцева, товарищей предсѣдателя: Д. А. Дриля, Н. А. Зачинскаго, секретаря Н. И. Ржондковскаго, товарищей секретаря: А. Н. Маркова, М. Н. Соболева, казначея В. В. Сиротинина и библіотекаря А. Ф. Акулова.

Органъ Общества „Юридическій Вѣстникъ“ издавался попрежнему, подъ редакціей С. А. Муромцева и В. М. Пржевальскаго.

Въ теченіе года были доложены въ Юридическомъ Обществѣ, между прочимъ, слѣдующіе рефераты:

С. А. Муромцевымъ: „Слово памяти Рудольфа фонъ-Іеринга“.

И. А. Линниченко: „Юридическія формы шляхетскаго землевладѣнія и судьба древне-русскаго боярства юго-западной Руси XIV—XV в.“.

Д. А. Дрилемъ: а) „Чувственныя влеченія и преступность“, б) „Что говорилось на международномъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ“.

В. А. Гольцевымъ: „О послѣднемъ сочиненіи Эмиля де-Лавеле: Le gouvernement dans la democratie“.

Графомъ Л. А. Камаровскимъ: „О съѣздѣ института международнаго права въ Гамбургѣ“.

В. Ф. Левитскимъ: „Характерныя черты современнаго положенія землевладѣнія и земледѣлія во Франціи“.

А. Г. Гусаковымъ: „Рудольфъ фонъ-Іерингъ, пріемы и результаты ученой работы его“.

П. Е. Казанскимъ: „Очередные конгрессъ и конференція мира къ движенію въ пользу всеобщаго міра на Западѣ“.

Историческая наука въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1892 г. [1]).

Оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію въ 1892 году было—102. По факультетамъ они распредѣлялись такимъ образомъ:

при историко-филологическомъ	факультетѣ	состояло	25
„ физико-математическомъ	„	„	43
„ юридическомъ	„	„	30
„ факультетѣ восточныхъ языковъ		„	4

Въ числѣ другихъ состояли при университетѣ *со стипендіями*:

а) на счетъ штатной суммы по *историко-филологическому факультету*: Дмитрій Кудрявскій, Александръ Липовскій (по 1 декабря), Николай Папиловъ (съ 1 декабря), Сергѣй Рункевичъ (съ 1 декабря) и Борисъ Тураевъ (по 1 декабря); по *юридическому факультету*: Николай Лазаревскій (съ 1 ноября), Сергѣй Сыромятниковъ (по 1 апрѣля), Николай Рейтлингеръ (по 1 ноября) и Левъ Шалландъ (съ 1 апрѣля); по *факультету восточнихъ языковъ*: Платонъ Меліоранскій и Вильгельмъ Бартольдъ (съ 1 ноября);

б) на счетъ суммы въ 18000 руб., ассигнованной с.-петербургскому универтитету на стипендіи и пособія по *историко-филологическому факультету*: Павелъ Вознесенскій, Петръ Погодинъ и Алексѣй Покровскій (по 1 сентября); по *юридическому факультету*: Вячеславъ Грибовскій, баронъ Михаилъ Таубе и Ѳедоръ Трозинеръ (съ 1 іюля);

в) на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія по *юридическому факультету*: Ѳедоръ Трозинеръ (по 1 іюля) и Платонъ Соколовъ;

г) на счетъ капитала П. П. Демидова пользовались стипендіями по *юридическому факультету*: Брониславъ Боуффаллъ, Родіонъ Гернгросъ, Александръ Гурьевъ (по 15 апрѣля), Фридрихъ Зейдель (съ 1 февраля), Генрихъ Мандельштамъ (съ 15 апрѣля), Владиміръ Набоковъ (съ 1 декабря), Борисъ Распоповъ (съ 1 октября), Сергѣй Терменъ, Николай Чернощековъ (по 1 декабря).

Состояли при университетѣ *безъ стипендій*: по *историко-филологическому факультету:* Михаилъ Быстровъ, Александръ Васильевъ (съ 1 ноября), Николай Волковъ (по 1 марта), Эрвинъ Гриммъ, Вильгельмъ Каттерфельдъ, Сергѣй Жебелевъ, Алексѣй Кедровъ, Викторъ Кондзеровскій (по 1 октября), Михаилъ Крыжановскій, Александръ

[1]) Изъ отчета, читаннаго на годичномъ актѣ 7 февраля 1893 г.

Липовскій (съ 1 декабря), Борисъ Меліоранскій, Николай Павловъ-Сильванскій (съ 1 ноября), Николай Папиловъ (съ 1 октября по 1 декабря), Сергѣй Рождественскій, Михаилъ Ростовцевъ (съ 1 декабря), Евгеній Соловьевъ (по 12 апрѣля), Яковъ Смирновъ, Николай Тупиковъ (съ 1 ноября), Петръ Шефферъ; по *юридическому факультету*: Владиславъ Бортвевичъ (находится въ заграничной командировкѣ), Филиппъ Вальтеръ (по 12 іюня), Василій Гайдебуровъ), Михаилъ Гильхенъ (по 1 декабря), Николай Дебольскій (съ 1 октября), Дмитрій Демкинъ (по 1 февраля), Николай Любовниковъ (съ 1 марта), Александръ Михельсонъ (съ 1 декабря), Сергѣй Прутченко, Николай Рейтлингеръ (съ 1 ноября), Борисъ Рѣзниковъ (по 1 ноября), Всеволодъ Срезневскій (по 1 декабря), Александръ Тимофеевъ (по 12 декабря), Францъ Утеманъ (по 1 декабря); по *факультету восточныхъ языковъ*: Николай Катановъ и Павелъ Николаевскій.

Въ отчетномъ году возведено въ высшія ученыя степени 7 лицъ —3 въ степень магистра и 4 въ степень доктора. Между ними степень магистра получили: по историко-филологическому факультету: 1) Сергѣй Михайловичъ Середонинъ—степень магистра русской исторіи, по защищеніи диссертаціи „Сочиненіе Джильса Флетчера „Of the Russe Common Wealth“ какъ историческій источникъ“, и 2) Владиміръ Константиновичъ Мальмбергъ—степень магистра теоріи и исторіи искусствъ, по защищеніи диссертаціи „Метопы древне-греческихъ храмовъ“. Степень доктора получилъ по историко-филологическому факультету: 1) Георгій Емельяновичъ Аѳанасьевъ — степень доктора всеобщей исторіи, по защищеніи диссертаціи „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ“.

Учебная дѣятельность университета не исчерпывалась строго лекціоннымъ преподаваніемъ наукъ, — весьма важное значеніе имѣли практическія занятія учащихся. Такими занятіями либо разъяснялись и дополнялись систематическіе курсы наукъ, служившихъ предметомъ лекціоннаго преподаванія, либо вырабатывалось умѣнье учащихся обращаться съ научнымъ матеріаломъ ,либо, наконецъ, испытывались силы ихъ въ разрѣшеніи болѣе или менѣе трудныхъ научныхъ задачъ. Указанная роль практическихъ занятій требовала, чтобы одни изъ нихъ стояли въ тѣсной и неразрывной связи съ лекціоннымъ преподаваніемъ, другіе занимали болѣе или менѣе обособленное мѣсто (и включались въ семестровыя программы); третьи являлись не опредѣляемыми точно ни временемъ, ни количествомъ участвовавшихъ лицъ. Въ виду многообразія практическихъ занятій и трудности полагать для нихъ предѣлъ, мы не можемъ представить ихъ полнаго обзора и ограничимся только краткимъ очеркомъ, который дастъ понятіе объ ихъ видахъ, ихъ характерѣ и наиболѣе выдающихся формахъ.

На историко-филологическомъ факультетѣ. Проф. В. И. Помяловскій занимался со студентами старшихъ семестровъ чтеніемъ и объясненіемъ латинскихъ надписей, частію по сборнику Вильманиса, частію по Берлинскому Corpus Inscriptionem Latinarum. Въ числѣ другихъ эпиграфическихъ памятниковъ былъ прочтенъ и Monumentum Aneyranum, по II-му изд. Моммзена.

Проф. Н. И. Карѣевъ велъ со студентами практическія занятія въ весеннемъ семестрѣ 1892 г, по изученію политической литературы XVIII в.

Проф. Θ. Θ. Соколовъ велъ у себя на дому вечернія практическія занятія по чтенію греческихъ надписей.

Проф. С. Θ. Платоновъ руководилъ практическими занятіями студентовъ старшихъ семестровъ по изученію источниковъ древней русской исторіи, причемъ студентъ Прѣсняковъ занимался изученіемъ лицевыхъ лѣтописныхъ сводовъ въ рукописяхъ Императорской публичной библіотеки и другихъ древлехранилищъ.

Проф. А. И. Незеленовъ руководилъ практическими занятіями студентовъ старшихъ курсовъ по изслѣдованію сочиненій русскихъ писателей, въ связи съ ихъ біографіями и съ вліявшими на нихъ произведеніями иностранныхъ литературъ, а также и по изученію народной поэзіи. Два студента представили весьма хорошія ученыя сочиненія: Голицинскій—„Обзоръ русскихъ комическихъ оперъ Екатерининской эпохи (матеріалы для исторіи русскаго театра)“, и Перетцъ—„Современная русская народная пѣсня по образцамъ, собраннымъ авторомъ, и по даннымъ печатныхъ сборниковъ“.

Проф. А. И. Введенскій руководилъ практическими занятіями по изученію въ подлинникахъ философіи Платона и Аристотеля.

Прив.-доц. И. И. Холоднякъ руководилъ занятіями студентовъ I-го семестра, состоявшими въ толкованіи избранныхъ латинскихъ надписей архаическаго періода, а также въ изъясненіи избранныхъ одъ Горація. Несмотря на новизну для I-го семестра эпиграфическихъ упражненій, рефераты были представлены вообще удовлетворительные, а нѣкоторые, какъ, напр., работа студ. Альберта Бекштрема, и весьма хорошіе: въ этой работѣ особенно пріятно видѣть результаты пользованія почти всѣми относящимися къ ней научными пособіями и попытку критическаго отношенія къ дѣлу; можетъ быть указанъ, какъ весьма добросовѣстный, и рефератъ студ. Н. Сперанскаго, представившаго попытку самостоятельной разработки довольно труднаго эпиграфическаго текста.

Прив.-доц. И. Л. Лось руководилъ практическими занятіями студентовъ по новымъ славянскимъ и церковно-славянскому языкамъ. При этихъ занятіяхъ ставилось цѣлью выработать у студентовъ точ-

ный методъ самостоятельнаго изслѣдованія законовъ языка посредствомъ примѣненія теоріи сравнительной грамматики къ изученію памятниковъ. Студенты занимались указаннымъ предметомъ съ увлеченіемъ.

Научно-литературная дѣятельность профессоровъ и другихъ преподавателей университета [1])

По историко-филологическому факультету. Проф. И. В. Помяловскій издалъ житіе Св. Θеодора Едесскаго по двумъ греческимъ рукописямъ Московской Синодальной библіотеки. Проф. Θ. Ф. Зѣлинскій напечаталъ, между прочимъ: „Геродъ и его бытовыя сценки" („Филологическое Обозрѣніе", 1892 г.); 4) Т. Ливій, 21-я книга, изданіе съ русскимъ комментаріемъ (2-е изданіе); 5) нѣсколько мелкихъ статей и рецензій. Прочелъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая публичную лекцію на тему: „Геродъ и его бытовыя сценки".

Проф. Н. И. Карѣевъ напечаталъ: 1) лекцію о первыхъ гуманистахъ (отдѣльной брошюрой), 2) статью „Объ источникахъ историческихъ перемѣнъ" („Русское Богатство" за 1892 г.), 3) „Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторической наукѣ" („Историч. Обозрѣн."), 4) два тома своего курса, подъ заглавіемъ: „Исторія западной Европы въ новое время" (печатаетъ третій томъ той же книги); редактировалъ "Историческое Обозрѣніе". Въ Историческомъ Обществѣ сдѣлалъ сообщеніе о работѣ Корелина: „Ранній итальянскій гуманизмъ". Прочелъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая публичную лекцію на тему: „Источники историческихъ перемѣнъ".

Проф. С. Θ. Платоновъ напечаталъ: 1) въ „Отчетѣ о 34-мъ присужденіи наградъ графа Уварова" составленный по порученію Имп. Академіи Наукъ критическій отзывъ о книгѣ магистра Середонина: „Сочиненіе Джильса Флетчера Of the Russe Common Wealth"; 2) въ журналѣ Мин. Нар. Просв. (май 1892 г.) статью: „Какъ возникли чети?" и нѣсколько критическихъ отзывовъ о книгахъ научныхъ и учебныхъ. Дѣлалъ доклады: 1) въ Имп. Русск. Археолог. обществѣ— О новыхъ данныхъ для исторіи московскихъ волненій 1648 года; 2) въ Обществѣ Любителей древней письменности—О новыхъ данныхъ по исторіи московской администраціи XVI вѣка, находящихся въ сборникѣ грамотъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

Проф. А. И. Незеленовъ издалъ книгу: „Шесть статей о Пушкинѣ". Оканчиваетъ печатаніемъ и въ непродолжительномъ времени

[1]) Приводятся только историческіе труды.

выпустить въ свѣтъ сочиненіе: „Исторія Русской словесности. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній.

Прив.-доц. П. А. Сырку напечаталъ: „Житіе Іоанна Кукузеля, какъ источникъ для болгарской исторіи" (въ Журн. Мин. Нар. Просв.) „Патріарха Каллиста житіе Григорія Синаита, въ славянскомъ переводѣ" (въ „Памятникахъ древней письменности"); „Монаха Григорія житіе препод. Романа" (ibid); „Исторія Аѳона, соч. епископа Порфирія Успенскаго", ч. III, отд. 2-е, въ 2-хъ большихъ томахъ (изд. Акад. Наукъ) (часть докторской диссертаціи); „Патріархъ Терновскій Евѳимій". Приготовилъ къ печатанію въ „Сборникѣ II-го отд. Акад. Наукъ"—первый очеркъ „Разысканій въ области русскихъ повѣстей иноземнаго происхожденія", и къ печатанію въ „Памятникахъ древней письменности"—„Житіе Георгія Софійскаго, въ русской редакціи, и составленный въ Россіи Сербскій лѣтописецъ".

Прив.-доц. И. Л. Лось напечаталъ въ „Вѣстникѣ Археологическаго Института" и въ отдѣльномъ оттискѣ статью: „Очеркъ исторіи письма".

Прив.-доц. А. Н. Щукаревъ велъ „археологическую хронику эллинскаго Востока" (5 статей) въ журналѣ „Филологическое Обозрѣніе" и помѣстилъ въ томъ же журналѣ рецензію на сочиненіе Мальмберга: „Методы греческихъ храмовъ". Сдѣлалъ въ Историческомъ Обществѣ докладъ „О составѣ исторической хрестоматіи. По поводу хрестоматій гг. Куманскаго и Алексѣева" (напечаталъ его въ журналѣ „Русская школа", 1892, ноябрь).

Прив.-доц. А. И. Покровскій напечаталъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. рецензію на III-й томъ „Griechische Geschichte" Гольма.

Прив.-доц. І. П. Сениговъ напечаталъ статью: „Народное воззрѣніе на дѣятельность Іоанна Грознаго"; помѣстилъ въ журналѣ „Дѣтское чтеніе" (ноябрь и декабрь) статью: „Народныя сказки и пѣсни объ Іоаннѣ Грозномъ"; приготовилъ къ печатанію въ томъ же журналѣ двѣ статьи: 1) „Какъ Петръ Великій воевалъ со шведами", 2) „Какъ Петръ Великій училъ нашихъ предковъ добрымъ нравамъ и обычаямъ"; приготовилъ къ печати чтеніе для народа: „Какъ Петръ Великій добылъ море и научилъ нашихъ предковъ морскому дѣлу".

Прив.-доц. Н. Д. Чечулинъ издаетъ въ журналѣ „Библіографъ" переписку канцлера гр. Н. П. Румянцева съ протоіер. И. И. Григоровичемъ; занимается подготовительными работами по изданію III и IV томовъ „Біографическаго словаря русскихъ бывшихъ дѣятелей", предпринятаго Имп. Русск. Истор. Обществомъ; помѣстилъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. двѣ критическія статьи.

Прив.-доц. Г. В. Форстенъ сдѣлалъ въ Историческомъ Обществѣ сообщеніе о книгѣ Бонсдорфа: „Ніенъ и Ніеншанцъ". Напечаталъ

a) въ Журн. Мин. Нар. Просв. статьи: „Бонсдорфа „„Ніенъ и Ніеншанцъ““, „Христіанъ IV и его сочиненія о Россіи“, „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII ст.“ (главы 1, 2, 3); b) въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза рядъ статей по скандинавской исторіи и по исторіи нѣмецкой исторіографіи.

Прив.-доц. П. П. Вейнбергъ напечаталъ отдѣльною книжкою: „Генрихъ Гейне; біографическій очеркъ“; напечаталъ статьи: „Поэтъ Бури и Натиска“ (въ журн. „Недѣля“), „По поводу столѣтней годовщины Шелли“ (въ томъ же журн.), „Римская комедія“ (въ „Русскомъ Обозрѣніи“). Въ Нео-Филологическомъ Обществѣ сдѣлалъ сообщеніе: „Двѣ литературныя годовщины. Шелли и Ленцъ“. Читалъ въ Историческомъ Обществѣ рефератъ: „Шиллеръ, какъ историкъ, въ трагедіи „„Марія Стюартъ““. Прочелъ (въ зданіи университета) въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая публичную лекцію на тему: „Яковъ Ленцъ, поэтъ Бури и Натиска“.

Прив.-доц. Э. А. Вольтеръ печатаетъ „Ежегодникъ по библіографіи русской исторіи за 1890 годъ“. Участвовалъ въ изданіи соч. А. Баленштейна: „Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13 Jahrhundert. Ein Beitrag zur ethnologischen Geographie und Geschichte Russlands“. Приготовляетъ къ печати: „Латыши. Очеркъ ихъ распространенія въ XIII вѣкѣ и въ настоящее время. Обзоръ лингвистически-этнологическихъ результатовъ изслѣдованій А. Баленштейна и главнѣйшихъ его ономатологическихъ наблюденій“. Руководитъ изданіемъ „Исторіи Литвы“ С. Довконта (къ первой части этой Исторіи студентъ юридич. фак. Булатъ составлялъ Index rerum et personarum). Занимался, по порученію Имп. Археолог. Коммиссіи, разыскиваніемъ и описаніемъ историческихъ и археологическихъ матеріаловъ Герарда Фридриха Миллера 1739—1748 гг. Найденныя наблюденія, описанія, историческіе документы, рисунки и пр. (Observationes historicae in Sibiria institutae, 1735 г.), равно какъ разныя дѣла Камчатской Экспедиціи и бывшаго Географ. Департамента сохраняются въ архивахъ и библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ.

По юридическому факультету. Проф. В. И. Сергѣевичъ приступилъ къ печатанію VIII т. матеріаловъ Екатерининской законодательной коммиссіи и напечаталъ уже 16 листовъ; приготовилъ къ печати большую часть II т. Русск. Юридич. древностей.

Проф. М. И. Горчаковъ напечаталъ въ „Отчетѣ XXXIII присужденія наградъ гр. Уварова“ рецензію на соч. И. Чистовича: „С.-Петербургская Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888 гг.)“.

Проф. Ѳ. Ѳ. Мартенсъ издалъ X-й томъ Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами (въ

этомъ томѣ отпечатаны трактаты Россіи съ Англіею съ половины XVI вѣка до 1800 года, съ подробнымъ изложеніемъ историческаго развитія дипломатическихъ сношеній между обѣими державами за вышеуказанный періодъ времени).

Проф. В. Н. Латкинъ издалъ „Проектъ новаго Уложенія 1754—1765 гг.", ч. III, „О состояніи подданныхъ вообще" и написалъ къ нему предисловіе; напечаталъ въ „Юридической Лѣтописи" некрологъ И. И. Дитятина; помѣстилъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" и въ „Юридической лѣтописи" нѣсколько рецензій и библіографическихъ замѣтокъ.

Проф. В. А. Лебедевъ напечаталъ въ „Юридической Лѣтописи" статью о „Новомъ городовомъ положеніи 1892 г." и въ газетахъ нѣсколько статей по финансовымъ вопросамъ; оканчиваетъ печатаніе (вторымъ издан.) I тома Курса финансоваго права.

Проф. С. А. Бершадскій напечаталъ a) „О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по Литовскому праву", на основаніи печатныхъ изданій статутовъ, рукописныхъ экземпляровъ Публичной библіотеки и актовъ Метрики Литовской; b) „Въ изгнаніи", очеркъ изъ исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ въ XIV и XV ст., на основаніи печатныхъ и нѣкоторыхъ архивныхъ источниковъ (въ журн. „Восходъ"); c) первый томъ документовъ по внутреннимъ отношеніямъ Литвы съ конца XIV по первую четверть XVI в. (около 60 печатныхъ листовъ; приступилъ къ печатанію прибавленій и указателей къ этому тому).

Прив.-доц. Н. М. Коркуновъ напечаталъ первый томъ Русскаго Государственнаго права и статьи: 1) „Государство и свобода" („Юридич. Лѣтопись". 1892 г. № 1), 2) „Значеніе формулы „„Внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта"" („Юридич. Лѣтопись", 1892 г. № 12).

Прив.-доц. Л. П. Дымша приготовилъ къ печати первую часть труда: „Государственное право Швеціи".

Прив.-доц. В. Т. Судейкинъ напечаталъ брошюру: „Александръ Максимовичъ Княжевичъ" („Русская Старина", ноябрь); помѣстилъ нѣсколько статей въ Энциклопедическомъ словарѣ, изд. Ефрономъ.

По факультету восточныхъ языковъ. Проф. И. Н. Березинъ приготовляетъ къ печатанію вторую часть Каталога восточныхъ монетъ въ Минцъ-кабинетѣ С.-Петербургскаго университета.

Проф. Д. А. Хвольсонъ напечаталъ въ Мемуарахъ Академіи Наукъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Пасхальная вечеря Іисуса Христа и день Его смерти, по приведеннымъ въ согласованіе извѣстіямъ Синоптиковъ съ евангеліемъ Іоанна", съ приложеніемъ статьи: „Отношеніе Фарисеевъ, Садукеевъ и Іудеевъ вообще къ Іисусу Христу, по

извѣстіямъ Синоптиковъ, объясненнымъ на основаніи древнихъ раввинскихъ источниковъ".

Проф. баронъ В. Р. Розенъ напечаталъ, подъ своею редакціею, VI томъ Записокъ Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. и печатаетъ VI томъ тѣхъ же Записокъ; въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ печатаетъ „Сборникъ посланій бабида Бехауллаха".

Проф. В. Д. Смирновъ напечаталъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Таврическая монета. Опытъ исторіи Θеодосійскаго монетнаго двора" („Горный Журналъ", іюнь 1892 г.); приступилъ къ печатанію описанія турецкихъ рукописей коллекціи Учебнаго Отдѣленія при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Проф. Н. И. Веселовскій прочелъ (въ зданіи университета) въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая публичную лекцію о шаманствѣ.

Проф. С. М. Георгіевскій издалъ сочиненіе: „Миѳическія воззрѣнія и миѳы китайцевъ" (съ таблицами китайскихъ іероглифовъ).

Прив.-доц. А. О. Ивановскій напечаталъ нѣсколько замѣтокъ и мелкихъ статей („О китайскомъ переводѣ буддійскаго сборника Jatakamala", „Мѣдная монета въ Маньчжуріи", и др.) въ Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. и въ „Русскомъ Энциклопедическомъ словарѣ".

Прив.-доц. С. Θ. Ольденбургъ продолжалъ печатаніе въ журналѣ Indian Antiquary, въ отдѣлѣ „Progress of European Scholarship" статей о Запискахъ Восточн. Отд. Археол. Общества; напечаталъ въ Запискахъ Вост. Отд. Арх. Общ. 1) замѣтку „О Кашгарской рукописи Н. Θ. Петровскаго"; 2) статью: „Буддійскій сборникъ „„Гирлянда джатакъ"" и замѣтки о джатакахъ"; въ Журн. Мин. Нар. Просв. за ноябрь мѣсяцъ напечаталъ статью: „Къ вопросу объ источникахъ „„Слова о двѣнадцати снахъ Шахаиши""; продолжалъ подготовку къ печатанію Сборника статей покойнаго, проф. И. П. Минаева.

Прив.-доц. Н. А. Мѣдниковъ состоялъ членомъ - сотрудникомъ Имп. Арх. Общества. Продолжалъ печатать „Исторію Палестины по арабскимъ источникамъ". Изд. Православнаго Палестинскаго Общества. Напечатаны извлеченія изъ сочиненій арабскихъ историковъ, печатаются извлеченія изъ сочиненій арабскихъ географовъ.

Нео-Филологическое Общество.

Въ 1892 году состоялось десять засѣданій Нео-Филологическаго Общества, изъ коихъ девять подъ предсѣдательствомъ проф. А. Н. Веселовскаго и одно подъ предсѣдательствомъ А. Н. Пыпина. На засѣданіяхъ прочитаны были нижеслѣдующіе доклады: С. Н. Сыромятни-

ковымъ — „О происхожденіи виры“; г. де-Ладруатьеръ — „По поводу новѣйшихъ изслѣдованій о формахъ глаголовъ въ классическихъ и нео-европейскихъ языкахъ“; С. К. Буличемъ — „О странствующихъ мелодіяхъ“ (отчетъ объ изданіи Тапперта); П. И. Вейнбергомъ — „О взглядѣ Тенъ-Бринка на задачи исторіи литературы“; — имъ же на другомъ засѣданіи: „Шелли и Ленцъ, двѣ столѣтнія годовщины“; Е. В. Балабановой и г-жею Петерсонъ — „О русскихъ переводахъ Диккенса“; И. А. Шляпкинымъ — „Объ итальянскомъ переводѣ конца прошлаго вѣка повѣсти Екатерины II (Il principe Chloro, 1781 г.)“; имъ же — „Замѣтка къ біографіи Франциска Скорины“; А. Н. Веселовскимъ — „О Декамеронѣ Боккаччіо“; имъ же на другомъ засѣданіи — „О стилѣ Боккаччіо“; кн. С. М. Волконскимъ — „О художественномъ наслажденіи и о художественномъ творчествѣ“; г. Минскимъ — „Литературная характеристика Шелли“; Д. С. Мережковскимъ — „Объ идеализмѣ въ современной литературѣ — по поводу „Искушенія св. Антонія“ Флобера“; Л. А. Саккетти — „Объ отношеніи музыки къ тексту“ (причемъ образцы музыкальныхъ произведеній были исполнены г-жею А. Н. Саккетти, г. и г-жею Ершовыми).

Втеченіе года Общество напечатало два выпуска своихъ „Извѣстій“, въ составъ которыхъ вошли, помимо отчетовъ о дѣятельности Общества, статьи — Ѳ. А. Брауна „Гипотеза проф. Будиловича о готскомъ происхожденіи названія „„Русь““ и Е. В. Аничкова „Микола угодникъ и св. Николай“. Въ составъ Общества вступило по баллотировкѣ три новыхъ члена; въ члены-соревнователи Общества избранъ проф. Н. И. Карѣевъ; почетнымъ членомъ Общества избранъ проф. И. В. Помяловскій.

Въ приложеніи къ № 47 „Протоколовъ засѣданій совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго университета“ помѣщенъ слѣдующій отзывъ о докторской диссертаціи Г. Е. Аѳанасьева: „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ“, составленный проф. Н. И. Карѣевымъ [1]).

„Сочиненіе г. Аѳанасьева объ „Условіяхъ хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ“, представленное имъ какъ диссертація на степень доктора всеобщей исторіи, составляетъ изъ себя обширный (около 500 стр.) трудъ, написанный на основаніи хорошо изученной литературы предмета и значительнаго печатнаго и доселѣ остающагося неизданнымъ архивнаго матеріала, будучи единственнымъ цѣльнымъ изслѣдованіемъ, съ такою полнотою охватывающимъ предметъ. Въ предисловіи къ своей диссертаціи авторъ разсматриваетъ относящіяся къ предмету сочиненія, изданныя въ нынѣшнемъ столѣтіи,

¹) Описаніе диспута см. въ V томѣ „Истор. Обозр.“ (стр. 216—226).

литературу прошлаго вѣка, касающуюся хлѣбной торговли, и неизданный матеріалъ, коимъ онъ пользовался въ рукописномъ отдѣленіи Парижской Національной библіотеки и въ Національномъ архивѣ. Просматривая сдѣланныя здѣсь указанія и ссылки въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, можно поставить г. Аѳанасьеву въ нѣкоторой укоръ, что онъ сравнительно мало обращался къ трудамъ болѣе общаго характера и къ сочиненіямъ, не относящимся непосредственно къ предмету изслѣдованія, вслѣдствіе чего его трудъ, посвященный такому спеціальному вопросу, какъ хлѣбная торговля, и занятый нерѣдко разборомъ техническихъ подробностей, кажется иногда мало связаннымъ съ общей исторіей эпохи. Нерѣдко именно мелкія подробности о рыночной полиціи и о практикѣ хлѣбной торговли заслоняютъ собою принципіальную сторону дѣла, а общественныя настроенія, вызывавшіяся во Франціи этой практикой и соотвѣтственными теоріями, какія высказывались въ печати, наоборотъ, представляются и по мѣсту, имъ отведенному, и по степени ихъ разработанности, какъ бы отодвинутыми на задній планъ, вмѣстѣ съ общими политическими и соціально-экономическими условіями хлѣбной торговли во Франціи, излагаемыми съ гораздо меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ условія, лежавшія въ правительственной регламентаціи хлѣбной торговли. Съ этой регламентаціи г. Аѳанасьевъ и начинаетъ свое изслѣдованіе, разсматривая порядки, требовавшіе обязательной продажи хлѣба на рынкѣ (гл. I), рыночныя правила и пошлины (гл. II, IV и V), организацію рыночныхъ чиновъ (гл. III), созданныя правительственными мѣропріятіями и остатками феодальнаго быта условія для торговли хлѣбомъ между провинціями (гл. VI—VIII) и для внѣшняго вывоза (гл. X), равно какъ произведенныя въ этихъ сферахъ реформы (гл. IX и XI). Вторая, большая половина книги посвящена разсмотрѣнію того, какъ былъ поставленъ вопросъ о хлѣбной торговлѣ въ печати (гл. XII) и въ законодательствѣ въ концѣ царствованія Людовика XV (гл. XIII) и въ царствованіе Людовика XVI, при Тюрго (гл. XV), въ первое министерство Неккера (гл. XVI—XVII), при де-Калоннѣ (гл. XVIII) и во второе министерство Неккера (гл. XIX), причемъ въ изложеніе этой эпохи вставленъ весьма любопытный эпизодъ о знаменитомъ pacte de famine (гл. XIV), о которомъ г. Аѳанасьевъ написалъ цѣлое изслѣдованіе, изданное и по-французски. Сочиненіе заканчивается общимъ заключеніемъ, въ которомъ онъ подводитъ общіе итоги своего изслѣдованія, итоги, еще разъ свидѣтельствующіе, что авторъ подъ условіями хлѣбной торговли разумѣлъ почти исключительно лишь тѣ, которыя создавались рыночной регламентаціей и мѣропріятіями относительно перевозки хлѣба изъ одной провинціи въ другую или его вывоза изъ страны и ввоза изъ-за границы. Съ

точки зрѣнія русской исторіи можно еще выразить сожалѣніе о томъ, что г. Аѳанасьевъ не успѣлъ довести до конца начатой имъ во французскихъ архивахъ работы по исторіи хлѣбной торговли Франціи съ Восточной Европой вообще и въ частности съ нашимъ отечествомъ. Въ приложеніяхъ къ тексту мы находимъ, во-первыхъ, таблицу хлѣбныхъ мѣръ, употреблявшихся во Франціи въ прошломъ столѣтіи; эта таблица требовала отъ составителя большого знанія и умѣнія. Затѣмъ напечатано нѣсколько архивныхъ документовъ.

„Разсматривая трудъ г. Аѳанасьева, какъ исторію регламентаціи торговли хлѣбомъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ, можно сказать, что авторъ далъ по этому предмету изслѣдованіе весьма цѣнное: авторомъ собрана громадная масса мало извѣстнаго или бывшаго недоступнымъ матеріала, характеризующаго преимущественно законодательныя заботы и административные нравы до-революціонной Франціи. Менѣе выяснено у автора происхожденіе разныхъ пошлинъ средневѣковаго происхожденія, стѣснявшихъ вмѣстѣ съ правительственною регламентаціей торговлю хлѣбомъ во Франціи, такъ какъ и здѣсь онъ ограничилъ свои розысканія однимъ XVIII (и лишь отчасти XVII вѣкомъ). Собранные авторомъ факты и указанія подвергнуты въ общемъ тщательной обработкѣ и заключаютъ въ себѣ матеріалъ, цѣнный самъ по себѣ, независимо отъ общихъ выводовъ, сдѣланныхъ г. Аѳанасьевымъ на стр. 481—483 его труда. Сами выводы эти представляются не менѣе цѣнными для исторіи государственной власти и правительства, которую они дополняютъ и освѣщаютъ съ точки зрѣнія такого спеціальнаго предмета, какъ хлѣбная торговля, хотя г. Аѳанасьевъ и не ставилъ этого главною своею цѣлью. Упомянутый эпизодъ объ „обществѣ голодовки“ касается и исторіи общественнаго настроенія въ до-революціонной Франціи и отношенія къ ней Франціи послѣ-революціонной, что нужно поставить въ число интересныхъ сторонъ книги.

„Въ общемъ сочиненіе г. Аѳанасьева, какъ написанное на основаніи архивныхъ источниковъ и спеціальной литературы, какъ вполнѣ самостоятельный трудъ по предмету, бывшему до сихъ поръ мало изслѣдованнымъ, какъ диссертація, не заключающая въ себѣ никакихъ крупныхъ погрѣшностей, можетъ быть признано цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу и достойнымъ допущенія къ защитѣ его г. Аѳанасьевымъ, для полученія степени доктора всеобщей исторіи“.

Награды студентамъ С.-Петербургскаго университета медалями въ 1892 году и о вновь предложенныхъ темахъ для соисканія наградъ медалями въ 1894 году [1]).

По историко-филологическому факультету. На тему по русской исторіи *Царственная книга; ея составъ и происхожденіе* представлено три сочиненія.

Первое изъ нихъ № IV съ девизомъ: „Disjecta membra poetae“ обладаетъ большими достоинствами.

Авторъ не удовлетворился изученіемъ изданныхъ лѣтописныхъ текстовъ, но обратился къ рукописямъ, изучилъ подлинную рукопись Царственной книги и всѣ подобныя ей лицевыя, то есть, украшенныя рисунками рукописныя лѣтописи въ Московской Синодальной библіотекѣ, въ Императорской Публичной библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи; только одинъ лицевой лѣтописецъ библіотеки Академіи Наукъ, и то не повинѣ автора, остался ему неизвѣстенъ. Результаты, достигнутые изученіемъ рукописей, авторъ изложилъ съ полнымъ знаніемъ литературы предмета, вполнѣ ясно, доказательно и съ такою критическою осторожностью и выдержкою, которая свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ дѣло съ зрѣлою мыслью и съ солидною ученою подготовкою. Благодаря всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ, трудъ автора представляетъ собою самостоятельное ученое изслѣдованіе, которое заслуживаетъ опубликованія въ цѣломъ своемъ составѣ. Знакомство автора съ подлинными лицевыми лѣтописями позволяетъ ему сдѣлать рядъ новыхъ и цѣнныхъ замѣчаній по исторіи лѣтописнаго дѣла въ Москвѣ и указать вмѣстѣ съ Царственною книгою и прочія составныя части лицеваго свода, предпринятаго и исполненнаго, вѣроятнѣе всего, въ оффиціальныхъ московскихъ сферахъ XVII вѣка. Однако, въ этой части своего труда авторъ съ похвальною осторожностью воздерживается отъ категорическихъ сужденій и съ большою критическою строгостью относится къ тому матеріалу, который изучаетъ. Перебравъ и оцѣнивъ всѣ свидѣтельства, относящіяся къ вопросу о происхожденіи изслѣдуемой рукописи, авторъ прямо говоритъ: „Все это гадательно, темно и неопредѣленно; приходится положить перо, не получивъ отвѣта на самый важный и интересный изъ вопросовъ, касающихся Царственной книги“. И тѣмъ не менѣе авторъ много сдѣлалъ для разъясненія того вопроса, который не призналъ разрѣшеннымъ. Его наблюденія

---

[1]) Приводимъ лишь извлеченія изъ отзывовъ объ историческихъ работахъ.

надъ самою Царственною книгою, синодальною рукописью № 962 и такъ называемою Александроневскою лѣтописью составляютъ прямое ученое пріобрѣтеніе, въ виду чего студентъ VIII семестра Александръ Прѣсняковъ, авторъ этого сочиненія, награжденъ золотою медалью, а сочиненіе постановлено напечатать на средства факультета.

Второе сочиненіе № XII съ девизомъ: „Вы же, господье, егда кто коле чтети"... и т. д., состоитъ изъ трехъ главъ и „сличенной росписи содержанія" Царственной книги и прочихъ, ей родственныхъ и съ ней сходныхъ лѣтописей. Одна эта роспись, въ которую вошло всего до десяти лѣтописей, требовала отъ автора большихъ усилій и продолжительнаго времени. Будучи исполнена очень старательно, она дала автору возможность вполнѣ освоиться съ лѣтописными текстами; изучить взаимныя отношенія редакцій, опредѣлить до мелочей всѣ особенности текста изучаемой имъ Царственной книги. Авторъ хорошо знакомъ съ разными видами историческаго матеріала изучаемой эпохи и съ подлежащею литературою, и это позволяетъ ему поставить вопросъ объ источникахъ московскихъ лѣтописей правильнымъ образомъ: онъ видитъ эти источники прежде всего въ оффиціальныхъ документахъ (и даже указываетъ предположительно ихъ виды), далѣе—въ произведеніяхъ литературныхъ и въ расказахъ очевидцевъ. Составителями лѣтописей считаетъ онъ лицъ оффиціальныхъ и опредѣленнѣе всего указываетъ на придворное московское духовенство, какъ на среду, въ которой могли въ XVI вѣкѣ составляться лѣтописи. Нѣсколько критическихъ изслѣдованій, направленныхъ къ тому, чтобы установить степень достовѣрности показаній Царственной книги, приводятъ автора къ заключенію, что значеніе Царственной книги какъ источника, безспорно важно. Этимъ выводомъ и могъ бы быть законченъ трудъ изслѣдователя, но онъ счелъ необходимымъ представить сверхъ того общую исторію лѣтописнаго дѣла на Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что такое тщательное отношеніе къ предпринятому дѣлу само по себѣ заслуживаетъ одобренія. Въ данномъ же случаѣ ученая добросовѣстность соединилась съ солидными критическими способностями и большою спеціальною начитанностью. Эти свойства сообщаютъ труду автора серьезный ученый характеръ и дѣлаютъ его достойнымъ высшей награды—золотой медали, которая и присуждена студенту VI семестра Сергѣю Гадзяцкому.

Третье сочиненіе № II съ дивизомъ: „Dies illae, dies irae" состоитъ, какъ и предыдущее, изъ двухъ частей. Въ одной изъ нихъ произведено сличеніе текста Царственной книги и Никоновской лѣтописи и отмѣчены особенности, сравнительно съ названными лѣтописями, лѣтописей Львовской, второй Софійской и Воскресенской. Въ совокупности—это значительная работа, потребовашая отъ автора не

мало вниманія и труда. Другая часть сочиненія, по словамъ самого автора, „содержитъ въ себѣ исторію московскаго оффиціальнаго лѣтописанія“. Къ сожалѣнію авторъ не пришелъ ни къ какому твердому и цѣнному выводу, и все значеніе его труда свелось къ тому что онъ ознакомился съ лѣтописными текстами и нѣкоторыми монографіями и произвелъ сличеніе лѣтописныхъ редакцій, причемъ имѣлъ возможность сдѣлать нѣсколько самостоятельныхъ наблюденій надъ историческими первоисточниками. Все это свидѣтельствуетъ о трудолюбіи автора и о несомнѣнной учебной пользѣ для него самого его труда, который по сему и можетъ быть удостоенъ почетнаго отзыва.

Авторъ этого сочиненія, окончившій курсъ Археологическаго Института и факультетовъ историко-филологическаго и юридическаго Сергѣй Шумаковъ.

На тему по славянской филологіи представлено одно сочиненіе № X, подъ заглавіемъ „*Янъ Амосъ Коменскій*“, съ эпиграфомъ изъ Лейбница:

Tempus erit, quo te, Comeni, turba bonorum
Fataque spesque tuas vota quoque ipsa colet.
(Лейбницъ 1671 г.).

Сочиненіе состоитъ изъ 2-хъ отдѣловъ. Въ первомъ предложенъ очеркъ жизни и дѣятельности Коменскаго и анализъ его великаго труда „Didactica magna“ во второмъ представленъ русскій переводъ съ чешскаго соч. Коменскаго „Informatorium školy materinské“ или Наставленія родителямъ, особенно матерямъ о воспитаніи дѣтей до 6-ти лѣтняго возраста и первыхъ шести главъ Чешской дидактики а также великолѣпнаго воззванія къ чинамъ Чешскаго королевства объ устройствѣ въ немъ школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ на новыхъ основаніяхъ. Біографія Коменскаго—въ 6 главахъ—написана на основаніи наилучшихъ трудовъ о жизни и дѣятельности Коменскаго; не вдаваясь ни въ какія отступленія и излишнія подробности авторъ съумѣлъ довольно живо и съ теплымъ сочувствіемъ представить исполненную страданій отъ тяжкихъ ударовъ судьбы долголѣтнюю жизнь и широкую и неутомимую дѣятельность великаго славянина, отца новой педагогіи, превосходнаго чешскаго писателя, замѣчательнаго художника-сатирика и одушевленнаго горячей любовью къ человѣчеству мыслителя, моралиста и публициста. Важнѣйшіе факты изъ жизни Коменскаго вездѣ почти изложены, какъ и слѣдовало, въ связи съ трагическою судьбою его родины и его единовѣрцевъ, братьевъ чешскихъ; передавая главнѣйшія данныя внѣшней жизни Коменскаго, авторъ съ возможною обстоятельностью отличаетъ ходъ и направленіе его литературной дѣятельности, указываетъ его разнообразные труды и иногда предлагаетъ изъ нихъ небольшія извлече-

нія для наилучшей характеристики Коменскаго какъ человѣка, педагога, какъ писателя и религіознаго и политическиго дѣятеля, 2-я часть перваго отдѣла „Didactica magna", въ связи съ другими педагогическими сочиненіями, посвящена разбору педагогическихъ идей и трудовъ Коменскаго. Но, что сдѣлано авторомъ, обнаруживаетъ его старательное изученіе Дидактики и нѣкоторыхъ другихъ педагогическихъ трудовъ, въ особенности же замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ сочиненія Коменскаго Methodus linguarum novissima. Яснымъ и умѣлымъ изложеніемъ воззрѣній славнаго педагога, трезвыми и сдержанными на нихъ замѣчаніями молодой даровитый авторъ обнаруживаетъ не разъ свою богословскую и философскую подготовку, извѣстныя въ этомъ отношеніи познанія. Второй отдѣлъ: русскій переводъ съ чешскаго Informatorium'а и части Дидактики показываетъ, что авторъ успѣлъ хорошо ознакомиться съ языкомъ и слогомъ Коменскаго. Переводъ по большей части не только вѣрный, но и удачный: переводчикъ видимо старался точнѣе передать смыслъ подлинника и по возможности удержать самый характеръ и манеру изложенія великаго писателя. Весь трудъ свидѣтельствуетъ о хорошемъ дарованіи, свѣтломъ умѣ, несомнѣнномъ трудолюбіи и умѣньѣ автора работать, поэтому автору сочиненія № X, студенту IV семестра Николаю Ястребову присуждена золотая медаль.

На тему по классической филологіи *Исторія и церемоніалъ римскихъ* Ludi saeculares *по литературнымъ и епиграфическимъ памятникамъ* представлено сочиненіе, № XXI, съ девизомъ: „ἔργον δ'οὐδὲν ὄνειδος".

Вопросъ о римскихъ ludi saeculares много разъ обсуждался въ ученой литературѣ и до 1891 г., когда неожиданная находка значительной части подлинныхъ актовъ, относящихся къ празднованію этихъ игръ въ правленія Августа и Септимія Севера, пролился яркій свѣтъ на многія стороны этого вопроса. Авторъ настоящаго труда долженъ былъ поэтому исполнить двоякую задачу: съ одной стороны, дать оцѣнку того, что было сдѣлано до находки 1891 года; съ другой стороны, пріобщать къ итогамъ изслѣдованій своихъ предшественниковъ результаты этой находки. Если для успѣшнаго изложенія первой задачи требовалась усиленная филологическая работа, то вторая задача, т.-е. изученіе актовъ, была невыполнима безъ довольно солидныхъ познаній въ области римской эпиграфики. Къ обѣимъ задачамъ авторъ отнесся вполнѣ добросовѣстно: литературу до 1891 г. онъ насколько она доступна занимающимся въ С.-Петербургскихъ библіотекахъ, не только изучилъ, но и подробно разобралъ, посвящая каждому изслѣдованію особый отдѣлъ своего труда; не менѣе тщательности и умѣнія проявилъ онъ и при реставраціи труд-

наго эпиграфическаго памятника, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло. Поэтому нельзя не пожалѣть, что онъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, не успѣлъ дать своему труду послѣднюю отдѣлку; можно допустить, что онъ въ этомъ случаѣ оказался бы достойнымъ высшей награды. Но и такъ его нельзя не признать заслуживающимъ награжденія серебряной медалью, которая и присуждена автору, студенту IV семестра Владиміру Грекову.

По Факультету Восточныхъ языковъ.

На тему по Исторіи Востока Историческій очеркъ Уйгуровъ представлено двѣ диссертаціи.

Первая, за № XV, подъ девизомъ: „Citius emergit veritas ex errore, quam ex confusione",—представляетъ обширный трудъ въ 350 страницъ убористаго письма. Она распадается на двѣ части. Въ первой авторъ сдѣлалъ обзоръ обширной литературы по данному вопросу какъ европейской, такъ и китайской. Уже одинъ этотъ отдѣлъ свидѣтельствуетъ о необычайномъ трудолюбіи автора, о его умѣньи пользоваться источниками съ критическимъ отношеніемъ къ нимъ, а потому даже безъ второй части заслуживаетъ высшей награды. Другая часть диссертаціи представляетъ историческій очеркъ Уйгуровъ. И здѣсь способъ изложенія автора заслуживаетъ полной похвалы. Онъ очень мало останавливается на тѣхъ періодахъ, которые уже достаточно разработаны трудами прежнихъ ученыхъ, а преимущественно изслѣдуетъ темные, неясные моменты въ судьбѣ Уйгуровъ, т. е. старается пролить свѣтъ на прошлое этого народа и принести посильную пользу. Видно, что задача интересовала автора и онъ работалъ надъ ней не только съ усердіемъ, но и съ любовью. Авторъ не кончилъ, да и не могъ кончить своего труда при той широкой программѣ, какую онъ себѣ поставилъ: на это потребно нѣсколько лѣтъ.

Въ виду такихъ достоинствъ диссертаціи за № XV, авторъ ея студентъ VIII семестра Дмитрій Позднѣевъ признанъ заслуживающимъ награжденія золотою медалью.

Вторая диссертація, за № XIX, подъ девизомъ „Alere flammam", уступаетъ предыдущей по достоинству и по пріемамъ изложенія, а равно и по объему. Въ началѣ авторъ разсматриваетъ вопросъ о происхожденіи Уйгуровъ, а затѣмъ переходитъ къ исторіи этого народа и доводитъ ее до конца. Къ числу достоинствъ надо отнести подробное извлеченіе авторомъ свѣдѣній объ Уйгуровъ изъ китайскихъ источниковъ и провѣрку тѣхъ данныхъ, которыя уже были извѣстны раньше въ трудахъ европейскихъ ученыхъ. На этомъ основаніи авторъ диссер-

таціи за № XIX студентъ VI семестра Николай Поппе награжденъ серебряной медалью.

Для соисканія наградъ медалями въ будущемъ году предлагаются студентамъ и слушателямъ университета слѣдующія темы:

По историко-филологическому факультету: I. По русской литературѣ: Епифаній Премудрый и его сочиненія (на 1 годъ).

II. По всеобщей исторіи: 1) Anecdota Прокопія, вопросъ о подлинности и достовѣрности (на 1 годъ). 2) Политическія сочиненія Фридриха II Прусскаго (на 1 годъ).

III. По славянской филологіи: 1) Представить критическій разборъ славянскихъ житій Св. Кирилла и Меѳодія и греческихъ житій Св. Климента, причемъ, пользуясь новѣйшими находками Бишона-Эвальда 1880 г. (Starine XII) и Фридриха 1892 г. (Sitzber, d. philos. philolog. u. hist. Classe d. k. b. Ak. d. Wiss. München. 1892. Heft. III), остановился на оцѣнкѣ и провѣркѣ мнѣній Викторова и Лавровскаго объ отношеніяхъ славянскаго житія къ такъ называемой итальянской легендѣ и мнѣній Воронова о времени, мѣстѣ, авторѣ (единоличномъ(и языкѣ первоначальнаго написанія обоихъ славянскихъ житій (на 1 годъ). 2) Епископъ Климентъ Велицкій и его сочиненія (на 1 годъ).

IV. По классической филологіи: Жизнь и литературная дѣятельность Ксенофонта (на 2 года).

Сверхъ того остаются еще слѣдующія темы, предложенныя въ прошломъ году на два года:

V. По русскому языку и словесности: Повѣсти Карамзина, въ связи съ жизнью автора и съ главными явленіями Западно-европейской сентиментальной литературы.

VI. По философіи: Психологія Гербарта.

VII. По всеобщей исторіи: Сочиненіе Мирабо „De la monarchie prussienne.

По юридическому факультету: I. По государственному праву: Понятіе союзнаго государства.

II. По церковному праву: Имущественное право церкви по Номоканону патріарха Фотія.

По факультету восточныхъ языковъ: I. По китайской словесности: Царствованіе Ханьскаго императора У-ди.

II. По персидской словесности: Личность персидскаго шаха Насирэддина по его дневникамъ.

Мюнхенскій съѣздъ историковъ [1]).

Въ зданіи академіи наукъ въ Мюнхенѣ недавно состоялся съѣздъ германскихъ историковъ, представляющій интересъ не только для спеціалистовъ. Главной темой этого съѣзда была постановка преподаванія исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Тема гласитъ такъ: въ какой мѣрѣ преподаваніе исторіи должно служить подготовленіемъ къ участію въ задачахъ, которыя общественная жизнь ставитъ каждому образованному человѣку? Референты, директоръ гимназіи Мартенсъ и профессора Дове и Кауфманъ, выставили рядъ тезисовъ, въ которыхъ обнаруживается довольно существенное различіе во взглядахъ: Мартенсъ является безусловнымъ сторонникомъ приспособленія исторіи къ потребностямъ жизни, но послѣднія въ его представленіи окрашены патріотически-тенденціознымъ колоритомъ. Дове и Кауфманъ же не отрицаютъ необходимости болѣе живой связи между изученіемъ прошлаго и задачами настоящаго, но они же желали бы сохранить за наукой ея, какъ выражаются иногда въ этомъ случаѣ, независимое, идеальное значеніе; въ то же время они считаютъ вреднымъ вносить въ школу какую-либо политическую тенденцію.

Серьезное значеніе поднятаго здѣсь спора, отражающаго только споры, поднятые новыми условіями общественной жизни, будетъ вполнѣ понятно, если мы остановимся на общихъ положеніяхъ референтовъ и ихъ положительныхъ предложеніяхъ. Сторонникъ „реформы" Мартенсъ ставитъ слѣдующее общее положеніе: преподаваніе исторіи лишь въ томъ случаѣ исполняетъ свою задачу—подготовлять гражданина къ общественной жизни, если оно внушаетъ ему съ дѣтства сознаніе объ обязанностяхъ предъ государствомъ. Средствами къ достиженію такой цѣли являются, во-первыхъ, снабженіе юноши знаніемъ и историческимъ смысломъ, а во-вторыхъ, развитіе въ немъ силы и готовности дѣйствовать въ духѣ пріобрѣтеннаго сознанія; въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ интеллектуальнымъ развитіемъ, во-второмъ—съ укрѣпленіемъ характера, сердца, т.-е. съ развитіемъ политическаго смысла. На это проф. Дове отвѣчаетъ, что преподаваніе исторіи, которое задается опредѣленными цѣлями, заимствованными изъ текущей политической жизни, легко можетъ повести къ искаженію дѣйствительнаго смысла исторіи: преподаваніе,—говоритъ Дове,—удовлетворительно исполняющее собственную свою задачу, т.-е. дающее правдивое и вполнѣ научное пониманіе прошлаго, этимъ са-

---

[1]) По корреспонденціямъ „Русскихъ Вѣдомостей".

мымъ уже служитъ настоящему и будущему, потому что оно даетъ опытъ, матеріалъ, умѣніе понимать общественную жизнь. Прежде всего нужно положительное знаніе и развитіе историческаго смысла, а подъ послѣднимъ,—продолжаетъ проф. Дове,—я понимаю способность судить о каждой эпохѣ по совокупности ея собственныхъ условій, пониманіе связи между различными эпохами и способность отличать въ явленіяхъ и событіяхъ существенное отъ второстепеннаго, крупное отъ мелкаго. Проф. Кауфманъ присоединяется къ этому взгляду, но еще больше Дове настаиваетъ на необходимости изученія древняго міра, какъ такой области исторіи, въ которой со стороны учащихъ меньше всего „тенденціозныхъ злоупотребленій". Дове и Мартенсъ сходятся въ томъ, что преподаванію новой исторіи должно быть удѣлено больше вниманія, чѣмъ это дѣлали до сихъ поръ, но Мартенсъ желалъ бы довести его до ближайшей дѣйствительности, до вопросовъ дня, тогда какъ проф. Дове желалъ бы остановиться уже на законченныхъ періодахъ политической исторіи,—для Германіи, напр., на 1871 году.

Точки зрѣнія Дове и Мартенса оказываются совершенно противоположными въ самомъ крупномъ изъ практическихъ вопросовъ дѣйствительности, это—отношеніе школы къ соціальной борьбѣ. Мартенсъ принадлежитъ къ тѣмъ еще немногочисленнымъ въ Германіи педагогамъ, которые хотѣли бы сдѣлать школу ареной патріотической пропаганды. Нужно вообще замѣтить, что такія попытки сдѣланы были въ народной школѣ, но онѣ вызвали почти единодушное осужденіе всѣхъ педагоговъ. По отношенію къ средне учебнымъ заведеніямъ Мартенсъ представляетъ себѣ это такъ: рядомъ съ политической исторіей необходимо преподаваніе исторіи культуры, которое должно поставить себѣ соціально-политическія задачи, приводя факты изъ исторіи всѣхъ временъ, содѣйствующіе пониманію современной соціальной политики, и расширяя предметъ хозяйственной исторіи собственнаго отечества. Этимъ не только можетъ быть достигнуто,—увѣряетъ Мартенсъ,—пониманіе соціальнаго вопроса учащимися, но такое преподаваніе можетъ заключать въ себѣ и указаніе средствъ къ борьбѣ съ соціалъ-демократіей.

Противъ внесенія подобной системы въ школы рѣзче всѣхъ протестуетъ проф. Кауфманъ: всякая попытка,—говоритъ онъ,—внушить юношамъ тенденціозную точку зрѣнія на вопросы государственные, соціальные или церковные вредна, потому она что разрываетъ народное единство—отравляетъ души. Въ школѣ не должно быть мѣста препирательствамъ политическимъ или религіознымъ. Проф. Дове не менѣе Кауфмана врагъ тенденціозной исторіи, но его сужденія сдержаннѣе и умѣреннѣе. Желательно,—говоритъ онъ,—чтобы въ выс-

шихъ классахъ гимназіи учитель давалъ учащимся представленіе о дѣйствующемъ устройствѣ государственныхъ учрежденій, права и народнаго хозяйства, но необходимо, чтобы эти свѣдѣнія ограничивались констатированіемъ фактовъ и чтобы учитель не выступалъ ни съ какими политическими доктринами, ни за, ни противъ существующихъ партій. Для этого, однако, прежде всего необходимо, чтобы учителя исторіи еще въ университетѣ проходили курсъ государственныхъ наукъ.

Благодаря включенію въ програму вопроса о преподаваніи исторіи, конгрессъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе и даже пріобрѣлъ политическую окраску: поднята была рѣчь о такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ участіе школы, и въ особенности преподаванія исторіи, въ патріотическомъ и прусско-благонамѣренномъ воспитанія юношества. Тезисы референтовъ опубликованы были еще до открытіи съѣзда чтобы участники могли заранѣе подготовиться къ дебатамъ.

Теперь, когда конгресъ уже состоялся, любопытно выслушать его отношеніе къ столь острому вопросу. Получился результатъ, какого и слѣдовало ожидать, отъ собранія добросовѣстныхъ ученыхъ: огромное большинство педагоговъ и профессоровъ высказалось противъ тенденціознаго преподаванія, легко ведущаго къ фальсификаціи науки. Проф. Мартенсъ, главный застрѣльщикъ патріотическаго преподаванія, значительно умѣрилъ тонъ на съѣздѣ. Въ тезисахъ своихъ онъ напиралъ на необходимости бороться съ крайними политиками и соціальными ученіями; въ своей же рѣчи на конгрессѣ онъ въ болѣе общихъ выраженіяхъ распространялся о приготовленіи юношества къ будущей общественной дѣятельности—о воспитаніи характера, развитіи чувства долга и „государственности". Проф. Дове, не отрицая того, что включеніе элементовъ права и народнаго хозяйства въ курсъ исторіи очень желательно, противопоставилъ однако воспитательнымъ цѣлямъ требованіе строгаго умственнаго развитія, т.-е. обогащенія ума положительнымъ знаніемъ. Подобно тому, какъ мы изъ поэзіи выгоняемъ дидактическій элементъ, такъ мы его должны вытѣснять изъ исторіи; наша задача,—повторялъ проф. Дове,—дать юношеству результаты точнаго научнаго изслѣдованія и предоставить ему потомъ въ жизни собственное, самостоятельное мышленіе. Другой способъ преподаванія, какъ его предлагаетъ Мартенсъ, ведетъ къ созданію *Politische Kinderschule*, а это противорѣчитъ научной добросовѣстности и не ведетъ къ цѣли. Профессоръ Кауфманъ еще энергичнѣе протестуетъ противъ попытокъ внести политическую тенденцію въ школу. Идеи, которыя защищаетъ Мартенсъ, находятъ, къ сожалѣнію, покровительство въ учебномъ вѣдомствѣ, и противъ такихъ попытокъ должна подняться нѣмецкая наука. Въ новѣйшихъ програм-

махъ для прусскихъ гимназій, напр., удѣлено много мѣста соціальной политикѣ прусской монархіи: мы не хотимъ,—восклицаетъ проф. Кауфманъ—плести вѣнки Гогенцоллернамъ; они и не нуждаются въ лавровыхъ вѣнкахъ дѣтей. Не забудемъ, что школа—святое мѣсто, и каждый, кто вступаетъ въ нее, долженъ очистить ноги отъ прилипшей къ нимъ грязи. Единственныя тенденціи, которыя мы въ правѣ внести въ школу, это любовь къ истинѣ и любовь къ дѣтямъ. Преподаваніе исторіи не имѣетъ ничего общаго съ борьбой противъ соціалъ-демократіи; учитель долженъ помнить только о задачахъ правдиваго воспитанія и не вносить при этомъ рознь въ семью. Изъ среды собранія поднялся проф. Кропачекъ, опытный педагогъ, состоящій теперь редакторомъ ультра-консервативной берлинской *Kreuzzeitung*. Всѣ ожидали,—сообщаютъ мюнхенскія газеты,—что онъ поддержитъ Мартенса и прусскія программы, но, къ изумленію членовъ съѣзда, Кропачекъ всецѣло сталъ на сторону проф. Кауфмана. „Я не стою въ политическихъ вопросахъ на точкѣ зрѣнія Кауфмана,—сказалъ ораторъ—вы знаете, что я политическій реакціонеръ, но какъ педагогъ и отецъ я совершенно такъ разсуждаю, какъ онъ: не трогайте школы, не разрушайте семьи. Школа не одна воспитываетъ новое поколѣніе, она нуждается въ поддержкѣ отцовъ; какое же право имѣемъ мы возбуждать противъ отца его собственныхъ дѣтей? Я не смѣю разрушать вліянія отца соціалъ-демократа на его сына, да это была бы и безплодная работа. Проф. Мартенсъ, напр., будетъ въ школѣ внушать моему сыну, что теологическое направленіе Генгстенберга вредно, но сынъ мой увидитъ у меня на столѣ *Kirchenzeitung* и если онъ повторитъ, то, что слышалъ въ школѣ, то я, разумѣется, въ 5 минутъ выброшу у него изъ головы идеи учителя и внушу ему свои идеи. Развѣ не точно такъ поступитъ соціалъ-демократъ? Тотъ, пожалуй, сдѣлаетъ это еще лучше меня. Оставимъ же политическую борьбу взрослому поколѣнію, а въ школѣ пусть дѣти учатся и накопляютъ знанія“. Послѣ рѣчей проф. Лампрехта и нѣкоторыхъ другихъ участниковъ конгресса, высказавшихся въ томъ же направленіи собраніе подавляющимъ большинствомъ приняло слѣдующую резолюцію: „преподаваніе исторіи не можетъ и не должно задаться цѣлью—внушить юношеству извѣстное политическое направленіе: оно можетъ только дать подростающему поколѣнію результаты научнаго изслѣдованія прошлаго и этимъ подготовить его къ участію въ общественной жизни, а также развить въ немъ склонность къ активному отношенію къ общественнымъ дѣламъ“.

Некрологъ.

П. И. Роговъ.

21-го мая 1892 года скончался отъ разрыва сердца членъ Историческаго Общества инспекторъ перваго кадетскаго корпуса, Павелъ Игнатьевичъ Роговъ. Покойный родился въ 1832 г., воспитывался сперва въ третьей классической гимназіи, затѣмъ въ Петербургскомъ университетѣ. По окончаніи курса П. И. посвятилъ свои силы дѣлу воспитанія и обученія юношества. Около 30 лѣтъ занимался онъ педагогическою дѣятельностью въ качествѣ преподавателя исторіи въ частныхъ пансіонахъ, инспектора орловскаго женскаго института, 3-й военной гимназіи, воспитателя и инспектора перваго кадетскаго корпуса. Всегда ласковый, готовый оказать возможную помощь всѣмъ, кто нуждался въ ней, сердечный и добрый, П. И. пользовался общими симпатіями своихъ сослуживцевъ, воспитанниковъ и подчиненныхъ. Онъ много также работалъ для женскаго Патріотическаго Общества и Педагогическаго музея, въ которомъ былъ товарищемъ предсѣдателя. Постоянно оставался вѣрнымъ самому себѣ, тѣмъ взглядамъ и убѣжденіямъ, съ которыми онъ выступилъ на тяжелое педагогическое поприще. Необыкновенная энергія, послѣдовательность въ проведеніи тѣхъ или другихъ принциповъ всегда проникнутыхъ гуманностью и любовью къ истинѣ, широкіе педагогическіе взгляды, строгая требовательность къ самому себѣ, прямота и честность въ отношеніяхъ къ окружающимъ людямъ,—вотъ характерныя черты личности П. И. Рогова. Онъ не былъ только добросовѣстнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей: въ каждое дѣло, за которое онъ брался, покойный вкладывалъ свою душу, сроднялся съ нимъ, принималъ близко сердцу его интересы. Какъ учитель и воспитатель, онъ постоянно внушалъ своимъ ученикамъ любовь къ

знанію, развивалъ въ нихъ чувство долга и предостерегалъ ихъ отъ легкомыслія, верхоглядства и стремленія къ карьерѣ; какъ сослуживецъ, былъ живымъ примѣромъ честнаго отношенія къ дѣлу; какъ общественный дѣятель, являлся стойкимъ борцомъ за идею. Немного такихъ людей, и память о нихъ должна сохраняться въ исторіи тѣхъ учрежденій, съ которыми связано ихъ имя. Заботясь о распространеніи историческихъ свѣдѣній среди простого народа, покойный издалъ нѣсколько брошюръ по отечественной исторіи. Одна изъ нихъ: „Смутное время" составляетъ интересное чтеніе для народа.

А. А. Кудрявцевъ.

3-го марта 1893 г. скончался въ Москвѣ преподаватель исторіи Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Александръ Алексѣевичъ Кудрявцевъ, принадлежавшій къ числу членовъ Историческаго Общества при Петербургскомъ университетѣ. Покойному было всего 30 лѣтъ. Это былъ самоотверженный работникъ на поприщѣ тяжелаго педагогическаго труда, вносившій въ этотъ трудъ свою душу, учитель-другъ своихъ учениковъ, учитель-воспитатель, дѣйствовавшій на свой классъ и солидностью своихъ научныхъ познаній, и вліяніемъ своей личности. Онъ былъ человѣкъ нѣжной, тонко чувствующей, рѣдко-благородной души. Учащіеся чутко понимали, что между ними и ихъ учителемъ устанавливалась настоящая духовная связь, не порывавшаяся и за стѣнами учебнаго заведенія. Любовь къ дѣтямъ и сознаніе своего общественнаго долга одинаково руководили его дѣятельностью. Кромѣ педагогическаго труда, покойный усиленно занимался наукой и литературой. Здѣсь онъ весь еще былъ въ будущемъ и, полный надеждъ и свѣтлыхъ плановъ, скончался, подкошенный тяжелымъ трудомъ и болѣзнью, слишкомъ рано для себя и для другихъ. Изъ его печатныхъ произведеній назовемъ большую статью „Средневѣковое міровоззрѣніе", появившуюся въ *Русской Мысли*. Въ послѣднее время онъ читалъ „Исторію драмы" на театральныхъ курсахъ.

ОТДѢЛЪ II.

Отчетъ о состоянiи и дѣятельности Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1892 годъ.

Общество вступило во второй годъ своего существованія въ количествѣ 239 дѣйствительныхъ членовъ и 1 члена-соревнователя. Въ теченіе года умерло 5 членовъ: Н. А. Поповъ, І. А. Клейберъ, М. И. Семевскій, П. И. Роговъ и Н. М. Благовѣщенскій; поступило 25 членовъ. Такимъ образомъ къ концу отчетнаго года въ Обществѣ числилось 259 дѣйствительныхъ членовъ и 1 членъ-соревнователь. Изъ комитета Общества выбыли въ силу § 20 устава А. С. Лаппо-Данилевскій и Г. В. Форстенъ. Тѣ же лица оказались снова избранными въ члены комитета на общихъ собраніяхъ 14 декабря 1891 года и 22 января 1892 года. Въ нынѣшнемъ отчетномъ году въ силу того же § 20 Устава выбываютъ С. А. Бершадскій и Н. А. Меншуткинъ.

Средства Общества въ нынѣшнемъ отчетномъ (1 дек. 1891—1 дек. 1892) году опредѣляются нижеслѣдующими данными:

ПРИХОДЪ:

А. Остатокъ отъ прошлаго года	740 р. 96 к.
В. Поступленія 1891—1892 г.:	
1) Членскіе взносы: 126 пятирублевыхъ	630 „ — „
1 шестирублевый	6 „ — „
2 сторублевыхъ	200 „ — „
Итого . . .	836 р. — к.
2) Пожертвованіе Г. Е. Аѳанасьева на изданіе Историческаго Обозрѣнія	160 р. — к.
3) Отъ продажи экземпляровъ Историческаго Обозрѣнія:	
Перваго тома	38 р. — к.
Второго	42 „ — „

Третьяго тома	. . . . .	101 р. — к.
Четвертаго тома	. . . .	86 „ — „
Итого	. . .	267 р. — к.
Итого поступленій за 1891—1892 г.		1263 р. — к.
Итого поступленій за нынѣшній годъ съ остаткомъ	. . . .	2083 р. 96 к.

РАСХОДЪ:

1) На изданіе Историческаго Обозрѣнія:

Доплата за II томъ	. . .	72 р. 85 к.
Печатаніе III тома	. . .	800 „ — „
Гонораръ А. И. Браудо	. .	94 „ — „
Уплата за IV томъ	. . .	189 „ — „
Итого	. . .	1155 р. 85 к.

2) Почтовые расходы, за напечатаніе объявленій въ Русскихъ Вѣдомостяхъ и посылку телеграммъ В. И. Герье и И. Е. Забѣлину	82 р. 64 к.
3) Вознагражденіе А. К. Кириллову за письмоводительство	60 р. — к.
Итого расходовъ въ отчетномъ году .	1298 р. 49 к.
Въ остаткѣ къ 1 декабрю	705 р. 47 к.

Дѣятельность Историческаго Общества въ нынѣшнемъ отчетномъ году состояла въ чтеніи и обсужденіи рефератовъ на общихъ собраніяхъ, въ изданіи Историческаго Обозрѣнія, въ организаціи педагогической секціи и въ заботахъ объ образованіи библіотеки Общества.

Съ 1-го декабря 1891 г. по 1-е декабря 1892 г. было VII общихъ собраній членовъ Общества. Научныя сообщенія, читанныя на этихъ собраніяхъ, сдѣланы были слѣдующими лицами: А. С. Лаппо-Данилевскимъ: Вопросъ о дѣленіи первобытной культуры на періоды—каменный, бронзовый и желѣзный въ современной археологической литературѣ. В. Б. Каттерфельдомъ: Дворянскіе наказы въ 1789 году и ихъ роль во французской исторической литературѣ. В. В. Лесевичемъ: Культурно-историческое соотношеніе между переживаніями и бредовыми психозами. П. А. Шафрановымъ: Экономическій бытъ Выгорѣцкаго старообрядческаго общежительства въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. З. С. Ивановой: Политическія и религіозныя воззрѣнія Шелли. С. А. Пташицкимъ: О новѣйшихъ трудахъ по исторіи Польши въ концѣ XVIII в. С. Л. Степановымъ: Ренанъ, какъ историкъ.

В. А. Тураевымъ: Исторія изученія финикійской древности.—Кромѣ рефератовъ, читаны были слѣдующія сообщенія о вновь вышедшихъ книгахъ: Г. В. Форстеномъ о книгѣ Bonsdorf'a: Nyen och Nyenskanz, С. Л. Степановымъ о соч. Fustel de Coulanges: Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire, Н. И. Карѣевымъ о печатаемой работѣ М. С. Корелина Ранній итальянскій гуманизмъ, и о книгѣ Сореля: „L'Europe et la révolution française", А. С. Лаппо-Данилевскимъ о соч. A. Post'a: Ueber die Aufgaben der Allgemeinen Rechtwissenschaft, Н. И. Карѣевымъ о книгѣ Дайси „Основы государственнаго права Англіи", С. А. Бершадскимъ объ одномъ изъ выпусковъ изданія: Badania do historyi sztuki w Polsce, А. И. Покровскимъ о соч. Holm'a: Griechische Geschichte B. Ш, С. А. Пташицкимъ: О новыхъ матеріалахъ по Исторіи Западной Россіи конца XVI в., изданныхъ Прохаскою (Archivum domus Sapiechanae). Наконецъ, сообщенія В. И. Модестова и Д. Д. Семенова посвящены были памяти двухъ недавно скончавшихся членовъ Общества: Н. М. Благовѣщенскаго и П. И. Рогова.

Вновь организованная педагогическая секція имѣла два засѣданія, въ коихъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія: Я. Г. Гуревичемъ: Основные вопросы методики исторіи; Н. И. Марковинымъ: Нѣсколько замѣчаній о задачахъ и способахъ преподаванія исторіи въ гимназіи (особенно средней); Я. Г. Гуревичемъ: Новые прусскіе учебные планы по преподаванію исторіи; А. Н. Щукаревымъ: Къ вопросу о составленіи историческихъ хрестоматій; В. А. Мякотинымъ: Руководство по русской исторіи Елпатьевскаго.

Въ библіотекѣ Общества къ 1-му декабря 1892 года числилось; а) книгъ, брошюръ и оттисковъ 290 названій въ 349 томахъ и б) періодическихъ изданій 28 названій въ 143 томахъ и выпускахъ. Въ отчетномъ году составъ библіотеки пополнился, благодаря пожертвованіямъ частныхъ лицъ и учрежденій, а также взаимному обмѣну, въ который Историческое Общество вступило съ редакціями нѣсколькихъ журналовъ. Пожертвованія были сдѣланы: Н. Н. Ардашевымъ, В. Арцимовичемъ, Д. И. Багалѣемъ, Н. И. Барсовымъ, П. В. Безобразовымъ, А. Блуменштокомъ, А. И. Браудо, О. Вильчинскимъ, А. С. Гацисскимъ, С. М. Георгіевскимъ, С. М. Дубновымъ, В. Р. Зотовымъ, К. А. Ивановымъ, Н. И. Карѣевымъ, Б. Кентржинскимъ, Е. Крыловымъ, А. А. Кузнецовымъ, А. А. Куломзинымъ, Х. М. Лопаревымъ, Θ. Θ. Мартенсомъ, Д. Θ. Масловскимъ, Б. Минцесомъ. А. Мѣржинскимъ, Г. А. Немировымъ, А. А. Павловскимъ, о. П. Пирлингомъ, В. К. Пискорскимъ, А. Прохаской, В. А. Соколовымъ, Д. А. Столыпинымъ, В. Н. Сторожевымъ, Г. Смирновымъ, А. С. Ткачевымъ, Г. Θ. Фрасеромъ, И. П. Хрущовымъ, А. А. Цагарели, Н. И. Шишкинымъ, И. А. Шляпкинымъ, Е. Ф. Шмурло, Е. С. Шумигорскимъ, П. О. Яблонскимъ, Пермскимъ губ. статистическимъ комитетомъ, Гидрографическимъ комитетомъ Морского министерства, редакціями: Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій, Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета, Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій, Записокъ Новороссійскаго Универси-

тета, Чтеній Общества исторіи и древностей. Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца, Извѣстій Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ Университетѣ, Записокъ Неофилологическаго Общества, Этнографическаго Обозрѣнія, Извѣстій Таврической Архивной Коммиссіи, Кіевской Старины, Русскаго Архива, Библіографическихъ Записокъ, Славянскаго Обозрѣнія, Сѣвернаго Вѣстника, Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Archivio Storico Italiano, Atenum'a и Cesky Lid.. Такимъ образомъ въ отчетномъ году въ библіотеку Общества поступило: а) книгъ и брошюръ 85 названій въ 89 томахъ и b) періодическихъ изданій 20 названій въ 116 томахъ и выпускахъ.

Протоколъ Ревизіонной Коммиссіи.

С.-Петербургъ, 14 Декабря 1891 года.—Разсмотрѣвъ отчетъ о состояніи суммъ Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ и провѣривъ наличныя деньги и дѣлопроизводство казначея, ревизіонная коммиссія нашла все въ полнѣйшемъ порядкѣ и безукоризненной исправности. Но говоря о финансовомъ положеніи Общества, она не можетъ не обратить вниманія Общаго Собранія на то печальное обстоятельство, что сумма членскихъ взносовъ въ отчетномъ году значительно уменьшилась сравнительно съ предшествующимъ: именно тогда какъ въ $18^{90}/_{91}$ году членскихъ взносовъ поступило на сумму 1085 р., въ отчетномъ изъ нихъ составилось лишь 836 р.— Въ виду того, что такое уменьшеніе доходовъ Общества можетъ вредно отразиться на издательской его дѣятельности и повлечь за собою уменьшеніе размѣровъ послѣдней,—что врядъ ли можетъ быть признано желательнымъ,— коммиссія считаетъ необходимымъ поставить на обсужденіе Общества вопросъ о томъ, посредствомъ какихъ мѣръ можно было бы достигнуть бо́льшей аккуратности въ своевременномъ доставленіи членскихъ взносовъ.

Переходя къ вопросу о состояніи библіотеки Общества, которая также оказалась въ порядкѣ, коммиссія должна повторить замѣчаніе, уже высказанное при ревизіи въ прошломъ году, т.-е. выставить на видъ медленность ея роста и выразить пожеланіе, чтобы, какъ комитетъ, такъ и остальные члены Общества проявили болѣе энергичную заботливость о пополненіи библіотеки нетолько доставленіемъ туда собственныхъ сочиненій, но и привлеченіемъ другихъ авторовъ, учрежденій и издательскихъ фирмъ къ пожертвованіямъ въ библіотеку Историческаго Общества книгъ, журналовъ и спеціальныхъ изданій. Можетъ быть, систематическая разсылка „Историческаго Обозрѣнія" въ редакціи главныхъ историческихъ журналовъ и ученыхъ изданій русскихъ и иностранныхъ съ предложеніемъ обмѣна повлекла бы за собою присылку въ библіотеку такихъ журналовъ и изданій, недостатокъ которыхъ составляетъ въ ней большой пробѣлъ.

Члены ревизіонной коммиссіи: *Евгеній Бѣловъ*, *Ив. Гревсъ*, *В. Мякотинъ*.

Алфавитный списокъ гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ по 1 января 1893 г.[1]).

Комитетъ Общества:

Предсѣдатель—Николай Ивановичъ **Карѣевъ**, чл.-учр. Вас. Островъ, 10 л., д. 9.

Товарищъ Предсѣдателя — Георгій Васильевичъ **Форстенъ**, чл.-учр. М. Итальянская, 41.

Казначей—Сергѣй Лаврентьевичъ **Степановъ**, чл.-учр. Фурштадтская, 27.

Секретарь—Александръ Сергѣевичъ **Лаппо-Данилевскій**, чл.-учр. Вас. Островъ, 10 л., д. 17.

Библіотекарь—Станиславъ Львовичъ **Пташицкій**. Преображенская, 42.

Иванъ Михайловичъ **Гревсъ**, чл.-учр. Вас. Островъ, 7 л., д. 60.

Венедиктъ Александровичъ **Мякотинъ**, чл.-учр. Коломенская, д. 15.

Члены-Учредители:

Бершадскій, Сергѣй Александровичъ. Вас. Островъ, Большой пр., д. 19/26.

Бестужевъ-Рюминъ, Константинъ Николаевичъ. Вас. Островъ, уголъ 5 линіи и Малаго пр., д. 62, кв. 2.

---

[1]) Комитетъ Общества покорнѣйше проситъ присылать извѣщенія о перемѣнѣ адресовъ или могущія быть въ адресахъ поправки въ Спб. Унив., помощнику библіотекаря Алексѣю Кирилловичу Кириллову. Гг. членамъ, уплатившимъ взносъ за 1892 г., высланы были томы IV и V „Историческаго Обозрѣнія". Неполученіе таковыхъ Комитетъ проситъ доводить до его свѣдѣнія равнымъ образомъ черезъ А. К. Кириллова. Членскій взносъ на 1893 г. опредѣленъ въ 5 р. и высылается на имя Казначея Общества С. Л. Степанова (Фурштадтская, 27).

Бубновъ, Николай Михайловичъ. Кіевъ. Университетъ.

Бѣловъ, Евгеній Александровичъ. Вас. Островъ. Малый пр., д. 15. квар. 2.

Васильевскій, Василій Григорьевичъ. Троицкая ул., д. 27, кв. 7.

Веселовскій, Александръ Николаевичъ. Вас. Остр., 2 л., д. 37.

Гуревичъ, Яковъ Григорьевичъ. Надеждинская ул., д. 40, кв. 7. (Товарищъ предсѣдателя по педагогической секціи).

Дружининъ, Василій Григорьевичъ. Сергіевская ул., д. 45.

Дьяконовъ, Михаилъ Александровичъ. Дерптъ. Университетъ.

Замысловскій, Егоръ Егоровичъ. Вас. Островъ, 14 л., д. 31, кв. 4.

Козеко, Иванъ Алексѣевичъ. Захарьевская, д. 1, кв. генер. Каминскаго.

Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ. Звенигородская ул., д. 32, кв. 1.

Мартенсъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Пантелеймоновская ул., д. 12.

Меншуткинъ, Николай Александровичъ. Румянцевская площ., д. 1/3.

Модестовъ. Василій Ивановичъ, Николаевская ул., д. 67.

Ольденбургъ, Сергѣй Ѳедоровичъ. Вас. Островъ, 7 линія, д. 60.

Платоновъ, Сергѣй Ѳедоровичъ. Николаевская ул., д. 61, кв. 6.

Сергѣевичъ, Василій Ивановичъ. Стремянная ул., д. 19.

Соколовъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Вас. Островъ, 2 линія, д. 11, кв. 13.

Троицкій, Иванъ Егоровичъ. Пески, уголъ 7 и Слоновой ул., д. 16/22.

Чечулинъ, Николай Димитріевичъ. Фурштадтская ул., д. 40.

Шмурло, Евгеній Францевичъ. Дерптъ. Университетъ.

Членъ-Соревнователь:

Котляревская, Екатерина Семеновна. Уголъ Малой Итальянской и Литейнаго пр., д. 2/56, кв. 10.

Дѣйствительные члены:

Адамовичъ, Василій Ивановичъ, Садовая ул., д. 71, кв. 11.

Андреева, Александра Алексѣевна. Москва, Тверская, Брюссовъ пер., собственный домъ.

Андреевъ, Василій Алексѣевичъ. Моск.-Каз. ж. д., ст. Люберцы.

Андреяновъ, Михаилъ Александровичъ. Вас. Островъ, 8 линія, д. 47, квар. 4.

Анненскій, Иннокентій Ѳедоровичъ. Кіевъ, Коллегія Галагана.

Анонимовъ, Иванъ Николаевичъ. Вас. Островъ, 12 л., д. 5. Первое Реальное училище.

Антоновичъ, Владиміръ Бонифатьевичъ. Кіевъ. Университетъ.

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ. Москва, Дѣвичье-Поле, д. Морозовой.

Арабажинъ, Константинъ Ивановичъ. Офицерская ул., Николаевскій Корпусъ.

Ардашевъ, Павелъ Николаевичъ. Москва, Дѣвичье-Поле, Б. Воздвиженскій пер., д. Бородина.

Арсеньевъ, Константинъ Константиновичъ. Площадь Большого театра, домъ 12.

Ахрамовичъ, Осипъ Васильевичъ. Петерб. сторона, Мытнинская набережная, д. Яковлева.

Ахшарумовъ, Семенъ Дмитріевичъ. Литейный пр., д. Удѣльнаго Вѣдомства, кв. Тургольдъ.

Аѳанасьевъ, Георгій Емельяновичъ. Одесса, Базарная, д. 6а.

Багалѣй, Дмитрій Ивановичъ. Харьковъ. Университетъ.

Балабанова, Екатерина Вячеславна. Торговая ул., д. 25/34, кв. 1.

Balzer, O. Австрія, Львовъ. Ulica Zimorowicza, 7.

Бартольдъ, Георгій Владиміровичъ. Вас. Островъ, 6 л., д. 17, кв. 2.

Бережковъ, Михаилъ Николаевичъ. Нѣжинъ, Историко-филологическій Институтъ.

Беренштамъ, Вильямъ Людвиговичъ. Вас. Островъ, 3 л., д. 18.

Беркутъ, Владиміръ Николаевичъ. Москва, Большой Власьевскій пер., д. Скородумова.

Бобровскій, Павелъ Осиповичъ. Мойка, Военно-Юридическая Академія.

Борзаковскій, Владиміръ Степановичъ. Захарьевская ул., д. 33, кв. 3.

Брандтъ, Ѳедоръ Ивановичъ. Калинкинская площадь, д. 3/5.

Браудо, Александръ Исаевичъ. Ямская ул., д. 16, кв. 16.

Брикнеръ, Александръ Густавовичъ. Iena. Forstweg, № 9.

Бузескулъ, Владиславъ Петровичъ. Харьковъ, Большая Панасовка, д. 17.

Букъ, Владиміръ Владиміровичъ, Вас. Островъ, 2 л., д. 35, кв. 7.

Бѣлогостицкій, Иванъ Васильевичъ. Троицкая ул., д. 36, кв. 8.

Бѣлозерская, Надежда Александровна.

Васильевъ, Иванъ Ивановичъ. Вас. Островъ, 10 л., д. 17, кв. 5.

Введенскій, Александръ Ивановичъ. Вас. Островъ, 9 л., д. 46, кв. 2.

Венгеровъ, Семенъ Аѳанасьевичъ. Серпуховская ул., д. 2.

Веселовскій, Николай Ивановичъ. Забалканскій пр., д. 29, кв. 15.

Винаверъ, Максимъ Моисеевичъ. Владимірская ул., д. 2.

Виноградовъ, Павелъ Гавриловичъ. Москва, Левшинскій пер., домъ Ловцова.

Випперъ, Робертъ Юрьевичъ. Москва, Мясницкая, Чудовской пер., домъ Бруханской.

Владимірскій-Будановъ, Михаилъ Флегонтовичъ. Кіевъ. Университетъ.

Вознесенскій, Павелъ Ивановичъ. Коломенская ул., д. 7, кв. 21.

Вороновъ, Андрей Петровичъ. Вас. Островъ, 5 л., д. 30.

Вязигинъ, Андрей Сергѣевичъ. Харьковъ, Дѣвичья ул., д. 14.

Гацисскій, Александръ Серафимовичъ. Нижній Новгородъ, Статист. Ком.

Гейслеръ, Александръ Ивановичъ. Радомъ, Мужская гимназія.

Георгіевскій, Сергѣй Михайловичъ. Пушкинская ул., д. 22 (Пале-Рояль).

Гераковъ, Николай Николаевичъ. Петербургская сторона, В. Пушкарская, 50.

Герасимовъ, Осипъ Петровичъ, Москва, Арбатъ, д. Львовой.

Герье, Владиміръ Ивановичъ. Москва, Гагаринскій пер., собственный домъ.

Глинскій, Борисъ Борисовичъ. Конногвардейскій бульваръ, д. 9, кв. 23.

Голубовскій, Петръ Васильевичъ. Кіевъ, Дмитровская ул., д. 3.

Гольцевъ, Викторъ Александровичъ. Москва, близъ Успенья на Могильцахъ, собственный домъ.

Григоровичъ, Иванъ Ивановичъ. Площадь Александринскаго театра, д. 9.

Гриммъ, Эрвинъ Давыдовичъ. Вас. Островъ, 6 л., д. 39, кв. 6.

Гротъ, Николай Яковлевичъ. Москва. Университетъ.

Деревицкій, Алексѣй Николаевичъ. Харьковъ. Университетъ.

Дерюжинскій, Николай Ѳедоровичъ. Литейный пр., д. 44.

Дерюжинскій, Владиміръ Ѳедоровичъ. Дерптъ, Садовая, д. 22.

Дмитріевъ, Николай Всеволодовичъ. Зданіе Главнаго Почтамта.

Докучаевъ, Тимоѳей Васильевичъ, Петерб. сторона, Церковная ул., д. 25, кв. 6.

Дризенъ, баронъ Николай Васильевичъ. Пушкинская ул., д. 17.

Дриль, Дмитрій Андреевичъ. Вас. Островъ, 3 л., д. 6.

Ефимовъ, Василій Владиміровичъ. Разстанная ул., д. 14.

Ешевскій, Александръ Аполлоновичъ. Вас. Островъ, 10 линія, д. 25, кварт. 1.

Житецкій, Игнатій Павловичъ.

Забѣлло, Левъ Парменовичъ. Адмиралт. набережная, Крестьянскій банкъ.

Zakrzewski, W. Краковъ, университетъ.

Иванова, Зинаида Сергѣевна. Вас. Островъ, 2 л., д. 51.

Ивановъ, Константинъ Алексѣевичъ. Калинкинская площадь, д. 3/5, квар. 19.

Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ. Кіевъ. Университетъ.

Kaizl, I. Прага, чешскій университетъ.

Каминка, Августъ Исааковичъ. Уголъ Фонарнаго пер. и Офицерской ул., д. 7/8, кв. 2.

Каттерфельдъ, Вильгельмъ Богдановичъ. Гороховая ул., д. 44, кв. 6.

Кауфманъ, Александръ Аркадьевичъ. В. О., 3 л., д. 6.

Кедровъ, Алексѣй Константиновичъ. Вас. Островъ, Историко-Филологическій Институтъ.

Kętrzyński, W. Львовъ, Zakład Ossolinskich.

Кизеветтеръ, Александръ Александровичъ. Москва, Молчановка, Ржевскій пер., д. Чернявскаго.

Киселевъ, Александръ Аполлоновичъ. Англійскій пр., д. 22, кв. 12.

Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ. Одесса. Университетъ.

Клячинъ, Василій Петровичъ. Кіевъ. Университетъ.

Ковалевскій, Максимъ Максимовичъ. Франція, Beaulieu (Alpes maritimes). Villa Batava.

Корево, Николай Николаевичъ.

Корелинъ, Михаилъ Сергѣевичъ. Москва, М. Бронная, д. Гершъ, кв. 22.

Korzeniowski, I. Kraków, Smoleńska, 13.

Корсаковъ, Дмитрій Александровичъ. Казань. Университетъ.

Котляревскій, Несторъ Александровичъ. Уголъ Малой Итальянской и Литейнаго пр., д. 2/56, кв. 10.

Кракау, Василій Александровичъ. Вас. Островъ, 10 л., д. 13.

Крейсбергъ, Александръ Романовичъ. Вас. Островъ, 10 л., д. 21, кв. 3.

Кудрявцевъ, Александръ Ивановичъ. Москва, Арбатъ, Малый Песковскій пер., д. Фрауенфельдеръ.

Кузнецовъ, Григорій Александровичъ. Харьковъ, 2-я женская гимназія.

Куторга, Михаилъ Степановичъ. Императорская Публичная Библіотека.

Лакомте, Михаилъ Алексѣевичъ. Иваново-Вознесенскъ, Владимірской губ. Реальное училище.

Ланге, Ричардъ Осиповичъ. Набережная Мойки, д. 38.

Латышевъ, Василій Васильевичъ. Казань, Канцелярія Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа.

Лебедевъ, Анфіанъ Степановичъ. Харьковъ. Университетъ.

Лесевичъ, Владиміръ Викторовичъ. Лиговка, д. 29, кв. 6.

Лисовскій, Николай Михаиловичъ. Забалканскій пр., д. 7, кв. 13.

Лихачева, Елена Іосифовна. Фурштадтская ул., д. 56, кв. 3.

Лопаревъ, Хрисанѳъ Меѳодіевичъ. Фонтанка, д. 34.

Лопатинъ, Левъ Михайловичъ, Москва, Гагаринскій пер., собственный домъ.

Лурье, Семенъ Владиміровичъ. Москва, Земляной валъ, д. Хишина.

Лучицкій, Иванъ Васильевичъ. Кіевъ. Липки, Левашовская, 14.

Любавскій, Матвѣй Кузьмичъ. Москва, Харитоновскій пер., д. Морозовой.

Любовичъ, Николай Николаевичъ. Варшава, Долгая, д. 28.

Маляренко, Андрей Демьяновичъ. Пенза, Первая гимназія.

Мандельштамъ, Іосифъ Емельяновичъ. Фонтанка, д. 36, кв. 3.

Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ. Одесса. Университетъ.

Марковинъ, Николай Ивановичъ. Милліонная ул., д. 29, кв. 28.

Masaryk, Th. Прага, чешскій университетъ.

Масловскій, Дмитрій Ѳедоровичъ, Вас. Островъ, Большой пр., д. 5, кварт. 7.

Менжинскій, Рудольфъ Игнатьевичъ. По 12-й ротѣ Измайловскаго полка, д. 36.

Мережковскій, Дмитрій Сергѣевичъ. Литейный пр., д. Мурузи.

Метцлеръ, Адольфъ Адольфовичъ.

Миллеръ, Евгеній Леонтьевичъ. Москва, Контора Кнорръ и Вернеръ.

Миллеръ, Всеволодъ Өедоровичъ. Москва, Покровка, Машковъ пер., собственный домъ.

Милюковъ, Николай Кононовичъ. Малая Московская ул., д. 5.

Милюковъ, Павелъ Николаевичъ. Москва, Плющиха, д. Бартенева, кварт. 15.

Минцловъ, Рудольфъ Рудольфовичъ. Большая Болотная ул., д. 22.

Мирошниковъ, Сергѣй Васильевичъ. Вас. Островъ, 1 л., д. 56.

Михайловскій, Викторъ Михайловичъ. Москва, Якиманка, 2-я прогимназія.

Мищенко, Өедоръ Герасимовичъ. Казань, Односторонка Красной, 10.

Молчановскій, Никандръ Васильевичъ. Кіевъ. Институтская ул., д. 31.

Моравскій, Сергѣй Павловичъ. Москва, Арбат. вор., Мерзляковскій пер., д. Нѣмчинова, кв. 5.

Моревъ, Дмитрій Дмитріевичъ.

Муромцевъ, Сергѣй Андреевичъ. Москва, Скатертный пер., собственный домъ.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ Александръ Алексѣевичъ. Кіевъ, Канцелярія Попеч. Учебн. Округа.

Мѣржинскій, Антонъ Өаддеевичъ. Варшава, Смольная, собственный домъ.

Нейфельдъ, Абрамъ Абрамовичъ. Хортица, Екатеринославской губ., Центральное училище.

Неслуховскій, Францъ Карловичъ. Каменноостровскій пр., Лицей.

Нечаевъ, Владиміръ Петровичъ. Петерб. сторона, Большой пр., Пушкарская ул., д. 11, кв. 4.

Никитскій, Тимоөей Николаевичъ. Ковно. Гимназія.

Новодворскій, Витольдъ Владиславовичъ. Петерб. сторона, Кронверкскій пр., д. 41, кв. 8.

Оманъ (Haumant) Эмилій. Lille, rue de Solférino, 102.

Ону, Александръ Михайловичъ. Большая Конюшенная, д. 1/8, кв. 37.

Орловъ, Николай Александровичъ. Поварской пер., д. 17.

Осокинъ, Николай Алексѣевичъ. Казань. Университетъ.

Острогорскій, Викторъ Петровичъ. Кононерская ул., уголъ Могилевской.

Павинскій, Адольфъ Ивановичъ. Варшава, Маршалковская, близь Свенто-Кржиской.

Павловскій, Алексѣй Андреевичъ. Кіевъ. Университетъ.

Павловъ-Сильванскій, Николай Павловичъ. Вас. Островъ, 7 линія, д. 46, кв. 4.

Пальменъ. Гельсингфорсъ. Университетъ.

Пантелѣевъ, Лонгинъ Өедоровичъ. Николаевская ул., д. 16.

Перетятковичъ, Георгій Ивановичъ. Одесса. Университетъ.

Петерсонъ, Ольга Михайловна. Торговая ул., д. 25/34, кв. 2.

Петерсъ, Александръ Александровичъ. Манежный пер., д. 17, кв. 21.

Петрушевскій, Дмитрій Моисеевичъ.

Пирлингъ, Павелъ. Парижъ. Avenue Hoche, 26.

Пискорскій, Владиміръ Константиновичъ. Кіевъ, Нестеровская ул., д. 23.

Погодинъ, Петръ Дмитріевичъ. Парижъ. Rue Monsieur le Prince, № 56.

Покровскій, Алексѣй Ивановичъ. Вас. Островъ, 6 л., д. 11, кв. 3.

Поливановъ, Аполлонъ Николаевичъ. Симбирскъ, Кад. Корп.

Попова, Анна Петровна.

Prochaska, A. Львовъ. Ulica Ossolinskich, 11.

Радловъ, Эрнестъ Львовичъ. Вас. Островъ, 3 л., д. 58, кв. 10.

Регель, Василій Эдуардовичъ. Вас. Островъ, 10 л., д. 15, кв. 1.

Рождественскій, Сергѣй Васильевичъ. Вас. Остр., Университетъ.

Рубакинъ, Николай Александровичъ. Уголъ Большой Подъяческой и Садовой, библіотека Рубакина.

Рубинштейнъ, Михаилъ Александровичъ. Бассейная, уголъ Лиговки, Гимназія Гуревича.

Рудневъ, Яковъ Ивановичъ. Выборгская сторона, Симбирская ул., д. 10, 1-я прогимназія.

Русановъ, Николай Алексѣевичъ, Псковъ, Крестьянскій банкъ.

Савва, Владиміръ Ивановичъ. Харьковъ. Каплуновская, 3.

Сапуновъ, Алексѣй Парѳеновичъ. Витебскъ. Гимназія.

Свѣшниковъ, Митрофанъ Ивановичъ. Гагаринская ул., д. 34.

Семевскій, Василій Ивановичъ. Вас. Островъ, 2 л., д. 11.

Семеновъ, Дмитрій Дмитріевичъ.

Сергѣевскій, Николай Дмитріевичъ. Вас. Островъ, 2 л., д. 24, кв. 5.

Середонинъ, Сергѣй Михайловичъ. Инженерный замокъ, д. 62.

Сизовъ, Владиміръ Ильичъ. Москва, Историческій Музей.

Сиповскій, Василій Дмитріевичъ. Гороховая, Училище Глухонѣмыхъ.

Смирновъ, Алексѣй Логиновичъ.

Смирновъ, Иванъ Николаевичъ. Казань. Университетъ.

Smolka, St. Краковъ. Университетъ.

Собѣстьянскій, Иванъ Михайловичъ. Харьковъ. Университетъ.

Созоновичъ, Иванъ Петровичъ. Варшава, ул. Берга, д. 6.

Соколовскій, Павелъ Александровичъ. Артиллерійская ул., д. 6.

Солдатенковъ, Кузьма Терентьевичъ. Москва, Мясницкая, собственный домъ.

Соловьевъ, Евгеній Андреевичъ. Литейный, 58.

Соловьевъ, Сергѣй Викторовичъ. Харьковъ. Университетъ.

Сомовъ, Александръ Андреевичъ. Екатерингофскій пр., д. 97, кв. 2.

Спасовичъ, Владиміръ Даниловичъ. Кабинетская ул., д. 7.

Ставровскій, Никаноръ Андреевичъ. Сумы, Харьковской губ. Гимназія.

Старчевскій, Евгеній Львовичъ. Луцкъ, Волынской губ.

Столыпинъ, Дмитрій Аркадьевичъ. Москва, Тверская ул., гостинница Дрезденъ.

Сторжевскій, Сергѣй Николаевичъ. Харьковъ, Усовская ул., д. 3, кв. проф. Цѣхановецкаго.

Сторожевъ, Василій Николаевичъ. Москва. Архивъ Министерства Юстиціи.

Струве, Николай Бернардовичъ. Воскресенская набережная, д. 28, кв. 7.

Судейкинъ, Василій Тимоѳеевичъ. Воскресенскій пр., д. 13.

Сырку, Полихроній Агапіевичъ. Вас. Островъ, 2 л., д. 15, кв. 4.

Танѣевъ, Владиміръ Ивановичъ. Москва, Обуховъ пер., д. 9.

Тихомировъ, Павелъ Константиновичъ. Екатерининскій каналъ, д. 70, кварт. 10.

Ткачевъ, Андрей Никитичъ.

Трачевскій, Александръ Семеновичъ. Царское Село, Стесельская ул., домъ 12.

Туганъ-Барановскій, Михаилъ Ивановичъ. Гусевъ пер., д. 6, кв. 19.

Тураевъ, Борисъ Александровичъ. Вас. Островъ, 7 л., д. 40, кв. 8.

Тычинкинъ, Константинъ Семеновичъ. Бассейная ул., уголъ Лиговки, гимназія Гуревича.

Ульяницкій, Владиміръ Антоновичъ. Москва, Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Успенскій, Ѳедоръ Ивановичъ. Одесса. Университетъ.

Утинъ, Евгеній Исааковичъ. Фонтанка, д. 26.

Фаминцынъ, Александръ Сергѣевичъ. Вас. Островъ, 8 л., д. 17.

Farges, Louis. Paris.

Филипповъ, Александръ Никитичъ. Дерптъ. Университетъ.

Флексеръ, Акимъ Львовичъ. Пушкинская ул., д. 22. (Пале-Рояль).

Фортинскій, Ѳедоръ Яковлевичъ. Кіевъ. Университетъ.

Фонъ-Фохтъ, Ольга Марковна. Малая Итальянская, д. 5, кв. 7.

Фрасеръ, Георгій Ѳедоровичъ.

Хахановъ, Александръ Соломоновичъ. Москва, Лазаревскій Институтъ.

Цагарели, Александръ Антоновичъ. Фонтанка, д. 24, кв. 10.

Цвѣтковскій, Юрій Юрьевичъ. Петербургская сторона, Мытнинская набережная, д. 11.

Цвѣтницкій, Владиміръ Дмитріевичъ. Тифлисъ. Верхняя Московская балка, д. 24.

Чебышовъ, Александръ Александровичъ. Знаменская ул., д. 17.

Чеховъ, Николай Владиміровичъ. Богородицкъ, Тульской губ.

Чулицкій, Владиміръ Михайловичъ. Сергіевская ул., д. 61, кв. 10.

Шафрановъ, Петръ Александровичъ, Вас. Островъ, 10 л., д. 41, кв. 15.

Шварсалонъ, Константинъ Семеновичъ.

Шеллеръ, Александръ Константиновичъ. Ковенскій пер., д. 14.

Шиберсонъ, М. Г. Гельсингфорсъ. Университетъ.

Шильдеръ, Николай Карловичъ. Инженерный Замокъ, кв. 1.

Шубинскій, Сергѣй Николаевичъ. Редакція „Историческаго Вѣстника".

Шубинъ, Николай Яковлевичъ. Вас. Островъ, 10 л., д. 25, кв. 1.

Шульцъ, Георгій Ѳедоровичъ. Харьковъ. Университетъ.

Stern, A. Цюрихъ, Polytechnicum.

Шумигорскій, Евгеній Севастьяновичъ. Гороховая ул., д. 68, кв. 13.

Щепкина, Екатерина Николаевна. Виленскій пер., д. 9, кв. 3.

Щепкинъ, Евгеній Николаевичъ. Москва, Каретный рядъ, 2-й Знаменскій пер., д. Вашкевичъ.

Щукаревъ, Александръ Николаевичъ. Фурштадтская ул., д. 17, кв. 17.

Эвальдъ, Сергѣй Ивановичъ. Петерб. сторона, Ждановская ул., д. 7.

Эльзенгръ, Адольфъ Юстиновичъ. Вас. Островъ, 3 л., д. 16, кв. 13.

Энманъ, Александръ Ѳедоровичъ. Петерб. стор., Церковный пер., д. 27.

Южаковъ, Сергѣй Николаевичъ.

Ядринцевъ, Николай Михайловичъ.

Якушкинъ, Вячеславъ Евгеньевичъ. Москва, Чернышовскій пер., д. 7 (Ред. „Рус. Вѣд.").

Яроцкій, Василій Гавриловичъ. Баскова ул., д. 9, кв. 5.

Ѳедоровъ, Владиміръ Васильевичъ. Вас. Островъ, 10 л. Патріотическій Институтъ.

Протоколы Историческаго Общества за 1892 годъ [1]).

Протоколъ XXXI (закрытаго) общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 22 апрѣля 1892 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 30 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Приступлено было къ избранію въ члены общества кандидата, предложеннаго въ прошломъ Общемъ Собраніи, С. В. Лурье. По баллотировкѣ г. Лурье оказался избраннымъ единогласно.

3. Предложенъ кандидатомъ въ члены общества П. Н. Ардашевъ.

4. Г. предсѣдатель заявилъ о пожертвованіяхъ въ библіотеку общества: отъ Х. М. Лопарева, В. В. Макушева и Воронежской публичной библіотеки, всего 6 названій въ 6 книгахъ. Редакціи 8 журналовъ прислали также свои изданія за разные мѣсяцы въ числѣ 9 книгъ.

5. С. Ѳ. Ольденбургъ обратился къ предсѣдателю съ вопросомъ о томъ, какъ дѣйствуетъ библіографическая коммиссія? Г. предсѣдатель отвѣчалъ, что коммиссія принуждена была на время пріостановить свою дѣятельность въ виду предполагаемой замѣны старыхъ сотрудниковъ новыми.

6. З. С. Иванова прочла рефератъ: О политическихъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ Шелли. Вслѣдъ за тѣмъ, по предложенію г. предсѣдателя, Общество благодарило З. С. Иванову за прочитанный ею рефератъ.

7. С. Л. Пташицкій прочелъ рефератъ: „О новѣйшихъ трудахъ по исторіи Польши въ концѣ XVIII в.“ [2]).

---

[1]) Протоколы за январь—мартъ 1892 см. въ IV т. „Истор. Обозр.“. На будущее время протоколы Историческаго Общества будутъ печататься сразу за цѣлый годъ вмѣстѣ съ годичнымъ отчетомъ.

[2]) Помѣщенъ въ IV т. „Истор. Обозр.“.

8. С. А. Бершадскій сдѣлалъ сообщеніе объ одномъ изъ выпусковъ издаваемыхъ коммиссіей „do badania sztuki w Polsce", а А. И. Покровскій ознакомилъ собраніе съ книгой *A. Holm'a:* Griechische Geschichte, B. III, Berl. 1891.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Религіозные и политическіе взгляды Шелли [1]).

Среди выдающихся литературныхъ дѣятелей немного найдется личностей, такъ мало понятыхъ, какъ Шелли. При жизни поэта и впослѣдствіи, его клеймили названіемъ безнравственнаго человѣка, атеиста-безбожника. Недоразумѣніе это объясняется, главнымъ образомъ, протестомъ Шелли противъ господствовавшаго въ современной церкви духа внѣшней обрядности, заслонявшей сущность христіанскаго ученія. Подъ впечатлѣніемъ несоотвѣтствія между религіозно-нравственной проповѣдью и практическимъ ея выполненіемъ, Шелли написалъ, 19-ти лѣтъ, небольшой трактатъ „О необходимости атеизма". Это незрѣлое, полу-ребяческое сочиненіе положило начало враждебному отношенію къ Шелли приверженцевъ формальной религіи.—Репутація его, какъ человѣка безъ религіозныхъ и нравственныхъ принциповъ, еще болѣе утвердилась, благодаря временному его увлеченію матеріалистической философіей XVIII вѣка. Въ дѣйствительности, направленіе это противорѣчило всѣмъ его природнымъ наклонностямъ и свойствамъ; переписка Шелли, также какъ сочиненія, свидѣтельствуютъ, что увлеченіе это было кратковременно, и матеріалистическое ученіе не удовлетворило его нравственнымъ запросамъ.

Въ политическомъ міровоззрѣніи Шелли преобладающимъ является этическій элементъ. Увлекаясь идеями французской революціи, онъ считалъ, что результаты ея не оправдали всѣхъ возлагавшихся на нее надеждъ; и причину этого онъ видѣлъ въ томъ, что французскій народъ не былъ подготовленъ къ обладанію свободы—нравственнымъ движеніемъ, предшествовавшимъ политической и соціальной революціи.

Этическая точка зрѣнія руководила и политической дѣятельностью Шелли. Въ 1812 году онъ принялъ участіе въ агитаціи Ирландіи, имѣвшей цѣлью католическую эманципацію и отмѣну уніи. Въ своемъ „Обращеніи къ Ирландскому народу" онъ доказывалъ безплодность насильственныхъ мѣръ и необходимость нравственнаго переворота для достиженія свободы и равенства. Какъ средство его осуществленія, онъ составилъ проэктъ организаціи „Филантропической ассоціаціи", съ цѣлью распространенія просвѣщенія среди народа.

Въ раннемъ періодѣ жизни Шелли въ его политическихъ взглядахъ,

---

[1]) Помѣщено въ Вѣстн. Евр. за 1892 г.

рядомъ съ благородными возвышенными стремленіями, сказывается наивная вѣра мечтателя-утописта. Общее направленіе его въ эту эпоху можно назвать мистическимъ соціализмомъ. Но, съ теченіемъ времени, политическіе взгляды Шелли постепенно развивались и, отрѣшаясь отъ туманной неопредѣленности, пріобрѣтали все болѣе твердое, реальное обоснованіе. Постепенный этотъ переворотъ отразился въ позднѣйшемъ недоконченномъ сочиненіи Шелли, сохранившемся въ отрывкѣ подъ названіемъ „Философскій взглядъ на реформу". Въ этомъ небольшомъ сочиненіи сказывается уже не поэтъ-мечтатель, но политическій мыслитель, предлагающій программу преобразованій, согласованныхъ съ данными историческими условіями.

Протоколъ XXXII общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 21-го октября 1892 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 16 членовъ.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2) Г. предсѣдатель заявилъ, что лѣтомъ текущаго года скончались двое изъ членовъ Историческаго Общества: П. И. Роговъ 21-го мая и Н. М. Благовѣщенскій 1-го августа и что памяти ихъ посвящены будутъ въ предстоящемъ засѣданіи сообщенія гг. Модестова и Семенова.

3) Г. редакторъ Историческаго Обозрѣнія заявилъ, что четвертый томъ Историческаго Обозрѣнія, размѣрами около 25 листовъ, вышелъ въ свѣтъ. Пятый томъ печатается; въ немъ помѣщены будутъ статьи Е. Н. Щепкина, С. В. Рождественскаго, Н. Н. Любовича, М. М. Ковалевскаго, П. Г. Виноградова и другихъ.

4) Г. предсѣдатель перечислилъ книги, поступившія въ библіотеку Общества, благодаря пожертвованіямъ гг. Пирлинга, Минцеса, Мѣржинскаго, Мартенса, Зотова, Безобразова, Соколова, Лопарева, Иванова, Темирова, Кузнецова, Арциmовича, Дубнова, Яблонскаго, Фразера и сына Э. Ѳ. Эвальда, также отъ Гидрографическаго Комитета Морского Министерства и отъ Комитета Географической выставки въ Москвѣ. Сношенія Комитета съ нѣкоторыми изъ редакцій періодическихъ изданій вызвали присылку русскихъ и иностранныхъ журналовъ: поступили книжки въ библіотеку Общества изъ иностранныхъ журналовъ Archivio storico Italiano, Deutsche Zeitschrift für Geschichtwissenschaft и Cesky lid. По недостатку средствъ новыхъ журналовъ на средства Общества пока еще выписано не было.

5) Приступлено къ избранію П. Н. Ардашева, предложеннаго кандидатомъ въ члены Общества на прошломъ Общемъ Собраніи. Г. Ардашевъ оказался избраннымъ единогласно.

6) Предложены кандидаты въ члены Общества: П. Пирлингъ, Э. Оманъ (E. Haumant), В. В. Букъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, Ѳ. И. Брандтъ.

7) Обсуждался вопросъ объ участіи Общества въ празднованіи юбилея И. Е. Забѣлина. Постановлено послать поздравительную телеграмму юбиляру въ день его юбилея.

8) В. И. Модестовъ прочелъ рѣчь о научной дѣятельности Н. М. Благовѣщенскаго [1]).

9) С. Л. Степановъ прочелъ рефератъ о Ренанѣ, какъ историкѣ. По прочтеніи реферата нѣсколько замѣчаній высказано было С. Ѳ. Ольденбургомъ и Н. И. Карѣевымъ. По мнѣнію С. Ѳ. Ольденбурга референтъ не обратилъ вниманія на одну изъ главныхъ заслугъ Ренана, который въ сочиненіяхъ своихъ вступилъ въ борьбу съ теологіей во имя исторіи и пытался рѣшить вопросы о существованіи Бога и загробной жизни далеко не такъ, какъ представлено было г. Степановымъ. Н. И. Карѣевъ замѣтилъ референту, что онъ недостаточно выяснилъ значеніе Ренана, какъ историка, не указавъ, напр., на ту роль, какую Ренанъ придавалъ расѣ и религіи въ исторической жизни народовъ.

10) Я. Г. Гуревичъ прочелъ отрывки изъ воспоминаній Д. Д. Семенова о П. И. Роговѣ [2]).

Протоколъ XXXIII (закрытаго) общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 18 ноября 1892 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 13 членовъ.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2) Г. предсѣдатель заявилъ о пожертвованіяхъ книгами, поступившихъ отъ Н. И. Карѣева, отъ д-ра В. Кентржинскаго и Д. А. Столыпина; послѣднимъ прислано три брошюры въ количествѣ 15, 15 и 25 экземпляровъ для раздачи членамъ общества.

3) Г. В. Форстенъ сообщилъ, что отъ имени Историческаго Общества вступилъ въ сношенія съ редакціей шведскаго Историческаго журнала для взаимнаго обмѣна изданіями.

4) Постановлено, кромѣ годового собранія 16 декабря, назначить экстренное собраніе 9-го декабря для производства выборовъ членовъ ревизіонной коммиссіи.

---

[1]) Рѣчь В. И. Модестова помѣщена въ V т. „Истор. Обозр.“.

[2]) Помѣщены въ „Русской Школѣ“ за 1892 г.

5) А. А. Тураевъ прочелъ рефератъ: „Исторія изученія финикійской древности“ [1]).

6) С. Л. Пташицкій сдѣлалъ сообщеніе о новыхъ матеріалахъ по исторіи западной Россіи конца XVI вѣка (*Prochaska*, Archivum domus Sapiehanae [2]).

Протоколъ XXXIV общаго собранія гг. членовъ Историческаго Общества 9 декабря 1892 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева присутствовало 12 членовъ при исполняющемъ обязанности секретаря членѣ комитета С. Л. Пташицкомъ.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ Общаго Собранія.

2) Предложено избрать ревизіонную коммиссію, и избранными оказались: Е. А. Бѣловъ, И. М. Гревсъ и В. А. Мякотинъ.

3) Предложены кандидаты въ члены комитета, вмѣсто выбывающихъ на очереди — С. А. Вершадскаго и Н. А. Меншуткина, М. А. Андреяновъ, Я. Г. Гуревичъ, И. М. Гревсъ и В. А. Мякотинъ.

4) Предложены въ члены Общества Д. А. Дриль и А. А. Кауфманъ.

5) М. И. Туганъ-Барановскій прочелъ рефератъ: „Періодичность промышленнаго прогресса въ Англійской исторіи XIX в.“.

Референту возражали предсѣдатель Общества Н. И. Карѣевъ, Е. А. Бѣловъ и посторонніе посѣтители В. П. Воронцовъ и Ю. Я. Раголеръ.

Ю. Я. Раголеръ указалъ, что нельзя говорить о свѣтлыхъ минутахъ въ исторіи рабочихъ классовъ Англіи XIX вѣка; по даннымъ, недавно опубликованнымъ вождемъ англійскихъ рабочихъ Дж. Бернсомъ, положеніе рабочихъ упорно ухудшается, процентъ безработныхъ упорно ростетъ, доходя мѣстами до 20%. Рабочій классъ скованъ всѣмъ капиталистическимъ строемъ: пока этотъ строй живъ и ростетъ, живы и рости будутъ тѣ ужасы, которые мы знаемъ о положеніи англійскихъ рабочихъ.

Предсѣдатель общества Н. И. Карѣевъ обратилъ вниманіе на теоретическую важность вопроса, затронутаго референтомъ, указавъ главнымъ образомъ на то, что изученіе періодичности въ исторіи экономическихъ явленій есть одно изъ средствъ рѣшить общій вопросъ о смѣнѣ „акцій“ и „реакцій“ въ исторіи. При этомъ онъ сдѣлалъ нѣсколько историческихъ иллюстрацій этого общаго положенія, вызвавшихъ дополнительныя замѣчанія Е. А. Бѣлова.

Е. А. Бѣловъ доказывалъ, что въ общемъ ходѣ исторіи причины движенія человѣчества впередъ, причины остановокъ въ движеніяхъ или движеній

---

[1]) Рефератъ этотъ представлялъ изъ себя краткое изложеніе статьи, печатаемой въ настоящемъ (VI) томѣ „Истор. Обозр.“.

[2]) Напечатано въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“.

обратныхъ, реакцій, гораздо виднѣе. Такъ довольно ясно можно указать, почему XVII вѣкъ на континентѣ былъ менѣе прогрессивнымъ, чѣмъ XVI. На замѣчаніе г. предсѣдателя, что относительно отдѣльныхъ эпохъ это такъ, но что до вывода общихъ законовъ еще далеко, Е. А. разъяснилъ, что онъ думалъ только о выясненіи причинъ разныхъ движеній въ отдѣльныхъ эпохахъ и что эти выясненія только подготовляютъ уясненія общихъ законовъ историческаго движенія. Затѣмъ Е. А. замѣтилъ, что для выясненія общаго историческаго процесса историку *пока* большой пользы нѣтъ отъ исторіи періодичности кризисовъ: это дѣло будущаго.

В. П. Воронцовъ доказывалъ, что нельзя считать основнымъ камнемъ ученія о кризисахъ теорію, приписывающую наступленіе кризиса недостаткамъ дѣятельности механизма, регулирующаго процессъ производства.

Референтъ защищалъ изложенныя въ его рефератѣ положенія.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Краткое изложеніе реферата М. И. Туганъ-Барановскаго.

Законы историческаго прогресса до сихъ поръ намъ мало извѣстны. A priori легко допустить, что прогрессъ долженъ идти непрерывно, и что только случайныя, легко устранимыя причины отъ времени до времени замедляютъ развитіе человѣчества. Но при ближайшемъ изученіи промышленной исторіи передовыхъ странъ Европы и Америки мы убѣждаемся, что экономическій прогрессъ никогда не бываетъ непрерывнымъ, и что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ процвѣтанія всегда слѣдуетъ болѣе или менѣе продолжительное промышленное разстройство. Въ экономическомъ развитіи Англіи, Франціи, Соед. Штатовъ, Германіи и другихъ государствъ мы замѣчаемъ бросающуюся въ глаза періодичность.

Въ этомъ отношеніи особенно поучительна исторія англійской промышленности въ XIX столѣтіи. Промышленная исторія Англіи за текущее столѣтіе можетъ быть раздѣлена на 3 эпохи. Первая обнимаетъ собой время отъ начала столѣтія до конца 40-хъ годовъ; вторая заканчивается въ началѣ 70-хъ годовъ, а третья продолжается въ настоящее время. Въ теченіе первой эпохи англійская промышленность развивалась сравнительно медленно, а положеніе рабочаго класса не улучшались замѣтнымъ образомъ. Вторая эпоха, наступленіе которой было обусловлено переходомъ Англіи, а затѣмъ и другихъ Европейскихъ государствъ, отъ свободной торговли къ протекціонизму, постройкой громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ и открытіемъ необыкновенно обильныхъ розсыпей золота въ Калифорніи и Австраліи, была отмѣчена поразительно быстрымъ возрастаніемъ англ. національнаго богатства и улучшеніемъ положенія массы населенія. Третья эпоха характеризуется замедленіемъ роста на-

ціональнаго богатства въ Англіи и значительнымъ ослабленіемъ преобладающаго положенія англійской промышленности на міровомъ рынкѣ.

Итакъ, англійская промышленность находилась въ неодинаковомъ положеніи въ теченіе всего разсматриваемаго времени. Промышленный прогрессъ ускорялся и замедлялся, но въ этомъ отношеніи онъ всегда сохранялъ одинъ и тотъ же характеръ: онъ всегда былъ періодиченъ. Если мы возьмемъ цифры вывоза англ. товаровъ за границу, цифры ввоза иностр. товаровъ въ Англію, цифры производства важнѣйшихъ продуктовъ, цифры брачности, рождаемости, смертности населенія, преступности, пауперизма и пр. за все это время, то мы увидимъ правильное волнообразное колебаніе каждаго столбца цифръ, причемъ размѣры колебанія всѣхъ столбцовъ одни и тѣ же. Мы убѣждаемся, что въ народной жизни существуютъ свои приливы и отливы. Послѣ благопріятнаго періода, продолжающагося нѣсколько лѣтъ, всегда слѣдуетъ періодъ банкрутствъ, сокращенія производства, замедленія торговли, словомъ слѣдуетъ то, что̀ называютъ промышленнымъ кризисомъ.

Отчего же зависятъ эти періодически повторяющіеся промышленные кризисы? Современной наукой вопросъ этотъ еще не рѣшенъ. Существуетъ много теорій кризисовъ. Джевонсъ объясняетъ періодичность кризисовъ періодическимъ измѣненіемъ числа темныхъ пятенъ на солнечномъ дискѣ, что̀ вызываетъ періодическія засухи и неурожаи. Родбертусъ видитъ причину кризисовъ въ томъ, что доходъ рабочихъ классовъ не возрастаетъ пропорціонально возрастанію производительности труда. Но и та, и другая теорія не находитъ себѣ подтвержденія въ фактахъ. Промышленные кризисы зависятъ отъ несоотвѣтствія между спросомъ на различнаго рода товары на внутреннемъ и міровомъ рынкѣ и предложеніемъ ихъ, причемъ такое періодически возникающее несоотвѣтствіе есть неизбѣжное слѣдствіе неодинаковаго возрастанія національнаго богатства въ различныхъ странахъ, ведущихъ торговлю другъ съ другомъ.

Протоколъ XXXV (годового) общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 23 декабря 1892 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева присутствовало 23 члена.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2) Читанъ и утвержденъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества въ истекшемъ 1892 году [1]).

3) Приступлено было къ избранію двухъ членовъ комитета взамѣнъ выбывающихъ по очереди въ силу § 20 устава: С. А. Бершадскаго и Н. А. Меншуткина. Изъ кандидатовъ предложенныхъ комитетомъ (М. А. Андреянова,

---

[1]) Отчетъ напечатанъ выше.

Я. Г. Гуревича, И. М. Гревса и В. А. Мякотина) большинствомъ голосовъ избранными оказались: И. М. Гревсъ (20 голосовъ) и В. А. Мякотинъ (13 голосовъ).

4) Разсмотрѣна и утверждена нижеслѣдующая смѣта прихода и расхода суммъ Общества на будущій 1893 годъ:

ПРИХОДЪ:

Остатокъ отъ 1892 г.	705 р. 47 к.
Годовые взносы отъ членовъ Общества.	800 „ — „
Отъ продажи экземпляровъ „Историческаго Обозрѣнія" .	300 „ — „
Итого . .	1805 р. 47 к.

РАСХОДЪ:

Доплата за IV-й томъ „Историческаго Обозрѣнія". . .	574 р. 60 к.
Печатаніе V-го тома „Историческаго Обозрѣнія" . . .	500 „ — „
Почтовые и мелкіе расходы	100 „ — „
Выписка иностранныхъ журналовъ.	100 „ — „
Вознагражденіе за письмоводство	60 „ — „
Итого . .	1334 р. 60 к.
Остатокъ отъ 1893 г.	470 р. 87 к.

5) Размѣръ членскаго взноса на 1893 г. опредѣленъ, по примѣру предшествующихъ годовъ въ 5 рублей.

6) По предложенію комитета установлены дни для очередныхъ общихъ собраній членовъ Общества въ предстоящемъ 1893 году, а именно: января 20-го, февраля 17-го, марта 17-го, апрѣля 21-го, сентября 22-го, октября 20-го, ноября 17-го и декабря 15-го.

7) Приступлено къ избранію въ члены Общества кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое Общее Собраніе: Дм. Андр. Дриля и Алек. Аркад. Кауфмана. Оба оказались избранными единогласно.

8) Н. И. Карѣевъ прочелъ рефератъ: „Новый трудъ по исторіи итальянскаго гуманизма" [1]). По прочтенія реферата Е. А. Бѣловъ высказалъ нѣсколько замѣчаній объ источникахъ гуманизма.

[1]) Рефератъ этотъ представлялъ изъ себя общую характеристику труда М. С. Корелина „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія" (см. о докторскомъ диспутѣ М. С. Корелина въ „Истор. Обозрѣніи", т. V, стр. 191—198). Подробный разборъ книги проф. Карѣевъ обѣщалъ сдѣлать на страницахъ „Вѣстника Европы".

Въ тюрьмѣ Св. Пелагіи 9 августа 1793 года.

Дочь художника, жена ученаго, ставшаго министромъ и оставшагося добродѣтельнымъ, нынѣ узница, обреченная, быть можетъ, на насильственную внезапную смерть, я знала счастіе и несчастіе, я видѣла вблизи славу и терпѣла несправедливость.

Родившись, хотя и въ низкой средѣ, но отъ честныхъ родителей, я провела юность на лонѣ искусствъ, питаемая прелестями занятій, не зная иного превосходства, какъ превосходство личныхъ достоинствъ, ни иного величія, какъ величіе добродѣтели.

Въ возрастѣ, когда избираютъ себѣ занятіе, я лишилась надежды на состояніе, которое могло дать мнѣ положеніе, соотвѣтствовавшее моему воспитанію. Союзъ съ человѣкомъ почтеннымъ, казалось, долженъ былъ вознаградить меня за превратности судьбы—онъ сдѣлался для меня лишь источникомъ новыхъ бѣдъ.

Сильная душа, мягкій характеръ, основательный умъ, наружность, все это выражавшая, привлекли ко мнѣ любовь тѣхъ, кто меня знаетъ. Положеніе, въ которомъ я очутилась, создало мнѣ враговъ—я лично ихъ не имѣю. Тѣ кто говорятъ больше всего зла про меня, никогда меня не видали.

Истинно, вещи рѣдко таковы, какими онѣ кажутся. Тѣ дни моей жизни, когда я больше всего вкушала счастія или испытывала горя могли бы часто показаться постороннимъ обратными тому, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Оно и понятно: счастіе зависитъ больше отъ привязанностей, чѣмъ отъ обстоятельствъ.

Я хочу воспользоваться досугами заключенія, чтобы воспроизвести всю свою личную жизнь, начиная съ дѣтства и кончая этою минутой. Вновь проходить всѣ шаги своей жизни значитъ жить во второй разъ, и что лучшаго дѣлать въ тюрьмѣ, какъ не перенестись

въ иной міръ счастливою мечтою или любопытными воспоминаніями?

Если опытъ дѣйствительно пріобрѣтается скорѣе отъ размышленій надъ тѣмъ, что видишь и что дѣлаешь, чѣмъ отъ самаго дѣла, то опытность моя можетъ значительно расшириться отъ предпринятаго мною труда.

Общественныя дѣла, мои личныя чувства давали въ теченіе двухъ мѣсяцевъ заключенія столь обильный матеріалъ для мыслей и описаній, что не являлось и потребности въ воспоминаніяхъ о давно прошедшихъ временахъ; первыя пять недѣль поэтому были посвящены на составленіе „историческихъ очерковъ", которые можетъ быть, не были лишены нѣкоторыхъ достоинствъ. Но ихъ уничтожили. Я почувствовала всю горечь этой утраты, которой я уже не исправлю, но вознегодовала-бы на себя, если-бы я отъ чего либо могла пасть духомъ. Среди всѣхъ испытанныхъ мною несчастій самое сильное чувство горя неизмѣнно сопровождалось желаніемъ противоставить свои силы постигшему меня злу и преодолѣть его, или дѣлая добро другимъ, или закаляя себя бѣдою. Такимъ образомъ несчастья могутъ преслѣдовать меня со всѣхъ сторонъ, но не подавить. Я могу быть гонима тиранами, но уничтожена ими—никогда, никогда!

Записки мои погибли; я буду писать свои воспоминанія и, благоразумно считаясь съ собственной слабостью въ минуту сильнаго огорченія, для того, чтобы лучше отвлечься, побесѣдую о себѣ. Съ одинаковою откровенностью я представлю здѣсь свои достоинства и свои недостатки. Человѣкъ, который не рѣшается открыто говорить о своихъ достоинствахъ, почти всегда трусъ, знающій и боющійся того худого, которое могутъ сказать о немъ, а тотъ, кто колеблется признать свои недостатки, не обладаетъ мужествомъ, необходимымъ для того, чтобы ихъ искупить и не пасть подъ ихъ бременемъ. Столь откровенная относительно себя, я не буду стѣсняться и въ отношеніи другихъ: отецъ, мать, друзья, мужъ,—я ихъ всѣхъ изображу такими, каковы они въ дѣйствительности, или какими я ихъ считала.

Пока я жила мирно и сосредоточенно, моя природная чувствительность настолько преобладала надъ всѣми другими моими свойствами, что она проявлялась одна или господствовала надъ всѣми. Первою потребностью моею было нравиться и дѣлать добро. Я нѣсколько походила на добраго de-Gourville, котораго, по словамъ г-жи Севиньэ, любовь къ ближнему прерывала на полу-словѣ; S-te Lette могъ бы сказать обо мнѣ, что обладая талантомъ тонкихъ эпиграммъ, я не позволяла имъ срываться съ своихъ устъ. Съ тѣхъ же поръ, какъ обстоятельства, политическія и другія бури, развили энергію моего характера, я прежде всего стала откровенной и не останавливаюсь

передъ тѣми мелкими обидами, какія случается наносить. Я болѣе не сочиняю эпиграммъ: онѣ предполагаютъ любовь колоть людей своей критикой, а я не охотница бить мухъ; но я люблю открыто воздавать всѣмъ должное, возстановляя истину и провозглашая ее въ лицо виновнымъ, какъ-бы она ни была ужасна, не удивляясь, не волнуясь и не сердясь, какое-бы впечатлѣніе это на нихъ ни производило.

Gatien Phlipon, мой отецъ, былъ граверомъ по ремеслу. Онъ занимался также живописью и одно время, скорѣе изъ разсчета, чѣмъ по влеченію, думалъ спеціально предаться живописи по эмали; но ему пришлось бросить это дѣло, такъ какъ высокая температура, при которой обжигается эмаль, оказалась вредной для его зрѣнія и не пришлась ему по нраву. Онъ снова вернулся къ своему ремеслу, которое было скромно, но несмотря на трудолюбіе, несмотря на то, что времена благопріятствовали его искусству и онъ держалъ довольно значительное число подмастерьевъ, страсть къ наживѣ влекла его къ торговлѣ: онъ покупалъ или бралъ въ уплату у купцовъ, съ которыми велъ дѣла, драгоцѣнныя вещи и брилліанты для перепродажи ихъ по случаю. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ замѣтила, что честолюбіе обыкновенно губитъ людей, къ какому-бы обществу они ни принадлежали; оно возвышаетъ нѣсколькихъ счастливцевъ надъ уровнемъ толпы, но за то создаетъ массу жертвъ. Въ примѣрѣ моего отца я не разъ еще найду подтвержденіе этой мысли. Ремесло его доставляло ему средства для обезпеченной жизни; онъ захотѣлъ обогатиться и кончилъ разореніемъ.

Здоровый и сильный, дѣятельный и тщеславный, онъ любилъ жену свою и любилъ роскошь; человѣкъ необразованный, онъ обладалъ той степенью вкуса и тѣмъ поверхностнымъ запасомъ знаній, которые даютъ занятія искусствомъ, какъ-бы ничтожны они ни были. Поэтому, несмотря на его преклоненіе передъ богатствомъ и тѣми занятіями, которыя его доставляютъ, онъ поддерживалъ съ купцами только дѣловыя сношенія, а знакомство водилъ лишь съ художниками, живописцами и скульпторами. Пока честолюбіе его знало мѣру и не встрѣчало неудачъ, онъ велъ очень умѣренную жизнь; нельзя сказать, чтобы онъ былъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, но въ немъ было много того что называютъ честью: онъ, правда, способенъ былъ запросить за вещь болѣе, чѣмъ она того стоила, но скорѣе бы лишилъ себя жизни, нежели бы не выплатилъ денегъ за ту, которую купилъ.

Маргарита Bimont, его жена, принесла ему въ приданое очень мало денегъ, но чудную душу и прелестную наружность. Старшая изъ 6 дѣтей, для которыхъ она была матерью, она вышла замужъ двадцати шести лѣтъ лишь для того, чтобъ уступить свое мѣсто сестрамъ. Чувствительное сердце, обаятельный умъ заставляли желать для нея

союза съ человѣкомъ тонкимъ и просвѣщеннымъ, но родители ея представили ей честнаго человѣка, способности котораго обезпечивали ему средства къ жизни, и разсудокъ побудилъ ее согласиться на этотъ бракъ. За неимѣніемъ счастья, на которое она не могла надѣяться, она чувствовала, что съумѣетъ водворить у себя миръ, способный замѣнить собой счастье. Благоразумно умѣть ограничивать свои потребности; радости случаются рѣже, нежели принято думать, но въ добродѣтельной жизни заключается неизмѣнный источникъ утѣшеній.

Я была ихъ вторымъ ребенкомъ; мой отецъ и мать имѣли всего семь человѣкъ дѣтей, но остальные умерли въ младенческомъ возрастѣ или при появленіи на свѣтъ, вслѣдствіе различныхъ случайностей, и мать моя любила иногда вспоминать, что только я одна никогда не причинила ей страданій, такъ какъ роды ея были также благополучны, какъ беременность. Казалось, будто здоровье ея укрѣпилось послѣ моего рожденія.

Одна тетка моего отца пріискала для меня въ окрестностяхъ Арпажона гдѣ она часто проводила лѣто, здоровую кормилицу, хорошаго поведенія; въ околоткѣ относились къ ней съ особеннымъ уваженіемъ, вслѣдствіе того, что мужъ ее мучилъ своей грубостью, не будучи въ состояніи этимъ измѣнить ея характеръ и поведеніе. Г-жа Besnard — такъ звали мою двоюродную бабушку и не имѣла дѣтей; ея мужъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ, оба относились ко мнѣ, какъ къ родной дочери. Они всегда продолжали заботиться обо мнѣ; они и сейчасъ еще живы и на склонѣ лѣтъ томятся подъ бременемъ горя; они вздыхаютъ о судьбѣ своей внучатной племянницы, предмета ихъ надеждъ и гордости. Почтенные старики мои, утѣшьтесь! Лишь немногимъ суждено пройти жизненный путь свой среди того мира и тишины, какіе васъ окружаютъ; а я стою на высотѣ несчастій, выпавшихъ на мою долю, и не перестану преклоняться передъ вашею добродѣтелью.

Мои добрые родные своимъ вниманіемъ поддерживали и поощряли неустанную заботливость моей кормилицы; она пріобрѣла любовь моего семейства своимъ усердіемъ и успѣхами въ моемъ воспитаніи. Она каждые два года неизмѣнно, въ теченіе всей своей жизни, пріѣзжала въ Парижъ для свиданія со мной; она поспѣшила ко мнѣ при извѣстіи о жестокой утратѣ, которую я понесла со смертью моей матери. Я до сихъ поръ помню, какъ она предстала передо мною; я лежала на постели, погруженная въ свое горе; ея присутствіе слишкомъ живо возстановило въ памяти недавнюю утрату, первое горе моей жизни, и со мной сдѣлались судороги; она испугалась и удалилась, и я больше не видѣла ее; вскорѣ послѣ этого она умерла. Я бывала у нея въ избѣ, въ которой она меня вскормила, я съ умиленіемъ слушала добродушныя сказки, которыя она любила сочинять, показывая мнѣ мои когда

то любимые уголки, вспоминая мои проказы, которыя смѣшили ее и теперь.

Мнѣ было два года, когда я вернулась въ родительскій домъ; мнѣ часто разсказывали объ удивленіи, проявленномъ мной при видѣ зажженныхъ вечеромъ на улицѣ фонарей, которые я называла красивыми бутылками; о моемъ нежеланіи употреблять то, что собственно называютъ горшкомъ, такъ какъ мѣстомъ для удовлетворенія извѣстной потребности для меня всегда служилъ одинъ уголокъ въ саду; и о насмѣшливомъ видѣ, съ какимъ я спрашивала, показывая на суповыя чашки и салатники, не сдѣланы ли и они для той же цѣли. Приходится умалчивать объ этихъ милыхъ и другихъ столь-же важныхъ вещахъ, занимающихъ лишь кормилицъ и передаваемыхъ лишь бабушкамъ и дѣдушкамъ: пусть не ждутъ отъ меня здѣсь описанія маленькой двухлѣтней чернушки съ темными волосами, красиво обрамлявшими личико, покрытое яркимъ румянцемъ и дышавшее счастьемъ и здоровьемъ своего возраста. Я знаю, что наступитъ болѣе подходящее время для описанія моей наружности и не сдѣлаю неловкости предупредить его.

Мать моя силой своего ума и доброты скоро пріобрѣла на мою кроткую и нѣжную душу, вліяніе, которымъ она всегда пользовалась лишь для моего блага. Это вліяніе было такъ сильно, что при неизбѣжныхъ мелкихъ столкновеніяхъ между руководящимъ разумомъ и сопротивляющимся ребенкомъ, ей никогда не пришлось прибѣгать къ наказанію: ей достаточно было холоднымъ тономъ произнести—„mademoiselle“ или бросить на меня строгій взглядъ. Я до сихъ поръ помню впечатлѣніе, которое производилъ на меня этотъ взглядъ, обыкновенно столь ласковый. Я слышу, внутренно содрогаясь, исполненное холоднаго достоинства слово „mademoiselle“, вмѣсто нѣжнаго названія—моя дѣвочка, и милаго имени „Manon“. Да Manon, такъ звали меня; я огорчена за любителей романовъ: это имя неблагородно; оно не подходитъ къ героинямъ высокаго полета, но, чтб дѣлать,—это было мое имя, и я пишу повѣсть изъ дѣйствительной жизни. Впрочемъ самые взыскательные люди примирились-бы съ этимъ именемъ, еслибы слышали его въ устахъ моей матери и видѣли ту, которой оно принадлежало. Не было-ли всякое слово, произнесенное любящимъ голосомъ моей матери, преисполнено прелести, и когда эти трогательные звуки проникали въ мое сердце, не учили-ли они меня на нее походить?

Живая, хотя и не шумная и по природѣ сосредоточенная, я любила быть занятой и быстро схватывала всякую мысль. Этой способностью хорошо воспользовались: не помню чтобы меня когда-либо учили читать. Мнѣ разсказывали, что къ 4-мъ годамъ дѣло было сдѣ-

лано и что съ тѣхъ поръ заботы о моемъ первоначальномъ ученіи ограничивались снабженіемъ меня книгами. Каковы-бы ни были тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ давали или какими я могла завладѣть, онѣ овладѣли мной всецѣло и отвлечь меня отъ нихъ могли лишь букетами. Видъ цвѣтка невыразимо ласкаетъ мое воображеніе и нѣжитъ чувство; онъ пробуждаетъ во мнѣ страстную любовь къ жизни съ дѣтства. Уже подъ тихимъ кровомъ отцовскаго дома я была счастлива среди цвѣтовъ и книгъ: въ узкой тюремной оградѣ, среди оковъ, наложенныхъ возмутительной тираніей, я забываю людскую несправедливость, ихъ глупость и мои страданія, когда вижу вокругъ себя книги или цвѣты.

Обстоятельства были слишкомъ удобны, чтобы не воспользоваться ими для обученія меня Ветхому и Новому завѣту, большому и малому катехизисамъ. Я училась, чему хотѣли, и вытвердила бы Алькоранъ, если-бы меня выучили его читать. Мнѣ припоминается одинъ художникъ, по имени Guibal; онъ позже жилъ въ Штутгардтѣ, и я видѣла нѣсколько лѣтъ тому назадъ его хвалу Пуссену, увѣнчанную Руанской Академіей; онъ часто навѣщалъ моего отца: это былъ чудакъ, который разсказывалъ мнѣ занимательныя дѣтскія сказки, до сихъ поръ сохранившіяся въ моей памяти; но не менѣе забавляло его самого выслушивать мою ученую болтовню. Онъ и теперь передо мною, какъ живой, съ своимъ нѣсколько смѣшнымъ лицомъ; онъ сидитъ на креслѣ, ставитъ меня между колѣнями, на которыя я опираюсь локтями, и заставляетъ меня произносить символъ Св. Аѳанасія; онъ вознаграждаетъ мою любезность разсказомъ о нѣкоемъ Танжэ, у котораго носъ былъ до того длиненъ, что онъ принужденъ былъ его обвивать вокругъ руки своей, когда хотѣлъ двигаться. Я могла бы привести еще болѣе рѣзкія сопоставленія.

Семи лѣтъ меня начали посылать на воскресные классы (закона Божія) въ приходской церкви для приготовленія къ конфирмаціи. Судя по ходу событій у моихъ читателей легко явится вопросъ о томъ, что это такое было. Разскажу въ чемъ дѣло. Въ любомъ уголку церкви, въ часовнѣ или придѣлѣ ставилось на опредѣленномъ пространствѣ другъ противъ друга нѣсколько рядовъ стульевъ или скамей; въ серединѣ оставлялся довольно широкій проходъ и въ концѣ его на нѣкоторомъ возвышеніи помѣщалось кресло—курульное кресло молодого священника, который училъ отданныхъ на его попеченіе дѣтей. Въ этихъ классахъ дѣтей заставляли твердить на память относящіяся къ каждому дню страницы изъ евангелія—посланія, молитвы, и заданныя на недѣлю главы изъ катехизиса. Когда сборища эти бывали многочисленны, священнику во время урока помогалъ въ качествѣ репетитора молодой причетникъ; наиболѣе же существенными

вопросами занимался самъ учитель. Въ иныхъ приходахъ дѣти обоихъ половъ присутствовали совмѣстно на урокахъ Закона Божія, хотя они и были размѣщены на разныхъ скамьяхъ. Въ большинствѣ же приходовъ мальчики и дѣвочки обучались отдѣльно. Матери или кумушки— большія охотницы до поученій, въ какой-бы грубой формѣ они ни подносились, присутствовали при этихъ урокахъ, послѣдовательно приспособленныхъ къ различнымъ возрастамъ и устроенныхъ съ цѣлью приготовленія къ конфирмаціи или первому причастію. Ревностные приходскіе священники отъ времени до времени посѣщали свое юное стадо, наученное почтительно вставать съ мѣстъ при ихъ появленіи; они предлагали нѣсколько вопросовъ наиболѣе виднымъ ученицамъ съ цѣлью удостовѣриться въ ихъ познаніяхъ; матери послѣднихъ исполнялись гордости, и священникъ удалялся среди глубокихъ ихъ присѣданій. Г-нъ Garat, священникъ моего прихода Св. Варѳоломея, въ части города, которая тогда называлась въ Парижѣ—Cité, былъ добрякъ, пользовавшійся репутаціей очень ученаго человѣка, хотя онъ и не умѣлъ сказать двухъ словъ съ каѳедры, съ которой имѣлъ несчастную страсть говорить; такъ же точно теперь толкуютъ о чрезвычайныхъ способностяхъ другого Garat, министра, не справляющагося съ своимъ дѣломъ. Господинъ Garat, священникъ моего прихода, однажды присутствовалъ при моемъ урокѣ Закона Божія; и, желая испытать мои познанія и въ то-же время проявить свою собственную ученость, онъ предложилъ мнѣ вопросъ о количествѣ степеней ангеловъ небесной іерархіи. Взглянувъ на его побѣдоносное и лукавое выраженіе лица, я была убѣждена, что онъ разсчитывалъ меня смутить; съ улыбкой я ему отвѣтила, что хотя нѣкоторыя изъ нихъ и были указаны въ предисловіи къ литургіи, но я вычитала изъ другихъ книгъ, что ихъ всего было девять и заставила его выслушать перечисленіе ангеловъ, архангеловъ, престоловъ, властей и т. д. Никогда познанія неофитки еще не доставляли подобнаго удовольствія священнику; этого было достаточно, чтобы создать мнѣ репутацію среди святошей, и я дѣйствительно была маленькой избранницей, какъ то будетъ видно впослѣдствіи.

Многихъ, можетъ быть, удивитъ, что мать моя при своей заботливости о моемъ воспитаніи и здравомъ смыслѣ вздумала меня посылать на уроки закона Божія, но всякое обстоятельство вызвано извѣстными причинами. Ея молодой братъ былъ церковно-служителемъ въ нашей приходской церкви и ему порученъ было, выражаясь техническимъ языкомъ, „катехизисъ конфирмаціи“. Присутствіе племянницы на урокахъ его могло послужить прекраснымъ примѣромъ, способнымъ побудить и другихъ людей, не принадлежавшихъ къ такъ называемому простому народу, присылать на эти уроки своихъ дѣтей,—а это было

очень лестно для священника: притомъ же я обладала памятью, которая всюду должна была обезпечить мнѣ первое мѣсто, и всѣ остальныя условія лишь оттѣняли такого рода превосходство; поэтому подъ внѣшнимъ видомъ простоты у моихъ родителей въ сущности скрывались тщеславныя побужденія.

Такимъ образомъ въ дни раздачи наградъ,—событія, праздновавшагося съ большимъ блескомъ въ концѣ каждаго года, я получала первыя награды, хотя протекція и не играла ни малѣйшей роли въ этомъ отличіи; всѣ церковные сторожа и приходское духовенство находили, что мой молодой дядя очень счастливъ, такъ какъ благодаря этому обратилъ на себя большое вниманіе. Обратить же на него вниманіе значило почувствовать къ нему симпатію. Онъ былъ красивъ собой и очень добръ; необыкновенно привѣтливый характеръ, кроткій нравъ и самая искренняя веселость отличали его до послѣднихъ дней его жизни. Онъ умеръ каноникомъ въ Венсенѣ, въ то самое время, когда революція собиралась уничтожить всѣ капитулы. Я почувствовала, что теряю съ нимъ послѣдняго изъ родныхъ со стороны моей матери, и всегда съ умиленіемъ вспоминаю про него. Любовь моя къ ученію и мои способности подали ему мысль заняться со мной латинскимъ языкомъ; я была въ восхищеніи; для меня было праздникомъ найти новый предметъ ученія; ко мнѣ приходили на домъ учителя чистописанія, географіи, танцевъ и музыки; мой отецъ началъ заниматься со мной рисованіемъ. Но и этихъ уроковъ для меня было мало. Съ 5 часовъ утра на ногахъ, когда всѣ еще спали въ домѣ, я въ одной кофточкѣ и не обутая, тихонько бѣжала въ комнату моей матери, гдѣ въ углу стоялъ столъ, на которомъ я работала; и я списывала и учила свои уроки съ жаромъ, благодаря которому достигала быстрыхъ успѣховъ.

Мои учителя вслѣдствіе этого становились все ласковѣе со мною; они сидѣли за уроками долго, и относились къ нимъ съ интересомъ, который все сильнѣе увлекалъ меня за собой; всякій изъ нихъ, казалось, столько же польщенъ былъ учить меня, какъ я была благодарна имъ за ихъ уроки; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія они всѣ безъ исключенія заявляли о томъ, что я перестала нуждаться въ ихъ урокахъ и не соглашались долго принимать за нихъ деньги, хотя и изъявляли желаніе иногда приходить бесѣдовать со мной и навѣщать насъ въ качествѣ знакомыхъ.

Я всегда буду почитать память добраго M-r Marchand, который съ 5 лѣтъ началъ меня учить чистописанію и позже давалъ мнѣ уроки географіи и исторіи; это былъ человѣкъ съ яснымъ умомъ, терпѣливый и методичный, я называла его „Monsieur Doucet“ (сладенькимъ). Онъ впослѣдствіи женился на очень порядочной женщинѣ, состоявшей при домѣ „Nesle“; я бывала у него во время его по-

слѣдней болѣзни, вызванной несвоевременнымъ кровопусканіемъ; благодаря послѣднему припадокъ подагры, которой онъ страдалъ, палъ ему на грудь, что послужило причиной его смерти въ 50 лѣтъ отъ роду. Мнѣ самой тогда было 18 лѣтъ.

Я не забыла и музыканта Cajon, маленькаго живого и разговорчиваго человѣка, уроженца Макона, гдѣ онъ былъ пѣвчимъ, а позже послѣдовательно солдатомъ, дезертиромъ, капуциномъ, приказчикомъ. Смѣщенный съ послѣдней должности, онъ пріѣхалъ въ Парижъ съ женой и дѣтьми, безъ гроша денегъ, но обладая очень пріятнымъ голосомъ, вторымъ дискантомъ, чрезвычайно рѣдкимъ у мужчинъ, не подвергавшимся извѣстной операціи, и весьма удобнымъ для преподаванія уроковъ пѣнія молодымъ особамъ. Представленный, не знаю кѣмъ, моему отцу, онъ съ меня началъ свою преподавательскую дѣятельность и очень много со мной возился; онъ часто занималъ деньги у моихъ родителей и быстро растрачивалъ ихъ; онъ никогда не возвратилъ мнѣ одного сборника этюдовъ Бордіе, которымъ онъ довольно искусно воспользовался для составленія изданныхъ имъ подъ собственнымъ именемъ „элементовъ музыки“; онъ сдѣлался расточительнымъ, не разбогатѣвъ, и, проживъ 15 лѣтъ въ Парижѣ, гдѣ надѣлалъ долговъ, онъ уѣхалъ въ Россію, и здѣсь я потеряла его изъ виду. Я бы могла разсказать много смѣшныхъ анекдотовъ про Mazon, учителя танцевъ, добраго савойца, необыкновенно уродливой наружности; я какъ сейчасъ вижу опухлость, украшавшую его правую щеку, когда онъ наклонялся на лѣвый бокъ къ своей скрипкѣ. Я могла-бы вспомнить про бѣднаго Mignard, учителя гитары, испанца огромнаго роста, съ руками, какъ у Исава, который своею серьезностью, любезностью и хвастовствомъ не уступилъ-бы никому изъ своихъ соотечественниковъ. Недолго со мной занимался застѣнчивый Watrin, 50 лѣтъ котораго, парикъ, очки и воспаленное лицо принимали растерзанный видъ, когда онъ ставилъ пальцы своей ученицы на „Pardessus de viole“ и показывалъ ей, какъ держать смычекъ. Но преподобный отецъ Collomb, Барнабитъ, бывшій прежде миссіонеромъ, въ 75 лѣтъ сдѣланный настоятелемъ своего монастыря и духовникъ моей матери, въ видѣ утѣшенія послѣ прекращенія уроковъ на „Pardessus“, прислалъ для меня свой Basse de viole, съ тѣмъ, чтобы самому аккомпанировать мнѣ на немъ, когда онъ приходилъ къ намъ и просилъ меня играть на гитарѣ. Я привела его въ изумленіе, когда, схвативъ его „Basse“, порядочно съиграла нѣсколько арій, которыя разучила тайкомъ отъ другихъ. Попадись мнѣ въ руки контрабасъ, я бы влѣзла на стулъ, чтобы справиться съ нимъ.

Но во избѣжаніе анахронизмовъ, замѣчу, что я забѣгаю впередъ, и напомню о томъ, что только-что описывала время, когда мнѣ было

7 лѣтъ; къ этому времени я теперь и возвращусь. Я до сихъ поръ не говорила о вліяніи моего отца на мое воспитаніе: это вліяніе было ничтожно, такъ какъ въ мое воспитаніе онъ вовсе не вмѣшивался; необходимо здѣсь кстати упомянуть о причинѣ вслѣдствіе коей онъ сталъ принимать въ моемъ воспитаніи еще меньшее участіе: я была очень упряма, т.-е. не легко соглашалась на то, чего причины для меня были не ясны; а когда я лишь чувствовала надъ собой авторитетъ или думала видѣть проявленіе капризовъ, то не умѣла уступать. Моя мать, ловкая и осторожная, отлично понимала, что слѣдовало взывать къ моему разуму или обращаться къ моему чувству, чтобы руководить мной; потому-то я и повиновалась ей. Мой отецъ, довольно рѣзкій по характеру, приказывалъ тономъ повелителя, и я повиновалась ему неохотно или вовсе не повиновалась; когда же онъ пробовалъ меня наказывать, какъ деспотъ, его кроткая дѣвочка превращалась въ льва. Онъ раза два или три высѣкъ меня, я укусила его въ бедро, на которомъ онъ меня разложилъ и протестовала противъ его воли. Какъ-то разъ, когда я была нездорова, рѣшили дать мнѣ лекарство: мнѣ принесли невкусный напитокъ; я поднесла его къ своимъ губамъ, но оттолкнула его, почувствовавъ противный запахъ: мать моя принялась меня уговаривать и успѣла уже внушить мнѣ желаніе побѣдить мое чувство отвращенія; я искренно пыталась побороть себя, но всякій разъ, какъ противное питье приближалось къ носу, непобѣдимое чувство отвращенія заставляло отворачивать голову; моя мать устала, убѣждая меня, я плакала надъ ея и своимъ огорченіемъ, и дѣлалась все менѣе способной проглотить злосчастный напитокъ. Явился мой отецъ, разсердился и высѣкъ меня, приписавъ мое сопротивленіе упрямству; съ этой минуты желаніе быть послушной исчезло, и я рѣшительно объявила, что не приму лекарства. Посыпались громкія восклицанія, новыя угрозы, вторичное сѣченіе: я возмутилась и принялась отчаянно кричать, поднявъ глаза къ небу и проникнутая твердой рѣшимостью опрокинуть подносимый мнѣ напитокъ; мои движенія выдали мое намѣреніе; разсвирѣпѣвшій отецъ сталъ угрожать высѣчь меня въ третій разъ. Я чувствую еще теперь, въ то время какъ пишу эти строки, тотъ переворотъ, какой свершился внутри меня, и нахлынувшій подъемъ духа: мои слезы мгновенно изсякли, мои рыданія прекратились; внезапное спокойствіе сосредоточило всѣ мои чувства на одномъ рѣшеніи: я вскочила на свою постель, повернулась лицомъ къ стѣнѣ, приподняла рубашку и молча подставила себя подъ удары: я-бы не проронила вздоха, хотя-бы меня убили на мѣстѣ.

Моя мать, которую сцена эта довела до отчаянія, должна была призвать на помощь все свое благоразуміе, чтобы не усилить раз-

драженія своего мужа, котораго ей, наконецъ, удалось вывести изъ комнаты; она молча снова уложила меня въ кроватку; и послѣ двухчасового отдыха пришла умолять меня со слезами, чтобы я не огорчала ее долго и приняла лекарство: я пристально взглянула на нее, схватила стаканъ и залпомъ выпила его, но черезъ четверть часа у меня сдѣлались рвота и пароксизмъ лихорадки, которые пришлось лѣчить инымъ способомъ, а не скверным лѣкарствомъ и розгами. Мнѣ тогда было немногимъ болѣе шести лѣтъ.

Всѣ подробности этой сцены такъ живо сохранились въ моей памяти, какъ будто она произошла только недавно; всѣ испытанныя тогда ощущенія отчетливо встаютъ передо мной, я чувствую знакомый приливъ напряженія, какой всегда возникалъ въ душѣ моей въ трудныя минуты жизни; и гордо взойти теперь на эшафотъ не потребуетъ отъ меня большаго мужества, чѣмъ потребовалось когда-то, чтобы вытерпѣть варварское обращеніе, которое могло убить меня, но не въ силахъ было побѣдить,

Съ этой минуты отецъ болѣе не поднималъ руки своей на меня, онъ даже не бралъ на себя дѣлать мнѣ выговоры, но часто ласкалъ, училъ рисовать, водилъ гулять и обращался со мной съ добротой, снискавшей ему мое уваженіе и послушаніе. Мои 7 лѣтъ отпраздновали, чтобы этимъ ознаменовать мое вступленіе въ сознательную жизнь,—въ возрастъ, который какъ бы давалъ право ждать отъ меня поступковъ, проникнутыхъ велѣніями разума. Пріемъ этотъ былъ довольно искусенъ для оправданія той осторожности, съ какою приходилось воспитывать меня, поддерживая мою бодрость и не возбуждая тщеславія. Моя жизнь тихо протекала среди мирной семейной обстановки и усиленной умственной работы; моя мать постоянно сидѣла дома и мало кого принимала. Мы выходили изъ дому два раза въ недѣлю: разъ—чтобы навѣстить бабушку и дѣдушку моего отца и другой разъ—по воскресеньямъ въ церковь, для свиданія съ матерью моей мамы, всегда присутствовавшей на обѣднѣ, и для прогулки. Прямо со службы мы всегда прежде всего отправлялись къ бабушкѣ Bimont: это была красивая женщина высокаго роста, уже съ давнихъ поръ разбитая параличемъ, что оставило слѣды на ея умственныхъ способностяхъ; она постепенно впала въ дѣтство и проводила дни въ своемъ креслѣ предъ окномъ или у камина, смотря по времени года. Старая дѣвушка,находившаяся въ услуженіи семьи уже болѣе 40 лѣтъ, ухаживала за больной.

Какъ только я являлась, Марія приносила мнѣ завтракъ. Онъ былъ очень вкусенъ; но немедленно вслѣдъ за этимъ я начинала ужасно скучать; я искала книгъ; у нихъ въ домѣ былъ лишь псалтырь, и за неимѣніемъ другого чтенія, я разъ 20 подъ рядъ перечитывала стихи

и пѣла текстъ: когда я бывала весела, моя бабушка плакала; когда я ударялась или падала, она смѣялась; это меня раздражало; меня старались убѣдить въ томъ, что это было слѣдствіемъ ея болѣзни, тѣмъ не менѣе поступки ея отъ этого не казались менѣе непріятными; я бы могла примириться съ мыслью, что она надо мной смѣется, но слезы ея не лились иначе, какъ въ видѣ мучительнаго и вмѣстѣ безсмысленго припадка, который коробилъ меня и наполнялъ душу ужасомъ. Старая Марія вволю болтала съ моей матерью, считавшей священнымъ своимъ долгомъ проводить эти два часа у матери, снисходительно выслушивая болтовню Маріи. Для меня это послужило урокомъ терпѣнія, несомнѣнно очень тяжелымъ; но приходилось подчиняться, такъ какъ однажды, когда я, заплакавъ со скуки, стала упрашивать мать мою увезти меня домой, она осталась весь вечеръ. Она всегда пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы представить мнѣ посѣщенія свои въ видѣ суроваго и трогательнаго долга, который для меня было почетно дѣлить съ ней; не знаю, какъ она этого достигала, но сердце мое съ умиленіемъ воспринимало ея ученіе. Для меня было невыразимой радостью, когда аббатъ Bimont навѣщалъ свою мать; этотъ дорогой дяденька заставлялъ меня играть, прыгать и пѣть; но это рѣдко ему удавалось, такъ какъ онъ въ то время давалъ уроки пѣвчимъ и въ силу этого былъ прикованъ къ своему дому. Мнѣ по этому поводу вспоминается одинъ изъ его учениковъ, молодой человѣкъ счастливой наружности, о которомъ онъ всегда отзывался съ похвалой, потому что онъ менѣе всѣхъ доставлялъ ему непріятностей; этотъ молодой человѣкъ получилъ нѣсколько лѣтъ спустя, благодаря своимъ способностямъ, стипендію въ какой-то гимназіи и сдѣлался аббатомъ Ноэль. Онъ пріобрѣлъ себѣ въ началѣ извѣстность нѣсколькими маленькими работами, былъ призванъ министромъ Лё Брѣнъ къ дипломатической карьерѣ, въ прошломъ году былъ посланъ въ Лондонъ, нынѣ находится въ Италіи.

Мои занятія прекрасно заполняли собой время и дни казались мнѣ короткими, такъ какъ я никогда не успѣвала сдѣлать всего того, чего бы хотѣлось. Рядомъ съ учебниками, которыми меня не забывали снабжать, я быстро истощила запасъ книгъ, хранившійся въ нашей маленькой домашней библіотекѣ. Я проглатывала все и затѣмъ, когда не имѣла подъ рукой новыхъ книгъ, принималась вновь перечитывать старыя. Я помню два фоліанта Житій Святыхъ, Библію такого же формата на старинномъ французскомъ языкѣ, старый переводъ Гражданскихъ войнъ Аппіана, какой-то „Théâtre de la Turquie", написанный плохимъ языкомъ, которыхъ я перечитывала много разъ. Я такимъ образомъ набрела на „Roman comique" Скарона и на нѣсколько сборниковъ мнимыхъ остротъ, которыхъ не захотѣла перечитывать вновь, на

мемуары храбраго de-Pontis, которые меня забавляли и мемуары M-lle de Montpensier, гордость которой мнѣ пришлась по вкусу и нѣсколько другихъ ветошей, форматъ которыхъ, содержаніе и пятна живо сохранились въ памяти. Страсть къ ученію такъ сильно мною владѣла, что, откопавъ однажды трактатъ о геральдическомъ искусствѣ, я засѣла за его изученіе; въ немъ были раскрашенныя таблицы, которыя занимали меня и мнѣ нравилось узнавать названіе этихъ маленькихъ изображеній; скоро я удивила отца своими замѣчаніями объ одной печати, составленной противъ правилъ искусства, я сдѣлалась его оракуломъ въ подобныхъ вопросахъ и никогда не вводила его въ заблужденіе. Маленькій трактатъ о контрактахъ попалъ мнѣ въ руки; я тоже попыталась его изучить, такъ какъ старалась запоминать все что ни читала, но онъ мнѣ показался скучнымъ и я бросила его, не дочитавъ до 4-й главы.

Библія меня привлекала и я часто къ ней возвращалась: въ нашихъ старинныхъ переводахъ она выражается также грубо, какъ доктора; меня поразило нѣсколько наивныхъ выраженій, никогда не изгладившихся изъ моей памяти. Это меня навело на путь познаній, обыкновенно скрываемыхъ отъ маленькихъ дѣвочекъ. Они представлялись мнѣ однако въ свѣтѣ, неимѣвшемъ въ себѣ ничего привлекательнаго, и у меня было слишкомъ много предметовъ для размышленія, чтобы останавливаться на вопросѣ совсѣмъ матеріальномъ и который не казался мнѣ пріятнымъ. Но я смѣялась, когда бабушка мнѣ разсказывала о малюткахъ, найденныхъ подъ листами капусты и говорила, что изъ Ave Maria своего вычитала, что они выходятъ изъ другаго мѣста, хотя и не задумывалась надъ тѣмъ, какъ они туда попали. Рыская по дому, я открыла источникъ чтенія, которымъ довольно долго пользовалась съ умѣренностью. Такъ называемая мастерская моего отца была расположена вблизи той комнаты, въ которой я проводила дни; это была хорошая комната, родъ салона, которую моя мать со своей обычной скромностью называла залой, чисто омеблированная, украшенная зеркалами и нѣсколькими картинами; въ ней я брала уроки. Въ углубленіи, образованномъ въ ней одной стороной камина, устроили уголокъ, который освѣтили маленькимъ окномъ. Тамъ стояла кровать, но въ столь тѣсномъ пространствѣ, что я взбиралась на нее съ подножья, одинъ стулъ, маленькій столъ и нѣсколько полокъ; это было моимъ убѣжищемъ. Въ противоположномъ концѣ большая комната, въ которую мой отецъ поставилъ свой станокъ, много предметовъ скульптуры и своего искусства, служила ему мастерской. Я въ нее прокрадывалась вечеромъ или днемъ, когда въ ней никого не было; я открыла въ ней потайное мѣстечко, въ которое одинъ изъ молодыхъ людей клалъ свои книги. Я брала по одной

книгѣ, и уходила съ ней въ мой маленькій кабинетъ, гдѣ прочитывала ее и всегда клала на мѣсто въ надлежащіе часы, никому не говоря объ этомъ ни слова. Это были по бóльшей части хорошія произведенія; я однажды замѣтила, что мать моя сдѣлала тоже открытіе что и я; я увидѣла у нея книгу, которую сама раньше читала; тогда я перестала стѣсняться и, хотя и не солгала, но не упоминала о прошломъ и сдѣлала видъ будто слѣдовала по ея стопамъ. Молодой человѣкъ, его звали Courson, имя, къ которому онъ впослѣдствіи, когда втерся воспитателемъ пажей въ Версаль, прибавилъ частичку „де“, не походилъ на своихъ товарищей: онъ былъ вѣжливъ, обладалъ благовоспитанностью и тактомъ и стремился къ образованію. Онъ также никогда не упоминалъ о временномъ исчезновеніи нѣкоторыхъ книгъ; казалось, будто между нами тремя состоялось безмолвное соглашеніе. Я такимъ образомъ прочла много путешествій, которыя страстно любила, между прочими раньше другихъ прочла путешествія Реньяра; нѣсколько драматическихъ произведеній второстепенныхъ авторовъ и Плутарха Дасьэ. Это послѣднее произведеніе мнѣ понравилось болѣе того, что я до тѣхъ поръ читала, даже больше чувствительныхъ повѣстей, какія однако меня чрезвычайно трогали, какъ напримѣръ исторія несчастныхъ супруговъ „Labédoyère“, которую помню, хотя не перечитывала съ того времени. Но Плутархъ, казалось, былъ наиболѣе подходящей для меня пищей; я никогда не забуду великаго поста 1763 г. (мнѣ тогда было 9 лѣтъ), когда я понесла его съ собой въ церковь вмѣсто молитвенника. Съ этой минуты возникли впечатлѣнія и идеи, сдѣлавшія изъ меня республиканку, когда я объ этомъ и не помышляла.

Телемакъ и освобожденный Іерусалимъ немного смутили эти величественныя впечатлѣнія. Нѣжный Фенелонъ волновалъ мое сердце, а Тассъ зажегъ воображеніе. Иногда я по просьбѣ моей матери читала вслухъ, чего я не любила; это нарушало сосредоточенность настроенія, въ которомъ я находила наслажденіе и заставляло медленнѣе двигаться впередъ; и я бы скорѣе умерла, чѣмъ бы прочла такимъ образомъ эпизодъ острова Калипсо и много мѣстъ изъ Тасса. У меня дыханіе захватывало, я чувствовала, какъ внезапный огонь набѣгалъ на мое лицо, и мой измѣнившійся голосъ выдалъ бы мое волненіе Я была Эвхарисъ для Телемака и Герминія для Танкреда; но, хотя я и переносилась въ нихъ, я еще не думала о томъ, чтобы самой быть кѣмъ нибудь для кого бы то ни было, это не заставляло меня обращаться къ собственной личности, я ничего не искала вокругъ себя, я была ими и я видѣла лишь тѣ предметы, какіе существовали для нихъ, то былъ сонъ безъ пробужденія. Однако же помню какое меня охватило волненіе при видѣ одного молодого художника по имени, Tabo-

ral, который иногда навѣщалъ моего отца; ему вѣроятно было около 20 лѣтъ, голосъ его былъ кротокъ, лицо нѣжно и онъ также легко краснѣлъ, какъ дѣвушка. Когда я слышала голосъ его въ мастерской, я отправлялась туда за карандашемъ или какимъ-нибудь другимъ предметомъ; но, такъ какъ присутствіе его меня также сильно смущало, какъ и радовало, то я выходила оттуда еще быстрѣе и убѣгала въ свой маленькій кабинетъ, чтобы скрыть въ немъ трепетъ и біеніе своего сердца. Я теперь думаю, что при подобныхъ задаткахъ, бездѣліи и неподходящемъ товариществѣ, воображеніе и молодой человѣкъ могли меня повести далеко.

Произведенія, о которыхъ я только что говорила, смѣнились другими и впечатлѣнія смягчились, нѣсколько вещей Вольтера послужили для меня развлеченіемъ. Я какъ-то разъ читала Кандида, мать моя встала отъ стола, за которымъ играла въ пикетъ съ другой дамой и эта послѣдняя вызвала меня изъ угла комнаты, въ которомъ я сидѣла и попросила показать ей книгу, которую я держала въ рукахъ. Она обратилась къ матери моей, въ эту минуту возвращавшейся въ комнату, и выразила ей свое удивленіе по поводу моего чтенія; моя мать вмѣсто отвѣта категорически приказала мнѣ отнести книгу туда, откуда я ее взяла. Я съ непріязнью взглянула на эту маленькую дамочку съ угрюмымъ лицомъ, беременную на сносѣ, на то, какъ она, важничая, кривлялась, и съ той минуты никогда больше не дарила г-жу Charbonnè своей улыбкой. Но добрая мать моя ни въ чемъ не измѣнила своего необычнаго поведенія и позволяла мнѣ прочитывать все, что я ни находила, дѣлая видъ, будто ничего не видитъ, хотя отлично знала въ чемъ дѣло. Впрочемъ, никогда безнравственныя книги не попадались мнѣ въ руки; я и теперь лишь по заглавію знаю двѣ или три изъ нихъ, и развивавшаяся склонность къ чтенію не подвергла меня искушенію ихъ себѣ добыть.

Мой отецъ любилъ отъ времени до времени дарить мнѣ книги, потому что я ихъ предпочитала всему другому; но такъ какъ онъ имѣлъ притязаніе потворствовать моимъ серьознымъ наклонностямъ, то выборъ ихъ по своей несообразности былъ очень забавенъ: онъ мнѣ, напримѣръ, подарилъ трактатъ Фенелона о воспитаніи дѣвочекъ и сочиненіе Локка о воспитаніи дѣтей; такимъ образомъ воспитанницѣ давали то, что было предназначено для руководства воспитателей. Я впрочемъ думаю, что это вышло очень удачно и что случай мнѣ можетъ быть сослужилъ лучшую службу, нежели бы то сдѣлали обычныя соображенія. Во мнѣ было много зрѣлости; я любила размышлять; я серьозно работала надъ своимъ усовершенствованіемъ, т.-е. изучала свои душевныя движенія, стремилась познать себя; я начинала чувствовать, что передо мной лежитъ назначеніе, для исполненія

котораго я должна была подготовить себя. Религіозныя идеи начали бродить въ моей головѣ и въ скоромъ времени привели къ большому взрыву. Но прежде нежели разсказывать о нихъ нужно упомянуть о томъ, что сталось съ моею латынью. Первыя правила грамматики хорошо уложились въ моей головѣ; я спрягала, склоняла, хотя это и казалось мнѣ довольно скучнымъ; но надежда въ будущемъ умѣть читать на этомъ языкѣ прекрасныя произведенія, о которыхъ я слышала отъ другихъ или о которыхъ чтеніе мое давало мнѣ представленіе, поддерживало энергію въ борьбѣ съ сухостью и трудностями этого предмета чтенія. Но не такъ было съ моимъ „дядечкой", (такъ я называла своего дядю Бимонъ): молодой, добрый малый, лѣнивый и веселый, онъ никогда никого не затруднялъ собой, и не любилъ и себѣ создавать затрудненій; ремесло учителя пѣвчихъ дѣтей ему очень надоѣло, онъ предпочиталъ прогуляться со мной вмѣсто того, чтобы дать урокъ или заставлялъ меня смѣяться и прыгать вмѣсто того, чтобы твердить со мной латинскую грамматику; онъ очень неаккуратно приходилъ къ свой сестрѣ, не соблюдалъ ни часовъ, ни дней и тысяча обстоятельствъ служили поводомъ для отсрочки уроковъ. Между тѣмъ я хотѣла учиться и не любила бросать того, что разъ предпринимала. Было рѣшено, чтобы я ходила къ нему три раза въ недѣлю по утрамъ; но онъ не умѣлъ сдѣлать надъ собою усилія, чтобы сохранить свою свободу и посвятить мнѣ нѣсколько минутъ своего времени; я заставала его то занятаго приходскими дѣлами, то отвлекаемаго дѣтьми, то завтракающаго съ пріятелемъ: я теряла время; подоспѣли ненастные дни и латынь была оставлена. У меня отъ этой попытки остался только какой то инстинктъ или зародышъ пониманія, который позволялъ мнѣ не вполнѣ безсмысленно повторять или читать псалмы въ дни моего благочестія и большая легкость къ изученію языковъ, особенно итальянскаго, которому я выучилась нѣсколько лѣтъ спустя одна и безъ труда.

Отецъ мой не особенно принуждалъ меня рисовать, онъ скорѣе тѣшился моими способностями, нежели старался развить во мнѣ особенный талантъ; я даже поняла изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ словъ, выхваченныхъ изъ разговора его съ моей матерью, что она, какъ женщина осторожная, не желала, чтобы я далеко зашла на этомъ пути. „Я не хочу, чтобы она сдѣлалась художницей; для этого было бы необходимо посѣщеніе общихъ классовъ и образованіе связей, которыя для насъ не годятся". Начали меня учить гравировальному искусству. Мнѣ все было хорошо; я научилась владѣть рѣзцомъ и скоро преодолѣла первыя трудности. Въ дни именинъ кого-либо изъ моихъ бабушекъ или дѣдушекъ мы торжественно ходили ихъ поздравлять и я имъ всегда приносила въ подарокъ или хорошенькую головку, ко-

торую я старательно рисовала къ этому дню, или чистенькую, маленькую мѣдную пластиночку, на которой я гравировала букетъ или поздравленіе, аккуратно написанное въ стихахъ, сочиненныхъ для меня „M. Doucet“. Взамѣнъ я получала или альманахи, которые меня чрезвычайно занимали, или какіе-либо предметы для моего личнаго употребленія, большею частью что-нибудь изъ нарядовъ, которые любила. Моя мать находила въ нихъ удовольствіе ради меня; сама она одѣвалась просто и часто даже небрежно; но дочь ея была ея куклой, и я въ дѣтствѣ своемъ была одѣта нарядно, даже богато, какъ казалось, выше моего состоянія. Молодыя дѣвушки въ то время носили то, что называли „corps de robe“: это были платья, сшитыя по фасону придворныхъ нарядовъ, обтянутыя въ тальѣ, которую они хорошо обрисовывали, широкія внизу, съ длиннымъ шлейфомъ, волочащемся по землѣ и отдѣланномъ различными лоскутками, смотря по вкусу или модѣ. Платья мнѣ дѣлали изъ красивыхъ шелковыхъ матерій, мелкаго рисунка, скромнаго цвѣта, но по качеству и цѣнѣ такія же, какъ нарядныя платья моей матери. Туалетъ, конечно, мнѣ доставлялъ нѣкоторыя непріятности, такъ какъ мнѣ часто завивали волосы папильотками, горячими щипцами, всѣми смѣшными и варварскими снарядами, какіе употреблялись въ то время; голова моя была чрезвычайно чувствительна и дерганіе, которое приходилось выносить, было такъ болѣзненно, что нарядная прическа всегда заставляла меня проливать слезы, вызванныя болью, хотя онѣ и не сопровождались жалобами.

Мнѣ представляется, что я слышу, какъ меня спрашиваютъ— для чьихъ глазъ были предназначены эти наряды при той затворнической жизни, какую я вела? Тѣ, которые предложатъ этотъ вопросъ, должны помнить, что я два раза въ недѣлю выходила изъ дому; и, еслибъ имъ были извѣстны нравы тѣхъ, кого называли парижскими буржуа моего времени, они узнали бы, что тысячи изъ этихъ буржуа тратили довольно много на наряды исключительно для того, чтобы въ воскресенье явиться на нѣсколько часовъ въ Тюльери; для ихъ женъ къ этому присоединялись еще церковь и удовольствіе медленно пройтись по кварталу на глазахъ у сосѣдей. Прибавьте къ этому семейные визиты въ великіе дни большихъ праздниковъ и Новаго года, свадьбу, крестины—и вы убѣдитесь, что было достаточно случаевъ для проявленія тщеславія. Впрочемъ, легко замѣтить присутствіе мелкихъ контрастовъ въ моемъ воспитаніи. Маленькая особа, появлявшаяся по воскресеньямъ въ церкви и на прогулкѣ въ такомъ нарядѣ, что можно было предположить, будто она вышла изъ кареты, и наружности которой вполнѣ соотвѣтствовали манеры и разговоръ, исправно ходила въ будни на рынокъ со своей матерью въ дѣтскомъ холщевомъ платьицѣ; она

даже выходила изъ дома одна, чтобы на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ купить забытые кухаркой петрушку или салатъ. Нужно признаться, что мнѣ это не очень нравилось, но я этого не показывала и умѣла исполнять порученія, извлекая изъ нихъ удовольствіе. Я проявляла при этомъ такую вѣжливость, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ достоинствомъ, что зеленщицѣ или другимъ лицамъ подобнаго рода доставляло удовольствіе удовлетворять моимъ требованіямъ ранѣе всѣхъ, а прибывшіе до меня покупатели вполнѣ одобряли это; я всегда при этомъ получала мимоходомъ какой-нибудь комплиментъ, послѣ котораго становилась еще учтивѣе. Ребенокъ этотъ, читавшій серьозныя книги, умѣлъ отлично показывать круги небесной сферы, владѣлъ карандашемъ и рѣзцомъ и 8-ми лѣтъ оказался лучшей танцовщицей среди молодыхъ особъ, собравшихся на маленькомъ семейномъ праздникѣ (хотя она была младшей между ними); этотъ ребенокъ зачастую призывался на кухню, гдѣ онъ готовилъ яичницы, чистилъ зелень или снималъ пѣну съ супа. Эта смѣсь серьезныхъ занятій, пріятныхъ упражненій и опредѣленныхъ домашнихъ обязанностей, приправленныхъ мудростью моей матери, сдѣлала меня годной на все, должна была, казалось, предотвратить превратности моей судьбы и дала мнѣ силу ихъ перенести. Я всюду на мѣстѣ, я также скоро съумѣла бы себѣ состряпать супъ, какъ Филопеменъ рубилъ дрова; но никому при взглядѣ на меня не пришло бы въ голову, что это была работа, которую нужно было возложить на меня. Изъ того, что я до сихъ поръ разсказала, можно было убѣдиться, что мать моя не относилась небрежно къ тому, что называютъ религіей. Она была набожна, хотя и не была ханжой, она вѣрила или старалась вѣрить и сообразовала свое поведеніе съ правилами церкви, исполненная добросовѣстности и скромности человѣка, который, воспринявъ въ себя великіе принципы въ силу сердечной потребности, не желаетъ придираться къ мелочамъ. Благоговѣніе, съ которымъ мнѣ были даны первыя понятія о религіи, расположили меня къ внимательному ихъ принятію; они должны были произвести глубокое впечатлѣніе на живое воображеніе; и несмотря на смятеніе, въ какой меня иногда повергалъ зарождающійся разумъ, зароняя сомнѣніе относительно превращенія дьявола въ змія и заставляя меня находить Бога жестокимъ за то, что онъ это допустилъ, я кончала тѣмъ, что вѣрила и поклонялась Ему.

Я конфирмовалась въ сосредоточенномъ настроеніи человѣка, умѣющаго взвѣшивать значеніе своихъ поступковъ и вдумываться въ свои обязанности: шли разговоры о томъ, чтобы приготовить меня къ первому причастію; я чувствовала себя исполненной священнаго трепета. Я читала молитвенныя книги и ощущала потребность погру-

зиться въ размышленіе объ этихъ великихъ вопросахъ вѣчнаго счастья и несчастья; всѣ мои мысли незамѣтно направлялись къ этому предмету.

Одно обстоятельство, имѣвшее слишкомъ значительное вліяніе на мой умъ, чтобы я о немъ умолчала, примѣшалось къ моему безпокойству и заставило меня принять смѣлое рѣшеніе.

Меня немного смущаетъ то, что я должна здѣсь разсказать, потому что, съ одной стороны, я хочу, чтобы произведеніе мое было цѣломудреннымъ, такъ какъ сама я не перестала быть таковой, съ другой стороны то, что я должна сказать, не слишкомъ цѣломудренно.

Расположеніе комнатъ позволяло мнѣ свободно входить въ мастерскую моего отца, и хотя мои привычки и желаніе моей матери держали меня вдали отъ нея, мнѣ иногда приходилось входить туда; я ходила показывать свою работу отцу своему, возвращалась на мѣсто или брала образцы рисунковъ, которыми я пользовалась сообща съ его учениками, подавала точить свои рѣзцы—работа незначительная, но требующая нѣкоторой силы въ кисти руки и которую я находила непріятной, потому что она была грязной. Среди учениковъ отца, самый младшій, мальчикъ лѣтъ 15 или 16, тотъ изъ нихъ, который могъ съ наименьшимъ неудобствомъ отвлекаться отъ занятій, болѣе всѣхъ старался оказывать мнѣ маленькія услуги, которыя я вѣжливо принимала. Его родители не жили въ Парижѣ, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ его возрастомъ, были причиной тому, что мать моя была съ нимъ ласкова. Иногда, въ длинные зимніе, воскресные вечера, она приглашала его къ намъ, чтобы для него не было непріятно рано возвращаться домой и онъ не подвергся опасности посѣщать дурное общество. Слѣдствіемъ этого было то, что я считала его менѣе чужимъ, чѣмъ другихъ, и чувствовала съ нимъ непринужденность и близость, которыя вполнѣ приличны невинности и однако очень опасны для нея. Я такимъ образомъ не боялась входить въ мастерскую, когда мнѣ нужно было туда идти, даже тогда, когда онъ бывалъ тамъ одинъ, чего я не рѣшилась бы сдѣлать съ кѣмъ бы то ни было другимъ въ отсутствіи отца. Моя мать ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ, присматривала часто за своей кухаркой и не всегда замѣчала, когда я входила въ мастерскую. Однажды вечеромъ, когда я въ нее отправилась за какой то вещью и молодой человѣкъ, повидимому, работалъ одинъ при лампѣ, я подошла, чтобы получить то, что просила; онъ взялъ мою руку, какъ бы играя и, притянувъ ее подъ станокъ, близь котораго находился, онъ дотронулся ею до чего то очень необыкновеннаго. Я вскрикнула, стараясь высвободить руку; онъ засмѣялся, не выпуская ея и тихо воскликнулъ: „Но замолчите же! Чего вы боитесь? Какое безразсудство! Развѣ вы меня не знаете? Я не дурной чело-

вѣкъ. Вы заставите прійти сюда вашу мать, которая выбранитъ меня за вашъ испугъ, между, тѣмъ, какъ я васъ научилъ бы тому, что она сама прекрасно знаетъ". Взволнованная, но смущенная, я просила, чтобы онъ выпустилъ мою руку и хотѣла уйти; онъ позволилъ мнѣ отдернуть мою руку, но продолжалъ ее держать въ своей и, полуобернувшись на своемъ сидѣніи, показалъ мнѣ предметъ моего страха. Я отвернула голову: „Право, сударь, это возмутительно!" И я вырывалась, чтобы убѣжать.—„Ну, сударыня, успокойтесь. Мнѣ жаль, что я васъ огорчилъ, простите меня, не говорите ничего, я не хотѣлъ васъ разсердить. Неужели дурно показывать то, что изображаютъ ежедневно на рисункахъ? Но я васъ не держу, и простите меня".—„Ахъ, Боже мой, я ничего не скажу, отпустите меня". Онъ высвободилъ мою руку изъ своей, и я убѣжала. Я скрылась въ свою комнатку вся взволнованная. Я еле успѣла войти туда, какъ услышала голосъ матери, которая звала меня; я была встревожена, мнѣ нужно было подумать, но приходилось идти. Я, вся запыхавшись, прибѣжала въ комнату матери. „Что съ тобой, дитя мое? какъ ты блѣдна!"—„Не знаю...мнѣ нужно выпить стаканъ воды".—„Что ты чувствуешь?"—„Ничего, кромѣ маленькаго недомоганія". Мои ноги подкашивались подо мной; я выпила стаканъ воды и пришла въ себя, успокоила мать; спросила о порученіи, которое она хотѣла мнѣ дать, и овладѣла собой. Мнѣ стоило большого труда разобраться въ томъ впечатлѣніи, которое оставила во мнѣ эта сцена; всякій разъ, какъ я хотѣла объ этомъ думать, какое то гнетущее безпокойство дѣлало для меня тягостнымъ размышленіе объ этомъ предметѣ. Что онъ мнѣ, наконецъ, сдѣлалъ дурного? Ничего. Стоитъ ли говорить объ этомъ? Уже одно затрудненіе, чтобы знать, какъ за это взяться, меня бы отъ этого удержало. Должна ли я была сердиться на него? Это казалось сомнительнымъ. И потомъ сравненіе съ рисунками мнѣ представлялось невѣрнымъ, это меня удивляло; къ этому примѣшалось любопытство, и эти мелкія заботы разсѣивали мое дурное настроеніе. Я нѣсколько дней не входила въ мастерскую. Я правда видѣла молодого человѣка за столомъ, гдѣ онъ также, какъ двое другихъ, обѣдалъ у моего отца, но ни что въ моемъ поведеніи не могло бы усугубить патріархальной торжественности, всегда царившей тамъ. Молодой человѣкъ въ своемъ нетерпѣніи съумѣлъ меня подстеречь и застать одну на кухнѣ. „Вы сердитесь на меня?"—„Конечно".—„Но я ничего не сдѣлалъ дурного".—„Вы сдѣлали гадость".—„Вовсе нѣтъ: ваша мать играетъ же такъ съ вашимъ папой и не боится".—„Фу! это неправда, это слишкомъ скверно".—„Клянусь вамъ, что я въ этомъ увѣренъ, но они иначе за это берутся; я бы вамъ это разсказалъ, еслибы вы захотѣли".—„Я не хочу этого знать, оставьте меня въ по-

кой“.—„Я вамъ этого не скажу; но вы не будете сердиться; вы не будете бояться входить въ мастерскую, гдѣ васъ ужъ больше не видно; вы туда придете еще, неправда-ли“?—„Да, да, прощайте“!—И я убѣжала.

Я часто вспоминала о той роли, которую приписали моей матери; въ матери моей было нѣчто столь величественное, что я въ своемъ воображеніи могла себѣ ее представить лишь поступающей такъ, какъ можно дѣлать на глазахъ у всѣхъ. Увѣренность утвержденія меня удивляла; это мнѣ напомнило про непонятныя для меня вещи, которыя мой отецъ иногда въ шутку говорилъ ей и очень смѣялся, причемъ она всегда съ недовольнымъ видомъ останавливала его, говоря „молчите же г-нъ Флипонъ“. Мнѣ очень хотѣлось знать то, что тотъ мнѣ хотѣлъ разсказать; мнѣ бы хотѣлось услышать объ этомъ, но такъ, чтобы онъ не мнѣ объ этомъ сказалъ, и міръ начиналъ мнѣ казаться очень страннымъ. Я иногда ходила въ мастерскую, какъ обыкновенно, чтобы въ ней поговорить съ моимъ отцемъ, или чтобы взять въ ней то, что мнѣ было нужно, былъ ли онъ тамъ или нѣтъ. Мало-по-малу мой страхъ совсѣмъ разсѣялся. Молодой человѣкъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сказать мнѣ объ этомъ нѣсколько словъ, какъ о смѣшномъ ребячествѣ, надъ которымъ ему удалось и меня заставить посмѣяться, и изъ этого воспослѣдовала лишь нѣсколько бóльшая короткость, въ родѣ той, какая устанавливается между двумя людьми, которые другъ другу сказали какимъ бы то ни было способомъ то, о чемъ они не говорили никому другому. Разъ какъ-то, когда мой отецъ меня заставилъ поработать нѣсколько минутъ около себя и былъ внезапно вызванъ изъ комнаты, я собиралась выйти вслѣдъ за нимъ изъ мастерской, когда какая то музыка загремѣла на „Pont Neuf“, близъ котораго былъ расположенъ домъ въ которомъ мы жили на „Quai de l'Horloge“, во второмъ этажѣ. Я подняла голову и влѣзла на табуретку, потому что мой маленькій ростъ и высота окна не позволяли мнѣ хорошо видѣть иначе. „Влѣзьте на край станка, сказалъ молодой человѣкъ, помогая мнѣ это сдѣлать. Остальные ученики вышли, чтобы посмотрѣть на то, что происходило; онъ стоялъ позади меня и когда я собиралась слѣзть, онъ взялъ меня подъ мышки; схвативъ меня, прижалъ къ себѣ такимъ образомъ, что мои юбки приподнялись и что я почти въ тоже мгновеніе оказалась посаженной на его колѣни, такъ какъ онъ въ тоже время усѣлся на сидѣніе и я почувствовала позади себя тотъ необыкновенный предметъ. „Но, сударь, пустите же меня.—Какъ! Вы еще боитесь? Я вамъ не дѣлаю ничего дурного,—Но, я хочу уйти; мое платье....—Ну что-жъ ваше платье, я его поправлю“. Онъ дерзкой рукой коснулся того, куда ничто не достигало и старался сдѣлать ее

ласковой. Я хотѣла вырваться; и, пытаясь оттолкнуть его руки, перемѣнить положеніе, я соскользнула и бросила взглядъ на его лицо; оно меня ужаснуло. Глаза казалось, выступали изъ головы; его ноздри были расширены; я чуть не лишилась чувствъ. Онъ замѣтилъ это ощущеніе, и такъ какъ его припадокъ, вѣроятно, окончился, онъ принялъ ласковый видъ и употребилъ всѣ старанія, чтобы успокоить меня, не желая выпустить меня раньше, чѣмъ это ему не удалось. Онъ наконецъ достигъ этого; но вмѣсто того чтобы этимъ посягательствомъ увеличить мое любопытство, онъ возбудилъ къ себѣ отвращеніе своей дерзостью. Я съ тѣхъ поръ относилась къ нему съ непріязнью; его присутствіе меня оскорбляло; я стала безпокойна и грустна; я считала себя обиженной; я хотѣла все разсказать своей матери; я была испугана и смущена. Она замѣтила мою грусть и при ея первомъ вопросѣ о причинѣ моей грусти, я ей разсказала все что произошло.

Волненіе моей матери и ея испуганный видъ поразили меня. Приведенная въ отчаяніе при мысли о томъ, какъ близка она была къ потери плодовъ всѣхъ своихъ заботъ, можетъ быть опасаясь, что я скрыла отъ нея что либо, она меня забрасывала тысячью запутанныхъ вопросовъ, чтобы не сказать мнѣ больше того, что я знала и чтобы удостовѣрится въ томъ, что я не знала ничего болѣе. Я не имѣла ничего сказать сверхъ того, что только что было прочитано. Она очень ловко воспользовалась отвращеніемъ, которое я испытала благодаря своей молодости и естественной стыдливости, чтобы усилить это отвращеніе и стыдливость до крайней степени; она такими страшными красками обрисовала мой проступокъ и то, что я могла умолчать о первомъ оскорбленіи молодого человѣка и счесть это пустой вещью, что я посмотрѣла на себя какъ на погибшую. Религія, добродѣтель, честь, доброе имя—она прибѣгла ко всему съ горячностью взволнованной души, съ нѣжностью материнскаго сердца, и такого сердце, какъ ея, чтобы создать изъ опасностей, которымъ я подвергалась, самое вѣрное предохранительное средство, которое только можно было мнѣ дать.

Я не знаю имѣла ли она намѣреніе довести вещи до крайности или моя чувствительность меня привела дальше, чѣмъ она могла предположить, но я искренно увѣрила себя, что я была величайшей преступницей въ мірѣ, и не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока мать моя не повела меня на исповѣдь, куда она меня, начиная съ 7-ми лѣтняго возраста, водила по два или три раза въ годъ. Мнѣ казалось ужаснымъ, что я должна была разсказать подобную вещь, но, такъ какъ это было средствомъ искупленія, приходилось имъ пользоваться и мужество, необходимое для того, чтобы на это рѣшиться, заставляло меня ощущать утѣшительную силу. Я такимъ образомъ

стала покаянницей, прежде чѣмъ сдѣлалась грѣшницей. Съ той минуты религіозныя мысли овладѣли мной; царство чувства, наступленіе котораго ускорилось благодаря ихъ содѣйствію, для меня, уже безъ того по природѣ преждевременно развившейся, открылось любовью къ Богу, которая божественнымъ опьяненіемъ украсила и оберегала первые года моего отрочества, а послѣдующіе предоставила философіи и должна была, повидимому, охранить меня навсегда отъ бурь страстей, среди которыхъ я съ мощью атлета едва спасаюсь въ зрѣломъ возрастѣ.

Набожность, въ которую я впала, меня необыкновенно измѣнила, я сдѣлалась глубоко смиренной и невыразимо застѣнчивой; я смотрѣла на мужчинъ съ какимъ то страхомъ, который усилился, когда нѣкоторые изъ нихъ мнѣ показались привлекательными. Я наблюдала за своими мыслями съ чрезвычайной строгостью; малѣйшій образъ, который могъ возникнуть въ моемъ умѣ, даже смутно, мнѣ представлялся преступленіемъ. Я въ себѣ выработала привычку такой сдержанности, что читая въ шестьнадцать лѣтъ естественную исторію Бюффона и не бывши уже набожной, я пропускала не читая то, что касалось происхожденія человѣка, и я скользила по относящимся къ этому предмету картинамъ съ быстротой и дрожью человѣка, увидавшаго пропасть. Я наконецъ вышла замужъ лишь 25 лѣтъ и съ такой душой, какъ то можно предполагать, пламенной чувственностью, большими познаніями относительно различныхъ предметовъ я такъ хорошо съумѣла уклониться отъ увеличенія тѣхъ познаній, которыя начались столь преждевременно, что событія брачной ночи мнѣ показались столь же неожиданными, какъ и непріятными.

Выслушавъ мое горестное признаніе, моя мать не преминула спросить меня—любила-ли я молодого человѣка и встрѣчалась-ли съ нимъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ съ другими. „Напротивъ, для меня теперь мука идти къ обѣду, такъ какъ я тамъ вижу его.— Ты, слѣдовательно, была бы очень довольна не встрѣчаться съ нимъ болѣе?—„Конечно." Съ того же дня моя мать подъ предлогомъ необходимости устроить новый порядокъ дня ради моихъ занятій и уроковъ одного изъ моихъ учителей, который она перенесла на другой часъ, установила, чтобы мы обѣдали вдвоемъ однѣ въ ея комнатѣ и велѣла по обыкновенію подавать обѣдъ моему отцу съ его учениками. Это было большимъ облегченіемъ для меня и заставило еще сильнѣе полюбить мою превосходную мать. Это распоряженіе было въ силѣ, пока я жила дома и до той поры, пока не кончилось обязательство, связывавшее моего отца съ его ученикомъ, котораго онъ не могъ отправить безъ огласки, между тѣмъ какъ послѣднюю было благоразумнѣе избѣжать.

Я съ тѣхъ поръ еще только разъ видѣла этого молодого человѣка по одному поводу, о которомъ сейчасъ разскажу, и я столько же боялась встрѣтиться съ нимъ, какъ ненавидѣла, когда произносили его имя. Семь или восемь лѣтъ спустя, онъ женился и получилъ довольно выгодное мѣсто. Онъ поручилъ попросить у моей матери позволенія представить ей свою жену. Она дала на то свое согласіе. Я присутствовала при визитѣ, который былъ коротокъ; онъ обратился ко мнѣ съ чѣмъ то въ родѣ комплимента въ почтительныхъ выраженіяхъ, которыя говорили объ его желаніи, чтобы о немъ не думали худо. Онъ, вѣроятно, еще живъ, отецъ семейства по всей вѣроятности, и это причина почему я его не называю по имени. Впечатлѣніе того, что произошло, сохранялось во мнѣ съ такой силой, что даже въ возрастѣ просвѣщенія и разума я вспоминала о немъ лишь съ болью; что я о немъ не проронила ни слова подругѣ, пользовавшейся моимъ полнымъ довѣріемъ и никогда о немъ не упоминала моему мужу, отъ котораго я скрывала весьма немногое, и что мнѣ пришлось сдѣлать даже въ настоящую минуту такое усиліе надъ собой, чтобы написать о немъ, какое пришлось сдѣлать Руссо, чтобы записать исторію его украденной ленты, съ которою моя исторія однако не можетъ сравниться.

Остановимся здѣсь на одно мгновеніе и пусть матери со страхомъ подумаютъ о крайней бдительности, которую они обязаны проявлять. Все злоумышляетъ противъ ввѣренныхъ имъ нѣжныхъ сокровищъ, и сохраненіе ихъ неприкосновенности возможно лишь при рѣдкой осторожности. Вѣтренность дѣтства или преждевременныя внушенія природы, невѣдѣніе или склонность, самая простота невинности подвергаютъ застѣнчивый полъ, начиная съ отрочества, легкомысленной страстности, порчи столь обычной, опаснымъ соблазнамъ и смѣлымъ посягательствамъ другого пола порывистаго и всегда грубаго, если только счастливое воспитаніе не выработало въ немъ строгихъ нравовъ и не внушило бо́льшей деликатности. Неизбѣжность опасностей можетъ быть поколеблена лишь съ помощью большого довѣрія молодой дѣвушки къ воспитательницѣ, которая должна ее охранять. Искусство возбудить это довѣріе чрезвычайно рѣдко, потому что оно трудно и можетъ быть потому, что не всѣ характеры подчиняются его вліянію. Но его основныя правила всегда сводятся къ примѣру, который внушаетъ уваженіе, потому что онъ подтверждаетъ принципы, къ искреннему и просвѣщенному желанію счастья личности, которую нужно образовать; наконецъ, къ той любви, исключающей капризы и раздраженіе, которую ничто неспособно замѣнить.

Моя жизнь болѣе уединенная, нежели раньше, вскорѣ показалась мнѣ еще слишкомъ свѣтской для приготовленія къ первому причастію. Это великое дѣло, вліяніе котораго на спасеніе души должно быть

столь значительно—поглощало собой всѣ мои помыслы. Я полюбила церковную службу, ея торжественность производила на меня впечатлѣніе. я съ жадностью читала толкованія церковныхъ службъ; я проникалась ихъ мистическимъ смысломъ; я ежедневно перелистывала свои фоліанты житій святыхъ, и вздыхала о тѣхъ временахъ, когда гоненіе язычниковъ доставляло вѣнецъ мученичества великодушнымъ христіанамъ. Я серьезно думала о перемѣнѣ своего образа жизни и послѣ глубокихъ размышленій приняла рѣшеніе. До тѣхъ поръ одна мысль о разлукѣ съ моею матерью заставляла меня проливать потоки слезъ и если кто въ шутку хотѣлъ омрачить мое лицо, чрезвычайно выразительное отъ крайней чувствительности—меня дразнили монастырями и полезностью для молодыхъ дѣвицъ проводить въ нихъ нѣкоторое время. Но чего только человѣкъ не долженъ принести въ жертву Господу? Я лелѣяла созданныя пылкимъ моимъ воображеніемъ величественныя и романтическія мысли о монастырѣ, объ его уединеніи и безмолвіи. Чѣмъ пребываніе въ немъ было торжественнѣе, тѣмъ болѣе оно подходило къ настроенію моей растроганной души. Какъ-то разъ вечеромъ, оставшись одна послѣ ужина съ матерью и отцомъ, я упала передъ ними на колѣни; слезы мои полились и не дали мнѣ говорить; удивленные, встревоженные они спросили меня о причинѣ такого страннаго порыва. „Я хочу васъ попросить,—сказала я, рыдая,—объ одной вещи, разрывающей мое сердце, но которую отъ меня требуетъ моя совѣсть: помѣстите меня въ монастырь“. Они подняли меня; добрая моя мать взволновалась, она бы трепетала отъ страха, еслибы не то, что не имѣла повода бояться чего-либо, такъ какъ за послѣднее время не оставляла меня ни на минуту одну. Меня спросили о причинѣ возникновенія этого намѣренія, замѣтивъ при этомъ, что до сихъ поръ не отказывали мнѣ въ благоразумныхъ моихъ требованіяхъ; я сказала, что оно вызвано желаніемъ приготовиться къ первому причастію среди подобающаго уединенія. Мой отецъ похвалилъ меня за рвеніе и прибавилъ, что желаетъ мнѣ прійти на помощь. Начали совѣщаться о выборѣ монастыря; моя семья не имѣла сношеній ни съ однимъ изъ нихъ: вспомнили, что мой учитель музыки какъ-то упоминалъ о монастырѣ, гдѣ онъ давалъ уроки молодымъ дѣвушкамъ и рѣшили навести справки. Въ результатѣ оказалось, что заведеніе это было вполнѣ прилично, порядки въ немъ не суровы, вслѣдствіе чего монахини были извѣстны тѣмъ, что не предавались крайностямъ и лицемѣрію, отличающимъ большинство изъ нихъ; къ тому же онѣ по профессіи своей были воспитательницами юношества, онѣ содержали школы для приходящихъ или дѣтей изъ простого народа, которыхъ онѣ обучали даромъ для исполненія обѣтовъ и ко-

торыя занимались въ залѣ, предназначенной для нихъ; онѣ имѣли еще отдѣльный пансіонъ для молодыхъ дѣвушекъ, ввѣренныхъ имъ для воспитанія. Мать моя предприняла всѣ необходимые шаги, свела меня къ бабушкамъ и дѣдушкамъ для объявленія имъ моего рѣшенія, которое было одобрено, и затѣмъ свела меня къ монахинямъ конгрегаціи на улицу „Neuve-Saint-Étienne", въ предмѣстіи „Saint-Marcel", очень недалеко отъ того мѣста, гдѣ я нынѣ заключена. Какъ крѣпко я сжимала въ своихъ объятіяхъ эту дорогую мать въ минуту первой разлуки съ нею! Я задыхалась, я была страшно взволнована! Но я повиновалась голосу свыше и прошла черезъ порогъ монастырской ограды со слезами, принося Богу величайшую жертву, какую только могла. Это было 7 мая 1765 г.; мнѣ тогда было 11 лѣтъ и 2 мѣсяца.

Какъ теперь вспомнить и описать изъ глубины тюрьмы, среди политическихъ переворотовъ, потрясающихъ мою родину и увлекающихъ за собой все, что мнѣ было дорого, то безмятежное, блаженное время? Какая свѣжесть кисти нужна для того, чтобы передать сладкія волненія молодого сердца, чувствительнаго и нѣжнаго, исполненнаго жажды счастья, начинающаго чувствовать природу и видящаго кругомъ себя одно Божество! Первая ночь въ монастырѣ была тревожна: я уже не находилась подъ родительскимъ кровомъ; я чувствовала себя далекой отъ доброй матери, которая навѣрно съ умиленіемъ думала обо мнѣ; слабый свѣтъ освѣщалъ комнату, въ которую меня положили съ четырьмя другими дѣтьми моего возраста: я тихонько встала и подошла къ окну; садъ, въ который оно выходило, былъ освѣщенъ лучами луны. Глубокая тишина царила кругомъ; я точно вслушивалась въ нее, проникнутая какимъ-то благоговѣніемъ; большія деревья бросали тамъ и сямъ свою гигантскую тѣнь, и обѣщали вѣрное убѣжище для тихихъ размышленій; я подняла глаза къ небу, оно было ясно и безмятежно; мнѣ представилось, что я ощутила присутствіе Божества, съ улыбкой принимавшаго мою жертву и ниспосылавшаго мнѣ уже награду въ утѣшительномъ мирѣ небеснаго жилища: сладкія слезы тихо текли по моему лицу; я повторила свой обѣтъ въ порывѣ священнаго восторга и заснула сномъ праведныхъ.

Я пріѣхала вечеромъ и еще не видала всѣхъ своихъ подругъ, ихъ было тридцать четыре; онѣ были соединены въ одинъ классъ въ возрастѣ отъ 6 до 17 или 18 лѣтъ, но ихъ разсаживали за двумя различными столами во время ѣды, и въ теченіе дня изъ нихъ составлялось для занятій какъ бы два отдѣленія. Серьезность, которою была проникнута моя маленькая особа, съ перваго взгляда заставила присоединить меня къ наиболѣе взрослымъ ученицамъ, меня посадили двѣнадцатой за ихъ столомъ и я была младшей среди нихъ. Вѣжли-

вость, къ которой меня пріучила моя мать, степенный видъ вошедшій у меня въ привычку, кроткій и правильный способъ выраженій, ни въ чемъ не походили на шумное легкомысліе этой рѣзвой молодежи. Дѣти обратились ко мнѣ съ нѣкоторымъ довѣріемъ, потому что я никогда не отталкивала ихъ отъ себя, взрослыя дѣвушки относились ко мнѣ съ нѣкоторымъ вниманіемъ, потому что сдержанность не заставляла меня быть не услужливой съ ними и вызвала похвалу учительницъ. При томъ воспитаніи, какое я получила, ничего не было удивительнаго въ томъ, что я оказалась болѣе образованной, нежели всѣ, даже старшія, мои подруги.

Монахини рѣшили, что, такъ какъ я жила у нихъ, онѣ могли себѣ приписать честь моего воспитанія, не утруждая себя заботами о дальнѣйшемъ его продолженіи. Я уже знала или мнѣ очень легко давалось то, чему онѣ учили; я сдѣлалась любимицей всѣхъ монахинь; онѣ наперерывъ, другъ передъ другомъ, ласкали меня и хвалили. Та, которой были поручены уроки чистописанія пансіонерокъ, была женщина семидесяти лѣтъ, постригшаяся въ монахини въ пятьдесятъ, подъ вліяніемъ горя или несчастій; она получила хорошее образованіе и обладала кромѣ этого преимущества всѣмъ, что только даютъ знаніе и умѣніе обращаться въ свѣтѣ. Она считала себя образованной; у нея сохранился прекрасный почеркъ, она дѣлала великолѣпныя вышивки, давала хорошіе уроки орѳографіи и имѣла нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи. Ея небольшой ростъ, даже возрастъ ея и нѣкоторая доля педантизма подавали маленькимъ шалуньямъ, которыхъ она хотѣла учить, поводъ не относиться къ „матери св. Софіи" съ уваженіемъ, котораго она заслуживала; и если память мнѣ не измѣняетъ, то зависть милыхъ сестеръ, которыя не обладая ея талантами, рады были выдвинуть ея смѣшныя стороны, не мало этому способствовала. Эта добрая дѣвушка вскорѣ привязалась ко мнѣ за любовь мою къ ученію; послѣ общаго урока въ классѣ, она занималась со мной отдѣльно, заставляла меня учить грамматику, дѣлать выписки по исторіи, давала уроки географіи; она даже испросила позволеніе уводить меня къ себѣ въ келью, гдѣ я ей читала вслухъ. Изъ всѣхъ учителей со мной продолжалъ заниматься лишь учитель музыки, я ходила къ нему на уроки въ пріемную съ двумя подругами и подъ наблюденіемъ одной монахини; а для уроковъ рисованія мнѣ дали учительницу, имѣвшую доступъ внутри стѣнъ монастыря. Правильное распредѣленіе чрезвычайно наполненной жизни, протекавшей среди разнообразныхъ занятій, очень подошло къ моему дѣятельному характеру и природной склонности къ порядку и труду; я была изъ первыхъ во всемъ и имѣла еще свободное время, такъ какъ была прилежной и не теряла ни одной минуты.

Въ часы прогулокъ или рекреацій я не умѣла бѣгать и шутить съ толпой; я искала уединенія подъ какими-нибудь деревьями, гдѣ читала или предавалась своимъ мечтамъ. Какъ живо я ощущала красоту листвы, дуновеніе вѣтерка, благоуханіе цвѣтовъ! Я всюду видѣла перстъ Провидѣнія, ощущала присутствіе его благодѣтельныхъ заботъ, я любовалась его твореніями; проникнутая благодарностью, я ходила поклоняться ему въ церковь, гдѣ величественные звуки органа, сливавшіеся съ трогательными голосами молодыхъ монахинь, пѣвшихъ церковные гимны, переполняли мое сердце экстазомъ. Сверхъ обѣдни, куда каждое утро водили всѣхъ пансіонерокъ, въ послѣ полуденные часы буденъ было назначено по получасу, посвященному молитвенному созерцанію; сюда допускались лишь казавшіяся способными предаваться этому созерцанію или способныя сосредоточиться въ этотъ промежутокъ времени на духовномъ чтеніи. Мнѣ даже не пришлось испрашивать для себя этой милости, дарованіемъ которой меня поспѣшили вознаградить за рвеніе; но я горячо просила о допущеніи меня къ первому причастію въ день ближайшаго церковнаго праздничества; это было Успеніе. Хотя оно было очень недалеко отъ дня моего поступленія въ монастырь, милость эта была мнѣ дарована съ единодушнаго согласія старшихъ сестеръ и духовника. Этотъ послѣдній былъ человѣкомъ здороваго смысла, монахъ ордена Св. Виктора, гдѣ онъ исполнялъ должность приходскаго священника; онъ принялъ на себя обязанность исповѣдника пансіонерокъ конгрегаціи и былъ очень для того подходящимъ, благодаря возрасту своему, переходившему за 50 лѣтъ, умѣренному характеру и здравому уму, смягчавшему строгость его нравовъ и обращенія. Когда меня ввѣрили его попеченію, мой приходской священникъ г. Garat потрудился лично явиться въ монастырь, чтобы сдать свою маленькую духовную дочь въ руки своего собрата; ихъ свиданіе произошло въ пріемной въ моемъ присутствіи, они говорили на латинскомъ языкѣ, который я не вполнѣ понимала, но я разобрала нѣсколько похвальныхъ для себя словъ. Такія слова никогда не ускользаютъ отъ дѣвушки, какъ бы она ни была молода и на какомъ бы языкѣ они ни произносились. Я много выиграла отъ перемѣны: Garat былъ лишь педантомъ, въ которомъ я чтила судью духовнаго; Викторіанецъ былъ человѣкомъ справедливымъ, просвѣщеннымъ, направлявшимъ мои благочестивыя стремленія на все, что есть возвышеннаго въ морали, и умѣвшимъ силой своей религіи развивать въ людяхъ начала добра, безъ примѣси смѣшного мистицизма. Я его любила, какъ отца, и въ теченіе трехъ лѣтъ, которые онъ еще жилъ послѣ моего выхода изъ монастыря, я приходила въ церковь Св. Виктора издалека наканунѣ большихъ праздниковъ, чтобы исповѣдываться у него.

Нужно сознаться, что католическая религія, мало подходящая для здраваго разсудка, просвѣщеннаго познаніями и подчиняющаго предметъ своей вѣры законамъ разума, способна плѣнять воображеніе, потрясая его великимъ и ужаснымъ и заполоняя чувство таинственными обрядами, то нѣжными, то меланхоличными Вѣчность, неизмѣнно стоящая передъ умами ея послѣдователей, призываетъ ихъ къ созерцанію. Она дѣлаетъ изъ нихъ строгихъ цѣнителей добра и зла, тогда какъ ежедневныя упражненія въ набожности, величественные обряды даютъ отдыхъ напряженію и поддерживаютъ его, представляя изъ себя удобныя подспорья для неуклоннаго слѣдованія къ намѣченной цѣли. Женщины отлично умѣютъ оживлять эти обряды, окружать эти церемоніи всѣмъ, что способно придать имъ прелесть или блескъ, и монахини особенно отличались въ этомъ искусствѣ. Одна послушница вскорѣ послѣ моего поступленія въ монастырь постриглась въ монахини. Цвѣты, блестящія люстры, шелковыя занавѣси, великолѣпные уборы украсили церковь и алтарь; сборище было многолюдное; оно исполняло внѣшній обрядъ съ тѣмъ праздничнымъ видомъ, который въ подобныхъ случаяхъ на свадьбѣ кого-нибудь изъ своихъ дѣтей, имѣетъ семья. Торжествующая и нарядная молодая жертва явилась къ рѣшеткѣ, въ великолѣпномъ платьѣ, которое она вскорѣ сбросила, чтобы вновь явиться окутанной бѣлой вуалью и увѣнчанной розами; я еще теперь ощущаю содроганіе, испытанное мной, когда она, слегка дрожащимъ голосомъ, мелодично спѣла обычный церковный гимнъ: Elegi etc. „здѣсь я избрала жилище свое и утверждаю его навсегда“. Я не забыла напѣва этого стиха, я пою его также вѣрно, какъ если бы слышала его вчера, и мнѣ хотѣлось бы имѣть возможность спѣть его въ Америкѣ! Великій Боже! Какое выраженіе я вложила бы теперь въ него! Но когда послѣ произнесенія обѣтовъ, преклоненную послушницу покрыли саваномъ, подъ которымъ она казалась погребенною, я содрогнулась отъ ужаса: это для меня было олицетвореніемъ полнаго разрыва со всѣми связами въ мірѣ, отреченіемъ отъ всего для нея дорогого; я уже не была сама собой, я стала ею; мнѣ показалось, что меня оторвали отъ моей матери и я проливала потоки слезъ. Человѣкъ, обладающій подобной чувствительностью, подъ вліяніемъ которой всѣ впечатлѣнія дѣлаются такими глубокими, и подобной отзывчивостью на, проходящія какъ тѣни мимо обыкновенныхъ людей, впечатлѣнія, не прозябаетъ; и дѣйствительно я рано начала вдумываться въ свою жизнь, и никогда она не была мнѣ въ тягость, даже среди наиболѣе тяжелыхъ испытаній; и не доживъ еще и до сорока лѣтъ, я поразительно много прожила, если жизнь измѣрять чувствомъ, отмѣчающимъ всѣ ея мгновенія.

Мнѣ бы пришлось описывать слишкомъ много подобныхъ сценъ,

еслибы я пожелала вспомнить всѣ тѣ, которыя въ моемъ сердцѣ запечатлѣли волненія моей умильной набожности. Обаяніе и привычка къ этимъ ощущеніямъ сдѣлались для меня такъ сильны, что они не въ состояніи были изгладиться. Философія разсѣяла иллюзіи праздной вѣры; но она не уничтожила вліянія извѣстныхъ предметовъ на мои чувства и ихъ связи съ идеями и настроеніями, которыя они нѣкогда вызывали. Я до сихъ поръ могу съ участіемъ присутствовать при богослуженіи, когда оно исполняется съ серьезною торжественностью; я забываю о шарлатанствѣ священниковъ, нелѣпости ихъ басней, или безсмысленности ихъ тайнъ; я вижу передъ собой лишь собраніе слабыхъ людей, взывающихъ о помощи къ высшему существу; мой умъ занятъ мыслью о страданіяхъ человѣчества, утѣшительной надеждой на могущественнаго воздаятеля; посторонніе образы разсѣеваются, страсти стихаютъ, чувство долга оживляется; если музыка участвуетъ въ обрядахъ, я переношусь въ иной міръ и выхожу просвѣтленной изъ мѣста, куда глупая толпа явилась, ни о чемъ не размышляя...

Религія, какъ и столько другихъ человѣческихъ учрежденій, не мѣняетъ личности человѣка; она приспособляется къ его природѣ, возвышается и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Толпа думаетъ мало, вѣритъ на-слово и дѣйствуетъ по инстинкту, такъ что между исповѣдуемыми принципами и обычнымъ поведеніемъ господствуетъ вѣчное противорѣчіе. Сильные характеры поступаютъ иначе: имъ нужна гармонія, ихъ поведеніе строго соотвѣтствуетъ ихъ вѣрѣ. Я въ дѣтствѣ по необходимости восприняла ту вѣру, которую мнѣ внушили; она оставалась моею до тѣхъ поръ, пока я не пріобрѣла достаточно знаній, чтобы обсудить ее; но и тогда всѣ поступки мои являлись строгимъ выводомъ изъ этой вѣры. Я удивлялась легкомыслію людей, исповѣдовавшихъ подобную же вѣру и дѣйствовавшихъ противоположнымъ образомъ, какъ возмущаюсь нынѣ низостью тѣхъ, кто желаетъ имѣть родину и во что-нибудь ставитъ свою жизнь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы подвергнуть ее опасности для служенія этой родинѣ.

Желая избѣгать повтореній относительно одного и того же предмета, я все же хочу отмѣтить одной чертой минуту моего перваго причастія: подготовленная всѣми обычными въ монастыряхъ способами, уединеніемъ, продолжительными молитвами, молчаніемъ, созерцаніемъ, я восприняла это первое причастіе, какъ торжественное обязательство и залогъ вѣчнаго блаженства. Мысль эта мною владѣла всецѣло; она до такой степени воспламенила мое воображеніе, растрогала мое сердце, что, обливаясь слезами, охваченная восторгомъ небесной любви, я не въ состояніи была дойти до алтаря безъ помощи монахини, которая, поддерживая меня подъ руки, помогла мнѣ при-

близиться къ Святому престолу. Я не стремилась къ этимъ проявленіямъ, они были лишь естественнымъ послѣдствіемъ чувства, котораго я не въ силахъ была сдержать, но они стяжали мнѣ почетъ, и встрѣчаемыя мной добрыя старушки всегда просили меня включить ихъ въ мои молитвы.

Мнѣ представляется будто я слышу, какъ читающіе эти строки спрашиваютъ, не обратилось ли наконецъ это нѣжное сердце и страстная чувствительность къ чему-либо болѣе реальному и не отдалась ли я, столь рано мечтавшая о счастіи, любви къ какому-нибудь человѣку? Не станемъ забѣгать впередъ, отвѣчу я имъ; остановитесь со мною на этомъ мирномъ времени святыхъ иллюзій, къ которому я и теперь еще люблю возвращаться мыслью. Думаете ли вы, что въ вѣкѣ, столь испорченномъ, при столь дурномъ общественномъ строѣ мыслимо наслаждаться счастіемъ природы и невинности? Люди пошлые находятъ здѣсь удовольствіе, но другіе, для которыхъ одно удовольствіе слишкомъ ничтожно, бываютъ обуреваемы страстями, которыя обѣщаютъ имъ нѣчто большее; стѣсняемые обязанностями, странными или жестокими и все же ими уважаемыми, они знаютъ лишь славу ихъ исполненія, покупаемую дорогою цѣною. Отдохнемъ пока на нѣжной дружбѣ, окружившей меня своимъ обаяніемъ и доставившей столько счастливыхъ мгновеній.

Нѣсколько мѣсяцевъ прошло со времени моего поступленія въ монастырь. Я въ немъ жила среди занятій только-что описанныхъ мною. Меня всякую недѣлю навѣщали отецъ и мать, уводившіе меня по воскресеньямъ послѣ службы на прогулку въ „Jardin du Roi", нынѣ „Jardin des Plantes". Разставаніе не обходилось безъ слезъ, съ моей стороны, то были слезы нѣжности къ нимъ, а не сожалѣнія о моемъ положеніи, такъ какъ я съ удовольствіемъ возвращалась въ безмолвный монастырь, по которому я шла медленными шагами, наслаждаясь его одиночествомъ; я иногда останавливалась у памятника, на которомъ было вырѣзано похвальное слово какой-то святой дѣвицѣ: „она счастлива!" шептала я про себя вздыхая; и грусть, не лишенная прелести, охватывала мою душу и заставляла меня искать на лонѣ Божества, въ надеждѣ быть когда-нибудь принятой на него, то полное счастье, въ которомъ я ощущала потребность.

Пріѣздъ новыхъ пансіонерокъ оживилъ всю маленькую ватагу; доложили о пріѣздѣ дѣвицъ изъ Амьена; любопытство молодыхъ дѣвушекъ-монастырокъ относительно обѣщанныхъ имъ подругъ сильнѣе нежели то возможно вообразить. Лѣтній день клонился къ вечеру; гуляли подъ липами... „Вотъ онѣ, вотъ онѣ!" раздался вдругъ крикъ. Старшая учительница сдала въ руки дежурной двухъ новоприбывшихъ; толпа окружила ихъ, удалилась, вновь нахлынула, пришла

наконецъ въ порядокъ, и всѣ пансіонерки группами прогуливались по одной и той же аллеѣ, чтобы разсмотрѣть барышень Канэ. Это были двѣ сестры: старшей было около 18 лѣтъ: красивое сложеніе, непринужденныя манеры, свободная походка, нѣчто чувствительное, гордое и недовольное обращало на нее вниманіе; младшей было не болѣе 14 лѣтъ, бѣлая газовая вуаль прикрывала ея нѣжное лицо и плохо скрывала слезы, которыми оно было облито. Я глядѣла на нее съ участіемъ, я остановилась, чтобы ее лучше разсмотрѣть и затѣмъ присоединилась къ разговаривающимъ, чтобы попытаться отъ нихъ узнать то, что онѣ знали о ней.

Разсказывали, что она была любимицею своей матери, которую она, въ свою очередь, горячо любила и разлучиться съ которою ей было очень тяжело, и что съ нею помѣстили сестру, чтобы помочь ей перенести эту разлуку. Обѣихъ вечеромъ помѣстили за столъ, у котораго я сидѣла. Софья ѣла мало, ея безмолвное горе ничего въ себѣ не имѣло отталкивающаго ни для кого и всѣхъ способно было тронуть; ея сестра казалась гораздо менѣе занятой тѣмъ, чтобы ее утѣшить, чѣмъ недовольной раздѣлять ея участь. Она имѣла на то нѣкоторое право: 18-ти лѣтняя дѣвушка, отторванная отъ свѣта, въ который уже вступила, и вновь помѣщенная въ монастырь для того, чтобы сопровождать младшую сестру, могла себя считать принесенной въ жертву своею матерью, имѣвшей въ дѣйствительности въ виду усмирить необузданный нравъ, съ которымъ она не могла справиться. Не нужно было долго видѣть живую Генріетту, чтобы придти къ такому заключенію: откровенная до рѣзкости, нетерпѣливая до вспыльчивости, веселая до безумія, она отличалась остроуміемъ, но не благоразуміемъ своего возраста; неровная, острая, порой обаятельная, часто невыносимая, за ея вспышками слѣдовали самые трогательные порывы раскаянія; она обладала необыкновенно любящимъ сердцемъ, рядомъ съ самой взбалмошной фантазіей; приходилось ее любить и бранить въ одно и то-же время, и жить съ ней, любя ее страстно, все-таки было тяжело. Бѣдной Софьѣ приходилось иногда страдать отъ характера сестры, достаточно справедливой, чтобы оцѣнить ея достоинства, но раздраженной противъ нея подъ вліяніемъ ревности, вслѣдствіе чего сестра ея во взаимныхъ отношеніяхъ съ нею находила неисчерпаемые поводы для проявленія своей неровности, отъ которой она сама болѣе всѣхъ страдала. Софья отличалась спокойствіемъ не по лѣтамъ развитого ума; она не очень живо чувствовала, потому что голова ея была холодна, но она любила размышлять и разсуждать; спокойная и не предупредительная она никого не привлекала собой, но оказывала всѣмъ при случаѣ одолженія, и, хотя ни къ чему сама не шла на встрѣчу, но также и не отказывала ни въ чемъ.

Она любила работу и чтеніе. Ея грусть меня тронула, ея обращеніе мнѣ понравилось; я почувствовала, что встрѣтила въ ней товарища, и мы съ ней сдѣлались неразлучными. Я привязалась къ ней съ тѣмъ самозабвеніемъ, которое возникаетъ отъ потребности любви при встрѣчѣ съ предметомъ, достойнымъ этого чувства; занятія, чтеніе, прогулки, все у меня стало общимъ съ моей Софьей.

Она была набожна, немного менѣе нѣжна, но также искренна, какъ и я, и это сходство не мало способствовало тѣсному сближенію. Наша дружба росла, такъ сказать, подъ крыломъ Провидѣнія и среди общихъ порывовъ. Мы думали взаимно поддерживать другъ друга, и двигать по пути къ совершенству. Софья была немилосердно разсудочна. Она хотѣла все разобрать, все знать, все обсудить; я говорила гораздо меньше, чѣмъ она, и останавливалась лишь на выводахъ. Она любила бесѣдовать со мной, потому что я умѣла ее хорошо слушать, и когда я не раздѣляла ея мнѣнія, мои возраженія были такъ мягки, благодаря страху огорчить ее, что никакія разногласія никогда не приводили насъ къ ссорѣ. Ея общество было для меня необыкновенно дорого, такъ какъ мнѣ нужно было передавать кому-нибудь, кто ихъ понималъ, волновавшія меня чувства, которыя, казалось, дѣлались значительнѣе когда высказывались. Софья была старше меня на три года и немного менѣе скромна, она обладала нѣкотораго рода внѣшнимъ преимуществомъ, которому я не завидовала. Она умѣла мило болтать; я лишь умѣла отвѣчать: правда, что мнѣ необыкновенно любили предлагать вопросы, но это не всѣмъ легко давалось. Настоящія отношенія у меня были лишь съ моимъ дорогимъ другомъ; всѣ остальные видѣли меня лишь мелькомъ, за исключеніемъ тѣхъ, кто былъ достаточно ловокъ, чтобы приподнять завѣсу, которою я, безъ преднамѣреннаго желанія прятаться, невольно прикрывалась.

Генріетта иногда, хотя и рѣдко, бывала съ нами; она заключила болѣе подходящую для себя дружбу съ дѣвицей de-Cornillon, дѣвушкой 18 лѣтъ, некрасивой какъ смертный грѣхъ, блиставшей умомъ и веселой насмѣшливостью, настоящимъ чертенкомъ, которымъ пугали дѣтей, но которая не въ состояніи была поднять наше благоразуміе на смѣхъ.

Не пройду молчаніемъ нѣжнаго участія, выказаннаго мнѣ съ первыхъ дней моего пріѣзда одной прекрасной дѣвушкой, вѣрная привязанность которой мнѣ во многихъ обстоятельствахъ принесла утѣшеніе. Анжелика Буфлэ родилась безъ состоянія, съ 17-лѣтняго возраста она связала себя обѣтами, еще и не зная себя. Она по природѣ своей была какъ потокъ; но подавленная энергія ея до крайности экзальтировала ея сердечную чувствительность и живость ея ума. Отсутствіе средствъ опредѣлило ей мѣсто среди послушницъ, съ

которыми общаго у ней была одна лишь черная работа. Есть сердца, не нуждающіяся въ образованіи; св. Агата (таково было ея имя въ монашествѣ), лишенная поддержки образованія, не только стояла выше подругъ своихъ, но и большинства монахинь. Ея достоинства были всѣмъ извѣстны, и хотя въ силу обычаевъ этихъ общинъ, гдѣ толпа всегда отличается неблагодарностью, дѣловитостью ея злоупотребляли, обременяя ее чрезмѣрной работой, она все же пользовалась тѣмъ уваженіемъ, какое себѣ снискивають достоинства. Она тогда была приставлена къ услуженію пансіонерокъ, и исполняла эту работу одна, сверхъ прочихъ обязанностей, лежавшихъ на ней, и успѣвала со всѣмъ справляться старательно и весело.

Я не успѣла еще присмотрѣться къ ней, какъ она уже стала мнѣ оказывать предпочтеніе, ея предупредительная доброта обратила на себя мое вниманіе; за столомъ она безъ моего вѣдома предугадывала мои вкусы и старалась ихъ удовлетворить, въ спальнѣ она съ привѣтливымъ видомъ дѣлала мою постель и не пропускала случая, чтобы сказать мнѣ что-нибудь любезное. При встрѣчѣ со мной она нѣжно меня цѣловала, уводила иногда въ свою келью, гдѣ у нея былъ прелестный чижъ, ручной, ласковый, котораго она выучила говорить; она мнѣ тайкомъ дала второй ключъ отъ этой кельи, чтобы я могла входить въ нее въ ея отсутствіе; я въ ней читала книги ея маленькой библіотеки, стихи отца дю-Серсо и сочиненія мистическаго характера. Когда она бывала слишкомъ занята, чтобы провести въ ней нѣсколько минутъ со мной или напередъ знала, что ей это не удастся, я въ ней находила нѣжную записочку, на которую я всегда отвѣчала: она хранила эти отвѣты, какъ драгоцѣнности, и позже показывала мнѣ ихъ хорошо припрятанными въ своей молельнѣ.

Вскорѣ въ монастырѣ только и было рѣчи, что о привязанности Агаты къ маленькой Флипонъ; но казалось, что такъ и должно было быть: мои подруги повидимому никогда не обижались выказываемому ею мнѣ предпочтенію. Когда монахини съ ней заговаривали объ этомъ, она съ обычной прямотой своей ихъ спрашивала, не тоже ли бы самое онѣ дѣлали на ея мѣстѣ; и если какая-нибудь угрюмая 80-тилѣтняя старушка, въ родѣ матери Гертруды, ей говорила, что она меня слишкомъ любитъ, она возражала, что она такъ разсуждаетъ только потому, что сама не въ состояніи такъ сильно любить. „А вы сами,—прибавляла она,—не останавливаете ли ее всегда при встрѣчѣ“? И мать Гертруда удалялась ворча; но если часъ спустя она видѣла меня, то всегда давала мнѣ конфектъ.

Когда дѣвицы Канэ пріѣхали и я подружилась съ Софьей, Агата стала, казалось, немного ревновать; монахини находили удовольствіе въ томъ, чтобы нападать на нее по этому поводу; но ея великодуш-

ная нѣжность отъ этого не уменьшилась: она, казалось, была довольна тѣмъ, что я позволяла себя любить, и наслаждалась радостью, доставляемой мнѣ дружбой съ дѣвушкой, болѣе подходившей ко мнѣ по возрасту, въ обществѣ которой я находилась въ теченіе всего дня.

Агатѣ тогда было 24 года; она своимъ характеромъ и любовью внушила мнѣ самую искреннюю привязанность; я почитала за честь ей это постоянно выражать. Въ послѣдніе годы существованія монастырей я только ее одну ходила навѣщать въ ея монастырѣ. Она вышла нынѣ изъ этого убѣжища и когда годы и болѣзнь сдѣлали его необходимымъ для нея, она принуждена жить на назначенную ей скудную пенсію и прозябаетъ недалеко отъ мѣста нашего прежняго жилища и моего теперешняго заключенія, и среди невзгодъ стѣсненнаго своего положенія она горюетъ лишь о заточеніи своей дочки, какъ она всегда называетъ меня. Любящія сердца, вы когда-нибудь перестанете сожалѣть обо мнѣ, оцѣнивъ блага, дарованныя мнѣ Небомъ; мои гонители среди могущества своего не обладаютъ счастьемъ быть любимыми другой такой Агатой, которая лишь горячѣе бы ихъ любила въ случаѣ, еслибъ они впали въ несчастье!

Зима прошла; я нѣсколько рѣже въ теченіе ея видала мать мою; но мой отецъ не пропустилъ ни одного воскресенья, не навѣстивъ меня, и, если только погода этому не препятствовала, онъ водилъ меня гулять въ „Jardin du Roi“; мы, не обращая вниманія на холодъ, весело бѣгали по снѣгу. Очаровательныя прогулки, о которыхъ я вспоминала 20 лѣтъ спустя, читая эти стихи Томсона, которыхъ не могу произносить безъ умиленія:

Pleas'd was I, in my cheerful morn of life,
When nurs'd by careless solitude I liv'd,
And sung of nature with unceasing joy,
Pleas'd was I wandering through your rough domain,
Through the pure virgin snows, myself as pure, etc. [1]).

При поступленіи моемъ въ монастырь было рѣшено, что я останусь въ немъ только годъ; я сама этого пожелала; мнѣ пріятно было думать о предѣлѣ для жертвы, принесенной мною разлукой съ матерью; съ своей стороны монахини, допустивъ меня къ первому причастію на четвертомъ мѣсяцѣ моего у нихъ пребыванія, заботливо выговорили условіе, чтобы я благодаря этому не покинула ихъ раньше и закончила у нихъ свой годъ; по истеченіи этого года, поднялся вопросъ о моемъ уходѣ. Моя мать объявила мнѣ, что ба-

[1]) Любила я въ веселое утро моей жизни—когда жила я, воспитываемая беззаботнымъ одиночествомъ и пѣла о природѣ въ нескончаемой радости,— любила я бродить по дикимъ вашимъ владѣніямъ, по чистымъ, дѣвственнымъ снѣгамъ, сама чистая какъ они, и т. д.

бушка моя Флипонъ, чрезвычайно меня любившая, очень желала, чтобы я провела съ нею нѣкоторое время и что она дала свое согласіе на осуществленіе этого плана, который не могъ меня огорчить, такъ какъ мы тамъ должны были видѣться гораздо чаще, чѣмъ въ монастырѣ; планъ этотъ къ тому же былъ очень удобнымъ при существующихъ обстоятельствахъ. Мой отецъ вступилъ въ исполненіе своихъ коммунальныхъ обязанностей; ему такимъ образомъ часто приходилось отлучаться изъ дому: мнѣ сразу стало ясно, что время моей матери поэтому должно быть больше посвящено надзору за работами, порученными молодымъ людямъ, въ которыя она до сихъ поръ не вмѣшивалась, она утратила часть того свободнаго времени, которымъ хотѣла пользоваться всецѣло, чтобы заняться мной.

Предложенный ею планъ, дѣйствительно, представлялъ изъ себя незамѣтный переходъ отъ разлуки къ полному соединенію съ ней, и я согласилась съ нею тѣмъ охотнѣе, что очень была привязана къ своей бабушкѣ. Это была маленькая женщина, любезнаго и веселаго нрава; обаятельныя манеры ея, любезный разговоръ, привлекательный смѣхъ, лукавые взгляды показывали, что въ ней сохранилось еще желаніе нравиться или напомнить о томъ, что она когда то нравилась. Ей было 65 или 66 лѣтъ, она заботилась о своемъ туалетѣ, принаровленномъ, впрочемъ, къ ея возрасту, такъ какъ она считала, что умѣетъ вѣрно чувствовать и соблюдать приличія. Очень полное тѣлосложеніе, довольно легкая походка, гордая осанка, маленькая ручка, пальцами которой она граціозно перебирала, сентиментальный тонъ разговора, пересыпаннаго веселыми и приличными замѣчаніями, уничтожали въ ней всякіе слѣды старости. Она была любезна съ молодыми дѣвушками, въ обществѣ которыхъ любила находиться, и гордилась тѣмъ, что эти послѣднія искали въ ней.

Она овдовѣла черезъ годъ послѣ свадьбы, и мой отецъ, родившійся уже послѣ смерти своего отца, былъ ея единственнымъ ребенкомъ. Она впала въ бѣдность благодаря неудачамъ въ торговлѣ, которой она занималась, и была принуждена обратиться къ помощи дальнихъ богатыхъ родственниковъ, оказавшихъ ей предпочтеніе передъ другими въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей: она воспитала такимъ образомъ у г-жи де-Буаморель ея сына Роберждa, о которомъ мнѣ придется говорить впослѣдствіи, и ея дочь, сдѣлавшуюся г-жею де-Фавіеръ. Маленькое наслѣдство, наконецъ, обезпечило ей независимость; она жила на островѣ Св. Людовика, гдѣ она вмѣстѣ съ сестрой, дѣвицей Ротиссэ, которую она называла Анжеликой, занимала приличную квартиру. Эта добрая дѣвушка, страдавшая одышкой, набожная и непорочная, какъ ангелъ, простодушная, какъ дитя, была покорнѣйшей слугой своей старшей сестры; заботы о маленькомъ хозяйствѣ лежали исключи-

тельно на ней; и лишь самая черная работа была возложена на приходившую два раза въ день прислугу; Анжелика справлялась со всѣмъ остальнымъ и съ благоговѣніемъ одѣвала свою сестру. Само собой вышло такъ, что она сдѣлалась моей няней, между тѣмъ какъ г-жа Флипонъ сдѣлалась моей наставницей. Я такимъ образомъ очутилась въ ихъ рукахъ послѣ того, какъ покинула домъ Господень, сопровождаемая сожалѣніемъ, нѣжной любовью, поцѣлуями всѣхъ монахинь, оплакиваемая моей Агатой и моей Софьей, горюя о разлукѣ съ ними и обѣщая себѣ смягчить горечь ея частыми посѣщеніями.

Это обязательство было слишкомъ для меня дорого, чтобы я не исполнила его въ точности. Мои прогулки часто направлялись въ сторону конгрегаціи; моя тетка Анжелика или мой отецъ всегда съ удовольствіемъ водили меня туда; вѣсть о моемъ приходѣ въ пріемную быстро разносилась по всему дому и мнѣ случалось перевидать въ ней человѣкъ двадцать за одинъ часъ. Но посѣщенія эти не могли замѣнить собою ежедневныхъ сношеній и дружескихъ изліяній; они сдѣлались болѣе рѣдкими и вмѣсто нихъ я прибѣгла къ перепискѣ, главнымъ образомъ съ Софьей. Переписка эта возбудила во мнѣ вкусъ къ писанію и, благодаря установившейся въ силу ея привычкѣ, стала причиной легкости, съ которой я владѣю перомъ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

28 августа.

Чувствую какъ слабѣетъ рѣшимость продолжать начатое мною дѣло; несчастья моей родины меня терзаютъ; потеря друзей ослабляетъ мужество; невольная грусть охватываетъ душу, помрачаетъ воображеніе мое и сушитъ мое сердце. Франція стала огромнымъ театромъ рѣзни, кровавой ареной, гдѣ раздираютъ другъ друга ея собственные дѣти.

Пользуясь внутренними междоусобіями, непріятель приближается со всѣхъ сторонъ; сѣверные города подчинились его власти, Фландрія и Эльзасъ въ скоромъ времени сдѣлаются его добычею; Испанцы раззоряютъ Русильонъ; Савойцы отказываются отъ союза, ставшаго ужаснымъ благодаря анархіи; они возвращаются къ прежнему своему господину, солдаты котораго переходятъ нашу границу; возставшіе Вандейцы продолжаютъ опустошать значительную часть страны; безразсудно раздражаемые Ліонцы проявили сопротивленіе, Марсейль спѣшитъ къ нимъ на помощь, сосѣдніе департаменты приходятъ въ движеніе; и среди этого всеобщаго волненія, среди этихъ многочисленныхъ потрясеній, непрерывно продолжается одно лишь наступленіе

иностранныхъ державъ. Наше правительство представляетъ изъ себя родъ чудовища, порядки и дѣйствія котораго одинаково возмутительны; оно разрушаетъ все къ чему только прикасается и само себя пожираетъ: эта послѣдняя крайность является единственнымъ утѣшеніемъ для его многочисленныхъ жертвъ.

Войска, одинаково плохо продовольствуемыя и предводимыя, сражаются и бѣгутъ какъ отчаянныя; искусные полководцы обвиняются въ измѣнѣ, потому что представители, ничего не смыслящіе въ войнѣ, находятъ плохимъ то, чего не понимаютъ и считаютъ аристократами всѣхъ людей болѣе просвѣщенныхъ, чѣмъ они сами. Законодательный корпусъ, безсильный съ первыхъ минутъ своего существованія, вначалѣ служилъ мѣстомъ оживленныхъ преній, пока въ нѣдрахъ его сохранилось достаточно образованности, чтобы сознавать опасности и мужества, чтобы ихъ предсказывать; люди честные и благородные, которые желали блага своей родинѣ и имѣли смѣлость его добиваться, самымъ возмутительнымъ образомъ и вполнѣ непослѣдовательно, были нагло обвинены въ измѣнѣ, и невѣжество и страхъ принесли ихъ, наконецъ, въ жертву интригѣ и разбоямъ. Въ собраніи, украшеніемъ коего они были, послѣ ихъ изгнанія, осталась лишь необузданная и испорченная толпа, которая своими безуміями и преступленіями себѣ самой вырыла могилу, но вмѣстѣ съ тѣмъ довершила и общественное разрушеніе. Нація трусливая и плохо образованная, потому что эгоизмъ лѣнивъ и потому что лѣнь и не хочетъ ничего видѣть, согласилась принять негодную конституцію, которую они обязаны были отвергнуть съ негодованіемъ, будь она даже лучше, потому что нельзя, не унизивши себя, принимать что-либо отъ злодѣевъ; она имѣетъ притязаніе обезпечивать безопасность, свободу, которыя она безнаказанно позволила попрать въ лицѣ своихъ представителей! Она можетъ лишь мѣнять своихъ притѣснителей; она уже находится подъ желѣзнымъ игомъ и всякая перемѣна ей кажется благомъ, но не способная сама произвести ее, она ждетъ этой перемѣны отъ перваго, кто захочетъ властвовать надъ нею. О Брутъ, чья смѣлая рука напрасно освободила испорченныхъ римлянъ, мы заблуждались, какъ и ты! Тѣ чистые люди, всей силой страстной души своей мечтавшіе о свободѣ, которыхъ философія подготовила къ ней среди безмятежныхъ занятій и строгаго уединенія, подобно тебѣ льстили себя надеждой, что ниспроверженіе тиранніи положитъ основаніе царству справедливости и мира: оно лишь явилось призывнымъ знакомъ для разнузданія низкихъ страстей и самыхъ отвратительныхъ пороковъ. Ты послѣ проскрипціи тріумвировъ говорилъ, что сильнѣе чувствуешь позоръ того, что послужило причиной смерти Цицерона, чѣмъ даже скорбь по поводу самой смерти его;

ты осуждалъ своихъ римскихъ друзей за то, что они по собственной винѣ, болѣе чѣмъ по винѣ тиранновъ сдѣлались рабами и за то, что они имѣли низость видѣть и терпѣть вещи, самый разсказъ о которыхъ долженъ былъ для нихъ быть невыносимымъ и ужаснымъ. Такъ и я возмущалась изъ глубины своей тюрьмы; но часъ возмущенія прошелъ, такъ какъ очевидно, что ничего нельзя болѣе ждать хорошаго, ни удивляться чему бы то ни было дурному. Опишетъ ли когда-нибудь исторія ужасъ этихъ страшныхъ дней, и ужасныхъ людей, наполнившихъ ихъ своими преступленіями? Они превзошли жестокость Марія, кровавые походы Суллы; этотъ послѣдній, окруживъ и перерѣзавъ 6 тысячъ человѣкъ, сдавшихся ему близъ Сената, который онъ успокоилъ и заставилъ совѣщаться подъ звуки ихъ скорбныхъ криковъ, поступилъ какъ тиранъ, злоупотреблявшій своей захваченной властью. Но съ чѣмъ возможно сравнить власть лицемѣровъ, всегда облеченныхъ въ маску справедливости, всегда говорящихъ языкомъ закона и создавшихъ ради удовлетворенія своей мести трибуналъ, посылающій на эшафотъ, оскорбительно попирая всякіе судебные порядки, всѣхъ людей, добродѣтель которыхъ ихъ оскорбляетъ, таланты которыхъ возбуждаютъ ихъ подозрѣніе или богатства которыхъ подстрекаютъ ихъ алчность? Какой Вавилонъ когда-либо представлялъ зрѣлище, подобное этому Парижу, оскверненному кровью и развратомъ, управляемому властями, сдѣлавшими себѣ профессію изъ того, чтобы разносить ложь, продавать клевету и превозносить похвалами убійство. Какой народъ когда-либо былъ развращенъ нравственно и въ своихъ инстинктахъ до такой степени, чтобы въ немъ выработалась потребность въ зрѣлищѣ казней, чтобы онъ содрогался отъ бѣшенства, когда казни эти откладывались и былъ-бы всегда готовъ проявлять свое звѣрство надъ всякимъ, кто бы стремился смягчить или успокоить его въ этомъ? Сентябрьскіе дни были дѣломъ лишь немногихъ опьяненныхъ тигровъ. Апатія всѣхъ парижанъ и ихъ безмолвное согласіе признать свое рабство ознаменовали собой торжество злодѣевъ 31 мая и 2 іюня: съ той поры паденіе ужасно; то, что еще несправедливо называютъ конвентомъ, наполнено одними разбойниками, одѣтыми и ругающимися, какъ портовые рабочіе, проповѣдующими убійство и подающими примѣръ грабежамъ. Многочисленная толпа окружила зданіе суда и ярость ея разражается надъ судьями, не произносящими достаточно быстро обвинительныхъ приговоровъ надъ невинными людьми. Тюрьмы переполнены должностными лицами, генералами, государственными чиновниками и людьми, которые своими достоинствами дѣлали честь человѣчеству; доносы считаются доказательствомъ гражданскаго чувства, и обязанность обыскивать порядочныхъ или богатыхъ людей и подвергать ихъ тюремному заключенію

является единственнымъ занятіемъ невѣжественныхъ и низкихъ администраторовъ. Орлеанскія жертвы пали. Шарлотта Кордэ не пробудила ни малѣйшаго волненія въ городѣ, который не заслуживалъ того, чтобы она освободила его отъ изверга.

Бриссо [1]), Женсонэ, толпа другихъ депутатовъ находятся подъ обвинительнымъ декретомъ; доказательствъ не имѣется, но ярость растетъ; и за отсутствіемъ основаній для ихъ осужденія, исполняютъ желаніе самодержца, который требуетъ ихъ казни, словно дикій звѣрь, подстерегающій свою жертву. Кюстина нѣтъ [2]); Робеспьеръ торжествуетъ, Эберъ намѣчаетъ жертвы, Шабо считаетъ ихъ; трибуналъ торопится; народъ собирается ускорить казни и организовать ихъ повсемѣстно. Между тѣмъ голодъ даетъ о себѣ знать; смертоносные законы подавляютъ промышленность, задерживаютъ движеніе, уничтожаютъ торговлю, расточаютъ финансы; всюду царитъ разореніе; беззастѣнчивые люди составляютъ себѣ состоянія, пользуясь этимъ полнымъ разстройствомъ государственной казны, назначаютъ цѣну за всѣ свои поступки и опредѣляютъ таксу на смерть или жизнь своихъ согражданъ.

Диллонъ и Кастелланъ выходятъ, первый изъ Madelonettes, второй изъ „Sainte Pélagie“, уплативъ по 30 тысячъ ливровъ Шабо; Силльери поручилъ выторговать себѣ свободу, такъ какъ онъ достаточно богатъ, чтобы пріобрѣсти ее, и 200 бутылокъ его чудеснаго шампанскаго являются придаткомъ торга съ непотребными женщинами Комитета [3]). Жена Ролана, о которой, благодаря попеченію и заботамъ

---

[1]) Женщины, которыя устроили клубъ въ церкви Св. Евстафія, голосили однажды, требуя голову Бриссо и кричали, что не потерпятъ, чтобы судьи дѣйствовали въ его процессѣ съ той медленностью, какую они обнаружили въ процессѣ Кюстина. Двѣ тысячи душъ, окружившія палату въ день суда надъ этимъ генераломъ, трепетали, боясь, чтобы онъ не избѣгъ казни и говорили во всеуслышаніе: если его оправдаютъ, придется съ нимъ покончить, какъ съ Монмораномъ и за одно съ нимъ и со всѣми другими злодѣями, находящимися въ тюрьмахъ.

[2]) Его состояніе конфисковано. Его невѣстку, молодую и прелестную женщину, беременную, дѣлившую свои дни между свекромъ, призваннымъ къ трибуналу, и мужемъ, заключеннымъ въ „Force“, сажаютъ въ тюрьму немедленно послѣ казни перваго. У нея дѣляются преждевременные роды; но какое до этого дѣло этимъ тиграмъ? Прокуроръ получилъ отъ нея 200 тысячъ ливровъ для спасенія невинности: онъ ихъ возвращаетъ, но велитъ арестовать ту, которая могла бы донести объ его гнусности.

[3]) Деньги и вино были даны и получены; Силльери купилъ себѣ ими лишь право видѣться и бесѣдовать съ кѣмъ пожелаетъ: но онъ съ этимъ смягченіемъ остался заключеннымъ въ Люксембургѣ. Три или четыре падшихъ женщины, принадлежавшія развращеннымъ негодяямъ Комитетовъ Общественнаго спасенія и Общественной безопасности, образуютъ изъ себя торговое общество, въ которомъ опредѣляютъ денежную плату за спасеніе каждаго выдающагося лица.

Père Duchêne'а отъ времени до времени напоминаютъ разъяренному народу, выжидаетъ крайняго съ его стороны насилія въ той самой тюрьмѣ, изъ которой женщина, живущая на содержаніи, спокойно выходитъ, заплативъ за свою безопасность и безнаказанность своего соучастника, поддѣлывателя ассигнацій. Бенріо, командующій національной гвардіей, прежде лакей, служитель у таможенной заставы, позже одинъ изъ убійцъ въ „St. Firmin", взламываетъ печати, опорожняетъ погреба, похищаетъ движимость и остается тѣмъ-же наглецомъ. На него возложена была обязанность стеречь депутатовъ, заключенныхъ въ Люксембургѣ; онъ осмѣливается явиться къ нимъ, ихъ оскорбить, силой отнять у нихъ перья, книги, бумагу и присоединить угрозу къ оскорбленіямъ. Подчиненность властей химера, о которой не позволено напоминать подъ страхомъ подвергнуться обвиненію въ недостаткѣ гражданскаго чувства и навлечь на себя подозрѣніе въ противуреволюціонныхъ замыслахъ. Покинули-ли, наконецъ, бѣжавшіе депутаты эту негостепріимную сторону, пожирающую порядочныхъ людей и упитывающуюся ихъ кровью? О друзья мои, да поможетъ вамъ милосердное небо достигнуть береговъ Сѣверной Америки, единственнаго убѣжища свободы! Съ вами мои пожеланія, и я лелѣю нѣкоторую надежду, что вы въ настоящую минуту плывете по направленію къ тѣмъ странамъ. Но увы! Для меня все кончено: я не увижу васъ болѣе, и вашъ отъѣздъ, горячо желанный ради вашего спасенія, я оплакиваю, какъ нашу послѣднюю разлуку; а ты, глубоко почитаемый супругъ, ты ожесточаешься и дряхлѣешь, впавъ въ преждевременную старость, съ трудомъ укрываясь отъ преслѣдованій убійцъ, — суждено-ли мнѣ еще увидать тебя и доставить нѣкоторое утѣшеніе твоей удрученной горечью душѣ? Сколько дней осталось мнѣ быть свидѣтелемъ разоренія моей отчизны и униженія моихъ согражданъ?.. Окруженная этими грустными картинами, я не могла подавить свою печаль; рѣдкія слезы полились изъ отяжелѣвшихъ глазъ, и я пріостановила свое легкое перо, повѣствовавшее о моихъ молодыхъ годахъ.

Я хочу попытаться вновь возстановить ихъ въ памяти своей и прослѣдить ихъ шагъ за шагомъ; мой искренній разсказъ, можетъ быть, усладитъ когда-нибудь минуты какой-нибудь несчастной заключенной, и она, жалѣя обо мнѣ, позабудетъ о своей судьбѣ. Можетъ быть философы, стремящіеся изобразить человѣческое сердце въ повѣствованіи романа или дѣйствіи драмы, найдутъ матеріалъ для изученія его въ моемъ повѣствованіи.

Недостатокъ пропитанія черезъ немного, можетъ быть, дней, ожесточая усталый народъ, возбудитъ въ немъ волненія, которыя вожди его постараются сдѣлать гибельными. 10 августа должно было быть

посвящено поминовенію сентябрьскихъ идъ; третьяго дня произносились во всеуслышаніе угрозы возобновить ихъ въ случаѣ, если Кюстинъ не будетъ приговоренъ къ смерти. „Cordeliers“ уже доказываютъ необходимость избавляться отъ подозрительныхъ людей; предписаны наказанія для тѣхъ, кто дурно отзывался объ этихъ знаменитыхъ дняхъ: не есть-ли это подготовленіе къ оправданію ихъ въ случаѣ возобновленія? Люди, появляющіеся передъ революціоннымъ трибуналомъ, не обвиняемые, которыхъ онъ долженъ судить; они жертвы, которыхъ онъ обязанъ лишить жизни. Заключенные по всякимъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ преступленій, не находятся подъ покровительствомъ закона; но предоставленные на волю подозрѣній и клеветы, они не могутъ себя чувствовать огражденными отъ слѣпой ярости. Оставимъ это несчастное время, напоминающее собой царствованіе Тиверія, всплывите вновь передо мной, безмятежныя мгновенія моего милаго отрочества.

Мнѣ исполнилось 12 лѣтъ, и третій годъ моего третьяго пятилѣтія протекалъ на глазахъ моей бабушки. Миръ, царившій въ ея домѣ, и набожность моей тети Анжелики прекрасно гармонировали съ нѣжнымъ и сосредоточеннымъ настроеніемъ, навѣяннымъ монастыремъ. Всякое утро моя тетя водила меня въ церковь для слушанія мессы; тамъ вскорѣ на меня обратилъ вниманіе одинъ изъ тѣхъ барышниковъ совѣсти, которые вмѣняютъ себѣ въ заслугу передъ Богомъ то, что они заселяютъ монастыри. Господинъ аббатъ Жери съ кривой шеей, потупленнымъ взглядомъ подошелъ къ той, которую онъ принялъ за мою гувернантку, чтобы поздравить ее съ поучительнымъ вліяніемъ, производимымъ примѣромъ ея питомицы, и выразить желаніе, чтобы она поручила ему наставить ее на путь Господень. Онъ съ сожалѣніемъ узналъ о томъ, что обрядъ причастія былъ совершенъ и что я уже избрала себѣ духовника: тогда онъ подошелъ узнать отъ меня, не приняла ли я какого-нибудь рѣшенія относительно будущаго своего назначенія и отреченія отъ свѣта: я ему отвѣтила, что я еще слишкомъ молода, чтобъ узнать свое назначеніе. Господинъ Жери вздохнулъ, наговорилъ мнѣ любезностей и не упускалъ случаевъ, чтобъ встрѣчаться съ нами и кланяться съ почтеніемъ. Набожность моего молодого сердца не увлекала меня до пристрастія къ іезуитскому притворству; она была слишкомъ искренна, чтобъ сочувствовать смѣшнымъ проявленіямъ ханжества и кривая шея господина Жери вовсе не нравилась мнѣ. Я, однако, лелѣяла тайную мечту посвятить себя монашеской жизни; св. Францискъ Сальскій, одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ святыхъ рая, покорилъ меня; и на монахинь ордена „Посѣщенія Богородицей св. Елисаветы“, учредителемъ коего онъ состоялъ, я уже смотрѣла, какъ на пріемныхъ своихъ сестеръ. Но я хо-

рошо понимала, что такъ какъ я была единственной дочерью у своихъ родителей, то не могла получить ихъ разрѣшенія для произнесенія обѣта до своего совершеннолѣтія; я не хотѣла ихъ огорчать преждевременно: къ тому-же, если бы случилось, что продолжительное испытаніе поколебало бы мое призваніе, это значило бы давать оружіе въ руки свѣтскимъ людямъ: я потому рѣшила скрыть свое рѣшеніе и молча стремиться къ своей цѣли. Я пользовалась маленькой библіотекой своей бабушки; „Филоѳея“ св. Франциска Сальскаго и „Руководство“ св Августина сдѣлались источниками моихъ любимыхъ размышленій: какое ученіе любви и какая очаровательная пища для невинной и страстной души, исполненной небесныхъ иллюзій! Полемическія произведенія Боссюэ доставили мнѣ новую пищу: какъ они ни превозносили дѣло, являвшееся предметомъ ихъ защиты, они знакомили съ нѣкоторыми возраженіями противъ него и направили меня на путь обсужденія моей вѣры. Это было первымъ шагомъ; большое разстояніе еще отдѣляло его отъ скептицизма, къ которому я должна была прійти нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ того, какъ послѣдовательно прошла черезъ янсенизмъ, картезіанство, стоицизмъ и деизмъ. Какой долгій путь, чтобы кончить патріотизмомъ, благодаря которому я попала въ тюрьму.

Рядомъ со всѣмъ этимъ старыя книги съ путешествіями, много миѳологіи плѣнили мое воображеніе, и письма г-жи де-Севиньэ образовали мой вкусъ; ея привлекательная непринужденность, ея грація, ея веселость, ея нѣжность, сблизили меня съ нею; я знала ея общество, я освоилась съ ея средой, какъ-будто я жила съ ней. Моя бабушка мало кого принимала и рѣдко выѣзжала изъ дому; но она своимъ пріятнымъ настроеніемъ оживляла разговоръ, когда я около нея работала надъ мелкими рукодѣльями, которымъ она любила меня учить или заставляла дѣлать. Г-жа Бенаръ, та двоюродная бабушка, которая ухаживала за мной, когда я была у кормилицы, каждый день приходила къ своей сестрѣ часа на два по послѣ обѣдамъ. Суровый характеръ ее отличался пристрастіемъ къ торжественнымъ формамъ и церемонному тону, надъ которыми г-жа Флипонъ посмѣивалась иногда, но достаточно осторожно, чтобы не обидить сестру, отплачивавшую ей впрочемъ той же монетой— какой-нибудь горькой истиной, высказанной съ нѣкоторой рѣзкостью, которая прощалась ей за доброе сердце.

Мою бабушку, придававшую большое значеніе внѣшней привлекательности и всему тому, что красить жизнь людей въ обществѣ, безконечно трогала предупредительность, съ которой я относилась къ ней; отношеніе мое вытекало изъ кротости моего характера и желанія нравиться всѣмъ, съ кѣмъ общаюсь и особенно ей, которая при-

влекла меня своимъ милымъ обращеніемъ; она мнѣ иногда говорила пріятныя вещи, на которыя я отвѣчала не дурно, она съ гордостью тогда поднимала голову, и бросала самодовольный взоръ на г-жу Бенаръ, которая, пожимая плечами, пользовалась минутой, когда я немного отходила въ сторону, чтобы громко шепнуть ей, такъ что я прекрасно слышала ее: „вы право невыносимы; вы испортите ее, какъ жаль!“ Моя бабушка только больше пріосанивалась съ видомъ превосходства и успокаивала свою сестру на счетъ своего умѣнія вести дѣло; добрая Анжелика со своимъ блѣднымъ лицомъ, своимъ выдающимся подбородкомъ, очками на носу, вязаньемъ въ рукѣ, спокойно имъ говорила, что это не опасно, что никто не можетъ этого сдѣлать и что я достаточно благоразумна, чтобы сама себя воспитывать. Эта г-жа Бенаръ, столь суровая и которая боялась, чтобы похвалы меня не испортили, очень безпокоилась о томъ, что я спала на жесткой постели; и если случалось, что у меня хоть немного разболѣлся палецъ, она по два раза въ день приходила навѣдываться объ его состояніи: какое искреннее безпокойство! Какой усердной заботливостью она меня окружала тогда, и какъ эта заботливость была трогательна при ея внѣшней строгости!

По истинѣ, мнѣ кажется, будто небо нарочно окружило меня столькими добрыми душами, чтобы мою собственную душу сдѣлать сколь возможно любящей. Какъ то разъ моей бабушкѣ пришла на мысль отправиться съ визитомъ къ г-жѣ де-Буаморель, ради ли удовольствія повидать ее или ради того, чтобы показать ей свою внучку: соотвѣтственныя приготовленія, большой туалетъ съ утра и мы отправляемся съ тетей Анжеликой съ тѣмъ, чтобы къ 12 часамъ явиться на улицу „St.-Louis au Marais“. При входѣ въ отель всѣ люди, начиная со швейцара, кланяются г-жѣ Флипонъ дружелюбно и съ почтительнымъ видомъ: они спѣшатъ превзойти другъ друга въ любезности къ ней. Она всѣмъ отвѣчаетъ ласковымъ тономъ, съ достоинствомъ: пока все шло хорошо. Но видятъ ея внучку, она не можетъ устоять противъ мелочнаго удовольствія сдѣлать ее предметомъ ихъ вниманія; люди позволяютъ себѣ говорить ей комплименты. Я начинала ощущать какое-то неуловимое и тягостное чувство, сквозь которое я все же отдавала себѣ отчетъ лишь въ томъ, что люди могутъ смотрѣть на меня, но не смѣютъ мнѣ говорить комплиментовъ. Мы идемъ дальше; высокій лакей докладываетъ о насъ, и мы входимъ въ гостиную, гдѣ г-жа де-Буаморель со своей собачкой, сидя на томъ, что тогда называли не оттоманкой, а канапэ, серьезно вышивала по канвѣ. Г-жа де-Буаморель была однихъ лѣтъ съ моей бабушкой и такого же роста и дороднаго тѣлосложенія, какъ она; но въ ея костюмѣ не столько проглядывалъ вкусъ, какъ притязаніе выставить на показъ

свое богатство и подчеркнуть свою знатность; и ея лицо вовсе не выражало желанія нравиться; въ немъ ясно проявлялось стремленіе быть предметомъ почтенія и увѣренность, что она этого заслуживаетъ. Богатое кружево, смятое, сложенное въ маленькій чепчикъ съ концами вродѣ заячьихъ ушей, было положено на макушкѣ головы и не скрывало волосъ, можетъ быть фальшивыхъ, но убранныхъ съ той притворной скромностью, которою приходилось облекаться въ 60 слишкомъ лѣтъ, и двойной слой румянъ придавалъ чрезвычайно незначительнымъ глазамъ выраженіе гораздо большей жесткости, чѣмъ это было необходимо, чтобы заставить меня потупить глаза.

„А, здравствуйте, „mademoiselle" Ротиссэ! воскликнула громкимъ и холоднымъ голосомъ г жа де-Буаморель, приподнимаясь съ мѣста при нашемъ приближеніи". (Mademoiselle? какъ! моя бабушка здѣсь mademoiselle?) „Я, право, очень рада видѣть васъ! Это прелестное дитя, ваша внучка? Она будетъ очень хорошенькой! Подойдите сюда, сердце мое, сядьте около меня. Она застѣнчива: сколько лѣтъ вашей внучкѣ, mademoiselle Ротиссэ? Она немного смугла, но кожа ея чудесна; она скоро посвѣтлѣетъ. Она уже хорошо сложена! У васъ навѣрно счастливая рука, мой дружокъ: брали ли вы себѣ когда-нибудь билеты въ лоттереѣ?—Никогда, „madame"; я не люблю азартныхъ игръ.—Еще бы, въ ваши годы всегда думаешь, что играешь на вѣрняка. Какой звукъ голоса! Онъ нѣженъ и полонъ. Но какъ она серьезна! Не ханжа ли вы немного?—Я знаю свои обязанности, стараюсь исполнять ихъ.—Прекрасно. Вамъ хочется сдѣлаться монахиней, не правда ли?—Я еще не знаю своего назначенія, и не стремлюсь его предрѣшить.—Какъ наставительно! Читаетъ ли ваша внучка, mademoiselle Ротиссэ?—Чтеніе лучшее ея удовольствіе; она проводитъ за нимъ часть дня. — О! это видно; но берегитесь, чтобы изъ нея не вышло ученой, это было бы очень жаль".

Эти дамы завели рѣчь о семьѣ и обществѣ хозяйки дома; моя бабушка разспрашивала о томъ, какъ поживаютъ дядя и двоюродный братъ, невѣстка и подруга, и аббатъ Ланглуа и маркиза де-Леви, и совѣтникъ Бріонъ, и приходскій священникъ Паранъ. Толковали объ ихъ здоровьи, связяхъ и недостаткахъ, такъ, напр., о госпожѣ Рудэ, которая, несмотря на свои годы, еще любила блеснуть своей красивой грудью и всегда декольтировала ее, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда садилась въ карету или выходила изъ нея: она тогда прикрывала ее большимъ платкомъ, который съ этой цѣлью носила въ карманѣ, потому что грудь, какъ она говорила, не сдѣлана для того, чтобы показывать ее лакеямъ. Въ теченіе этого разговора г-жа де-Буаморель, то дѣлала нѣсколько стежковъ по канвѣ, то ласкала свою собаку и всего чаще взглядывала на меня. Я стара-

лать избѣгать ея взглядовъ, очень мнѣ не нравившихся, я направляла свой взоръ на комнату, убранство коей мнѣ казалось болѣе привлекательнымъ, чѣмъ дама, жившая въ ней, кровь моя обращалась скорѣе обыкновеннаго, я чувствовала, что щеки мои раскраснѣлись, что сердце мое билось и сжималось; я еще не спрашивала себя почему моя бабушка не сидитъ на диванѣ и г-жа де-Буаморель находится въ роли мадемуазель Ротиссэ; но внутри меня было чувство, которое приводитъ къ такому размышленію, и когда визитъ окончился, я ощутила нѣчто похожее на облегченіе отъ физической боли. „Смотрите же не забудьте взять для меня лотерейный билетъ, пусть ваша внучка сама выберетъ номеръ, слышите, mademoiselle Ротиссэ? Мнѣ хочется получить первинку ея руки. Поцѣлуйте же меня, и вы моя душечка, не потупляйте такъ своихъ глазъ; на нихъ очень пріятно глядѣть и духовники не запрещаютъ открывать ихъ. Ахъ, mademoiselle Ротиссэ, будутъ васъ преслѣдовать поклонники, помяните мое слово, и съ раннихъ поръ. До свиданія, mesdames“, и г-жа де-Буаморель дернула за звонокъ и велѣла Лафлёру черезъ два дня отправиться къ mademoiselle Ротиссэ, чтобы взять у нея лотерейный билетъ, заставила замолчать свою маленькую собачку, и уже вновь усѣлась на свой диванъ, прежде чѣмъ мы успѣли дойти до передней.

Мы молча возвращались домой, куда я торопилась къ своимъ книгамъ, чтобы забыть о г-жѣ де-Буаморель, комплименты которой для меня были также противны, какъ и комплименты ея прислуги. Моя бабушка, только наполовину довольная, нѣсколько разъ принималась разсказывать о ней и ея странностяхъ, объ ея эгоизмѣ, заставлявшемъ ее увѣрять, что дѣти должны быть на второмъ планѣ, когда бабушка моя позволяла себѣ напоминать ей объ интересахъ ея семьи, чтобы остановить ея крупныя траты; объ ея свободномъ обращеніи, очень, впрочемъ, обычномъ среди женщинъ хорошаго общества, благодаря которому она во время своего туалета принимала своего исповѣдника и другихъ, и въ ихъ присутствіи одѣвала рубашку и пр. Этотъ тонъ, эти нравы мнѣ казались странными. Я съ любопытствомъ обо всемъ этомъ распрашивала свою бабушку, но хранила про себя впечатлѣнія, производимыя этимъ на меня; и мнѣ казалось, что я не должна была себѣ позволить всего высказывать ей.

Черезъ двѣ недѣли послѣ нашего визита къ намъ явился г-нъ де-Буаморель сынъ, котораго мы не застали у его матери, когда были у нея; это былъ человѣкъ лѣтъ 37 или 38, съ серьезнымъ, кроткимъ лицомъ, съ скромными и благородными манерами; взглядъ его широко раскрытыхъ, немножко слишкомъ большихъ, глазъ блестѣлъ; чувствовалось, что онъ изъ уваженія сдерживалъ свой мужественный, громкій голосъ, въ которомъ звучали задушевныя ноты и ласковая,

исходящая изъ сердца, любезность. Онъ привѣтствовалъ мою бабушку, называя ее своимъ добрымъ другомъ, поклонился мнѣ съ тѣмъ почтеніемъ, которое благовоспитанные люди вмѣняютъ себѣ въ долгъ выказывать молодымъ дѣвушкамъ; разговоръ сдѣлался свободнымъ, хотя и держался въ границахъ благопристойности; онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы любезно напоминать моей бабушкѣ о своей благодарности за ея попеченія о немъ; и я поняла, что онъ ей хотѣлъ выразить окольнымъ, но деликатнымъ образомъ, что Провидѣніе вознаграждало ее за ея великодушныя заботы о чужихъ дѣтяхъ, подготовляя ей удовлетвореніе въ лицѣ единственнаго ребенка, который ей былъ данъ. Я нашла, что г-нъ де-Буаморель гораздо любезнѣе своей матери, и была очень рада тому, что онъ счелъ нужнымъ навѣщать насъ, что случалось разъ въ каждые два или три мѣсяца. Онъ женился, будучи еще очень молодымъ, на прелестной женщинѣ; онъ имѣлъ отъ нея сына, воспитаніемъ котораго онъ много занимался и самъ хотѣлъ руководить имъ; онъ его велъ на основаніи философскихъ взглядовъ, чему не мало препятствовали предразсудки его матери и большая набожность жены: его обвиняли въ чудачествѣ; онъ послѣ одного страшнаго воспаленія страдалъ нервными припадками, и старыя графини, чиновные аристократы и маленькіе аббаты, принадлежавшіе къ кругу его семьи или обществу его матери, приписывали страданію головного мозга, какъ слѣдствіе его болѣзни, исповѣдуемые имъ взгляды и режимъ, которые онъ хотѣлъ проводить въ воспитаніи своего сына. Всѣ эти обстоятельства, когда я узнала о нихъ, очень меня заинтересовали; я находила, что этотъ странный человѣкъ разсуждалъ очень дѣльно; я начинала подозрѣвать, что существуетъ логика свѣтская и кабинетная, такъ сказать принципіальная и практическая мораль; что изъ столкновенія ихъ въ результатѣ получалось много странностей, изъ которыхъ я начинала угадывать нѣкоторыя; что, наконецъ, могутъ считать сумасшедшимъ того, кто не былъ сумасшедшимъ въ обычномъ смыслѣ этого слова; и матеріалъ для размышленія незамѣтно накоплялся въ моей мечтательной головѣ.

Моя бабушка иногда сравнивала чувства и поведеніе г-на де-Буамореля съ поведеніемъ и чувствами его сестры г-жи де-Фавіеръ, которой она имѣла основаніе быть недовольной. Брату г-жи де-Фавіеръ пришлось напоминать ей о томъ, что mademoiselle Ротиссэ была ихъ родственницей (обстоятельство, которое мать ихъ, говорила я про себя, дѣлаетъ видъ, что не признаетъ или не желаетъ признавать), и бабушка моя къ великому моему удовольствію не имѣла ни малѣйшаго желанія меня ей представить; мое удовольствіе она поняла такъ прекрасно, что никогда больше не поднимался также вопросъ о повтореніи нашего визита къ г-жѣ де-Буаморель.

Мой отецъ оставилъ свою должность; годъ, который я должна была провести у своей бабушки, истекъ; я возвращалась къ своей чудной матери. Я не безъ нѣкотораго сожалѣнія покидала прекрасный кварталъ острова St. Louis, его привлекательныя набережныя, этотъ спокойный берегъ, вдоль котораго я въ лѣтніе вечера прогуливалась съ тетей Анжеликой, любуясь красивымъ теченіемъ рѣки и полями обрисовывавшимися вдали; эти набережныя, по которымъ полная святого рвенія я шла въ церковь, чтобы у алтаря излить свое умиленіе, не встрѣчая на безлюдномъ пути ни одного предмета, который бы разсѣялъ сладкую сосредоточенность моихъ мыслей. Веселость моей бабушки придавала прелесть ея квартирѣ, въ которой я провела столько веселыхъ и безмятежныхъ дней. Я со слезами разсталась съ ней, несмотря на мою привязанность къ моей матери, достоинства которой, гораздо болѣе солидныя, были болѣе внушительны въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ; до этой минуты я не проводила съ ними никакихъ сравненій, которыя могли умалить привлекательность, какъ я смутно чувствовала теперь. Дитя Сены, я всегда селилась на ея берегахъ. Мѣсто, гдѣ находилась квартира моего отца, не было полно мирнаго уединенія, отличавшаго жилище моей бабушки. Панорама „Pont Neuf" каждую минуту мѣняла сцены и я дѣйствительно въ прямомъ и переносномъ смыслѣ снова вступала въ свѣтъ, вернувшись къ матери. Между тѣмъ масса воздуха, громадныя пространства все еще носились въ моемъ необузданномъ и романтическомъ воображеніи. Сколько разъ я изъ своего окна, выходившаго на сѣверъ, съ волненіемъ созерцала обширныя пустыни неба, его великолѣпный лазурный сводъ, чудно обрисованный отъ голубоватаго восхода, далеко за „Pont au Change", до заката, ярко позолоченнаго зарею за деревьями бульвара и домами Chaillot. Я въ концѣ каждаго хорошаго дня всегда проводила такимъ образомъ нѣсколько минутъ, и часто сладкія слезы безмолвно лились изъ моихъ восхищенныхъ глазъ, между тѣмъ, какъ мое сердце, переполненное невыразимымъ чувствомъ, счастливое своимъ бытіемъ и благодарное за то, что существуетъ, повергало передъ Верховнымъ Существомъ свою чистую и достойную Его хвалу. Я не знаю—придаетъ ли чувствительность сердца болѣе яркую окраску всѣмъ предметамъ, или не развивается ли эта чувствительность подъ могущественнымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ, повидимому незначительныхъ обстоятельствъ, или не являются ли то и другое взаимно причиной и слѣдствіемъ; но когда я вспоминаю свою жизнь, мнѣ трудно рѣшить, приписать ли обстоятельствамъ или своему характеру разнообразіе и полноту любви, такъ хорошо отмѣчавшія всѣ минуты моей жизни и оставившія столь живое воспоминаніе о всѣхъ мѣстахъ, гдѣ я только бывала.

Кажу все время продолжалъ давать мнѣ уроки музыки; онъ любилъ меня заставлять разсуждать объ ея теоріи или вѣрнѣе о механизмѣ ея, такъ какъ, будучи немного композиторомъ, онъ вовсе не былъ математикомъ и еще менѣе былъ свѣдущъ въ метафизикѣ; но онъ нѣсколько вмѣнялъ себѣ въ честь передать мнѣ всѣ свои познанія. Онъ почти также сильно огорчался моею холодностью къ пѣнію, какъ удивлялся способности слѣдить за ходомъ разсужденія. Пойте съ большей душой!—повторялъ онъ мнѣ постоянно;—вы поете аріи, какъ монашенки „Magnificat". Бѣдный человѣкъ не могъ понять того, что у меня было слишкомъ много души, чтобы излить ее въ пѣснѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ также трудно было спѣть съ выраженіемъ нѣжный романсъ, какъ было прежде трудно прочесть кому-нибудь вслухъ эпизодъ изъ Эвхарисъ или Герминіи. Всегда внезапно мысленно воплощенная въ лицѣ, которое должно было говорить, я не умѣла подражать, я ощущала описываемое чувство, у меня дыханіе захватывало, голосъ обрывался; въ результатѣ получались затрудненія, которыя я могла побороть лишь съ трудомъ посредствомъ серьезнаго и банальнаго пѣнія, такъ какъ я не стала бы проявлять свою страстность. Миніаръ, еще въ то время пока я была у своей бабушки, очень цѣнившей его испанскую любезность, началъ мнѣ давать уроки на гитарѣ, онъ продолжалъ свои уроки и по возвращеніи моемъ къ отцу. Черезъ немного мѣсяцевъ я уже научилась исполнять обыкновенные аккомпаниметы: Миніара забавляло усовершенствовать мою игру и я дѣйствительно превзошла его въ своемъ искусствѣ. Это свело несчастнаго съ ума, какъ то увидятъ впослѣдствіи, когда настанетъ время объ этомъ разсказать. Для усовершенствованія меня въ танцахъ ко мнѣ снова пригласили Мозона, также какъ г-на Дусэ — для ариѳметики, географіи, чистописанія и исторіи. Мой отецъ меня опять заставилъ работать рѣзцомъ; онъ меня ограничилъ въ маленькомъ жанрѣ, и думалъ возбудить мой интересъ къ нему тѣмъ, что обусловилъ его небольшимъ заработкомъ и такъ какъ онъ въ скоромъ времени меня настолько подвинулъ, что я могла быть полезной, онъ мнѣ поручалъ дѣлать маленькія работы и дѣлился со мной вырученными за нихъ деньгами, подсчитывая послѣднія въ концѣ каждой недѣли по книгѣ, которую онъ совѣтовалъ мнѣ вести. Это мнѣ надоѣло; мнѣ казалось, что ничто не могло быть нелѣпѣе гравированія краевъ ящика для часовъ или футляра; я предпочитала прочесть хорошую книгу, вмѣсто того, чтобы купить себѣ ленту; я не скрывала своего отвращенія; меня не принуждали; я отложила въ сторону свои рѣзцы и ваяла и никогда съ тѣхъ поръ до нихъ не дотрогивалась. Я каждое утро съ матерью своей ходила на мессу, послѣ которой иногда дѣлались покупки; по прошествіи этого времени, уроковъ съ моими учителями

и отдыха, я удалялась въ свой кабинетъ для того, чтобы читать, писать и размышлять. Длинные вечера меня снова пріучили заниматься рукодѣліемъ, между тѣмъ какъ мать моя была такъ добра, что читала мнѣ вслухъ нѣсколько часовъ подъ рядъ. Я очень любила это чтеніе; но такъ какъ я при этомъ не могла настолько совершенно усваивать вещи, какъ мнѣ этого хотѣлось, оно подало мнѣ мысль дѣлать выписки. Я такимъ образомъ начинала свои утреннія занятія съ того, что набрасывала на бумагу то, что произвело наибольшее впечатлѣніе наканунѣ, затѣмъ я снова заглядывала въ книгу, чтобы получить связное представленіе или чтобы списать какое-нибудь мѣсто, которое мнѣ хотѣлось имѣть у себя цѣликомъ. Эта склонность обратилась въ привычку, потребность и страсть. Такъ какъ у моего отца была лишь маленькая библіотека, которую я уже раньше исчерпала, то я читала книги, которыя брала на прочтеніе или на которыя подписывалась въ библіотекѣ; я не могла вынести мысли о томъ, чтобы ихъ возвратить прежде, чѣмъ бы я себѣ не усвоила изъ нихъ то, что считала въ нихъ лучшимъ. Я такимъ образомъ основательно изучила Плюша, Роллена, Кревьэ, отца Орлеанскаго, Сенъ-Реаля, аббата Верто и Мезерэ, столь мало походящаго на послѣдняго; Мезерэ самый сухой писатель, но историкъ моей страны, которую я хотѣла знать. Моей бабушки Бимонъ уже не было на свѣтѣ; мой дядечка, получивши въ Сенъ-Бартелеми болѣе выгодное мѣсто, чѣмъ учителя пѣвчихъ, поселился у старшаго викарія—аббата Ле-Жэ, домъ котораго былъ поставленъ на довольно широкую ногу и у котораго мы послѣ службы вмѣстѣ съ нимъ проводили воскресные и праздничные вечера.

Аббатъ Ле-Жэ былъ добрый старикъ, тяжелый и неповоротливый по складу ума и тѣла, отвратительный проповѣдникъ, безжалостный духовникъ, казуистъ, не знаю что еще! Но онъ отлично умѣлъ устраивать собственныя дѣла; онъ съумѣлъ вывести въ люди и пристроить въ Парижѣ въ качествѣ нотаріусовъ своихъ двухъ братьевъ, занимавшихъ видное положеніе въ своей должности, тогда прибыльной и уважаемой. Самъ онъ для завѣдыванія своимъ хозяйствомъ пригласилъ одну свою родственницу дѣвицу де-Анашъ, нескладную, сухую и желтую, съ жесткимъ голосомъ, чрезвычайно гордившуюся своимъ дворянскимъ происхожденіемъ и надоѣдавшую всѣмъ своими хозяйственными талантами и пергаментами. Но, словомъ, это была женщина, а это всегда оживляетъ домъ священника; къ тому же она умѣла содержать столъ своего кузена, большого любителя по этой части, въ изобиліи и чистотѣ. Аббату Ле-Жэ было пріятно имѣть такого любезнаго нахлѣбника, какъ аббатъ Бимонъ; за столомъ было веселѣе, его кузина была болѣе въ духѣ, и его партія въ трикъ-тракъ обезпечена. Моя мать и его кузина сдѣлались партнершами;

что касается до меня, повидимому заброшенной, я легко примирялась съ занятіемъ этихъ четырехъ лицъ, такъ какъ аббатъ Ле-Жэ принималъ своихъ гостей въ большой библіотетѣ, которой я могла пользоваться какъ хотѣла. Изъ этого источника я черпала пока онъ былъ живъ; это продолжалось не полные три года; одинъ изъ его братьевъ разорился; это свело его съ ума, онъ томился въ теченіе 6 недѣль, бросился изъ окна и умеръ отъ послѣдствій своего паденія. Моя мать пріютила у себя дѣвицу де-Анашъ, тягавшуюся въ то время изъ за наслѣдства своего дяди капитана; она провела у насъ полтора года. Я, въ промежутокъ этого времени, была ея секретаремъ; я писала ея дѣловыя письма, списывала для нея ея дорогую родословную, составляла прошенія, которыя она подавала старшему предсѣдателю и прокурору Парижскаго парламента, назпаченныхъ распорядителями пенсій, основанныхъ нѣкіимъ г-мъ де Сенъ-Вальэ, для бѣдныхъ дѣвицъ-дворянокъ, и я иногда сопровождала ее, когда она въ качествѣ просительницы бывала у разныхъ лицъ. Я прекрасно замѣтила, что, несмотря на ея невѣжество, чопорныя манеры, неизящную рѣчь, старомодный нарядъ, и всѣ странности, ей оказывали почтеніе за ея происхожденіе; серьезно выслушивали имена ея предковъ, которые всѣ у нея всегда были на языкѣ, и хлопотали объ удовлетвореніи ея просьбъ. Я сравнивала приличный пріемъ, оказываемый ей съ пріемомъ г-жи де Буаморель, оставившій на мнѣ глубокій слѣдъ; я не могла скрыть отъ себя, что я была лучше дѣвицы де-Анашъ, не обладавшей, несмотря на свои сорокъ лѣтъ и родословную, способностью написать письмо, которое бы не грѣшило противъ здраваго смысла и было прилично написано, я нашла, что свѣтъ очень несправедливъ и общественныя учрежденія очень нелѣпы.

Но посмотримъ на то, чтó сталось съ моими монастырскими друзьями. Моя Агата мнѣ отъ времени до времени писала нѣжныя письма, по тону своему напоминающія тѣхъ воркующихъ голубковъ, которые могутъ себѣ позволить одно лишь чувство дружбы, хотя страстная душа ея умѣла придать тону этому болѣе горячій оттѣнокъ всякій разъ, какъ только могла, она вмѣстѣ съ ними присылала мнѣ маленькіе ларчики, хорошенькія подушечки для булавокъ и конфекты. Я навѣщала ее отъ времени до времени; я даже какъ то разъ, когда въ честь настоятельницы устроили празднество, вошла въ монастырь; привиллегію эту для меня выхлопотали, испросивъ на то безъ моего вѣдома разрѣшеніе архіерея, преподнесенное мнѣ затѣмъ въ видѣ особенной милости, значеніе которой я вполнѣ оцѣнила. Всюду царило оживленіе, молодыя дѣвушки были очень нарядны, гостиная разукрашена цвѣтами, трапезная уставлена лакомствами; нужно сознаться, что на этихъ празднествахъ бѣдныхъ затворницъ, въ которыхъ

можно было замѣтить ребячество, царило также и нѣчто привлекательное, простодушное, граціозное, являющееся отличительной чертой одной лишь женской кротости, живости ихъ воображенія и невинности ихъ развлеченій, когда онѣ веселятся между собой вдали отъ пола, присутствіе коего ихъ всегда дѣлаетъ серьезнѣе, если только не приводитъ въ иступленіе. Маленькая, очень посредственная драма, но которую оживили голоса молодыхъ дѣвушекъ, исполнявшихъ хоромъ нѣсколько куплетовъ, составляла первую часть программы; за ней слѣдовали веселые танцы; остроты порой удачныя, шаловливый смѣхъ, тѣмъ болѣе оживленный, что онъ представлялъ рѣзкій контрастъ съ обычной серьезностью — все это для милыхъ сестеръ и ихъ воспитанницъ явилось олицетвореніемъ сатурналіи. Монастырскій врачъ пришелъ въ лазаретъ навѣстить нѣсколькихъ больныхъ; надо же было ему дать посмотрѣть на празднество. Его привели подъ навѣсъ, разукрашенный зелеными вѣнками, гдѣ устроили нѣчто въ родѣ ярмарки; тамъ молодыя постриженныя монахини продавали романсы; другія угощали сладкими пирожками; одна изъ нихъ разъигрывала лотерею, другая ворожила; маленькія дѣти разносили корзины съ фруктами, а въ другомъ углу затѣвался концертъ. При появленіи докторскаго парика, послушницы спустили свои вуали, старшія пансіонерки оглянулись, не разстроились ли ихъ прически; младшія — приняли сосредоточенный видъ; даже я съ меньшей небрежностью стала держать свою гитару. Она висѣла передо мной на лентѣ, перевязанной черезъ плечо; меня просили спѣть и вдохновленная обстоятельствами я сочинила 2 посредственныхъ куплета, которые произвели большой эффектъ потому, что были сказаны кстати. Кажу остался бы доволенъ моимъ исполненіемъ, такъ какъ, благодаря тому, что я высказывала лишь такія чувства, которымъ могла свободно предаться, ничто не стѣсняло ихъ выраженія. Потребовали, чтобы я повторила ихъ при докторѣ; но это ужъ было не то; голосъ былъ менѣе твердъ, выраженіе какъ бы подавлено; одна старая монашенка замѣтила мнѣ это съ лукавымъ видомъ, прибавивъ, что это лишь дѣлало мое лицо болѣе трогательнымъ. Докторъ ушелъ; всѣ обрадовались его уходу, хотя никто бы не желалъ, чтобы онъ не приходилъ вовсе.

Софья уже вернулась къ своей семьѣ въ Амьенъ. Мы передъ ея отъѣздомъ упросили нашихъ матерей познакомиться другъ съ другомъ; онѣ, такъ сказать, освятили нашу дружбу, взаимно поздравляя себя съ выборомъ своихъ дочерей, и улыбнулись, слушая обѣщанія не забывать другъ друга, которыми мы обмѣнялись въ ихъ присутствіи. Это оказалось ближе къ истинѣ, чѣмъ онѣ то тогда предполагали, несмотря на произошедшія измѣненія, о которыхъ узнаютъ далѣе. Я стала очень аккуратно переписываться съ своимъ другомъ; я ей

писала каждую недѣлю, чаще по два раза, нежели по разу. Что же вы говорили?—спросятъ меня. Все то, что видѣла, думала, чувствовала, замѣчала, и я по истинѣ многое имѣла сказать. Эти сообщенія въ самихъ себѣ носили источникъ совершенствованія; я научалась больше думать, высказывая свои мысли; я училась съ большимъ жаромъ, потому что мнѣ доставляло удовольствіе дѣлиться тѣмъ, что я пріобрѣтала, и я внимательнѣе наблюдала, потому что мнѣ нравилось описывать. Софья мнѣ писала меньше; многочисленная семья, открытый домъ, много общественныхъ обязанностей, та поглощенная мелочами и наполненная безсмысленными визитами, провинціальная жизнь, часть которой аккуратно посвящалась игрѣ во имя любви къ ближнему, не оставляли у нея досуга, ни чтобы передавать мнѣ, ни самой воспринимать столько вещей. Она, можетъ быть, благодаря этому, особенно дорожила тѣми, которыя узнавала отъ меня и этимъ меня тѣмъ болѣе заинтересовывала сообщать ихъ ей. Смерть аббата Ле-Жэ лишила меня библіотеки, гдѣ я имѣла историковъ, миѳологовъ, отцевъ церкви и литераторовъ, Котру и Руллье, называвшихъ Горація Коклеса великодушнымъ косоглазымъ; Мэмбура, столь же хорошаго вкуса, Берювьэ написавшаго Исторію народа Господня такимъ слогомъ, какимъ Битобэ написалъ поэму о Іосифѣ; рыцаря де Фолара, совсѣмъ иного склада; его подробныя описанія войны мнѣ казались болѣе дѣльными, чѣмъ размышленія іезуитовъ; аббата Баніэ для меня гораздо болѣе занимательнаго, чѣмъ аббатъ Флери, Кондильяка и отца Андрэ, метафизика которыхъ примѣненная къ искусству краснорѣчія, къ прекрасному во всѣхъ его проявленіяхъ, необыкновенно мнѣ понравилась; нѣсколько стихотвореній Вольтера и „Опыты морали" Николя, Житія отцевъ пустынниковъ и біографію Декарта, составленную Андрэ Бальэ, всеобщую исторію Боссюэ; письма Св. Іеронима и романъ Донъ Кихота; тысячу другихъ столь же разнообразныхъ вещей. Пришлось по неволѣ обратиться къ книгопродавцамъ. Мой отецъ не былъ въ состояніи выбирать и потому спрашивалъ то, что я ему указывала; мой выборъ падалъ на тѣ произведенія, о которыхъ я себѣ составила нѣкоторое понятіе на основаніи ссылокъ или инымъ путемъ изъ прочитанныхъ уже книгъ. Я такимъ образомъ отмѣтила себѣ переводы древнихъ историковъ, Діодора Сицилійскаго и другихъ; мнѣ хотѣлось перечесть исторію своей страны, написанную не Мезерэ, а другимъ писателемъ; я выбрала аббата Велли и его продолжателей, — гораздо менѣе интересныхъ, чѣмъ онъ, хотя они, принимая во вниманіе эпохи, о которыхъ писали, должны, были бы быть еще интереснѣе, если бы обладали равнымъ съ нимъ талантомъ. Паскаля, Монтескье, Локка, Бурламаки, нашихъ главныхъ драматурговъ. Я не имѣла иного плана ни цѣли, кромѣ знанія и образованія; мнѣ нужно было упражнять

дѣятельность своего ума, питать свои серьезныя вкусы; я чувствовала потребность въ счастіи, я могла осуществить его лишь при посредствѣ бо́льшаго развитія своихъ способностей; оно для меня заключалось въ прилежаніи. Не знаю что бы изъ меня вышло, еслибы я попала въ руки какого-нибудь искуснаго воспитателя; весьма вѣроятно, что, сосредоточившись на одномъ и главномъ предметѣ, я бы могла достигнуть бо́льшаго совершенства въ какой-нибудь спеціальной отрасли знанія или развить въ себѣ большой талантъ. Сдѣлало бы это меня лучше или полезнѣе? Это вопросъ, который я предоставляю другимъ рѣшить; но это навѣрно не сдѣлало бы меня счастливѣе; для меня ничто не можетъ сравниться съ полнотой жизни, мира, удовлетворенія этихъ годовъ невинности и занятій. Они, впрочемъ, протекли не безъ волненій: бываетъ ли жизнь человѣка на землѣ когда-нибудь свободной отъ нихъ?

Я обыкновенно читала нѣсколько книгъ одновременно; надъ нѣкоторыми изъ нихъ я работала, другія читала для отдыха; длинныя историческія произведенія мы читали, какъ я уже о томъ упоминала, вслухъ по вечерамъ, ставшимъ единственнымъ временемъ, когда я бывала со своею матерью; я весь день проводила одна въ своемъ кабинетѣ, гдѣ дѣлала выписки, забавлялась или думала. Въ праздничные дни въ хорошее время года мы отправлялись на общественныя гулянья; мой отецъ меня старательно водилъ на всѣ выставки картинъ и различныхъ предметовъ искусства, весьма обычныхъ въ Парижѣ въ вѣкъ роскоши и благосостоянія этого рода. Онъ очень наслаждался въ такихъ случаяхъ, такъ какъ мило проявлялъ свое превосходство, обращая мое вниманіе на то, что зналъ лучше меня и радовался вкусу, который находилъ во мнѣ, какъ собственному своему созданію. Это было точкой соприкосновенія между нами; мы дѣйствительно чувствовали связь между собой въ такихъ случаяхъ. Никакая представительность не оставляло его равнодушнымъ, и было очевидно, что онъ любилъ показываться въ обществѣ, ведя подъ руку нарядную дѣвушку, цвѣтущимъ видомъ своимъ иногда вызывавшую комплименты, доносившіеся до его ушей. Если кто нибудь заговаривалъ съ нимъ, недоумѣвая относительно званія той, которая его сопровождала, онъ говорилъ: это моя дочь, съ скромно-торжествующимъ видомъ, который, я лучше всѣхъ замѣчала и который меня очень трогалъ, не возбуждая моего тщеславія, такъ какъ я въ этомъ видѣла лишь доказательство его нѣжности. Когда я говорила, онъ видимо наблюдалъ за тѣмъ, какое впечатлѣніе производилъ на постороннихъ звукъ моего голоса, здравый смыслъ, который я способна была проявить, и выражалъ имъ своими взглядами: не имѣю ли я основаніе гордиться? Я чувствовала все это; это иногда усиливало мою застѣнчивость, но не было не-

пріятно: мнѣ казалось, что я своею скромностью должна была искупить тщеславіе своего отца. Этотъ свѣтъ, это искусство, воображеніе, пробуждаемое имъ, желаніе нравиться столь естественное и столь сильное у женщинъ, моя набожность, мои занятія, разумъ и вѣра, какъ все это укладывалось вмѣстѣ? Въ этомъ именно крылась причина той тревоги, о которой я только что говорила. Ростъ и послѣдствія ея заслуживаютъ болѣе подробнаго изложенія, хотя это и довольно трудно исполнить.

У бóльшей части людей, естественно созданныхъ для чувства болѣе, чѣмъ для мысли, страсти наносятъ первые удары вѣрѣ, если послѣдняя была заложена воспитаніемъ. Ахъ! онѣ же зарождаютъ противорѣчія между исповѣдуемыми принципами; желаніями, которыхъ эти принципы не въ состояніи подавить и учрежденіями строя, плохо разсчитаннаго на то, чтобы ихъ примирить между собой. Но въ молодой размышляющей головѣ, живущей вдали отъ искушеній общества, разумъ первый начинаетъ тревожиться и изслѣдуетъ даже раньше, чѣмъ для него бываетъ выгодно сомнѣваться. Если даже причина моей тревоги не имѣла личнаго характера, она все же находилась въ тѣсной зависимости отъ моей чувствительности; я думала сердцемъ, и мой умъ, сохраняя свою независимость, никогда не былъ равнодушнымъ.

Первое, что мнѣ внушило отвращеніе къ религіи, которую я исповѣдовала съ искренностью основательнаго и послѣдовательнаго ума, было осужденіе всѣхъ, кто ее отвергалъ или не зналъ. Когда я, ознакомившись съ исторіей, хорошенько вглядѣлась въ обширность міра, въ непрерывный рядъ вѣковъ, въ развитіе государствъ, въ общественныя добродѣтели, въ заблужденія стольких народовъ, — я нашла пошлой, смѣшной и жестокой мысль о Создателѣ, осудившемъ на вѣчныя муки безчисленныхъ людей, слабыхъ созданій его рукъ, брошенныхъ на землю среди стольких опасностей и во мракѣ невѣдѣнія, уже доставившаго имъ столько страданій. Я ошибалась относительно этого догмата, это очевидно, не ошибаюсь ли и относительно какого-либо другого догмата? Станемъ изслѣдовать. Съ той минуты, какъ какой-либо католикъ сдѣлалъ подобное разсужденіе, церковь можетъ его считать какъ бы потеряннымъ для себя. Я вполнѣ понимаю почему священники требуютъ слѣпого подчиненія и такъ страстно проповѣдуютъ ту религіозную вѣру, которая воспринимаетъ безъ изслѣдованія и обожаетъ безропотно; это основаніе ихъ владычества, оно разрушится, какъ только начнутъ разсуждать. Послѣ жестокости осужденія меня сильнѣе всего поразила нелѣпость непогрѣшимости, и я не замедлила отвергнуть какъ то, такъ и другую. Что же остается истиннаго? Вотъ что сдѣлалось предметомъ изслѣдованія, надъ которымъ я работала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ энергіей и иногда

душевной тоской, трудно подлежащей описанію. Критическія сочиненія, философы, моралисты, метафизики—стали моимъ любимымъ чтеніемъ, я разыскивала слѣды, которые бы могли мнѣ дать о нихъ указанія; сравненія между ними, ихъ анализъ преимущественно занимали меня. Я потеряла Викторинца, своего духовника, онъ умеръ, этотъ добрый г. Ламеманъ, о честности и умѣ котораго мнѣ пріятно еще и здѣсь засвидѣтельствовать. Вслѣдствіе необходимости избрать ему преемника, мой выборъ палъ на аббата Морель, причисленнаго къ нашему приходу и съ которымъ я встрѣчалась у своего дяди. Это былъ маленькій человѣкъ, не глупый, державшійся очень строгихъ принциповъ: эта причина была для меня рѣшающей. Когда вѣра моя поколебалась, онъ первый объ этомъ узналъ, такъ какъ я всегда умѣла говорить одну только правду. Онъ поспѣшилъ прислать мнѣ для прочтенія апологетовъ и защитниковъ христіанской религіи, я такимъ образомъ очутилась въ обществѣ аббата Гоша, аббата Берžіэ, Аббади, Голлана, Кларка и т. д.—я ихъ серьезно изучила; я иногда писала замѣчанія, и оставляла ихъ въ книгѣ, возвращая послѣднюю аббату Морелю, который съ удивленіемъ спрашивалъ меня, сама ли я ихъ написала и задумала. Самое комичное было то, что черезъ эти произведенія я узнала о существованіи тѣхъ, которыя они имѣли притязаніе опровергнуть, и что въ нихъ я вычитала ихъ заглавіе съ тѣмъ, чтобы ихъ достать. Такимъ образомъ, Трактатъ о терпимости, Философскій словарь, Энциклопедическіе вопросы, Здравый смыслъ маркиза д'Аржанъ, Еврейскія письма, Турецкій шпіонъ, Нравы, Духъ, Дидеро, д'Аламберъ, Рейналь, Система природы, попеременно прошли черезъ мои руки.

Мое развитіе не ограничивалось однимъ умственнымъ ростомъ, физическій организмъ съ своей стороны тоже развивался во всѣхъ направленіяхъ. Мнѣ было 14 лѣтъ, когда въ одинъ прекрасный день —1-го мая, онъ внезапно расцвѣлъ безо всякихъ усилій, какъ роза, яркая и свѣжая, распускается подъ могущественными лучами весенняго солнца. Хотя моя мать никогда мнѣ опредѣленно не говорила о томъ, что меня ожидало, но она при случаѣ, достаточно много, по этому поводу высказывалась въ моемъ присутствіи и особенно бабушку мою чрезвычайно занимало дѣлать мнѣ нѣкоторыя предсказанія, такъ что событіе это меня не удивило.

Я замѣтила его съ нѣкоторою радостью, какъ посвященіе въ классъ взрослыхъ людей, и я объявила о немъ доброй моей матери, которая нѣжно поцѣловала меня, обрадованная тѣмъ, что я такъ блистательно миновала время, безпокоившее ее за мое здоровье. До того времени я иногда самымъ страннымъ образомъ пробуждалась отъ глубокаго сна. Воображеніе тутъ было не при чемъ; слишкомъ

много серьезныхъ предметовъ поглощали его собой, и моя боязливая совѣсть слишкомъ заботливо оберегала его отъ увлеченія другими вещами для того, чтобы я могла представить себѣ то, чего не позволяла себѣ пытаться понять. Но въ теплѣ постели моими чувствами овладѣвало странное волненіе, производившее само собой, благодаря великолѣпному тѣлосложенію, очищеніе, которое для меня было также неизвѣстно, какъ и его причина. Первое чувство воспослѣдовавшее изъ этого, было, не знаю почему, нѣчто вродѣ страха: я замѣтила въ своей Филоѳеѣ, что намъ не дозволено извлекать никакихъ удовольствій изъ тѣлъ нашихъ, когда мы не находимся въ законномъ бракѣ. Я вспомнила объ этомъ наставленіи: то, что я испытала могло назваться удовольствіемъ, я, слѣдовательно, была виновата и въ томъ направленіи, какое могло мнѣ причинить больше всего стыда и горя, такъ какъ оно больше всего не нравилось Непорочному агнцу. Большая тревога въ моемъ бѣдномъ сердцѣ, молитвы и умерщвленія плоти: какъ избѣгнуть подобной вещи? такъ какъ я, вѣдь, не предвидѣла ее; но въ то мгновеніе, какъ я испытывала ее, я не постаралась ее подавить. Я стала необыкновенно строго наблюдать за собой. Я замѣтила, что иныя положенія меня болѣе подвергаютъ опасности нежели другія; я старательно ихъ избѣгала. Безпокойство было такъ сильно, что мнѣ впослѣдствіи удавалось просыпаться до катастрофы. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда я не смогла предотвратить ея, я вскакивала съ постели, съ босыми ногами на натертомъ полу, несмотря на зимній холодъ и со скрещенными руками я просила Господа спасти меня отъ сѣтей діавола; я тотчасъ же налагала на себя какое-нибудь лишеніе; и мнѣ случалось буквально осуществлять то, что Царь-пророкъ сообщилъ намъ можетъ быть лишь въ видѣ риторики въ восточномъ вкусѣ — посыпать хлѣбъ свой пепломъ, орошая его своими слезами. Я не разъ завтракала, посыпая свою тартинку золой вмѣсто соли, изъ духа покаянія. Эти завтраки также мало отразились на моемъ здоровьи, какъ и ночныя происшествія, для искупленія коихъ я подвергала себѣ этому безразсудному режиму. Я наконецъ поняла, что это могли быть испытанія, ниспосланныя небомъ для того, чтобы поддерживать въ насъ скромное недовѣріе къ своимъ силамъ; я вспомнила о жалобахъ и молитвахъ св. Павла объ избавленіи его отъ какого-то демона и его назойливыхъ вожделѣніяхъ; я себѣ вообразила, что ради этого св. Бернардъ иногда бросался въ снѣгъ, св. Іеронимъ облекалъ свое тѣло власяницей, и что потому такъ усердно рекомендовался постъ тѣмъ, кто желалъ достигнуть совершенства. Какъ я бывала смиренна и ревностна, когда это со мной случалось! Какъ мой голосъ, мой застѣнчивый видъ, этотъ румянецъ еще болѣе яркій, эти влажные и блестящіе

глаза придавали еще больше выраженія лицу, дышавшему чистосердечіемъ и чувствительностью! Какая смѣсь невинности, преждевременно созрѣвшихъ чувствъ, здраваго смысла и простоты! — Поистинѣ я почти счастлива своимъ пребываніемъ въ тюрьмѣ, ради воспоминаній объ этихъ подробностяхъ, о которыхъ я еще никогда не доставляла себѣ удовольствія подумать и которыя меня въ самомъ дѣлѣ забавляютъ.

Я уже вижу, какъ любопытные безпокоятся о томъ, что я могла по этому поводу сказать на исповѣди; но имъ навѣрно легче представить себѣ мое положеніе, чѣмъ мнѣ было выпутаться изъ него. Какъ самое строгое разслѣдованіе ни успокоивало мою совѣсть, доказывая ей непроизвольность того, что свершилось, я постоянно вспоминала про принципъ Филоѳеи, про доводъ въ пользу его, и если это, наконецъ, было испытаніемъ, слѣдовало ли мнѣ о немъ говорить духовному отцу? Какъ за это взяться? Какимъ именемъ назвать? Что описать? Что я могла сказать?—Отецъ мой! я сознаю себя виновной...—Ну что-жъ?—что послѣ того сказать?—Сердце мое билось, лицо пылало, я обливалась потомъ; я сознаю себя виновной въ томъ, что испытывала побужденія, противныя христіанской чистотѣ. Ахъ, какая прекрасная фраза! Я этому выраженію также обрадовалась, какъ Сантейлъ подысканной имъ риѳмѣ и Архимедъ—разрѣшенной имъ задачѣ. Но еслибъ онъ сталъ мнѣ предлагать еще какіе-нибудь вопросы? Но онъ самъ долженъ знать, а это все, что я могу сказать. Я въ этотъ день дрожала еще сильнѣе, опускаясь на колѣни передъ святымъ престоломъ, и, спустивъ вуаль до самаго подбородка, я поспѣшила облегчить свое сердце отъ наиболѣе тяжелой вины.—Способствовали ли вы этому?—Не знаю; но не произвольно.—Не читали ли скверныхъ книгъ?—Никогда.—Не предавались ли вы сквернымъ мыслямъ?—О, нѣтъ, онѣ пугаютъ меня. А... дальше!...—Не знаю; не долженъ ли былъ добрый аббатъ Морель тогда подавить въ себѣ какую-нибудь скверную мысль, но онъ съ мудрой скромностью больше ничего не прибавилъ; я рѣшила, что его—„а, дальше“ означало переходъ къ очереднымъ дѣламъ и что я слѣдовательно не была столь виноватой, какъ я того боялась; онъ тѣмъ не менѣе въ заключительныхъ словахъ поученія посовѣтовалъ мнѣ очень наблюдать за собой, помнить, что ангельская чистота была наиболѣе пріятной Господу добродѣтелью и другія общія мѣста, о которыхъ я каждый день читала; я убѣдилась, что была права, рѣшивъ, что это было испытаніе и, давъ такое толкованіе апостолу Павлу и другимъ, моя совѣсть освободилась отъ очень тягостнаго укора и я продолжала слѣдить за собой, но уже не волновалась. Трудно описать какъ велика польза, которую на всю жизнь приноситъ привычка къ подобному воздержа-

нію, какъ бы она не была пріобрѣтена; она надо мной возымѣла такую власть, что я изъ нравственныхъ побужденій и деликатности сохранила строгость внушенную мнѣ моею набожностью. Привычка обуздывать свое воображеніе научила меня владѣть имъ; я получила какое-то отвращеніе ко всякому грубому или одинокому удовольствію, и среди опасныхъ положеній я оставалась воздержанной отъ сладострастія въ то время, какъ соблазнъ могъ меня увлечь до забвенія обстоятельствъ и принциповъ. Для меня удовольствіе также какъ и счастье заключается лишь въ соединеніи того, что способно плѣнять сердце также какъ и чувственность, и не оставляетъ послѣ себя сожалѣній и при подобномъ образѣ дѣйствій, трудно забыться и невозможно опошлиться; но это не предохраняетъ отъ того, что можно назвать страстью и даже можетъ быть оставляетъ больше матеріала чтобы питать ее. Я могла бы тутъ въ качествѣ геометра присовокупить, C. C. Q. F. D. [1]). Терпѣніе, мы еще успѣемъ придти къ доказательству.

Къ новымъ ощущеніямъ здороваго организма незамѣтно присоединились всѣ оттѣнки желанія нравиться: я любила казаться хорошенькой, мнѣ нравилось, когда мнѣ это говорили, и я съ самодовольствомъ занималась тѣмъ, что могло мнѣ доставить это развлеченіе. Теперь, можетъ быть, будетъ своевременно начертить мой портретъ: безразлично сдѣлать ли это теперь или въ другомъ мѣстѣ. Въ 14 лѣтъ во мнѣ было, какъ и теперь, около 5-ти футовъ росту, который достигъ полнаго своего развитія; красивыя ноги, изящнаго сложенія, очень высокіе бока; грудь широкая и роскошно развившаяся, покатыя плечи; увѣренная и граціозная осанка, быстрая и легкая походка; все это замѣчалось на первый взглядъ. Мое лицо ничего не имѣло въ себѣ такого, что бы бросалось въ глаза, исключая большой свѣжести, чрезвычайной кротости и выразительности; еслибы разбирать каждую черту въ отдѣльности, можно было бы себѣ задать вопросъ—въ чемъ же заключается красота? Всѣ черты неправильны и всѣ нравятся. Ротъ немного великъ; видишь тысячи ртовъ, которые красивѣе его, но ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ болѣе нѣжной и обаятельной улыбкой. Глаза, напротивъ того, не очень велики, зрачекъ ихъ сѣро-караго цвѣта, но они на выкатѣ, взглядъ открытый, искренній, живой и кроткій, они увѣнчаны бровями такого же каштановаго цвѣта, какъ и волосы, и прекрасно обрисованы; они измѣнчивы въ своемъ выраженіи, какъ любящая душа, чувства которой они передаютъ; серьёзные и гордые, они иногда удивляютъ, но ласкаютъ еще гораздо болѣе и всегда оживляютъ. Носъ нѣсколько огорчалъ меня, я находила, что кончикъ его немного

---

[1]) C'est Ce Qu'il Fallait Démontrer, что и требовалось доказать.

толстъ; онъ однако не портилъ общаго впечатлѣнія, особенно въ профиль. Лобъ широкій, гладкій, открытый въ тѣ годы, онъ покоился надъ чрезвычайно глубокими глазными впадинами, посреди его въ видѣ Y при малѣйшемъ волненіи обозначались жилки, онъ былъ далекъ отъ той незначительности, какою онъ отличается въ столькихъ лицахъ. Что касается до подбородка, довольно выдающагося, въ немъ обозначались тѣ черты, которыя физіономисты считаютъ признаками сладострастія. Если ихъ сопоставить со всѣмъ тѣмъ, что является моими отличительными свойствами, то я сомнѣваюсь, чтобы когда-либо кто-нибудь былъ болѣе созданъ для нея и меньше ею насладился. Цвѣтъ лица скорѣе яркій, чѣмъ очень бѣлый, блестящія краски, которыя часто еще оживлялись подъ вліяніемъ внезапнаго прилива горячей крови, возбуждаемой самыми чувствительными нервами; нѣжная кожа, округленныя руки, рука пріятная, хотя и не маленькая, такъ какъ длинные и тонкіе пальцы ея показывали ловкость и сохраняли грацію; хорошіе ровные зубы; полнота, являвшаяся признакомъ превосходнаго здоровья; таковы сокровища, дарованныя мнѣ природой. Я многія изъ нихъ утратила, въ особенности изъ тѣхъ, которыя относятся къ полнотѣ и свѣжести; тѣ, которыя у меня остались, скрываютъ еще безъ того, чтобы я пускала въ ходъ какое-нибудь искусство отъ 5 до 6 изъ моихъ годовъ; и мнѣ приходится говорить о томъ, сколько мнѣ лѣтъ даже людямъ, видящимъ меня ежедневно для того, чтобы они мнѣ повѣрили, что мнѣ болѣе 32 или 33 лѣтъ. Лишь со времени моихъ утратъ я поняла все то, что имѣла; я не знала его цѣны, когда имъ обладала, и можетъ быть это невѣдѣніе повышало его значеніе; я не жалѣю теперь о немъ, такъ какъ не злоупотребляла имъ; но если бы возможно было согласовать долгъ съ моимъ влеченіемъ, чтобы сдѣлать менѣе безполезнымъ то, что у меня осталось, я бы не была этимъ недовольна. Мой портретъ былъ написанъ нѣсколько разъ красками и гравированъ; ни одно изъ этихъ подражаній не даетъ понятія о моей наружности [1]); трудно уловить сходство съ ней, такъ какъ во мнѣ больше души, чѣмъ внѣшней красоты, больше выраженія, чѣмъ правильности чертъ. Обыкновенный художникъ не въ состояніи передать меня; очень даже вѣроятно, что онъ не видитъ меня. Мое лицо оживляется соразмѣрно съ интересомъ, который мнѣ внушаютъ люди, точно также, какъ мой умъ развивается соотвѣтственно съ умомъ, который они пускаютъ въ ходъ со мною. Я себя чувствую такой глупой со столькими людьми, что, замѣтивъ свою находчивость съ остроумными людьми, я долго въ своемъ добродушіи приписывала ее ихъ искусству. Я обыкновенно

---

[1]) Камея Ланглуа наименѣе плохое изъ нихъ.

нравлюсь, потому что боюсь обидѣть кого бы то ни было; но не всѣмъ дано находить меня хорошенькой и чувствовать мое значеніе. Иной старикъ, влюбленный въ самого себя, любящій хвастаться крохами своего давно добытаго знанія, могъ бы меня видѣть 10 лѣтъ, не подозрѣвая что бы я знала что-нибудь иное, чѣмъ дѣлать сложеніе или шить рубашку. Камиллъ (Дэмуленъ) былъ правъ, когда удивлялся, что въ мои годы и при столь незначительной красотѣ, я имѣла то, что онъ называетъ поклонниками; я никогда не говорила съ нимъ, но можно было бы биться объ закладъ, что съ такимъ человѣкомъ, какъ онъ, я была бы холодной и молчаливой, если не отталкивающей. Онъ не попалъ въ цѣль, надѣливъ меня дворомъ; я также ненавижу волокитъ, какъ презираю рабовъ и великолѣпно умѣю выпроваживать любителей строить комплименты. Я прежде всего чувствую потребность въ уваженіи и доброжелательствѣ; могутъ затѣмъ восхищаться силой, если пожелаютъ; но нужно, чтобы меня отличали и любили; это неизмѣнно случается, если меня видятъ часто и обладаютъ здравымъ смысломъ и сердцемъ.

Это желаніе нравиться, волнующее юную грудь, заставляющее испытывать сладкій трепетъ, когда замѣчаешь, что являешься предметомъ восхищенныхъ взглядовъ, въ оригинальномъ сочетаніи съ застѣнчивостью, свойственной стыдливости и строгостью моихъ принциповъ, придавали мнѣ также, какъ и туалету моему, совершенно особенную прелесть. Ничто не могло быть приличнѣе моего платья и скромнѣе моего обращенія; я любила, чтобы они были просты; я стремилась въ нихъ лишь къ граціи, а находили ихъ прелестными. Со всѣмъ тѣмъ это отреченіе отъ свѣта, это презрѣніе къ его пышности и его дѣламъ постоянно проповѣдуемое христіанской моралью, плохо примирялись съ природными влеченіями; противорѣчіе между ними сперва мучило меня; но критика неизбѣжно распространилась на правила поведенія также, какъ и на тайны—предметы вѣры; я съ одинаковымъ вниманіемъ пыталась разрѣшить то, что я должна была дѣлать, и изслѣдовать то, во что я могла вѣрить. Изученіе философіи, какъ науки о нравахъ и основаніи счастья, сдѣлалось моимъ единственнымъ занятіемъ; я сосредоточила на ней свое чтеніе и свои наблюденія.

Со мной въ метафизикѣ, относительно философскихъ системъ происходило то же, что я испытывала читая поэмы; мнѣ казалось, что я преображалась въ лица драмы, имѣвшія наибольшее сходство со мной, или въ тѣ изъ нихъ, которыхъ я больше уважала; я воспринимала взгляды, поражавшіе меня своей новизной или блескомъ; они были моими до новаго или болѣе глубокаго изслѣдованія. Такъ, въ сочиненіяхъ полемическаго характера я стала на сторону авторовъ

Поръ-Рояля; ихъ логика и строгость подошли къ моему складу, между тѣмъ, какъ я чувствовала естественное отвращеніе къ іезуитскимъ уверткамъ и слащавости. Когда я читала о древнихъ сектахъ философовъ, я отдавала пальму первенства стоикамъ; я, подобно имъ, пыталась настаивать что страданіе не зло; и такъ какъ это безуміе не могло долго длиться, я упорствовала въ томъ, чтобы по крайней мѣрѣ не позволять себѣ быть побѣждаемой имъ; мои небольшія испытанія убѣдили меня въ томъ, что я могла переносить величайшія страданія, не испуская криковъ. Первая ночь супружеской жизни разбила мои претензіи, которыя я сохраняла до той поры; правда, что тутъ подѣйствовала неожиданность, и что неопытный стоикъ долженъ быть сильнѣе въ отношеніи къ предусматриваемому злу, чѣмъ по отношенію къ тому, которое поражаетъ врасплохъ, когда онъ ждетъ совсѣмъ противоположнаго.

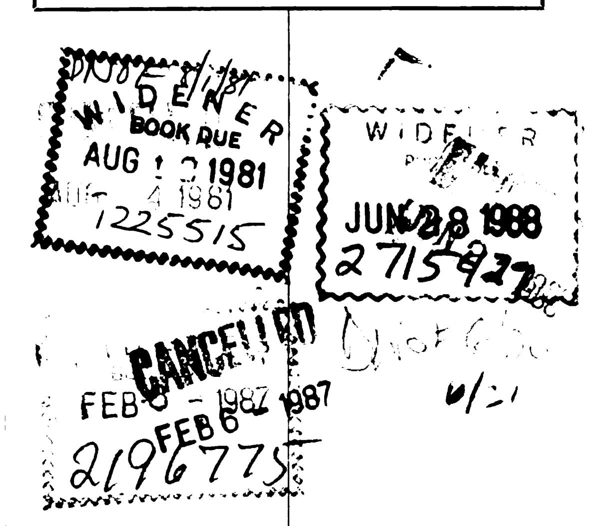
Въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, читая Декарта и Мальбранша, я дошла до того, что смотрѣла на свою кошку, когда она мяукала, какъ на заведенную машину; но отдѣляя, такимъ образомъ, чувство отъ его проявленія, мнѣ казалось, что я разсѣкала міръ на части и перестала въ немъ находить прелесть; для меня было гораздо пріятнѣе всему приписывать душу, и я бы скорѣе приняла душу Спинозы, чѣмъ обошлась бы совсѣмъ безъ души. Гельвецій меня заставилъ страдать; онъ уничтожалъ самыя очаровательныя иллюзіи; онъ всюду выставлялъ отталкивающій для меня эгоизмъ; но сколько проницательности! Какое чудесное изложеніе! Я убѣдила себя, что Гельвецій изображалъ людей такими, какими они стали подъ вліяніемъ общественной порчи; я рѣшила, что слѣдовало изучить этого автора, чтобы посѣщать такъ называемый свѣтъ и не быть обманутой имъ; но я и не думала принимать его принципы для сужденія о человѣкѣ, какъ таковомъ, и для оцѣнки самой себя; я бы считала себя униженной; я чувствовала себя способной къ великодушію, которое онъ не признавалъ. Съ какимъ восхищеніемъ я противуполагала тому, что онъ говорилъ, великія событія исторіи и добродѣтели героевъ, прославленныхъ ею! Читая разсказъ о какомъ-нибудь прекрасномъ поступкѣ, я всегда себѣ говорила: „Вотъ какъ бы и я поступила!“ Я страстно увлекалась республиками, такъ какъ въ нихъ чаще всего я встрѣчала добродѣтели, возбуждавшія мой восторгъ, и людей достойныхъ моего уваженія; я пришла къ убѣжденію, что строй ихъ былъ единственнымъ подходящимъ къ тѣмъ и другимъ; я себя не считала ниже первыхъ, я съ негодованіемъ отвергала мысль о союзѣ съ человѣкомъ, который бы не стоилъ вторыхъ, и, вздыхая, спрашивала себя, почему я не родилась среди нихъ?

Мы предприняли путешествіе въ Версаль, моя мать, дядечка,

дѣвица де-Анашъ и я; это путешествіе не имѣло иной цѣли, какъ показать мнѣ дворъ, его мѣстопребываніе и развлечь этимъ зрѣлищемъ. Мы остановились во дворцѣ. Г-жа Ле-Гранъ, придворная дама при супругѣ дофина, знакомая съ аббатомъ Бимономъ черезъ своего сына, его прежняго товарища, о которомъ мнѣ еще придется говорить, уступила намъ свою квартиру, такъ какъ не была въ то время дежурной. Квартира была подъ самой крышей, въ одномъ корридорѣ съ архіепископомъ Парижскимъ и въ столь близкомъ сосѣдствѣ отъ него, что этотъ духовный сановникъ долженъ былъ наблюдать за собой, чтобы мы не слышали, какъ онъ говорилъ; ту-же предосторожность приходилось соблюдать и намъ. Двѣ комнаты, довольно скудно обмеблированныхъ, подъ потолкомъ одной изъ коихъ былъ пристроенъ уголъ, гдѣ спалъ лакей, съ отвратительнымъ входомъ вслѣдствіе мрака въ корридорѣ и запаха отъ отхожихъ мѣстъ, таково было жилище, которымъ гордился герцогъ и пэръ Франціи, ради того, чтобы быть болѣе подъ рукой для ежедневныхъ раболѣпствованій по утрамъ при вставаніи ихъ Величествъ: и это однако былъ ригористъ Бомонъ!.. Въ теченіе 8 дней мы были зрителями большихъ и малыхъ обѣдовъ всей королевской семьи въ сборѣ или въ одиночку, мессъ, прогулокъ, игръ, представленій. Знакомые г-жи Ле-Гранъ облегчили намъ туда доступъ; дѣвица де-Анашъ гордо проникала всюду, готовая пустить свое имя въ лицо всякому, кто бы ей оказалъ сопротивленіе, и увѣренная, что на ея комичномъ лицѣ были написаны 660 лѣтъ ея доказаннаго дворянства. Она узнала двухъ или трехъ человѣкъ изъ гвардіи короля, родословную которыхъ она очень подробно изложила намъ; она оказалась родственницей того изъ нихъ, который носилъ самое старинное имя, хотя и игралъ тѣмъ не менѣе очень незначительную роль при дворѣ. Красивое лицо педантика, какимъ былъ аббатъ Бимонъ, и глупая спѣсь уродливой де-Анашъ не слишкомъ были неумѣстны въ этихъ мѣстахъ; но не нарумяненное лицо моей почтенной матери и скромность моего туалета выдавали въ насъ буржуа; если раздавались какіе-нибудь комплименты моимъ глазамъ или молодости, они почти отзывались покровительствомъ, и доставляли мнѣ почти такое же непріятное чувство, какъ комплименты г-жи де Буаморель. Философія, фантазія, чувство и расчетливость были одинаковы развиты во мнѣ. Впечатлѣніе большаго великолѣпія не оставляло меня равнодушной; но я возмущалась тѣмъ, что оно имѣло цѣлью возвысить нѣсколько личностей и безъ того уже слишкомъ могущественныхъ и очень самихъ по себѣ незначительныхъ; я предпочитала видѣть статуи садовъ, нежели обитателей дворцовъ; и когда мать моя меня спросила, довольна ли я своей поѣздкой: „Да, отвѣтила я, лишь бы она скорѣе кончилась; еще нѣсколько, дней и я

такъ сильно возненавижу людей, которыхъ вижу, что не буду знать, какъ совладать со своею ненавистью". — Что же они тебѣ дѣлаютъ дурного, спросила моя мать? — „Они заставляютъ меня чувствовать несправедливость и ежеминутно созерцать глупость". Я вздыхала, думая объ Аѳинахъ, гдѣ бы я также восхищалась предметами искусствъ, но не была бы оскорбляема зрѣлищемъ деспотизма; я мысленно прогуливалась по Греціи, я присутствовала на Олимпійскихъ играхъ и возмущалась тѣмъ, что была француженкой. Находясь такимъ образомъ подъ обаяніемъ всего того, что представляло моему воображенію прекрасное время республикъ, я скользила мимо бурь, которыми онѣ были потрясаемы; я забывала о смерти Сократа, объ изгнаніи Аристида, объ осужденіи Фокіона. Я не знала, что небо предназначало мнѣ быть свидѣтельницей заблужденій подобныхъ тѣмъ, жертвами которыхъ они пали, и раздѣлить славу подвергнуться такимъ же преслѣдованіямъ, послѣ того, что я исповѣдывала ихъ принципы. Призываю небо въ свидѣтели, что личныя страданія мои не исторгли у меня ни одного сожалѣнія, ни вздоха: меня сокрушаютъ лишь несчастія моей родины. Во время раздоровъ между дворомъ и парламентовъ въ 1771 г., мой характеръ и убѣжденія заставили меня стать на сторону послѣднихъ; я доставала себѣ всѣ ихъ протесты (remontrances) и мнѣ особенно нравились тѣ изъ нихъ, въ которыхъ была выражена наиболѣе рѣзкая правда и которые написаны были самымъ смѣлымъ языкомъ. Сфера моихъ идей расширялась все болѣе, мое собственное счастье и обязанности, съ исполненіемъ которыхъ это счастье могло быть связано, очень рано начали занимать меня; потребность въ знаніи заставила меня затѣмъ съ жадностью изучать исторію и бросить взглядъ на все, что меня окружало; отношенія рода человѣческаго къ Божеству, столь различно понимаемому, обставленному мелочами, изуродованному, возбудили мое вниманіе; наконецъ интересы людей, соединенныхъ въ общества, и общественная организація, поглотили его всецѣло.

Среди сомнѣній, неизвѣстности и размышленій объ этихъ великихъ вопросахъ, я скоро пришла къ убѣжденію, что единство личнаго я, если можно такъ выразиться, то есть возможно полная гармонія между убѣжденіями и поведеніемъ, необходимо для личнаго удовлетворенія. Необходимо слѣдовательно хорошенько изслѣдовать то, что справедливо, и разъ это справедливое сознано, строго осуществлять его въ жизни. Человѣкъ обязанъ соблюдать извѣстнаго рода справедливость по отношенію къ самому себѣ, хотя бы онъ жилъ одинъ на свѣтѣ; необходимо упорядочивать собственныя привязанности, привычки, чтобы не быть рабомъ ни одной изъ нихъ. Человѣческая личность хороша сама по себѣ, когда всѣ части ея содѣйствуютъ ея сохраненію, поддержанію


WIDENER
BOOK DUE
AUG 1 2 1981
1225515
JUN 28 1988
2715927
CANCELLED
FEB 6 1987
2196775